(Годъ шестнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. **1.**

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1877 годовъ Русскаго Архива

(Въ 1873 и 1874 годахъ Русскій Архивъ составлялъ по двѣ большія книги, а въ 1875, 1876 и 1877 годахъ по три).

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова. — Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки **Н. И. Греча**.—Записки **графа І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ. — Бумаги **П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева**. — Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

*

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**. — Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго** — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **графини Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

*

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

(См. на внутренней сторонѣ задней обертки).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1878.

I.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

(1878).

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Типографія П. А. Лебедева, Донская, Зоркиной
1878.

Переписка Петра Перваго съ патріархомъ Адріаномъ.

1697.

Извѣстно, что послѣдній патріархъ былъ избранъ и возведенъ на это мѣсто (въ 1690 г.) не совсѣмъ по желанію Петра, который, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ освященнаго собора, желалъ сдѣлать патріархомъ Псковскаго митрополита Маркелла, человѣка ученаго и образованнаго, но долженъ былъ уступить желанію матери своей царицы Наталіи Кириловны и ея сторонниковъ: митрополитъ Казанскій Адріанъ, старецъ «ветхій деньми», простой, но добрый и смиренный, былъ возведенъ на «превысочайшую степень» патріаршества. Петръ, уже глядѣвшій зорко вдаль, не сочувствуя этому избранію, не слишкомъ однако безпокоился за его послѣдствія, ибо зналъ свойства избраннаго. Молодой государь всегда относился къ старцу-патріарху довольно благосклонно и, во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ нимъ, оказывалъ уваженіе, подобающее его сану и лѣтамъ, не опасаясь ни мало со стороны патріарха помѣхъ своимъ преобразовательнымъ планамъ, которые, впрочемъ, до кончины патріарха Адріана, еще мало касались церкви и ея древняго устройства. Отправляясь въ 1697 году въ свое первое заграничное путешествіе, инкогнито, въ свитѣ своего «великаго посольства», подъ именемъ «Петра Михайлова», царь взялъ благословеніе отъ маститаго патріарха. Живучи въ Амстердамѣ, онъ обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими письмами. Отвѣтъ царя на первое письмо къ нему патріарха имѣетъ оффиціальное значеніе. Изъясняя главѣ Русскаго православнаго духовенства великую цѣль своего долговременнаго пребыванія за границею желаніемъ «добраго пріобрѣтенія морскаго пути», чтобы потомъ предпринять войну противъ «враговъ Христова имени» Турокъ и «явиться, съ помощію Божіею, освободителемъ тамъ сущихъ христіанъ», и обѣщая «желать сего до своего послѣдняго издыханія», царь, очевидно, надѣялся этимъ торжественнымъ заявленіемъ, лучше всякаго инаго толкованія, возбудить симпатіи къ своимъ новымъ затѣямъ со стороны высшаго духовенства и сдѣлать его вѣрнымъ истолкователемъ народу пользы его заграничной поѣздки, на которую (какъ онъ зналъ) косо и подозрительно смотрѣли всѣ приверженцы Русской старины, съ патріархомъ во главѣ.

Въ первомъ и второмъ письмахъ къ патріарху Петръ, въ тѣхъ же видахъ, сообщаетъ старцу-святителю свѣжія «новины» о побѣдѣ надъ невѣрными со стороны *Цесарцевъ*, а въ третьемъ письмѣ, для полноты-ли свѣ-

дѣній или просто «курьёза ради», посылаетъ патріарху переводъ изъ Нѣмецкихъ курантовъ или вѣдомостей султанскаго указа, посланнаго изъ Бѣлграда для обнародованія въ Царьградѣ, по случаю нанесеннаго Туркамъ пораженія. Этотъ «постный, молитвенный и покаятельный указъ» дѣйствительно «курьёзенъ».

Повторяемъ, все это не лишено значенія для историка первыхъ лѣтъ царствованія преобразователя Россіи и потому самому заслуживаетъ быть сохраненнымъ отъ забвенія не въ отрывкахъ, а въ совокупности.

Архимандритъ Леонидъ.

I.

ПИСЬМО ПАТРІАРХА АДРІАНА КЪ ПЕТРУ ПЕРВОМУ.

Возлюбленному намъ въ церкви святѣй православному сыну Петру Алексѣевичу о Господѣ радоватися и любительное поздравленіе!

Благопріятно всетворящему Богу всякое въ человѣцѣхъ добродѣйство, имъ же присносущней небесной жизни спѣяніе имамы вси, его же твоей любви преискреннѣ во многолѣтствіи усердствуемъ, по премногу тебѣ всюду благополучество въ предстательствѣ Приснодѣвы Богородицы Маріи и всѣхъ святыхъ желаемъ, наипаче же да созерцаемъ сладостное лице твое въ мирѣ и въ тишинѣ возвратившагося во своя; ничтоже бо ино въ попеченіи имамы, развѣ сіе, да обогатимся сыновскою твоею любовію самоличнѣ и радованіе извѣстнѣе пріимемъ: ибо вси непрестанно бдимъ и ушеса отверзаемъ слышати и очеса простираемъ видѣти на пришествіе твое, да благоздравіемъ твоимъ вси мы домашніи утѣшимся, его же даждь Боже, даждь. Мы еще благодатію Іисусъ-Христовою жизньствуемъ, аще и часто въ немощи и попечительствѣ о домовствѣ врученномъ намъ обрѣтаемся, и въ твоемъ домѣ милостію Божіею здравствуютъ.

Изъ Москвы, 7205 году Августа 13 дня. Адріанъ архіерей поклоненія творитъ и писанія посѣтительнаго требуетъ всегда.

Подпись: «Господину Петру Михаилову сіе да вручится».

II.

ОТВѢТНОЕ ПИСЬМО ПЕТРА ПЕРВАГО КЪ ПАТРІАРХУ АДРІАНУ.

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ его царскаго величества къ святѣйшему патріарху Адріану писано:

Вашего архипастырства писаніе, Августа 13-го дня писанное, мнѣ отдано Сентября въ 9-й день 1697 года, отъ сотворенія жъ свѣта 7206, изъ котораго выразумѣлъ вашей святости доброжеланіе и молитвы, за что стократно благодарихъ вашу персонь. О насъ же, аще соизволишь вѣдать, и мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы. Послѣдуя слову Божію, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся и то чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ-Христа побѣдительми, а христіанъ тамо будущихъ освободительми, благодатію Его, быти, чего до послѣд-

няго издыханія пожелавъ, церкви святѣй и вашимъ молитвамъ предаю себя.

(Писано его царскаго величества собственною рукою изъ Амстердама, Сентября въ 10 день 1697 года. Подпись: «вручить святѣйшему патріарху Адріану»).

III.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ПЕТРА ПЕРВАГО КЪ ПАТРІАРХУ АДРІАНУ.

Святѣйшій архипастырь Россіянъ! Чиню вашей святости во извѣстіе нѣкоторую новину: вчерашняго дня прислали Цесарскіе къ нашимъ (посламъ) дворянина съ такою вѣдомостію, что Господь Богъ подалъ побѣду войскамъ Цесарскимъ на Турокъ такъ, что Турки въ трехъ окопахъ отсидѣтися не могли, но изо всѣхъ выбиты и побѣжали было чрезъ мостъ, но Цесарцы со своихъ батарей по мосту стрѣлять стали, и видя Турки то, стали бросаться въ воду, а Цесарцы сзади рубить. Такъ въ конецъ Турокъ побили и обозъ взяли. На томъ бою убито Турокъ 10 или 12.000, межъ которыми великій визирь и янычесской ага; а иные сказываютъ, будто и салтанъ убитъ, но про то подлинно не вѣдаютъ. На томъ же бою взято 72 пушки мѣдныхъ, 6000 телѣгъ. Генералисимусомъ надъ Цесарскими войсками былъ арцибископа Савойскаго братъ, молодой человѣкъ, сказываютъ, 27 или 28 лѣтъ. А какъ тотъ бой начался и вершался, порядкомъ еще не вѣдаютъ, и съ сею вѣдомостью пріѣзжалъ нарочно гонецъ изъ Вѣны наскоро.

(Притомъ приписано его величества собственною рукою: «Поздравляю съ тріумфомъ, желаемъ вамъ отъ Господа Бога во всякомъ добромъ состояніи благовременнаго житія» 7206..... изъ Амстердама, Октября 13-го 1697 года).

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ПЕТРА ПЕРВАГО КЪ ПАТРІАРХУ АДРІАНУ.

(Со слѣдующею почтою прислано дополненіе къ предшествующему письму, на имя патріарха, которое состоитъ въ слѣдующемъ: «тогожъ 7206 году Октября въ 21 день писано изъ Вѣны въ Амстердамъ»).

Убито: Везирь.........да янычесской ага. Турковъ побито и потонуло 22.000 человѣкъ, ранено 5000 человѣкъ; въ обозѣ на бояхъ взято: пашей 27 человѣкъ, на везирѣ печать салтанская.

У конницы и у пѣхоты взято: 5000 знаменъ, 122 пушки, 148 паръ литавръ, салтанской наметъ цѣна 4000 золотыхъ, 10 женъ салтанскихъ, 16000 возовъ съ запасы, 5000 шатровъ и палатокъ, 12000 буйволовъ, 15000 лошадей.

Цесарскаго войска убито 500 человѣкъ, ранено толикое жъ число.

*

ПО ПЕРЕВОДУ СЪ НѢМЕЦКАГО ПИСЬМА ДЕКАБРЯ 9-ГО ДНЯ 1697 ГОДА ВЪ АМСТЕРДАМѢ (ПРИСЛАННОМУ КЪ ПАТРІАРХУ ВЪ МОСКВУ).

Указъ нынѣ государствующаго салтана Турскаго, которой онъ въ 30-мъ числѣ Сентября изъ Бѣлагорода по претерпѣнномъ великомъ побіеніи войскъ своихъ въ Венгерской землѣ отъ христіанскаго цесаря въ Царьградъ послалъ. Магметъ-салтанъ-Солимана, отъ Востока и до Запада солнца великаго цесаря и великаго пророка Магомета наслѣдника въ государствѣ, постной и молитвенной и по-

каятельной указъ, которой вышепомянутый салтанъ мѣсяца Сентября въ 30 день 1697 году изъ Бѣлагорода въ Царьградъ, ради полученнаго неописаннаго великаго побитія своихъ войскъ, послалъ.

Признаваетъ великій государь Турскій руку Божію надъ своими землями, подданными и королевствы, понеже оные отъ непріятелей его христіанъ такое наступленіе и утѣсненіе терпятъ и на водѣ и на сухомъ пути, толь многократно побѣждени суть и въ краткое время великія земли потеряли. Причина же тому, мнитъ онъ, что онъ много на великую силу свою и на учиненный союзъ противъ христіанскаго цесаря уповалъ. И того ради утоленія Божія и великаго пророка своего Магомета гнѣва, повелѣваетъ и учреждаетъ, дабы въ первый въ пятокъ новаго мѣсяца, такожъ 5-го и 6-го и 7-го мѣсяцевъ, всѣ во весь день постилися, до восхожденія звѣздъ на небеси не пили, ни ѣли. Муѳтію жъ и сослужителемъ его въ тѣжъ дни во вретище облеченнымъ и веревками подпоясаннымъ быти, такожъ потупя главы и склоча бороды, съ жалобнымъ воплемъ, сперва на явственныхъ улицахъ, потомъ въ мольбищахъ кричати: аагипъ, алла, алла, то есть «о чудный Боже, Боже!» Въ мечетѣ вынять великаго пророка скрыню или гробъ и, поставя на сребреномъ столѣ, кадити, купно съ 25-ю и иными хранилищами, въ которыхъ сильныхъ умершихъ слугъ на бояхъ побитыхъ спаговъ кости лежатъ, дабы ихъ пророкъ, такое ихъ великое побіеніе къ сердцу воспріялъ и гнѣвъ великаго Бога утишилъ. Сіе по вся пятки чинить, и егда помянутые гробы на полѣ выставлены будутъ, и тогда надлежитъ ихъ всѣмъ пришельцамъ и жителямъ, также всѣмъ караванамъ седмью круговъ обходить, плакать и кричать и ни въ какіе инструменты не трубить, но всѣ бы въ пеплѣ и въ вытіи были; въ послѣдній же день поста того учинить процессію на 20 миль отстояніемъ и такой послѣдующей поведеніемъ оной быти:

1.

Нести сундукъ съ мертвыми костьми, съ сокрушенными саблями, связанными пищалями, разбитыми луками и колчанами, 6000 человѣкамъ во вретищахъ и въ веревкахъ одѣяннымъ, босымъ и безъ чалмъ.

2.

3000 человѣкамъ мусульманамъ, кровію и пепеломъ покропленымъ, съ плачемъ и воплемъ и вытіемъ идти и одѣяніе терзати.

3.

6000 человѣкамъ до половины нагимъ, плечи свои и перси терніемъ тако бити, дабы кровь текла на землю и потомъ не обтираться.

4.

3000 человѣкамъ спагамъ безъ чалмовъ съ висящими бородами пророческую скрыню въ среднѣ той процессіи нести и притомъ 300 пашамъ со обнаженными саблями кругомъ идти, и естлибъ кто дерзнулъ на помянутую скрыню очами воззрити, того-бъ они срубили и тѣло его псомъ повергли.

5.

30 пашамъ идти, и они бъ на всякой мили по христіанскому невольнику, да по Жиду рубили и ихъ тако въ крови мертвыхъ лежащихъ оставили.

6.

30 пашамъ изъ кровины бѣсовское украшеніе: въ чалмахъ черныхъ, въ полотняныхъ и одинокихъ суконныхъ плащахъ, напредъ въ крови Жидовской по плечамъ обмоченныхъ, быть; и каждой изъ нихъ завязанъ по рукѣ назадъ, безъ сабли идти, а вмѣсто сабель верблюжьи хвосты, которые бъ до земли висѣли, привязаны.

7.

3000 янычарамъ безъ всякаго оружія и сбруи, палки въ рукахъ имѣя, за ними идти, и тѣ палки за собою по землѣ волочить и кричать: «алла вида расменъ элла», то есть «покажи намъ свое милосердіе».

8

Послѣдовать за тѣми сундукамъ съ деньгами, аспрами, которые на землю сыпать, но убогимъ до окончанія той процессіи отнюдь не брать, а естьли кто возметъ, на колъ посаженъ будетъ.

9.

Послѣди же всему народу ту процессію сопровождать, а послѣди того народа тремъ человѣкомъ Туркомъ сантонѣмъ, то есть святымъ пустынножителямъ, ножами руки, перси и лица свои рѣзать, дабы кровь на землю текла и землю возмочила, а на всякую же милю руцѣ имъ къ верху подносить и класть на христіанъ или отмстительное заклинаніе сице выкликать: «алла, экфая, алла ирухмалю то есть, «довольно, о Боже. ты милосердый» и прочая.

(Изъ рукописнаго Лѣтописца)

Императрица Елисавета Петровна и ея записочки къ Василію Ивановичу Демидову.

Собственноручныхъ бумагъ Елисаветы Петровны сохранилось очень мало, и потому нижеслѣдующія цѣнны какъ великая рѣдкость. Подобно многимъ другимъ государямъ, своимъ современникамъ (изъ которыхъ исключеніемъ является Фридрихъ Великій) Елисавета Петровна не прилежала къ письменному дѣлу, и ея правительственныя занятія состояли преимущественно въ выслушиваніи докладовъ, въ апробаціи или соизволеніи на представляемыя рѣшенія, въ присутствіи на засѣданіяхъ такъ называемой Конференціи и въ словесномъ обсужденіи дѣлъ съ главными лицами правленія; она писала, какъ писали почти всѣ тогдашніе грамотные люди, и относительно правильности не хуже Екатерины II-й. Вообще же надо замѣтить, что блескъ Екатерининскаго царствованія затмилъ собою въ глазахъ потомства свѣтлыя стороны Елисаветы Петровны и ея времени. Лишь въ наши дни историческое безпристрастіе, въ лицѣ С. М. Соловьева, воздало Елисаветѣ Петровнѣ подобающую ей честь, а изданіе въ свѣтъ первыхъ семи томовъ «Архива Князя Воронцова» дало возможность ближе познакомиться съ достопамятными дѣятелями и правительственною мудростью Елисаветинскаго царствованія. Что касается до ея страсти къ нарядамъ, выражающейся въ нижеслѣдующихъ записочкахъ, то она объясняется общимъ направленіемъ того времени. Послѣ судорогъ Петровскаго времени и ужасовъ Бироновщины наступили дни тихаго, беззаботнаго житія, а съ ними и роскошь съ богатыми одѣяніями. Красавица-государыня долго принуждена была сдерживать эту женскую слабость по недостатку средствъ и для того, чтобы не возбуждать ревности въ невзрачной двоюродной сестрѣ своей, императрицѣ Аннѣ. По воцареніи своемъ Елисавета дала себѣ полную волю въ этомъ отношеніи: извѣстно, что число платьевъ простиралось у нея до нѣсколькихъ тысячъ; наши послы къ своимъ всеподданнѣйшимъ реляціямъ прилагали списки и обращики модныхъ товаровъ, и въ Парижѣ были наняты люди для выбора нарядовъ и доставленія ихъ въ посольскую канцелярію. Здѣсь кстати сказать, что превосходное изображеніе Елисаветы Петровны дано Державинымъ, въ его стихотвореніи «Царь дѣвица» (оно написано въ 1812 году).

Царь жила-была дѣвица,
Шепчетъ Русска старина:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.
Очи свѣтло голубыя,
Брови черныя дугою и пр.

Въ этомъ стихотвореніи Державинъ, первая молодость котораго протекла при Елисаветѣ, сообщаетъ многія черты Елисаветинскаго быта и времени и, если читать его съ этой точки зрѣнія, то все становится въ немъ понятно.

Подлинныя записочки Елисаветы Петровны сообщены въ Русскій Архивъ Анною Дмитріевною Риттихъ, урожденною Демидовою, праправнучкою того В. И. Демидова, къ которому писала Елисавета Петровна. Свѣдѣнія о Демидовѣ помѣщены ниже. *П. Б.*

1.

«Василій Ивановичъ».

«Ежели какая присылка будетъ отъ Дмитрія Андреевича [1]) или отъ господина Лестока, то прикажите, чтобъ подводы ни на минуту бъ не сдерживали и какъ возможно скорѣе къ намъ отправлять».

«Елисаветъ».

Декабря 25 дня 1744 году. Полученъ [2]) 27-го Декабря 1744 года, по полуночи въ 9 часу.

2.

«Прикажи Северину [3]) сдѣлать полшлафрокъ и юпку на булочку [4]) изъ самой лучшей пунцовой двойной тафты. Надѣюся, у васъ куплена есть. Также, ежели осталося широкаго плетешка серебрянаго, которой вы при отъѣздѣ моемъ отдавали портному; а ежели нѣтъ, то купите и немедленно отдайте портному, чтобъ на оное платье положилъ по швамъ, какъ на юпку, такъ и на полшлафрокъ, и оное платье завтра къ вечеру къ намъ бы прислано бъ было въ Гостилицу» [5]).

Получено чрезъ курьера Стрежнева 29 Маія по полудни въ 5 часовъ 1747 году.

3.

«Василій Ивановичъ».

«Вручителю сей записки отдайте безъ росписки двѣ тысячи».

«Елисаветъ».

Получено чрезъ Пимена Васильевича Лялина 30-го Маія 1747 году, и деньги ему отданы.

---

[1]) Шепелева, бывшаго при Елисаветѣ Петровнѣ оберъ-гофмаршаломъ.

[2]) Т. е. указъ.

[3]) Предку извѣстнаго дипломата. И такъ А. С Пушкинъ былъ правъ, когда писалъ сему послѣднему въ 1824 году:

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ....
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

[4]) Не называлась ли такъ собачка императрицы?

[5]) Извѣстное имѣніе графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго близъ Петергофа.

4.

«Увѣдомилась я, что корабль Французской пришелъ съ разными уборами дамскими, и шляпы шитыя мужскія, и для дамъ мушки, золотыя тафты разныхъ сортовъ, и галантереи всякія золотыя и серебряныя: то вели съ купцомъ сюда прислать немедленно. А первые товары, которые я въ Царскомъ Селѣ отобрала, алые, бруснишные безъ серебра и голубые съ серебромъ палантины со всѣмъ уборомъ, ничего сюда не присланы. И ежели оные проданы, немедленно оныхъ отобрать и деньги заплатить и прислать все ко мнѣ. А впредъ, когда что отберу, то лучше въ одно мѣсто складывать, дабы опять такой ошибки не было; а ежели посланница Саксонская что изъ этихъ вещей купила, то къ ней не посылать и не требовать, и купцу отъ нея не брать».

28-го Іюля 1751 году, изъ Петергофа.

5.

[6]) «Призови купца къ себѣ, для чего онъ такъ обманываетъ, что сказалъ, что всѣ тутъ лацканы и крагены, чтò я отобрала; а ихъ не токмо всѣ, но и ни единаго нѣтъ, которые я видѣла, а именно алые. Ихъ было больше двадцати, и при томъ такіе же и на платье, которые я всѣ отобрала, и теперь ихъ требую: то прикажи ему сыскать и никому въ угодность не утаивать. А ежели, ему скажи, онъ утаитъ, моимъ словомъ, то онъ несчастливъ будетъ, и кто не отдастъ. А я на комъ увижу, то тѣ равную часть съ нимъ примутъ. А я повелѣваю всеконечно сыскать всѣ и прислать ко мнѣ немедленно, кромѣ Саксонской посланницы, а прочіе всѣ должны возвратить. А именно у щеголихъ, надѣюсь, они куплены, у Семена Кириловича [7]) жены и сестры ея, у обѣихъ Румянцевыхъ: то вы сперва купцу скажите, чтобъ онъ сыскалъ, а ежели ему они не отдадутъ, то вы сами тогда послать можете и указомъ взять моимъ».

30-го Іюля 1751 году, изъ Петергофа.

6.

«Указъ изготовь въ Соляную Контору и вели завтра въ седьмомъ часу утра привезть пятнадцать тысячъ рублей прямо ко мнѣ».

Василій Ивановичъ Демидовъ, къ которому писала императрица Елисавета, получилъ отъ нея дворянское достоинство, и въ дипломѣ на оное означено, что онъ «служилъ съ 1709 года у разныхъ приказныхъ статскихъ и воинскихъ дѣлъ по 1725 годъ, а въ томъ году пожалованъ въ секретари при покойномъ генералѣ фельдмаршалѣ князѣ Репнинѣ къ полевой арміи, въ рангъ капитана-поручика; въ 1735 г. опредѣленъ въ Военную Коллегію, чрезъ два года пожалованъ оберсекретаремъ въ Сенатъ въ рангъ полковника, въ 1741 г.

[6]) Сначала было написано и зачеркнуто: «Я удивляюся, что ты такому».

[7]) Нарышкина, Марья Павловна, ур. Балкъ-Полева; сестра ея, Матрена была за извѣстнымъ Сергѣемъ Васильевичемъ Салтыковымъ.

въ рангъ бригадира, а въ 1742 г. Декабря 7-го (т. е. вслѣдъ за воцареніемъ Елисаветы) опредѣленъ въ Кабинетъ, и въ 1748 году пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ въ рангъ генерала-майора». Сынъ его (Иванъ Васильевичъ, женатый на Ѳеклѣ Петровнѣ Морозовой), внукъ (Алексѣй Ивановичъ, женатый на Козляниновой) и правнукъ (Дмитрій Алексѣевичъ, женатый на Спазиной) всѣ служили во флотѣ, первые два генералъ-цейгмейстерами, а Дмитрій Алексѣевичъ (†1864) участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Беллингсгаузена. Единственная дочь его Анна Дмитріевна Риттихъ сберегла, какъ семейную святыню, бумаги своего прапрадѣда.

Въ числѣ этихъ бумагъ находятся еще нижеслѣдующія.

I.

ДОКЛАДЪ В. И. ДЕМИДОВА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ СЪ ЕЯ ЗАМѢТКОЮ.

За подписные по таможнѣ товары, которые въ казну Вашего Императорскаго Величества приняты, надлежитъ отдать въ таможню на расплату купцамъ, которые неотступно требуютъ:

		Р. К.
	Торопчанину [8]) Евдокиму Безносову за 8½ кусковъ штофу золотомъ и серебромъ	2510—24½
	Абраму Жирадету за 15 кусковъ саржи десой (sic) и 20 кусковъ грезетовъ	3765—37¼
	Якову Гренину за 4 дюжины стулья	135—69
Потребны въ Царское Село.	Францу Бранку за 3 бочки разныхъ раковинъ	149—26
	Ягану Мишелю за два куска парчи и за 1 кусокъ перувіену и за 50 гарнитуровъ пуговицъ обшивныхъ, золотыхъ и серебряныхъ	1101—77½
	Ремберту за 8 кусковъ и 3 пробы штофовъ съ золотомъ и серебромъ	2171—2¼
	Дибою за 29 епанечь тафтяныхъ подъ лакомъ	569—89¼
	Беркузену за 1 окованную мѣдью скрынку на знатныя вещи устроенную съ потайными винтами	32—57
	Протету за 6 эгретовъ съ хрусталями	29—84¾
	Всего	10.465—67½

Рукою Государыни:

«Ежели у васъ эта Беркузена скрынка, то пришли къ намъ, также и тафту вчерашнюю съ битью, бархаты нерѣзные, пунцовый и голубой, да сѣтки на камзолы сдѣланныя сюда пришли, положа ихъ въ сундукъ».

---

[8]) Т. е. жителю города Торопца

2.

ПИСЬМО КЪ В. И. ДЕМИДОВУ ОТЪ ЯКОВА БАХИРЕВА.

Милостивый государь мой Василій Ивановичъ.

Сего числа Ея Императорское Величество изволила указать приложенную при семъ записку, писанную собственною Ея Императорскою Величества рукою, для исполненія послать къ вамъ, чего ради оная и послана; токмо чтобъ юпка сдѣлана была съ шлейфомъ, о чемъ именно изволила приказать, и о томъ особая записочка включена.

При томъ же Ея Императорское Величество указала къ вамъ отписать, чтобъ изволили выписать позументу по приложенному при семъ образцу два, да такого жъ поуже два жъ гарнитура. О чемъ донесши, съ должнымъ моимъ почтеніемъ пребываю, милостивый государь мой, вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга

Яковъ Бахиревъ.

Маія 29 дня 1747 года. Село Царское.

По письмамъ канцлера Бестужева (напечатаннымъ въ Архивѣ Князя Воронцова въ книгѣ второй) видно, что В. И. Демидовъ пользовался расположеніемъ знаменитаго графа Алексѣя Петровича. Онъ сопровождалъ Елисавету Петровну въ Кіевъ на богомолье и получилъ отъ архимандрита тамошней Лавры слѣдующее широко-вѣщательное свидѣтельство, отпечатанное церковными буквами на особомъ продольномъ листѣ, съ священными изображеніями и украшеніями. (Лавра тогда ликовала: первымъ лицомъ при Государынѣ былъ Малороссійскій уроженецъ, у матери котораго, своей свекрови, козачки Розумихи, Елисавета Петровна въ это лѣто гостила въ городѣ Козельцѣ).

Божіею милостію

Святыя, великія, чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія

Архимандритъ Тимоѳей.

Авраамское тщащійся постигнути отъ Бога благословеніе, Авраамскому, благопокорнымъ усердіемъ, оказатель писанія сего кабинетной совѣтникъ Василій Ивановичъ Демидовъ послѣдова нраву. Иже, исшедъ изъ дому своего, гласу благодати Вышняго внутрь зовущу его, пріиде въ Богомъ показанную преподобныхъ отецъ Печерскихъ землю, Іерусалимъ Россійскій, гору юже возлюби Богъ, наслѣдіе Богоматернее. И видѣвъ благость Божію, нетлѣнныя преподобныхъ мощи, главы мироточивыя святыхъ, красная преподобныхъ селенія, и походивъ по пещерамъ, руками святыхъ ископаннымъ и ногами утреннымъ, подобающую коемуждо тамо положенныхъ святыхъ съ вѣрою и любовію воздаде честь; себѣ же за труды неотъемлемое преподобныхъ отецъ благословеніе и молитвы отъ дому Господня пріемь, съ радостію духовною возвратися во свояси, славя дивнаго во святыхъ Своихъ Бога, вся по желанію сердца его добрѣ устроившаго. И имѣетъ отъ насъ просимое о богоугодномъ своемъ дѣлѣ листовное свидѣтельство, еже всякъ чтущій же и слышащій, яко свободнаго оказателеви онаго путешествія да не возбраняетъ, тако и страннолюбнаго,

яко странному, у себя имѣти, молимъ, да не отрицаетъ угощенія: вѣдый, яко пріемый странника мзду и самъ странническую пріиметъ и тогожде съ нимъ сподобится отъ Бога благословенія, якое получити всякому хотящему молитвеннѣ усердствуемъ.

Данъ въ святой великой чудотворной Лаврѣ Кіевопечерской.

Въ лѣто отъ созданія міра 7159, отъ воплощенія же Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа 1744 мѣсяца Сентемврія 11 дня.

Вышепоименованный архимандритъ рукою власною [9]).

Любопытно знать, продолжаетъ ли нынѣ Кіевская Лавра выдавать подобныя свидѣтельства; но въ Іерусалимѣ и вообще на Востокѣ, сколько намъ извѣстно, они до сихъ поръ выдаются.

*

Въ заключеніе надо замѣтить, что В. И. Демидовъ не состоялъ въ родствѣ съ Демидовыми, которыхъ подробная генеалогія напечатана въ Русскомъ Архивѣ 1873 года и представителемъ которыхъ служитъ нынѣ князь П. П. Санъ-Донато. Въ отличіе отъ этихъ Петровскихъ Демидовыхъ, другіе Демидовы, которыхъ можно назвать Елисаветинскими, имѣютъ особый гербъ, изображенный при упомянутомъ выше дипломѣ и описанный такъ: «Въ золотомъ полѣ голубой столпъ съ наложенною на немъ серебряною садовою при корнѣ отрѣзанною лиліею. Надъ щитомъ, открытый, къ правой сторонѣ обращенный, стальной полированный дворянскій шлемъ о трехъ обручахъ, украшенный дворянскимъ бурлетомъ и двумя сверхъ онаго распростертыми золотыми крылами, на которыхъ повторенъ тотъ же голубой столпъ съ изображенною на немъ вышеписанною серебряною садовою лиліею. По сторонамъ щита опущенъ шлемовой наметъ голубаго цвѣта, съ правой стороны подложенный золотомъ, а съ лѣвой серебромъ».

Намъ неизвѣстно, существуутъ ли мужскіе потомки Василія Ивановича Демидова. *П. Б.*

---

[9]) Т. е. собственною.

Письма императрицы Екатерины Второй къ князю Дмитрію Михаиловичу Голицыну.

I.

«Monsieur le prince Galitzin. Il y a déjà longtemps que j'ai voulu vous témoigner mon contentement de l'application avec laquelle vous veillez au bien de mon service. Je m'en acquitte aujourd' hui par ces lignes. Soyez assuré que rien ne m'échappe des attentions que vous y mettez; je ne laisserai point aussi échapper les occasions qui se présenteront de vous témoigner ma satisfaction. Continuez moi le zèle que vous ne discontinuez de mettre dans votre carrière, et je serai toujours avec affection».

«Catherine».

«à St.Pétersbourg, ce 10 d'Octobre 1770».

Переводъ. Господинъ князь Голицынъ. Я уже давно желала выразить мое удовольствіе по поводу прилагаемаго вами ко благу службы моей усердія. Сими строками я исполняю это желаніе. Будьте увѣрены, что я слѣжу внимательно за вашими трудами и не пропущу случая оказать вамъ, какъ я ими довольна. Продолжайте также ревностно проходить ваше поприще, а я навсегда останусь вамъ доброжелательная Екатерина. Спб. 10-го Октября 1770.

2.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Лифляндскій генералъ-губернаторъ генералъ Броунъ проситъ насъ, дабы мы вамъ дали знать, что естьли дворъ, у котораго вы находитесь, заблагоразсудитъ ему и дѣтямъ его дать Римской Имперіи графское достоинство, сіе не токмо намъ противно не будетъ, но напротивъ того, по причинѣ многихъ и долголѣтнихъ заслугъ сего нашего генерала, не инако какъ пріятно быть можетъ, о чемъ при случаѣ вы пристойнымъ образомъ отзываться можете, узнавъ чрезъ сіе наше о семъ дѣлѣ мнѣніе. Впрочемъ пребываемъ, какъ и всегда, вамъ доброжелательною

«Екатерина»

12 Іюля 1773. Петергофъ.

3.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Графиня Екатерина Михайловна Румянцова вамъ отдастъ реестръ нужныхъ и надобныхъ вещей, которой реестръ вы имѣете послать съ нарочнымъ къ князю Дмитрію Алексѣевичу Голицыну въ Гагу съ тѣмъ, чтобъ онъ старался съ помощью его княгини закупать по оному реестру и прислалъ бы закупя немедленно обратно съ тѣмъ же человѣкомъ. Для оной закупки

сдѣлайте ему, князю Голицыну, поговоря о семъ съ Фридрихсомъ и съ Ад. Вас. Олсуфьевымъ, кредитъ въ Голландіи отъ десяти до пятнадцати тысячъ рублей. Естьли же покупка переходила бъ сіи деньги, то велите князю Голицыну выслать на васъ вексель, кой здѣсь Фридрихсу заплатимъ [1]. Просимъ симъ не помедлить.

Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

Іюля 19 ч. 1773 г.

4.

«Князь Дмитрій Михайловичъ! Просилъ насъ нашъ генералъ-поручикъ фонъ Бауеръ, дабы, мы въ справедливомъ его въ Имперскомъ Совѣтѣ дѣлѣ, которое изъ приложеннаго при семъ его promemoria усмотрите, ему помогли старательствомъ вашимъ, гдѣ надлежитъ, на мѣстѣ. Мы, желая сему искусному и усердному намъ и Имперіи нашей генералу доставить правосудіе въ неоспоримо ему принадлежащей знатной части его имѣнія, чрезъ сіе предписываемъ вамъ приложить стараніе, дабы ему справедливость показана была, въ чемъ вы не токмо волю нашу исполните, но сіе же служить будетъ къ особливому нашему удовольствію и благоугодности. Пребываю къ вамъ впрочемъ доброжелательна».

«Екатерина».

«Августа 13 ч. 1773 г.».

«Изъ С.-Петербурха». Получено 15 Сентября.

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

„Петергофъ, Іюля $^{5}/_{16}$ дня 1774".

«Князь Дмитрій Михайловичъ!»

Прошу ваше сіятельство взять на себя стараніе о извѣстномъ, думаю, вамъ дѣлѣ, о заплатѣ долговъ Вѣнскаго двора Гессенъ-Дармштатскому дому [2]. Сей домъ, до владѣнія тестя моего, былъ всегда весьма привязанъ къ Вѣнскому и служилъ сему послѣднему охотно во многихъ случаяхъ. По такой-то причинѣ онъ и задолжалъ. Ваше сіятельство, употребясь въ семъ дѣлѣ, конечно, уповаю, скорѣе къ окончанію оное приведете, а чрезъ то услугу великую окажете родству моему, женѣ и мнѣ персональную. Я за оное ваше стараніе весьма вамъ одолженъ буду. Пребываю вашимъ благосклоннымъ»

«Павелъ».

5.

«Секретно».

«Князь Дмитрій Михайловичъ! Я вамъ чрезъ сіе предписываю и прошу всячески стараться, и буде за нужное разсудите, то дозволяю вамъ

[1] Это были закупки вещей къ первой свадьбѣ Павла Петровича, которая состоялась въ слѣдующемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Графиня Румянцова, родная сестра князя Голицына, къ которому Екатерина писала это письмо, была потомъ гофмейстериной великой княгини Натальи Алексѣевны.

[2] Изъ коего происходила первая супруга Павла Петровича, Наталья Алексѣевна.

адресоваться прямо къ его величеству императору Римскому именемъ моимъ и изъявить сему государю, что высокія его качества и всѣ въ разныя времена доходящіе сентименты его величества о Россіи и о особѣ моей возбудили во мнѣ довѣренность таковую, что приняла намѣреніе къ нему прямо производить просьбу, которая персонально меня много интересуетъ, а именно чтобъ его величество удостоилъ генерала графа Григорья Потемкина, много мнѣ и государству служащаго, дать Римской имперіи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту. Поручаю сіе дѣло вашему прилежному попеченію самолично; вы о семъ ни съ кѣмъ окромѣ со мною не имѣете производить переписку, а что̀ будетъ, о томъ мнѣ донесете прямо надписывая въ *собственныя руки*. Впрочемъ пребываю доброжелательна».

«Екатерина».

«Генваря 13 ч. 1776 г. С.-Петербургъ» [3]).

6.

«Князь Дмитрій Михайловичъ! Съ удовольствіемъ изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я успѣхъ порученнаго вамъ отъ меня дѣла касательно княжескаго достоинства Римской имперіи для князя Потемкина. Вы не оставите при пристойномъ случаѣ признательность мою засвидѣтельствовать его величеству императору и сколь мнѣ пріятно было видѣть въ семъ случаѣ дружеское его величества къ моему желанію уваженіе; вашимъ же трудамъ и поведенію отдаю совершенную справедливость, пребывая доброжелательна».

«Екатерина».

«Изъ Села Царскаго, Маія 3 ч. 1776».

7.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Зная охоту князя Кауница къ лошадямъ, приказала я послать къ нему одну Персидскую, каковую знатоки за превосходную въ родѣ своемъ почитаютъ, поручивъ отправленіе ея генералу-маіору Зубову, которой и отъ себя тутъ же для князя Кауница три лошади посылаетъ. Когда онѣ въ Вѣну приведены будутъ, вы ихъ ему доставьте. Пребываю вамъ доброжелательная

«Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 13 дня 1790.

Получено чрезъ прапорщика конюшеннаго Матисова, Сентября $^{7}/_{18}$ 1790.

8.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Благодарю вамъ какъ за трудъ вашъ въ доставленіи мнѣ двухъ портретовъ императора и императрицы Римскихъ, сдѣланныхъ въ камеяхъ, такъ особливо за присылку ва-

---

[3]) Письмо это писано вслѣдъ за возвращеніемъ двора изъ почтигодичнаго пребыванія въ Москвѣ, къ которому времени относится окончательное утвержденіе Потемкина въ милости у Государыни; 27 Февраля 1776 года онъ получилъ Римское княжество съ титуломъ свѣтлости.

шихъ рѣзныхъ камней, которымъ всѣ знающіе отдаютъ справедливость. Въ изъявленіе моей вамъ признательности посылаю вамъ табакерку съ моимъ портретомъ изъ пата, пребываю и пр.

«Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ, Іюля 11 дня 1791.

9.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Прошу васъ, по примѣру какъ вы мнѣ въ свое время доставили изъ Вѣны разные на камеяхъ портреты двухъ послѣднихъ императоровъ, заказать такіе же портреты вырѣзать, in taglio и en camée, нынѣ царствующаго императора [4]) и императрицы супруги его, и прислать ко мнѣ, увѣдомя о числѣ потребныхъ за оные денегъ, или же выславъ на Кабинетъ мой вексель. Пребываю всегда вамъ доброжелательная.

«Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ, Августа 19 дня 1792.

*

Письма эти списаны, благодаря просвѣщенному содѣйствію Николая Ивановича Стуковенкова, съ подлинниковъ, хранящихся въ Москвѣ въ Голицынской больницѣ и напечатаны съ дозволенія г-на попечителя оной, князя Сергія Михаиловича Голицына.

Голицынская больница въ Москвѣ представляетъ собою одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ частной благотворительности. Ея зданія и въ особенности церковь, выстроенныя Русскимъ человѣкомъ прошлаго вѣка Козаковымъ (онъ же строилъ Кремлевское помѣщеніе нынѣшняго судебнаго вѣдомства), принадлежатъ къ числу немногихъ въ Россіи произведеній высокаго зодчества (алтарь церкви перестроенъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи). Одна изъ залъ, въ зданіи фельдшерскаго училища, украшена превосходными портретами царственныхъ лицъ, учредителя и его родственниковъ. Великолѣпный садъ, размѣры учрежденія и вся обстановка поистинѣ величавы и свидѣтельствуютъ о широтѣ замысла и о самобытномъ настроеніи учредителя (князя Дмитрія Михаиловича) и исполнителя его воли (двоюроднаго его брата князя Александра Михаиловича), которые оба лежатъ подъ сводомъ храма Голицынской больницы. *П. Б.*

---

[4]) Т. е. Леопольда.

Письмо князя Потемкина къ Екатеринѣ II-й

при полученіи драгоцѣннаго лавроваго вѣнка за покореніе Бендеръ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Лавровый вѣнецъ, высочайшій даръ Божіей Помазанницы, я полулучилъ съ преисполненнымъ благодарности сердцемъ, возложилъ его на алтарь Господень и привнесъ теплыя молитвы.

Милосерднѣйшая мать! Ты уже излила на меня всѣ щедроты, а я еще живъ! Но вѣрь, Августѣйшая Монархиня, что сія жизнь будетъ тебѣ жертвою всегда и вездѣ противъ враговъ твоихъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрный и благодарный подданный

Князь Потемкинъ-Таврическій.

23 Января (1790). Яссы.

Это знаменитый вѣнокъ изъ брилліантовъ и изумрудовъ, который посланъ Екатериною князю Потемкину за покореніе Бендеръ, при письмѣ отъ 20 Декабря 1789 года. Онъ упоминается Державинымъ въ его Водопадѣ:

Потухъ лавровый твой вѣнокъ....

Изъ донесеній В. С. Попова Екатеринѣ Второй о болѣзни и кончинѣ князя Потемкина.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Болѣзненныя страданія его свѣтлости князя Григорія Александровича съ прибытія сюда часъ отъ часу стали было уменьшаться, оставляя по себѣ только крайнюю слабость, но съ 3-го дня сего мѣсяца показался опять жаръ, и его свѣтлость проводилъ ночь въ безпрестанной тоскѣ, которая и въ слѣдующій день продолжилась; въ ночь на 5-е число князь не могъ тоже уснуть: жаръ и тоска мучили его несказанно до самаго полдня.

Всемилостивѣйшее письмо в. и. в., вчера черезъ маіора Драшковскаго полученное, и милосердое въ ономъ соболѣзнованіе тронули его свѣтлость до слезъ, и сіе много подѣйствовало: жаръ началъ умаляться; прошедшую ночь заснулъ его свѣтлость весьма хорошо и сегодня пробудился въ великомъ поту, который весьма былъ нуженъ.

Со вчерашняго вечера наступили здѣсь вѣтры равноденственные съ дождемъ. Сія перемѣна погоды, а при томъ строгая діета, кото-

рую князь хранитъ, не вкушая уже три дня никакой пищи, подаютъ весьма добрую надежду къ выздоровленію. Таковое воздержаніе его свѣтлости немало насъ обезпечиваетъ и въ разсужденіи рецидивы, которая впрочемъ здѣсь обыкновенна.

Доктора Тиманъ, Массотъ и штабъ-лѣкарь Санковскій попеременно не оставляютъ его свѣтлость ни на минуту. Они приписываютъ продолженіе болѣзни бывшимъ несноснымъ жарамъ, а болѣе накопившейся желчи. Для того и стараемся мы удалить все то, что только можетъ подать поводъ къ огорченію его свѣтлости, весьма для него въ настоящемъ положеніи опасному.

Не безвредна также для его свѣтлости и забота его чрезвычайная по долгу службы: всякій день по утру занимается князь слушаніемъ вступающихъ отвсюду дѣлъ, не въ состояніи будучи самъ читать, приказываетъ по онымъ разныя исполненія и когда только можетъ приподняться, то подписываетъ нужныя бумаги, хотя весьма слабою рукою.

6 Сентября, 1791.
Въ загородномъ домѣ при Яссахъ.

2.

1791 г. 25 Сентября. Яссы.

Отъ 21 Сентября до нынѣшняго дня князь Григорій Александровичъ подверженъ былъ безпрестаннымъ и жестокимъ страданіямъ. Всѣ признаки открывали тяжкую и мучительную болѣзнь. Горестныя его стенанія сокрушали всѣхъ окружающихъ его. Когда только боли унимались, то его свѣтлость начиналъ говорить о безнадежности своей жизни и со всѣми прощался, не внемля никакимъ нашимъ вопреки сего увѣреніямъ.

22-го Сентября его свѣтлость согласился принять слабительное, а 23—рвотное. Дѣйствіе сихъ лѣкарствъ было превосходное.

Сегодня въ полдень его свѣтлость уснулъ часа четыре и, проснувшись въ поту, почувствовалъ облегченіе.

Всѣ наличные здѣсь доктора держали консиліумъ о болѣзни его свѣтлости и о способахъ къ ея врачеванію и согласно положили давать его свѣтлости хину, которую онъ уже и принимаетъ.

3.

1791 г. 27 Сентября. Яссы.

Состояніе свѣтлѣйшаго князя, слава Богу, перемѣнилося въ лучшее. Прошедшую ночь проводилъ онъ безъ страданія, сонъ имѣлъ хорошій, проснулся спокойно, и сіе спокойствіе во весь день продолжается.

Доктора весьма довольны, всѣ ихъ признаки идутъ къ добру, и самъ князь пересталъ уже говорить о смерти.

Сегодня въ 12-мъ часу, его свѣтлость пріобщился Святыхъ Таинъ и послѣ того сталъ довольно веселъ.

Много принесло его свѣтлости радости и удовольствія полученіе вчера всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества письма и въ ономъ шубки и шлафрока. При напоминаніи высочайшаго ва-

шего величества имени всегда льются обильныя слезы изъ глазъ его. Крайняя слабость послѣ претерпѣнныхъ мученій не позволила много писать къ вашему императорскому величеству; но я надѣюсь, что съ первымъ курьеромъ его свѣтлость напишетъ болѣе.

4.

30-е число, день рожденія и имянинъ его свѣтлости, всѣ окружающіе его старались утѣшать его разными опытами усердія своего; нѣсколько разъ вспоминалъ онъ священное вашего императорскаго величества имя и горько плакалъ, воображая, что, можетъ быть, не будетъ имѣть счастія ваше императорское величество увидѣть. Таковое пролитіе слезъ не находили медики вреднымъ. Пароксизма сей день не было, и ночь его свѣтлость проводилъ то засыпая, то пробуждаясь.

1-го Октября съ самаго утра безпокоила его свѣтлость сильная мокрота, такъ что онъ едва могъ отплевываться; въ теченіе дня не было никакого другаго припадка, а только слабость чрезвычайная; съ вечера начался жаръ, который около полуночи такъ усилился, что его свѣтлость палъ въ обморокъ; остатокъ ночи были мы въ крайнемъ о немъ безпокойствѣ.

2-го Октября, около семи часовъ утра, его свѣтлость почувствовалъ облегченіе и сталъ спокоенъ. Я просилъ его свѣтлость убѣдительнѣйшимъ образомъ о принятіи хины, но ничто не можетъ преодолѣть совершеннаго его отъ нея отвращенія и, кажется, болѣзнь умножается при воспоминаніи о лѣкарствѣ. Теперь желаетъ его свѣтлость, чтобъ везли его отсюда въ здоровѣйшее мѣсто; но я не знаю, какъ тронуться ему отсюда, когда всѣ силы его изнурены до крайности.

2 Октября 1791. Яссы.

5.

На 3-е число сего мѣсяца его свѣтлость князь Григорій Александровичъ проводилъ всю ночь и до девяти часовъ утра въ такомъ состояніи, которое приводило въ отчаяніе всѣхъ медиковъ. Девять часовъ не находили они пульса. Его свѣтлость не узнавалъ людей, руки его и ноги были холодны какъ ледъ, и цвѣтъ лица весьма измѣнился. Къ полудню, благодареніе Богу, опасность миновала, но жестокость страданій его умножила въ немъ слабость. Не взирая на оную, его свѣтлость непремѣнно требовалъ, чтобъ везли его отсюда.

На 4-е число его свѣтлость проводилъ ночь довольно покойно и хотя сна совсѣмъ почти не было, но не было и тоски. Какъ выѣздъ изъ Яссъ назначенъ была поутру, то князь поминутно спрашивалъ: который часъ? и все ли готово? Едва только разсвѣтало, то, не смотря на крайнюю его слабость, не было возможности удержать его нѣсколько часовъ, пока бы разошелся бывшій тогда густой туманъ. Его свѣтлость приказалъ положить себя въ большія кресла и на оныхъ снести къ шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ великимъ трудомъ и положили. Тутъ князь подписалъ письмо къ вашему им-

ператорскому величеству, и въ 8 часовъ по полуночи пустился въ путь свой къ Николаеву. Съ его свѣтлостію поѣхали, но въ другихъ экипажахъ: графиня Александра Васильевна Браницкая, генералъ-поручикъ князь Голицынъ, генералъ-маіоръ Львовъ и оберъ-кригскомиссаръ Фалѣевъ, доктора Тиманъ и Массотъ и штабъ-лѣкарь Санковской.

Всю дорогу ѣхали тихо и въ два часа пополудни прибыли благополучно на первый ночлегъ въ село Пунчешты, въ 30 верстахъ отсюда; доктора удивляются крѣпости, съ которою его свѣтлость совершилъ переѣздъ сей. Они нашли у него пульсъ лучше и гораздо болѣе свѣжести въ лицѣ; жаловался только, что очень усталъ. Естьли его свѣтлость слѣдующую ночь проведетъ спокойно, то мы увѣрены о скоромъ его выздоровленіи въ Николаевѣ, тѣмъ паче, что его свѣтлость воспріялъ несумнѣнную въ томъ надежду, и сія надежда сильно въ немъ дѣйствуетъ.

4 Октября 1791. Яссы.

6.

Ударъ свершился, всемилостивѣйшая государыня! Свѣтлѣйшаго князя Григорья Александровича нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Поутру онъ сдѣлался очень слабъ, но приказывалъ скорѣе ѣхать; наконецъ, не доѣзжая большой горы, верстахъ въ 40 отъ Яссъ, такъ ослабѣлъ, что принуждены были вынуть его изъ коляски и положить на степи. Тутъ и испустилъ онъ, къ горестнѣйшему нашему сожалѣнію, духъ свой.

Въ горькомъ отчаяніи, сирый, оставленный, прибѣгаю подъ матерній покровъ твой.

Вашего императорскаго величества всеподданный Василій Поповъ.

5 Октября 1791.

7.

Всеподаннѣйше подношу вашему императорскому величеству описаніе докторское кончины его свѣтлости князя Григорья Александровича. Тѣло его ночью 5 дня сего мѣсяца привезено въ Яссы и поставлено въ его квартирѣ.

6 числа тѣло вскрыто и, по изъятіи внутреннихъ частей, бальзамировано.

Теперь дѣлаютъ пріуготовленія къ погребенію. Тѣло съ подобающею церемоніею на будущей недѣлѣ будетъ вынесено и отпѣто въ монастырѣ, въ Яссахъ находящемся и останется потомъ въ церкви до высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія. Покойный свѣтлѣйшій князь отзывался иногда роднымъ своимъ, что желаетъ погребенъ быть въ Чижовѣ, близъ Смоленска.

Тотчасъ по кончинѣ его свѣтлости всѣ бывшія у его свѣтлости денежныя суммы, коихъ у трехъ казначеевъ состояло 917.939 рубл., также и вещи, имѣющіяся на рукахъ одного кабинетъ-курьера и двухъ камердинеровъ, просилъ я запечатать, что̀ и исполнено обще генералъ-поручикомъ Потемкинымъ, генералъ-майорами Каховскимъ и

Рибасомъ и статскимъ совѣтникомъ барономъ Билеромъ. Все сіе и будетъ храниться за ихъ печатьми, дондеже высочайшее вашего императорскаго величества послѣдуетъ повелѣніе.

Октября 8 д. 1791. Яссы.

8.

Его свѣтлость покойный кн. Григорій Александровичъ, въ прошедшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ 10 дня. отпустилъ г. генерала аншефа князя Николая Васильевича Репнина по его просьбѣ въ Москву. Здѣсь хотя и оставался г. генералъ-аншефъ Михаилъ Ѳедотычъ Каменской, но безъ всякой команды и безъ объявленія о немъ въ арміи. А 18 Сентября послано отъ его свѣтлости повелѣніе къ командовавшему въ Тавридѣ г. генералъ аншефу Михаилу Васильевичу Каховскому, чтобъ онъ, поруча тамошнія войска генералъ-поручику Розенбергу, самъ слѣдовалъ для принятія здѣсь команды.

Какъ генералъ Каховской сюда еще не прибылъ, то я, вспоминая высочайшее изустное вашего и. в. заключеніе о генералѣ Каменскомъ и потому воображая сколь неблагоугодно будетъ в. и. в. вступленіе его въ начальство, вскорѣ по кончинѣ его свѣтлости явился къ нему и объявилъ, что команда здѣшняя поручена отъ его свѣтлости генералу Каховскому. Генералъ Каменской изъявлялъ неудовольствіе свое, для чего ему предпочтенъ младшій и остался въ размышленіи, но потомъ сообщилъ всѣмъ здѣшнимъ начальникамъ, что онъ вступилъ въ командованіе арміи.

Октября 8 дня 1791. Яссы.

9.

Въ самый день выѣзда изъ Яссъ его свѣтлости покойнаго князя Григорья Александровича, пріѣхалъ сюда генералъ-артиллеріи Польской графъ Потоцкой, а на другой день и гетманъ Польской графъ Ржевусскій, который однакожъ. оставшись за городомъ, жилъ скрытно въ деревнѣ. Они сражены были кончиною свѣтлѣйшаго князя и не знали что̀ дѣлать. Я видѣлся съ графомъ Потоцкимъ и осмѣлился, по прежнимъ свѣтлѣйшаго князя отзывамъ, увѣрить его о всемилостивѣйшемъ в. и. в. благоволеніи. Сегодня вручилъ онъ мнѣ два письма, одно свое, другое же графа Ржевусскаго для доставленія къ в. и. в. Завтра они ѣдутъ отсюда въ мѣстечко Ягловецъ на границахъ Галицкихъ, гдѣ и будутъ ожидать высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества.

Октября 8 дня 1791. Яссы.

Предсмертное письмо князя Потемкина къ Екатеринѣ II-й.

4 Октября 1791. Яссы.

(Чужою рукою). Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силъ болѣе переносить мои мученія; одно спасеніе остается оставить сей городъ, и я велѣлъ себя везти къ Николаеву. Не знаю, что̀ будетъ со мною.

(женскою рукою): вѣрный и благодарный подданный

(рукою князя Потемкина): я для спасенья уѣзжаю.

*

ПИСЬМО КНЯГИНИ ВАРВАРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ГОЛИЦЫНОЙ КЪ САРАТОВСКОМУ СОСѢДУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ КУРАКИНУ.

1791 года Октября 2-го дня. Яссы.

Сіе письмо мое, любезный мой другъ, будетъ служить вамъ доказательствомъ, что и въ самыя горестныя для меня минуты вы въ памяти моей заключаетесь. Но чѣмъ начну письмо мое къ вамъ? Несчастіе наше, думаю я, вамъ уже извѣстно. Я, обливаясь слезами, только вамъ и сказать могу, что вмѣстѣ съ благодѣтелемъ моимъ я всю надежду мою потеряла; и какъ будто нарочно, дабы чувствовала я всю тяжесть удара моего, онъ столь былъ ласковъ, милостивъ и благотворителенъ къ намъ! Ничѣмъ не занимался такъ, какъ только привести дѣла мои въ порядокъ и сдѣлать дѣтямъ моимъ впредъ состояніе хорошее. Отчасти уже и исполнилъ, а прочее не успѣлъ. Вы знаете сколько-нибудь меня, и то, что я имѣю сердце благодарное: потому и судить можете о теперешней моей горести. Вотъ, батюшка, вмѣсто тѣхъ утѣхъ и радостей, кои я, выѣзжая изъ деревни моей, себѣ имѣть представляла! Я, по окончаніи несчастной церемоніи, желала туже минуту оставить горестныя и несчастныя для меня Яссы; но время сдѣлалось здѣсь столь скверное, дожди безпрестанные, что, вытерпя уже три лихорадки, легко могла бы получить и четвертую. Сіе меня остановило, а теперь сдѣлалась у меня въ горлѣ жаба, отъ которой лежу въ постелѣ; но ничто не помѣшало мнѣ, хотя посредствомъ бумаги, бесѣдовать съ другомъ моимъ.

Давно уже у меня изготовленъ для васъ кусокъ Турецкой шали понсоваго цвѣта. Видя, что всѣ мужчины закупаютъ для покрыши шубъ и для дѣланія плащей, сама вручу вамъ оной гостинецъ.

Московскія безобразія прошлаго вѣка.

1.

Тезоименитство, или день ангела Государя наслѣдника престола, великаго князя Петра Θеодоровича, въ послѣдствіи императора Петра III-го, праздновалось 29 Іюня, въ день св. апостоловъ Петра и Павла. Въ 1750 г., въ этотъ торжественный день, намѣстникъ Чудова монастыря, архимандритъ Варлаамъ, послѣ литургіи и молебна въ церкви, пригласилъ къ себѣ въ келіи на обѣдъ бывшихъ тогда въ Москвѣ присутствующаго Вятской Консисторіи архимандрита Іоасафа и секретаря оной Алексѣя Головкова. Къ обѣду приглашены были и другіе гости, какъ то Московской Консисторіи секретарь Филиппъ Донской и канцеляристъ Степанъ Харитоновъ, изъ Бѣлорусской епархіи строитель іеромонахъ Іоаннъ, Синодальнаго дома въ Москвѣ протодіаконъ Алексѣй Протопоповъ и нѣкоторые купцы. Обѣдъ начался по полудни въ первомъ часу и продолжался до третьяго часа; предъ обѣдомъ гости выпили по чаркѣ водки, а во время обѣда пили виноградное вино, пиво и медъ. Обѣдъ, какъ нѣкоторые изъ гостей послѣ отзывались, «для великоторжественнаго дня происходилъ въ веселіи»; но для секретаря Головкова обѣдъ этотъ имѣлъ непріятныя послѣдствія.

Въ жалобѣ Московскому архіепископу Платону (Малиновскому), находившемуся тогда, по званію члена Св. Синода, въ С.-Петербургѣ, секретарь Головковъ объяснялъ, что «послѣ обѣда того 29 Іюня въ келіяхъ Чудовскаго намѣстника сообщники секретаря Московской Консисторіи Филиппа Донскаго, взявъ его нижайшаго сзади за волосы и сбивъ съ ногъ, немилостиво рвали и тирански таскали; и то видя бывшій съ нимъ архимандритъ Іоасафъ, въ защищеніе отъ оныхъ озорниковъ, палъ на него Головкова, и за тѣмъ озорники, обходя кругомъ, били его Головкова по головѣ и по бокамъ топинками. Когда же онъ, Головковъ, по защищеніи архимандрита Іоасафа, всталъ и пошелъ въ заднюю келью къ намѣстнику просить защиты и обороны, то намѣстникъ сказалъ: поди вонъ! И тѣ же озорники въ средней кельѣ, гдѣ обѣдали, взявъ его Головкова за волосы, вторично сбили съ ногъ; а Іоасафъ, какъ прежде, для защищенія отъ побой, палъ на него, и озорники продолжали бить его Головкова по головѣ; и самъ намѣстникъ, вышедъ изъ задней кельи, пихалъ его подъ бока своими ногами немилостиво, такъ что у него Головкова отъ побой изъ ушей и гортани шла кровь; и когда, во избѣжаніе смертоубивства, онъ Головковъ ушелъ въ свою коляску и велѣлъ везти себя

на квартиру, то озорники въ постижку за нимъ гнались съ дубинами чрезъ весь монастырь до самыхъ воротъ и, естьлибы не ускорилъ изъ монастыря выѣхать на Ивановскую площадь, то бы, знатно, оные озорники убили его до смерти». При семъ Головковъ заявлялъ, что тѣ озорники при боѣ сорвали съ него шпагу съ тумпаковымъ ефесомъ цѣною въ 8 рублевъ, да «тальянской» платокъ съ шеи въ 2 рубля, коимъ злодѣи давили его, и естьлибы тотъ платокъ не сорвался, то бы до смерти его удавили.

Вятскій архимандритъ Іоасафъ (Потемкинъ) въ письмѣ къ преосвященному Платону подтверждалъ жалобу секретаря Головкова, объясняя, что зачинщикомъ и предводителемъ обиды Головкову былъ секретарь Московской Консисторіи Донской, по злоумышленности коего Головковъ былъ битъ въ келіяхъ намѣстника Чудова монастыря двукратно, и что онъ архимандритъ, во время побоевъ, не имѣя другаго средства къ защитѣ, палъ на шею Головкова и, елико возможно было, защищалъ его; токмо холопы Донскаго, не взирая ни на что, хотя оторвать Головкова, держащагося за него, сбили съ ногъ и его архимандрита.

Преосвященный Платонъ предписалъ Московской Консисторіи «жалобу секретаря Головкова изслѣдовать обстоятельно въ самую сущую правду, и кто по слѣдствію явится виноватъ, таковыхъ арестовать и держать въ Консисторіи неисходно до крайней до нихъ по силѣ правилъ церковныхъ и указовъ государевыхъ резолюціи».

По изслѣдованію оказалось: секретарь Филиппъ Донской къ Чудовскому намѣстнику 29 Іюня на обѣдъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ канцеляристомъ той же Консисторіи Степаномъ Харитоновымъ въ коляскѣ; при Донскомъ находился студентъ Никита Васильевъ, «бывшій у него въ домашней услугѣ яко холопъ». Во время обѣда между секретарями Донскимъ и Головковымъ происходили разговоры «о ихъ званіяхъ»; послѣ обѣда разговоры сдѣлались крупнѣе: Донской назвалъ Головкова Вятскою вороною и щенкомъ, а Головковъ Донскаго холопьимъ сыномъ, говоря, что въ домѣ господина Ивана Ивановича Бутурлина отецъ его Донскаго и братъ Ѳеодоръ доселѣ служатъ въ холопствѣ. Когда большая часть гостей, обѣдавшихъ у намѣстника, отправились домой, канцеляристъ Харитоновъ и конюшій Чудова монастыря Павелъ Степановъ, по наученію секретаря Донскаго, двукратно били Головкова; въ побояхъ помогала и келейная прислуга, но преимущественно дѣйствовалъ Донскаго зять канцеляристъ Харитоновъ. Донской во время побой отходилъ въ боковую келью; а послѣ побой, взошедши въ среднюю келью, сказалъ: «такъ-то, не обижай Вятскіе Московскихъ!»

Чудовскій намѣстникъ въ допросѣ показалъ, что онъ «не пихалъ Головкова», а приказалъ только честно вывести его изъ кельи за непристойныя слова, которыя тотъ произносилъ въ пьяномъ видѣ. Но свидѣтели не подтвердили отвѣта намѣстника о нетрезвости Головкова.

Преосвященный Платонъ, въ Августѣ тогоже 1750 г., получивъ изъ Консисторіи дѣло о побояхъ Вятскому секретарю Головкову въ кельяхъ Чудова монастыря, предписалъ: «секретаря Донскаго и канце-

ляриста Харитонова отрѣшить вовсе отъ должности ихъ въ Консисторіи». Лишенъ былъ должности и конюшій Степановъ. Намѣстникъ Варлаамъ, за допущеніе продерзостей въ своихъ келіяхъ, временно былъ запрещенъ въ священнослуженіи и арестованъ въ его кельи.

Отрѣшенный секретарь Филиппъ Донской того же 1750 г. въ Октябрѣ мѣсяцѣ поѣхалъ къ преосвященному Платону въ С.-Петербургъ, и тамъ, какъ писалъ преосвященный въ указѣ Консисторіи, «явившись съ повинною во всѣхъ оказавшихся предъ нами погрѣшеніяхъ, просилъ милостиваго прощенія». По сему приказано: «быть Донскому въ Консисторіи при отправленіи дѣлъ по прежнему». Донской въ тоже время просилъ милости и зятю своему канцеляристу Харитонову. Владыка въ томъ же указѣ предписалъ «по словесному секретаря Донскаго о зятѣ своемъ Степанѣ Харитоновѣ прошенію учинить слѣдующее: когда онъ Харитоновъ за продерзость и озорничество свое приметъ при другихъ канцеляристахъ плетьми наказаніе, тогда и его принять въ Консисторію и быть ему по прежнему канцеляристомъ». Эту милость Харитоновъ получилъ и былъ канцеляристомъ по прежнему.

2.

Подмосковнаго села Петровскаго-Разумовскаго управитель изъ Нѣмцевъ, Іоганъ Ѳадеевъ Эльбигъ, по неудовольствіямъ на причетниковъ того села, 23 Марта 1776 года, хотѣлъ на паперти церковной бить батожьемъ дьячка; дьячекъ слезами и поклонами умилостивилъ Эльбига и остался безъ побой. 13 Апрѣля того же года, Эльбигъ, призвавъ пономаря на конюшенный дворъ, велѣлъ раздѣть его донага и билъ батожьемъ и тростью.

Село Петровское въ то время принадлежало знатному барину, графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому. Нѣмецъ, управляющій имѣніемъ такой важной особы, не зналъ ни мѣры своей спѣси, ни степени своей дерзости. Вообще въ то время иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, надменные своимъ образованіемъ, часто мнимымъ, на нижній классъ людей смотрѣли свысока; а духовные въ сельскихъ приходахъ, получавшіе отъ помѣщиковъ наряду съ дворовыми людьми мѣсячину, т. е. ругу, или вмѣстѣ съ крестьянами воздѣлывавшіе землю, были трактуемы, особенно причетники, наряду съ крѣпостными людьми. Но въ 1775 г. Генваря, 21 на каѳедру Московской епархіи вступилъ архіепископъ Платонъ (Левшинъ). Онъ началъ употреблять всѣ мѣры къ возвышенію приниженнаго состоянія духовенства; происходя изъ причетническихъ дѣтей, онъ науками и отличными качествами достигъ высокой степени въ духовенствѣ, состоялъ членомъ св. Синода, и въ званіи законоучителя наслѣдника престола былъ близокъ ко двору.

Преосвященный Платонъ, получивъ свѣдѣніе, что въ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ управляющій хотѣлъ одного причетника высѣчь, а другаго высѣкъ, предписалъ мѣстному благочинному взять отъ управляющаго объясненіе объ его дерзостныхъ поступкахъ съ причетниками. Благочинный донесъ, что управляющій Эльбигъ, заста-

вивъ мѣстнаго села Петровскаго священника подать въ домовую графа Разумовскаго контору рапортъ, будто бы дьячекъ и пономарь ихъ села люди дурные, самъ по себѣ 9 Маія отрѣшилъ причетниковъ отъ церкви и выгналъ ихъ изъ села; а благочинному сказалъ, что и священника высѣчетъ, ежели увидитъ его дурные поступки. Преосвященный Платонъ предписалъ Консисторіи сообщить въ Губернскую Канцелярію, требуя непремѣнной сатисфакціи за обиду церковниковъ съ тѣмъ, чтобы Нѣмецъ за дерзновенный поступокъ былъ наказанъ по законамъ. Доколѣ надлежащая сатисфакція не будетъ дана, преосвященный служеніе въ церкви села Петровскаго воспретилъ; священника, за то, что подалъ рапортъ въ домовую контору, послалъ въ монастырь на недѣлю въ работу; а причетниковъ, чтобъ не остались безъ пропитанія, велѣлъ опредѣлить на другія мѣста.

Губернская Канцелярія 21 Сентября увѣдомила Консисторію, что управляющій села Петровскаго Эльбигъ сперва отказывался прибыть въ Канцелярію, отзываясь болѣзнію; потомъ далъ объясненіе, что онъ прикащикомъ опредѣленъ въ село Петровское съ тѣмъ, чтобы смотрѣть надъ всѣмъ домомъ и вотчиною графа, а кто изъ тамошнихъ людей окажется неисправнымъ по должности, тѣхъ, смотря по винѣ, неупустительно наказывать на тѣлѣ. Села Петровскаго дьячка хотѣлъ онъ высѣчь за то, что замѣтилъ неопрятность его въ церкви; а пономаря наказалъ розгами за то, что онъ ночнымъ временемъ изъ барскихъ хоромъ хотѣлъ выбить желѣзное очелье и схваченъ караульнымъ; но тотъ за безсиліемъ своимъ не могъ удержать его. Губернская Канцелярія просила Консисторію выслать дьячка и пономаря села Петровскаго въ Канцелярію для допроса. Преосвященный Платонъ велѣлъ Консисторіи сообщить въ Канцелярію, что «Нѣмецъ самъ въ битьѣ пономаря признался, и потому настоятельно требовать, чтобы онъ за сіе былъ оштрафованъ; а дьячка и пономаря туда отсылать не для чего: ибо естьли Нѣмецъ на пономаря доносить желаетъ, то долженъ о томъ представить въ духовной командѣ, гдѣ надлежаще изслѣдовано и по законамъ поступлено будетъ».

Между тѣмъ церковь въ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ оставалась безъ служенія. Главный управляющій имѣніями графа Разумовскаго статскій совѣтникъ Друговцовъ не разъ просилъ преосвященнаго Платона о разрѣшеніи службы въ церкви; но преосвященный отказывался за неразрѣшеніемъ дѣла о Нѣмцѣ Эльбигѣ. Въ Іюлѣ 1777 года Іоганъ Ѳадѣевъ Эльбигъ, именуя себя садовникомъ Нѣмецкой націи, въ поданномъ прошеніи преосвященному Платону прописалъ, что «онъ Эльбигъ, незнаніемъ по своему иностранству, а не умысломъ, погрѣшилъ предъ Богомъ и предъ нимъ владыкою; 1776 Апрѣля 13, пономаря села Петровскаго, противъ церковныхъ узаконеній, хотя въ погрѣшности обличеннаго, велѣлъ, какъ человѣка свѣтскаго, наказать розгами, чего никогда бы не осмѣлился сдѣлать и истинно не сдѣлалъ бы, ежели бы зналъ законы. Посему, усерднѣйше принося покаяніе и припадая къ священнымъ (?) стопамъ его

преосвященства, просилъ милостиваго прощенія; ибо Богъ не желаетъ погибели грѣшника, но чтобы онъ былъ исправленъ».

Преосвященный Платонъ на прошеніи Эльбига далъ резолюцію: «сей проситель отъ насъ, за его признаніе, прощается; а церковнику, котораго онъ сѣкъ, долженъ заплатить 10 рублей, и когда заплатитъ, то въ Губернскую сообщить, что онъ надлежащее удовлетвореніе церковнику учинилъ, и за тѣмъ духовная команда за его поступки болѣе не претендуетъ».

Нѣмецъ заплатилъ 10 рублей пономарю.

Н. Розановъ.

Къ исторіи отжившаго чиновничества.

Въ доброе старое время, предшествовавшее послѣднимъ реформамъ, немало было такихъ чиновниковъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе жутко приходилось Русскому обществу, особенно его низшимъ, безотвѣтнымъ классамъ. То было время, особенно въ XVIII столѣтіи и въ началѣ XIX, когда въ уѣздныхъ захолустьяхъ почти неограниченно господствовали капитанъ-исправники, городничіе и разные засѣдатели, практиковавшіе кулачное право въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Иные уѣздные чиновники, даже мелкіе, проявляли удивительную находчивость, умѣли, такъ сказать, на обухѣ рожь молотить, и такимъ образомъ, при самомъ ничтожномъ жалованьи, составляли себѣ значительныя состоянія и выходили въ люди. Были въ тоже время между чиновниками и такіе, не удавшіеся по службѣ, горемыки, которые по выходѣ въ отставку, вслѣдствіе праздности и неумѣлости во всякомъ дѣлѣ, принимались всячески кляузничать и строчить темному люду всевозможныя прошенія; или же, если имъ не удавалось доморощенное адвокатство, попросту надоѣдали всѣмъ письменными и устными жалобами на свою нищету и выпрашивали себѣ разныхъ подачекъ, такъ что ихъ иногда отдавали за это подъ надзоръ полиціи и высылали въ отдаленные города.

Мысль обо всѣхъ этихъ, въ настоящее время уже отжившихъ свой вѣкъ, обращикахъ чиновничества пришла намъ при разборѣ архива Тамбовскаго Губернскаго Правленія, въ которомъ нашлось нѣсколько «дѣлъ», довольно ярко характеризующихъ прежній чиновничій міръ. Чаще всего намъ попадались случаи чиновничьяго самоуправства, иногда соединеннаго съ замѣчательною жестокостью и самодурствомъ.

Вотъ нѣкоторые изъ дѣятелей добраго стараго времени.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія Спасскимъ капитанъ-исправникомъ былъ секундъ-маіоръ Рогожинъ, гроза и бичъ для тамошнихъ государственныхъ крестьянъ, съ которыхъ, собирая подати, онъ бралъ по 10 рублей съ души, вмѣсто одного узаконеннаго рубля. Когда сельское начальство села Боковаго-Майдана, разоренное вмѣстѣ съ другими своими односельчанами, перестало платить налоги въ казну г. Рогожина, то онъ 21 Іюня 1787 г. пріѣхалъ самъ въ это село. Остановившись въ лучшей сельской избѣ, Рогожинъ немедленно потребовалъ къ себѣ Майданскаго голову Бондарева, велѣлъ привязать его къ сохѣ и собственноручно билъ по лицу. А затѣмъ несчастному Бондареву связали руки назадъ и повели его для пущаго позора по

всему селу. Вели его не просто, а за волосы, и притомъ два солдата били его палками. Измученнаго и избитаго Бондарева доставили послѣ этой экзекуціи въ квартиру Рогожина, на дворъ, гдѣ расходившійся капитанъ-исправникъ производилъ судъ и расправу надъ сотскимъ Логиновымъ и отставнымъ солдатомъ Васильевымъ. Оба они были привязаны къ столбамъ, возлѣ которыхъ чернѣли для чего-то вырытыя ямы. Къ столбу же привязали и Бондарева. Всѣ трое были въ однѣхъ рубашкахъ. По знаку Рогожина, къ нимъ подошли солдаты и стали медленно сверху поливать холодной водою, чтò продолжалось до тѣхъ поръ, пока Бондаревъ и его товарищи не впали въ безпамятство. Когда они очнулись, ихъ повели за село и при собраніи крестьянъ со всей волости начали сѣчь. Бондаревъ, однако, остался живъ; только онъ лежалъ на землѣ и не могъ идти домой: кровь шла у него и у его товарищей изъ горла и ушей... А Рогожинъ въ это время грозно покрикивалъ на толпу, особенно на родственниковъ пострадавшихъ, и не позволялъ симъ послѣднимъ взять Бондарева съ товарищами домой. Въ присутствіи всей волости, обратившись къ лежавшему Бондареву, онъ громко говорилъ: «отъ рукъ моихъ и въ гробъ пойдешь»...

Послѣ этого Рогожинъ накинулся на сотскаго села Пичкиряевскаго, по имени Кондратьева, который вó-время не исполнилъ его приказанія, не заготовилъ для него 100 сушоныхъ карасей. «Провинившемуся» сотскому дано было 100 ударовъ розгами, за каждаго карася по удару. А въ заключеніе всей этой грозы капитанъ-исправникъ потребовалъ отъ собравшихся крестьянъ письменнаго себѣ одобренія на случай какихъ нибудь жалобъ и, конечно, это одобреніе немедленно было дано.

Въ то время, какъ все это происходило, въ селѣ Боковомъ Майданѣ проживалъ нѣкто Ульяновскій, прикащикъ полковника Мельгунова. Это былъ человѣкъ замѣчательно развитый для своей среды и своего времени, и чтò важнѣе, онъ всегда и охотно помогалъ словомъ и дѣломъ бѣдному деревенскому люду. Въ 1787 г., во время неурожая въ Спасскомъ уѣздѣ, Ульяновскій на свой счетъ скупалъ хлѣбъ и раздавалъ его крестьянамъ по дешевымъ цѣнамъ взаймы, безъ процентовъ. Когда этотъ Ульяновскій узналъ про подвиги Рогожина, то рѣшился помѣшать имъ и съ этою цѣлью написалъ объ нихъ разнымъ Тамбовскимъ властямъ, между прочимъ тогдашнему Тамбовскому губернатору Г. Р. Державину. Вслѣдствіе этой жалобы въ село Боковой Майданъ немедленно пріѣхалъ весь Спасскій Нижній Земскій Судъ, собралъ сельскихъ «стариковъ», настращалъ ихъ какъ только могъ и заставилъ единогласно одобрить всѣ распоряженія и дѣйствія своего предсѣдателя, капитанъ-исправника. Теперь настала очередь Ульяновскому раздѣлываться съ Нижнимъ Земскимъ Судомъ. Рогожинъ обвинилъ его передъ Тамбовскимъ Намѣстническимъ Правленіемъ въ томъ, что онъ держалъ у себя въ работникахъ безпаспортныхъ, что онъ бралъ у Майданскихъ крестьянъ казенную землю и обработывалъ ее, а равно и сѣнокосы, посредствомъ этихъ же самыхъ крестьянъ, и всего этого онъ требовалъ съ крестьянъ будто бы за то, что давалъ имъ взаймы деньги, возвращая ихъ сторицею... «А черезъ это», прибавлялъ радѣтель государственнаго и крестьянскаго блага, Спасскій-капитанъ-исправникъ, «затрудняются жители въ платежѣ государственныхъ податей и себя доводятъ до разоренія».

Все это, однако, оказалось выдумкою. Ульяновскій безпаспортныхъ не держалъ, а имѣлъ у себя на жалованьи крѣпостныхъ своего двоюроднаго брата Волкова. Посѣвы же на крестьянской землѣ онъ производилъ по взаимно-добровольному условію съ Майданскими крестьянами и съ положительною выгодою для нихъ. Кромѣ того слѣдствіемъ было обнаружено, что Ульяновскій дѣйствительно часто выручалъ крестьянъ изъ бѣды, ссужая ихъ деньгами безъ процентовъ и росписокъ. Слѣдователи обнаружили также и то, что у Рогожина съ Ульяновскимъ были личныя непріятности, при чемъ первый представлялся въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Однажды Рогожинъ послалъ полицейскихъ солдатъ ловить рыбу въ прудѣ у Ульяновскаго, которому это показалось крайне невѣжливымъ поступкомъ, и онъ не позволилъ посланнымъ распоряжаться у себя. Тогда Рогожинъ опять прислалъ къ Ульяновскому солдатъ и велѣлъ имъ «непремѣнно» наловить рыбы. А когда Ульяновскій снова вступился за свое имущество, то ему объявлено было солдатами рѣшительное распоряженіе капитанъ-исправника: «велѣно тебя въ воду посадить, если не дашь рыбы». Послѣ этого, конечно, трудно было не повиноваться Рогожину.

Въ самый разгаръ судебной распри между Ульяновскимъ и Рогожинымъ пріѣхалъ въ Спасскъ Г. Р. Державинъ, котораго уже давно поджидала крестьянская депутація изъ села Боковаго Майдана. «Восемь стариковъ», конечно подговоренныхъ и застращенныхъ, подали ему просьбу на Ульяновскаго и Бондарева, выхваляя въ тоже время Рогожина, какъ примѣрнаго начальника. Но и противники Спасскаго исправника не зѣвали. Отставной сержантъ Кардаминъ принесъ И. В. Гудовичу, тогдашнему Рязанскому и Тамбовскому генералъ-губернатору (жившему въ Рязани) на Рогожина жалобу, содержаніе которой заключалось въ слѣдующемъ. Разъ Кардаминъ, по обязанности питейнаго повѣреннаго, конфисковалъ бочку корчемнаго вина, которую везли къ пріятелю Рогожина Самгину, и для заявленія объ этомъ явился, конечно, къ Рогожину же, какъ начальнику уѣзда. Въ тоже время пришелъ къ капитанъ-исправнику и Самгинъ. Не говоря ни слова, Рогожинъ пошелъ прямо на Кардамина и ударилъ его по лицу, а Самгинъ закричалъ на него: «я застрѣлю тебя изъ ружья 25 пулями». Кардаминъ просилъ исправника засвидѣтельствовать это, но тотъ отвѣчалъ ему: «вотъ тебѣ свидѣтельство!» и опять сталъ бить Кардамина, а послѣ того отослалъ его въ холодную.

Гудовичъ рѣшился поступить съ Рогожинымъ по всей строгости законовъ и отослать его въ Уголовную Палату подъ судъ. Но за подсудимаго, по неизвѣстной причинѣ, вступился Г. Р. Державинъ, и Рогожинъ поплатился только отставкою, да и то уже при слѣдующемъ губернаторѣ, Звѣревѣ. Снисходительность Державина къ Рогожину намъ представляется тѣмъ болѣе странною, что у Майданскаго сельскаго начальства велись «расходныя» книги, своевременно объявленныя слѣдователямъ, и въ этихъ книгахъ постоянно записывались незаконныя издержки на Рогожина. Рогожинъ, какъ видно изъ этихъ книгъ, и малымъ даяніемъ не пренебрегалъ. Книги испещрены подобными записями: «исправнику дано 3 р. и пудъ меду; исправнику дано 10 фунтовъ свѣжей рыбы; исправнику дано 5 рублей и ему же 4 р., исправникъ получилъ 3 р. 35 коп., и еще 5 р.»

Ободренный слабостью суда и слѣдствія и расчитывая на поддержку многочисленныхъ покровителей, вѣроятно тоже небезгрѣшныхъ, а болѣе всего въ

силу привычки, Рогожинъ во время самаго суда продолжалъ самодурствовать.

15 Октября 1787 г. Майданскій дьячекъ Кирилъ Васильевъ былъ въ церкви у вечерни. Въ это время онъ понадобился проѣзжавшему черезъ село Рогожину, который послалъ за нимъ сотскаго. Дьячекъ до конца вечерни не рѣшался уйти изъ церкви. Тогда Рогожинъ прислалъ за нимъ канцеляриста Никитина съ двумя драгунами, и тѣ насильно вывели его изъ церкви и повели къ исправнику. Схвативши растерявшагося дьячка за грудь, Рогожинъ кричалъ на него: «Для чего ты ко мнѣ не шелъ? Знаешь ли, что я твой архіерей, и хочешь ли, что тебя сейчасъ палочьемъ выбью?» Дьячекъ отвѣчалъ: «власть ваша». А исправникъ продолжалъ: «Помилую тебя, такъ и быть; только ты пиши мнѣ за крестьянъ одобреніе».

Впослѣдствіи, когда Рогожинъ уволенъ былъ въ отставку, то на его мѣсто поступилъ нѣкто Алѣевъ, давній знакомецъ и пріятель Рогожина [1]). При новомъ исправникѣ Ульяновскому пришлось вытерпѣть всякаго горя еще больше, чѣмъ при прежнемъ. Алѣевъ выжилъ его изъ Боковаго Майдана и продержалъ въ Спасскѣ подъ стражею 12 дней, да и то только потому отпустилъ его, что за Ульяновскаго вступился Спасскій городничій Коровинъ. Хлопоты по защитѣ Майданскихъ крестьянъ, разные переѣзды по этому поводу и подарки властямъ совершенно разстроили состояніе Ульяновскаго, тѣмъ болѣе, что крестьяне, наученные Рогожинымъ и Алѣевымъ, не хотѣли платить ему долговъ. Тогда Ульяновскій поѣхалъ въ Москву, явился къ графу Орлову-Чесменскому и объяснилъ ему все свое дѣло. Орловъ-Чесменскій написалъ объ этомъ генералъ-прокурору, князю Вяземскому, который обратилъ надлежащее вниманіе на Ульяновскаго, между тѣмъ уже подавшаго прошеніе на высочайшее имя, и въ 1793 году сенатскимъ указомъ приказано было Тамбовскому губернатору Звѣреву взыскать всѣ деньги Ульяновскаго, розданныя имъ Майданскимъ крестьянамъ.

Современникомъ Спасскаго исправника Рогожина и соперникомъ его по самодурству былъ Моршанскій городничій Титовъ. Этотъ Титовъ почему-то не взлюбилъ священника Моршанской Николаевской церкви, Михаила Иванова, и все собирался показать надъ нимъ свою градоначальническую власть. Случай для этого скоро ему представился.

29 Ноября 1786 г. священникъ Михаилъ Ивановъ былъ немного навеселѣ и въ этомъ видѣ пошелъ въ свою приходскую церковь. Отслушавши обѣдню, которую служилъ священникъ Кондратій Андреевъ, отецъ Михаилъ пришелъ домой. Черезъ нѣсколько времени вошли къ нему пятеро полицейскихъ и насильно потащили его къ городничему, который велѣлъ набить ему на ноги колодки и посадить въ тюрьму «за мятежъ въ церкви». А чтобы нѣсколько оградить себя на случай какихъ-нибудь жалобъ, Титовъ приказалъ другому священнику Николаевской церкви, съ дьякономъ и дьячками, подать ему на арестованнаго священника заявленіе «о чинимыхъ имъ въ церкви мятежахъ», что̀ и было исполнено причтомъ 30 Ноября [2]). Жена священника Михаила

---

[1]) Рогожинъ очень скоро поступилъ въ Спасскіе уѣздные судьи.

[2]) Это заявленіе товарищей арестованнаго, поданное, повидимому, такъ охотно, нисколько не должно представляться намъ сомнительнымъ, такъ какъ въ средѣ духовенства взаимныя кляузы и пререканія практиковались въ прежнее время съ величайшимъ усердіемъ.

Иванова немедленно побѣжала къ городничему просить за мужа, но тотъ соглашался исполнить ея просьбу только въ томъ случаѣ, если она дастъ ему 25 р. Когда же она пришла къ нему на другой день и принесла только 10 р., то этого оказалось мало. Титовъ взялъ принесенныя деньги, но священника продолжалъ держать въ полицейской тюрьмѣ до 18 Января 1787 г., послѣ чего отправилъ его, за карауломъ, въ Тамбовское Намѣстническое Правленіе. Здѣсь начались допросы, во время которыхъ, для своего оправданія, Титовъ показалъ на священника Михаила Иванова, будто бы онъ безобразно-пьяный ходилъ по церкви во время обѣдни, входилъ безъ надобности въ царскія двери и перебѣгалъ съ клироса на клиросъ, при чемъ крайне неприлично ругалъ священнодѣйствовавшаго священника, дьячковъ и нѣкоторыхъ прихожанъ, стоявшихъ въ церкви; а по окончаніи обѣдни пошелъ на колокольню и билъ въ набатъ.

Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно. Извѣстно только то, что Титовъ по прежнему продолжалъ самодурствовать. Въ 1788 г. Моршанскъ перестраивался по новому плану. При этомъ Титовъ бралъ съ обывателей за мѣста деньги, не смотря на то, что по высочайшему повелѣнію жители должны были получать усадьбы безплатно. Купецъ Сливинъ не захотѣлъ, однако, давать денегъ городничему и, считая себя подъ защитою высочайшаго указа, сталъ свозить къ своей усадьбѣ кирпичъ и лѣсъ. Тогда Титовъ свезъ къ себѣ все это, а Сливину объявилъ: «не дамъ тебѣ никакой усадьбы безъ денегъ». Съ другимъ Моршанскимъ купцомъ онъ поступилъ еще хуже. Онъ разбилъ у него 10 бочекъ дегтю и бросилъ разбитыя бочки въ его лавку, отчего весь товаръ тамъ испортился. При своей жадности къ наживѣ, Титовъ отличался жестокостью. Арестантовъ засѣкалъ онъ до обмороковъ, давая имъ по 700 и болѣе ударовъ розгами. Разъ онъ насильственно взялъ изъ больницы единственнаго фельдшера Глазова, продержалъ его при полиціи трое сутокъ и затѣмъ отпустилъ домой, давши ему 300 ударовъ.

Надобно замѣтить, что Титовъ и его Спасскій сотрудникъ Рогожинъ были далеко не исключенія въ свое время. 28-го Сентября 1788 года, Тамбовскій губернаторъ Державинъ производилъ черезъ Борисоглѣбскаго стряпчаго дознаніе о чинахъ Борисоглѣбскаго Нижняго Земскаго Суда, которые разъѣзжали по разнымъ богатымъ селамъ, Бурнаку, Браткамъ, Костинымъ Отдѣльцамъ и др. и, подъ предлогомъ сбора денегъ въ казну, собирали все въ свою пользу. А одинъ изъ Борисоглѣбскихъ засѣдателей, Турищевъ, въ сознаніи своего начальственнаго положенія, 25 Іюня 1788 г. во время чтенія Евангелія въ Борисоглѣбской Казанской церкви, вышелъ изъ алтаря, чтобы поговорить съ какимъ-то знакомымъ, черезъ царскія двери, въ которыя послѣ и вернулся. Въ томъ же году Тамбовскій дворянскій засѣдатель Титовъ врывался по ночамъ съ понятыми въ обывательскіе дома, особенно въ деревняхъ, и тщательно все перерывалъ тамъ, разыскивая какія-то запрещенныя вещи. Все это онъ дѣлалъ, конечно, чтобы побольше сорвать съ обывателей взятокъ. Не всегда однако чиновникамъ описываемаго нами времени удавались хищническія продѣлки. Лѣтомъ 1788 г. регистраторъ Поповъ отданъ былъ за взятки въ военную службу. Когда съ него хотѣли взять хотя часть полученныхъ имъ съ просителей денегъ, то онъ чистосердечно объявилъ: у него ничего нѣтъ, все пропилъ. А въ 1786 г. отданъ былъ подъ судъ Тамбовскій интендантъ Ленскій за гнилое сѣно. Во время слѣдствія Ленскій умеръ. Тогда

продали съ молотка все его имущество и вырученныя казенныя деньги внесли въ Воронежскую Провіантскую Коммиссію. Во время слѣдствія надъ Ленскимъ, когда еще не знали, хватитъ ли его имущества на покрытіе казенныхъ убытковъ, было рѣшено: недостающую сумму сполна взять съ помощника Ленскаго, Мелина. Точно также въ 1789 г. получены были деньги съ Лебедянскаго и Кирсановскаго соляныхъ приставовъ за «растраченную» ими казенную соль, въ количествѣ около 6,000 пудовъ.

Надобно затѣтить, что произвольныя дѣйствія чиновниковъ вызывали иногда серьезныя замѣшательства въ народѣ. Въ 1788 г. Тамбовскій землемѣръ Селивановъ нарѣзалъ участокъ земли крестьянъ села Юрьева, Козловскаго уѣзда, конечно, не безъ выгоды для себя, въ пользу помѣщика Новикова. Вслѣдствіе этого произошло вотъ что. Юрьевскіе крестьяне толпою въ 300 человѣкъ напали на землемѣра, выѣхавшаго съ полиціею на межу, разломали всѣ его инструменты и многихъ чиновниковъ избили, а трое понятыхъ при этомъ пропали безъ вѣсти.

Какъ бы то ни было, чиновники добраго стараго времени ничѣмъ не смущались и обдѣлывали свои дѣла властно, сплошь и рядомъ не стѣсняясь даже сравнительною незначительностію своего служебнаго положенія. Зимою 1787 г. изъ дворцоваго села Сержалы, Моршанскаго уѣзда, по мірскому приговору, взяли въ рекруты крестьянина Владиміра Мелина. По обычаю, его сковали вмѣстѣ съ его караульщикомъ (крестьяниномъ Лащиновымъ) и повезли въ Тамбовъ. Пожалѣлъ молодаго рекрута двоюродный братъ его, И. Мелинъ, и рѣшился вернуть его изъ рекрутства. Для этого пошелъ онъ къ прокурору Тамбовской Верхней Расправы Огареву и склонилъ его на свою сторону. Огаревъ, не долго думая, послалъ нѣсколько человѣкъ изъ своей дворни къ отдатчику села Сержалъ, въ квартирѣ котораго, въ чуланѣ, сидѣли скованные рекрутъ и его караульщикъ. Обрадовавшагося Мелина расковали, посадили въ сани и привезли къ Огареву, а отъ него отпустили на всѣ четыре стороны. «Теперь, сказалъ ему Огаревъ, ничего не бойся, только спрячься на время куда нибудь». Когда обнаружилось это дѣло, Огаревъ свалилъ всю вину на своихъ дворовыхъ, такъ что его даже и не привлекали къ суду. А дворовыхъ его наказали плетьми въ Тамбовской Покровской слободѣ. Что же касается до Владиміра Мелина, то онъ освободился, какъ и обѣщалъ ему его могущественный покровитель Огаревъ, отъ всякаго взысканія и отъ рекрутства [3]).

---

[3]) Даже и мелкіе чины проявляли замѣчательное самоуправство. Въ 1786 г. прапорщикъ Тамбовской губернской роты Рязановъ собиралъ въ офицерскую караульню при острогѣ арестантокъ, а равно и денежныхъ арестантовъ, пьянствовалъ съ ними, и нѣкоторыхъ изъ нихъ уводилъ съ собою въ городъ и отпускалъ на волю.

Представляя доселѣ читателямъ факты изъ жизни прошлаго столѣтія, мы не можемъ не замѣтить, что и въ XIX столѣтіи было много однородныхъ съ приведенными нами фактовъ. Такъ напримѣръ въ началѣ XIX ст. Моршанскій городничій Фитингофъ задумалъ устроить благотворительную лотерею. Билеты продавались по 10 р. и притомъ насильственно, черезъ полицейскихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ собрано было 6 тысячъ рубл. въ пользу Фитингофа, потому что лотереи не было. Онъ же наложилъ на всѣхъ купцовъ и крестьянъ, торговавшихъ на Моршанскомъ базарѣ, пошлину въ свою пользу; а у содержателей разныхъ магазиновъ бралъ все даромъ, да еще при случаѣ хваталъ ихъ и сажалъ въ полицію. Но что особенно удивительно: этому самому Фитингофу Городская Дума постановила выдавать жалованье по штатамъ Московской полиціи.

Иногда самодурство чиновниковъ проявлялось и въ отношеніяхъ къ лицамъ привилегированнаго сословія и выражалось въ крайней невѣжливости. Дѣло, о которомъ мы хотимъ сейчасъ сказать, происходило въ Моршанскѣ, въ 1800 г.

Въ Моршанскъ пріѣхалъ какой-то фокусникъ. На одномъ изъ его представленій были дочери надворнаго совѣтника Картмазова, находившагося въ ссорѣ съ городничимъ Кологривовымъ. Дѣвицы Картмазовы сидѣли на своихъ стульяхъ. Между тѣмъ вошелъ городничій и, замѣтивъ дочерей своего недруга, сталъ впереди ихъ, хотя ему, какъ начальнику города, указано было особое, почетное мѣсто. Съ нимъ рядомъ сталъ Моршанскій исправникъ и «десятскіе», такъ что бѣднымъ дѣвицамъ вовсе не было видно сцены. Не довольствуясь такимъ невѣжливымъ поступкомъ, городничій завелъ съ своими сосѣдями самый неприличный разговоръ, при чемъ часто оборачивался къ сконфуженнымъ дѣвушкамъ, заглядывалъ имъ въ глаза и плевалъ въ ихъ сторону, такъ что онѣ до конца представленія принуждены были уѣхать домой. А торжествующій городничій проводилъ ихъ слѣдующими, громко сказанными, словами: «Насилу-то я ихъ выгналъ: теперь мнѣ будетъ просторнѣе».

Подвигъ Моршанскаго городничаго остался безнаказаннымъ.

А въ 1790 г. былъ случай и еще того хуже. Это было въ Борисоглѣбскѣ. Прапорщикъ Лавровъ подалъ 15 Іюня одну просьбу на высочайшее имя въ Борисоглѣбскій Уѣздный Судъ. Просьбу принялъ засѣдатель И. Дмитріевъ; но она ему почему-то не понравилась, и онъ, въ присутствіи всѣхъ судейскихъ чиновниковъ, изорвалъ ее и бросилъ къ ногамъ Лаврова.

Рядомъ съ указанными нами чиновниками-самодурами въ прежнее время существовали чиновники-дѣльцы. Это были люди, умѣвшіе изъ ничего создавать себѣ значительныя состоянія, такъ сказать извлекавшіе сокъ изъ камня. Такихъ дѣльцовъ было, конечно, гораздо меньше чиновниковъ-самодуровъ, поэтому мы приводимъ только слѣдующій образецъ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Моршанскѣ проживалъ нѣкто Ѳедюхинъ, копіистъ, получавшій жалованья 50 коп. въ мѣсяцъ. Замѣченный начальствомъ, Ѳедюхинъ попалъ наконецъ въ засѣдатели Нижняго Земскаго Суда и въ этой скромной должности съумѣлъ подъ старость составить себѣ весьма значительное состояніе. Въ 1830 г. губернское начальство потребовало отъ Моршанскихъ полицейскихъ властей статистическихъ свѣдѣній о разныхъ статьяхъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго производства, между прочимъ и о пчеловодствѣ. Для собиранія этихъ свѣдѣній былъ командированъ въ уѣздъ Ѳедюхинъ. Вотъ тутъ-то онъ и нажился. Пріѣзжаетъ онъ, напримѣръ, къ какому нибудь пасѣчнику на пчельникъ. Разумѣется, ему нужно съ этого пасѣчника «сорвать», и онъ это дѣлалъ такъ. Обращаясь къ пасѣчнику, онъ грозно приказывалъ ему выгонять изъ ульевъ пчелъ, но такъ, чтобы онѣ вылетали постепенно и непремѣнно по одной. «Мнѣ-де велѣно сосчитать у тебя пчелъ». А самъ вынималъ записную книжку, карандашъ и готовился записывать. Конечно, хозяинъ пчельника не могъ исполнить такого требованія Ѳедюхина и, чтобы развязаться съ нимъ, давалъ ему взятку. А Ѳедюхинъ, записавши въ свою книжку что ему хотѣлось или что говорилъ ему пасѣчникъ, отправлялся далѣе, въ слѣдующія пасѣки, чтобы собирать «новые статистическіе матеріалы».

Когда этотъ Ѳедюхинъ ѣздилъ «на мертвыя тѣла», то обыкновенно входилъ въ сдѣлку съ врачомъ и бралъ взятки вотъ за что. Мертвое тѣло онъ при-

казывалъ нести въ избу къ какому нибудь богатому крестьянину, и когда тотъ откупался отъ этой непріятной исторіи, Ѳедюхинъ поочередно точно также перебиралъ остальныхъ зажиточныхъ крестьянъ. А когда оканчивалось анатомированіе тѣла, онъ обращался къ понятымъ съ приказаніемъ зашивать это тѣло и опять «собиралъ жатву».

Состарившись этотъ Ѳедюхинъ, по примѣру многихъ старыхъ грѣшниковъ, вдался въ ханжество. Часто ходилъ онъ въ церковь и благотворилъ ей разными, довольно значительными приношеніями. Ѳедюхинъ легко и скоро помирился съ своею совѣстію и до того возмечталъ о своей праведности, что сталъ готовить себѣ *гробницу въ своей приходской церкви.* Видно, слишкомъ высоко цѣнилъ онъ рубли: для нихъ онъ всю жизнь, до самой отставки, кривилъ душою, ими же думалъ купить милость у самого Бога, мѣряя небесное правосудіе на свой аршинъ [4]).

Классъ чиновниковъ-ябедниковъ особенно увеличился въ царствованіе императора Павла, по случаю повсемѣстнаго упраздненія нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣятельность этихъ чиновниковъ, большею частью отставныхъ, практиковалась въ такой степени, что становилась общественнымъ зломъ, отъ котораго терпѣли и правительственныя мѣста, и частныя лица.

Вотъ что писалъ объ отставныхъ приказныхъ генералъ-прокурору Обольянинову Тамбовскій губернаторъ Бахметевъ (19 Іюня 1800 года):

«Отставные приказные служители, имѣющіе нижніе чины, а нѣкоторые оберъ-офицерскіе, составляя собою довольное число, занимаются только праздностью, къ которой имѣютъ свободу и которая естественнымъ слѣдствіемъ своимъ производитъ то, что живущіе изъ оныхъ, особливо въ самомъ Тамбовѣ, выискивая разнаго состоянія людей, а паче крестьянъ, подущаютъ ихъ на просьбы, несоотвѣтственныя ни справедливости, ни закону, ниже порядку. Не ограничиваясь писаніемъ просьбъ въ здѣшнія мѣста и лично ко мнѣ, подвигаютъ тѣхъ, кои ими руководствуются, даже на посыланіе подобныхъ въ С.-Петербургъ и тѣмъ составляютъ одну ябеду, бывъ при томъ въ чувствительную тягость не только частнымъ людямъ, но и самымъ присутственнымъ мѣстамъ, коихъ вниманіе отвлекается отъ настоящихъ дѣлъ. Сіи же люди, кои находятся въ Тамбовѣ, тѣмъ несноснѣе, что они или поведенія нехорошаго или, застарѣвши въ ономъ, не имѣютъ уже способности къ отправленію статской службы». «Не находя средствъ къ удаленію таковыхъ праздноживущихъ» изъ Тамбовскаго края, Бахметевъ спрашивалъ генералъ-прокурора, что̀ дѣлать съ ними?

Очевидно, Бахметевъ разсчитывалъ на какія-нибудь чрезвычайныя мѣры противъ Тамбовскихъ ябедниковъ и крючкодѣевъ, въ родѣ изгнанія Мавровъ изъ Испаніи; однако Петербургское начальство приказало ему только усилить административный надзоръ за ними, а энергичныя мѣры велѣно было принимать лишь въ случаѣ прямаго нарушенія закона.

---

4) Хищничество прежнихъ чиновниковъ объясняется, конечно, между прочимъ, бѣдностью „окладовъ“. Въ 1808 году вотъ какое жалованье получалось чиновниками въ Тамбовской губерніи. Засѣдатели Уголовной и Гражданской Палатъ получали по 360 рублей, ассесоръ Казенной Палаты получалъ 400 р., стряпчіе по 360 р., губернскій землемѣръ—500 р., городничіе и судьи по 300 р., дворянскіе засѣдатели—по 250 р., секретари—по 200 р., уѣздные стряпчіе—по 250 р., помощники столоначальниковъ—по 100 р., а заслуженные копіисты по 40 р.

Остается намъ, на основаніи актовъ Тамбовскаго губернскаго архива, познакомить читателей съ тѣми чиновниками, которые, оставивъ службу, жили на счетъ общественной благотворительности. Вотъ случай въ этомъ именно родѣ.

22-го Августа 1822 г. въ Кирсановъ привезли изъ Петербурга одного чиновника, по фамиліи Щелкунова, и сдали его подъ росписку городничему Рожанскому. Пріѣзжему было лѣтъ подъ 60. Выслали его изъ столицы за безпокойный, надоѣдливый характеръ, и именно вотъ за что. Щелкуновъ былъ чиновникомъ въ отставкѣ безъ пенсіона, родоваго и благопріобрѣтеннаго за нимъ не значилось, и вотъ онъ, по неимѣнію средствъ къ жизни, сталъ приставать къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, требуя съ нихъ, во имя своего «оберъ-офицерства», денежной помощи. Съ своими просьбами, словесными и письменными, онъ обращался даже къ членамъ царской фамиліи и къ самому императору Александру 1-му, и притомъ очень удачно. Въ 1818 году Государь прислалъ ему, чрезъ князя Волконскаго, 500 р. Это вскружило голову бѣдному Щелкунову, и онъ сталъ черезъ-чуръ назойливъ по отношенію къ Петербургской аристократіи. За это его и выслали изъ столицы.

Въ Кирсановѣ Щелкунова помѣстили въ домѣ мѣщанина Ширяева и смотрѣли за нимъ очень строго. Рожанскій взялъ даже съ Кирсановскихъ обывателей подписку, которою они обязывались не знакомиться и даже не разговаривать съ Щелкуновымъ. Кромѣ того, почтовому начальству было сообщено, чтобы *отъ сосланнаго не принимать никакихъ писемъ, а наипаче прошеній и писемъ къ высокопоставленнымъ особамъ*. Тогда Щелкуновъ съ своими прошеніями сталъ нападать на проѣзжавшихъ сановниковъ. У одного изъ такихъ путешественниковъ, именно у А. Л. Нарышкина, онъ сумѣлъ выпросить 50 р. Эта значительная подачка дала ему возможность на нѣсколько времени зажить припѣваючи. Но Щелкунову, привыкшему писать прошенія, стало скучно въ Кирсановѣ, и вотъ онъ какъ-то ухитрился переслать Тамбовскому губернатору Крюкову просьбу на Рожанскаго. Въ этой просьбѣ Кирсановскій городничій обвинялся въ слѣдующихъ преступленіяхъ: «Городничій Рожанскій просилъ съ меня, нижеподписавшагося, 25 р., какъ только узналъ, что А. Л. Нарышкинъ, *по знакомству еще въ С.-Петербургѣ*, подарилъ мнѣ 50 р., имущество мое распродалъ, а самого меня посадилъ въ холодную. Рвавши на мнѣ мундиръ, кричалъ: Заморю тебя голодомъ до смерти! Все сіе Рожанскій чинилъ пьяный, имѣя въ комнатѣ большую бутыль вина, а малыхъ съ разнымъ виномъ до 50. Кромѣ того, Рожанскій бралъ у мужиковъ и купцовъ на базарѣ осетрину и иную рыбу, яко бы для освидѣтельствованія, а на дѣлѣ вся сія рыба шла въ кухню и въ погребъ г. Рожанскаго». — «Хожу я, писалъ далѣе Щелкуновъ уже относительно горожанъ г. Кирсанова, въ храмъ Божій для пѣнія на клиросѣ; однако жители, пренебрегая меня, не зовутъ *обѣдать*. Вотъ жизнь около 60 лѣтъ прожившаго оберъ-офицера!» Въ заключеніе Щелкуновъ просилъ губернатора снестить съ Кирсановскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Хвощинскимъ и предложить ему подписку между дворянами Кирсановскаго уѣзда въ пользу его, просителя.

Вслѣдствіе этого прошенія, заключавшаго въ себѣ, вѣроятно, нѣкоторую долю правды относительно Кирсановскаго городничаго, Щелкуновъ былъ переведенъ въ г. Борисоглѣбскъ. Тамъ онъ и умеръ, 23 Декабря 1824 года.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ сказать, что огромное большинство чиновниковъ отличалось крайнею скудостью умственнаго развитія и совершенною грубостью понятій.

Въ 1799 году г. Моршанскъ лишился своего единственнаго доктора. Новаго врача долго не присылали, и вотъ городничій Мещериновъ пишетъ по этому поводу въ Тамбовъ: «Хотя у насъ и нѣтъ такихъ болѣзней, отъ которыхъ жителямъ былъ бы вредъ, однако, по случаю бываемыхъ нѣкотораго числа въ городѣ Моршанскѣ изъ жителей больными, требуется для пользованія ихъ медицинскій чиновникъ».

22 Марта 1801 года Борисоглѣбскій городничій Рудниковъ прислалъ Тамбовскому губернатору Бахметеву рапортъ, въ которомъ выражалъ жалобу на Борисоглѣбскихъ священниковъ, что они «во время великаго поста отказывались исповѣдывать и причащать Католиковъ и Татаръ городской штатной команды». Въ заключеніе городничій испрашивалъ указанія: какъ ему впредъ поступать въ подобныхъ случаяхъ? И не будетъ ли онъ отвѣчать за вышеозначенныхъ инвалидовъ, если тѣ не исполнятъ закона относительно исповѣди и св. причастія, особенно въ случаѣ тяжкихъ болѣзней [5])?

Въ 1789 г. учителя Козловскаго малаго народнаго училища доносили училищному директору Жохову на своего начальника: «Въ минувшемъ Мартѣ мѣсяцѣ, пришедъ училищный попечитель Баженовъ въ училище азартнымъ образомъ и во всѣхъ классахъ разгонялъ своимъ крикомъ всѣхъ учениковъ и изъ нихъ И. Липецкаго весьма жестоко прибилъ, изломавъ объ него толстую палку, отчего онъ двѣ недѣли былъ боленъ. А минувшаго 11 Мая жена его, пришедъ въ классы, безъ всякой причины ругала всѣхъ учителей непристойно и угрожала при этомъ отъ мужа палочнымъ побоемъ. Оный же Баженовъ при многочисленномъ собраніи доказывалъ, что училища безполезны и только въ немалую обществу основаны тягость»...

И. И. Дубасовъ.

---

[5]) На этотъ весьма оригинальный рапортъ Бахметевъ отвѣчалъ слѣдующимъ ордеромъ: „Получивъ вашъ рапортъ, коимъ вы, къ крайнему моему удивленію, протестуете противъ священниковъ, что они не исповѣдуютъ и не пріобщаютъ Св. Таинъ состоящихъ въ вашей командѣ Католиковъ и Татаръ, просите разрѣшенія какъ вамъ поступать въ разсужденіи сего при случаѣ ихъ болѣзни, долженъ вамъ сказать, чтобы вы впредъ съ такими нелѣпыми представленіями входить не осмѣливались, и когда вы, будучи христіаниномъ, не знаете правилъ церкви, воспрещающихъ сподоблять иновѣрцевъ пріобщенія Св. Таинъ, то обязаны были, не относясь ко мнѣ, попросить тѣхъ самыхъ священниковъ, на коихъ вы представляете, чтобы они преподали вамъ христіанское наставленіе“.

Русское наслѣдство во Франціи прошлаго вѣка.

Во Франціи, до ея великаго переворота 1789 года, существовало, въ числѣ многихъ средневѣковыхъ правъ и обычаевъ, право короля присвоивать себѣ наслѣдство послѣ иностранца, умершаго на Французской землѣ. Право это называлось droit d'aubaine (отъ стариннаго слова aubain, иностранецъ), и дѣйствію его должна была подвергнуться движимая собственность князя Андрея Михаиловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, нашего посланника въ Дрезденѣ. Это былъ старшій, единокровный братъ извѣстнаго князя Александра Михаиловича (котораго письма изъ Турина о Французской революціи помѣщены въ Р. Архивѣ 1877 г.). О князѣ Андреѣ Михаиловичѣ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Кажется, что онъ умеръ вдовцомъ, не имѣвъ дѣтей отъ брака съ Анной Михаиловной Наумовой. Въ Россіи долго считали его безъ вѣсти пропавшимъ, и ко вдовѣ его брата (урожд. Козицкой) обращались проходимцы съ увѣреніями, будто онъ живъ и, разумѣется, съ требованіемъ денегъ. Эти таинственные слухи побудили внучатную его племянницу, княгиню Елисавету Эсперовну Трубецкую обратиться за разъясненіями во Французское министерство иностранныхъ дѣлъ. Княгиня получила отъ герцога Деказа списокъ съ бумагъ относящихся до наслѣдства князя Бѣлосельскаго, и списокъ этотъ любезно сообщенъ ею въ Русскій Архивъ. Оказывается, что князь Бѣлосельскій, которому со стороны Французскихъ властей оказано было должное вниманіе во время его путешествія и болѣзни, скончался отъ удара, 28 Января 1776 года, въ Марсели, собираясь ѣхать на воды, называемыя Баларукъ. Мѣстныя власти хотѣли отписать на короля его движимое имущество; но, благодаря вмѣшательству Русскаго консула Пескіера, завязалась переписка между Верженемъ и Некеромъ, кончившаяся лишь черезъ три года тѣмъ, что король отказался отъ наслѣдства и велѣлъ только взыскать десять процентовъ въ пользу дѣлопроизводителей. Въ числѣ обмѣненныхъ по этому поводу бумагъ находится и нижеслѣдующее

Письмо графа Никиты Ивановича Панина къ князю Ивану Өедоровичу Барятинскому [1]).

St. Pétersbourg, 5 Mars 1779.

Il nous est revenu de Marseille que l'on procède déjà à la levée du scellé de dessus les effets du feu prince Bieloselsky, et qu'on pense à faire valoir à leur égard le droit connu en France sons le nom de droit d'aubaine. Peut-être le même avis sera-t-il déjà parvenu jusqu'

---

[1]) Нашему посланнику въ Парижѣ.

à vous et aurez-vous fait aupres du ministre les démarches nécessaires à ce sujet. Toutefois, par abondance de précaution, j'ai l'honneur de prévenir votre excellence que l'intention de Sa Majesté Impériale est que vous fassiez directement et en qualité de son ministre, des réclamations tendantes à obtenir que le dit droit ne s'exerce point sur les effets en question. Ces réclamations seront fondées sur les droits qu'observent les souverains entr'eux à l'égard de toute personne accréditée de leur part. Le p-ce Bieloselsky n'a jamais cessé de l'être de la part de l'Impératrice à la cour de Dresde Il a obtenu une simple permission de s'absenter de son poste; c'était toujours un ministre de Sa Majesté Impériale, et non une personne privée qui voyageait en France, et le motif qui l'y conduisait était une nécessité absolue, le besoin de recouvrer sa santé. Je ne vous citerai point, mon prince, ce qui se pratique dans les états de l'Impératrice. Quoique nous n'ayons rien de statué avec la couronne de France sur le droit d'aubaine, peut-être ne refuserait-elle pas de considérer dans un cas ordinaire que tant de Français vivent et meurent en Russie, et jamais aucune succession n'a été contestée aux héritiers naturels. Mais pour le cas dont il s'agit, si différent des autres, nous croyons qu'il suffit, surtout dans l'état de bonne harmonie qui subsiste entre les deux cours, d'alléguer le droit général et les égards mutuels entre les souverains, pour vous faire obtenir que les effets d'un ministre de votre cour vous soient remis à vous, comme ministre autorisé à les demander et les recevoir. Et à leur réception, vous voudrez bien répondre au nom de ses héritiers que s'il y a quelques créanciers en France qui ayent des prétentions légitimes à la charge du feu prince, ils y satisferont aussitôt. Je vous prie de donner votre attention à cette affaire, et de faire valoir dans vos démarches vis-à-vis du ministère cette cordialité et ce désir de se plaire mutuellement qui paraissent former les dispositions présentes de l'Impératrice et du roy très-chrétien l'un pour l'autre. J'ay l'honneur d'être etc.

Переводъ. Мы получили извѣстіе изъ Марсели, что тамъ намѣреваются распечатать пожитки покойнаго князя Бѣлосельскаго и подвергнуть ихъ дѣйствію права́, извѣстнаго во Франціи подъ именемъ права на имущество послѣ умершаго иностранца. Можетъ быть, вы извѣстились уже о томъ и приняли необходимыя по этому поводу мѣры въ сношеніяхъ съ Французскимъ министромъ; но во всякомъ случаѣ, по избытку предусмотрительности, я имѣю честь напередъ увѣдомить ваше сіятельство о желаніи Ея Императорскаго Величества, чтобы вы, въ качествѣ ея министра, непосредственно настояли на изъятіи онаго имущества отъ примѣненія вышеозначеннаго права, сославшись на права, которыя взаимно соблюдаются государями по отношенію къ уполномоченнымъ отъ нихъ лицамъ; князь же Бѣлосельскій не переставалъ быть представителемъ Императрицы при Дрезденскомъ дворѣ. Онъ получилъ только дозволеніе отлучиться отъ своего мѣста и продолжалъ быть министромъ Ея

Императорскаго Величества, а не частнымъ лицомъ, путешествующимъ по Франціи, и поѣхалъ онъ туда вслѣдствіе крайней необходимости поправить свое здоровье. Я не распространяюсь о томъ, какъ поступаютъ во владѣніяхъ Императрицы. Хотя у насъ съ Французскою короною нѣтъ никакого установленія относительно права на имущество умершаго иностранца, но означенная корона, можетъ быть, не откажется принять въ соображеніе, что, въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, столько Французовъ живутъ и *умираютъ* въ Россіи, и право на имущество, послѣ нихъ остающееся, никогда не оспаривается у прямыхъ наслѣдниковъ. Теперешній же случай изъ ряду вонъ, и мы полагаемъ, что, при существующемъ добромъ согласіи между обоими дворами, достаточно будетъ предъявить обыкновенное право и сослаться на взаимное вниманіе государей, чтобы имущество нашего министра было передано вамъ, какъ министру, уполномоченному спросить и получить оное. По полученіи же, ваше сіятельство благоволите заявить отъ имени наслѣдниковъ, что какъ скоро имѣются во Франціи заимодавцы покойнаго князя, то законныя требованія ихъ будутъ немедленно удовлетворены. Я прошу васъ позаботиться объ этомъ дѣлѣ и въ сношеніяхъ вашихъ съ министерствомъ дать почувствовать искреннее желаніе взаимныхъ услугъ, коимъ въ настоящее время повидимому одушевлены, какъ Императрица, такъ и его христіаннѣйшее величество. Имѣю честь и пр.

Юношескія воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго.

Генералъ отъ инфантеріи Русской службы, принцъ Евгеній Виртембергскій, сынъ одного изъ младшихъ братьевъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, родился 8-го Января 1788 г., скончался 16 Сентября 1857 года. Это была высокообразованная, симпатическая личность, истинный герой военнаго дѣла, въ тоже время чуждый Нѣмецкой чопорности и такъ называемой солдатчины. Онъ любилъ Россію, и Русскіе люди не могли не цѣнить его. Кажется, что въ немъ были тѣ привлекательныя черты, которыми любовались мы въ покойномъ графѣ Павлѣ Христофоровичѣ Граббе. Еще при жизни принца Виртембергскаго, въ 1846 году, появилась его книга о войнѣ 1812 года, въ которой онъ, будучи любимцемъ князя Кутузова, принималъ столь дѣятельное и славное участіе. Одинъ изъ его адъютантовъ, тоже служившій въ Русской службѣ, генералъ-маіоръ Гельдорфъ собралъ и привелъ въ порядокъ оставшіяся послѣ него автобіографическія Записки и напечаталъ ихъ въ 4-хъ книгахъ (Берлинъ 1861—1862). Посреди военныхъ описаній и подробностей, въ Запискахъ этихъ встрѣчается множество любопытныхъ извѣстій, такъ что можно удивляться, отчего до сихъ поръ они остаются недоступны Русскимъ читателямъ. Нижеслѣдующими извлеченіями будетъ пополненъ этотъ пробѣлъ въ нашей новѣйшей исторіографіи. *П. Б.*

Осень 1796 года не подарила меня ни однимъ радостнымъ солнечнымъ лучемъ. Мнѣ стыдно вспоминать о тогдашнемъ моемъ ребячески-возбужденномъ состояніи и о причинѣ этого возбужденія, надъ которою въ настоящее время я смѣюсь отъ души. Это былъ пріѣздъ Русскаго фельдъегеря. Какъ ни далекъ былъ я отъ предчувствія связи этого событія съ моими собственными судьбами, но оно живо потрясло меня. Охотно сознаюсь, что въ своихъ ребяческихъ мечтахъ я предназначалъ себя совсѣмъ не туда и отнюдь не для Русской службы, къ которой по истинѣ я относился въ то время совершенно безучастно.

Прибытіе фельдъегеря произвело тревогу какъ во мнѣ, такъ и во всѣхъ жителяхъ Карльсруэ [1]). Онъ присланъ былъ императоромъ Павломъ, который вступилъ тогда на престолъ и пожелалъ подтвердить свою всегдашнюю благосклонность къ моему отцу тѣмъ, что произвелъ меня въ Русскіе полковники. Тотъ же фельдъегерь привезъ моей матери орденъ св. Екатерины, украшенный алмазами.

---

[1]) Этого Карлсруэ, находящагося въ Силезіи, близь города Оппельна и даже въ настоящее время весьма немноголюднаго, не должно смѣшивать съ извѣстнымъ большимъ городомъ въ Западной Германіи. П. Б.

У насъ ожидали сильнаго впечатлѣнія на мое дѣтское чувство отъ этого внезапно приключившагося мнѣ счастія. Дѣйствительно, впечатлѣніе было сильно, только вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ предполагалось. О моемъ новомъ чинѣ придумали объявить мнѣ торжественно и, чтобы скрыть отъ меня приготовленія къ торжеству, меня послали съ г-мъ Б. въ Бреславль, къ брату его, тамошнему золотыхъ дѣлъ мастеру. Возвратившись изъ его мастерской, я ничего не подозрѣвалъ о своемъ внезапномъ повышеніи. На ступеняхъ лѣстницы Карлсруйскаго замка встрѣтило меня юношество хвалебными пѣснями; дѣвушки, одѣтыя въ бѣлое, усыпали путь мой цвѣтами, а одна изъ нашихъ сценическихъ принцессъ произнесла мнѣ торжественную рѣчь. Но когда я узналъ о причинѣ всего этого торжества, то разразился потокомъ слезъ, за что чуть не высѣкли новаго полковника. Меня обозвали неблагодарнымъ; но я настаивалъ, что мнѣ хочется быть Прусскимъ гусарскимъ корнетомъ [2]), а вовсе не Русскимъ полковникомъ и что я чувствую себя слишкомъ незрѣлымъ для такого высокаго чина.

Въ тотъ же вечеръ на сценѣ театра былъ исполненъ въ честь мою прологъ, въ которомъ меня самого представляла дѣвица, одѣтая въ мое собственное платье. Пресловутый Гагеманнъ, нашъ театральный режиссеръ, авторъ многихъ пьесъ, придалъ мнѣ въ этомъ стихотвореніи, вѣроятно въ насмѣшку, наименованіе Петра, чтобы въ заключеніе произвести эффектъ такимъ выраженіемъ: «Изъ Петеньки выйдетъ со временемъ Петръ».

Но на меня ничто не дѣйствовало. Я былъ далекъ отъ высокихъ помысловъ и вовсе не думалъ ставить себѣ въ образецъ императоровъ. Новыя слезы и новые выговоры положили конецъ празднику. Я продолжалъ хныкать и кричать: «Этотъ оселъ дурачитъ меня своимъ Петромъ». По истинѣ, никогда трудъ г. Гагеманна не былъ хуже вознагражденъ. За одно съ г-омъ Б., причинявшимъ мнѣ въ это время всякаго рода непріятности, и другіе стали подчинять меня болѣе строгой дисциплинѣ. Мои роскошныя, низко спускавшіяся кудри обращены были въ туго заплетенную косу. Никогда почти я не чувствовалъ себя столь несчастливымъ, какъ въ это время, и признаюсь, къ стыду своему, что серьезно носился съ мыслію лишить себя жизни посредствомъ ножницъ.

Послѣдовавшее въ 1798 году производство меня въ генералъ-маіоры и шефы драгунскаго полка окончательно возложило на главу мою вѣнецъ мученика. Подобная причуда императора Павла по отношенію къ десятилѣтнему ребенку покажется невѣроятною; но мы знаемъ изъ исторіи достаточно примѣровъ такихъ же чудачествъ съ его сто-

---

[2]) Отецъ принца, тоже Евгеній, былъ извѣстнымъ генераломъ Прусской службы, также какъ и дѣдъ, прославившійся въ Семилѣтнюю войну и почти всю жизнь проведшій въ Прусскихъ владѣніяхъ, пока умеръ (1797) его старшій братъ, оставившій ему въ наслѣдство Виртембергское курфиршество. Этимъ объясняется, почему наша императрица Марія Өеодоровна родилась въ Штетинѣ (1759). П. Б.

роны. Будучи слѣпымъ почитателемъ Фридриха II-го, онъ преобразовалъ и обмундировалъ всѣ свои войска на старопрусскій манеръ, а потому и Русскіе полки, именовавшіеся прежде по городамъ и провинціямъ, обозначилъ именами командировъ. Затѣмъ легко могло случиться, что воспоминаніе о Вюртембергскомъ драгунскомъ полку, которымъ командовалъ мой дѣдъ въ Семилѣтнюю войну, внушило императору Павлу мысль окрестить этимъ именемъ бывшій Псковскій драгунскій полкъ. Вѣдь былъ же случай, что чашка кофею разрѣшила долго и тщетно искомую задачу объ опредѣленіи цвѣта обшлаговъ новаго пѣхотнаго полка. Весьма вѣроятно, что неожиданное открытіе моей маленькой особы въ спискахъ его арміи оказало въ этомъ случаѣ такую же важную услугу, и такимъ образомъ вполнѣ заслуженное чиноповышеніе обрушилось на меня внезапно съ облаковъ, какъ градъ во время бури.

Дѣйствительно, такая неожиданная милость императора Всероссійскаго положила предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ соображеніямъ обреченной имъ жертвы: ибо таковою считалъ я себя. Теперь уже мало было одной косы; къ ней присоединили круто - завитые локоны, зеленый кафтанъ, узкій желтый жилетъ и такіе же панталоны, жесткіе сапоги съ золотыми шпорами. Мое прежнее веселое прыганье по полямъ и лѣсамъ замѣнилось пристойнымъ и мѣрнымъ прохожденіемъ замковой площади, на пути изъ моихъ комнатъ къ обѣду—главной цѣли возможнаго для меня, при обременительности этихъ оковъ, моціона; да и тутъ нерѣдко мой неизмѣнный спутникъ—палашъ, попадая мнѣ между ногъ, повергалъ меня на землю и такимъ образомъ наносилъ мнѣ спозаранку болѣе ранъ, чѣмъ впослѣдствіи нанесено ихъ моими руками врагамъ Россійской имперіи. Отъ этого произошло тоже самое, что̀ бываетъ съ растеніями, ростъ которыхъ задержанъ. Я страшно расплывался въ ширину [3]). Сознаніе, что я во всѣхъ отношеніяхъ обращаюсь въ каррикатуру, преслѣдовало меня на каждомъ шагу. Еслибъ я въ этомъ обстоятельствѣ могъ еще сомнѣваться, то меня убѣдили бы инспекторскіе смотры, на которые отецъ возилъ меня съ собою, какъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря. Эскадронные командиры, чтобъ прислужиться своему начальнику, отряжали къ маленькому генералу своихъ ординарцевъ; сіи послѣдніе, представляясь ему, какъ ни старались сохранить видъ служебной подчиненности, никакъ не могли удержаться отъ смѣха. Мало того, однажды на кантониръ-квартирахъ, недалеко отъ Бреславля, крестьянскіе мальчики забросали меня грязью, приговаривая: «Подожди ты, олухъ; мы тебя, Русскаго генерала, угостимъ Прусскою грязью!» Какъ ни былъ я благодушенъ, но пришелъ конецъ моему терпѣнію: въ первый разъ обнажилъ я палашъ и хватилъ имъ одного изъ невѣждъ по уху. Этотъ подвигъ былъ, однакожъ, очень плохо оцѣненъ моимъ гувернеромъ, и меня подвергли взысканію, которое, при кажущейся строгости, въ сущности утѣшило меня какъ Майское солнце: меня лишили на нѣсколько дней косы и всего воинскаго наряда. Какъ радъ былъ я своей

---

[3]) Позднѣе принцъ Евгеній отличался дородностью и небольшимъ ростомъ.

блузѣ, къ которой меня присудили! Мнѣ вспоминалось многое множество несчастныхъ преступниковъ, которыхъ безумный свѣтъ, за простое оскорбленіе глупыхъ его предразсудковъ, отправляетъ въ страну вѣчной свободы и тѣмъ оказываетъ имъ величайшее благодѣяніе. Право, никогда до такой степени не казалась мнѣ вѣрною мысль, выраженная однимъ Французскимъ поэтомъ въ слѣдующихъ стихахъ:

De Paris au Bengal,
Du Perou jusqu'à Rome
Le plus sot animal,
A mon avis, c'est l'homme [1]).

Все время съ 1798 до конца 1800 года отразилось въ моей памяти цѣлымъ рядомъ такихъ же болѣе или менѣе печальныхъ картинъ, и только нѣкоторыя любимыя занятія, особенно музыкальныя, и мое постоянно-живое участіе во всѣхъ происшествіяхъ политическаго міра вспоминаются мною за эти годы съ чувствомъ отраднымъ. Не могу при этомъ не упомянуть о томъ, что въ то время я безгранично обожалъ генерала Бонапарта и страхъ какъ боялся Русскихъ, что было совершенно естественно, такъ какъ я приписывалъ имъ непріятныя стѣсненія, которымъ подвергали мою свободу. Этого отвращенія, внушаемаго Россіею, не могъ во мнѣ преодолѣть мой отецъ, нарочно выхвалявшій побѣды Суворова въ Италіи. Но за то я не раздѣлялъ восторга, который овладѣлъ поклонниками Франціи, когда пришло извѣстіе о битвѣ при Маренго: мнѣ было обидно, что Нѣмцевъ разбили. Тогдашніе Пруссаки не признавали Австрійцевъ за соотечественниковъ; но я былъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Повидимому, это патріотическое чувство было во мнѣ прирожденное; но впослѣдствіи оно переродилось въ ощущеніе космополитическаго характера и въ любовь ко всему человѣчеству.

Съ живымъ участіемъ прочелъ я осенью 1800 года «Исторію 30-ти лѣтней войны» Шиллера. Густавъ Адольфъ сдѣлался моимъ идеаломъ; но и «Семилѣтняя война» Архенгольца очень занимала меня. Часто представлялся моему воображенію, въ битвѣ подъ Прагою, любимецъ мой Вильгельмъ, женихъ-привидѣніе Леоноры, но только я не допускалъ въ немъ косы и локоновъ. Можетъ быть, по этой-то причинѣ я уже тогда рѣшилъ, что, если суждено когда-либо осуществиться моимъ мечтамъ объ авторствѣ, то предметъ моего перваго творенія будетъ взятъ изъ XVII-го столѣтія.

Прибытіе стараго Русскаго генерала, барона Дибича, разрушило всѣ мои планы и дало окончательное направленіе моему будущему поприщу.

Я не въ силахъ изобразить впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ маленькимъ, невыразимо-уродливымъ существомъ. Я сравнивалъ его съ болваномъ, что въ цирюльняхъ служитъ для надѣванія париковъ, съ механической куклой, разгрызающей орѣхи, или съ тѣ-

---

[1]) Отъ Парижа до Бенгаліи, отъ Перу до Рима—самое глупое животное есть вездѣ, по мнѣнію моему, человѣкъ.

ми безобразными фарфоровыми фигурками, которыя ставятся иногда на обѣденные столы. Но все это было лишь слабымъ уподобленіемъ.

Уже одно извѣстіе о прибытіи Русскаго генерала потрясло всю мою нервную систему, и вдругъ появленіе этой каррикатуры, этого олицетворенія всѣхъ уродливостей, которыми обезобразилъ императоръ Павелъ свою армію!

Дибичъ служилъ нѣкогда юнкеромъ въ Прусскомъ полку, находившемся въ это время подъ командою Тиля и стоявшемъ въ Варшавѣ. Въ Семилѣтнюю войну онъ былъ уже офицеромъ и, раненный при Цорндорфѣ, маленькій, рыжеволосый забіяка, прослывшій за храбреца и дѣльнаго офицера, обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго, который приблизилъ его къ своей особѣ въ качествѣ квартермейстерскаго помощника. Въ царствованіе Фридриха Вильгельма II-го, Дибичъ, въ чинѣ маіора, командовалъ баталіономъ фузилёровъ. Онъ сталъ извѣстенъ какими-то изобрѣтеніями по военной части и получилъ, не знаю за какое сраженіе, орденъ pour le mérite, но не былъ любимъ въ Прусской арміи, гдѣ слылъ за прейдоху и мастера обдѣлывать дѣла свои. Въ одномъ королевскомъ предписаніи по ошибкѣ онъ былъ названъ подполковникомъ; онъ поспѣшилъ отблагодарить за производство и тѣмъ предупредилъ исправленіе ошибки. Мало того, онъ не замедлилъ возвѣстить о таковой королевской милости всему обществу офицеровъ и, по примѣру коронованныхъ особъ, отпраздновалъ счастливое событіе дарованіемъ пощады одному солдату, который былъ приговоренъ къ прогнанію сквозь строй. Выведенный на чистую воду и осмѣянный, онъ въ сердцахъ покинулъ Прусскую службу и переѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, который уже успѣлъ посидѣть за какой-то проступокъ въ крѣпости, въ Глацѣ. Дибичъ лишился на Рейнѣ другаго, подававшаго блестящія надежды, сына. Въ уваженіе этого обстоятельства былъ помилованъ оставшійся въ живыхъ. Старикъ горячо привязался къ младшему изъ своихъ сыновей, своему Ивану (впослѣдствіи фельдмаршалу), который считался въ это время Прусскимъ кадетомъ, прилежнымъ, много обѣщающимъ мальчикомъ. Его уже нѣсколько разъ вызывали изъ Пруссіи на Русскую службу.

Быстрымъ возвышеніемъ своимъ Дибичъ обязанъ былъ своему сочиненію, въ которомъ удачно изобразилъ особенности домашней жизни Фридриха II, и передалъ много о немъ анекдотовъ. Императоръ Павелъ пришелъ отъ этого въ восторгъ, и новый пришлецъ сдѣлался вскорѣ предметомъ особой внимательности Русскаго государя, къ странностямъ и причудамъ котораго Дибичъ успѣлъ отлично примѣняться, съ стоическимъ терпѣніемъ вынося всѣ его шутки и задирательства. Очень вѣроятно, что до пріѣзда своего въ Силезію Дибичъ самъ недоумѣвалъ, какую роль разыгрывалъ онъ при дворѣ Павла, роль любимца или шута. Очень можетъ быть, что того и другаго; тѣмъ болѣе, что въ глазахъ причудливаго самодержца роль шута была одною изъ почетнѣйшихъ должностей стараго добраго времени, когда, какъ говорили, голова подъ колпакомъ съ бубенчиками нерѣдко видѣла дальше головы, осѣненной вѣнцомъ. Но съ дру-

гой стороны Дибичъ и самъ былъ порядочный оригиналъ, настоящій характеръ котораго скрывался подъ крѣпкою оболочкою странностей. Мнѣ кажется, что природа создала его скорѣе добрымъ, чѣмъ злымъ; но будучи хвастунишкою въ высшей степени, онъ въ тоже время былъ лукавъ, остроуменъ, многознающъ. Наушникъ, рабъ по своимъ свойствамъ, онъ тѣмъ не менѣе одержимъ былъ честолюбіемъ и всегда готовъ былъ подставить ногу тому, кто стоялъ ему поперекъ на дорогѣ. Императоръ принялъ его въ свою свиту сначала подполковникомъ, потомъ полковникомъ, сослалъ его потомъ въ Сибирь, но на пути туда, въ Твери, пріятно изумилъ его производствомъ въ генералы и назначеніемъ командиромъ тамошняго гарнизоннаго полка. Вскорѣ потомъ Дибичъ былъ снова призванъ склонять колѣна у подножія трона, но вмѣсто ожидаемаго удара отъ руки палача, онъ получилъ рыцарскій ударъ посвященія въ командоры Мальтійскаго ордена. Наконецъ онъ былъ сдѣланъ третьимъ начальникомъ Кадетскаго Корпуса, должность сама по себѣ незначительная, но доставлявшая ему честь постоянныхъ прямыхъ сношеній съ Государемъ. Такъ разсказывалъ мнѣ свою исторію безчисленное число разъ самъ Дибичъ—справедливо или нѣтъ, не знаю, но всякій разъ разсказъ его заключался припѣвомъ: «Императоръ мнѣ другъ».

Теперь возникаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли Дибичъ былъ нарочно посланъ Павломъ I, чтобъ привезти меня въ Россію, или, случившись въ это время въ Германіи въ отпуску по собственному дѣлу, онъ пришелся кстати для исполненія прежнихъ приказаній Императора и желанія моихъ родителей? Что до него самого, то онъ всѣми силами старался убѣдить меня въ томъ, что онъ есть истинный представитель императорскаго величества, посредникъ его милостей, истолкователь его воли, настоящій посолъ, уполномоченный непосредственно навсегда усвоить мою особу Сѣверной Имперіи.

Какъ скоро Дибичъ появился въ Карльсруэ, не было ни о чемъ болѣе рѣчи, какъ о предстоящемъ моемъ отъѣздѣ въ С.-Петербургъ, и снаряженіе этой эмиграціи поглотило собою всю дѣятельность моихъ домашнихъ. Хлопоты о приготовленіи меня къ конфирмаціи сбили съ ногъ нашего стараго школьнаго инспектора Регели (Rhegely) и, чтобы не отстать отъ него въ усердіи, я рѣшился вызубрить исповѣданіе вѣры, т. е. цѣлыхъ 50 страницъ. Нѣкто бѣжавшій изъ Французскаго плѣна, Русскій канцеляристъ былъ назначенъ мнѣ учителемъ Русскаго языка, а пользованіе насущнымъ хлѣбомъ было обусловлено для меня тѣмъ, чтобы въ теченіи каждаго часа я заучивалъ по 10-ти Русскихъ словъ и по два предложенія. Учитель военныхъ наукъ долженъ былъ обучать меня тактикѣ и фортификаціи и передъ отходомъ ко сну экзаменовать въ военной терминологіи по биркѣ, и если количество моихъ отвѣтовъ не соотвѣтствовало числу черточекъ на биркѣ, то недостающее отсчитывалось мнѣ ударами по пальцамъ. Короче, было приложено всевозможное стараніе, чтобы сдѣлать изъ меня попугая, котораго можно было-бы рекомендовать его новому хозяину совсѣмъ готовымъ и не требующимъ дальнѣйшей дрессировки. Но изо всѣхъ моихъ мучителей самая трудная

должность досталась на долю парикмахера. Его тяжелая поденная работа имѣла почти неразрѣшимою задачею приведеніе моихъ кудрей въ совершенное подобіе парику генерала Дибича. Я былъ низведенъ на степень барана, который, послѣ многоверстнаго мучительнаго переѣзда въ телѣгѣ мясника, поступаетъ наконецъ на бойню. Ну, думалъ я, хуже этого ужъ не будетъ!

За неудавшійся проэктъ относительно ножницъ я, согласно старинному Прусскому закону, по которому всякій неудачный самоубійца считался за дезертира, посягнувшаго на похищеніе у короля его собственности, т. е. своей души, былъ подвергнутъ такому строгому наказанію, что, сдѣлавшись весьма чувствительнымъ къ страданіямъ временной жизни, никогда болѣе не смѣлъ и помышлять о побѣгѣ въ вѣчность.

За то меня обуялъ демонъ другаго рода: во мнѣ пробудилась склонность къ сатирѣ, существованія которой я до сихъ поръ и не подозрѣвалъ въ себѣ. За причиненное мнѣ зло я сталъ мстить малою войною, которую втайнѣ объявилъ всѣмъ людскимъ предразсудкамъ.

Мнѣ легка была разлука — не говорю съ родителями, братомъ и сестрой [5]), или съ городомъ Карльсруэ — но съ противной моей домашней обстановкой. Мое новое поприще я считалъ жертвой, приносимой интересамъ моихъ родителей, и эта мысль укрѣпляла меня въ христіанской покорности судьбѣ. Родители мои сами внушили мнѣ это убѣжденіе, видя въ немъ сильнѣйшее средство побудить меня къ дальнѣйшему самоотверженію; ибо они горячо любили меня и не сомнѣвались въ моей неограниченной привязанности къ нимъ, не смотря на то, что я воздержался отъ слезъ и съ иронической улыбкой смотрѣлъ впередъ въ неблагопріятную будущность.

14 Января (1801) я простился съ ними, напутствуемый благословеніями всѣхъ жителей Карльсруэ, и сначала ожидалъ, что вотъ-вотъ совсѣмъ застыну отъ холода; но мало по малу мысли мои обогрѣлись, и я затянулъ пѣсенку:

Malborough s' en va-t-en guerre;
Dieu sait quand reviendra [6])!

Съ генераломъ Дибичемъ и его дочерьми, которыхъ онъ увозилъ изъ Силезіи въ Россію, я долженъ былъ съѣхаться въ Варшавѣ. Самъ же я былъ порученъ непосредственному надзору Прусскаго ротмистра фонъ-Требры, и кромѣ того ко мнѣ были приставлены бывшій ротный хирургъ, слуга и старый гусаръ.

Какая-то особенная злая судьба тяготѣла надъ руководителями моей юности. Столкновенія между обоими ревнивыми педагогами были неизбѣжны: ротмистръ, подвергшій сомнѣнію авторитетъ генерала, подалъ первый поводъ къ несогласіямъ и раздору.

---

[5]) Младшій братъ мой Павелъ (отецъ великой княгини Елены Павловны), родился въ 1785, а сестра Луиза—въ 1789 году.

[6]) Мальбругъ въ походъ поѣхалъ,
Богъ вѣсть, когда вернется!

Я не любилъ г. фонъ Требру по слѣдующей причинѣ. Будучи моимъ первымъ военнымъ учителемъ, онъ старался заискать во мнѣ тѣмъ, что, когда отецъ увлекался формалистикою и туго закручивалъ мнѣ косу на самомъ темени, считая это отличительнымъ признакомъ хорошаго солдата, Требра всегда нѣсколько распускалъ ее сверху. Я плакалъ и кричалъ отъ операціи, которой подвергалъ меня отецъ, но тѣмъ не менѣе соболѣзновательная предупредительность моего учителя казалась мнѣ незаконною. Съ тѣхъ поръ я пересталъ питать довѣріе къ этому человѣку и не ошибся; потому что онъ сбросилъ маску, лишь только городъ Карльсруэ остался позади насъ, и высказалъ себя не только холоднымъ и безучастнымъ ко мнѣ, но и враждебно-настроеннымъ къ дорогимъ мнѣ лицамъ. Все же мнѣ нравилось, что онъ не льстилъ мнѣ, какъ генералъ Дибичъ; а потому легко можетъ быть, что его обращеніе со мной было скорѣе дѣйствіемъ какой-нибудь невѣдомой мнѣ воспитательной системы, чѣмъ его дурнаго характера. Состоя сначала въ Саксонской, потомъ въ Голландской и наконецъ въ Прусской службѣ, Требра изъ-за ссоры съ товарищемъ покинулъ полкъ моего отца; но, вступивъ въ бракъ съ фрейлиной моей матери, получилъ доступъ въ нашъ домъ. 36-ти лѣтъ отъ роду, высокій и статный, съ серьезнымъ и лукавымъ выраженіемъ въ глазахъ, онъ казался столь же привлекательнымъ, какъ и внушительнымъ. Въ разговорѣ онъ умѣлъ придавать своимъ словамъ вѣсъ и обнаруживалъ обширныя познанія. Одной изъ его любимыхъ темъ была философія Канта.

Варшава, внезапно открывшись глазамъ моимъ среди окружающей ее пустыни, представляла собою величественное зрѣлище, а въ нѣдрахъ своихъ множество утѣхъ. Этотъ саркофагъ падшаго величія, этотъ вполнѣ Славянскій городъ, осужденный содержать и угощать пришельцевъ, совершенно для него чуждыхъ, навѣялъ на меня много философскихъ думъ. Сколько хотите разсуждайте о тамошней неурядицѣ, которая была причиною паденія Польши, а мнѣ все-таки противна была эта недавняя чужеземная прививка къ старому, гніющему стволу. Всѣ эти Прусскіе чиновники, получавшіе скудное жалованье и какъ шершни облѣпившіе чужое добро, чтобы высосать изъ него послѣдніе жалкіе остатки меда, пощаженные Жидами, эта Сальдерновская военная дисциплина съ Нѣмецкими командными терминами, вся эта провинціальная мелочность, которую Прусаки насильственно навязывали доставшейся имъ странѣ, все это, казалось мнѣ, подлежало очистительному изгнанію за одно съ Еврейскою поганью, отъ которой такъ страдала Польша. Въ Варшавѣ я въ первый разъ былъ чествуемъ въ высшемъ обществѣ, именно въ антинаціональномъ кружкѣ, собиравшемся у тамошняго губернатора, генерала фонъ-Кёлера, человѣка добраго и всѣми любимаго.

Въ гостинницѣ, гдѣ мы остановились и нашли генерала Дибича, произошла первая распря между обоими моими приставниками, которая съ тѣхъ поръ то и дѣло возобновлялась, подобно ссорѣ двухъ обозныхъ служителей изъ-за украденнаго барана.

Дочери генерала сравнительно со мною были уже зрѣлыя дѣвушки, но онѣ оказывали мнѣ дружеское участіе, о которомъ я вспоминаю съ благодарностію. Дальнѣйшее путешествіе въ ихъ обществѣ происходило для меня пріятнѣе чѣмъ до сихъ поръ, но до Русской границы не представило ничего замѣчательнаго.

Когда наконецъ взорамъ моимъ представился городъ Гродна, возвышающійся на гребнѣ холмовъ по ту сторону Нѣмана, сердце мое сильно забилось, и опасенія, уже давно возбужденныя мыслію о Русской неволѣ, до такой степени стѣснили мою грудь, что и почти задыхался. Еще шагъ, и прощай на вѣки моя свобода! Такъ думалъ я. Но этотъ шагъ съ парома на берегъ, который долженъ былъ привести меня въ воображаемое подземное царство тьмы и всякихъ мукъ, былъ прегражденъ распоряжавшимся въ этомъ мѣстѣ казацкимъ офицеромъ. Генералъ Дибичъ кричалъ, бѣсился, ссылался на особыя императорскія приказанія; казакъ указывалъ на неудовлетворительность нашихъ паспортовъ и на свою должность. Наконецъ прибѣжалъ, задыхаясь и разсыпаясь въ извиненіяхъ, таможенный инспекторъ, баронъ фонъ-Гирсъ, вѣроятно предувѣдомленный о предстоявшемъ моемъ появленіи. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, дождаться, какъ говорилъ онъ, извѣщенія мѣстныхъ властей и приготовленій къ моему торжественному пріему: по увѣренію генерала и его дочерей (съ которыми не соглашался г. фонъ Требра), состоялось высочайшее повелѣніе встрѣчать меня повсюду съ почестями, присвоенными членамъ императорской фамиліи.

Дѣйствительно, вскорѣ на улицахъ поднялась суматоха. Не успѣлъ я одѣться и убраться, какъ явился второй начальникъ Гродненскаго Кадетскаго Корпуса, полковникъ баронъ Эльснеръ; онъ повторилъ мнѣ извиненія отъ имени всѣхъ властей и только тогда успокоился, когда генералъ Дибичъ изъявилъ ему свое удовольствіе за выказанное рвеніе и пообѣщалъ не взыскивать съ обитателей Гродны за то, что они не ожидали насъ цѣлыхъ восемь дней, стоя по колѣна въ снѣгу.

Наконецъ приблизилась длинная процессія военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ полной парадной формѣ, предводимая командиромъ квартировавшаго въ Гроднѣ мушкатерскаго полка, генераломъ, который говорилъ только по-русски. Онъ подалъ мнѣ письменный рапортъ, послѣ чего я, въ сопровожденіи всѣхъ сановниковъ, былъ препровожденъ на приготовленную мнѣ въ городѣ квартиру. Здѣсь я былъ встрѣченъ прекрасною молодою Полькою; но ея радушное привѣтствіе было тотчасъ же прервано множествомъ ординарцевъ и дежурныхъ офицеровъ, явившихся, чтобы представиться мнѣ. Затѣмъ послѣдовалъ роскошный ужинъ при соучастіи множества незнакомыхъ мнѣ знатныхъ гостей. За ужиномъ я занялъ мѣсто возлѣ моей прекрасной хозяйки. Образъ ея снился мнѣ потомъ ночью. На слѣдующее утро мнѣ были представлены офицеры гарнизона. Я встрѣтилъ между ними много приличныхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ большая часть была хорошо образована; почти всѣ владѣли Французскимъ языкомъ: въ числѣ ихъ было нѣсколько Лифляндцевъ, хорошо

4*

говорившихъ по-нѣмецки. Не смотря на пристрастіе императора Павла къ старопрусскому костюму, который всюду бросался въ глаза, я и подъ этою внѣшностью замѣчалъ свойственное Русскимъ изящество. Меня посѣтили потомъ всѣ гражданскіе чиновники и представители дворянства въ форменныхъ мундирахъ, и тутъ я убѣдился, что тогдашніе Русскіе Поляки гораздо равнодушнѣе относились къ постигшей ихъ участи, чѣмъ жители Прусской Польши, и что они были преданы императору Павлу. Напротивъ того, Русскіе отзывались о немъ, какъ о строгомъ властителѣ.

Парадъ мушкатерскаго полка, во время котораго генералъ оказывалъ мнѣ всяческія почести, произвелъ на мое юношеское воображеніе вполнѣ пріятное впечатлѣніе, и хотя каждый отдѣльно взятый солдатъ, въ зимнемъ одѣяніи съ голубыми лацканами и обшлагами, въ узкихъ бѣлыхъ штанахъ съ высокими черными ботфортами, съ галунною шляпою, низко надвинутою на лице поверхъ густо напудренной прически и длинной косы, былъ ничто иное, какъ размалеванная каррикатура, тѣмъ не менѣе въ общемъ видъ ихъ былъ внушителенъ, почти воинственъ. Замѣтить надобно, что именно этому самому полку, впослѣдствіи получившему названіе Муромскаго, предопредѣлено было судьбою выдержать столько жаркихъ сраженій подъ моимъ начальствомъ; тогда же я далекъ былъ отъ предчувствія, что многимъ изъ этихъ цвѣтущихъ молодыхъ людей суждено будетъ умереть на моихъ глазахъ.

Воинскія занятія во время моего пребыванія въ Гроднѣ поочередно смѣнялись то осмотромъ тамошнихъ заведеній (наприм. Кадетскаго Корпуса, гдѣ въ моемъ присутствіи производились экзамены въ Нѣмецкомъ языкѣ), то большими ассамблеями и балами, на которыхъ моя прекрасная хозяйка поставляла себѣ въ обязанность знакомить меня съ прекрасною половиною общества, съѣхавшагося изо всей окрестности. Итакъ не скрою, что пребываніе въ первомъ Русскомъ губернскомъ городѣ успѣло уже бросить болѣе утѣшительный свѣтъ на будущность, представлявшуюся мнѣ доселѣ въ столь мрачномъ видѣ. Правда, всѣ эти непривычные мнѣ публичные парады и господствовавшая на нихъ принужденность были мнѣ по прежнему въ высшей степени противны и тягостны; но меня вознаграждала за то особенная благосклонность моей прекрасной хозяйки, которая, между четырехъ глазъ, отбросивъ въ сторону всякіе этикеты, прижимала маленькаго генеральчика къ груди своей, съ особенною нѣжностію гладила его по головкѣ и старалась ему втолковать, что въ мірѣ семъ сладкія эссенціи никогда не доводится глотать безъ примѣси къ нимъ нѣкоторой доли болѣе горькихъ экстрактовъ, но что это не должно отвращать отъ наслажденія. Поэтому, въ самый день этого разговора, я отъ души танцовалъ и чувствовалъ себя блаженнымъ.

Такимъ образомъ, когда послѣдовалъ сигналъ къ дальнѣйшему слѣдованію, разставаніе сдѣлалось для меня тяжело; да и дѣйствительно, то, что̀ мнѣ предстояло испытать въ зимнюю ѣзду на курьерскихъ, составляло рѣзкую противоположность съ Гродненскими празд-

нествами. Отсюда до Риги я только и видѣлъ одни несносныя, военныя представленія, при чемъ картины въ Гогартовскомъ родѣ попадались такъ часто, что надоѣдали мнѣ до тошноты. Самый день отъѣзда изобиловалъ подобными мученіями и, начиная съ завтрака у коменданта до ночнаго въѣзда въ Мерецъ, съ казачьимъ конвоемъ и факельнымъ освѣщеніемъ, я долженъ былъ претерпѣвать истинную пытку. За завтракомъ, между прочимъ, непріятно были поражены мои музыкальныя способности. Военные пѣсенники оглушали меня, и выведенный изъ терпѣнія этимъ гамомъ, я воскликнулъ: «Да это несноснѣе собачьяго воя!»—«Настоящая Русская музыка», самодовольно возразилъ мнѣ комендантъ.

Въ Ригѣ встрѣтилъ я двухъ своихъ дядей, Людвига и Александра, и тетку; въ ихъ объятіяхъ я спасался отъ черезъ-чуръ тягостныхъ церемоній: ибо какъ малое свѣтило затемняется большимъ, такъ и я посреди этихъ высокихъ особъ былъ избавленъ отъ поклоненія. За исключеніемъ нѣсколькихъ парадовъ (между прочимъ полка, названнаго впослѣдствіи Таврическимъ, котораго я сдѣлался шефомъ, когда императоръ Александръ перевелъ меня въ пѣхоту), я раздѣлался съ Ригою довольно дешево. Дядя, герцогъ Людвигъ Виртембергскій, увѣрялъ меня, что императоръ Павелъ очень любитъ моего отца и что поэтому я долженъ ожидать себѣ большихъ милостей, что̀ повидимому подтверждалось собственноручнымъ письмомъ Императора, которое я получилъ на почтовой станціи Тормѣ въ Эстляндіи, въ которомъ онъ выражалъ свое удовольствіе по поводу моего ожидаемаго пріѣзда.

Вечеромъ 6 Февраля новаго стиля (1801 г.), прибылъ я въ С.-Петербургъ. Меня привезли въ зданіе Перваго Кадетскаго Корпуса на Васильевскомъ острову. Здѣсь я былъ встрѣченъ множествомъ разодѣтыхъ офицеровъ и служителей, которые со свѣчами въ рукахъ проводили меня въ богатоубранныя комнаты. Въ первой изъ нихъ былъ накрытъ на три прибора великолѣпно сервированный столъ. Вскорѣ потомъ вошелъ генералъ, весь въ звѣздахъ и также въ мундирѣ Кадетскаго Корпуса. Онъ отрекомендовался мнѣ первымъ директоромъ онаго, княземъ Платономъ Зубовымъ. Этотъ знатный и въ царствованіе Екатерины очень вліятельный и могущественный человѣкъ съ первыхъ словъ сталъ завѣрять меня въ своей преданности и просить моихъ приказаній. Сначала я ощутилъ немалое поползновеніе поцѣловать его руку, потому что г. фонъ-Требра увѣрилъ меня, что я буду воспитываться, какъ простой кадетъ и, слѣдовательно, я долженъ былъ видѣть въ князѣ своего начальника. Но генералъ Дибичъ не только удержалъ меня отъ этого, а даже, заслышавъ мое первое обращеніе къ князю, шепнулъ мнѣ на ухо: «Этого господина (den Kerl) не надо величать свѣтлостью». Тутъ онъ былъ неправъ, потому что Екатерина доставила Платону Зубову имперское княжество.

Я пріободрился и постарался какъ можно пріятнѣе занять этого очень любезнаго царедворца. Мнѣ кажется, что онъ разстался со мною вполнѣ довольный своимъ посѣщеніемъ; но едва онъ отвернулся отъ меня, какъ генералъ Дибичъ, схвативъ меня за руку, вскри-

чалъ: «Да знаете-ли вы, что это за человѣкъ? Это одинъ изъ извѣстнѣйшихъ любимцевъ императрицы Екатерины; но теперь они въ упадкѣ. При дворѣ передъ нимъ не извольте слишкомъ расточать вашихъ любезностей!» Я возразилъ, что въ придворныхъ сплетеніяхъ я еще неопытенъ, какъ крестьянскій мальчикъ.

На другой день рано меня разбудилъ парикмахеръ и соорудилъ на головѣ моей цѣлое зданіе изъ пудры и помады. Потомъ меня облекли въ совершенно новый свѣтлозеленый драгунскій мундиръ, съ краснымъ воротникомъ и обшлагами и съ золотымъ аксельбантомъ. Въ остальныхъ подробностяхъ нарядъ мой былъ такой же, какъ и тотъ, который привлекъ ко мнѣ вниманіе уличныхъ мальчишекъ; только надобно замѣтить, что вслѣдствіе поспѣшности обмундированія почти всякая часть туалета оказалась несоотвѣтствующею размѣрамъ моихъ членовъ.

Едва успѣлъ я убраться, какъ мнѣ донесли о пріѣздѣ графа Кутайсова. Этотъ господинъ, въ красномъ мундирѣ Мальтійскаго ордена, съ бѣлоснѣжнымъ хохломъ, какъ у попугая, былъ первымъ любимцемъ Государя. Турокъ по происхожденію, въ малолѣтствѣ попавшійся въ плѣнъ, онъ выросъ на глазахъ Императора въ числѣ низшей придворной прислуги и былъ возведенъ въ камердинеры, потомъ въ оберъ-гофмейстеры. Въ Россіи его ненавидѣли, но по-напрасну, такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобъ онъ сдѣлалъ какое-либо зло. Онъ показался мнѣ добродушнымъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ имени Императора освѣдомиться о моемъ здоровьѣ и проводить меня къ нему на аудіенцію.

Я тотчасъ же отправился съ генераломъ Дибичемъ въ Михайловскій дворецъ, недавно выстроенный Павломъ І-мъ близъ Марсоваго поля. Видъ новаго царскаго мѣстопребыванія, эта выкрашенная красной краской каменная масса, окруженная экзерциргаузами, представлялъ собою явную противоположность колоссальному зимнему дворцу, мимо котораго я только-что проѣхалъ. Тоже можно сказать и о невзрачной статуйкѣ Петра Великаго, находившейся у подъѣзда Михайловскаго дворца сравнительно съ памятникомъ, сооруженнымъ въ честь основателя Русскаго могущества Екатериною Второю близъ Невскаго моста на Сенатской площади. Этимъ памятникомъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, я любовался.

Но всѣ эти размышленія разлетѣлись въ прахъ, лишь только наша карета съ громомъ подкатила ко дворцу, и одинъ взглядъ на поблѣднѣвшее лицо моего спутника далъ мнѣ понять всю важность предстоящей рѣшительной минуты. Въ самомъ дѣлѣ, судорожная дрожь моего старика заставляла опасаться за его существованіе. Прикосновеніе его холодной руки, напомнившее мнѣ командора въ Донъ-Жуанѣ, убѣждало меня, что Дибичъ напрасно толковалъ мнѣ, будто Государь ему другъ: въ такомъ состояніи не приближаются къ друзьямъ своимъ.

Въ то время, какъ я все это соображалъ. меня высадили изъ кареты, въ которой я, можно сказать, почти-что лежалъ на лонѣ моего терпѣливаго гофмейстера, такъ какъ сидѣть не было возможности, по причи-

нѣ высокихъ моихъ ботфортовъ. Потомъ стали мы маленькими прыжками подниматься по лѣстницѣ, и его дрожащее превосходительство воспользовалось этимъ медленнымъ восхожденіемъ для преподанія мнѣ всякаго рода наставленій. Наконецъ, пройдя цѣлый рядъ залъ и великолѣпныхъ покоевъ, мы достигли заповѣдныхъ дверей. Дибичъ боязливо творилъ молитву: «Боже, буди къ намъ милостивъ!» (Nun, Gott sei uns gnädig); двери растворились, и предо мною въ очію предсталъ Императоръ, совершенно такой, какимъ я уже давно зналъ его по множеству портретовъ. Это былъ сухопарый человѣкъ средняго роста, съ крайне-невзрачными чертами блѣдножелтаго лица; крошечные глаза, верхняя губа обвисла, нижняя выпятилась впередъ, носъ короткій и приплюснутый. На немъ былъ старомодный, синевато-зеленый мундиръ съ простымъ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, безъ лацкановъ, безъ золотыхъ пуговицъ и эксельбантовъ, и бѣлаго сукна панталоны въ высокихъ ботфортахъ. Голова густо напудрена, но коса не очень длинна. Въ прорѣзи мундира вдѣта шпага. Одежда Императора не имѣла шитья, но лѣвая сторона груди была украшена двумя звѣздами. Не смотря на странное и непріятное впечатлѣніе, производимое его внѣшностью во всей ея совокупности, взоръ Императора не имѣлъ ничего устрашающаго и даже показался мнѣ добрымъ.

По данному мнѣ наставленію, я долженъ былъ преклонить одно колѣно передъ Самодержцемъ, но это никакъ мнѣ не удавалось. Напрасно силясь согнуть жесткое голенище высокой ботфорты на лѣвой ногѣ, я внезапно рухнулся на оба колѣна. Отъ Императора не укрылось, чего стоило мнѣ все это усиліе и какъ твердо преодолѣвалъ я оное. Онъ улыбнулся, поднялъ меня обѣими руками вверхъ, опустилъ на стулъ и сказалъ своимъ особеннымъ хриплымъ голосомъ: «Садитесь, милостивый государь! Какъ вы провели ночь у насъ? Что̀ вамъ снилось?»

Отвѣтъ мой: «Ничего, Ваше Величество!» повидимому, совершенно поразилъ генерала Дибича.

— «Да, да», поспѣшилъ я прибавить, подмигивая Дибичу: «Я слишкомъ усталъ, и потому не видѣлъ никакого сна».

Дибичъ поблѣднѣлъ; но такъ какъ Императоръ принялъ мой отвѣтъ милостиво, то взоръ его прояснился.

— «Вамъ понравится у насъ», сказалъ Павелъ, оглядывая меня съ ногъ до головы. «Сколько вамъ лѣтъ?»

— «Тринадцать, Ваше Величество».

— «Видѣли свѣтъ?»

— «Я имѣлъ честь вамъ доложить, что увидѣлъ его тринадцать лѣтъ тому назадъ».

— «Не о томъ рѣчь», возразилъ съ улыбкою Императоръ; «я спрашиваю, случалось ли вамъ путешествовать? Видали-ль людей и....?

На этомъ я прервалъ его. Дибичъ поблѣднѣлъ снова; но я, не обращая на него вниманія, объявилъ, что мало еще видалъ постороннихъ людей и никогда почти не покидалъ своего мѣстожительства; «но», прибавилъ я, «люди вездѣ одинаковы, и здѣсь такіе же, какъ у насъ».

— «Я этому радъ», возразилъ отъ души засмѣявшись Императоръ, и черты Дибича озарились счастіемъ. «Я радъ, что вы такъ скоро освоились съ нами; а чего еще не знаете, тому скоро научитесь».

— «Ахъ, Боже мой!» воскликнулъ я. «Жизнь слишкомъ коротка, чтобы научиться всему, чему мы должны и чему хотѣли-бы научиться».

— «Браво!» вскричалъ Императоръ, значительно взглянувъ на Дибича и милостиво подмигнувъ ему. Затѣмъ онъ быстро всталъ со стула и, пославъ мнѣ поцѣлуй рукою, вышелъ приговаривая: «Очень радъ, милостивый государь, вашему знакомству. Подождите: я доложу объ васъ Императрицѣ».

До слезъ разстроганный Дибичъ воспользовался этимъ промежуткомъ, чтобы дать исходъ переполнившимъ его чувствамъ. «Благодареніе Богу! Государь къ намъ милостивъ!» воскликнулъ онъ. И правда, въ это время онъ не проявилъ ни малѣйшаго слѣда болѣзни, въ существованіе которой меня посвятила нескромность дяди моего въ Ригѣ. Онъ говорилъ со мной по-нѣмецки совершенно чисто и былъ любезенъ, нисколько не роняя своего императорскаго достоинства.

Императрица приняла меня радушно. Эта 40 лѣтняя женщина имѣла величественную осанку, и на первый взглядъ, въ особенности издали, въ ней было больше торжественной важности, чѣмъ привѣтливости. Глаза ея сверкали, и выраженіе лица мѣнялось; но при ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, что самыми кроткими чувствами одушевлялись прекрасныя, правильныя и какъ зеркало свѣтлыя черты ея лица. Она была высокаго роста, крѣпкаго, но въ тоже время изящнаго сложенія; всегда безукоризненный нарядъ, въ соединеніи съ прекраснымъ станомъ, придавалъ ей видъ моложавости.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня она остановилась и сказала своему супругу, пристально глядя на меня: «Il a l'air bien nourri!» [7]). Императоръ отвѣчалъ: «C'est un joli garçon» [8]).

Слыша, что разговоръ ведется по-французски, я поспѣшилъ проговорить на этомъ языкѣ привѣтствіе, которое затвердилъ со словъ г. Рикордо и дѣвицы Беллондъ. Императоръ прервалъ меня и поспѣшно спросилъ:

Это вы дома научились такъ хорошо говорить по-французски?

— У Француза, Ваше Величество.

— Ну, такъ вы скоро научитесь и по-русски.

— Трудно.

— Почему вы это знаете?

— Отъ моего Русскаго учителя.

— Развѣ онъ нашелся у васъ въ Карльсруэ?

— Точно такъ, Ваше Величество.

— Ну, право, это прекрасно! вскричалъ Императоръ, хлопая въ ладоши и, обратясь къ моей теткѣ, сказалъ: «А наши молокососы весь свѣтъ изъѣздили и не привезли съ собой столько, какъ этотъ ребенокъ, воспитанный дома!»

---

[7]) Онъ прездоровенькій!

[8]) Да, онъ красивый мальчикъ.

Едва владѣя собою, я черезъ чуръ развязно вмѣшался въ разговоръ: «Ваше Величество совершенно ошибаетесь; я боюсь, что не выдержу экзамена, но буду прилежно учиться и, можетъ быть, наверстаю то, чего мнѣ недостаетъ».

— Браво, браво! повторялъ Императоръ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ почти безпрерывно, и потомъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній относительно путешествій. Тутъ я необдуманно обнаружилъ одно знаніе, запечатлѣнное въ моей памяти разговорами съ г. фонъ-Треброю; оно повлекло за собой такую неблагопріятную перемѣну атмосферы, что улыбающееся мнѣ солнце чуть было не затмилось навсегда. «Знаете, Ваше Величество», сказалъ я, «путешествія не дѣлаютъ человѣка умнѣе».

— Почему вы такъ думаете? спросилъ Павелъ съ улыбкою.

— Да потому (возразилъ я, почти удивленный, что Императоръ могъ еще въ этомъ сомнѣваться), что Кантъ никогда не выѣзжалъ изъ Кенигсберга, а мысль его обнимала весь міръ.

При этихъ словахъ лице Императора омрачилось. Быстро смѣнявшіяся одно другимъ ощущенія, подобно издали приближающейся грозѣ, обнаружились припадкомъ одышки, и вдругъ онъ сильно топнулъ ногою.

— А что такое, маленькій человѣчекъ, знаете вы о Кантѣ? сурово спросилъ онъ меня.

Къ счастію, какъ молнія блеснула въ головѣ моей мысль о рѣшительномъ отвращеніи Павла ко всѣмъ философамъ. Эта мысль, придя ко мнѣ на помощь, оказала мнѣ услугу, и колебавшіеся вѣсы императорскихъ милостей окончательно потянулись на мою сторону.

— Я ничего не знаю объ его твореніяхъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я,--они для меня іероглифы; но онъ самъ сдѣлался историческимъ лицомъ, и его не обходятъ молчаніемъ въ классахъ исторіи.

Я попалъ прямо въ цѣль. Императоръ судорожно расхохотался. C'est excellent! [9]), повторилъ онъ по крайней мѣрѣ тысячу разъ, схватилъ меня за обѣ руки, сильно потрясъ ихъ, повернулся потомъ какъ-то судорожно къ Императрицѣ, снова захохоталъ изо всей мочи и, какъ бы довольный собою, ударилъ себя нѣсколько разъ въ грудь.

— Savez-vous que ce petit drôle a fait ma conquête? [10]), сказалъ онъ и вышелъ, пославъ еще разъ мнѣ рукою поцѣлуй и напѣвая какія-то трели.

Слова: «J'en suis charmée» [11]) замерли на устахъ моей встревоженной тётушки. Слѣдя за удаляющимся Императоромъ, она, казалось, съ безпокойствомъ вдумывалась въ причину этой странной выходки. Потомъ, обратясь ко мнѣ, она произнесла скороговоркой, полу-кротко, полу-серьезно и слегка грозя мнѣ пальцемъ: «А все же ты маленькій смѣльчакъ! Сыночекъ мой, вѣдь здѣсь слова взвѣшиваются

---

[9]) Превосходно!

[10]) Знаете ли вы, что этотъ маленькій чудакъ совершенно завоевалъ себѣ мое расположеніе?

[11]) Я въ восхищеніи.

строже, чѣмъ въ Карльсруэ. Да и вообще ребенку приличнѣе молчать, чѣмъ слишкомъ много говорить. Прими это къ свѣдѣнію, если хочешь быть счастливъ».

— Ахъ! возразилъ я,—внѣ отечества для меня нѣтъ счастія; но воля родителей для меня священна.

— Это хорошо съ твоей стороны, а потому молчи, коль скоро ихъ любишь.

— Хорошо, я буду нѣмъ, какъ рыба; но смѣю ли сказать еще одно слово въ мое оправданіе?

— Ну, что такое?

— Притворно-наивный тонъ будетъ мнѣ не по душѣ.

— Кто тебя принуждаетъ къ тому?

— Генералъ Дибичъ, который того мнѣнія, что его любилъ Фридрихъ II, и слѣдовательно.....»

При этихъ словахъ Императрица вздрогнула, какъ отъ электрическаго удара, зажала мнѣ рукою ротъ и вскричала:

— Ради Бога, только не надо подобныхъ разсужденій! Ты доброе, невинное дитя; но тебя надо заботливо охранять, чтобъ ты не обжегся на огнѣ.—При этомъ она съ любовію прижала меня къ себѣ и нѣжно поцѣловала; я вполнѣ сознаъ, что слова ея проистекли прямо изъ сердца и что этимъ движеніемъ она какъ бы хотѣла укрыть меня въ своихъ объятіяхъ отъ невзгодъ, о существованіи которыхъ въ то время я и не подозрѣвалъ.

Вѣрно то (въ чемъ я уже тогда былъ совершенно убѣжденъ), что я внезапно и незаслуженно пріобрѣлъ благорасположеніе этой столь непохожей другъ на друга царственной четы.

*

Во мнѣ, ребенкѣ, вдругъ признали новаго царскаго любимца, и ничто такъ не подтверждало этого мнѣнія, какъ низкіе поклоны придворныхъ.

Когда я съ генераломъ моимъ сходилъ съ лѣстницы, то онъ, задыхаясь отъ счастія, бросался мнѣ на шею, и при этомъ радостномъ движеніи съ него слетѣлъ парикъ. Готовность, съ которою я поспѣшилъ услужить ему, поднявъ парикъ, доставила мнѣ при этомъ случаѣ даже поцѣлуй въ руку отъ моего гувернера, въ глазахъ котораго кончикъ пальца, осчастливленный прикосновеніемъ Императора, былъ уже своего рода святынею.

Едва прибылъ я домой, какъ мнѣ передалъ камерпажъ отъ имени Императора Мальтійскій орденъ (высшее отличіе, которое только могъ пожаловать мнѣ Государь), и вслѣдъ за тѣмъ покои мои наполнились безчисленными посѣтителями. Когда наконецъ весь этотъ рой придворныхъ и высшихъ военныхъ чиновъ отхлынулъ, я обратился къ генералу Дибичу съ очень естественнымъ вопросомъ: «Что собственно вся эта комедія означаетъ? За что всѣ эти незаслуженныя почести, и развѣ такъ приказано Императоромъ?

Генералъ сообщилъ мнѣ, что Его Величество, когда я остался одинъ съ Императрицей, призвалъ его къ себѣ, благосклонно пожалъ

ему руку и сказалъ: «Благодарю васъ, генералъ, за сопровожденіе принца; онъ теперь мой навсегда. Онъ превосходитъ мои ожиданія и будетъ, я увѣренъ, вполнѣ соотвѣтствовать моимъ намѣреніямъ. Я теперь приставляю васъ къ нему; вы должны быть всегда съ нимъ, никогда безъ него. Ваше усердіе для меня весьма важно; я полагаюсь на васъ и пребываю къ вамъ благосклоненъ».

— Что при такихъ обстоятельствахъ, продолжалъ Дибичъ, люди за вами ухаживаютъ, будетъ вамъ понятно. Но позвольте одно замѣчаніе: не довѣряйте никому, ибо они всѣ лукавы, какъ кошки, и до тѣхъ только поръ не выпускаютъ когтей, пока надъ ними плеть господина.

— «Но, Боже мой!» возразилъ я, «развѣ не естественно съ ихъ стороны желаніе спровадить такого чужестраннаго выскочку, какъ я? Признаюсь, ваше превосходительство, я этого не могу понять и буду просить Императора, чтобъ онъ сдѣлалъ меня простымъ кадетомъ, какъ это прежде предполагалось».

— «Это было-бы прекрасно!» возразилъ Дибичъ, полусмѣясь, полуиспуганно. «Воля Монарха законъ, и намъ непристойно судить объ его приказаніяхъ. Что касается до того, чтобъ быть вамъ кадетомъ, то это—выдумка вашего господина фонъ-Требры, чтобы вы не слишкомъ зазнавались. Я же ему прямо сказалъ, что это дѣло не подходящее, ибо тутъ намъ приходится бороться съ излишнимъ смиреніемъ, а оно не соотвѣтствуетъ здѣшнему климату. Правда, мѣстопребываніемъ вашимъ былъ назначенъ Кадетскій Корпусъ; но вы могли заключить изъ образа дѣйствій его начальника, князя Зубова, что съ той минуты, какъ вы переступили порогъ корпуснаго зданія, оно сдѣлалось не болѣе, какъ вашимъ дворцомъ, и Его Величество желалъ только его возвысить пребываніемъ въ немъ принца».

Ахъ, ты лисица! подумалъ я. Ты смѣешься надъ Русскими вельможами; а самъ, выскочка, того не замѣчаешь, какъ ты себя унизилъ этой лестью передъ 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, которую ты расточаешь ему изъ одного уваженія къ милостямъ Императора. И правда: еслибы Русскіе повально ненавидѣли всѣхъ иностранцевъ, это было-бы имъ простительно, благодаря образу дѣйствій Павла I-го. Въ его царствованіе всѣ высшія должности были открыты чужеземнымъ проходимцамъ, тогда какъ оскорбленный Русскій человѣкъ въ справедливомъ негодованіи, съ уязвленнымъ чувствомъ гордости, скрывался въ отдаленныхъ углахъ своей родины. И все-таки, не смотря ни на какія обстоятельства, врожденная добродѣтель гостепріимства оставалась господствующею въ этой странѣ; ибо иностранецъ, заслуживающій малѣйшаго уваженія, всегда находилъ въ ней самый радушный и любезный пріемъ.

Въ первый же вечеръ, послѣ всѣхъ этихъ скучныхъ визитовъ, я искалъ отдохновенія въ комнатахъ генерала, въ веселомъ кругу знакомыхъ, собравшихся въ его семействѣ. Мнѣ очень памятно, что тамъ играли aux petits jeux и что было очень весело. Съ одной молоденькой дѣвушкой, которая, представляя Психею, выбрала меня въ свои Купидоны, я, въ юношеской невинности, обошелся, можетъ быть, фа-

мильярнѣе, чѣмъ допускала благопристойность. Эта, другая-ли причина, или наконецъ отвращеніе г. фонъ-Требры къ вечернимъ собраніямъ у Дибича, только онъ доложилъ моей тётушкѣ о совершаемыхъ яко бы у Дибича безчинствахъ: Купидонъ уже никогда болѣе не видалъ своей Психеи.

Утромъ роковаго слѣдующаго дня, не успѣлъ я вдоволь понѣжиться въ своей пуховой постели, какъ г. фонъ-Требра, отдернувъ занавѣси, предсталъ предо мной съ строгимъ выговоромъ за вчерашнее мое неприличное поведеніе. Я же объ немъ совсѣмъ не помнилъ и, сознаюсь, никакъ не могъ понять причинъ, за что строжайшая и серьезнѣйшая оберъ-гофмейстерина моей тетки, графиня Ливенъ, къ которой я явился въ первый разъ засвидѣтельствовать почтеніе, присудила мою соучастницу во вчерашней игрѣ къ розгамъ и объявила, что при первомъ случаѣ я долженъ ожидать такой же милости отъ высокой руки Императрицы. Это поразительное извѣстіе немало испугало меня, и не то, чтобы я опасался за свою шкуру, а скорѣе за честь облеченнаго въ побѣдоносно-воинственный драгунскій мундиръ и вновь испеченнаго Мальтійскаго рыцаря. Между прочимъ завѣреніе старой статсъ-дамы убѣдило меня въ проискахъ моего гувернёра.

Сдѣлавъ нѣсколько парадныхъ визитовъ въ городѣ, я опять пріѣхалъ въ императорскій дворецъ, съ тѣмъ чтобы увидѣть тётушку, къ которой и подошелъ не безъ нѣкотораго сердцебіенія; но страшное предчувствіе не оправдалось, и я былъ принятъ ласково. По видимому, я напомнилъ ей собою любимаго брата, и слезы показались въ ея глазахъ. Я поцѣловалъ ея платье, но она крѣпко обняла меня. Конечно, не обошлось безъ нѣсколькихъ ласковыхъ увѣщаній. Она неблагопріятно отозвалась объ обществѣ, собиравшемся въ зданіи Кадетскаго Корпуса и объявила, что назначитъ мнѣ другое мѣстопребываніе.

Вслѣдъ за тѣмъ я привѣтствовалъ моихъ милыхъ кузинъ. Изъ нихъ Марія была уже 15-ти лѣтъ и, стало быть, для меня особа внушающая, но тѣмъ не менѣе такая кроткая и добрая, что я сейчасъ же почувствовалъ къ ней сердечное влеченіе. Она обладала сочувственнымъ, нѣжнымъ сердцемъ. Непреложнымъ доказательствомъ того служило ея всегдашнее опасливое пребываніе на сторожѣ, чтобы заблаговременно предупреждать всякій возможный съ моей стороны промахъ и тѣмъ предохранять меня отъ затруднительнаго положенія. Ея сестра Екатерина, однихъ лѣтъ со мною, нравилась мнѣ менѣе. Мрачная и скрытная, но преждевременно развитая и сознававшая это, она отталкивала меня своею чопорностью. Обѣ великія княжны были прекрасны. Первая имѣла черты матери; вторая, когда говорила, была похожа на отца, но, къ удивленію, на перекоръ этому сходству—все-таки очаровательна [12]).

Въ теченіе различныхъ перипетій этого дня я наконецъ столкнулся

---

[12]) Въ Нѣмецкихъ книгахъ передается слухъ, будто великую княжну Екатерину Павловну прочили въ супруги принцу Евгенію. Они были однолѣтки.

въ первый разъ и съ наслѣдникомъ престола. Сколько доброты и любезности свѣтилось во взорахъ Александра!

Прелестный 23-хъ лѣтній юноша мимоходомъ проговорилъ мнѣ какую-то любезность, болѣе, чтобъ сдѣлать удовольствіе своему отцу, чѣмъ во вниманіе къ моей собственной маленькой личности; но его обращеніе со всѣми окружающими внушило мнѣ къ нему полнѣйшее обожаніе. Кружокъ, въ которомъ я его привѣтствовалъ, былъ полонъ государственными сановниками. Между ними я услыхалъ фамилію одного героя, прославившагося подъ командою Суворова въ Италіи, и восторженно воскликнулъ: «Такъ это знаменитый князь Багратіонъ?» Александръ улыбнулся моему, можетъ быть, несвоевременно выраженному любопытству, однакоже подвелъ меня къ нему, и князь, которому, какъ я видѣлъ, моя восторженность понравилась, взялъ меня ласково за руку и, указывая на великаго князя, сказалъ: «Если вы хотите, принцъ, видѣть что-нибудь замѣчательное, то вотъ смотрите на восходящее солнце Россіи».

Константинъ, младшій братъ наслѣдника, мускулистаго, коренастаго тѣлосложенія, съ цвѣтущимъ румянцемъ на щекахъ, очень походилъ на отца и считался вообще уступающимъ въ кротости Александру.

Я пробылъ во дворцѣ столько времени, что едва имѣлъ время до вахтпарада сдѣлать визитъ генералъ-губернатору.

На возвратномъ пути изъ губернаторскаго дома мнѣ встрѣтилась императорская лейбъ-гвардія, роскошно освѣщенная лучами солнца. Офицеры были въ зеленыхъ мундирахъ, украшенныхъ довольно простымъ шитьемъ и эксельбантами, въ бѣлыхъ панталонахъ и ботфортахъ и имѣли на головахъ шляпы съ узкими галунами, а въ правой рукѣ такъ называемые эспонтоны; зеленые мундиры рядовыхъ были, напротивъ того, богато испещрены галунами, а заостренныя старопрусскія изъ томпаковой жести шапки придавали имъ по-истинѣ величественный видъ и такъ блестѣли на солнцѣ, что ослѣпляли зрителя. Но съ другой стороны, дальнѣйшія принадлежности этого наряда, въ видѣ густо напудренной прически и косъ длиною въ аршинъ, равно какъ и старомодный покрой мундировъ, придавали всему зрѣлищу, если смотрѣть на него вблизи, видъ собравшейся на потѣху публикѣ толпы комедіантовъ. Однако возникновеніе этой идеи тотчасъ же подавлялось страшной серьезностью, написанной на всѣхъ лицахъ; а строго размѣренный, торжественный шагъ, какъ-бы нарочно удалявшій близкую цѣль марша въ безпредѣльное пространство, скорѣе заставлялъ думать, что они совершаютъ похоронное шествіе, или сопровождаютъ на казнь преступника, а не идутъ на ежедневную смѣну караула.

На первыхъ парахъ я не встрѣчалъ самого Императора на этихъ парадахъ; впослѣдствіи, на одномъ изъ нихъ, мнѣ были оказаны воинскія почести.

Въ теченіи этихъ первыхъ дней моей Петербургской жизни я былъ представленъ великимъ княгинямъ Елисаветѣ и Аннѣ, супругамъ Александра и Константина. Первая, бывшая принцесса Баденская, была прекрасна и любезна, и въ тоже время отличалась самымъ кроткимъ

характеромъ. Послѣдняя была, пожалуй, еще больше поразительной красоты, но все же не могла заслонить собою прелестей Елисаветы.

Вечернія собранія Императора, присутствовать на которыхъ я также получилъ приказаніе, состояли большею частію изъ всѣхъ членовъ царской фамиліи, находившихся на лицо въ Петербургѣ, за исключеніемъ великой княжны Анны и ея двухъ братьевъ, Николая и Михаила, которые, за малолѣтствомъ, оставались въ дѣтскихъ комнатахъ. Изъ другихъ обыкновенно присутствовавшихъ лицъ, между которыми гофмейстерина графиня Ливенъ была единственною дамою, я помню только военнаго генералъ-губернатора графа Палена, статнаго, высокаго господина преклонныхъ лѣтъ, съ пріятнымъ, хитрымъ, но въ тоже время внушительнымъ лицомъ; графа Строгонова, Нарышкина и графа Кутайсова. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ старикъ Строгоновъ, казалось, былъ любимцемъ Монарха. Онъ слылъ за остряка и очень умнаго человѣка, а низенькая, сухопарая и скорченная фигура придавала ему видъ настоящаго дипломата. Оберъ-каммергеръ Нарышкинъ, котораго въ императорскомъ кружкѣ часто называли въ шутку кузеномъ (такъ какъ мать Петра Великаго была изъ его фамиліи, чѣмъ онъ немало чванился), почитался и тогда уже привиллегированнымъ придворнымъ шутникомъ. Онъ былъ тученъ и приземистъ; на устахъ его, какъ у балетныхъ танцовщиковъ, всегда порхала любезная улыбка. Всѣ эти господа, за исключеніемъ графа Палена, носившаго бѣлый мундиръ, являлись въ костюмѣ Мальтійскихъ рыцарей. Генералъ Дибичъ своимъ постояннымъ присутствіемъ былъ обязанъ, вѣроятно, мнѣ. Хотя я никогда не распрашивалъ его на счетъ этого щекотливаго обстоятельства, но его ничѣмъ невызываемыя старанія убѣдить меня въ противномъ прямо приводили меня къ этому заключенію.

Всякій разъ, до начала собранія, вся императорская фамилія заходила въ покои къ моей тетушкѣ; мнѣ также было приказано туда являться. Живо помню я, какъ, ровно въ половинѣ седьмаго, съ шумомъ распахивались обѣ половинки двери, и появлялся Императоръ; какъ онъ потомъ, съ легкимъ наклоненіемъ головы, проходя мимо собравшихся, отдавалъ низкій поклонъ Императрицѣ, ласково кивалъ великой княгинѣ Аннѣ и затѣмъ почти всегда съ особеннымъ благоволеніемъ быстро подходилъ ко мнѣ, много меня распрашивалъ, часто смѣялся надъ моими отвѣтами, иногда хлопалъ въ ладоши и, вдругъ повернувшись къ Императрицѣ, подавалъ ей руку и открывалъ шествіе въ гостиную. Тогда я, конечно, скромно оставался одинъ назади, пока суровая старая графиня Ливенъ, тогда столь ненавистная, впослѣдствіи столь сердечно любимая, говорила мнѣ: «идите же!» и выталкивала меня въ дверь. Гости встрѣчали Монарха въ не очень просторной парадной гостиной съ натянутымъ благоговѣніемъ. Долѣе всѣхъ разговаривалъ онъ, обыкновенно, съ военнымъ генералъ-губернаторомъ и часто шепталъ ему на ухо что-то, при чемъ графъ Паленъ принужденъ былъ наклоняться къ нему; обмѣнивался нѣсколькими словами съ графомъ Строгоновымъ и потомъ каждый разъ обращался къ генералу Дибичу, къ великой досадѣ, какъ я ясно ви

дѣлъ, всѣхъ остальныхъ присутствующихъ, отводилъ его въ сторону и, часто указывая на меня и пожимая ему руку, обнадеживалъ завѣреніями въ своей благосклонности.

Лишь только Императоръ оборачивалъ лицо, тотчасъ же просвѣтлялись мрачныя черты всѣхъ гостей, и вновь представляли выраженіе полнѣйшаго удовольствія. Однажды Строгоновъ и Нарышкинъ пустились взапуски другъ передъ другомъ любезничать со мной; я же, помня умное наставленіе моего гувернёра ни съ кѣмъ, кромѣ самого Императора, не быть слишкомъ разговорчивъ, отдѣлывался одними да и нѣтъ и, наконецъ, на слишкомъ назойливые вопросы отвѣчалъ, что «считаю себѣ не по плечу разговоры съ дипломатами и остряками, такъ какъ я еще только начинающій службу драгунъ».

Эта выдержка изъ упражненій, которыя задавались мнѣ въ школѣ моего лукаваго гувернёра и были такъ удачно разсчитаны на весь придворный персоналъ, произвела самое благопріятное впечатлѣніе на сердце Императора. Онъ опять одобрительно потеръ руки и подалъ знакъ, чтобъ садились. Самъ онъ сѣлъ съ Императрицею на софѣ; всѣ прочіе усѣлись вокругъ стоявшаго передъ ними круглаго стола, я же долженъ былъ помѣститься прямо противъ Государя. Онъ часто взглядывалъ на меня, милостиво подмигивая, и почти вовсе не говорилъ съ своимъ семействомъ, а съ однимъ только графомъ Строгоновымъ. Даже мой ребяческій умъ былъ пораженъ при этомъ разговорѣ удивительными неожиданностями въ сужденіяхъ Императора, и я долженъ сознаться, что они всегда служили мнѣ матерьяломъ разнообразнѣйшихъ вопросовъ, которые предлагалъ я генералу Дибичу на возвратномъ пути. Хитрый придворный приходилъ отъ нихъ въ немалое смущеніе. Лучшаго учителя въ искусствѣ каверзъ и козней я-бы не могъ найти. Его правила, тѣмъ болѣе вразумительныя, что имѣли за собою неоспоримую основательность, въ сущности сводились къ тому, что должно во всемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, съ властелиномъ не ссориться и принимать въ разсчетъ даже его прихоти. «Только дѣйствуя такимъ образомъ», прибавлялъ онъ успокоительно, «можете доставить удовольствіе вашимъ родителямъ и принести имъ истинную пользу; притомъ же вашъ первый долгъ быть признательнымъ къ Императору, который такъ васъ любитъ».

Въ подобныхъ наставленіяхъ Дибичъ былъ неистощимъ, пока мнѣ не удавалось, наконецъ, направить потокъ этихъ сообщеній въ море трогательнѣйшихъ изліяній по поводу того, какъ глубоко онъ тронутъ и какимъ проникнутъ чувствомъ благодарности къ Монарху за его дружбу лично къ нему.

Гораздо честнѣе дѣйствовалъ г. фонъ-Требра: онъ чуть не кулаками старался доказать мнѣ негодность своего соперника.

Но вернемся къ Императорскимъ вечернимъ собраніямъ. Будучи, впрочемъ, тоже вѣрнымъ воспроизведеніемъ привычекъ Фридриха II-го, эти собранія сами по себѣ не представляли ничего замѣчательнаго и состояли лишь въ томъ, что безпрерывно разносились разныя закуски, при чемъ Императоръ выпивалъ нѣсколько рюмокъ вина и бы-

валъ словоохотливъ. И такъ какъ все у него дѣлалось по часамъ, то вдругъ онъ поднимался съ мѣста, и въ тоже время всѣ, какъ бы вслѣдствіе электрическаго тока, вскакивали на ноги. Тогда онъ удалялся на одну минуту и, возвратясь, подавалъ Императрицѣ руку, чтобы идти къ столу, накрытому въ сосѣднемъ залѣ. Ужинъ начинался въ половинѣ девятаго и оканчивался ровно въ девять. Обыкновенно къ числу упомянутыхъ гостей за столомъ присоединялись двѣ дежурныя придворныя дамы и одинъ генералъ-адъютантъ. Я замѣтилъ, что графъ Строгоновъ всегда садился противъ Императора, по сторонамъ котораго, съ одной, сидѣла Императрица, съ другой великая княгиня Елисавета. Мое мѣсто было между великой княжной Маріей и графиней Ливенъ. За каждымъ стуломъ стоялъ пажъ, за стуломъ Императора два камеръ-пажа въ малиновыхъ кафтанахъ (украшенные малымъ крестомъ Мальтійскаго ордена; они ожидали выпуска въ армію капитанскими чинами). На одномъ концѣ стола стоялъ, облокотясь на свою трость, пажескій гофмейстеръ, чиномъ полковникъ, на противоположномъ оберъ-гофурьеръ Крыловъ, тоже въ чинѣ полковника и оба Мальтійскіе рыцари.

Разговаривали за ужиномъ мало: блюда въ такомъ обиліи слѣдовали одно за другимъ, что не то, чтобъ разговаривать, а едва доставало времени отвѣдать кушанья. Легкое прикосновеніе Императора къ стоявшему противъ него блюду съ разнымъ мороженымъ служило обыкновенно предвареніемъ близкаго вставанія изъ-за стола, что̀ и происходило неизбѣжно по первому удару заповѣдныхъ девяти часовъ.

На одномъ изъ такихъ ужиновъ произошелъ случай, имѣвшій значеніе въ моей судьбѣ. Не успѣли мои губы коснуться упомянутаго мороженаго, представлявшагося моимъ жаднымъ взорамъ во образѣ всевозможныхъ плодовъ жаркаго пояса, какъ я замѣтилъ, по жестамъ молодой прислуги, что вскорѣ надо будетъ вставать изъ-за стола. Освободить свои запутавшіеся въ скатерти шпоры, при этой быстрой перемѣнѣ декорацій, было нелегкою задачею; а потому, когда стоявшій позади пажъ неосторожно выхватилъ изъ-подъ меня стулъ, то сила сообщеннаго мнѣ при этомъ движенія, встрѣтя сопротивленіе силы, привязывавшей меня къ столу, придала моему тѣлу такую центробѣжность, что я со всего размаху шлепнулся на-полъ. Мнѣ и самому невозможно было удержаться отъ смѣха, и я видѣлъ, еще не поднявшись съ пола, какъ Императоръ подалъ примѣръ ко всеобщему хохоту. Но внезапно лице его нахмурилось, онъ сурово что-то замѣтилъ великому князю Константину, спросилъ меня съ участіемъ, не ушибся-ли я и съ недовольствомъ быстро вышелъ изъ залы.

Графиня бросила на меня сердитый взглядъ, тетка проговорила уходя: «Vous êtes un étourdi, mon ami» [13]; великіе князья продолжали смѣяться. Марія пожимала плечами, глядя на меня съ состраданіемъ, а господа придворные при прощаньи кланялись мнѣ еще ниже, чѣмъ прежде. Я остался, наконецъ, съ одними пажами, которые, не об-

---

[13]) Ты вѣтренникъ, мой другъ.

ращая никакого вниманія на маленькаго императорскаго любимца, толпою кинулись на конфеты, оставленныя по заведенному обычаю въ жертву ихъ хищничеству, и я имъ въ эту минуту больше завидовалъ, чѣмъ вѣнцу Императора.

Но что за причина, что мнѣ пришлось разыграть роль пономаря въ церкви и оставаться въ ней, пока не погашена послѣдняя свѣча? Причина та, что генералъ Дибичъ былъ поспѣшно потребованъ къ Императору и долго тамъ оставался. Когда онъ, наконецъ, воротился, проводилъ меня до кареты и вмѣстѣ со мною вошелъ въ нее, то вдругъ, покинувъ свое мѣсто, онъ сталъ на колѣни, прижалъ лицо свое къ моимъ рукамъ и, орошая ихъ слезами, заговорилъ, какъ пьяный: «Возлюбленный, добрѣйшій господинъ! Что я слышалъ! Возможно-ли, постижимо-ли, вѣроятно-ли это?»—«Да что же это, ваше превосходительство! Что еще новаго?» вскричалъ я съ нетерпѣніемъ.

— «Ахъ! чтоже, какъ не то»,отвѣчалъ Дибичъ, сильно вскрикнувъ и покрывая мои руки новыми поцѣлуями, «что васъ ожидаетъ велико-княжескій титулъ, штатгальтерство, вицекоролевство!»

Куда-бы онъ зашелъ, если-бы я не утишилъ этой бури тѣмъ, что засыпалъ его вопросами, отвѣчать на которые онъ тогда еще не считалъ своевременнымъ. Но къ тому времени, какъ мы пріѣхали домой и были встрѣчены слугами, у него успѣло вырваться заключительное, полное тяжелаго значенія и тревожившее меня даже и во снѣ восклицаніе: «Онъ хочетъ васъ усыновить!»

Я не берусь изслѣдовать весь процессъ развитія тѣхъ идей, который привелъ Императора Павла къ такимъ видамъ на мою личность. Въ то время я не сознавалъ всего ихъ объема, а впослѣдствіи не могъ собрать никакихъ положительныхъ доказательствъ того, въ чемъ меня съ такимъ убѣжденіемъ увѣряли. Но, сопоставляя мои тогдашнія и позднѣйшія свѣдѣнія, не сомнѣваюсь, что какая-нибудь тайна этого рода, извѣстная только немногимъ довѣреннымъ лицамъ и ушедшая въ ту самую могилу, въ которую самъ онъ вскорѣ сошелъ, необходимо существовала. Отлагаю до другаго, болѣе удобнаго случая обсужденіе этого вопроса, теперь же укажу на то, что и тётушка моя безпокоилась на счетъ моей будущности, такъ какъ въ данныхъ обстоятельствахъ слишкомъ разительная перемѣна счастія была бы для меня опаснѣе самой положительной монаршей немилости. Да и самъ графъ Паленъ впослѣдствіи говорилъ, что онъ обезопасилъ меня, отклоняя Императора отъ слишкомъ скорыхъ рѣшеній въ мою пользу.

При первомъ свиданіи съ тётушкою я опять не услыхалъ отъ нея ничего такого, что могло-бы меня потревожить. Ея расположеніе ко мнѣ ежедневно возрастало; но, непохожее въ этомъ отношеніи на расположеніе Императора, оно было свободно отъ побочныхъ разсчетовъ. Меня, однакожъ, удивила страстность, съ которою она меня обняла, при чемъ даже не могла удержаться отъ слезъ. Родственное-ли участіе, грусть ли и опасеніе за мою будущность, или какія-либо необъяснимыя, высшія вліянія были причиною той сильной любви, которую она оказывала мнѣ въ теченіи всей своей жизни,—все

равно: чувства ея во всякомъ случаѣ истекали изъ чистой, ангельской души.

Даже и въ этихъ отношеніяхъ моихъ къ Императрицѣ проявилась необычайность, присущая всей моей жизни. Всегда она была исполнена самой горячей материнской любви ко мнѣ. Съ одинаковой силой она была привязана къ ребенку, юношѣ, взрослому мужу, и беззавѣтная эта привязанность, заставлявшая ее гласно называть себя моей второй матерью, также ясно высказалась въ нѣжности, съ какой она теперь прижимала меня къ сердцу, какъ и въ послѣднихъ строкахъ, которыя она посвящала мнѣ, уже лежа на смертномъ одрѣ! Но повода къ этому необъяснимому участію—гдѣ я долженъ искать? Какія притязанія я могъ имѣть на такое безпредѣльное ея благоволеніе ко мнѣ? Еще болѣе (и этимъ признаніемъ я хочу доказать, какъ ея высокое нравственное значеніе, такъ и мою собственную безкорыстную преданность ей), именно эта матерински-любящая меня тетка вѣчно задерживала колесо фортуны, такъ часто готовой осыпать дарами своего любимца. Вѣчно, ея строгая добродѣтель, часто переходящая въ излишнюю требовательность, противилась всякому, даже самому справедливому порыву моего оскорбленнаго достоинства, и священная для меня воля ея всегда налагала на мое честолюбіе тягостныя оковы. Но она знала и любила меня. Все наслѣдство, которое она завѣщала мнѣ—кольцо, но вмѣстѣ съ нимъ обиліе безцѣнныхъ, неизгладимыхъ воспоминаній.

Если я здѣсь снова на минуту покинулъ настоящее, чтобъ забѣжать въ будущее, то это надо приписать важности предмета. Вернемся опять къ сценамъ тѣхъ неожиданныхъ противорѣчій, которымъ этотъ разсказъ преимущественно посвященъ.

Я упоминалъ о намѣреніи тётушки пріискать мнѣ особую, внѣ Кадетскаго Корпуса, квартиру. Это значило поступать наперекоръ повелѣнію Императора, назначившаго непосредственнымъ моимъ надзирателемъ служащаго въ этомъ заведеніи генерала Дибича. Но тогда уже многое дѣлалось вопреки волѣ Императора, и приказанія его ловко бывали обходимы. Такъ было и тутъ. Мнѣ отвели первый этажъ ближайшаго къ Кадетскому Корпусу дома, находившагося на Васильевскомъ острову, въ 1-й линіи. Близость къ заведенію должна была удовлетворять желаніямъ Императора, удаленіе же отъ кадетъ—требованіямъ приличія; но генералъ Дибичъ былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ и не безъ причины видѣлъ въ немъ слѣдствіе какихъ-либо происковъ г. фонъ-Требры. Скоро это навлекло мнѣ дѣйствительныя непріятности.

Однажды послѣ обѣда я получилъ собственноручную записку отъ тетушки, въ которой меня, по приказанію Императора, звали на концертъ. Каково же несчастіе! Генерала Дибича не было, а г. фонъ-Требра отнюдь не хотѣлъ допустить, чтобъ послали за Дибичемъ. На мои представленія, что я безъ него не рѣшусь предстать предъ Императора, мой гувернеръ отвѣчалъ все сердитѣе и наконецъ, когда потерянное время не представляло уже надежды на успѣхъ, онъ вскричалъ съ запальчивостію: «Ну, такъ напишите ему отъ моего

имени!» Я такъ и сдѣлалъ; но Дибичъ не пришелъ, и я долженъ былъ отправиться съ однимъ г. фонъ-Треброю. Ему этикетъ воспрещалъ появленіе при дворѣ, и онъ съ досадою покинулъ меня на волю судебъ у дверей концертной залы. Уже слышались знакомые мнѣ звуки любимой увертюры Императора изъ Ифигеніи Глюка, и лишь только я отворилъ дверь, меня встрѣтили предупреждающіе: сссъ!

Опоздать къ назначенному сроку было въ глазахъ Павла преступленіемъ; но нѣтъ правила безъ исключенія.

«Непостижимо!» шептали другъ другу на ухо присутствовавшіе, когда Императоръ, при входѣ моемъ, милостиво со мной поздоровался, извинился, что концертъ начали безъ меня и пригласилъ занять свободное мѣсто въ первомъ ряду креселъ, возлѣ великой княгини Елисаветы. Такъ какъ мой стулъ находился на правомъ флангѣ, который огибался въ видѣ полукруга вторымъ рядомъ креселъ, то въ образовавшемся тутъ узкомъ пространствѣ я очутился сосѣдомъ одной прехорошенькой дамы; наши колѣна соприкасались, и частыя извиненія съ моей стороны подали первый поводъ къ разговорамъ во время антрактовъ. Нарядъ этой сосѣдки былъ въ высшей степени изященъ, блескъ ея драгоцѣнныхъ камней давалъ поводъ заключать о ея знатномъ происхожденіи; а то обстоятельство, что ея драгоцѣнности бросались въ глаза не количествомъ, а качествомъ, доказывало, что вкусъ этой прекрасной лиліи направленъ къ простотѣ. Да позволятъ мнѣ избрать царицу цвѣтовъ для обозначенія моей покровительницы, играющей въ этой исторіи слишкомъ видную роль для того, чтобъ я могъ оправдать свою оплошность, что тогда же не освѣдомился объ ея имени, да и впослѣдствіи не узналъ его.

Еслибы меня заставили сказать тому причину, то я со стыдомъ долженъ бы былъ сознаться, что она произвела на меня непостижимое впечатлѣніе, которое я боялся обнаружить распросами, а потому и не рѣшился на нихъ, пока было еще время; впослѣдствіи же отъ меня скрывали ея имя по причинамъ, которыя я подозрѣвалъ, но никогда не могъ вполнѣ разъяснить.

Поперемѣнно отвѣчая, то на вопросы великой княгини, то на ея, иногда я и самъ заговаривалъ, и мое любопытство на счетъ старомодно-костюмированныхъ артистовъ, стоявшихъ передъ нами и, не смотря на ихъ непривлекательную внѣшность, поражавшихъ нашъ слухъ самыми восхитительными звуками, было удовлетворяемо отчасти великою княгинею и вполнѣ ею.

Внезапно появилась среди этого кружка пѣвцовъ величественная красавица, вошедшая подъ руку съ мущиною небольшаго роста; оглушительныя браво и аплодисменты Императора встрѣтили ее прежде, чѣмъ она успѣла издать первыя ноты своего очаровательнаго голоса. То была Шевалье, о которой говорили, что Императоръ, не ограничиваясь публичнымъ изъявленіемъ восторга предъ ея искусствомъ, приноситъ дань восхищенія ея прелестямъ. При дворѣ подобныя вещи не составляютъ ни для кого тайны; а потому и удивительно, что я узналъ объ этомъ уже юношею, а въ то время, будучи ребенкомъ, также мало понималъ это, какъ свои соб-

ственныя, столь часто одушевлявшія меня чувства, настоящее свойство которыхъ я никакъ не могъ себѣ объяснить, не смотря на рано добытую опытность и на робость и застѣнчивость, которыя овладѣвали мною каждый разъ при взглядѣ на хорошенькое женское личико.

Оставимъ, однакоже, эту сцену, заключившуюся, какъ и въ прошлый разъ, ужиномъ, но только теперь безъ катастрофы съ моей стороны, и перенесемся въ мою квартиру, гдѣ на другое утро, едва покинулъ я постель, какъ уже передо мною стоялъ генералъ Дибичъ.

Маленькій человѣкъ весь былъ красенъ отъ гнѣва и, признаюсь, имѣлъ право: ему даже не передали моей записки, а спрошенный о причинѣ этого слуга объявилъ напрямикъ, что г. фонъ-Требра запретилъ передачу и взялъ записку назадъ. Черезъ это Дибичъ не попалъ на концертъ и считалъ себя уже въ немилости у Государя. Успокоительное увѣреніе съ моей стороны, что его отсутствіе не было замѣчено, только умножало его досаду, вмѣсто того, чтобы ее успокоить, и только моимъ присутствіемъ удерживались въ границахъ приливы его желчи. Но едва я удалился, чтобы переодѣться, какъ услышалъ ревъ словопрѣнія между двумя ревнивыми педагогами. Все громче и громче раздавался крикъ, и только что я окончилъ свой нарядъ, чтобы ѣхать ко двору, какъ вбѣжалъ слуга и, задыхаясь, закричалъ: «Господи! Они схватились за волосы!» — «Боже мой!» воскликнулъ я, «въ такомъ случаѣ г. фонъ-Требра погибъ!» Дѣйствительно, хотя онъ обладалъ силою, но за него можно было ухватиться, тогда какъ маленькій Дибичъ на дню столько разъ терялъ свой парикъ, что ему и теперь ничего не стоило оставить его въ рукахъ противника. Правда, генералъ Дибичъ, лишенный парика, лежалъ подъ столомъ; но и разорванное платье непріятеля свидѣтельствовало объ ущербѣ, понесенномъ въ кулачномъ бою, на исходъ котораго не безъ злорадства смотрѣлъ я сквозь замочную скважину, вмѣстѣ съ моимъ хирургомъ и двумя лакеями, раздѣлявшими мое нерасположеніе къ г. фонъ-Требрѣ. Во всякое другое время естественное чувство побудило бы меня поспѣшить на помощь слабѣйшему; но какъ я видѣлъ его въ такомъ безопасномъ положеніи, то и продолжалъ наслаждаться его оборонительными мѣропріятіями, глядя, какъ онъ, подобно кошкѣ, озирался кругомъ, швырялъ въ противника всѣмъ, что̀ только могъ отдѣлить отъ своей особы, такъ что шпага, табатерка, платокъ, парикъ перелетали отъ одного къ другому, и вся комната наполнилась пудрой. Правда, Дибичъ первый нанесъ ударъ, а тотъ не остался въ долгу; но за то я мысленно произнесъ надъ обоими обвинительный приговоръ: «И эти люди должны служить тебѣ примѣромъ!» Когда я вошелъ, они поняли, что честь ихъ зависитъ теперь отъ моего молчанія, которое я и обѣщалъ имъ подъ условіемъ, чтобъ они помирились.

Съ этого еще дымившагося поля битвы придворный экипажъ повезъ насъ всѣхъ троихъ, воюющія стороны и примирителя, въ императорскій дворецъ. Тутъ въ первый разъ тётушка встрѣтила меня сурово. Я былъ принятъ въ уединенномъ покоѣ, и возлѣ нея стоялъ

въ угрожающей позѣ ея генералъ-адъютантъ въ юпкѣ [14]). Будь тутъ третье лицо, я бы счелъ его за палача. Мнѣ было представлено мое вчерашнее письмо къ генералу Дибичу; слѣдовательно г. фонъ-Требра коварно имъ воспользовался, чтобъ возбудить противъ меня обвиненіе. Въ письмѣ было сказано, «что я сожалѣю, не имѣвъ возможности, благодаря г. фонъ-Требрѣ, заблаговременно извѣстить генерала, и что если онъ сію же минуту не прибудетъ, то мнѣ невозможно долѣе его ждать». Я оправдывался тѣмъ, что генералъ есть мой, самимъ Императоромъ мнѣ назначенный, гувернёръ и что я имѣю приказаніе никогда не являться ко двору безъ него. Императрица же объясняла мой поступокъ тайными кознями, направленными противъ пестуна, котораго особенно рекомендовали мнѣ мои родители. Никогда я не видалъ ее столь сердитою и столь щедрою на самые горькіе упреки; при этомъ случаѣ она рѣшительно вступила въ должность воспитательницы, возложенную на нее моими родителями. Она журила меня, какъ могла и позволила бы себѣ журить только родная мать, и обезоружила мое противорѣчіе, сказавъ, что считаетъ себя моей матерью, а меня своимъ сыномъ. Вслѣдствіе этого я терпѣливо покорился ея волѣ и предоставилъ полную свободу ея многорѣчивому правосудію. Если я и чувствовалъ, что она слишкомъ строгая мать, то все же не могъ не цѣнить ея въ ея высокихъ нравственныхъ побужденіяхъ: не взирая на благоволеніе, которымъ я пользовался у ея всемогущаго супруга, она не задумалась покарать мнимую вину его любимца. Съ своей стороны и я тоже показалъ примѣръ стоическаго самоотверженія, потому что, не смотря на всю горечь этого выговора, не измѣнилъ слову, которое далъ виновнику моего позора.

Послѣ этого что̀ скажете вы о переходѣ отъ этой тайной исповѣди къ нижеслѣдующимъ сценамъ?

Роковой тётушкинъ кабинетецъ, который находился въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ дворца и въ которомъ съ тѣхъ поръ ни разу въ жизни мнѣ не удалось побывать, внезапно смѣнился величественнымъ зрѣлищемъ залы, или скорѣе длинной галлереи, гдѣ каждое Воскресенье собирались военные чины двора. Офицеры всѣхъ гвардейскихъ полковъ и высшій генералитетъ выстраивались по чинамъ, и мнѣ было назначено самое первое мѣсто. Возлѣ меня стояли трое братьевъ Зубовыхъ, Платонъ, Валеріанъ и Николай; за ними много другихъ генераловъ, къ нимъ примкнулъ и Дибичъ. Ближе всѣхъ къ противоположнымъ дверямъ, откуда ожидался Императоръ, стояли всѣ вновь произведенные въ чины, всѣ имѣющіе принести за что-либо благодарность и новички, ожидавшіе представленія, между которыми на этотъ разъ находился и г. фонъ-Требра. Немного спустя, вошли великіе князья и стали впереди офицеровъ своихъ полковъ; затѣмъ графъ Паленъ сдѣлалъ смотръ всему представляемому персоналу и, въ ожиданіи Императора, помѣстился во главѣ его.

---

[14]) Т. е. Шарлотта Карловна Ливенъ.

Лишь только распахнулись двери, слово: Государь! пробѣжало по всему собранію и заставило всѣхъ инстинктивно вытянуться въ струнку. Когда вошелъ Императоръ, первый, вызванный Паленомъ по имени и преклонившій передъ монархомъ колѣно, былъ Арапъ въ морскомъ мундирѣ. Большая часть собравшихся была осчастливлена ласковымъ привѣтствіемъ; нѣкоторые, и въ томъ числѣ г. фонъ-Требра, милостивыми словами.

Обернувшись къ остальному собранію, Императоръ, по видимому, теперь только замѣтилъ меня, поспѣшно подошелъ ко мнѣ и осыпалъ самыми любезными вопросами, даже извинился дѣлами службы, когда ему понадобилось отойти отъ меня. При этомъ онъ не обратилъ никакого вниманія на моихъ сосѣдей и удалился на другой конецъ залы, откуда пошелъ по длинному фронту присутствующихъ, принимая рапорты отъ командировъ гвардейскихъ полковъ, въ томъ числѣ и отъ великихъ князей. По окончаніи всего этого, онъ опять подошелъ ко мнѣ, снова самымъ милостивымъ образомъ со мной поздоровался и сказалъ, съ замѣчательно-холоднымъ выраженіемъ въ лицѣ, нѣсколько словъ господамъ Зубовымъ. Съ нѣкоторыми другими поговорилъ онъ, по видимому, немного ласковѣе, и въ особенности съ генераломъ Дибичемъ. Когда Императоръ отошелъ на столько, чтобы можно было позволить себѣ легкій шопотъ, хитрый Платонъ Зубовъ обратился ко мнѣ съ комплиментами. Павелъ тотчасъ же замѣтилъ это, воротился ко мнѣ и наградилъ князя ласковымъ взглядомъ.

Какъ только удалился Императоръ изъ аудіенцъ-залы, тотчасъ все хлынуло въ покои, гдѣ собрались для параднаго представленія дамы и гдѣ я долженъ былъ ожидать великихъ князей Александра и Константина, покуда еще занятыхъ своей службой, чтобы вмѣстѣ отправиться въ сборную комнату царской фамиліи.

Тутъ-то я имѣлъ случай наглядѣться на этотъ блестящій, очаровательный кружокъ, и восхищеніе, въ которое онъ повергъ меня, совершенно изгладило изъ моей памяти непріятные часы ранняго утра. Никогда невиданное великолѣпіе туалетовъ поразило мои взоры, и высокое понятіе дало оно мнѣ о блескѣ Русскаго двора и о несмѣтномъ богатствѣ Русскихъ вельможъ. Глядя на изящныя формы дамъ и на ихъ своеобразные костюмы, сверкавшіе золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, я приходилъ къ убѣжденію, что здѣсь обычаи давно-прошедшихъ вѣковъ и новѣйшій вкусъ сочетались въ общее стремленіе доставить красотѣ, къ какому-бы виду она ни принадлежала, подобающую ей дань удивленія. Такъ думалъ я, въ особенности, когда увидѣлъ въ этомъ величественномъ собраніи знакомую мнѣ юную сосѣдку, которая сегодня являла еще болѣе признаковъ своего высокаго общественнаго положенія, но была также прекрасна, какъ и вчера. И какъ же польщено было мое самолюбіе, когда она меня замѣтила и подозвала къ себѣ! Она просила меня сѣсть возлѣ и объявила, что я вчера простодушно повѣрилъ ей многое такое, что̀ ее потревожило, внушило ей симпатію ко мнѣ, но въ тоже время и опасенія. Затѣмъ она съ грустію взяла меня за руку и продолжала

растроганнымъ голосомъ: «Хотите вы имѣть меня другомъ? Я буду вашей охранительницей. Обращайтесь ко мнѣ всегда, если вамъ что покажется сомнительнымъ. Я часто пріѣзжаю ко двору; но молчите о нашей дружбѣ. Подъ этимъ только условіемъ я съ вами не раззнакомлюсь. На первый разъ довольно вамъ узнать, что мы живемъ въ такое тяжкое время, что самыя блестящія надежды бываютъ обманчивы и самые ревностные наши покровители становятся опасны». По истинѣ, всѣ эти завѣренія были мнѣ въ то время совершенно непонятны, и я относилъ опасности, о которыхъ она говорила, къ какимъ-нибудь шалостямъ, которыя могли-бы лишить меня царской милости. Опасеніе потерять сочувствіе моего добраго друга перевѣшивало, впрочемъ, всѣ другія заботы, и я могъ нарушить данный ей обѣтъ скромности развѣ только увлекшись чувствами, которыми я былъ проникнутъ къ ней самой, со всею силою, къ какой способно сердце 13-ти лѣтняго мальчика.

Государь, ведя подъ руку свою супругу, прошелъ изъ пріемной комнаты въ аудіенцъ-залу, гдѣ принялъ нѣсколько представленій, а оттуда отправился въ дворцовую церковь, и тамъ вмѣстѣ съ Императрицей, помѣстился въ особой ложѣ, а остальные посѣтители, и я съ ними, въ нижнемъ придѣлѣ. Здѣсь я опять очутился въ сосѣдствѣ молодой дамы, и она во время службы объясняла мнѣ значеніе многихъ обрядовъ Греческой церкви. Великолѣпное пѣніе, которое надо слышать, чтобы судить о сверхъ-естественномъ впечатлѣніи, какое въ состояніи производить на душу эта единственная въ своемъ родѣ вокальная музыка, производило на меня обаятельное дѣйствіе, и мнѣ по истинѣ казалось въ эту минуту, что я на небѣ. Моя прекрасная сосѣдка тоже, по видимому, наполнена была сильнымъ чувствомъ. Въ такую минуту ея вопросъ: «знакома-ли мнѣ исторія?» удивилъ меня. Еще болѣе былъ я пораженъ, когда она, вслѣдъ за тѣмъ, прибавила: «Въ такомъ случаѣ вы должны содрогаться предъ судьбою молодыхъ Англійскихъ принцевъ, которыхъ Ричардъ III велѣлъ бросить въ подвалы Тоуера».

По странному стеченію обстоятельствъ, эта сцена, со всѣми ея подробностями, была очень хорошо знакома мнѣ по гравюрѣ, висѣвшей въ Карльсруйскомъ замкѣ. Въ особенности былъ я изумленъ, когда она, чтобъ устранить мои замѣчанія по поводу направленія, принятаго разговоромъ, отвѣчала: «Оставимъ это. Пѣніе разнѣживаетъ мнѣ душу».

Молодыя женщины рѣдко дѣйствуютъ обдуманно. Какія послѣдствія могли-бы имѣть возбужденныя во мнѣ опасенія, еслибы я, съ юношеской непредусмотрительностію, сообщилъ о нихъ Императору и что̀ за причина могла побудить эту милую даму такъ внезапно наградить своимъ сочувствіемъ мальчика!

Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ упомянула она про обожаемаго наслѣдника престола. «Его», сказала она, «вы должны держаться, какъ спасителя; онъ долженъ быть вашимъ идоломъ». Можетъ быть, она этимъ напророчила мнѣ тѣ восторженныя чувства, которыя я питалъ къ Александру въ первые годы его царствованія; но въ на-

стоящее время могъ-ли я, ребенокъ, осыпанный милостями Императора, моего благодѣтеля и повелителя, состоявшій въ полной зависимости отъ него, могъ-ли я имѣть свою волю, давать произвольное направленіе своимъ дѣйствіямъ? Короче, моя милая пріятельница нагнала на меня лихорадочную дрожь, не внушивъ ни яснаго понятія о сущности угрожавшихъ мнѣ опасностей, ни мѣръ для ихъ предотвращенія. Это не помѣшало мнѣ навсегда сохранить въ сердцѣ образъ ея и умолчать о ея сообщеніяхъ. Стоило мнѣ увидать ее, чтобы до слѣдующей встрѣчи мысли мои единственно и исключительно были заняты ею.

За тѣмъ начались мои уроки, помѣшавшіе мнѣ бывать при дворѣ такъ часто, какъ прежде; но я появлялся при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и убѣждался, что милость Императора въ ея самыхъ видныхъ проявленіяхъ, внимательность придворныхъ, участіе Императрицы и попечительность моей юной покровительницы возрастали съ каждымъ днемъ.

* *
*

Утромъ 12-го (24-го) Марта г. фонъ-Требра встрѣтилъ меня извѣстіемъ о кончинѣ императора Павла, и еще въ этотъ самый день узналъ я отъ множества отовсюду стекавшихся къ намъ знакомыхъ о ходѣ главнѣйшихъ событій. Не раньше, какъ черезъ восемь дней, появился я снова при дворѣ и былъ тамъ свидѣтелемъ, какъ любезно держалъ себя со всѣми молодой Монархъ. Кротость новаго правленія счастливила всѣ сердца и при этомъ повторилось тоже, что въ первыя вѣка христіанства, то есть, что злѣйшіе враги мирились между собою.

Тётушку нашелъ я въ глубокомъ траурѣ, въ настроеніи духа очень серьезномъ, мрачномъ и грустномъ. Послѣ краткаго, но благосклоннаго привѣтствія, она осыпала меня вопросами, что̀ со мной за послѣднее время приключалось и правда ли, что одна молодая дама меня любезно предупреждала объ опасности и отчасти оказала мнѣ покровительство? Она, казалось, была тронута успѣхомъ ея стараній, но приказала мнѣ хранить объ немъ молчаніе, прибавя, что находитъ поведеніе этой дамы благороднымъ и естественнымъ и сожалѣетъ, что ея отлучка не дозволяетъ мнѣ принести ей должную благодарность. Мой вопросъ: «Да кто жъ она такая?» былъ и тутъ отстраненъ отвѣтомъ: «Laissons cela!» [14]).

Затѣмъ меня послали къ великимъ княжнамъ, и Марія, очень измѣнившаяся въ лицѣ, встрѣтила меня восклицаніемъ: «Ради Бога, что̀ скажете вы на все это? Останетесь ли вы и теперь у насъ?» Изъ этого я могъ заключить, что меня ожидаетъ скорая перемѣна мѣстопребыванія. По крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ все для меня приняло иной видъ. Блестящее поприще, на которое расположеніе ко мнѣ покойнаго Императора подавало окружающимъ меня не то надежды, не то опасенія, превратилось теперь лишь въ упованія, осуществленіе которыхъ зависѣло отъ собственныхъ моихъ буду-

---

[14]) Оставимъ это.

щихъ стремленій и дѣяній. Ухаживаніе, которымъ я до сихъ поръ такъ незаслуженно пользовался при дворѣ, замѣнилось строгой дисциплиной моего втораго гофмейстера, которому Дибичъ долженъ былъ теперь уступить поле дѣйствія, и совершеннымъ уединеніемъ для занятій науками. Иногда я появлялся при дворѣ моей тётки, но съ этимъ свиданіемъ всегда соединялся нѣкотораго рода экзаменъ, а прочій персоналъ двора едва замѣчалъ меня. Мои друзья горько жаловались на такой несчастный, по ихъ мнѣнію, оборотъ въ судьбѣ моей, и нѣкоторые изъ нихъ были такъ нескромны, что въ моемъ присутствіи обвиняли императрицу Марію за то, что она не воспользовалась тѣмъ временемъ, когда легко было выхлопотать у императора Павла щедрые денежные надѣлы въ обезпеченіе моей будущности. Подобныя заявленія сильно противорѣчили чувству моей деликатности, и мнѣ было гораздо болѣе по себѣ съ тѣхъ поръ, какъ я снова очутился въ подобающемъ мнѣ положеніи. По истинѣ, я даже краснѣлъ, помышляя, что рѣшительно всѣмъ былъ обязанъ единственно причудѣ покойнаго Императора, и ничѣмъ своей собственной личности. Тѣмъ не менѣе я считаю себя обязаннымъ передъ вами еще разъ взвѣсить въ точности все, что̀ въ разсказанныхъ событіяхъ имѣло существенное вліяніе на мою дальнѣйшую судьбу.

Генералъ Дибичъ открыто увѣрялъ меня, будто императоръ Павелъ говорилъ ему, что такъ какъ онъ хозяинъ въ своемъ домѣ и государствѣ, то сдѣлаетъ изъ меня нѣчто такое, о чемъ заговорятъ всѣ. Самъ Паленъ, нѣсколько лѣтъ спустя, дѣлалъ въ присутствіи одного изъ своихъ друзей по этому предмету заявленія, повидимому подтверждающія слова генерала Дибича. Въ послѣдствіи Александръ усвоилъ Россіи чужестраннаго принца [15]; но еслибы Павелъ зашелъ относительно меня и далѣе, то и не такой справедливый и великодушный государь, какимъ былъ Александръ, могъ легко разсудить, что бѣдный, неповинный, тринадцатилѣтній Нѣмецкій мальчикъ не можетъ отвѣчать за причудливыя идеи Русскаго императора. Такъ, вѣроятно, подумалъ Александръ при своемъ восшествіи на престолъ; но надо полагать, что онъ измѣнилъ свой взглядъ на предметъ по мѣрѣ того, какъ недовѣрчивость овладѣвала его незлобивой душой. Эта перемѣна настроенія совпадаетъ именно съ тѣмъ временемъ, когда, по возвращеніи изъ арміи въ 1807 году, я въ первый разъ снова увидѣлся съ тётушкою, возобновившей во всей силѣ свою прежнюю привязанность ко мнѣ, и когда популярность Александра, за союзъ его съ Наполеономъ, потерпѣла замѣтный ущербъ.

Въ продолженіе похода 1812 года, когда всякое политическое соображеніе отодвигалось на задній планъ высшими военными интересами, Императоръ прямо возвысилъ меня на степень соотвѣтствующую, по его мнѣнію, моимъ дѣяніямъ, которымъ счастіе въ то время благопріятствовало. Когда же въ концѣ этого похода я былъ осчастливленъ, какъ вамъ извѣстно, любовью и довѣріемъ арміи, то легко могло быть, что изъ существовавшаго уже прежде нерасположенія развилось личное ко мнѣ недовѣріе, которое, вѣроятно, еще усили-

[15]) Т. е. именно принца Евгенія Виртембергскаго.

валось пристрастіемъ ко мнѣ Кутузова, дѣлавшаго различныя заявленія въ мою пользу. Онъ, конечно, думалъ дѣлать пріятное Императору, когда говорилъ ему, указывая на меня: «Voilà un jeune prince qu'on aime à la folie. On se fait tuer pour lui, par jouissance» [16]).

Воображаю, что̀ онъ еще прибавлялъ въ интимной бесѣдѣ, и это необходимо должно было возбудить недовѣріе; ибо вдругъ Александръ затормозилъ мое поприще, никогда болѣе не предоставлялъ мнѣ независимаго круга дѣйствія, пользовался моими трудами, но въ тоже время и старался мѣшать имъ, хвалилъ меня въ интимныхъ разговорахъ, отдавалъ справедливость моему самоотверженію, но не допускалъ ни при какомъ случаѣ вѣрной публичной реляціи о заслугахъ, которыя онъ не только признавалъ съ благодарностію, но даже съ чувствомъ.

Если бы Александръ былъ менѣе благороденъ и честенъ, то я долженъ былъ-бы считать его обращеніе со мною за самую существенную неблагодарность и непростительную несправедливость. На сколько же я самъ могу судить о побудительной причинѣ этого, то мнѣ кажется, что то было плодомъ ложной политики и столь-же ошибочнаго сужденія о моей личности, какъ и о моихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе это убѣжденіе послужило поводомъ, что я еще въ 1815 году сошелъ со сцены. Основательность этихъ замѣчаній истекаетъ сама собою изъ фактовъ. Еслибы рычагомъ постигшихъ меня въ Русской службѣ безчисленныхъ обидъ по части повышеній и едва вѣроятныхъ относительно меня нарушеній долга и истины было что-либо иное, а не безусловная воля Монарха: то эти интриги не повторялись-бы во всѣхъ случаяхъ совершенно одинаково, и голосъ всей арміи не возвышался бы въ мою пользу такъ рѣшительно. Если бы еще могло существовать во мнѣ какое-либо сомнѣніе въ положительномъ желаніи Александра отвлечь отъ меня общественное вниманіе, то оно вполнѣ разсѣялось бы собственнымъ честнымъ признаніемъ Императора въ своей винѣ матери моей въ 1818 году. Въ то время Александръ, по видимому, вполнѣ призналъ свое заблужденіе. Но впослѣдствіи, я готовъ думать, что имъ вновь овладѣло недовѣріе, и мнѣ простятъ, если я смотрю на фельдмаршала Дибича, хранителя тайнъ своего отца и моего соперника впослѣдствіи, какъ на главнаго распространителя тѣхъ клеветъ, которыя въ послѣдніе годы царствованія Александра вновь стали враждебно дѣйствовать на меня и лишили меня даже милостей императора Николая, не смотря на то, что при его восшествіи онъ столько же получилъ отъ меня доказательствъ неизмѣнной преданности, сколько и я отъ него доказательствъ сердечнаго расположенія.

Но воротимся назадъ къ 1801 году.

Здѣсь я могъ бы, съ опасностью, конечно, страшно вамъ наскучить, привести много подробностей о самомъ Петербургѣ—этой почти Нѣмецко-Англійской колоніи, интересовавшей меня въ особенно-

---

[16]) Вотъ молодой принцъ, котораго любятъ до безумія. Изъ-за него даютъ себя убивать съ наслажденіемъ.

сти въ лѣтніе мѣсяцы. Но вы сами знаете этотъ чудный городъ, съ его островами, утопающими въ садахъ, съ его хотя плоскими окрестностями, но блестящими великолѣпіемъ дачами, а потому не нуждаетесь ни въ какомъ описаніи. Точно также не нахожу нужнымъ обстоятельно изображать картину пышной церемоніи при погребеніи Императора. Длинный поѣздъ двигался весьма дальнимъ окольнимъ путемъ изъ Михайловскаго дворца, черезъ Васильевскій островъ, къ крѣпостной церкви, новому мѣсту погребенія царей. Моя траурная шляпа, своими длинными, низко спускавшимися полями заслонявшая мнѣ зрѣніе, и плащъ, спутывавшій мои ноги, мѣшали мнѣ ступать во время шествія позади царской фамиліи, которую я нѣсколько разъ, спотыкаясь, обгонялъ и потомъ валился съ ногъ у самой похоронной колесницы. Окружающіе ее, не смотря на трагическій характеръ торжества, не могли воздержаться отъ смѣха при всѣхъ этихъ несчастныхъ случаяхъ, безпрестанно со мной повторявшихся, и разъ великій князь Константинъ самъ отвелъ меня на мое мѣсто, говоря: «Держись за меня крѣпко, чтобъ опять тебѣ не попасть въ бѣду». Впрочемъ, еще до меня, говорятъ, случилось зловѣщее происшествіе: съ рыцаремъ, изображавшимъ радость по поводу новаго воцаренія, отъ тяжести его золотыхъ доспѣховъ сдѣлалось дурно, и онъ упалъ съ лошади, что̀ было принято суевѣрнымъ народомъ за дурное предзнаменованіе.

Въ заключеніе я вкратцѣ скажу, что новый Императоръ обращался со мной вѣжливо, на парадахъ и на аудіенціяхъ принималъ меня скорѣе холодно, чѣмъ любезно, но что, не смотря на все это, я былъ столь же восхищенъ имъ, какъ и новымъ несравненно болѣе изящнымъ убранствомъ его гвардіи.

Но самымъ счастливымъ обстоятельствомъ, ожидавшимъ меня лѣтомъ 1801 года, было рѣшенное Императрицею отправленіе меня обратно въ Германію для довершенія образованія.

Итакъ, послѣ шести богатыхъ содержаніемъ мѣсяцевъ, я снова воротился въ Карльсруэ, и этотъ первый шагъ въ обширный свѣтъ имѣлъ на мое ограниченное жизненное поприще тоже вліяніе, какое гораздо въ большемъ размѣрѣ имѣли Крестовые походы на судьбу юной Европы: они принесли съ Востока къ домашнему очагу стремленіе къ просвѣщенію.

Письмо Гоголя къ П. В. Нащокину.

Въ Москвѣ многіе помнятъ Павла Войновича Нащокина, скончавшагося 6 Ноября 1854 года. (Онъ приходился роднымъ внукомъ автору извѣстныхъ Записокъ про Елисаветинское время, и отецъ его былъ крестникомъ императрицы Елисаветы Петровны). Въ магазинѣ рѣдкостей и древностей Волкова на Волконкѣ, многіе годы по кончинѣ Нащокина, выставленъ былъ знаменитый его домикъ, объемомъ въ два или въ два съ половиною кубическихъ аршина. Это была затѣйливая игрушка богатаго барина, въ которой, въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ, находилось все до малѣйшихъ мелочей домашняго быта; были даже щеточки и мелки для карточной игры. Разсказывали, что владѣлецъ долгіе годы собиралъ эту забаву, заказывалъ лилипутныя вещицы и даже выписывалъ ихъ изъ чужихъ краевъ. Въ одномъ водевилѣ представлена была жизнь его съ Цыганкою Ольгою и, сидя въ креслахъ Московскаго театра, Нащокинъ глядѣлъ на собственное изображеніе. Немудрено при этомъ, что онъ прожилъ на вѣку своемъ нѣсколько состояній. Судьба почти до послѣдней минуты баловала его. Случалось такъ, что онъ проживалъ послѣднія крохи, топилъ каминъ мебелью; вдругъ поступало къ нему богатое наслѣдство, и снова жизнь его текла широкими волнами. Надо замѣтить, что въ волнахъ этихъ черпали очень многіе: Нащокинъ былъ человѣкъ необыкновенно-добрый. При этомъ онъ отличался свѣжимъ, своеобразнымъ умомъ и живымъ художественнымъ чувствомъ. Пушкинъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ друзей своихъ. Баратынскій, графъ М. Ю. Вельегорскій, К. П. Брюловъ, князь П. А. Вяземскій заслушивались его оригинальныхъ разсказовъ. Это была неистощимо-добрая, талантливая Русская душа, какихъ у насъ гибло и гибнетъ множество.

Свой даръ, какъ жизнь, онъ тратилъ безъ вниманья....

Повторяемъ, многіе и до сихъ поръ сочувственно помнятъ Павла Войновича Нащокина; но мудрено было подумать, чтобы Нащокинъ могъ сдѣлаться воспитателемъ юношества. Мысль эту однако возымѣли знаменитый Петербургскій откупщикъ и милліонеръ Бенардаки и, какъ видно, близкій къ нему Н. В. Гоголь. Неизвѣстно, что именно отвѣчалъ Нащокинъ на такое необыкновенное заявленіе и писалъ ли онъ къ Бенардаки; но что поступленіе его въ наставники не состоялось, это мы знаемъ навѣрное. *П. Б.*

Гастейнъ, 20-го (8-го) Іюля (1842).

Вы, можетъ быть, удивитесь, Павелъ Войновичъ, что я до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ о разговорѣ, который я имѣлъ объ васъ въ Петербургѣ съ Бенардаки. Но мнѣ прежде хотѣлось все обдумать на мѣстѣ и на просторѣ, а не отдѣлаться двумя строчками съ дороги, кое-какъ и въ попыхахъ, тѣмъ болѣе что дѣло, какъ вы увиди-

те сами, стóитъ того. Теперь я сижу на мѣстѣ, въ Гастейнѣ, и пишу къ вамъ.

Вы знаете уже причины, вслѣдствіе которыхъ я хлопочу о васъ. Это не вслѣдствіе дружескихъ отношеній нашихъ, не вслѣдствіе одного личнаго уваженія качествъ души вашей, но вслѣдствіе вашихъ свѣдѣній, познанія людей и свѣта, вѣрнаго взгляда на вещи и яснаго, свѣтски-просвѣщеннаго, опытнаго ума, которые должны быть употреблены въ дѣло, и былъ бы грѣхъ на душѣ моей, еслибы съ своей стороны я не способствовалъ къ тому.

Я давно размышлялъ объ вашей участи и о крайности теперешняго вашего положенія, хотя вамъ не говорилъ объ этомъ. Къ служебнымъ казеннымъ мѣстамъ путь вамъ закрытъ: это я видѣлъ ясно. Вы провели, по примѣру многихъ, бѣшено и шумно вашу первую молодость, оставивъ за собою въ свѣтѣ названіе повѣсы. Свѣтъ остается навсегда при разъ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса уже давно умудренъ опытомъ и жизнію, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства, выполняющій строго свои обязанности къ Богу и къ людямъ и пріобрѣтшій себѣ твердаго вожатая въ вѣрѣ, котораго часто не бываетъ вовсе у тѣхъ, которые произносятъ судъ надъ другими. Но свѣту нѣтъ нужды до этого; это не принимается въ строку, и названіе пустаго человѣка, придаваемое всякому неслужившему, заграждаетъ ему путь на вѣки къ казеннымъ мѣстамъ. Вотъ почему я думалъ, что вамъ лучше всего нужно сойтись съ Бенардаки, человѣкомъ понимающимъ глубже вещи, нежели другіе, владѣющимъ яснымъ, вѣрнымъ взглядомъ, и умомъ глубоко-практическимъ, стало быть, оцѣнящимъ васъ болѣе, чѣмъ другіе.

Я ему разсказалъ все, ничего не скрывая: что вы промотали все свое имѣніе, что провели безрасчетно и шумно вашу молодость, что были въ обществѣ знатныхъ повѣсъ и игроковъ и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не измѣнили ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣли пріобрѣсть невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ вамъ, преимущественно передъ другими, до конца своей жизни. И будучи низринуты въ несчастіе, въ самыя крайнія положенія, отъ которыхъ бы закружилась и потерялась у всякаго другаго голова, вы не впали въ отчаяніе, не прибѣгнули ни къ одному безчестному средству, которое могло бы васъ выпутать изъ крайности, не вдались ни въ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, въ которые способенъ вдаться Русскій, приведенный въ отчаяніе; что вы умѣли вынести съ высокимъ христіанскимъ терпѣніемъ испытанія, умѣли благословлять свои несчастія и несете свой крестъ съ тою покорностью и вѣрою, какая не является нынѣ. И въ заключеніе сказалъ я, что если у него есть такое мѣсто, на которое бы потребовался честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, то онъ никого другаго не употребилъ бы для этого съ такою пользою какъ васъ. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я кончилъ, онъ сдѣлалъ такое предложеніе, котораго я, признаюсь, совсѣмъ не ожидалъ: именно, не хотите ли вы быть наставникомъ его сына? Зная, что вы никогда не имѣли въ виду подобнаго мѣста и не готовили себя на то; зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ свѣтѣ на подобныя мѣста

требуются семинаристы и студенты, знакомые болѣе съ школою и наукою, а не со свѣтомъ и людьми, которые занимаютъ такія мѣста на время, пока не отыщется лучшее и выгоднѣйшее занятіе, изъ насущнаго куска хлѣба; зная это, я уже готовилъ было за васъ рѣшительный отказъ. Но нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ тутъ же, объяснили мнѣ достаточно его образъ мыслей на счетъ воспитанія. Въ словахъ и въ самомъ голосѣ, какими они были произнесены, былъ слышенъ отецъ, понимающій всю важность душевнаго внутренняго образованія, а не наружнаго и блестящаго. И признаюсь, послѣ такихъ словъ уваженіе мое возрасло къ нему еще болѣе, и я вслѣдъ за нимъ дѣлаю теперь такое же предложеніе съ своей стороны: не хотите ли быть воспитателемъ его сына?

Качества, которыя у васъ я для этого вижу, суть вотъ какія. Объ наукахъ и ученьи вамъ заботиться нечего: для этого у него будутъ профессора, и безъ сомнѣнія лучшіе, какіе найдутся. Но вы можете дѣйствовать на него другою стороною; вы можете внушить ему съ самыхъ юныхъ лѣтъ познаніе людей и свѣта въ настоящемъ ихъ видѣ. Уже одно множество происшествій, случившихся въ виду и на глазахъ вашихъ, исторіи разорившихся владѣльцевъ, множество нечаянныхъ случаевъ и событій, которые разсказываете вы такъ живо и увлекательно и съ такою вѣрностью, въ которыхъ такъ отражается нашъ современный Русскій баринъ и человѣкъ, со всею своей оплошностью и недостатками, которыхъ виною всегда почти самъ,— одни эти живые разсказы уже могутъ подѣйствовать глубоко на душу и сильнѣе всякихъ теорій и наставленій книжныхъ заставятъ увидѣть и свои обязанности, и долгъ. Испытанные несчастіями и крушеньями, вы можете одни сообщить твердость душѣ его, которой не въ силахъ сообщить ни одинъ, не извѣдавшій самъ горя. Вы болѣе, нежели кто другой, можете водрузить въ его душу непоколебимую вѣру въ Бога, потому что получили сами ее не внушеніями отъ другихъ и преданьями, но нашли ее сами во глубинѣ души своей, среди горнила бѣдствій; и потому вы одни только можете внушить ему истинное мужество: не упасть духомъ въ неудачахъ и не блѣднѣя встрѣтить несчастіе. Кромѣ того, вы имѣете на своей сторонѣ свѣтлую ровность характера, которая, между прочимъ, есть необходимое условіе для воспитателя. Вы не можете ни въ какомъ случаѣ предаться минутному увлеченію гнѣва, что̀ обыкновенно портитъ характеръ. Вы можете скоро заставить полюбить себя, а путемъ любви можно передать много прекраснаго въ душу. Вы можете мало по малу внушить ему желаніе наблюдать людей и чрезъ то узнавать дурныя и хорошія стороны. Не владѣя подробными знаніями въ наукахъ, вы имѣете о нихъ вообще свѣтлыя идеи и вѣрныя понятія. Вы въ простыхъ разговорахъ можете ему доставить то, чего не доставитъ ученый педантъ, потому что отъ него сокрыта тайна быть интереснымъ для людей всѣхъ возрастовъ. Вы можете видѣть уже сами, что ваше воспитаніе отнюдь не должно походить на такъ называемое гувернёрское. Оно должно быть ближе къ душѣ и къ сердцу, все въ разговорахъ, а не въ книгахъ. Жизнь, живая жизнь должна составить ваше ученіе, а не мертвая наука. Наблюдая за нимъ вашимъ свѣтлымъ умомъ, вы болѣе, чѣмъ кто другой, можете открыть въ немъ его главную наклонность, стихію, предметъ, къ которому внушилъ Богъ стремленіе ему въ душу преимущественно предъ другими. И тогда вы должны обратить вниманіе на эту способность и

на предметъ, къ которому она влечется, т. е. представить ему, сколько возможно, въ заманчивой перспективѣ предметъ и возбудить въ высшей степени къ нему любопытство. А тамъ уже онъ съ своимъ профессоромъ можетъ погрузиться въ него, какъ въ науку. Вы это можете сдѣлать, т. е. узнать главную способность, наводя разговоръ; этого не можетъ сдѣлать ученый или профессоръ, занятый односторонностью науки, ниже частный человѣкъ, не ознакомленный съ разными сторонами жизни и людей. Вы знакомы съ лучшими художниками и артистами и проводили часто среди ихъ время, а потому можете знакомить его и съ этою стороною. Искусства и художества много возвышаютъ душу. Наконецъ, вы можете передать ему настоящую простоту свѣтскаго обращенія, чуждую высокомѣрія и гордости или измѣнчивой неровности, какая бываетъ въ человѣкѣ вѣчно сомнѣвающемся, какъ ему быть съ другими, что̀ немаловажно тоже, потому что ему предстоитъ поприще просторное въ свѣтѣ; а умѣнье обращаться непринужденно и просто всегда привлекаетъ другихъ. И такъ, вотъ тѣ качества, которыя я у васъ вижу, качества, говорящія за возможность вашу заняться такимъ дѣломъ.

Недостатки ваши могутъ быть развѣ только въ неподвижности и лѣни, одолѣвающей Русскаго человѣка во время продолжительнаго бездѣйствія, и въ трудности подняться на дѣло. Но въ той же Русской природѣ есть способность, поднявшись на дѣло, совершить его полно и окончательно: Русскій сидень дѣлаетъ въ малое время больше, чѣмъ какой нибудь труженикъ, работающій всю жизнь. Къ тому же, бездѣйствіе не составляетъ вашего характера.

И такъ, обратите все вниманіе ваше, разсмотрите и сообразите это предложеніе. Прежде всего вспомните, что вы совершите подвигъ, угодный Богу. Нѣтъ лучше дѣла какъ образовать прекраснаго человѣка. Вспомните, что тому, кого вы образуете, предстоитъ поприще большое, можетъ быть даже государственное. Уже одни его богатства дадутъ ему всегда возможность имѣть сильное вліяніе въ Россіи. Поэтому вы можете быть творцомъ многихъ прекрасныхъ дѣлъ. Отецъ его пріобрѣлъ богатства сіи силою одного ума и глубокихъ соображеній, а не удачами и слѣпымъ счастьемъ, и потому они не должны быть истрачены втунѣ. Они должны быть употреблены на прекрасныя дѣла. Можетъ быть, счастье многихъ будетъ зависѣть отъ васъ. Разсмотрите внимательно свою жизнь; вспомните, что все, что̀ ниспосылается къ намъ Богомъ, все ниспосылается съ великою цѣлью. Бѣдствія, испытанія, доставшіяся на вашу долю, самая эта твердость души, пріобрѣтенная вами, все это дано вамъ для того, чтобы вы употребили его въ дѣло. Теперь предстоитъ вамъ это дѣло; пріобрѣтенное добро вы должны передать другому. Вы умѣли терпѣть посланныя вамъ злоключенія, умѣли не роптать, находили даже возможность протянуть руку помощи другому, какъ ни горька была ваша собственная участь; но вы еще не наложили на себя ни разу никакого подвига, свидѣтельствовавшаго бы ваше самопожертвованіе и любовь христіанскую къ брату, не предприняли дѣла во имя Бога, внутренно угоднаго Богу, безъ чего всѣ наши дѣйствія суть только оборонительныя, а не наступательныя. Вамъ предстоитъ теперь этотъ подвигъ. Если вы предпримете его во имя Бога, съ высокимъ самопожертвованіемъ, какъ дѣло святое, то подадутся вамъ съ вышины и силы, и помощь, и все, что̀ было труднаго, обратится вамъ въ легкое и удобоисполнимое, и много наслаж-

деній вкусите вы въ глубинѣ души вашей: потому что все, предпринимаемое нами съ такими мыслями и съ такой вѣрою, награждается чудными внутренними наслажденіями, которыхъ и тѣни не обрѣтетъ человѣкъ во внѣшнемъ мірѣ.

На счетъ условій я ничего вамъ не скажу, какъ только то, что Бенардаки очень понимаетъ всю важность воспитанія сына, что онъ знаетъ ваше положеніе, что вы и ваши дѣти будутъ обезпечены и что онъ лучше, нежели кто другой, можетъ чувствовать, чѣмъ вознаградить васъ.

И такъ, разсмотрите это дѣло, разсмотрите глубоко себя и дайте мнѣ вашъ чистосердечный, искренній отвѣтъ. Впрочемъ, онъ не можетъ не быть чистосердеченъ. Я знаю васъ и знаю, что вы ни въ какомъ случаѣ не захотите взяться за то, гдѣ вы почувствуете свое несостояніе сдѣлать пользу, какъ ни велика бы была крайность, вамъ угрожающая.

Помните, что вы должны будете переѣхать въ Петербургъ, можетъ быть, нѣсколько измѣнить вашъ образъ жизни, можетъ быть, даже нѣсколько съежиться въ первый годъ. Петербургъ и Москва—двѣ разныя вещи. Впрочемъ, вы сами знаете это хорошо, и васъ не подобныя обстоятельства могутъ остановить. Я не смѣю вамъ совѣтывать ѣхать теперь же въ Петербургъ для свиданія съ Бенардаки, потому что не знаю, можетъ быть, въ крайности вашего положенія, эта незначительная поѣздка будетъ для васъ значительна; но, признаюсь, мнѣ бы желалось очень, чтобы вы съ нимъ поскорѣе познакомились. Будьте съ нимъ просты, какъ вы есть и все на распашку; не скройте ничего, ни положенія вашего, ни образа мыслей, ни характера, однимъ словомъ, чѣмъ скорѣе онъ васъ узнаетъ, тѣмъ и для васъ и для него лучше. Онъ мнѣ далъ слово дѣйствовать тоже съ своей стороны откровенно во всемъ. И такъ, не замедлите и напишите мнѣ поскорѣе вашъ отвѣтъ. Я буду ждать его нетерпѣливо. Какъ мое письмо къ вамъ, такъ и отвѣтъ вашъ я перешлю къ Бенардаки; ибо въ этомъ дѣлѣ, вы должны чувствовать сами, мы всѣ трое должны дѣйствовать чистосердечно и добросовѣстно, какъ только возможно больше. И такъ, помолитесь Богу, и Онъ вразумитъ васъ.

На всякій случай вотъ вамъ адресъ Б.: на Гагаринской пристани, въ домѣ Неклюдова, Дмитрію Егорьевичу. Мнѣ пишите прямо въ Венецію: Poste restante.

Надпись: A Moscou (en Russie) Павлу Войновичу Нащокину въ Москвѣ, у Стараго Пимена, въ домѣ Ивановой. Штемпель почтовый: Bad Gastein, 29 Jul. 1842. Franco.

Автобіографическое всеподданнѣйшее прошеніе ротмистра Николая Флячки Карпинскаго.

(1802).

Свѣдѣній о Флячкѣ-Карпинскомъ мы не имѣемъ кромѣ тѣхъ, которыя содержатся въ его прошеніи. Онъ былъ происхожденія Польскаго, принятъ въ 1781 году на Русскую службу правителемъ Малороссіи графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ, очутился городничимъ въ городѣ Борисоглѣбскѣ, имѣлъ Владимірскій крестъ 4-й степени и отличался горячимъ нравомъ. Читатели обратятъ вниманіе на то, что Полякъ прошлаго столѣтія могъ такъ выразительно писать порусски. Что касается до содержанія его всеподданнѣйшей просьбы, то самое представленіе оной служитъ знаменіемъ того времени, когда была уничтожена Тайная Экспедиція, выпущены на свободу безчисленные ея узники, когда Россія, послѣ увлеченій внѣшнею политикою, принялась лѣчить домашнія свои язвы, и молодой Государь Александръ Павловичъ посвящалъ большую часть своихъ досуговъ дѣламъ правосудія и внутренняго преуспѣянія. Эта внутренняя сторона управленія требовала усиленныхъ заботъ; ибо къ ней могутъ быть отнесены слѣдующіе стихи Жуковскаго въ посланіи къ императору Александру (хотя и писанномъ гораздо позднѣе):

Оратай, на бразды склоняя взоръ унылый,
Грабителямъ свой плугъ послѣдній отдавалъ;
Убогій рубище имъ въ жертву раздиралъ,
И мздой свою постель страданье выкупало.

Показанія Флячки-Карпинскаго подтверждены самимъ Государемъ, какъ читатели увидятъ ниже. П. Б.

*

Всемилостивѣйшій Государь! Тѣ, кои внѣшнихъ враговъ Престола Россійскаго убиваютъ до смерти, существенно доказываютъ, что они то суть вѣрноподданные сыны Отечества и за то не токмо украшаются временно отличными знаками монаршаго благоволенія, но еще и безсмертные для нихъ воздвигаются памятники. А я, иностранецъ, наступающаго Іюня 14-го числа седмь лѣтъ уже исполнится, какъ за то только и страдаю, что, по долгу присяги, сохраняя казенной интересъ и по долгу человѣчества защищая пользу коронныхъ крестьянъ, осмѣлился внутреннимъ врагамъ писать и говорить правду, которая, ежели никогда не имѣетъ въ себѣ святости, то пусть и я всегда за оную останусь виновенъ и несчастливъ.

Однѣ сбереженныя въ дорожномъ платьѣ, а изъ другихъ оставшихся послѣ Тайной Экспедиціи (гдѣ самыя нужнѣйшія похищены) нѣкоторыя только заномерованныя всеподданнѣйше подношу Вашему Величеству бумаги. Оныя ввѣрьте, Ваше Величество, Россійскому Катону, господину дѣйствительному тайному совѣтнику и сенатору Трощинскому; но сей экстрактъ всѣхъ со мною происшествій, соблаго-

воли, Всемилостивѣйшій Государь, собственнымъ разсмотрѣть съ вниманіемъ и врожденною тебѣ кротостію, ежели гдѣ либо сквозь чувства мои протѣснилась наружу неловкость (ибо когда тѣ, кои злодѣйствовали, забыли, что дерзновенны предъ богами небеснымъ и тобою земнымъ, то изъ чего уже мнѣ въ описываніи безбожнаго ихъ безстрашія лишнюю соблюдать умѣренность?). Точно сей экстрактъ есть дерзокъ, но единственно отъ правды, которая (нѣгдѣ я начитывалъ) чешую имѣетъ на себѣ колючую.

Рапорты разные на мои изъ Тамбовской Казенной Палаты указы принудили Борисоглѣбскихъ питейныхъ сборовъ повѣреннаго купца Котельникова подать поносное для меня прошеніе и воспользоваться покровительствомъ благовременно у бывшаго господина правителя Неклюдова и у тогдашняго его секретаря Змѣева (а нынѣ находящагося при господинѣ генер.-прокурорѣ), который господину Неклюдову оставилъ токмо имя начальника, а всю дѣйствующую его власть себѣ присвоивъ, первенствующимъ въ Тамбовской губерніи злоупотребленій содѣлался орудіемъ. Онъ самымъ гнуснѣйшимъ образомъ пріобрѣлъ преизбыточное для себя состояніе, чувствуя въ себѣ наипревосходнѣйшій даръ у всякаго легкомысленнаго, простаго и непроницательнаго начальника скорѣйшую уловить довѣренность и, предвидѣвъ уже неминуемое господина Неклюдова паденіе, оставилъ его запутаннаго въ сѣтяхъ; а самъ, для избѣжанія пагубныхъ и для него слѣдствій и для поступленія выше въ чинахъ, переселился изъ Тамбова, основалъ свое здѣсь [1]) пребываніе, легко могъ найти друзей, а чрезъ нихъ патроновъ, по коихъ рекомендаціи втерся въ генералъ-прокурорскую канцелярію и въ шесть лѣтъ изъ учителей Полоцкаго народнаго училища (изъ коего бѣжалъ) успѣлъ выдти въ коллежскіе совѣтники; а по сему случаю не токмо меня держать могъ продолжительнѣе въ узахъ несчастія, но даже вредитъ и благопріятелямъ моимъ, съ примѣрною отличностію служащимъ.

По представленію на меня господина Неклюдова, Правительствующій Сенатъ въ своемъ указѣ подтвердилъ отрѣшеніе меня отъ мѣста и безъ суда наказалъ меня онымъ, предалъ еще уголовному сужденію за непристойныя якобы въ рапортѣ моемъ выраженія; но въ томъ же указѣ повелѣлъ судить и повѣреннаго Котельникова (который однакожъ неизвѣстно мнѣ чтобъ гдѣ либо былъ сужденъ и взнесъ ли куда либо по указу на рапортъ мой Тамбовской Казенной Палатѣ штрафныхъ денегъ 320 р.). Тѣмъ самымъ Правительствующій Сенатъ оправдалъ уже мое съ господиномъ Неклюдовымъ за цѣлость казеннаго интереса на бумагѣ сраженіе, къ коему по истинной вѣрности моей я бы и на другомъ чѣмъ нибудь немедленно приступилъ, зная, что та вещь есть государева; а кто бъ ее ни покушался похитить, солдатъ или генералъ, равно бы протянулась моя рука къ пораженію того или другаго, а все вора.

[1]) Т. е. въ Петербургѣ. О злоупотребленіяхъ этого Змѣева было уже напечатано въ Русскомъ Архивѣ (1870, 269), въ любопытномъ прошеніи къ намѣстнику Неклюдову отъ секундъ-маіора Оленина, которое доставлено намъ И. С. Тургеневымъ. П. Б.

Приказъ въ оригиналѣ подъ № 12-мъ побудилъ меня оградиться въ Уголовную Палату прошеніемъ подъ № 13-мъ, которое считалось безуспѣшнымъ, что доказательно изъ прошеніи моего подъ № 14 къ губернскому прокурору Хвощинскому; но какъ онъ, такъ и сынъ его уголовныхъ дѣлъ стряпчій (онъ же и подрядчикъ подушнаго провіанта) въ угодность господина Неклюдова не соблюли своей должности, явно отказались унять Уголовной Палаты совѣтника, а нынѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія совѣтника же Кузмина, который принуждалъ меня, подобно неграмотному мужику, на вопросные пункты ôтвѣтствовать на словахъ, а оныя писалъ бы стоящій у налоя приказный. Я говорилъ ему неоднократно, что хочу и желаю скорѣе отвѣтствовать, но собственнымъ токмо перомъ, а не чужимъ. Кузминъ, не сомнѣваясь, что на вопросные пункты конечно отвѣтствовать буду плодовито, незастѣнчиво и гораздо чистосердечнѣе, такое принужденіе нарочно приготовилъ для того, дабы ловчѣе придраться ко мнѣ, будто за ослушность и яко ослушника, не пріемля уже никакихъ отъ меня оправданій, судить. Для довершенія такого наглаго злоумышленія и послалъ было къ коменданту Булдакову, посадить меня подъ стражу; но благоразумный комендантъ и усердствующій мнѣ неповинно притѣсняемому, будучи о томъ благовременно отъ меня предваренъ, приказалъ посланному сказать присутствующимъ напрямки, чтобъ они не шалили и съ подсудимымъ поступали такъ, какъ монаршій законъ повелѣваетъ, а не собственное ихъ поджигаетъ пристрастіе. На такой непріятный отзывъ коменданта долго сѣтуя въ Палатѣ, Кузминъ позволилъ наконецъ писать мнѣ отвѣтные пункты и поставилъ у налоя приказнаго съ тѣмъ, чтобъ онъ наблюдалъ, не стану ли чего писать лишняго. Ни одного не написалъ я періода, чтобъ приказной не моргнулъ Кузмину, а сей опрометью не кидался ко мнѣ, не вырывалъ отвѣтные пункты, толкая въ грудь и въ бѣшенствѣ злословя, чтобъ всякой разъ не спрыскалъ меня слюнею. Я убѣдительно просилъ его, буде ему что либо лишнее теперь кажется въ отвѣтныхъ пунктахъ, оное лучше оговорить послѣ во опредѣленіи, нежели конфузить меня умышленно и столь въ нужное время, которое единожды только и употребить долженствую къ совершенному себя оправданію. Онъ, ничему не внимая, продолжалъ свое неистовство, коимъ Палату, сіе освященное мѣсто, обратилъ въ соблазнительное торжище. Но въ одинъ день присутствія не далъ мнѣ Кузминъ окончить отвѣтныхъ пунктовъ; а я, вышедъ изъ Палаты, имѣя пронзенное сердце первоначальными толико жестокими ударами, по коимъ не могъ я не предчувствовать предыдущаго тягчайшаго еще жребія, палъ въ отчаянность, залился слезами и терзаемымъ о участи моей воображеніями. Не зналъ я уже, куда меня тащили ноги, какъ вдругъ очутился я на дворѣ Гражданской Палаты господина предсѣдателя Чичерина (и сего добродѣтельнѣйшаго старца нападки господина Неклюдова вогнали во гробъ!), который выслалъ человѣка позвать меня [2]). Всѣ въ домѣ его, видя меня въ столь

[2] Говорится о Петрѣ Васильевичѣ Чичеринѣ.

жалостномъ положеніи, спрашивали онаго причины и слыша о таковыхъ поступкахъ со мною въ Палатѣ Кузмина, никто, а паче изъ дамъ, не остался не тронутымъ до слезъ. Въ другой день присутствія тоже было со мною. Я, елико возможно, самъ торопился какъ нибудь уже кончить отвѣтные пункты, а окончивши и подписавши оные, показалось мнѣ, что свалился съ шеи моей семипудовой камень. При подачѣ присутствующимъ отвѣтныхъ пунктовъ, подалъ я вмѣстѣ и скрытое подъ камзоломъ объясненіе (подъ № 16-мъ) въ дополненіе онымъ, котораго Кузминъ не принимая металъ мнѣ въ глаза; а я, полагая болѣе надежду на объясненіе, нежели на отвѣтные пункты, равно упорствовалъ не принимать онаго обратно. Сіе дѣйствіе за полчаса продолжалось; наконецъ, растворивши у секретарской двери, въ разсужденіи упрямства Кузмина, засвидѣтельствовался я всѣми приказными и пришедшимъ на тотъ случай Моршанскимъ дворяниномъ Огаревымъ, отъ чего онъ Кузминъ ввержень былъ въ такое замѣшательство, что сѣлъ на свое мѣсто и задумался; а я, дабы воспользоваться сею счастливою минутою, положа предъ него Кузмина оное объясненіе, поспѣшнѣе удалился изъ Палаты.

Приносилъ я, несчастный, всеподданѣйшую жалобу блаженной и вѣчно-достойной памяти Государынѣ Императрицѣ съ донесеніями о подрядѣ подушнаго провіанта, рекрутскомъ наборѣ, ревизскихъ сказкахъ и о варварскомъ квартированіи Нарвскаго карабинернаго полка съ помощію бывшаго земскаго исправника Неелова, чего для и всеподданѣйше просилъ я довѣреннѣйшей особы. Но что̀ послѣдовало съ оною жалобою, всеподданѣйше донесетъ Вашему Величеству сострадалецъ маіоръ Оленинъ. Послалъ я вскорѣ письмо и къ господину бывшему генералу прокурору графу Самойлову, такого же содержанія, въ коемъ прибавилъ только то, что господинъ Неклюдовъ тѣмъ дерзновеннѣе съ директоромъ экономіи Кашинцовымъ въ разныя пустился злоупотребленія, что онъ, Кашинцовъ, есть любимецъ его графа Самойлова, изъ за-коихъ толико важныхъ злоупотребленій господинъ Неклюдовъ тѣснить меня никакою уже не почитаетъ несправедливостью.

Разгнѣванный графъ Самойловъ оное письмо предложилъ Правительствующему Сенату, а угождающій ему Правительствующій Сенатъ не препоручилъ кому иному потребовать отъ меня на донесенія доказательствъ, но не кстати Уголовной Палатѣ. Уголовная Палата, по учиненіи обо мнѣ противнаго закону, чести и совѣсти приговора, отдала меня подъ присмотръ, который состоялъ изъ непремѣнныхъ двухъ солдатъ, а ночью изъ десятниковъ, окружавшихъ мою квартиру и принужденныхъ бороться со стужею.

Въ такой находясь крайности, паки возрыдалъ я къ покойной Государынѣ Императрицѣ 1796 года въ исходѣ Октября; но уже покойный Государь Императоръ высочайше указать соизволилъ Правительствующему Сенату, дабы меня содѣлать свободнымъ, а съ виновными чиновниками Тамбовскими поступить по законамъ. Между тѣмъ заступилъ мѣсто генералъ-прокурора князь Куракинъ, не меньше поддерживающій сторону гонителей моихъ и, въ противность имян-

наго высочайшаго повелѣнія, бывшаго директора экономіи Кашинцова замѣстилъ въ предсѣдатели въ Тамбовскую же Палату Суда и Расправы 1-го департамента. Изъ числа привѣтствующихъ его, князя Куракина, въ семъ новомъ званіи былъ и я, но всуе: ибо онъ вовсе не внималъ бѣднымъ. Долгое нерѣшительное время будучи для меня плачевнымъ, вторительно я къ князю Куракину относился, но также всуе. Правительствующій Сенатъ повелѣлъ было указомъ Тамбовскому Губернскому Правленію предписать однимъ нижнимъ земскимъ судамъ изслѣдовать по селеніямъ, окажутся ли мои донесенія справедливыми. Безопасность моя требовала, чтобъ Правительствующаго Сената указъ учинить недѣйствующимъ и такое изслѣдованіе остановить письмомъ къ князю Куракину подъ № 20-мъ и приложенною съ прошенія копіею подъ № 21-мъ, съ коего прошенія всѣ любопытные Тамбовской губерніи дворяне, не знаю какимъ образомъ, изъ Губернскаго Правленія получили копіи. То правда, оныя были достойны всеобщаго любопытства: ибо, какъ существуетъ Россія и въ оной Правительствующій Сенатъ, такъ никогда къ оному отъ частнаго человѣка подобныя не доходили изреченія, за которыя я чаялъ, что господа сенаторы не преминутъ съ колѣнопреклоненіемъ у покойнаго Государя Императора просить удовольствія [3]) и онымъ уже паки возобновить свое высокопочтеннѣйшее званіе. Но видно, оставшіяся еще нѣкоторыя частицы богобоязненной въ нихъ совѣсти отъ такого ихъ отторгнули предпріятія, или чувства чести въ нихъ замерли. Господинъ тайный совѣтникъ, Тамбовскій гражданскій губернаторъ Лаптевъ намѣревался было за оное объясненіе отдать меня подъ уголовный судъ, но поелику и его правленіе обращало на себя немалое порицаніе и можетъ быть больше нахваталъ, но только осторожнѣе и умнѣе господина Неклюдова, поопасся раздражить меня и рѣшился оное прошеніе въ Правительствующій Сенатъ препроводить въ оригиналѣ. Извѣстно мнѣ, что отъ слушанія въ ономъ прошеніи необыкновенныхъ справедливыхъ словъ, читанныхъ оберъ-секретаремъ Кузминымъ въ присутствіи господъ сенаторовъ, всѣ они зашатались на креслахъ, восчувствовали себя обезоруженными, и вся ихъ горячность преданности къ Тамбовскимъ грабителямъ на тотъ разъ совершенно охладѣла, а князь Куракинъ не меньше былъ встревоженъ. Общая на меня злоба разверзала свою пасть и уже проглотить меня жадничала, какъ (по поднесенному на корфимацію отъ Правительствующаго Сената 2-го департамента покойному Государю Императору маіора Оленина дѣлу) воспослѣдовалъ высочайшій рескриптъ, данный господину тайному совѣтнику и сенатору Леонтьеву, дабы онъ по донесеніямъ его маіора Оленина о разныхъ злоупотребленіяхъ изыскалъ истину на мѣстѣ въ Тамбовской губерніи, коему и по моимъ донесеніямъ изслѣдовать повелѣно было.

Не зналъ я прежде внутренняго расположенія дому господина Лаптева, но послѣ приласкалъ меня, просилъ, чтобъ чаще бывалъ у него, и обращенія его со мною казались по наружности своей столь

---

[3]) Т. е. по нынѣшнему: удовлетворенія.

дружескими, что Тамбовскіе политики только удивлялись онымъ, а я долженъ былъ равнодушничать и не вѣрить. Когда же дошло до общаго свѣдѣнія, что довѣреннѣйшая особа отправлена для изслѣдованія бывшихъ злоупотребленій въ Тамбовскую губернію, и съ оною ѣдетъ маіоръ Оленинъ, то я предварялъ господина Лаптева, чтобъ онъ не вмѣшивался въ наши дѣла и какъ можно подальше убѣгалъ. Польза въ томъ состояла, чтобъ больше не умножать враговъ и столь сильныхъ, каковъ господинъ Лаптевъ; поелику князь Куракинъ ему другъ и долженъ пятьдесятъ тысячъ рублей.

Когда прибылъ въ Тамбовъ господинъ сенаторъ Леонтьевъ, явился и г-нъ Неклюдовъ съ Змѣевымъ, который надоумилъ господина Неклюдова, чтобъ онъ тѣснѣе подружился съ господиномъ Лаптевымъ и внушилъ ему поделикатнѣе, что господина Неклюдова дѣла конечно дурны, но его господина Лаптева равно нехороши; а потому, изыскивая господинъ сенаторъ старыя его господина Неклюдова злоупотребленія, какъ бы и до новыхъ его господина Лаптева не добрался по показаніямъ коронныхъ крестьянъ, коихъ при насъ свидѣтеляхъ ни самому господину сенатору унять будетъ невозможно; слѣдовательно господинъ Лаптевъ, какъ дѣйствующій губернаторъ, удобно помогая себѣ, обязанъ уже помочь и ему господину Неклюдову, а тѣмъ самымъ обоюдная ихъ и составится польза и безопасность. У кого совѣсть нечиста, тотъ всего боится. Господинъ Лаптевъ сіе господина Неклюдова внушеніе не токмо не отвергъ, но еще принялъ знакомъ чувствительнѣйшаго одолженія и въ неизмѣнности далъ ему случайную свою у князя Куракина руку. По пріѣздѣ господина сенатора, на третій день, около обѣда, пришелъ я съ маіоромъ Оленинымъ, вмѣстѣ со мною квартировавшимъ, къ господину сенатору. Онъ сказалъ намъ: «Вы, государи мои, вѣрно думаете, что я послѣ дороги отдыхаю; но нѣтъ, я началъ дѣло дѣлать, и столь удачливо, что о сю пору какъ сквозь сѣтку уже вижу и почти руками ощупываю, что здѣсь великія происходили злоупотребленія. Я бы съ моей стороны совѣтовалъ господамъ преступникамъ, чтобъ они безъ дальныхъ изобличеній лучше признались во всемъ, а всякое добровольное признаніе половину избавляетъ вины». Мы отвѣтствовали: «Конечно, никакія ухищренія не могутъ скрыть ихъ злодѣяній, и лучше имъ признаться и на монаршее уповать милосердіе, нежели запираться и по показаніямъ коронныхъ крестьянъ подвергнуть себя всей жестокости правосудія». Слыша слова господина сенатора, казалось намъ, что мы слышимъ благоволящій къ намъ свыше гласъ; а тѣмъ болѣе еще обрадовались, узнавъ, что въ тотъ же день (базарный) по утру, господинъ сенаторъ посылалъ сенатскаго курьера Солнцова развѣдывать обо всемъ инкогнито у мужиковъ. И тутъ-то отъ восхищенія сказали мы другъ другу: «Есть ли бы и Самъ Богъ для нашего дѣла избиралъ сенатора, то не иного отличилъ бы какъ сего господина Леонтьева». Угождая господина сенатора дебелости, мы положили недѣлю ничѣмъ не утруждать для его послѣ дороги отдохновенія; жалѣли только о томъ, что пріѣхавшій съ нимъ одинъ сенатскій протоколистъ Шубанинъ врядъ ли успѣетъ столь обширное обработы-

вать дѣло. Но съ своей стороны господинъ Лаптевъ не далъ отдыхать господину сенатору: онъ началъ потаскивать его то по обѣдамъ, то по вечеринкамъ; а между тѣмъ извѣстились мы, что Тамбовскій земскій комисаръ Медвѣдскій рыскаетъ по селеніямъ и гдѣ угрожаетъ и гдѣ упрашиваетъ коронныхъ крестьянъ, чтобъ не жаловались и показали, что никѣмъ и никогда притѣснены не были, о чемъ донеся господину сенатору, неотступно просили мы, чтобъ неукоснительно отправился для изслѣдованія по уѣздамъ. Крайне удивились мы, что господинъ сенаторъ не вѣритъ нашему донесенію и къ поспѣшному не соглашается отправленію. Съ сей минуты стали мы за господиномъ сенаторомъ примѣчать поприлежнѣе и удостовѣрились, что на секретныхъ ночью конференціяхъ всегда предсѣдательствуетъ господинъ Лаптевъ, что господинъ сенаторъ свою канцелярію укомплектовалъ изъ приверженнѣйшихъ господину Лаптеву и предсѣдателю Кашинцову приказныхъ, что сочиняетъ для насъ вопросные пункты, дабы обнажить всѣ письменные способы и силу нашихъ доказательствъ, а послѣ сообщить грабителямъ Тамбовскимъ для благовременнаго взятія самыхъ нужнѣйшихъ мѣръ къ опроверженію оныхъ; что отъ толпящихся обиженныхъ отказывается принимать жалобы на господина Неклюдова, говоря каждому, что ежели ему принимать отъ всякаго просьбы, то его замечутъ бумагами; и наконецъ болѣе всего поразило насъ то, что господину сенатору данъ отъ князя Куракина особый планъ вопреки высочайшему рескрипту. Сказанныя выше слова въ одобреніе наше господиномъ сенаторомъ на счетъ Тамбовскихъ мздоимцевъ суть токмо засвидѣтельствованіемъ того, что онъ господинъ сенаторъ сначала колебался и не могъ рѣшиться, выполнить ли по данной ему отъ покойнаго Государя Императора довѣренности или удовлетворить князя Куракина плану и что, наконецъ, рѣшился господинъ сенаторъ измѣнить Богу, Государю и своей сѣдинѣ.

Не нашли мы дѣйствительнѣйшаго форсу опрокинуть заговоръ Тамбовскаго противъ насъ комплота, какъ подачею объявленія (подъ № 22-мъ). Оное столь полюбилось господину сенатору, что сряду раза три прочиталъ, выхвалялъ и называлъ умнымъ, прекраснымъ, напубѣдительнѣйшимъ и еще благодарилъ насъ за оное (конечно онымъ объявленіямъ усыпающую возбудили мы въ немъ совѣсть); но на другой день, призвавъ насъ къ себѣ, сказалъ: «Вчерашнюю вашу бумагу какъ я вечеромъ разсмотрѣлъ получше, то оная показалась мнѣ самою пустою; однако въ удовольствіе ваше я буду спрашивать уѣздныхъ предводителей, но не подъ присягою, а приватно и не при васъ, а безъ васъ». Я не обинуясь господину сенатору возразилъ тако: «Не вашему превосходительству, но тѣмъ, съ коими вы вчера при свѣчахъ имѣли свиданіе, а именно здѣшнимъ воровскимъ комплотамъ наша бумага показалась пустою; а что не подъ присягою, а приватно и не при насъ, а безъ насъ спрашивать хотите уѣздныхъ предводителей, то для того, дабы, ежели они и покажутъ въ пользу нашихъ донесеній, преступники оправдались тѣмъ, что уѣздные предводители, будучи спрашиваны безъ присяги, могли

показать на нихъ по одному только пристрастію». Не сомнѣвался я, чтобъ уѣздные предводители, и приватно спрашиванные, не засвидѣтельствовали истины нашихъ донесеній. Идучи къ обѣднѣ съ монастыря, встрѣтился я съ Борисоглѣбскимъ предводителемъ Страховымъ, который сказывалъ, что онъ съ Моршанскимъ предводителемъ Татариновымъ вчера были у господина сенатора и о чемъ ихъ ни спрашивалъ въ краткихъ словахъ отвѣтствовали, что все такъ было; а какъ господинъ сенаторъ спросилъ его Страхова о квартированіи въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Нарвскаго карабинернаго полка, то онъ совѣтовалъ господину сенатору на путь запастись большимъ сундукомъ для помѣщенія на оный полкъ жалобъ отъ коронныхъ крестьянъ.

Для истребленія грозныхъ противъ насъ интригъ послѣднимъ нашимъ оставалось ресурсомъ то, чтобъ господинъ сенаторъ хотя въ одномъ и самомъ ближайшемъ побывалъ селеніи, гдѣ непремѣнно нашедъ все сходно съ нашими донесеніями, по собственному уже опыту удостовѣрился бы, что нѣтъ ему господину сенатору возможности болѣе поддерживать противную партію. Для сего, въ одно Воскресенье, въ чаяніи застать у господина сенатора господина Лаптева и прочихъ чиновниковъ, нашихъ соперниковъ, и всю Тамбовскую публику, нарочно приноровили мы къ нему г-ну сенатору придти предъ самою обѣднею, засвидѣтельствовались всѣми предстоящими, что мы его господина сенатора просимъ отправиться для изслѣдованія по селеніямъ и буде онъ сенаторъ формально откажется, то мы принуждены будемъ предпріять другое для насъ надежнѣйшее. Господинъ сенаторъ на сіе откровенное наше изъясненіе затрясся и далъ честное и увѣрительное слово, что завтра же съ нами отправится по уѣздамъ. Майоръ Оленинъ спросилъ: чьи будутъ для насъ лошади? Господинъ сенаторъ сказалъ: «казенные, а только ваши чтобъ были экипажи». Въ тоже Воскресенье заплатили мы 50 р. за повозку. На другой день поутру мы были готовы ѣхать и ожидали только отъ господина сенатора присылки. Онъ и прислалъ за нами, но не ѣхать, а отказаться то нездоровьемъ, то дурною на дворѣ погодою; а повозка осталась только впредъ для отвезенія насъ въ заклепы Тайной Экспедиціи!

Отчаянность жестоко насъ терзать начинала. Видя, что во всѣхъ нашихъ всеусильнѣйшихъ напряженіяхъ нѣтъ никакого успѣха, мы просили господина сенатора, чтобъ принималъ и не пренебрегалъ подаваемыми отъ многихъ на господина Неклюдова жалобами, ибо всякая жалоба на него есть яснымъ документомъ нашихъ донесеній. Буде же принимать оные отречется, то и намъ не останется иного думать какъ только, что онъ господинъ сенаторъ Высочайшій рескриптъ замѣстить хочетъ чьимъ-нибудь постороннимъ планомъ, тоесть воровъ закрыть, а насъ погубить. Господинъ сенаторъ, и сіе наше изъясненіе выслушавъ, позволилъ или, лучше сказать, приказалъ уже намъ отъ просителей принимать жалобы и ему господину сенатору представлять. Хотя о томъ повѣстки по городу учинить намъ было нельзя, за всѣмъ тѣмъ нѣсколько человѣкъ съ жалобами тотъ же день къ намъ явились, которыя всеподданнѣйше отъ себя пред-

ставляетъ маіоръ Оленинъ. Но коль скоро комплотъ извѣстился о таковомъ господина сенатора для насъ разрѣшеніи, то для отвращенія отъ насъ просителей, въ тайномъ и общемъ съ господиномъ сенаторомъ совѣтѣ, положено было приставить къ намъ караулъ, вслѣдствіе чего на другой день по утру, пришелъ къ намъ офицеръ, далъ прочитать приказъ, полученный отъ коменданта Григорьева, который былъ такого содержанія: господинъ сенаторъ сообщилъ господину Лаптеву, господинъ Лаптевъ предложилъ коменданту, а сей ему офицеру приказываетъ самыхъ надежнѣйшихъ выбрать солдатъ, привесть оныхъ къ нему коменданту на смотръ и послѣ ими окружить нашу квартиру. Сей приказъ не отдали мы офицеру и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ господину сенатору жаловаться на него самого: за какую вину мы отданы подъ караулъ; поелику онъ господинъ сенаторъ не токмо не кончилъ изслѣдованія по нашимъ донесеніямъ, но почти еще и не начиналъ; а естьли бы и при самомъ безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи его господина сенатора наши донесенія открылись ложными, то и тогда, сообразуясь въ точности Высочайшаго рескрипта, не долженствовалъ бы господинъ сенаторъ безчестить насъ карауломъ прежде сужденія Правительствующаго Сената. И серьознѣе разсмотря важность дѣла, ближе было бы приказать подъ караулъ взять воровъ и грабителей Тамбовскихъ, нежели насъ доносителей; а доколѣ мы находиться будемъ подъ карауломъ, на требованія господина сенатора никакого уже не обязуемся ни на бумагѣ, ни на словахъ чинить послушанія. Господинъ сенаторъ не вѣритъ, что мы пришли къ нему за карауломъ. Я прошу офицера, чтобъ онъ увѣрилъ. Господинъ сенаторъ еще сомнѣвается. Я вынимаю приказъ и даю для прочтенія. Господинъ сенаторъ дрожащими руками беретъ оной и читаетъ. Прочитавъ говоритъ: «О все не такъ! Они меня не поняли». И обратясь къ офицеру, сказалъ: «Пойди, сударь, пойди къ своему мѣсту! Нѣтъ тебѣ къ нимъ дѣла. Они свободны». Офицеръ вышелъ, а я сталъ говорить слѣдующее: «Вотъ, ваше превосходительство, каково-то слишкомъ ввѣрять себя здѣшнему комплоту, а наипаче господину Лаптеву! Долго ли ему ввести васъ въ самыя ужаснѣйшія непріятности? Онъ, ежели бы его званію соотвѣтствовала честность и ежели бы самъ не имѣлъ крайней нужды все и вездѣ для насъ портить, долженъ бы былъ въ такомъ случаѣ предостеречь еще ваше превосходительство, что обо мнѣ есть въ Губернскомъ Правленіи Высочайшее повелѣніе, по которому въ моихъ обстоятельствахъ отъ всякихъ частныхъ притѣсненій я пользуюсь свободою; а за что онъ не поберегъ ваше превосходительство, что вчерашнія ваши слова понялъ токмо такъ, какъ ему и подобнымъ ему было надобно, и что явнымъ уже сдѣлался злодѣемъ нашимъ, скажите ему, ваше превосходительство, что между Неклюдовскимъ постараемся торжественно обнаружить и Лаптевское немалое мздоимство». Не приминулъ я издали прибавить и на счетъ господина сенатора, что по всему видимому понуждаетъ насъ прибѣгнуть къ Государю Императору.

Оставя господина сенатора въ тревогѣ и въ глубокомъ размышленіи, возвратились мы свободны на квартиру. Чрезъ часъ приходитъ къ намъ сенатской курьеръ Солнцовъ, а я, дождавшись, для чего присланъ онъ, немедленно изъ шкатулки вынулъ запечатанный покойному Государю Императору конвертъ, показалъ оной курьеру и сказалъ: «Доложи его превосходительству, что я до времени пожалѣлъ его старость и не послалъ по почтѣ, но отправившись въ уѣзды, ежели въ первомъ селеніи замѣчу малѣйшее его къ намъ недоброжелательство, отошлю непремѣнно; а можетъ быть и прежде еще». Курьеръ съ сею новостію поспѣшилъ къ господину сенатору, паки приходитъ и зоветъ насъ къ нему. Застаемъ господина сенатора пожимающаго руки. Онъ спрашиваетъ насъ о готовомъ къ Государю Императору конвертѣ. Я подаю прочитать съ письма копію, съ тѣмъ, что кромѣ содѣяннаго съ нами ничего въ ономъ не прибавлено, а слѣдуетъ еще добавить о нынѣшнемъ караулѣ. Господинъ сенаторъ отрекается принимать, говоря, что ему про себя непріятно читать критическую бумагу. Между тѣмъ униженно кланяется намъ и проситъ прощенія, что онъ, яко человѣкъ, могъ противъ насъ погрѣшить. Наконецъ, по многимъ взаимнымъ изъясненіямъ, отпустилъ онъ насъ съ тѣмъ увѣреніемъ, что впредъ правой нашей сторонѣ преданъ будетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что господинъ сенаторъ отъ слова до слова перевелъ наши господину Лаптеву угрозы и поелику столь былъ слабъ, что не могъ противиться его искушеніямъ, то между ними и твердо опредѣлено было отписать объ насъ къ князю Куракину, съ тѣмъ, что, если не удалить насъ прежде оттолѣ яко свидѣтелей угоднаго его плану изслѣдованія, мы всегда въ состояніи будемъ учинить господина сенатора безсильнымъ, а обѣщанную его князя Куракина Тамбовскимъ мздоимщикамъ защиту безнадежною вовсе.

Послѣ сего, до полученія отъ князя Куракина резолюціи, засѣлъ господинъ сенаторъ неподвижно въ городѣ Тамбовѣ, не помышлялъ уже отправиться съ нами въ уѣзды, а на ежедневныя о томъ просьбы наши только повторялъ: хорошо, хорошо!

Съ 15-го на 16-е число Апрѣля съ полночи во второмъ часу, сорока солдатами съ примкнутыми штыками окружена была наша квартира. Вошедъ къ намъ съ четырьмя солдатами, офицеръ, какъ въ побѣжденную имъ батарею, тотчасъ отдалъ въ руки солдатамъ ружья и шпаги наши. Вошли и сенатскіе курьеры, Солнцовъ и Кисловъ, привезшій отъ князя Куракина всѣмъ Тамбовскимъ ворамъ и грабителямъ радость, благополучіе и всегдашнее спокойствіе, что не ввержены будутъ въ пролубь Тайной Экспедиціи. Офицеръ, взявъ маіора Оленина съ 8-ю солдатами, повелъ его чрезъ городъ, какъ будто разбойника, приговореннаго къ казни, къ господину сенатору, который съ курьеромъ Солнцовымъ и отправилъ его сюда, за конвоемъ до тамошней заставы. А поелику отправленіе меня зависѣло отъ господина Лаптева, который уѣхалъ въ благопріобрѣтенную имъ чрезъ полгода [4]) Тамбовской губерніи Козловскаго уѣзда деревню: то

---

[4]) Сочинитель хотѣлъ сказать: въ теченіи полугода.

Субботу, Воскресенье и Понедѣльникъ, съ половины дня до четвертаго часа, квартира моя, стоявшая отъ перекрестныхъ улицъ на углу, усажена была вооруженными солдатами, трогательнымъ образомъ для всего города, имѣющаго обо мнѣ нехудыя и достойныя вѣрной моей службы мысли. Меня къ обѣднѣ не пущали, ни многимъ желающимъ видѣться со мною позволено не было. Господинъ Лаптевъ, при отправленіи меня, принялъ видъ кроткаго агнца и спрашивалъ, за что я на него сердитъ. «За то», отвѣтствовалъ я, «что вы не послушались прежняго моего предваренія не вмѣшиваться въ наши дѣла, а вы вмѣшались столько, что между Неклюдовымъ и вами никакой уже теперь не нахожу я разницы. Ѣду я нынѣ въ Петербургъ по милости вашей и пострадаю, ежели не увижу Государя Императора; естьли же буду имѣть счастіе видѣть, то будьте увѣрены, что я вскорѣ возвращусь съ особливымъ къ вамъ и къ господину сенатору поздравленіемъ». Такое съ господиномъ Лаптевымъ было мое прощанье, а господинъ сенаторъ не дозволилъ мнѣ съ нимъ проститься, подобно героической добродѣтели мужамъ, кои одолжаютъ тайно, а не явно и никакой не требуютъ благодарности.

Отправленный изъ Тамбова съ курьеромъ Кисловымъ, наѣхалъ я маіора Оленина подъ Рязанью, и продолжали несчастные путь вмѣстѣ. Остановилися въ Москвѣ нѣсколько отдохнуть и починить повозку, откуда безъ вѣдома курьеровъ (въ чемъ свидѣтельствуемся Богомъ) предварительно препроводили мы къ покойному Государю Императору чрезъ почту письмо, какъ послѣднее къ спасенію нашему средство. Воономъ всеподданнѣйше просили мы, дабы соблаговолено было выслушать насъ лично.

1798 года Маія 3 дня (о несчастное напоминаніе!) привезли насъ прямо въ домъ князя Куракина, оттолѣ въ Сенатъ, а изъ онаго въ нѣдра Тайной Экспедиціи, будто тутъ и мѣсто воздаянія намъ бѣднымъ за вѣрность къ государямъ, въ которомъ столько въ три года пролилъ я слезъ, что естлибы собирать оныя во что было, то, посадя господина сенатора Леонтьева, предавшаго меня сему несчастію, въ изобличительную шлюпку, не по каналу уже изъ Невы, но изъ глазъ моихъ происшедшему, представилъ бы я его теперь твоему, Всемилостивѣйшій Государь, правосудію. Однако, по христіанскому долгу, не желаю, чтобъ и единая оныхъ капля неповинная всею своею тяжестію пала на его душу.

На другой день заточенія приходитъ грозный, въ видѣ Вулкана, господинъ Макаровъ [5]) и привѣтствуетъ меня: «добро къ намъ пожаловать». Я отвѣтствую: «не пожаловалъ къ вамъ по волѣ, но притащили меня по неволѣ». Испыталъ я вдругъ, что насмѣшка несчастному есть

---

[5]) Позднѣе сенаторъ. См. въ Р. Архивѣ 1877 (II, 266) рескриптъ ему и Тейльсу по поводу исчезновенія генералъ-маіорши Обуховой, сообщенный намъ г-жею Юракъ. Прошлымъ лѣтомъ мы узнали отъ сей послѣдней, что она получила эту важную бумагу послѣ бывшаго врача при Липецкихъ минеральныхъ водахъ Ѳедора Иван. Туровскаго, который въ 1801 и 1802 годахъ былъ врачомъ при Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. П. Б.

острый колъ въ грудь и преддверіе смерти. Онъ занесъ пространную и шумную аллегорію на счетъ мой о прежде бывшей вольности Польской; а я возразилъ вкратцѣ: «Дай Богъ, чтобъ Россійскіе своевольные вельможи съ толикимъ же благоволеніемъ, вѣрностію и преданностію признавали здѣшнее самодержавіе, съ колико истиннымъ всего того наблюденіемъ признаю я сіе». Не понравилось господину Макарову возраженіе; оставилъ меня съ презрѣніемъ. На третій день, въ препровожденіи господина Макарова, приходитъ напыщенный гордостію князь Куракинъ, упрекаетъ мнѣ какою-то противъ господина сенатора Леонтьева ослушностью. Я оправдываюсь: «Неужели напоминаніе господину сенатору о сохраненіи въ точности данной ему отъ Государя Императора довѣренности есть моя ослушность? Непріятель вашего сіятельства, усиливавшійся пронзить васъ собственною вашею шпагою, которою вы не допустили ему завладѣть, имѣлъ бы послѣ право жаловаться на васъ гдѣ либо за ослушность? Столь же правильна и господина сенатора вашему сіятельству была за оную на меня жалоба. Впрочемъ такъ надобно вамъ было, чтобъ насъ сюда посадить». Князь Куракинъ, не желая больше слушать столь для него укорительнаго оправданія моего, вынимаетъ изъ кармана надодранное письмо, отправленное изъ Москвы, и спрашиваетъ: «Кто изъ васъ сочинялъ оное?» Мы оба отвѣтствовали, кто писалъ. «Какъ вы смѣли послать къ Государю письмо?»—«Я не вѣрю, чтобъ письма нынѣ почитались непростительнымъ уже преступленіемъ, ибо для того и данъ свыше Государь, чтобъ утѣсненныхъ вѣрноподданныхъ отъ частныхъ наглецовъ защищать».—«Ваше несчастіе, что оно въ дурное для васъ пришло время; но знали-ль объ немъ курьеры?» — «Сами, ваше сіятельство, конечно въ томъ не усомнитесь, что мы невовсе такъ плохи, чтобъ сію тайну, съ жизнію нашею сопряженную, могли слѣпо ввѣрить курьерамъ, и клянусь Богомъ, что они о письмѣ не знали; да и знать имъ, какъ бы они насъ ни подозрѣвали, никакъ нельзя было: ибо они ночью спали въ прихожей, а мы заботились онымъ за спальнею въ кабинетѣ, въ домѣ роднаго дяди маіора Оленина». Казалось, что я князя Куракина увѣрилъ о невинности курьеровъ. По всѣмъ обстоятельствамъ предчувствуя, что они едва ли не будутъ пищею бѣдствія, я наиуниженнѣйше просилъ, чтобъ ихъ оставить покойными, и лучше мы воспріимемъ усугубленіе несчастія, нежели ихъ подвергнуть оному неповинно. Князь Куракинъ, хотя далъ слово, что ничего непріятнаго съ ними невоспослѣдуетъ; однако они будто по Высочайшему повелѣнію (въ чемъ сущая есть ложь и обманъ, какъ имъ послѣ самъ господинъ Макаровъ сказывалъ) разжалованы были въ теченіи трехъ лѣтъ въ солдаты и нещадно биты (одинъ же изъ нихъ дворянинъ, а другой оберъ-офицерской сынъ) и чрезъ три года поступили въ капитаны. Всемилостивѣйшій Государь! Излей утѣшительное твое правосудіе на невинность тѣхъ несчастныхъ.

Чрезъ двѣ недѣли грудь у меня тяжко разболѣлась (оную по выпускѣ изъ Тайной Экспедиціи цѣлый годъ пользовалъ и нынѣ пользую, но ни малѣйшаго еще не чувствую облегченія), такъ что отъ оной, а не отъ другой болѣзни скорѣе ожидаю смерти. Непрестанно

просилъ я помощи болѣе года то у надзирателя Иглина[6]), то у господина Макарова. Они принимали отъ меня, яко человѣки, но не удовлетворяли онымъ, яко варвары. Со слезами умолялъ я, чтобъ по крайней мѣрѣ принесли мнѣ за собственныя мои деньги Шевгаузенскаго пластырю; но ефрейтора, пошедшаго къ господину Макарову съ рапортомъ и спрашивавшаго позволенія купить ли мнѣ онаго пластырю, Макаровъ съ ругательствомъ и угрозами согналъ съ глазъ; а надзиратель сказалъ мнѣ, что во всемъ Петербургѣ не нашли желаемаго пластырю. Однажды, для проформы только, привелъ ко мнѣ надзиратель доктора; сей прислалъ мнѣ какой-то мази, коею коль скоро потеръ я грудь, оная столь разгорѣлась, что казалось мнѣ Антоновъ огонь въ ней произведенъ, и я чаялъ быть уже концу жизни моей; немедленно холодною водою съ мыломъ, случившимся у добросердаго часоваго, сталъ я мыть грудь и смылъ мазь, тѣмъ жестокій нѣсколько утушилъ я въ ней жаръ. Когда тотъ же докторъ пришелъ ко мнѣ вторительно и сказалъ ему я о непріятномъ для меня той мази дѣйствіи, онъ прислалъ мнѣ такой пластырь, который вовсе не держался. Сіе и другія поруганія, разныя притѣсненія, крайнѣйшія во всемъ нужды и всѣ опыты варварства внушили мнѣ наконецъ лучше препоручить себя Вышней Десницѣ, управляющей всѣмъ на свѣтѣ и опредѣляющей всякой былинкѣ особой жребій, а не довольно мнѣ, созданному по подобію Божію, нежели впредъ ввѣрить себя со опасностію врачамъ, хотя бы уже и сами на то вызывались. Таковое мое несчастіе могъ бы я переносить равнодушнѣе, естьли бы въ Тайной Экспедиціи чуть-чуть и малѣйшее обитало человѣколюбіе, отъ чего неоднократно просилъ я ссылки, гдѣ чаялъ съ гораздо мягчайшими чувствами найти человѣковъ, нежели всѣ чиновники оной. Не мечта, но самое опытнѣйшее въ душѣ моей впечатлѣніе, что съ тѣмъ и запертъ я въ Тайную Экспедицію, изъ коей живой не выду ногами, но вынесутъ уже мертваго меня погребсти, постепенно лишало меня здоровья и сближало ко гробу. А поелику говорить со мною часовымъ было запрещено и дѣлать нечего, то послѣ молитвы, которую денно и нощно продолжать препятствовали страждущая грудь моя и ноги, не имѣлъ я упражненія какъ только сидѣть, лежать, разъ или два небольше пройти тюрьму (ибо правая рука и лѣвая нога отнялись у меня, коими и нынѣ весьма слабо владѣю), думать, отчаяваться и знакомиться со смертію, которая не столь страшна на войнѣ, на свободѣ, сколь въ Тайной Экспедиціи, въ семъ проклятомъ заливѣ самаго живо-предстоящаго вѣчнаго суда: ибо осужденный на казнь и приведенный на лобное мѣсто лучше пожелалъ бы и еще просилъ бы, чтобъ тужъ минуту оная надъ нимъ совершилась, нежели каждодневно быть приводиму и отводиму отъ онаго лобнаго мѣста, висѣть на тоненькой ниточкѣ жизни и долго взирать на ужасъ смерти. Равно и мое злосостояніе, въ которомъ

---

[6]) Этого Иглина добромъ поминаетъ графъ А. И. Рибопьеръ, тоже сидѣвшій въ царствованіе Павла въ Петропавловской крѣпости (Р. Арх. 1877, I, 494).

жилъ ли больше, или умиралъ, всеподданнѣйше предаю, Всемилостивѣйшій Государь, на судъ человѣколюбивѣйшему твоему сердцу.

Господинъ Лаптевъ своими происками и въ Тайной Экспедиціи проливалъ обильно слезъ нашихъ теченіе для того только, чтобъ впредъ дать онымъ вящшее стремленіе. Онъ прислалъ къ князю Куракину представленіе, въ коемъ пишетъ, что пойманный прапорщикъ Паренаго, назвавшійся маіоромъ, который будто отъ имени г-на сенатора Леонтьева ѣздилъ по селеніямъ, спрашивалъ о разныхъ злоупотребленіяхъ, бралъ подписки и тѣмъ возмущалъ коронныхъ крестьянъ, хотя и не признается, что не мы его все то дѣлать научили, но онъ г-нъ Лаптевъ удостовѣряетъ, что сего происшествія точно мы причиною. Странный толкъ г-на Лаптева! Сдирать съ крестьянъ кожу онъ почитаетъ благоденствіемъ, а со стороны кому либо спрашивать о жалкомъ ихъ положеніи—возмущеніемъ. Почему, еслибы они и съ самою всенижайшею вѣжливостію ничего дать ему не захотѣли, онъ бы уже за явственно - открытый принялъ бунтъ и у князя Куракина наипоспѣшнѣйше просилъ пособія смирить ихъ въ пользу своего кошелька. Справедливѣйшее къ тому слѣдуетъ прибавленіе: онъ, г-нъ Лаптевъ, до 300,000 имѣетъ наличныхъ денегъ и до 4,000 душъ крестьянъ, отецъ же Лаптева съ приписью подьячимъ и умеръ и ежели и оставилъ ему по себѣ какое либо наслѣдство, то самое малое и незавидное, каковое столь огромное имѣніе благопріобрѣлъ (какъ обыкновенно ему подобными творится) отъ вице-губернаторства Казанскаго; а особливо казенными лѣсами (даромъ что оправданъ къ общей нечаянности и удивленію) съ дерзновеннѣйшимъ и невѣроятнымъ казеннаго интереса упадкомъ распоряжался и губернаторствомъ Тамбовскимъ. Кажется, можно бы уже ему быть по глотку сыту и покаяться; но нѣтъ, всемѣрно еще желаетъ губернаторскаго мѣста, съ тѣмъ сюда и поѣхалъ изъ Козловской своей деревни и теперь хамелеономъ вкрадывается во всѣ здѣсь случаи.

Тайной Экспедиціи секретарь Крюковъ истребовалъ отъ насъ на оное Лаптева представленіе объясненіе, въ коемъ показали мы, что онаго Паренаго дѣйствительно знаемъ, нѣкогда ему и милостыню давали; но, со дня на день ожидая, что г-нъ сенаторъ отправится съ нами для изслѣдованія по уѣздамъ, никакой не имѣли мы крайности возлагать на Паренаго коммиссію, столь всякому благоразумію противную. Сей прапорщикъ Паренаго нѣсколько лѣтъ отъ г-на Неклюдова страдалъ неповинно въ острогѣ и на годъ былъ лишенъ чина. Онъ важную и справедливую на г-на Неклюдова подавалъ г-ну сенатору просьбу, но тотъ не принялъ оной. Пришедъ послѣ того огорченія къ намъ на квартиру, такъ началъ: «Ну, вы, господа, прежде еще времени уже жалки! Едва ли и для васъ не столько же, сколько для меня г-нъ сенаторъ будетъ полезенъ; но я потщусь отмстить ему вскорѣ». Онъ въ это время былъ человѣкъ смѣлый, отважный, отчаянный и на все рѣшительный. Я самъ не сомнѣваюсь, что онъ съ какимъ нибудь намѣреніемъ спрашивалъ коронныхъ крестьянъ о чинимыхъ имъ отъ чиновниковъ притѣсненіяхъ; но по возвращеніи моемъ изъ Тайной Экспедиціи въ Тамбовъ достовѣрно узналъ я,

что г-мъ Лаптевымъ форма его, Паренаго, спрашиванія коронныхъ крестьянъ слишкомъ безчеловѣчно была рѣшена. Судили его за самозванство и за сочиненіе себѣ будто фальшиваго паспорта, но несправедливо; потому что онъ не въ другой, а въ Тамбовской же живетъ губерніи. Ѣдучи изъ Тамбова въ деревню своего брата (находящагося при должности въ Москвѣ) состоящую въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, никакой онъ не имѣлъ надобности сочинять для себя фальшиваго паспорта, который, какъ я слышалъ, подкинулъ въ его, Паренаго (возвращавшагося уже въ Тамбовъ) кибитку самъ Тамбовскій земскій комиссаръ Медвѣдскій, по злобѣ, что онъ Паренаго, проѣзжая чрезъ Тамбовскій уѣздъ въ помянутую брата своего деревню, по дорогѣ спрашивалъ будто о злоупотребленіяхъ вѣдомства его, Медвѣдскаго, коронныхъ крестьянъ. Въ теченіи прошедшаго его, Паренаго, несчастія, не меньше насъ былъ онъ изобличителемъ взяточниковъ Тамбовскихъ, а поелику насъ заключили въ Тайную Экспедицію, то и его оставшагося послѣ насъ непремѣнно нужно было засадить въ Тамбовскій острогъ. Пусть онъ былъ и самозванецъ, и сочинитель фальшиваго себѣ паспорта; но милостивый Вашего Величества манифестъ распространялся и на его винность. Однако какъ мы донынѣ давлены были рукою сильныхъ, такъ и онъ еще стенаетъ въ острогѣ. Я, отправляясь сюда изъ Тамбова, нѣкіимъ человѣколюбцемъ обнадежилъ его, что онъ вскорѣ получитъ свободу и, безъ сомнѣнія, теперь ожидаетъ ее: то, Всемилостивѣйшій Государь, воззри на него милосердымъ окомъ и оную ниспошли ему.

Пришедшаго ко мнѣ князя Куракина съ княземъ Лопухинымъ спросилъ я еще: долго ли сидѣть мнѣ здѣсь? Онъ сказалъ: «Доколѣ Николай Васильевичъ (Леонтьевъ) изъ Тамбова не возвратится». «Николаю Васильевичу, можетъ быть, весело жить въ Тамбовѣ, и онъ нѣсколько лѣтъ пробудетъ тамъ, а мнѣ все мучиться здѣсь и плакать! И что ему теперь одному тамъ безъ насъ, путеводителей, дѣлать? Онъ заблудится, не сыщетъ ту истину, за которою Государь Императоръ соизволилъ послать его и ту прямую, показанную нами, дорогу, по которой для вѣрнаго оной сысканія идти ему надлежало. А сверхъ того и удалилъ онъ насъ для того, чтобъ безпрепятственно лишь ходить по разнымъ кривизнамъ своего пристрастія и по тому плану, который отселѣ ему отъ кого-то данъ. Но правосудный Богъ рано или поздно воздастъ за насъ всѣмъ тѣмъ, по чьей милости попались мы въ сію горестную западню». Князь Куракинъ покраснѣлъ и на все слышанное иного не придумалъ отвѣчать, какъ токмо, указывая на князя Лопухина, сказалъ: «Вотъ на мое мѣсто другой уже генералъ-прокуроръ» и, проговоря нѣсколько между собою по-французски, вышли. Признаться, что смѣна князя Куракина нѣкіимъ для меня тотъ день послужила оживленіемъ: я ожидалъ, что г-ну сенатору въ несправедливомъ его изслѣдованіи убавится охоты, преступникамъ же Тамбовскимъ, а паче г-ну Лаптеву, не меньше надѣлаетъ новаго затрудненія, что, или больше еще, и сбылось въ послѣдствіи. Князь Лопухинъ во все время правленія своего однажды токмо, идучи по галлереѣ, въ раствореннную нарочно на тотъ случай дверь посмотрѣлъ на меня.

Въ препровожденіи князя Лопухина и г-на Макарова входитъ ко мнѣ въ дверь г-нъ Беклешовъ; я догадался, что онъ новый генералъ-прокуроръ, коего свирѣпый видъ ничего мнѣ не обѣщалъ хорошаго. Подходя ко мнѣ, спрашивалъ г-на Макарова, кто я таковъ, и услушавъ, что я ротмистръ Флячко-Карпинскій, столь звѣрски на меня посмотрѣлъ, что едва удержался я на ногахъ; но кое-какъ ободрившись, доложилъ ему: «Безъ сомнѣнія, кругомъ уже я вашему превосходительству обнесенъ и ничѣмъ удобнѣе оправдать себя не могу какъ всѣми моими бумагами, находящимися въ Правительствующемъ Сенатѣ, которыя, ежели удостоите вашимъ разсмотрѣніемъ, то вѣрно со всею любовію вашею къ истинѣ преклониться соизволите на правую мою сторону и меня избавите изъ сей плачевной юдоли, а поносителей моихъ оставите съ презрѣніемъ». Что же я несчастный отъ него услышалъ? «Да, братъ, твои бумаги давно уже читаны и разсмотрѣны. Ты не умѣлъ тамъ жить, хотѣлъ показать себя выскочкою, всѣмъ вскружилъ головы, а теперь скучаешь напрасно; здѣсь мѣсто злачно, мѣсто покойно, квартира казенная, услуга казенная; ѣшь только, пей и веселись. Ты нарочно здѣсь посаженъ, чтобъ успокоился, а изъ-за тебя уже чтобъ всѣ остались спокойными». Послѣ сего заданнаго мнѣ громоваго удара, онъ тотчасъ вышелъ съ прочими; а я погрузился въ такую отчаянность, что ежели бы религія, а паче милость Божія не поддержала меня, нѣсколько кратъ я покушался разбѣжаться и удариться объ уголъ печи: ибо, просидѣвъ два года подъ спудомъ, выслушавъ изъ устъ генералъ-прокурорскихъ сентенцію назначенной мнѣ тамъ смерти и что къ освобожденію всѣ погасли лучи надежды, хотѣлъ уже охотно скорѣйшему отдаться ея поглощенію, не желалъ жить долѣе и такую жизнь самымъ несноснѣйшимъ чувствовалъ я бременемъ. О, тотъ день, коего и нынѣ безъ внутренней судороги вспомнить не могу, всѣхъ дней былъ для меня горестнѣе! Я просилъ Бога, чтобъ безъ моего самоубійства разрѣшилъ меня отъ жизни.

Всемилостивѣйшій Государь! Что я былъ заключенъ въ Тайную Экспедицію на смерть, то доказываютъ господина Беклешова слишкомъ рѣшительныя слова. Онъ нарочно изрекъ оныя столь откровенно, чтобъ отъ искренняго къ врагамъ моимъ усердія вдругъ меня убить и какое слова его возымѣли надо мною дѣйствіе, онъ нарочно же чрезъ мѣсяцъ пришелъ посмотрѣть меня и, видя меня столь разслабленнаго, что всѣ члены во мнѣ дрожатъ, еще спрашиваетъ: чѣмъ ты боленъ? «Всѣмъ», отвѣтствовалъ я кратко; ибо посѣщеніе его было для меня мучительно. Примѣтилъ я, что нѣчто и сказать хотѣлъ и принуждалъ себя молчать. Я радъ былъ его молчанію и опасался внѣшняго отъ него удара. Онъ долго не спускалъ съ меня глазъ и наконецъ вышелъ. Я вслѣдъ за нимъ душевно пожелалъ ему скорой смѣны; ибо, Всемилостивѣйшій Государь, по тогдашнему и прошлогоднему его со мной поступку, дерзаю я всеподданнѣйше и рѣшительно же донести, что онъ, г-нъ Беклешовъ, какъ покойнаго Государя Императора не былъ, такъ и Вашего Величества не есть чистое и незапорошенное око. На счетъ господина Макарова, из-

рѣдка приходившаго ко мнѣ (ибо и надзиратель по полгоду у меня не бывалъ) ежели бы писать, то всего говореннаго имъ мнѣ нарочно для новыхъ ударовъ на цѣломъ листѣ помѣстить бы я не могъ. На обыкновенный при каждомъ съ нимъ свиданіи вопросъ мой, долго ли еще сидѣть мнѣ здѣсь, обыкновенный и его былъ отвѣтъ: «Николай Васильевичъ (Леонтьевъ) еще не пріѣхалъ», а по пріѣздѣ его: «дѣло еще не рѣшено». Но когда поступилъ уже онъ, г-нъ Макаровъ, въ сенаторы 4-го департамента, было ему угодно пространнѣе со мною поговорить или, лучше сказать, смертельную подарить мнѣ пилюлю: «Сенатъ и имяннымъ повелѣніямъ рѣшить дѣла просителей безъ очереди дѣлаетъ очередь; а ты хочешь, чтобъ твое дѣло, съ прочими на ряду находящееся, безъ имяннаго повелѣнія скоро рѣшено было. Въ Сенатѣ всегда есть море дѣлъ, а твое дѣло составляетъ уже теперь величайшія кипы (я перебилъ рѣчь: «конечно, на одну строку правды надобно написать милліонъ строкъ лжи»), то и нужно оберъ-секретарю имѣть свободное и долгое время прочитать оное. Многіе люди нынѣ чрезъ чуръ учинились злобными, и никогда столько, сколько теперь, не бывало дѣлъ въ Сенатѣ; но, можетъ быть, со временемъ исправятся въ людяхъ нравы, и меньше уже въ Сенатъ входить будетъ дѣлъ; а между тѣмъ и твое дѣло скорѣе поступитъ къ рѣшенію по очереди». Я отвѣтствовалъ: «Напрасно ваше превосходительство пустились такъ далеко; ибо ежели ожидать мнѣ рѣшенія дѣла дотолѣ, доколѣ во всей Россіи исправятся нравы, то всего вѣрнѣе, что ни ваше превосходительство не доживете рѣшить моего дѣла, ни я не дождусь онаго рѣшенія. Я бы желалъ, чтобъ по крайней мѣрѣ въ господахъ сенаторахъ скорѣе исправились нравы, то и мое дѣло рѣшили бы скорѣе». Господинъ Макаровъ съ досадою: «Вотъ то-то, что съ тобою ни о чемъ и говорить нельзя», и, взявъ шляпу со стола, вышелъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ услышалъ я отъ другаго часоваго, пришедшаго на смѣну первому и говорящаго ему слегка: «у насъ уже новый генералъ-прокуроръ Обольяниновъ». Я сей вѣсти сердечно обрадовался и готовился г-на Беклешова, пожаловавшаго ко мнѣ съ новымъ г-номъ генералъ - прокуроромъ, благодарить за всѣ его милости; но г-нъ Обольяниновъ съ однимъ только г-номъ Макаровымъ ко мнѣ пришелъ. Онъ немало и весьма благосклонно разговаривалъ со мною, какъ съ достойнымъ сожалѣнія и, обнадеживъ скорымъ слушаніемъ въ Сенатѣ моего дѣла, вышелъ. Чрезъ годъ и дней шесть, то есть прошлаго года 8-го Марта, пожаловалъ онъ ко мнѣ съ превеликою свитою. Я напомнилъ о прошлогоднишнемъ его обнадеженіи меня, утопающій въ слезахъ палъ на колѣни и просилъ свободы для того только, что поелику уже дни мои остались кратки, то съ лучшимъ приготовленіемъ умереть надѣюсь на свободѣ, нежели въ томъ рву несчастномъ и отчаянномъ, а что нигдѣ жаловаться не буду, въ томъ свидѣтельствовался висящею на стѣнѣ собственною моею иконою, изображающею распятіе Іисуса Христа. Онъ подлинно мои слезы принялъ въ свое чувствительное сердце, не могъ долѣе видѣть меня въ такой жалостной позитурѣ,

болѣе похожаго на мертваго, нежели на живаго человѣка и въ тотъ моментъ выходя отъ меня, сказалъ: «Непремѣнно у Государя постараюсь о твоей свободѣ». Истинно, естли бы г-нъ генералъ-прокуроръ Беклешовъ по письму, Вашему Величеству извѣстному, самой умѣреннѣйшей моей удовлетворилъ просьбѣ, то какъ онъ самъ, такъ и всѣ виновники моего страданія остались бы навсегда сокрытыми и нынѣ не подвергались бы правосуднѣйшему твоему, Всемилостивѣйшій Государь, объ нихъ заключенію.

9 Марта 1801 года, поутру, пришелъ ко мнѣ вовсе назнакомой докторъ, прописалъ груднаго чаю и мази, которыя нѣсколько часовъ я и получалъ. 10-го [7]), въ десятомъ часу вечера, чрезъ нѣкоего коллежскаго ассесора объявлена была намъ обоимъ свобода. Обрили бороду, изъ Тайной Экспедиціи перевезли насъ въ Тайную Канцелярію. 11-го, поутру, г-нъ Макаровъ приказалъ мнѣ подать письменную сказку (подъ № 30), гдѣ жить желаю съ тѣмъ, что оная имѣетъ быть представлена Его Величеству. 12-го, поутру изъ канцеляріи перевели насъ въ верхъ по лѣстницѣ въ пустой огромной залъ, гдѣ мы одни заперты и г-номъ Макаровымъ нарочно спрятаны пробыли до 14 Марта же, когда насъ отправили въ губерніи: майора Оленина въ Симбирскую, а меня въ Тамбовскую.

Всѣ честные и любящіе меня въ Тамбовской губерніи дворяне и купцы, по дошедшему къ нимъ слуху, почитая меня давно уже умершимъ, нанимали священниковъ поминать меня. Я бы всенепремѣнно и умеръ, естли бы много еще мѣсяцъ продержали меня въ Тайной Экспедиціи, и о сю пору и кости бы мои сотлѣли; но какъ увидѣли, что я еще живъ, до безмѣрности изумились. Всякой спрашивалъ, гдѣ я былъ и что со мною происходило; проклинали г-на сенатора Леонтьева, яко предателя моего и о многомъ кое о чемъ сказывали мнѣ. Но изъ многаго кое-чего слышаннаго всеподданнѣйше донесу о томъ, что князь Куракинъ, изъ благодарности за исполненіе его плана, исходатайствовалъ у покойнаго Государя Императора г-ну сенатору Леонтьеву Александровскую кавалерію, что онъ г-нъ сенаторъ, объѣзжая Тамбовскій уѣздъ, онаго уѣзда земскому комисару Медвѣдскому давалъ сутки напередъ, чтобъ онъ въ каждомъ селѣ до прибытія его склонялъ виномъ коронныхъ крестьянъ въ свою и прочихъ пользу, что такимъ же образомъ и по другимъ изслѣдовалъ уѣздамъ впередъ ѣздившими за сутки подушнаго провіанта подрядчиками. Сія нехристіанская г-на сенатора къ беззаконнымъ корыстолюбцамъ снисходительность и сіе оныхъ проворство ни въ чемъ бы нимало не успѣли, ежели бы предварительно и всенародно открытый перевозъ меня съ маіоромъ Оленинымъ изъ Тамбова въ Тайную Экспедицію подъ карауломъ не привелъ коронныхъ крестьянъ въ ужасъ. Отъ нѣкоторыхъ же я слышалъ противное, что г-нъ сенаторъ сожалѣлъ объ насъ, говоря однимъ: «Обманулъ меня воръ Лаптевъ! Жаль, жаль, пропали люди!»; а другимъ: «Семь человѣкъ

---

[7]) И такъ Флячко-Карпинскій былъ обязанъ освобожденіемъ Петру Хрисанѳовичу Обольянинову, слѣдовательно еще при Павлѣ Петровичѣ.

изъ Тамбова непремѣнно пойдутъ въ ссылку». Всему тому я не вѣрилъ; но воспослѣдовалъ Вашего Императорскаго Величества прошлаго года отъ 16 Декабря, указъ на рѣшеніе Правительствующаго Сената въ 2-й департаментъ о подрядѣ подушнаго провіанта дѣла, и увидѣлъ я, что г-нъ сенаторъ, какъ ни было безбожное его сначала изслѣдованіе, однако уничтожилъ мои донесенія. Князь Куракинъ упалъ, слѣдовательно и планъ его должно уже было г-ну сенатору объявить; г-нъ Лаптевъ вскорѣ былъ низверженъ, слѣдовательно, и продолженіе интригъ его должно уже было г-ну сенатору оставить же. Итакъ онъ г-нъ сенаторъ, видя явственно содѣйствіе Божіе, начавшееся уже исподоволь разрушать всѣ противу насъ ковы, дабы столь постыдное его званію изслѣдованіе не отрыгнулось со временемъ, единственно изъ любви уже къ себѣ самому, а не по поводу данной ему отъ покойнаго Государя Императора довѣренности, сталъ изслѣдовать сообразно справедливымъ моимъ о подрядѣ подушнаго провіанта донесеніямъ; но о ревизскихъ сказкахъ, о рекрутскомъ наборѣ, о разорительномъ для коронныхъ крестьянъ въ городѣ Борисоглѣбскѣ и его уѣздѣ Нарвскаго карабинернаго полку квартированіи и тогоже уѣзда земскаго исправника Неслова мздоимствѣ изслѣдовалъ ли и что̀ нашелъ, ничего не вѣдаю.

Покойный Государь Императоръ не былъ о насъ извѣстенъ. Прошлаго года 11-го Марта, около 8-ми часовъ ночи, пришелъ въ Тайную Канцелярію секретарь и объявилъ намъ: «Поздравляю васъ! Государь Императоръ изволилъ читать ваши сказки подъ № 30 и пожаловалъ вамъ по сту рублей на прогоны». Я тогда же противурѣчилъ, что, по содержанію моей сказки, не приминулъ бы правосудный нашъ Государь Императоръ потребовать меня и лично выслушать или, будучи предупрежденъ, за дерзновенныя мои въ оной слова, паки повелѣть меня отправить въ крѣпость: слѣдовательно, гибельная участь наша Его Величеству не была извѣстна, и слѣдовательно изъ-за всѣхъ сихъ яснѣе солнца уликъ Тайная Экспедиція не по волѣ покойнаго Государя Императора, но по злобѣ могущихъ, измѣннически токмо прикрытой Высочайшимъ повелѣніемъ, съ тѣмъ сначала и опредѣлена для насъ была, чтобъ прежде насъ доносителей поморить въ оной, а послѣ уже и преступныхъ оправить. Что я съ отмѣнною противъ прочихъ ревностью былъ городничимъ и рвался о пользѣ ввѣреннаго мнѣ города, то явствуетъ изъ рапорта и приложеннаго къ оному отъ купцовъ прошенія подъ № 31-мъ. Тамбовская Казенная Палата знала, что прошеніе ихъ есть собственное мое произведеніе, и такое, что въ случаѣ его неуваженія отнесусь подальше, а купцовъ не допущу къ раззоренію; и для того оныхъ оставила на мѣстѣ и съ покоемъ. Сколь коронные крестьяне правленіемъ моимъ были довольны, засвидѣтельствуютъ копіи (первая подъ № 33-мъ), что я 1793 года, и по самому сухому графа Самойлова докладу, за прежнія мои заслуги, былъ награжденъ отъ покойной Государыни Императрицы; вторая подъ № 34-мъ, что по именному Высочайшему повелѣнію городническое получилъ я мѣсто; третья подъ № 35, что угодно было Ея Величеству украсить меня орденомъ святаго Вла-

диміра четвертой степени; ибо оная бумага чрезъ докладчика господина Храповицкаго отослана была къ графу Самойлову съ тѣмъ, чтобъ отъ него формальный поднесенъ былъ Ея Величеству докладъ, который и былъ готовъ, и экспедиторъ троекратно подавалъ оный графу Самойлову, но всякій разъ отзывался: «теперь некогда, пожалуй потерпи; ты получишь желаемое». Наконецъ, проживишись, рѣшился я поспѣшить къ мѣсту. Графъ Самойловъ, отдавая мнѣ рекомендательное письмо къ бывшему правителю Тамбовской губерніи, господину Звѣреву, сказалъ: «Будь увѣренъ, что я тебѣ непремѣнно пришлю желаемое»; но увѣреніе его было только отмщеніемъ мнѣ за то, что я не согласился по предложенію мнѣ отъ него служить подъ его начальствомъ, а болѣе подъ дирекціею суроваго Ермолова, канцеляріи его правителя».

Всемилостивѣйшій Государь! Нынѣшняя необходимость моя требуетъ всеподданнѣйше донести и о томъ, что я, ради временной токмо выслуги себѣ чести въ Россіи, заѣхалъ въ оную съ довольнымъ капиталомъ и молодъ принятъ былъ въ службу 1781 года господиномъ фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ Задунайскимъ, и какъ первоначальныя пять лѣтъ прослужилъ я на собственномъ содержаніи, такъ и прочіе годы сопровождаемы были тяжкими походами, опасными горячками и разными множественными злоключеніями; теперь никакого не имѣю состоянія, устарѣлъ, боленъ и единственный только остался вѣрной службы моей тотъ залогъ, что до послѣдняго издыханія чувствовать не престану отъ Тайной Экспедиціи смертельную въ груди колику! Правда, что солдатъ съ отверстою на груди раною предъ Государемъ гордится больше предстоящихъ генераловъ съ блестящими знаками; послѣ однакожъ рана его все остается мучительною для него раною. Во всеподданнѣйше подносимыхъ Вашему Величеству жалобахъ всѣ вообще нарочно тщатся испещрять оныя витійственными словами; но поелику мое дѣло преисполнено громады золъ, то не могла уже нѣжность управлять перомъ моимъ: ибо писать пріятно есть свойство души токмо здоровой, спокойной, веселой и куражной, моя же теперь душа болѣзнующая, встревожена, уныла и отчаянна. Я, описывая дѣло со всѣми подробными обстоятельствами, довольно уже, кажется, испестрилъ его вмѣсто сладкихъ словъ желчными несчастіями моими, и не описывалъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ всѣ донесенія мои высочайше повелѣно было вновь изслѣдовать: ибо на избитый градомъ загонъ не приходитъ уже бѣдный хлѣбопашецъ для жатвы съ серпомъ, но токмо съ полотенцемъ отирать слезы, неутѣшно оплакивая свой уронъ. Да ктожъ поручиться можетъ, что другая довѣреннѣйшая особа не сдѣлается уже Леонтьевымъ? Здоровый восхищался бы симъ чрезвычайнымъ счастіемъ, что ѣдетъ видѣть тебя, Всемилостивѣйшій Государь; но мнѣ, грудью больному сей путь преждевременной угрожалъ смертію. И хотя не умеръ я и доѣхалъ, но за то нажилъ вторую еще болѣзнь головы, не меньше чувствительную первой: то удобенъ-ли я теперь при сихъ величайшихъ немощахъ влачиться за другою довѣреннѣйшею особою и вез-

дѣ показывать то недомолвки, то утайки первой? Гораздо бы уже удобнѣе мнѣ было всеподданнѣйше просить, чтобъ высочайше повелѣно было, минуя прочихъ съ княземъ Куракинымъ, съ господами Беклешовымъ и Леонтьевымъ, однако съ каждымъ порознь предъ тобою, Всемилостивѣйшій Государь, стать мнѣ теперь на одной доскѣ (ибо въ такомъ случаѣ общая подданность наша никакой уже не дѣлала бы между ими и мною разницы); но я опасаюсь, чтобъ отъ стыда и изобличающей совѣсти не послѣдовалъ съ ними ударъ; они же тучны, каковымъ и на пированіяхъ приключается оный обыкновенно, кольмижъ паче въ присутствіи Вашего Величества, ясно прочитывающаго на потупленныхъ ихъ челахъ всѣ ихъ неблагонамѣренія, всѣ ихъ законами пренебреженія и всю ихъ невѣрность. Достаточно и такъ видно, кто преступникъ и кто ихъ защититель; но кто болѣе имѣетъ права о нихъ ходатайствовать предъ престоломъ твоего, Всемилостивѣйшій Государь, правосудія, то я, жертва ихъ мщенія. Яко второй Титъ, однихъ помилуй, другихъ токмо замѣть, что нѣтъ тебѣ въ оныхъ никакой надежной подпоры: ибо отъ послабленія и алчности послѣднихъ раждается своевольство и необузданное корыстолюбіе первыхъ, и какъ сихъ преступленія, такъ и тѣхъ злосудія примѣры не карай примѣромъ твоего правосудія, да таковымъ образомъ въ угодность Богу примирюсь съ ними и да узнаютъ, что въ гонимомъ ими больше обитаетъ великодушія, нежели я у нихъ обрѣлъ оное. А за то, что ты, Всемилостивѣйшій Государь, внимателенъ къ жалобамъ несчастныхъ вѣрноподданныхъ твоихъ, то безсмертіе да именуетъ тя вторымъ Трояномъ и да царствуешь нами благополучно Миѳусаиловы годы. Сего съ благоговѣйнѣйшимъ сердцемъ и колѣнопреклоненіемъ желаетъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшій

ротмистръ Николай Флячко-Карпинскій.

Маія 23-го дня 1802 года.
Санктпетербургъ.

*

Въ современномъ рукописномъ сборникѣ, который принадлежитъ Николаю Николаевичу Хозикову и изъ котораго извлечено всеподданнѣйшее прошеніе Флячки-Карпинскаго, слѣдуетъ списокъ съ имяннаго указа, даннаго Сенату императоромъ Александромъ Павловичемъ 9-го Генваря 1804 года относительно Тамбовскихъ злоупотребленій. Указъ этотъ подтверждаетъ показанія Флячки-Карпинскаго, и въ немъ, между прочимъ, значится нижеслѣдующее:

«Первоначальные доносы Оленина и Флячки-Карпинскаго, хотя проистекали изъ личнаго неудовольствія ихъ на Тамбовское начальство, имѣли однако во многихъ частяхъ правдоподобную основательность,

Послѣднимъ открыто въ сей губерніи важное злоупотребленіе при сборѣ съ поселянъ подушнаго хлѣба [8]) принужденною поставкою».

«Бывшаго губернатора Неклюдова [9]) впредъ никуда къ дѣламъ не опредѣлять, также не допускать къ участію въ выборахъ дворянскихъ, и сверхъ того запретить ему пріѣздъ къ нашему двору».

«Числящагося нынѣ при Герольдіи колл. сов. Змѣева ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять и не выбирать».

«Тайный совѣтникъ Лаптевъ не можетъ болѣе употребленъ быть въ дѣлахъ и должностяхъ, важность въ себѣ заключающихъ».

«Ротмистру Флячкѣ-Карпинскому выдать все слѣдующее по послѣднему городническому мѣсту жалованье по 300 р. на годъ со дня его отрѣшенія и производить ему оное въ пенсію по смерть изъ государственныхъ казначействъ».

*

Дѣло Флячки-Карпинскаго важно въ историческомъ смыслѣ, наглядно рисуя намъ картину произвола во внутреннихъ дѣлахъ, коего рѣзкость вызвала собою рѣшительныя и безоглядныя преобразованія въ первые годы Александровскаго царствованія. Люди окружавшіе молодаго Государя и самъ онъ имѣли причины ненавидѣть недавно-прошедшія явленія, и эта ненависть невольно сказалась въ той правительственной ломкѣ, главнымъ орудіемъ которой явился человѣкъ безъ житейскаго опыта, руководившійся лишь умозрительнымъ навыкомъ—Сперанскій. П. Б.

---

[8]) Извѣстно, что въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія подати съ крестьянъ взимались сельскими произведеніями, о чемъ подробно говоритъ А. Т. Болотовъ въ своемъ «Памятникѣ претекшихъ временъ», изданіи П. С. Киселева.

[9]) Генералъ-лейтенанта Сергѣя Васильевича; онъ братъ Петра Васильевича, бывшаго прокуроромъ въ Петербургскомъ Сенатѣ.

Записка графа Ѳ. В. Ростопчина

о политическихъ отношеніяхъ россіи въ послѣдніе мѣсяцы павловскаго царствованія.

Крайне замѣчательная записка эта (сохранившаяся въ копіи въ бумагахъ, переданныхъ намъ сыномъ графа Ростопчина, графомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ) представляетъ собою полную, мастерски начертанную картину Русской политики въ то необыкновенное время, которое послѣдовало за побѣдами Суворова въ Италіи, за разрывомъ нашего союза съ Австріею и прекращеніемъ сношеній съ Англіею. На Англійскія суда уже было наложено эмбарго, и императоръ Павелъ готовился вступить въ тѣсный союзъ съ представителемъ дотолѣ столь мятежной и теперь успокоенной Франціи. Нашею Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ завѣдывали два талантливыхъ лица, графы Ростопчинъ и Н. П. Панинъ. Государь поручилъ имъ обоимъ начертать предположеніе о томъ, какого направленія должна держаться наша политика. Мы не знаемъ записки графа Панина; говорятъ, что онъ предлагалъ созвать Европейскій конгрессъ и вызывался быть на этомъ конгрессѣ уполномоченнымъ отъ лица императора Павла, за что былъ переведенъ въ Сенатъ и къ концу того же 1800 года удаленъ въ Москву. Записка же его совмѣстника была конфирмована 2 Октября 1800 года, и ею руководилась Россія до его удаленія, т. е. почти до самой кончины императора Павла. Замѣчанія Государя, сохранившіяся на запискѣ графа Ростопчина, представляютъ собою драгоцѣнныя черты его характера и образа мыслей. П. Б.

*

Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть мнѣ вчерашній день представить на бумагѣ настоящее положеніе Россіи въ отношеніи ея съ другими державами и заключить сіе начертаніе собственными моими разсужденіями, предложивъ при этомъ удобные способы для охраненія и впредъ Россіи отъ завистниковъ ея славы и могущества, для обращенія сихъ способовъ ей въ пользу въ нынѣшнихъ замѣшанныхъ Европейскихъ обстоятельствахъ и пріобрѣтенія чрезъ то новыхъ выгодъ на предъидущія времена.

Описаніе сношеній Россіи съ сѣверными державами не займетъ много мѣста.

Швеція, бывъ нѣкогда безпокойна, но отнюдь Россіи неопасна, сама собою никогда противъ ея не дѣйствовала, а бывала единственно орудіемъ другихъ сильнѣйшихъ державъ.

Данія, подъ правленіемъ двухъ Бернсторфовъ, узнавъ сущія свои выгоды, признала войну для себя гибельною и для сего, избѣгая ея всячески, обратила все свое вниманіе на торговлю, чрезъ которую получила и обогатила себя соразмѣрно болѣе, чѣмъ сама Англія; но

по слабости своихъ силъ, не смѣла, да и смѣть не будетъ, предпринять что-нибудь для расширенія своихъ владѣній, а при томъ, по древней привычкѣ, опасаясь предпріятій Швеціи, остерегается ея безпрестанно и для сего единственно содержитъ и флотъ; слѣдовательно, всегда найдетъ свою выгоду быть въ дружелюбномъ положеніи съ Россіей и дѣлать ей угодное, что̀ и доказала, согласясь прошедшимъ лѣтомъ, вопреки своей системѣ, приступить къ соединеннымъ державамъ и дѣйствовать съ ними вооруженною рукою противъ Франціи, единственно по самовластному требованію Вашего Императорскаго Величества. Въ случаѣ же надобности, обѣ сіи державы Россія можетъ имѣть въ своей зависимости, угрожая Копенгагену отдачею Норвегіи Шведскому королю, и Стокгольму — занятіемъ Прусскими войсками Шведской Помераніи.

Голландія, со дня завоеванія ея Франціей, стала сей державѣ подвластною, и вѣроятно, что и при общемъ замиреніи остается въ томъ же положеніи.

Гишпанія умомъ царскимъ, духомъ народнымъ и душою министерства порабощена той же Франціи.

Португалія—въ обморокѣ, ни полезна, ни вредна быть не можетъ. *Замѣчаніе императора Павла*: «Ототрутъ Англичане».

Прочія же полуденныя державы въ такое пришли изнеможеніе, что не иначе, какъ черезъ сильное покровительство ваше могутъ занять прежнія мѣста ихъ въ Европѣ и возвратить себѣ права царствованія со владѣніями вмѣстѣ.

Король Сардинскій едва ли сохранитъ свое достоинство пожертвованіями Піемонта, а можетъ быть, и Савоіи.

Король Обѣихъ Сицилій, отсиживаясь въ Палермѣ двумя батальонами вашими, продолжаетъ быть еще государемъ и въ Неаполѣ.

Папа въ Римѣ на смиреніи.

Порта, разстроенная во всѣхъ частяхъ, отнимаетъ нерѣшимостію и послѣднія силы своего правленія. Всѣ мѣры, ею нынѣ предпринимаемыя, ни что иное, какъ лѣкарство, даваемое безнадежному больному, коему медики не хотятъ объявить объ его опасности. Робость же и отчаяніе Оттоманскаго правительства обнаруживаются въ готовности принять всякую помощь отъ христіанскихъ державъ.

Франція, въ теченіи десяти лѣтъ, безъ закона и безъ правленія, чрезъ непонятныя происшествія, произведенныя варварствомъ, сумасшествіемъ и геройствомъ, приведя не только себя, но и двѣ трети Европы въ совершенный хаосъ, возставъ противъ монархическаго правленія природныхъ своихъ государей, оканчиваетъ нынѣ преданіемъ себя въ самовластіе иноземца Бонапарта и въ самомъ изнеможеніи своемъ похваляется въ видѣ завоевательницы обширныхъ земель и законодательницы въ Европѣ. Нынѣшній повелитель сей державы слишкомъ самолюбивъ, счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и неограниченъ въ славѣ, дабы не желать мира. Имъ онъ утвердитъ себя въ начальствѣ, пріобрѣтетъ признательность утомленнаго Французскаго народа и всей Европы и употребитъ покой внутренній на пріуготовленія военныя противъ Англіи, которая своею завистью,

пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи. Бонапартъ не можетъ опасаться покушенія ея на твердой землѣ; миръ же возстановитъ свободное мореплаваніе. Силы Австріи онъ всѣ истощилъ, Пруссія въ его зависимости; и такъ, остается ему страхъ единственно отъ Россіи. Истина сего доказывается всѣмъ его поведеніемъ противъ Вашего Императорскаго Величества: сколько покушеній со стороны его было черезъ Прусское и Датское министерства, черезъ вашихъ у разныхъ дворовъ акредитованныхъ министровъ и черезъ другихъ особъ, доступъ имѣющихъ, дабы вступить въ переговоры и, произведя сближеніе, перемѣнить непріязненное положеніе Россіи съ Франціей на дружелюбное, для чего Бонапартъ отмѣнно противъ прочихъ содержалъ Россійскихъ военноплѣнныхъ и предлагалъ Мальту возвратить Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена.

Замѣчаніе императора Павла: «Мастерски писано!»

Австрія, со времени Пильницкаго договора, вооружась на скорую руку для произведенія раздѣла Франціи, какъ то положено было, восемь уже лѣтъ какъ ведетъ безъ отдыха постыдную и разорительную войну и столь упорно слѣдуетъ новому своему предпріятію, что потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики. (*Замѣчаніе императора Павла:* «Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!») На блюденіи [1]) двора Берлинскаго и подвизаемая корыстію, ослѣпленная гордостію, подкрѣпляемая Питтовыми субсидіями и предводимая искоренительнымъ Тугутомъ, подавъ столь справедливыя причины къ негодованію Вашего Императорскаго Величества, предавъ своихъ ближнихъ, отказавшись отъ всего, кромѣ химерическихъ завладѣній, изобличенная своими дѣлами, ждетъ, яко преступница, съ трепетомъ въ Вѣнѣ рѣшенія своей судьбы отъ Бонапарта и, дошедъ до края пропасти, оставленная всѣми, остается одна.

Пруссія, отставъ умно отъ войны послѣ одной постыдной и двухъ неудачныхъ кампаній, приняла на себя сохраненіе сѣверной Германіи и, войдя въ тѣсную связь съ Германіей, ждетъ мира для полученія награды за сохраненіе своихъ обязательствъ.

Англія, среди повсемѣстныхъ своихъ морскихъ успѣховъ, возбудя зависть всѣхъ кабинетовъ своею алчностію и дерзкимъ поведеніемъ на моряхъ, коихъ она исключительно хочетъ присвоить себѣ владычество, не могла сохранить ни одной изо всѣхъ политическихъ связей своихъ. Хотя завоеванія и пріобрѣтенія ея въ Индіяхъ важны, но со всѣмъ тѣмъ и ей необходимъ миръ, безъ коего торговля есть лотерея; а при томъ она въ такомъ теперь положеніи есть или скоро будетъ, что кромѣ Турецкихъ и Португальскихъ портовъ, ни въ какіе другіе въ Европѣ входить не можетъ, и по симъ важнымъ причинамъ она посягнетъ на миръ, яко единственный способъ къ нѣкоему примиренію себя съ тѣми державами, кои она своимъ торговымъ величествомъ раздражила. Но въ какомъ бы она положеніи ни была, всегдашняя цѣль Англійскаго министерства, такъ какъ и душевное же-

[1]) Т. е. сторожимая дворомъ Берлинскимъ. *П. Б.*

ланіе всякаго Англичанина, будетъ паденіе Франціи. Сіе общественное желаніе Англійскаго народа съ самаго начала вѣка обращено въ систему политическую, для чего всѣ виды Англіи устремлены на присвоеніе себѣ единой всѣхъ выгодъ мирной торговли, отъ чего она и стала постепенно портовою державою; подъ видомъ соблюденія пользы общей, обращала единственно въ свою всѣ тѣ случаи, гдѣ находила возможность насильственно присвоить себѣ какое-нибудь право. Такъ она поступила во время Французскаго вооруженія, проповѣдуя всѣмъ державамъ ревность свою на изверженіе Парижскаго угрожающаго правленія для возвращенія паки Бурбонскаго разбѣжавшагося дома на престолъ, вооружила поперемѣнно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи (*Замѣчаніе императора Павла Петровича*: «И насъ грѣшныхъ!») и выпускала ихъ на театръ войны единственно для достиженія собственной цѣли; обовладѣла тѣмъ временемъ торговлею цѣлаго свѣта и, не довольствуясь и симъ, присвоила себѣ право осматривать корабли всѣхъ земель, а наконецъ дерзнула завладѣть Египтомъ и Мальтою, первымъ будто въ услуженіе Порты, а другимъ въ угодность, безъ возврату, Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена.

Но хотя и всѣ державы наружно поставляютъ нынѣ залогомъ ихъ покоя дружбу и покровительство Вашего Императорскаго Величества, но не менѣе того всѣ почти скрытно питаютъ зависть и злобу. Россія, какъ положеніемъ своимъ, такъ равно и неистощимою силою, есть и должна быть первая держава міра, и по сему самому ей должно недремлющимъ окомъ имѣть надзоръ надъ всѣми движеніями и связями государей сильныхъ въ Европѣ, дабы они сами собою или содѣйствіемъ подвластныхъ державъ не предприняли чего-нибудь предосудительнаго величію Россіи. Блаженной памяти императрица, мать ваша, со всею твердостью своего духа, близка была оставить постыдно мѣсто своего пребыванія отъ набѣга короля Шведскаго. (*У этого мѣста императоръ Павелъ Петровичъ отмѣтилъ на полѣ рукописи*: «И лошади готовы были»). Тогда бы на нѣсколько дней или часовъ Россійская имперія пала подъ иго Шведское, и отъ вооруженія романическаго Густава всѣ плоды послѣдней Турецкой войны обратились бы въ ничто, безъ дарованія и усердія графа Семена Романовича Воронцова, который отклонилъ Англію отъ войны противъ Россіи, доставилъ сей удобность пріобрѣсть Очаковъ и цѣлую губернію [2]). Подобныхъ сему примѣровъ немало во всѣхъ царствованіяхъ и во всѣхъ земляхъ, и для настоящаго времени прошедшее есть самый полезнѣйшій урокъ; но къ несчастію человѣческаго рода, все забывается, и люди живые думаютъ всегда быть умнѣе умершихъ. Ваше Императорское Величество простите мнѣ сіи разсужденія, рожденныя собственными вашими примѣчаніями. Истина должна неразлучна быть съ вѣрностію и преданностію передъ престолами царскими; пользуясь ея присутствіемъ, я охотно повторяю

---

[2]) См. Архивъ Князя Воронцова книги 8 и 9. П. Б.

ея слова и тѣмъ содѣлываюсь достойнѣе и довѣренности вашей, и подписи герба моего [3]), кою сами вы пожаловать мнѣ изволили.

Теперь представлю настоящее положеніе державъ противъ Россіи.

Бонапартъ старается всячески снискать благорасположеніе ваше для лучшаго успѣха въ заключеніи имъ мира съ Англіей. (*Тутъ императоръ Павелъ Петровичъ замѣтилъ сбоку рукописи:* «И можетъ успѣть»). Пруссія ласкаетъ васъ для склоненія на предлагаемыя ею себѣ удовлетворенія при общемъ мирѣ. Австрія ползаетъ предъ вами, дабы возстать передъ Франціей. Англія, полагая принятыя нынѣ противъ ея мѣры въ число тѣхъ, кои происходятъ отъ минутныхъ неудовольствій Вашего Императорскаго Величества и вмѣстѣ съ сердцемъ проходятъ, а притомъ не поставляя возможнымъ сближеніе ваше съ Франціей, захочетъ, можетъ быть, начальнымъ образомъ удержать свои права и въ состояніи развѣсить въ Балтійскомъ морѣ флагъ свой. (*Павелъ Петровичъ замѣтилъ у этого мѣста записки:* «Какъ сушатъ бѣлье»). Тогда-то надо быть отличному счастію, чтобы флотъ, не имѣющій ни единой гавани для пристанища во всемъ Балтійскомъ морѣ, могъ выйдти изъ него цѣлый. Погибнуть можетъ онъ легко, а вреда нанести много не въ состояніи, какъ бросить нѣсколько бомбъ въ портовые города и мѣшать покою жителей. Но при общемъ замиреніи, одинъ лишь Сѣверъ, потерпѣвшій менѣе другихъ, останется въ первобытномъ его до войны положеніи. Франція же расширитъ свои владѣнія, сохраняя великія свои завоеванія, и притомъ подкрѣпитъ себя союзами и страхомъ, наносимымъ громовою своею силою. Австрія, разслабленная и обезоруженная, займется письмомъ и происками. Пруссія усилится новыми пріобрѣтеніями и тѣсною связью съ Французскимъ правленіемъ. Англія удержитъ въ насильномъ завладѣніи поселенія свои въ Индіяхъ и останется надолго (дай Богъ, чтобы не навсегда!) первою морскою державою. Слѣдственно, за исключеніемъ Австріи, всѣ сіи три державы кончатъ войну съ значительными выгодами. Россія же останется ни при чемъ, потерявъ 23,000 человѣкъ [4]) единственно для того, чтобъ увѣрить себя въ вѣроломствѣ Питта и Тугута, а Европу въ безсмертіи князя Суворова. Одна лишь выгода изъ сего произошла—та, что сею войною разорвались всѣ почти союзы Россіи съ другими землями. Ваше Императорское Величество давно уже со мною согласны, что Россіи съ прочими державами не должно имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія, и новыя связи (*Замѣчаніе императора Павла*: «Святая истина!»); но все сіе можетъ быть случайно, временно и безъ обязательства хранить ненарушимо до положеннаго срока заключенный союзъ министрами, кои часто поставляютъ подарки свыше благосостоянія Отечества, славы государей своихъ и святости ихъ слова. (*Замѣчаніе императора Павла*: «Деньги — вещь великая!») Истинныя выгоды Россіи всегда почти пре-

---

[3]) «Честію и вѣрностью».

[4]) Вотъ какъ были тогда дороги люди, хотя о человѣчествѣ и правахъ его еще мало было толковъ. П. Б.

давались забвенію, и вотъ неоспоримыя сему доказательства: въ Тридцатилѣтнюю, Семилѣтнюю и нынѣшнюю восьмилѣтнюю войны, всѣ Европейскія державы подвержены были опасности неоднократно лишиться — иныя части, а другія всѣхъ ихъ владѣній, Россія же — никогда ничего; но совсѣмъ тѣмъ во всѣхъ ея трактатахъ съ иностранными державами она принимала на себя всегда обязанность помогать или войсками, или деньгами, а часто и ручательство ихъ владѣній.

Во всегдашнее время политика и цѣль мудрыхъ, простыхъ, благотворительныхъ, равно и злыхъ государей была та, чтобъ увеличивать силы свои на счетъ сосѣдей: вѣрный и единственный способъ держать въ страхѣ сильныхъ и охранять малыхъ.

Великій Фридрихъ доказалъ первый возможность и важность раздѣловъ, и Польша заплатила собою за всѣ невыгодныя войны противу Турокъ и Французовъ. Вѣроятно, что при общемъ замиреніи послѣдуетъ столь много перемѣнъ въ Европѣ, что географія сдѣлается совсѣмъ новою наукою для сей части свѣта; тогда гарантіи, права, титулы, границы и даже сами Германскія конституціи останутся единственно въ архивахъ. На что же въ подобныхъ обстоятельствахъ Россія, бывъ Геркулесомъ, дѣлается боязливымъ ребенкомъ? На что оставаться ей безгласною, когда она словами своими повелѣть и въ трепетъ всѣхъ привести можетъ? Дѣло, мысли и виды Вашего Императорскаго Величества слишкомъ извѣстны, но толкованія о нихъ разныя: языки, взгляды и пантомимы ядовитыхъ чужестранцевъ-министровъ, пресмыкающихся придворныхъ и нѣкоторыхъ ближнихъ къ особѣ вашей (*Замѣчаніе императора Павла*: «Строгоновъ, Нарышкинъ и комп.»), находятъ все совершенно безподобно и безсмертно; но въ умахъ отдаленныхъ, безпристрастно и безъ страха судящихъ ихъ, не довольно дѣла, даже и безкорыстіе ваше подвергается сомнѣнію и хулѣ. Слава Россійскаго войска гремитъ давно въ Европѣ, но послѣ побѣдъ Суворова утихла, и всѣ великія дѣла его обратились послѣдствіями въ новый стыдъ для цесарскихъ бывшихъ армій. Союзники ваши отъ ополченій вашихъ другой пользы не пріобрѣли, кромѣ страха испуганной Франціи при началѣ возстанія вашего противъ ея правленія, и въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ множества разныхъ предпріятій, перемѣнъ, минутныхъ успѣховъ, безпокойствій и сердечныхъ сокрушеній, Ваше Императорское Величество вошли паки въ тоже положеніе, изъ коего премудро при восшествіи на престолъ не выходить намѣрены были и симъ подвигомъ дали неоспоримое право Исторіи сказать нѣкогда грядущимъ вѣкамъ: «Павелъ I, вступая въ войну безъ причины, также и отошелъ отъ оной, не достигнувъ до цѣли своей, и всѣ силы его обращены были въ ничто отъ недостатка упорства въ предпринимаемомъ». (*Замѣчаніе императора Павла*: «Сталъ кругомъ виноватъ»).

Такимъ образомъ, исполняя вчерашнее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, пишу мои мысли съ картиною Европы и заключу представленіемъ удобныхъ способовъ для доставленія Россіи выгодъ.

Сіи выгоды, доставя ей новыя богатства, моря и славу, поставятъ ее на безконечность выше всѣхъ державъ, а имя ваше выше всѣхъ государей, живущихъ по смерти въ храмѣ безсмертія, и для сего я предлагаю раздѣлъ Турціи, согласясь съ Пруссіей, Австріей и Франціей.

Россія возьметъ Романію, Булгарію и Молдавію, Австрія—Боснію, Сербію и Валахію (*Замѣчаніе императора Павла:* «Не многоль?»). Пруссіи, въ замѣнъ и въ удовлетвореніе, отдать все курфиршество Ганноверское и епископства Падернборское и Минстерское. Франціи—Египетъ, Грецію со всѣми островами Архипелагскими учредить по примѣру Венеціанскихъ острововъ республикою, подъ защитою четырехъ державъ, дѣлящихъ владѣнія Порты Оттоманской, а по времени Греки и сами подойдутъ подъ скипетръ Росссійскій (*Замѣчаніе императора Павла:* «А можно и подвести»).

Успѣхъ сего важнаго, но легкаго къ исполненію предпріятія зависитъ единственно отъ тайны и скорости. Вѣнскій дворъ съ восхищеніемъ приметъ столь неожиданное предложеніе. Прусскій найдетъ въономъ большія для себя выгоды; но центръ сего плана долженъ быть Бонапартъ. Онъ увидитъ и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утвержденію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ.

Не приступая вдругъ къ открытію настоящихъ видовъ сближенія съ Франціей, должно теперь, не нарушая съ нашей стороны союза, дабы занять сперва Англію и потомъ возбранить ей противиться раздѣлу Турціи, предложить Даніи и Швеціи возобновленіе сѣвернаго нейтралитета и при началѣ негоціацій предложить Бонапарту съ Гишпаніей вмѣстѣ приступить къ оному по заключеніи мира. Бонапартъ найдетъ и тутъ сильный способъ вредить Англіи и принудитъ ее или отказаться отъ беззаконныхъ своихъ морскихъ правъ, или, объявя войну всей Европѣ, не имѣть во всѣхъ моряхъ другаго пристанища, какъ въ Гибралтарѣ. Дабы дать нѣкоторую явность переговорамъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, должно производить ихъ нескрытно. Потомъ, когда дѣло сіе будетъ приходить къ концу, то отправить въ Парижъ довѣренную особу для трактованія съ Бонапартомъ объ удовлетвореніи пяти пунктовъ, въ отвѣтъ на его предложеніе посланныхъ; между тѣмъ временемъ приказать ему дѣлать внушенія для пріобрѣтенія чрезъ промѣнъ отъ короля Прусскаго Мемеля (?). Пока сіе происходить будетъ, возмутся мѣры противъ Англичанъ, откроются какъ ихъ, такъ и Французскія расположенія на миръ и податливость Бонапарта на удовлетвореніе требованій Вашего Императорскаго Величества, и когда все сіе соотвѣтственно будетъ сему предположенію, тогда, дабы не озабочиваться выборомъ довѣреннаго человѣка и безпокойствомъ на счетъ тайны препорученія столь важнаго, я долгомъ поставляю предложить Вашему Императорскому Величеству на сіе дѣло самого себя, и вотъ какимъ образомъ.

Приготовя въ тайнѣ, то-есть, самъ, всѣ бумаги, состоящія въ проектѣ союза о раздѣлѣ Турціи, письма Вашего Императорскаго Величества къ Бонапарту и къ Римскому императору, полномочіе и паспортъ, за нѣсколько дней до моего отъѣзда я распущу слухъ,

что пришелъ въ немилость, напишу къ Вашему Императорскому Величеству письмо, испрашивая позволенія ѣхать лѣчиться къ водамъ и получу отпускъ. На другой день за столомъ вы извольте спросить у Нарышкина: скоро ли я ѣду, и за симъ черезъ него дать мнѣ внушеніе ѣхать поспѣшнѣе (*Замѣчаніе императора Павла*: «Мѣшать дѣло съ бездѣльемъ!»), что̀ я и исполню на другой день, отправясь чрезъ Франкфуртъ на Одерѣ, Лейпцигъ и далѣе. Изъ какого-нибудь маленькаго городка поѣду уже подъ чужимъ именемъ, а можетъ быть, и изъ самаго Мемеля. Подозрѣнія предродить я никакого не могу, имѣя маленькую коляску и одного человѣка, ни какимъ другимъ языкомъ, кромѣ Русскаго, говорить не умѣющаго. Пріѣхавъ прямо въ Парижъ и не показываясь акредитованному отъ васъ у Бонапарта, потребую черезъ Бертье тайнаго съ нимъ свиданія и объявлю первому консулу, вмѣстѣ съ планомъ, и полномочіе для заключенія союза, если воспослѣдуетъ согласіе Бонапарта на предложеніе ваше. Тогда я, поспѣша постановленіемъ трактата и размѣной онаго, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа въ Вѣну, увижусь скрытно съ посланникомъ Вашего Императорскаго Величества, открою ему причину моего пріѣзда, отдамъ ему депеши для отправленія къ вамъ; а самъ, взявъ отъ него паспортъ курьерскій, поспѣшу въ Вѣну, гдѣ черезъ Кобенцеля буду имѣть переговоры, въ успѣхѣ коихъ, если удастся въ Парижѣ, никакого не можетъ быть сомнѣнія, и я увѣренъ, что Римскій императоръ со своимъ министерствомъ столько же обрадуется раздѣлу Турціи, какъ разоренный человѣкъ внезапному выигрышу большаго приза въ лотареѣ. (*Замѣчаніе императора Павла*: «Только въ прокъ не пойдетъ»). Окончивъ трактованіе сего дѣла и въ Вѣнѣ, возвращусь какъ можно скорѣе въ Петербургъ, гдѣ, для сохраненія еще на нѣсколько времени тайны моихъ поѣздокъ, надлежитъ распустить слухъ, что вы изволили писать ко мнѣ о возвращеніи. Дабы окончить предпринятое, за мною въ слѣдъ должны пріѣхать какъ изъ Вѣны, такъ и изъ Парижа, уполномоченные, изъ послѣдняго мѣста будто для взаимности, а изъ Вѣны для возобновленія прерванныхъ связей и сношеній о военныхъ операціяхъ. О занятіи каждому назначенныхъ земель по раздѣлу и объ установленіи тамъ правленія ничего здѣсь говорить не буду, предоставляя сіе распоряженіямъ Вашего Императорскаго Величества.

Симъ оканчиваю представленіе мое, и если Творецъ міра, съ давнихъ временъ хранящій подъ покровомъ Своимъ царство Россійское и славу его, благословитъ и предпріятіе сіе, тогда Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ Вашего Императорскаго Величества, соединившаго во-едино престолы Петра и Константина, двухъ великихъ государей, основателей знатнѣйшихъ имперій свѣта. (*Замѣчаніе императора Павла*: «А меня все-таки бранить станутъ»).

Всеподданнѣйшій графъ Ростопчинъ.

*

На этой запискѣ рукою императора Павла помѣчено сверху: «Апробуя планъ вашъ, желаю, чтобъ вы приступили къ исполненію онаго. Дай Богъ, чтобъ по сему было».

О православіи на Востокѣ.

Три записки составленныя въ 1848 году.

I.

НЫНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ.

Пера, 19 Января 1848 г.

Что Православіе стоитъ на Востокѣ крѣпко и не боится ни свѣтскаго примѣра, ни политическаго вліянія, ни духовнаго прозелитизма, которыми грозитъ ему Западъ, въ такой истинѣ довольно убѣждаетъ одно современное явленіе. Это явленіе есть Греческое королевство. Начиная съ 1821 года новая Грецiя досталась въ добычу всему, что̀ было въ Европѣ вольнодумнаго по части религіозныхъ и политическихъ вліяній. Духовенство потеряло всякій вѣсъ въ общественномъ быту. Ни одна партія, владѣвшая гражданскою властію, не заботилась о поддержаніи вѣры. Самое правленіе президента Каподистріи почти ничего не сдѣлало въ пользу алтаря и его служителей [1]). Баварское регенство и потомъ король едва умѣли скрывать свое равнодушіе къ Восточной церкви и пристрастіе къ Западной. Ихъ поощреніемъ Аѳинскій Синодъ своевольно отдѣлился отъ Вселенскаго престола и тѣмъ увеличилъ духовное сиротство народа. Наконецъ, переворотъ 1843 года, казалось, увлекъ Грецію во слѣдъ представительныхъ державъ и почти вовсе удалилъ охраняющее дѣйствіе Россіи. Что же? Православіе не только не рушилось, но именно со времени регенства, особливо же съ 1843 г., пріобрѣло новую силу, и на зло дипломатическимъ усиліямъ обнаружилось въ параграфѣ конституціи о наслѣдіи королевской власти.

Изъ этого опыта и всей предыдущей исторіи, со временъ Турецкаго нашествія и ранѣе, заключать должно, что Востокъ не лишенъ средствъ оборонять свою духовную независимость, и что ей въ строгомъ смыслѣ не нужно пособія извнѣ. Этому причиною не однѣ чисто-духовныя убѣжденія, но между прочимъ и врожденное упорство Греческой народности. Самолюбіе Грека, при всемъ его упадкѣ и уничиженіи, враждебно иноплеменному вліянію, и нѣтъ причины ду-

---

[1]) Т. е. не успѣло сдѣлать по вмѣшательству Англіи, которая была если не прямою, то во всякомъ случаѣ косвенною виновницею насильственной гибели Каподистріи; а ему конечно было извѣстно, что внутренняя сила, подвигшая Грековъ на геройское освобожденіе отъ Турецкаго ига, была воспламеняема преимущественно бѣдными священниками и вообще *бѣлымъ* духовенствомъ. *П. Б.*

мать, чтобы нынѣ легче прежняго большинство Грековъ поддалось господству Рима.

Успокоясь съ этой стороны, можно еще спросить: не нужно ли Россіи, для ея государственной пользы, оказывать дѣятельное участіе Православію на Востокѣ? Безспорно, единовѣріе съ восточными христіанами есть важная стихія въ величіи Россіи. Ей мы одолжены многими блестящими успѣхами въ Исторіи. Но эта духовная стихія создана не человѣческою волею, а природною силою обстоятельствъ, иначе Провидѣніемъ. Поэтому нельзя втѣснить ее въ дипломатическій или административный порядокъ расчетовъ. Она выше ихъ, и другу Россіи остается смиренно желать: да пребудетъ у насъ Православіе живымъ предметомъ уваженія и любви всеобщей, мирнымъ внутри себя, безобиднымъ для другихъ, богатымъ высокими примѣрами и назиданіями внутри и внѣ Отечества. При такихъ условіяхъ, мысль о православной Россіи будетъ служить и для восточныхъ собратій духовною подпорою и прочнымъ звѣномъ нравственнаго съ нами союза. Иначе никакія дипломатическія уловки не спасутъ отъ клеветы, будто Россія, подъ предлогомъ вѣры, хочетъ лишь своей пользы; и чѣмъ рѣшительнѣе мы будемъ выступать въ пользу Православія, тѣмъ менѣе встрѣтимъ чистаго сочувствія и признательности.

Итакъ, отложивъ мечты самолюбія народнаго, повторимъ откровенно, что Православіе на Востокѣ, дабы существовать, не требуетъ ни чьей подпоры, слѣдовательно и нашей. Но съ такою же откровенностію должно сознаться, что оно здѣсь далеко не достигаетъ высокой своей цѣли и не внушаетъ ни чужеземцамъ, ни согражданамъ надлежащаго уваженія. Оно живетъ, но страждетъ злыми недугами, и что̀ примѣчательно, многіе изъ нихъ объясняются бытомъ и чертами Греческой народности, въ которой мы нашли одну изъ оборонъ духовной независимости противъ Запада.

Такимъ образомъ:

1) Греческая стихія, въ самыхъ нѣдрахъ Православія, рѣдко жила дружно съ другими племенами и всегда опасалась ихъ развитія и успѣховъ. Этому доказательство въ Европейской Турціи—Славяне, въ Сиріи—Арабы. И тамъ и здѣсь Греческое духовенство сохранило почти исключительно для себя должности высшей іерархіи, и если допустило къ священству туземцевъ, то не иначе какъ подъ спудомъ уничиженія и невѣжества. Отъ того съ одной стороны Славяне, съ другой Арабы вмѣсто силы служатъ для Православія тревогою и соблазномъ до такой степени, что на Славянскихъ племенахъ Польскіе эмисары и Римская пропаганда основываютъ надежду умножить Латынскую паству, а на Арабскомъ духовенствѣ изъ Бейрута протестантскіе агенты опираютъ подобные сему планы, стараясь, напримѣръ, изъ подъ руки внушать выборъ Антіохійскаго патріарха изъ Арабовъ, по смерти или отреченіи престарѣлаго Меѳодія, въ надеждѣ разъединить чрезъ то Православную церковь и облегчить успѣхъ миссіонеровъ. Но по опыту минувшихъ лѣтъ полагать надо, что Сирійскіе христіане имѣютъ не болѣе наклонности къ суровымъ обрядамъ протестантства, какъ Румелійскіе Славяне къ отдаленному владычеству папы надъ ихъ совѣстію.

Нельзя однако же скрывать отъ себя, что ревнивая исключительность Греческой iерархiи открываетъ доступъ такимъ покушенiямъ и, сѣя противъ себя недовѣрiе и вражду посреди своихъ исповѣдниковъ, неминуемо должна навлечь себѣ въ продолженiи времени чувствительныя потери, если заранѣе не приметъ системы болѣе сродной духу христiанской любви и чистаго Православiя.

2) Со временъ глубокой древности Грекъ простиралъ чувство народности до суевѣрнаго пристрастiя къ мѣсту своей родины, къ своему углу. Отъ этого онъ всегда былъ склоненъ къ междоусобiю и не способенъ ни утвердить внутреннее единство, ни защитить свою политическую самобытность. Тотъ же самый порокъ обнаруживается и въ дѣлахъ церкви. Константинополь равнодушенъ къ Iерусалиму, Александрiи, и обратно. Изчезни необходимость, налагаемая Турецкимъ игомъ, православные патрiаршiе престолы недолго проживутъ въ согласiи. Мы въ послѣднiе годы были очевидцами враждебныхъ притязанiй, которыя, таясь издавна между ними, безъ посредничества Россiи неминуемо бы вспыхнули въ открытый разрывъ, по вопросамъ объ избранiи новыхъ патрiарховъ для Палестины и Египта. Такимъ разъединенiемъ Православiе ощутительно ослабляетъ себя противъ иновѣрцевъ.

3) Тотъ же духъ междоусобiя, себялюбiя и происковъ царствуетъ внутри каждаго изъ восточныхъ Синодовъ. Особливо страдаетъ ими Цареградскiй престолъ. Едва избранъ патрiархъ, какъ уже возникаютъ козни, чтобъ его свергнуть и замѣнить новымъ кандидатомъ. Каждый митрополитъ ищетъ покровителей или прямо между Турками, или между Греческими свѣтскими чиновниками. Сiи послѣднiе въ свой чередъ состязаются о первенствѣ, хлопочутъ каждый въ своемъ кругу и поджигаютъ Турецкихъ сановниковъ мѣшаться въ церковныя дѣла и назначенiя. Отъ этого патрiархъ, вмѣсто вниманiя къ дѣламъ церкви, со дня своего избранiя занятъ почти одною заботою о томъ, какъ поддержать себя и угодить своимъ покровителямъ. Сверхъ того и онъ, и каждый митрополитъ, зная сколь непрочно ихъ положенiе, спѣшатъ обогатиться для обезпеченiя себя на черный день и для подарковъ Туркамъ.

4) Такое положенiе объясняетъ, почему Восточная церковь совершенно лишена людей, дарованiями и характеромъ способныхъ возвысить единовѣрцевъ и вынудить уваженiе отъ чужеземцевъ. Посреди всеобщей порчи и запустѣнiя, люди съ отмѣнною душою и способностями или забыты, или сами не желаютъ себя выказать. Отъ того мы во всей Турцiи, кромѣ Синайскаго Константiя и Антiохiйскаго Меѳодiя, слишкомъ уже ветхихъ лѣтами, знаемъ одного только первосвященника, замѣчательнаго своею жизнiю, умомъ, образованiемъ и безкорыстiемъ. Это бывшiй Вселенскiй патрiархъ Григорiй. Но онъ съ 1839 г. живетъ безъ должности и не хочетъ мѣста. Дѣйствительно, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ вовсе не могъ бы съ пользою возвратиться къ управленiю здѣшней патрiархiи. Мы недавно ласкали себя надеждою убѣдить его принять Антiохiйскую паству, согласно желанiю маститаго Меѳодiя, который, давно помыш-

ляя о покоѣ, желалъ имѣть преемникомъ Григорія и могъ бы своимъ вліяніемъ облегчить его выборъ; но всѣ усилія склонить Григорія были тщетны: онъ отказался подъ предлогомъ здоровья, хотя и находится въ полной силѣ лѣтъ. Можно ли дивиться униженію духовенства, когда посреди множества сребролюбцевъ и невѣждъ ни свои, ни чужіе не видятъ ни одного достойнаго образца и свѣтильника для церкви?

5) Турецкое правительство, безнравственностію и вредными примѣрами своихъ агентовъ, развращаетъ все, къ чему прикасается. Христіане вообще и Греческое духовенство въ особенности, тѣмъ болѣе должны были испытать сію заразу, что Порта, хотя и признаетъ себя чуждою собственно церковныхъ вопросовъ, однакоже имѣетъ прямое оффиціальное вліяніе на патріарховъ и епископовъ, какъ лицъ облеченныхъ правительственною властію надъ мірянами. Въ этомъ отношеніи, можетъ статься, было бы выгоднѣе для Православія, еслибы внутреннее хозяйство Турецкой имперіи со времемемъ могло придти въ такой порядокъ, чтобы христіанскія общины управлялись безъ участія духовенства, ограничивъ архіереевъ тѣмъ высшимъ кругомъ занятій, какой по всѣмъ правамъ принадлежитъ имъ въ благоустроенныхъ государствахъ. Но это для Турціи мечта. Притомъ, когда бы серьезно зашла о томъ рѣчь, патріархъ и епископы первые пришли бы въ уныніе, опасаясь вмѣстѣ съ мірскою отвѣтственностію потерять сопряженные съ нею доходы, большею частію неправильные, которые тогда надлежало бы замѣнить штатнымъ содержаніемъ.

6) Говоря о Турецкомъ правленіи, нельзя не остановиться на отношеніяхъ, существующихъ между имъ и Греческою церковью. Сіи отношенія теперь менѣе выгодны для Грековъ, сравнительно съ христіанами другихъ исповѣданій, чѣмъ были до Греческой революціи и въ первые вѣка порабощенія Турками. Взявъ Константинополь, Магометъ II и его преемники отличили Вселенскаго патріарха преимуществами и внѣшними почестями, кои постепенно утрачены, тому назадъ около столѣтія. Причина этому историческая. Первые султаны боялись западной Европы; при всемъ своемъ варварствѣ, они знали, что религіозная вражда Католиковъ съ Греками облегчала успѣхи Турецкаго оружія. Очевидный ихъ интересъ былъ покровительствовать Греческой церкви болѣе, чѣмъ Латинской, ведшей непримиримую войну съ Магометанами со времени крестовыхъ походовъ. Новѣйшіе султаны боятся Россіи. Но отъ Петра Великаго до 1821 года Фанаріоты располагали доходами княжествъ, имѣли всегдашній доступъ у Порты по своему вліянію на ея иностранныя дѣла и подкрѣпляли патріаршій престолъ, назначая на оный почти кого хотѣли. Старинный Фанаръ рушился, и вмѣсто его Порта видитъ передъ собою освобожденную Грецію. Понятно, что она даже безотчетно не довѣряетъ духовенству и охотно видитъ патріарха теряющимъ нравственный вѣсъ въ народѣ. Это коренная причина дополняется для Турковъ новѣйшаго покроя слѣпымъ вкусомъ подражать Западу, чтеніемъ тамошнихъ газетъ и публикацій, возрастающимъ

удобствомъ сообщеній съ католическими краями, наконецъ бесѣдою ученыхъ и путешественниковъ всякаго разбора, толпами посѣщающихъ Турцію.

7) Паденіе Фанара особенно становится чувствительнымъ для дѣлъ и состоянія церкви въ Палестинѣ. Своими богатствами и вліяніемъ на Турецкія власти, они вообще умѣли обращать въ пользу Грековъ старинное правило здѣшняго законодательства, по коему право опредѣлять владѣніе у Святыхъ Мѣстъ и рѣшать споры о томъ принадлежитъ Портѣ. Такимъ образомъ преимущества Грековъ при Святомъ Гробѣ сильнѣе чѣмъ когда нибудь утверждены предоставленіемъ исключительно имъ возобновить Іерусалимскій храмъ послѣ пожара 1807 года. И если правда, что при сей перестройкѣ уничтожены гробницы Готфреда и Балдуина, дотолѣ уцѣлѣвшія внутри храма, то горько надобно жалѣть, зачѣмъ православное духовенство не воспользовалось торжествомъ своимъ въ духѣ умѣренности и примиренія, вмѣсто того чтобы налагать руку на историческіе памятники и сильнѣе раздувать ненависть фанатизма. Нынѣшній status quo безспорно полезенъ для Грековъ; но западное духовенство, въ свой чередъ, силится обратить противъ нихъ вѣсы Турецкаго правосудія. Такъ напримѣръ, къ соблазну и вѣчному стыду христіанства, куполъ надъ Святымъ Гробомъ течетъ и подвергается опасности упасть отъ того, что ни Латины, ни православные не допускаютъ починить его. Въ важныхъ случаяхъ страхъ Русскаго имени продолжаетъ пособлять Грекамъ и мѣшать Портѣ обнаруживать явное пристрастіе въ пользу ихъ соперниковъ; но съ другой стороны, при новомъ направленіи Турецкаго правительства и совершенномъ оборотѣ дѣлъ по берегамъ Средиземнаго моря, Порта замѣтно устраняетъ себя отъ рѣшенія тяжебъ церковныхъ, ограничиваясь наиболѣе страдательною ролью посредника. Турецкій судъ почти существуетъ лишь по имени. Слѣдовательно нельзя надолго искать помощи въ мусульманскомъ законодательствѣ, и для упроченія тишины у Святыхъ Мѣстъ потребуется рано или поздно миролюбное согласіе съ Латинами и другими церквами. Задача нелегкая, тѣмъ болѣе, что Западъ съ своей стороны держитъ на стражѣ въ Палестинѣ духовенство фанатическое и большею частію закоснѣлое въ невѣжествѣ. Слава побѣды останется за нашими лишь въ томъ случаѣ, если они поспѣшатъ подать на себѣ примѣръ христіанскаго просвѣщенія, дружелюбнаго безпристрастія въ спорахъ и нравственной чистоты въ жизни. Безъ этихъ условій нельзя ни внушить уваженіе противникамъ, ни покорить ихъ зависти.

Все вышеизложенное клонится къ подтвержденію той истины, съ которой мы начали, т. е. что не мірская подпора нужна Православію на Востокѣ, а духовное исцѣленіе. Въ какомъ видѣ потребно и возможно къ тому содѣйствіе Россіи? Объ этомъ послѣ. На сей разъ подтвердимъ заключеніе, проистекающее изо всего предыдущаго, что для такого содѣйствія недовольно ни дипломатическихъ мѣръ, ни матеріальныхъ пособій. Они изрѣдка могутъ быть полезны въ видѣ вспомогательныхъ средствъ; но какъ основа дѣйствій, тѣ и другія недостаточны и даже вредны.

II.

ЧТО ДѢЛАТЬ РОССІИ?

Пера, 24 Апрѣля 1848 г.

Когда архимандритъ Порфирій въ первый разъ отправлялся въ Палестину, ему изъ Петербурга было приказано: «говорить восточнымъ іерархамъ не столько о Россіи, сколько о церкви единой, апостольской». Вотъ вся тайна, въ немногихъ словахъ, какимъ образомъ Россіи подвизаться на пользу восточнаго Православія. Для такой цѣли свѣтское вліяніе недостаточно и даже, какъ мы прежде сказали, небезвредно. Надлежитъ церкви дѣйствовать на церковь, духовенству на духовенство.

Въ настоящемъ положеніи вещей, дѣйствіе такого рода не только почти не существуетъ, но къ чему обманывать себя? и существовать не можетъ. Духовенство восточное и наше едва знакомы между собою. Можно ли требовать, чтобы незнакомцы любили другъ друга, чтобы они усердствовали ко взаимной помощи? Первое условіе всякаго союза и сообщенія между людьми—языкъ, живая рѣчь—посреди ихъ утрачено. Изъ Грековъ весьма рѣдкіе знаютъ порусски. Много ли между нашего духовенства, даже въ числѣ высшихъ и просвѣщеннѣйшихъ сановниковъ, кто умѣлъ бы свободно объясняться погречески? [2]) Послѣ всего этого нечему дивиться, если между членами обѣихъ церквей господствующее нынѣ чувство есть равнодушіе.

Однако не всегда отношенія ихъ были столь холодны какъ нынѣ, и не навсегда такими останутся.

Исторію церковныхъ связей Россіи съ Востокомъ дѣлить можно на три періода. Первый отъ крещенія Россіи при Владимірѣ до учрежденія въ Москвѣ патріаршества. Въ этотъ долгій періодъ, мы, по недостатку просвѣщенія и политическому разстройству, считались какъ бы епархіей и принадлежностію Византіи. Восточные патріархи издалека правили Россійскою церковью, вступаясь не въ одни духовные, но частію и въ гражданскіе вопросы, при чемъ, судя по многимъ слѣдамъ и документамъ, должно съ безпристрастіемъ и благодарностію замѣтить, что это восточное вліяніе пособляло мирить враждующихъ князей и утверждать въ Москвѣ центръ самодержавія, слѣдственно принесло важныя услуги Русскому народу и государству.

Второй періодъ, начинаясь отъ патріарха Іова, продолжается доселѣ. Тутъ наша церковь, соразмѣряясь царственному величію Россіи, сложила съ себя иноземное вліяніе Греческихъ владыкъ и по-

---

[2]) Отъ этого-то Екатерина и князь Потемкинъ настаивали, чтобы въ нашихъ училищахъ учили болѣе Греческому, нежели Латинскому языку, и настоянія ихъ начинали достигать цѣли; но Александровское царствованіе съ Чарторыжскими и Англоманами во главѣ изсушило эти начатки, а позднѣйшее преслѣдованіе Греческаго языка (въ свѣтской сферѣ, которой духовная сфера, къ сожалѣнію, любитъ у насъ подражать) окончательно уничтожило ихъ; однако мы помнимъ еще время, когда напр. въ Рязани, въ нѣкоторые дни и въ нѣкоторыхъ церквахъ, богослуженіе совершалось погречески. *П. Б.*

томъ не переставала укрѣплять свою отдѣльную народность, послѣ того какъ патріаршія права перешли въ руки Святѣйшаго Синода. Въ той же мѣрѣ сношенія съ Востокомъ становились рѣже, холоднѣе, малозначущѣе. Къ этому, разумѣется, способствовалъ и постепенный упадокъ Греческаго духовенства, а также враждебныя большею частію отношенія наши къ Турецкому правительству. Страхъ Мусульманъ отнималъ у Грековъ удобство и охоту продолжать съ нами открытыя сообщенія. Но и въ Россіи высшія духовныя власти какъ бы чуждались допускать короткія связи съ Греками. *Личныя* путешествія ихъ за царскою милостыней и сборомъ подаяній замѣнились высылкою денегъ. Переписка и канцелярскіе обряды заградили восточнымъ странникамъ дорогу къ появленію безъ нужды въ предѣлы Имперіи.

Третій періодъ не насталъ, но по вѣроятному ходу событій рано или поздно наступитъ, когда Русская церковь, возвращаясь къ источникамъ, откуда почерпнула Православіе, щедро захочетъ раздѣлить со старшими сестрами тѣ благословенія, какими наградилъ и возвеличилъ ее Божественный Промыселъ. Тогда, подражая примѣру Востока, въ первобытномъ періодѣ руководившаго нашимъ духовнымъ воспитаніемъ, церковь Русская въ свой чередъ устремитъ благія усилія на помощь восточнымъ единовѣрцамъ, заботясь о духовномъ ихъ улучшеніи не гордою наставницей, а признательною питомицей, отъ своего изобилія надѣляющей пестуновъ, дряхлыхъ и падшихъ духомъ.

Провидѣнію лучше насъ извѣстно, когда начнется этотъ третій періодъ, который не только на Востокѣ, но и въ самой отечественной церкви долженъ пробудить богатыя, дремлющія силы. Намъ, можетъ статься, не дожить до его. Но постараемся покуда ближе объяснить себѣ, какія именно существуютъ препятствія къ полезному сближенію нашего духовенства съ восточнымъ и какія были бы средства ускорить и укрѣпить это сближеніе, къ добру и успѣху обоихъ?

Препятствія двояки. Они частію находятся въ положеніи, невѣжествѣ и порчѣ восточнаго клира, частію въ недостаткахъ нашего.

Чѣмъ пособить первому?

Отвѣтъ: устраненіемъ Турецкаго вліянія. Какъ устранить? Это задача нелегкая; но то достовѣрно, что безпорядокъ восточной церкви, испорченность клира и мірянъ, имѣющихъ участіе въ дѣлахъ ея, находятъ въ сластолюбіи, лѣни и корысти Турецкихъ властей такую опору, противъ которой самыя настойчивыя, благія увѣщанія и совѣты всегда будутъ напрасными. Улучшить положеніе и нравы восточной церкви нельзя иначе, какъ начавъ со вселенской патріархіи; но доколѣ существуетъ нынѣшняя зависимость ея и Синода отъ Порты, можно смѣло предсказать: во 1-хъ, что патріархомъ едвали будетъ когда избранъ человѣкъ подлинно достойный; во 2-хъ, что даже если бы сверхъ чаянія произошелъ счастливый выборъ, то патріархъ, желающій вести дѣла какъ слѣдуетъ, искоренить зло, водворить порядокъ, полугода не усидитъ на своемъ пре-

столѣ. Это самое примѣняется къ каждому митрополиту и епископу въ епархіяхъ. Первая для нихъ необходимость угодить мѣстному пашѣ, слѣдственно не только равнодушно смотрѣть на злоупотребленія, но самому принимать въ нихъ участіе, для снисканія способовъ поддержать связи въ епархіи и въ Стамбулѣ.

При этомъ мы готовы допустить, что несправедливо бы возлагать на Турковъ главную вину зла. Зачинщики его большею частію христіане. Несчастіе Турковъ то, что они суть роковые, необходимые союзники всякому беззаконію, противники всякому коренному улучшенію, какое родится посреди христіанъ; Турки стараго вѣка по фанатизму и невѣжеству, Турки новаго покроя— по недовѣрію къ восточной церкви и неизлѣчимому страху укрѣпить посредствомъ ея Русское вліяніе; тѣ и другіе, по тѣмъ слабостямъ и порокамъ, которые, при всемъ здравомъ смыслѣ и добродушіи, встрѣчаемыхъ у Мусульманъ въ частномъ быту, дѣлаютъ ихъ въ государственномъ управленіи неспособными и вредными не только своимъ развратомъ и порчею, но бѣдственнымъ даромъ развращать и портить все, подчиненное ихъ дѣйствію. Допустивъ, что препятствія налагаемыя Турецкимъ вліяніемъ исчезнутъ, слѣдуетъ обратиться къ нашему духовенству и спросить себя: что̀ ему нужно, чтобы сдружиться съ восточными единовѣрцами, снискать ихъ довѣріе и приносить имъ существенную пользу?

Замѣтимъ, что для удовлетворительнаго рѣшенія сего вопроса должны быть соблюдены два существенныя условія: 1-е, чтобы наше духовенство, дѣйствуя за границею, не потеряло своего характера народнаго; 2-е чтобы оно сохранило свой характеръ духовный. Въ самомъ дѣлѣ, Греки и почти всѣ восточные собратія, сколько ни достойны вниманія по важности историческихъ заслугъ и богатству умственныхъ даровъ, стоятъ вообще ниже насъ въ образованіи и чистотѣ нравственной. И такъ лучше съ ними не сближаться, чѣмъ занять у нихъ теперешнюю грубость и пороки, или подвергнуть порчѣ ту высокую простоту христіанскаго смиренія, которою отечественное духовенство столь кротко, но спасительно дѣйствуетъ на Русскій народъ. Лучше не искать вліянія на Востокѣ, нежели для сей цѣли создавать у насъ искусственными способами небывалое поколѣніе «чиновниковъ въ рясахъ», которые, подобно западнымъ лазаристамъ, подъ личиною духовнаго подвига, служили бы кумиру мірскаго честолюбія, хлопотливости и политическихъ происковъ. Характеръ Православія, особливо въ Россіи, всегда былъ преимущественно созерцательный, мало наклонный добиваться прямаго участія въ дѣлахъ житейскихъ. Этимъ Восточная церковь сильна и при всей систематически наступательной организаціи Латинскаго духовенства никогда не уступитъ ему первенства. Усовершеніе и сила Грекороссійской церкви ни въ какомъ случаѣ не можетъ состоять въ подражаніи примѣру западныхъ миссіонеровъ, а напротивъ, въ постоянномъ стремленіи возвращаться къ восточнымъ образцамъ и учителямъ христіанства. Въ этомъ стремленіи должно Русское духовенство искать истинной точки союза съ Востокомъ и твердой опоры обоюдному совершенствованію.

Надо предполагать, что у насъ это стремленіе никогда совершенно не исчезало. Обстоятельнѣе про то пусть судятъ люди, глубже знакомые съ духомъ, устройствомъ и исторіей церкви въ Россіи. Нашъ взглядъ и наши предположенія конечно не исчерпаютъ предмета столь обширнаго, но, можетъ статься, наведутъ на мысль пристальнѣе заняться его изслѣдованіемъ. Ограничимся немногими на скоро брошенными мыслями въ пользу необходимости усилить, оживить наше восхожденіе къ источникамъ первобытнаго Православія.

Откуда, напримѣръ, взялось довольно общепринятое мнѣніе, что наше духовенство наклонно къ протестантскому образу мыслей? Что обучаемый въ духовныхъ и свѣтскихъ заведеніяхъ Катихизисъ не чуждъ протестантскаго духа? Отъ Ѳеофана Прокоповича до митрополита Платона и позже этотъ упрекъ заслуженъ многими изъ отличнѣйшихъ нашихъ проповѣдниковъ и іерарховъ. Словомъ, нѣтъ ли чего справедливаго въ той догадкѣ, что Русская церковь, съ учрежденіемъ въ Москвѣ патріаршества, вышедъ изъ-подъ восточной опеки, невольно увлеклась возобладавшимъ въ Петровъ вѣкъ стремленіемъ къ Западу, что слѣды сего донынѣ отзываются въ преподаваніи и выборѣ учебныхъ пособій для духовныхъ училищъ, что поэтому въ семинаріяхъ Латинскій языкъ доселѣ имѣетъ преимущество надъ Греческимъ? Не распространяясь о другихъ признакахъ сего рода, напомнимъ, что въ историческомъ порядкѣ событій, расколы въ Россіи возросли почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ наша церковь вошла во второй періодъ и, ослабивъ древнія связи, осталась одинокою. За всѣмъ этимъ, укажемъ вкратцѣ на нѣкоторыя мѣры, необходимыя для успѣха въ великомъ подвигѣ сближенія съ Востокомъ, или, правильнѣе сказать, «возвращенія къ Востоку».

1) Пересмотрѣть въ нарочитомъ, духовно-свѣтскомъ комитетѣ, систему и источники употребительнаго нынѣ по всей Россіи догматическаго и богословскаго преподаванія. Не исключая ни Латинскаго языка, ни другихъ полезныхъ элементовъ, принятыхъ отъ Запада, обратить въ духовныхъ училищахъ особливое вниманіе на изученіе св. отцевъ Восточной церкви. Усилить, ободрить и облегчить познаніе Вселенскихъ соборовъ и постановленій. Въ такомъ смыслѣ пересмотрѣть отчасти и народный катихизисъ.

2) Усилить, особливо въ духовныхъ академіяхъ, не только древній Эллинскій языкъ, для чтенія въ подлинникѣ Восточныхъ св. отцевъ, но и разговорный, новогреческій. Завести при нихъ же каѳедры Южно-славянскихъ нарѣчій, Сербскаго и Болгарскаго.

3) Вышеписанныя улучшенія ускорить наипаче въ духовныхъ заведеніяхъ Кіева и Одессы, облегчивъ безденежный туда пріемъ Грековъ и Славянъ.

4) При допущеніи въ Россію духовныхъ лицъ изъ восточныхъ странъ для сбора подаяній и срочнаго исправленія духовныхъ требъ въ причисленныхъ къ Св. Мѣстамъ монастыряхъ, внушать и даже налагать условіе, чтобы привозили съ собой юношей для навыка Русскому языку и для Греческихъ упражненій въ духовныхъ училищахъ.

5) На иждивеніе духовнаго вѣдомства или доброхотныхъ благотворителей посылать людей даровитыхъ и трудолюбивыхъ для посѣщенія Святыхъ Мѣстъ и пребыванія особливо тамъ, гдѣ должны храниться собранія книгъ и рукописей, напримѣръ въ Аѳонской горѣ, въ монастырѣ св. Іоанна Рыльскаго и т. д.

6) Поручать изысканіе подобныхъ актовъ и священнослужителямъ при посольскихъ церквахъ, какъ на Востокѣ, такъ и въ Западной Европѣ. Обратить особливое вниманіе на исторію Восточной іерархіи и каноническихъ патріаршихъ престоловъ, готовить полную документальную исторію патріархій Славянскихъ: Россійской, Сербской, Болгарской.

7) Причетниковъ къ восточнымъ посольскимъ церквамъ и Іерусалимской миссіи выбирать изъ числа такихъ, которые, оказавъ успѣхи въ наукахъ, могли бы, подъ руководствомъ настоятелей, продолжать учиться за границей, при чемъ ставить настоятелямъ въ обязанность знакомить себя и ихъ съ языкомъ, нравами и нуждами единовѣрнаго духовенства.

8) Еслибы въ Константинополѣ завелась Русская больница, то учредить при ней небольшую домовую церковь и отъ имѣющихъ состоять при ней причетниковъ требовать, чтобы ходили за больными. Подобный урокъ небезполезно и въ Россіи налагать на учащихся въ семинаріяхъ. Назначая себя не всегда въ иноческую жизнь, но также и въ сельскіе приходы и въ семейный бытъ, Русскій священникъ необходимо долженъ имѣть навыкъ помогать страждущему человѣку. Этимъ дополнится, въ истинномъ духѣ христіанскаго простодушія и смиренія, знакомство съ практическою медициною, введенное съ недавнихъ лѣтъ въ семинаріяхъ.

9) Имѣя въ виду, что для Іерусалима и другихъ заграничныхъ миссій, вообще будутъ назначаться священники отличные дарованіями и нравственностію, надлежало бы открыть имъ прямое, вѣрное кандидатство для занятій хорошихъ игуменскихъ ваканцій и даже архіерейскихъ должностей въ епархіяхъ. Пусть знаютъ, что ихъ будущность обезпечена заботою правительства, если они только найдутся ея достойными.

10) Доселѣ почти нѣтъ примѣра, чтобы Русскіе архіереи пріѣзжали на богомолье къ Св. Мѣстамъ. Такія путешествія желательны, съ такою лишь осторожностію, чтобы наши архипастыри избѣгали и гордости и пышности, могущихъ оскорбить Греческое духовенство.

11) Благодаря общежительному духу православной церкви, нашъ священникъ не обязанъ, подобно Латинскому, непремѣнно отрекаться отъ міра. Онъ можетъ участвовать въ радостяхъ и скорбяхъ жизни семейной. На Востокѣ приходское духовенство большею частію бываетъ безсемейное въ городахъ, а семейное предпочтительно въ селахъ; это можетъ быть потому, что деревенскій бытъ представляетъ менѣе случаевъ искать возвышенія и почестей монашества. Въ замѣнъ ихъ желательно и на Востокѣ и у насъ, исподволь, открыть бѣлому духовенству кругъ дѣйствій нѣсколько просторнѣе и разнообразнѣе въ отношеніи практической жизни. Въ Россіи, кро-

мѣ приходскихъ благочиній, полезно бы, кажется, довѣрить ему духовно-профессорскія каѳедры, а также призывать его къ болѣе дѣятельному участію въ надзорѣ надъ училищами, пріютами и другими дѣтскими заведеніями для бѣднаго класса. Въ случаѣ отмѣнныхъ способностей и заслугъ, для чего бы даже Св. Синоду не допускать къ себѣ по нѣскольку человѣкъ и бѣлаго духовенства? Съ той же точки зрѣнія надлежалобъ и ему открывать способы посѣщать Св. Мѣста и восточныя обители, знакомя такимъ образомъ всѣ различныя вѣтви Россійскаго клира съ обычаями и нуждами восточныхъ единовѣрцевъ, да пробудится у насъ повсемѣстное участіе въ ихъ судьбѣ и благоустройствѣ.

III.

ИДЕАЛЪ БУДУЩНОСТИ.

Пера, 4-го Мая 1848 г.

Наблюдательный иностранецъ, подслушавъ внутри Россіи народныя рѣчи и чувства, замѣтилъ, что Русскіе по своимъ наклонностямъ вовсе не суть народъ завоевательный, а скорѣе миролюбивый, но что есть одно заграничное имя, постоянно плѣнительное для народной мечты. Это Царьградъ.

Имя Царяграда связано, такъ сказать, съ первыми младенческими подвигами нашей славы воинской и съ первымъ пробужденіемъ Россіи къ христіанству. Византія, сообщая намъ сей даръ, страдала уже нравственнымъ разслабленіемъ и порчею. Чтò если Россіи суждено возвратить оный Византіи очищеннымъ глубокою, мужественною вѣрою Сѣвера?

Россія, поддерживая Турцію, неоднократно показала, что она не хочетъ ея завоеванія. Отъ чегожъ не вѣрятъ нашему въ томъ чистосердечію ни Европа, ни масса Турецкаго населенія и другихъ племенъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ? Отъ чего самые безпристрастные изъ иностранцевъ, когда очевидность принуждаетъ ихъ сознаться въ откровенности нашего миролюбія къ Востоку, возражаютъ, что оно, завися отъ личнаго великодушія Государя и отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ, не даетъ обезпеченія для будущности? Противъ предразсудка столь упорнаго и опытъ, и доводы равно остаются безсильными.

Непріятнѣе всего то, что западныя клеветы и подозрѣнія, безъ умолку повторяясь изустно и въ печати, волнуютъ умы и возбуждаютъ противъ насъ недовѣріе самихъ единовѣрцевъ. Племена дружелюбныя Россіи по единству исповѣданія, преданіямъ или сходству нарѣчій, не смотря на всѣ благотворенія и услуги, отъ нея получаемыя, боятся излишней къ намъ привязанности, не зная, привѣтствовать ли въ насъ покровителей, или удаляться будущихъ бичей той независимости, которой любовь сильнѣе пробуждается среди ихъ, по мѣрѣ того какъ они теряютъ страхъ и уваженіе къ Туркамъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ враги Россіи безъ труда внушаютъ легковѣрнымъ, что мы столь же мало какъ и всѣ другіе вѣримъ

долговѣчію Порты и силимся поддержать ее лишь въ томъ расчетѣ, чтобы, при первой выгодной случайности, легче занять ея мѣсто.

Слушая столько различныхъ толковъ, упорно твердящихъ одно и тоже, нельзя окончательно не повѣрить, что сила вещей и неодолимый потокъ событій безъ нашей воли готовитъ намъ на берегахъ Босфора нѣчто великое, таинственное, безъ чего судьбы Россіи останутся неполными, и мечта Русскаго народа неудовлетворенною.

Съ другой стороны, если эта мечта, переведенная на ясный практическій языкъ, должна значить завоеваніе, то нельзя, взвѣсивъ ее на вѣсахъ патріотизма и разсудка, не ужаснуться такой мысли, какъ опаснаго соблазна, за которымъ кроется гибель нашей народности и могила государственнаго единства. Константинополь не только яблоко раздора, но, кажется, яблоко искушенія и растлѣнія для того, кто имъ овладѣетъ: растлѣнія, потому что въ его климатѣ и природѣ живетъ нѣга, ядовитая и гибельная для воинственной и нравственной крѣпости каждаго побѣдителя, владѣвшаго симъ очарованнымъ мѣстомъ;—искушенія, потому что завоеватель, дабы удержать за собою Константинополь, неминуемо долженъ стремиться къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Онъ не можетъ отдохнуть, пока не покоритъ Балканскій материкъ до морей и почти всю Анатолію. Такимъ образомъ, еслибы пришлось Россіи водвориться на Босфорѣ, то сюда на долгія лѣта и поколѣнія должно будетъ ей сосредоточить всѣ усилія; забыть родной Сѣверъ, воспитавшій юную ея силу, разломиться на двѣ огромныя, по всей вѣроятности, враждующія части: Сѣверную и Южную; словомъ перестать быть Россіей. Грёза горькая, и по счастію несбыточная. Никому не дано предвидѣть, что̀ скрыто въ безднѣ вѣковъ; но если опытъ, умозрѣніе и все вокругъ насъ не есть обманъ, то смѣло можно утверждать, что тысячи лѣтъ не слишкомъ много для внутренняго, органическаго сплавленія земель и племенъ составляющихъ Россію, и слѣдовательно на тысячу лѣтъ ей надлежитъ избѣгать всякаго значительнаго расширенія границъ.

Какъ согласить сію неумолимую существенность съ очаровательною мечтою о Царѣградѣ?

Въ отвѣтъ спросимъ себя откровенно: что̀ такое Православіе? Есть ли оно лишь условный знакъ, государственное орудіе, или живая сила, которою проникнуты царь и народъ; сила, гдѣ тотъ и другой видятъ свое спасеніе, поруку взаимнаго довѣрія, основу обоюдныхъ усилій къ достиженію законныхъ, прочныхъ успѣховъ на пути народнаго развитія и общественнаго блага?

Мы твердо и смиренно вѣримъ, что Православіе есть именно такая живительная сила, что самый Промыслъ начерталъ въ немъ завѣтную скрижаль чувствъ и убѣжденій, залогъ порядка и благоустройства не только для Россіи, но скажемъ болѣе,—для человѣчества. Православіе потому есть сила не просто Русская, но вмѣстѣ сила Европейская и всемірная, что въ немъ жаръ глубочайшей вѣры сочетается съ теплотою глубочайшей вѣротерпимости. Чистѣйшій его отголосокъ находимъ въ литургіи, когда церковь возлѣ и даже прежде молитвы «о соединеніи всѣхъ» возноситъ молитву «о благосостояніи

святыхъ Божіихъ церквей» вообще, къ какому бы исповѣданію онѣ ни принадлежали. Католицизмъ самовластенъ, ибо требуетъ отъ совѣсти буквальнаго послушанія одной мнимо - безгрѣшной власти, и внѣ себя не допускаетъ возможности спастись. Протестантство мятежно, ибо ищетъ переспорить всѣхъ разсудкомъ и даетъ чрезмѣрную волю произвольнымъ умозрѣніямъ личности, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и словопрѣнію. Въ Православіи намъ даны твердая вѣра католицизма безъ Латинской исключительности и свобода совѣсти безъ протестантскаго сомнѣнія и дерзновенной критики. Православіе вмѣстѣ полнѣе и смиреннѣе, слѣдовательно крѣпче обоихъ [3]).

Но если Россія безъ ущерба остальному человѣчеству призвана развиваться въ Православіи, то передъ нею должно лежать еще широкое поле незачатыхъ подвиговъ; и, безпристрастно обращаясь къ ней, мы принуждены сознаться въ томъ, что наша исторія донынѣ едвали представляетъ великія жертвы, принесенныя чисто религіи,— жертвы, какими были напримѣръ для католической Европы крестовые походы. Мы благополучно пережили фанатизмъ среднихъ вѣковъ; но тогдашній восторгъ, умершій въ разчетливой Европѣ, еще живетъ въ насъ и требуетъ доказательства на опытѣ.

Что̀, если бы судьба и геній Россіи подали намъ случай явить подобный опытъ въ рѣшеніи вопроса о Царѣградѣ, вопроса, который, вопреки предусмотрительнымъ усиліямъ нашей и западной политики, едвали долго можетъ остаться въ нынѣшнемъ видѣ?

Замѣчено, будто историческія событія вращаются колесомъ и по прошествіи вѣковъ располагаются въ подобномъ прежнему порядкѣ: ибо подъ луною ничего нѣтъ новаго. Въ первобытный вѣкъ Русской исторіи мы начали съ воинственныхъ походовъ на Византію, были ея грозой и кончили принятіемъ отъ нея вѣры. Въ новѣйшія времена мы опять стали грозой Византіи, пріостановились, и наши къ ней отношенія ждутъ развязки. Когда пробьетъ ей часъ, рука писавшая сіи строки, и глаза, ихъ теперь читающія, вѣроятно будутъ прахомъ; но для потомковъ мы едвали можемъ желать и готовить славнѣйшій удѣлъ, какъ возвратить Византіи христіанство, нами отъ нея принятое, возвратить не въ угоду народному эгоизму и тщеславію, а въ торжество вѣры и во благо единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ.

Пускай Константинополь въ христіанскомъ смыслѣ подлинно будетъ Новый Римъ, алтарь и ковчегъ Православія, столица Вселенскаго патріарха, какъ первосвященника, и Вселенскаго Синода, какъ духовнаго собора Славяно-греческихъ и прочихъ племенъ, исповѣдующихъ Восточную церковь. Государства или княженія: Сербское, Черногорское, Болгарское, Греческое, Молдаванское, Валашское—пусть будутъ его стражами, подъ руководствомъ Россіи, которая, подавъ сама примѣръ безкорыстія, наложитъ на всѣхъ необходимость подражать ему и чтить въ Константинополѣ всеобщее и ничье достояніе. Церкви Славянскихъ племенъ, зависящія нынѣ отъ Вселенскаго па-

[3]) Замѣчательное совпаденіе съ убѣжденіями покойнаго А. С. Хомякова. П. Б.

тріарха, да получатъ мѣстную независимость и всѣ льготы отдѣльнаго народнаго устройства. За тѣмъ онѣ или пребудутъ въ имянной подчиненности Константинопольскому престолу, или настоятъ каждая на томъ, чтобъ имѣть свой отдѣльный Синодъ; а нѣкоторыя изъ нихъ, приводя въ основаніе исторію, можетъ быть, захотятъ водворить у себя даже особыхъ патріарховъ. Во всякомъ случаѣ языкъ богослуженія въ Константинополѣ долженъ остаться Греческій; и Россія, соревнуя прочимъ Славянамъ въ развитіи своей духовной и гражданской словесности, да подастъ всѣмъ примѣръ уваженія къ первоначальному языку православнаго единства, на которомъ совершена литургія и откуда переведена для насъ Библія.

По примѣру ветхозавѣтныхъ жрецовъ, приносившихъ отборнаго агнца Божеству, Россія, однажды навсегда отказавшись называть Царьградъ Русскою собственностію, усмиритъ соревнованія Грековъ, по праву потомства притязающихъ на сіе наслѣдіе. Соединенныя Славяногреческія силы, на сушѣ и на морѣ, ограждая патріаршій городъ, отнимутъ у заморскихъ обитателей Запада и причину, и возможность угрожать Босфору вооруженными флотами, подъ предлогомъ заботы о политическомъ равновѣсіи Европы. Россія съ ея спутниками, соединенными въ оборону Царяграда, составитъ надежный перевѣсъ Германскимъ племенамъ, еслибы онѣ со временемъ успѣли осуществить мечту Германскаго единства. Ни намъ, ни прочимъ Славянамъ не для чего будетъ ей завидовать. Всякій мирно пойдетъ своею дорогою. Константинополь будетъ вольнымъ отверстымъ путемъ и пристанищемъ всемірной торговлѣ. Она не въ первый разъ обрѣтетъ покровительство подъ сѣнію религіи. При господствующей власти Вселенскаго патріарха и Синода, гдѣ должны засѣдать представители Россійской и другихъ единовѣрныхъ церквей, всѣ религіи пусть найдутъ здѣсь гостепріимство и вѣротерпимость. Нельзя угадать, какое превращеніе между тѣмъ испытаютъ Мусульмане. Но, продолжая занимать часть Анатоліи, они наравнѣ съ другими могутъ пользоваться въ Константинополѣ правами и даже имѣть вооруженное участіе въ защитѣ Дарданеллъ. Всеобщею терпимостію Новый Римъ подастъ спасительный примѣръ Древнему; и если въ западной Европѣ благая десница Промысла укротитъ слѣпое буйство народныхъ страстей, то христіанскій міръ, подъ духовною сѣнію двухъ Римовъ, представитъ собою, благодаря могучему вліянію и дальновидному самоотверженію Россіи, картину благоустройства и порядка, невиданныхъ доселѣ въ исторіи.

Тогда, кромѣ торжественнаго возгласа: «Разумѣйте языцы, яко съ нами Богъ»—Россія и союзные народы могутъ повторить на берегу Босфора другой побѣдный кликъ, столь громкій въ старину на берегахъ Волхова: «кто противъ Бога и святой Софіи?»

(Сообщено А. Д. Свербеевымъ).

Воспоминаніе о Н. В. Путятѣ.

29-го Октября прошлаго 1877 года скончался въ Москвѣ Николай Васильевичъ Путята. Онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ представителей нашего образованнаго общества и нашей умственной жизни. Имя его не разъ появлялось въ Русскомъ Архивѣ и въ другихъ нашихъ изданіяхъ, и на мнѣ лежитъ долгъ передать читателямъ нѣкоторыя черты его жизни и его общественнаго значенія.

Н. В. Путята родился въ 1802 году 22-го Іюля. Онъ происходилъ отъ старинныхъ (упоминаемыхъ еще въ первоначальной Русской лѣтописи) Смоленскихъ дворянъ. Отецъ его, Василій Ивановичъ, служилъ по комиссаріатскому вѣдомству и въ 1812 году оказалъ Отечеству отмѣнныя услуги, завѣдуя вмѣстѣ съ знаменитымъ хирургомъ Лодеромъ гошпиталемъ, который былъ устроенъ ими въ городѣ Касимовѣ: туда свозились наши раненые съ кровавыхъ побоищъ великой войны. Злая судьба, впослѣдствіи отяготѣвшая надъ этимъ человѣкомъ (который въ общемъ мнѣніи сослуживцевъ и знакомыхъ отличался строгою честностью и тѣмъ не менѣе просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости и хотя былъ оправданъ, но потерпѣлъ полное разореніе въ здоровьи и благосостояніи, по извѣстному Варгинскому дѣлу) должна была сильно подѣйствовать на старшаго его сына. Можетъ быть, это горе и заставило его уйти въ себя и сосредоточиться въ своихъ понятіяхъ и мнѣніяхъ.

По матери своей (урожденной Гладковой) Н. В. Путята находился въ родствѣ съ семействомъ Пашковыхъ и первоначальное воспитаніе получилъ въ извѣстномъ нѣкогда всей Москвѣ домѣ Ивана Александровича Пашкова на Чистыхъ Прудахъ (нынѣ медицинскаго вѣдомства). Оттуда поступилъ онъ въ образцовое учебное заведеніе того времени, Муравьевскую школу колонновожатыхъ, которая имъ была описана въ Современникѣ 1852 года. Описаніе это издано и отдѣльно съ портретомъ генералъ-маіора Н. Н. Муравьева, учредителя и начальника школы. Путята былъ товарищемъ его сына, извѣстнаго Андрея Николаевича. Вмѣстѣ съ военными и математическими познаніями онъ получилъ въ Муравьевскомъ училищѣ живую любознательность, но притомъ въ счастливомъ сочетаніи съ строгою отчетливостью мыслей и съ привычкою отвлекать существенныя стороны явленій отъ мелочныхъ и побочныхъ подробностей. Любовь къ словесности пріобрѣлъ онъ тогда же въ извѣстномъ Московскомъ кружкѣ С. Е. Раича, С. П. Шевырева, В. П. Титова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и другихъ. Во времена Аракчеевщины онъ поступилъ на службу въ гвардію и скоро сошелся со многими представителями тогдашней блестящей и вольнолюбивой гвардейской молодежи; строгое чувство долга удержало его отъ увлеченій, которыя скоро выразились въ событіи 14-го Декабря. По счастію, въ этотъ день ему не случилось быть въ Петербургѣ; но страшныя впечатлѣнія

того времени напечатлѣлись въ его душѣ. Въ его рукописяхъ сохранилось описаніе казни 13-го Іюля 1826 года, которой былъ онъ очевидцемъ. Вскорѣ за тѣмъ перешелъ онъ на службу въ Финляндію, гдѣ состоялъ адъютантомъ генералъ-губернатора графа А. А. Закревскаго. Война 1829 года вызвала его на боевое поприще. Онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ, состоя при графѣ П. П. Паленѣ и съ войсками доходилъ до Адріанополя. По заключеніи мира, перешелъ онъ въ гражданское вѣдомство и сопровождалъ графа Закревскаго, уже министра внутреннихъ дѣлъ, въ его поздкѣ по внутреннимъ губерніямъ для принятія мѣръ противъ распространенія холеры. (Безпристрастную оцѣнку графа Закревскаго и его дѣятельности Н. В. Путята сдѣлалъ въ послѣдствіи въ своей статьѣ о немъ, помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ 1865 года). Въ теченіи многихъ лѣтъ потомъ Путята служилъ въ Петербургѣ, въ статсъ секретаріатѣ Великаго Княжества Финляндскаго. Любознательная добросовѣстность заставила его выучиться Шведскому языку, на которомъ ведется дѣлопроизводство того края. Онъ изучалъ исторію Финляндіи, и его статья «Сеймъ въ Борго» (напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 года) есть, къ сожалѣнію, единственное у насъ самостоятельное сочиненіе по этому предмету. Она составляетъ часть обширнаго, сколько намъ извѣстно, неоконченнаго труда. Въ Гельсингфорсѣ Н. В. Путята подружился съ поэтомъ Е. А. Баратынскимъ. Въ образѣ мыслей и характерѣ ихъ было что-то общее. Тоже озареніе высшими понятіями, таже сосредоточенность и сдержанность въ ихъ изъявленіи. Мы замѣчали эти черты въ людяхъ, выросшихъ и воспитавшихся подъ исходъ Александровскаго царствованія и жившихъ потомъ въ Николаевскія времена. Дружескія и литературныя письма Баратынскаго къ Путятѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1867 года. Черезъ друга своего Путята сошелся съ А. С. Пушкинымъ, который нѣкоторое время былъ очень вхожъ въ домъ графа Закревскаго. Н. В. Путята оставилъ записку о своемъ знакомствѣ съ великимъ поэтомъ, и о томъ какъ Пушкинъ звалъ его въ посредники несостоявшагося поединка своего съ секретаремъ Французскаго посольства Лагрене. По этому поводу Пушкинъ отдалъ Путятѣ своеручный листокъ съ извѣстными стихами:

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ....

Дружеская связь Путяты съ Баратынскимъ закрѣпилась родствомъ. Баратынскій жилъ въ Москвѣ съ тестемъ своимъ Л. Н. Энгельгардтомъ, тѣмъ самымъ, который оставилъ по себѣ превосходныя историческія Записки о Екатерининскомъ времени. Путята женился въ 1837 году на младшей его дочери, Софьѣ Львовнѣ. Служба еще нѣсколько лѣтъ привязывала его къ Петербургу, гдѣ онъ дѣятельно участвовалъ между прочимъ въ Обществѣ Посѣщенія Бѣдныхъ, соединявшемъ въ себѣ лучшихъ людей того времени и принадлежалъ къ дружественному кружку Карамзиныхъ, князей Вяземскаго и Одоевскаго.

По выходѣ въ оставку, въ 1856 году, Н. В. Путята переселился въ Москву. Здѣсь свои досуги посвящалъ онъ историческимъ и литературнымъ занятіямъ. Имъ написаны обширныя обозрѣнія царствованій Екатерины II-й и Александра Павловича, произведенія, въ своемъ родѣ образцовыя: въ сжатомъ видѣ умѣлъ онъ соединить, на основаніи многосторонняго чтенія и строгихъ соображеній, существенныя черты этихъ двухъ эпохъ Русской исторіи. Общество Любителей Рос-

сійской Словесности при Московскомъ университетѣ выбрало его своимъ членомъ, и позднѣе предсѣдателемъ, цѣня въ немъ его разумную общительность и умѣнье согласовать противорѣчивыя мнѣнія. Николай Васильевичъ не принадлежалъ ни къ одному изъ направленій, на которыя дробится Русская умственная жизнь. Онъ всегда становился выше ихъ, чуждаясь односторонности, но сочувственно оцѣнивая въ людяхъ всякую искренность, всякій трудъ и честное намѣреніе. Обширная начитанность при близкомъ знакомствѣ съ Французскою и Англійскою словесностью, многообразныя сношенія и пріобрѣтенная чрезъ нихъ житейская опытность, трезвый и въ тоже время согрѣтый благожелательствомъ взглядъ на жизнь дѣлали его бесѣду привлекательною и въ тоже время поучительною. Не было политическаго и общественнаго явленія, которое бы его не занимало; но отзывы его всегда отличались внушительною скромностью. Онъ былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и когда было нужно высказывалъ ихъ съ воздержнымъ достоинствомъ и при этомъ никого не нудилъ раздѣлять ихъ. Къ нему съ увѣренностью можно было обратиться за добрымъ совѣтомъ, въ вопросахъ словесности, исторіи и вообще печати. Благообразный старецъ, убѣленный жизнью, съ свѣтлымъ взоромъ, съ прекрасными сѣдинами и всегда обдуманною рѣчью, являлся онъ въ Московскихъ обществахъ, любимый и уважаемый, всегда любознательный и привѣтливый. Физическія силы его въ теченіи многихъ лѣтъ тихо и постепенно ослабѣвали, наперекоръ его сердцу и головѣ, которыми онъ оставался бодръ до самой кончины. Послѣдній разъ довелось мнѣ бесѣдовать съ нимъ недѣли за двѣ до его смерти. Рѣчь зашла о новыхъ источникахъ для исторіи Александра Павловича, и нельзя было надивиться его многому знанію и твердости сужденій. Свѣтлый умъ, это наслѣдіе чистой жизни, не покидалъ его даже и на смертномъ одрѣ.

Друзья Русскаго просвѣщенія никогда не забудутъ Н. В. Путяты.

П. Б.

По поводу разсказа М. Ѳ. Орлова о взятіи Парижа [1]).

Служилъ я въ чинѣ прапорщика въ лейбъ-гвардіи артиллерійской бригадѣ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича со дня выхода въ походъ 5-го Марта 1812 года до возвращенія бригады въ Петербургъ въ 1814 году.

18-го Марта 1814 года наша батарея, состоявшая подъ начальствомъ полковника Таубе, была отправлена А. П. Ермоловымъ занять Шомонскія высоты, чтобы открыть пальбу въ городъ Парижъ съ оныхъ высотъ. Таковое приказаніе послѣдовало въ 3 часа пополудни. По прибытіи нашемъ на Шомонскія высоты, былъ сдѣланъ на насъ ружейный залпъ батальономъ Французскихъ войскъ, которые послѣ того поспѣшили отрѣтироваться, что̀ и дало намъ воз-

---

[1]) См. Русскую Старину 1877, книгу XII-ю. Печатаемая замѣтка принадлежитъ Николаю Андріановичу Дивову. Она драгоцѣнна какъ свидѣтельство очевидца и участника великаго событія, который здравствуетъ доселѣ. *П. Б.*

можность занять назначенныя намъ высоты. По приказанію полковника Таубе, открыта нами пальба изъ двѣнадцати (а не 24-хъ, какъ сказано у М. Ѳ. Орлова) орудій въ городъ Парижъ. Не прошло получаса, какъ явился на батарею парламентёръ, который объявилъ, что городъ Парижъ сдается и потому просилъ прекратить пальбу.

Полковникъ Таубе, взявъ парламентёра съ собою, отправился къ Государю нашему, который изволилъ стоять со всею свитою въ недалекомъ разстояніи отъ нашей батареи. Полковникъ Таубе тутъ же получилъ изъ рукъ Государя Георгіевскій крестъ 3-й степени.

Вслѣдъ за тѣмъ, Государь Императоръ, король Прусскій, великій князь Константинъ Павловичъ, фельдмаршалъ князь Шварценбергъ и вся свита Государя, прибыли на нашу батарею. Остановившись у моихъ двухъ орудій, Государь приказалъ мнѣ удалиться со всею артиллерійскою прислугою. Государь остался на этомъ мѣстѣ съ королемъ Прусскимъ, съ княземъ Шварценбергомъ и явившимся парламентёромъ. Что̀ было ими говорено, мнѣ, конечно, неизвѣстно; но при отправкѣ парламентёра намъ былъ слышанъ слѣдующій разговоръ на Французскомъ языкѣ. Государь изволилъ сказать: «Que demain, à 6 heures du matin, la ville de Paris soit évacuée par les troupes françaises». Парламентёръ отвѣчалъ: «Les ordres du vainqueur seront remplis» [2]). Послѣ этого Государь, не сходя съ мѣста, позвалъ къ себѣ флигель-адъютанта полковника М. Ѳ. Орлова и сказалъ ему по-французски, вѣроятно, чтобы князь Шварценбергъ слышалъ: «Orloff, allez dire de ma part au maréchal Barclay de Tolly de faire cesser le feu, sur toute la ligne». При этихъ словахъ князь Шварценбергъ спросилъ Государя: «Est ce que Barclay est maréchal?»—«Oui, il l'est depuis ce moment» [3]).

Сіи незабвенныя минуты были особенно утѣшительны для насъ: мы слышали изъ устъ Государя, какъ онъ благодарилъ насъ за понесенные нами труды въ продолженіи трехъ лѣтъ и поздравлялъ съ миромъ и вступленіемъ нашимъ на завтра утромъ въ Парижъ.

Николай Дивовъ.

---

[2]) Чтобы завтра въ 6 часовъ утра Парижъ былъ оставленъ Французскими войсками.—Повелѣнія побѣдителя будутъ исполнены.

[3]) Орловъ, ступай, скажи отъ моего имени фельдмаршалу Барклаю-де-Толли, чтобы огонь по всей линіи былъ прекращенъ.—Развѣ Барклай фельдмаршалъ?—Да, съ этой минуты.

Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ.

(Изъ рѣчи И. С. Аксакова, произнесенной 18 декабря 1877 г.).

Мм. гг.

.. ... Прежде чѣмъ перейти къ изложенію нашихъ дѣйствій за это послѣднее время, я долженъ исполнить грустную обязанность и остановить ваше вниманіе на потерѣ, понесенной нашимъ обществомъ въ лицѣ одного изъ старѣйшихъ его членовъ, Ѳедора Васильевича Чижова, скончавшагося 14 прошлаго Ноября, 67 лѣтъ отъ роду.

Это былъ замѣчательный человѣкъ, заслуживающій подробной и тщательной біографіи. Я, разумѣется, представлю вамъ здѣсь только его краткій біографическій очеркъ, въ которомъ, за неимѣніемъ подъ рукою всѣхъ данныхъ, нѣкоторыя цифры и числа переданы, можетъ быть, и не совсѣмъ точно; но за то я постараюсь съ возможною полнотою воспроизвести вамъ его нравственный образъ.

Большинству Русскаго общества онъ вѣроятно извѣстенъ только какъ практическій дѣятель, умный, строгій, безукоризненно-честный, въ сферѣ такъ называемыхъ экономическихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ однимъ повидимому была посвящена дѣятельность—и какая! непрерывная, неутомимая, его послѣднихъ двадцати лѣтъ. Но только повидимому: всѣ эти труды и заботы по устройству желѣзныхъ дорогъ, банковъ, промышленныхъ обществъ, дѣйствительно почти цѣликомъ поглощали его время и сокрушили наконецъ здоровье, но не полонили его души, не охлаждали сердца, не вытравили въ немъ ни духовной жажды, ни нравственныхъ идеаловъ. Сердце этого суроваго работника оставалось открытымъ, чуткимъ ко всему изящному въ искусствѣ и въ жизни, и ко всякому страданію человѣческому; умъ не переставалъ мыслить и рвался къ досугу, но былъ имъ насильственно возвращаемъ къ служенію практическимъ цѣлямъ. Было бы однакоже ошибочно думать, что эта внѣшняя практическая дѣятельность оставалась чуждою его внутреннему существу. Напротивъ, онъ вносилъ въ каждый свой трудъ всего себя, но становился не рабомъ его, а господиномъ; осмыслялъ, одухотворялъ его нравственною стихіею, высшею идеальною цѣлью. Этотъ прославившійся практикъ, у котораго не только не вываливалось изъ твердыхъ рукъ, но спорилось, росло и крѣпло всякое дѣло, былъ упрямый идеалистъ,—таковымъ и остался до послѣдняго часа. Этотъ хозяинъ и руководитель громадныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій,—для которыхъ повидимому и нѣтъ другаго

прочнаго основанія, кромѣ разсчетовъ личной корысти, которыхъ вся существенная задача, казалось бы, только въ денежныхъ барышахъ,—былъ безкорыстнѣйшимъ изъ людей, ненавидѣлъ и презиралъ деньги.

Онъ не искалъ этого поприща, не имѣлъ къ нему влеченія и вступилъ на него уже на пятомъ десяткѣ лѣтъ. Не мало былъ бы онъ самъ удивленъ, еслибы въ то время, когда онъ изучалъ исторію искусствъ въ Италіи, такъ пламенно имъ любимой, кто-либо возвѣстилъ ему его позднѣйшую дѣятельность въ званіи желѣзнодорожнаго строителя или учредителя банковъ. Но разъ обстоятельства заставили его повернуть на этотъ путь, онъ, — съ полнымъ сознаніемъ его темныхъ, матеріализующихъ свойствъ, но также и своей личной нравственной неодолимости, — бодро принялъ вызовъ судьбы и отдался дѣлу всѣми силами духа.

А это былъ сильный человѣкъ, человѣкъ съ властью. Прежде всѣхъ другихъ его качествъ, ощущалось въ немъ именно присутствіе внутренней силы: силы убѣжденія, силы воли—непреклонной, деспотической относительно самого себя, — вмѣстѣ съ незыблемою стойкостью нравственныхъ основъ, неспособною ни къ какимъ уступкамъ и сдѣлкамъ. Смотря на его работу — методическую, отчетливую до мелочей, — всякій сказалъ бы, что такое систематическое примѣненіе воли къ дѣлу, такая выдержка въ трудѣ, то, что̀ Нѣмцы называютъ Ausdauer, возможно только при твердомъ спокойствіи и хладнокровіи духа.... А между тѣмъ это былъ человѣкъ самый пылкій, самый страстный, даже пристрастный по своей природѣ, и кто узнавалъ Чижова лишь съ этой его стороны, готовъ былъ, напротивъ, вывести заключеніе, что онъ способенъ управляться въ жизни только порывомъ! Но это-то цѣльное сочетаніе такихъ повидимому противоположныхъ свойствъ и было въ немъ особенно привлекательно: оно-то и придавало ему такую нравственную красоту и такую власть надъ другими. Этотъ страстный человѣкъ не мѣнялъ предметовъ своей страсти, и какъ оставался вѣренъ, неизмѣнно вѣренъ до смерти своимъ друзьямъ, и въ крупныхъ событіяхъ и въ мелочныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, — такъ, съ какимъ-то неистощимымъ, не остывающимъ жаромъ, въ какомъ-то упорномъ, пребывающемъ порывѣ, педантически-тщательно служилъ каждому, взятому имъ на себя дѣлу и не спѣша доводилъ его до конца. Горячее, сострадательное сердце, онъ однакоже былъ не изъ слабосердыхъ и не любилъ потворствовать слабостямъ даже въ друзьяхъ. Оказывая помощь,—а онъ многихъ облагодѣтельствовалъ, многихъ поставилъ на ноги въ жизни, и притомъ безъ всякихъ чувствительныхъ и умильныхъ пріемовъ,—онъ всегда заботился о томъ, чтобы это добро пошло въ прокъ, а не во вредъ человѣку. Почти Спартанецъ относительно внѣшнихъ житейскихъ удобствъ, онъ былъ крутымъ, неумолимымъ гонителемъ всякой распущенности, лѣни, небрежности, нѣги; строгій къ себѣ, былъ строгъ и взыскателенъ по службѣ, и глубоко возмущался, когда встрѣчалъ въ людяхъ недостаточно-нравственное отношеніе къ долгу, къ порученному имъ

дѣлу. Впрочемъ личныя дѣла, собственные интересы мало его заботили. Только то дѣло и было властно привлечь его къ себѣ, за которымъ онъ могъ признать какое либо гражданское, общеполезное значеніе, и которое тѣмъ самымъ, въ его глазахъ, стояло выше одинокой личности человѣка; только общественное дѣло становилось ему своимъ, личнымъ; только въ успѣхѣ такого дѣла, созданномъ его личными трудами, обрѣталъ онъ себѣ личное удовлетвореніе и, какъ онъ выражался, самый дорогой эгоистическій интересъ.

Вотъ какого нравственнаго закала человѣкъ примкнулъ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, къ кругу Хомякова, Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Юрія Самарина, тѣхъ высокоталантливыхъ, высоконравственныхъ дѣятелей, которыхъ враждебная критика обозвала въ насмѣшку кличкою «славянофиловъ», обратившеюся впослѣдствіи въ такое почетное для нихъ именованіе. Теперь, когда они всѣ въ могилѣ, когда ихъ творческая мысль оправдывается самою исторіей и поднятое ими знамя становится знаменемъ всего мыслящаго Русскаго общества, съ особенною яркостью выступаетъ значеніе той духовной силы, которою окрылялось у нихъ и слово и дѣло. Въ ихъ направленіи не было ни доктринерства, ни теоретической отвлеченности. Подвигомъ самой жизни запечатлѣли они искренность и правду своихъ убѣжденій.

Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что Ѳедоръ Васильевичъ примкнулъ къ этому кругу уже вполнѣ созрѣвшимъ,—путемъ самобытнаго развитія дойдя до полнаго тождества въ главныхъ основаніяхъ и воззрѣніяхъ. Ему не отъ чего было и отрекаться: онъ нашелъ то, чего искалъ, только утвердился въ направленіи и расширилъ міросозерцаніе.

Родившись въ 1811 году, въ недостаточной дворянской семьѣ Костромской губерніи, онъ прошелъ тяжкую школу труда и бѣдности. Тѣмъ не менѣе, какъ только онъ, окончивъ курсъ наукъ сперва въ Костромской, потомъ въ Петербургской гимназіи и въ Петербургскомъ университетѣ, занялъ въ послѣднемъ мѣсто адъюнктъ-профессора математики, онъ отказался отъ своего небольшаго родоваго имѣнія въ пользу сестеръ, предоставляя себѣ собственною работою добыть средства къ жизни. Почти восемь лѣтъ преподавалъ онъ въ университетѣ и издалъ, по офиціальной своей спеціальности, нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій. Но не занятія математикою и механикою были его призваніемъ: уже въ 1839 году, слѣдовательно 29 лѣтъ отъ роду, онъ издаетъ переводъ исторіи Европейскихъ литературъ XV и XVI столѣтій Галлама съ такими своими дополненіями, которыя, по отзыву критики, обнаруживали обширную и основательную начитанность переводчика. Въ тоже время передѣлано имъ на Русскій языкъ прекрасное сочиненіе одной Англійской писательницы подъ заглавіемъ: «Призваніе женщины», вышедшее въ свѣтъ въ Петербургѣ, уже по выходѣ его изъ университета. Скромное поприще ученаго не могло удовлетворить этой дѣятельной, пылкой, разнообразно одаренной природы. Его влекла къ себѣ жизнь, знакомство съ людьми; ему нужно было примѣнить къ живому

дѣлу богатый запасъ воли и нравственной власти, и утолить потребность своего сильнаго художественнаго инстинкта. Сближеніе и затѣмъ тѣсная дружеская связь съ однимъ Малороссійскимъ дворянскимъ семействомъ (не ослабѣвшія потомъ ни разу въ теченіи всей его жизни до самой минуты смерти) послужили переворотомъ въ его судьбѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ воспитаніи и образованіи молодаго представителя этой семьи, и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1840 году, оставивъ университетъ, поселился въ Малороссіи, а потомъ уѣхалъ въ Европу или, вѣрнѣе сказать, въ Италію, куда манилъ его міръ искусствъ и художественныхъ наслажденій. Въ Италіи, въ обѣ свои поѣздки, онъ провелъ около семи лѣтъ лучшей половины своей жизни. Тамъ, въ сороковыхъ годахъ, жилъ онъ въ Римѣ,—въ домѣ, гдѣ въ первомъ этажѣ помѣщался поэтъ Языковъ, во второмъ—Гоголь, а въ третьемъ—самъ Ѳедоръ Васильевичъ. Съ ними и съ знаменитымъ Ивановымъ онъ былъ въ особенности друженъ и близокъ. Впрочемъ онъ состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ и со всѣмъ кружкомъ Русскихъ художниковъ, работавшихъ тогда въ Римѣ. Какъ во всякомъ дѣлѣ, за которое принимался Чижовъ, такъ и въ живописи онъ скоро сталъ знатокомъ, вѣрнымъ цѣнителемъ и судьею, и своимъ строгимъ уваженіемъ къ требованіямъ искусства оказалъ на многихъ изъ нихъ серіозное, вполнѣ благотворное вліяніе. Но не одною исторіею искусства занялся онъ въ Италіи: онъ основательно изучилъ ея исторію политическую и соціальную, а въ особенности ея литературу, какъ средневѣковую, такъ и позднѣйшую. Онъ и въ старости не переставалъ слѣдить за Италіанскимъ литературнымъ движеніемъ, и его обширная библіотека богата собраніемъ Италіанскихъ изданій. Но ни въ «красавицѣ Венеціи», которую онъ любилъ и о которой вспоминалъ съ такимъ увлеченіемъ, ни въ Римѣ, среди обаянія художественныхъ сокровищъ Запада, онъ не переставалъ быть Русскимъ, православно-вѣрующимъ человѣкомъ и самостоятельнымъ Русскимъ мыслителемъ. Доказательствомъ служатъ его замѣчательныя статьи: «О работахъ Русскихъ художниковъ въ Римѣ» и «О Римскихъ письмахъ Муравьева», помѣщенныя въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 и 1847 года, этомъ первомъ изданіи славянофильскаго характера, но въ особенности превосходная статья, появившаяся гораздо позднѣе въ «Русской Бесѣдѣ» 1856 года: «Джіованни Фіезольскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи». Въ 1845 году, если не ошибаюсь, Ѳедоръ Васильевичъ посѣтилъ Москву, гдѣ и сдружился со всѣми тогдашними представителями славянофильскаго направленія, но вскорѣ затѣмъ опять отправился за границу, и уже не въ одну Италію, а и въ Славянскія земли. Онъ объѣздилъ Истрію и Далмацію, Сербію и Австрійскихъ Славянъ, и его записки, интересныя и бытовыми чертами и описаніемъ памятниковъ Римскаго зодчества, помѣщены, хотя и не вполнѣ, частью въ «Московскомъ же Сборникѣ» 1847 и частью въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 года.

Въ своемъ путешествіи по Славянскимъ землямъ, какъ-то удалось ему помочь Черногорцамъ выгрузить оружіе на Далматскомъ

берегу. Это обстоятельство, а равно и посѣщеніе имъ Австрійскихъ Славянъ вызвало доносъ на него отъ Австрійскаго правительства Русскому. Въ концѣ 1847 года Ѳедоръ Васильевичъ рѣшилъ возвратиться назадъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы окончательно посвятить себя служенію ей и Русскому народу, преимущественно на поприщѣ литературномъ, въ духѣ и разумѣ того «славянофильскаго» направленія, къ которому принадлежалъ. Но только переступилъ онъ Русскую границу, какъ былъ арестованъ и увезенъ прямехонько въ Петербургъ. Тамъ подвергли его допросамъ, и были не мало удивлены достоинствомъ, благородною смѣлостью его умныхъ отвѣтовъ, словесныхъ и письменныхъ. Мнѣ самому лично удалось это слышать отъ покойнаго Л. В. Дуппельта, въ то время начальника Штаба III Отдѣленія, который отзывался о Чижовѣ съ большимъ уваженіемъ, но однакоже называлъ его при этомъ «бѣдовымъ» и «пресердитымъ». Недѣли черезъ двѣ его выпустили на свободу, но подчинили секретному полицейскому надзору. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о литературномъ трудѣ; всѣ мечты его объ изданіи журнала оказались неосуществимыми. Это было тяжелое для него время: онъ остался безъ средствъ, а надобно было жить и не зависѣть.

И вотъ Ѳедоръ Васильевичъ арендуетъ, въ долгъ, старую оставленную плантацію тутовыхъ деревьевъ около мѣстечка Триполья въ Кіевской губерніи, не вдалекѣ отъ Днѣпра, и берется за новое, совершенно незнакомое ему дѣло. Но онъ положилъ себѣ овладѣть имъ и овладѣлъ; положилъ не только добиться отъ своихъ червей отличнаго шелка, но и распространить между мѣстнымъ сельскимъ населеніемъ охоту къ этому промыслу,—добился и того и другаго. Неудачи въ началѣ не охладили его. Съ своимъ обычнымъ упрямствомъ лѣтъ пять или шесть прожилъ онъ въ этой глуши, въ совершенномъ одиночествѣ, только съ книгами и червями. Но по своему же обычаю, вѣрный своей природѣ, онъ пристрастился къ преодолѣнному имъ труду, къ созданію своихъ усилій. Года черезъ два онъ уже печаталъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ письма о шелководствѣ, вышедшія потомъ, лѣтъ черезъ 20-ть, особою книжкою,—письма, отличающіяся не только своимъ техническимъ, но и литературнымъ достоинствомъ, и въ особенности художественнымъ воспроизведеніемъ нравовъ и жизни червей. Не однимъ однакоже червямъ отдался онъ въ своемъ уединеніи, но и исторіи философіи: громадные фоліанты систематическихъ выписокъ изъ книгъ свидѣтельствуютъ объ обширности его чтенія. Для развлеченія же онъ занимался надъ собою упражненіемъ воли, подчиняя себя разнымъ придуманнымъ имъ правиламъ, отсѣкая отъ себя ту или другую привычку. Здѣсь кстати упомянуть о другомъ замѣчательномъ проявленіи его воли. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ началъ вести дневникъ, но велъ хоть и послѣдовательно, однакоже съ перерывами. Недовольный собою, онъ рѣшилъ наконецъ, что во что бы ни стало будетъ вести его ежедневно, и пребылъ вѣренъ рѣшенію, не смотря на недуги и громаду заботъ въ года его позднѣйшей Московской дѣятельности. Въ самый послѣдній день смерти, 14-го Ноября, утромъ, тяжко больной, онъ занесъ это роковое число въ свой днев-

никъ и вписалъ въ него нѣсколько строкъ. Какъ извѣстно, этотъ драгоцѣнный манускриптъ, обнимающій чуть не сорокалѣтнее пространство времени, богатый не только автобіографическими любопытными данными, но и замѣтками о событіяхъ и людяхъ, завѣщанъ имъ Румянцевскому музею съ тѣмъ, чтобы хранился запечатаннымъ еще въ теченіи сорока лѣтъ.

Послѣ Крымской войны, оживленіе, послѣдовавшее во всей Русской общественной жизни, побудило и Ѳедора Васильевича переселиться въ Москву, тѣмъ болѣе, что шелководство не дало ему средствъ для вполнѣ независимаго существованія. Все обновлялось въ то время въ Русской землѣ, все отъ теоріи переходило къ практикѣ, отъ словъ къ дѣлу, отъ чисто-литературнаго досуга къ черно-рабочему труду политическаго и соціальнаго преобразованія. Насталъ историческій чередъ и для отечественныхъ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, такъ долго пренебреженныхъ, почти безгласныхъ. Ѳедору Васильевичу было предложено заняться изданіемъ журнала для ихъ спеціальной защиты. Онъ взялся за дѣло, и цѣлый рядъ блистательныхъ обозрѣній освѣтилъ эту темную и глухую доселѣ область. Эти талантливыя статьи читались не одними спеціалистами. Русская торговля и промышленность обрѣли живой, громкій, смѣлый и въ тоже время безпристрастный голосъ. Нужно было много таланта для того, чтобы отъ міра искусствъ и отвлеченныхъ научныхъ занятій перейти къ такой противоположной, спеціальной, практической сферѣ и стать въ ней хозяиномъ; нужно было много нравственной силы, чтобы сохранить въ ней полную независимость духа, не уступить, не поддаться на обольщенія и сдѣлки. Изданіе «Вѣстника Промышленности», продолжавшееся лѣтъ пять, оказало, безъ сомнѣнія, благотворное дѣйствіе и на всю среду торговыхъ и промышленныхъ дѣятелей, съ которою сблизили Ѳедора Васильевича его занятія журналиста. Но и сблизившись съ нею, Чижовъ сохранился такимъ же, какъ былъ, и не переставалъ предъявлять ей свои строгіе нравственные запросы. Къ чести упомянутыхъ дѣятелей, они вполнѣ оцѣнили Чижова; его значеніе было авторитетно; его слово съ вѣсомъ. Его любили, уважали.... но и боялись. Скоро отъ журнала перешелъ онъ къ дѣятельности не только практической, но даже технической, и принялъ участіе въ постройкѣ Троицкой желѣзной дороги: это была первая Русская частная дорога; до того времени, какъ извѣстно, дороги строились у насъ или казною, или же знаменитою Французскою компаніей. Эта мысль воспламенила Чижова, всегда страстно готоваго работать на родную землю и родной народъ. Онъ отдался дѣлу душою и сталъ душою дѣла. Дорога вышла образцовою и по устройству, и по бережливости расходовъ, и по строгой отчетливости управленія, и по добросовѣстному соблюденію достоянія акціонеровъ. И ужъ какъ любилъ онъ эту дорогу, провелъ ее до Ярославля и Вологды и лелѣялъ еще много плановъ для обезпеченія будущей судьбы этого своего дорогаго дѣтища! Надобно было видѣть, съ какою артистическою нѣжностью составлялъ онъ свои желѣзнодорожные годовые отчеты: цѣлые томы

цифръ, процентныхъ отношеній, всякаго рода затѣйливыхъ статистическихъ выводовъ!

Потребовалось учрежденіе въ Москвѣ частнаго банковаго кредита, ибо до тѣхъ поръ торговля и промышленность поддерживались только правительственнымъ кредитомъ, т. е. государственнымъ банкомъ. Для перваго частнаго въ Москвѣ кредитнаго учрежденія необходимо было пріискать лице, котораго одно уже имя служило нравственнымъ знаменемъ. И вотъ Ѳедоръ Васильевичъ во главѣ Московскаго Купеческаго Банка. Ново и чуждо, и не вполнѣ симпатично было ему это дѣло, а при нашихъ общественныхъ нравахъ, при наклонности къ произволу, при непривычкѣ подчиняться требованіямъ закона, для всѣхъ равно одинаковаго, оно представляло особенную, серьезную трудность. Но такая борьба была ему по плечу. Онъ не только вышелъ изъ нея побѣдителемъ, но и самымъ блистательнымъ образомъ разрѣшилъ задачу. Чижову обязанъ Купеческій Банкъ, самый крупный и сильный изо всѣхъ частныхъ банковъ въ нашемъ отечествѣ, твердостью своей первоначальной основы; онъ заложилъ прочный фундаментъ частному банковому кредиту въ Москвѣ и, можно сказать, во всей Россіи; онъ установилъ образцовые порядки и показалъ примѣръ, въ торговой средѣ, строгаго соблюденія долга, не взирающаго ни на лица, ни на капиталы. Признавъ затѣмъ свою гражданскую миссію исполненною, онъ года черезъ два вышелъ изъ директоровъ Банка,—впрочемъ только для того, чтобы вновь водрузить свое честное, авторитетное знамя въ новомъ, на иныхъ началахъ возникшемъ кредитномъ учрежденіи, именно Московскомъ Купеческомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита. Въ видахъ общаго блага, нельзя не пожелать, чтобъ Чижовскія преданія въ обоихъ учрежденіяхъ оставались навсегда живы и дѣйственны....

Время шло. Я не стану исчислять другія промышленныя и торговыя предпріятія меньшей важности, въ которыхъ Ѳедоръ Васильевичъ принялъ участіе совѣтомъ и дѣйствіемъ. Его общественное значеніе росло; онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ за границей; его имя было и передъ Русскою высшею администраціей ручательствомъ за успѣхъ и правильное веденіе всякаго дѣла. Когда, послѣ продажи Николаевской желѣзной дороги иностранной компаніи, правительство приступило къ продажѣ Московско-Курской дороги, и на сей разъ оказалось возможнымъ пріобрѣсти ее уже не иностранцамъ, а Русскимъ капиталистамъ, дѣло опять не обошлось безъ Чижова. Съ нимъ вело переговоры правительство—и важная внутренняя желѣзнодорожная линія удержалась въ Русскихъ рукахъ. Ставъ во главѣ новаго предпріятія, Чижовъ сохранилъ за собою предсѣдательство въ правленіи этой дороги до самой кончины. Участіе въ товариществѣ, купившемъ дорогу, сулило громадныя выгоды, и молва скоро провозгласила Ѳедора Васильевича милліонеромъ, забывая или не зная, что по условію съ иностранными банкирами, съ помощью которыхъ совершена была покупка, акціи дороги могли быть пущены въ продажу и обращены въ деньги не ранѣе какъ черезъ 18 лѣтъ, —т. е. тогда, когда Чижову было бы свыше 80! Слѣдовательно, не на личное пользованіе этими милліонами могъ разсчиты-

вать Ѳедоръ Васильевичъ, а питалъ въ душѣ иной замыселъ, какъ и оказалось впослѣдствіи. Весь этотъ будущій, дѣйствительно огромный, двухмилліонный, если не болѣе, капиталъ завѣщанъ имъ городу Костромѣ для устройства высшаго техническаго учрежденія въ крупныхъ размѣрахъ, и еще четыремъ городкамъ Костромской губерніи для четырехъ вспомогательныхъ ремесленныхъ училищъ.

Само собою разумѣется, что и безъ реализаціи этихъ акцій, продолжительное участіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ поставило его въ положеніе человѣка не только независимаго, но даже съ богатыми средствами. Но прибыль средствъ не измѣнила ни его вкусовъ, ни его привычекъ, и мало сказалась на его внѣшнемъ образѣ жизни. Объ его комфортѣ и удобствахъ заботились сами его друзья и навязывали ихъ ему почти насильно и самовольно. Самъ онъ тратился почти исключительно на книги, на вспоможеніе нуждающимся пріятелямъ, и домъ его былъ всегда пристанищемъ для пріѣзжающихъ въ Москву родныхъ и дорогихъ ему лицъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ свелъ свои счеты: въ результатѣ оказался свободный капиталъ тысячъ въ 200. Но совѣстнымъ показалось Ѳедору Васильевичу имѣть у себя такую крупную сумму. «Терпѣть «не могу деньги—говорилъ онъ мнѣ,—не могу привыкнуть считать «ихъ своею собственностью; они требуютъ употребленія,—этой силѣ «нужно дѣло»...—И вотъ онъ затѣваетъ предпріятіе, въ высшей степени общеполезное, важное, способное оживить нашъ бѣдный, заброшенный Сѣверный край. Онъ учреждаетъ Общество пароходнаго плаванія вдоль Мурманскаго берега, и не смотря на предостереженія друзей, на собственное убѣжденіе, что выгодъ отъ такого Общества позволительно ожидать развѣ только въ самомъ отдаленномъ будущемъ,—ввергаетъ въ дѣло всѣ свои 200 тысячъ! Предпріятіе оказалось не только не прибыльнымъ, но убыточнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Чижовъ не могъ принять въ управленіи никакого участія. Ѳедоръ Васильевичъ счелъ однакоже долгомъ совѣсти не отставать отъ рѣшенія задачи, и для поддержанія Общества, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, заложилъ почти всѣ, еще остававшіяся у него свободными, процентныя бумаги. Такимъ образомъ этотъ пресловутый богачъ оставилъ послѣ себя лишь тысячъ до двухъ наличныхъ денегъ и на значительную сумму долговъ, по уплатѣ которыхъ образуется, въ пользу его наслѣдниковъ, лишь весьма скромное достояніе!...

Неимовѣрные труды и заботы, сопряженные съ его общественною дѣятельностью въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ его жизни, не мѣшали ему однако же помѣщать отъ времени до времени статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, слѣдить за Русскою и иностранною литературою, вести обширную и послѣдовательную, самую разнообразную переписку, напримѣръ хоть бы съ товарищемъ юности, ученымъ и поэтомъ Печеринымъ, сперва профессоромъ, а потомъ католическимъ священникомъ въ Дублинѣ,—подъ старость разочаровавшимся во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, не исключая и католицизма. Вообще, какъ ни былъ Ѳедоръ Васильевичъ заваленъ дѣломъ, онъ удивительнымъ образомъ всегда находилъ время заботиться, даже

до мелочей, о всѣхъ, кого онъ любилъ, и притомъ заботиться умно, внимательно, соотвѣтственно нравственному характеру каждаго. Рѣдко кто изъ друзей, выходя отъ Чижова, не выносилъ на своей душѣ бодрый слѣдъ его внутренней силы. Нельзя не упомянуть притомъ, что, въ самый разгаръ своей дѣловой поры, онъ удосужился, изъ уваженія къ памяти Гоголя, заниматься изданіемъ и продажею его сочиненій, и акуратнѣйшимъ образомъ доставлять выручку родной сестрѣ и другимъ наслѣдникамъ писателя: всѣ послѣднія три изданія Гоголя—дѣло Чижова, не исключая и корректуры!

Странную, пеструю смѣсь книгъ и бумагъ, самаго противоположнаго свойства, представлялъ письменный столъ Ѳедора Васильевича: вѣрное отраженіе его собственнаго внутренняго многосторонняго содержанія. Неоднажды былъ озадаченъ иной «дѣятель на поприщѣ экономическихъ интересовъ», когда, обращаясь къ нему, какъ къ опытному, знаменитому «практику», чуждому безъ сомнѣнія «узкихъ» или «идеальныхъ» требованій нравственности, встрѣчалъ въ немъ самый горячій, молодой отпоръ и подвергался вспышкѣ его оскорбленнаго нравственнаго чувства. «Дѣятель» готовъ былъ бы назвать его мечтателемъ, сумасбродомъ, enfant terrible, еслибы такому заключенію не противорѣчилъ блистательный практическій успѣхъ всякаго дѣла, за которое только брался Чижовъ. На оборотъ, къ этому «практическому человѣку», къ этому старому дѣльцу, можно было смѣло обратиться съ такого рода честною мыслью или предположеніемъ, которое на языкѣ пошлой, дешевой мудрости было бы непремѣнно обозвано безуміемъ, дѣтскою затѣей, фантастическимъ предпріятіемъ. Когда въ Октябрѣ 1875 года, генералъ Черняевъ пріѣхалъ въ Москву съ тѣмъ чтобъ найти средства для своей поѣздки и для снаряженія цѣлой роты добровольцевъ въ Черногорію, на помощь возставшимъ Герцеговинцамъ, я поспѣшилъ сообщить этотъ планъ—не кому другому, какъ именно Ѳедору Васильевичу Чижову. Внимательно и сурово выслушавъ меня, этотъ убѣленный сѣдинами практикъ прямо отвѣтилъ мнѣ, что дѣло это надо постараться непремѣнно исполнить. «Будетъ ли, не будетъ ли отъ этого польза для Герце«говинцевъ, сказалъ онъ, это другой вопросъ: главное въ томъ, что та«кой поступокъ со стороны Русскаго общества подниметъ его соб«ственный нравственный уровень, возвыситъ его въ собственномъ со«знаніи, выбьетъ изъ пошлости, которая его душитъ». Это предпріятіе, какъ извѣстно, въ то время не состоялось.

Работа надломила наконецъ желѣзную крѣпость его организма. Уже нѣсколько лѣтъ болѣлъ онъ разными недугами, и медики утверждали, что онъ живетъ только энергіей воли. 14 Ноября поздно вечеромъ, когда повидимому онъ чувствовалъ себя лучше, среди разговора о своихъ предположеніяхъ въ будущемъ, онъ скончался внезапно отъ аневризма. Смерть была мгновенна. Я видѣлъ его черезъ полчаса послѣ смерти. Онъ сидѣлъ въ креслахъ мертвый, съ выраженіемъ какой-то мужественной мысли и безстрашія на челѣ, не какъ рабъ лѣнивый и лукавый, а какъ рабъ вѣрный и добрый, много потрудившійся, много любившій,—мужъ сильнаго духа и дѣятельнаго сердца.

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ НА

ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

Большой иллюстрированный журналъ съ безплатнымъ приложеніемъ «Иллюстрированной хроники войны».

Съ 1-го Января 1878 г. журналъ «Всемірная Иллюстрація» начнетъ X годъ (т. е. Томы XIX и XX) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые годы, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ).

Программа «Всемірной Иллюстраціи»:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.— II. Внутреннія извѣстія. Портреты и жизнеописанія Русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—III. Изящная словесность. Повѣсти, разсказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—IV. Науки и художества. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—V. Прикладныя науки и промышленность. Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр.—VI. Критика и библіографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—VII. Театральный и музыкальный обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., Русскихъ и иностранныхъ. Музыкальныя пьесы (ноты).—VIII. Смѣсь и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX. Фельетонъ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр. — X. Юмористическій листокъ. Каррикатуры.—XI. Шахматныя задачи, ребусы и т. п.—XII. Частныя объявленія.

Въ случаѣ продолженія Россійско-турецкой войны въ 1878 г., Редакція «Всемірной Иллюстраціи» будетъ продолжать давать своимъ подписчикамъ безплатно, при каждомъ нумерѣ своего изданія, отдѣльное приложеніе, подъ названіемъ: «Иллюстрированная Хроника Войны». Гг. новые подписчики, не выписывавшіе «Всемірной Иллюстраціи» за 1877 г. и, стало быть, не имѣющіе нумеровъ «Иллюстрированной Хроники Войны», вышедшихъ въ 1877 г., могутъ получить таковые по уменьшенной цѣнѣ, именно: I-й томъ въ бумажкѣ за 6 р., съ перес. 8 р.; въ коленкоровомъ переплетѣ за 8 р., съ перес. 10 р. с.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

*

1877 годъ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки **Г. С. Винскаго**. Взятіе Карса въ 1828 (изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева**). Бумаги контръ-адмирала **Истомина**. Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго**. Старая Записная Книжка. Записки **графа А. И. Рибопьера**. Цѣна 3 рубля.

1877 годъ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записка **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ. Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая). Н. И. Второвъ (очерки провінціальной умственной жизни), статья **М. Ѳ Де-Пуле**. Самаринъ-ополченецъ. Воспоминаніе объ А. П. Елагиной. Разсказы **Толычовой**. Цѣна 3 рубля.

1877 годъ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о Французской революціи **князя А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго**. Записки **короля Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи. Дневникъ **графа А. Г. Бобринскаго**. Записки декабриста **П. И. Фаленберга**. Депеши изъ Парижа **князя А-я Б. Куракина**. Разсказы **графа М. А. Мамонова**. Записки о войнѣ 1829 года **И. Г. Поливанова**. Цѣна 3 рубля.

Тамъ же можно получать четыре тома Осмнадцатаго Вѣка и два тома Девятнадцатаго Вѣка, по три рубля каждый.

Лица, желающія выписать 1873, 1874, 1875, 1876 и 1877 годы Русскаго Архива и томы Осмнадцатаго и Девятнадцатаго Вѣковъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

ТАМЪ ЖЕ

(ПО ОДНОМУ РУБЛЮ, ПЕРЕСЫЛКА ЗА ОДИНЪ ФУНТЪ)

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,

сочиненіе профессора Ранке. Переводъ П. И. Бартенева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: *Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ шестнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1877 годовъ Русскаго Архива

(Въ 1874 году Русскій Архивъ составлялъ двѣ большія книги, а въ 1875, 1876 и 1877 годахъ по три).

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—50 писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми его стихами.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи.—Письма **лорда Мальмсбюри**.—Записки **князя Θедора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Θедоровича Тимковскаго**. — Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго** —Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Цѣна 4 рубля.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Θ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **графини Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

*

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья **князя П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года). Сборникъ неизданныхъ стихотвореній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

*

1877 годъ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки **Г. С. Винскаго**. Взятіе Карса въ 1828 (изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева**). Бумаги **контръ-адмирала Истомина**. Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго**. Старая Записная

(См. на внутренней сторонѣ задней обертки).

Дворцовое распоряженіе императрицы Екатерины Второй.

УКАЗЪ НАШИМЪ ПРИДВОРНОЙ И КОНЮШЕННОЙ КОНТОРАМЪ.

Хотя мы сначала нашего царствованія уже запретили, чтобъ никто при дворѣ нашемъ изъ ливрейныхъ нашихъ служителей, какого бъ званія ни былъ, никѣмъ и ничѣмъ битъ не былъ; но нынѣ увѣдомились мы, къ немалому удивленію нашему, что, не смотря на сіе наше повелѣніе, воля наша не исполняется, и паки при дворѣ нашемъ возобновилась злая привычка ливрейныхъ служителей бить. Мы, имѣвъ въ омерзеніи всѣ суровости, отъ невѣжества рожденныя и выдуманныя, чрезъ сіе накрѣпко запрещаемъ, подъ опасеніемъ нашего гнѣва, всѣмъ до кого надлежитъ, ливрейныхъ нашихъ служителей, какого бъ званія при дворѣ нашемъ ни находились, отнюдь никогда и ничѣмъ не бить. Естьли же кто изъ нихъ впадетъ въ большое преступленіе, какъ то: воровство и протчее, тѣхъ, снявъ ливрею, отослать къ гражданскому суду; пьяницъ же, нерадивыхъ или непослушливыхъ стараться должно исправить: 1-е кротостію; естьли то не помогаетъ, 2-е держаніемъ подъ арестомъ; 3-е наказаніе будетъ двусуточное сажаніе на хлѣбъ и воду. Потерявъ же надежду къ исправленію такого человѣка, должно, снявъ съ него ливрею, при товарищахъ его, и прочтя ему за что оное чинится и по чему онъ не достоинъ ее носить, отпустить его отъ двора или отослать въ военныя команды, смотря по винѣ и состоянію его. Изъ точнаго исполненія сего нашего указа воспослѣдуетъ, что, чувствуя милосердіе и человѣколюбіе наше, каждый стараться будетъ исполнять должность свою съ наивящимъ усердіемъ и радѣніемъ. Господа же командиры, съ правосуднымъ безпристрастіемъ, не оставятъ, когда мѣста опорожнятся, производить и награждать по степенямъ, обычнымъ при дворѣ нашемъ, тѣхъ, кои добрымъ и безпорочнымъ поведеніемъ того достойнѣе окажутся, не смотря ни на какія посторонния ходатайствованія и происки, чрезъ что порядокъ нами желаемой въ домѣ нашемъ утвердится и сохранится къ удовольствію нашему А дабы никто невѣдѣніемъ о семъ нашемъ повелѣніи не отговаривался, то повелѣваемъ сіе въ помянутыхъ командахъ всѣмъ служителямъ объявить.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

6-го Мая 1771-го года.
Царское Село.

(Указъ этотъ сохранился въ спискѣ въ домашнемъ архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева).

Изъ бумагъ фельдмаршала князя Суворова.

I. Письмо Суворова къ статсъ-секретарю Турчанинову.

Херсонъ. Января„ „дня 1793 года.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ! [1]) Александръ и Битюгъ открыли прошлую войну. День и ночь я былъ всемѣстенъ, доколѣ въ правду таки подъ Кинбурномъ подрались. Преоборать нечаянность готовностью, укрѣпить границы по высочайшей волѣ; денегъ превеликія суммы, и теперь паки 12000 червонцевъ князю Кантакузину посреди мира.

Изъ всеподданнѣйшаго донесенія приложенное исключилъ, какъ еще Николай Семеновичъ [2]) самъ не готовъ, а морское не до меня.

Пункты мнѣ издревле знакомы. Лично обозрѣть мнѣ былъ непрестанный недосугъ. Деволанъ, Князевъ и Фемерсъ работаютъ. Проэкты чрезъ недѣлю пошлю; они хороши, но драгоцѣнны.

Кончу халдействомъ. Мечтаютъ Стамбульцы, Селимъ будетъ счастливъ въ войнѣ своей, а прошедшая была Абдулъ-Гамидова. Сказывалъ мнѣ Константинъ Маврокордато (котораго въ покровительство поручаю, какъ достойнаго человѣка), взимая изъ пророчества: подобно птица Шагинъ-гирею или Соколу предвѣщала быть султаномъ. Вздоръ, но барабанъ. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства, покорнѣйшій слуга графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

II. Письмо Суворова къ И. И. Северину [3]).

Херсонъ. Января „ “ дня 1793 года.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ! Что̀ дѣлаетъ нашъ Семонвиль съ его Тулоно-Марсельскими кораблями и двумя милліонами, для подвига Турокъ къ войнѣ? Туда ваша прозрачность подручнѣе моей.

Извѣстія мои въ С. П. Б. прилагая, добавлю. Г-нъ Маврокордато здѣсь мнѣ сказывалъ: Турки, по сновидѣнію или иному пророчеству, вѣрятъ, Селимъ будетъ счастливъ въ войнѣ своей, а прошедшая была чужая, т. е. Абдулъ-Гамидова. Какъ отъ искры бываетъ пожаръ, то и такія бездѣлицы не презирайте, полагайте разнымъ слухамъ съ ихъ послѣдствіями соображеніе ваше и увѣдомляйте меня; берегите границу, предваряйте меня о наималѣйшихъ причинахъ къ сосѣдственной остудѣ отъ войскъ и прекращайте оныя по благоразумѣнію вашему. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего высокоблагородія покорный слуга

графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

---

[1]) Что это—Турчаниновъ, есть наша догадка; въ подлинникѣ формальнаго имени не видать. П. Б.

[2]) Мордвиновъ, начальникъ Черноморскаго флота.

[3]) Нашему генеральному консулу въ Молдавіи и Валахіи.

III. Два письма къ Суворову князя П. А. Зубова.

1.

Милостивый государь графъ Александръ Васильевичъ! Ея Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ главное управленіе Екатеринославской губерніи и области Таврической. Вступивъ въ дѣйствительное отправленіе сего высочайше возложеннаго на меня званія, долгомъ поставляю извѣстить о семъ ваше сіятельство, яко главнаго начальника войскъ, коему ввѣрены цѣлость и безопасность предѣловъ сихъ губерній, прося быть увѣреннымъ, что вы найдете меня всегда готовымъ споспѣшествовать пользѣ общихъ дѣлъ, и въ случаѣ надобности вѣрно считать можете на всѣ тѣ пособія, какія токмо начальствованіе мое можетъ вамъ доставить. Я не токмо самъ буду пещися, дабы вы могли получать во всякое время таковое по части вамъ ввѣренной способствованіе, но и господамъ губернаторамъ, а чрезъ нихъ и прочимъ, кому надлежитъ, предписать не оставлю, дабы во всякомъ случаѣ подавали вамъ руку помощи, исполняя требованія ваши, поколику отъ нихъ зависѣть будетъ, безостановочно. Вслѣдствіе сего и можете ваше сіятельство во всѣхъ для войскъ вамъ подчиненныхъ надобностяхъ, кои отъ земли могутъ быть заимствованы, относиться къ господамъ губернаторамъ, извѣщая о требованіяхъ вашихъ и меня, дабы иногда, въ случаѣ какого либо по обстоятельствамъ затрудненія, можно было немедленно разрѣшить оное. Симъ средствомъ утвердится нужная и высочайше повелѣнная связь между вами и земскимъ начальствомъ, и служба пріобрѣтетъ чрезъ то существенную пользу. Сіе есть постоянное желаніе того, который съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣетъ честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга графъ Платонъ Зубовъ. Въ Царскомъ Селѣ, Августа 2 дня 1793 года.

2.

Милостивый государь графъ Александръ Васильевичъ! За почтенное письмо вашего сіятельства, при которомъ вы препроводить ко мнѣ изволили карту расположенія войскъ, подъ знаменитымъ начальствомъ вашимъ состоящихъ, и за многія другія въ разныя времена мною полученныя, приношу вамъ искренную признательность. Раздѣленіе вашей горести о потерѣ моего родителя и изъявленіе благоволенія вашего къ новому союзу, который сверхъ особливыхъ моихъ чувствій приближаетъ меня еще къ вамъ болѣе [1]), подтверждаютъ то благосклонное ваше ко мнѣ расположеніе, коего я видѣлъ всегдашніе опыты, и которое всемѣрно буду стараться сохранить съ моей стороны во всей его силѣ, увѣряя ваше сіятельство, что какъ въ собственномъ моемъ, такъ и по службѣ найдете вы меня во всякое время готовымъ на угодное вамъ, поставляя дѣлать пріятное вамъ и долгомъ и удовольствіемъ. Имѣю честь быть впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга графъ Платонъ Зубовъ. Въ Санктпетербургѣ, Апрѣля 24 дня 1795 года.

---

[1]) Бракъ старшаго брата фаворитова, графа Николая Александровича, съ дочерью Суворова.

IV. Письмо къ Суворову М. Л. Голенищева-Кутузова.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, графъ Александръ Васильевичъ! Тайный совѣтникъ Мордвиновъ, полномочный министръ нашъ при республикѣ Венеціанской, увѣдомляетъ за вѣрное отъ 7-го (18-го) Іюля, что извѣстный Анжели (объ которомъ ваше сіятельство уже отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Хвостова предувѣдомлены), намѣренъ прямо изъ Рагузы отправиться въ Таврію, для произведенія въ дѣйство своихъ злыхъ намѣреній, имѣя при себѣ достаточное число денегъ [5]). Не думаю я, чтобы онъ отважился вступить въ Таврію, но полагаю намѣреніе его на Анапу, и въ семъ случаѣ коварствы его конечно отъ вашего сіятельства не укроются.

Во время продолженія пути моего [6]) не примѣчаю я никакого въ землѣ движенія, какое либо безпокойство означающаго. Знатной прибавки войскъ въ Бессарабскія крѣпости или къ Дунаю нѣтъ.

Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ. Бухарестъ, Августа 4-го дня 1793.

V. Письмо къ Суворову М. Н. Кречетникова.

Милостивый государь мой графъ Александръ Васильевичъ! Покореніе Каменца Подольскаго скипетру великой нашей Самодержицы, въ 21-й день сего мѣсяца, доставляетъ мнѣ пріятнѣйшее удовольствіе принести искреннѣйшее мое поздравленіе вашему сіятельству, яко соучастнику и любителю всѣхъ полезныхъ для Отечества дѣлъ, какъ съ занятіемъ сей важной крѣпости, такъ и вообще съ знаменитымъ и обширнымъ для Россіи пріобрѣтеніемъ; а при томъ и признательнѣйше благодарить васъ, милостивый государь мой, за почтеннѣйшее ваше писаніе и за таковое же поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ здѣшнихъ происшествій, о которыхъ тѣмъ пріятнѣе мнѣ извѣстить ваше сіятельство, что нигдѣ не употреблено и золотника пороха, и все кончилось съ желаемою тишиною и спокойствіемъ. Теперь новая граница опредѣляется Днѣстромъ, и слѣдственно прежняя съ Польшею не больше существуетъ, какъ въ разсужденіи таможень, остающихся до нѣкотораго времени въ прежнемъ положеніи. Я съ моей стороны сдѣлалъ нужное въ томъ распоряженіе. Остается на благоизволеніи вашего сіятельства снять и послѣдніе по старой границѣ форпосты, кои отъ войскъ начальства вашего содержаны были, поколику оные теперь уже не нужны. За симъ покорнѣйше прошу, милостивый государь мой, быть удостовѣреннымъ о совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими я навсегда имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Михаилъ Кречетниковъ. Апрѣля 24 дня 1793 года. Мѣстечко Лобунь.

VI. Письма къ Суворову отъ резидента Хвостова изъ Царьграда.

1.

Эмиссара Французскаго Декорша въ скорости сюда ожидаютъ; надѣюсь, что уже изволили получить хотя одно изъ донесеній моихъ,

[5]) Свѣдѣнія объ Анжели см. ниже, стр. 146 и Р. Архивъ 1876, I, 165 и 166.

[6]) Въ Царьградъ, куда Кутузовъ (впослѣдствіи князь) ѣхалъ посломъ.

моремъ отправленныхъ и потому изволите заключить, что не оставятъ здѣсь употребить всѣхъ интригъ къ достиженію предмета республики, чрезъ разорваніе съ нами связи. Подѣленіе Польши, не нравящееся естественно здѣсь, есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ сильнѣйшихъ пунктовъ, который употребится. Порта боится Французовъ, и Англійскій посолъ здѣшній, всегдашній нашъ непріятель, не престаетъ, можетъ быть, и въ противность видовъ двора своего, инсинуировать, что Англія не будетъ воевать противъ Франціи. Дай Богъ, чтобы онъ во лжи изобличился; въ противномъ случаѣ опять Порта ожидать будетъ Трюгета и эскадръ, и потому преклонитъ ухо ко всѣмъ внушеніямъ. Я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству, что наше съ Портою согласіе зависитъ отъ успѣховъ противъ Французовъ. $^{14}/_{25}$ числа сего мѣсяца капитанъ-паша имѣлъ церемоніальный обыкновенный свой выѣздъ, и 7 линейныхъ кораблей съ 8 большими и малыми фрегатами стоятъ въ каналѣ, готовые къ выѣзду, какъ вѣроятно, въ Бѣлое море, но кажется не прежде выдетъ флотъ сей, какъ по полученіи извѣстія о размѣнахъ пословъ обоюдныхъ. Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Александръ Хвостовъ. Пера, 20 Мая 1792 года.

2.

Одинъ слухъ о бытіи вашемъ на границахъ сдѣлалъ и облегченіе мнѣ въ дѣлахъ и великое у Порты впечатлѣніе; одно имя ваше есть сильное отраженіе всѣмъ внушеніямъ, кои отъ стороны зломыслящихъ на преклоненіе Порты къ враждованію намъ дѣлаются.

За счастіе зависимость мою отъ вашего сіятельства почитая и всѣми образами ревнуя удостоиться благоволенія вашего, какъ онаго со шпагою въ рукахъ подъ непобѣдимымъ начальствомъ вашимъ, милостивый государь, въ Измаилѣ удостоился, потщуся покорнѣйшимъ донесеніемъ о происходящемъ здѣсь исполнить мою должность.

Изъ приложеннаго при семъ въ копіи письма изъ Вѣны изволите усмотрѣть намѣренія Французовъ. По сіе время въ пользу ихъ видима только одна потачка своевольнымъ, но ничего большаго нѣтъ. Слабость, въ которую ваше сіятельство такъ много пособили привести Порту, и во всѣхъ частяхъ неготовность ея и несостояніе, порукою за нее, что она не отважится нынѣ ничего противупоставить побѣдоносному мечу вашему.

Рассыхъ-Мустафа-эфенди, чрезвычайный посолъ къ высочайшему двору, выѣдетъ отсюда чрезъ два дня и потомъ чрезъ 10, т. е. къ 30-му числу сего мѣсяца, будетъ въ Адріанополь. Пера, 16 Января 1793 года.

3.

Здѣсь получено письмо, писанное изъ Херсона, отъ одного Француза къ одноземцу своему, изъявляющее не только удовольствіе у насъ живущаго о успѣхахъ сумасбродныхъ его одноземцовъ, но и увѣренія, будто много и въ самомъ Херсонѣ такихъ, кои мыслятъ сходно съ возмутителями покоя отечества и врагами законнаго своего государя. Сіе, естественно, разумѣется о чужестранцахъ. Я не могъ свѣдать по сіе время объ имени писавшаго, но за долгъ поставилъ вашему сіятельству донести. Мнѣ извѣстно, что и прежде принимались у насъ мѣры къ изслѣдованію подобныхъ корреспонденцій.

Сообщено мнѣ отъ г. Лизакевича, Ея Императорскаго Величества повѣреннаго въ дѣлахъ въ Генуѣ, что адмиралы Французскихъ эскадръ получили приказы нападать въ Бѣломъ и Средиземномъ моряхъ на купеческія суда, подъ флагомъ Россійскимъ. Сіе не въ одномъ видѣ томъ дѣлаться можетъ, чтобъ торговлею нашею воспользоваться; она невелика; но чтобъ атакуя наши суда въ водахъ Порты, помутить насъ съ нею. И на сей-то конецъ жертвуютъ всею Французскою на Левантѣ коммерціею, которая вовсе пресѣчется, какъ скоро начнутся репресальи.

Здѣсь по сіе время все спокойно; Порта повторяетъ увѣренія свои, что не ·предпріиметъ ничего противнаго интересамъ высочайшаго двора и что флотъ готовится тотъ только, который обыкновенно въ Бѣлое море всякій годъ отправляется. Предувѣдомили меня потомъ, что весною пойдутъ 12 судовъ ихъ малой флотиліи въ Черное море въ Варну; что 6-ть останутся тамъ для нагрузки хлѣбомъ, а 6-ть пойдутъ за тѣмъ же по Дунаю, въ Браиловъ. Пера, 1-го Февраля 1793 года.

4.

Состояніе дѣлъ нынѣ лучшимъ становится. Неистовые Французы предупредилили Англію объявленіемъ войны, а симъ, собственнымъ ихъ видамъ противнымъ, подвигомъ принудятъ ускорить выходъ въ море эскадръ, коихъ нѣтъ сомнѣнія, чтобъ три не были нынѣшнею весною въ океанѣ и Средиземномъ морѣ, т. е. Англійская, Испанская и Голландская. Эскадры Французскія къ берегамъ своимъ пошли и оставили предпріятіе на Сардинію и Италію. Въ Декабрѣ и Январѣ обстоятельства были критическія, а именно: впаденіе Французовъ въ Нидерланды Австрійскіе послѣ внезапнаго отступленія герцога Браун-швейгскаго, державшаго всю армію Французскую въ осадѣ въ Аргонскомъ лѣсу въ Шампаніи, впаденіе другаго корпуса въ Савоію, со всѣхъ сторонъ множество городовъ отдающихся безъ сопротивленія, извѣстіе здѣсь о данной Семонвилю инструкціи идти съ флотомъ къ Дарданеламъ и угрозами и подарками довести Порту къ разрыву съ Императорскими дворами, явная преданность анархіи здѣсь живущихъ Французовъ, коимъ вялое правленіе Турецкое потачку дѣлало, появленіе великаго числа Якобинцевъ внутри самой земли, какъ-то всѣхъ почти Фанаріотскихъ Грековъ, да и изъ Турокъ многихъ; все сіе заставляло иногда къ худому видѣть возможность, особливо потому, что, по слабости своей, не могла бы Порта угрозъ Франціи не устрашиться и силою отразить силу. Но нынѣ, когда вооруженіе всей Нѣмецкой земли обращается гораздо сильнѣе прежняго на бунтовщиковъ, прежняго слабѣйшихъ, когда король Прусскій, не только не мыслящій объ особой какой сдѣлкѣ, наиположительнѣйшія чрезъ министра своего Портѣ увѣренія сдѣлать приказалъ, что онъ въ намѣреніи наказать мятежниковъ непремѣненъ и ни подъ какимъ видомъ не отдѣлитъ интересовъ своихъ отъ интересовъ обоихъ Императорскихъ дворовъ; когда извѣстно, что Россія съ Англіею въ коалиціи, когда Испанія и Голландія, а тогда уже и всѣ наиважнѣйшія государства Европы, на укрощеніе сего мятежа и наказаніе сихъ законнаго своего государя палачей подвинутся: тогда самая тажъ слабость Порты намъ порукою, что не захочетъ она добровольно выйдти изъ настоящаго своего состоянія тишины, толико ей нужной и для внутреннаго устройства, нарушаемаго часто внутрь предѣловъ

ея, какъ то нынѣ бунтующимъ въ Албаніи Скутарскимъ Магмутъ-пашею, и для приведенія въ состояніе обороны открытыхъ ея границъ. На мѣсто Семонвиля обѣщаютъ сюда, по тайнымъ изъ Парижа извѣстіямъ, нѣкоего другаго эмиссара, котораго интриги тогда только могли-бъ имѣть здѣсь вліяніе, когда-бы, чего Боже сохрани, успѣхи дерзкихъ его согражданъ превозмогли непреодолимыми кажущіяся повсемѣстныя усилія. Вскорѣ открыться имѣющее свободное судовъ по Черному морю плаваніе подастъ способъ чрезъ краткое время донесенія мои доставлять и получать повелѣнія вашего сіятельства, буде оными удостоюсь; нижайше прошу почтить меня только вашею довѣренностію.

Не оставили-бъ Французы и другіе неблагонамѣренные Порту и положеніемъ нынѣшнимъ Польскихъ дѣлъ разстрогать; но первые, какъ я доносилъ, при непредвидимой только удачѣ въ томъ успѣли бы, а другіе не будутъ сильны произвести многаго.

Вѣдомость о числѣ Турецкаго флота, каковая прилагается здѣсь, отправлена отъ меня и къ его высокопревосходительству господину вице-адмиралу Мордвинову. Пера, 1 Марта 1793 года.

5.

Дабы получить свѣдѣніе о внутреннемъ состояніи войскъ нашихъ и морскихъ силъ, отправятся отсюда яко шпіоны два Француза. Они на большой лодкѣ съ фруктами поѣдутъ, безъ сомнѣнія переодѣтые, въ Акерманъ, Очаковъ, Херсонъ, и за извѣстіе (буде обстоятельное привезутъ) обѣщано имъ 7500 піастровъ, кромѣ барыша отъ продажи товаровъ ихъ.

Состояніе политическое здѣсь зависитъ отъ удачи или неудачи возмутителей Французовъ и имъ подобныхъ, и тогда къ разорванію мира развѣ подвинута Порта будетъ, а собственно отъ себя отнюдь о томъ не мыслитъ. Вооруженія у насъ продолжающіяся крайне безпокоятъ Турокъ; мнѣ бы желалось, буде-бъ то угодно было в. с—ву, чтобы слухъ прошелъ, что вооруженія наши остановились: сіе бы тотчасъ сюда чрезъ купеческіе суда дошло. Пера, 16 Марта 1793 года.

6.

Начатая кампанія отъ 1 Марта новаго стиля сотрудникомъ вашего сіятельства принцемъ Кобургомъ, изгнавшимъ въ 25 дней Французовъ отвсюду, куда безъ помѣшательства въ 5 мѣсяцевъ они пробрались, произвела большую перемѣну; и уже самые злые здѣсь Якобинцы до того дошли, что готовы признать Лудовика XVII королемъ, лишь-бы герцога Орлеанскаго не признать диктаторомъ. Благослови Богъ оружіе соединенныхъ державъ, и скораго конца всему ожидать должно, а тогда и вѣрности, что Порта, объявившаяся нынѣ нейтральною, всѣми силами стараться будетъ хранить согласіе, коего нарушеніе вѣдаетъ она, чего ей съ 1768 года стоитъ. Отсрочка пріѣзда нашего чрезвычайнаго посла и слухи о продолжающемся у васъ вооруженіи къ большимъ вѣстямъ здѣсь поводомъ были; извѣстіе о прибытіи перваго успокоитъ теперь Порту и насчетъ втораго. Буде дѣленіе Польши послѣдуетъ, то опасаюсь, чтобъ оное, а особливо образъ онаго, чего ни есть не произвелъ, но думаю, что во всякомъ случаѣ далѣе экспликацій не дойдетъ. Изъ флота Турецкаго, 8 линейныхъ кораблей вооруженныхъ для выхода съ капитанъ-пашею въ

Бѣлое море, выбранные изъ всего флота, не даютъ великаго понятія о морской Оттоманской силѣ.

Отсюда отправлены шпіонами два Француза; оные подлинно, какъ увѣряютъ, уже уѣхали, и одинъ изъ нихъ нѣкто Моберъ, служившій на судахъ купеческихъ капитаномъ и писаремъ: онъ роста средняго и плотенъ, смуглъ, черноволосъ и круглоликъ. Они поѣхали сперва въ Галацъ, оттуда въ Очаковъ, Херсонъ и прочее. Съ послѣднею почтою получены здѣсь два письма, одно изъ Херсона, отъ Француза Гереня къ Торону, а другое изъ Козлова отъ нѣкоего Сорона къ Переню; хотя сіи письма ничего кромѣ купеческихъ сношеній не имѣютъ, но оба здѣшніе Французы, а особливо послѣдній, сильные республиканцы. Пера, 16 Апрѣля 1793 г.

7.

Нѣкто Анжели, бывшій въ нашей службѣ карабинернаго полка полковникомъ, выгнанный изъ Россіи за измѣну въ 1774 году, отправленъ будетъ отъ Жакобинскаго клуба съ сыномъ его и пятью человѣками въ Россію, ради произведенія Французской революціи. Въ поданномъ отъ него планѣ тайному Жакобинскому комитету онъ предлагаетъ отправиться въ Константинополь, откуда чрезъ Кубань удобно пробраться можетъ внутрь Россіи и начать свои дѣйствія въ отдаленныхъ отъ столицы провинціяхъ. Для произведенія своего плана требовалъ милліонъ ливровъ золотою или серебряною монетою. Онъ скоро отправится изъ Парижа уповательно чрезъ Анкону, или-же на суднѣ поѣдетъ изъ Марселя или изъ Тулона прямо. Г. Лизакевичъ описываетъ примѣты его и сына: отецъ роста средняго, толстъ, круглое и широкое лицо, бѣлокуръ, говоритъ порусски и многими другими языками. Сынъ былъ у насъ при дворѣ пажемъ, говоритъ изрядно порусски, имѣетъ около 28 лѣтъ. Поелику сей плутъ былъ у насъ, то несомнѣнно найдутся многіе, кои его лично знаютъ. Мнѣ остается только донести о семъ в. с—ву, что̀ и исполняю дубликатомъ, и представить, что я уже никуда и ни къ кому изъ частныхъ пограничныхъ начальниковъ не отношусь, вѣдая, что всѣ они мудрыми в. с—ва повелѣніями снабжены будутъ. Буде появится здѣсь сей эмиссаръ или вновь что о немъ свѣдаю, донести не упущу. Желалъ-бы я, чтобъ чрезъ Анкону онъ путь свой принялъ, ибо взяты тамъ мѣры не допустить его далѣе и схватить. Пера, 6-го Мая 1793 г.

8.

Повелѣніе вашего сіятельства, данное объ отпускѣ серальскаго портнаго Георгія Будговы и причины, кои вы изволили удостоить меня сказать для чего то дѣлается, достойны васъ, милостивый государь. Въ древнія времена печати и памяти потомковъ примѣры такіе предавались. Здѣсь особливое то, что вмѣстѣ съ Портою однимъ симъ подвигомъ и меня увѣдомлять изволите, что бояться намъ нечего со стороны флота, такъ какъ одно извѣстіе о прибытіи вашемъ на границы достаточно и меня и Порту и всѣхъ увѣрило, что гораздо лучше для послѣдователей Магомета сидѣть смирно.

Работы въ крѣпостяхъ, съ какимъ бы усиліемъ ни продолжались, не могутъ скоро кончиться: образъ строенія и принимаемыя мѣры порукою, что непрочны будутъ. Извольте повѣрить ваше сіятель-

ство, что нынѣ Турки дѣлаютъ все себя сберегая, и боятся столько-жъ, чтобъ не напали на нихъ, сколь мало сами воевать и хотятъ и могутъ. Копію съ меморіала, который подалъ я Портѣ, провождая деклараціею его высокопревосходительства Сиверса, для того представляю, что изъ тона оной изволите увидѣть здѣшнее поведеніе въ разсужденіи занятія Польши.

Авена, коего показанія изволили мнѣ прислать, мнѣ извѣстенъ: онъ стихотворецъ и весьма малое время жилъ здѣсь, да и не могъ никогда ни провѣдать, ни узнать ничего обстоятельнаго. Изъ вопросовъ, ему сдѣланныхъ, увидѣлъ я, о чемъ точно знать вашему сіятельству угодно было, а посему имѣю честь представить на всѣ тѣ вопросы тѣ свѣдѣнія, кои я имѣю, и отвѣтствую, милостивый государь, что они вѣрны. Нижайше прошу не беречь меня и приказывать всѣ донесенія вамъ дѣлать, кои угодны. Жизнь мою проводя, почитая въ васъ одного изъ тѣхъ великихъ людей, кои въ вѣкахъ счетны, и по симъ чувствамъ размѣряя тѣ, кои храню къ особѣ вашей, признаюсь, милостивый государь, что вы много чести изволили сдѣлать Авенѣ, спрося его. Пера, 20-го Іюня 1793 г.

VII. Письма къ Суворову Ясскаго консула И. И. Северина.

1.

Удостоился я получить высокопочтенное вашего сіятельства письмо отъ 16 Декабря прошлаго года, и вслѣдствіе учиненнаго мнѣ предписанія не премину доносить о происшествіяхъ въ сторонѣ здѣшнихъ областей и потребныхъ по пункту предѣловъ; и начинаю сіе мое всепокорнѣйшее донесеніе тѣмъ, что Порта Оттоманская, негодуя на поведеніе Молдавскаго господаря Александра Мурузія, смѣнила его Валахскимъ господаремъ Михайломъ Драко-Сучомъ, человѣкомъ скромнымъ и благонамѣреннымъ, а ему пожаловано достоинство сего послѣдняго. Но на бывшемъ моемъ съ нимъ свиданіи примѣтно было его неудовольствіе, и въ откровенномъ съ нимъ разговорѣ онъ мнѣ далъ знать, что сія перемѣна воспослѣдовала по нашему представленію, прося усильнѣйшимъ образомъ поручить его въ высочайшую милость всеавгустѣйшей нашей Монархини, и дабы впредъ не лишила его своимъ покровительствомъ, признался, что онъ, въ противность дѣлъ нашихъ, поступалъ противъ воли и желанія своего.

Господинъ Екатеринославскій правитель Василій Васильевичъ Каховской, въ послѣднемъ своемъ ко мнѣ письмѣ, извѣщаетъ меня, что онъ доложитъ вашему сіятельству о требованіяхъ бывшаго господаря и представитъ вамъ письмо мое о томъ. Я, ссылаясь на оное, долгомъ себѣ поставляю приложить при семъ на разсмотрѣніе ваше копію письма моего къ его превосходительству господину генералъ-поручику и кавалеру Ивану Матвѣевичу Толстому, и прошу всенижайше дозволить мнѣ и впредъ въ подобныхъ обстоятельствахъ относиться прямо къ вашему сіятельству и просить наставленій вашихъ.

Вашего сіятельства всенижайшій слуга Иванъ Северинъ. Яссы, 8 Января 1793 года.

Приложеніе.

Копія письма генеральнаго консула Северина къ генералъ-поручику Толстому. Яссы, 8 Января 1793 года.

По отзыву вашего превосходительства отъ 26 Декабря не преминулъ я надлежащее исполненіе учинить и отнестись къ пребывающему въ Константинополѣ господину повѣренному въ дѣлахъ, прося его представить все то управляющему при Портѣ иностранными дѣлами министру, который далъ ему знать, что я происходящіе на границѣ безпорядки съ плечъ своихъ свергаю, хотя и долгъ мой пещись какъ объ умноженіи взаимной дружбы, такъ и объ отвращеніи того, что̀ можетъ непріятность и остуду произвести, а потому и почитаетъ нужнымъ объ отвращеніи на границѣ безпорядковъ, дабы г. повѣренный въ дѣлахъ двору своему донесъ. Изъ сего вы усмотрѣть соизволите, что и я легко въ бѣду попасться могу, хотя и исправляю свой долгъ въ совершенной точности, и потому за нужно почитаю предупредить ваше превосходительство, что и новый господарь не допуститъ, чтобъ войска наши переходили предѣлы и поступали въ противность мирнаго договора, да и высочайшему двору нашему не будетъ то пріятно. Ежели-жъ встрѣтится какая въ чемъ нужда, то всепокорнѣйше прошу прямо ко мнѣ отозваться, и быть удостовѣреннымъ, что я по службѣ, какъ о покупкѣ лѣса и другихъ тому подобныхъ нуждахъ и выгодахъ по сосѣдству, слѣдуя въ томъ даннымъ мнѣ предписаніямъ, все возможное исполню.

Отправляя съ симъ присланнаго ко мнѣ маіора Баранова, прошу пожаловать какъ наискорѣе его сюда возвратить со всѣми бывшими при немъ людьми, дабы онъ могъ, не теряя времени, вступить въ исполненіе порученной ему должности касательно до вывоза отсюда на нашу сторону остающагося казеннаго лѣса, и покуда онъ при семъ дѣлѣ оставаться будетъ, предписать ему, чтобы повиновался моимъ наставленіямъ и давалъ бы мнѣ обо всемъ знать. При томъ прошу приказать приготовить и нужное число для отвозу онаго лѣса подводъ, и ежели-бъ оное было побольше, то тѣмъ скорѣе можно бы выполнить возложенное на насъ дѣло въ пользу и угодность высочайшаго Ея Императорскаго Величества двора.

2.

Высокопочтенное письмо вашего сіятельства отъ 15 сего Января имѣлъ я честь получить чрезъ нарочно присланнаго ко мнѣ отъ его превосходительства генералъ-поручика и кавалера Ивана Матвѣевича Толстова; за приложеніе копіи ордера къ нему о сохраненіи порядка на границѣ приношу нижайшую мою благодарность и не оставлю вслѣдствіе предписаній вашихъ и впредь относиться къ вамъ, ежели оныя произойдутъ, донося при томъ, что теперь не дѣлаются никакія потому жалобы, а напротивъ того благодарятъ за учиненныя распоряженія.

Я не могу въ точности сказать, чтобъ братъ смѣненнаго господаря имѣлъ-бы виды на низверженіе Драко-Сучо, что̀ легко однакожъ статься можетъ; но перемѣна сія воспослѣдовала по нашему домогательству, и потому она ему чувствительнѣе, и боится, чтобы и на будущія времена не послужила во вредъ. Здѣсь слухъ распространяется, будто-бы визирь и всѣ министры Порты отрѣшены отъ своихъ должностей; то, ежели сіе правда, смѣненный господарь Мурузи еще болѣе встревожится, ибо главнѣйше его покровительствовалъ Рашидъ-эфенди.

Бывшій при Портѣ Французскимъ посломъ графъ Шоазель въ провожаніи обыкновеннаго нашего курьера и другаго офицера благополучно прибылъ въ Букурештъ и, намѣреваясь нѣсколько дней тамъ остановиться, продолжать будетъ свою дорогу на Семиградскій пограничный городъ Германштатъ и далѣе на Вѣну. Въ Константинополѣ начались уже интриги, и неизвѣстно доколѣ Порта нейтральною останется; а посолъ Турецкій оттуда около 20-го Января хотѣлъ выѣхать. При Портѣ назначеніе новаго отъ насъ посла ничего не произвело, а лишь только заботятся о томъ, чтобъ въ назначенное время размѣна состоялась.

17-го сего-жъ Января прибылъ сюда назначенный къ Портѣ Оттоманской чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ двора Ея Императорскаго Величества господинъ камеръ-юнкеръ Викторъ Павловичъ Кочубей.

Отправляя сего дня собранную у меня команду нашихъ бѣглыхъ подданныхъ въ пограничный городъ Дубосаръ, къ его превосходительству артиллеріи господину генералъ-поручику и кавалеру Толстому, поставляю долгомъ препроводить при семъ на разсмотрѣніе вашего сіятельства имянной списокъ, и вслѣдствіе данныхъ мнѣ повелѣній нижайше представить, что Ея Императорское Величество для вящаго побужденія раскаивающихся бѣглецовъ къ возвращенію въ Россію, всемилостивѣйше прощаетъ вины ихъ. И потому не угодно-ли будетъ предписать, чтобы съ таковыми на семъ основаніи поступаемо было, дабы остающіеся въ здѣшнемъ княжествѣ и въ другихъ мѣстахъ Турціи, услыша о такомъ милосердномъ съ ними обращеніи, наивяще поощрены были къ возвращенію въ ихъ отечество; съ моей же стороны прилагаю всевозможное стараніе о изысканіи оныхъ и сколько можно болѣе распускаю и разславляю слухъ о монаршемъ къ нимъ снисхожденіи. Но для прекращенія вторичнаго ихъ побѣга въ здѣшнія стороны, осмѣливаюсь представить, не соблаговолите-ли, милостивый государь, приказать, чтобы они во внутрь предѣловъ нашихъ отправляемы были; при первомъ-же случаѣ не премину доставить вашему сіятельству полный списокъ выпровожденнымъ отсюда въ прошедшемъ году.

Цесарцы еще не отдаютъ Туркамъ Хотинскую крѣпость; комендантъ оной извиняется тѣмъ, что не имѣетъ повелѣнія на сдачу; Измаилъ велѣно поправить, а въ Бендерѣ дѣлать нужныя пріуготовленія для пріема взаимныхъ торжественныхъ посольствъ. Новаго господаря не прежде сюда ожидаютъ какъ въ началѣ будущаго Февраля. Яссы, 23 Января 1793 года.

P S. Распространяющійся здѣсь слухъ о перемѣнѣ чиновъ при Портѣ не подтверждается; я нарочно, для узнанія истины, вчерась на вечерѣ былъ у смѣненнаго господаря, который мнѣ сказалъ, что никакого о томъ извѣстія изъ Константинополя не имѣетъ, хотя и получилъ на сихъ дняхъ оттуда нарочныхъ.

Изъ Вѣны пишутъ ко мнѣ, что Англичане Французамъ объявили войну, и что 6-го сего Января по новому стилю около Маинца Прусскія и Гессенъ-Кассельскія войска побили послѣднихъ путемъ и отняли у нихъ 12 пушекъ. О чемъ я за долгъ почелъ чрезъ сіе вашему сіятельству донести.

3.

Опредѣленный въ Букурештѣ вице-консуломъ Равичъ доноситъ ко мнѣ, что назначенный въ Силистрію мугафизомъ или комендантомъ Зыгнали Хассанъ-паша, съ 10-ю т. войска, пошелъ противъ дагіевъ (разбойниковъ, находящихся неподалеку отъ Адріанополя), но увѣряютъ многіе, что оный паша донынѣ безъ успѣха за ними гонится

15-го числа сего Апрѣля отъ Порты прислано къ Валахскому господарю подтвержденіе на его достоинство, и сказываютъ, что онъ къ Турецкому министерству послалъ подарки почти на 300 мѣшковъ піастровъ или 90 т. рублей. Молдавскій господарь также получилъ подтвержденіе, съ нѣкоторымъ противъ Валахскаго преимуществомъ, а именно: что его величество султанъ очень доволенъ его управленіемъ и желаетъ, чтобы онъ всегда въ цѣлости сохранялъ пребывавшую между сосѣдями добрую дружбу, отвращая наилучшимъ образомъ причины, могущія произвесть остуду и непріятность и надѣясь всегда на монаршія къ нему довѣренность и благоволеніе, въ случаѣ ежели-бы кто нибудь въ противность его повелѣній хотѣлъ противъ него возстать.

Прибывшій въ Букурештъ изъ Константинополя и находившійся тамъ посломъ отъ Венеціанской республики господинъ Фоскари, 23-го сего-жъ Апрѣля, оттуда выѣхалъ и отправился въ Германштатъ.

Переходъ на Турецкую сторону Польскихъ воинскихъ людей благоразумнымъ здѣшнимъ правительствомъ прекращается столь благоуспѣшно, что и изъ перешедшихъ уже едва имѣется въ Молдавіи 300 человѣкъ, и такъ кончено сіе. Яссы, 29 Апрѣля 1793 года.

4.

Сообщенное мнѣ извѣстіе о находящемся въ Хотинѣ капиджи-башѣ Якубъ-агѣ подтверждено и отъ одного изъ моихъ надежныхъ пріятелей. А нынѣ въ добавокъ представляю, что по даннымъ мнѣ извѣщеніямъ, Анадольскіе и Румелійскіе спаги (конница), состоящіе въ 36 т., на содержаніе коихъ Порта ежегодно до 14 т. мѣшковъ или 700,000 піастровъ опредѣляетъ, и кои, во время войны и построенія крѣпостей, должны всегда быть въ готовности къ выступленію, но будучи нынѣ по повелѣнію Порты позваны въ Измаилъ и Бендеръ, вдругъ отъ того отказались, обѣщая быть къ будущей веснѣ. Почему и слышно, будто-бы султанъ, негодуя на такое неповиновеніе, приказалъ ихъ уничтожить и опредѣлить положенную сумму на вновь формирующіяся войска, для обученіи коихъ регулярной дисциплинѣ отправятся знающіе офицеры въ разныя провинціи, и потомъ получатъ оныя названіе той провинціи, въ которой расположены будутъ.

Пребывающій въ Букурештѣ вице-консуломъ н. сов. и кав. Равичъ доноситъ ко мнѣ, что разбойники, *к и р ж а л и* называемые въ Румеліи, дѣлаютъ опустошеніе подлѣ Татаръ-Базарджика и ограбя выжгли два селенія. На нихъ пошелъ съ войскомъ Янинскаго Али-паши родственникъ Хасанъ-бей, но до сей поры не можетъ надъ ними верхъ взять.

Валахскому господарю послано отъ Порты повелѣніе, чтобъ выдѣлываемое въ тамошней фабрикѣ сукно отправляемо было въ Константинополь для обмундированія Турецкаго корпуса; деньги же за оное казна заплатитъ. Такожъ строятъ въ Букурештѣ на счетъ ви-

стіаріи фабрику для писчей бумаги, работа коей начнется не прежде будущаго Марта.

Объ учрежденіи границъ въ Босніи между съѣхавшимися туда коммисарами споры не кончились, а между тѣмъ Цесарскіе подданные отъ Турецкихъ набѣговъ, безъ отряда военныхъ людей, опасаются ходить на свою пашню.

1-го сего Ноября господарь ѣздилъ до Марчаненъ, навстрѣчу къ султанскому фавориту и Измаильской крѣпости надзирателю Хаджи-Нюманъ-бею, и сказываетъ, что онъ, по пріѣздѣ въ Константинополь, получитъ чинъ капитана-паши; но сіе, можетъ быть, его людьми выдумано, дабы съ господаря получить большіе подарки.

Въ половинѣ прошлаго Октября Янинской Али-паша получилъ ферманъ идтить съ 20,000 войска къ Видину и тамъ дожидаться дальнѣйшаго отъ Порты повелѣнія.

Прибывшіе изъ Румеліи купцы увѣряютъ, что Скутарскій Магмудъ-паша сильно защищается, и посланные за его головою паши не токмо не могутъ ему ни малѣйшаго вреда сдѣлать, но даже боятся, чтобъ не потерять своей головы.

3-го Ноября Рущукскій аянъ (начальникъ) Кадышъ-Оглу бѣжалъ въ Журжу со сталевентами (солдатами), и говорятъ, что Порта за его возмутительные поступки приказала Видинскому Али-пашѣ отрубить ему голову.

Пребывающій въ Букурештѣ Цесарскій агентъ господинъ Маркеліусъ 9-го сего Ноября поѣхалъ въ Галацы, какъ для разобранія тяжбы Цесарскихъ шкиперовъ, такъ и для учрежденія тамъ магазейна, способнаго къ сбереженію пшеницы, по Дунаю изъ Кроаціи провозимой. При отъѣздѣ своемъ просилъ вице-консула Равича оказывать вспоможеніе оставшимся его канцелярскимъ чинамъ, коимъ онъ приказалъ къ нему являться и въ случаѣ нужды требовать его пособія.

Пріѣхалъ тудажъ за нимъ Дервишъ-Ага, бывшій, во время господаря Мавроенія, казиджиляръ-кегаіемъ. Онъ имѣетъ ферманъ, по содержанію котораго старается отыскать Мавроенію принадлежащее имѣніе и деньги.

Въ отвѣтъ на донесеніе мое къ его высокопревосходительству г-ну чрезвычайному и полномочному послу Михайлѣ Ларіоновичу Голеницеву-Кутузову, даетъ онъ мнѣ знать, что ничего не слышалъ въ Константинополѣ объ упоминаемыхъ въ отзывѣ вашего сіятельства ко мнѣ отъ 30 Сентября трехъ возмутителяхъ около Триполіи и Требизонда, а когда что свѣдаетъ, сообщитъ мнѣ, и я не премину тогда донесть и къ вашему сіятельству. Сверхъ сего пишетъ ко мнѣ, что 29 Сентября былъ на визитѣ у визиря, а 1-го сего Ноября имѣлъ аудіенцію свою у султана, гдѣ отличенъ былъ почестьми, николи никакому послу не сдѣланными, и его величество самъ милостиво его принялъ. Яссы, 17-го Ноября 1793 г.

5.

Имѣя въ полученіи высокопочтенное письмо вашего сіятельства, отъ 18-го минувшаго Ноября, со вложеніемъ копіи письма, писаннаго къ подполковнику Маркѣ Портарю, я не оставлю по всей возможности выполнить и съ моей стороны учиненное ему предписаніе и всенижайше просилъ-бы, для пользы высочайшей службы,

ежели-бъ вашему сіятельству угодно было, прислать ко мнѣ на нѣкоторое время способнаго и расторопнаго человѣка для отправленія его въ разныя мѣста къ спознанію о всѣхъ чинимыхъ съ Турецкой стороны укрѣпленіяхъ, какъ въ мѣстахъ по Дунаю лежащихъ, такъ и иныхъ, снабдя его и нужными деньгами на дорогу и другіе, могущіе случиться, расходы. Я бы конечно не преминулъ отъ себя таковаго посылать, ежели-бъ имѣлъ и на коего бы положиться могъ; находящіеся при мнѣ оберъ и унтеръ-офицеры столь часто употребляются въ разныя посылки, что рѣдко кто изъ нихъ на мѣстѣ остается, а при томъ и не имѣютъ нужныхъ для сего знаній. Что-же касается до прожектированной крѣпости въ 15-ти верстахъ отъ Дуная, какъ и о Мачинѣ, то о построеніи таковой я ничего не слышалъ, однакожъ не оставлю о томъ навѣдаться. Относительно же происходящаго въ Журжевѣ, Рущукѣ, Никополѣ и Турнѣ, какъ и о прочихъ мѣстахъ, въ какомъ оныя нынѣ состояніи и какое предпріятіе объ оныхъ пріемлется, не оставилъ я находящемуся въ Букурештѣ вице-консулу предписать увѣдомить меня обо всемъ подробно, а потомъ не премину представить къ вашему сіятельству.

11-го сего Декабря пріѣхалъ сюда одинъ изъ султанскихъ ичогляновъ (пажей), и при первомъ его свиданіи съ господаремъ, послѣ обыкновенныхъ угощеній, навѣдывался сей у него о здоровьѣ его султанова величества, который безъ дальнихъ околичностей объявилъ ему, что его величество занимается теперь приготовленіемъ войны противъ Россіи. Господарь, немало ужаснувшись такимъ неосторожнымъ отвѣтомъ, приказалъ тремъ бывшимъ у него боярамъ выдти, и, прочтя присланныя къ нему отъ Порты чрезъ него бумаги, продолжалъ съ нимъ свой разговоръ; а на другой день имѣлъ и вторичное съ нимъ свиданіе, весьма долгое время продолжавшееся, при которомъ и двери заперты были.

Изъ разныхъ мѣстъ Турецкой области получаются здѣсь извѣстія, что Порта дѣлаетъ немалыя пріуготовленія для выстроенія въ способныхъ своихъ портахъ морскаго гребнаго и линейнаго флота, и при томъ собираетъ для нихъ нужные какъ съѣстные, такъ и иные припасы. Сверхъ того ожидаетъ прибытія къ себѣ линейнаго Французскаго флота, съ которымъ соединившись нападетъ на Крымъ, а по обладаніи Чернымъ моремъ, высадитъ на берегъ войска свои въ разныхъ мѣстахъ. Въ таковой надеждѣ дѣлаются всѣ сіи пріуготовленія, какъ въ Анатоліи, такъ Ромеліи и на Бѣломъ морѣ.

При самомъ же прибытіи сего курьера дошло до меня извѣстіе, что новая заложенная Портою крѣпость дѣйствительно строится на островѣ противъ Измаила и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Россійскія войски въ послѣднюю войну имѣли свои батареи. Впрочемъ по всему городу слухъ носится, что Порта пріуготовляется къ войнѣ съ Россіею и что въ скоромъ времени въ здѣшнія стороны прибудетъ Турецкаго войска до 16 т. человѣкъ. Яссы, 19 Декабря 1793 года.

Извлечено Г. Н. Александровымъ изъ дѣлъ великаго Суворова, хранящихся въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба.

Три письма императора Александра Павловича къ его воспитателю князю Николаю Ивановичу Салтыкову.

1.

Съ наичувствительнѣйшею благодарностію получилъ я письмо вашего сіятельства съ поздравленіемъ съ днемъ рожденія моего.

Почтеніе мое и любовь къ вамъ вамъ извѣстны, и изъявленіе вашихъ чувствъ ко мнѣ пріемлю я съ искреннею признательностію.

Слава Богу, у насъ все хорошо, но нѣсколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что̀ весьма необходимо. Пребываю на вѣкъ вамъ доброжелательнымъ.

Александръ.

Вильно.
Декабря 16-го 1812-го года.

2.

Благодареніе Всевышнему; съ душевнымъ удовольствіемъ извѣщаю вашего сіятельства, что побѣда совершенная. Битва продолжалась 4-го, 5-го и 7-го числъ. До 300-тъ пушекъ, 22 генерала и до 37.000 плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Всемогущій единъ всѣмъ руководствовалъ. Пребываю на вѣкъ искренно васъ любящій

Александръ.

Лейпцигъ.
Окт. 9-го 1813-го года.

3.

Парижъ, 19 Марта 1814 г.

Пріятнѣйшею обязанностію себѣ поставляю извѣстить вашего сіятельства, что промысломъ Всевышняго Парижъ занятъ нами сегодня, послѣ жаркаго сраженія подъ стѣнами сего города, вчерась бывшаго и въ которомъ достались намъ въ руки 2 генерала, 71 пушка и два знамя. Жители насъ встрѣтили не какъ враговъ, но какъ избавителей. Пребываю на всегда искренне вамъ привязанный

Александръ.

Письма эти сообщены въ Русскій Архивъ правнукою князя Салтыкова, княжною Екатериною Алексѣевною Салтыковою-Головкиною. Они писаны императоромъ Александромъ Павловичемъ къ престарѣлому наставнику его молодости, который, въ званіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта, стоялъ во главѣ управленія Россіею, въ отсутствіе Государя, продолжавшееся почти два года (1812—1814). Всѣ три письма относятся къ важнѣйшимъ минутамъ въ жизни Александра и во всемірной исторіи. Первое писано въ то время, когда истреблялись послѣдніе остатки западно-европейскаго ополченія, приведеннаго въ Россію Наполеономъ, и торжествующій Государь убѣждалъ фельдмаршала Кутузова, вождя Русскихъ силъ, перенести войну за наши предѣлы и начать освобожденіе Германіи. Второе письмо извѣщаетъ о страшной Лейпцигской битвѣ, въ которой Государь принималъ личное участіе. Третьимъ письмомъ Россія, въ лицѣ князя Салтыкова, извѣщалась о покореніи Парижа.

П. Б.

Московская Старина [1].

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА ПО МОСКОВСКИМЪ УЛИЦАМЪ.

I. МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА.

Кто въ Москвѣ не бывалъ,
Красоты не видалъ.
Старинная Русская пословица.

Намѣреваясь сдѣлать археологическую прогулку по главнымъ Московскимъ улицамъ, замѣчательнымъ историческими воспоминаніями, прежде всего напомнимъ о старинныхъ путяхъ сообщенія нашей первопрестольной столицы. Сами Москвичи, какъ люди снисходительные, не жаловались на крайнее неудобство въ передвиженіяхъ по *рвамъ и овражкамъ*, *по глиницамъ и пескамъ*, *по грязямъ и болотамъ*, *по горамъ и горкамъ*, отъ которыхъ прозвались многія урочища Москвы. Существуютъ эти *грязи* и *балчуги* съ Татарскихъ временъ, чему служитъ доказательствомъ и самое слово балчугъ, на Татарскомъ языкѣ означающее грязь. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, за два, за три вѣка тому назадъ, жаловались на Московскія грязныя улицы [2]: въ то время, даже среди большихъ улицъ, вязли повозки съ лошадьми, а пѣшеходы перебирались по жердямъ отъ одного двора къ другому.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ мостовыя, и то деревянныя, были только въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; въ 1633 г. велѣно было намостить бревнами въ Земляномъ городѣ, за Срѣтенскими и Покровскими воротами, взимая на то деньги съ дворовъ и лавокъ, на тѣхъ улицахъ расположенныхъ. Петръ I, въ 1705 г. [3]), указалъ мостить дикимъ камнемъ на большихъ улицахъ въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ, гдѣ были деревянныя мостовыя; повинность эту разложивъ не на однихъ обывателей, онъ повелѣлъ привозить зимой камень и песокъ и изъ другихъ городовъ, отстоящихъ отъ Москвы

---

1) Статьи эти были сначала напечатаны въ Извѣстіяхъ Московской Городской думы. Здѣсь они появляются въ переработанномъ, исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ. Источниками этого труда служили: Въ Архивѣ Минист. Юстиц. дѣла и приговоры Правител. Сената съ 1711 по 1718 г. по секретному столу кн. 18, стр. 300; дѣла Московской Губернской Канцеляріи связ. 1686, дѣло № 1; дѣла Статсъ-Конторы, вязка 34, дѣло 103; Архива Московъ. Двор. Конторы вязка 1, дѣло № 70; журналы и протоколы Москов. Полицеймейстерской Канцеляріи 1726 года; Указатель Москвы 1793 г.; планы владѣльческіе въ Архивѣ Москов. Городской Думы; Исповѣдныя вѣдомости въ Архивѣ Московской Духовной Консисторіи; современныя Московскія Вѣдомости; Книги по командамъ и мѣрѣ въ обывательскихъ дворахъ 1738—1842 г. въ Архивѣ IV Окр. Пут. Сообщенія; Росс. Родосл. книга изд. кн. П. Долгоруковымъ 1854 г. Дѣла Каменнаго Приказа въ Арх. Мин. Юст. и др.

2) Портфели А. Ѳ. Малиновскаго въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

3) Дѣла Монастырскаго приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи, вязка 227, дѣло № 88.

не далѣе ста верстъ, такъ что въ 1722 г. вымощены были уже частью и въ Земляномъ городѣ не только улицы, но и переулки.

Первое повелѣніе объ освѣщеніи въ Москвѣ большихъ улицъ было при Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1730 г. Она приказала поставить на столбахъ одинаковой мѣры стеклянные фонари, цѣнностію въ одинъ рубль и въ разстояніи 10 сажень одинъ отъ другаго; деньги на этотъ предметъ были отпускаемы изъ Статсъ-Конторы, а содержаніе въ фонаряхъ огня до полуночи и починка возложены были на обывателей. Но все таки, помимо освѣщенныхъ большихъ улицъ, оставалось, мы полагаемъ, много и малыхъ улицъ и переулковъ въ темнотѣ и въ грязи непроходимой. Соображая все это, нельзя не подивиться, какъ, напримѣръ, какая нибудь Француженка, мадамъ Банкетъ перебиралась изъ Нѣмецкой Слободы съ роброндами и уборами къ вельможной дамѣ на Тверскую, или на Дмитровку—аристократическія улицы въ то время; какъ парикмахеръ, жившій въ Нѣмецкой же Слободѣ, пробирался въ центръ города съ париками, буклями, щипцами и красильными матеріалами [4]). Мы здѣсь упомянули въ обоихъ случаяхъ Нѣмецкую Слободу, потому что въ XVIII вѣкѣ вся дѣятельность торговая, и въ особенности иностранная, происходила, преимущественно, въ этой мѣстности.

И въ наши дни Москва поражаетъ пріѣзжаго человѣка своею красотою, просторомъ и своеобразіемъ своихъ видовъ, оправдывая вышеприведенную пословицу, которая про нее сложилась. Можно думать, что въ старину, когда Москва усѣяна была церквами въ первобытномъ ихъ зодчествѣ, когда по улицамъ ея, на широкихъ дворахъ, стояли боярскія бѣлокаменныя палаты затѣйливой постройки, когда при всякомъ почти домѣ имѣлся тѣнистый садъ, красота эта была еще выше и поразительнѣе. Въ наше время, съ каждымъ годомъ Москва утрачиваетъ прежній видъ свой: многихъ старинныхъ церквей не существуетъ, сады вырубаются, пруды становятся рѣдкостію, каменныя палаты совершенно потеряли свой первоначальный характеръ, приволья и простора болѣе нѣтъ. Не то было въ старину. Чтобы увидать это на дѣлѣ, пойдемте по Мясницкой улицѣ.

ЛѢВАЯ СТОРОНА МЯСНИЦКОЙ УЛИЦЫ.

Въ старину улица Мясницкая начиналась отъ нынѣшнихъ Проломныхъ воротъ, такъ какъ тогда еще Лубянской площади не существовало. Въ настоящее время Мясницкая начинается отъ Лубянской площади и доходитъ до такъ называемой Черногрязской Садовой у Красныхъ воротъ. Названіе эта улица получила отъ мясниковъ, жившихъ близъ ското-пригоннаго двора, который находился за Мясницкими воротами, разобранными въ 1804 г. (Дворъ этотъ лишь въ 1724 г., т. е. послѣ коронованія Екатерины Первой, и можетъ быть по вліянію водворившагося на мѣстѣ нынѣшняго Почтамта князя Меншикова, переведенъ на дальній конецъ Москвы, за Калужскіе ворота, гдѣ и теперь находится). Въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа 1716 г.,

---

[4]) Выписываемъ, для курьёза, изъ Московскихъ Вѣдомостей 1767 года объявленіе отъ этого парикмахера: „Въ Нѣмецкой Слободѣ у портнаго Шефера, прибывшій парикмахеръ умѣетъ чернить и ростить волосы, какого бы цвѣту ни были, выключая только тѣхъ, кому болѣе 45 лѣтъ отъ роду: того уже въ дѣйствіе произвесть не можетъ, развѣ только ихъ красить, и то болѣе мѣсяца держаться не будетъ, если при завиваніи волосъ осторожности не употребится“.

мы находимъ на Большой Мясницкой улицѣ Коровью площадку. Мясницкая улица эта также называлась Егупьевскою и Евпловкою, по нынѣшней церкви св. архидіакона Евпла (на углу Милютинскаго переулка), мимо которой она пролегаетъ [5].

1. Первый домъ, по выходѣ изъ Проломныхъ воротъ на лѣво, принадлежалъ знаменитому мартинисту, содержателю Университетской типографіи, поручику Николаю Ивановичу Новикову. Домъ этотъ, въ приходѣ Гребневскія Божія Матери, былъ разобранъ въ 1806 г., и земля отошла подъ Лубянскую площадь. Домъ Новикова стоялъ на углу тогдашнихъ улицъ Мясницкой и Большой Лубянки. Тутъ жилъ и дѣйствовалъ незабвенный подвижникъ Русскаго просвѣщенія, распространившій у насъ любовь къ чтенію и подготовившій Карамзина.

За домомъ Н. И. Новикова влѣво шла улица Большая Лубянка, которая нынѣ съ этого конца своего тоже стала короче прежняго.

2. Второй домъ на той же лѣвой сторонѣ и на противоположномъ углу Б. Лубянки принадлежалъ съ XVII вѣка Рязанскому подворью; потомъ онъ былъ занимаемъ Инвалиднымъ Домомъ, Пріютомъ Умалишенныхъ, Тайной Экспедиціей розыскныхъ дѣлъ, гдѣ производились допросы и пытки и гдѣ въ 1792 г. пытали сей часъ названнаго Н. И. Новикова; затѣмъ тутъ помѣщались Управа Благочинія, Горное Правленіе, Никольскія Казармы, Библейское Общество, а въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ Духовной Консисторіи и состоитъ въ приходѣ св. Іоанна Предтечи, что на Малой Лубянкѣ. На обширномъ доселѣ дворѣ этого дома до 1783 г. стояла каменная церковь съ двумя престолами въ честь Св. Троицы и во имя св. архангела Михаила. Тутъ жилъ нѣкогда славный мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, въ званіи митрополита Рязанскаго; тутъ вѣроятно писалъ онъ свою книгу, въ которой долженъ былъ хитрыми доводами увѣрять свою паству, что Петръ Великій не есть антихристъ. Рязанское подворье долго потомъ наводило страхъ на Москву, потому что туда забирали важныхъ преступниковъ; тамъ долго сохранялись застѣнки, и пытка производилась въ этомъ зданіи еще въ концѣ прошлаго вѣка.

3. Домъ, стоящій рядомъ съ Консисторіею, въ 1737 г. принадлежалъ вдовѣ княгинѣ Марьѣ Борисовнѣ Жировой-Засѣкиной; въ 1792 г. онъ значится за иностранцемъ И. И. Палицею, потомъ принадлежалъ купчихѣ Е. И. Лейхтъ, купцу И. К. Ковалькову. Въ 1800 г. имъ владѣлъ «уволенный отъ службы придворный актеръ», славный Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ; затѣмъ слѣдовали владѣльцы: коммиссіонеръ 12 класса Д. Н. Стоцкій, купецъ И. Г. Юршъ, купчиха А. И. Торіани; въ 1827 г. княгиня Варв. Сем. Черкасская (мать Московскаго головы нашихъ дней); въ 1843 г. статскій совѣтникъ Серг. Васил. Лепехинъ, отъ котораго домъ этотъ перешелъ къ настоящей владѣлицѣ Елисав. Петр. Милюковой.

Переулокъ Фуркасовскій получилъ названіе отъ паричнаго мастера Фуркасе, имѣвшаго въ этомъ переулкѣ свой домъ въ 1761 г. (нынѣ при-

---

[5]) Простой народъ до сихъ поръ называетъ Евпла Егупіемъ; извощика къ мѣстности близъ церкви св. Евпла нанимаютъ къ Егупію. Странность эта не объясняется ли Греческимъ написаніемъ имени Евпла: εὔπλος и его придыхательнымъ произношеніемъ— егюплосъ? (Догадка, принадлежащая П. А. Безсонову).

надлежащій студенту Марковцу). Прежде этотъ переулокъ назывался Ивановскимъ, по церкви св. Іоанна Предтечи, находящейся на углу Малой Лубянки.

4. Въ 1716 г. домовладѣлецъ Касимовскій царевичъ Иванъ Васильевичъ, затѣмъ д. т. с. Верховнаго Тайнаго Совѣта членъ, князь А. Гр. Долгоруковъ (который обручилъ дочь свою, княжну Екатерину Алексѣевну императору Петру II и за тѣмъ въ 1730 г. сосланъ въ Березовъ, гдѣ и умеръ послѣ четырехлѣтняго заточенія). Съ 1793 г. этимъ домомъ владѣлъ генералъ-маіоръ Серг. Никол. Салтыковъ и другіе Салтыковы; въ 1834 г. полковникъ А—ъ Дм. Чертковъ, долго занимавшій должность Московскаго губернскаго предводителя дворянства, собравшій многотомную библіотеку, исключительно изъ книгъ относящихся до познанія Россіи. Библіотека эта, въ этомъ домѣ, открыта была въ теченіи многихъ лѣтъ для общественнаго пользованія сыномъ собирателя Гр. Александр. Чертковымъ, которымъ въ настоящее время пожертвована Историческому Музею Наслѣдника Цесаревича (строющемуся близъ Иверскихъ воротъ). Нынѣ въ бывшемъ помѣщеніи Чертковской библіотеки производится обширная книжная торговля Салаева. Въ 1859 году домъ Черткова расширенъ во все пространство между Фуркасовскимъ и Милютинскимъ переулками; часть его къ Милютинскому переулку выкрашена особою краскою и представляется особымъ домомъ. При немъ до 1859 года еще былъ обширный садъ. Въ 1872 году домъ Черткова проданъ княгинѣ Нат. Алексѣевнѣ Гагариной.

Переулокъ Милютинскій названъ по домовладѣльцу (1716 года) комнатному истопнику [6]) Алексѣю Яковл. Милютину, имѣвшему здѣсь шелковую, ленточную и позументную фабрику. Это былъ достопамятный Русскій человѣкъ, Калужанинъ, любимецъ Петра Великаго. Онъ же далъ имя извѣстнымъ Милютинскимъ лавкамъ въ Петербургѣ. Въ настоящее время домъ Милютина принадлежитъ поч. гражд. Г. С. Бардину.

На углу Милютинскаго переулка находится церковь св. архидіакона Евпла.

5. Домовладѣлица вдова маіорша А—ра Никол. Матова; въ 1780 г генералъ-поручикъ Θедоръ Ив. Глѣбовъ; въ 1826 г. штатсъ и кавалерственная дама Елисав. Петр. Глѣбова-Стрѣшнева; въ настоящее время поч. гражд. В. В. Пѣговъ.

6. Въ 1761 г. палаты генералъ-лейтенанта Ив. Алексѣевича Салтыкова; затѣмъ, домъ перешелъ во владѣніе къ сыну его графу и въ послѣдствіи свѣтлѣйшему князю Никол. Ив. Салтыкову; потомъ къ его сыну д. т. с. князю Серг. Никол.; въ 1826 г. домъ значится за княземъ Никол. Ив. Салтыковымъ; въ 1852 г. за княземъ Петромъ Дмитр. Салтыковымъ. Позднѣе владѣлъ имъ извѣстный карточный игрокъ Нилусъ. При этомъ домѣ была церковь Нерукотвореннаго образа Спаса и доселѣ имѣется обширный садъ. Въ настоящее время домъ принадлежитъ поч. гражд. В. Х. Спиридонову.

7. Въ 1801 г. домъ д. т. с. сенатора Сем. Александр. Неплюева; въ 1806 г. вдовы поручицы Аграф. Θедор. Кирѣевской; затѣмъ домъ

---

[6]) Отъ этого въ дворянскомъ гербѣ Милютиныхъ, пожалованномъ Анною Іоанновною, находится печная вьюшка.

этотъ находился во владѣніи князей Салтыковыхъ, а нынѣ значительно расширенъ и принадлежитъ Французскому подданному А. И. Ге.

8. Въ 1751 г. домовладѣлецъ лейбъ-гвардіи Семенов. полка сержантъ Михаилъ Льв. Измайловъ; въ 1778 г. вдова т. с. и сенатора Серг. Иван. Измайлова Анна Владим., урожд. княжна Долгорукова; во владѣніи Измайловыхъ онъ находился слишкомъ 80 лѣтъ. Затѣмъ онъ значится за ген.-маіоромъ Петромъ Петр. Кусовниковымъ. Находясь почти противъ Почтамта, стало быть въ средоточіи Московскаго движенія, домъ этотъ многіе годы являлъ собою видъ запустѣнія и одичалости; лишь изрѣдка растворялись его ворота, и на дворѣ можно было видѣть обширный огородъ. Владѣлецъ и супруга его вели загадочно-отшельническую жизнь, не имѣли прислуги, кромѣ дворника, выѣзжали кататься лишь по ночамъ. Московскимъ толкамъ не было конца. Когда владѣлица скончалась, домъ очутился въ собственности г-жи Орды, а теперь значительно распространенъ, перестроенъ и принадлежитъ ст. сов. Н. С. Аблову.

9. Въ 1769 г. домъ иностранца, портнаго мастера Осипа Шмита; въ послѣдствіи присоединенъ къ владѣнію Измайловыхъ, а въ настоящее время небольшой домъ этотъ принадлежитъ купцу С. В. Перлову.

10. Въ 1769 г. домъ бригадира Ѳед. Ив. Дмитріева-Мамонова; въ 1793 г. генер. поручика Ив. Ив. Юшкова; затѣмъ, сына его Петра Ивановича. При домѣ была церковь Казанскія Божія Матери; въ настоящее время громадное зданіе это принадлежитъ Училищу Живописи и Ваянія. Возлѣ дома идетъ переулокъ, направляясь къ Срѣтенкѣ, и называется Юшковымъ.

Церковь свв. Флора и Лавра.

11. Въ 1781 г. домовладѣлецъ лейбъ-гвардіи поручикъ Ѳедоръ Прокоф. Соковнинъ. Въ настоящее время почетн. гражданинъ И. М. Кабановъ.

Проѣздъ влѣво къ Срѣтенскому бульвару, вправо къ Чистымъ прудамъ.

12. Въ 1786 г. домовладѣлецъ поручикъ Ѳедоръ Кирил. Соколовъ (въ послѣдствіи статскій совѣтникъ); домъ этотъ принадлежалъ княгинѣ Л. Г. Дадіанъ; въ настоящее время онъ значится за г. Позняковымъ.

Площадка передъ этимъ домомъ носитъ названіе *Мясницкихъ воротъ*, которые тутъ находились; царь Алексѣй Михайловичъ 16 Апрѣля 1658 г. велѣлъ ихъ именовать *Флоровскими*, по близъ находящейся церкви свв. Флора и Лавра, на углу Юшковскаго переулка, который поэтому назывался и Флоровскимъ. Затѣмъ шла стѣна Бѣлаго города (нынѣшній Срѣтенскій бульваръ) съ проѣздами по обѣимъ сторонамъ.

13. Въ 1793 г. домъ ст. сов. и Правит. Сената оберъ-секретаря Алексѣя Прокоф. Ильина; въ 1816 г. стат. сов. Анны Алексѣевны Алымовой; въ послѣдствіи это владѣніе раздвоилось, и одна часть принадлежала полковнику Васил. Данил. Святогоръ-Штепину и женѣ его Елисав. Ефим., а нынѣ значится за наслѣдниками генеральши Кольбъ; другая часть перешла во владѣніе почет. гр. Мазуриныхъ.

14. Въ 1751 г. домъ надв. сов. Владим. Ѳедор. Шереметева, въ 1793 г. гвард. подпор. Петра Владим. Шереметева; впослѣдствіи владѣніе это раздѣлилось на двѣ части: одна присоединилась къ дому Мазуриныхъ, другая въ 1806 году принадлежала аптекарю Петру Петр. Эйнбродту; въ настоящее время значится за маіоромъ Н. П. Кисель-Загорянскимъ.

15. Въ 1760 г. домовладѣлецъ, содержатель золотой фабрики Илья Прохор. Докучаевъ; въ 1793 г. г-жа Ярославова, пріятельница графа Өедора Григорьевича Орлова. Въ ея владѣніи домъ этотъ оставался многія десятилѣтія; въ настоящее время имъ владѣетъ почет. гражд. Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ, который перестроилъ этотъ домъ и наполнилъ его книгами, статуями и картинами. За домомъ обширный, прекрасно содержимый садъ съ прудомъ.

Далѣе слѣдуетъ огромная церковь св. Николая Чудотворца, похожая на католическій костелъ съ улицы и очень древняя во внутреннихъ предѣлахъ своихъ, съ огромнымъ церковнымъ дворомъ, въ глубинѣ котораго находится, кромѣ церковныхъ, еще два владѣльческихъ дома съ садами.

16. Въ 1793 г. домъ купца Никол. Михайл. Птицына.

17. Въ 1790 г. домовладѣлица генеральская дочь Анна Владим. Измайлова; въ 1826 г. домъ прапорщицы княгини Ек. Васил. Гагариной и сестры ея, бригадирской дочери дѣвицы Нат. Васил. Васильчиковой; въ 1828 г.—жены камеръ-юнкера Елисав. Михайл. Савеловой. Въ настоящее время оба дома составляютъ одинъ, принадлежащій купчихѣ В. И. Костеревой.

18. Въ 1793 г. домъ славнаго графа, покорителя Бендеръ и усмирителя Пугачевщины, Петра Ивановича Панина; послѣ него перешелъ къ родственнику его генер.-маіору Ал-дру Ив. Лобанову-Ростовскому; въ нынѣшнемъ столѣтіи т. с. Анны Петр. Малиновской (супруги археолога); въ 1842 г. купцовъ Ивана и Николая Бутенопъ, которые на немъ устроили часы; въ настоящее время принадлежитъ братьямъ Липгардтъ и Лингель. За нимъ обширныхъ размѣровъ дворъ.

За этими домами, по лѣвой сторонѣ Мясницкой, обширные дворы и сады. Находясь за Бѣлымъ городомъ, дома эти были какъ бы боярскими дачами или загородными дворами. Еще недавно тутъ было много прудовъ, и есть преданіе, что еще при Павлѣ въ этой глуши охотились за дикою птицею.

19. Въ 1751 г. домъ капитана Серг. Ив. Бутурлина; во владѣніи Бутурлиныхъ онъ состоялъ до 1815 года; затѣмъ ген.-лейт. Өедора Өедор. Берхмана.

20. Въ 1793 г. домъ маіора Петра Васил. Лаврова; въ 1821 г. оба эти владѣнія значатся за Россійскимъ подданнымъ Унгебауеромъ. Въ настоящее время на этой мѣстности слѣдующіе домовладѣльцы: купчиха Орлова, поч. гражд. А. Л. Беренштамъ и докторъ Гагманъ.

ПРАВАЯ СТОРОНА МЯСНИЦКОЙ УЛИЦЫ.

21. По направленію отъ бывшихъ Никольскихъ, нынѣ Проломныхъ воротъ, къ Мясницкимъ воротамъ, правою стороною, стоялъ въ 1783 году домъ Университетской типографіи, которую и содержалъ знаменитый Новиковъ, имѣвшій владѣніе насупротивъ. Въ послѣдствіи строенія разобраны и открыта площадь; въ 1823 году часть ея отдана подъ постройку камеръ-юнкеру, тит. сов. Петру Ив. Шипову, который уже въ 1850-хъ годахъ пожертвовалъ домъ свой Императорскому Человѣколюбивому Обществу, во владѣніи коего онъ находится и по сіе время. Это извѣстный притонъ простонародья.

Затѣмъ, подлѣ проѣзда на Нижнюю Лубянскую площадь и церкви Гребенской Божіей Матери, слѣдуютъ владѣльческіе дома:

22. Въ 1793 г. священника Благовѣщенскаго собора Василія Филипова; въ 1810 г. супруги ген.-аншефа Аполлона Андреев. Дашкова, Христины Карловны; въ 1802 г. надв. с. А—ндра Ив. Старова; затѣмъ Екатерининскаго секретаря Адріана Моисеев. Грибовскаго; нынѣ домъ этотъ принадлежитъ купчихѣ Е. И. Ферстеръ.

23. Въ 1790 г. камергера кн. Ивана Петр. Тюфякина; въ 1830 г. дѣйств. камергера и командора кн. Петра Ив. Тюфякина; въ 1834 г. ген.-маіор. Екат. Петр. Бахметевой; въ 1831 г. адъюнкта Импер. Моск. Унив., Михаила Петр. Погодина (извѣстнаго нашего историка); въ настоящее время принадлежитъ женѣ поручика Н. И. Новосильцевой.

Слѣдуетъ переулокъ Златоустовскій, по направленію къ Маросейкѣ.

24. Вятское подворье, существуетъ съ давнихъ временъ.

25. Подворье Псковскаго архіерея. Въ 1771 г. съ аукціоннаго торга изъ бывшей Государственной Коллегіи Экономіи продано гвардіи капитану Никол. Ив. Тишинину и купцу И. Т. Трофимову. Въ настоящеее время принадлежитъ полковн. Дм. Ив. Николеву. При подворьѣ была церковь свв. Адріана и Наталіи.

26. Коломенское подворье съ церковью Тихвинскія Божіей Матери; въ настоящее время подворье Тульскаго архіерея, безъ церкви.

Переулокъ Кривое Колѣно названъ по своимъ изгибамъ. Въ прежнее время часть этого переулка, отъ Мясницкой, называлась Коломенскимъ, по Коломенскому подворью, а другая часть, выходящая на Мясницкую возлѣ нынѣшняго дома Сытовыхъ, называлась переулкомъ Шуваловскимъ, а потомъ Банковскимъ, какъ сейчасъ увидимъ.

27. Въ 1793 г. домъ Грузина Бочарызина; въ 1802 г. купца А. И. Саратова; въ 1806 г. купца М. Я. Соколова; въ 1835 г. мѣщ. Н. Д. Щипанова; въ 1857 г. купца Чубарова; нынѣ купца И. Л. Соколова.

28. Въ 1793 г. домъ священника Евпловской церкви Матвѣя Александрова; въ 1840 г. поручика Н. П. Воейкова, закупившаго много домовъ, принадлежащихъ теперь вдовѣ его, Юліи Адалбертовнѣ; нынѣ купца С. И. Бутикова.

29. Домъ на дворѣ, въ 1710 г. кн. Як. Ив. Кольцова-Мосальскаго; въ 1769 г. секундъ-маіора кн. Ив. Мих. Кольцова-Мосальскаго; пробывъ долгое время во владѣніи этихъ князей, онъ теперь принадлежитъ Армянину комм. сов. Ив. Степ. Ананову.

30. Въ 1742 г. ген.-лейт. кн. Гр. Ал—евичъ Урусовъ; въ 1766 г. полковн. Ѳедоръ Ив. Бабарыкинъ. Въ настоящее время принадлежитъ купцамъ братьямъ Сытовымъ.

31. Въ 1742 г. ген.-м—ъ Василій Абр. Лопухинъ, въ 1766 г. дѣйствит. камерг. гр. Андрей Петр. Шуваловъ, давшій названіе переулку Шуваловскому (онъ былъ первый главный директоръ учрежденныхъ въ 1762 г. банковъ). Въ 1783 г. этотъ домъ принадлежалъ Конторѣ Ассигнаціоннаго Банка для вымѣна ассигнацій, давшаго названіе Банковскому переулку; въ

настоящее время принадлежитъ Художественно-Промышленному Музею и заново перестроенъ.

32. Въ 1699 году Преображенскій сержантъ А-дръ Дан. Меншиковъ купилъ у Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ [7]) на Мясницкой улицѣ дворъ, а въ 1705 г. стольники Василій да А. Ѳедор. Салтыковы продали тому же Меншикову, но уже губернатору, свой домъ на той же улицѣ, и на этой же мѣстности воздвиглись палаты свѣтлѣйшаго князя Меншикова съ церковью на дворѣ и возвышающеюся надъ нею такъ называемою Менщиковою башнею. Въ 1730 году домъ его отданъ въ потомственное вѣчное владѣніе камерг. кн. А—ру Борис. Куракину; въ 1783 г. онъ принадлежалъ кол. сов. Ив. Лаз. Лазареву, у котораго купленъ въ 1792 г. для Императорскаго Почтамта, гдѣ онъ и помѣщается по сіе время. За нимъ и передъ нимъ обширные дворы. Далѣе, черезъ проѣздъ къ Чистымъ прудамъ, домъ

33. Въ 1793 г. купца Ѳедора Ѳедот. Гнусина, въ 1811 г. надв. сов. Ив. Никол. Рославлева, въ 1810 г. кол. сов. Михаила Андр. Строева (отецъ археолога); теперь купца С. Н. Масленикова.

34. На углу втораго проѣзда къ Чистымъ прудамъ домъ въ 1790 г. именитаго гражд. Серг. Михайл. Гусятникова; въ 1825 г. поручика Н. П. Засѣцкаго, нынѣ Ю. А. Воейковой.

35. Въ 1793 г. часовыхъ дѣлъ мастера Андрея Ансея; въ 1803 г. купца С. С. Юдина; съ 1852 г. надв. сов. Клесовой, нынѣ часть владѣнія принадлежитъ купцу Шершакову.

36. Въ 1793 г. полковн. Ив. Ив. Нефедьевъ; въ 1816 г. кн. Андрей Андреев. Голицынъ; въ 1852 г. штабсъ-капит. кн. Ѳедоръ Андреев. Голицынъ; нынѣ свѣтлѣйшій князь Левъ Льв. Чернышевъ.

37. Въ 1745 г. кн. Георгій Ѳедор. Шаховской; въ 1751 г. капит. Серг. Ив. Бутурлинъ; въ 1790 г. гвардіи прапор. Влад. Серг. Бутурлинъ; въ 1815 г. штабсъ-капит. Михаилъ Александр. Потуловъ; въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ купцу Петру Емельяновичу Ланговому.

38. Въ 1770 г. Новгородскій дворянинъ Никита Акинф. Демидовъ; теперь принадлежитъ Императорскому Почтамту, но въ народѣ называется доселѣ Демидовымъ.

39. Въ 1790 г. купецъ Александръ Ив. Квасниковъ; въ 1793 г. артиллеріи маіоръ Ив. Ив. Барышниковъ; въ 1833 г. дѣйств. каммерг. Петръ Петр. Бекетовъ; въ настоящее время въ немъ помѣщается сифилитическое отдѣленіе Чернорабочей больницы.

40. Въ 1766 г. полковн. кн. А-ъ А-дров. Урусовъ; въ 1825 г. сенаторъ А-ъ А-дров. Арсеньевъ; въ 1827 г. тайн. сов. Надежда Михайл. Арсеньева; въ 1852 г. Нѣжинская Гречанка Анна Никол. Харитова; въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ г-жѣ фонъ-Мекку.

---

[7]) Извѣстно, что за однимъ изъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, Иваномъ Ильичемъ, была въ замужествѣ царевна Прасковья Іоанновна. Они владѣли обширными дворами по обѣимъ сторонамъ Мясницкой улицы. (См. выше домъ 10-й).

Передъ этимъ домомъ начинается переулокъ Малый Харитоньевскій, названный по церкви св. Харитонія Исповѣдника, находящейся въ противоположномъ концѣ его; назывался онъ и Урусовымъ по домовладѣльцу.

41. Въ 1793 г. лейбъ-гвардіи капитанша Анна Васильевна Суворова; въ 1847 г. кол. ас. Владим. Петр. Мещериновъ.

42. Въ 1737 г. Ульяна Андреевна Татищева; въ 1745 г. камергеръ А-й Данил. Татищевъ (въ 1751 году генералъ-полицеймейстеръ), въ 1793 году л.-гв. секундъ-маіоръ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, извѣстный мартинистъ (у него въ этомъ домѣ собиралось Новиковское общество). Въ настоящее время оба эти владѣнія составляютъ одно и принадлежатъ поч. гражданину Лури.

Изъ этого перечня мы видимъ, что на 42 дома Мясницкой улицы въ прошломъ столѣтіи и къ первой половинѣ нынѣшняго было 4 монастырскія подворья, 29 домовъ господскихъ, одинъ домъ именитаго гражданина, два дома священническихъ, три дома купеческихъ и три принадлежавшіе иностранцамъ. Слѣдовательно Мясницкая лица была, такъ сказать, барскою, частью стариннаго Московскаго Бѣлаго города, и торговли въ ней не производилось.

Мы окончили нашу археологическую прогулку, въ виду Красныхъ воротъ, этого единственнаго уцѣлѣвшаго памятника изъ числа многихъ тріумфальныхъ воротъ, украшавшихъ нѣкогда нашу столицу.

II. БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ УЛИЦА.

Не только свѣту, что̀ въ окнѣ;
На улицу выйдешь, больше увидишь.
Старинная Русская пословица.

Никитская Большая улица, по направленію изъ Кремля, начинается отъ улицы Моховой и оканчивается у Кудринской площади. Названіе она получила по церкви «св. Никиты за Неглинною», которая упоминается первый разъ подъ 1534 годомъ [1]); можетъ статься, что церковь эта и обращена въ послѣдствіи въ Никитскій женскій монастырь, устройство котораго, по преданію, приписываютъ отцу патріарха Филарета Никитича, боярину Никитѣ Романовичу Романову, имѣвшему здѣсь свои палаты. Часть Никитской улицы, отъ Никитскихъ воротъ до Кудринской площади, въ старину называлась Царицына улица. Церковь Большое Вознесеніе, здѣсь находящаяся, именуется въ старинныхъ бумагахъ «что́ на Царицыной улицѣ»; храмъ этотъ въ пожаръ 1629 г. сгорѣлъ, а вновь выстроенъ царицею Натальею Кириловною, которая, какъ говоритъ преданіе, имѣла вблизи церкви свой особый дворецъ, который былъ загородный, находясь за Никитскими воротами Бѣлаго города.

ЛѢВАЯ СТОРОНА БОЛЬШОЙ НИКИТСКОЙ УЛИЦЫ.

1. Палаты боярина кн. Григорія Сунгулеевича Черкасскаго [2]), скончавшагося въ 1693 г.; домъ этотъ въ 1716 г. принадлежалъ адмиралу Ѳедору Матв. Апраксину; за симъ помѣщалась здѣсь Главная Аптека

[1]) Карамзина И. Г. Р., т. VIII, изд. 4, стр. 8.
[2]) Въ Государст. Архивѣ, книга 2: „Чертежи разные на Москвѣ“.

и Медицинская Контора; въ 1793 г. домомъ этимъ владѣетъ Дарья Ивановна Пашкова (ур. Мясникова). Въ 1826 г. домъ принадлежалъ сыну ея Вас. А—дровичу Пашкову; позднѣе тутъ помѣщался театръ, въ 1833 г. купленъ вмѣстѣ съ обширнымъ дворомъ и зданіемъ, выходящими на Моховую, для Университета и нынѣ занятъ университетскою церковью и естественно-историческимъ музеемъ.

2. Въ 1638 г. дворъ боярина Никиты Ивановича Романова [3]). Дворъ этотъ существовалъ еще въ 1764 г., но назывался уже опальнымъ [4]). Въ 1802 г. владѣютъ имъ купцы братья Осипъ и Антонъ Сем. Якоби; затѣмъ, домъ числится за дворяниномъ Н. М. Гусятниковымъ; въ настоящее время онъ принадлежитъ вдовѣ д. с. с. А. Н. Рихтеръ.

Переулокъ Шереметевскій; настоящее названіе получилъ отъ домовладѣльца гр. Шереметева. Прежде онъ назывался Романовымъ, по палатамъ Романовымъ; назывался онъ и Разумовскимъ, по дому гр. К. Г. Разумовскаго, нынѣ гр. А. Д. Шереметева, занимающему большую половину переулка и выходящему на Воздвиженку.

3. Дворъ боярина, намѣстника Ржевскаго, дворецкаго и оружейничаго Богд. Матв. Хитрово († 1680).; домъ этотъ съ 1765 г. принадлежалъ ген.-пор. и д. каммергеру гр. Владим. Гр. Орлову, младшему изъ Екатерининскихъ Орловыхъ; затѣмъ, онъ перешелъ къ его дочери, гр. Софьѣ Владим. Паниной; потомъ къ сыну ея гр. А-дру Никитичу; въ настоящее время принадлежитъ дочери сего послѣдняго, кн. М. А. Мещерской. При домѣ церковь препод. Мемнона и Девяти мучениковъ въ Кизицѣ.

За этимъ домомъ слѣдуетъ Никитскій монастырь и далѣе

Переулокъ Большой Кисловскій. Вся эта мѣстность на лѣво съ нѣсколькими переулками называется Кисловкою. Извѣстно, что здѣсь помѣщалась прислуга царскаго обихода, между которыми поселены были и кислошники Сытнаго дворца, упоминаемые еще въ бумагахъ 1726 года.

4. Въ 1793 году домовладѣлица ст. сов-ца А-дра Матв. Моисеева; въ 1802 году домъ принадлежитъ д. с. с. С. С. Кушникову; въ 1839 г. отставн. поруч. Н. Д. Арсеньеву; въ настоящее время подполковницѣ Е. Н. Черневой.

5. Въ 1716 г. домъ стольника Ѳедора Гр. Колычева; въ 1762 г. оберъ-кригсъ-коммисара Ѳедора Григ. Колычева; въ 1805 г. преміеръ-маіорши Праск. Ив. Колычевой; въ 1825 г. вдовы ген. лейт. А. Н. Бардаковой; въ 1852 г. онъ числится за генер. отъ инф. кн. Андреемъ Ив. Горчаковымъ; въ настоящее время принадлежитъ Синодальнымъ пѣвчимъ.

6. Въ 1745 г. домовладѣлица кн. Наст. Михайл. Дашкова; въ 1765 г. домъ принадлежитъ ея невѣсткѣ кн. Ек. Ром. Дашковой (изъ него она была сослана при Павлѣ, въ коронацію коего домъ нарочно занятъ ротою солдатъ; въ этомъ домѣ скончалась знаменитая княгиня-президентъ Академіи). Она завѣщала его своему племяннику, гр. М. С. Воронцову, бывшему

---

[3]) Моск. Вѣдом. 1764 г. № 9.

[4]) Въ книгѣ переписной, по 2-й командѣ, 1738 г., наход. въ Архивѣ IV Округа Путей Сообщенія, читаемъ: „Дворъ Романовъ, на которомъ живутъ разныхъ чиновъ люди своими дворами, въ приходѣ церкви Діонисія Ареопагита. Въ переднемъ концѣ поперешнику по Никитской улицѣ 40 саж., въ заднемъ концѣ тожъ число, длиннику 51 саж.; въ смежности, по одну сторону Главная Аптека, а на другую сторону проѣзжій переулокъ“.

намѣстнику Кавказскому, послѣ котораго имъ владѣетъ его сынъ свѣтлѣйшій князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ.

7. Въ 1793 г. домъ сек. маіора кн. Владим. Ив. Щербатова; въ 1802 г. купца М. С. Пирогова; въ 1830 г. купца Ѳ. В. Булошникова; въ настоящее время поч. гражданъ Зотовыхъ.

Переулокъ Малый Кисловскій.

8. Въ 1785 г. домъ надв. сов. Бор. Михайл. Салтыкова (извѣстнаго своимъ посольствомъ къ Вольтеру); въ 1802 г. купца Г. Н. Зарубина; въ 1836 г. кол. секр. П. В. Снегирева; въ настоящее время ст. сов. В. И. Ефремовой. При домѣ находилась церковь во имя Трехъ Святителей Московскихъ.

9. Въ 1793 г. домовладѣлецъ ген.-анш. Ѳедоръ Ив. Глѣбовъ; затѣмъ супруга его штатсъ и кавалерственная дама Елисав. Петр. Глѣбова-Стрѣшнева; въ послѣдствіи домъ перешелъ къ внуку ея, гвардіи штабсъ-кап. Ѳедору Петр., послѣднему изъ рода Глѣбовыхъ-Стрѣшневыхъ. Въ настоящее время домъ принадлежитъ его племянницѣ кн. Евг. Ѳедор. Глѣбовой-Стрѣшневой-Шаховской. При домѣ была церковь св. великомученицы Варвары.

10. Въ 1765 г. домъ вдовы капитана кн. Ѳедора Вас. Сибирскаго, княгини Маріи Григорьевны; въ 1793 г. дочерей ея княженъ Авдотьи, Елисаветы, Александры и Наталіи Ѳедоровнъ Сибирскихъ; въ 1823 г. ген.-лейт. Е. И. Маркова; въ 1832 г. ген.-маіора Н. И. Дурново; въ 1852 г. полков. А. А. Левашева; въ 1865 г. ген.-маіора кн. С. С. Урусова; въ 1872 г. княжны Горчаковой; въ настоящее время почет. гражд. П. А. Мусатова.

Переулокъ Калашный. Здѣсь жили слободою пекари, изготовлявшіе калачи [5]) про царскій обиходъ, въ которомъ они играли не послѣднюю роль; такъ, между многими обрядами и церемоніями, бывшими во время свадьбы великаго князя Василія Іоанновича 1526 г., находимъ такое распоряженіе: «а у мѣста поставити столъ и скатерть наслати и калачи положити»; затѣмъ, по прошествіи трехъ дней послѣ вѣнчанія «оболоча сѣнникъ постельной запонами, втыкались по четыремъ угламъ стрѣлы, а на нихъ по сороку соболей, или по одному соболю, какъ князь велитъ, да по калачу» [6]). Калачи подавались и на роскошныхъ обѣдахъ, посылались отъ царя патріархамъ, митрополитамъ, архіепископамъ и архимандритамъ, старцамъ, слугамъ, нищимъ; для дня рожденія Петра I отпущено гостямъ гостинной сотни и чернослободцамъ, между прочими яствами, 240 калачей толченыхъ [7]). Въ общественной жизни калачи употреблялись и до сихъ поръ употребляются на поминкахъ, подносятъ ихъ имянинникамъ, подаютъ ими милостыню въ мѣста заключенія, а также и въ заведенія богоугодныя; отпуская, отъ кого либо, посланнаго, даютъ ему мелкую монету на калачъ. Наконецъ, про калачъ сложилась такая пословица: «въ Москвѣ калачи, какъ огонь горячи».

11. Въ 1737 г. домовладѣлица вдова кн. Гликерія Осип. Путятина; въ 1760 г. внукъ ея ассесоръ кн. А. А. Путятинъ; въ 1793 г.

---

5) Слово калачъ означало вообще всякое хлѣбное печеніе.

6 Древ. Рос. Вивліоѳика, изд. Н. Новикова, 1790 г., ч. XIII, стр. 6 и 11.

7) Россійскій Магазинъ, изд. Ѳ. Туманскаго, 1792 г., час. I.

вдовы артиллеріи капит. Елиз. Влад. Дурновой; въ 1802 г. домъ д. т. с. кн. Як. Ив. Лобанова-Ростовскаго, въ 1834 г. полковницы А. П. Плаутиной, въ 1852 г. штабъ-ротм. кн. А. А. Голицына; въ настоящее время домомъ владѣетъ А. М. Миклашевскій. Далѣе слѣдуетъ первый проѣздъ Никитскаго бульвара.

Площадь, на которой стояли Никитскіе ворота въ стѣнѣ Бѣлаго города. Извѣстно, что на мѣстѣ нынѣшнихъ бульваровъ, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1586—1593 г. была построена каменная стѣна, и пространство, которое она обходила, называлось Царевымъ или Бѣлымъ городомъ; въ этой стѣнѣ были ворота съ башнями: Всесвятскіе, Пречистенскіе, Арбатскіе, Никитскіе, Тверскіе, Петровскіе, Срѣтенскіе, Мясницкіе, Покровскіе и Яузскіе, что̀ конечно стѣсняло городъ, но придавало ему своебытный характеръ; сады, которыхъ было множество, очищали воздухъ не хуже бульваровъ. Въ 1779—1780 г. приступлено къ постепенному уничтоженію стѣны и воротъ, такъ какъ они ветшали, а крѣпостное значеніе Бѣлаго города утратилось. Правительство употребляло старый камень на свои постройки и раздавало его частнымъ лицамъ. Эта сломка продолжалась до самаго царствованія Павла, который подарилъ то, что̀ еще не было убрано, полицмейстеру Каверину; но названіе воротъ уцѣлѣло до сихъ поръ въ народной памяти. По стѣнамъ Бѣлаго города совершались, въ старину, ежегодно два крестные хода: въ первую недѣлю Петрова поста отъ рѣки Москвы до Срѣтенскихъ воротъ, и 26 Августа отъ Пречистенскихъ до Срѣтенскихъ воротъ. Указомъ Синода 1765 г. Апрѣля 26, крестные ходы отмѣнены за ветхо̀стію городовыхъ стѣнъ.

12. Въ 1785 г. домъ купцовъ Медовщиковыхъ; въ 1793 г. поручика А—я Рожнова; въ 1807 г. стат. сов. Е. П. Пименовой; въ 1811 г. купч. Е. К. Вѣтровой; въ 1842 г. ст. сов. П. Н. Васильчиковой; въ настоящее время кол. ассес. Н. И. Протасьева. Въ этотъ домъ упирается Никитскій бульваръ.

Далѣе слѣдуютъ второй проѣздъ Никитскаго бульвара, нѣсколько домовъ, принадлежащихъ церкви Ѳеодора Студита и Мерзляковскій переулокъ. Названіе это искаженное. Переулокъ прежде назывался улица Маструковка (1744 г.), улица Мастрюковка (1774 г.), улица Местрикова и переулокъ Местриковъ (1802 г.), Мерлоковскій и наконецъ Мерзляковскій (1817 и 1821 г.). Изъ всѣхъ этихъ названій нѣтъ ни одного правильнаго. Настоящее его прозвище Мамстрюковъ; тутъ былъ вѣроятно домъ князя Черкасскаго, по извѣстному прозванію Мамстрюковича, сестра котораго была за Іоанномъ Грознымъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ Мѣщанской части мы нашли Местриковъ садъ, а на Варваркѣ Мастроковскій переулокъ; ихъ теперь не существуетъ, но извѣстно, что въ обѣихъ названныхъ мѣстностяхъ были владѣнія князей Черкасскихъ.

13. Въ 1793 г. домъ поручика Петра Михайл. Салтыкова, въ 1826 г. маіорши М. Паговской, въ 1835 г. капит. Ѳ. Я. Миллера, нынѣ вдовы кол. сов. Н. А. Мещериновой.

14. Въ 1775 г. домъ капит. Ив. Алексѣев. Чемоданова; въ 1806 г. гвар. пор. П. М. Салтыкова; въ 1826 г. секрет. Василія Архипова; въ 1852 г. с. с. В. М. Воробьевскаго; нынѣ К. П. Засѣцкаго.

15. Въ 1793 г. домовладѣлецъ заштатный священникъ Иванъ Лукьяновъ; въ 1802 г. Оружейной Палаты помощникъ Павелъ Васильевъ; въ 1806 г. жена священника А. А. Смиренская; въ 1832 г. жена шт. кап. А. О. Комарская; въ 1852 г. поручикъ М. А. Заборовскій; нынѣ С. М. Туманскій.

Переулокъ Ножовый — прозвище новое; прежде назывался переулкомъ Вознесенскимъ, какъ расположенный противъ церкви Вознесенія, Мертвымъ и Скатертнымъ.

16. Въ 1760 г. домъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капит. поруч. кн. Ив. Ѳедор. Голицына; въ 1802 г. д. т. с. кн. Надежды Ив. Голицыной; въ 1815 г. жены маіора А. В. Норовой; съ 1826 г. это владѣніе принадлежитъ Арбатскому частному дому.

17. Въ 1763 г. домъ кол. сов. Ѳедора Михайл. Безсонова; въ 1793 г. дочери полковн. дѣвицы Е. Ѳ. Безсоновой; въ 1802 г. владѣетъ домомъ она же вмѣстѣ съ отставнымъ баталіоннымъ командиромъ Никол. Васил. Бабарыкинымъ, въ 1815 г. супруга его Елисавета Ѳедоровна; въ 1826 г. подполковница Елисавета Фрей; въ 1852 г. подполковн. А. А. Симоновъ, въ томъ же году дочь ст. сов. Н. А. Симонова; въ 1861 г. гвард. полк. Александра Преженцова; въ 1873 г. жена полковника Е. А. Преженцова, и въ томъ же году жена кол. секр. Е. Д. Викулина. Въ настоящее время тутъ образовались два владѣнія: одно принадлежитъ генералу Эллису, а другое Е. К. Рукавишниковой.

18. Въ 1785 г. домовладѣлецъ полковн. Никол. Алексѣевичъ Ниротморцевъ; въ 1802 г. генер. отъ инф. кн. Никол. Серг. Волконскій; въ 1825 г. подполковница Т. А. Азанчевская; въ 1838 г. сынъ ея, ст. сов. П. М. Азанчевскій; нынѣ сынъ его, гвард. штаб. капит. Н. П. Азанчевскій.

19. Въ 1775 г. домъ вдовы подполк. Екат. Григор. Бѣшенцовой; въ 1806 г. надв. сов. Н. А. Макаровой; въ 1825 г. поруч. А. П. Заборовскаго; въ 1849 г. поручицы П. П. Кротковой; нынѣ княжны Е. Д. Щербатовой (внукѣ историка).

20. Въ 1793 г. домъ маіора кн. Бор. Александр. Шаховскаго; въ 1826 г. вдовы гвар. прапор. А. А. Нероновой; въ 1835 г. купч. Е. К. Москвиной; въ 1849 г. жены ротм. баронессы М. Ѳ. Розенъ; въ 1852 г. поруч. Н. С. Кроткова; въ 1870 г. гвар. полк. И. А. Звѣгинцовой; въ настоящее время кол. сов. В. М. Пушкевичъ.

Переулокъ Скарятинскій идетъ вправо къ Малой Никитской улицѣ и влѣво къ Поварской. Названъ по домовладѣльцу, поручику Василію Михайловичу Скарятину, имѣвшему домъ въ той части переулка, которая направляется къ Малой Никитской и называлась прежде Сабуровымъ переулкомъ, по дому (1769) прапорщ. Михаила Сабурова, на Вознесенской, теперь Малой Никитской улицѣ; а часть Скарятинскаго переулка къ Поварской именовалась Волчковскимъ переулкомъ по домовладѣльцу (1793), бригадиру Данил. Григ. Волчкову.

21. Въ 1785 г. домовладѣлецъ маіоръ Никол. Никол. Любовниковъ; въ 1802 г. надв. совѣт. А. Ѳ. Горчакова; въ 1836 г. ген.-маіорша М. Н. Протасова; и въ томъ же году бригадир. дочь Л. А Исленьева; въ 1839 г. кол. асс. К. Н. Степановъ; въ 1840 г. поруч. С. С. Кротковъ;

въ 1852 г. дочери надв. сов., дѣвицы: Елисавета и Ольга Александровны Вельяминовы; нынѣ вдова капит. Е. И. Роштокъ.

22. Въ 1785 г. домъ кн. Михаила Никол. Голицына; въ 1802 г. ст. сов. Е. Г. Болтиной: въ 1806 г. кол. ас. И. А. Небольсина; въ 1817 г. княжны А. Н. Волконской; въ 1837 г. дочерей шт.-кап. дѣвицъ: Евѳиміи, Надежды и Екатерины Ѳедор. Карцовыхъ; въ 1852 г. полков. П. А. Пашеннаго; въ 1860 г. пор. Н. И. Познякова; въ 1863 г. вдовы тайн. сов. Е. Д. Солнцевой; нынѣ почет. гражд. І. И. Баранова.

23. Въ 1765 г. домовладѣлецъ бригадиръ кн. Николай Алексѣевичъ Долгоруковъ; въ 1793 г. жена его княг. Анна Александровна. Въ 1809 г. это владѣніе дѣлится на двѣ части: одна поступаетъ къ сыну княгини, дѣйств. каммерг. кн. Александру Николаевичу и въ настоящее время принадлежитъ гофмейстеру барону М. Л. Боде-Колычеву.

24. Другая часть, ближайшая къ Кудринской площади, въ 1809 г. поступила во владѣніе къ дочери бригадирши княг. А. А. Долгоруковой; княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ; въ 1817 г. значится за д. с. с. А. К. Коптевымъ; въ 1834 г. принадлежитъ женѣ его Аннѣ Васильевнѣ; въ 1842 г. гвард. шт.-кап. кн. Павлу Бор. Голицыну, нынѣ ген.-маіору А. Б. Казакову.

ПРАВАЯ СТОРОНА БОЛЬШОЙ НИКИТСКОЙ УЛИЦЫ.

25. Дворъ боярина и начальника Сибирскаго приказа, кн. Ив. Бор. Репнина († 1697); въ 1738 г. ротмистра кн. Петра Ив. Репнина, въ 1786 году прикупленъ къ выходящему на Моховую зданію Университета и занятъ его библіотекою и квартирами служащихъ.

Противъ извѣстныхъ уже читателямъ Романовскихъ палатъ шелъ съ Никитской вправо на Тверскую улицу переулокъ Леонтьевскій, названный по находившейся въ немъ церкви св. Леонтія, чудотворца Ростовскаго. Нынѣ тутъ обширный университетскій дворъ и дворы сопредѣльныхъ домовъ. На углу этого не существующаго нынѣ Леонтьевскаго переулка и Никитской стояла церковь св. Діонисія Ареопагита. Первый изъ этихъ храмовъ построенъ въ 1519 г., а другой въ 1514 г. Алевизомъ Фрязиномъ [8]). Въ 1790 г. директоръ Университета П. И. фонъ-Визинъ просилъ митрополита Платона «прикосновенную къ Университету церковь св. Діонисія Ареопагита сломать съ предоставленіемъ Университету навсегда полной власти на владѣніе всѣмъ принадлежащимъ къ ней мѣстомъ въ пользу и надобность его». Консисторія опредѣлила Діонисіевскую церковь дозволить разобрать и землю отдать подъ строеніе Университета. Въ 1791 г. благочинный донесъ митрополиту Платону, что церковь св. Леонтія Ростовскаго, состоящая «на Вражкѣ», близъ Университета, дошла до крайняго обветшанія, такъ что въ придѣлѣ чудотворца Николая и службу отправлять нѣтъ уже возможности, поколику кровля обвалилась и сквозь своды проходитъ течь, печь упала, надъ дверью разсѣлина, и входить въ нее небезопасно, а западная стѣна разсѣлась; въ настоящей церкви, подобнымъ образомъ, крышка совершенно сгнила, и какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви бываетъ течь; иконостасъ облинялъ, церковное мѣстоположеніе столь низко, что во время весеннее и дождливое церковь съ улицъ наполняется водою не

[8]) Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ, часть III, Москва, 1792 г. стр. 65.

менѣе аршина глубины; священникъ служитъ рѣдко, прихода одинъ только дворъ, а вкладчиковъ никакихъ нѣтъ. Вслѣдствіе этого Леонтьевская церковь въ 1792 г., по опредѣленію Консисторіи, съ утвержденія митрополита, совсѣмъ упразднена [9]). Затѣмъ, въ 1793 году тотъ же фонъ-Визинъ писалъ къ митрополиту, что названная нами церковь вошла во внутренность самаго университетскаго дома и застроена, съ великимъ утѣсненіемъ, деревяннымъ, въ совершенную уже ветхость дошедшимъ, строеніемъ, такъ что угрожаетъ публичному мѣсту опасностью и сверхъ того дѣлаетъ ему безобразіе, и просилъ позволенія ветхую упраздненную Леонтьевскую церковь сломать, а мѣсто ея присоединить къ Университетскому дому. Въ 1793 г. обѣихъ церквей уже не существовало. Погребенное въ церкви св. Леонтія тѣло прихожанина маіора кн. Абрама Михаил. Волконскаго, по случаю разобранія церкви, дозволено дочерямъ его, княжнамъ Екатеринѣ и Маріи, вынуть изъ свѣжаго склепа и перенести для погребенія въ Донской монастырь, вмѣстѣ съ ихъ предками.

Переулокъ Долгоруковскій названъ по домовладѣльцу (1802) генер. отъ инф. кн. Юрію Владим. Долгорукову, коего домъ въ самомъ переулкѣ принадлежитъ нынѣ поч. гражд. Г. М. Монахову. Прежде этотъ переулокъ назывался Никитскимъ, какъ расположенный противъ Никитскаго монастыря.

26. Въ 1768 г. домовладѣлецъ водочный мастеръ Саксонецъ Ив. Ив. Дицъ; въ 1793 г. купецъ А. Т. Заикинъ; въ 1817 г. купчиха Н. Т. Васильева; въ 1825 г. гр. Дмитр. Ник. Шереметевъ; въ 1836 г. купчиха В. В. Шабунина; въ 1868 г. купч. У. Н. Костерева; нынѣ поч. гражд. Е. И. Кузнецовъ.

27. Въ 1783 г. домъ Николая, Александра и Павла Ив. Богдановыхъ и въ томъ же году купца А. Т. Заикина; въ 1820 г. купца А. А. Муромцева; въ 1832 г. поруч. кн. П. П. Вадбольскаго, коего дочерямъ принадлежитъ нынѣ.

Переулокъ Газетный. Въ старину назывался Строгоновскимъ; здѣсь находимъ въ 1745 г. домъ барона Никол. Гр. Строгонова. Назывался этотъ переулокъ и Успенскимъ по находящейся въ немъ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что́ на Успенскомъ Вражкѣ.

28. Въ 1793 г. домъ, въ глубинѣ двора сенатора и камергера кн. Серг. А—дровича Меншикова; въ 1826 г. владѣетъ имъ славный дипломатъ графъ Арк. Ив. Марковъ; въ 1831 г. дочь его Голицына; въ 1852 г. поручикъ М. С. Храповицкій, нынѣ шт.-капит. Д. С. Селезневъ, застроившій его по Никитской улицѣ, такъ что самаго дома не видно.

29. Въ 1737 г. домовладѣлецъ полковн. гр. А—ъ Ром. Брюсъ; въ 1793 г. сынъ его ген.-анш. гр. Яковъ Александровичъ; въ 1802 г. домъ принадлежитъ дочери его гр. Ек. Як. Мусиной-Пушкиной-Брюсъ; въ 1806 г. ген. отъ инфант. кн. Юрію Влад. Долгорукову; въ 1831 г. гвар. шт.-рот. княг. В. Ѳ. Салтыковой; затѣмъ мѣщ. А. Б. Калугиной и Е. М. Ерисовой; въ 1839 г. подполк. И. А. Махову; затѣмъ княгинѣ Мещерской; въ настоящее время принадлежитъ почетн. гражд. Г. И.

---

[9]) См. о Татьянинской церкви Императорскаго Московскаго Университета соч. Н. П. Розанова. Москва, 1869 г.

Вельтищеву. При домѣ была церковь въ честь Богородичной иконы Взысканія погибшихъ.

Между этимъ домомъ и владѣніемъ г-на Селезнева въ старину тянулся переулокъ, который выходилъ на Тверскую, между нынѣшними домами гг. Голяшкина и Гиппіуса, какъ видно на планѣ архитектора И. Мичурина 1737 г.

Переулокъ Брюсовскій проходилъ мимо владѣнія ген. анш. гр. Я. А. Брюса; прежде онъ назывался Вражковскимъ и Воскресенскимъ, потому что направлялся мимо церкви Воскресенія на Вражкѣ.

Извѣстно, что отецъ царя Михаила Ѳеодородича, Ѳедоръ Никитичъ, въ послѣдствіи святѣйшій патріархъ Филаретъ, находился въ продолженіи 9 лѣтъ въ Польшѣ плѣнникомъ. Въ силу договора о перемиріи, онъ былъ размѣненъ на Польскаго начальника Струся и прибылъ въ Москву. За Прѣснею встрѣтилъ его царь Михаилъ со всѣми чинами государства и народомъ. Сынъ упалъ къ ногамъ отца; народъ проливалъ слезы. Объ этомъ возвращеніи сложена была народная пѣсня, до сихъ поръ сохранившаяся. Великій государь, въ незабвенную память этого дня, во имя святаго пророка Елисея, празднуемаго въ тотъ день (14 Іюня 1619), повелѣлъ строить церковь между улицами Никитской и Тверской [10], съ придѣлами: св. муч. Іустина Философа, празднуемаго 1 Декабря (въ память того дня, въ который утверждено было перемиріе), другой придѣлъ Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости, чтобъ увѣковѣчить тѣ радости, которыя царь даровалъ народу въ этотъ день прощеніемъ преступниковъ и освобожденіемъ узниковъ; третій придѣлъ былъ въ честь св. Николая. Церковь была построена въ 1620 г. деревянная, сгорѣла 10 Апрѣля 1629 года, и на мѣстѣ ея сооружена каменная [11]. Въ 1812 г. церковь эта упразднена, а въ 1818 г. подверглась разобранію [12]. Стояла она въ Брюсовскомъ переулкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщаются торговыя Титовскія бани.

30. Въ 1738 г. домовладѣлецъ бригадиръ Петръ Панкрат. Сумароковъ (отецъ писателя); въ 1793 г. надв. сов. М. И. Степанова; въ 1802 г. купецъ И. П. Шнуръ; въ 1836 г. кол. сов. Н. П. Горина; въ 1863 г. кол. асс. С. П. Булыгина; нынѣ поруч. Е. Д. Ѳедорова.

Затѣмъ слѣдуетъ древняя церковь Малаго Вознесенія.

Переулокъ Чернышевскій отъ домовладѣльца гр. Зах. Гр. Чернышева, имѣвшаго свой домъ на Тверской, выходившій въ этотъ переулокъ и нынѣ занимаемый Московскими генералъ-губернаторами. Прежде этотъ переулокъ назывался Вознесенскимъ.

31. Въ 1755 г. домъ л.-гв. поручика Григ. Ив. Бахметева.

32. Въ 1716 г. домовладѣлецъ ближній стольникъ кн. Ѳедоръ Юр. Ромодановскій [13], управлявшій Россіею во время перваго путешествія Петра Великаго за границу, потомъ Москвою, Преображенскимъ Приказомъ, Тайною Канцеляріею, знаменитый князь-кесарь, имѣвшій титулъ кесар-

---

[10]) См. Краткое описаніе о происшествіи знаменитаго рода Юрьевыхъ-Романовыхъ. Москва. 1798.

[11]) См. Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. Часть III, стр. 62. Москва, въ Универс. тип. 1792 г.

[12]) См. Истор. Моск. Епар. Управл., соч. Н. П. Розанова. Часть 3, кн. 2, стр. 45.

[13]) См. вѣдомость домамъ, находившимся въ Москвѣ въ 1716 г., въ Архивѣ Мин. Юст., въ Москвѣ.

скаго величества и производившій въ чины. Въ 1737 г. домомъ этимъ владѣлъ мужъ его внучки, вице-канцлеръ и кабинетъ-министръ гр. Михаилъ Гавр. Головкинъ, сосланный въ 1742 г. въ острогъ Ермангъ за Якутскомъ. Съ 1742 г. до 1791 г. домомъ владѣла супруга его Екатерина Ив., дочь послѣдняго кн. Ив. Ѳец. Ромодановскаго. Она поселилась тутъ, привезя изъ Сибири тѣло своего супруга († 1755). Въ 1793 г. домъ этотъ принадлежитъ подпор. Тат. Ѳедор. Опочининой; въ 1813 г. т. с. сенатору Петру Петровичу Нарышкину; въ 1816 тайн. сов. Екат. Никол. Нарышкиной. Здѣсь видимъ, что къ этому дому присоединено и владѣніе сосѣда Г. И. Бахметева. Въ 1855 году домъ значится за тит. сов. В. В. Трестеръ; въ 1865 г. за кол. асс. А. О. Ляссотовичъ, и въ настоящее время принадлежитъ вдовѣ губ. секр. В. В. Кохановской. При домѣ была церковь Спаса Нерукотвореннаго, которая оставалась и у г-жи Нарышкиной. Домъ этотъ, видѣвшій нѣкогда въ стѣнахъ своихъ Петра Великаго, а вмѣстѣ съ нимъ и все тогдашнее высшее общество первопрестольной столицы, нынѣ не сохраняетъ и тѣни прежняго своего значенія, вмѣщая въ стѣнахъ своихъ мелкихъ жильцовъ, чуть не ежедневно смѣняющихся, и нѣсколько магазиновъ.

33. Въ 1793 г. домъ Московскаго губернатора, въ послѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина; въ 1802 г. кн. Андрея Петровича Оболенскаго; въ 1813 г. об.-гофм. графа Пав. Ив. Кутайсова; въ 1836 г. его дочери кн. А—ры Павл. Голицыной, нынѣ тайн. сов. Помпея Николаевича Батюшкова.

34. Въ 1793 г. домъ ген.-пор. Петра Михайл. Лунина; въ 1802 г. об.-гофм., д. каммерг. Григ. Никит. Орлова; въ 1806 г. полковника Еѳима Еѳим. Ренкевича; въ 1812 г. ген.-маіора Петра Андр. Познякова (имѣвшаго тутъ свой театръ, которымъ воспользовались Французы въ 1812 году; въ этотъ домъ, на театральное представленіе, пріѣзжалъ Наполеонъ, спасаясь отъ скуки своего Кремлевскаго сидѣнья). Съ 1822 г. этотъ домъ поступилъ во владѣніе д. т. с. кн. Никол. Борис. Юсупова, нынѣ Ю. А. Воейковой.

Переулокъ Леонтьевскій названъ по домовладѣльцу (1725), отъ кавалеріи бригадиру Михаилу Иванов. Леонтьеву.

35. Въ 1738 г. л.-гв. поруч. кн. Петра Никитича Прозоровскаго; въ 1766 г. бригадирши кн. Екат. Ив. Прозоровской; въ 1802 г. домъ купч. Авд. Григ. Сониной; въ 1812 г. купца Андреяна Иванова; въ 1831 г. купца С. В. Бубнова, нынѣ жены поруч. Д. Ѳ. Ранцевой.

Вправо отъ этого владѣнія, къ Тверскому бульвару, до 1786 года стояла церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ собора св. Іоанна Предтечи, по которому она и называлась. Послѣ моровой язвы 1771 г., многія церкви въ Москвѣ оставались крайне скудны количествомъ прихожанъ, отъ этого содержаніе церквей и причта ихъ было недостаточно, а потому преосвященный Платонъ малоприходныя церкви упразднялъ и приписывалъ къ другимъ церквамъ, размѣщая по удобству прихожанъ къ сосѣднимъ церквамъ [14]).

---

[14]) Истор. Моск. епархіальн. управленія, Н. П. Розанова. Часть I, книга 1, стр. 116.

36. Въ 1785 г. домъ купц. Медовщиковыхъ; въ 1806 г. подпоручиковъ Павла и Ивана Чихачевыхъ; въ 1811 г. купца С. И. Усачева; въ 1828 г. маіора С. А. Чистякова; въ 1852 г. шт.-кап. И. П. Станкевича, нынѣ А. Г. Боргеста. Въ огромный домъ этотъ упирается Тверской бульваръ.

37. Съ 1793 г. домовладѣлецъ священникъ Вознесенской церкви Антипъ Матвѣевъ; въ 1811 г. купецъ В. М. Корчажкинъ; въ 1858 г. купецъ Н. Я. Рожновъ, нынѣ купецъ П. Н. Севастьяновъ.

38. Въ 1782 г. домъ ген.-пор., кн. Ѳедора Ѳед. Щербатова; въ 1815 г. кол. рег. А. М. Доброхотовой; въ 1828 г. тит. сов. Г. Е. Матвѣева; въ 1829 г. купца В. М. Корчажкина, нынѣ купца П. Н. Севастьянова.

39. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время погостъ и новопостроенная церковь Вознесенія Господня, стоялъ въ 1744 г. домъ подполковника Александра Васильевича Потемкина [15]), а въ 1782 г. дворъ и садъ сына его, господина генералъ-аншефа, Государственной Военной Коллегіи вице-президента, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанта, свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина [16]).

40. Въ 1793 г. домовладѣлецъ ген.-анш. графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій; въ 1802 г. супруга его, штатсъ-дама кн. Италійская, графиня Варвара Ивановна Суворова-Рымникская; въ 1806 г. ст. сов. Никол. Александр. Енишъ; въ 1813 г. капит. И. П. Аникѣева; въ 1816 г. дѣвица Ольга Яковл. Свербеева; въ 1832 г. кол. ас. Н. М. Юрьевъ; въ 1833 г. купецъ Н. А. Вейеръ (извѣстный закладчикъ); затѣмъ супруга ген.-м. Н. П. Бреверпъ; въ 1851 г. баронесса М. Д. Шеппингъ, нынѣ поч. гр. Н. И. Барановъ.

41. Въ 1793 г. домъ бригадира кн. Михаила Александр. Шаховскаго; въ 1806 г. княг. Елис. Серг. Шаховской; въ 1817 г. д. ст. с. Праск. Петр. Киселевой (матери министра); въ 1831 г. надв. с. Н. В. Шатилова; въ 1855 г. пор. княг. Н. А. Черкасской, нынѣ гофмейстера Конст. Павл. Нарышкина.

42. Въ 1785 г. домъ подполковника Петра Ив. Бибикова; въ 1802 г. с. с. кн. Бор. Михайл. Черкасскаго; въ 1834 г. жены его, кн. Праск. Дмитр.; въ 1836 г. жены д. с. с. гр. Агрип. Борис. Буксгевденъ; въ 1846 г. полк. кн. Алексѣя Бор. Черкасскаго, нынѣ жены с. с. Н. В. Новиковой.

43. Въ 1781 г. домовладѣлецъ бригадиръ кн. Петръ Петр. Долгоруковъ; въ 1793 г. кол. сов. княг. Анна Александр. Прозоровская; въ 1802 г. маіорша Екат. Андр. Новосильцова; въ 1825

---

15) См. 4-я книга 6 (Тверской) части, въ Архивѣ IV Округа Пут. Сооб. въ Москвѣ. Самая церковь, выстроенная по словесному завѣщанію князя Потемкина, напоминаетъ собою и своими размѣрами о любви его къ церковному благолѣпію и о широкихъ его замыслахъ. Въ ней хранятся драгоцѣнные вѣнцы для бракосочетаній, намекающіе тоже на нѣкоторое событіе его жизни.—Очевидно по колокольнѣ, что тутъ находилась прежде другая старинная церковь.

16) Книга Камен. Приказа 1782 г., 62-я, № челобитной 94, въ Архивѣ Мин. Юст.

г. кол. ассес. Никол. Аоан. Гончаровъ (тесть А. С. Пушкина); это владѣніе раздѣлилось, и одна часть принадлежитъ Н. А. Андреевой. Въ этотъ домъ Пушкинъ ѣзжалъ къ своей невѣстѣ; изъ оконъ видна была лавка гробовщика Адріана, помѣщавшаяся черезъ Скарятинскій переулокъ. Разсказы про этого гробовщика подали поводъ къ извѣстной повѣсти Пушкина.

44. Другая значилась въ 1868 г. за кол. сов. Г. Г. Чайковскимъ, а теперь принадлежитъ штабъ-ротм. В. А. Рудакову.

ЗА СКАРЯТИНСКИМЪ ПЕРЕУЛКОМЪ.

45. Въ 1765 г. домъ кол. асс. кн. Александра Григ. Волконскаго; въ 1793 г. дочери его княжны Марьи А—дровны; въ 1815 г. надв. сов. Савеловой; въ 1852 г. губ. секр. С. П. Заборовской, нынѣ бывшаго Московскаго городскаго головы д. с. с. кн. Александра Алексѣевича Щербатова.

46. Въ 1785 г. ген.-м. кн. Ив. Петр. Гагарина; въ 1802 г. сестры его княжны Маріи Петр.; въ 1852 г. ген.-м., кн. Павла Гавр. Гагарина, нынѣ поч. гражд. А. В. Лопатина.

47. Въ 1785 г. домъ бригадирши Агр. Ѳедот. Татищевой; въ 1802 г. Петра Никол. Бахметева; въ 1822 г. д. ст. сов. В. П. Ушаковой; затѣмъ сына ея лейбъ-гвар. штаб.-кап. А. Ушакова; въ 1852 г. кол. ас. А. П. Струговщикова; въ 1860 г. тит. сов. М. В. Аристова, нынѣ Французскаго подданнаго Ф. Ф. Дабо.

48. Въ 1785 г. домовладѣлецъ кн. Михаилъ Никол. Голицынъ; въ 1802 ген.-м. Никол. Вас. Сипягинъ; въ 1828 г. ген.-лейт. кн. Никол. Алексѣев. Волконскій; въ 1837 г. жена прем. маіора Екат. Степ. Нарышкина; владѣніе это раздѣлилось и принадлежитъ теперь одна часть купчихѣ Е. П. Исаевой.

49. Другая—женѣ шт.-кап. Е. Ермолаевой.

50. Въ 1785 г. домъ маіора Никол. Никит. Любовникова; въ 1793 г. маіорши Евдок. Ѳедор. Любовниковой; въ 1802 г. маіорши Екат. Ил. Сорочинской; въ 1806 г. ген.-лейт. кн. Ѳед. Петр. Волконскаго; въ 1816 г. ген.-маіор. княгини Мар. Семен. Урусовой; въ 1842 г. жены корнета С. А. Пустошкиной, нынѣ с. с. В. Б. Полуектова.

Никитскою улицею владѣла въ старину Русская знать: изъ 50 домохозяевъ 26 было съ титуломъ княжескимъ; здѣсь жили и родоначальники нынѣ царствующаго дома, Романовы, родственные царямъ Глѣбовы-Стрѣшневы; здѣсь были дома Ромодановскихъ, Головкиныхъ, кн. Дашковыхъ, Потемкина, Суворова; но археологъ, проходя по этой улицѣ, съ грустью вспомнитъ, что на такомъ маломъ пространствѣ превратность времени и невѣжественная рука стерли съ лица земли четыре памятника древняго церковнаго зодчества.

Алексѣй Мартыновъ.

Патентъ М. В. Муромцову.

Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ воспитывался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, а за тѣмъ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ и военныхъ школахъ Европы. Высоко-образованный по своему вѣку офицеръ, онъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ Екатерининскаго царствованія до 1775 г. Документъ, ниже помѣщаемый, относится къ войнѣ 1770—1774 годовъ, когда онъ состоялъ генералъ-квартирмейстеромъ (по нынѣшнему начальникомъ штаба). 34 лѣтъ отъ роду былъ онъ уже кавалеромъ Св. Анны 1-й степени, Георгія 4-й и 3-й; затѣмъ управлялъ Новороссійскимъ краемъ и кончилъ службу генералъ-поручикомъ и намѣстникомъ Тульскимъ, будучи только 40 лѣтъ отъ роду. Въ 1780 году вышелъ онъ въ отставку и поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Баловневѣ (Рязанск. губ. Данковскаго уѣзда), гдѣ скончался скоропостижно въ 1800 г., еще мощный тѣломъ и духомъ. Вотъ краткій очеркъ служебной дѣятельности человѣка, не одинъ камень положившаго на святое зданіе, нынѣ вѣнчаемое, и оставившаго въ современникахъ и близкомъ потомствѣ *) память о себѣ какъ о чрезвычайно даровитой и сильной личности.

Леонидъ Муромцовъ.

Ея Императорскаго Величества самодержицы Всероссійской, всемилостивѣйшей государыни моей, генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій кавалеріею, корпусами Малороссійскимъ и въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ, Малороссійской и Слободской Украинской генералъ-губернаторъ, Малороссійской Коллегіи президентъ, кирасирскаго полку военнаго ордена полковникъ, орденовъ Россійскихъ императорскихъ святыхъ апостола Андрея, военнаго великомученика и побѣдоносца Георгія большаго креста, Александра Невскаго и Голстинскаго святыя Анны кавалеръ, я ниже сего подписавшійся, удовлетворяя самой справедливости, даю мое свидѣтельство господину генералу-маіору, Новороссійскому губернатору и кавалеру Муромцову, что онъ чрезъ все продолженіе прошедшей съ Турками войны, находяся при арміи, подъ моимъ предводительствомъ бывшей, сперва генераломъ-квартирмейстеромъ лейтенантомъ, а потомъ и въ должности генерала-квартирмейстера, понесъ неусыпные труды на пользу службы Ея Императорскаго Величества, обозрѣвая для войскъ дороги, переправы, положеніе непріятельское въ лагеряхъ, городахъ и другихъ укрѣпленіяхъ, часто при подобныхъ случаяхъ вдавая себя всей опасности и предводя какъ при главномъ корпусѣ арміи, такъ и при отдѣленныхъ частяхъ легкія войска на пораженіе непріятеля. Таковые подвиги доказалъ онъ какъ въ 1770 году въ сраженіяхъ съ непріятелемъ 17 Іюня при Прутѣ близъ Гре мишты, 7 Іюля при Ларгѣ и 21 при Кагулѣ и во все теченіе кампа

*) Въ такомъ смыслѣ часто отзывался о Муромцевѣ А. П. Ермоловъ.

ніи того и 1771 г., такъ и въ 1773 по возобновленіи военныхъ дѣйствій при переходѣ за Дунай и поискахъ на Силистрійскаго непріятеля произведенныхъ, гдѣ онъ всегда подъ самыми выстрѣлами рекогносцировалъ и назиралъ на всѣ дѣйствія легкихъ и другихъ передовыхъ нашихъ войскъ. А 22 Іюня онъ, господинъ Муромцовъ, посланный отъ меня въ помощь генералу-маіору барону Вейсману фонъ Вейсенштейну, отряженному для атаки державшагося въ большихъ силахъ при Кайнарджи непріятеля, былъ главнѣйшимъ споспѣшникомъ и участникомъ въ благополучномъ совершеніи сего дѣла, о коемъ я по смерти тутъ случившейся начальнику корпуса барону Вейсману первое отъ него получилъ извѣстіе. Равные труды подъялъ онъ и въ послѣдованіи той кампаніи и при переходѣ паки за Дунай въ 1774 году, успѣвая вездѣ наилучшимъ образомъ, гдѣ только отъ меня употребленъ былъ, или самъ движимъ будучи ревеніемъ къ службѣ, искалъ употребить себя. По окончаніи войны полезнымъ и славнымъ миромъ, не меньшее я долженъ воздать благопризнаніе подвигамъ и раченію сего генерала при испражненіи войсками края завоеваннаго и маршѣ оныхъ въ Польшу, равно какъ и тѣмъ стараніямъ, которыя по всевысочайше порученной ему коммисіи выводу Арнаутовъ и другихъ людей изъ Молдавіи, Валахіи и другихъ Туркамъ возвращенныхъ земель (сходно содержанію мирнаго трактата) приложилъ онъ къ выполненію сего въ точности и къ удержанію сихъ разнонародныхъ во время путешествія ихъ въ Новороссійскую губернію чрезъ Польшу во всевозможномъ порядкѣ. Словомъ, былъ онъ господинъ Муромцовъ истиннымъ мнѣ помощникомъ въ теченіи войны, и самый ревностный исполнитель возлагаемыхъ отъ меня на него предположеній, заслуживающій отличное всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе и пріобрѣтшій въ арміи общую хвалу и одобреніе.

Въ Москвѣ, Ноября 20 дня 1775 года.

Графъ Румянцовъ-Задунайскій.

Изъ воспоминаній В. М. Еропкина.

походъ 1831 года.—служба въ гвардіи.

Въ 1830 году, въ концѣ Іюля мѣсяца, первый батальонъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, въ которомъ я имѣлъ честь служить, отправленъ былъ изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ въ загородное расположеніе. Мы заняли деревни: Рыбацкое, Усть-Ижору, Колпино и Московскую Ижору, гдѣ помѣстился батальонный штабъ; меня назначили батальоннымъ адъютантомъ. Усть-Ижора около 8 верстъ отъ Павловска и въ 6 верстахъ отъ Царскаго Села. Въ то время въ Петербургѣ свирѣпствовала холера. Я не стану подробно говорить о ней; всѣмъ извѣстно, что при внезапномъ появленіи державнаго царя на Сѣнной площади стотысячная взволнованная масса народа пала на колѣни и, помолясь Богу, тихо разошлась по домамъ. На гауптъвахтѣ Сѣнной площади занимали караулъ 12 рядовыхъ л. гренадерскаго полка съ прапорщикомъ Ховеномъ, все время стоя въ ружьѣ, въ продолженіи дня; они заарестовали наиболѣе шумѣвшихъ, и народная масса не противилась распоряженію 12 рядовыхъ и одного офицера!

Нашъ батальонъ содержалъ кордонъ около Царскаго Села, вмѣстѣ съ лейбъ-гусарами; тутъ были: кн. Бѣлосельскій, Сабуровъ, Нарышкины. Мы проводили время пріятно. Изъ дворца намъ всегда приносили завтракъ, ужинъ и отличное вино. Я находилъ свободное время посѣщать Павловскъ, гдѣ обыкновенно проводила лѣто статсъ-дама Е. А. Архарова, съ которой я былъ въ родствѣ; у нея гостили дочери ея: А. И. Васильчикова съ дѣтьми и графиня С. И. Сологубъ, извѣстныя своимъ умомъ и любезностью. Великій князь Михаилъ Павловичъ находилъ всегда большое удовольствіе въ ея обществѣ. Въ 1831 году одинъ изъ сыновей ея поступилъ въ Измайловскій полкъ, но скоро вышелъ въ отставку, съѣздилъ въ Парижъ и, вернувшись оттуда съ новой прической à la мужикъ, явился на балъ къ к-нѣ Бѣлосельской. Государь Николай Павловичъ, увидавъ его, изволилъ спросить: «Гдѣ вы торгуете, въ Гостинномъ или Апраксиномъ дворѣ?» Этихъ словъ было достаточно: графъ Сологубъ немедленно исчезъ и перемѣнилъ прическу. Въ Павловскѣ, по вечерамъ у г-жи Архаровой собирались: г-жа Шевичъ, любимая камеръ-фрейлина государыни Маріи Ѳеодоровны, Катерина Николаевна Кочетова (нѣкогда отлично ѣздившая верхомъ, за что ее въ интимномъ кружкѣ прозвали m-lle Коше) и еще камеръ-фрейлина Марья Павловна Сумарокова. Онѣ составляли партію тогдашней модной игры: мушки. Все это общество одушевлялъ своимъ присутствіемъ старикъ гр. А. И. Сологубъ. Не смотря на свою свѣтскость, онъ былъ весьма религіозный человѣкъ; мнѣ часто приходилось видѣть, какъ онъ въ церкви, въ темномъ уголкѣ, усердно молился на колѣняхъ.

Однажды, возвратившись изъ Павловска, къ моему удивленію застаю у себя камердинера Его Императорскаго Величества, который мнѣ объявляетъ, что на другой день, въ 8 ч. утра, пріѣдетъ изъ Москвы Государь и что надобно отвести квартиру Его Императорскому Величеству, для переодѣванія. Я показалъ ему свою комнату, и онъ нашелъ ее довольно удобною. Я тотчасъ распорядился убрать ее по возможности и прорубить дверь повыше, по росту Государя Императора. Въ 8 ч. утра Государь пріѣхалъ. Я его встрѣтилъ съ рапортомъ и доложилъ, что въ Царскомъ Селѣ все обстоитъ благополучно. «Благодарю», изволилъ сказать Государь, переодѣлся и тотчасъ отправился въ Царское.

На другой день я поѣхалъ въ Павловскъ къ Е. А. Архаровой, которая переѣзжала въ Петербургъ; въ часъ былъ накрытъ завтракъ, всѣ жители Павловска пришли съ ней проститься. Во время завтрака, дверь отворилась, и вошла в. к. Елена Павловна. Разумѣется, всѣ встали, но Ея И. Высочество съ своей обворожительной любезностью попросила не безпокоиться, потому что она зашла только, чтобы пожелать добраго пути почтенной Екатеринѣ Александровнѣ. Въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ; съ отъѣздомъ г-жи Архаровой Павловскъ опустѣлъ. Настала осень, всѣ жившіе на дачахъ начали перебираться въ городъ; холера утихла, кордоны уничтожили, и скоро я поѣхалъ въ Петербургъ. Обѣдая у Е. А. Архаровой, я познакомился съ г-жей Нордштейнъ, которая, какъ всѣ Польки, была обворожительна. Она приглашала меня и моего товарища Каверина пріѣхать повеселиться въ Вильну. Хотя это было немыслимо въ то время по дальности разстоянія, но мы дали ей слово исполнить ея желаніе, никакъ не думая, что скоро представится къ тому возможность.

Въ 1-хъ числахъ Декабря я снова былъ въ Петербургѣ. Было Воскресенье, я поѣхалъ въ часъ къ разводу въ Михайловскій манежъ. По окончаніи развода, которымъ Государь изволилъ остаться очень доволенъ, онъ своимъ звучнымъ голосомъ сказалъ: «Господа, поздравляю васъ съ походомъ». Слова эти были встрѣчены восторженнымъ ура! Всѣ генералы и офицеры бросились къ Его Величеству, обнимая его колѣни и заявляя свою готовность жертвовать жизнью за Царя и Отечество. По уходѣ Государя в. к. Михаилъ Павловичъ объявилъ, что черезъ 9 дней начнется выступленіе; первыми пойдутъ 1-й и 3-й батальоны Финляндскаго полка, затѣмъ черезъ день слѣдующіе полки по очереди, и что онъ запрещаетъ офицерамъ переходить изъ одного батальона въ другой. Тогда въ походъ собирались быстро, запасовъ не брали. Не смотря на Декабрьскіе морозы, мы выступили и весь походъ сдѣлали безъ полушубковъ; только разрѣшено было нижнимъ чинамъ носить теплые нагрудники. Одежда солдатъ была почти одинаковая съ теперешнею, только шинель плотно обхватывала грудь. Ни въ брюкахъ, ни въ шинеляхъ не позволялось имѣть кармановъ; поэтому всѣ необходимыя мелочи, какъ то фуражку, щетку, трубку и проч., солдатикъ ухитрялся помѣщать въ киверъ. На одномъ привалѣ я полюбопытствовалъ свѣсить нѣсколько киверовъ, и оказалось въ иномъ 9, въ иномъ 11 фунтовъ. Въ ранцахъ укладывалось почти тоже что̀ и теперь, ружье вѣсило до 18 ф.; 60 патроновъ въ сумкѣ и 40 въ ранцѣ, каждый патронъ вѣсилъ впятеро болѣе теперешняго; сверхъ того, къ тесаку прикрѣплялся волосяной султанъ въ $^3/_4$ арш. длины. Отданъ былъ приказъ по корпусу, чтобы не было ни одного отмороженнаго, подъ

личною отвѣтственностью ротныхъ командировъ и, не смотря на 30-ти и 40-ка верстные переходы, въ 20 и 30 гр. мороза, не оказалось отмороженныхъ рукъ и ногъ: такъ исполнялась служба того времени. Приказы Его И. Высочества строго приводились въ исполненіе. Хотя онъ имѣлъ доброе сердце, но въ запальчивости, дѣлая выговоры, объясненій и оправданій не принималъ; но слова «виноватъ, Ваше И. Высочество» тотчасъ его смягчали. Онъ тайно помогалъ неимущимъ офицерамъ, такъ что ихъ полковые командиры не знали этого. Однажды начальникъ штаба артиллеріи, полковникъ Чертковъ, докладываетъ великому князю, что въ одной изъ батарей казначей растратилъ деньги. Его Высочество изволилъ спросить «сколько?»— «Три тысячи», отвѣчали ему.—«Немедленно внести изъ моей шкатулки и чтобы я не зналъ, какъ зовутъ этого офицера».

Нашъ л. гренадерскій полкъ выступилъ изъ Петербурга 4-го Января 1831 г. Такъ какъ рота Его Величества шла впереди полка, то намъ пришлось сдѣлать первый переходъ въ 42 версты [1]). Замѣчательно, что насъ было три офицера въ ротѣ, и всѣ разнаго происхожденія: ротный командиръ шт. кап. баронъ Фридериксъ, Остзейской губерніи лютеранинъ; Вишковскій, Виленской губерніи католикъ и я, Московской губерніи православный. Общее между нами было, что мы никто не курили, и пріѣзжавшіе къ намъ на дневкахъ товарищи запасались табакомъ, помня пословицу: походъ вмѣстѣ, а табакъ врозь. Въ то время о папиросахъ и помину не было; офицеры побогаче запаслись спичками, которыя тогда были по рублю сотня, а по вступленіи въ Варшаву Жиды продавали ихъ по злоту за сотню, т. е. по 15 к.

Въ Нарвѣ дворянство радушно насъ встрѣтило. Въ Депртѣ осмотрѣли обсерваторію и 4 Февраля, пройдя въ мѣсяцъ 500 в., вступили мы въ г. Ригу. Пользуясь дневкой, посѣтили мы театръ, клубъ и сдѣлали большой запасъ доппель-кюмелю, которымъ славилась Рига. Въ то время Рижскіе извощики ѣздили по городу съ колокольчиками, въ избѣжаніе столкновеній, ибо улицы были чрезвычайно узки. На масляницѣ мы благополучно дошли до Вильны, гдѣ вспомнили любезное приглашеніе г-жи Нордштейнъ. Жидъ факторъ тотчасъ указалъ намъ ея квартиру; какъ теперь помню, она жила на Замковой улицѣ. Мужъ ея служилъ въ Коммиссаріатѣ. Не смотря на любезность хозяйки, мы недолго пользовались ея гостепріимствомъ, потому что въ Вильнѣ на военныхъ тогда уже косились. Черезъ нѣсколько дней мы прошли черезъ красивенькій городокъ Гродну и вскорѣ перешли Наревъ. Это было въ послѣднихъ числахъ Марта. Снѣгъ стаялъ, зелени было мало, и мы шли бивуаками.

Мы двигались въ направленіи мѣстечекъ Снѣдово и Высоко-Мозовецкъ. Шпіоны донесли намъ, что Польская армія съ превосходными силами, подъ командою Скржнецкаго, имѣетъ намѣреніе напасть врасплохъ на весь гвардейскій корпусъ. Подъ селеніемъ Пршетицы, авангардъ нашъ состоялъ изъ л. гв. егерскаго полка, которымъ командовалъ храбрый и распорядительный генералъ Полешко. Онъ воспользовался лѣсной мѣстностью, выставилъ цѣпь и полторы сутки удерживалъ сильный напоръ непріятеля, который, благодаря прикрывавшему насъ лѣсу, не могъ знать нашей малочисленности. Ко-

---

[1]) Обыкновеннымъ шагомъ мы дѣлали пять верстъ въ часъ, но при выступленіи дѣлали по шести, чтобы согрѣться.

мандующій всѣмъ пѣхотнымъ гвардейскимъ корпусомъ, узнавъ, что нашъ авангардъ находится въ затруднительномъ положеніи, отдалъ приказаніе, чтобы два батальона л. гренадерскаго полка подкрѣпили егерей, и самъ прискакалъ на мѣсто сраженія. Я былъ посланъ къ генералу Бистрому съ донесеніемъ, что черезъ два часа прибудетъ нашъ полкъ. Въ это время унтеръ-офицеръ л. егерскаго полка привелъ двухъ плѣнныхъ; ген. Бистромъ, давъ ему два червонца, спросилъ: «Что̀ жарко?»—«Сильно напираютъ, ваше высокопревосходительство».—«Скажи егерямъ, что я самъ здѣсь» [2]. Унтеръ-офицеръ побѣжалъ въ цѣпь, и измученные двухъ-дневнымъ боемъ наши лейбъ-егеря заиграли наступленіе! Озадаченный непріятель вообразилъ, что прибыло большое подкрѣпленіе и пріостановилъ свой натискъ. Намъ только этого и нужно было, чтобы выиграть время и дать возможность войскамъ (запасному парку и обозу) перейдти 3-хъ верстную плотину и рѣку Наревъ. Къ вечеру л. гренадеры смѣнили егерей и воспользовались ночью, чтобы начать отступленіе. Близъ Тыкочина, Финляндскаго полка батальонъ, подъ командой полковника Офросимова [3] и взводъ гвардейской конной артиллеріи подъ командой прапорщика Спафарьева (который отличился потомъ подъ Остроленкой), разобрали мостъ черезъ Наревъ.

Подъ Рутками былъ раненъ въ грудь л. егерскаго полка подпоручикъ Степановъ. Не смотря на тяжелую рану, онъ продолжалъ службу и нынѣ комендантъ въ Царскомъ Селѣ. Если генерала Степанова считаютъ старѣйшимъ лейбъ-егеремъ, то я могу считаться старѣйшимъ юнкеромъ этого полка, такъ какъ я поступилъ на службу юнкеромъ въ Апрѣлѣ 1824 года въ лейбъ-егерскій полкъ, а произведенъ въ офицеры въ л. гренадерскомъ.

Все время мы дѣлали марши и контрмарши. Вдругъ нашъ л. гренадерскій полкъ получаетъ предписаніе форсированнымъ маршемъ идти къ Остроленкѣ, гдѣ предполагалось быть большому сраженію. Намъ предстоялъ переходъ около 70 в., который мы совершили менѣе чѣмъ въ 24 часа [4], прямо стали на позицію и заслышали свистъ ядеръ и трескотню гранатъ. (Объ этомъ знаменитомъ переходѣ Государь Николай Павловичъ сказалъ на разводѣ въ Петербургѣ: «Каковы молодцы мои лейбъ-гренадеры!»). Битву подъ Остроленкой много разъ описывали. Потеря съ обѣихъ сторонъ простиралась до 40 тысячъ. Гренадерская дивизія подъ командой Полуехтова была почти вся уничтожена. Когда, подъ выстрѣлами непріятеля, нужно было перейдти полусгорѣвшій мостъ черезъ Наревъ, гренадеры призадумались; но храбрый бригадный командиръ Мартыновъ (лишив-

---

[2]) Подъ Кульмомъ въ 1813-мъ году, въ чинѣ полковника, Бистромъ командовалъ этимъ полкомъ, былъ раненъ пулей въ челюсть, отчего не совсѣмъ внятно говорилъ; но солдаты всегда понимали его и обожали за храбрость и за попеченіе о нихъ. Въ 1828 г. въ Турціи, когда ему донесли, что шесть ротъ л. егерскаго полка были изрублены съ полковымъ командиромъ [*]) и со всѣми штабъ и оберъ-офицерами, онъ спросилъ. «Не досталось ли знамя Туркамъ?» Отвѣтъ былъ отрицательный. Генералъ перекрестился и зарыдалъ.

[3]) Бывшаго Московскаго генералъ-губернатора. П. Б.

[4]) Отсталыхъ было немного.

[*]) Т. е. благодаря своему полковому командиру-Поляку Залускому. См. въ Р. Архивѣ 1877. III., 442. *П. Б.*

шійся глаза), схвативъ знамя, бросился впередъ, съ громкимъ ура, и вся дивизія кинулась за нимъ.

Перейдя мостъ, гренадеры засѣли въ канавѣ; ихъ раздѣляло одно шоссе отъ Польскихъ войскъ. Никто не рѣшался начать бой; сначала переругивались, потомъ стали кидаться камушками; одинъ унтеръ-офицеръ Астраханскаго полка закричалъ: «Развѣ мы собаки, что въ насъ камнями бросаютъ!», вскочилъ, и всѣ за нимъ бросились. Польскія войска вынуждены были отступить, и поле сраженія осталось за нами. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней по Нареву плыли тѣла убитыхъ, усыпанныя раками; съ тѣхъ поръ великій князь Михаилъ Павловичъ получилъ отвращеніе къ ракамъ.

Не знаю, по какимъ стратегическимъ причинамъ, мы пробыли подъ Остроленкой цѣлую недѣлю, вмѣсто того чтобы двинуться на Варшаву. Перейдя Наревъ, мы направились къ Земброву, гдѣ помѣщалась главная квартира. Тутъ въ войскахъ открылась сильная холера; въ Преображенскомъ полку въ нѣсколько часовъ умерли два брата князья Порюсъ-Винокурскіе; отъ холеры скончался и фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій. Продовольствіе во время его командованія было неудовлетворительно, мясныя и винныя порціи выдавались по положенію, а сухари только по $^3/_4$ ф. на человѣка. По кончинѣ его всѣ корпусные командиры собрались къ Михаилу Павловичу, чтобы рѣшить, кому принять временное начальство надъ арміей въ ожиданіи высочайшаго приказа. Его Высочество первый выразилъ мнѣніе, что, по военному положенію, въ случаѣ смерти главнокомандующаго, долженъ вступить въ командованіе арміей начальникъ Главнаго Штаба дѣйствующей арміи и тутъ же представилъ строевой рапортъ графу Толю; остальные корпусные командиры послѣдовали его примѣру. Въ непродолжительномъ времени полученъ высочайшій приказъ о назначеніи главнокомандующимъ графа Паскевича-Эриванскаго, который вскорѣ прибылъ въ армію. Онъ былъ предубѣжденъ, что найдетъ армію въ разстроенномъ положеніи, но графъ Толь, кажется подъ мѣстечкомъ Симоновымъ, представилъ ее въ блестящемъ видѣ. Дѣйствительно, видъ ея былъ превосходный; вся армія была выстроена въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи, артиллерія въ интервалахъ, кавалерія по флангамъ, точно на Красносельскихъ маневрахъ; тутъ даже завязалась маленькая перестрѣлка съ показавшимся непріятелемъ.

Съ пріѣздомъ графа Паскевича все измѣнилось: дача сухарей увеличилась, мы получали продовольствіе съ Прусской границы (тамъ черезъ Вислу была устроена переправа). Перейдя Вислу, г. Ловичъ и Мендержицы, мы быстро стали подступать къ Варшавѣ. Вся армія была сосредоточена подъ мѣстечкомъ Надоржинымъ; 25-го Августа было взято укрѣпленіе Воля; изъ каждаго гвардейскаго полка участвовало сто человѣкъ солдатъ охотниковъ и три офицера [5]). Графъ Толь сказалъ, что видѣлъ, какъ первый на брустверъ вскочилъ л. гв. Преображенскаго полка прапорщикъ б-нъ Розенъ, сынъ бывшаго Кавказскаго намѣстника. Въ этотъ день графъ Ностицъ, увлеченный личной храбростью или находя необходимымъ отвлечь вниманіе непріятеля, съ л. гусарами и конно-гренадерами проскакалъ мимо всѣхъ непріятельскихъ батарей. Часть л. гусаръ вскочили въ Іерусалимскую рогатку и всѣ были изрублены и исколоты. Въ первый разъ я ви-

---

[5]) Всѣ желали идти, поэтому офицеры бросали жребій; мнѣ не досталось.

дѣлъ ужасное дѣйствіе ракетъ; мимо насъ пронесли людей обугленныхъ, совершенно обезображенныхъ, но еще съ признаками жизни. Въ Павловскомъ полку, за двѣ версты разстоянія, солдату снесло голову. Тогда двуверстное разстояніе считалось почти самымъ дальнымъ полетомъ ядра. Ночь мы отдыхали на полѣ сраженія, съ разсвѣтомъ снова начался бой. Поляки защищались какъ львы, но сила солому ломитъ; къ вечеру зажгли Маримондскія мельницы. Нашему полку приказано было занять Іерусалимскую рогатку. На разсвѣтѣ начальникъ штаба Польскихъ войскъ пріѣхалъ парламентеромъ. Его немедленно препроводили въ главную квартиру. Въ 5 час. утра нашъ полкъ вступилъ въ Варшаву. Музыканты заиграли было маршъ: «Еще Польска не згинѣла», но полковой командиръ И. П. Шиповъ велѣлъ немедленно отмѣнить, и заиграли маршъ изъ Dame Blanche.

Въ Варшавѣ первые насъ встрѣтили во множествѣ Евреи съ криками «азе наса взяла» [6]). Мы расположились вокругъ монумента Коперника, составивъ ружья, неистово стали стучать въ ближайшую цукерню, такъ какъ цѣлые сутки ничего почти не ѣли. Растерянная панна очень испугалась при видѣ 20-ти офицеровъ, но мы тотчасъ ее успокоили, сказавъ, что голодны и за все платимъ наличными злотыми; она утолила нашу жажду и голодъ, такъ что въ цукернѣ ничего не осталось. Къ 12-ти часамъ дня, мы вступили въ предмѣстіе Прагу; въ этотъ день всѣ Польскія военныя силы получили разрѣшеніе оставить Варшаву. Тогдашняя Польская армія славилась отличнымъ военнымъ образованіемъ, особенно 4-й линейный полкъ (любимый полкъ в. к. Константина Павловича). Имъ командовалъ Хлопицкій [7]). На другой день намъ отвели квартиры близь арсенала. Меня часто назначали дежурнымъ по госпиталямъ, и я свято исполнялъ свою обязанность. Надо отдать справедливость Полякамъ: во всѣхъ госпиталяхъ былъ отличный порядокъ; лежало болѣе 3000 человѣкъ ампутированныхъ; въ докторахъ недостатка не было, къ нашимъ военнымъ врачамъ присоединились Польскіе и Французскіе, не дѣлая никакого различія между Русскими и Польскими ранеными. Надо было удивляться этимъ послѣднимъ, съ какимъ мужествомъ они старались выказать другъ передъ другомъ хладнокровіе и терпѣніе во время перевязокъ. Что касается до ухода за больными, можно сказать по истиннѣ, что все женское народонаселеніе Варшавы превратилось въ сестеръ милосердія, отъ княгини до шляхтянки безъ различія національности. На дежурствѣ въ госпиталѣ я увидалъ Слѣпцова и князя Мурузи, оба л. гусары, при Іерусалимской рогаткѣ получили раны саблями и пиками. Князь Мурузи едва дышалъ, а Слѣпцовъ долго говорилъ со мной, жаловался на тупой ударъ по головѣ; черезъ нѣсколько дней онъ скончался отъ воспаленія въ мозгу.

Мы отдыхали въ Варшавѣ цѣлый мѣсяцъ; жизнь была дорога, сообщеніе съ Россіей затруднительно, денегъ изъ дому никто не получалъ, даже полковые ящики поистощились. Одинъ Жидъ познакомилъ меня съ богатымъ Русскимъ купцомъ, который далъ мнѣ заимообразно безъ процентовъ 1000 р. Польскими бумажками, съ тѣмъ чтобы по-

---

[6]) Взятіе всякаго мѣстечка нашими или Польскими войсками ознаменовывалось повѣшеніемъ нѣсколькихъ Жидовъ; они занимались шпіонствомъ.

[7]) Тотъ самый, который былъ диктаторомъ во время возмущенія.

лучить обратно въ Москвѣ или Петербургѣ Русскими ассигнаціями; купецъ этотъ давалъ деньги только тѣмъ офицерамъ, которые называли ему порукой извѣстныхъ лицъ въ Петербургѣ или Москвѣ. Поѣхалъ я въ Преображенскій полкъ. Товарищи Катенинъ, Чернышевъ, два брата Мезенцовы, предложили водки. «А что же закуска?» спросилъ я.—«Не на что», отвѣчали они мнѣ.—«Сколько вамъ нужно?» Товарищи мой вопросъ приняли за шутку, однако заявили, что недурно бы рублей по сту получить.—«Можно тысячу», говорю я. Они бросились обнимать меня, какъ благодѣтеля. Я взялъ съ собой Чернышева и поѣхалъ къ общему благодѣтелю, который, уже по моей рекомендаціи, а главное по громкой фамиліи Чернышева, выдалъ 1000 р. и поднесъ по стакану стараго рейнвейна. Впослѣдствіи оказалось, что купецъ роздалъ до 200000 р.; по окончаніи кампаніи всѣ деньги ему вернули сполна; за нѣкоторыхъ Его Высочество Михаилъ Павловичъ по своей добротѣ уплатилъ.

7-го Октября 1831 г. выступили мы черезъ Пултускъ и, переправившись на ту сторону Нѣмана при Ковнѣ, вступили въ Курляндскую губернію. Насъ встрѣтилъ квартирьеръ и объявилъ, что ротному командиру б. Фридериксу и Витковскому отведена Шлафенъ-мыза (т. е. Шлампенъ), а мнѣ Праведная-мыза (т. е. Правингенъ). Чрезъ нѣсколько дней мы получили приказъ явиться въ штабъ полка, который былъ расположенъ въ Тукумѣ; намъ велѣно было взять всю парадную форму. Всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка собрались у полковаго командира, хоръ музыкантовъ выстроился на улицѣ. Полковой командиръ вышелъ къ намъ и прочелъ высочайшій приказъ, что нашъ полкъ за отличіе переименовывается въ старую гвардію. Послѣдовало оглушительное ура, и музыканты заиграли «Боже Царя храни». Въ три часа весь полкъ собрался къ полковому командиру на обѣдъ, послѣ котораго началась очень чинно Французская кадриль, окончившаяся удалымъ трепака. На другой день былъ въ Тукумѣ очень оживленный, хотя немногочисленный балъ. Черезъ два мѣсяца мы простились съ Тукумомъ и его гостепріимными жителями: все время нашего пребыванія мы, наша прислуга, лошади были на полномъ продовольствіи нашихъ хозяевъ, которые денегъ съ насъ ни за что брать не хотѣли.

Нашъ полкъ возвратился въ Петербургъ. Три года я пробылъ въ чинѣ прапорщика и, какъ говорили товарищи, младшимъ по всему гвардейскому корпусу, за то въ три года попалъ въ штабсъ-капитаны и получилъ 2-ю знаменную роту, которая такъ отличилась подъ Варной. Служба у насъ была очень требовательная, ежедневныя одиночныя ученья, продолжавшіяся около 4 часовъ; на нихъ обязаны были присутствовать всѣ молодые офицеры. Находящіеся въ моей ротѣ прапорщики Вранкенъ и Броневскій убѣдительно просили меня уволить ихъ отъ одиночнаго ученія, на нѣкоторое время, но причины своей просьбы не сказали. Мнѣ извѣстно было, что они хорошо знали строевую часть и были отличной нравственности; я исполнилъ ихъ желаніе, принявъ всю отвѣтственность на себя. Такъ какъ ихъ квартира была въ казармахъ, я зашелъ къ нимъ въ 8 ч. утра, засталъ ихъ не одѣтыми и ползающими по полу; на мой вопросъ: «что вы дѣлаете?» они вскочили, извинились передо мной, что не предупредили меня о томъ, что готовятся держать экзаменъ въ Военную Академію и хотятъ, чтобы въ случаѣ ихъ неудачи, неизвѣстно было бы товарищамъ. На полу они изучали карту Россіи. Вранкенъ впослѣдствіи былъ начальникомъ

штаба корпуса, который сражался въ Венгріи, былъ раненъ въ голову. Въ 1855 г. подъ Карсомъ Броневскій былъ дежурнымъ генераломъ и лишился руки.

Служба мнѣ улыбалась. Государь и Его Высочество были всегда довольны моей ротой, по этой причинѣ и все начальство. Хотя великій князь былъ требователенъ по службѣ, въ особенности съ молодыми офицерами, но онъ любилъ находчивость и сознаніе въ своей винѣ. Былъ я въ караулѣ на Адмиралтейской гауптвахтѣ. Часовой звонитъ; караулъ, какъ и всегда, былъ у меня на платформѣ; вижу, подъѣхалъ генералъ въ саняхъ, я отдаю честь и подхожу къ нему рапортовать о благополучіи; смотрю, въ саняхъ самъ Его Высочество. Я покосился взглянуть на караулъ, все ли исправно и съ полною увѣренностью рапортую Его Высочеству Онъ изволилъ мнѣ сказать: «все хорошо, а гдѣ ваши глаза?» Я еще покосился на караулъ; великій князь повторяетъ: «Я вамъ говорю, что все исправно, но гдѣ ваши глаза?» Я взглянулъ на верхъ и замѣтилъ, что порошилъ чуть замѣтный снѣгъ. «Виноватъ Ваше Высочество» [8]). Онъ махнулъ кучеру и уѣхалъ. Я долженъ былъ немедленно донести какъ Его Высочеству, такъ и всѣмъ моимъ начальникамъ о происшествіи. Всѣ на меня напали съ выговорами, какъ я всегда исправный офицеръ, а тутъ попался. Я думалъ на другой день быть арестовану, но Его Высочество, обыкновенно довольный моей службой, милостиво сказалъ моему полковому командиру: «прапорщикъ Еропкинъ перехитрилъ меня». Мои всегдашніе посты съ прапорщичьяго чина были во внутреннихъ покояхъ или во дворцѣ в. к. Михаила Павловича.

Немало забавляла Его Высочество находчивость Московскаго полка прапорщика Булгакова, отецъ котораго пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя. Однажды Его Высочество встрѣтилъ Булгакова на Невскомъ безъ сабли, посадилъ его къ себѣ въ коляску, привезъ во дворецъ, заперъ въ своемъ кабинетѣ и тотчасъ послалъ за полковымъ командиромъ, который встревоженный пріѣхалъ. Его Высочество встрѣтилъ его словами: «Полюбуйтесь, ваше превосходительство, какъ вашего полка офицеры ходятъ по Невскому безъ сабли». При этомъ отпираетъ кабинетъ. «Прапорщикъ Булгаковъ, пожалуйте сюда». Великій князь былъ немало удивленъ, когда Булгаковъ явился при саблѣ [9]), но послѣ улыбнулся, сказавъ: «На три дня подъ арестъ, мою саблю прошу оставить, а свою въ комендантскую отдать».

Булгаковъ встрѣчаетъ у Аничкина моста Его Высочество Михаила Павловича. Въ этотъ разъ Булгаковъ былъ въ полной формѣ съ головы до ногъ. «Ваше Императорское Высочество», говоритъ онъ, подходя къ великому князю, «осмѣлюсь просить оказать мнѣ великую милость: дозвольте пройдти съ вами по Невскому».—«Для чего тебѣ это нужно?» спрашиваетъ великій князь.—«Чтобы поднять мой кредитъ, который сильно упалъ». Великій князь дозволилъ ему дойдти съ нимъ до Казанскаго моста.

Однажды Его И. Высочество поѣхалъ въ театръ, и къ его удивленію напротивъ него въ ложѣ сидитъ Булгаковъ, который, по рас-

---

[8]) Когда идетъ снѣгъ или дождь, ружья должны быть внесены въ караульный домъ, а это не было исполнено.

[9]) Булгаковъ въ кабинетѣ прицѣпилъ саблю Его Высочества.

поряженію Его Высочества, долженъ сидѣть на арсенальной гауптвахтѣ подъ арестомъ. Великій князь выходитъ изъ театра и ѣдетъ на гауптвахту, Булгаковъ въ караульной! Его Высочество возвращается въ театръ, и снова Булгаковъ напротивъ него въ ложѣ; великій князь вторично ѣдетъ на гауптвахту и опять застаетъ Булгакова спокойно сидящаго подъ арестомъ. Озадаченный этимъ, великій князь спрашиваетъ: «Булгаковъ, я тебя прощу, скажи, какъ ты это сдѣлалъ?»—«Очень просто, Ваше Императорское Высочество: я всякій разъ ѣхалъ у васъ на запяткахъ», отвѣчалъ проказникъ Булгаковъ.

Его Высочество ѣдетъ по Большой Морской. Булгаковъ идетъ въ калошахъ, которые строго были запрещены офицерамъ. Его Высочество закричалъ: «Булгаковъ, калоши, подъ арестъ!» Немедленно отправляется Булгаковъ въ комендантскую и сдаетъ калоши подъ арестъ, со словами: «по личному приказанію Его Высочества Михаила Павловича».

На другой день, дежурный по караулу при дневномъ рапортѣ, донесъ объ этомъ Его Высочеству, который, какъ всегда, позабавился находчивой выходкою Булгакова. Михаилъ Павловичъ, любившій находчивость въ другихъ, и самъ былъ не прочь поострить иногда. Разговаривая о статистикѣ и вообще о народонаселеніи, онъ изволилъ сказать: «Je n'ai rien sur ma conscience, je n'ai pas fait de m â l e à la Russie» [10].

Великій князь завѣдывалъ всей артиллеріей, онъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ. Въ веселомъ расположеніи духа онъ однажды пошутилъ надъ собой и генераломъ Сумароковымъ: «L'artillerie se maintient sur deux r o u x [11]. Если наша артиллерія такъ высоко поставлена, то этимъ она обязана неусыпнымъ объ ней попеченіямъ Его Высочества. Когда онъ являлся въ артиллерійскомъ мундирѣ на разводъ или на ученье, мы были совершенно спокойны: значитъ Его Высочество въ хорошемъ расположеніи духа; но саперный мундиръ болѣе или менѣе предсказывалъ грозу. Его Высочество былъ тоже главный инспекторъ по инженерной части.

Въ другой разъ Его Высочество встрѣчаетъ Булгакова тоже на Невскомъ. Въ то время какъ онъ отдавалъ ему честь, великій князь, вынувъ свою записную книжку, увидалъ, что Булгаковъ значится дежурнымъ по Московскому госпиталю и приказалъ кучеру ѣхать туда. Великій князь входитъ въ дежурную комнату и требуетъ дежурнаго офицера. Каково же было его удивленіе? Булгаковъ въ полной формѣ явился къ нему съ рапортомъ. Впослѣдствіи Его Высочество узналъ и очень смѣялся, что Булгаковъ сѣлъ на запятки къ Его Высочеству и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ до госпиталя.

Идетъ Булгаковъ съ товарищемъ по Михайловской улицѣ; на встрѣчу ѣдетъ Михаилъ Павловичъ; они дѣлаютъ фронтъ, у Булгакова нѣтъ сабли. Великій князь подзываетъ его и сажаетъ къ себѣ въ сани; Булгаковъ не успѣлъ еще сѣсть, какъ великій князь оттолкнулъ его и уѣхалъ. «Ну что?» спрашиваетъ его товарищъ.—«Его Высочество лично желалъ посадить меня подъ арестъ и приказалъ

---

[10]) У меня ничего нѣтъ дурнаго на совѣсти противъ Россіи—у меня нѣтъ сына (непереводимая, какъ и въ слѣдующемъ каламбурѣ, игра словъ).

[11]) «Артиллерія держится на двухъ р ы ж и х ъ». Его Высочеству было угодно посмѣяться надъ собой и Сумароковымъ: оба были рыжіе.

сѣсть къ нему въ сани, а я нечаянно наступилъ ему на мозоль; онъ меня выбранилъ, а я ему въ отвѣтъ: «Имѣю счастіе доложить Вашему Императорскому Высочеству, что надо мной оправдалась пословица: не въ свои сани не садись; великій князь разсмѣялся и оттолкнулъ меня».

Въ 1833 г. вышло распоряженіе, чтобы всѣ подпрапорщики, готовившіеся къ производству въ офицеры, были бы прикомандированы къ полкамъ для практическаго изученія всѣхъ служебныхъ обязанностей; они несли офицерскую службу. У меня въ ротѣ были А. Е. Тимашевъ, А. П. Дегай и Өедоръ Ивановичъ Трузсонъ, сынъ и племянникъ генералъ-лейтенантовъ инженеровъ Трузсонъ, извѣстныхъ своимъ безкорыстіемъ (они построили крѣпость Бобруйскъ, и черезъ ихъ руки перешло нѣсколько милліоновъ. Старшій изъ нихъ не оставилъ никакого состоянія, а когда умеръ меньшой братъ, то сынъ его, бывшій Калужскій прокуроръ, хоронилъ отца на свой счетъ).

Не смотря на то, что служба для меня была очень пріятна, я долженъ былъ ее оставить по семейнымъ обстоятельствамъ и поѣхалъ въ свое имѣніе Серпуховскаго уѣзда. На первыхъ дворянскихъ выборахъ, я былъ выбранъ посредникомъ по чрезполосному межеванію, это была новая должность. Государь Николай Павловичъ давно желалъ уничтожить чрезполосное владѣніе, и назначенъ былъ десятилѣтній срокъ для этого исполненія. Я отказался отъ содержанія, которое въ то время было весьма значительно. Мой товарищъ г-нъ Хмелевъ былъ увлеченъ моимъ примѣромъ. Впослѣдствіи я жалѣлъ объ этомъ: можно было въ нѣсколько лѣтъ собрать значительную сумму и употребить ее на общественную пользу.

Василій Еропкинъ.

Тверь, 22-го Декабря
1877 года.

Книжныя заграничныя вѣсти.

Исторія и біографія.

Къ числу важнѣйшихъ для исторіи книгъ 1876 года принадлежатъ изданныя трудами историка Ранке Записки извѣстнаго Прусскаго государственнаго канцлера Гарденберга (Ranke. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Furst v. Hardenberg. 4 Bände. Leipzig, 1876). Гарденбергъ, принужденный выѣхать изъ своего отечества послѣ Тильзитскаго мира, проживалъ сначала въ Ригѣ, потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тильзитѣ. Въ эту пору задумалъ онъ написать подробное изложеніе политическихъ событій, въ коихъ былъ участникомъ, на основаніи дневныхъ своихъ отмѣтокъ и дипломатическихъ документовъ, бывшихъ у него въ рукахъ и сложенныхъ имъ на храненіе въ Ригѣ. Въ послѣдствіи Гарденбергъ, окончивъ эти Записки, собственноручно запечаталъ ихъ со всѣми документами и положилъ въ Прусскій государственный архивъ на 50 лѣтъ. По истеченіи срока, всѣ эти бумаги были распечатаны княземъ Бисмаркомъ и вручены первому Германскому историку Ранке для приготовленія къ изданію въ свѣтъ. Въ этомъ изданіи первое мѣсто занимаетъ, конечно, записка Гарденберга о Прусской политикѣ 1806, 1807 и трехъ предшествовавшихъ годовъ. Она занимаетъ второй и третій томы изданія. Къ ней потребовалось написать введеніе, которое разрослось подъ перомъ Ранке въ художественную картину цѣлой исторической эпохи: оно занимаетъ первый томъ, а въ четвертомъ Ранке помѣстилъ, въ видѣ эпилога, историческій очеркъ развитія и укрѣпленія Прусскаго государства съ эпохи униженія при Наполеонѣ I-мъ до совершеннаго возстановленія. Извѣстно, что Ранке рисуетъ, по своей манерѣ, картины событій, отводя дѣйствію отдѣльныхъ лицъ и характеровъ второстепенное мѣсто. Естественно, что, при такомъ воззрѣніи на исторію, личности самого Гарденберга (хотя вся книга названа его именемъ) отведено немного мѣста въ собственномъ изложеніи историка. Всего интереснѣе въ изложеніи Ранке изображеніе Прусской высшей администраціи передъ Іенскою катастрофой. Здѣсь явственно раскрываются передъ читателемъ настоящія причины упадка Пруссіи и доказывается (не въ первый разъ уже) та историческая истина, что военная сила государства состоитъ въ нераздѣльной связи съ силою цѣлаго организма и внутренняго его управленія. Читателя поражаетъ картина хаоса, господствовавшаго въ Прусскомъ министерствѣ. Любопытно и поучительно видѣть ничтожество министровъ, занимавшихъ оффиціальныя должности по управленію, и на ряду съ ними тѣхъ кабинетныхъ совѣтниковъ, мелкихъ и самонадѣянныхъ, которые составляли дѣйствительный совѣтъ несчастнаго короля, упорно отвергавшаго всѣ настоянія Штейна, Гарденберга и подобныхъ имъ патріотовъ о необходимости ввести разумный порядокъ въ управленіе.

*

Въ Германской исторической литературѣ поднялась, не лишенная интереса и для Русскаго историка, полемика о значеніи и характерѣ знаменитыхъ Прусскихъ государственныхъ дѣятелей въ Наполеоновскую эпоху: Штейна, Шёна и Шарнгорста. Въ Берлинѣ изданы записки и бумаги, оставшіяся послѣ бывшаго Прусскаго министра Шёна (Aus den Papieren des Ministers und Burggrafen von Marienburg Theodor von Schön, 4 тома). Въ этихъ бумагахъ Шёнъ, человѣкъ честолюбивый и раздражительный, говоритъ съ ѣдкою критикой о Штейнѣ и другихъ политическихъ дѣятеляхъ той эпохи. Отсюда начало полемики, къ которой относятся, кромѣ множества журнальныхъ статей, сочиненія: 1) Zu Schutz und Trutz am Grabe Schön's. Bilder aus der Zeit der Schmach und der Erhebung Preussens. Von einem Ostpreussen. Berlin 1876. 741 стр. 2) Max Lehmann. Stein, Scharnhorst und Schön. Leipzig, 1877. 100 стр.

*

Къ тому же періоду относится книга Беера, составленная также по новымъ документамъ изъ Вѣнскихъ архивовъ: Десять лѣтъ Австрійской политики съ 1801 по 1810 г (Adolph Beer. Zehn Jahre österreichischer Politik 1801—1810. Leipzig, 1877. 542 стр.).

*

Исторія послѣднихъ годовъ царствованія Маріи Терезіи. Соч. Арнета, томъ 2-й (Von Arneth. Geschichte Maria Theresia's. Letzte Regierungszeit. Band 2. Wien. 1877. 634 стр.). Въ первомъ томѣ этого замѣчательнаго и пополненнаго новыми данными сочиненія авторъ писалъ преимущественно о внутреннихъ дѣлахъ управленія. Второй томъ посвященъ исключительно дѣламъ внѣшней политики съ 1763 по 1780 годъ и, главнѣйше, дѣламъ Польскимъ и Турецкимъ, предмету особенно важному для Русскаго историка. Литература этого предмета обогатилась въ послѣдніе годы множествомъ новыхъ изслѣдованій и документовъ, имѣющихъ отношеніе къ главному вопросу, который возбуждаетъ до сихъ поръ споры въ исторической наукѣ: кому принадлежитъ главное участіе въ раздѣлѣ Польши? Тѣмъ же неутомимымъ и талантливымъ изслѣдователемъ Вѣнскихъ архивовъ было уже издано множество матеріаловъ по этому предмету: корреспонденція Маріи Терезіи съ Іосифомъ, Іосифа съ братомъ его Леопольдомъ; переписка императрицы съ дочерью ея Маріей Антуанетой и съ Австрійскимъ посланникомъ при Французскомъ дворѣ Мерси д'Аржантономъ. Адольфъ Бееръ издалъ немало матеріаловъ изъ Берлинскаго и Дрезденскаго архивовъ, въ своихъ сочиненіяхъ: Die Zusammenkünfte Josephs II und Friedrichs II. Wien, 1871. Die Erste Theilung Polens. Wien, 1873. Friedrich II und van Swieten. Leipzig, 1874. Бееръ, согласно съ мнѣніемъ Ранке, выводилъ изъ своихъ изслѣдованій такое заключеніе, что первая мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ Австріи, что она подхвачена была въ Петербургѣ, а развитіемъ ея и направленіемъ озабочивался особенно Фридрихъ II. Арнетъ энергически возстаетъ противъ этого мнѣнія, и главная цѣль его—выставить по новымъ документамъ въ надлежащемъ свѣтѣ характеръ дѣятельности и степень участія въ этомъ дѣлѣ самой Маріи Терезіи, сына ея Іосифа и Кауница. Онъ утверждаетъ, что Марія Терезія всегда энергически возставала противъ мысли объ участіи Австріи въ раздѣлѣ Польской и Турецкой территорій и противилась всякимъ проектамъ этого рода. Лишь мало по малу, подъ вліяніемъ сына своего Іоси-

фа, она вынуждена была дать свое неохотное согласіе на это дѣло, котораго главною политическою пружиной былъ Фридрихъ II. Желаніе Маріи Терезіи клонилось къ поддержанію цѣлости Польши, гдѣ поддерживала она, изъ церковныхъ, католическихъ видовъ, политику стѣсненія диссидентовъ. За всѣмъ тѣмъ, когда стало неизбѣжно приращеніе Пруссіи на счетъ Польши, Австрійская политика должна была требовать подобнаго же приращенія и для Австріи. Сочувствіе Арнета обращено все къ Маріи Терезіи, а все его негодованіе обращено на Фридриха, въ слѣдствіе чего онъ и небезпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ, хотя каждое заключеніе свое онъ основываетъ на тщательномъ анализѣ собранныхъ имъ документовъ.

*

Совсѣмъ къ противоположнымъ выводамъ приходитъ Прусскій ученый Максъ Дункеръ. Недавно издано имъ собраніе статей, относящихся до исторіи Пруссіи, подъ заглавіемъ: Изъ временъ Фридриха Великаго и Фридриха Вильгельма III (Max Duncker. Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Friedrichs Wilhelm III. Leipzig, 1876. 579 стр.). Самая замѣчательная статья, подъ заглавіемъ овладѣніе западною Пруссіей: она содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о первомъ раздѣлѣ Польши, по новымъ источникамъ изъ Берлинскихъ архивовъ. Авторъ воспользовался донесеніями Корфа изъ Варшавы 1763 г., перепискою Фридриха съ Екатериной, депешами Сольмса изъ Петербурга, королевскими инструкціями Сольмсу, перепискою Фридриха съ братомъ его Генрихомъ. По изслѣдованіямъ Дункера выходитъ, что герой его Фридрихъ чистъ и невиненъ какъ овца въ раздѣлѣ Польши, что онъ подчинился ему какъ необходимости, чтобъ избѣжать ссоры съ Россіей, что онъ всегда возставалъ противъ мысли о раздѣлѣ и всячески старался смягчить ее, и что, наконецъ, когда рѣшеніе Россіи и Австріи оказалось неизбѣжно, Фридриху пришлось участвовать въ раздѣлѣ ради охраненія своихъ интересовъ и для предупрежденія тѣснаго и исключительнаго союза Россіи съ Австріей. Дункеръ, очевидно, пристрастенъ въ этомъ вопросѣ къ Прусской политикѣ и оставляетъ безъ вниманія то неоспоримое обстоятельство, что Фридрихъ послѣ заключенія договора о раздѣлѣ въ 1772 г. всячески старался увеличить свою добычу, и только твердая воля Русской императрицы положила предѣлъ его притязаніямъ.

Въ томъ же сборникѣ слѣдуетъ отмѣтить статьи о внутреннемъ состояніи и о внѣшней политикѣ Пруссіи съ 1806 по 1813 годъ, и о посылкѣ полковника Кнезебека въ Петербургъ въ Февралѣ 1812 года. (См. Книжныя Вѣсти въ Р. Архивѣ 1877. I, 420).

*

Исторія кампаніи 1815 года, по архивнымъ источникамъ, соч. фонъ Оллеха (Von Ollech. Geschichte des Feldzuges von 1815 nach archivalischen Quellen. Berlin, 1876. 406)– книга замѣчательная преимущественно въ отношеніи къ военной исторіи; она считается самымъ полнымъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, изложеніемъ военныхъ дѣйствій знаменитой кампаніи.

*

Цѣннымъ матеріаломъ для исторіи кампаній 1813—1815 годовъ служитъ собраніе писемъ фельдмаршала Блюхера къ женѣ своей изъ похода, изданное генераломъ Коломбомъ (Blücher in Briefen aus den

Feldzügen 1813—1815. Herausg. von E. von Colomb. Gen.-Lieut. und Commandant von Cassel. Stuttgart, 1877). Въ этихъ письмахъ старый фельдмаршалъ описываетъ, грубою солдатскою рѣчью и съ невѣроятными орѳографическими ошибками (напр. Sich вмѣсто Sieg), и не безъ хвастовства и преувеличеній, военныя свои дѣйствія и побѣды надъ Французами, а потомъ торжества, награды и восторженный пріемъ въ Лондонѣ. Распоряженія и наставленія женѣ по хозяйству, нерѣдко встрѣчающіяся въ этихъ письмахъ, подтверждаютъ извѣстія о скаредности его въ домашнемъ быту.

*

Французскій дворянинъ XVIII столѣтія, соч. г. Ратери (Un gentilhomme français au XVIII siècle. Le comte de Plelo. Par m. Rathery. Paris, 1876). Книга эта, хорошо написанная, содержитъ въ себѣ біографію графа Плело, бывшаго Французскимъ посланникомъ въ Даніи въ 1734 году, во время осады Данцига Русскими войсками, которыя поддерживали Польскаго короля Августа III противъ Станислава Лещинскаго. Въ исторіи этой осады гр. Плело игралъ замѣчательную роль. Осажденные ожидали помощи отъ Франціи, но Французскіе полки генерала Ламотта, назначенные для этой цѣли, ретировались изъ-подъ Данцига и слѣдовали моремъ въ Копенгагенъ. Плело, въ негодованіи на это отсутствіе, принялъ на себя вернуть ихъ изъ Даніи обратно къ Данцигу, самъ отправился съ ними, оставивъ свой постъ, мужественно вступилъ въ бой, оказавшійся безплоднымъ, палъ подъ стѣнами Данцига и умеръ отъ ранъ въ Русскомъ лагерѣ.

*

Графъ Прокешъ-Остенъ издалъ въ Вѣнѣ переписку извѣстнаго Фридриха Генца (см. Книжн. Вѣсти въ Р. Арх. 1877, I, 421) по дѣламъ Востока съ 1823 по 1829 г., подъ заглавіемъ: Къ исторіи Восточнаго вопроса. (Zur Geschichte der orientalischen Frage. Briefe aus dem Nachlasse Friedrichs von Gentz. Wien, 1877). Письма такихъ корреспондентовъ какъ Меттернихъ, Генцъ, лордъ Странгфордъ, Австрійскій интернунцій Оттенфельсъ, Лебцельтернъ, графъ Коловратъ, конечно, любопытны, потому что въ нихъ выражаются взгляды и сужденія историческихъ дѣятелей о современныхъ событіяхъ. Немало встрѣчается поучительныхъ сближеній съ событіями 1877 года и съ нынѣшними взглядами и сужденіями. Любопытно видѣть, съ какимъ ужасомъ и негодованіемъ Меттернихъ говоритъ въ 20-хъ годахъ объ идеѣ императора Александра—вызвать совокупное дѣйствіе Европейскихъ державъ къ рѣшенію восточнаго вопроса. Любопытно видѣть, какъ въ ту пору (1824 г.) представитель тогдашняго Англійскаго министерства, посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Странгфордъ отзывается объ одушевленіи лорда Байрона и тогдашнихъ либераловъ въ пользу Греціи. «Необходимо выяснить Англійскимъ либераламъ, въ какое положеніе они поставили меня, и какому подвергаются отъ непостижимаго ихъ безумія—и Англійское вліяніе, и вліяніе союзниковъ въ Константинополѣ и, можетъ быть, миръ и благополучіе цѣлаго свѣта... Когда конецъ всему этому? На чемъ остановится Англійскій либерализмъ? Развѣ на развалинахъ всего, что̀ дорого и священно!» Вотъ еще что пишетъ Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ другу своему Генцу. Онъ совершенно согласенъ съ нимъ, что Греки не что̀ иное какъ адское племя (race infer-

nale) лжецовъ, хвастуновъ, разбойниковъ. «Мнѣніе Европы о согражданахъ Перикла и Платона, обо всѣхъ этихъ Канарисахъ и Маврокордато, а равно и о послѣдователяхъ Корана—совершенно невѣрно, основано на заблужденіи. Европа не приняла изъ древней Греціи и четвертой доли той высокой благотворной цивилизаціи, какая идетъ отъ Магомета». Въ доказательство этого (болѣе чѣмъ страннаго положенія) дѣлается ссылка на Арабскихъ калифовъ и Испанскихъ Мавровъ! Другой дипломатъ объясняетъ Меттерниху и Генцу все опасное значеніе филелленизма въ Европѣ. «Вы оплакиваете, пишетъ онъ, пристрастное отношеніе Европы къ Грекамъ, къ этому адскому племени. Повѣрьте мнѣ, что въ сущности до Грековъ никому нѣтъ дѣла, а Греки—это только предлогъ агитаціи, орудіе оппозиціи противъ правительства, неисчерпаемый источникъ политическихъ интригъ и нападокъ на правительство. За исключеніемъ нѣкоторыхъ филантроповъ-мечтателей, большею частію пустыхъ людей, повѣрьте, что все это одушевленіе въ пользу Грековъ выражается по командѣ главныхъ вожаковъ опасной агитаціи». Любопытны сужденія Генца объ Адріанопольскомъ мирѣ. По мнѣнію его, Россія удовольствовалась весьма малымъ: она могла бы потребовать себѣ и получила бы несравненно болѣе, безъ всякаго опасенія противодѣйствія отъ Европы. Она могла бы потребовать Болгарію до Балканъ, половину Арменіи, 50 милліоновъ вознагражденія, вмѣсто десяти, и Портѣ оставалось бы только согласиться на все. Правда, что Русскій императоръ не хотѣлъ измѣнить своему обѣщанію—не искать завоеваній; но сколько было въ готовности для него дипломатическихъ уловокъ, чтобы обойти это обѣщаніе! И, въ концѣ концовъ, при успѣхѣ, общій голосъ былъ бы за него, такъ какъ онъ всегда за успѣхъ и за того, кому принадлежитъ побѣда.

*

Въ Лондонѣ вышла на дняхъ небольшая книжка подъ заглавіемъ: Въ правѣ ли Россія? (Is Russia wrong?) Книжка эта содержитъ въ себѣ статьи: въ защиту Россіи и Русскаго дѣла въ нынѣшнюю войну отъ клеветъ и нападокъ, распространяемыхъ въ Англійской печати враждебными Россіи журналами. Статьи эти написаны одною Русскою дамой, О. А. К., проживавшею въ Лондонѣ. Эти статьи появлялись большею частью въ Лондонской газетѣ «Сѣверное Эхо», съ особенною ревностью отстаивающей правоту Русскаго дѣла и настоящей войны. Всѣхъ статей десять. Вотъ ихъ содержаніе: 1) Мнимыя тайныя общества и война. 2) Москва и Петербургъ. 3) Вознагражденіе за жертвы. 4) Условія мира, возможныя и невозможныя. 5) Отъ чего Русскіе ненавидятъ Турокъ? 6) Нѣкоторые Англійскіе предразсудки. 7) Историческая политика по преданію. 8) Русскіе въ Средней Азіи. 9) Статья Форбса о Русскихъ и Болгарахъ. 10) Катковъ и Московскія Вѣдомости.

Книжка эта издана на счетъ общества извѣстнаго подъ названіемъ Восточной Ассоціаціи (Eastern Association) и состоящаго изъ людей, которые умѣютъ согласить Британскій патріотизмъ съ справедливостью и съ убѣжденіемъ въ правотѣ Россіи. Выручка отъ продажи ея назначена въ пользу фонда Русскихъ раненыхъ, собираемаго г. Макъ Коллемъ.

Къ ней написано краткое предисловіе знаменитымъ историкомъ Фрудомъ. Тутъ указывается на фальшивость направленія, приня-

таго Англійскою оффиціальною политикой въ восточномъ вопросѣ, въ которомъ, по мнѣнію Фруда, Англія должна бы идти объ руку съ Россіей.

*

Въ Лондонѣ вышелъ шестой томъ корреспонденціи и бумагъ герцога Веллингтона, издаваемыхъ его сыномъ (Despatches, correspondence etc. of the duke of Wellington. London, 1877. Murray). Этотъ томъ особенно интересенъ въ настоящую пору, ибо содержитъ въ себѣ документы, относящіеся до Русско-турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. На эти документы дѣлались уже ссылки въ Парламентѣ обѣими партіями, въ интересѣ каждой. Министерская партія указывала на депешу, въ которой герцогъ приписываетъ Турціи важное значеніе въ томъ, что она связываетъ и сдерживаетъ христіанскія племена, которыя, въ случаѣ освобожденія, начали бы немедленно борьбу между собою и затѣмъ вовлекли бы въ эту борьбу цѣлую Европу. Консервативная партія находитъ въ этихъ документахъ цѣлый арсеналъ оружія противъ Россіи, тогда какъ оппозиція могла сослаться въ своихъ видахъ на тотъ фактъ, что Веллингтонъ, до войны, всячески старался удержать Россію въ совокупномъ дѣйствіи съ другими державами для побужденія Порты къ признанію независимой Греціи. Замѣчательно письмо, въ которомъ герцогъ энергически доказываетъ, что если Россію оставятъ дѣйствовать въ одиночку, то необходимымъ послѣдствіемъ будетъ распаденіе Турціи и общая брань за Турецкое наслѣдіе. Однако, когда Россія объявила свое рѣшеніе начать войну, Англія уклонилась отъ совокупнаго дѣйствія съ Россіей. Обнародованные документы касаются до всѣхъ важныхъ событій отъ подписанія Адріанопольскаго трактата до окончательнаго отдѣленія Греціи отъ Турецкой имперіи. Многіе изъ нихъ относятся къ періоду дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ объявленію войны. Взглядъ Веллингтона на исходъ кампаніи во многомъ разнится отъ сужденія Мольтке о томъ же предметѣ. Герцогъ былъ убѣжденъ, что, еслибъ не вмѣшалась дипломатія, Русскимъ войскамъ не трудно было бы взять Константинополь. Напротивъ, Мольтке того мнѣнія, что еслибъ Дибичу не удалось, съ помощью Европейской дипломатіи, запугать Турокъ и принудить ихъ къ подписанію трактата, Рускiя армія, страшно разстроенная болѣзнями и нуждою, принуждена была бы ретироваться и въ этомъ отступленіи непремѣнно бы погибла.

*

Исторія Крымской войны, сочиненіе Руссè (Histoire de la guerre de Crimée par M. C. Rousset. Paris, 2 vls, 1877). Это собственно говоря, исторія Французскаго участія въ Крымской войнѣ, и притомъ исключительно исторія военныхъ операцій, составленная по документамъ Французскаго военнаго министерства. Въ этомъ отношеніи книга представляетъ много новыхъ и цѣнныхъ матеріаловъ для будущаго историка. Особенно примѣчательны въ ней свѣдѣнія о начальствующихъ лицахъ, ихъ отношеніяхъ, ссорахъ и взаимныхъ интригахъ и обвиненіяхъ: они рисуютъ картину жалкаго состоянія Французской военной администраціи во время второй имперіи.

*

Нѣкто Шарль Бошè, офицеръ Французской арміи подъ Севастополемъ, издалъ собраніе своихъ писемъ къ роднымъ о военныхъ собы-

тіяхъ того времени, подъ заглавіемъ: Lettres de Crimée, Souvenirs de guerre, par Charles Bocher. Paris, 1877.

*

Только что вышелъ третій томъ издаваемой г. Мартиномъ біографіи принца Альберта, супруга Англійской королевы Викторіи (The life of the Prince Consort by Theodor Martin. Lond. 1878, Smith Elder). Онъ заключаетъ въ себѣ собраніе матеріаловъ великой важности для исторіи Крымской войны, и составленъ изъ оставшейся послѣ принца Альберта громадной, въ 50 фоліантовыхъ папкахъ, коллекціи бумагъ по восточному вопросу съ 1853 по 1857 годъ. Книга эта знакомитъ въ подробности со всею внутреннею исторіей войны, особливо въ періодъ ея подготовленія; въ ней помѣщены любопытныя записки, составленныя принцемъ Альбертомъ, и еще болѣе любопытная переписка королевы съ королемъ Прусскимъ, на котораго Англійское правительство весьма досадовало за его аргументацію въ пользу Россіи и за принятый имъ въ послѣднюю минуту нейтралитетъ. Принцъ Альбертъ является въ этой перепискѣ рѣшительнымъ и упорнымъ противникомъ Россіи, и этимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется нынѣшнее закоренѣлое упорство королевы Викторіи, благоговѣющей, какъ извѣстно, передъ памятью своего мужа. Примѣчательна перемѣна самого принца Альберта въ отношеніи его къ войнѣ. Въ концѣ 1853 года онъ составилъ для министерства записку, въ которой доказывалъ, что война, если будетъ, никоимъ образомъ не должна клониться къ поддержанію цѣлости Оттоманской имперіи и варварскаго мусульманскаго ига. А когда, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, война была объявлена, и Пальмерстоновская политика взяла верхъ, принцъ Альбертъ обратился въ яростнаго Англійскаго патріота, яростнаго противника Россіи и охранителя этой же варварской мусульманской власти. Онъ высказывается съ особенною энергіей въ перепискѣ съ Прусскимъ королемъ, съ принцемъ Вильгельмомъ, нынѣшнимъ императоромъ, и съ дядею своимъ королемъ Леопольдомъ. Въ третьемъ томѣ книги Мартина еще не законченъ періодъ Крымской войны; вскорѣ долженъ выйти еще томъ, относящійся къ тому же предмету.

*

Маіоръ Россель, преподаватель въ Лондонской военной коллегіи, составилъ очеркъ — въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи—Русскихъ военныхъ кампаній противъ Турціи за 150 лѣтъ, съ цѣлію разъяснить нынѣшнее военное положеніе и вѣроятности ожидаемой войны. Сочиненіе это называется: Russian wars with Turkey. By major Frank Russel. London, 1877. Henry King. Съ особенною подробностью описаны, съ выписками изъ извѣстныхъ писемъ Мольтке, кампаніи 1828 и 1829 годовъ. Послѣднія три главы въ книгѣ содержатъ въ себѣ обозрѣніе боевыхъ силъ Россіи и Турціи въ настоящее время и политическій очеркъ восточнаго вопроса.

*

Сочиненіе Мольтке появилось также, особо, въ Англійскомъ переводѣ, подъ названіемъ: The Russians in Bulgaria and Roumelia in 1828 and 1829.

*

Чтенія г. Голланда о трактатахъ Россіи съ Турціей съ 1774 по 1853 г. Оксфордъ. 28 Апрѣля 1877 года (A Lecture on the Treaty Relations of

Russia and Turkey from 1774 to 1853, by Thomas Erskine Holland. Lond. 1877. Makmillan). Авторъ, профессоръ международнаго права и дипломатики въ Оксфордѣ, разбираетъ въ этомъ сочиненіи трактаты Кучукъ-Кайнарджійскій, Ясскій, Бухарестскій, Аккерманскій и Адріанопольскій. Въ приложеніи помѣщены тексты трактатовъ Кучукъ-Кайнарджійскаго и Парижскаго.

*

Переписка великой ландграфини Каролины Гессенской, изд. г. Вальтеромъ (Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen. Dreissig Jahre eines fürstlichen Frauenlebens, herausg. v. Ph. Walter. 2 Bände. Wien, 1877. 481 и 472 стр.). Каролина, дочь Пфальц-графа Цвейбрюкенскаго, вышла въ 1741 г. въ замужество за ландграфа Гессенскаго Людвига (1768—1790) и прославилась умомъ своимъ и дарованіями. Фридрихъ II, бывшій въ близкихъ отношеніяхъ къ ея мужу и къ ней, удивлялся ея качествамъ и называлъ ее мужчиною по уму (femina sexu, ingenio vir). Каролина имѣла страсть къ корреспонденціи и ежедневно послѣ обѣда посвящала не одинъ часъ на письма. Переписка послѣ нея (пофранцузски) осталась громадная, и изданныя нынѣ письма ея составляютъ лишь тщательную выборку изъ массы матеріала, хранящагося въ Дармштадтскихъ герцогскихъ архивахъ. Они представляютъ немало интереса; въ книгѣ напечатано 47 писемъ къ Каролинѣ отъ Фридриха Великаго и 12 писемъ отъ императрицы Екатерины II, съ которою Каролина была въ свойствѣ. Одна дочь ея была въ замужествѣ за наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ, въ послѣдствіи королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II, а другая, Вильгельмина, была первою (1773 г.) женою великаго князя Павла Петровича (Наталья Алексѣевна). Сама мать привозила невѣстку въ Петербургъ, и въ письмахъ ея къ мужу и къ матери изъ Россіи въ Дармштадтъ сохранились подробныя, въ живомъ разсказѣ и восторженныя описанія Русскаго двора и Императрицы. Нѣтъ сомнѣнія, что Фридрихъ II пользовался, для своихъ политическихъ видовъ, отношеніями умной ландграфини къ Русскому двору. Изъ писемъ его видно, что онъ велъ дѣло о сватовствѣ, имѣя притомъ въ виду пріобрѣсти при Русскомъ дворѣ еще орудіе для своихъ цѣлей. Мысль о возможности выдать одну изъ дочерей за наслѣдника Русскаго престола положительно кружила голову матери и приводила ее въ волненіе. Она рѣшилась повезти въ Петербургъ трехъ дочерей своихъ на выборъ, которая понравится. Но дочери, какъ видно, не отличались красотою, а у нихъ была соперница красивая собою, принцесса Виртембергская. Мысль объ этой соперницѣ сильно озабочивала Каролину. Къ счастью оказалось, что она слишкомъ толста, и ея не выбрали при Русскомъ дворѣ. Въ волненіи своемъ мать воображала по слухамъ всевозможныя препятствія къ счастливому исходу дѣла и всѣ свои заботы передавала Фридриху. Такъ пронесся слухъ, что въ Петербургѣ соблазняются поведеніемъ невѣстки Каролининой и ея дочери, Саксонской принцессы, и изъ-за этой причины переговоры могутъ разстроиться. «Я не воображала, пишетъ она въ отчаяніи, что необходима непорочность репутаціи даже со стороны тетокъ и кузинъ, для того чтобы претендовать на союзъ съ Русскимъ великимъ княземъ». Фридрихъ успокоиваетъ всѣ ея страхи «Je vois, madame, пишетъ онъ, que vous vous forgez des monstres pour les combattre. Soyez sûre, ou que je n'ai aucun crédit, ou qu' une de vos filles épousera le grand-duc».—«Я увѣренъ, пишетъ онъ еще, во всѣхъ главныхъ агентахъ, которые ведутъ это дѣло: развѣ что капризъ самого

великаго князя можетъ разстроить наши планы». Въ другой разъ, мать поднимаетъ деликатный вопросъ о перемѣнѣ вѣры. Сама она не видитъ въ этомъ препятствія, но боится, что мужъ ея ландграфъ заупрямится. Фридрихъ успокоиваетъ ее въ духѣ своей философіи индефферентизма. «Я помню, пишетъ онъ, когда я предлагалъ подобную же партію покойному принцу Цербстскому (отцу Екатерины), чего мнѣ стоило уговорить его на счетъ религіи. Что ему ни говоришь, онъ все твердитъ одно: Meine Tochter nicht griechisch werden. Наконецъ успѣлъ я уговорить одного старика, и тотъ былъ такъ любезенъ, что увѣрилъ его, будто Греческій обрядъ рѣшительно одинаковый съ лютеранскимъ. А старикъ былъ такъ добръ, что повѣрилъ, и послѣ того сталъ твердить безпрестанно одно слово: Luterisch griechisch, griechisch lutherisch, das gehet an. И такъ послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ дочь его отправилась въ Россію, и вотъ она теперь Императрица, да еще какая Императрица! Вотъ, сударыня, отъ чего иногда зависитъ счастье.» Въ послѣдствіи, когда ландргафиня была уже въ Петербургѣ, Фридрихъ пополнялъ свои письма восторженными похвалами Императрицѣ, зная, что каждое письмо его будетъ прочитано Екатеринѣ.

Ландграфиня вернулась изъ Петербурга въ концѣ 1773 года, а въ 1774 году скончалась. Но поѣздка въ Россію и свадьба дочери не прошли ей даромъ: въ слѣдствіе этого брака между супругами произошло непріятное недоразумѣніе. Ландграфъ не такъ скоро примирился съ мыслью о тождествѣ восточнаго исповѣданія съ протестантскимъ ученіемъ, какъ предсказывалъ Фридрихъ. Онъ былъ строгій, фанатическій лютеранинъ, а еще того болѣе мать его. Оба они, повидимому, обвиняли ландграфиню въ томъ, что она слишкомъ легко согласилась на переходъ дочери въ другую церковь, тогда какъ, по мнѣнію ихъ, можно было достигнуть согласія Императрицы, чтобы невѣста великаго князя осталась лютеранкою.

*

Русская исторія и политика, въ исторіи высшаго Русскаго дворянства, соч. Клейншмидта (Kleinschmidt. Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russ. hohen Adels. Cassel, 1877. 560 стр.). Вся эта книга состоитъ изъ разсказовъ и анекдотовъ о Русскихъ дворянскихъ фамиліяхъ, выбранныхъ безъ общей системы изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій и біографическихъ словарей.

*

Появилась новая біографія фельдмаршала принца де-Линя, на Нѣмецкомъ языкѣ, соч. Тюргейма (Graf v. Thürheim. Feldmarschall Carl Joseph Fürst de Ligne. Eine Lebensskizze. Wien, 1877. 334 стр.). Посвящена преимущественно военной дѣятельности принца.

*

Въ Лондонѣ изданы три заключительные тома книги Пальмера: Патріархъ и Царь (Will. M. Palmer. The Patriarch and the Tsar. London, Trübner). Въ предисловіи къ этимъ томамъ авторъ развиваетъ любимую свою мысль, которой фанатически держится: о коренномъ извращеніи отношеній между духовною и свѣтскою властью въ Россіи со временъ Никона. Онъ возвеличиваетъ Никона до идеальной высоты, ставя его въ параллель съ другимъ историческимъ лицомъ, въ которомъ осуществляетъ идеалъ свой— съ Ѳомою Бекетомъ. Рев-

ностный католикъ, Пальмеръ осуждаетъ въ Русской и вообще въ Восточной церкви мнимое уклоненіе отъ Римскаго единства, и изъ этого уклоненія выводитъ извращеніе отношенія царской власти къ власти духовной, предлагая въ будущемъ средства для освобожденія церкви и для установленія нормальныхъ ея отношеній къ свѣтской власти въ Россіи. Четвертый томъ книги носитъ заглавіе: «Заслуги патріарха Никона передъ церковью и государствомъ», и содержитъ въ себѣ переводъ Русской книги Михайловскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ, съ выписками изъ сочиненій Соловьева, Субботина, другихъ книгъ и современныхъ актовъ, относящихся до Никона. Пятый томъ весь наполненъ актами и выписками, подтверждающими мысль автора о превращеніи Русской церкви въ Россіи въ государственную или національную церковь. Идею національной церкви Пальмеръ отвергаетъ вовсе, какъ противную вселенскому ея значенію. Шестой томъ занятъ документами и выписками, которыми Пальмеръ съ своей, исключительной точки зрѣнія доказываетъ правоту Никонова дѣла. Никонъ въ 1666 году отвѣчалъ судившимъ его епископамъ, что всѣхъ согрѣшившихъ въ его дѣлѣ и самую Москву постигнетъ проклятіе, подобно проклятію изреченному на Іерусалимъ. Пальмеръ принимаетъ эти слова въ видѣ пророчества и видитъ исполненіе этого пророчества въ разныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ гонителей и враговъ Никона и наконецъ—кто бы могъ ожидать этого?—въ нашествіи враговъ и пожарѣ, постигшихъ Москву въ 1812 году.

*

Датскій ученый Стенструпъ, предпринявъ обширный трудъ по исторіи Норманновъ, издалъ въ первый разъ Введеніе въ эту исторію (Johannes Steenstrup. Indledning i Normannertiden. Kjobenhavn, 1876. 381 стр.). Это сочиненіе, о которомъ Нѣмецкая критика отзывается съ великою похвалою, относится къ древнѣйшему періоду Норманской исторіи и содержитъ въ себѣ 4 отдѣла: объ источникахъ исторіи Норманновъ, о первоначальной родинѣ Норманновъ, о первыхъ Норманскихъ походахъ и ихъ причинахъ и о военномъ устройствѣ у Норманновъ.

*

Копенгагенскій профессоръ Томсенъ читалъ въ 1876 году въ Оксфордѣ, въ Тейлоровскомъ институтѣ, лекціи «о Скандинавахъ въ древней Россіи или о происхожденіи Русскаго государства». Лекціи эти печатаются въ Лондонѣ.

*

Въ Германіи издана старинная Ливонская хроника (съ 1556 по 1860 г.) Реннера, бывшаго нотаріусомъ при магистрахъ Ордена. Это одинъ изъ важнѣйшихъ для Ливонской исторіи памятниковъ (Renners livländische Historien. Herausg. v. Hausmann und Höhlbaum. Göttingen, 1876. 427 стр.).

*

Извѣстный изслѣдователь и знатокъ исторіи Польши, профессоръ Вѣнскаго университета Цейсбергъ издалъ собраніе актовъ, относящихся до исторіи Польши въ средневѣковой періодъ (Zeissberg. Kleinere Geschichtsquellen Polens im Mittelalter. Wien, 1877. 167 стр.).

Изслѣдованіе ошибокъ Казарскаго царя, памятникъ X-го столѣтія, этюдъ для исторіи южной Россіи, соч. Касселя (Der chazarische Königsbrief aus dem 10 Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte des südl. Russland, v. Dr. Cassel. Berlin 1877. 60 стр.).

*

Британскимъ Музеемъ пріобрѣтены всѣ рукописи и записки, оставшіяся послѣ извѣстнаго генерала Вильсона, Англійскаго коммисара при иностранныхъ арміяхъ, въ томъ числѣ и Русской, съ 1799 по 1814 годъ, и его корреспонденція, въ числѣ коей есть письмо императора Александра Павловича.

*

Сочиненія по восточному вопросу.

Восточный вопросъ, его факты и обольщенія, соч. Макъ-Колля (Mac Coll. The Eastern Question, its Facts and Fallacies. Lond. 1877. Longmans.). Добросовѣстное, проникнутое сочувстіемъ къ Балканскимъ Славянамъ сочиненіе почтеннаго пастора Макъ-Колля, долго жившаго въ томъ краю свидѣтеля о тяжкомъ состояніи христіанъ подъ Турецкимъ игомъ. Оно богато фактами и основано на фактахъ.

*

Турція въ Европѣ, соч. полковника Бакера (James Baker, Turkey in Europe. Lond. 1877. Cassel). Авторъ проѣхалъ вдоль и поперекъ Балканскій полуостровъ, жилъ тамъ и дѣйствовалъ и описываетъ, по личнымъ наблюденіямъ и изученіямъ, состояніе Турціи, ея исторію, общественный бытъ, правленіе, хозяйство и проч. Немало говоритъ онъ о Болгарахъ и хвалитъ ихъ, но въ отношеніи къ Россіи и къ Русской политикѣ является Англичаниномъ, исполненнымъ недовѣрія и предразсудковъ.

*

Оттоманская власть въ Европѣ, характеръ ея, возрастаніе и упадокъ, сочиненіе Фримена (The Ottoman Power in Europe; its Nature, its Growth and its Decline. By Edward Freeman. London. 1877. Macmillan). Извѣстный Англійскій историкъ и поборникъ правды въ Англійской политикѣ Фрименъ издалъ это сочиненіе въ виду нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствъ. Оно раздѣлено на три части. Въ первой авторъ разсматриваетъ причины и обстоятельства, отъ коихъ зависитъ существенное различіе между восточною и западною частями Европы въ историческомъ и въ политическомъ отношеніи. Вторая часть содержитъ мастерской очеркъ исторіи Турецкой имперіи и господства Турецкаго на Балканскомъ полуостровѣ. Въ послѣдней части—историческій очеркъ событій послѣдняго времени (за два года), начиная съ Герцеговинскаго возстанія. «Освобожденіе покоренныхъ народовъ (говоритъ Фрименъ) должно бы быть, если возможно, дѣломъ всей Европы; въ противномъ случаѣ—дѣломъ Россіи совокупно съ Англіей. Если же Англія устраняется и оставляетъ дѣло на руки одной Россія, вина въ томъ не Россіи, а Англіи. Если правы цѣли и намѣренія Россіи, мы въ ущербѣ, уклонившись отъ дѣйствія и славы съ нимъ соединенной; если неправы—наша вина въ томъ, что мы не хотимъ принять мѣры къ противодѣйствію. Если подлинно у Россіи есть затаенные замыслы, то конечно для нея

всего выгоднѣе наша политика на конференціи и наше рѣшеніе оставаться неподвижными ни за Турцію, ни противъ нея».

*

Капитанъ Бернеби, авторъ прошлогодней книги о поѣздкѣ въ Хиву, издалъ въ 1877 году описаніе путешествія своего по Малой Азіи, совершеннаго незадолго до начатія войны (On Horseback through Asia Minor, by Capt. Fred Burnaby, 2 vls. Lond. 1877. Sampson Low). Живымъ, полюбившимся публикѣ, слогомъ онъ передаетъ впечатлѣніе своей поѣздки въ Турецкой Арменіи между Эрзерумомъ и озеромъ Ваномъ и приготовленія къ войнѣ, коихъ былъ свидѣтелемъ. Онъ принадлежитъ къ числу туркофиловъ и ненавистниковъ Русской власти, и книга его соотвѣтствуетъ нынѣшнему настроенію большинства Англійской публики. Въ концѣ ея помѣщены приложенія о такъ называемыхъ Русскихъ жестокостяхъ въ Азіи и въ Польшѣ.

*

У подошвы Балканъ, сочиненіе Мора (Under the Balkans by Jasper More. Lond. 1877. Kegan Paul). Это разсказы путешественника, умнаго и наблюдательнаго, ѣздившаго въ Болгарію прошлою осенью, послѣ извѣстныхъ Болгарскихъ ужасовъ, для того, чтобы своими глазами видѣть правду. И онъ разсказываетъ ужасную правду обо всѣхъ этихъ ужасахъ, и описываетъ все, что̀ удалось ему видѣть въ Болгаріи, останавливаясь въ особенности на нравахъ и обычаяхъ жителей и на отношеніяхъ христіанскаго населенія къ мусульманскому. Хотя онъ и смотритъ на Болгарскій вопросъ глазами Англичанина, но видимо старается быть безпристрастнымъ.

*

Г. Барклей, издавшій прежде интересную книгу о Болгаріи, носящую такое заглавіе: «Между Дунаемъ и Чернымъ моремъ», выпустилъ нынѣ новое сочиненіе о томъ же предметѣ, подъ заглавіемъ: Болгарія передъ войною (Barkley, Bulgaria before the War. Lond. 1877. Murray). Авторъ—Англійскій инженеръ, строившій желѣзную дорогу до Кюстенджи. Онъ прожилъ въ Болгаріи семь лѣтъ, имѣя дѣло постоянно и непосредственно съ мѣстнымъ населеніемъ; слѣдовательно свидѣтельство его о Болгарахъ можетъ быть основательно, не таково, какъ свидѣтельство многихъ путешественниковъ, которые разъѣзжаютъ по Турціи важными господами и ведутъ компанію больше съ начальнымъ и чиновнымъ людомъ. Новая книга Барклея встрѣчена съ особымъ интересомъ посреди полемики, возбужденной въ Англіи въ прошломъ Ноябрѣ статьею извѣстнаго корреспондента Форбса (въ журналѣ XIX Century) о Туркахъ, Болгарахъ и Русскихъ. Форбсъ набросилъ въ статьѣ своей такую тѣнь на Болгарское населеніе и на отношенія его къ Туркамъ, что защитниками истины противъ его показаній, очевидно пристрастныхъ, явились многіе, въ томъ числѣ мистеръ Гладстонъ, въ публичной лекціи. Барклей повторяетъ съ новыми подробностями прежній свой отзывъ о Болгарахъ, какъ о племени трудолюбивомъ и крайне способномъ къ развитію. Онъ опровергаетъ, между прочимъ, распространившуюся мысль о томъ, что Болгарамъ хорошо было жить подъ Турецкою властью, такъ какъ вообще у нихъ находили матеріальное благосостояніе быта въ сельской обстановкѣ. Авторъ былъ нѣкото-

рое время консуломъ въ Болгаріи. Любопытно, что онъ считаетъ лучшими консулами въ томъ краю—Русскихъ консуловъ, удостовѣряя, что они знаютъ Востокъ лучше всѣхъ прочихъ, и что обвиненіе ихъ въ политическихъ интригахъ посреди мѣстнаго населенія ни на чемъ не основано. Сами Болгары, говоритъ онъ, лучшіе политическіе агенты въ пользу Россіи; многіе изъ нихъ воспитывались въ Россіи и, возвращаясь въ свое отечество, служатъ лучшими проводниками сочувствія къ Россіи.

*

Путешествіе по Славянскимъ провинціямъ Турціи въ Европѣ, соч. леди Себрайтъ и миссъ Ирби, съ предисловіемъ Гладстона (Travels in the slavonic Provinces of Turkey in Europe, by lady Sebright and miss Irby. Lond. 1877. Daldy). Второе, дополненное изданіе дѣльной и интересной книги, написанной двумя извѣстными путешественницами по Славянскому міру.

*

Нѣкто г. Кетсъ, Американскій пасторъ, жившій въ Азіятской Турціи, издалъ любопытное описаніе тамошняго христіанскаго населенія, подъ названіемъ: Христіане подъ властью полумѣсяца въ Азіи (Rev. Cutts. The Christians under the Crescent in Asia. Lond. 1878).

*

Письма о положеніи Турціи и о событіяхъ въ Турціи съ 1835 по 1839 годъ, соч. Мольтке (v. Moltke. Briefe über Zustande und Begebenheiten in der Türkei aus d. Jahren 1835 bis 1839. Berlin. 1876. 431 стр.). Въ 1835 г. Мольтке, бывъ еще молодымъ офицеромъ, предпринялъ путешествіе въ Константинополь, на короткое время, но сверхъ чаянія остался тамъ 4 года, объѣздилъ Малую Азію, Курдистанъ, Месопотамію и принималъ участіе въ военныхъ реформахъ, задуманныхъ сераскиромъ и султаномъ Махмудомъ II. Многостороннія наблюденія свои и сужденія, не только по военной части, но и по администраціи, хозяйству, даже по археологіи, излагалъ онъ въ письмахъ къ пріятелю. Письма эти, во многихъ отношеніяхъ любопытныя, особливо въ настоящую эпоху, изданы были въ 1841 году безъименно, а нынѣ появились уже со славнымъ его именемъ.

*

Турція въ борьбѣ съ Россіей (Die Türkei im Kampe mit Russland), соч. Геллывальда. Дѣльная брошюра, содержащая въ себѣ основательныя замѣтки о нынѣшнемъ положеніи Турціи и о взаимныхъ силахъ и внутреннихъ средствахъ воюющихъ державъ.

*

Исторія Греціи отъ истощенія античной жизни до новѣйшаго времени, соч. Герцберга. Часть I. (Hertzberg. Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart. I-er Theil. Gotha. 1876, 419 стр.). Первая часть этого замѣчательнаго историческаго труда объемлетъ періодъ отъ императора Аркадія до Латинскихъ крестовыхъ походовъ. Въ ней есть немало страницъ любопытныхъ для Русской исторіи. Во второй главѣ авторъ обсуждаетъ отношенія новой Греціи къ Славянству и касается вопроса, о которомъ такъ много писалъ Фальмерайеръ, о Новогреческой національности, на сколько въ ней Греческаго и Славянскаго элемента. Въ дальнѣйшемъ

изложенiи говорится много о поселенiяхъ Славянскихъ племенъ въ Византiйской имперiи, о войнахъ Греческихъ императоровъ со Славянами, и въ особенности съ Руссами.

*

Вышли въ отдѣльномъ изданiи любопытныя письма корресподента газеты Times, г. Галленги, о событiяхъ въ Константинополѣ и въ Турцiи за два года, предшествовавшiе начатiю нынѣшней войны (Gallenga. Two Years of the Eastern Question. Lond. 1877. Tinsley).

*

Къ исторiи прошлогодней Сербской войны относятся записки двухъ Англичанокъ, дѣйствовавшихъ въ Сербiи отъ Краснаго Креста по устройству лазаретовъ и уходу за ранеными (Servia in Service under the Red Cross, by E. M. Pearson and. L. E. Mchaughlin. Lond. 1877. Tinsley).

*

Два мѣсяца съ Черняевымъ въ Сербiи, соч. лейтенанта Салисбюри (Salusbury. Two Months with Tchernaïeff in Servia. Lond. 1877. Chapman). Авторъ, молодой человѣкъ, не старше 21 года, поѣхалъ служить волонтеромъ въ Сербскую армiю подъ начальствомъ Черняева, былъ адъютантомъ у Дохтурова, сражался храбро, и по окончанiи войны вернулся домой съ энтузiазмомъ къ Сербскому дѣлу и къ генералу Черняеву. Онъ разсказываетъ простою, безхитростною, но живою рѣчью свои похожденiя и впечатлѣнiя отъ всего, что̀ видѣлъ и испыталъ во время кампанiи.

*

При множествѣ фанатическихъ противниковъ въ Англiйской литературѣ и политикѣ, Россiя находитъ и фанатическихъ сторонниковъ. Въ числѣ ихъ не послѣднимъ членъ парламента Толлемакъ Синклеръ. Онъ издалъ книгу подъ заглавiемъ: Защита Россiи и Турецкiе христiане. (A defence of Russia and the Christians of Turkey. By Sir Tollemache Sinclair. Lond. 1877. Chapman). Книга эта довольно несвязно составлена, съ помощiю компиляцiи изъ разныхъ источниковъ, книгъ, газетъ и частныхъ свѣденiй. Она появилась и въ Русскомъ переводѣ, изданномъ редакцiей «Гражданина».

*

Г. Бойль, корреспондентъ Лондонской газеты Standard, изгнанный изъ главной квартиры Русской армiи за нескромность и за распространенiе клеветъ на Русскую армiю, издалъ въ Лондонѣ описанiе своихъ военныхъ похожденiй и своего изгнанiя, подъ заглавiемъ: Разсказъ изгнаннаго корреспондента (The Narrative of an expelled Correspondent. By Fred. Boyle. Lond. 1878. Bentley). Въ озлобленiи на Русское начальство, Бойль, разумѣется, описываетъ его въ невыгодномъ свѣтѣ; разсказы его о приключенiяхъ и опасностяхъ военнаго времени, не безъ таланта написанные, читаются съ интересомъ.

*

Корреспонденцiи Макъ Гахана и Форбса въ газету Daily News о военныхъ дѣйствiяхъ, съ весны до осени 1877 года, читавшiяся съ такимъ живымъ интересомъ во всѣхъ концахъ мiра, собраны въ цѣльный разсказъ и изданы особою книгою подъ заглавiемъ: Кор-

респонденція Daily News о Русско-турецкой войнѣ до взятія Карса (The Daily News Correspondence of the War etc. 1878 Macmillan).

*

Событія послѣдняго времени привлекли общее вниманіе къ Черногоріи. Появилось значительное количество сочиненій объ этой странѣ, объ ея геройской исторіи и о бытѣ Черногорскаго народа. Гладстонъ написалъ блестящую, исполненную энтузіазма, статью о Черногоріи, помѣщенную въ журналѣ Nineteenth Century, за Май 1877 *). Пасторъ Дентонъ, извѣстный другъ угнетенныхъ Славянъ, издалъ книгу: Черногорія, народъ ея и исторія, составленную по личнымъ его впечатлѣніямъ и по тщательному изученію источниковъ (Montenegro, its People and theer History theer. W. Denton. Lond. 1877. Daldy).

*

Особеннаго вниманія заслуживаютъ сочиненія о Черногоріи, г. Гопчевича, изданныя въ Германіи. Авторъ близко знаетъ страну и ея исторію. Двѣ изданныя имъ книги называются:
Montenegro und die Montenegriner. Leipzig. 1876. 194 стр.
Der Krieg Montenegro's gegen die Pforte, Wien, 1876. 146 стр.

*

Веніаминъ Раллей (Rallay), Венгерскій дворянинъ, прожившій 8 лѣтъ въ Бѣлградѣ въ званіи Австро-венгерскаго генеральнаго консула, издалъ на Венгерскомъ языкѣ, написанную имъ по своимъ изслѣдованіямъ, исторію Сербіи, съ 1804 по 1815 годъ, въ 2 томахъ. Въ первомъ томѣ, въ слѣдъ за очеркомъ прежней исторіи Сербскаго народа, историческій разсказъ доведенъ до 1806 года, при чемъ авторъ описываетъ начало Русскаго вліянія въ Сербіи. Второй томъ начинается описаніемъ состоянія и политическихъ отношеній Сербіи въ концѣ 18 столѣтія; за тѣмъ слѣдуетъ исторія Австрійско-турецкой войны и Сербскаго возстанія съ его исходомъ, приведшимъ Сербію къ нынѣшнему политическому ея положенію. Авторъ имѣлъ возможность пользоваться мѣстными архивами; онъ знаетъ Славянскія нарѣчія. Хвалятъ основательность его труда. Направленіе автора, разумѣется, враждебно Россіи.

*

Къ восточному вопросу относится сборникъ статей г. Сатерланда Эдвардса, помѣщенныхъ въ газетѣ Pall Mall, гдѣ онѣ обратили на себя вниманіе публики. Этотъ сборникъ называется: Славянскія области Турціи, руководство по восточному вопросу. (The Slavonian Provinces of Turkey, an historical, ethnological and political Guide to the Questions at Issue in these Lands. Lond. 1876. Stanford).

*

Англія и восточный вопросъ, соч. лорда Монтегю (L. Robert Montagu. England and the Eashern Question. Lond. 1877. Chapman). Памфлетъ яростнаго туркофильскаго направленія.

*

*) Статья Гладстона, въ Русскомъ переводѣ К. П. Побѣдоносцева, издана отдѣльно и продается по 30 к. въ пользу раненыхъ.

Въ числѣ многочисленныхъ памфлетовъ по Восточному вопросу, направленныхъ противъ Россіи, не послѣднее мѣсто занимаетъ цѣлая книга, въ 636 страницъ, написанная извѣстнымъ атеистомъ Майтландомъ, подъ слѣдующимъ вычурнымъ заглавіемъ: Англія и Исламъ, или совѣтъ Каіафы (Maitland. England and Islam, or the Counsel of Caiaphas. Lond. 1876. Tinsley Brothers). Писанная торжественнымъ тономъ, какъ бы нѣкое пророчество, книга эта преисполнена сочувствія къ Исламу и Турціи и самой бѣшеной ненависти противъ Россіи.

Сочиненія по среднеазіятскому вопросу.

Извѣстный въ ученомъ мірѣ и въ литературѣ путешественникъ, авторъ знаменитаго сочиненія о Меккѣ и Мединѣ, Буртонъ, издалъ описаніе своего путешествія по Синду, подъ названіемъ: вторичное посѣщеніе Синда (Richard Burton. Sind revisited. Lond. 1877. 2 vls. Bentley). Онъ посвящаетъ цѣлую главу вопросу о возможномъ нашествіи Россіи на Англійскую Индію, предвидитъ большую отъ того опасность Англійскому владычеству и указываетъ на крайнее разстройство Англійской военной силы въ Индіи.

*

Возможно ли вторженіе Русскихъ въ Индію? Сочиненіе маіора Давида, изъ Индобританской арміи (Is a russian Invasion of India feasible? By Major David, Indian Army. Lond. 1877. Stanford). Въ этомъ памфлетѣ авторъ разсматриваетъ вопросъ преимущественно съ военно-стратегической точки зрѣнія, указывая своимъ соотечественникамъ на слабыя стороны пограничной защиты Англоиндійскихъ владѣній.

*

Къ вопросу о Русскихъ завоеваніяхъ и объ Англійской политикѣ въ Средней Азіи относится книга: Поѣздка по странамъ Ислама, черезъ Персію и Авганистанъ, Мешедъ, Гератъ и Кандагаръ, въ Индію, сочиненіе капитана Марша (A Ride through Islam. By Capt. Marsch. Lond. 1877. Tinsley).

*

Исторія центральной Азіи Абдуль-херима Бухари, въ переводѣ Шефера (Histoire de l'Asie centrale par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. 2 vols. Texte persan, traduction française. Paris. 1876). Авторъ этого любопытнаго сочиненія, Миръ Абдулъ Керимъ, родомъ изъ Бухары, ѣздилъ въ должности секретаря при Бухарскомъ посольствѣ въ Россію въ 1807 году, а на обратномъ пути въ Константинополѣ остался на житье, за смертью посланника и всей его свиты. Устроившись въ Константинополѣ, онъ вошелъ въ близкое знакомство съ церемоніймейстеромъ султана Арифъ-бегомъ и, по желанію его, написалъ въ 1818 году записки объ исторіи Средней Азіи на Персидскомъ языкѣ. Эти записки начинаются съ 1747 года, то есть съ того года, когда убитъ былъ Надиръ шахъ, распалась громадная его имперія и образовались въ Средней Азіи самостоятельныя ханства подъ властью новыхъ династій. Въ запискахъ Абдулъ Керима разсказана исторія этихъ владѣній, съ примѣсью весьма цѣнныхъ статистическихъ, географическихъ и археологиче-

скихъ свѣдѣній, а также разсказовъ и анекдотовъ изъ придворнаго и гаремнаго быта. Разсказъ вообще доведенъ до 1818 года.

*

Сочиненіе г-на Пакьѐ, на Латинскомъ языкѣ: Сравнительныя показанія древнихъ и новыхъ географовъ о Каспійской и Аральской области въ Азіи (Paquier. De Caspiana atque Aralica regione Asiae veteres geographos cum recentioribus conferendos. Paris. 1877. 80 стр. in 4-o).

*

Пакьѐ. Памиръ. Физико-географическое и историческое изслѣдованіе о Средней Азіи (Paquier. Le Pamir. Etude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale. Paris. 1877. 218 стр.).

*

Путешествія и описанія.

Россія, сочиненіе Макензи Уолласа, члена Русскаго Географическаго Общества (Russia by Mackenzie Wallace, 2 vls. Lond. 1877. Cassel). Книга эта—единственное въ своемъ родѣ сочиненіе о Россіи, писанное иностранцемъ. Авторъ находился въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для изученія Россіи. Онъ прожилъ въ Россіи безвыѣздно около шести лѣтъ, посѣщая разныя въ ней мѣстности и оставаясь по долгу, преимущественно между сельскимъ населеніемъ. Онъ началъ свою дѣятельность, какъ и слѣдовало, съ изученія Русскаго языка, для чего избралъ рѣшительное, прямо ведущее къ цѣли средство: поселился на нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ захолустьевъ Новгородской губерніи, въ семействѣ Русскаго сельскаго священника, гдѣ никто не умѣлъ говорить иначе какъ порусски. Изучивъ языкъ, онъ принялся за изученіе страны и литературы, съ которою также ознакомился вполнѣ и пріобрѣлъ себѣ много поучительныхъ знакомствъ въ Россіи, особливо въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Ярославлѣ, гдѣ проводилъ большую часть своего времени, когда не былъ въ разъѣздахъ. Богатая библіотека Ярославскаго Лицея служила главнымъ пособіемъ въ кабинетныхъ его занятіяхъ и дала ему возможность близко ознакомиться со всѣми замѣчательными произведеніями Русской науки и литературы. Отъ того сочиненіе Уолласа о Россіи, по изложенію своему принаровленное ко вкусу Англійскихъ читателей, весьма богато содержаніемъ, и въ немъ не встрѣчается тѣхъ нелѣпыхъ представленій и разсказовъ, которыми бываютъ обыкновенно исполнены сочиненія иностранцевъ о Россіи.

Уолласъ начинаетъ свою книгу нагляднымъ описаніемъ Русскаго дорожнаго быта и потомъ приступаетъ къ разсказу о жизни своей въ деревнѣ у священника и описываетъ ее со всею обстановкою. Это даетъ ему поводъ представить читателю въ живомъ очеркѣ характеры Русскаго сельскаго священника, Русскаго крестьянина въ его домашнемъ бытѣ и Русскую сельскую общину или міръ, въ новѣйшемъ его устройствѣ (глава особенно замѣчательная). Ближайшій губернскій городъ Новгородъ (съ его оригинальною исторіей и древностями) даетъ ему поводъ къ описанію городскаго устройства, земскаго самоуправленія, организаціи властей и чиновничества. За тѣмъ слѣдуетъ характеристика дворянства, описаніе помѣщичьяго быта

стараго и новаго времени и разсужденіе о политическомъ значеніи сословій въ Россіи. Авторъ проживалъ нѣсколько времени въ Молоканскомъ селеніи и входилъ въ близкое сношеніе съ этими сектантами. Глава о молоканахъ особенно интересна.

По поводу Молоканъ авторъ дѣлаетъ историческій очеркъ раскола и объясняетъ общественное и политическое его значеніе въ Россіи. Слѣдующая глава посвящена характеристикѣ Русской степи и описанію Киргизовъ, съ которыми авторъ жилъ нѣкоторое время въ самой степи. Особая глава занята историческимъ очеркомъ Монгольскаго владычества въ Россіи и его значенія въ Русской исторіи. За тѣмъ слѣдуетъ исторія казаковъ, описаніе быта ихъ и землевладѣнія. Этнографическая часть книги заканчивается главою о колонистахъ, объ исторіи и значеніи иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи.

Остальныя главы, особенно интересныя, посвящены общему обозрѣнію важнѣйшихъ общественныхъ и государственныхъ предметовъ и объясненію реформъ послѣдняго времени. Глава 25-я носитъ заглавіе: Петербургъ и Европейское вліяніе и содержитъ въ себѣ много любопытныхъ и остроумныхъ замѣчаній о значеніи иностранныхъ началъ въ литературѣ и во внутренней жизни Россіи. Слѣдующая глава посвящена Москвѣ, въ которой Уолласъ живалъ по долгу, и Славянофиламъ. Глава о церкви и государствѣ объясняетъ, конечно съ западной точки зрѣнія, отношенія государства и церкви въ Россіи и значеніе въ народѣ православной церкви, которую авторъ, согласно съ общимъ голосомъ на Западѣ, обвиняетъ въ бездѣйственности и формализмѣ. Внутренняго значенія церкви для народа онъ, конечно, не могъ понять; да его не понимаютъ, какъ мы видимъ, и многіе изъ самихъ Русскихъ образованнаго общества. Слѣдующая глава посвящена Крымской войнѣ и ея послѣдствіямъ во внутренней реорганизаціи учрежденій. Затѣмъ четыре большія главы заняты крестьянскимъ вопросомъ, который Уолласъ изучалъ преимущественно и по книгамъ и въ жизни. Здѣсь находимъ краткій и вѣрный очеркъ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи, исторію эмансипаціи, изложеніе главныхъ началъ ея и обстоятельное изслѣдованіе ея послѣдствій и для крестьянъ, и для помѣщиковъ. Двѣ остальныя главы посвящены судебной реформѣ и восточному вопросу. При этомъ авторъ объясняетъ весьма разумно стремленіе Россіи къ расширенію владѣній своихъ въ степи—политическою и хозяйственною необходимостью и справедливо замѣчаетъ, что Русскія завоеванія могутъ остановиться лишь на такой чертѣ, гдѣ встрѣтятся съ государственною властью, способною водворить и поддержать порядокъ и гражданственность въ своихъ владѣніяхъ.

Книга Уолласа написана прекраснымъ языкомъ и читается легко и пріятно. По Англійскому обычаю она не обременена никакими мелочами и подробностями и отличается тою опредѣлительностью и прозрачною ясностью сужденій и выводовъ, которая составляетъ особенность Англійскаго изложенія. Эти достоинства имѣютъ однако и оборотную сторону: съ ними соединяется нерѣдко у Англичанъ какая-то рѣзкость очертаній въ рисункѣ и тѣней въ картинѣ, обманывающая читателя и оставляющая въ немъ не вполнѣ удовлетвореннымъ чувство правды. Можно сказать, что книга Уолласа—прекрасная фотографія Россіи, и потому для иностранца книга эта должна представляться картиной, открывающею для него новый

міръ идей и представленій о Россіи. Но Русскій читатель едвали признаетъ эту фотографію оживленною картиною.

*

Закавказье и Араратъ. Записки объ осенней поѣздкѣ 1876 года, соч. Брайса (Transcaucasia and Ararat, being Notes of a vacation Tour in the Autumn of 1876. By James Bryce. Lond. 1877. Macmillan). Авторъ, извѣстный юристъ, направилъ путь свой на Кавказъ, черезъ Нижній-Новгородъ и Саратовъ, по Волгѣ, которая очень ему понравилась. На Кавказѣ главною цѣлью его было восхожденіе на Араратъ, описаніе коего составляетъ самую интересную часть книги. Россію видѣлъ онъ въ первый разъ и отзывается объ ней по крайней мѣрѣ безъ озлобленія. На Кавказѣ поразили его безпорядки въ администраціи края, но и за всѣмъ тѣмъ онъ замѣчаетъ съ нѣкоторою горечью, что, не взирая на превосходное устройство Англійской администраціи въ Индіи, отношеніе правительства къ туземному населенію на Кавказѣ несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ Англійскихъ владѣніяхъ, что̀ надобно приписать мягкому нраву и воспріимчивости Русскаго народа. На Волгѣ автора поразило замѣченное имъ сходство Россіи съ Сѣверной Америкою, и на чертахъ этого сходства онъ нерѣдко останавливается въ своей книгѣ.

*

Замѣтки о путешествіи въ сѣверо-восточную Европу (Notes of a Tour in North Eastern Europe. Glasgow. 1877). Книжка эта содержитъ въ себѣ довольно поверхностныя путевыя замѣтки автора о томъ, что̀ онъ видѣлъ въ Россіи, преимущественно въ Москвѣ, Троицкой Лаврѣ, Нижнемъ и Петербургѣ, лѣтомъ 1877 года.

*

Автобіографическія воспоминанія сера Джона Боуринга (Autobiographical Recollections of Sir John Bowring. Lond. 1877. King.). Джонъ Боурингъ съ 1813 года состоялъ въ дипломатической службѣ и объѣздилъ Европу и Азію по разнымъ порученіямъ Англійскаго правительства; въ 1850-хъ годахъ состоялъ Англійскимъ посланникомъ въ Китаѣ; умеръ въ отставкѣ, въ 1872 году. Въ литературѣ онъ извѣстенъ былъ какъ полиглотъ, переводчикъ со многихъ языковъ (въ томъ числѣ съ Русскаго). Записки, которыя онъ велъ во время своихъ поѣздокъ, послужили матеріаломъ для этой книги, въ которой нѣсколько страницъ посвящено впечатлѣніямъ Россіи и Финляндіи, гдѣ онъ былъ въ 1819 году съ порученіемъ отъ герцога Веллингтона.

*

Путешествіе въ страну рублей (Voyage au pays des roubles, par un militaire français. Paris. 1877). Вздорная книга, состоящая изъ забавныхъ и нелѣпыхъ анекдотовъ о Россіи.

*

Волга. Замѣтка о Россіи, соч. Лагреля (Le Volga. Notes sur la Russie par Lagrelle, docteur-ès lettres. Paris. 1877). Сочувственное, но поверхностное описаніе дороги по Волгѣ до Саратова, составленное съ помощью Русскихъ сочинителей, коихъ списокъ помѣщенъ въ концѣ книжки.

*

Французы и Русскіе. 1812—1854. Соч. Рамбо (A. Rambaud. Français et Russes. Moscou et Sevastopol. 1812—1854. Paris, 1876). Въ этой книжкѣ собраны статьи г. Рамбо, по большей части прежде напечатанныя въ журналахъ, о кампаніи 1812 года, о Французахъ въ Москвѣ, о Бородинскомъ полѣ и монастырѣ (по извѣстнымъ разсказамъ г. Толычовой и ея біографіи Тучковой), и большая его статья о Севастопольской осадѣ, изъ Revue de Deux Mondes 1875 года.

*

Въ журналѣ Deutsche Rundschau появились любопытныя письма о Россіи, писанныя въ Данію знаменитымъ графомъ Мольтке, въ 1856 году, когда онъ пріѣзжалъ на коронацію. Имя автора привлекло къ этимъ письмамъ общее вниманіе, котораго онѣ сами по себѣ заслуживаютъ: авторъ живою, нерѣдко сочувственною мыслью воспринимаетъ новыя для него впечатлѣнія, и многія замѣчанія его показываютъ мѣткую наблюдательность. Письма Мольтке изданы отдѣльною книжкой и немедленно появились въ Англійскомъ и во Французскомъ переводахъ.

*

Талантливый писатель, г. Францозъ, издавшій въ прошломъ году очерки быта Славянскихъ народовъ, подъ названіемъ Aus Halbasien, издалъ теперь новый рядъ подобныхъ очерковъ, подъ названіемъ: От ъ Дона до Дуная (Vom Don zur Donau. 2 Bände. Leipzig, 1878). Содержаніе книги взято изъ жизни Галичины, Румыніи, Венгріи, Россіи, Болгаріи и Европейской Турціи.

*

Русскіе очерки, соч. Ленгенфельда (Lengenfeldt. Skizzen aus Russland. Berlin, 1877).

Письма объ Россіи, Молинари (Lettres sur la Russie par Molinari. Paris, 1877).

Статьи въ журналахъ.

Въ Revue de Deux Mondes.

15 Мая. О движеніяхъ и политикѣ Россіи въ средней Азіи, ст. Кюшеваль-Клариньи. 15 Іюня. Продолженіе статей Леруà Больѐ о Россіи, статья о преобразованіяхъ въ арміи. 15 Августа—о сельской общинѣ и крестьянскомъ самоуправленіи. 15 Декабря—объ администраціи и полиціи, и о централизаціи управленія въ Россіи.

Въ Revue de France 1877 года замѣчательная и обширная статья г. Барранда: L'Asie Centrale Russe. Sa raison d'être, son passé, son présent.

Съ 1877 года издается въ Парижѣ новый журналъ: Мелузина (Melusine, Revue de mythologie etc. dirigée par Gaidoz et Rolland), посвященный народной миѳологіи и литературѣ пѣсенъ, сказокъ и преданій. Здѣсь встрѣчаются статьи г. Дениса, по Иречеку, о Славянской миѳологіи, и Леже о Русскихъ лубочныхъ картинкахъ.

*

Въ новомъ Лондонскомъ обозрѣніи Nineteenth Review (Май 1877) любопытная, ясно и обстоятельно изложенная статья Рольстона о революціонной литературѣ въ Россіи. По поводу политическихъ процессовъ 1877 г. въ Петербургѣ, авторъ, излагая содержа-

ніе ихъ въ безпристрастномъ разсказѣ, обозрѣваетъ произведенія революціонной литературы, которыя распространяемы были въ народѣ безумными пропагандистами и дѣлаетъ имъ достойную оцѣнку.

Въ томъ же журналѣ за Ноябрь, статья Форбса о Русскихъ, Туркахъ и Болгарахъ въ нынѣшнюю войну.

Въ журналѣ Frazer's Magazine (Іюнь—Декабрь 1877) г. Тёрнеръ, извѣстный сочиненіями объ Русской литературѣ, помѣстилъ обстоятельную статью о литературныхъ трудахъ императрицы Екатерины II. Въ послѣдующихъ статьяхъ продолжаются очерки Пушкинскаго періода въ Русской литературѣ.

Въ Westminster Review 1877 г. (Октябрь) обширная статья о Русской литературѣ, съ талантомъ написанная г. Морфиллемъ, профессоромъ Славянскихъ нарѣчій въ Оксфордѣ.

Въ журналѣ Deutsche Rundschau статья о Бакунинѣ и о радикализмѣ въ Россіи.

Preussische Jahrbücher. 1876. Статья Бернгарди о Крыловѣ и его басняхъ.

Въ Historishe Zeitschrift Зибеля статья Гирша: Послѣдніе годы Семилѣтней войны.

Unsere Zeit 1877. №. 10. Статья Гана: Русскіе государственные люди и дипломаты нашего времени.

Смѣсь.

Святый Кириллъ. О языкѣ, алфавитѣ и богослужебномъ обрядѣ, приписываемыхъ Славянскимъ апостоламъ. Соч. Даврила (d'Avril. Saint Cyrille. Mémoire sur la langue, l'alphabet et le rite attribués aux apôtres Slaves du IX siécle. Paris. 1877. 43 стр.).

Литовско-Славянскія изслѣдованія, соч. Брикнера (Brückner. Litua-nisch-Slavische Studien. Weimar, 1877). Содержаніе первой части: о Славянскихъ словахъ въ Литовскомъ языкѣ.

Въ Венгріи вниманіе ученыхъ филологовъ обращено на изслѣдованіе Финскихъ и Монгольскихъ нарѣчій, въ которыхъ думаютъ найти сродство съ Мадьярскимъ нарѣчіемъ. Въ прошломъ году, въ ученыхъ запискахъ Мадьярской академіи г. Балинтъ помѣстилъ трактатъ о Бурятскомъ или западно-Монгольскомъ нарѣчіи. Авторъ находится нынѣ въ составѣ ученой экспедиціи графа Сечѐни, отправившейся въ степи Гоби; онъ присоединился къ ней съ тою же филологическою цѣлью. Тотъ же Балинтъ издалъ недавно грамматику нарѣчія Казанскихъ крещеныхъ Татаръ. Извѣстный Вамбери издалъ Этимологическій лексиконъ Тюркско-Татарскихъ нарѣчій.

Русское правительство открыло въ 1874 году конкурсъ на премію въ 5000 рублей за лучшее сочиненіе объ исторіи кавалеріи. Англичанинъ, полковникъ Денисонъ написалъ на эту тему замѣчательное сочиненіе, изданное въ 1877 году въ Лондонѣ и, представивъ его на конкурсъ, получилъ премію.

Въ Гельсингфорсѣ предпринято изданіе ученаго изслѣдователя г. Аспелина, на Шведскомъ языкѣ съ Французскимъ переводомъ, о древностяхъ сѣверныхъ народовъ Финско-угорскаго племени. Все изданіе должно состоять изъ 5 тетрадей съ 400 рисунками. Изслѣдованіе дѣлится на 3 группы: Балтійско-азовскія, Финляндскія и Сѣверно-русскія древности. Главнымъ матеріаломъ служитъ изслѣдованіе могилъ и

кургановъ. Вышла первая тетрадь, относящаяся къ каменному и бронзовому періодамъ (Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. 1. Ages de la pierre et du bronze. Helsingfors, 1877).

Торговые пути Грековъ и Римлянъ по Одеру, Вислѣ, Днѣпру и Нѣману, къ Балтійскому морю, соч. Садовскаго (Sadowski. Die Handels-Strassen der Griechen и Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, d. Dniepr и Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres. Jena. 1877).

Въ Упсалѣ издано Шультгессомъ сочиненіе о Шведской экспедиціи Норденскіольда, въ 1876 году, къ устью Енисея. Оно появилось также и во Французскомъ переводѣ: Expéditions Suédoises de 1876 au Jenissei.

Сочиненіе Богишича объ обычномъ правѣ у южныхъ Славянъ появилось во Французскомъ извлеченіи Демелича (Demelic. Le droit coutumier des Slaves mérédionaux d'après les recherches de V. Bogisic. Paris. 1876. 156 стр.) Книга эта переведена на Русскій языкъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ 186⁶/₇ года.

Старые Іудейскіе памятники въ Крыму, соч. Гаркави (Dr. Harkavy. Altjüdische Denkmäler aus der Krim). Въ этомъ большомъ сочиненіи (288 стр. in 4-о) авторъ описываетъ памятники (рукописи и надгробныя надписи) извѣстнаго собранія Фирковича и доказываетъ подложность многихъ, которые Фирковичъ относилъ къ VI вѣку до Р. Х. Онъ разсказываетъ въ подробности происхожденіе этого собранія. По словамъ автора, самъ Фирковичъ, когда представлялся въ 1839 году въ Крыму путешествовавшему маршалу Мармону, не умѣлъ дать ему отвѣта на вопросы его о началѣ поселенія Караимовъ въ Крыму, но этотъ самый разговоръ съ Мармономъ побудилъ его къ изслѣдованію Караимскихъ древностей.

Въ Парижѣ вышла великолѣпно изданная книга, со множествомъ превосходныхъ рисунковъ и хромолитографіей, подъ заглавіемъ: *Русское искусство, его начало, составные элементы, высшее развитіе и будущность*, соч. *Віолле ле-Дюка.* (L'art Russe etc. par E. Viollet le-Duc. Paris. 1877. 263 стр.). Источники, которыми пользовался авторъ, доставлены ему преимущественно изъ Москвы, отъ В. И. Бутовскаго. Онъ останавливается съ явнымъ сочувствіемъ и похвалою на самостоятельныхъ началахъ Рускаго искусства, особливо въ архитектурѣ, иконописи и орнаментаціи и пророчитъ ему блестящую будущность, указывая тѣ начала, на которыхъ оно должно, по мнѣнію его, развиваться въ будущемъ.

Изъ письма Анны Петровны Зонтагъ

къ пріятельницѣ ея А. М. Павловой*).

Въ началѣ 1819 года на Масляницѣ, въ Дерптѣ, на большой улицѣ, къ одному углу была настлана солома, и на соломѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, изъ Русскихъ, весь закутанный въ шинель, еще очень хорошую. Онъ просилъ у проходящихъ милостыни. Мимо его прошелъ Александръ Ѳедоровичъ В. и вмѣсто того, чтобы подать что нибудь, сказалъ длинную рѣчь бѣдняку о томъ, что молодому человѣку стыдно просить милостыни, а надо работать. В. былъ окруженъ толпою молодыхъ студентовъ, съ которыми шелъ куда-то бражничать. Скоро послѣ В. проходилъ мимо нищаго молодой человѣкъ съ товарищемъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ Русскій. Онъ спросилъ у нищаго, почему онъ, будучи молодъ и хорошо одѣтъ, проситъ милостыни. «Батюшка!» отвѣчалъ тотъ, «у меня только и осталось, что шинель, которую вы видите; остальное я все прожилъ въ чужомъ городѣ, а работать не могу!» И раскрывъ шинель, онъ показалъ свои ноги въ ужасныхъ ранахъ. «Я», говорилъ онъ, «былъ нанятъ однимъ бариномъ; но дорогою отморозилъ себѣ обѣ ноги и, не могши далѣе ѣхать, остался въ Дерптѣ; все что̀ было у меня, истрачено, а я не вылѣчился; теперь пришлось жить мірскимъ подаяніемъ!» И бѣднякъ заплакалъ. Молодой человѣкъ, тронутый состояніемъ нищаго, досталъ изъ записной книжки пятирублевую ассигнацію и подалъ бѣдняку, удивленному такою щедростію; а молодой человѣкъ, отошедши нѣсколько, сказалъ: «Ну что пять рублей! Онъ ихъ истратитъ въ недѣлю!» Съ этими словами онъ воротился къ нищему и далъ ему еще двадцать пять рублей. Потомъ, прошедъ немного, молодой благотворитель сказалъ товарищу: «Я здѣсь гощу у родныхъ, ничего не трачу и скоро получу изъ Петербурга деньги за новое изданіе моихъ сочиненій. Воротимся къ нищему; я хочу отдать ему все, что̀ теперь у меня есть; на эти деньги онъ можетъ вылѣчиться». И воротясь къ нищему, Жуковскій (это былъ онъ) отдалъ ему всѣ деньги, триста рублей ассигнаціями. Онъ ушелъ съ легкимъ карманомъ и еще легчайшимъ сердцемъ, не слушая благодарности бѣдняка, которому сказалъ однакожъ, отдавая деньги: «Послушай, здѣсь очень хорошіе доктора; отъищи кого нибудь изъ нихъ и лѣчись на тѣ деньги, которыя я далъ тебѣ». Еще нищій не успѣлъ отползти, какъ видитъ возокъ, ѣдущій къ тому мѣсту, гдѣ онъ сидѣлъ. Нищій сталъ подавать разные знаки возку, не прося уже милостыни. Возокъ остановился, и изъ него вышелъ господинъ, кото-

*) См. Р. Архивъ 1874. II. 957.

рый спросилъ понѣмецки: чтò ты здѣсь дѣлаешь?—«Я, батюшка, Русскій и плохо говорю понѣмецки. Но вотъ что: не можете ли вы указать мнѣ доктора, который бы меня вылѣчилъ? У меня есть чѣмъ заплатить!» говорилъ онъ, показывая свои триста рублей. «Это мнѣ пожаловалъ какой-то милостивый господинъ на лѣченье».—«А чѣмъ ты боленъ?» спросилъ проѣзжій. Бѣднякъ показалъ ему свои ноги. Проѣзжій, осмотрѣвъ ихъ, сказалъ: «Береги свои деньги; я самъ докторъ и вылѣчу тебя даромъ». Этотъ докторъ ѣхалъ безъ лакея; онъ взялъ на руки больнаго, посадилъ съ собою въ возокъ и привезъ въ клинику, гдѣ и принялся лѣчить его съ величайшимъ стараніемъ и успѣхомъ. Этотъ докторъ былъ И. Ф. Мойеръ.

Въ это время Жуковскій, тогдашній Жуковскій, только милый нашъ поэтъ, но не знатный баринъ, не богатый человѣкъ, жилъ почти одними трудами. Онъ пріѣхалъ повидаться съ тетушкой Екатериной Аѳанасьевной *), слѣдственно жилъ у Мойера и собирался уже возвратиться въ Петербургъ. Мойеръ сказалъ ему: «Вотъ, ты опять уѣдешь, не видавъ клиники, гдѣ я начальникъ. Пойдемъ со мною нынче!» И они пошли вмѣстѣ въ клинику. Показывая ему своихъ больныхъ, Мойеръ дошелъ и до человѣка съ отмороженными ногами, который, какъ скоро увидѣлъ Жуковскаго, закричалъ: «Вотъ онъ, тотъ милостивый господинъ, который отдалъ мнѣ всѣ свои деньги и надоумилъ лѣчиться у доктора, а не у бабокъ!» Свидясь въ 1829 году съ Жуковскимъ, я при В. спрашивала его объ этомъ происшествіи, не знавъ, что мой двоюродный братецъ игралъ въ немъ не самую хорошую роль; но я убѣдилась, что онъ наградилъ больнаго наставленіемъ, потому-что онъ закричалъ: не я читалъ ему проповѣдь! Это было очень похоже на то, что разсказываютъ, что на ворѣ шапка горитъ. Жуковскій же сказалъ: «Ну вотъ диковинка. Кто станетъ помнить о трехъ стахъ рубляхъ?» Тогда они были у него послѣдніе! Я было думала, что вся эта исторія было ничто иное какъ выдумка; но, пріѣхавъ въ Дерптъ, спросила объ ней Мойера, и онъ сказалъ: La chose s'est passée exactement comme on vous l'a raconté. Je m'en souviens très bien, parce que le pauvre homme a été à la veille d'avoir les deux jambes emputées; mais heureusement j'ai réussi à les lui guérir. (Дѣло было точно такъ, какъ вамъ о немъ разсказали. Я очень хорошо помню объ этомъ, потому что если бы бѣднякъ пропустилъ еще немного времени, ему пришлось бы отрѣзать обѣ ноги; но по счастію я успѣлъ его вылечить).

Сообщено Николаемъ Васильевичемъ Павловымъ.

---

*) Протасовой, тещею И. Ф. Мойера.

Изъ записокъ Марьи Сергѣевны Мухановой.

I.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

Фамилія Мухановыхъ происходитъ изъ Польши. Неизвѣстно, когда предокъ нашъ выѣхалъ изъ Польши; знаемъ только, что Мухановъ былъ пожалованъ въ царствованіе Ѳедора Іоанновича имѣніемъ въ Рязанской губерніи. Первымъ извѣстнымъ сдѣлался Ипатъ Мухановъ. Домъ Мухановыхъ былъ въ нынѣшнемъ Армянскомъ переулкѣ, противъ дома боярина Матвѣева, гдѣ часто въ своемъ дѣтствѣ бывалъ Петръ І-й. Когда бояринъ Матвѣевъ ложился отдыхать послѣ обѣда, молодой Петръ Алексѣевичъ перебѣгалъ черезъ улицу къ Мухановымъ поиграть съ Ипатомъ, полюбилъ его и въ послѣдствіи отдалъ его учиться въ Саардамѣ. Въ теченіи всей жизни, Царь очень любилъ его и всегда держалъ при себѣ. Мухановъ былъ его деньщикомъ и ночью спалъ у него на порогѣ. Онъ имѣлъ званіе капитана втораго ранга и всегда командовалъ тѣмъ фрегатомъ, гдѣ былъ Царь *). Разъ Мухановъ, когда Царь началъ распоряжаться на фрегатѣ, сказалъ ему: «во всемъ ты уменъ, Петръ Алексѣевичъ, но дѣло морское я лучше тебя разумѣю, а потому не мѣшай мнѣ». Петръ І-й сосваталъ его съ Полянской, которая принесла ему 500 душъ и за нимъ ихъ укрѣпила. Отъ нея у него не было дѣтей; потому Государь женилъ его на княжнѣ Шаховской, отъ которой и пошелъ родъ Мухановыхъ. Еще знаемъ, что разъ Государь, обрадованный какою-то побѣдою, спросилъ Муханова: «чѣмъ мнѣ подарить тебя на радости?» Тотъ отвѣчалъ: «я столько уже получилъ отъ тебя, Государь, что мнѣ ничего не нужно,—думай о другихъ». Царь въ это время одѣвался и, снявъ сорочку, отдалъ ее Муханову на память. Она долго хранилась у дяди моего Алексѣя Ильича, но въ суматохѣ 1812 года ее забыли вывезти изъ Москвы, гдѣ она и пропала. У него остался образъ Тихвинской Божіей Матери, въ богатомъ окладѣ съ жемчугами, которымъ Петръ благословилъ его. Еще есть нѣсколько писемъ Петра І-го къ нему; они переданы Павлу Александровичу Муханову, который началъ писать біографію предковъ Мухановыхъ. Въ царствованіе Петра І-го Ипатъ былъ посланъ въ Москву устроить морскую богадѣльню, гдѣ находится и теперь его портретъ. Онъ былъ красивой наружности, при атлетическихъ формахъ; когда узналъ онъ о кончинѣ Петра, съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Онъ просился въ отставку, но Екатерина І-я, уважая въ немъ любимца своего мужа, не хотѣла его отпустить.

---

*) Ипатъ Калиновичъ Мухановъ, флота капитанъ-командоръ, р. 31 Марта 1677, † 22 Мая 1729. *П. Б.*

У Ипата былъ одинъ сынъ Илья. Минуя всѣхъ родственниковъ, Ипатъ поручилъ его, умирая, своему слугѣ, который вѣрно исполнилъ завѣтъ господина: отвезъ молодаго своего барина въ кадетскій корпусъ, тогда только что устроенный; всякую Субботу бралъ его домой, ходилъ съ нимъ въ баню, а въ Воскресенье привозилъ къ роднымъ на цѣлый день. О службѣ этого дѣда мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, но видимъ его сопровождающимъ императрицу Екатерину въ день ея воцаренія. По обѣту своему, онъ построилъ церковь въ селѣ Успенскомъ (въ 20 верстахъ отъ Троицкой лавры), которая донынѣ сохраняется въ большомъ порядкѣ.

У Ильи Ипатовича было семь сыновей: Алексѣй, Иванъ, Дмитрій, Николай, Сергѣй, Александръ и Михаилъ и одна дочь Марія, въ замужствѣ за Колычевымъ.

Воспитаніе шести старшихъ сыновей было домашнее, и только младшій Михаилъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Образованіе заключалось въ Русской грамотѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Старшіе два, Алексѣй и Иванъ Ильичи, говорили кое-какъ пофранцузски. Но честность, благочестіе и любовь, взаимно связывавшая братьевъ между собою и съ отцомъ, были какъ бы исключительнымъ достояніемъ этого семейства. Между тѣмъ, не смотря на недостаточное образованіе, двое изъ нихъ были замѣчательными людьми. Изъ моихъ разсказовъ уже довольно извѣстенъ характеръ и складъ ума моего отца. Старшій десятью годами братъ его, Алексѣй Ильичъ, былъ отличнымъ сенаторомъ,—такимъ твердымъ и энергическимъ, что небогатые люди, имѣвшіе въ его департаментѣ дѣла, не трудились пріѣзжать въ Москву для ходатайства, зная, что правда въ рукахъ Алексѣя Ильича не нуждается въ другомъ разъясненіи, кромѣ его прозорливаго ума и непоколебимой твердости: такъ мы слышали во время нашихъ переѣздовъ отъ чужихъ людей, встрѣчавшихся на нашемъ пути. Служба его началась въ конной гвардіи; потомъ онъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ съ честію командовалъ полкомъ и взялъ городъ Анапу, при чемъ первый взошелъ на укрѣпленіе. Послѣ Алексѣй Ильичъ былъ вызванъ императрицею Екатериною II-й и назначенъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента Сената. Эта должность въ то время была очень важная, потому что въ этотъ департаментъ стекались всѣ важныя дѣла, какъ теперь въ Государственномъ Совѣтѣ. Здѣсь, однажды, увидавъ на столѣ указъ о налогѣ на соль, онъ взялъ его и преспокойно положилъ себѣ въ карманъ, къ ужасу прочихъ сенаторовъ. По окончаніи присутствія онъ поѣхалъ во дворецъ и просилъ тогдашняго любимца Государыни, графа Платона Александровича Зубова, доложить Государынѣ, что этотъ указъ можетъ быть пагубенъ какъ для благоденствія народа, такъ и для славы Императрицы, что народъ можетъ сказать: видно ужъ матушка наша очень обѣднѣла, что начала торговать солью. Императрица такъ была этимъ довольна, что на первомъ куртагѣ, подозвавъ Алексѣя Ильича къ своему столу и вставши съ своего мѣста, низко кланяясь, благодарила его за то, что онъ спасъ ея славу. По кончинѣ Императрицы, дядя мой былъ назначенъ сенато

ромъ въ Москву, гдѣ былъ его украшеніемъ долгое время и гдѣ авторитетъ его никогда не оспаривался. По восшествіи на престолъ Николая Павловича, онъ, уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, просился въ отставку, но Государь просилъ его не оставлять службы, говоря, что совѣтъ его можетъ быть полезенъ, даже если онъ не можетъ лично присутствовать въ Сенатѣ. Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ показывалъ къ нему особенное почтеніе и хвалился тѣмъ, что былъ его ученикомъ. Кромѣ того, дядя былъ еще почетнымъ опекуномъ и имѣлъ въ особенномъ своемъ завѣдываніи прежде институтъ, а потомъ Маріинскую больницу. Онъ также, какъ и мой отецъ, не любилъ хвалиться накопленіемъ экономическихъ денегъ, но прежде всего думалъ о снабженіи больницы всѣмъ нужнымъ. Время его управленія больницею осталось въ памяти служащихъ, какъ самое цвѣтущее.

Изъ другихъ моихъ дядей Иванъ Ильичъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, управляя въ Москвѣ Коммерческимъ Банкомъ. Александръ Ильичъ былъ губернаторомъ сперва въ Казани, а потомъ въ Рязани и кончилъ свою карьеру шталмейстеромъ въ Москвѣ. Вездѣ, безъ сомнѣнія, поступалъ онъ честно и похвально, хотя не имѣлъ тѣхъ блестящихъ качествъ, которыми обладали ярко выдавшіяся изъ семейства лица. Дядя Михаилъ Ильичъ умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ и къ службѣ былъ мало способенъ по лѣнивому своему характеру. Дмитрій Ильичъ совсѣмъ не служилъ по болѣзни, а Николай Ильичъ, дослужившись въ конной гвардіи до чина бригадира, вышелъ въ отставку. Сестра ихъ Марія Ильинишна, старшая изъ всего семейства, вышла въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ за Колычева. Союзъ этотъ не былъ счастливъ и не благословленъ дѣтьми. Она имѣла нравъ строптивый и безпокойный, а онъ страдалъ по временамъ припадками сильной меланхоліи. Мать, ее любившая какъ единственную дочь, требовала настоятельно, чтобы отецъ далъ ей часть имѣнія болѣе нежели другимъ, а этого онъ не хотѣлъ сдѣлать по справедливости. Сыновья, видя, что этимъ нарушается семейный миръ, просили отца исполнить желаніе матери. Тогда отецъ, поблагодаривъ ихъ, сказалъ: «такое неправедное достояніе не пойдетъ въ прокъ и все же къ вамъ возвратится». Такъ и случилось.

Такъ какъ отецъ мой былъ единственнымъ родственникомъ, могущимъ покровительствовать своимъ, то племянники обыкновенно жили подъ его кровлею. Сначала два сына Ивана Ильича, потомъ сынъ Николая Ильича, потомъ два сына Алексѣя Ильича—каждый оставался по два года подъ покровительствомъ дяди и тетки до той поры, пока, привыкнувъ къ жизни, онъ могъ дѣйствовать самостоятельно. Первые были Алексѣй Ивановичъ и братъ его Павелъ. Алексѣй былъ красивъ собой и довольно хорошо учился, но былъ простъ умомъ, хотя не до такой степени, какъ представила его Марія Аполлоновна Волкова въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ «Русскомъ Архивѣ». Онъ былъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, пожалованъ камеръ-юнкеромъ, что̀ давало тогда чинъ статскаго со-

вѣтника. Великія княжны часто вызывали его на танцы съ собою; но, по его неловкому уму, скоро перестали быть къ нему благосклонными. Онъ женился на княжнѣ Мещерской и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; ему не было еще 25 лѣтъ.

Братъ его Павелъ Ивановичъ Мухановъ былъ совсѣмъ другаго характера. Онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ, который представляло батюшкино положеніе, и хотѣлъ самъ проложить себѣ дорогу. Вступивъ въ егерскій гвардейскій полкъ, жилъ въ казармахъ съ солдатами и довольствовался ихъ пищею. Чрезъ 6 мѣсяцевъ онъ былъ произведенъ въ офицеры за отличіе. Однажды онъ нашелъ на столѣ моего отца пригласительный билетъ въ Эрмитажъ, взялъ его, соблазнился подскоблить имя и вставить свое. Батюшка, провѣдавъ объ этомъ, сказалъ ему: «я не зналъ, что ты способенъ дѣлать фальшивыя бумаги». Это такъ оскорбило его, что нѣсколько времени онъ избѣгалъ встрѣчи съ отцомъ и сухо отвѣчалъ на его разговоры. Вообще въ немъ была сила характера, за что батюшка его любилъ. Впослѣдствіи этотъ характеръ показывался въ разныхъ случаяхъ, но особенно при его ранней кончинѣ. Когда онъ узналъ о смерти своей матери, которую нѣжно любилъ, то имѣлъ столько силъ, что, не показывая своей горести, ходилъ за больнымъ моимъ отцомъ. Когда началась война 1812 года, батюшка, бывши друженъ съ Багратіономъ, просилъ его взять племянника Павла Муханова къ себѣ въ ординарцы. Только-что Французы перешли Нѣманъ, при первой перестрѣлкѣ Павелъ Мухановъ началъ проситься участвовать въ ней. Багратіонъ не хотѣлъ отпускать его, говоря, что онъ безъ пользы и чести можетъ пропасть въ этомъ первомъ неважномъ дѣлѣ и что доставитъ ему случай отличиться. Перестрѣлка кончилась благополучно; но когда онъ возвращался съ товарищами и разговаривалъ пофранцузски, казакъ принялъ его будто за Француза и пронзилъ его между плечъ пикою, такъ что она прошла насквозь. Принять его за Француза онъ не могъ, потому что онъ возвращался съ товарищами; а еслибъ онъ былъ плѣнный Французъ, то все-таки казакъ долженъ былъ удержаться отъ такого поступка. Другіе думали, что такъ какъ на Мухановѣ была серебряная лядунка, то казакъ закололъ его съ тѣмъ, чтобъ ограбить, но и это трудно было сдѣлать. Какъ бы то ни было, рана оказалась смертельною. Ему сказали, что пока пика еще не вынута, онъ можетъ жить. Первымъ дѣломъ его было послѣ того позвать священника, исповѣдаться и пріобщиться святыхъ таинъ, потомъ написать къ женѣ письмо, въ которомъ онъ давалъ ей совѣты насчетъ воспитанія ихъ дочери, про которую онъ, за отсутствіемъ, не могъ знать, что въ это время уже не было ея на свѣтѣ. Кончивъ всѣ свои дѣла, онъ велѣлъ вынуть пику и скоро кончилъ жизнь на рукахъ у брата своей жены. Послѣдній послѣ говорилъ, что еслибъ онъ не былъ вѣрующимъ христіаниномъ, то сдѣлался бы таковымъ, видя такую прекрасную кончину. Ему былъ 21 годъ, а женатъ былъ уже второй годъ. Платовъ приходилъ къ нему и спрашивалъ его, не можетъ-ли онъ указать на казака, пронзившаго его, но онъ отвѣчалъ, что не

замѣтилъ чертъ его лица; шурину же сказалъ, что изъ тысячи онъ могъ бы указать на него. Впрочемъ убійца не избѣгъ своей участи: Платовъ узналъ о немъ и велѣлъ его засѣчь нагайками до смерти. Жена Павла скончалась въ прошломъ году; она урожденная Олсуфьева.

Олсуфьевы, ея братья, воспитывались въ домѣ моей тетки почтеннѣйшимъ Французскимъ аббатомъ. Кстати — нѣсколько словъ объ этомъ аббатѣ. Я была съ нимъ очень дружна; это загадочное лице, и настоящаго его имени никто не зналъ; его звали «l'abbé Limousin», вѣроятно по мѣсту его рожденія. Онъ разсказывалъ, что спасся почти раздѣтый на Англійскомъ суднѣ, гдѣ украдкой отъ всѣхъ помѣстился такъ, что его позднѣе нашли внизу на самомъ днѣ судна. Пріѣхавши въ Англію, онъ не хотѣлъ пользоваться милостыней Англійскаго правительства, но давалъ Французскіе уроки. Въ Англіи онъ выучился Англійскому языку, такъ что могъ читать на немъ, и его образованіе, очень глубокое, сдѣлалось менѣе одностороннимъ. Въ Лондонѣ онъ получилъ письмо отъ моей тетки, которымъ онъ былъ такъ тронутъ, что хотя уже отказался ѣхать въ Россію, но не могъ отказать материнской просьбѣ. Вотъ нѣкоторыя черты, по которымъ можно догадываться, что онъ былъ высокаго рода: первое то, что онъ разсказывалъ о съѣздѣ, на которомъ духовенство отказывалось отъ своихъ правъ и преимуществъ,—говорилъ, что онъ сидѣлъ подлѣ Лафаета и уговаривалъ духовенство отказаться отъ того, чтò и такъ будетъ отнято рано или поздно. Потомъ Наполеонъ, когда возстановилъ церковь и сталъ отыскивать прежнихъ духовныхъ лицъ, предложилъ ему архіерейство, отъ котораго онъ отказался. Еще мнѣ кажется по всѣмъ даннымъ, что онъ былъ изъ числа священниковъ, присягнувшихъ революціонному правительству, чтò мнѣ не кажется вовсе преступнымъ, потому что такимъ образомъ онъ могъ помогать въ религіозномъ отношеніи своимъ согражданамъ. Онъ кончилъ жизнь въ первую холеру въ домѣ дѣтей моего дяди Ивана Ильича, гдѣ жилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, и погребенъ въ общей могилѣ, такъ что и мѣсто погребенія его сдѣлалось также неизвѣстнымъ, какъ и онъ самъ. Я навѣщала его часто и была съ нимъ въ перепискѣ. Онъ всегда бесѣдовалъ о предметахъ словесности, и я много обязана ему своимъ образованіемъ. Онъ любилъ меня какъ дочь и утѣшалъ въ моихъ внутреннихъ скорбяхъ, т. е. духовныхъ.

*

Мать моя, Варвара Дмитріевна Муханова, происходитъ изъ рода Тургеневыхъ. Родоначальникъ Тургеневыхъ, Татарскій ханъ Турга, выѣхалъ изъ Золотой Орды при великомъ князѣ Василіи Темномъ, принялъ крещеніе, при которомъ воспріемникомъ былъ самъ великій князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчинами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышльскаго уѣзда принадлежала ему. Одинъ изъ Тургеневыхъ, жившій при Дмитріи Самозванцѣ,

обличилъ его, сказавъ лже-царю: «ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю». За это голова его пала на плахѣ, и онъ ублажается церковью, какъ св. мученикъ. Другой, подобно ему, за смѣлое обличительное слово, погибъ отъ руки Пугачева. Вообще, Тургеневы отличались честностью и неустрашимостью. Прадѣдъ Ивана Сергѣевича, нашего извѣстнаго писателя, и мой дѣдъ, т. е. деверь моей бабушки, Алексѣй Романовичъ Тургеневъ, служилъ въ пажахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности, Биронъ удалилъ его, пославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда противъ Турокъ, съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуждали принять магометанскій законъ, за что онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ. Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество, и доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога предъ образомъ святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась предъ этимъ образомъ; внезапно отворяется дверь, и входитъ давноожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая. Церковь эта находилась уже послѣ не въ нашемъ имѣніи, такъ какъ огромное состояніе Тургеневыхъ было отчасти раздѣлено между родственниками, отчасти продано въ чужія руки. При этомъ деревянная церковь была, за ветхостію, упразднена, а образъ св. Николая отданъ въ нашу теперешнюю каменную церковь *), которая построена по плану Растрелли, съ великолѣпнымъ иконостасомъ, совершенно подобнымъ тому, который находится въ Кіевѣ, въ церкви апостола Андрея Первозваннаго.

Другой Тургеневъ, вѣроятно дядя того, о которомъ шла рѣчь, былъ въ караулѣ во дворцѣ у Анны Іоанновны, когда старушка (не помню ея фамиліи) прибѣжала въ слезахъ видѣть Императрицу, къ которой и была допущена; бросившись къ ея ногамъ, она разсказала, что увезли ея племянницу, и что послѣдняя должна быть обвѣнчана. Племянница эта и еще двѣ сестры ея жили у старой тетки своей въ дисциплинѣ того времени, всегда разряженныя въ роброндахъ, и не смѣли сказать слова. Офицеръ гвардіи (котораго фамилія, довольно извѣстная, тоже мною забыта) подкупилъ старую няню, водившую дѣвицъ въ церковь и такимъ образомъ похитилъ одну изъ нихъ. Императрица немедленно послала Тургенева взять брачную чету, гдѣ бы она ни была, и привести ее во дворецъ. Новобрачныхъ застали за столомъ послѣ брака, который признанъ былъ незаконнымъ и расторгнутъ. Невѣсту призвали во дворецъ. «За кого ты хочешь идти замужъ?» спросила ее Императрица. Тогда Ушаковъ былъ

*) Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, въ селѣ Никольскомъ. *П. Б.*

въ караулѣ.—«Я никого не знаю, отвѣчала дѣвушка, пожалуй выйду за Ушакова».

Впослѣдствіи Ушакова, дочь похищенной невѣсты, вышла замужъ за Дмитрія Романовича Тургенева: то была моя бабушка.

Алексѣй Романовичъ и братъ его, Дмитрій Романовичъ, погребены вмѣстѣ подъ однимъ памятникомъ, недалеко отъ нашего имѣнія, въ которомъ мы живемъ. Ежегодно мы посѣщали эту могилу, исправляя всякій разъ ея поврежденія, такъ какъ она находится теперь въ чистомъ полѣ, на упраздненномъ кладбищѣ; гдѣ была прежде церковь, теперь тамъ живутъ, что̀ называется, бобыли.

Письмо Н. В. Путяты къ Е. А. Баратынскому

изъ Адріанополя въ 1829 году.

.... Помнишь-ли, любезный другъ, тѣ суровые, вѣковые граниты, омываемые свинцовыми валами бурнаго моря, гдѣ провелъ ты многіе годы молодости, гдѣ въ первый разъ мы встрѣтились съ тобою?—И какъ тебѣ забыть ихъ! Впечатлѣнія, произведенныя ими, мысли и чувства, волновавшія твою душу, сохранились въ твоихъ звучныхъ пѣсняхъ и для тебя и для другихъ; съ ними сроднились и мои безплодныя воспоминанія. Помнишь-ли, какъ часто, среди сихъ мрачныхъ картинъ угрюмой природы, пламенное воображеніе твое увлекалось въ страны благословеннаго, роскошнаго Юга? Подобно первобытнымъ сынамъ сихъ грозныхъ скалъ, вслѣдъ за ихъ могучими тѣнями, наши помыслы и желанія стремились къ той же цѣли, къ тѣмъ же мѣстамъ. Берега Дуная, Царьградъ, Грецiя, возрождавшаяся изъ пепла, были безпрестанными предметами нашихъ разговоровъ.

Мечтанья наши отчасти сбылись. Знамена Русскія развѣваются въ Адріанополѣ и издали дружелюбно привѣтствуютъ родной щитъ Олега. Съ береговъ древняго Ге́рба, осѣненныхъ шатрами полуночныхъ воиновъ, я пишу эти строки, чтобъ изобразить тебѣ, какъ могу, окружающіе насъ новые для меня предметы.

Адріанополь, съ дороги отъ Ямболя, по которой слѣдовали наши войска, представляется отмѣнно великолѣпно. Большое число высокихъ, стройныхъ минаретовъ, разнообразныхъ куполовъ, блестящихъ позолотою и яркими цвѣтами, массы зданій, стелющихся въ отдаленіи темною полосою по горизонту, ограждённому возвышеніями; прекрасная, тѣнистая роща вдоль рѣки, съ развалинами обширнаго дворца султановъ: все это сильно привлекаетъ взоры и возбуждаетъ любопытство, горящее уже нетерпѣніемъ видѣть древнюю столицу Оттоманской Имперіи.

Наша главная квартира расположилась лагеремъ среди помянутой рощи на берегахъ Марицы, въ которую здѣсь впадаютъ двѣ другія

рѣчки: Тунджа и Арта. Вслѣдъ за толпою нашихъ воиновъ, я поведу тебя во внутренность сего обширнаго, восточнаго города; но перейдя мостъ [1]), возлѣ коего возвышается полуразвалившаяся, четвероугольная башня, въ которой прежде были устроены водоподъемы для Эски-Сарая [2]), мы остановимся на минуту передъ фонтаномъ, осѣненнымъ плакучими ивами. Фонтанъ этотъ представляетъ небольшое квадратное зданіе, на подобіе кіоска, изъ стѣнъ коего со всѣхъ сторонъ прозрачная и холодная струя льется въ бѣлые мраморные бассейны; группы женщинъ и миловидныхъ дѣвочекъ безпрестанно тутъ толпятся, черпая воду глиняными сосудами. Это мѣсто особенно привлекаетъ насъ, дыша какою-то нѣгою и прелестью, возбужденными вѣчнымъ журчаньемъ потока и томными, нѣжно нависшими вѣтвями ивы, которыя какъ будто сливаются съ нимъ [3]). Обыкновенно на сихъ фонтанахъ, которыхъ здѣсь множество, изсѣчены слова изъ Корана: вода все оживляетъ. Водопроводы служатъ единственными признаками нѣкотораго попеченія Турокъ объ общественномъ благѣ, но въ семъ отношеніи оно необходимо въ ихъ жаркомъ климатѣ и предписывается самимъ ихъ пророкомъ. Надобно испытать дѣйствіе томительнаго зноя и жажды во время долгаго, труднаго перехода въ здѣшнихъ краяхъ, чтобы чувствовать вполнѣ всю живость наслажденія при встрѣчѣ прохладнаго источника. Но пойдемъ далѣе въ гору по кривой, узкой и грязной улицѣ, каковы здѣсь почти всѣ они. Вообще всѣ Турецкіе города походятъ одинъ на другой и разнятся только въ обширности: всѣ зданія представляютъ одну и туже бѣдную наружность. Обыкновенно заборы и заднія стѣны домовъ обращены на улицу, и ежели есть окна, то они закрыты ставнями и рѣшетками; жилые покои, состоящіе изъ маленькихъ, отдѣльныхъ комнатъ, крытые балконы и галлереи, окружаютъ одинъ или нѣсколько двориковъ, посреди которыхъ неминуемо встрѣтишь фонтанъ, бесѣдку изъ виноградныхъ лозъ, шелковичное или орѣховое дерево и стаи голубей, къ коимъ Мусульмане питаютъ какое-то религіозное уваженіе. Слѣдуя все по этой улицѣ, замѣчаешь, что движеніе, шумъ и пестрота постепенно увеличиваются. Мы приближаемся къ главному базару. Наконецъ открываются длинные ряды лавокъ, наполненныхъ различными, красиво выставленными товарами; мастерскія всякаго рода потребностей и издѣлій сего края, кофейни, пекарни, цирульни, все открыто на улицу, вездѣ толпятся люди, разныхъ поколѣній и странъ: Армяне, Греки, Булгары, Турки, Жиды, Арабы, Франки, даже женщины, окутанныя въ свои безобразныя ф е р е д ж е [4]). Одни, поджавъ ноги, безпечно

---

[1]) Я говорю здѣсь о маленькомъ мостѣ, лежащемъ ближе къ центру лагеря главной квартиры. Нѣсколько далѣе вправо, находится другой большой мостъ, чрезъ который идетъ большая дорога. Мостъ этотъ замѣчателенъ и, какъ полагаютъ, былъ построенъ Римлянами.

[2]) Эски-Сарай значитъ потурецки: старый дворецъ.

[3]) Г. Дезарно, живописецъ великаго князя Михаила Павловича, нарисовалъ этотъ фонтанъ и, кажется, онъ будетъ служить виньеткою при изданіи видовъ всѣхъ мѣстъ Турціи, ознаменованныхъ пребываніемъ нашихъ войскъ.

[4]) Ф е р е д ж е, широкая и длинная одежда, скрывающая совершенно все тѣло и имѣющая родъ воротника, отбрасываемаго на плеча.

сидятъ съ трубками, другіе торопятся, сгибаются подъ ношами, предлагаютъ шербетъ и сласти; нѣкоторые разъѣзжаютъ верхомъ; мальчишки, сидя на мулахъ, навьюченныхъ огромными корзинами съ виноградомъ и зеленью, погоняютъ ихъ шестиками и извлекаютъ пронзительные крики; длинныя телеги (арбы) медленно тащатся безобразными буйволами, и скрыпъ колесъ, топотъ, гулъ рѣчей, оглушаютъ слухъ, между тѣмъ какъ взоры поражены какимъ-то фантасмагорическимъ зрѣлищемъ.

Али-паша-ханъ (такъ называется по имени строителя главный базаръ) есть каменная, широкая галлерея подъ сводами, въ которую свѣтъ проникаетъ сверху. Тутъ находятся лучшія лавки съ восточными товарами, разложенными блестящимъ образомъ, хотя между ними мы почти не находимъ вещей большой цѣнности. Или мы составляли себѣ слишкомъ преувеличенное мнѣніе о восточной роскоши, или Турки дѣйствительно обѣднѣли въ послѣднее время; но ожиданія наши въ этомъ отношеніи не сбылись. Здѣсь истинно роскошна одна только природа. Въ Рустанъ-паша-ханѣ находятся конторы немногихъ Европейскихъ домовъ, производящихъ здѣсь свою торговлю.

Число жителей въ Адріанополѣ простирается, какъ полагаютъ, до ста тысячъ. Греки составляютъ значительную часть оныхъ. Армянъ также много. Здѣшніе Евреи, какъ и во всей Турціи, суть выходцы изъ Испаніи и Португаліи и говорятъ испорченнымъ языкомъ сихъ странъ. Они занимаются тѣмиже промыслами и ремеслами, коими отличаются и у другихъ народовъ, но въ добавокъ Турки почитаютъ ихъ искусными врачами и, по нѣкоторому сходству въ религіи, уважаютъ болѣе христіанъ. Въ торговлѣ и разныхъ промыслахъ они имѣютъ соперниками Армянъ, а по одеждѣ почти не различаются отъ другихъ раевъ [5]), коихъ костюмъ вообще у низшихъ классовъ имѣетъ нѣкоторое однообразіе. Турокъ же всегда можно узнать по величинѣ и по цвѣту чалмы [6]), по важной наружности, по недвижности и неразлучности съ трубкою. Кромѣ кофейныхъ домовъ, никогда не пустѣющихъ, вездѣ, гдѣ только есть площадка, родъ балкона и даже на мостовой у воротъ, видишь небрежно лежащихъ Турокъ, съ длинными чубуками въ рукахъ, и погруженныхъ въ какое-то равнодушное оцѣпенѣніе. Кажется, что самый фанатизмъ ихъ и ненависть къ гяурамъ, особенно къ Русскимъ, послѣ Кулевчинскаго пораженія и перехода нашего чрезъ Балканы, покорились могуществу фатализма надъ ихъ умами, и на пришествіе наше они взираютъ, какъ на событіе, равно оному подчиненное. Среди всеобщаго движенія и суетливости, они ничего не замѣчаютъ, ни до чего имъ нѣтъ дѣла.

---

[5]) Раями называются подданные султана: Греки, Жиды, Армяне и другіе не-магометанской религіи.

[6]) Турки запрещаютъ всѣмъ своимъ подданнымъ носить одежду яркихъ цвѣтовъ, предоставляя это только Мусульманамъ. Зеленый же цвѣтъ на чалмѣ позволяется носить однимъ эмирамъ, т. е. прямому поколѣнію Магометову. Знатные носятъ теперь красныя шапочки съ кистью, называемыя фѣсами, также и регулярныя войска; но такъ какъ въ Адріанополѣ много прежнихъ янычаръ, то чалмы еще въ модѣ.

Съ захожденіемъ солнца водворяются въ городѣ мракъ и тишина, прерываемая только лаемъ собакъ и протяжнымъ, пронзительнымъ крикомъ муезлиновъ, съ высоты минаретовъ призывающихъ дѣтей Пророка на вечернюю молитву. Лордъ Байронъ [7]) и многіе другіе писатели находили нѣчто торжественное и величественное въ этихъ голосахъ. Согласенъ съ ними отчасти; но признаюсь, что звукъ нашихъ соборныхъ колоколовъ, потрясающихъ самый воздухъ, ихъ отдаленный гулъ, стелющійся по долинамъ или по равнинѣ водъ, имѣютъ для меня болѣе прелести, торжественности, сильнѣе отдаются въ душѣ. Сихъ звуковъ здѣсь не слышишь: Мусульмане не позволяютъ своимъ подданнымъ Христіанамъ имѣть колоколенъ и запрещаютъ вообще всякаго рода наружныя, всенародныя изъявленія обрядовъ вѣроисповѣданія. Здѣсь христіанство, какъ въ первобытные вѣка своего водворенія, таится во мракѣ и имѣетъ еще своихъ мучениковъ. Помостъ здѣшней бѣдной Греческой митрополіи часто омывался кровію первосвященниковъ, и нынѣшній епископъ былъ свидѣтелемъ насильственной смерти нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, падшихъ отъ руки варварскаго фанатизма [8]).

Самое замѣчательное зданіе въ Адріанополѣ есть мечеть султана Селима II-го. Она лежитъ посреди города, на возвышенномъ мѣстѣ. Нѣсколько воротъ ведутъ во внутренность дворовъ, вымощенныхъ мраморомъ и обнесенныхъ колоннами и галереями. У передняго входа находится прекрасный портикъ съ колоннами изъ дикаго мрамора. Главный корпусъ мечети покрытъ однимъ куполомъ, имѣющимъ 18-ть сажень въ діаметрѣ, а по сторонамъ четыре тонкихъ и стройныхъ минарета легко и смѣло возвышаются къ небесамъ. Эти минареты, далеко превышающіе все огромное зданіе, придаютъ какую-то особенную оригинальность архитектурѣ онаго, поражающей удивительною соразмѣрностію, обширностію и величественною простотою. Внутри куполъ исписанъ текстами изъ Корана; полъ устланъ рогожками, сплетенными изъ тонкаго камыша, на коихъ сидятъ молельщики; посреди фонтанъ и родъ каѳедры для имамовъ, а кругомъ хоры; впрочемъ все просто, сурово и безмолвно, какъ неумолимое ихъ предопредѣленіе. Турки почитаютъ эту мечеть второю въ своей имперіи по красотѣ и обширности и увѣряютъ, что даже въ Стамбулѣ не находится подобной. Мечеть султана Баязета, съ двумя высокими минаретами, также достойна вниманія, особенно прекрасныя колонны, составляющія портикъ оной. Колонны эти изсѣчены, кажется, изъ Египетскаго гранита, зеленаго и красноватаго цвѣта. Тутъ же на дворѣ нѣсколько томныхъ кипарисовъ стоятъ, какъ будто на стражѣ у фонтана. Должно полагать, что портикъ есть остатокъ какого-либо

---

[7]) Смотр. The Giaour, note 33, at solemn sound of «Alla-Hu!» «Alla-Hu!» The concluding words of the Muezzins call to prayer from the highest gallery on the exterior of the minaret. On a still evening, when the Muezzin has a fine voice, which is frequently the case, the effect is solemn and beautifull beyond all the bells in Christindom. Но лордъ Байронъ не былъ въ Россіи.

[8]) Quand on apprit à Constantinople l'insurrection des Grecs de Morée, le peuple se leva en fureur. Le patriarche Gregoire fut mis à mort, par les ordres du grand-vizir Bender-Ali-Pacha. L'évêque d'Ephèse, le métropolitain d'Andrinople et plusieurs autres prélats eurent le même sort.

Греческаго зданія, тѣмъ болѣе, что кругомъ находится много слѣдовъ развалинъ, а на первомъ дворѣ при входѣ лежитъ торсъ огромной статуи изъ порфира. Нѣкоторые полагаютъ, что это была статуя Адріана; впрочемъ въ отношеніи искусства она не имѣетъ большаго достоинства, но замѣчательна по величинѣ своей. Бродя среди этихъ развалинъ, проводникъ мой привелъ меня къ маленькому зданію подъ сводомъ: желѣзныя двери застучали предо мною, и я очутился въ темной, слабо сверху освѣщаемой комнатѣ, въ кругу сумасшедшихъ. Это явленіе поразило меня неожиданностію. Мусульмане имѣютъ большое уваженіе къ симъ несчастнымъ и содержатъ ихъ при мечетяхъ, подаяніями богомольцевъ. Къ сожалѣнію, не будучи въ состояніи объясняться съ моимъ проводникомъ, я не могъ узнать никакихъ дальнѣйшихъ объ этомъ подробностей. Мечеть султана Мурата II-го и нѣкоторыя другія также достойны любопытства путешественника. Почти при каждой мечети находится школа; нестройный, громкій говоръ, подобный раздающемуся въ Еврейскихъ синагогахъ, издали даетъ знать, что находишься въ сосѣдствѣ такой школы.

Эски-Сарай, построенный султаномъ Амуратомъ, представляетъ теперь огромную массу зданій отчасти уже въ развалинахъ, обнесенныхъ каменною стѣною. На первомъ дворѣ, противъ входа отъ моста, встрѣчается отдѣльное съ высокимъ бельведеромъ зданіе, сохранившееся болѣе другихъ. Высокое крыльцо ведетъ прямо въ верхнія палаты онаго; въ открытыя двери, окруженныя пестрыми украшеніями, входишь въ сѣни, посреди которыхъ водоемъ, а на право и на лѣво довольно большія комнаты, гдѣ на стѣнахъ видны еще остатки мрамора яркихъ цвѣтовъ, грифельныхъ плитъ съ разными узорами и Арабскими буквами и проч. На этомъ же дворѣ по сторонамъ находятся два новѣйшихъ строенія: первое, маленькій султанскій дворецъ, построенный Селимомъ III. Въ немъ нѣсколько замѣчательна комната съ куполомъ, изукрашеннымъ золотомъ по синему полю, а стѣны обложены изразцами также синяго цвѣта. Здѣсь живутъ теперь наши посланники и дипломатическіе чиновники. Прямо изъ внутренности дворца сходъ въ бани, гдѣ сѣрная вода, проведенная изъ натуральнаго источника, течетъ въ мраморные бассейны и ванны. Въ другомъ четвероугольномъ продолговатомъ строеніи, съ колонадою кругомъ, сбирается диванъ во время пребыванія султановъ. За этими зданіями находится множество внутреннихъ дворовъ и разнообразныхъ строеній съ теремами, корридорами, башеньками, куполами, въ такомъ разрушеніи, что почти невозможно пробраться во внутренность оныхъ: обрушившіеся потолки, изломанные полы, обвалившіяся стѣны останавливаютъ на каждомъ шагу посѣтителя сихъ опустѣлыхъ храминъ. Живое любопытство влекло насъ однакоже въ отдѣленіе, гдѣ былъ султанскій гаремъ; по грудамъ завѣтныхъ камней и обломковъ, съ жадностію замѣчая повсюду почти изгладившіеся слѣды роскоши и великолѣпія, посреди остатковъ кипариса, мрамора и перламутровыхъ украшеній, мы проникли въ эту нѣкогда таинственную обитель красоты, сокровенную отъ взоровъ нечестивыхъ. Въ одномъ изъ отдѣльныхъ покоевъ сего отдѣленія находится прекрасная мраморная ванна [9]) съ мрамор-

[9]) Эта ванна и колонна съ аркою, также нѣкоторые другіе предметы, уцѣлѣвшіе среди развалинъ Эски-Сарая, назначены г-мъ Седжеромъ, посланнымъ

ными же ступенями для схода въ оную, а возлѣ двѣ уединенныя колонны съ аркою и капителями въ восточномъ вкусѣ, означаютъ прежній входъ въ эту купальню и направленіе простѣнка, скрывавшаго нѣкогда сей пріютъ прохлады и обнаженныхъ прелестей. Это мѣсто сдѣлалось между нами извѣстно подъ именемъ le bain de la sultane, и оно особенно привлекало мечтательныхъ посѣтителей Эски-Сарая. Передъ зданіемъ гарема простирается обширный бассейнъ и садъ, а надъ оградою возвышается красивый кіоскъ, изъ рѣшетчатыхъ оконъ коего виденъ окружный паркъ и весь городъ. Когда бассейнъ былъ полонъ водою, фонтаны играли брызгами влажной стихіи, которая струилась и журчала по прозрачнымъ рѣшеткамъ, обсаженнымъ розами и миртомъ, и все одушевлялось присутствіемъ волшебныхъ, черноокихъ плѣнницъ, мѣсто это конечно было очаровательнымъ. Сумракъ вечера, набрасывая слабую тѣнь, сливающую окружные предметы въ неясные призраки, невольно увлекалъ воображеніе къ симъ мечтамъ, и стихи изъ Бахчисарайскаго Фонтана, постепенно приходя мнѣ на память, оживляли мертвыя картины теперь видѣнныя мною. Наконецъ и я повторилъ съ поэтомъ:

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось. . . . .

Но ни одна тѣнь передо мною не мелькала, а порхали только ночныя птицы по унылымъ и пустымъ покоямъ, и вѣтеръ свисталъ въ отверстія, обросшія плющемъ и дикою травою. Развалины Эски-Сарая гораздо обширнѣе и величественнѣе Бахчисарайскихъ, по словамъ видѣвшихъ и тѣ и другія. Они даютъ понятіе о роскоши жилищъ султановъ и многочисленности ихъ двора.

Общественныхъ бань находится здѣсь болѣе 20-ти. Зданія сіи состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Въ первомъ возвышается обыкновенно диванъ съ приступомъ, на коемъ раздѣваются и отдыхаютъ. Въ самой же банѣ, составляющей комнату подъ сводомъ, съ отверстіями въ ономъ, находится посреди низкая лежанка, покрытая мраморными плитами, а по сторонамъ нѣсколько нишей, въ которыхъ собственно моются на каменныхъ скамьяхъ у бассейновъ, наполняющихся теплою водою. Такъ какъ бани нагрѣваются снизу и полы мощеные, то ходятъ по нимъ въ деревянныхъ туфляхъ, а послѣ мытья набрасываютъ на голову платокъ въ видѣ чалмы, и два человѣка водятъ мывшагося подъ руки торжественнымъ образомъ. Вообще внутреннее расположеніе Турецкихъ бань весьма сходствуетъ съ описаніями таковыхъ зданій у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Турки, также какъ эти народы, почитаютъ купанье предметомъ необходимости, наслажденія и нѣги; особенно женщины: бани суть ихъ кофейные домы.

Чтобъ ты не упрекнулъ меня въ нескромности или въ хвастовствѣ, я ничего не стану говорить тебѣ о здѣшнихъ женщинахъ; но вмѣсто этого совѣтую прочесть въ письмахъ леди Монтегю посѣщеніе женскихъ бань. Нѣжнымъ и остроумнымъ перомъ она рисуетъ обнаженныя прелести красавицъ Востока, и потомъ съ искус-

---

Государемъ Императоромъ для отысканія древностей въ семъ краю, къ отправленію въ С.Петербургъ.

ствомъ и знаніемъ дѣла, свойственнымъ ея полу, постепенно облекаетъ ихъ въ пышныя одежды. Очарованіе ея было совершенно, и чтобъ изобразить его, она прибѣгаетъ къ помощи творца Потеряннаго Рая, къ кисти Тиціана и Гвидо, къ уподобленіямъ съ Граціями и т. п. Что жъ мы, мужчины, могли бы сказать послѣ этого? Не могу однакоже утерпѣть, чтобъ не привести изъ ея письма слѣдующихъ, особенно забавныхъ словъ [10]):—«Женщина, по видимому, самая знатная изъ нихъ, упросила меня сѣсть возлѣ нея и очень желала, чтобъ я раздѣлась и мылась съ ними. Я извинялась съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Однакоже онѣ всѣ такъ пристали ко мнѣ, что наконецъ я принуждена была разстегнуть нѣсколько мое платье и показать имъ мой корсетъ; это вполнѣ ихъ удовлетворило, ибо я замѣтила, что онѣ вообразили, будто я замкнута въ этой машинѣ, и не въ моей власти освободиться отъ оной, приписывая такую хитрость моему мужу».

Новыя казармы, построенныя нынѣшнимъ султаномъ для низамъджезитовъ (т. е. регулярныхъ войскъ), представляютъ огромное четырехъ-угольное зданіе, имѣющее 240 саж. въ длину и около 150 въ ширину, съ большимъ дворомъ внутри. Въ этихъ казармахъ могутъ помѣститься до 10 тысячъ человѣкъ. Внутри города существуютъ еще остатки цитадели и каменной стѣны съ башнями, теперь почти совершенно застроенной лавками, домами и разными лачужками. На воротахъ цитадели прибиты черепъ и части остова какого-то огромнаго звѣря, кажется мамонта, также подвѣшены двѣ бомбы огромнаго калибра; надпись означаетъ, что онѣ тутъ въ воспоминаніе покоренія Адріанополя Турками. Сіи укрѣпленія относятся ко временамъ Греческаго владычества, но теперь городъ не имѣетъ никакой искусственной обороны, да и самая обширность онаго не позволяетъ этого. Въ окружности, большое пространство занимается садами, почти исключительно шелковичныхъ деревъ, и загородными домиками [11]); а далѣе стелются бѣлыми полосами огромныя кладбища. Магометанскія кладбища находятся и посреди самаго города, возлѣ каждой мечети; ихъ означаютъ ряды бѣлыхъ камней или столбовъ, которые торчатъ изъ подъ поверхности земли, подобно остаткамъ провалившагося зданія, и обыкновенно вѣнчаются чалмою. Здѣсь обитель смерти не отдѣляется отъ жилища живыхъ, и мусульмане равнодушно отдыхаютъ на мавзолеяхъ своихъ предковъ. Множество этихъ надгробныхъ камней ужасаетъ. Кладбища христіанъ

---

[10]) Смотр. Letters of the right honourable Lady M—y W—y M—e, letter XXXVI, page 80 и слѣд. Хотя леди Монтегю посѣщала Турцію слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, но и теперь многія изъ ея описаній очень вѣрны; особенно любопытны въ ея письмахъ подробности о домашней жизни и вообще о Турецкихъ женщинахъ; ибо въ этомъ отношеніи, по праву своего пола, она пользовалась такими преимуществами, какихъ не могли имѣть другіе путешественники.

[11]) Малтъ-Брюнъ и другіе географы пишутъ, что Адріанополь лежитъ въ прелестной долинѣ среди садовъ кипарисныхъ и розовыхъ. Правда, что мѣстоположеніе сего города прелестно, кое-гдѣ встрѣчаешь также кипарисъ и кусты розъ, но цѣлыхъ садовъ сихъ деревъ не видно. То, что̀ они говорятъ объ укрѣпленіяхъ сего города, также несправедливо. На окрестныхъ высотахъ Турки начали было копать что-то похожее на укрѣпленія, но, при приближеніи нашемъ, бросили эти работы.

находятся внѣ города. Тамъ по Цареградской дорогѣ, нѣсколько уединенныхъ крестовъ, привлекая взоръ путника, если онъ Русскій, напомнятъ ему знакомыми чертами о родинѣ и извлекутъ слезу въ воспоминаніе соотечественниковъ, положившихъ кости въ странѣ чуждой.

Адріанополь построенъ импер. Адріаномъ, а потурецки называется Эдрене. Султанъ Муратъ I взялъ оный въ 1360-мъ году, и въ продолженіе почти столѣтія онъ былъ столицею Оттомановъ. Здѣсь Турки основали первоначальное владычество свое въ Европѣ и отсюда наносили послѣдніе удары померкавшей имперіи Востока. Здѣсь же поколебалось въ основаніи ихъ могущество, и взошла новая заря свободы и самобытности Греціи. Отнынѣ имя Адріанополя и въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ содѣлается знаменитымъ и драгоцѣннымъ для каждаго Русскаго, славными воспоминаніями. . .

Адріанополь.
30 Августа 1829.

Приказы Ивана Никитича Скобелева *)

1834 года.

I.

РЕКРУТАМЪ.

Осмотрѣвъ недавно поступившихъ рекрутъ въ баталіоны, при корпусной квартирѣ расположенные, къ полному удовольствію нашелъ я ихъ молодцами хоть куда; ходятъ какъ ученые, а смотрятъ какъ орлы,—однимъ словомъ ребята, впрямъ на военную руку. Пріятно на нихъ поглядѣть, а пріятнѣе ихъ показать батюшкѣ Бѣлому Царю, который, какъ снѣгъ на голову, не утерпитъ, чтобъ не взглянуть на насъ и не порадоваться на дѣтей своихъ. Смотрите ребята, держите ухо востро; не ударьте меня и себя лицемъ въ грязь. Не у каждаго изъ васъ есть учители, но у каждаго есть голова съ глазами; глядите десять на одного и старайтесь перенимать. Наше дѣло немудреное, но любитъ охоту и усердію тотчасъ покаряется; на то насъ Богъ создалъ, чтобъ сперва выучиться метать артикулъ, а потомъ бить проклятыхъ басурмановъ какъ комаровъ, когда они непрошеные въ глаза лѣзутъ. Ремесло славное, хорошее, лишь надобно хорошо понять. Кто изъ васъ не знаетъ, что безъ воли Божіей и власъ съ головы человѣка не спадаетъ; стало быть, и мы въ солдаты поступили по святой волѣ Царя Небеснаго: для защиты храма Пресвятой Богородицы, для славы отца нашего великаго Государя и для спокойствія Отечества. На бѣломъ свѣтѣ есть разныя притчи; другому и дома не лучше нашего; все кажется ладно, а поглядишь: у Карпа глазъ лопнулъ, Глѣбъ совсѣмъ ослѣпъ, а Тришку бревномъ прихватило, и поминай какъ звали.

---

*) Извлечены изъ рѣдкой книги, сообщенной въ Русскій Архивъ Я. О. Орломъ-Ошмянцевымъ: «Собраніе приказовъ, отданныхъ инспекторомъ резервной пѣхоты, генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ, по ввѣреннымъ ему войскамъ, съ 1834-го по 1836-й годъ. Нижній-Новгородъ. Въ типографіи штаба инспектора резервной пѣхоты. 1836», въ четвертку, 164 стр.

Вездѣ, друзья, дѣла дѣлаются какъ на небѣ написано: одному хорошо, другому дурно, а лучше всѣхъ именно намъ: живемъ мы для Господа Бога и умереть всегда для Него готовы,—стало дѣло наше сдѣлано, а тамъ будь съ нами Его святая воля. Весною я поѣду всѣхъ смотрѣть и въ комъ найду охоту, похвалю сильно; но кто не радѣетъ, посѣку крѣпко; а здѣсь всѣ какъ будто сговорились, такъ и лѣзутъ въ гору, и разсердиться не на кого. До свиданія, товарищи, Христосъ съ вами! Знаю, что всѣ вы одного поля ягода, будете стараться узнать свое дѣло и не доведете меня до дурнаго слова.

II.

Предписываю гг. командующимъ резервными дивизіями за всякій минувшій мѣсяцъ доставлять ко мнѣ ясный отчетъ: сколько и какими селеніями уступлено въ пользу нижнихъ чиновъ провіанта, гдѣ и по какой цѣнѣ оный проданъ.

Экономія эта, составляя законную собственность нижнихъ чиновъ, служитъ легчайшимъ средствомъ высшему начальству, чтобъ опредѣлить мирное поведеніе солдатъ и отеческое о нихъ попеченіе баталіонныхъ командировъ. Улучшенная пища въ лагерномъ расположеніи—обстоятельство важное и стоитъ того, чтобъ гг. бригадные командиры потрудились лично вникнуть во всѣ средства къ приращенію сихъ благотворныхъ плодовъ. Мы квартируемъ въ душѣ Россіи, въ мѣстахъ жатвою благословенныхъ; нужно только мастерство, а за добрыми, благородными Русаками дѣло не станетъ; ктобъ изъ нихъ ни приложилъ руку къ груди, каждый услышитъ трепетъ сердца въ пользу солдата, чѣмъ болѣе въ хижинѣ собрата-поселянина благонравнаго, тѣмъ болѣе въ полѣ чести браго! Вотъ неоспоримо справедливая вывѣска каждаго военнаго человѣка́, участіе и уваженіе заслуживающаго.

III.

Приращеніе артельныхъ солдатскихъ суммъ, долженствующихъ употребиться при сборѣ войскъ на улучшеніе ихъ пищи—священная и вмѣстѣ пріятная обязанность всѣхъ начальниковъ, отъ генерала и до прапорщика. Артикулъ этотъ плотно лежитъ на душѣ человѣка-христіанина; но при усердномъ дѣйствіи въ пользу столь важнаго дѣла нужно, чтобъ въ лицѣ нижнихъ чиновъ соблюдалась всесовершеннѣйшая чистота; чтобъ каждая провіантская копѣйка, добрымъ поведеніемъ солдата пріобрѣтенная, громогласно говорила сама за себя, и чтобъ въ головѣ солдата даже и зародышу къ сомнѣнію не нашлось мѣста; при всѣхъ счетахъ, разсчетахъ и самыхъ употребленіяхъ по надобностямъ ротъ, суммы эти назираются и повѣряются начальствомъ, но расходуются исключительно артельщиками, довѣренностію солдатъ облеченными.

Знаю и вѣрю, что человѣкъ благородно-рожденный и одну только мысль признаетъ преступленіемъ, чтобъ бѣдныя, жалкія капли крови и пота солдатъ обратить въ жертву собственнаго желудка. Это ужасно!... особливо при увѣренности, ни малѣйшему сомнѣнію не подлежащей, что на подвиги наши зритъ всемогущій Богъ, что плоды подобныхъ поступковъ поражаютъ службу, огорчаютъ Монарха, влекутъ чувствитетьную непріятность начальству; что неутомимое преслѣдованіе преступныхъ продѣлокъ составляетъ наиважнѣйшую,

священнѣйшую обязанность инспектора резервной пѣхоты и что пушокъ съ рыльца корыстолюбца неминуемо слетитъ вмѣстѣ со шпагою. Но все таки лучше, если дѣло это впредъ пойдетъ ровнѣе и если гг. ротные командиры, всѣ безъ исключенія, въ понятіи солдатъ къ правиламъ своимъ касательно интереса возродятъ уваженіе и благодарность, какихъ я нѣсколько уже и знаю; но знаю также, что кой-гдѣ это нѣсколько пестро...

По дошедшему ко мнѣ свѣдѣнію о темныхъ счетахъ съ ротою одного изъ ротныхъ командировъ, командующій резервною дивизіею 3-го пѣхотнаго корпуса, хотя и не убѣдился при произведенномъ имъ, по приказанію моему, розысканіи, чтобы мракъ этотъ былъ навлеченъ съ дурнымъ намѣреніемъ и чтобъ провіантскія деньги, у капитана хранившіяся, приготовлялись въ зазорный, нечестивый путь; совсѣмъ тѣмъ дурно, что у солдатъ, при медленности капитана, зашелъ умъ за разумъ и что обстоятельство это поняли они не въ хорошемъ видѣ.

Ограничиваясь на сей разъ наказаніемъ виновныхъ, опредѣленнымъ уже командующимъ дивизіею, къ свѣдѣнію имѣю честь сообщить почтеннѣйшимъ товарищамъ, что я кровный врагъ нечистоты въ этомъ родѣ, что впредъ подобные поступки будутъ оканчиваться по Высочайше предоставленной мнѣ власти, не взирая на лицо и званіе, мгновеннымъ преданіемъ подъ военный судъ, и что, считая дѣло это роднымъ моему сердцу, порядокъ онаго прежній и настоящій я буду знать въ каждой ротѣ до подноготной, чему въ непродолжительномъ времени дамъ разительный примѣръ и отъ чего да сохранитъ Господь Богъ взаимно всѣхъ насъ.

IV. 1835 года.

СЛОВО КЪ СОЛДАТАМЪ СЛѢДУЮЩИМЪ НА СЛУЖБУ ВЪ ДѢЙСТВУЮЩУЮ АРМІЮ.

Товарищи! Въ часъ выступленія вашего изъ Зарайска, при дурной погодѣ, при дурномъ, хиломъ здоровьѣ, мнѣ не удалось проститься съ вами и лично сказать полновѣсное спасибо за отличное поведеніе и усердную службу, чѣмъ радовали вы сердце мое, находясь подъ моимъ начальствомъ. Но приноравливаясь къ пословицѣ, что лучше поздно, чѣмъ никогда, и что для хорошаго дѣла всегда время, посылаю вамъ благодарность мою въ догонку, съ искреннимъ желаніемъ здоровья, чести и славы.

Настало время, что я вамъ завидую, ребята; но были, какъ говорится, рога въ торгу. Хаживали и мы въ заморскія земли, поглядывали и на насъ заморскія красавицы, завидовали и намъ лѣнивые лежебоки; теперь, какъ кровь грѣть перестала, хочешь, не хочешь, а пришлось полежать. Но это не конецъ. Не дай Богъ войны; если же рокъ судилъ быть ей, хоть крови нѣтъ, закипитъ мозгъ въ костяхъ; а у старыхъ солдатъ на счетъ немощей была нѣкогда поговорка: не штука въ сапогахъ, штука босикомъ. Ударитъ часъ воли Божіей, и мы, старики, какъ пить дадимъ, примкнемъ къ рядамъ молодыхъ героевъ и небойсь не ударимъ себя лицемъ въ грязь.

Вы слѣдуете въ дѣйствующую армію, подъ предводительство знаменитаго полководца, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. Грозенъ супостату въ мочной длани его всепоражающій бу-

латный мечь-кладенецъ; весело служить подъ командою храбраго! Гдѣ же взять терпѣнія, чтобъ просидѣть покойно, въ лазаретномъ колпакѣ, услыша сладкій душѣ воина свистъ свинцовыхъ орѣховъ; чтобъ не поспѣшить подъ сѣнь побѣдоносныхъ Русскихъ орловъ, если придется потягаться съ врагомъ за вѣру Христову, за славу Царя, за честь Отечества и за святую нашу Русскую землю?

У насъ такая натура: мы не тронемъ и насъ не замай; на драку не лѣземъ, отъ драки не прочь! откликнулись востряки. Давай ихъ сюда; любо, не любо, просимъ не пенять, неравно выворотимъ пріятелямъ шкуру, что и свои не узнаютъ.

Никто не знаетъ кому какой маршрутъ на небѣ написанъ; посему я не отчаяваюсь, ребята, вновь служить съ вами, подъ знаменами, на поляхъ чести. Авось вмѣстѣ будемъ благодарить Господа силъ за дарованныя намъ побѣды; разомъ гаркнемъ: «ура!» молодцу фельдмаршалу и изъ одного котла хватимъ по чарочкѣ зелена̂ вина за драгоцѣнное здоровье батюшки Бѣлаго Царя.

Знаю и увѣренъ, что ни одного изъ васъ нѣтъ способнаго истребить въ душѣ своей вѣру Христову, измѣнить, обезобразить въ себѣ святость присяги и содѣлаться подлымъ преступникомъ, проклятія и презрѣнія достойнымъ, слѣдственно не опасаюсь, чтобъ вы огорчили меня и осрамили лестныя надежды мои на похвальный образъ мыслей вашихъ. Служите вѣрно, точно, постоянно; не переставайте исключительно въ однихъ только добродѣтельныхъ, христіанскихъ подвигахъ искать себѣ наградъ отъ Царя небеснаго, отъ Царя земнаго и отъ признательныхъ соотечественниковъ, умѣющихъ достойно и праведно цѣнить благородныя жертвы храбрыхъ защитниковъ роднаго края. Не переставайте убѣждать себя въ неоспоримой истинѣ, что послѣ Бога, Государя и Отечества, послѣ столь священныхъ намъ предметовъ, съ непоколебимымъ спокойствіемъ, славою и честію коихъ сопряжены счастье и слава нашего быта, все прочее вздоръ, суета, соблазнъ! Живой живое думаетъ; гора только съ горою не сходится, человѣкъ съ человѣкомъ, кому продлитъ Богъ живота и вѣку, такъ или сякъ столкнется; авось увидимся; надобно только усердно молить Господа-Покровителя о дарованіи намъ силъ бороть въ себѣ пагубныя страсти, направлять каждый шагъ свой къ пользѣ вѣры Христовой, закона Государева и собственной души, чтобъ упрочить ей раздолье за гробомъ.

V.

Слово къ воспитанникамъ изъ бродягъ, въ ряды честныхъ солдатъ вступившимъ.

Всемилостивѣйшему Государю Императору Высочайше благоугодно было, для исправленія нравственности, ввѣрить васъ старому, дряхлому инвалиду, прошедшему въ 42-хъ лѣтнее поприще службы, съ вѣрою къ Богу, съ вѣрностію къ трону и съ любовію къ Отечеству, всѣ воинскіе чины отъ простаго солдата до настоящаго званія, смѣло и прямо, по большой, чистой дорогѣ, не оставя позади себя ни сучка, ни задоринки и съ чистою совѣстію, равнодушно и безъ трепета, взирающему нынѣ на часъ смертный, не ожидая здѣсь и за гробомъ справедливой укоризны и по заслугамъ тяжкаго упрека.

Въ этихъ немногихъ словахъ вмыкается вся исторія жизни учителя вашего. Остается присовокупить, что всѣмъ добрымъ, честнымъ

солдатамъ я другъ закадычный, вѣрный; напротивъ того, всѣмъ мерзавцамъ негодяямъ, врагъ злобный, непримиримый. Теперь я весь предъ вами на лицо! Выбирайте, ребята, кому какая сторона по сердцу.

Рады стараться! не разъ уже гаркнули вы единодушно. Вѣрю и торжественно надѣюсь найти въ васъ хорошихъ, усердныхъ товарищей: въ мирѣ кроткихъ, добрыхъ;—въ войнѣ славныхъ, храбрыхъ; но всюду—Царю и Отечеству душею преданныхъ и сердцемъ вѣрныхъ воиновъ.

Злодѣями люди не родятся, но всѣ дурныя качества формируются въ нихъ дурнымъ сообществомъ и несчастными встрѣчами съ людьми подлыми, гнусными, распутными. Бываетъ, что человѣкъ проштыкнется въ тоскѣ по родинѣ, а часто случаются различныя, и вовсе непредвидимыя, горестныя обстоятельства, при коихъ подкрѣпить упавшій духъ могла бы только вѣра. Но вѣра слаба въ понятіяхъ жалкаго неуча, неопытнаго, робкаго новичка, если онъ на первомъ шагу службы не попалъ на добрыя руки; напротивъ того, каждое слово пагубнаго разврата штурмомъ врывается въ глупую, неоточеную голову, и робкая, къ блуднямъ направленная, душа бѣдняка, впадая единожды въ порокъ, съ отчаянія стремится къ другому, къ третьему, а наконецъ и погибаетъ невозвратно; а какъ всѣ мы, болѣе или менѣе, предъ Богомъ грѣшны, предъ Царемъ виноваты, посему кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Теперь весь успѣхъ въ спасительномъ дѣлѣ нашемъ непосредственно зависитъ отъ понятія святыхъ истинъ, на которыя я указывать вамъ буду; а чтобъ узнать эти истины, чтобъ убѣдиться въ необходимости покориться святой волѣ всемогущаго Бога, удостоившаго насъ служитъ вѣрѣ Его святой,—ума надобно немного. Я и самъ не похвалюсь избыткомъ этого снадобья, но путеводимый благодѣтельными наставниками, въ младенчествѣ еще разчухалъ, что не держалась бы земля на водѣ безъ воли Вседержителя; не висѣла бы вода на воздухѣ безъ десницы Его всесильной, мощной; и если бы не было Творца, не двигались бы луна и солнце, не красовалась бы вселенная; не было бы въ природѣ устройства столь дивнаго и поражающаго умъ и сердце наше, согласія столь плѣнительнаго. Чудеса эти безспорно принадлежатъ единому, непостижимому, предвѣчному Богу, и... Господи сохрани насъ отъ грѣха тяжкаго, чтобъ мы думали иначе! Каждая букашка, каждый червячекъ и таракашекъ и вся вообще безсловесная тварь, очевидно, существуетъ подъ покровомъ великаго Хозяина неизмѣримаго міра сего; все исполняетъ законъ, Имъ предписанный; все, получая жизнь, находитъ пріютъ, имѣетъ пищу, и все въ совокупности, чувствуя всесвятую милость бдящаго Провидѣнія, благодаритъ Создателя! И люди ли только, одаренные умомъ, частицу божества составляющимъ, въ порывахъ страстей, забудутъ и, вооружась неблагодарностію, перестанутъ узнавать Тебя, Боже всемогущій?

Слушайте ребята! Много разъ, въ долговременную жизнь мою, встрѣчалъ я враговъ святой вѣры, безбожныхъ, безпутныхъ, дерзкихъ; неоднократно былъ свидѣтелемъ буйныхъ, ложныхъ доводовъ, клятвопреступныхъ и безумныхъ догадокъ, устраняющихъ Творца отъ нечестиваго ихъ бытія; но ни разу не видалъ и даже не слыхалъ еще, чтобъ умирающій злодѣй, въ рѣшительную минуту разлуки души съ тѣломъ, не обратился къ Богу съ позднимъ раскаяніемъ и съ убѣдительнымъ прошеніемъ о прощеніи и помилованіи.

Никогда я не забуду и вамъ, ребята, разскажу случай, въ молодости сильно на меня подѣйствовавшій. Это было при императрицѣ Екатеринѣ, лѣтъ за сорокъ предъ симъ; только что произведенъ я былъ въ капралы; отъ радости или отъ другихъ причинъ, прихворнулось мнѣ не на шутку, и молодца спровадили въ лазаретъ. Рядомъ со мной на койкѣ лежалъ подсудимый, арестованный коммиссіонеръ, коего фамилія, по тогдашнему времени, была въ нѣкоторой извѣстности, потому что родитель коммиссіонера былъ начальникомъ нѣсколькихъ пограничныхъ таможенъ и басурманскія, безбожныя книги пропускалъ на святую Русь вмѣстѣ съ запрещенными товарами, безъ вѣса и безъ мѣры (въ старину эти продѣлки равнялись и едва ли не превосходили бродяжничество непомнящихъ родства. Богъ судья виновникамъ зла, но нынѣ ни тѣ, ни другія шутки, благодаря правительству, не къ духу и не ко времени). Сосѣдъ мой по койкѣ бывалъ въ Питерѣ, въ Москвѣ, во многихъ губернскихъ городахъ, а по словамъ его, и заморскія столицы зналъ онъ какъ порошки, коими штабъ-лѣкарь угощалъ его почти ежедневно, съ намѣреніемъ перервать формировавшуюся въ немъ горячку. Онъ дѣйствительно былъ боленъ, но съ постепеннымъ укрѣпленіемъ тѣлесныхъ его силъ, постепенно увеличивалось въ немъ желаніе говорить. Коммиссіонеръ говорилъ клейко, гладко, однимъ словомъ, мастерски; но такой вздоръ, что и Боже упаси! Все, что̀ для истиннаго христіанина свято, коммиссіонеру — трынъ-трава! Этотъ варваръ надрываясь хохоталъ, когда кто-либо изъ страждущихъ тяжкими недугами произносилъ Божье имя. День проходилъ за ночью, ночь за днемъ, коммиссіонеръ безчинствовалъ, уничижалъ, поражалъ святую вѣру, и нечего грѣха таить, восхищалъ насъ краснорѣчіемъ. Однажды утромъ, умывшись, всѣ больные, кто какъ могъ, молились; коммиссіонеръ, по обыкновенію, смѣялся и къ поклонамъ каждаго присоединялъ свои нелѣпыя шутки. Во всей палатѣ, въ званіи офицера, лежалъ одинъ только онъ, слѣдственно его всѣ слушали; противорѣчить никто не смѣлъ. Но Провидѣніе, какъ будто въ урокъ намъ, богохулителя вело уже къ цѣли: посреди самаго жаркаго пѣнія неутомимаго нашего соловья (или, справедливѣе сказать, враля), увидѣли мы небесный гнѣвъ, надъ нимъ разразившійся; въ одно мгновеніе смертною блѣдностію покрывшійся и къ послѣдней минутѣ жизни неожиданно привлеченный, несчастный коммиссіонеръ заревѣлъ изъ всей мочи: «Братцы, я умираю, ахъ, умираю! Насквозь прокололо чѣмъ-то мою душонку!» Вслѣдъ за симъ жестокія корчи и мучительныя судороги выбили его изъ памяти; долго онъ мычалъ дикимъ, звѣрскимъ голосомъ; потомъ вдругъ, вмѣстѣ съ пѣною, вырвались изъ него слѣдующія слова: «Господи, прости меня окаяннаго; я не признавалъ, я отвергалъ Тебя, Царь небесный! Я, зараженный модными, заморскими бреднями, забывалъ религію, утопалъ въ развратѣ и, хвастая превыспреннимъ умомъ, уготовалъ себѣ бездну ада, въ сей часъ предо мною разверзшуюся. Забудьте, ребята, что̀ я вамъ говорилъ; не проклинайте меня, грѣховодника, и помолитесь, ради Бога помолитесь за несчастнаго, преступнаго нечестивца. Я слышу строгій гласъ Верховнаго Судіи, и гибель моя... совершилась!» Съ симъ словомъ онъ протянулся.

Всѣ мы, и самые даже умирающіе, содрогнулись, вскочили съ коекъ своихъ, окружили страдальца, очевидно свыше пораженнаго; морозъ бѣгалъ по кожѣ нашей. Неожиданное раскаяніе человѣка

ужаснаго и, какъ казалось, въ правилахъ безвѣрія твердаго, удивило, поразило насъ; мы видѣли перстъ Божій, но преступный балясникъ не видѣлъ уже зги!

Упавъ на колѣни, мы дѣйствительно молились, не знаю кто за кого; но я благодарилъ Бога именно за себя, чувствуя, что юное мое сердце, не заразясь нечестивыми бесѣдами, осталось чисто.

Такъ быстръ и скоръ переходъ человѣка отъ жизни къ смерти, отъ устройства къ праху; а при явленіяхъ столь обыкновенныхъ, частыхъ и безъ нарушенія клятвъ, въ лицѣ Бога произносимыхъ, для своевременнаго раскаянія, много, много на душахъ нашихъ грѣховъ; но человѣкъ счастливъ, если, приложа руку къ сердцу, наведя справку съ совѣстью, можетъ сказать: грѣшенъ, но Божій. У злодѣя, клятвопреступника, нарушителя присяги, не поворотится языкъ сказать столь утѣшительныхъ словъ, прежде нежели обратится онъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ къ Творцу милосердому, къ вѣрѣ, къ закону и къ чести; примирясь же съ Богомъ, вмѣстѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ избѣгать соблазна, въ головѣ его сдѣлается свѣтло, дыханіе будетъ легко, надежда на жизнь богоугодную, пріятную, блеснетъ въ стѣсненной груди, и душа преступная, унылая, тотчасъ познаетъ чуждую ей до сего чистую, небесную радость! Вотъ, ребята, тѣ святыя, спасительныя истины, съ которыми вѣрующіе въ Бога на водѣ не тонутъ и на огнѣ не горятъ.

Не вы у меня первые, не вы и послѣдніе; тысячи подобныхъ вамъ, по милости Провидѣнія и по довѣренности правительства, прошли чрезъ мои руки; многіе изъ воспитанниковъ моихъ, гнушаясь разврата, устремясь къ славѣ, за вѣру, тронъ и родной край, положили животъ свой въ битвѣ съ врагомъ и давно уже, какъ праведники, молятъ за насъ грѣшныхъ у престола Вышняго; многіе служатъ въ рядахъ и отличнымъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и чистотою нравовъ сообщаютъ примѣръ молодымъ, юнымъ героямъ; многіе изъ сихъ послѣднихъ, по ходатайству начальства, получили всемилостивѣйшее прощеніе, кончили срокъ службы, воспользовались свободою и живутъ, благословляя отеческую заботливость и примѣрную строгость, убѣдившую и утвердившую ихъ на службѣ, которая не такъ трудна, каковою съ перваго взгляда кажется лѣнивцамъ, трусамъ и негодямъ: служба не обременяетъ насъ дѣлами не по силамъ; способы, требованія и исполненія разсчитываются начальствомъ заблаговременно.

Прослужа столько, сколько ни одинъ изъ васъ не прожилъ еще на бѣломъ свѣтѣ, конечно встрѣчалъ и я крайности, что и самая смерть была бы благодѣяніемъ! Но это бывало (да и то рѣдко) во время тяжкой продолжительной войны; за то тамъ часто одна минута славы щедро платитъ за неудачи всей жизни нашей.

Посмотрите на похвальное постоянство друзей чести, вѣрно служащихъ, добрыхъ солдатъ. Кто эти Монарху драгоцѣнные и Отечеству милые герои, коихъ слава гремитъ во всемъ подлунномъ мірѣ? Это братья ваши, люди изъ одного съ вами состоянія, съ равными вамъ способностями, съ равными науками и просвѣщеніемъ; равно какъ и вы отъ сохи и плуга, къ высокому назначенію воззванные и въ ряды защитниковъ святой вѣры вступившіе.

Какая же между вами разница? Не та ли, что они, презирая мірскія суетныя обольщенія, съ христіанскимъ вниманіемъ къ ученію

Спасителя, съ дѣтскою покорностію къ законамъ государственнымъ, съ благочестивыми надеждами и съ твердымъ упованіемъ на Господа, готовы съ радостію пролить кровь не только за вѣру, тронъ и Отечество, но даже и за одно только село добрыхъ, трудолюбивыхъ нашихъ соотечественниковъ, еслибы увидѣли его въ опасности; а вы, льстясь незаслуженною свободою, скрываетесь отъ взора всѣхъ честныхъ людей и постигаемые страхомъ, гнетомые недостаткомъ даже и въ дневной пищѣ, готовы это же самое село и Божій храмъ, въ немъ красующійся, сжечь безъ сожалѣнія, собственными святотатственными руками, чтобъ, въ суматохѣ несчастныхъ, невинностраждущихъ собратовъ, поживиться кускомъ хлѣба!

Разсмотрите эту разницу безпристрастно, оцѣните поведеніе преступныхъ дезертировъ, гнусныхъ бѣглецовъ; изслѣдуйте безобразные ихъ подвиги, и вы, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ со мною скажете: «правда, подобные изверги недостойны жизни, и какъ рвутъ въ огородѣ дурную траву для свободнаго растенія травъ добрыхъ, такъ надлежитъ безъ пощады убивать подлыхъ людей для безопасности честныхъ гражданъ!»

Отъ сотворенія міра и по днесь, всѣ имперіи и каждое царство, для защиты отечественной независимости, чтобъ сохранить вѣру святую и родную землю, чтобъ не дѣлиться съ сопостатомъ женой, сестрой и дочерью, призывали людей на службу; и закону этому, съ сердечнымъ умиленіемъ, покорялись люди всѣхъ званій, всѣхъ состояній, отъ царя и до раба; видѣли горькое, видѣли сладкое, но исполняли священный долгъ свой безъ ропота. Что же мы за безчувственные истуканы? Какія у насъ особыя права? И къ нашему ли только сердцу исключительно не достигаетъ призывный гласъ Отечества? Вздоръ, ребята, это бредни!

Каждому свыше опредѣлено свое дѣло; мужики поютъ и землю пашутъ; у Цыганъ земли нѣтъ, такъ они поютъ и плачутъ; у насъ все есть!—мы должны пѣть и служить. Обратимся же къ добродѣтели, прибѣгнемъ съ чистосердечными молитвами къ Господу Богу, помолимся Ему о спасеніи нашемъ, и примемся служить!—служить и... пѣть. Непорочному сердцу трудъ веселъ. Вспомните впрочемъ, что жизнь нашу не аршиномъ мѣрить; не успѣемъ зѣвнуть и .. въ ящикъ; а грѣхи не пироги, ихъ желудокъ не варитъ, и нищій не приметъ; они тяжелы и громоздки: съ ними въ царство небесное не пролѣзешь; а Бога обмануть нельзя, ребята. Все, что̀ я вамъ говорю и что̀ вы думаете, Онъ слышитъ и видитъ, и. . горе злодѣю, кто мыслитъ дурное!

О прощеніи прежнихъ грѣховъ раскаявшемуся и думать не стоитъ; милосердію Божьему и отеческому сердоболію Монарха нѣтъ предѣловъ! Помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ! молитва недлинна и неутомительна; но разбойникъ, изъ глубины души и отъ чистаго сердца оную произнесшій, удостоенъ вѣчныхъ благъ. Посему на этотъ разъ, честное имя, чистая совѣсть, усердіе и ревность къ службѣ, кротость и вѣжливость въ поведеніи, да будетъ первый и послѣдній спасительный урокъ мой.

Но если заморскій врагъ православной вѣры задѣнетъ нашего батюшку Бѣлаго Царя за живое, если позовутъ насъ въ чистое поле на схватку съ басурманомъ: тогда, ребята, будетъ рѣчь другая, презакатистая, развеселая, разлихая! Тогда мы станемъ пѣть и... бить!

Въ заключеніе присовокупляю, что примѣромъ строгости, какую

я употреблю надъ первымъ бѣжавшимъ, или другое какое либо преступленіе учинившимъ негодяемъ, я стращать васъ не стану; буду молиться Богу и надѣяться, что звѣзда моя не померкла, и что горестная необходимость къ ужасному и примѣрному наказанію, какое я съ прискорбіемъ обязанъ буду сдѣлать, останется душѣ и волѣ моей незнакома.

Оно такъ и будетъ непремѣнно, если вы будете слушать меня, по вѣрѣ Христовой,—какъ добраго брата; по обязанности путеводителя вашего, —какъ нѣжнаго отца; а по данной мнѣ правительствомъ неограниченной надъ вами власти,—какъ строгаго начальника. Посему желательно, чтобы въ первыхъ двухъ случаяхъ вы имѣли ко мнѣ довѣренность и любовь, а въ послѣднемъ—держали бы ухо востро!!!

VI.

ПРИКАЗЪ БЕЗСРОЧНО-ОТПУСКНЫМЪ НИЖНИМЪ ЧИНАМЪ.

Нижній-Новгородъ, Іюля 26-го дня 1836 года.

Государю Императору благоугодно было повелѣть собрать васъ къ Высочайшему осмотру въ Казань и Нижній-Новгородъ; съ чѣмъ вмѣстѣ честь быть начальникомъ четырехъ тысячъ человѣкъ, на вѣрной и честной службѣ посѣдѣлыхъ, Его Величество всемилостивѣйше изволилъ предоставить мнѣ, инвалиду.

Хвалить и подстрекать въ славномъ Русскомъ солдатѣ усердіе къ службѣ, по нашему тяжкая обида. Не забылъ бы насъ Богъ, не отвратилъ бы взора Царь, не покинула бъ слава, а храбрость—наша кличка, а труды—домашній хламъ; ихъ знаютъ грудь только, да подоплека. Я говорю просто съ молодцами, съ товарищами, на все способными и всюду готовыми.

Было на святой Руси толковано, опредѣлено, да и брошено, что невозможность для Русскихъ еще не придумана; что невозможность... мечта! Летали мы чрезъ горы и лѣса, чрезъ пропасти и рѣки, чрезъ опасныя непріятельскія батареи, на крѣпостныя неприступныя, грозныя стѣны; переносились за синія моря, на чужіе берега, взглянуть на заморскихъ красавицъ и показать имъ себя. Сосновали основу, соткали свободу, нарядили Европу! А какъ долгъ платежемъ красенъ, такъ и.. Французскому носу поднесли, въ свою очередь, Русскаго табачку съ чемеричкой, съ чихирькомъ и съ золкой... Да гдѣ мы не были? чего не видали? чего не сдѣлали и куда не пролагали просторныхъ путей булатными штыками?—И теперь мы также Русскіе и до гробовой доски останемся тѣми же Русскими. Молви намъ батюшка Бѣлый Царь одно лишь слово, и... раздайтесь, разступитесь, добрые люди; не мѣшайте разудалымъ дѣтямъ Сѣвера, расхорохоренную и ополченную заморскую чудь раздѣлить на заплатки, иль на подметки!.. Вотъ-те и невозможность.

Торжественная минута Высочайшаго прибытія къ намъ Государя Императора почти наканунѣ; держите, ребята, ухо востро! У кого шея осѣла, тотчасъ подтянуть; члены покривились, выправить; всѣ причиненные косою, сохою и бороною тѣлесные недостатки немедленно пополнить и привести себя въ видъ знаменитыхъ Рускихъ героевъ; одѣваться чище, безъ грѣховъ, ходить козыремъ, молодцомъ. Сохрани Господи! во фронтъ не пущу, кто согнулся, скорчился и у кого бортъ мундира со швомъ не будетъ въ линію. Невозможность чужое слово, послѣ того, какъ въ 28 дней мы обмылись, обшились, обмундировались, вооружились; надѣюсь, что при неусыпномъ по-

печеніи гг.-дъ временныхъ баталіонныхъ, эскадронныхъ, баттарейныхъ и ротныхъ командировъ, и при доброй волѣ каждаго изъ васъ, мгновенно будемъ образовать собою стройную и строгую частичку побѣдоносной Русской рати.

Подлинный подписалъ: Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ.

И. Н. Скобелевъ и прапорщикъ Бракель.

1848.

Въ 1848 году, когда вся Европа находилась въ волненіи, произведенномъ Февральскимъ переворотомъ Франціи, усилились въ Петербургѣ строгости военной службы. Прапорщикъ Бракель состоялъ дежурнымъ на гауптвахтѣ, на Сѣнной площади, гдѣ, за какое-то маловажное несоблюденіе воинской выправки или оплошность въ одеждѣ, сидѣли подъ арестомъ два его полковые товарища. Вечеромъ, они упросили Бракеля отпустить ихъ на короткое время въ ближайшее увеселительное заведеніе, и Бракель дозволилъ имъ отлучиться. Видя это, третій изъ заключенныхъ, арестованный по суду и лично незнакомый Бракелю, тоже сталъ проситься вонъ, обѣщая придти назадъ въ самомъ скоромъ времени. Бракель ему не позволилъ уйти. На другой день утромъ, когда городской комендантъ, объѣзжавшій гауптвахты, пріѣхалъ на Сѣнную, арестантъ, получившій наканунѣ отказъ, донесъ на Бракеля, что онъ выпускаетъ арестантовъ. Тотчасъ началось грозное дѣлопроизводство. Оба товарища Бракеля сосланы на Кавказъ, а самъ онъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда спасся, лишь благодаря сердоболію и настойчивой твердости главнаго коменданта крѣпости, знаменитаго и въ то время уже престарѣлаго Ивана Никитича Скобелева, строгаго исполнителя служебныхъ обязанностей, но въ тоже время человѣка съ горячимъ, сострадательнымъ сердцемъ. Узники, находившіеся подъ его надзоромъ и властію, сохранили о немъ благодарное воспоминаніе и передаютъ умилительныя подробности его попечительности и необыкновенной доброты. П. Б.

1.

Письмо И. Н. Скобелева къ военному министру.

Сіятельнѣйшій князь! Заключенный на восемь мѣсяцевъ въ казематѣ л. гвардіи егерскаго полка прапорщикъ Бракель, образуя собою слабаго, щедушнаго, юнаго Нѣмца, принявшій опредѣленное ему наказаніе съ чувствомъ вполнѣ кающагося грѣшника, всего болѣе за нанесеніе удара родителямъ (проживающимъ, по словамъ его, въ Ригѣ), слезами и тоскою наводитъ мнѣ страхъ. Боже упаси, если ко всему вышеозначенному присоединится холера, и онъ умретъ! Нѣмцы подумаютъ, что его въ крѣпости уморили. Бракель виноватъ по молодости и неопытности; но онъ, какъ вижу, сформированъ на

благородную стать, съ чувствами возвышенными, похвальными; а посему, быть можетъ, и самъ я подвергаюсь вашему гнѣву, но осмѣливаюсь просить исходатайствовать ему переводъ въ мѣсто менѣе грозное—на гауптвахту.

II.

Собственноручная резолюція Государя Императора Николая Павловича:

«Старику Скобелеву я ни въ чемъ не откажу. Надѣюсь, что, послѣ солдатскаго увѣщанія виновному, изъ Бракеля выдетъ опять хорошій офицеръ. Выпустить и перевесть въ армейскій полкъ тѣмъ же чиномъ».

III.

Благодарственное письмо И. Н. Скобелева Государю Императору Николаю Павловичу 4 Ноября 1848 года.

Всемилостивѣйшій Государь! Благотворная резолюція Вашего Императорскаго Величества на письмѣ моемъ дала мнѣ поводъ и сообщила смѣлость представить Вамъ настоящее положеніе души и сердца моего.

Клянусь святою вѣрою и честію Русскаго солдата, что еслибъ вы подарили мнѣ каменную въ крѣпости палату, золотомъ и серебромъ набитую, далеко, далеко не порадовали бы меня противъ этой божественной резолюціи, хотя впрочемъ я никогда не зналъ Бракеля, вовсе незнакомъ съ его родителями и дѣйствовалъ по долгу и обязанностямъ стража, долженствующаго вникать не только въ физическое, но и въ нравственное состояніе преступника. Посему могъ ли я вообразить, чтобъ изъ обстоятельства столь обыкновеннаго на сѣдую мою голову упала благодать, и утлая жизнь моя снова озарилась счастіемъ? Но вѣдь это неново для меня: все ваше царствованіе—свѣтлый праздникъ.

Не удивляйтесь, Государь, всеусерднѣйшей просьбѣ моей, въ случаѣ войны употребить меня въ дѣло. Мнѣ стыдно умереть подъ кровлею; ретивое мое должно перестать биться на поляхъ славы и за васъ, въ примѣръ и науку преемникамъ; иначе чаша счастія будетъ неполна (*).

На подлинномъ написано: «Государь Императоръ изволилъ прочитать съ удовольствіемъ».

(Сообщено г-номъ Скалономъ, изъ бумагъ генерала Красовскаго).

(*) Желаніе Скобелева не исполнилось: онъ скончался 19 Февраля 1849 года; въ тоже время, когда писано это письмо, уже ходили конечно слухи о возможности нашего участія относительно усмиренія волновавшихся народовъ.

Указъ императора Павла Петровича относительно комнатной услуги его матери.

Въ награжденіе долговременной и усердной службы находившихся при любезнѣйшей родительницѣ нашей, блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, повелѣваемъ.

Первое. Уволенной отъ двора дѣвицѣ Маріи Перекусихиной производить по смерть пенсію изъ кабинета по тысячѣ по двѣсти рублей въ годъ.

Второе. Камеръ-юнгферамъ: Аннѣ Скороходовой, Марьѣ Алексѣевой, Аннѣ Полекучи, Натальѣ и Пульхеріи Звѣревымъ и Маріи Гучи, такожъ дѣвицамъ: Грузинской княжнѣ Павлѣ Яшвеловой и Катеринѣ Балшъ, камеръ-медхенамъ: Марѳѣ Родіоновой, Аѳимьѣ Егоровой, Настасьѣ Лапиной, Маріи Смирницкой, Акулинѣ Лукиной и Елисаветѣ Воиновой—остаться во дворцѣ на опредѣленномъ имъ содержаніи. Вмѣсто же получаемыхъ ими при жизни блаженныя памяти Государыни Императрицы выдачъ подъ разными именованіями, производить изъ Кабинета камеръ-юнгферамъ и дѣвицѣ княжнѣ Яшвеловой по 350 каждой, дѣвицѣ Балшъ по 250; а камеръ-медхенамъ по 180 рублей каждой на годъ. Сверхъ того въ теченіи будущаго 1797-го года выдать имъ единовременно изъ Кабинета же: Аннѣ Скороходовой 12 тысячъ, Маріи Алексѣевой 10 тысячъ, Аннѣ Полекучи 8 тысячъ, Натальѣ и Пульхеріи Звѣревымъ, Маріи Гучи и княжнѣ Яшвеловой по 6 тысячъ рублей каждой; Катеринѣ Балшъ 4 тытячи, камеръ-медхенамъ, Марѳѣ Родіоновой 4 тысячи, Аѳимьѣ Егоровой, Настасьѣ Лапиной, Маріи Смирницкой, Акулинѣ Лукиной и Елисаветѣ Войновой по 3 тысячи рублей каждой; да сверхъ того вдовѣ Маріи Штальбергъ 4 тысячи рублей.

Третіе. Кофишенка 6-го класса Осипа Моисеева отставить съ награжденіемъ чина гардеробъ-мейстера и съ получаемымъ имъ нынѣ окладомъ по смерть его, такожъ съ выдачею единовременно 6 тысячъ рублей изъ Кабинета.

Четвертое. Шестаго класса камердинеровъ: Николая Козлова, Ивана Чернова, мундшенка Василія Гридякина отставить съ получаемыми ими нынѣ окладами по смерть ихъ и съ выдачею единовременно Козлову и Чернову по 4 тысячи, а Гридякину 3 тысячи рублей изъ Кабинета.

Пятое. Равномѣрно камердинера Ивана Медвѣдева, кондитора Константина Неустроева, кофишенка Алексѣя Брызгалова, тафельдека-

рей Михаила Севринова и Михаила Соколова отставить съ награжденіемъ чиновъ камеръ-фурьерскихъ съ жалованьемъ по онымъ по смерть ихъ и съ выдачею единовременно Медвѣдеву и Неустроеву по 3 тысячи, а Брызгалову, Севринову и Соколову по 2 тысячи рублей каждому изъ Кабинета.

Шестое. Находящагося при товарной казенной коллежскаго ассессора Александра Дружинина отставить съ награжденіемъ чина коллежскаго совѣтника съ получаемымъ имъ нынѣ жалованіемъ по смерть его и съ выдачею единовременно 2 тысячъ рублей изъ Кабинета.

Седьмое. Находившимся при разныхъ должностяхъ по комнатѣ: коллежскому секретарю Дмитрію Попову и губернскимъ секретарямъ Петру Экареву, Іакову Дружинину дать чины, первому—коллежскаго асесора, а губернскимъ секретарямъ—титулярнаго совѣтника и, выдавъ единовременно каждому по тысячѣ рублей изъ Кабинета, опредѣлить къ дѣламъ по ихъ способности.

Осмое. Камердинеровъ 6-го класса Ивана Тюльпина и Захара Зотова, по выдачѣ имъ единовременно изъ Кабинета по 5 тысячъ рублей каждому, перваго опредѣлить при Эрмитажѣ подъ вѣдѣніемъ д. с. сов. князя Юсупова, а послѣдняго предоставляемъ опредѣлить впредъ къ должности по способности, сохраняя имъ жалованье и прочее ихъ содержаніе, покуда въ настоящихъ мѣстахъ останутся.

Девятое. Метрдотеля Ивана Клоча отставить съ награжденіемъ за долговременную его службу чина камеръ-фурьерскаго съ получаемымъ имъ нынѣ жалованьемъ и съ выдачею одновременно 5 тысячъ рублей изъ Кабинета.

Десятое. Метрдотеля Ивана Бертана отставить съ получаемымъ имъ нынѣ жалованьемъ и съ выдачею единовременно 2 тысячъ рублей.

Первое на десять. Камердинеровъ: Ивана Егорова и Романа Соколова отставить съ награжденіемъ чина осьмаго класса съ получаемыми ими нынѣ окладами и съ выдачею каждому единовременно по 2 тысячи рублей изъ Кабинета.

Второе на десять. Прочихъ по комнатѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы служившихъ, Придворной Конторѣ опредѣлить къ должностямъ по ихъ званіямъ и способностямъ, представя намъ роспись, кто куда назначенъ будетъ. Всѣмъ же тѣмъ, которые по вышеписанному особыхъ награжденій не получили, выдать изъ Кабинета единовременно каждому полный годовой его окладъ, включая въ оный и то, что̀ они на платье или ливрею получали.

Сей указъ нашъ сообщить для надлежащаго исполненія какъ въ Кабинетѣ, такъ въ Придворной Конторѣ и въ прочихъ мѣстахъ гдѣ надлежитъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Павелъ.

Съ подлиннымъ высочайшимъ указомъ свидѣтельствовалъ генералъ-поручикъ Василій Поповъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ.
Декабря 17-го 1796 года.

(Съ современнаго списка, сохранившагося въ домашнемъ архивѣ графа Сергія Дмитріевича Шереметева).

Угорская Русь.

Историческій очеркъ.

Языкъ, на которомъ говоритъ народъ, составляетъ для него самое драгоцѣнное наслѣдіе предковъ: это душа народа, залогъ его развитія. Вступать чужеродцу въ борьбу изъ-за него значитъ посягать на жизнь самого народа. Эта борьба рѣдко приноситъ побѣдителю желательные плоды. Были впрочемъ примѣры, что цѣлыя народности исчезали, что языкъ извѣстнато народа становился археологическою древностью; но эти примѣры принадлежатъ давнему прошлому, когда вопросъ о народности не имѣлъ того значенія, какое онъ сталъ занимать въ новѣйшей исторіи человѣчества. Въ настоящее время мы видимъ пробужденіе народнаго духа даже тамъ, гдѣ, повидимому, все свидѣтельствуетъ о вымираніи совершенно забытыхъ народностей. Достаточно вспомнить самобытное существованіе Фламандскаго языка въ странѣ, гдѣ господствуетъ языкъ просвѣщенной Франціи, сохраненіе Гальскаго языка въ Англіи, борьбу Финскаго языка съ Шведскимъ и возрожденіе пятимилліонной Мадъярской народности.

Рядомъ съ этою народностью еле находитъ силы поддерживать свое существованіе другая и притомъ близкая намъ народность—народность Угрской Руси.

Какая судьба можетъ постигнуть Угрскую Русь, которая, послѣ вѣковой борьбы за свою вѣру, за свой языкъ, была забыта великимъ Русскимъ народомъ и оставлена на произволъ своихъ враговъ? Долго ли будетъ продолжаться это разобщеніе между частями одного и того же народа? Къ сожалѣнію, оно не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока Русское общество не признаетъ въ жителяхъ Карпатскихъ горъ самыхъ близкихъ своихъ братьевъ и не поспѣшитъ къ нимъ на помощь съ дарами своей общественности и просвѣщенія, съ богатствомъ своей науки и своего искусства.

Мадъяры утверждаютъ, что Мадъярскій языкъ для тамошнихъ Русскихъ есть единственный источникъ образованности и что, напротивъ, языкъ, на которомъ они къ несчастью своему говорятъ, не есть языкъ общественнаго преуспѣянія. Не значитъ ли это преднамѣренно искажать дѣло? Русское населеніе въ Венгріи составляютъ поселяне и ихъ священники, зависящіе отъ произвола Мадъярскихъ чиновниковъ. Мадъярскій языкъ является для нихъ панскимъ языкомъ, и образованный слой Русскаго общества стыдится своего собственнаго языка. Но народъ не такъ легко отдѣлывается отъ своего языка; онъ другаго языка не знаетъ. У него нѣтъ политическихъ соображеній, и потому, когда вы спросите жителя Бескидъ: кто вы такой?—онъ отвѣчаетъ вамъ

прямо: «я Русскій». Это сознаніе, что онъ Русскій, не могли вытравить у него ни Австрійское чиновничество, ни гоненія Мадъярской аристократіи.

Въ настоящемъ очеркѣ постараемся отмѣтить выдающіяся явленія вѣковой борьбы Угорской Руси за самобытное существованіе въ ряду историческихъ народовъ. Устремляя взоръ въ глубину вѣковъ, мы увидимъ, какъ Русскіе, нѣкогда свободные товарищи Мадъярскихъ завоевателей, постепенно обратились въ народность, подчиненную верховенству Мадъярскаго народа. Прошли вѣка въ этомъ подчиненіи, и только война 1849 года способна была разбудить этотъ народъ, снять съ него оковы вѣковаго умственнаго порабощенія и вызвать зачатки новой жизни.

I.

На южныхъ склонахъ Карпатскихъ горъ, въ окрестностяхъ Ужгорода и Бардѣева живутъ Русскіе люди въ полномъ смыслѣ этого слова—родные братья наши и однокровные съ нами потомки древней Руси. Они живутъ въ столицахъ (или комитатахъ, по областному раздѣленію въ Венгріи): Гёмёрской, Спишской, Шаришской, Землянской, Сабольской, Угочьской, Сатмарской, Бережской, Ужгородской, Мармарошской, Абаюварской и Боршодской, въ числѣ 500,000 душъ. Мѣста ихъ жительства нынѣ прорѣзываетъ желѣзная дорога по направленію изъ Пешта во Львовъ. Угорская Русь раздѣляется на Верховинцевъ (жителей горъ или верховъ) и Долинянъ (жителей долинъ).

Нарѣчіе Угорско-Русское понятно каждому жителю южной Россіи. Проѣзжая по Угорской Руси, невольно изумляешься сходству, которое является на каждомъ шагу между нашими обычаями и народною жизнью въ Угорской Руси. Вамъ кажется, что вы и не выѣзжали изъ Полтавской или Черниговской губерніи, и только величавыя красоты Карпатскихъ горъ напоминаютъ, что вы въ чужой сторонѣ, что вы въ Венгріи.

Какимъ же образомъ очутились здѣсь Русскіе?

По мнѣнію Шафарика [1]), Угро-Русскій народъ можно считать кореннымъ жителемъ нынѣшней Венгріи.

Ученый Бидерманъ доказываетъ, что проводниками Мадъяръ во время переселенія ихъ изъ-за Волги въ нынѣшнюю Венгрію служили Русскіе и что Русскіе до прихода Мадъяръ занимали сѣверо-восточную часть Венгріи. По свидѣтельству неизвѣстнаго лѣтописца короля Бѣлы (Anonymus Belae Regis notarius, глава XII), Мадъяры, пришедшіе въ Унгъ, нашли тамъ Лаборца. Духновичъ въ своей рукописи говоритъ еще о князьяхъ Меноморођѣ и Соленѣ Бережанскомъ. Вмѣстѣ съ этимъ не подлежитъ сомнѣнію, что Русскіе служили передовымъ отрядомъ Мадъярскаго войска [2]), и за тѣмъ имъ поручена была Мадъярами охрана Венгріи [3]).

Этимъ объясняется существованіе въ Венгріи многихъ городовъ, носящихъ названіе О-россъ. Такъ мы встрѣчаемъ: Великій, Малый О-россъ (Русскій городъ,

---

1) Slavische Alterthümer II. 106. Того же мнѣнія придерживается Бидерманъ въ своемъ сочиненіи Ungarische Ruthenen. Сирмай (Антонъ) Notitia Topographica politica comitatus Zempliniensis. Budae 1803.

2) Anonymi Gesta Hungarorum Endlicher. Monumenta Arpadiana S. Galli § 12.

3) Вождь Жолтанъ устроилъ противъ Нѣмцевъ границу до моста Гунца на Оназѣ и построилъ тамъ для Русскихъ, пришедшихъ въ Паннонію, Oroszvar (по венгер. произносится Ороссъ-варъ —городъ Русскихъ). Около 1113 года Коломанъ за услугу, оказанную ему Русскими, построилъ Oroszfalva (Ороссъ-фальва-Русское село). Смотри Anonymus Endlicher 53.

(Orosz var), Русское село (Orosz falva). Кстати замѣтить, что нашъ историкъ Иловайскій неправильно выговариваетъ Венгерское Orosz—Орошъ. Венгерцы изображаютъ наше *ш* буквою s, sz произносится у нихъ какъ наше *с*.

Нельзя приписать одной случайности то обстоятельство, что въ XIV вѣкѣ изъ такихъ пограничныхъ мѣстъ приглашали на Венгерскій престолъ Русскаго князя.

Земля, занимаемая Русскими, называется *крайною*. Тамошній Русскій народъ и до настоящаго времени носитъ названіе *крайниковъ*. Въ рукописи Духновича мы находимъ слѣдующее преданіе, существующее въ Угбрской Руси: «Татары, отправляясь на грабежи, въ одну часть Карпато-Россіи, именуемую крайною, просили Русскихъ женщинъ принесть имъ *рябу сорочку*», т. е. рубашку, вышитую шелкомъ. Такія рубашки носятъ и до настоящаго времени въ этой мѣстности.

Переселеніе Русскихъ въ Венгрію повторялось въ разныя эпохи.

При Андреѣ I-мъ, вслѣдствіе брака его съ третьей дочерью Ярослава, многіе Русскіе пришли въ Венгрію. Въ 1285 г. Русскіе возвратились съ Владиславомъ, послѣ побѣды надъ Татарами, черезъ Кіевъ въ Угрію. Самое значительное переселеніе Русскихъ въ Венгрію совершилось при Людовикѣ Великомъ подъ предводительствомъ Новгородскаго князя Ѳеодора Коріатовича. Уступивъ свои права на Подолію, онъ получилъ отъ Венгерскихъ королей обширныя помѣстья, такъ называемую доминію Мукачевскую и Маковицкую и назывался Dux de Muncatsch [4]). Около 1360 года въ Венгрію пришло 40,000 Русскихъ, которые поселились въ Мармарошскомъ и Бережскомъ комитатахъ [5]).

Наплывъ Русскихъ въ Венгрію продолжался и въ XVII столѣтіи. Помѣщикъ Баіорій поселилъ въ Сѣдлицѣ, при Ороссъ-Пѣклянахъ, Русскихъ людей, предоставивъ имъ свободу вѣроисповѣданія [6]).

Кто бывалъ въ тѣхъ прекрасныхъ мѣстахъ, тому понятно, что они издавна манили къ себѣ пришельцевъ.

Когда Мадъяры пришли въ Паннонію, Русскіе и Славяне были уже христіанами по обряду восточной церкви. У лѣтописца короля Бѣлы есть указаніе (глава 34), что Альмошъ и Арпадъ, крещенные Греческими священниками, привели этихъ священниковъ въ Паннонію.

Духновичъ говоритъ, что Угорскій король Стефанъ, женившись на Гизеллѣ Баварской, для укрѣпленія своей власти, поддался вліянію своей жены и подчинился Римскому престолу, а до того времени Стефанъ придерживался Греческаго обряда.

Онъ получилъ отъ папы подтвержденіе въ достоинствѣ царя, но не царскій титулъ (какъ говорятъ нѣкоторые Латинскіе писатели), потому что Гейза имѣлъ уже корону отъ Греческаго императора Дуки. Корона Венгерскихъ королей съ Греческимъ крестомъ, Русское и даже восточное происхожденіе Мадъярскихъ словъ керестъ (крестъ) и вачора (вечеря) подтверждаютъ справедливость этой мысли. Стефанъ далъ Латинскимъ священникамъ, пришедшимъ съ Гизеллою, власть обращать страну въ католичество, что и было сдѣлано: многіе Русскіе были крещены во второй разъ (rebaptisati — отношеніе Пилигримма къ папѣ Бенедикту). Такимъ образомъ хозяйничали Латинскіе и Нѣмецкіе священники въ

[4]) Geschichte von Halitsch und Wladimir, von Engel. II часть, 54.

[5]) Brevis notitia Fundationis Koriatovichiana § 1.

[6]) Въ Архивѣ Шарошскаго комитата 1628.

Угорщинѣ, и многіе храмы Русскіе были заняты ими. Тогда Русскіе (говоритъ Духновичъ въ своей рукописи объ исходѣ Карпато-Россіянъ) возстали подъ предводительствомъ Купы Стренчаника, воеводы Шемидскаго, Уйки и потомъ Кіамы. Они были побѣждены подъ именемъ невѣрныхъ язычниковъ (paganos infideles). Купу разорвали на четыре части, которыя были повѣшены на городскихъ воротахъ.

Короли Андрей, Бѣла, Коломанъ должны были искать убѣжища въ Угорской Руси [7]). Андрей, достигнувъ престола съ помощью православныхъ, даровалъ имъ привиллегіи (дипломъ изданъ въ 1055 въ Тихани, Tihany). Латинскіе писатели силятся доказать, что Андрей вступилъ на престолъ, опираясь на языческую партію въ народѣ; но это мнѣніе не выдерживаетъ критики въ виду той грамоты, которую онъ даровалъ православнымъ. Бѣгство его въ Угорскую Русь къ православнымъ и существованіе до настоящаго времени Венгерцевъ, исповѣдующихъ православную вѣру (православные Угры въ сѣверныхъ комитатахъ) доказываютъ, что король Стефанъ имѣлъ дѣло не съ язычками, а съ православною партіею при дворѣ. Когда Андрей I-й женился на дочери Нѣмецкаго императора и захотѣлъ ввести латинство, то Угры (православные) и Русскіе призвали Бѣлу и помогли ему овладѣть Венгерскимъ престоломъ. Въ народѣ сохранилось до сихъ поръ очень любопытное преданіе: «Былъ нѣкогда бѣлый князь и бѣлая княгиня. Русскій бѣлый князь шелъ со множествомъ Русскаго войска на Угорскій престолъ. Перейдя Бескиды черезъ Русское и Поляну (Русскія села подъ Бескидами), онъ дошелъ до Стасчинъ (отъ слова *стать*). Жена его пошла на высокую гору Настасъ». Духновичъ, оканчивая сказаніе о бунтахъ Угорской Руси за вѣру, приводитъ слова Ягерскаго епископа Эстергази по случаю побѣды надъ Турками Суворова: Szegeny Török, medverte a pogany Muszka (бѣдный Турокъ! Побилъ его поганый Москаль). Видно, что въ XVIII столѣтіи Москаль въ глазахъ Мадьяра считался поганымъ. Отъ такого изрѣченія недалеко до выраженія paganos infideles (невѣрные язычники), которое встрѣчаемъ въ Латинскихъ хроникахъ.

Русскіе, игравшіе такую выдающуюся роль при занятіи Венгріи, должны были пользоваться соотвѣтствующимъ значеніемъ въ глазахъ Мадьярскихъ властителей. Дѣйствительно, каждый, кто могъ доказать свое Русское происхожденіе, считался свободнымъ [8]). Русскіе пользовались тѣми же правами, какъ и Мадьяры [9]), и имѣли свое собственное управленіе [10]). Ихъ вѣдали свои выборные (князья), которые были подчинены выборнымъ воеводамъ. Сынъ короля Стефана назывался dux Ruissorum [11])

Русскіе занимали высшія придворныя должности и назначались военачальниками или управителями цѣлыхъ областей [12]). Самыя должности носили Рус-

7) У Русскихъ въ Унгскомъ и Бережскомъ комитатахъ существуетъ преданіе, что Андрей I-й (царствовавшій 1046—1061), спасаясь въ Угорской Руси, потерялъ двухъ сыновей. Мѣсто, гдѣ они похоронены, называется царскіе грибки т. е. гробочки, (Biedermann, Ungarische Ruthenen)

8) Regestrum de Varad. Art 300. Endlicher 715.

9) Свѣдѣнія о правахъ Угорской Руси сохранились въ сеймовыхъ декретахъ XVIII вѣка и въ грамотахъ Венгерскихъ королей 1378, 1466, 1493, 1506, 1523, 1562 и 1573 годовъ.

10) Въ разныхъ оффиціальныхъ документахъ сохранились титулы dux Ruissorum, Ruthenorum, banus de Rusznia. О самомъ народѣ говорится: universitas populorum Ruthenorum.

11) По свидѣтельству Гейдельбергской лѣтописи.

12) Катона, томъ II, стр. 533, 537.

скія названія (надворный панъ, воевода, помадъярски вайвода, стольникъ помадъярски асталнокъ отъ слова асталъ—столъ и т. д.). Русскіе образовали почетную стражу Мадъярскихъ государей. Потомки этихъ высокопоставленныхъ Русскихъ вошли впослѣдствіи въ составъ Мадъярской знати (Любомирскіе, Петровы, Липтаевы, Березинскіе, Пастелій, Надажди, Весселеній, Оросъ де-Баласфальва, князь Тарноцій, Телегди, Комлоши, Степанъ Илловай, Орманди). Въ Венгріи повторилось явленіе, которое дало Польской аристократіи имена князей Чарторыйскихъ, Острожскихъ, Сангушекъ и т. д.

Остались вѣрны своей національности дворянскіе роды Добрянскихъ, Бачинскихъ, Ладомирскихъ, Ладыжинскихъ, Духновичей (потомки князей Черкасскихъ [13]).

Русскіе занимали Сѣверо-восточную часть Венгріи сплошною массою. По другую сторону Карпатскихъ горъ живутъ Русскіе Галичане, входящіе въ составъ Австріи [14]). Можно съ достовѣрностью доказать, что до XIII столѣтія въ Земляпскомъ, Бережскомъ и Шарошскомъ комитатахъ Мадъярскія колоніи были рѣдкостью. Это измѣнилось, когда Мадъяры, спасаясь отъ Турокъ, искали себѣ убѣжища въ Сѣверной Венгріи. Какъ скоро долина Тиссы была обезпечена отъ Турецкихъ вторженій, началось обратное движеніе Мадъяръ, и селенія, носящія Мадъярскія названія, утратили свой народный характеръ. Въ Палочѣ живетъ только одинъ старикъ, говорящій помадъярски; остальные жители говорятъ Славянскою рѣчью. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ трудно было найти въ Шарошскомъ комитатѣ больше трехъ дворянскихъ семействъ, знающихъ Мадъярскій языкъ. Іезуитъ Георгій Пастенъ (1751—1761) своими проповѣдями на Славянскомъ языкѣ снискалъ себѣ большое расположеніе Мадъярскаго населенія.

Изъ всего вышеизложеннаго легко увидѣть, какъ живуче Русское начало на почвѣ Венгерскаго государства, и необходимо отыскать причины, превратившія Русскій народъ изъ полноправнаго пособника Мадъяръ въ парія Венгерскаго общества. Эта перемѣна совершилась постепенно.

Громадныя области, населенныя Русскими, отдавались Мадъярскимъ семействамъ. Владѣльцы лѣсистыхъ мѣстностей давали право кому нибудь изъ своихъ дворовыхъ людей вызывать поселенцевъ вырубать лѣсъ (ортовати, какъ говорятъ въ Угорской Руси), строить хижи (южно-Русское выраженіе), соорудить церковь и призвать священниковъ. Поселенцы набирались изъ пастуховъ, свободно кочевавшихъ въ лѣсистой странѣ. Русскіе, пользовавшіеся тѣми же правами, какъ и Мадъяры, и вольные поселенцы на владѣльческихъ земляхъ лишились въ концѣ XV столѣтія права вольнаго перехода. Бѣглые крестьяне подчинены были суду и расправѣ дворянскихъ судей (judices nobilium). Крестьянскіе бунты были отвѣтомъ на драконовскія правила, которыя легли тяжелымъ бременемъ на крестьянствѣ Венгріи [15]).

Государи изъ Габсбургскаго дома являлись ходатаями за несчастное крестьянство, но всемогущее Мадъярское дворянство не обращало вниманія на вели-

---

[13]) Князь Черкасскій, замѣшанный въ стрѣлецкомъ бунтѣ, спасся отъ грозившаго ему наказанія въ Угорскую Русь, гдѣ и принялъ имя Духновича (Slavische Blätter). Отъ него происходитъ извѣстный дѣятель, историкъ и поэтъ Духновичъ.

[14]) Всѣхъ Русскихъ въ Австро-Венгріи насчитываютъ больше 3.200,000.

[15]) См. о крестьянскихъ возстаніяхъ Сѣверной Венгріи: Krones, Oberungarn's Bauernaufstände in alter und neuerer Zeit.

кодушныя намѣренія своихъ королей. Леопольдъ I и Карлъ VI тщетно старались провести на сеймахъ мѣры, могущія облегчить участь крестьянъ. Только Маріи Терезіи удалось правильное распредѣленіе повинностей, лежавшихъ на крестьянскомъ сословіи. Такъ называемый Урбаріумъ Маріи Терезіи (или правила о крестьянскомъ землевладѣніи и повинностяхъ) послужилъ ловкому Мадъярскому дворянству средствомъ устроивать свои дѣла. Приговаривая про себя lusimus Mariam Teresiam (морочимъ Марію Терезію), Мадъярская знать старалась узаконить то, на что собственно не имѣла никакихъ правъ. Она пользовалась поблажками урбаріальныхъ коммиссій, въ которыхъ засѣдали свои же люди, и дворяне отнимали у крестьянъ пахатные луга, пастбища для скота и лѣсъ. Были мѣстности, въ которыхъ помѣщики вслѣдствіе узаконенія Маріи Терезіи пріобрѣли въ полную собственность лучшія крестьянскія угодья. Намѣренія Маріи Терезіи были самыя человѣколюбивыя, но къ несчастью она скорѣе повредила крестьянамъ, нежели облегчила ихъ участь. Въ бытность мою въ Венгріи я имѣлъ случай видѣть одно письмо Маріи Терезіи, въ которомъ она напоминаетъ Мадъярскимъ властямъ, что Русскаго крестьянина нельзя притѣснять: онъ исповѣдуетъ (говоритъ она) туже вѣру, какъ и Русская императрица и, не найдя облегченія у себя дома, обратитъ свой взоръ къ могущественной Россіи.

Іосифъ II уничтожилъ въ 1785 г. крѣпостную зависимость крестьянъ. Въ 1848 г. Венгерскій парламентъ отмѣнилъ барщину (панщину, роботъ). Съ 1848 до 1855 года крестьяне были освобождены отъ вотчиннаго управленія. Но всѣ эти благодѣтельныя мѣры не могли принести существенной пользы крестьянамъ; они пострадали отъ неправильнаго примѣненія урбаріума Маріи Терезіи. «Не удивительно, говоритъ Добрянскій, что Русскіе, Румыны, Словаки такъ обѣднѣли и что выдающіяся личности отрекались отъ всякой связи съ этимъ нищенскимъ народомъ. Угорскіе Русскіе были устранены изъ засѣданій комитета, изъ высшихъ должностей, и даже выборы подтасовывались такимъ образомъ, что Русскій народъ не имѣлъ своихъ представителей въ палатѣ. Русскіе допускались только на низшія должности». Вездѣ Русскія вывѣски замѣнены были Мадъярскими, Русскія школы были уничтожены.

«Печальная была пора до пятидесятыхъ годовъ, говоритъ уроженецъ Угорскй Руси, Матисовъ (Бесѣда, изд. С. А. Юрьева 1871, 6). Разговорнымъ языкомъ въ домахъ священниковъ (образованныхъ міряпъ тогда не было) сдѣлался, въ Мукачевской епархіи, языкъ Мадъярскій; а въ Пряшевской—Словацкій. Я сошлюсь на тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ дѣтства. Мой дѣдъ, кажется, и не могъ иначе думать, какъ полатыни; другіе языки онъ зналъ плохо, а кириллицею писалъ трудно. О Русскомъ народѣ онъ имѣлъ весьма смутныя понятія. Россіяне, какъ онъ называлъ Русскихъ, были, по его понятіямъ, особымъ народомъ; а бѣдный Русскій народъ въ Угріи тоже отдѣльнымъ народцемъ, который онъ называлъ Ruthenculus. Мы жили въ Русской деревнѣ, въ 50 верстахъ отъ которой находились Словацкія селенія. Въ деревнѣ говорили, разумѣется, порусски и, не смотря на то, домашнимъ разговорнымъ языкомъ у насъ былъ Словацкій. Если взять во вниманіе, что Словаки играютъ въ Угріи тоже подчиненную роль, то можно себѣ представить, въ какомъ плачевномъ положеніи находилось Русское населеніе въ Пря-

шевской епархіи. Русскаго мальчика товарищи-Словаки бранили: «Ты Руснячокъ». Даже Цыганъ говорилъ: «а чи я Руснякъ?»

О себѣ говоритъ Матисовъ: «Я прельстился бытомъ Мадъяръ; мнѣ правились ихъ пѣсни, и я тогда не зналъ, что эти пѣсни составлены по Словацкимъ напѣвамъ. О Русской литературѣ я не имѣлъ и понятія. Часто перебранивали меня товарищи-Мадъяры: «Ну скажи, есть ли у вашего Русскаго народа какое нибудь эпическое произведеніе или лирическая поэзія?». Я тогда отмалчивался».

Мы могли прослѣдить постепенный упадокъ Угорской Руси въ политическомъ отношеніи; но при этомъ надо замѣтить, что вѣрованіе народа подвергалось еще сильнѣйшему давленію Мадъярскаго правительства. Необходимо отмѣтить слѣдующую особенность. Габсбурги заботились о благосостояніи народа, стараясь исторгнуть его изъ рукъ всесильной Мадъярской знати. Опираясь на сочувствіе крестьянъ, они думали обуздать своеволіе Венгерскихъ магнатовъ. Въ 1849 году это сочувствіе народа сказалось въ Галиціи и въ Семиградіи (Трансильваніи), когда крестьяне выжигали дворцы непокорныхъ дворянъ. Но въ дѣлѣ вѣры Габсбурги оставались вѣрными сынами католичества и, рядомъ съ заботами объ экономическомъ благосостояніи крестьянскаго сословія, они всѣми силами стремились къ усиленію своего вѣроисповѣданія. Благодаря гоненію, проискамъ и подкупу, имъ удалось водворить унію въ Угорской Руси (въ 1649 году). Русскіе согласились подписать актъ уніи подъ условіями—свободно избирать епископовъ и сохранить народный языкъ. Послѣдній епископъ, избранный Угорско-Русскимъ народомъ, былъ Андрей Бачинскій (1773). Начиная съ его преемника, Австрійское правительство назначало епископовъ для Угорской Руси. Первое время католическая іерархія не обращала вниманія на языкъ. Въ грамотѣ Эстергомскаго архіепископа (Гранскаго) говорится: «Какъ достойнѣйшій отецъ Пареєній и иные многіе священники сего обряда (православнаго) не учились Латинскому языку, то они могутъ все богослуженіе и тайнодѣйствіе совершать на общенародномъ или Илирійскомъ языкѣ, по обряду Греческой церкви, одобренному апостольскимъ престоломъ». Изъ уцѣлѣвшей грамоты Меѳодія Раковецкаго мы видимъ, что въ 1689 г. епископъ велъ дѣлопроизводство на Русскомъ языкѣ (разрѣшеніе собирать пожертвованія на постройку монастыря въ Зарѣчьѣ). Подъ этою грамотою онъ подписался: «Епископъ Мукачевскій, Маковицкій, Спишскій, Краснобродскій и по всей Угорьской землѣ».

Гонимый впослѣдствіи за свою вѣру, преслѣдуемый не только сильною Латинскою іерархіею, но и гражданскими властями, Русскій народъ пересталъ выдѣлять изъ среды своей людей, сильныхъ образованіемъ и достаткомъ, такъ что остались у него попъ да хлопъ, подъ общимъ тяжелымъ гнетомъ барщины. Сыновья священниковъ отдавались въ рекруты (грамота 1721 г.). Епископы, главы народа, стояли въ унизительной зависимости отъ Ягерскихъ католическихъ властей. Стóитъ припомнить факты насилія и произвола, которыми отличался между Ягерскими епископами графъ Эстергази: ночью, съ помощію военной силы, онъ заставилъ привести къ себѣ знатнѣйшихъ лицъ изъ клира, не желавшихъ отпереть ему двери каѳедральнаго собора, и требовалъ отъ нихъ присяги въ повиновеніи.

Царствованіе Маріи Терезіи смягчило гнетъ Ягерскихъ епископовъ. Императрица даровала даже епископу Андрею Бачинскому и его преемникамъ, для

архіерейскаго мѣстопребыванія, громадное зданіе въ Ужгородѣ, съ прилегающей къ нему церковью. Къ полному блеску новоукрашенной каѳедры не доставало (по Латинскому обычаю) капитула или собора изъ канониковъ. Благодаря ходатайству еп. Бачинскаго, капитулъ былъ водворенъ въ Ужгородѣ. Австрійское правительство привязало къ себѣ епископовъ и человѣкъ съ десять канониковъ, опредѣливъ имъ жалованье. Между тѣмъ священники получали по прежнему свои доходы съ земель, которыми ихъ надѣляли помѣщики (патроны), и отъ церковныхъ требъ, что̀ приводило ихъ въ зависимость отъ помѣщиковъ-Мадъяроновъ и ставило въ непріятное отношеніе къ народу. Католическое и протестантское духовенство получало, напротивъ, опредѣленное содержаніе отъ правительства и пользовалось большимъ вліяніемъ въ странѣ.

Епископъ Бачинскій заботился о своемъ народѣ, и потому преподаваніе въ Ужгородской семинаріи велось на Русскомъ языкѣ. Въ одномъ изъ окружныхъ посланій своихъ, Бачинскій упрекаетъ священниковъ въ нерадѣніи къ отечественному языку и обращается къ паствѣ съ слѣдующими словами: «Бодрствуй, Угорская Русь». Преемникомъ Бачинскаго былъ Алексій Повчій. При немъ раздѣлена обширная Мукачевская епархія на Пряшевскую и Мукачевскую. Мѣры, принимаемыя Австрійскимъ правительствомъ, казались мягче, сводолюбивѣе прежнихъ; но цѣль преслѣдовалась одна и таже. Уже при епископѣ Повчіѣ и его преемникахъ, Русское дѣло стало упадать. Въ духовную семинарію введено преподаваніе Латинское; епархіальная переписка велась также полатыни. Католическое духовенство старалось незамѣтно устранить народное начало въ церковномъ обрядѣ, ослабить привязанность народа къ собственному богослуженію. Въ церковный уставъ вкрались незамѣтно перемѣны. Ничто такъ этому не способствовало, какъ учрежденныя Маріею Терезіею семинаріи для воспитанія духовенства. Угорско-русскіе семинаристы воспитывались въ Вѣнѣ, Пештѣ, Тирновѣ, вдали отъ родины. Въ продолженіи шестилѣтняго курса они не имѣли случая видѣть богослуженіе по своему обряду, слышать звуки роднаго языка. Ректоръ, увидѣвъ воспитанника, читающаго Русскую книгу, кричалъ ему: «бійтеся Бога». Епископъ отпускалъ своихъ воспитанниковъ съ такимъ пожеланіемъ: «аже бы есь не читалъ Московскія книги». Благодаря этой искусственной подготовкѣ, будущіе пастыри отчуждались отъ своей церкви и пріѣзжали къ себѣ въ приходъ, не понимая церковнаго языка. Такимъ семинаристамъ раздавались самые богатые приходы.

Это продолжалось до самаго еп. Поповича (1837), наибольшею заслугою котораго было то, что онъ, въ дѣлопроизводствѣ епархіальнаго начальства, ввелъ Русскій языкъ. Литературное общество св. Василія, о которомъ мы поговоримъ въ послѣдствіи, пользовалось его покровительствомъ. Онъ всѣми мѣрами старался, чтобы не въ одномъ духовенствѣ были между Русскими люди сильные образованіемъ. Но, не пользуясь расположеніемъ двора, который видѣлъ въ немъ пособника Кошуту, епископъ Поповичъ не могъ защитить свой народъ отъ посягательствъ Латинской іерархіи. Многія проповѣди произносились на Мадъярскомъ языкѣ. Не смотря на эти неблагопріятныя условія, въ духовенствѣ нашлись люди, которые посвятили себя своей паствѣ и гражданскими достоинствами брали верхъ надъ обезпеченнымъ Мадъярскимъ духовенствомъ. Исполняя съ самоотверженіемъ свои обязанности, они конечно, подвергаются гоненіямъ и обвиняются въ панславизмѣ, московитизмѣ; но, благодаря просвѣщенному вліянію духовенства, Русскіе крестьяне въ Спишѣ

успѣли скупить господскія земли и достигнуть значительнаго благосостоянія. Въ Пряшевской епархіи двадцать селъ скупили у своихъ помѣщиковъ землю, лѣсъ, и такимъ образомъ пріобрѣли вліяніе на школы, на назначеніе священниковъ. Тамъ, гдѣ крестьяне сдѣлались независимыми землевладѣльцами, они основали читальни. Добрымъ примѣромъ, любовью къ родному языку, духовенство поддерживаетъ лучшіе задатки народной жизни.

Въ 1849 г. Русскіе восторженно привѣтствовали первые порывы Мадьярской народности. Многіе выдающіеся дѣятели Угорской Руси, подобно Поповичу, видѣли въ Мадьярскихъ стремленіяхъ благодѣтельную зарю народной самобытности, конецъ вѣковому гнету, тяготѣвшему надъ Русскимъ народомъ. Но этотъ энтузіазмъ продолжался недолго. Правительство Кошута не признавало за Славянами права на жизнь. Духновичъ, составитель Русской грамматики, былъ арестованъ Мадьярскими властями. Тогда взоры Русскихъ обратились на войско, пришедшее изъ-за Карпатъ. Русскіе выходили съ хлѣбомъ-солью къ нашимъ войскамъ. Въ Пряшевѣ, въ Бардѣевѣ, Кошицахъ, дорога, по которой проходили Русскія войска, была усыпаема цвѣтами. Потомокъ Русскаго дворянскаго рода, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій занималъ тогда важную должность при Австрійскомъ министерствѣ. Это былъ первый Русскій человѣкъ, возбудившій народное движеніе въ Угорской Руси. Съ него начинается новая эра народной жизни между Венгерскими Русскими. Австрійское правительство, въ борьбѣ съ Мадьярами, намекнуло ему, что оно охотно приметъ депутацію Угорской Руси. Депутація, состоявшая изъ Адольфа и Виктора Добрянскихъ и др., поднесла императору Францу Іосифу меморандумъ, въ которомъ Русскіе заявили о слѣдующихъ своихъ желаніяхъ:

1) Автономія Угорской Руси.

2) Введеніе Русскаго языка въ народныхъ школахъ.

3) Учрежденіе Русской гимназіи, юридическаго лицея въ Ужгородѣ и Русскаго университета въ Львовѣ.

4) Дозволеніе издавать оффиціальную Русскую газету.

5) Введеніе кириллицы.

6) Равноправность съ Мадьярами.

7) Озаботиться о томъ, чтобы въ Русскихъ полкахъ были Русскіе священники.

Депутація была принята очень благосклонно Австрійскимъ императоромъ. Пряшевскій епископъ Гаганецъ въ окружномъ посланіи по своей епархіи отзывается слѣдующимъ образомъ: «Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда Угорско-русскій народъ можетъ свободно развиваться подъ сѣнью Австрійскихъ законовъ». Онъ, конечно, ошибался: наступила болѣе ожесточенная борьба за народность.

II.

БОРЬБА ЗА НАРОДНОСТЬ.

Австрійское правительство, покончивъ съ Венгерскимъ возстаніемъ, старалось найти въ самой Венгріи точку опоры противъ мадьяризма. Въ Карпатахъ оно призвало къ себѣ на помощь Добрянскаго, которому Угорская Русь обязана своимъ возрожденіемъ. Пользуясь большимъ вліяніемъ при дворѣ, онъ поднялъ Русское имя въ краѣ. На улицахъ появились первыя Русскія вывѣски, лица Русскаго происхожденія получили должности; судебные акты состав-

лялись на Русскомъ языкѣ. Но эти благодѣтельныя распоряженія произвели неблагопріятное впечатлѣніе на Вѣнскій дворъ, а потому Добрянскаго вскорѣ отозвали и дали ему другое назначеніе.

Заслуга Добрянскаго заключалась въ томъ, что онъ съумѣлъ соединить вокругъ себя кружокъ лицъ, вполнѣ преданныхъ народному дѣлу и умѣвшихъ безъ него продолжать, не смотря ни на какія препятствія, борьбу за народность. Главнымъ пособникомъ его былъ потомокъ князей Черкасскихъ—поэтъ Духновичъ. До Духновича учились по церковно-славянской грамматикѣ Серба Мразовича. На Угорской Руси, говоритъ Матисовъ, до сихъ поръ многіе отождествляютъ церковно-славянскій языкъ съ Русскимъ, да и самъ народъ говоритъ: Русская вѣра, Русская церковь. Русская книга была рѣдкостью на Угорской Руси. Стихотвореніе Духновича: «Я Русинъ былъ, есмь и буду», получило значеніе народнаго гимна. Дѣятельность его на поприщѣ народной литературы была чрезвычайно разнообразна. Мѣсяцесловы для народнаго чтенія чередовались съ учебниками, драмами, комедіями («Добродѣтель превышаетъ богатство»). Онъ былъ благотворнымъ солнцемъ, лучами котораго согрѣвалась и озарялась тогдашняя Русская молодежь. Многіе изъ его учениковъ, Ладомирскій, Петрашовичъ, Сильвай, Кимакъ, Митракъ, поступивъ въ священники, стали поборниками Русскаго дѣла среди народа и обогатили Угорско-русскую литературу новыми произведеніями. Прежнее равнодушіе къ народности смѣнилось оживленною дѣятельностью. Въ самомъ центрѣ латинизма, въ Пештской и Вѣнской семинаріяхъ, Русскіе воспитанники устроивали литературныя общества. Такимъ образомъ было основано общество «св. Кирилла и Меѳодія». Вскорѣ однако, по настоянію епископа Шашкевича, общество было закрыто, и Русскія книги распроданы, такъ что Румыны находились въ болѣе привилегированномъ положеніи (Библіотека ихъ въ Вѣнѣ понынѣ имѣетъ 1000 книгъ, и кромѣ того выходитъ періодическое изданіе на Румынскомъ языкѣ).

Нельзя забывать тѣхъ препятствій, которыя встрѣчалъ каждый, желающій заниматься Русскою литературою. Украйнофильство находилось подъ особымъ покровительствомъ начальства. Писать «ть» вмѣсто «ти» и «какъ» вмѣсто «якъ» имѣло на Угорской Руси политическій характеръ. Писавшій правильно порусски, но соблюдавшій *ти* считался благонамѣреннымъ Австрійцемъ. *Тъ* равнялось государственной измѣнѣ, было знаменемъ приверженности къ Москвѣ.

Благодаря епископу Поповичу, въ Ужгородской семинаріи преобладалъ Русскій характеръ. Воспитанники говорили между собою исключительно порусски. Русскія книги, присланныя Славянскими комитетами, береглись среди учениковъ какъ святыня. Поповичъ пріютилъ у себя Русскаго выходца Матиронскаго, который устроилъ хоръ изъ воспитанниковъ. Въ Ужгородской каѳедральной церкви раздавалось церковное пѣніе Львова и Бартнянскаго. За 50 верстъ, говоритъ Матисовъ, приходили послушать отличный хоръ.

Среди Угорско-русскихъ дѣятелей нельзя забыть Ивана Раковскаго, бывшаго редактора Русскаго Вѣстника Земскихъ Законовъ въ Будѣ и теперешняго предсѣдателя общества св. Василія. Другое общество св. Стефана стало издавать подъ его редакціею газету церковнаго содержанія для Угорской Руси. Онъ очень много способствовалъ тому, что тамъ утвердился Русскій литературный языкъ. Но, вслѣдствіе козней главы украйнофильской партіи Григорія Шашкевича, общество св. Стефана перестало издавать церковную газету. Тогда Раковскій, имѣя жалованье всего въ 800 гульденовъ, продолжалъ изда-

ніе на свои собственныя средства. Противники выставили его въ глазахъ правительства Москалемъ; въ скоромъ времени у него отняли жалованье, и онъ долженъ былъ отправиться въ деревню. Съ тѣхъ поръ онъ пишетъ иногда въ Русскіе журналы.

Изъ фаланги дѣятелей того времени упомянемъ имена Григорія Дешко, Доховича, Лучкая (Русскія проповѣди), Виктора Ив. Добрянскаго и *Надя* (Русскія пѣсни). Имъ приходилось спасать народъ изъ когтей мадъярства. Нѣмецкая эра Баха и Шмерлинга усилила гнетъ, тяготѣвшій надъ образованнымъ слоемъ Угорскаго Русскаго общества. Вотъ отзывъ о томъ времени Матисова. «Изъ цѣлой Угріи сдѣлалась громадная канцелярія, переполненная бюрократами. Но за то эти же kaiserlich-königliche Beamte, люди, происходившіе изъ низшихъ классовъ, принесли странѣ громадную пользу тѣмъ, что пріучали народъ къ болѣе человѣколюбивому съ ними обращенію. Крестьяне жалѣютъ въ настоящее время о Бахѣ и Шмерлингѣ. Когда мы приходили въ судъ, говорятъ они, къ намъ обращались на *вы*, заставляли насъ присѣсть, судили справедливо, а теперь какъ прикрикнетъ судья на насъ и т. д. Подъ управленіемъ Нѣмецкихъ чиновниковъ устроили шоссе, улучшилось почтовое дѣло, провели нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, доселѣ пустыя народныя школы оживились. Журналистика находилась подъ страшнымъ гнетомъ; всякая свободная мысль застывала уже на пути».

Въ 1860 году былъ обнародованъ Октябрскій дипломъ, и Добрянскій былъ избранъ въ Пештскій сеймъ. Мадъяры подняли противъ него страшный шумъ и признали его избраніе недѣйствительнымъ. Назначенный для повѣрки выборовъ, Варади (Varady) нашелъ нужнымъ продлить слѣдствіе до окончанія парламентской сессіи. Добрянскій былъ вынужденъ напечатать рѣчь, которую онъ хотѣлъ сказать въ сеймѣ. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ полное изложеніе историческихъ правъ Угорско-русскаго народа. Сравнивая господство Мадъяръ съ гнетомъ, тяготѣющимъ надъ Индіею и Ирландіею, Добрянскій бросаетъ перчатку мадъярству, говоря: «это господство ихъ недолговѣчно въ виду общности интересовъ немадъярскихъ народностей. Онъ не сомнѣвается въ побѣдѣ народностей, которая будетъ результатомъ всепожирающей борьбы племенъ. Мадъяры должны быть умнѣе и сознать, что время притѣсненія народностей для нихъ давно миновало. При этомъ онъ совѣтуетъ ввести государственное устройство на подобіе Швейцаріи, въ которой мирно уживаются нѣсколько народностей. Насталъ послѣдній срокъ для дарованія народамъ Венгріи полной равноправности, потому что не только Русскіе и Словаки, но и всѣ народы имѣютъ за собою право, освященное закономъ и исторіею. Агитація будетъ существовать, не смотря на всѣ запретительныя мѣры. Говорить о національномъ вопросѣ даже въ парламентѣ будетъ считаться агитаціею, какъ считалась агитаціею бесѣда о религіи въ XVI столѣтіи.

Рисуя блестящую картину будущаго благоденствія въ Венгріи, которое произойдетъ отъ примиренія народностей, Добрянскій предъявляетъ слѣдующія требованія къ Венгерскому народу: 1) округленіе комитатовъ по національностямъ; 2) мѣстныя автономическія собранія; 3) національный конгрессъ Угорской Руси; 4) право избирать извѣстное число депутатовъ въ нижнюю и верхнюю палату и 5) повтореніе прежнихъ требованій, выраженныхъ въ меморандумѣ.

Эти требованія были, конечно, отвергнуты Мадъярами, которые не хотѣли и слышать о нихъ. Венгерскій сеймъ, составлявшій оппозицію правительству, былъ распущенъ въ 1861 году. Австрійское правительство принялось опять за свою любимую систему, — заигрыванія съ Славянами, чтобы тѣмъ досадить Мадъярамъ. Добрянскаго возвели въ важные чины при министерствѣ; Славянъ и Русскихъ поставили во главѣ комитатовъ. Тогда возникло общество св. Іоанна Крестителя. Самъ императоръ пожертвовалъ значительную сумму въ это общество, цѣлью котораго было поддержать учащуюся молодежъ. Общество св. Іоанна Крестителя снабжало столомъ и квартирою Русскихъ учениковъ (50). Давая эту помощь, оно старалось увеличить новыми, молодыми силами Русскую интеллигенцію, изъ которой со временемъ выйдутъ вожди народа, готовые посвятить всѣ свои знанія и средства Угорской Руси. Въ тоже самое время общество св. Василія издало нѣсколько книгъ для Русскаго народа (Всемірная Исторія, Географія, Ариѳметика, Словарь Мадъяро-Русскій) и на́чало съ 1866 г. издавать подъ редакціею Игнатка журналъ «Свѣтъ».

Въ пользу Русскихъ въ 1862 году на государственныя средства учреждено было при Ужгородской и Пряшевской гимназіяхъ преподаваніе на Русскомъ языкѣ Закона Божія, Русскаго языка, словесности и исторіи. Учительская семинарія въ Ужгородѣ, въ которой преподаваніе шло большею частію по-русски, тоже служила разсадникомъ свѣжихъ силъ (Рѣпаевъ, Талайковичъ). У священниковъ Поповича, Павловича, Раковскаго устроились образцовыя школы. Въ Ужгородѣ, Пряшевѣ, Хустѣ образовалась Русская бесѣда, получающая нѣсколько Русскихъ изданій. Тамъ собиралась молодежъ и толковала о политикѣ. Въ центрѣ мадъярства, въ Пештѣ существовалъ другой кружокъ, который группировался около Матисова.

Вести открытую борьбу было трудно, иногда даже невозможно, и вотъ почему нѣкоторые дѣятели старались обойти Мадъярское правительство и воспользоваться имъ для народныхъ цѣлей. Вотъ какъ описываетъ Матисовъ свою дѣятельность: «Издаваемый Мадъярскимъ правительствомъ журналъ для народныхъ учителей долженъ былъ выходить на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ въ Угріи. Русскій переводъ текста былъ порученъ Левеи. Недолго переводилъ Левеи; спустя недѣлю, онъ посѣтилъ меня и обратился ко мнѣ: «Ради Бога, освободите меня отъ этого труда, а то я съ ума сойду». Левеи замѣтилъ мнѣ, чтобы я переводилъ на мѣстномъ нарѣчіи, какъ этого желаетъ г. министръ. Я отказался. Ну, какъ хотите переводите, только освобождайте меня поскорѣе, сказалъ наконецъ Левеи. Такимъ образомъ я переводилъ, помимо желанія министра Этвёша, на Московскомъ языкѣ». Этого мало. Вмѣсто перевода, онъ сталъ просто перепечатывать статьи изъ Русскихъ педагогическихъ журналовъ. «Однажды, говоритъ онъ, я передалъ наборщику статью изъ христоматіи для дѣтей объ исторіи, объ охотѣ на львовъ въ Африкѣ. Наборщикъ набралъ и эту статью. Дѣло сходило съ рукъ и не было замѣчено главными редакторами, которые ничего не смыслили по Русскому языку. Этотъ журналъ разсылался даромъ, и многіе стали учиться по этому журналу Русскому языку».

Всѣ эти уловки очень понятны, потому что главныя нападки Мадъяроновъ были обращены не на газеты, а на языкъ, который, приближаясь къ литературному языку всего Русскаго народа, назывался ими Московскимъ языкомъ. Часто редакторы призывались къ строгому начальству и получали отъ

него выговоръ. «Вы пишете на Московскомъ языкѣ?».—«Я тамъ не былъ, отвѣчалъ тотъ, но я знаю, что я пишу порусски....» Когда главные редакторы (учители) смекнули, въ чемъ дѣло, они рѣшили создать для Угорской Руси новый языкъ, непонятный для народа и для образованныхъ людей. Жаль, что почтенный профессоръ Пештскаго университета, которому поручено было совершить этотъ tour de force, не придумалъ уже сразу одного литературнаго языка для всѣхъ національностей Венгріи. Онъ этимъ разрѣшилъ бы разъ навсегда жгучій національный вопросъ. Такое скорое разрѣшеніе весьма трудной задачи доставило бы изобрѣтателю титулъ гофрата, на который Австрійцы такъ падки. Невольно спрашиваешь себя: отчего такъ много шума изъ ничего? Угорскіе Русскіе еще такъ неопытны въ Русской литературѣ. Они сами устами Раковскаго сознаются: «Гдѣ, въ какихъ училищахъ, изучали мы Русскій языкъ? Преподаваніе у насъ не идетъ по учебникамъ на литературномъ Русскомъ языкѣ; у насъ пользуются больше всего рукописями, которыя написаны на старомъ Русскомъ языкѣ».

Прочитывая прозу Дулишковича (Историческія черты Угорско-Русскаго народа), мы переносимся къ далекому прошлому нашей письменности. Такъ не пишутъ теперь на Руси. Но Мадъяры, не зная Русскаго языка, не могутъ слѣдить за такими тонкостями; они нападаютъ на стремленіе писать по-московски.

Нельзя не отдать полной справедливости благородной дѣятельности общества св. Василія. Раковскій отъ имени общества отвѣчалъ Мадъяронамъ слѣдующими многознаменательными словами: «Наше общество не могло отказаться отъ того, что̀ составляетъ его жизненную стихію, не могло оно отречься отъ употребленія своего собственнаго Русскаго языка, выработаннаго общею Русскою литературою. Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствіе къ литературному единенію съ прочею Русью».

Насталъ 1866 годъ. Австрія должна была отказаться отъ своей роли въ Германіи. Мадъярская партія, предводительствуемая Деакомъ, гр. Андраши, Тиссою, съумѣла склонить къ своему дѣлу Австрійскій дворъ. Добрянскій, избранный депутатомъ въ Пештскій сеймъ, тщетно старался составить Славянскую партію. Чехи, Словаки, Хорваты имѣли свои особыя цѣли; они шли въ разбродъ и не умѣли воспользоваться тѣмъ мгновеніемъ, когда Австрійское правительство въ нихъ особенно нуждалось. Состоялось примиреніе съ Мадъярами, и Славянъ, по выраженію Бейста, прижали къ стѣнѣ. Мадъяры вошли въ моду. Королева Елисавета проливала слезы, слушая эпизоды изъ войны 1849 года. Мадъярскій театръ, академія, университетъ, фондъ для гонведовъ, все говорило о преобладающемъ вліяніи Мадъяръ. Нѣмецкіе чиновники были изгнаны изъ Венгріи. Словацкую гимназію въ Быстрицѣ закрыли. Славянскіе дѣятели, въ отмщеніе за 1849 годъ, были посажены въ тюрьму. На мѣсто умершаго Поповича на епископскій престолъ назначенъ былъ истый Мадъяронъ Панковичъ. Бывшій воспитатель у графа Нако, онъ получилъ громадную власть надъ Угорскою Русью. Онъ стыдился своего Русскаго происхожденія, говорилъ съ священниками помадъярски и совѣтовалъ имъ бросить Московскій языкъ. Разъѣзжая по епархіи, онъ приказывалъ выбрасывать иконы, оскорбляющія будто бы его эстетическое чувство. Въ каждомъ проявленіи народнаго духа онъ видѣлъ козни Москвы и старался деньгами, наградами

купить приверженцевъ мадъяризму. Гоненіемъ всего Русскаго онъ достигъ расположенія Мадъярскаго правительства. И вотъ въ какія руки попала судьба Русскаго народа. Судьба дѣйствительно незавидная: молодое дерево, только пустившее ростки, должно было заглохнуть.

Но Панковичъ встрѣтилъ отпоръ въ молодой журналистикѣ Угорской Руси. «Свѣтъ», издаваемый Игнаткомъ, стоялъ на стражѣ народнаго дѣла и отмѣчалъ на своихъ столбцахъ каждое проявленіе Мадъярскаго произвола. Нельзя было закрыть газету, но редактора перевели сначала въ Буду, а затѣмъ въ Левочу. Изданіе перешло къ составителю Русской граматики Сабову, который, изъ опасенія лишиться милости епископа, вскорѣ отказался отъ изданія. «Свѣтъ» перешелъ въ руки Виктора Ѳеодоровича Кимака, около котораго группировались Раковскій, Кралицкій, Уріилъ Метеоръ, поэтъ Поповичъ, Митракъ, Фенцикъ. «Свѣтъ», не смотря на грозное veto епископа, выходилъ на Московскомъ языкѣ съ соблюденіемъ *тъ* вмѣсто *ти*. Гражданское мужество, обнаруживаемое Кимакомъ, навлекло на него заслуженное наказаніе.

Епископъ Панковичъ 31 Декабря 1871 года издалъ окружное посланіе, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующія строки:

«Статьи «Свѣта» показуютъ знаки каѳолицизму противляющагося мышленія, что газета сія такое нарѣчіе усилуется у насъ водворити, которое Русскій народъ, живущій въ нашемъ отечествѣ не разумѣетъ, и которое просто такъ имѣетъ почитатися, какъ нарѣчіе чужаго края» (т. е. Россіи).

На общемъ собраніи Общества св. Василія (1871 г.) явились приверженцы Панковича и рѣшили прекратить изданіе «Свѣта».

Журналъ «Новый свѣтъ», издаваемый Гебе, зависѣлъ вполнѣ отъ Панковича. Кимакъ готовилъ своимъ противникамъ разочарованіе. Сатирическая газета «Сова» воспроизводила въ многочисленныхъ каррикатурахъ типическую фигуру Панковича, секретаря его Даниловича и всѣхъ ренегатовъ, которыми такъ изобилуетъ Угорская Русь. Панковичъ получилъ кличку злаго духа Вичпура, и система его, вичпурщина, подвергалась безпощадному осмѣянію. Газета расходилась въ 2000 экземплярахъ—цифра небывалая для Угорской Руси. Мадъярское правительство прибѣгло къ своему обыкновенному средству: оно предложило Кимаку перебраться на жительство въ Мадъярскій комитатъ или подать въ отставку. Кимакъ выбралъ послѣднее и принужденъ былъ искать занятія въ Россіи. Угорская Русь можетъ пожалѣть о такомъ дѣятелѣ. «Новый Свѣтъ» показался тоже страшнымъ, и изданіе было прекращено. Теперь на всю Угорскую Русь издается одна газета подъ редакціею Гомичкова «Карпатъ», съ Мадъярскимъ прибавленіемъ. Этотъ безобидный органъ обогащается иногда талантливыми очерками Уріила Метеора.

Вести борьбу противъ Панковича на политическомъ поприщѣ было еще труднѣе. Вотъ какъ описываетъ выборы Матисовъ: «Мѣстомъ выбора назначается самое неудобное для избирателя. Наконецъ избиратель-поселянинъ добрался до мѣста выбора, пройдя 40—60 верстъ. Тамъ его продержали день, другой, пока терпѣніе истощается. Не успѣвъ такимъ образомъ, начинаютъ стращать поселянъ, которые не хотятъ подать голосъ за правительственнаго кандидата и даже стрѣляютъ по нимъ. Священниковъ прельщали разными выгодами; крестьянамъ обѣщали уменьшеніе податей, уничтоженіе монополіи на соль и табакъ. Балотирующіеся обыкновенно обѣщаютъ коноводамъ своей партіи должностныя мѣста. Выборы 1869 года сопровождались, какъ и преж-

ніе, поѣздками еп. Панковича по епархіи, увѣщаніями и угрозами, запугиваніемъ народа, который идетъ туда, куда его ведутъ. Епископъ Гаганецъ, только что получившій чинъ тайнаго совѣтника, конечно постарался въ пользу правительства. Выбранъ былъ на всю Угорскую Русь одинъ Русскій депутатъ Грабарь. Другіе были куплены Мадъярами.

Въ 1869 году состоялся конгрессъ католиковъ въ Венгріи, который долженъ былъ рѣшить вопросъ о церковныхъ имуществахъ, о дотаціи низшаго духовенства и объ автономіи католической церкви. Угорскіе Русскіе выступили передъ этимъ конгрессомъ съ заявленіемъ о своихъ правахъ на свободное избраніе епископа и настоятелей, на извѣстное участіе въ имуществѣ, принадлежащемъ церкви. Благодаря отступникамъ, Панковичу и Негребецкому, конгрессъ, за исключеніемъ гр. Чираки, не внялъ голосу Угорско-Русскихъ депутатовъ. Рѣчи этихъ депутатовъ и протестъ, подписанный Добрянскимъ, Рубіемъ, Евгеніемъ Поповичемъ, Эммануиломъ Грабаремъ, Юліемъ Фаркашемъ и Михаиломъ Молчаномъ изложены въ брошюрѣ К. Кустодіева: «Конгрессъ католиковъ Венгріи и Угорскіе Русскіе».

Угорско-Русское меньшинство ссылалось, на то, что

1) Унія вполнѣ сохранила право свободно избирать епископовъ;

2) Что епископы могли рѣшать церковныя дѣла только при содѣйствіи соборовъ своей церкви. Угорско-Русскіе депутаты находили необходимымъ созвать конгрессъ Греко-католиковъ, на обязанности котораго лежало бы: 1) Избирать епископовъ, аббатовъ, протоіереевъ, крылошанъ, благочинныхъ и назначать епархіальныя собранія; 2) завѣдывать школами, выдавать пособія священникамъ наравнѣ съ Римско-католиками.

Эти pia desideria были отклонены конгрессомъ католиковъ.

Такимъ образомъ священники Угорской Руси отданы во власть епископа-Мадъярона, и только отъ него будетъ зависѣть будущая судьба Угорской Руси. Смерть Панковича, этого гонителя и ненавистника Русскаго народа, обрадовала его враговъ. Надо, впрочемъ, сознаться, что Мадъярское правительство всегда найдетъ человѣка, настолько испорченнаго и продажнаго, который съ успѣхомъ будетъ продолжать дѣло, начатое Панковичемъ. А въ такихъ людяхъ, къ сожалѣнію, не будетъ недостатка въ интеллигенціи Славянской. Тѣмъ выше заслуга тѣхъ, которые, рискуя остаться безъ куска хлѣба, все-таки не идутъ ни на какія сдѣлки. Въ вопросахъ первой важности они увѣрены, что найдутъ поддержку во всемъ своемъ народѣ. Такъ было съ затѣями Мадъярскаго правительства замѣнить Юліанскій календарь Грегоріанскимъ и вмѣсто Кирилицы ввести Латинскую азбуку. Я называю это затѣями, потому что желать этого—значитъ оскорбить глубоко вкоренившуюся въ народѣ любовь къ своимъ праздникамъ и къ своимъ церковнымъ книгамъ. И эти опыты производятся въ концѣ XIX в. народомъ, который считаетъ себя самымъ свободнымъ, самымъ конституціоннымъ народомъ Европы. Епископскій Русскій капитулъ рѣшилъ, что онъ не приметъ Грегоріанскаго календаря, потому что перемѣна праздниковъ можетъ повести къ смутамъ среди народа. Вопросъ о Латинскомъ шрифтѣ былъ также отвергнутъ Пряшевскимъ епископомъ.

Попробуютъ-ли Мадъяры посредствомъ новаго владыки навязать другую вѣру, другой языкъ населенію, которое къ своему несчастію принадлежитъ къ великому Русскому народу? Я говорю, что это для Угорской Руси не-

счастье теперь, потому что о ней теперь забыли. Но придетъ время, и Угорскіе Русскіе найдутъ помощь въ нашихъ литературныхъ кружкахъ. Книги, учебники, газеты Русскаго народа будутъ являться къ нимъ во множествѣ, и только тогда Угорская Русь взглянетъ съ самоувѣренностью на пятимилліонный Мадъярскій народъ и скажетъ ему: «Не тронь меня—за мною вся Россія».

Григорій Деволланъ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Виши, Іюль 1876.

Общество, содержащее минеральныя воды въ Виши (la compagnie fermière), доставляя разнообразныя развлеченія для взрослыхъ путешественниковъ и больныхъ, устроиваетъ разъ или два въ недѣлю, для дѣтей, пріѣхавшихъ съ родителями, особые балы, bals champêtres, вокругъ бесѣдки, въ которой помѣщается оркестръ. Мы любовались на танцующихъ дѣтей и особенно на тѣхъ крошекъ, которыя никакъ не хотѣли отставать отъ своихъ старшихъ братьевъ и сестеръ и, не поспѣвая за ними, падали, кувыркались, опять вставали, кружились и падали. Къ намъ подошелъ Петербургскій адвокатъ К. и съ большимъ смущеніемъ разсказалъ то, что̀ съ нимъ случилось. Пріѣхавъ въ Виши и не умѣя объясняться пофранцузски, онъ отправился за совѣтомъ къ доктору Дюранъ-Фарделю, къ которому обращаются почти всѣ Русскіе больные въ Виши. К. разсчитывалъ, что кто-нибудь изъ соотечественниковъ поможетъ ему объясниться съ докторомъ. Съ этой цѣлью, онъ обратился къ одному изъ ожидавшихъ очереди въ пріемной у доктора, молодому Русскому человѣку, котораго пріятная и привѣтливая наружность какъ-то особенно была привлекательна. Молодой человѣкъ немедленно изъявилъ готовность помочь и какъ только очередь пріема дошла до К., то вошелъ съ нимъ въ кабинетъ доктора. Это повторялось затѣмъ нѣсколько дней, и такъ какъ молодой человѣкъ и К. брали ванны въ одно время, то послѣ ваннъ они вмѣстѣ и отправлялись къ доктору. Случилось, что молодой человѣкъ засидѣлся въ ваннѣ долѣе обыкновеннаго, и К., бравшій ванну въ сосѣдней комнатѣ, принялся торопить его поскорѣе одѣваться, чтобы, по обыкновенію, идти къ доктору. Молодой человѣкъ очень терпѣливо выслушалъ К., поспѣшилъ одѣться и отправился исправлять должность толмача. Побывавъ у доктора, они разставались и больше цѣлый день не видались. Больной адвокатъ наконецъ захотѣлъ узнать фамилію любезнаго господина, который былъ ему такъ полезенъ; онъ сознавалъ очень хорошо, что не всякій сталъ бы такъ терпѣливо и постоянно выслушивать и потомъ пересказывать доктору всѣ симптомы его сложной болѣзни и затѣмъ снова пересказывать больному совѣты доктора. Но адвокату нигдѣ не удавалось встрѣчать благодѣтельнаго незнакомца, кромѣ какъ въ заведеніи ваннъ и у доктора, а обратиться прямо съ

вопросомъ казалось неудобнымъ. Сегодня, гуляя съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ въ паркѣ, К. встрѣтилъ своего благодѣтельнаго переводчика. Адвокатъ поклонился; молодой человѣкъ отвѣчалъ привѣтливымъ поклономъ, и когда онъ прошелъ мимо, адвокатъ разсказалъ своему знакомцу, какъ много одолженъ молодому человѣку, прибавивъ, что до сихъ поръ не знаетъ его имени.—«Вотъ хорошо!» воскликнулъ знакомецъ адвоката. «А еще самъ Петербуржецъ! Да это герцогъ Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій!».

Легко можно себѣ представить положеніе адвоката въ ту минуту, когда ему открылось, кого онъ утруждалъ, кому надоѣдалъ своей болѣзнью чуть не всякій день и кого онъ не далѣе какъ въ тоже утро торопилъ поскорѣе одѣться и идти къ доктору. К. бросился къ герцогу просить великодушно извиненія; но герцогъ обласкалъ его, увѣряя, что онъ очень радъ возможности оказать какую-нибудь пользу своему соотечественнику, и взялъ слово, что К. будетъ продолжать пользоваться его знаніемъ Французскаго языка во все время пребыванія его въ Виши.

Д. Филимоновъ.

Посланіе Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова

КЪ А. И. КАЗНАЧЕЕВУ.

Писано въ 1814 году.

Ахъ, ежели ошиблись мы съ тобой, любезный другъ,
Сколь тщетною мечтой нашъ утѣшался духъ!
Мы мнили, что сія ужасная година
Не только будетъ зла,—но и добра причина;
Что раззореніе, пожары и грабежъ,
Враговъ неистовство, коварство, злоба, ложь,
Собратій нашихъ смерть, страны опустошенье,
Къ Французамъ поселятъ на вѣки отвращенье;
Что поруганье дѣвъ, убійство женъ, дѣтей,
Развалины градовъ и пеплъ святыхъ церквей
Межъ нами положить должны преграду вѣчну;
Что̀ будемъ ненависть питать къ нимъ безконечну
За мысль одну: народъ Россійскій низложить!
За мысль: что будетъ Россъ подвластнымъ Галлу жить!...
Я мнилъ, что зарево пылающей столицы
Освѣтитъ наконецъ злодѣевъ мрачны лицы;
Что въ страшномъ семъ огнѣ пристрастіе сгоритъ;
Что огнь сей—огнь любви къ отчизнѣ воспалитъ;
Что мы, сразивъ врага и наказавъ кичливость,
Окажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ имъ должну справедливость;
Познаемъ, что спаслись мы благостью небесъ,
Прольемъ раскаянья потоки горькихъ слезъ,
Что подражанія слѣпаго устыдимся,
Къ обычьямъ, къ языку родному обратимся.
Но, что жъ, увы, но что жъ вездѣ мой видитъ взоръ?
И въ самомъ торжествѣ я вижу нашъ позоръ!
Рукою побѣдя, мы рабствуемъ умами,
Клянемъ Французовъ мы Французскими словами.
Толпы сихъ плѣнниковъ, грабителей, убійцъ,
Въ Россію вторгшися, какъ стаи хищныхъ птицъ,
Гораздо болѣе вдыхаютъ сожалѣнья,
Чѣмъ Росски воины израненны въ сраженьяхъ!
И сихъ разбойниковъ,—о, стыдъ превыше силъ,—

Во многихъ я домахъ друзьями находилъ!
Но что? Дѣтей своихъ ввѣряли воспитанье
Развратнымъ бѣглецамъ, которымъ воздаянье
Одно достойно ихъ—на лобномъ мѣстѣ казнь!
Вандама ставили за честь себѣ пріязнь,
Который кровію гражданъ своихъ дымится,
Вандама,—коего и Франція стыдится!
А барынь и дѣвицъ чувствительны сердца
(Хотя лишилися—кто мужа, кто отца)
Столь были тронуты Французовъ злоключеньемъ,
Что всѣ наперерывъ metались съ утѣшеньемъ.
Поруганный законъ, сожженье городовъ,
Убійство тысячей, сиротъ рыданье, вдовъ,
Могила свѣжая Москвы опустошенной,
Къ спасенью жертвою святою опредѣленной,—
Забыто все. Зови Французовъ къ намъ на балъ!
Всѣ скачутъ, всѣ бѣгутъ къ тому, кто ихъ позвалъ!
И вотъ прелестныя Россійскія дѣвицы,
Руками обхватясь, уставя томны лицы
На раззорителей отеческой страны
(Достойныхъ сихъ друзей, питомцевъ Сатаны),
Вертятся вихрями, себя позабываютъ,
Французовъ—языкомъ Французскимъ восхищаютъ.
Иль брата, иль отца на комъ дымится кровь—
Тотъ дочкѣ, иль сестрѣ болтаетъ про любовь!...
Тамъ—мужа свѣтлый взоръ мракъ смертный покрываетъ,
А здѣсь—его жена его убійцъ ласкаетъ....
Но, будетъ, отвратимъ свой скорбный взоръ
Отъ гнусныхъ тварей сихъ, Россіянокъ позоръ;
Благодаря судьбамъ, избавимся мы плѣнныхъ,
Забудемъ сихъ невѣждъ, развратниковъ презрѣнныхъ!
Намъ должно бъ ихъ языкъ изгнать, забыть на вѣкъ.
Кто имъ не говоритъ—у насъ не человѣкъ,
Въ отличныхъ обществахъ того не принимаютъ,
Будь знающъ и уменъ—невѣждой называютъ.
И если кто дерзнетъ противное сказать,
Того со всѣхъ сторонъ готовы осмѣять;
А быть осмѣяннымъ для многихъ сколь ужасно!
И рѣдкій пустится въ столь поприще опасно!...
Мой другъ, терпѣніе!... Вотъ намъ съ тобой удѣлъ.
Знать время язвѣ сей положитъ лишь предѣлъ.
А мы свою печаль сожмемъ въ сердцахъ унылыхъ,
Доколь сносить, молчать еще мы будемъ въ силахъ....

Москва.
Сентябрь.
1814.

Книжка. Записки графа А. И. Рибопьера. Цѣна 3 рубля.

1877 годъ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записка графа Гордта о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ. Записки графа А. И. Рибопьера. Н. И. Второвъ (очерки провінціальной умственной жизни), статьи М. Ө. Де-Пуле. Самаринъ-ополченецъ. А. П. Елагина. Разсказы Толычовой. Цѣна 3 рубля.

1877 годъ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о Французской революціи князя А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Записки короля Людовика XVIII-го объ его жизни въ Россіи. Дневникъ графа А. Г. Бобринскаго. Записки декабриста П. И. Фаленберга. Депеши изъ Парижа князя А-я Б. Куракина. Разсказы графа М. А. Мамонова. Записки о войнѣ 1829 года И. Г. Поливанова. Цѣна 3 рубля.

ТАМЪ ЖЕ

(ПО ОДНОМУ РУБЛЮ, ПЕРЕСЫЛКА ЗА ОДИНЪ ФУНТЪ)

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,

сочиненіе профессора Ранке. Переводъ П. И. Бартенева.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ.

Въ 1878 г. (въ 4-й годъ изданія) Газета будетъ выходить 1 и, при случаѣ, 2 раза въ недѣлю, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ и давать въ теченіи года до 300 художественно выполненныхъ рисунковъ. Цѣль ея—сообщать читателямъ въ сжатомъ видѣ, со всевозможною полнотою и отчетливостію, всѣ новости наукъ и искусствъ, событія, распоряженія правительства, торговыя вѣсти, открытія, усовершенствованія, всѣ интересы дня и вопросы, занимающіе міръ. Постоянно помѣщаются статьи для легкаго чтенія: повѣсти, романы, разсказы, путешествія, анекдоты, а также критика и библіографія, моды и пр. Въ изданіи Газеты принимаютъ участіе лучшіе художники и извѣстные наши ученые литераторы, какъ-то: гг. Ө. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, П. А. Кулишъ, Н. И. Костомаровъ, А. Ө. Писемскій, Ольга Н., А. Шкляревскій, В. Московскій и др.

Это изящное изданіе, по внѣшнему своему виду и рисункамъ, нисколько не уступаетъ лучшимъ иллюстрированнымъ журналамъ Европы: по дешевизнѣ же своей (3 руб. въ годъ безъ пересылки), представляетъ явленіе не бывалое.

Подписная цѣна СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ: на годъ—4 р., на ½ года—2 р. 25 к., на ¼ года—1 р. 25 к., на 1 мѣс. 50 к.

Года 1875 и 1876 можно получать каждый по 3 р., а въ изящномъ переплетѣ по 4 р. На пересылку прилагается 75 к.

Адресъ: Москва, Арбатъ, домъ Общества Русскихъ Врачей

КАЛЕНДАРЬ на 1878 г. А. ГАТЦУКА, полнѣйшій изъ календарей, иллюстрированный множествомъ портретовъ и рисунковъ. Цѣна 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к. За пересылку прилагаетя за 2 фунта.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: *Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ шестнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. **3.**

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1878.

(**См. на внутренней сторонѣ задней обертки**)

Турецкая война при императрицѣ Аннѣ.

Современная рукопись.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Писанное въ 1836-мъ году.

Въ библіотекѣ графа М. С. Воронцова находится значительное собраніе разнаго рода рукописей, доставшихся ему частію отъ родственниковъ, занимавшихъ, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, важныя государственныя должности, а частію имъ самимъ собранныхъ. Въ числѣ этихъ рукописей есть одна подъ заглавіемъ: *Записка о томъ, сколько я памятую о Крымскихъ и Турецкихъ походахъ.* Сочинитель сей записки былъ, какъ видно изъ самой рукописи, въ походѣ 1736 года, адъютантомъ генералъ-маіора Бирона; а въ походахъ 1737, 1738 и 1739 годовъ, адъютантомъ генералъ-маіора Левендаля. Я не могъ узнать имени и фамиліи сочинителя ни изъ самой рукописи, ни изъ Записокъ Манштейна, участвовавшаго въ сихъ походахъ.

Въ этой рукописи описаны походы 1736, 1737, 1738 и 1739 годовъ, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха. Она показалась мнѣ такъ любопытною и занимательною, что я, пользуясь благосклоннымъ вниманіемъ графа Михаила Семеновича, представляю ее читателямъ [1]. Болѣе всего завлекательна въ ней простота разсказа. Это памятная записка человѣка, не писавшаго для потомства, не имѣвшаго въ виду занять мѣсто между современными историками, но желавшаго сохранить на бумагѣ память о совершенныхъ имъ походахъ и, вѣроятно, на закатѣ своей жизни, разсказывавшаго въ тиши кабинета дѣянія давно минувшихъ лѣтъ. Записки этого рода неоцѣненны, какъ матеріалы для отечественной исторіи. Слогъ рукописи сохраненъ со всею точностію. Желая сдѣлать ее для читателей, сколько возможно понятнѣе, не излишнимъ считаю бросить краткій историческій взглядъ на описываемыя въ оной эпохи.

---

[1] Мы обязаны искреннею благодарностію особѣ, доставившей намъ эту любопытную статью. Записка эта живо напоминаетъ намъ прежнее время Новороссійскаго края, то время, когда могучій орелъ Россійскій только трепетомъ крылъ своихъ покрывалъ еще широкія наши степи, нынѣ такъ быстро населяющіяся и богатѣющія подъ благодѣтельнымъ скипетромъ самодержавія. Примѣч. Редакт. Одесскаго Вѣстника (1837), гдѣ первоначально появилась эта рукопись.

Безпрестанные набѣги Крымскихъ Татаръ и Нагайцевъ на Россійскія владѣнія и оставленіе Оттоманскою Портою безъ вниманія жалобъ и представленій, дѣланныхъ Россійскимъ дворомъ, были одною изъ главныхъ причинъ войны 1736 и послѣдующихъ годовъ. Крымскимъ ханомъ былъ въ то время *Капланъ-Гирей*, принявшій въ третій разъ бразды правленія. Въ 1735 году генералъ-поручикъ Леонтьевъ получилъ приказаніе разорить земли Нагайскихъ Татаръ, обитавшихъ въ степяхъ между Крымомъ и Украйною и предать тамъ все огню и мечу. Онъ не могъ выступить въ походъ ранѣе Октября мѣсяца. Позднее время года, недостатокъ въ съѣстныхъ запасахъ и подножномъ кормѣ, и наконецъ умноженіе болѣзней, принудили прекратить въ скоромъ времени этотъ походъ, окончившійся только опустошеніемъ нѣсколькихъ Нагайскихъ ордъ. Войско вступило обратно въ Украйну въ концѣ Ноября, въ самомъ дурномъ положеніи, потерявъ болѣе 9.000 человѣкъ.

Этотъ неудачный походъ генерала Леонтьева не остановилъ дальнѣйшихъ намѣреній Россійскаго двора; а потому, не смотря на возраженія государственнаго канцлера графа Остермана, не взирая на посредничество иностранныхъ державъ и даже на желаніе самой Порты доставить требуемое удовлетвореніе, фельдмаршалъ графъ Минихъ получилъ повелѣніе императрицы Анны Іоанновны выступить въ походъ и, вслѣдствіе того, этотъ дѣятельный военачальникъ открылъ войну 1736 года.

Она началась взятіемъ Азова. Въ концѣ Апрѣля все войско двинулось къ Перекопу. Война была ведена блистательнымъ образомъ; но походъ былъ кровавый. Раззоренные города, дымящіяся деревни и груды камней означили быстрый походъ Миниха, получившаго названія: *Столпа Россійской имперіи* и *Сокола*. Перекопская линія взята была приступомъ. Козловъ (Евпаторія) былъ сожженъ отчасти Татарами, а отчасти Русскими. Бакчисарай, столица Крымскихъ хановъ, разграбленъ, и какъ дворецъ, такъ и городъ обращены въ пепелъ. Таже участь постигла Акмечеть (Симферополь). Графъ Минихъ располагалъ идти далѣе къ Кафѣ (Ѳеодосіи), гдѣ скрылись Турки; но сильные жары, породившіе множество опасныхъ болѣзней, заставили его возвратиться къ Перекопу. Ожесточенные жители-Татары,. удаляясь въ горы, выжигали сами деревни и истребляли все, даже воду, чтобы лишить Русскихъ возможности достать себѣ что-либо на возвратномъ пути. Это была какая-то жажда истребленія съ обѣихъ сторонъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ войска вступили въ Украйну на зимнія квартиры.

Такъ кончился славный походъ въ Крымъ, сдѣлавшій много шуму въ иностранныхъ государствахъ, покрывшій славою главнаго военачальника, но не доставившій Россіи никакой существенной выгоды. Опасенія графа Остермана исполнились и, если справедливо, что самыя блестящія войны суть великія бѣдствія въ сущности, то истина эта сильно подтвердилась настоящимъ походомъ. Россія потеряла половину своихъ войскъ, и притомъ не отъ битвъ, а отъ болѣзней и разнаго рода недостатковъ; и въ слѣдующемъ же году Татары, раздраженные понесеннымъ ими опустошеніемъ, опять начали свои набѣги.

Въ 1737 году дѣйствовали противъ Турокъ уже двѣ отдѣльныя арміи; главная, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха, обратилась къ Очакову и Днѣстру; а вторая армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Ласія, дѣйствовала противъ Крыма. Сочинитель «Записки», бывшій въ первой арміи,

описываетъ ея дѣйствія. Самое достопримѣчательное происшествіе войны 1737 года было взятіе Очакова. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ войско, состоявшее изъ 70.000 человѣкъ, выступило въ походъ. Въ концѣ Іюня оно прибыло къ рѣкѣ Бугу, а въ половинѣ Іюля расположилось лагеремъ у Очакова. Несмотря на неудачный приступъ къ городу, въ которомъ Русскіе потеряли много убитыми и ранеными, Очаковъ былъ взятъ. Счастіе и здѣсь не оставило своего любимца.

Фельдмаршалъ Минихъ, потерявъ въ сраженіяхъ и отъ болѣзней нѣсколько тысячъ человѣкъ, возвратился въ Августѣ мѣсяцѣ въ Украйну, оставивъ въ Очаковѣ гарнизонъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Стефельна. Въ теченіе осени Турки осадили Очаковъ; но, потерявъ въ разныхъ вылазкахъ и сраженіяхъ до 20.000 человѣкъ, принуждены были оставить свое намѣреніе.

Походъ 1738 года кончился ничѣмъ. Фельдмаршалъ Минихъ выступилъ въ началѣ Мая и, послѣ разныхъ незначительныхъ ошибокъ, дошелъ до Днѣстра. Простоявши нѣсколько времени въ виду непріятельской арміи, расположенной на той сторонѣ рѣки, онъ возвратился, въ началѣ Сентября, въ Украйну, на зимнія квартиры. Войско много потерпѣло, въ особенности отъ недостатка фуража и подножнаго корма, который былъ выжигаемъ Татарами.

Послѣдній походъ 1739 года былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ. Фельдмаршалъ Минихъ, переправившись чрезъ Днѣстръ, разбилъ Турокъ при д. Ставушанахъ, взялъ безъ сопротивленія Хотинъ, овладѣлъ Молдавіею и занялъ Яссы. Онъ располагалъ взять Бендеры, а потомъ перейти Дунай и проникнуть далѣе въ Турецкія владѣнія; но миръ, заключенный въ Бѣлградѣ, положилъ предѣлъ его намѣреніямъ и окончилъ пятилѣтнюю войну, стоившую Россіи до 100.000 человѣкъ и многочисленныхъ издержекъ и не доставившую ей никакой существенной пользы.

С. С. [1]).

*

ЗАПИСКА О ТОМЪ, СКОЛЬКО Я ПАМЯТУЮ О КРЫМСКИХЪ И ТУРЕЦКИХЪ ПОХОДАХЪ.

Въ 1736 году, армія, собравшись при Царицынѣ, выступила оттуда въ походъ съ запаснымъ, на шесть недѣль, провіантомъ, который при полкахъ состоялъ въ толченыхъ сухаряхъ; при чемъ, какъ офицеры, такъ и солдаты должны были, сколько возможно было, уменьшить число артельныхъ своихъ телѣгъ. Все сіе чинено было въ томъ намѣреніи, чтобы меньше имѣть багажу, и чтобы оный можно было везти въ замкнутомъ кареѣ. Бывшій потомъ фельдмаршаломъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой оставленъ былъ въ Украйнѣ для закупки провіанта и для отправленія онаго въ армію; а дабы оный тѣмъ надежнѣе препроводить, то на походѣ арміи, въ извѣстныхъ разстояніяхъ отъ границы до Перекопа, построены были редуты и фельдшанцы, въ коихъ оставлены небольшіе гарнизоны изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, для прикрытія подвозимаго провіанта и проѣзжающихъ курьеровъ. На каждый полкъ взято было по нѣскольку бочекъ пива для ободренія, временемъ, утомленныхъ солдатъ, кои во весь походъ иной пищи не имѣли, кромѣ своего провіанта и воды; да и та по большей части была негодная, а

[1]) Подъ этими буквами вѣроятно скрыто имя Степана Васильевича Сафонова, бывшаго секретаремъ графа (впослѣдствіи князя) М. С. Воронцова. П. Б.

иногда и совсѣмъ оной достать было не можно. Порожнія бочки употреблялись послѣ для воженія съ собою, въ нужномъ случаѣ, воды.

Послѣ всѣхъ сихъ пріуготовленій и распоряженій, армія, вступая въ походъ, строила отъ разстоянія до разстоянія редуты и дошла до Черной Долины, не будучи много обезпокоивана непріятелемъ, который только по временамъ показывался разными партіями, но тотчасъ назадъ отступалъ.

У Черной Долины полковникъ Виттенъ съ 1.500 драгунъ и нѣсколькими казаками, коихъ числа не упомню, командированъ былъ для присматриванія за непріятелемъ, близко ли онъ находится и въ какомъ числѣ. Отошедъ около 12 верстъ отъ арміи, нашелъ онъ непріятеля, который былъ по крайней мѣрѣ въ 60.000, тотчасъ началъ его окружать и стрѣлами по немъ стрѣлять. Но прежде нежели непріятель совершенно его окружилъ, отправилъ онъ офицера къ фельдмаршалу и требовалъ сикурсу. Генералъ-маіоръ Шпигель, взявъ съ собою 200 человѣкъ гренадеровъ, поспѣшилъ къ нему на сикурсъ, а за нимъ слѣдовалъ самъ фельдмаршалъ съ двумя эскадронами конницы и нѣкоторымъ числомъ казаковъ. Фельдмаршалъ настигъ генерала Шпигеля въ 4 верстахъ отъ полковника Виттена; но, усмотря большую непріятельскую силу и опасаясь, дабы отрѣзаннымъ не быть и арміи безъ командира не оставить, а притомъ отправить сильнѣйшій сикурсъ, поспѣшалъ назадъ къ арміи и гонимъ былъ Татарами, которые одного изъ его адъютантовъ ранили. Оные Татары, прошедъ между генераломъ Шпигелемъ и полковникомъ Виттеномъ, не дали имъ соединиться, а притомъ со всѣхъ сторонъ ихъ окружили. Нападенія ихъ продолжались даже до захожденія солнца, однако съ весьма малымъ съ нашей стороны урономъ. Между ранеными находились генералъ Шпигель съ двумя раненными жъ его гренадерами и двумя мертвыми; а изъ драгунъ и казаковъ убито и ранено было около 40 человѣкъ.

Фельдмаршалъ, прибывъ по захожденіи солнца въ лагерь, командировалъ тотчасъ на сикурсъ генерала Леонтьева съ 4 пѣхотными полками. Онъ выступилъ въ 11 часу вечера и прибылъ около 2 часовъ по полуночи къ генералу Шпигелю. Татары принуждены были назадъ отступить, и оба соединились съ полковникомъ Виттеномъ. Главная армія выступила въ 4 часа поутру и пришла къ нимъ въ 7 часу на то мѣсто, гдѣ стоялъ и атакованъ былъ полковникъ Виттенъ. Непріятель находился въ двухъ верстахъ отъ нихъ, но скоро назадъ отступилъ и, перестрѣливаясь съ нашими легкими войсками, раздѣлился потомъ вокругъ всего карея и, продолжая симъ образомъ насъ обезпокоивать, старался всячески изнурить армію и походъ ея остановить, въ чемъ ему и удалось: потому что за потеряніе всей арміи почитали, если бы сдѣлалася хотя малая прорѣха, въ которую бы онъ въ карей ворваться могъ. По сей причинѣ маршировали мы весьма медленно: иногда въ обозѣ что нибудь изломается, или въ упряжкѣ хотя малое что повредится, то вся армія до исправленія починкою должна была остановиться; слѣдственно, не можно было и 500 шаговъ перейдти, чтобы паки не стоять полчаса и болѣе. Такимъ образомъ и при самыхъ малыхъ маршахъ невозможно было прежде 4 или 5 часовъ вечера въ лагерь прибыть; солдатъ, между тѣмъ, солнечнымъ зноемъ и худою пищею весьма изнуряемъ былъ, а скотъ, будучи во весь день въ упряжкѣ, не меньше страдалъ и истощевалъ, потому что все онаго число ночью, и то только въ

кареѣ, травою, сколько оной тамъ было, питаться и часто цѣлые сутки и болѣе безъ воды быть принуждено было. Если кто, противу даннаго приказу, утомленную свою лошадь за рогатки выпуститъ, то уже та лошадь вѣрно непріятелемъ либо взята, либо ранена и къ употребленію негодною сдѣлана была. Я долженъ здѣсь напомянуть, что въ маршированіи кареемъ особливой нужды не было для войска, и что гораздо бы выгоднѣе было для войска, если бы полки обенфасовъ [2]) колонною маршировали, въ которомъ случаѣ могли бы они всегда столь скоро, какъ того нужда бы востребовала, формироваться для прикрытія обозу. Можно легко себѣ представить, что такой великій фрунтъ, будучи стѣсняемъ примкнувшимся къ нему багажемъ, въ прямой линіи всегда маршировать не можетъ; но оная иногда выгибалась, а иногда и перерывалась; а дабы до сего не допустить, то во время маршу должно было безпрестанно выравниваться, то къ правому, то къ лѣвому флангу, и такимъ образомъ солдатъ, дѣлая почти двойной маршъ, еще болѣе утомляемъ былъ. Со всею сею предосторожностію, однажды нѣсколько Татаръ, между Перекопомъ и Козловымъ, при переходѣ чрезъ неглубокую воду, сдѣлали въ линіи прорѣху. Я не думаю, чтобъ Татары, при маршированіи колоннами, на то отважились; не могли они никакого вреда сдѣлать, потому что невозможно было имъ сквозь стѣсненный обозъ далѣе 30 или 40 шаговъ пробиться. Къ тому же всѣ фурлейты или извощики и офицерскіе слуги, находящіеся при обозѣ, снабжены были ружьями, копьями и саблями; послѣдніе оба рода оружія могли въ семъ случаѣ имѣть нѣкоторую пользу, а первый только при фуражированіи, но не въ кареѣ. И самый сей случай былъ тому доказательствомъ: ибо, какъ скоро только голосъ до передняго фасу дошелъ, что непріятель назади въ обозъ ворвался, то всякій, въ переднемъ фасѣ, за должность свою признавалъ назадъ стрѣлять, и такимъ образомъ стрѣляли по своимъ собственнымъ людямъ. Непріятель давно уже выгнанъ былъ, а стрѣльбы сей пресѣчь было невозможно, и удивительно, что отъ сего безпорядка бóльшаго вреда людямъ не приключилось. Рогатки, и по моему мнѣнію, необходимо нужны для безопасности лагеря и для доставленія въ немъ солдатамъ покоя, особливо въ такой землѣ, гдѣ вездѣ гладкое и ровное поле, и гдѣ ни фрунтъ, ни фланги, ниже затылокъ лагеря ничѣмъ прикрыть не можно, и гдѣ такой легкій и нерегулярный непріятель однимъ только всегдашнимъ тревоженьемъ старается утомить своего непріятеля, а отъ сраженія и баталій вовсе убѣгаетъ и ничѣмъ къ тому понуждаемъ быть не можетъ. Иное дѣло съ Турками и въ такой землѣ, гдѣ есть горы, лощины, рѣки, переправы, болота и прочее. Можно было противъ сего возразить, что и непріятель самъ чрезъ то утомляется и наконецъ сей образъ воеванія оставить долженъ; но надо разсудить, что онъ къ сему тревоженію употребить можетъ только третью часть своего войска, отступая назадъ съ остальнымъ на нѣсколько верстъ отъ арміи, гдѣ кормитъ своихъ лошадей, самъ отдыхаетъ и имѣетъ свой покой другихъ смѣнить, а притомъ служитъ на конѣ, не печется нимало ни о своемъ провіантѣ, ни о подвозѣ онаго, находитъ пропитаніе свое въ оставленныхъ нами лагеряхъ, отъ падшихъ и за

---

[2]) Непонятное намъ слово. *П. Б.*

негодностію къ употребленію брошенныхъ лошадей и прочаго скота; знаетъ всѣ мѣста своей степи и потому въ водѣ никогда или весьма рѣдко нужду терпитъ, и въ такомъ случаѣ оной нуждѣ помогаетъ кобыльимъ молокомъ. Напротивъ того, солдатъ идетъ пѣшкомъ, несетъ на себѣ немалую тягость и часто, когда лошади совсѣмъ изъ силы выбьются, часто самъ тащить долженъ телѣгу и свой провіантъ, кромѣ хлѣба и воды иной пищи не знаетъ, по недостатку въ дровахъ весьма рѣдко кашу себѣ сварить можетъ, въ лагерѣ безпрестаннымъ отъ непріятеля тревоженьемъ лишенъ сна и нужнаго покоя; а наконецъ, всякими болѣзнями, яко лихорадками, горячками и кровавыми поносами и прочими одержимъ будучи, здоровыхъ заражаетъ, и такимъ образомъ цѣлую армію приводитъ въ несостояніе исполнять повелѣнія монаршія. Что касается до пикъ, которыя мы съ собою возили и на рогатки накладывали; то я въ нихъ никакой пользы не признавалъ, и оныя никогда употреблены не были.

При такомъ трудномъ маршѣ и безпрестанномъ тревоженьи, армія пришла къ Перекопу, а непріятель перебрался за линію свою въ Крымъ. Фельдмаршалъ, постоявъ дня съ два или три предъ крѣпостью и сдѣлавъ между тѣмъ два редута и нѣсколько батарей для стрѣлянья по крѣпости, командировалъ генерала-квартирмейстера Штофельна, чтобъ, осмотря линію, сыскать такое мѣсто, гдѣ бы оная была не починена и можно бы ее атаковать приступомъ. По рапорту оказалось, что невозможно учинить приступа, развѣ съ превеликимъ урономъ арміи, ежели непріятель столь храбро оную оборонять будетъ, какъ число находящагося позади оной его войска велико. Но какъ фельдмаршалъ твердо намѣренъ былъ идти на приступъ, то онъ, утаивъ сей рапортъ, отдалъ приказъ, чтобы большая часть арміи, по захожденіи солнца, выступила ордеромъ баталіи въ двѣ линіи, чтобы ночью приступить къ лѣвому флангу Перекопской линіи и на разсвѣтѣ идти къ ней приступомъ; достальная часть арміи должна была около полуночи дѣлать фальшивую атаку къ крѣпости и къ линіи, простирающейся къ Гнилому морю. Все сіе исполнено было порядочно, и фальшивая атака причинила, что вся Татарская сила перешла на правый ея флангъ, чтобы на той сторонѣ крѣпость и линію прикрыть и оборонить. Какъ же наши на разсвѣтѣ начали приступать къ находящейся по лѣвую сторону отъ Перекопа части линіи, то мы инаго сопротивленія не нашли, какъ отъ башенъ; но оныя намъ нимало вредить не могли, потому что мы тотчасъ подобрались подъ ихъ пушки, и они болѣе 10-ти выстрѣловъ по насъ учинить не могли.

Три шеренги арміи спустились въ ровъ, а четвертая, которая несла рогатки, остановилась на краю онаго. Ровъ глубиною былъ, по крайней мѣрѣ, въ три сажени, и приступныхъ лѣстницъ съ нами ни единой не было; почему для солдатъ иного не оставалось, кромѣ того, что одинъ солдатъ другому на плеча становился, штыки въ землю втыкалъ, и такимъ образомъ на верхъ взойти домогался. Черезъ полчаса всѣ три шеренги взошли на верхъ и вступили въ Крымъ. Коль скоро вскрываніемъ вала засыпано было нѣсколько сажень во рву, то и четвертая шеренга съ рогатками и съ полковою нашею артилеріею туда же перешла, такъ что около 10-го часа всѣ стояли уже въ ордерѣ баталіи. Башни были взяты, и, по принятіи въ полонъ гарнизоновъ, нами заняты, а армія до 4-хъ часовъ по полудни отдыхъ имѣла. Непріятель отступилъ внутрь Крыма и оставилъ

только гарнизонъ въ Перекопской крѣпости. Въ 5-мъ часу по полудни, фельдмаршалъ маршировалъ двумя колоннами мимо крѣпости и почти подъ пушками оной. Сіе дѣлалъ онъ нарочно для того, чтобъ увидѣть, какъ она обороняться будетъ; а какъ изъ оной учинено было только нѣсколько выстрѣловъ, безъ всякаго намъ вреда, то онъ тотчасъ велѣлъ требовать сдачи и, по нѣсколькимъ съ ихъ стороны учиненнымъ трудностямъ, выслали они еще тогожъ вечера аманатовъ въ лагерь; а съ нашей стороны посланъ былъ къ нимъ генералъ-маіоръ Биронъ, при которомъ я тогда былъ адъютантомъ, и еще въ туже ночь заключена была капитуляція, а на другой день поутру заняли мы крѣпость.

Фельдмаршалъ надѣялся найдти въ семъ мѣстѣ многочисленный магазинъ; но, вмѣсто того, оказалось, что оный весьма невеликъ: едва онаго стать можетъ на 4 мѣсяца двумъ полкамъ, оставленнымъ подъ командою господина полковника Девица для содержанія гарнизона въ сей крѣпости; почему долженъ бы онъ былъ оставить свой маршъ далѣе въ Крымъ, если бы его не увѣрили, что въ деревняхъ по Козловской дорогѣ нѣсколько, а въ самомъ Козловѣ весьма довольно хлѣба находится. Сіе побудило его продолжать свой маршъ и въ тоже самое время отправить генерала Леонтьева съ корпусомъ къ Кинбурну для взятія онаго, подтверждая притомъ князю Трубецкому объ отправленіи въ Перекопъ запаснаго провіанта.

Какъ скоро армія къ Козлову въ маршъ вступила, начали опять показываться Татары, яко обитателя сего острова и слѣдовали за нами со всѣхъ сторонъ; ночлеги ихъ были всегда въ семи или восьми верстахъ отъ насъ, что они до тѣхъ поръ продолжали, какъ генералъ-фельдмаршалъ, въ одну ночь, генералу-маіору Геину приказалъ на нихъ учинить нечаянное нападеніе, при которомъ случаѣ они весьма много потеряли, и хотя наши Донскіе казаки недосмотрѣніемъ вышеупомянутаго генерала-маіора также нѣкоторый уронъ претерпѣли, однако Татары съ того времени всегда подъ вечеръ больше отъ насъ удалялись, а при восхожденіи солнца, хотя и не всѣ, а по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ опять къ намъ возвращалась.

Армія начинала уже имѣть недостатокъ въ провіантѣ, чего ради, при выступленіи изъ лагеря, отъ каждаго полку отправляемы были всегда по двѣ порожнихъ телѣги, подъ прикрытіемъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, кои по обѣимъ флангамъ арміи внѣ карея маршировали и, если гдѣ верстахъ въ двухъ или трехъ въ сторонѣ увидятъ деревню, должны были туда слѣдовать для исканія хлѣба, коего нѣсколько и находили въ землѣ зарытаго, такъ что на иной полкъ доставалось по три и по четыре четверти. Оный хлѣбъ въ ручныхъ мельницахъ, кои каждая рота при себѣ имѣла, ночью мололи;но къ печенію не доставало ни дровъ, ни печи, ниже потребнаго къ тому времени; почему они должны были муку варить на подобіе киселя; а гдѣ случались дрова, тамъ, сдѣлавъ лепешки, жарили оныя на огнѣ. Многіе и немолотый хлѣбъ жарили и такъ его ѣли; а иные ѣли и совсѣмъ сырой: ибо, по претерпѣніи дневнаго труда и солнечнаго зноя, казалось имъ несносною тягостью оный ночью молоть, отчего послѣдовалъ у многихъ поносъ, и число больныхъ весьма умножилось. Многіе померли, и нѣкоторые полки, при возвратномъ къ Перекопу пути, не имѣли и 200 человѣкъ здоровыхъ въ шеренгахъ и рядахъ; а для прикрытія обоза и артилеріи, которые также знатно уменьшились, маршировали полки въ двѣ шеренги, и то

весьма въ немаломъ разстояніи человѣкъ отъ человѣка. Отъ уменьшенія офицерскаго багажа и артельной повозки, офицеры и солдаты претерпѣвали во всемъ потребномъ нужду. Каждый офицеръ радъ былъ, когда изъ привезеннаго хлѣба ему съ шляпу для людей его дадутъ. Я самъ за одинъ маркитантскій хлѣбъ и за худой окорокъ, при возвращеніи къ Перекопу, шесть рублевъ заплатилъ; а скота во весь нашъ маршъ одинъ только разъ казаки между Перекопомъ и Козловымъ съ 4.000 овецъ достали, изъ котораго числа нѣсколько и по полкамъ роздано было, потому что весь скотъ отогнанъ былъ въ горы. Какъ артилерійскія, такъ подъемныя и драгунскія лошади весьма ослабѣли, и большая часть драгунъ шли наконецъ пѣшіе, ибо лошадей ихъ въ артилерійскую упряжку употребить должно было.

Артилерійскіе фурманы велики и по положенію въ штатѣ, въ разсужденіи припрягаемыхъ лошадей, весьма тяжелы, и на сто лошадей дано было только 4 запасныхъ. Послѣ четырехнедѣльнаго марша арміи вся артилерійская припряжная сбруя испорчена была, что̀ не мало останавливало весь маршъ; да и малое число свѣжихъ лошадей, кои вмѣсто измученныхъ во всѣ стороны употреблялись, также скоро изъ силъ вышли, которую нужду не прежде какъ въ походѣ 1739 года поправили, когда, по представленію генерала Левендаля, новое въ томъ распоряженіе сдѣлано было; ибо тогда, при выступленіи арміи отъ сборнаго мѣста въ запряжку, къ каждому орудію и къ амуціоннымъ и понтоннымъ фурамъ прибавлено было по нѣскольку лошадей, и, сколько мнѣ помнится, по 20 запасныхъ на каждыя сто, и только въ сей кампаніи армія съ артилеріею и понтонами порядочно маршировать въ состояніи была. Въ походахъ 37, 38, 39 годовъ, будучи адъютантомъ при генералѣ Левендалѣ, который сверхъ своей дивизіи и артилеріею командовалъ, узналъ я нужду, какую артилерійскіе офицеры претерпѣвали и которая на всю армію простиралась. Да иначе и быть не могло, если разсудить, сколь долго скотъ терпѣть можетъ, будучи четыре или пять мѣсяцевъ, каждый съ утра до ночи, обремененъ и запряженъ, а при томъ не получая во все то время ни зерна овса и питаясь въ ночное время въ замкнутомъ кареѣ одною травою, которой и найдти не можетъ столько, чтобы хотя половину досыта наѣсться. Иногда же одни и двое сутокъ безъ воды быть долженъ, при чемъ еще нетерпѣливость утомленнаго погонщика безъ всякой пощады его мучитъ и погоняетъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ мы возвратно чрезъ Крымъ къ границамъ своимъ маршировали.

На дорогѣ къ Козлову великій былъ въ водѣ недостатокъ, а особливо въ послѣдніе три дни. Хотя солдатамъ въ каждый изъ сихъ дней, давали по чаркѣ вина и велѣно имъ было свинцовую пулю во рту держать, а при аріергардѣ всегда было по бочкѣ вина для ободренія тѣхъ, кои отъ жару, жажды и безсилія изнемогали; однакожъ всѣ сіи способы были тщетны, и еслибъ всемилосердый Господь Богъ намъ въ послѣдній день, за двѣ мили отъ Козлова, не даровалъ толь сильнаго дождя, что солдаты выше башмаковъ въ водѣ стояли, то бы того дня нѣсколько тысячъ людей злосчастно и безъ всякой помощи погибли. Въ семъ-то случаѣ, я, смотря на фельдмаршала, видѣть могъ, сколько командиръ страждетъ, который, повелѣнія своего Государя исполняя и по благополучномъ успѣхѣ лаская себя пріобрѣтеніемъ вѣчной славы, по человѣчеству чувствуетъ нужду ближняго своего, уже при вратахъ смерти состоящаго и который, ко

всему сему употребляемъ будучи, еще сверхъ того съ стихіями бороться долженъ и, отъ солнечнаго зноя истаевая, ни одной капли воды не имѣетъ, коею бы самъ могъ жажду свою утолить.

Наконецъ пришли мы къ Козлову и нашли, что сіе мѣсто какъ гарнизономъ, такъ и жителями оставлено и ни одного человѣка въ ономъ не находится: ибо они, выбравши оттуда все, что̀ только возможно было, увезли. Со всѣмъ тѣмъ нашли мы тамъ еще довольное число пшеницы и ячменя. Въ семъ-то мѣстѣ полки паки запаслись хлѣбомъ, да и лошадямъ даванъ былъ въ немногіе тѣ дни, какъ тамъ стояли, настоящій кормъ. Однакожъ нѣкоторые, не имѣя о лошадиномъ кормѣ надлежащаго понятія и не зная мѣры, сыпали имъ сухой пшеницы и ячменя столько, сколько ѣсть хотѣли, надѣясь ихъ чрезъ то въ прежнее состояніе привести; но голодный скотъ столько сего сухаго хлѣба жралъ, что какъ ихъ послѣ поить водили, то оный сухой хлѣбъ, послѣ воды, разбухъ, и много сотъ лошадей отъ того околѣло. Доколѣ мы здѣсь стояли, солдаты мололи и пекли хлѣбъ, и армія взяла съ собою на восемь дней печеныхъ хлѣбовъ, а на три недѣли—зерномъ, чтобъ впередъ было что молоть. Но въ первые два марша должно было неотмѣнно третью часть онаго бросить, потому что лошади весьма пристали и не могли онаго везти. Мы маршировали къ Бахчисараю и, возвращаясь къ Перекопу, находили въ деревняхъ довольно хлѣба, но по большей части должны были оный оставлять: ибо лошади весьма ослабѣли, и не проходило почти ни одного дня, чтобы человѣкъ до ста въ каждомъ полку не употреблены были для возки на себѣ полковаго обоза; а въ водѣ мы не столько имѣли недостатка, какъ идучи къ Козлову, хотя оная и рѣдко хороша. Генералъ Леонтьевъ въ Кинбурнѣ и въ тамошнихъ мѣстахъ нѣсколько тысячъ овецъ и нѣкоторое число рогатаго скота въ добычу получилъ, изъ котораго нѣсколько прислано было въ армію, по прибытіи къ Перекопу.

Во время нашихъ въ Крыму маршей, полковникъ Девицъ долженъ былъ стараться въ лежащихъ около Перекопа Татарскихъ деревняхъ искать для насъ запаснаго хлѣба. Онъ, какъ въ тѣхъ деревняхъ, такъ и въ предмѣстьи Перекопскомъ, нѣсколько онаго въ землѣ зарытаго нашелъ, и армія запаслась онымъ почти на недѣлю; а между тѣмъ изъ Украйны еще ничего привезено не было. Фельдмаршалъ заключилъ возвратный маршъ, а предъ тѣмъ отправилъ моего генерала назадъ въ Украйну для понужденія скорѣйшаго транспорта идущаго къ арміи провіанта и для напоминанія князю Трубецкому, чтобъ онаго изъ Украйны еще столько, сколько потребно, отправить. Но онъ на всей дорогѣ никого не нашелъ и пріѣхалъ въ Украйну къ князю Трубецкому, который еще только намѣрялся первый транспортъ отпустить, что̀ и исполнилъ. И такъ солдатъ, на своемъ возвратномъ маршѣ, хотя голоду не терпѣлъ, но должно было порціи имъ уменьшить. Генералъ-маіоръ Шпигель съ своимъ корпусомъ болѣе всѣхъ претерпѣлъ. Фельдмаршалъ командировалъ его впередъ къ Молочнымъ Водамъ, съ бо̀льшею частію кавалеріи и съ нѣкоторымъ числомъ казаковъ, за три или за четыре дня до вступленія арміи въ маршъ изъ Перекопа, для того, чтобы Татаръ по сей дорогѣ изъ Крыма не выпустить. О семъ проходѣ онъ въ то время впервыя прослышалъ, а прежде того объ ономъ вовсе не зналъ. Фельдмаршалъ Ласси пользовался онымъ. Въ будущемъ году онъ намѣренъ былъ онымъ овладѣть; но большая часть Татаръ еще до прибытія ге-

нерала Шпигеля прошла, и онъ нашелъ себя такъ скоро, какъ только туда пришелъ, ими окруженнымъ, и они его весьма безпокоили. Онъ ожидалъ фельдмаршальскаго повелѣнія о томъ, когда и куда маршировать долженъ; но фельдмаршалъ о себѣ не могъ чрезъ курьера увѣдомить его, ибо Татары ихъ не пропускали. Правда, что фельдмаршалъ, по вступленіи своемъ въ маршъ изъ Перекопа, послалъ къ нему курьера съ повелѣніемъ, что̀ ему дѣлать; но оный Татарами былъ перенятъ, а какъ онъ втораго отправилъ, то и тотъ Татарами назадъ гонимъ возвратился, не видавъ генерала Шпигеля команды. Фельдмаршалъ простоялъ дня съ два и думалъ, что по утреннимъ и вечернимъ выстрѣламъ генералъ Шпигель узнаетъ, гдѣ фельдмаршалъ находится, и слѣдовательно не преминетъ въ ту сторону маршировать. Но Шпигель, который сего слышать не могъ, стоялъ въ своемъ мѣстѣ неподвижно; а фельдмаршалъ долженъ былъ, для того, чтобъ стоя не потратить напрасно своего провіанту, въ маршъ вступить. Шпигель, который не болѣе какъ дня на три или на четыре провіанту имѣлъ и о фельдмаршалѣ ничего не зналъ (а хотя бы и зналъ, однако вѣдалъ, что у него запаснаго провіанту быть не можетъ) принялъ намѣреніе силою открыть себѣ дорогу въ Бахмутъ сквозь Татаръ, что̀ онъ съ такимъ успѣхомъ исполнилъ, что непріятель его удержать не могъ, и онъ счастливо въ Бахмутъ пришелъ, хотя и принужденъ былъ позволить своей командѣ, которая нужду терпѣла, лошадей рѣзать и въ пищу употреблять. Какъ сей, такъ и слѣдующіе въ другіе годы походы кончились тѣмъ, что мы принуждены были взятыя мѣста паки оставить и на границы почти съ раззоренною арміею возвратиться, хотя непріятель чрезъ раззореніе трехъ своихъ городовъ и многихъ выжженныхъ деревень, также немало претерпѣлъ.

Генерально нахожу я, что маршъ чрезъ Крымъ много затрудненій имѣетъ, и ежели солдатъ и офицеръ нужды терпѣть не должны, то надлежитъ имъ дозволить слѣдующее:

1) Офицеру имѣть при себѣ такой обозъ, какой его обстоятельства ему дозволяютъ, а солдатамъ столько артельныхъ телѣгъ, сколько они содержать могутъ; со всѣмъ тѣмъ у нихъ ничего лишняго не будетъ. Фельдмаршалъ, извѣдавъ сіе опытомъ, въ слѣдующей кампаніи намъ въ томъ позволилъ, и по сей причинѣ мы никогда уже до такой крайности не доходили.

2) Чтобы провіантъ подвозимъ былъ порядочно и чтобы оный въ Перекопѣ складывать, дабы армія послѣ того, какъ нѣсколько недѣль въ Крыму кругомъ походитъ, опять къ своимъ магазинамъ приблизиться и отдохнуть могла.

3) Взять Крымъ и оный за собою удержать, кажется мнѣ, до тѣхъ поръ невозможнымъ, пока не будетъ въ Азовскомъ морѣ флота, который Туркамъ показаться и съ ними сразиться можетъ.

4) Взятіе Кафы, кажется мнѣ, также безъ флота великимъ трудностямъ подверженнымъ. Къ томужъ должно чрезъ великія горы переходить, куда транспорты провіанта требуютъ конвоя, отъ чего не только идущая впередъ армія слабѣе становится, но и опасаться должно, чтобы непріятель тѣхъ транспортовъ не разбилъ или перехватилъ; а безъ довольнаго провіанту рѣдко можно взять городъ, никогда же онаго за собою удержать не можно, особливо когда, по причинѣ отдаленности, порядочной комуникаціи съ своими границами имѣть нельзя. Напротивъ чего, непріятель можетъ оную ко-

муникацію всегда чрезъ флоты свои, находящіеся въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, имѣть и сохранить.

5) Весьма бъ отважно было полагать надежду свою на продукты земли, особливо ежели разсудить, что Татары своихъ лошадей и свой скотъ зимою и лѣтомъ въ степь пускаютъ и сѣна не болѣе запасаютъ, какъ только чтобы недѣли три или четыре прокормить лошадей, съ которыми намѣрены они въ сосѣдской землѣ сдѣлать нападеніе. О нашихъ лошадяхъ не уповаю, чтобы онѣ въ состояніи были тоже выдержать, а еще меньше, чтобы ихъ при такомъ кормѣ употреблять было можно къ перевозкѣ провіанта; а о имѣніи въ Крымскихъ крѣпостяхъ запасныхъ магазиновъ не столько Татары, сколько Турки стараніе имѣютъ.

6) При семъ корпусѣ должно быть довольному числу маркитантовъ, кои бъ все для солдата потребное съ собою взяли. Въ семъ походѣ было оныхъ весьма мало; а въ послѣдующихъ больше, потому что по именнымъ указамъ туда почти командированы были.

7) Положенныхъ по штату полковыхъ лошадей для сихъ походовъ недовольно, а должно ихъ больше быть, иначе налагаемаго на нихъ труда не снесутъ.

8) Артилерійскія, амуничныя и понтонныя фуры, какъ я уже выше упомянулъ, такъ тяжелы, что ихъ лошади такого долгаго марша никоимъ образомъ выдержать не могутъ. Учрежденіе ихъ штата въ такихъ походахъ никоимъ образомъ служить не можетъ; а должно въ упряжку имѣть болѣе, нежели штатомъ положено, также и запасныхъ на то больше, нежели штатомъ назначено: ибо во всѣхъ такихъ походахъ артилерія много къ разоренію арміи способствовала.

9) Понтоны, а особливо мостовыя доски, кои должно бросать на болотныя мѣста, нужны, и должно оныя везти съ собою: ибо случается проходить такими мѣстами, гдѣ вовсе лѣсу нѣтъ, а безъ онаго ничѣмъ себѣ помочь не можно.

10) Вино и сбитень корпуса имѣть должны. Сего послѣдняго армія въ 1737 годѣ не имѣла, и отъ того происходили жестокіе поносы, а въ послѣдующихъ походахъ весьма старались о имѣніи онаго.

11) Ежели я смѣю сказать свое мнѣніе о завоеваніи Крыма, то я сіе не почитаю за такое дѣло, которое бы въ одну кампанію совершить было возможно. Когда впервыя удастся взять Кинбурнъ и Перекопъ, то Татары заперты будутъ, особливо ежели построится при Молочныхъ Водахъ ретраншементъ для пресѣченія имъ сей дороги. Такимъ образомъ Украйна съ сей стороны будетъ совершенно безопасна. Покуда сіе въ первую кампанію исполняться будетъ, надлежитъ, по учрежденной въ послѣднемъ мирѣ границѣ (коя составляетъ отъ Днѣпра до Азовскаго моря около 150 верстъ и по двумъ рѣкамъ, Конскія Воды и Берды, простирается) редуты и ретраншементы построить, кои бъ провіантомъ, фуражемъ и всѣми потребностями для солдатъ снабжены были, дабы въ случаѣ, когда армія или корпусъ къ осени принуждены будутъ возвратиться, то бы тамъ имѣть могли свои винтеръ или кантониръ-квартиры; тогда-то можно будетъ Перекопъ и Кинбурнъ удержать за собою, и нужды не будетъ оные покидать, чтобъ на будущій годъ паки брать. Къ томужъ гарнизоны обоихъ сихъ мѣстъ чрезъ подкрѣпленія прикрыты быть могутъ; да и зимою, когда всѣ рѣки замерзнутъ, Татары не осмѣлятся на Украйну напасть: ибо они попались бы между двухъ огней, одинъ—сего корпуса, а другой—того, который въ Украйнѣ находится, а съ обѣихъ

сторонъ Донскими казаками и Запорожцами во фланги атакованы быть могли бы. Но самое важнѣйшее есть то, что тѣ, кои въ степи за старою линіею поселились, чрезъ то прикрыты бы были. Въ слѣдующемъ году корпусъ съ весны былъ бы уже въ Крыму и могъ бы дѣйствовать, не вредя своей упряжкѣ прежде употребительными маршами. Во время зимы можно бы имѣть магазинъ въ Перекопѣ и на будущій годъ изъ сихъ мѣстъ наполнить. Ежели года съ два такимъ образомъ противъ Крымцовъ подѣйствовать и, крѣпко тамъ засѣвши, лѣтомъ ихъ города и деревни раззорять, а ихъ самихъ въ ихъ полуостровѣ запереть: то я думаю, что они бы Россійскому скипетру скоро покорились и о принятіи ихъ подъ защищеніе Россійское сами просить будутъ; тогдажъ можно бы увѣрену быть, что гарнизоны или корпусъ, который должно будетъ тамъ содержать, себѣ пропитаніе найдутъ.

*

ПРИМѢЧАНІЕ О КАМПАНІИ 1737 ГОДА ПРОТИВЪ ОЧАКОВА.

Въ семъ году планъ учиненъ былъ дѣйствовать съ двумя арміями, а именно: главною, подъ командою генералъ-фельдмаршала Миниха, по той сторонѣ Днѣпра, противъ Очакова и до Днѣстра, а второю, подъ командою фельдмаршала Лассія, по прежнему, въ Крыму.

Недостатки случившіеся во время прежней кампаніи научили шефовъ не токмо офицерамъ, но и солдатамъ дозволять столько телѣгъ, сколько каждаго состояніе допускало, имѣть, чтобъ всѣмъ потребнымъ запастись. А для солдатъ везено было при арміи хлѣба и крупъ на пять мѣсяцевъ, почему опасность къ недостаткамъ и не предвидѣлась; при чемъ еще, когда провіантъ съ телѣгъ издержанъ бывалъ, скотъ солдатамъ для закланія розданъ. Однако сіе арміи немалое въ маршѣ препятствіе возбудило, ибо множество лошадей и скота требовало по пропорціи многаго корму; а хотя маршъ продолжался не инако, какъ по степямъ травянымъ, однако весьма трудно было болѣе двухъ дней въ одномъ лагерѣ корму достать. Наипаче нужда оказывалась въ упряжкѣ, когда по ту сторону Буга находились, гдѣ непріятель всю траву выжегъ; а хотя-жъ мѣстами нѣсколько корму сыскивалось, но для толь великаго множества все сіе было недостаточно.

Армія переправилась чрезъ Днѣпръ въ трехъ мѣстахъ, при Мишурномъ Рогѣ, въ Ласовкѣ и Орликѣ, и всѣ три дивизіи соединились въ сборномъ мѣстѣ при рѣкѣ Омельникѣ. Первые марши были весьма невелики, потому что полки всѣмъ потребнымъ и тѣмъ, чего въ поршедшемъ году лишились, еще совершенно снабжены быть не могли. Еще часть рекрутъ не прибыла, кавалерія ожидала лошадей, и большая половина находилась безъ-конная; артилерія терпѣла нужду въ амуниціи и въ лошадяхъ; провіантный на пять мѣсяцевъ запасъ равномѣрно еще не весь бывалъ, и все сіе въ первыхъ двухъ недѣляхъ во время марша ожидать надлежало, что̀ потомъ по малу и прибыло; токмо рекруты не всѣ еще приведены были, чего ради фельдмаршалъ, взявъ отъ трехъ полковъ мушкетеровъ, раздѣлилъ ихъ въ полки некомплектные, а штабъ-офицеровъ тѣхъ полковъ оставилъ съ унтеръ-штабомъ и гренадерскими ротами позади, повелѣвъ имъ идти въ Самару, гдѣ долженствовали, ожидая рекрутъ и ремонтныхъ лошадей, укомплектоваться. Прибывъ ремонтныя драгун-

скія лошади изъ отдаленныхъ провинцій весьма въ худомъ состояніи къ арміи (что̀ равномѣрно съ упряжкою и въ артилеріи происходило), стала оказываться малая надежда къ хорошему успѣху сей кампаніи. Но весьма малые марши, продолжившіеся до Ингула, гдѣ всюду хорошій кормъ найденъ, и что Татары во время марша препятствія не оказывали, привели въ такое исправное состояніе лошадей, что опять надежно было большой успѣхъ имѣть; но когда прошли мы Бугъ, гдѣ принуждены были по выжженнымъ степямъ маршъ продолжать, тогда вся упряжка такъ пострадала, что почти на голову разорилась. Я оставляю маршъ къ Очакову, а упомяну только объ осадѣ.

Признаюсь я, когда мы къ Очакову прибыли, продолжая маршъ три дни чрезъ выжженныя степи и найдя около онаго безкормицу, тогда едва-ли кто уповалъ сіе мѣсто занять, въ чемъ чаятельно самъ фельдмаршалъ сомнѣвался; ибо мѣстоположеніе и нужда въ кормахъ болѣе осьми дней тамо пробыть не дозволяли, и то еще въ такомъ случаѣ, когда непріятельская армія къ сикурсу не прійдетъ, въ каковомъ краткомъ времени довольно укрѣпленную крѣпость, какова Очаковъ была (будучи притомъ достаточною воинскою и съѣстною провизіею и къ оборонѣ почти тридцатью тысячами гарнизона снабжена) не легко взять можно. Мнѣ мнилось тогда, что фельдмаршалъ осаду сію только для одного виду предпріялъ, которую скоро и оставитъ.

Въ третій день по прибытіи нашемъ, послалъ фельдмаршалъ пять тысячъ человѣкъ работниковъ подъ прикрытіемъ къ отверстію апрошовъ, раздѣляя команду сію въ три части, изъ которыхъ каждая въ предстоящую ночь долженствовала по редуту накинуть, и бывшему потомъ генералъ-поручику Брадке досталось работу произвести со стороны Лимана, куда всякъ, спустя часъ по захожденіи солнца, къ назначенному для работы мѣсту и пошелъ.

Послѣ полуночи фельдмаршалъ съ прочимъ генералитетомъ, сѣвъ для осмотру работъ верхомъ, нашелъ первые два редута гораздо въ успѣшномъ состояніи; но Брадке, работа его и команда нигдѣ не найдены и разосланными болѣе двадцати человѣкъ офицерами въ цѣлый часъ не сысканъ. Напослѣдокъ я такъ счастливъ былъ онаго на гласисѣ крѣпости отыскать. Турки имѣли на сей сторонѣ и почти по всей крѣпости свои сады, изъ которыхъ каждый вмѣсто частоколу рвомъ и валомъ обнесенъ былъ, что̀ чаятельно фельдмаршалъ не зналъ, а уповалъ, что сіи такія линіи, позади которыхъ непріятель, пока въ городъ не войдетъ, обороняться станетъ.

Брадке, не сыскавъ ночью назначенное свое мѣсто, находясь съ своею двухтысячною командою въ заблужденіи, попавъ во рвы, старался изъ оныхъ, какъ ни есть, выходить; но, еще болѣе заблудясь, вышелъ къ самому гласису крѣпости. Непріятель нѣчто примѣчалъ о семъ въ крѣпости и на валахъ востревожился; а Брадке, убоясь, (если въ тишину не вдаться) вылазки, приказалъ всей командѣ лечь, пока въ крѣпости усмирилось, въ которомъ самомъ положеніи я его и нашелъ и, въ томъ оставя, фельдмаршалу рапортовалъ, котораго и самого туда отвелъ. Хотя фельдмаршалъ за неосторожность Брадке весьма огорченъ, однако симъ новымъ изобрѣтеніемъ лучшимъ образомъ пользовался. Брадке и другія команды должны были тогожъ часу къ фронту лагеря возвратиться и въ упованіи, что непріятель съ разсвѣтомъ сдѣлаетъ вылазку, приказано было противъ непрія-

теля идти; а сихъ командированныхъ, всѣми пикетами арміи, а оныхъ отъ всей же арміи гренадерскими ротами, а сихъ отъ каждаго полку однимъ баталіономъ подкрѣпить и, сбивъ непріятеля, всѣмъ вдругъ въ послѣднихъ близь гласиса находящихся рвахъ мѣсто занимать; туда же немедленно при баталіонахъ и полевой артилеріи слѣдовать, что̀ совершась счастливо окончено, такъ что подъ непріятельскія пушки подошли, и артилерія наша того часа по крѣпости дѣйствовать начала. Продолжаясь сіе около осьмнадцати часовъ, въ крѣпости сдѣлался жестокій пожаръ, котораго потушить уже средства не осталось. Безсчастіе Турковъ было сіе, что деревянные ихъ домы весьма другъ подлѣ дружки и подъ самымъ валомъ крѣпости близко построены были, чего ради и спастись не могли. Усмотря фельдмаршалъ, что Турки отъ валовъ крѣпости чаятельно для того отошли, дабы имѣющійся въ городѣ пожаръ утушить, и для того приказалъ генеральный штурмъ начать, что̀ самымъ дѣйствіемъ и произведено, при которомъ нашихъ убитыми и ранеными считалось около двухъ тысячъ человѣкъ; а между ранеными были изъ генералитета Кейтъ, Левендаль и другіе; однако войска чрезъ ровъ не могли перейдти. Между тѣмъ фельдмаршалъ желаніе свое совершилъ тѣмъ, что непріятеля съ пожара къ валамъ крѣпости обратилъ, чрезъ что пожаръ умножась до пороховыхъ погребовъ дошелъ, и когда оные подорвались, то уже безсчастіе осажденныхъ въ высшую степень обратилось, и непріятель въ нѣсколько часовъ отъ огня и подорванія пороховыхъ погребовъ болѣе двадцати тысячь человѣкъ потерялъ; а остальные въ самомъ краткомъ времени тогожъ себѣ ожидали, чего ради требовали капитуляціи, которая имъ не инако, какъ со взятіемъ въ плѣнъ и обѣщана, на что и согласились. Между симъ временемъ нѣкоторые изъ непріятелей искали на имѣющихся съ морской стороны судахъ спасеніе свое; однако почти всѣ побиты въ тотъ же самый часъ. Наши же войска ворвались въ крѣпость, и тѣмъ она за нами и осталась. Сколько упамятовать могу, плѣнныхъ не гораздо свыше трехъ тысячъ и самый малый остатокъ отъ тридцати тысячъ человѣкъ было, а прочіе всѣ чрезъ осьмнадцать часовъ погибли. Сей счастливый случай произвелъ въ седьмой день по прибытіи нашемъ, что съ арміею отмаршировать и свѣжую траву искать могли, оставя всю тяжелую артилерію и большое число всего полку въ Очаковѣ, который, за упадкомъ и худобою лошадей, никакъ съ собою взять невозможно было.

Предпріятое фельдмаршаломъ съ арміею дѣйствіе, что, идя внизъ по Бугу, чрезъ оный перешелъ, а потомъ простираясь опять по оному вверхъ, устремляя почти противъ Очакова походъ свой, оказывало (въ случаѣ, когда армія должна къ своимъ границамъ возвратиться) усмотрѣніе знатнаго полководца: ибо тѣмъ оставленному въ камень и пепелъ обращенномъ бугрѣ гарнизону вспомоществовалъ поправиться, а сверхъ того въ состояніи былъ тотъ гарнизонъ и крѣпость помалу всѣмъ нужнымъ и потребнымъ удовольствовать; а притомъ непріятелю, который, чаятельно безъ продолженія времени, не только бы гарнизонъ обезпокоивать отважился, но и въ блокадѣ до тѣхъ поръ содержать, пока формальную осаду предпріять могъ, до того не допускалъ и оный гарнизонъ до будущаго года въ безопасное состояніе привелъ. Все сіе онъ фельдмаршалъ совершить никакъ въ состояніи не былъ, еслибъ во время марша отъ сборнаго мѣста на всю кампанію провіанту съ собою не бралъ: ибо три или че-

тыре дня, коихъ требуетъ привозъ провіанта къ арміи отъ ста тысячъ или болѣе человѣкъ могутъ такую перемѣну сдѣлать, которую потомъ никакъ поправить не можно. Малая такъ именуемая флотилія, которая къ концу кампаніи внизъ по Днѣпру пришла, таможде наибольшую пользу навлекала; ибо безъ нея многія непреодолимыя препятствія произошли гарнизонъ потребнымъ удовольствовать.

Возвратный съ арміею маршъ напослѣдокъ былъ надобенъ, и армія, хотя пострадавъ, однако въ лучшемъ въ людяхъ состояніи возвратилась по прошлогоднему къ нашимъ границамъ, при чемъ упряжка великій уронъ терпѣла, такъ что въ слѣдующій потомъ годъ оною вновь запастись долженствовало. Я уповаю, что взятіе Очакова Турковъ къ будущимъ временамъ такъ научило, что никогда уже во время опасности отъ осады садовые валы безъ снесенія не оставятъ, и тогда такое мѣсто ни въ шесть недѣль взято быть не можетъ.

Для насъ счастливо было то, что непріятель лучшихъ своихъ войскъ и командировъ въ тогдашнее время противъ Римско-императорской арміи употребить принужденъ былъ, а противу насъ только оборъ служилъ. Еслибъ въ Очаковѣ въ воинскихъ дѣйствіяхъ искусный паша комендантомъ находился, то, при толь великомъ гарнизонѣ, каждый шагъ земли занятіемъ въ вышеписанныхъ садахъ мѣста много крови стоилъ бы: ибо самымъ дѣломъ оные сады представляли пятидесятиричный ретраншементъ, въ которомъ одинъ отъ другаго всегда фланкированъ и прикрытъ быть могъ.

Я уже выше упомянулъ, что едва чаю, чтобъ фельдмаршалъ подумать могъ сію крѣпость взять, которое мое мнѣніе тѣмъ болѣе утвержденно нахожу, когда вздумаю, что онъ со всею арміею (окромѣ того прикрытія, котораго у Александровскаго редута при провіантскомъ магазинѣ оставилъ) туда велъ при себѣ всѣхъ лошадей, а нашелъ кормъ потравленъ и выжженъ.

Если позволено малое мое о сей кампаніи разсужденіе объявить, то признаюсь, что плана не понимаю: ибо положено было непріятеля въ своихъ границахъ атаковать, все что только возможно у него отнять и его къ приличному миру принудить. Армія состояла болѣе чѣмъ во сто тысячь человѣкъ, а все то, что̀ къ осадѣ требовалось, можнобъ 40.000 исправить. Для того думаю, еслибъ тогда къ осадѣ 40.000 употребились, провіантскій магазинъ подъ прикрытіемъ 10.000 при Бугѣ бы на половинѣ между Очаковымъ и Польской границею остался, а достальнымиъ бъ впередъ къ Бендерамъ слѣдовано было, то бъ непріятель нами въ крайнюю нужду привелся, Очаковъ былъ бы взятъ, вторая бы армія близъ Днѣпра и Польскихъ границъ чрезъ все лѣто непріятеля обезпокоивать могла, а потомъ осенью со второю соединиться, и когда бъ резолюція взята была въ сей части Польши кантониръ-квартиры между Бендерами и Хотинымъ занять, тобъ никогда непріятель и вздумать не могъ Очаковъ обезпокоивать, кольми паче осадить. Мы бъ посреди зимы, когда Турки неохотно или вовсе не дѣйствуютъ, могли съ однимъ корпусомъ, перебравшись безопасно чрезъ Днѣстръ, въ Молдавію войдти, оставя магазины наши и все къ сохраненію слѣдуемое позади себя въ Польшѣ, яко въ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ бъ и собственный нашъ ретирадъ въ прикрытіи былъ. Съ начала самой зимы моглибъ все то совершить, что̀ не прежде 1739 года исполнить въ состояніи были, и можетъ статься еще въ 1738 году берега Дунайскіе видѣлибъ. Но какъ во всемъ томъ пре-

пятствуетъ сіе, что права не имѣли въ Польскія границы вступить, то потому болѣе о семъ и упоминать не могу, кромѣ что̀ въ 1739 году сдѣлано, то можно было въ 1738 въ преимущественную пользу сдѣлать то есть въ Польшу вступить.

*

ПРИМѢЧАНІЕ О КАМПАНИИ 1738-го ГОДА.

Въ прошедшемъ году возвратились мы со всею арміею къ Украйнѣ, откуда съ оною, когда рекрутами и лошадьми укомплектовались и на пять мѣсяцевъ провіанту завели, весною опять долженствовали выступить въ походъ къ Днѣстру, каковымъ расположеніемъ арміи въ зимнія квартиры по Украйнѣ непріятель выигрывалъ время намъ къ встрѣчѣ пріуготовиться и къ тому армію собрать, которая переправу чрезъ Днѣстръ запретить могла. Напротивъ чего непріятель намъ, въ прошедшемъ году, ни въ чемъ препятствія въ состояніи оказывать не былъ, и мы чрезъ всѣ рѣки безъ всякаго препятствія перешли, еще менѣе вздумать могъ Очаковъ отъ осады и взятія онаго освободить. А все, что̀ намъ непріятель противное приключалъ, состояло только въ томъ, что онъ у насъ малыми Татарскими партіями траву выжегъ и тѣмъ упряжкѣ вредилъ. Какую бы армія во сто тысячъ и болѣе человѣкъ пользу произвела, когдабъ она на два или на три корпуса раздѣлена была, то̀ легко разсудить можно. Но какъ сіе не произведено, то потому и значится, что отъ Украйны къ Днѣстру должно было, прежде начатія предписанныхъ операцій, въ маршъ вступить, почему и происходило, что, прежде времени прибывъ къ Днѣстру, упряжка наша повреждалась. А хотя счастливо чрезъ рѣку переправилися, однако уже въ состояніи не были дальное иное предпріятіе начать, развѣ только еще какую крѣпость взять, всадя въ оную гарнизонъ и предоставляя оный опредѣленію и храбрости его, можетъ ли противъ непріятеля устоять или нѣтъ, или же непріятелемъ взятъ будетъ; а самимъ съ арміею потомъ къ границамъ нашимъ возвратиться. Я не инаго мнѣнія: ибо армія, какъ вышеупомянуто, имѣя болѣе ста тысячъ человѣкъ, многаго требуетъ, чтобы всѣмъ довольствоваться. Выступая въ походъ, она беретъ провіанту съ собою на пять мѣсяцевъ, и впередъ уже заключается, что она будетъ счастлива и крѣпостьми и землями овладѣетъ; но при томъ ни малѣйшее пріуготовленіе не предпріемлется, чтобъ хорошими успѣхами пользоваться. Когда все происходитъ счастливо почти четыре мѣсяца, считая со дня выступленія отъ границъ въ маршъ, то совершеніе сего похода требуетъ переходъ чрезъ рѣку въ лицѣ непріятельскомъ понудить, его разбить, крѣпость осадить и взять. Когдабъ всего съ окончаніемъ у арміи только на одинъ мѣсяцъ еще хлѣба осталось, что̀ она тогда должна сдѣлать? Утвердиться ли ей въ непріятельской землѣ? Въ такомъ случаѣ она должна увѣрена быть, что сія земля ее при хорошихъ распоряженіяхъ пропитать можетъ, или, что она позади себя приготовленнаго хлѣба или надежду въ приготовленье имѣетъ. А если всего того нѣтъ, такъ что малаго, кольми паче достаточнаго, магазина не имѣетъ, тогда уже принуждена, чтобъ гладъ и нужду не претерпѣвать, мѣсячнымъ своимъ провіантомъ возвратиться домой и на будущій годъ своими маршами и контрамаршами самое себя раззорить.

Когда мы пришли, какъ и выше уже упомянуто, къ Днѣстру, то непріятель траву выжечь у насъ нѣсколько разъ покушался. Поелику лѣто сіе было не такъ сухо какъ прежнія, то онъ успѣть въ этомъ не могъ; однако дождями разсырѣвшаяся земля намъ произвела весьма трудный маршъ и повредила почти всѣхъ нашихъ лошадей. Мы остались при Днѣстрѣ только три дня, гдѣ одну только ночь острѣливали весьма шанцами утвержденный непріятельскій лагерь; но, не бывъ въ состояніи оному сдѣлать поврежденіе, предпріяли отступный маршъ, а за день предъ прибытіемъ нашимъ къ Днѣстру имѣли съ Татарами и легкими Турецкими войсками сраженіе, которому подобное происходило на возвратномъ нашемъ маршѣ, въ четвертый или пятый день. Когда мы отступили, какъ выше упомянуто, отъ Днѣстра, тогда не умедля Турки на сю сторону отъ своего караула послали часть войска, которая, соединясь съ Татарами, безпрестанно на нашу аріергардію наступала. Лошади наши были такъ худы, что до нѣсколько сотъ телѣгъ съ провіантомъ и офицерскимъ багажемъ въ аріергардѣ сожжено. Многія артилерійскія амуниціи въ землю закопаны, чтобъ непріятелю въ добычу не достались, такъ что оный нашъ возвратный маршъ въ первыя три недѣли подобенъ былъ ретирадѣ побитой арміи. Въ первые три дни аріергардіею командовалъ генералъ-поручикъ Карлъ Биронъ, который, по нетерпѣнію своему, все то что̀ увезено быть не могло, пожегъ, почему фельдмаршаломъ пожигальщикомъ названъ, и потомъ онаго смѣнилъ генералъ-поручикъ Левендаль съ своею дивизіею, гдѣ до тѣхъ поръ и оставленъ былъ, пока насъ непріятель провожалъ. А хотя онъ столько и не пожегъ, ибо двѣ трети своей дивизіи въ упряжку къ остающему багажу употребилъ, однако не могъ же оставить, чтобъ равномѣрно части оной не сожечь. Легко можно разсудить, какой то̀ трудъ былъ, что дивизія аріергардіи въ двѣ недѣли ни одну ночь въ лагерѣ быть не могла, а еще тогда къ лагерю приближалась, когда главная армія изъ онаго выступать стала, хотя одинъ день и растагъ имѣла; а если онаго не имѣла, тогда по семи верстъ и болѣе отъ лагеря находилась. Напослѣдокъ возвратились мы, не соверша ничего, съ вовсе раззоренными багажемъ и упряжкою, къ нашимъ границамъ, гдѣ опять старались все то завести, дабы на будущее лѣто такой же маршъ предпринять.

*

Примѣчаніе о походѣ 1739 года.

По наступленіи весны, армія собралась около Кіева; ибо наконецъ увидѣли, что необходимо маршировать должно чрезъ Польшу, дабы въ четвертые съ раззоренною арміею по осени не возвратиться къ своимъ границамъ. Она запасена была опять всѣми потребностями, также и провіантомъ на 5-ть мѣсяцевъ, хотя въ томъ и нужды бы не было, потому что шли мы все жилыми и весьма плодородными мѣстами, гдѣ довольно хлѣба достать было можно. А хотя бы поставка онаго казнѣ и нѣсколько дороже обошлась, однако сей убытокъ должно бы считать весьма невеликимъ въ сравненіи того, чего стоили подъемныя лошади для возки магазина и нужные при томъ люди, не упоминая о томъ, коликую остановку сія тягость въ походѣ арміи причиняла, сколь трудно было при переправахъ и переходахъ чрезъ рѣки оную прикрывать и какое затрудненіе все сіе дѣлало солдату. Не взирая на то, ничего впередъ запасено не было; да и

послѣ, когда армія перешла уже чрезъ Днѣстръ, разбила непріятеля, взяла Хотинъ и маршъ свой въ Молдавію продолжала, нимало о томъ помышляемо не было. Сіе, кажется мнѣ, довольно доказываетъ, что, и при самыхъ счастливыхъ дѣйствіяхъ и предпріятомъ чрезъ Польшу походѣ, намѣреніе было къ осени опять перейдти сто миль и болѣе, а гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ оставить на волю Божію.

Такимъ образомъ выступили мы отъ Кіева тремя колоннами, изъ которыхъ одна отъ другой слѣдовали стороною въ разстояніи отъ трехъ до четырехъ миль; провіантскій магазинъ составлялъ четвертую колонну и шелъ позади средней. Къ такому распоряженію марша понудили насъ жилыя мѣста, гдѣ должно было держаться настоящихъ дорогъ, дабы не потоптать и не потравить посѣяннаго на поляхъ хлѣба; но при заниманіи лагеря сихъ предосторожностей наблюдать было невозможно, и мы по большей части становились на посѣянныхъ, а наконецъ и на такихъ поляхъ, гдѣ хлѣбъ почти уже созрѣвалъ. Поляки сильно жаловались на причиненные имъ чрезъ то убытки и раззоренія; но обѣщанное имъ возвращеніе ихъ убытковъ, которое они и получили, паки ихъ успокоило.

Въ такомъ порядкѣ пришли мы на разстояніе 10-ти или 12-ти миль отъ Днѣстра и Хотина, гдѣ армія опять соединилась, и тогда съ сею тяжелою махиною подвинулись еще на 5 и на 6 миль впередъ. Тутъ фельдмаршалъ имѣлъ нѣсколько дней отдохновенія; а между тѣмъ приказалъ на нѣсколько миль выше Хотина осмотрѣть берега рѣки Днѣстра и получилъ рапортъ, что въ 6 или 7 миляхъ отъ Хотина можно предпріять переправу чрезъ рѣку. Непріятель, думая, что мы склоняемъ походъ свой прямо къ Хотину или на одну милю выше къ Жваницу, собралъ тамъ всю свою силу и намѣренъ былъ, такъ какъ въ прошломъ году, не допустить насъ до переправы чрезъ рѣку. Но фельдмаршалъ употребилъ такую воинскую хитрость, что, оставя тутъ одну дивизію со всѣмъ магазиномъ, артилерійскимъ паркомъ и тяжелымъ обозомъ арміи подъ командою генералъ-аншефа Румянцова, съ достальною арміею, взявъ съ собою на 10 дней провіанта, пошелъ по правую сторону, чрезъ горы, лѣса и дефилеи, и тремя принужденными маршами прибылъ къ Днѣстру; при чемъ генералъ Румянцовъ, остановившись одинъ день, долженъ былъ на другой день также слѣдовать къ главной арміи.

Мы пришли къ Днѣстру и перешли чрезъ сію рѣку, прежде нежели непріятель о томъ свѣдалъ. Спустя уже цѣлыя сутки послѣ того, какъ армія переправилась и поджидала къ себѣ генерала Румянцова, показался непріятельскій корпусъ въ 20.000 человѣкъ и напалъ на нашихъ фуражировъ; однако командированнымъ къ нимъ прикрытіемъ и подоспѣвшимъ изъ лагеря сикурсомъ прогнанъ былъ назадъ, не причинивъ намъ ни малаго вреда, кромѣ самаго малаго числа при перестрѣливаніи убитыхъ.

По приходѣ нашемъ къ Днѣстру, рѣка отъ бывшей засухи сдѣлалась такъ мелководною, что драгуны и казаки въ бродъ чрезъ оную перешли; при чемъ на казенныхъ лошадяхъ перевезено было также нѣсколько ротъ гренадеровъ, кои, занявъ тотчасъ плотъ, сдѣлали мостовые шанцы и, по наведеніи трехъ мостовъ, вся армія на другой день чрезъ рѣку перешла.

Рѣка въ томъ мѣстѣ шириною была около 60 сажень, она же притомъ чрезвычайно быстра; почему, три дни спустя, послѣ продолжившагося нѣсколько часовъ сильнаго дождя, прибылою оттого въ

рѣкѣ водою всѣ мосты въ одну ночь разорвало, такъ что съ великимъ трудомъ оные опять собрать и для перехода генерала Румянцова поправить было можно.

При собраніи паки въ одно мѣсто арміи, фельдмаршалъ, снявъ лагерь, марштровалъ прямо къ непріятелю и Хотину. Должны мы были на семъ маршѣ нѣсколько проходить горами, лѣсами и низкими болотистыми мѣстами, что причинило намъ немалое затрудненіе, потому что непріятель вездѣ показывался и у каждой переправы старался насъ остановить, почему надлежало намъ напередъ его сбить, а потомъ уже далѣе маршировать могли. Оставя притомъ всѣ бывшія обстоятельства, упомяну я только, что мы наконецъ при Шавартанѣ *) застали Турковъ, которые на горѣ поперекъ Хотинской дороги пятью или шестью ретраншементами окопались; а между тѣмъ Татары, въ 100.000 и болѣе, насъ окружили и всѣ горы заняли. Около двухъ часовъ по полудни, фельдмаршалъ, обозрѣвъ все положеніе непріятельское, нашелъ, что если его во фрунтъ атаковать, то безъ превеликаго урону людей ретраншемента его почти взять невозможно. Напротивъ того, гораздо надежнѣе будетъ, если предпринять атаку на лѣвомъ его флангѣ; но дабы непріятель не возымѣлъ о томъ какого подозрѣнія, то онъ не только остановился прямо противъ непріятеля и казакамъ накрѣпко подтвердилъ, чтобъ въ ту сторону не подвигаться, но и въ слѣдующую ночь генералъ Левендаль долженъ былъ съ полевою артилеріею, подъ прикрытіемъ 4 полковъ, занять пригорокъ противъ непріятельскаго лагеря и по оному какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мортиръ стрѣлять, продолжая оную стрѣльбу до самаго полудня, хотя и ни единая бомба, ниже пушечное ядро при самой большой элеваціи до непріятельскаго ретраншемента не доставали. Около полудня фельдмаршалъ, со всѣмъ кареемъ (который внутри обозомъ, провіантомъ и артилеріею такъ стѣсненъ и набитъ былъ, что едва яблоко на землю пасть могло) вступилъ въ маршъ къ лѣвому непріятельскому флангу, и въ тоже время генералу Левендалю приказано было отступить назадъ и примкнуться къ лѣвому флангу карея. Какъ непріятель сіе примѣтилъ, то хотѣлъ онъ и къ той сторонѣ сдѣлать противъ насъ батареи, но уже поздно было. Фельдмаршалъ долженъ былъ переправляться чрезъ небольшую болотистую рѣку, чрезъ которую, въ четверть часа, изъ привезенныхъ съ собою досокъ сдѣланы были 22 моста, по которымъ изъ передняго фаса перешли во первыхъ 4 полка съ полевою артилеріею. По другую сторону рѣчки была, хотя не высокая, но весьма крутая гора; однако сіе не мѣшало солдатамъ съ веселымъ крикомъ встащить на оную пушки, которыя того же часа дѣйствовать начали, не давая непріятелю заводимую имъ противъ насъ батарею въ состояніе привесть. Между тѣмъ весь каре съ запертымъ въ немъ обозомъ приближался помалу къ непріятелю, который, наконецъ, съ 3.000 Янычаровъ учинилъ изъ ретраншемента вылазку на передніе наши полки; но какъ оные съ урономъ ста человѣкъ и болѣе назадъ прогнаны были, то зажегъ свой лагерь и обратился въ бѣгство, а Татары остались еще на горахъ около насъ, и не прежде, какъ въ слѣдующую ночь отступили.

О сей, такъ названной баталіи, произведшей столь важныя по себѣ слѣдствія, долженъ я кратко объявить свое мнѣніе. Не пони-

*) Ставушанахъ?

маю я по сей часъ, для чего фельдмаршалъ весь магазинъ, артилерійскій паркъ и тяжелый обозъ въ кареѣ съ собою везъ и для чего онъ всего сего въ укрѣпленномъ ретраншементѣ, по сю сторону Днѣстра, до тѣхъ поръ не оставилъ, доколѣ бы удалось непріятеля разбить и, по одержанной побѣдѣ, взять городъ Хотинъ.

Можетъ быть, сей случай первый въ свѣтѣ, что полководецъ, будучи въ состояніи наступательно дѣйствовать и дѣйствуя подлинно такимъ образомъ, предпріялъ съ каре, наполненнымъ внутри обозомъ, атаковать ретраншементъ и разбить непріятеля. Въ самомъ дѣлѣ, фельдмаршалъ болѣе шести полковъ изъ своей арміи употребить не могъ, не подвергая себя опасности, чтобъ сдѣланною въ кареѣ прорѣхою не потерять свой обозъ и магазинъ; а шестью полками не берутъ ретраншемента занятаго по крайней мѣрѣ 60.000 человѣками и прикрываемаго вокругъ 100.000 человѣкъ легкихъ войскъ. Удивительно, что все столь блогополучно удалось въ такое время, когда должно было опасаться потерянія всей арміи. Можетъ быть, такого поиску никто съ толикою опасностію паки предпріять не отважится; а хотя кто отважится, то сомнѣваются, чтобъ благополучнымъ успѣхомъ хвалиться въ состояніи могъ быть.

Слѣдствія сей побѣды извѣстны: мы взяли Хотинъ, мы не видали болѣе передъ собою непріятеля и прошли до самой Волошской земли, которая тотчасъ Россійскому скипетру подверглась; четыре полка, которые тамошніе жители провіантомъ снабдить обязались, назначены были для содержанія гарнизону въ малоукрѣпленномъ городѣ Яссахъ. Шесть полковъ положено было оставить въ Хотинской крѣпости, довольствуя ихъ провіантомъ изъ найденнаго тамъ непріятельскаго магазина; а прочая армія должна была назадъ слѣдовать въ Украйну. Подъемныя наши лошади, хотя и много претерпѣли, однако не столько, какъ въ прежнихъ походахъ. Артилерія въ семъ году была въ лучшемъ состояніи, потому что на оную дано было больше подъемныхъ и запасныхъ лошадей; мяса солдаты наши также имѣли предовольно, почему были и бодры и здоровы.

Между тѣмъ послѣдовалъ миръ и сдѣлалъ всему конецъ. Мы должны были изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ вывесть свои гарнизоны и идти домой. Въ концѣ Ноября, когда по Днѣстру шелъ весьма сильный ледъ, принуждена была армія, при непреодолимыхъ почти трудностяхъ, переправляться назадъ черезъ рѣку; мостовъ дѣлать было невозможно, да и артилеріи инако перейдти нельзя было, какъ перетаскивая по дну рѣчному, состоящему изъ гладкаго плитнаго камня. Сколько быстро течетъ сія рѣка, можно изъ того заключить, что ни единая 18-ти фунтовая пушка не вышла порядочно изъ воды, но вдругъ опрокинута была, и колеса къ верху стояли; да и то 20-ю или 30-ю саженями ниже того мѣста, гдѣ спущена была въ воду. Сія переправа, которая въ трехъ мѣстахъ происходила, измучила и повредила у насъ много людей.

Московская старина.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА ПО МОСКОВСКИМЪ УЛИЦАМЪ *).

III. ТВЕРСКАЯ УЛИЦА.

Городъ Тверь,
Въ Москву дверь.
Старинн. Русская поговорка.

Улица Тверская, по старинному Царская, начинается отъ Воскресенской площади и оканчивается у Землянаго города или у такъ называемыхъ Старыхъ Тріумфальныхъ воротъ. Въ то время, когда еще не было шоссейной дороги, а лучше сказать, когда не существовало почти никакой путной дороги, тогда отъ Тверской улицы начиналось прямое сообщеніе съ древнимъ городомъ Тверью. Названная нами Воскресенская площадь получила свое названіе отъ Воскресенскихъ или Иверскихъ воротъ, а самые ворота отъ Воскресенскаго монастыря на Высокомъ, т. е. мѣстѣ (мы встрѣтимъ этотъ монастырь на нашемъ пути, и тогда скажемъ о немъ нѣсколько словъ). У Москвичей въ старину было обыкновеніе давать названіе площадямъ и мостамъ по тѣмъ воротамъ, которые передъ ними находились; такъ мы видимъ Спасскій мостъ передъ Спасскими воротами, Никольскій передъ Никольскими, Воскресенскій передъ Воскресенскими, Боровицкій передъ Боровицкими; самые же ворота назывались по монастырямъ или церквамъ, въ виду которыхъ они были построены, какъ напримѣръ: Петровскіе ворота получили названіе отъ Петровскаго монастыря, Никольскіе отъ монастыря Николы Стараго, что̀ на Никольской, Ильинскіе отъ Ильинскаго монастыря на Ильинкѣ, бывшіе близь Каменнаго моста Всесвятскіе отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что̀ на Валу (нынѣ не существующемъ). По Воскресенской площади извивалась рѣка Неглинная, которая протекала открытою до 1821 года и имѣла слѣдующіе мосты: у Боровицкихъ воротъ деревянный, и каменные: у Воскресенскихъ воротъ, Старый каменный у Троицкихъ воротъ, и Кузнецкій на Кузнецкомъ мосту. На этой рѣкѣ были въ 1771 г. три мельницы, а именно: 1) подъ Троицкимъ мостомъ; 2) подлѣ Боровицкаго моста и 3) подлѣ Водовзводной башни. Въ настоящее время, заключенная подъ сводами, рѣка Неглинная проявляетъ свое существованіе изъ подъ третьяго Кремлевскаго сада впаденіемъ въ рѣку Москву.

---

*) См. выше стр. 154.

Лѣвая сторона Тверской улицы отъ Воскресенской площади къ Старымъ Тріумфальнымъ воротамъ.

1. Въ 1739 г. Ветошные ряды [1]; въ 1784 г. лавки купца В. П. Горюнова; затѣмъ онѣ переходили отъ одного владѣльца къ другому; въ 1821 г. купцовъ М. Бѣлобородова и М. Ярцева; въ 1856 г. купчихи Т. А. Лебедевой; въ 1862 г. ген.-маіора А. А. Тимашева-Беринга; въ настоящее время принадлежитъ почетн. гражд. И. Г. Фирсанову.

2. Въ 1793 г. лавки купца В. П. Горюнова; въ 1802 г. купца Г. С. Степанова; въ 1821 г. купцовъ Бѣлобородова и М. Ярцева; потомъ поч. граж. Г. Ф. Коммиссарова, въ настоящее время значатся за ком. сов. М. Е. Поповымъ. По этому владѣнію проходилъ переулокъ, называвшійся Лоскутнымъ и, соединясь съ переулкомъ Обжорнымъ, оканчивался противъ нынѣшняго Экзерцирсгауза; часть этого переулка и теперь существуетъ, упираясь въ домъ Попова.

3. Въ 1783 г. служащаго въ Главномъ Кригсъ-Комисаріатѣ Ивана Андреевича Евреинова; въ 1786 г. лавки купца Калинина; въ 1793 г. купчихи А. Второвой; въ 1852 г. Лобковыхъ и Тарасовой; въ настоящее время принадлежатъ поч. гражд. Н. Н. и А. Н. Мамонтовымъ.

Переулокъ Обжорный, нынѣ узкій и темный. Здѣсь были лавки со съѣстными припасами, приготовленными въ пищу, которые тутъ же и потреблялись простымъ народомъ. Изъ дѣлъ Камеръ-Колегіи узнаёмъ, что въ харчевняхъ и пирожныхъ народъ тѣснился съ утра до ночи. Харчевни и выносные очаги существовали не только близъ самыхъ рядовъ и Гостиннаго двора, но и между рядовъ, въ тѣсныхъ мѣстахъ, внутри Гостинаго двора, что было не разъ причиною пожаровъ: такъ напримѣръ въ 1735 г. едва не сгорѣлъ весь новый Гостиный дворъ. Печи въ иныхъ харчевняхъ устраивались безъ трубъ, а дымъ выходилъ въ окна.

Издревле это было мѣсто очень людное. Кстати будетъ привести здѣсь извлеченныя нами изъ архивовъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ были въ старину простонародныя съѣстныя заведенія. На Красной площади, противъ Комедіантскаго дома, стояли три очага, на которыхъ жарили рыбу; тутъ же была и харчевня купецкаго человѣка Ивана Турицына. Идучи отъ Спасскихъ воротъ, въ Китаѣ-городѣ, подъ горою, около Лобнаго мѣста, на Варварской улицѣ, на лѣвой сторонѣ близъ башмачнаго и прошивнаго ряда, были 2 харчевни въ шалашахъ, покрытыхъ лубьемъ, одинъ очагъ, на которомъ жарили рыбу, и 9 шалашей съ очагами, покрытыхъ лубьемъ. По Москворѣцкой улицѣ: двѣ харчевни каменныхъ на правой сторонѣ; въ нижнемъ Зарядьѣ, что противъ Гостинаго двора, 2 харчевни каменныхъ. На Варварской улицѣ, на правой сторонѣ, три харчевни и три пирожныя; въ верхнемъ Зарядьѣ, что противъ Гостинаго двора, между Вандышнаго [2] ряда и Гостинаго двора, пирожная палатка гостя Алексѣя Филатьева, и внука его Петра Дмитріева (коему принадлежалъ Ванька Каинъ); тутъ же 5 палатокъ пирожныхъ и палатка харчевная. Отъ Никольской большой улицы, въ большомъ Ветошномъ

---

[1] Планъ император. столичн. города Москвы, сочиненный подъ смотрѣніемъ архитектора Ивана Мичурина въ 1739 году.

[2] По словарю Даля, ванда—рыболовное орудіе. Вандыши—снятки.

ряду двѣ палатки харчевныя. Отъ большаго Ветошнаго ряду, въ малой Пѣвческой улицѣ, по лѣвой сторонѣ, 4 палатки харчевныхъ и 4 пирожныхъ. На большой Пѣвческой улицѣ 10 палатокъ харчевныхъ, палатка въ которой пеклись исключительно пшеничныя оладьи, еще палатка квасная, и еще 6 палатокъ пирожныхъ. Внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ, около Василія Блаженнаго, противъ щепетильнаго и игольныхъ рядовъ, была тѣснота для проѣзда, по случаю настроенныхъ харчевенъ и шалашей [3]).

4. Въ 1783 г. служащаго въ Главномъ Кригсъ-Комисаріатѣ Ивана Андреевича Евреинова; въ 1793 г. поручика Н. С. Калинина, въ 1802 г. купца И. А. Макарова; въ 1812 г. купца М. А. Второва; въ 1824 г. купчихи М. Лобковой; въ 1852 г. купца С. Н. Бетина; въ настоящее время лавки почетн. граждан. И. Г. Фирсанова.

Моисеевская площадь названіе получила отъ женскаго Моисеевскаго монастыря, здѣсь находившагося. Разскажемъ вкратцѣ исторію этой обители. Моисеевскій монастырь сталъ извѣстенъ съ XVI вѣка и назывался то у Житной рѣшетки, по смежности съ Житною площадкой (которая находилась близъ нынѣшняго Охотнаго ряда), то у Богадѣленъ, потому что здѣсь были богадѣльни, гдѣ призрѣвались престарѣлые и убогіе. Такія богадѣльни прежде были при многихъ монастыряхъ, соборахъ и приходскихъ церквахъ въ Москвѣ; въ то время еще не существовало ни человѣколюбивыхъ, ни благотворительныхъ обществъ, а по распоряженію патріарха на содержаніе Московскихъ богадѣленъ сбирались деньги даже съ церквей другихъ епархій; въ 1713 г. патріархъ приказалъ выдавать инымъ богадѣленнымъ по два, а другимъ по одной деньгѣ въ день. Вмѣстѣ съ престарѣлыми и убогими въ богадѣльняхъ содержались рожденные зазорно, подкидыши. Подлѣ монастыря были лавки сѣнныя, да 2 шалаша квасныхъ, принадлежавшихъ этой обители. Поручикъ Иванъ Угрюмовъ въ 1738 г. такъ опредѣляетъ мѣру и мѣстоположеніе Моисеевскаго монастыря: длиннику 22 сажени, поперешнику въ обоихъ концахъ по 19 саженъ; съ одной стороны большая улица, что ѣздятъ съ Тверской и Никитской улицъ, а по другую сторону проѣзжій переулокъ, что съ Тверской на Неглинную [4]). Ночью 5 Августа 1709 года монастырь весь выгорѣлъ; игуменья Александра, донося объ этомъ, прибавляетъ, что «построить стало нечѣмъ и сами помираемъ съ голоду»; въ то время находились въ этой обители настоятельница и 99 сестеръ. Сѣтованія игуменьи были услышаны, и въ 1710 г. монастырь уже былъ отстроенъ. Моисеевскій монастырь еще назывался у Тверскаго кружала, которое помѣщалось на мѣстѣ нынѣшней Лоскутной гостинницы. Это кружало, или кабакъ, имѣло прозвище Каменный Скачекъ; рядомъ съ нимъ были лавки о 30 растворахъ; кабакъ и лавки принадлежали Донскому Успенскому Предтечевскому монастырю и сдавались въ аренду Извѣстно, что манифестомъ государыни Екатерины II, отъ 12 Февраля 1764 года, многіе монастыри въ Россіи назначены были къ упраздненію; поэтому въ 1765 г. указомъ Святѣйшаго Синода 27 Января, между прочимъ, велѣно было упразднить и Моисеевскій монастырь; церковь обращена въ приходскую. На основаніи этого же манифеста

---

3) Дѣла Камеръ-Колегіи 1735 г., вязка 42, № дѣла 5, въ Архивѣ Минист. Юстиціи, въ Москвѣ.

4) Книга описная 2-й команды поручика Ивана Угрюмова, въ Архивѣ IV Округа Путей Сообщ., въ Москвѣ.

недвижимыя имущества упраздненныхъ монастырей поступили въ военное вѣдомство, вслѣдствіе чего строенія бывшаго Моисеевскаго монастыря сперва были заняты казармами, потомъ отъ военнаго начальства построены тутъ были бани, конюшни и жилыя строенія, которыя послѣ перешли къ частнымъ владѣльцамъ. Церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы за ветхостію въ 1787 г. упразднена, а въ 1788 г. разобрана. На сей разъ, вѣроятно, не нашлось ходатая за сохраненіе этого памятника старины, не нашлось второй игуменіи Александры, возстановившей въ 1710 г. изъ пепла эту обитель. Матеріалъ отъ разобраннаго храма тогда же отданъ для построенія Вознесенской церкви на Гороховомъ полѣ, и тамъ, въ память Моисеевскаго монастыря, устроенъ придѣлъ во имя св. пророка Моисея Боговидца. На пространствѣ, которое занималъ монастырь и его службы, въ 1812 году открыта нынѣшняя Моисеевская площадь (на проѣздѣ отъ Моховой къ Охотному ряду).

5. Въ 1775 г. купца Ѳ. Я. Москвина, въ 1820 г. именитой Бѣлевской гражданки М. Я. Истоминой; въ настоящее время домъ принадлежитъ также Истоминымъ, и это очень рѣдко, что владѣніе такъ долго не выходитъ изъ одного и того же роду. Недвижимая собственность въ Москвѣ, какъ извѣстно, весьма переходчива.

6. Въ 1765 г. домовладѣлецъ Сенатской Конторы архитекторъ секундъ-маіоръ Петръ Романовичь Никитинъ; въ 1786 г. купецъ Косьма Баклышевъ, рядомъ съ нимъ въ 1793 г. купецъ Гаврила Шульгинъ. Тутъ стояла церковь Живоноснаго Источника, съ придѣлами св. пророка Иліи, по которому она и называлась) и пр. Сергія; каменная, сооружена въ 1700 г. духовникомъ Петра I, іереемъ Петромъ Васильевымъ. Церковь упразднена въ 1813 г. и разобрана въ 1817 г. Престолъ, во имя св. пр. Иліи, перенесенъ въ ближайшую церковь святаго великомученика Георгія, что́ на Красной Горкѣ (что́ на Моховой улицѣ, близь Университета). На мѣстѣ Ильинской церкви, вошедшемъ въ нынѣшній дворъ И. М. Филипова, воздвигнутъ каменный столбъ съ иконою. Рядомъ съ погостомъ церковнымъ домъ священника; въ 1819 г. все это составляетъ владѣніе артилеріи штаб.-капитанши А. Ѳ. Лешевичевой-Бородуличевой, урожденной Тютчевой; въ 1842 г. мы видимъ, что названная мѣстность принадлежитъ дѣйств. стат. сов. Николаю Михайловичу Васильчикову; въ настоящее время домъ значится за поч. гражд. И. М. Филиповымъ

Близь этого дома выходилъ съ Никитской переулокъ Леонтьевскій, о которомъ было сказано при описаніи Большой Никитской улицы.

7. Въ 1775 г. домъ генералъ-аншефа Ивана Ивановича Костюрина (связаннаго родствомъ съ графами Шуваловыми); въ 1793 г. дѣйств. тайн. сов. графа Алексѣя Семеновича Мусина-Пушкина; въ 1819 г. тит. сов. Т. Дубровской; въ 1826 г. Кавалергардскаго полка поруч. графа Дмитрія Николаевича Шереметева; въ 1828 г. куп. жены Н. Д. Колесниковой, въ настоящее время домъ принадлежитъ почетн. гражд. М. И. Алексѣеву. При домѣ была церковь Казанскія Божія Матери.

Переулокъ Долгоруковской (см. Большую Никитскую улицу).

8. Въ 1767 г. домовладѣлецъ генералъ-фельдмаршалъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой [5]); въ 1770 г. вдова его княгиня Анна Даниловна (въ

---

5) Описаніе императ. столичнаго города Москвы, Рубана. Спб. 1782 г., стр. 11.

первомъ бракѣ Хераскова, мать извѣстнаго стихотворца и университетскаго куратора). Затѣмъ домъ принадлежалъ Межевой Канцеляріи [6]; въ 1788 г. сданъ въ вѣдомство Московскаго оберъ-полицеймейстера и въ томъ же году пожалованъ государынею Екатериною II-ю Императорскому Университету. Первоначально здѣсь помѣщалась Университетская типографія, а въ послѣдствіи Благородный Университетскій пансіонъ; въ 1843 году домъ значится за камергеромъ П. А. Базилевскимъ; въ настоящее время принадлежитъ тайному совѣтнику И. П. Шаблыкину. При домѣ, на углу, гдѣ нынѣ винный погребъ Пирлинга, была церковь препод. Мемнона и Девяти мучениковъ.

9. Переулокъ Газетный. Домовладѣлецъ Коншовъ-Мурза, во св. крещеніи князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, служилъ бояриномъ при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, скончался въ 1651 году. Въ 1757 г. дѣйст. камергеръ Петръ Васильевичъ Салтыковъ; въ 1781 году ген.-маіоръ князь Алексѣй Борисовичъ Голицынъ; въ 1813 г. гвардіи шт.-ротм. Сергѣй Салтыковъ; въ 1821 г. купецъ Д. Д. Лавровъ; въ 1821 г. лейбъ-гвардіи Конно-егерскаго полка шт.-кап. Павелъ Николаевичъ Демидовъ; въ 1842 г. купецъ В. В. Логиновъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ ст. сов. А. Н. Голяшкину [7]. При домѣ была церковь препод. Сергія Радонежскаго Чудотворца.

За этимъ домомъ выходилъ съ Никитской переулокъ, о которомъ было упомянуто при описаніи дома Брюса, что́ на Большой Никитской улицѣ.

На углу переулка стояла церковь св. Василія Кесарійскаго, съ придѣломъ Введенія Пресвятыя Богородицы; церковь упразднена въ 1808 году, а въ 1816 г. разобрана. На мѣстѣ церкви и ея погоста мы видимъ:

10. Въ 1823 г. домъ кол. ассес. И. Л. Мироновскаго; въ 1836 г. купца Н. А. Захарова; въ настоящее время онъ числится за женою ст. сов. Л. Н. Гиппіуса.

11. Въ 1802 г. домъ священника Кесарійской церкви Якова Васильева; въ 1852 г. тит. сов. Ѳ. И. Коровина; теперь домъ принадлежитъ почетн. гражд. А. М. Махаловой.

Переулокъ Брюсовскій (см. Большую Никитскую улицу).

12. Въ 1755 г. домъ подполков. Ивана Алексѣевича Киселева; въ 1767 г. вдовы ст. сов. Аграфены Ѳедоровны Киселевой; въ 1793 г. отъ арміи бригадира Ѳедора Иванов. Киселева (это былъ дядя министра государственныхъ имуществъ графа Павла Дмитріевича Киселева); въ 1813 г. владѣніе фельдмаршала гр. Ивана Васильевича Гудовича; въ 1826 г. ген.-маіора гр. Андрея Ивановича Гудовича и брата его, ген. маіора графа Кирила Иванов. Гудовича. Въ настоящее время владѣніе это перешло къ двумъ лицамъ: одна часть принадлежитъ штаб.-ротмистру А. М. Миклашевскому, а другая вдовѣ почет. гражд. Н. М. Андреевой. Въ домѣ у Киселевыхъ была церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы.

---

[6] Въ статьѣ князя I. А. Мещерскаго объ исторіи Константиновскаго Межеваго института (Р. Архивъ 1877, I, 550), невѣрно показано, что Межевая Канцелярія помѣщалась въ нынѣшнемъ домѣ Голяшкина.

[7] При описаніи Большой Никитской улицы мы ошибочно сказали, что домъ А. Н. Голяшкина составлялъ въ старину владѣніе барона Н. Г. Строганова; ему принадлежалъ нынѣшній домъ Цыплакова, въ Газетномъ переулкѣ.

13. Въ 1782 г. домовладѣлецъ ген. фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, первый Московскій главнокомандующій; въ 1784 году домъ пріобрѣтенъ въ казну для жительства главнокомандующихъ. При домѣ церковь во имя св. Александра Невскаго. Передъ нимъ площади до конца прошлаго вѣка не было.

Переулокъ Чернышевскій (см. Большую Никитскую улицу).

14. Въ 1785 г. домъ бригадира князя Бориса Григорьевича Шаховскаго; въ 1813 г. жены его генер.-поруч. княгини Варвары Александровны, урожденной баронесы Строгановой; въ 1826 г. маіора князя Алексѣя Львовича Шаховскаго; въ 1852 г. дворянина Д. А. Попова; въ 1874 г. купцовъ Сычевыхъ; въ настоящее воемя принадлежитъ ком. сов. Л. С. Полякову.

Переулокъ Леонтьевскій (см. Большую Никитскую улицу).

15. Въ 1737 г. домъ генеральши вдовы Татьяны Васильевны Шереметевой; въ 1765 г. генеральши вдовы Настасьи Никитишны Шереметевой, затѣмъ сына ея поручика гвардіи Александра Алексѣевича; въ 1801 г. ст. сов. Дмитрія Адамовича Олсуфьева; съ тѣхъ поръ этотъ домъ остается въ этомъ роду и въ настоящее время принадлежитъ тит. сов. Дмитрію Александровичу Олсуфьеву.

Переулокъ Малый Гнѣздниковскій начинается отъ Тверской улицы и вступаетъ въ Леонтьевскій переулокъ; названъ по урочищу Гнѣздники, котораго значенія мы не могли опредѣлить. Въ старину былъ одинъ Гнѣздниковскій переулокъ, именно этотъ, а Большой имѣлъ другія наименованія.

16. Въ 1793 г. домовладѣлецъ генералъ-аншефъ и сенаторъ князь Александръ Александровичъ Прозоровской, бывшій съ 1790 по 1795 г. главнокомандующимъ въ Москвѣ; въ 1809 г. вдовствующая супруга его штатсъ и кавалерственная дама княгиня Анна Михайловна; въ 1825 году дочь ихъ, супруга егермейстера, княгиня Анна Александровна Голицына; въ 1836 г. камеръюнкерша кол. ассес. княгиня Юлія Өедоровна Куракина; въ 1839 г. кол. ассес. Михаилъ Васильевичъ Гурьевъ; въ настоящее время принадлежитъ ком. сов. С. М. Малкіелю. При домѣ была церковь св. князя Михаила Тверскаго.

17. Въ 1716 г. домъ князя Михаила Ивановича Вадбольскаго; въ 1737 году вдовы княгини Пелагеи Ивановны Вадбольской; въ 1765 г. сына ея генер. поруч. кн. Сергія Ивановича; въ 1793 г. вдовствующей его супруги, княгини Марьи Еөимовны; въ 1802 г. сына ея кол. ассес. князя Петра Сергѣевича; въ 1826 г. графини Марьи Николаевны Толстой (матери извѣстнаго писателя графа Льва Николаевича); въ 1852 г. Дворянскаго Депутатскаго Собранія; въ настоящее время домъ принадлежитъ поч. гр. С. П. Сазикову.

Переулокъ Большой Гнѣздниковскій начинается отъ Тверской и соединяется съ Малымъ Гнѣздниковскимъ переулкомъ. Въ прежнее время этотъ переулокъ доходилъ, по прямому направленію, почти до Никитскихъ воротъ, загибался и выступалъ на Тверской бульваръ, между нынѣшними домами Уѣзднаго Училища и П. П. Зыкова; уничтоженная эта часть переулка отошла къ тѣмъ дворамъ, которые выходятъ на Тверской бульваръ. Прежде этотъ переулокъ назывался по домовладѣльцамъ Исленьевскимъ и Урусовскимъ.

18. Домовладѣлецъ Духовной Консисторіи секретарь Филиппъ Павловичъ Донской [8]; затѣмъ сыновья его лейбъ-гвардіи Коннаго полка капралы Петръ

---

[8]) См. о немъ выше, стр. 26.

и Андрей Донскіе; потомъ Петръ Томясовъ и Давыдъ Бастеевъ; въ 1763 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ и дѣйствительный камергеръ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ; въ 1773 г. вдова его, графиня Екатерина Андреевна; въ 1779 г. дочь ихъ, супруга фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова, штатсъ и кавалерственная дама графиня Дарья Петровна; потомъ сынъ ея отст. гус. ротм. графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ; въ 1825 г. сестра его тайная сов. гр. Анна Ивановна Орлова; въ 1828 г. графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ; въ 1833 г. бригадирша Екатерина Владиміровна Новосильцова, урожденная графиня Орлова; въ 1852 г. дѣйств. стат. сов. Владиміръ Петровичъ Давыдовъ; въ 1858 г. тайн. сов. княгиня Елизавета Петровна Долгорукова; въ 1865 г. инженеръ-полковникъ Богомолецъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ почет гражд. И. И. Корзинкину.

Площадь, на которой стояли Тверскіе ворота въ стѣнѣ Бѣлаго города.

19. Въ 1802 г. домъ купцовъ Еремѣевыхъ, въ 1806 г. купцовъ Ерофѣевыхъ; въ 1816 г. купца Н. В. Орлова, въ настоящее время принадлежитъ купцу Н. И. Патину.

20. Въ 1793 г. домовладѣлецъ купецъ Г. А. Воробьевъ; въ 1806 г. Н. Д. Казинъ; въ 1817 г. подполков. Н. Н. Грандмезонъ; въ настоящее время принадлежитъ купцу Н. С. Малютину.

21. Въ 1802 г. домъ мѣщанки А. С. Шкариной; въ настоящее время числится за наслѣдниками купчихи Замятиной.

Переулокъ Палашевскій начинается отъ Тверской улицы и, дѣлая поворотъ, доходитъ до Спиридоньевскаго переулка; названіе получилъ отъ урочища Палаши, неправильно называемаго Палачи; здѣсь выковывали изъ желѣза палаши для войска, а по сосѣдству въ Бронной работали брони. Въ этой же мѣстности въ старину существовало урочище Кузнецы; вообще здѣшняя округа занималась производствомъ металлическихъ работъ. Прежде этотъ переулокъ назывался Рождественскою улицею, по церкви Рождества Христова, что въ Палашахъ, мимо которой онъ проходитъ.

22. Въ 1802 г. домъ купца Н. И. Токарева; въ 1806 г. купца А. В. Ладыгина, въ настоящее время принадлежитъ женѣ кол. секр. А. С. Яковлевой.

23. Въ 1780 г. домовладѣлецъ президентъ Государственной Ревизіонъ-Колегіи, ген.-поручикъ Александръ Матвѣевичъ Херасковъ; въ 1802 г. ген.-маіоръ Петръ Васильевичъ Мятлевъ (отецъ извѣстнаго писателя). Въ 1745 г. прапорщикъ Семенъ Григорьевичъ Васильчиковъ; въ 1793 г. сынъ его, любимецъ Екатерины II-й, генер.-поручикъ Александръ Семеновичъ; въ 1806 г. домъ этотъ принадлежалъ генер.-маіору графу Льву Кирилловичу Разумовскому; затѣмъ супругѣ его графинѣ Марьѣ Григорьевнѣ; въ 1834 г. брату ея, дѣйств. тайн. совѣт. князю Николаю Григорьевичу Вяземскому; въ 1852 г. женѣ стат. сов. Варварѣ Николаевнѣ Тимашевой-Берингъ; въ настоящее время домъ значится за тайн. совѣт. Иваномъ Павловичемъ Шаблыкинымъ. Въ немъ съ 1830 года помѣщается Московскій Англійскій Клубъ. За домомъ до сихъ поръ сохранился большой тѣнистый садъ.

24. Въ 1785 г. домовладѣлица вдова секундъ-маіорша, княгиня Прасковья Степановна Голицына; домъ этотъ находился въ родѣ Голицыныхъ около

70 лѣтъ; въ 1854 году онъ значится за поручикомъ княземъ Петромъ Петровичемъ Вадбольскимъ; въ 1857 г. за кол. секр. Ѳ. О. Керцелли; въ 1867 г. принадлежалъ княгинѣ Натальѣ Владиміровнѣ Оболенской, а въ настоящее время почетн. гражд. И. И. Корзинкину.

Переулокъ Мамоновскій начинается отъ Тверской улицы и доходитъ до Трехпруднаго переулка. Здѣсь находимъ въ 1742 г. домовладѣльца морскаго флота капитана-командира Алексѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова (это дядя извѣстнаго любимца Екатерины II-й); домъ его въ настоящее время принадлежитъ Глазной больницѣ.

25. Въ 1742 г. вышеназванный домовладѣлецъ А. В. Дмитріевъ-Мамоновъ; въ 1793 г. братъ его д. т. сов., сенаторъ, президентъ Вотчинной Колегіи Матвѣй Васильевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ; въ 1815 г. дочь его, двора ихъ императорскихъ величествъ фрейлина Прасковья Матвѣевна (у нея была домовая церковь Воскресенія Христова Словущаго); въ настоящее время домъ числится за Глазною больницею.

Переулокъ Благовѣщенскій начинается отъ улицы Тверской и доходитъ до Ермолаевскаго переулка. Названіе получилъ отъ церкви Благовѣщенія, отъ которой онъ начинается. Прежде назывался переулокъ Черный; это прозвище далъ здѣшній домовладѣлецъ въ 1793 г. купецъ Черный.

26. Въ 1765 г. домовладѣлецъ президентъ Мануфактуръ-Колегіи, Дмитрій Васильевичъ Волковъ, знаменитый дѣлецъ и секретарь Конференціи при имп. Елисаветѣ; домъ этотъ находился во владѣніи Волковыхъ около 80 лѣтъ; затѣмъ принадлежалъ вдовѣ штабъ-лекаря Н. Х. Шестаковой; въ 1852 г. надвор. сов. Н. С. Балкашиной; въ настоящее время числится за дочерью генер.-маіора Е. Д. Сталыпиною.

27. Въ 1793 г. домъ купца П. Е. Сорокина; въ 1837 г. купца Ѳ. Д. Буренкова; въ настоящее время принадлежитъ купцу К. А. Румянцеву.

28. Въ 1793 г. домъ купца Ѳ. М. Самойлова; въ 1837 г. купца В. И. Шестернина; въ 1855 г. купца М. Д. Смирнова; въ настоящее время домъ принадлежитъ сенатору, генералу отъ инфантеріи, князю Михаилу Александровичу Урусову.

29. Домъ Мѣщанина А. Н. Жилкина.

30. Въ 1793 г. домъ купца Ивана Казина; въ 1816 г. купца Д. Ѳ. Аллилуева; въ 1855 г. штаб.-ротм. Н. А. Грязева; въ настоящее время почетн. гражд. Е. А. Локотниковой.

31. Въ 1793 г. домовладѣлецъ купецъ Абрамъ Зубковъ; въ 1817 г. В. Кирсановъ; въ 1825 г. купецъ М. Жилкинъ; въ 1855 г. купцы Черкасовы; въ 1863 г. купчиха М. Ѳ. Пецъ; теперь домъ принадлежитъ дѣйств. стат. сов. Густаву Ивановичу Брауну.

Правая сторона Тверской улицы отъ Воскресенской площади.

32. Въ 1781 г. лавки купца И. Я. Грязенкова; въ 1806 г. лавка и съѣстной трактиръ дѣйств. стат. совѣтницы Надежды Ивановны Курманалеевой, коей владѣніе это принадлежало около 50 лѣтъ; въ 1855 г. значится за г. Карновичемъ, а въ настоящее время принадлежитъ поч. гражданину И. И. Корзинкину.

33. Въ 1781 г. лавки купца И. Я. Грязенкова; въ настоящее время принадлежатъ г. Яковлеву и церкви св. Николая, что на Мясницкой.

Подлѣ этихъ лавокъ стоялъ въ 1786 году каменный питейный домъ или кабакъ, называемый на Деревянномъ Скачкѣ [9]).

Представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Московскихъ кабакахъ.

Трудно опредѣлить съ отдаленныхъ временъ, когда и сколько было этихъ заведеній въ Москвѣ; мы такъ еще бѣдны обнародованными матеріалами по какой бы то ни было отрасли нашего города, и намъ не откуда было узнать, когда и какъ увеличивалось народонаселеніе первопрестольной столицы. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя мы могли собрать, намъ извѣстно, что первый кабакъ въ Москвѣ построенъ былъ по повелѣнію царя Іоанна IV для своей опричнины, около 1552 года, на Балчугѣ, за Живымъ мостомъ, между нынѣшнимъ Москворѣцкимъ и Цѣпнымъ мостами. Буйное своеволіе опричниковъ часто подавало тогда справедливыя причины къ народному ропоту. Царь Θеодоръ Іоанновичъ, по благочестію своему, приказалъ разрушить это зданіе; но царь Борисъ Годуновъ, для умноженія государственныхъ доходовъ, возобновилъ его. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ опредѣлено въ каждомъ городѣ быть по одному кабаку, а въ Москвѣ тремъ кабакамъ; но вскорѣ кабаки размножились въ столицѣ. У Татаръ кабакомъ называли постоялый дворъ, гдѣ продавались, между прочимъ, кушанья и напитки [10]). Въ старину кабаки назывались и кружалами, отъ кружекъ, въ которыхъ подавалось вино; фартинами, что также означало и самую мѣру вина, въ родѣ нынѣшняго штофа; названіе же питейныхъ домовъ имъ дано въ 1779 году. Мы узнаёмъ, что въ отдаленное время кабаки составляли какъ бы простонародные клубы; въ нихъ не только по днямъ, но и по цѣлымъ ночамъ водили бесѣды, судя по стариннымъ пословицамъ: людей повидать, въ кабакахъ побывать, или гдѣ хотите, тамъ и бранитесь, а на кабакѣ помиритесь; гдѣ кабачокъ, тамъ и мой дружокъ. Въ нѣкоторыхъ кабакахъ были харчевенныя мѣста, гдѣ производились такъ называемыя фартинныя, кегельныя, басковыя игры и гусекъ, «не на деньги, но для пріохочиванія покупателей на напитки, и для пріумноженія казеннаго дохода и народнаго удовольствія» [11]). У кабаковъ на дверяхъ на доскахъ были гербы; возлѣ оныхъ въ праздники помѣщалось нѣчто въ родѣ знаменъ, флаговъ и вымпеловъ, а у табашныхъ лавокъ на доскахъ нарисованы были офицеры съ курительными трубками. Камеръ-колегія запретила эти вывѣски и велѣла надъ кабаками дѣлать надписи: въ семъ домѣ питейная продажя, или въ семъ домѣ или лавкѣ табашная продажа, а другихъ никакихъ непристойныхъ знаковъ не выставлять [12]). Нѣкоторое время надъ входами въ питейные дома ставили елку, и такъ какъ эти заведенія приносили казнѣ доходъ, то и сложилась такая пословица: «елка зелена денежку даетъ». Въ 1626 г. было въ Москвѣ всего только 25 кабаковѣ [13]), въ

[9]) См. дѣла по Управѣ Благочинія № 207079, годъ 1786, въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

[10]) Исторія кабаковъ въ Россіи И. Прыжова. С.-Петербургъ, 1868 г. стр. 49.

[11]) Губернскій Архивъ Старыхъ Дѣлъ въ Москвѣ, дѣла по Управѣ Благочинія.

[12]) Дѣла Камеръ-колегіи, связка 91, № 14, годъ 1749, въ Москвѣ Арх. Мин. Юстиціи.

[13]) Столбецъ въ Архивѣ Моск. Оружейн. Палаты 1787 года № 116. Число жителей не показано, но извѣстно изъ Истор. Гос. Рос. Карамзина, т. VII, стр. 209, что въ 1520 г. уже было въ Москвѣ болѣе ста тысячъ жителей.

1775 г. на двѣсти тысячъ жителей 151 [14]), въ 1805 году 116 кабаковъ [15]), въ 1842 году 128; въ 1866, когда сивуха получила названіе дешевки, —1248 кабаковъ [16]) и наконецъ въ минувшемъ 1877 году на шестьсотъ слишкомъ тысячъ жителей 240 питейныхъ домовъ; но теперь въ этихъ заведеніяхъ нѣтъ ни лавки, ни стула, и устранена всякая возможность бесѣдованія.

Помѣщаемъ здѣсь и прозвища нѣкоторыхъ старинныхъ кабаковъ: Австерія, или Истерія, Агашка, Архаровской, Башмашной, Березинской, Брыскинской, Варгуниха, на Веселухѣ, Ветошная австерія, Волконка, Вольной, на Голикахъ, въ Дербенѣ, на Деревянномъ Скачкѣ, Дубовка, Дѣвкины бани, Живодерный, Живорыбный, Заверняйка, Замошной, Зацѣпа, на Зеленомъ, Земляной, Казенка, Калпашной, на Калужской срединѣ, Каковинка, Катокъ, Кафиль, Козиха, на Коптелкѣ, Красилка, Красненькой, Кружало Петровское, Кружало Тверское, на Крутоярѣ, Луниха, Лѣпивка, Малороссіянка, Новодеревенской, Облупа, Плющиха, Подберезки, Подвѣски, подъ Пушкою, Помѣрной, Пролетной, Разгуляй, Рожковской, Роушки, Рыбной, на Сапожкѣ, Серединской, Синодальной, Стеклянной, Стремянской, Стрѣлка, Сѣнной, Татьянка, у Тверскія растани, на Тверской срединѣ, Тишина, Труба, Тычокъ, Тягилевской, Укеинской, Хива, на Фонтанахъ, Щипунецъ, Ѳеколка. Противъ Троицы подъ горою находился кабакъ, подъ названіемъ Неугасимаго, потому что помѣщался въ подвалѣ, не имѣвшемъ дневнаго свѣта, а слабо освѣщался свѣчами. Мошенники, пользуясь темнотою, безбоязненно сбывали тамъ съ рукъ краденое плутамъ-покупщикамъ, и при поимкѣ могли утверждать, что не въ состояніи указать въ лицо, кому продали похищенную вещь; уничтоженіемъ этого кабака прекращено и сіе злоупотребленіе [17]). Въ 1773 г. императрица Екатерина II имяннымъ указомъ повелѣла вывести немедленно вонъ изъ Кремля находившійся у Тайницкихъ воротъ кабакъ, называемый Катокъ, по причинѣ частыхъ въ немъ озорничествъ отъ фабричныхъ Суконнаго двора, вблизи находившагося [18]).

Идемъ далѣе по Тверской.

34. Въ 1781 г. Бергъ-Коллегія и Монетный дворъ; здѣсь въ 1775 году содержался и показывался народу Пугачовъ, заключенный въ желѣзной клѣткѣ, которая до сихъ поръ сохранилась. Въ 1798 году строенія этого двора съ землею императоръ Павелъ I высочайше повелѣлъ отдать своему любимцу, статскому сов. и Московскому оберъ-полицеймейстеру Павлу Никитичу Каверину; въ 1821 году это владѣніе значится за комер. сов. Д. А. Лухмановымъ; въ настоящее время принадлежитъ сыну его губерн. секр. С. Д. Лухманову

35. Въ 1668 г. дворъ боярина Юрія Алексѣевича Долгорукова; въ 1781 г. дворъ и лавки праправнука его генералъ-поручика князя Василія Владиміровича Долгорукова. Строенія разобраны, и мѣсто отошло подъ нынѣшнюю площадь Охотнаго Ряда.

36. Въ 1668 г. дворъ стольника, князя Василія Васильевича Голицына, прозваннаго иностранцами великимъ Голицынымъ. Это былъ человѣкъ

---

14) Описаніе Импер. столичн. гор. Москвы В. Рубана, состав. въ 1775 г. и отпечат. въ С.-Петерб. 1782 года.

15) Истор. и географ. словарь Максимовича и Щекатова.

16) Указатель Москвы, изд. Москов. Город. Статист. Комитета 1866 г.

17) Портфели А. О. Малиновскаго, въ Мос. Глав. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

18) Архивъ Моск. Дворц. Конторы, связка 3, №№ 51 и 46, годъ 1773.

необыкновенаго ума и высокаго воспитанія, еще при царѣ Ѳедорѣ имѣвшій большое значеніе и еще большее въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны, которая наименовала его царственныя большія печати, государственныхъ, великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ. Князь жилъ великолѣпно: на домѣ блистала мѣдная кровля, а внутренность красовалась богатыми тканями и картинами извѣстныхъ живописцевъ. Послѣ семилѣтняго могущества своего, князь Василій Васильевичъ 11 Сентября 1689 года былъ лишенъ боярства и имѣній и сосланъ въ Яренскъ (Вологодской губерніи), оттуда переведенъ въ 1691 г. въ Пустозерскій острогъ, потомъ въ Пинегу, гдѣ окончилъ свою жизнь 13 Марта 1713 года, 80 лѣтъ отъ рожденія, и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ. Нѣкоторыя вещи изъ «описныхъ животовъ князя Голицына» находятся въ настоящее время въ Московскомъ Высоко-Петровскомъ монастырѣ [19]). Въ 1737 г. владѣетъ этимъ домомъ Имеретинская царица Дарья Арчиловна; въ 1745 г. генералъ-лейтенантъ и Грузинскаго государства царевичъ Бакаръ Вахтангеевичъ; въ 1765 г. княгиня Анна Георгіевна Грузинская, въ 1785 г. княгиня Дарья Александровна Грузинская; въ 1793 г. князья Александръ и Егоръ Александровичи Грузинскіе; въ 1802 г. надв. сов. Петръ Алексѣевичъ Кусовниковъ; въ 1852 г. поручицы Елизавета и Александра Чебышевы; въ настоящее время домъ принадлежитъ почет. гражд. Г. Ф. Комисарову. Надъ приходскимъ храмомъ преподобныя Параскевы, что въ Охотномъ ряду, была построена княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ въ 1687 г. верхняя церковь Воскресенія Христова и находилась первоначально на его содержаніи, а съ 1752 г. у князей Грузинскихъ во имя св. Іоанна Богослова, и обѣ считались въ числѣ домовыхъ.

Вотъ какъ происходило освященіе Воскресенской церкви: «195 (1687) года Генваря въ 23 день, въ недѣлю Блуднаго сына, святѣйшій патріархъ у всенощнаго былъ въ Соборѣ, и предъ литургіею въ 3 часу [20]) въ исходѣ ходилъ къ освященію храма Живоноснаго Воскресенія за Неглинскіе ворота, что у двора болярина князя Голицына, и какъ патріархъ пришелъ, и въ то время звонили у той церкви къ выносу мощей и къ литургіи былъ звонъ. Со святѣйшимъ служили два архіерея, два архимандрита да игуменъ; съ мощами около церкви не ходили, а мощи взяли изъ исподней церкви святыя преподобныя матери Параскевы. И послѣ обѣдни святѣйшій патріархъ ходилъ въ палаты къ болярину князю Василью Васильевичу, и бояринъ святѣйшему подносы подносилъ, и патріархъ подносовъ не изволилъ принять, токмо благословилъ домъ его и посидѣлъ мало и, подавъ имъ благословеніе, пошелъ въ домъ свой архіерейской, а шелъ къ болярину и отъ него переходами святѣйшій. Въ Соборѣ служилъ литургію того дня Тверской архіепископъ, съ нимъ два архимандрита, да игуменъ» [21]).

37. Въ 1738 г. дворъ капитана князя Александра Владиміровича Долгорукова; въ 1775 г. генералъ-поручика князя Василія Владиміровича Долгорукова; въ 1793 г. брата его генералъ-аншефа князя Юрія Владиміровича; въ 1832 г. супруги кол. ассес., княгини Вѣры Ѳеодоровны Салтыковой; въ 1848 г. вдовы комерц. сов. В. М. Алексѣевой; въ настояще время домъ принадлежитъ поч. гражданкѣ М. Г. Гусачевой.

---

[19]) См. Высоко-Петровскій монастырь, архим. Григорія, М., 1873, стр. 16.

[20]) Т. е. по древнему счету часовъ, съ восхожденія солнца.

[21]) Древн. Русс. Вивліоѳика, изданіе 2, томъ XI, стр. 273.

Переулокъ Георгіевскій находится между улицами Тверскою и Дмитровкою; названіе получилъ отъ Георгіевскаго женскаго монастыря (нынѣ приходская церковь), мимо котораго онъ проходитъ.

38. Въ 1739 г. домовладѣлецъ тайный совѣтникъ князь Сергій Григорьевичъ Долгоруковъ; въ 1755 г. вдова его, княгиня Марѳа Петровна Долгорукова; въ 1793 г. полковникъ Петръ Аѳанасьевичъ Бекетовъ, затѣмъ сынъ его камергеръ Петръ Петровичъ; въ настоящее время домъ числится за почетн. гражд. Н. А. Сушкинымъ.

39. Въ 1793 г. домъ тайнаго совѣтника, камергера князя Сергія Михайловича Голицына; 1802 г. тайнаго совѣтника князя Александра Михайловича Голицына; потомъ дѣйствительнаго камергера Петра Петровича Бекетова. Владѣніе это раздѣлилось, и въ настоящее время принадлежитъ одна часть купцу Н. П. Матейсену, а другая, къ углу Камергерскаго переулка, поручику П. А. Хвощинскому.

Переулокъ Камергерскій находится между улицами Тверскою и Дмитровкою; настоящее названіе получилъ отъ бывшаго здѣсь въ 1741 г. домовладѣльца камергера Василія Ивановича Стрѣшнева (нынѣ домъ тайнаго совѣтника И. П. Шаблыкина). Прежде этотъ переулокъ назывался Квасънымъ, потомъ Спасскимъ отъ церкви Спаса Преображенія, которая стояла на углу этого переулка и Тверской; церковь разобрана въ 1787 году, и мѣсто въ настоящее время занято владѣніемъ наслѣдниковъ почетной гражданки Дашкевичъ. Назывался этотъ переулокъ и Одоевскимъ, по дому князя Одоевскаго, находившемуся въ этомъ переулкѣ, что̀ нынѣ домъ г. Степанова.

40. Въ 1716 г. домовладѣлецъ бояринъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, впослѣдствіи оберъ-камергеръ, генералъ-аншефъ, пользовался неограниченною довѣренностію императора Петра II; по восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны сосланъ въ 1730 г. въ Березовъ, а въ 1739 г. привезенъ въ Новгородъ, и тамъ 26 октября четвертованъ на полѣ, близъ Скудельничьяго кладбища, и похороненъ въ церкви св. Николая въ верстѣ отъ Новгорода. Въ 1781 г. сынъ его, рожденный въ Березовѣ, гвардіи капитанъ и почетный опекунъ Московскаго Воспитательнаго Дома, князь Михаилъ Ивановичъ; затѣмъ генер.-маіоръ князь Александръ Борисовичъ Голицынъ; въ 1793 г. дѣвица княжна Елисавета Борисовна Голицына; позднѣе предводитель Московскаго дворянства князь Павелъ Михаиловичъ Дашковъ; въ 1813 г. генералъ-лейтенантъ графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ; въ 1832 г. супруга дѣйст. стат. сов. Софья Юрьевна Самарина; въ 1860 г. купецъ И. Утинъ; въ 1873 г. вдова почетн. гражд. Дашкевичъ; въ настоящее время домъ принадлежитъ ея наслѣдникамъ. При домѣ была церковь Св. Троицы.

Отсюда начинался переулокъ съ Тверской на Дмитровку, отошедшій къ прилегающимъ владѣніямъ.

Подлѣ переулка на Тверской улицѣ стоялъ Воскресенскій Высокій монастырь, который именовался «у Золотой рѣшетки». Высокимъ онъ назывался отъ возвышенной мѣстности, на которой былъ расположенъ. Мужская эта обитель, давшая названіе Воскресенскимъ воротамъ, упоминается уже въ 1598 году по случаю избранія на царство Бориса Годунова [22]. Въ 1656 г.

---

[22]) Древн. Росс. Вивліоѳика, т. VII, стр. 114.

по указу царя Алексѣя Михайловича она приписана къ Саввино-Сторожевскому монастырю и, вѣроятно, вскорѣ обращена въ подворье. Нѣкоторое время здѣсь пребывали Крутицкіе архіереи, а съ 1799 года и по настоящее время живутъ преосвященные Московскіе викаріи [23].

11. Въ 1657 году дворъ князя Ивана Дашкова; въ 1712 г. дворъ князя Матвѣя Петровича Гагарина; въ 1719 г. дворъ князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина; въ 1764 г. сына его лейбъ-гвард. Семеновскаго полка секундъ-маіора князя Матвѣя Алексѣевича; въ 1805 г. статсъ-дамы графини Елисаветы Васильевны Зубовой (матери Екатерининскаго любимца); въ 1820 г. купца М. Д. Часовникова; въ 1840 г. купчихи П. Х. Крашенинниковой; въ 1855 г. купца И. Т. Дубицкаго; въ настоящее время домъ принадлежитъ Д. А. Олсуфьеву.

Когда еще въ Бѣломъ городѣ, въ царствованіе Петра Великаго, между уютными каменными домами бояръ, стояли не только деревянные хоромы, но даже избы горожанъ, тогда князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ воздвигъ великолѣпныя палаты, на образецъ Венеціанскихъ, вѣроятно, по проекту одного изъ иностранныхъ архитекторовъ, которые вмѣстѣ съ Русскими строителями украшали столицу произведеніями церковнаго и гражданскаго зодчества. Мы еще помнимъ первобытный наружный видъ этихъ палатъ, и можемъ навѣрное сказать, что онѣ составляли украшеніе Царской или Тверской улицы. Домъ этотъ, въ настоящее время искаженный, на сколько замѣчателенъ былъ своимъ зодчествомъ, на столько достопамятенъ и судьбою своего владѣльца. Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, сперва воевода въ Нерчинскѣ, потомъ судья въ Сибирскомъ Приказѣ, въ вѣдѣніи котораго состояла вся Сибирь, затѣмъ Московскій губернаторъ, когда уже построилъ свои диковинныя палаты, въ 1711 г. назначенъ былъ Сибирскимъ губернаторомъ. Петръ I, вслѣдствіе сдѣланнаго на князя доноса, вызвалъ его въ Петербургъ подъ предлогомъ, чтобы онъ участвовалъ въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ [24]; тамъ князь былъ преданъ суду, заключенъ въ Адмиралтейскую тюрьму, гдѣ содержался около двухъ лѣтъ, былъ пытанъ, битъ кнутомъ, и 17 Іюля 1721 года повѣшенъ на площади предъ Сенатомъ. Великолѣпіе внѣшности его палатъ соотвѣтствовало и роскошному внутреннему убранству. Разнаго рода дорогое дерево, мраморъ, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшеніе покоевъ, гдѣ зеркальные потолки отражали въ себѣ блескъ люстръ, канделябръ, въ висячихъ стеклянныхъ прудкахъ плавали живыя рыбы, разноцвѣтные наборные полы представляли узорчатые ковры. Теперь домъ этотъ разбитъ на мелкіе квартиры и магазины.

12. Въ 1738 г. домовладѣлецъ стат. сов. князь Василій Ивановичъ Гагаринъ; въ 1782 г. аптекарь Яковъ Калкау; въ 1793 г. вдова Авдотья Михайловна Калкау; въ 1805 г. генералъ-маіоръ Дмитрій Васильевичъ Чертковъ; въ 1837 г. дворянинъ Д. А. Поповъ; въ настоящее време домъ принадлежитъ вдовѣ почетн. гражд. Н. М. Андреевой. Рядомъ съ этимъ домомъ начиналось владѣніе дѣйст. тайн. сов. и Верховнаго Тайнаго Совѣта члена князя Михаила Владим. Долгорукова († 1750 г.), отца кн. Вас. Михаил. Долгорукова-Крымскаго; затѣмъ дочерей его княженъ Евдокіи и Аграѳены Михайловнъ. Императрица Екатерина II нашла нужнымъ пріобрѣсти въ казну

[23]) Саввинское подворье въ Москвѣ, соч. К. П. Розанова, 1869 г., стр. 3.
[24]) См. газета Голосъ, годъ 1870, № 70.

мѣсто, принадлежащее кн. Долгоруковымъ и позволила на покупку онаго употребить до 7.000 рублей; купленное мѣсто приказано въ 1790 г. обратить въ площадь [25]).

43. Въ 1737 г. дворъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручика Андріяна Ивановича Лопухина; въ 1757 г. сына его ст. сов. Андріяна Андріяновича. Въ 1719 г. домъ ген. маіора и сенатора кн. Григорія Алексѣевича Урусова; въ 1725 г. морскаго флота капитана князя Василья Алексѣевича Урусова; за тѣмъ вдовы его княгини Прасковьи Петровны; въ 1765 г. сына ихъ маіора князя Ѳеодора Васильевича Урусова; въ 1786 г. сестры его дѣвицы княжны Прасковьи Васильевны; въ 1802 г. брата ея надв. сов. князя Петра Васильевича (у Урусовыхъ была домовая церковь св. Діонисія Ареопагита); въ 1813 г. именитаго гражданина Степана Ивановича Усачева; въ 1826 г. купца В. В. Варгина. Теперь оба эти владѣнія составляютъ одно и принадлежатъ статскимъ совѣтникамъ А. и Н. Варгинымъ.

Переулокъ Глинищевскій находится между улицами Тверскою и Дмитровкою; глинистая почва дала наименованіе этому переулку, который назывался также и Алексѣевскимъ, по церкви св. Алексія митрополита, здѣсь находящейся.

44. Въ 1761 г. домовладѣлецъ стольникъ Михаилъ Георгіевичъ Телепневъ; въ 1737 г. сержантъ Преображенскаго полка Иванъ Степановичъ Телепневъ; въ 1782 г. лебъ-гвардіи Семенов. полка кап. пор. Петръ Ивановичъ Телепневъ; въ 1785 г. полковникъ Иванъ Петровичъ Телепневъ; въ 1806 г. оберъ-провіантмейстеръ маіоръ Николай Максимовичъ Походяшинъ; въ 1826 г. надв. сов. Марья Яковлевна Походяшина; въ 1837 г. дворянинъ Д. А. Поповъ; съ 1856 г. и по настоящее время гг. Манухины.

45. Въ 1716 г. домовладѣлецъ маіоръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, Московскій генералъ-губернаторъ, возведенный 19 Февраля 1732 года въ графское Россійской Имперіи достоинство; въ 1765 г. сынъ его фельдмаршалъ, сенаторъ и дѣйств. камергеръ графъ Петръ Семеновичъ, Московскій главнокомандующій; въ 1775 г. сынъ послѣдняго генералъ-аншефъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ и военный губернаторъ въ Москвѣ графъ Иванъ Петровичъ; въ 1807 г. сынъ его, гвардіи гусарскаго полка поручикъ, графъ Петръ Ивановичъ, въ 1812 году сформировалъ на собственный свой счетъ цѣлый полкъ, извѣстный подъ именемъ Салтыковскаго; умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; въ 1821 г. сестра его графиня Анна Ивановна Орлова; въ 1836 г. тайн. совѣтн. Прасковья Ивановна Мятлева, урожденная графиня Салтыкова; въ настоящее время домъ принадлежитъ надв. сов. Петру Ивановичу Мятлеву. При домѣ находилась полковая церковь Пресвятыя Богородицы Владимірскія. (Въ этомъ домѣ родился М. П. Погодинъ).

46. Въ 1785 г. домъ купца Игнатія Малютина; въ 1824 г. генер.-маіора Александра Сергѣевича Шульгина, бывшаго въ Москвѣ оберъ-полицеймейстеромъ; въ 1839 г. купца Н. И. Шевалдышева; затѣмъ г-жи Барыковой; въ настоящее время принадлежитъ дѣйств. стат. сов. М. А. Исакову.

Переулокъ Козицкій находится между улицами Тверскою и Дмитровкою, названъ по домовладѣлицѣ, какъ сейчасъ увидимъ; назывался и Сергіев-

---

[25]) См. Русскій Архивъ, годъ 1872, стр. 546 и 550.

скимъ по церкви Успенія Божіей Матери съ придѣломъ преп. Сергія, находящейся въ концѣ этого переулка, на Большой Дмитровкѣ.

47. Въ 1738 г. домъ княжны Марьи Өеодоровны Вяземской; въ 1745 г. брата ея дѣйст. камерг. кн. Андрея Өедор.; въ 1778 г. сына его тайн. сов. сенатора кн. Ив. Андр. Вяземскаго (дѣдъ извѣстнаго писателя); въ 1793 г. ст. сов. Ек. Ив. Козицкой; въ 1825 г. дочери ея, супруги оберъ-шенка кн. Анны Григорьевны Бѣлосельской-Бѣлозерской; впослѣдствіи перешелъ къ княгинѣ Еленѣ Павловнѣ Кочубей (въ первомъ бракѣ княгинѣ Бѣлозельской-Бѣлозерской); теперь жены ком. сов. М. А. Малкіеля. При домѣ кн. Вяземскаго была церковь Живоначальныя Троицы. Отъ этого дома шелъ переулокъ на Большую Дмитровку и назывался Вяземскимъ; въ 1778 г. онъ уничтоженъ, и земля его прирѣзана къ домовладѣльцамъ кн. Вяземскому и купцамъ Никитѣ Терентьеву и Петру Кожевникову. Въ этомъ домѣ съ 1826—1828 годахъ жила и собирала у себя писателей и художниковъ кн. З. А. Волконская, ур. Бѣлосельская-Бѣлозерская.

48. Въ 1778 г. домъ купца Никиты Терентьева; въ 1813 г. купцовъ Тулуповыхъ.

49. Въ 1793 г. домъ мѣщанина Егора Марсова.

50. Въ 1793 г. домъ провіантмейстера Петра Тимоөеевича Лобкова. Въ настоящее время эти три владѣнія принадлежатъ купчихѣ М. С. Лагуновой.

Далѣе, черезъ нынѣшнюю площадь Страстнаго монастыря или черезъ Тверскіе ворота:

51. Въ 1793 г. домъ кол. сов. Ильи Ивановича Бѣляева; въ 1803 г. сына его гвардіи прапорщика Ивана Ильича; въ 1825 г. тит. сов. Г. И. Высоцкаго; въ настоящее время вдовы кол. секр. В. Д. Дубровиной съ дѣтьми.

52. Въ 1793 г. домовладѣлецъ ген. маіоръ Петръ Сергѣевичъ Телѣгинъ; въ 1806 г. супруга его Екатерина Александровна; въ 1817 г. ген. маіоръ Павелъ Александровичъ Рахмановъ; въ 1849 г. дѣйств. ст. совѣт. Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій; въ настоящее время домъ принадлежитъ поч. гражд. Марковымъ.

53. Въ 1793 г. домъ купчихи Татьяны Пустоваловой; въ 1806 г. кол. сов. Натальи Абрамовны Пушкиной; въ 1821 г. дѣйств. стат. сов., камергера, Алексѣя Михайловича Пушкина; въ 1833 г. сына его тит. сов. Ивана Алексѣевича; въ 1834 г. купчихи Д. З. Русиновой; въ 1849 г. поч. гражд. А. П. Русинова; въ 1867 г. купч. Н. А. Овчинниковой; въ настоящее время принадлежитъ купцу В. К. Любимову.

Переулокъ Медвѣжій между Тверскою и Малою Дмитровкою.

54. Въ 1793 г. домъ купца Петра Милошина; въ 1803 г. сыновей его Егора и Андрея; въ 1816 г. тайнаго совѣтника и сенатора князя Сергія Ивановича Гагарина; въ 1822 г. купца Я. Замятина; въ настоящее время купца К. К. Севастьянова.

55. Въ 1793 г. домовладѣлецъ генер.-маіоръ Александръ Петровичъ Ермоловъ (любимецъ Екатерины II-й); въ 1816 г. поручикъ Павелъ Григорьевичъ Щепочкинъ; въ 1836 г. генеральша М. П. Бистромъ; въ 1837 г. штабъ-ротмистръ Николай Дмитріевичъ Нарышкинъ; въ настоящее время домъ для жительства гражданскихъ губернаторовъ.

56. Въ 1775 г. домовладѣлецъ секундъ-маіоръ Левъ Александровичъ Колычевъ; въ 1803 г. князь Владиміръ Ивановичъ Щербатовъ; въ 1817 г. вдова артиллеріи маіора Наталья Матвѣевна Неронова; въ 1837 г. подполковникъ Александръ Дмитріевичъ Ивинскій; теперь домъ принадлежитъ поч. гражд. Н. С. Мазурину. У Н. М. Нероновой была Духосошественская домовая церковь.

57. Въ 1765 г. домъ подполковника Ивана Егоровича Баскакова; въ 1803 г. дочери его дѣвицы Елисаветы Ивановны; въ 1806 г. тайной совѣтницы Варвары Ѳедоровны Голохвастовой; въ 1817 г. генер. маіор. Маѳы Петровны фонъ-Мертенсъ; въ 1845 г. надв. сов. Степана Ивановича Шиловскаго; въ настоящее время дворянина В. С. Шиловскаго.

Переулокъ Дегтярный находится между улицами Тверскою и Малою Дмитровкою; должно полагать, что здѣсь производился торгъ дегтемъ вблизи Тверской Ямской слободы.

58. Въ 1793 г. домовладѣлецъ капитанъ Дмитрій Ивановичъ Протопоповъ; въ 1806 г. мѣщанинъ Я. Т. Двукраевъ; въ 1826 г. цеховой И. П. Гречихинъ; теперь принадлежитъ купцу А. А. Ильину.

59. Въ 1793 г. домъ купца В. А. Литвѣева; въ 1816 г. купца М. Мякотина; въ 1835 году купца В. Ѳ. Аллилуева; въ 1847 г. гвардіи ротмистра Аполлона Евграфовича Мерлина; теперь принадлежитъ купцу М. Д. Смирнову.

60. Въ 1745 г. домъ капитана драгунскаго полка князя Сергія Ѳедоровича Волконскаго; въ 1785 г. сына его князя Михаила Сергѣевича; затѣмъ вдовы его княгини Екатерины Исаевны; въ 1793 г. графини Варвары Петровны Девьеръ; въ 1803 г. подполковника Ивана Михайловича Хлѣбникова; затѣмъ княжны Екатерины Сергѣевны Трубецкой; въ 1835 г. княгини Анны Николаевны Трубецкой; въ 1840 г. княжны Елисаветы Николаевны Трубецкой; въ 1848 г. отстав. гвардіи ротм. Аполлона Евграфовича Мерлина; въ 1853 г. гвардіи поручика Татищева; въ 1861 г. жены штабсъ-ротм. княгини Елисаветы Александровны Голицыной; теперь купца П. И. Смирнова.

Переулокъ Пименовскій находится между улицами Тверскою и Малою Дмитровкою, названъ по церкви св. Пимена, что̀ въ Старыхъ Воротникахъ, здѣсь находящейся; тутъ жили слободою воротники, т. е. стража у воротъ Кремля, Китая и Бѣлаго города; состояли они въ вѣдѣніи Канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи.

61. Въ 1793 г. домовладѣлецъ генер. поруч. князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій; въ 1808 стат. сов. Анна Иван. Лаврова; въ 1817 г. генералъ-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Облеуховъ, принадлежалъ Облеуховымъ около 40 лѣтъ; въ 1856 г. числится за кол. ас. П. В. Винокуровымъ, а въ настоящее время значится за женою временнаго купца Е. А. Коровиной. (Здѣсь жилъ и умеръ поэтъ Н. М. Языковъ).

62. Въ 1785 г. домъ надв. сов. Якова Ивановича Ордина-Пащокина; въ 1803 г. генерала отъ инфантеріи Петра Хрисанѳовича Обольянинова (извѣстнаго генералъ-прокурора Павловскихъ временъ), въ 1866 г. жен. кол. секр. Елисаветы Михайловны Всеволожской, урожденной Обольяниновой; за тѣмъ его пріобрѣлъ и отлично перестроилъ гвардіи штабсъ-капитанъ А. А. Пороховщиковъ; теперь онъ принадлежитъ братьямъ Ивану и Степану Васильевичамъ Хомяковымъ. Въ домѣ у П. Х. Обольянинова была церковь Срѣтенія Господня.

63. Въ 1757 г. домовладѣлецъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Николай Щепотьевъ; въ 1793 г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій; въ 1803 г. купцы Иванъ и Андреянъ Славные; въ 1830 г. тит. сов. А. И. Звѣрева; въ 1835 г. кол. сов. Сабанѣева; въ настоящее время домъ принадлежитъ дѣйств. стат. сов. Өедору Өедоровичу Рѣзанову.

*

На пути нашемъ по Тверской улицѣ мы замѣтили, что изъ числа 63 владѣльцевъ у тринадцати были свои домовыя церкви, хотя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ находились и церкви приходскія. Не думаемъ, чтобы недуги и преклонныя лѣта нашихъ вельможъ были главною причиною устройства домовыхъ церквей; тутъ, полагать надобно, нерѣдко примѣшивалась и такъ называемая, барская спѣсь, что̀ и подтверждается слѣдующею статьею Духовнаго Регламента: «Отселѣ не быть у мірскихъ ни у кого (кромѣ фамиліи Царскаго Величества) въ домахъ церквамъ и крестовымъ попамъ; ибо сіе лишнее есть, и отъ единыя спѣси дѣется, и духовному чину укоригельное. Ходили бы господа къ церквамъ приходскимъ, и не стыдились бы быть братіею, хотя и крестьянъ своихъ, въ обществѣ христіанстѣмъ. О Христѣ бо Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободь, глаголетъ Апостолъ» [26]). Позднѣе, дѣланы исключенія для людей престарѣлыхъ.

Алексѣй Мартыновъ.

---

[26]) Духовный Регламентъ Петра Перваго 1721 года.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина

О состоянии России, въ концѣ Екатерининскаго царствованія.

Письмо это найдено въ черновомъ подлинникѣ въ бумагахъ графа Ростопчина, сообщенныхъ намъ его сыномъ. Не видно, къ кому именно писано оно; но по содержанію своему оно служитъ дополненіемъ писемъ графа Ростопчина къ Лондонскому его благопріятелю графу С. Р. Воронцову, напечатанныхъ въ VIII книгѣ «Архива Князя Воронцова». Время написанія слѣдуетъ отнести къ 1794 году, когда дѣйствительно готовился новый разрывъ между Россіей и Турціею. Вспыхнувшее вслѣдъ за тѣмъ возмущеніе Польши побудило Екатерину уладить отношенія наши къ Турціи.

Сужденія графа Ростопчина нерѣдко верхоглядны, отзывы почти всегда рѣзки и мнѣнія желчны; но историкъ не можетъ оставлять безъ вниманія его показанія: они въ высокой степени изобразительны и обнаруживаютъ въ графѣ Ростопчинѣ высоко-даровитаго писателя и зоркаго наблюдателя событій.

П. Б.

Du 9 (20) Mars (1794). S.-Pétersbourg.

Il me semble que la guerre est inévitable pour la Russie, puisque l'Impératrice le veut, malgré les réponses modérées et pacifiques de la Porte. Elle persiste dans l'intention de parvenir à son but et de remplir les gazettes du bombardement de Constantinople. Elle dit, à sa table, qu'elle perdra un jour patience et fera voir aux Turcs qu'il est aussi aisé d'aller à leur capitale que de faire le voyage de la Crimée. Elle accuse même quelquefois le prince Potemkin de n'avoir pas exécuté son projet et d'avoir manqué de bonne volonté, car il ne falloit que cela. Voilà ses expressions. D'un autre côté, elle désire encore assurer la Valachie et la Moldavie au grand-duc Constantin et le faire régner là. Mais ce qui rend la guerre encore plus probable, c'est le désir qu'a le comte Zoubow de commander l'armée et d'avoir un prétexte de devenir maréchal, grand-homme de guerre, etc. Il compte probablement sur m-r Marcow pour oser entreprendre une tâche qui lui fera faire une absence, véritable casse-cou pour les gens en faveur... Il paraît qu'il a en vue de suivre la méthode du prince Potemkin.

Il n'y a plus de numéraire: le rouble en argent blanc vaut 150 cop. en papier. M-r de Samoïlow, soufflé je ne sais par qui,

avoit proposé de faire battre une nouvelle monnaie réduite à sa valeur d'à présent. Ce projet a été sur le point d'être adopté, par les avantages qu'on y trouvoit en empêchant l'exportation hors du pays; mais ils ne faisoient pas attention que le papier ne diminueroit pas de prix, et qu'on ne le pourroit jamais faire aller de pair avec la nouvelle monnaie dont la prétendue valeur ne seroit qu'une attrape.

On fait de grands rassemblemens du côté des frontières. Les généraux et les officiers ont reçu les ordres les plus sévères pour aller rejoindre leurs corps; malgré cela tout le monde reste: tant l'habitude de désobéir est devenue naturelle. La flotte de la Mer Noire est très-formidable. Elle est commandée par un brave et galant homme, m-r Mordvinow; la flottille par m-r. Ribas, aussi gueux que l'autre est honnête. Ils sont tous les deux parfaitement bien avec m-r de Zoubow. Le c-te Solticow va remplacer en Pologne le p-ce George Dolgorouky, qui, après avoir eu le cordon de St. Volodimir, le chiffre pour sa fille, qui par ce moyen a été reconnue, et avoir vu qu'il n'y a plus moyen, pour quelqu'un qui aime l'ordre, de rester au service, se retire à Moscou pour cause de maladie.

D'après tout ce que j'ai entendu dire à des gens dignes de foi, la partie de la Pologne qui nous est échue en partage est devenue un repaire de voleurs. Les soldats, n'ayant pas touché les appointemens depuis 8 mois et manquant de tout, n'obéissent à personne et volent sans craindre la punition.

Vous avez désiré de savoir qui sera à la place du c-te Scavronsky; je crois que vous êtes déjà instruit de la nomination des nouveaux ministres. Le c-te Panin, jeune homme d'un grand mérite et d'une conduite extraordinaire pour son âge (car il n'a que 24 ans) devoit aller à Naples; l'oukase étoit déjà signé, mais Nesselrode, ayant demandé son congé, on fit une nouvelle répartition. Kolishew, de la Haye, est allé à Berlin; Panin a été nommé à sa place; le c-te Stackelberg a été nommé pour aller à Turin, et le pauvre Béloselsky perdit sa place sans le douter le moins et au moment où il voulait y retourner. Ce c-te Stackelberg est fait pour la carrière qu'il a choisie; il a beaucoup d'esprit, de pénétration, insinuant, poli avec tout le monde, un peu même jésuite; il paroît relever par sa conduite les ridicules de monsieur son père, qui se croit être un séducteur à 25 ans, aimable, assommant, ambitieux et rampant, justifiant ses demarches par le désir de contribuer et d'assurer le sort de ses enfans; amoureux de la cour, où il est à charge, surtout depuis un accès d'épilepsie qu'il a eu et qu'il qualifie de faiblesse. G-in va à Naples. On aurait pu être content de se débarrasser d'un gueux, s'il n'en restoit des douzaines pour lui succéder. Cet homme a toutes les qualités nécessaires pour figurer à la cour et tromper le public. Je suis sûr qu'il auroit également brillé à la cour de Louis XV et parmi les Jacobins. Je suis bien fâché de la

mort de m-r de Zinoview. C'étoit un si bon vieillard! Son départ retardé et tout ce qu'il voyoit ont précipité sa fin. On en avoit fait une espèce de plastron pendant le séjour de Sarsko-Sélo; son enthousiasme pour l'Espagne et sa vivacité donnoient lieu à des plaisanteries, qui n'ont pas de bornes à la cour. On lui avait accordé une pension de 2000 r. en augmentation de ses appointemens, et il étoit très-content. Je ne sais pourquoi, mais il avoit beaucoup d'amitié pour moi, et quand il me parlait de son départ, il ne manquoit jamais d'ajouter que son coeur saignoit en songeant à tout ce qu'il avoit vu ici. Sa place n'est encore donnée à personne; on croit que m-r Krudener l'aura et qu'il sera remplacé à Copenhague par m-r le baron Stackelberg, que l'on vient de faire gentilhomme de la chambre, qu'on dit avoir beaucoup de mérite, et qui a été longtems employé dans les missions étrangères.

Le crédit de m-r Marcow va toujours en augmentant. Il est l'âme des affaires; c'est lui qui projette et fait tout. Le favori passe pour un grand travailleur dans le monde, car en refusant sa porte, on dit qu'il écrit et doit être ces jours prince du St. Empire, et m-r Marcow— comte. Je trouve que ce dernier fait très-bien de rappeler de tems en tems qu'il lui faut encore quelque chose, et c'est toujours avec le c-te Zoubow qu'ils récompensent et qu'ils partagent les faveurs de la cour. Le c-te Bezborodko est allé encore à Moscou; la maison qu'il y fait bâtir est le prétexte de ses courses. Il n'a absolument rien à faire et en parle lui-même, les affaires étrangères étant entre les mains de m-r Marcow, et celles de l'intérieur entre les mains de m-r Трощинской, secrétaire de l'Impératrice et grand travailleur.

Il paraît que les affaires de France ont déjà ennuyé l'Impératrice; car on ne parle plus des événemens de ce pays et on ne s'en occupe que par bienséance. Il nous arrive cependant beaucoup de Français; hommes, femmes, enfans, tout passe à la douane. Je trouve que la révolution a fait un grand tort aux souverains et aux mille et une nuits, contes arabes: car c'est incroyable à quel point les esprits sont dépravés et montés partout. Les histoires des émigrés surpassent les contes de feés. M-r d'Esterhazy paroît être un peu hors de mode; Marcow le connoît trop bien pour ne pas faire revenir sur son compte m-r Zoubow. Il ne vous aime pas; il trouve que vous avez montré trop peu d'intérêt au sort malheureux des princes et nobles, errant en Juifs. Mais sa haine pour vous n'a donné lieu qu'à des exclamations de sa part; et, accoutumé de voir les choses justes, vous vous êtes trop accoutumé à dire la vérité pour la taire dans une circonstance où une fausse compassion et l'envie de faire violence aux opinions a entraîné généralement tout le monde et a fait employer des moyens qui ont réuni toute une nation pour la défense commune. On croit que tout cela finira plus tôt qu'on ne le croit, et le roi de Prusse paroît être le premier à donner l'exemple pour ramener la paix. On est très-content

du c-te Serge en Suède, et le Régent a déjà écrit plusieurs fois pour remercier du choix que l'on avoit fait. Cela me fait un grand plaisir, car je craignois qu'il ne recommençât ses farces de Berlin.

La cour n'ira que tard à Sarsko-Sélo; l'Impératrice se trouve si bien au nouveau palais de la Tauride qu'elle y restera tout le mois de Mai. Le principal agrément est d'être de plein-pied dans le jardin et de ne voir que peu de monde. Le grand-duc est à Гачина depuis une semaine. Dans ma première lettre je vous donnerai des détails sur sa cour et sur celle de ses enfans. Le grand-duc Alexandre est rempli d'admiration pour vous et me charge de vous remercier pour l'opinion que vous avez de lui.

Je suis heureux et trop amoureux de ma femme pour vous en parler. Elle est assez grande, bien faite, se tient assez bien; elle a de beaux yeux. Voilà ce que je peux vous dire; le reste paroîtroit venir d'un amant, et j'attendrai encore quelques mois pour vous en parler. Je vis avec quelques personnes que j'ai eu l'occasion de connaître avant, et comme ma femme pense comme moi et qu'elle a été trop longtems à la cour pour ne pas être dégoutée de la grande société, nous n'y sommes qu'autant qu'il faut pour ne pas passer pour singuliers.

ПЕРЕВОДЪ.

С.-Петербургъ, 9 (20) Марта (1794).

Мнѣ кажется, что война для Россіи неизбѣжна, потому что Императрица того желаетъ, не смотря на умѣренные и миролюбивые отвѣты Порты [1]). Ей непремѣнно хочется достигнуть своей цѣли и наполнить газеты вѣстью о бомбардированіи Константинополя. За столомъ своимъ она выразилась, что наконецъ терпѣнію ея наступитъ конецъ, и Турки убѣдятся, что забраться къ нимъ въ ихъ столицу также легко, какъ съѣздить въ Крымъ. Иногда она даже ставитъ въ вину князю Потемкину, что онъ не исполнилъ ея предначертаній и дѣйствовалъ нерадиво, «тогда какъ нужно было только съ усердіемъ приняться за дѣло». Это именно ея слова. Съ другой стороны она по прежнему желаетъ обезпечить великому князю Константину Павловичу Молдавію и Валахію и воцарить его тамъ. Возможность войны усиливается еще желаніемъ графа Зубова командовать арміею и по этому поводу сдѣлаться фельдмаршаломъ, великимъ военнымъ человѣкомъ и пр. Но любимцы ничѣмъ такъ себя не губятъ, какъ отсутствіемъ; онъ это конечно знаетъ и вѣроятно разсчитываетъ на Мар-

---

[1]) Изъ напечатанныхъ выше бумагъ Суворова читатели видѣли, что въ предшествующемъ году отношенія наши къ Турціи были въ напряженномъ состояніи. Очевидно, находившійся въ Херсонѣ Суворовъ готовился, что его позовутъ къ дѣлу. „Мы пристально на Турокъ смотримъ", писалъ 3 Марта 1794 г. графъ Завадовскій, и самая связь вещей влечетъ къ рѣшительному удару. Ты вѣдаешь давнишнія желанія". (Архивъ Кн. Вор. XII, 104).

кова, рѣшаясь на такой смѣлый шагъ... [2]). По видимому, онъ намѣревается слѣдовать образу дѣйствій князя Потемкина.

Монета исчезаетъ: серебрянный рубль стоитъ полтора рубля бумажныхъ. Самойловъ, не знаю по чьему внушенію, вздумалъ войти съ предложеніемъ бить новую монету соотвѣтственно теперешней ея цѣнности. На это едва было не согласились, находя, что мѣра эта будетъ выгодна, такъ какъ ею замедлится вывозъ монеты за границу; но не принято во вниманіе, что бумажныя деньги останутся все тѣже и что нельзя заставить принимать ихъ въ одну цѣну съ новою монетою, достоинство которой будетъ лишь воображаемое.

На границахъ собираются войска въ большомъ числѣ. Генераламъ и офицерамъ разосланы самыя строгія приказанія возвратиться къ своимъ полкамъ и, не смотря на то, они не ѣдутъ: до такой степени укоренилась привычка къ неповиновенію. Черноморскій флотъ очень грозенъ. Имъ начальствуетъ храбрый и благородный Мордвиновъ, а флотилія въ распоряженіи Рибаса, который въ той же мѣрѣ негодникъ, въ какой Мордвиновъ честная душа. Оба въ отличныхъ отношеніяхъ съ Зубовымъ. Графъ Салтыковъ [3]) назначенъ въ Польшу, на мѣсто князя Юрія Долгорукаго, которому дана Владимірская лента, а его дочери фрейлинскій знакъ, чѣмъ узаконяется происхожденіе ея [4]). Убѣдившись, что человѣку, любящему порядокъ, нѣтъ возможности оставаться на службѣ, князь Долгоруковъ удаляется въ Москву подъ предлогомъ болѣзни.

По всему чтó ко мнѣ доходитъ отъ достовѣрныхъ людей, доставшаяся намъ [5]) часть Польши сдѣлалась гнѣздилищемъ грабежа. Солдаты не получаютъ 8 мѣсяцевъ жалованья, во всемъ нуждаются, никого не слушаются и грабятъ, не страшась наказанія.

Вы желали знать, кто будетъ на мѣстѣ графа Скавронскаго [6]). Я думаю, что новыя посольскія назначенія вамъ уже извѣстны. Графъ Панинъ [7]) молодой человѣкъ великихъ достоинствъ и необыкновеннаго для своихъ лѣтъ поведенія (ему всего 24 года), долженъ былъ ѣхать въ Неаполь; уже подписанъ былъ указъ, но Нессельроде подалъ въ отставку, и послѣдовало новое перемѣщеніе. Колычова изъ Гаги назначили въ Берлинъ; Панина на его мѣсто [8]). Графъ Стакельбергъ назначенъ былъ въ Туринъ, а бѣдный Бѣлосельскій [9]) лишился своего мѣста, ничего о томъ не подозрѣвая и собираясь возвратиться въ Туринъ. Этотъ графъ Стакельбергъ созданъ для избраннаго имъ поприща; онъ очень уменъ, проницателенъ, вкрадчивъ, со всѣми вѣжливъ, даже слегка іезуитствуетъ. Своими поступками онъ какъ бы искупаетъ странности отца своего,

---

[2]) Т. е. что графъ А. И. Марковъ будетъ вѣдать государственныя дѣла, которыя Зубовъ сосредоточилъ въ рукахъ своихъ и, по возвращеніи изъ похода, опять сдѣлается главнымъ сподручникомъ многовластнаго любимца.

[3]) Графъ Иванъ Петровичъ.

[4]) Князь Ю. В. Долгорукій женился на гр. Бутурлиной, между тѣмъ какъ сестра ея находилась въ замужествѣ за его братомъ, кн. Василіемъ. Оттого княжна Варвара Юрьевна (потомъ княгиня Горчакова) по церковнымъ постановленіямъ, не могла считаться законнорожденною.

[5]) По второму раздѣлу.

[6]) Скончавшагося въ Неаполѣ 23 Ноября 1793 года.

[7]) Любопытенъ этотъ отзывъ о графѣ Н. П. Панинѣ, впослѣдствіи, подъ конецъ Павловскаго царствованія, заклятомъ врагѣ графа Ростопчина.

[8]) Назначеніе это также не состоялось.

[9]) Князь Александръ Михайловичъ, коего письма изъ Турина о Французской революціи появились въ Русскомъ Архивѣ 1877 года.

который воображаетъ себя 25 лѣтнимъ соблазнителемъ, любезничаетъ, важничаетъ, каверзничаетъ и увѣряетъ, что все это изъ желанія улучшить и обезпечить судьбу своихъ дѣтей. Онъ не можетъ жить безъ двора, которому надоѣлъ, особливо съ тѣхъ поръ какъ съ нимъ былъ параличный припадокъ, въ которомъ онъ не хочетъ сознаться, соглашаясь только, что онъ ослабѣлъ. Г-нъ ѣдетъ въ Неаполь. Можно бы радоваться избавленію отъ негодника, если бы не имѣлось на лицо цѣлой толпы такихъ же. У этого человѣка всѣ качества нужныя для придворнаго представительства и надувательства публики. Я увѣренъ, что онъ одинаково блисталъ бы и при дворѣ Людовика XV-го и въ Якобинскомъ клубѣ.—Кончина Зиновьева [9]) очень меня огорчила. Добрый старикъ! Ему слѣдовало уѣзжать скорѣе. То, что̀ онъ здѣсь видѣлъ, сократило ему жизнь. Въ Царскомъ при дворѣ изъ него сдѣлали что-то въ родѣ шута; его живость и восторженные отзывы объ Испаніи давали поводъ къ непрестанному издѣвательству. Ему назначенъ былъ, сверхъ жалованья, пенсіонъ въ 2000 р., къ великому его утѣшенію. Не знаю почему, онъ очень полюбилъ меня. Всякій разъ, говоря о своемъ отъѣздѣ, онъ прибавлялъ, что сердце обливается у него кровью при мысли о здѣшнемъ положеніи дѣлъ. Его мѣсто еще не занято; думаютъ, что его займетъ Крюднеръ, который будетъ замѣщенъ въ Копенгагенѣ барономъ Штакельбергомъ. Сей послѣдній пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Говорятъ, что это человѣкъ съ большими достоинствами; онъ давно уже служитъ за границею.

Значеніе Маркова продолжаетъ возрастать. Онъ душа дѣлъ, отъ него идутъ всѣ представленія, и безъ него ничего не дѣлается. Фаворитъ слыветъ въ публикѣ за великаго трудолюбца. Доступъ къ нему затрудненъ подъ предлогомъ, что онъ занятъ письменною работою. На этихъ дняхъ его сдѣлаютъ имперскимъ княземъ, а Маркова графомъ. По моему, сей послѣдній весьма благоразумно, отъ времени до времени, даетъ чувствовать, что для него слѣдуетъ еще что нибудь сдѣлать. За одно съ Зубовымъ онъ награждаетъ и распредѣляетъ дворскія милости. — Графъ Безбородко опять уѣхалъ въ Москву. Предлогомъ этихъ поѣздокъ домъ, который у него тамъ строится. Ему рѣшительно нечего дѣлать, о чемъ онъ самъ и говоритъ: иностранныя дѣла у Маркова, внутреннія у Трощинскаго, секретаря Государыни, великаго трудолюбца.

По видимому, дѣла Французскія надоѣли Государынѣ: на нихъ не обращаютъ вниманія, и о томъ, что̀ происходитъ во Франціи, говорится мимоходомъ. Тѣмъ не менѣе у насъ не оберешься пріѣзжихъ Французовъ; мужчины, женщины, дѣти заявляютъ о своемъ прибытіи въ таможнѣ. Я нахожу, что отъ Французской революціи въ большомъ накладѣ государи и Арабскія сказки, Тысяча и одна ночь; ибо невѣроятно, до какой степени умы извратились и напряглись повсюду, а волшебныя сказки блѣднѣютъ передъ похожденіями эмигрантовъ. Эстергази [10]) повидимому нѣсколько полинялъ. Марковъ слишкомъ хорошо его понимаетъ и вразумилъ Зубова на его счетъ. Онъ васъ не любитъ; по его мнѣнію, вы отнеслись съ недостаточнымъ участіемъ къ несчастной судьбѣ принцевъ и дворянъ, которымъ выпала доля странствующихъ Жидовъ. Но ненависть его къ вамъ выражается лишь возгласами. Глядя на дѣла прямо и привыкнувъ говорить правду, вы не сочли нужнымъ молчать въ ту минуту, когда всѣ ув-

---

[9]) Степана Степановича женатаго на кн. Ек. Александр. Меншиковой, теткѣ адмирала.
[10]) Агентъ Французскихъ принцевъ при Русскомъ дворѣ.

лекались ложнымъ состраданіемъ и охотою насиловать мнѣнія, и когда приняты были мѣры, на которыя Франція отвѣчала единодушнымъ порывомъ самозащищенія. Думаютъ, что все это кончится раньше, чѣмъ ожидали, и кажется, что Прусскій король подастъ собою первый примѣръ наклонности къ миру.— Въ Швеціи очень довольны графомъ Сергѣемъ [11]), и регентъ уже нѣсколько разъ писалъ сюда, выражая благодарность за то, что его назначили къ нимъ. Я очень радъ этому, потому что боялся, чтобы онъ не возобновилъ своихъ Берлинскихъ продѣлокъ.

Дворъ еще не скоро переѣдетъ въ Царское Село, потому что Государынѣ полюбился Таврическій дворецъ [12]), гдѣ она останется весь Май мѣсяцъ. Ей особенно нравится, что она прямо изъ комнатъ можетъ идти въ садъ и, живучи тутъ, видаетъ немногихъ. Великій Князь [13]) съ недѣлю въ Гатчинѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я передамъ вамъ подробности объ его дворѣ и дворѣ дѣтей его. Великій князь Александръ исполненъ къ вамъ почитанія и поручаетъ мнѣ поблагодарить васъ за мнѣніе, которое вы о немъ имѣете.

Я счастливъ и слишкомъ влюбленъ въ жену мою, чтобы говорить вамъ о ней. Она довольно высока ростомъ, хорошо сложена, держитъ себя довольно хорошо; у нея прекрасные глаза. Вотъ что я могу вамъ сказать. Говорить дальше—значило бы передавать ощущенія влюбленнаго, и я подожду еще нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы писать вамъ о томъ. Нѣсколько человѣкъ, которыхъ я имѣлъ случай узнать прежде, составляютъ мое общество. Жена со мною однихъ мыслей. Она слишкомъ долго жила при дворѣ, и потому большой свѣтъ ей наскучилъ. Мы появляемся въ немъ изрѣдка, только чтобы не прослыть чудаками.

---

11) Графъ Сергій Петровичъ Румянцевъ, бывшій передъ тѣмъ посланникомъ въ Берлинѣ.

12) Таврическій дворецъ и теперь на концѣ города, въ то время это было совсѣмъ загородное мѣсто. Память о князѣ Потемкинѣ привязывала Государыню къ этому мѣсту.

13) Т.е. Павелъ Петровичъ.

Изъ Записокъ Маріи Сергѣевны Мухановой *).

II.

Отецъ мой Сергѣй Ильичъ Мухановъ родился въ 1762 году 28 Іюня, въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II-й. Отецъ его провожалъ Императрицу въ С.-Петербургъ, въ числѣ офицеровъ ея конвоя. Она почувствовала холодъ и просила офицеровъ, чтобы кто-нибудь далъ ей свой сюртукъ; на это никто не вызвался кромѣ моего дѣда. Императрица надѣла его сюртукъ и всегда вспоминала это обстоятельство съ благодарностію, знала его дѣтей и была къ нимъ благосклонна. Этотъ сюртукъ долго хранился у насъ, но, по неосторожности хранившаго его, пропалъ отъ моли.

У дѣда моего было семь сыновей; всѣ они служили въ конной гвардіи—любимомъ полку Екатерины. Жили они дружно, всѣ на одной квартирѣ и имѣли общій кошелекъ. Нѣкоторые изъ иностранцевъ писали объ нихъ, а воспитанницы Смольнаго монастыря признавались впослѣдствіи, что онѣ, по своей наивности, думали, что всѣ конно-гвардейскіе офицеры назывались Мухановыми.

Отецъ мой былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Зубовыми, и они такъ уважали его, что не принуждали его пить; впрочемъ мой отецъ, кажется, только одинъ разъ былъ у нихъ на попойкѣ.

Въ день восшествія на престолъ императора Павла I, отецъ мой былъ произведенъ въ полковники. Какова была для него, обожателя Екатерины, перемѣна правленія, можно себѣ представить; да и не для одного его было чувствительно перейти изъ-подъ кроткаго правленія подъ строгое до суровости. Скоро мой отецъ почувствовалъ эту перемѣну на самомъ себѣ. Онъ командовалъ эскадрономъ конной гвардіи; офицеры нѣжно и преданно его любили и остались до старости его друзьями. Потому на парадахъ и смотрахъ его эскадронъ отличался предъ другими. Это обстоятельство возбудило неудовольствіе великаго князя Константина Павловича, командовавшаго другимъ эскадрономъ, и подало поводъ къ наговору на отца моего предъ Государемъ, будто бы мой отецъ просиживалъ ночи за картами, зная, что Государь всего болѣе не любилъ картежниковъ, между тѣмъ какъ отецъ мой не бралъ въ руки картъ. Однажды на парадѣ Государь закричалъ проходившему мимо его моему отцу: «браво, браво, Мухановъ!» Надобно было стать на колѣни и въ такомъ положеніи благодарить Государя; но, стоя въ то время въ лужѣ, отецъ мой не нашелъ возможнымъ исполнить этой церемоніи, тѣмъ болѣе,

---

*) См. выше, стр. 209.

что онъ былъ въ бѣломъ колетѣ, а парадъ еще не кончился. Онъ вынулъ свой палашъ и отсалютовалъ по военному уставу. «Баричъ! закричалъ Государь,—ступай за фронтъ», и тотчасъ послѣ парада посадилъ его подъ арестъ.

Чрезъ нѣсколько дней его оттуда выпустили, чтобы посадить опять подъ болѣе строгій арестъ, вслѣдствіе какой-то новой подобной исторіи. Офицеровъ также посадили на хлѣбъ и воду, а у отца сняли орденъ св. Анны 2-й степени и шпагу. Государь-наслѣдникъ Александръ Павловичъ прислалъ къ отцу моему довѣренное лице спросить его, можетъ ли онъ отвѣчать за скромность своихъ офицеровъ, если онъ будетъ присылать имъ кушанье со своего стола. Отецъ мой благодарилъ за милость, но не принялъ предложенія, говоря, что хотя онъ и можетъ поручиться за скромность офицеровъ, но между тѣмъ знаетъ, что они скорѣе согласились бы вмѣсто хлѣба глодать камни, нежели подвергнуть Великаго Князя гнѣву его отца.—Не знаю точно, долго ли продолжался арестъ, но наконецъ и онъ кончился, какъ и все кончается на свѣтѣ, и отцу возвратили шпагу и орденъ; но вмѣсто того, чтобы надѣть орденъ на шею, онъ преспокойно положилъ его въ карманъ. «Что̀ вы дѣлаете?» говорили ему присутствующіе, «вы себя губите!» Онъ отвѣчалъ: «Если хоть одинъ день нашли меня недостойнымъ носить орденъ, то не сто́итъ труда надѣвать его».

Между тѣмъ онъ былъ отставленъ. Когда онъ увидалъ, что въ приказѣ стоитъ слово «уволенъ», а не «исключенъ», то, перекрестившись, съ радостію сталъ собираться въ путь.

Нужно было представиться генералъ-губернатору Палену, но непремѣнно въ какомъ-нибудь мундирѣ. У портнаго нашелся только мундиръ Эстляндскаго дворянина; такимъ онъ и представлялся Палену. Въ это представленіе, въ разговорѣ, Паленъ началъ бранить Государя, называя его тираномъ. Конечно, цѣль его была найти сообщника, но отецъ мой просилъ его прекратить этотъ разговоръ.

Оставивъ Петербургъ, онъ поселился въ деревнѣ, близь Троицкой Лавры, съ своими братьями, изъ которыхъ двое были женаты. Вскорѣ императоръ Павелъ пріѣхалъ въ Москву. Для него давали балъ въ Благородномъ Собраніи. Отецъ мой тоже поѣхалъ на этотъ балъ, чувствуя себя совершенно невиннымъ предъ Государемъ; но не такъ думалъ Государь. Онъ отвернулся отъ отца и по обыкновенію своему запыхтѣлъ гнѣвомъ. По отъѣздѣ его съ бала, наслѣдникъ Александръ Павловичъ чрезъ всю залу пошелъ къ отцу и обнялъ его, что̀ произвело большое впечатлѣніе въ Собраніи. Отецъ мой, по отъѣздѣ Государя, возвратился въ свое убѣжище. Чрезъ нѣсколько времени появился тамъ внезапно фельдъегерь. Невѣстки моего отца, испугавшись, бросились въ образную на колѣни; отецъ успокоилъ ихъ, говоря: «Что вы такъ испугались? Дѣло, конечно, не касается вашихъ мужей; можетъ-быть, Государь находитъ, что онъ не довольно меня наказалъ». Потомъ онъ вышелъ спокойно къ фельдъегерю и спросилъ, въ чемъ дѣло. Тотъ подалъ ему письмо отъ Кутайсова, тогда еще камердинера и брадобрѣя Государя. Письмо было написано на грубой желтой бумагѣ и сложено, какъ отписки крестьянъ. Содержаніе его состояло въ томъ, что Кутайсовъ желалъ познакомиться съ моимъ отцомъ и просилъ его пріѣхать въ Петербургъ. Старшій мой дядя, Алексѣй Ильичъ, сказалъ: «Неужели ты поѣдешь по этой глупой запискѣ?»—«Какъ же не ѣхать?» отвѣ-

чалъ отецъ, «письмо прислано съ фельдъегеремъ, слѣдовательно по волѣ Государя: онъ нашелъ меня гордымъ и хочетъ испытать»,— тотчасъ приказалъ готовить лошадей и часа черезъ два отправился въ путь.

Пріѣхавши въ Москву, онъ явился къ главнокомандующему графу Салтыкову. Жена его, графиня Дарья Петровна, очень любила моего отца. Она приняла его за своимъ туалетомъ. «Ты знаешь ли, мой другъ», дружелюбно обратясь, сказала она ему, «зачѣмъ тебя вызываютъ въ Петербургъ?»—«Нѣтъ, ничего не знаю; Кутайсовъ проситъ меня познакомиться съ нимъ».—«Тебя вызываютъ въ должность шталмейстера. Большія перемѣны при Дворѣ; Государь самъ вспомнилъ о тебѣ. Времена тяжкія; послушай моего совѣта: я знаю твой благородный и гордый передъ властію характеръ, старайся себя смирить,—это нужно и для тебя самого, и для твоихъ подчиненныхъ».

Тогда былъ обычай, установленный Государемъ, чтобы на заставѣ не только объявляли свое имя, но и причину своего пріѣзда въ Петербургъ. Отецъ мой объявилъ, что онъ пріѣхалъ занимать облигаціи вновь установленнаго банка, что́ очень насмѣшило Государя.

Представленіе послѣдовало въ Гатчинѣ, гдѣ Кутайсовъ стоялъ у дверей. Когда онъ доложилъ Государю о приходѣ моего отца, то Государь черезъ него же спросилъ, какой родъ службы онъ хочетъ избрать себѣ. «Если Государь находитъ меня достойнымъ служить ему, то я готовъ стать съ мушкетомъ въ ряды солдатъ», таковъ былъ отвѣтъ моего отца, который пришелся по нраву Государю. Онъ позвалъ его въ свой кабинетъ и спросилъ, знаетъ ли онъ Русскія пословицы.—«Нѣкоторыя знаю, но не всѣ», отвѣчалъ отецъ.—«Вотъ одна, сказалъ Государь: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ,— мои глаза подлежатъ тому же, какъ и твои». Отецъ мой сталъ на колѣни, прося Государя, чтобъ онъ не слушалъ доносовъ на него, а всегда самъ объяснялся. Я помню точныя слова: «Государь! Если когда-нибудь опять будутъ на меня доносить вамъ, то позвольте лично объясниться съ вашимъ величествомъ. Если не смогу оправдаться предъ вами, то пусть голова моя падетъ на плахѣ». Государь заплакалъ и, прощаясь съ нимъ, сказалъ: «Чѣмъ чаще ты будешь у Кутайсова, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе». Пріятно ли было моему отцу—это другой вопросъ. Тутъ можно вставить другую пословицу: «съ волками жить—по-волчьи выть». Но и тутъ отецъ мой умѣлъ сохранить свое достоинство. Въ два съ половиною года своей службы въ царствованіе Павла онъ не видалъ отъ Государя косаго взгляда, дѣлалъ все, что́ хотѣлъ, одѣвался, какъ Государь не любилъ, и не слыхалъ никакого упрека; напротивъ того, Государь говаривалъ, что онъ никому не вѣритъ, кромѣ двухъ Сергѣевъ—своему духовнику и моему отцу.

Императоръ Павелъ каждое утро спрашивалъ, съ которой стороны вѣтеръ, и съ этимъ вопросомъ обращался къ великому князю Александру Павловичу, къ моему отцу и къ Кутайсову поочередно, и если они разногласили между собою, то очень гнѣвался; особенно доставалось Великому Князю. Во избѣжаніе такой непріятности, эти три лица согласились между собою каждое утро выходить на воздухъ и, увѣрившись, съ которой стороны вѣтеръ, докладывать уже о томъ Государю.

Государь любилъ показывать себя человѣкомъ бережливымъ на государственныя деньги для себя. Онъ имѣлъ одну шинель для вес-

ны, осени и зимы. Ее подшивали то ватою, то мѣхомъ, смотря по температурѣ, въ самый день его выѣзда. Случалось однако, что вдругъ становилось теплѣе требуемыхъ градусовъ для мѣха; тогда поставленный у термометра придворный служитель натиралъ его льдомъ до выхода Государя, а въ противномъ случаѣ согрѣвалъ его своимъ дыханіемъ. Государь не показывалъ вида, что замѣчаетъ обманъ, довольный тѣмъ, что исполнялась его воля. Онъ, кажется, поступалъ такъ по принципу, для поддержанія и усиленія монархическаго начала, тогда ниспровергнутаго Французскою революціей. Жалкое средство, придуманное человѣкомъ отъ природы умнымъ! Точно также поступали и въ приготовленіи его опочивальни. Тамъ, вечеромъ, должно было быть не менѣе четырнадцати градусовъ тепла, а печь оставаться холодною. Государь почивалъ головою къ печкѣ. Какъ въ зимнее время согласить эти два условія? Во время ужина растилались въ спальнѣ рогожи, и всю печь натирали льдомъ. Государь, входя въ комнату, тотчасъ смотрѣлъ на термометръ,—тамъ четырнадцать градусовъ, трогалъ печку,—она холодная, и довольный ложился въ постель. Утѣшенный исполненіемъ его воли, онъ засыпалъ спокойно, хотя впослѣдствіи печь и дѣлалась горячею.

Безчисленныя его прихоти извѣстны всѣмъ. Не смотря на благородныя свойства его души и на природную его доброту, онъ возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть, которая и привела его къ несчастной кончинѣ. Я разскажу здѣсь нѣсколько случаевъ, которые мнѣ приходятъ на память. Однажды отецъ мой, слѣдуя издалека за нимъ и за великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, увидалъ, что Великій Князь махалъ нѣсколько минутъ треугольною шляпой и потомъ бросилъ ее далеко отъ себя; послѣ этого батюшка спросилъ Великаго Князя, чтó это значитъ. Онъ отвѣчалъ, что Государь колебался, уволить или нѣтъ Архарова, и потому загадалъ, которымъ концомъ шляпа упадетъ на землю.

Въ Эрмитажѣ давали балетъ «Красная Шапочка»; танцоры были въ красныхъ шапочкахъ. Шведскій король, тогда посѣтившій Петербургъ, сидѣлъ подлѣ Государя; разговоръ шелъ пріятный и веселый. Шведскому королю хотѣлось пошутить и, смотря на красныя шапочки, онъ сказалъ: «вотъ это Якобинскія шапки». Государь разсердился и сказалъ: «у меня нѣтъ Якобинцевъ», повернулся къ нему спиной и послѣ спектакля велѣлъ передать Шведскому королю, чтобъ онъ въ 24 часа выѣхалъ изъ Петербурга. Король и безъ того собирался уѣхать, и потому на всѣхъ станціяхъ до границы было уже приготовлено угощеніе. Государь послалъ гоффурьера Крылова все это снять. Крыловъ нашелъ Шведскаго короля на первой станціи за столомъ, за ужиномъ. Когда онъ объявилъ волю Государя, то король разсмѣялся. Крыловъ объяснилъ, что прислугу онъ непремѣнно долженъ взять съ собою, но что онъ оставляетъ на всѣхъ станціяхъ провизію и запасы нетронутыми. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, то Государь спросилъ у него, какое дѣйствіе на короля произвело его распоряженіе. Крыловъ отвѣчалъ, что король глубоко огорчился такимъ его гнѣвомъ, но между тѣмъ признался, что онъ не вполнѣ исполнилъ приказаніе и что оставилъ всѣ запасы. «Это хорошо», отвѣчалъ Государь: «вѣдь не морить же его голодомъ». Въ другой разъ на такомъ же спектаклѣ одна изъ фрейлинъ разсмѣялась; ее тотчасъ выгнали изъ залы и велѣли выслать изъ Петербурга. Вѣроятно всѣмъ извѣстно, какъ Государь требовалъ, что-

бы весь Синодъ присутствовалъ въ оперѣ и смотрѣлъ на м-мъ Шевалье, которая тогда занимала Государя; одинъ митрополитъ С.-Петербургскій сказался по этому случаю больнымъ.

О семейной жизни императора Павла я молчу. Фактъ слишкомъ грустный для памяти его и ангельской его супруги. Впрочемъ первые годы, еще во время царствованія Екатерины, прошли для супруговъ счастливо и мирно.

Въ послѣдній день жизни императора Павла отецъ мой ужиналъ у Государя и оставилъ его въ 11 часовъ. Государь былъ веселъ, разговорчивъ и любезенъ, хвалилъ свой Михайловскій замокъ и сказалъ: «я нашелъ наконецъ себѣ тихое пристанище». Замѣчательно, что его собака, маленькій шпицъ, безпрестанно выла и вертѣлась около его ногъ, сколько онъ ни отгонялъ ее. Въ 1 часъ ночи разбудили моего отца, беззаботно спавшаго дóма, и сказали ему, что у Государя сдѣлался апоплексическій ударъ. Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ комнаты полными нетрезвыхъ. Императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько времени не довѣряла моему отцу; но послѣ, узнавъ, сколько онъ оставался вѣренъ императору Павлу, просила у него прощенія и была къ нему очень милостиво расположена. Она была чужда всякаго властолюбія и все, чтó говорили о ея мнимомъ желаніи царствовать, совершенно ложно. Это я могу засвидѣтельствовать всѣми разсказами моего отца о ея жизни, о ея свойствахъ, и первыми словами, которыя она говорила тотчасъ по кончинѣ Павла. Послѣ первыхъ тревожныхъ дней, когда все успокоилось, отецъ мой сдѣлался какъ бы посредникомъ и примирителемъ всего царственнаго круга. Всѣ его любили, уважали, довѣряли ему; онъ пользовался общею любовью царственной семьи; самъ же онъ, въ свою очередь, былъ имъ полезенъ.

Государь Александръ Павловичъ спросилъ у моего отца, не хочетъ ли онъ быть генералъ-адъютантомъ, намекая въ тоже время, что ему пріятнѣе будетъ, если онъ останется при его матушкѣ. Отецъ мой, уже отвыкшій отъ военной службы и преданный душею императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, легко на это согласился.

До сихъ поръ у насъ нѣтъ біографіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, исключая двухъ томовъ г-жи Оберкирхъ, гдѣ она описываетъ младенчество и молодость ея до пріѣзда въ Россію. А какъ желательно бы было оставить для потомства такой примѣръ всѣхъ добродѣтелей въ такомъ высокомъ званіи. Я постараюсь здѣсь представить многіе отдѣльные случаи, мнѣ извѣстные. Они могутъ послужить матеріаломъ для будущаго историка.

Хотя жизнь ея съ супругомъ, по нашимъ понятіямъ, была самая несчастная, но она любила его до конца. Мнѣ кажется, что это было скорѣе по правиламъ нравственности, нежели по естественному чувству: трудно любить того, кто насъ не любитъ. По восшествіи на престолъ Александра Павловича, въ первые дни его царствованія, она старалась направить своихъ дѣтей и новаго Императора по тому пути, который казался ей лучшимъ, то-есть человѣколюбивымъ. Это нетрудно было съ Александромъ Павловичемъ, потому что онъ самъ носилъ въ душѣ своей любовь къ человѣчеству; но не то было съ Константиномъ Павловичемъ. Однажды, въ самые первые дни новаго правленія, отецъ мой, пришедши по обыкновенію къ Императрицѣ, нашелъ ее въ сильномъ волненіи. За стуломъ ея стоялъ Государь, а предъ нею Константинъ Павловичъ, на котораго она гнѣ-

валась. Дѣло въ томъ, что онъ ударилъ дворянина палкой на ученьи. Императрица стала жаловаться моему отцу на своего сына, сказавъ: «Кажется, уже довольно учены? Теперь я требую, чтобы Константинъ училъ всегда свой полкъ въ присутствіи Сергѣя Ильича». Коммиссія очень непріятная, но Государь показалъ знакомъ, чтобъ отецъ мой не противился. Батюшка поѣхалъ представиться Константину Павловичу въ его дворецъ. Великій Князь спросилъ его, какого онъ о немъ мнѣнія. Отецъ отвѣчалъ: «Я думаю, ваше высочество, что когда вы захотите сдѣлать хорошо, то никто лучше васъ не сдѣлаетъ, а когда вздумаете сдѣлать дурно, то никто не съумѣетъ сдѣлать хуже». —«Такое-то твое мнѣніе обо мнѣ; посмотримъ!» Чрезъ нѣсколько дней Константинъ Павловичъ прислалъ сказать, что онъ выводитъ свой полкъ на ученье. Батюшка выѣхалъ на плацъ-парадъ въ партикулярномъ платьѣ изъ переулка, какъ бы только въ числѣ зрителей. Вдругъ Великій Князь прискакалъ къ нему съ рапортомъ, что̀ было вовсе неумѣстно. Онъ училъ прекрасно свой полкъ, послѣ ученья спѣшился и былъ любезенъ со всѣми офицерами. По окончаніи ученья мой отецъ явился къ нему, и онъ спросилъ: «доволенъ ли ты мною, Сергѣй Ильичъ?»—«Ахъ, ваше высочество, еслибы вы всегда такъ дѣлали, то какъ легко привязали бы къ себѣ сердца людей!» Въ другой разъ таже церемонія, но тутъ Великій Князь дѣлалъ все какъ можно хуже. Послѣ ученья онъ сказалъ моему отцу: «Вотъ я оправдалъ твое предсказаніе; поди, жалуйся на меня матушкѣ». «Какъ мало вы меня знаете, отвѣчалъ отецъ, если думаете, что я способенъ на сплетни. Одно только скажу вамъ, что съ этой минуты не хочу съ вами имѣть дѣло во всю мою жизнь». Но какъ отдѣлаться отъ коммиссіи? Къ счастію, тогда была весна, и Императрица должна была переѣхать въ Павловское; тогда отецъ мой сказалъ Императрицѣ, что ему трудно изъ Павловска ѣздить на ученье,—тѣмъ и отговорился отъ исполненія непріятной коммиссіи.

Свойства Александра Павловича извѣстны; о недостаткахъ же его я умолчу. Восшествіе его на престолъ было всеобщимъ праздникомъ, уподобляющимся только Свѣтлому Воскресенію Христову: люди цѣловались на улицѣ и поздравляли другъ друга.

Похороны же императора Павла были очень печальны, но особенно тѣмъ, что никто не показывалъ никакого сожалѣнія объ его кончинѣ. Плакалъ только мой отецъ, помнившій его расположеніе къ себѣ, и еще одинъ, неизвѣстно почему, гренадеръ. По возвращеніи съ похоронъ, императрица Марія Ѳеодоровна спросила моего отца, какое впечатлѣніе на народъ сдѣлали эти похороны. Тутъ отецъ мой долженъ былъ одинъ разъ въ жизни измѣнить правдѣ. Всѣхъ болѣе огорчалась этимъ равнодушіемъ великая княжна Марія Павловна, которая во время отпѣванія нѣсколько разъ падала безъ чувствъ.

Вдовствующая Императрица, по положенію, должна была получать 200.000 р. карманныхъ денегъ, но Государь просилъ ее принять милліонъ. Изъ этого милліона она тратила на свои прихоти и туалетъ только 17.000; все прочее раздавалось бѣднымъ, а прежде всего она составляла капиталъ на свои заведенія. Великимъ Князьямъ она имѣла привычку дарить по 10.000 р. на имянины; но въ 1812 году она пріостановила на годъ свои подарки, представляя на видъ, что нужно помогать раненымъ и сиротамъ. Она безпрестанно занималась дѣлами своихъ заведеній; ничто не могло отвлечь ее отъ этихъ за-

нятій—ни путешествія, во время которыхъ она читала и писала въ каретѣ, ни сердечныя горести. Когда привезено было тѣло Александра Павловича въ Петербургъ, она и тутъ дѣлила свое время между молитвою у тѣла и своими занятіями; между тѣмъ императоръ Александръ былъ главнымъ предметомъ ея любви въ жизни. Дѣтей, воспитанныхъ въ ея заведеніяхъ, она никогда не покидала впослѣдствіи, а во всю жизнь имъ помогала, входила во всѣ подробности, до нихъ касавшіяся, и была истинною матерью для всѣхъ. Никто изъ служившихъ ей не умиралъ во дворцѣ иначе, какъ въ ея присутствіи. Она всѣхъ утѣшала до конца и всегда закрывала глаза умиравшимъ. Однажды сказали ей врачи, что, жившая на Васильевскомъ островѣ, отставная ея камеръ-юнгфера страдаетъ сильно отъ рака въ груди, что можно было бы ее спасти, но она не соглашается на операцію иначе, какъ если во время производства ея будетъ находиться сама Императрица.—«Ну что же?» сказала она, «если только отъ этого зависитъ ея выздоровленіе, то я исполню ея желаніе». Она поѣхала къ ней и во все время операціи держала ей голову.

Она входила въ малѣйшія подробности по своимъ заведеніямъ и не только слѣдила за воспитаніемъ дѣтей, но и не забывала посылать имъ лакомствъ и доставлять всякія удовольствія. Одинъ мальчикъ принужденъ былъ долго лежать въ постели по болѣзни; она доставляла ему рисунки, карандаши и разныя вещицы. Со всякимъ курьеромъ ей доносили о состояніи его здоровья (она тогда была въ Москвѣ). При назначеніи почетныхъ опекуновъ выборъ былъ самый строгій; съ каждымъ изъ нихъ она переписывалась сама еженедѣльно, освѣдомлялась о воспитанникахъ и воспитанницахъ, о ихъ поведеніи и здоровьѣ, и всегда давала мудрые и человѣколюбивые совѣты. Директрисы учебныхъ заведеній были въ большомъ почетѣ, имѣли голосъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и не играли роли старшихъ классныхъ дамъ и угодницъ почетныхъ опекуновъ. Это происходило отъ того, что онѣ имѣли, кажется, право переписываться съ Государынею и представлять ей о нуждахъ заведеній. По крайней мѣрѣ такимъ правомъ пользовалась г-жа Цеймернъ. Всѣ воспитанницы института при Воспитательномъ Домѣ во всю жизнь пользовались покровительствомъ дома, ихъ воспитавшаго, и могли возвращаться туда, когда были недовольны своими мѣстами въ частныхъ домахъ. Все было придумано нѣжнымъ сердцемъ для пользы, радости и покоя всѣхъ отъ нея зависящихъ. Это было не сухое, безжизненное покровительство, но материнское попеченіе. За то пріѣздъ ея въ институтъ былъ настоящимъ праздникомъ. «Maman, maman! Mütterchen!» слышалось отвсюду. Бывало, за большимъ обѣдомъ, она приказывала снимать десертъ и отсылать его въ который нибудь институтъ поочередно. А какъ просила она въ своемъ духовномъ завѣщаніи опекуновъ помнить, что первымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій должно быть благодѣяніе! Особеннымъ вниманіемъ ея пользовались покинутые своими матерями младенцы. Однажды отецъ мой, почти всегда ее сопровождавшій при посѣщеніяхъ ею заведеній, выразилъ удивленіе, что она такъ нѣжно цѣловала маленькіе члены этихъ несчастныхъ, осматривала бѣлье на кормилицахъ и проч. «Ахъ!» отвѣчала она, «всѣ эти брошенныя дѣти теперь мои и во мнѣ должны находить попеченіе, котораго они лишены».

Въ послѣдніе годы ея жизни, Государь, найдя Обуховскую больницу умалишенныхъ въ самомъ жалкомъ видѣ, просилъ императрицу

Марію Θеодоровну принять ее подъ свое покровительство, что она и исполнила съ радостію, и многіе изъ помѣщенныхъ тамъ больныхъ выздоровѣли, благодаря кроткому съ ними обхожденію. Она вступала въ ихъ кругъ, давала цѣловать имъ свою руку, что немало пугало моего отца, и они называли ее «благодѣтельная мадамъ». Она придумала устроить для нихъ загородный домъ, гдѣ бы каждый имѣлъ свой садикъ. Все это изобрѣтала сама, а мало заимствовала изъ теорій, хотя со вниманіемъ выслушивала и читала ихъ. Одинъ только упрекъ можно сдѣлать памяти Маріи Θеодоровны, что она уже слишкомъ много любила все Нѣмецкое и много призвала Нѣмцевъ въ Россію; но это происходило отъ ея любящаго сердца, не могшаго оторваться отъ раннихъ привязанностей. Государственныхъ общихъ взглядовъ она не имѣла, да и кто въ то время зналъ Россію?... И мы всѣ знали ее только изъ иностранныхъ книгъ. Благодаря обществу такъ называемыхъ славянофиловъ, мы многое узнали о своемъ народѣ и начали его любить какъ слѣдуетъ, а потомъ великое дѣло освобожденія крестьянъ довершило наше воспитаніе. Съ этихъ поръ становится стыдно не любить Россіи...

Императрица Марія Θеодоровна во внѣшней политикѣ умѣла поддерживать достоинство Россіи, и Наполеонъ сказалъ, что изъ всѣхъ коронованныхъ особъ она одна предъ нимъ не преклонялась. Когда Государь поѣхалъ на свиданіе въ Эрфуртъ, она была этимъ очень недовольна. Ей казалось, что чрезъ это Государь унижалъ достоинство Россіи. Въ духовномъ своемъ завѣщаніи она называетъ Россію—«милою нашею Россіей» и желаетъ ей много хорошаго.

Въ частности же она любила всѣхъ. Когда она посѣтила Ростовъ, то народъ былъ до того обрадованъ ея пріѣздомъ, что женщины разстилали свои шелковыя фаты въ грязь и просили ее стать на нихъ. Одна женщина подошла къ каретѣ ея. «Матушка!» начала она, «у меня къ тебѣ просьба».—«Что такое, милая»?—«Мой сынокъ служитъ у твоего въ гвардіи рядовымъ, — поклонись ему отъ меня и скажи ему, что я посылаю ему мое благословеніе, и вотъ рубликъ гостинца отвези ему».—«Непремѣнно, непремѣнно все исполню». Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, она послала за солдатомъ, передала ему благословеніе и рубль отъ матушки, похвалила его за то, что онъ добрый сынъ, и прибавила къ гостинцу своихъ 25 рублей.

Пріятно было всегда свиданіе съ нею, потому что благосклонность постоянно сіяла на ея лицѣ. Особенно она любила встрѣчу съ дѣтьми и, бывало, намъ трудно было укрыться отъ ея глазъ; всегда ласкала она насъ, особенно, конечно, по расположенію къ нашему отцу. Когда настала вторая Турецкая война, она пріѣзжала въ институтъ, въ Смольный монастырь и собирала тамъ письма воспитанницъ, чтобы съ курьеромъ вѣрнѣе доставлять къ ихъ роднымъ. А когда пала Варна подъ оружіемъ Русскихъ, она, возвращаясь изъ Казанскаго собора, гдѣ благодарила Бога за побѣду, простудилась и занемогла своею послѣднею, смертельною болѣзнью.

Я сказала только вообще о ея добродѣтеляхъ; но кто можетъ исчислить добрыя дѣла той, у которой всякая минута дня была имъ посвящена? Вечеромъ у нея всегда собиралось избранное общество. Она садилась за работу, и кто нибудь читалъ лучшіе романы того времени. Тутъ она часто разсказывала о многомъ ею видѣнномъ и слышанномъ. Поутру вставала она въ 7 часовъ, а лѣтомъ въ 6 часовъ, обливалась холодною водою съ головы до ногъ и послѣ молитвы са-

дилась за свой кофе, который пила всегда очень крѣпкій, а потомъ тотчасъ занималась бумагами. Она пользовалась крѣпкимъ здоровьемъ, любила прохладу,—окна были постоянно открыты. Не зная усталости и болѣзней, ожидала того же и отъ другихъ, чтó возбуждало ропотъ. Въ пріемныхъ и на большихъ представленіяхъ она удивительно умѣла всякому сказать что нибудь ему по сердцу и признавалась моему отцу, что умѣнью обходиться съ людьми она выучилась у императрицы Екатерины. Дочери ея также были привѣтливы безъ фамиліарства, и не было во всемъ мірѣ принцессъ милѣе и любезнѣе. Императрица и Великія Княжны безъ устали и лѣни всѣхъ принимали и со всѣми бесѣдовали. Императоръ Наполеонъ сватался за великую княжну Екатерину Павловну. Тогда нашимъ посломъ въ Парижѣ былъ графъ Петръ Александровичъ Толстой. Не помню, кто изъ приближенныхъ Наполеона (кажется, Коленкуръ) сталъ объ этомъ говорить графу; тотъ отвѣчалъ, по повелѣнію Государя, что это зависитъ не отъ него, а отъ матушки, которая располагаетъ судьбою своихъ дочерей, а она не соглашается на этотъ бракъ. Когда спрашивали, почему? онъ отвѣчалъ: «не заставляйте меня говорить то, чтó мнѣ непріятно сказать, а вамъ непріятно слышать». А Великая Княжна сказала моему отцу: «я скорѣе пойду за мужъ за послѣдняго Русскаго истопника, чѣмъ за этого Корсиканца». Вскорѣ послѣ этого Екатерина Павловна вышла за принца Ольденбургскаго, своего двоюроднаго брата. Кончина ея весьма загадочна. Едва Императрица-матушка оставила ее цвѣтущею здоровьемъ, какъ она, садясь въ ванну, почувствовала себя дурно и кончила жизнь безъ всякой предшествовавшей болѣзни. Этого обстоятельства никогда не могли объяснить врачи.

Когда сыновья Маріи Ѳеодоровны стали подростать, она, кромѣ осени, проводимой, по обыкновенію, въ Гатчинѣ, оставалась тамъ двѣ зимы, находя, что такое уединеніе способствовало воспитанію Великихъ Князей. Я живо помню это время. Оно было очень пріятно для насъ, дѣтей. Тамъ находился упраздненный арсеналъ, который раздѣлялся какъ бы на нѣсколько пріемныхъ залъ. Въ одной части была гора для катанья, а въ другой были собраны музыкальные инструменты; въ остальныхъ находились разныя игры, билліарды, фортунки и пр. Тутъ же находился и театръ. Бывало, мы бѣжимъ туда съ радостію послѣ своихъ уроковъ,—бѣжимъ, чтобы покататься на горѣ то на ногахъ, то на сукнѣ, то въ телѣжкѣ. Тутъ же происходили разные сюрпризы для Императрицы, которые она очень любила. То мы, дѣти, всѣ костюмированные, составляемъ группу, то игралась всего чаще Французская пьеса на театрѣ, то составлялась ярмарка, гдѣ, конечно, доставалось намъ много игрушекъ и конфектъ. Такъ проходило время въ этой резиденціи, и угрюмый Гатчинскій дворецъ, построенный братьями Орловыми, въ подражаніе феодальныхъ замковъ, съ подъемными мостами и тайными переходами, и подаренный Екатериною своему сыну, оживлялся любезностію его обитателей. На мое воображеніе дѣйствовала пріятно эта величавая угрюмость, безпрестанные оклики часовыхъ и проч. Все оставалось какъ при Павлѣ, не было только страшнаго владыки этихъ мѣстъ, довольно богатыхъ природными красотами, особенно озеромъ и звѣринцемъ съ оленями.

Въ Павловскѣ императрица Марія Ѳеодоровна ежедневно утромъ часа два ходила пѣшкомъ, послѣ того, какъ оставила верховую ѣз-

ду. Послѣ обѣда она любила кататься на линейкѣ, вмѣщавшей персонъ восемь; за этою линейкой слѣдовали другія со свитою. Поѣздъ отправлялся куда нибудь въ павильонъ, чаще всего Розовый, гдѣ выходили для чая или вечерняго собранія. Почти ежедневно обѣдали или пили чай то на галлереѣ, то въ какомъ нибудь павильонѣ, то на фермѣ. Эти безпрестанные разъѣзды очень тяготили прислугу и отчасти свиту. Всюду нужно было привозить лишнюю мебель, кострюли и всѣ припасы, требуемые роскошнымъ столомъ. Тогда много на это роптали, но теперь мнѣ кажется, что это было понапрасну. Всѣ были заняты работой, а для прислуги это не худо. Только для образованныхъ людей досугъ очень нуженъ, потому что они умѣютъ его наполнять благородными занятіями. Лѣтъ десять тому назадъ, я посѣтила эти мѣста. Партеръ заглохъ, и розановъ не было; но все оставалось въ прежнемъ видѣ внутри Розоваго павильона. Извѣстный мнѣ альбомъ лежалъ на томъ же столикѣ. Въ немъ писали Жуковскій и Крыловъ. Грустно видѣть опустѣлыми мѣста, прежде столь дорогія, оживленныя присутствіемъ дорогихъ и милыхъ сердцу людей.

Марія Θеодоровна жила хорошо съ своимъ мужемъ и тогда, когда онъ сталъ заниматься Екатериною Ивановною Нелидовой. Марія Θеодоровна въ горести сердца своего жаловалась императрицѣ Екатеринѣ II. Та вмѣсто отвѣта подвела ее къ зеркалу, сказавъ: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre,—перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ». И въ самомъ дѣлѣ, скоро сама Марія Θеодоровна увѣрилась, что въ этой предполагаемой связи было только очарованіе умомъ Екатерины Ивановны, въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнымъ. Она сдѣлалась ея другомъ и такой оставалась до конца жизни Императрицы. Скоро послѣ восшествія на престолъ Павелъ пріѣхалъ въ Москву. Я уже говорила о балѣ, данномъ ему въ Собраніи. На этомъ балѣ дѣвица Лопухина объяснила Государю свою любовь къ нему. Государь былъ пораженъ этою выходкой и писалъ о ней въ Петербургъ въ шутливомъ тонѣ, выражая свое негодованіе противъ наглости Московскихъ дѣвицъ. Въ день, когда ожидали его пріѣзда въ Петербургъ, Марія Θеодоровна и Екатерина Ивановна Нелидова выѣхали къ нему на встрѣчу. Каково было удивленіе ихъ, когда онъ обошелся съ ними холодно, а о дѣвицѣ Лопухиной отзывался уже совсѣмъ иначе. «Тутъ», разсказывала Императрица, «мы узнали свою бѣду». Вскорѣ Лопухина съ своимъ отцомъ пріѣхала въ Петербургъ и заняла свое мѣсто при Дворѣ.

Императрица была очень милостива къ своей прислугѣ и даже баловала ее. Однажды батюшка, пришедши къ ней, нашелъ ее не въ духѣ; она упрекала его за то, что онъ не далъ наканунѣ экипажа ея камеръ-юнгферѣ. «У нихъ», говорила она, «были родные изъ дальней губерніи, которые желали видѣть мое Павловское».—«Повѣрьте, ваше величество», отвѣчалъ отецъ, «никакихъ родныхъ не было; это все ложь, и только напрасно васъ безпокоятъ».—«Ну поди, поди, помирись съ ними».—Онъ долженъ былъ поцѣловать ручки у нихъ; а онѣ, смѣясь, признались, что никакихъ родныхъ у нихъ не было. Въ другой разъ батюшка, пришедши, увидалъ камердинера Императрицы въ слезахъ. Онъ спросилъ его о причинѣ огорченія; тотъ отвѣчалъ, что Императрица на него разгнѣвалась за кофе, который ей показался кислымъ. Батюшка, вошедши къ Императрицѣ, сказалъ ей о слезахъ камердинера. «Позови его ко мнѣ», отвѣчала она.—

«Прости меня», говорила она камердинеру, «за мою вспыльчивость. Ты знаешь, какъ Нѣмки любятъ кофе: ничѣмъ нельзя ихъ разсердить больше, какъ сдѣлать кофе не по вкусу».

Разъ Императрица сказала моему отцу: «Ты, мой другъ, хочешь ли называться моимъ другомъ»? Онъ отвѣчалъ: «Я не могу быть вашимъ другомъ, также какъ и вы моимъ. Дружба требуетъ равенства и взаимности услугъ, а я не могу отъ васъ требовать того, что̀ требовалъ бы отъ друга». Другой разъ батюшка привезъ ей много цвѣтовъ и поставилъ ихъ у входа ея кабинета. Она всплеснула отъ радости руками и спросила, кто привезъ ей цвѣты. Когда она узнала, что цвѣты доставилъ Сергѣй Ильичъ, то сказала ему: «благодарю тебя за твой прекрасный подарокъ».—«Это не подарокъ», отвѣчалъ отецъ: «я прошу васъ заплатить за это деньги».—«Ахъ! подари мнѣ эти цвѣты; скажи, что даришь мнѣ ихъ!»—«Нѣтъ», отвѣчалъ отецъ, «я не подарю ихъ и никогда ничѣмъ не буду дарить васъ».—«Какая причина твоего упрямства?», спросила Императрица.—«Да та, что вы богаче меня, и я не хочу, чтобы вы за мои подарки платили мнѣ вдвое». Такъ всегда прямо и откровенно объяснялся мой отецъ и за то былъ уважаемъ всѣми.

Съ молодыми Великими Князьями онъ обходился какъ съ дѣтьми, выросшими на его глазахъ, и журилъ ихъ, когда они того заслуживали. Разъ, въ кабинетѣ Императрицы въ Москвѣ, они отзывались съ насмѣшкой о Московскихъ экипажахъ. Отецъ мой сказалъ имъ: «Какъ грустно слышать это изъ устъ вашихъ! Вы бы должны были съ почтеніемъ смотрѣть на эти старыя колымаги: онѣ отъ того еще существуютъ въ Москвѣ, что родители употребляютъ свои послѣднія деньги для содержанія вашей гвардіи».—«Спасибо тебѣ, Сергѣй Ильичъ: всегда такъ вразумляй ихъ, я прошу тебя», сказала Императрица.

Когда, въ четырнадцатомъ году, императрица Елизавета Алексѣевна ѣздила за границу и ей нужны были экипажи, то отецъ мой призвалъ подрядчиковъ и согласилъ ихъ всѣхъ поставить экипажи по своей цѣнѣ, говоря имъ, что Россія потерпѣла большіе убытки и въ казнѣ оставалось мало денегъ, обѣщая имъ впрочемъ, что все будетъ заплачено тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы царственныхъ лицъ. Они возвратились, но министръ Гурьевъ отказался платить, говоря, что онъ дѣйствуетъ по волѣ Государя. Отецъ мой сказалъ ему, что онъ сдержитъ свое слово, или выйдетъ въ отставку. Еще имъ дорожили, и потому деньги были выданы немедленно. Но лѣтъ черезъ пять настало время, и онъ долженъ былъ удалиться.

Отецъ мой все время своей службы *) старался улучшить конно-заводство, выписывая жеребцовъ изъ Англіи и поощряя частныхъ заводчиковъ. Онъ даже посылалъ агентовъ въ Аравію, гдѣ украдкой отъ племени покупались лошади и выводились съ опасностію для жизни агентовъ.

Порода кровныхъ лошадей сдѣлалась отличною. Но вдругъ нѣкоторымъ незнающимъ дѣла людямъ вздумалось это разрушить. Стали говорить, что для насъ кровныхъ лошадей не надобно, что нужно заводить болѣе простыхъ лошадей, что заводы стоятъ дорого и проч. Былъ составленъ комитетъ; въ этомъ комитетѣ сидѣли: Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, Левашевъ и Козенцъ, и рѣшили преоб-

*) Т. е. въ должности оберъ-шталмейстера. П. Б.

разовать коннозаводство, уничтожить кровныя породы и развести простыя. Но, чтобъ исполнить это пагубное для коннозаводства намѣреніе, нужно было удалить моего отца.

Странное намѣреніе! Что лучше кровныхъ лошадей можетъ быть для кавалеристовъ? Вскорѣ послѣ выхода въ отставку моего отца началось дѣло разрушенія. Лошадей распродали, заводы уничтожили. Конечно, польза отъ батюшкиныхъ трудовъ все-таки осталась: охотники воспользовались этимъ случаемъ для своихъ частныхъ заводовъ.

Съ чего началось гоненіе на него, я сама не знаю; можетъ быть, его прямой и откровенный характеръ былъ тому причиною, или другія обстоятельства,—мнѣ неизвѣстно. Но предлогъ былъ слѣдующій: чтобы наполнить казну, выдумали стѣснить, ограбить откупщиковъ, и вышло повелѣніе Государя, чтобы взыскать вдругъ все, что̀ они должны казнѣ, и не платить тѣхъ денегъ, которыя имъ была должна казна. Петербургскимъ и вмѣстѣ Новгородскимъ откупщикомъ былъ Перецъ; онъ имѣлъ претензію на казну въ два милліона, а ей долженъ былъ одинъ милліонъ. Повелѣно было взыскать этотъ милліонъ. Разумѣется, его откупъ лопнулъ, и имѣніе залогодателей должно было поступить въ продажу съ публичнаго торга.

Указъ былъ написанъ такъ, что всѣ недоимки должны быть взысканы безъ всякихъ отговорокъ; такимъ образомъ и всѣ казенные крестьяне, разоренные уже войною, подлежали томуже. Моего отца не такъ сильно огорчали свои дѣла (такъ какъ его имѣніе тоже было въ залогѣ по откупу), какъ положеніе казенныхъ крестьянъ, особенно тѣхъ, которые были приписаны къ конюшенной командѣ. Онъ пошелъ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и сказалъ ей: «Я пришелъ просить васъ не о себѣ, хотя я разоренъ совершенно (мое имѣніе было въ залогѣ у Переца, но дѣти мои не умрутъ съ голода: Государь ихъ не оставитъ). Вы же подите къ своему брату и просите его, чтобы крестьяне были изъяты отъ послѣдствій такого указа». Ходатайство моего отца имѣло силу: послѣдовало разъясненіе, въ которомъ было сказано, что этотъ указъ не касается крестьянъ. Перецъ, не имѣя на то права, не сказавши ни слова моему отцу, перезаложилъ имѣніе наше изъ Петербургскаго откупа въ Новгородскій, который еще удержался. Тогда залогодатели этого откупа предложили батюшкѣ взять вмѣстѣ съ ними откупъ на имя одного изъ нихъ, Татищева, на оставшіеся два года. Батюшка, чтобы сохранить свое имѣніе, согласился. Тотчасъ представили это въ другомъ видѣ Государю, который сказалъ, что неприлично его оберъ-шталмейстеру быть откупщикомъ, не размысливъ, что само правительство было тогда первымъ откупщикомъ въ Россіи. Какъ скоро враги моего отца поняли, что Государь недоволенъ имъ, они стали разнымъ образомъ клеветать на него и, что̀ всего ужаснѣе, подкупали кучера, любимаго Государемъ, извѣстнаго Илью, чтобъ онъ разсказывалъ Государю небылицы.

Много лѣтъ послѣ этого, будучи на смертномъ одрѣ, Илья писалъ въ Москву и просилъ прощенія у батюшки, объясняя, что онъ не можетъ умереть спокойно, если батюшка не проститъ ему за клевету. Всего болѣе огорчало моего отца то обстоятельство, что въ заговорѣ противъ него были нѣкоторые изъ сослуживцевъ по конной гвардіи, которыхъ онъ лелѣялъ, какъ дѣтей. Четыре мѣсяца мучили его разными непріятными бумагами и не отпускали въ отставку. Почти всѣ эти бумаги писаны княземъ Петромъ Михайловичемъ

Волконскимъ, который разъ, пріѣхавши съ визитомъ къ батюшкѣ, сказалъ ему: «Вы не сѣтуйте на меня, Сергѣй Ильичъ,—я исполняю только волю Государя». Отецъ мой отвѣчалъ: «Конечно, всякую волю царскую мы обязаны исполнить; даже еслибы Государь сказалъ мнѣ: повѣсь Петра Михайловича Волконскаго на осинѣ, я сейчасъ бы это исполнилъ».

Наконецъ рѣшилась судьба моего отца. Онъ получилъ давно ожидаемое имъ съ нетерпѣніемъ увольненіе, съ пенсіономъ въ 10.000 рублей ассигнаціями и съ дозволеніемъ взять сколько ему угодно экипажей и придворной прислуги, такъ какъ онъ долженъ былъ считаться только въ безсрочномъ отпуску. Онъ взялъ только одну старую четверо-мѣстную карету и одного человѣка, который всегда и оставался при немъ въ придворной ливреѣ. На послѣдней прощальной аудіенціи Государь сказалъ ему: «Останься съ нами, я прошу тебя; ты останешься при матушкѣ, а я тебѣ дамъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ и аренду». Отецъ мой отвѣчалъ: «Мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ я принять не могу, потому что не приготовленъ къ гражданскимъ дѣламъ; что же касается до аренды, то давно ли вы считаете меня продажнымъ?» — «Какъ продажнымъ?» сказалъ Государь. Отецъ отвѣчалъ: «Что̀ скажутъ обо мнѣ въ обществѣ, если послѣ столькихъ непріятностей, принявъ отъ васъ аренду, я останусь при Дворѣ?»—«Тебѣ, кажется, общественное мнѣніе дороже моего расположенія».—«Признаюсь, ваше величество, что вы не ошибаетесь. Милость ваша, какъ я испыталъ на себѣ, измѣнчива, а хорошее мнѣніе о себѣ въ обществѣ я надѣюсь сохранить до конца моей жизни».—«Ну, полно же», сказалъ Государь, обнявъ его, «разстанемся друзьями. Если ты хочешь, или что нужно будетъ,— всегда можешь писать ко мнѣ; а ты будешь исполнять мои комиссіи въ Москвѣ по покупкѣ лошадей». Тѣмъ и кончилось послѣднее свиданіе. Отецъ мой всегда съ чувствомъ говорилъ о немъ, удивляясь благодушію Государя, который, безъ малѣйшаго знака гнѣва, могъ выслушать такія слова отъ подданнаго.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, когда наступило время свадьбы великаго князя Михаила Павловича, Государь, бывши въ Москвѣ, звалъ моего отца на свадьбу, былъ съ нимъ очень ласковъ и подарилъ третьей сестрѣ моей, Елисаветѣ Сергѣевнѣ, шифръ; вторая получила его уже прежде. Потомъ, когда Михаилъ Павловичъ пріѣзжалъ въ Москву пить минеральныя воды, отецъ мой нарочно пріѣхалъ изъ деревни, чтобы видѣться съ нимъ. Тронутый этимъ вниманіемъ, Великій Князь пригласилъ его къ себѣ обѣдать каждый день и переводилъ ему самъ Французскія газеты. Тогда была Французская революція, и Карлъ X былъ изгнанъ изъ Франціи. Въ разговорахъ Великій Князь спросилъ моего отца, какого онъ мнѣнія объ этой революціи. Отецъ мой отвѣчалъ, что находитъ совершенно законною, такъ какъ Карлъ X нарушилъ всѣ постановленія конституціи, сохранять которыя онъ былъ обязанъ по данной имъ присягѣ; если простой преступникъ преслѣдуется закономъ, то что̀ можно сказать о царѣ-клятвопреступникѣ? — «Такъ-то ты разсуждаешь», сказалъ Великій Князь. «Чего же послѣ этого ожидать отъ молодыхъ?» Однако онъ на него не прогнѣвался и продолжалъ дружескія съ нимъ отношенія. Изъ этого можно видѣть, сколько мой отецъ опередилъ свой вѣкъ и что не напрасно прошли для него эти годы.

III.

Въ 1812 году императрица Марія Ѳеодоровна призвала моего отца и сказала ему: «Непріятель идетъ въ Петербургъ, и мы всѣ уѣзжаемъ въ Архангельскъ; тебѣ некогда будетъ думать о своемъ семействѣ,—ты долженъ быть при мнѣ. У тебя братья въ Москвѣ; отправляй свое семейство въ Москву сейчасъ же, всякая минута дорога». Батюшка, возвратясь изъ дворца, тотчасъ же началъ принуждать матушку собираться въ путь. «Помилуй, мой другъ», говорила матушка, «бѣдныя дѣти въ сыпи».—«Еслибъ это была даже корь, должно ѣхать». Въ нѣсколько часовъ мы собрались, приказавъ всѣ цѣнныя вещи въ домѣ собрать и отправить за нами въ Москву. Батюшка остался безъ денегъ, съ серебрянымъ туалетомъ матушки и съ серебряными блюдами. Все это, по отъѣздѣ нашемъ, тотчасъ было послано на монетный дворъ и превращено въ рубли. Итакъ, мы отправились спасаться отъ непріятеля въ Москву. Тутъ застали мы своихъ дядей, всѣхъ встревоженныхъ слухами о приближеніи непріятеля. Надобно было собираться въ путь,—но куда? Батюшка писалъ, чтобы мы ѣхали въ Ярославль, что для насъ тамъ приготовлена квартира и что тамъ будетъ великая княгиня Екатерина Павловна, и потому слухи будутъ вѣрнѣе, и письма будутъ приходить съ большею точностію. Но въ Москвѣ ходили слухи о неимовѣрной дороговизнѣ припасовъ въ Ярославлѣ, что̀ впослѣдствіи оказалось ложнымъ. А такъ какъ старшій братъ моего отца, пользовавшійся въ семействѣ авторитетомъ и бывшій тогда сенаторомъ, ѣхалъ въ Казань съ Сенатомъ, то уговорилъ и матушку ѣхать вмѣстѣ до Нижняго-Новгорода. Къ счастію, въ Москвѣ находился приверженецъ батюшки, Абрамовъ, одинъ изъ смотрителей конныхъ заводовъ. Онъ и дядя Александръ Ильичъ снарядили матушку и купили хорошихъ лошадей; Абрамовъ при этомъ отдалъ всѣ свои деньги, что̀ было величайшимъ самоотверженіемъ. Мы переѣхали сначала въ село Успенское, гдѣ должны были взять съ собою дядю Ивана Ильича съ семействомъ, который ѣхалъ въ свою Нижегородскую деревню. Можно себѣ вообразить, каковъ былъ нашъ поѣздъ: три семейства многочисленныя, съ прислугою еще болѣе многочисленною, и всѣ на своихъ лошадяхъ. Одинъ изъ дядей былъ очень медлителенъ, другой—необыкновенно скоръ; бѣдная матушка должна была сообразоваться и съ тѣмъ и съ другимъ. Наконецъ мы дотащились до Владиміра. Здѣсь губернаторъ Супоневъ уговаривалъ матушку остаться, увѣряя ее, что онъ препроводитъ ее вмѣстѣ съ женою, какъ только будутъ вѣрные слухи о непріятелѣ. Рѣшились на общій счетъ послать въ Москву находившагося при матушкѣ казеннаго человѣка, ѣздоваго, добыть точныхъ свѣдѣній. Онъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что народъ разбиваетъ кабаки и что непріятель близко къ Москвѣ. Не слушая Супонева, матушка рѣшилась ѣхать далѣе, увѣренная, что послѣдній ничего не сдѣлаетъ изъ обѣщаннаго, и, кажется, она не ошиблась, потому что онъ не исполнилъ даже ея просьбы—пересылать аккуратно ея письма. Они всѣ залежались во Владимірѣ, и матушка два мѣсяца не имѣла извѣстій отъ отца, чего не могло бы быть въ Ярославлѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ съѣхалось множество семействъ изъ Москвы. Къ обѣднѣ ѣздили всѣ въ дѣвичій монастырь, прекрасно устроенный бывшею тогда игуменьею. Хотя

я была маленькою дѣвочкою, но помню, какое ужасное впечатлѣніе сдѣлало извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы, сказанное въ церкви госпожею Хвостовой.

Тутъ мнѣ должно разсказать два случая; одинъ—относящійся къ чести собственныхъ нашихъ крестьянъ. Изъ недавно купленной деревни матушка потребовала 5.000 рублей оброка, который немедленно былъ присланъ. Второй случай еще лучше обрисовываетъ характеръ нашего народа. Дядя мой Иванъ Ильичъ, посѣтившій въ первый разъ свою Нижегородскую деревню, былъ принятъ какъ давно желанный гость; ему отвели нѣсколько избъ и безпрестанно давали для него обѣды. Крестьяне приходили просить: «пожалуйте намъ вашего кухара и чтобы Францъ Иванычъ былъ за обѣдомъ». Этотъ Францъ Иванычъ былъ Французскій аббатъ, который боялся Русскаго народа въ это время; но крестьяне были съ нимъ очень ласковы и разсѣяли его страхъ. Съ своихъ обѣдовъ крестьяне не отпускали гостей съ пустыми руками и дарили ихъ полотнами. Такъ поступали они и съ семействомъ дяди Дмитрія Ильича, укрывшагося въ той же деревнѣ у брата. Когда же дядя Иванъ Ильичъ уѣзжалъ изъ деревни, они бросили ему въ карету 500 рубл. Дядя, разумѣется, не хотѣлъ ихъ брать, но они такъ неотступно умоляли его, что онъ рѣшился ихъ взять, говоря, что онъ зачтетъ эти деньги за оброкъ. «Нѣтъ, нѣтъ», говорили они, «не считай ихъ; это нашъ подарокъ. Ты пріѣхалъ къ намъ не на радость, а дѣлить съ нами горе; за то и мы хотимъ подѣлиться съ тобою нашими достатками».

Въ Нижнемъ мы жили около двухъ мѣсяцевъ и не имѣли отъ отца никакихъ извѣстій, что̀ очень насъ тревожило; наконецъ является посланный отъ него съ приглашеніемъ возвратиться въ Петербургъ. Надобно было ѣхать на Угличъ и Бѣжецкъ, по дорогѣ вновь проложенной, и выѣхать на Петербургскую дорогу. Морозы были тогда страшные, до тридцати градусовъ, и такъ какъ ни люди, ни лошади не были пріучены къ каретной ѣздѣ, то мы ѣхали по 25 верстъ въ день. Приближаясь къ Петербургу, мы встрѣтили одного ямщика, который, подойдя къ каретѣ, сказалъ матушкѣ: «Сергѣй Ильичъ приказалъ вамъ долго жить», и что онъ былъ при его похоронахъ. Къ счастію, матушка была обдумчива; она спросила, въ который день это было, и сообразила, что она имѣла письмо батюшки позднѣе сказаннаго числа; но все-таки съ встревоженнымъ чувствомъ мы ѣхали до Петербурга.

По пріѣздѣ узнали, что батюшка во дворцѣ. Скоро онъ возвратился, и радость свиданія была неописанная.

Однажды въ 1812 году кучеръ Государя, Илья, пришелъ къ батюшкѣ просить у него коляску.

Отецъ мой спросилъ, для чего ему нужна эта коляска. Тотъ отвѣчалъ: «Я скажу вамъ тайну. Государь посылаетъ меня въ Новгородъ; тамъ есть одинъ юродивый; Государю угодно спросить у него, что̀ онъ скажетъ о начинающейся войнѣ». Тогда отецъ мой сказалъ Ильѣ: «Если ты уже повѣрилъ мнѣ тайну, то по возвращеніи скажи мнѣ отвѣтъ юродиваго». Вотъ его разсказъ: «Поутру, еще до моего пріѣзда, юродивый велѣлъ женщинѣ, которая ходила за нимъ, вымести почище комнату, говоря, что къ нему пріѣдетъ гость. А когда я вошелъ къ нему съ хлѣбомъ (обыкновенный приносъ тѣхъ, которые къ нему приходили), онъ сказалъ: Ты пришелъ отъ Бѣлаго Царя; скажи ему отъ меня, чтобъ онъ не унывалъ, что врагъ (то-

гда Наполеонъ только перешелъ Нѣманъ), долженъ быть въ его столицѣ, но что все кончится благополучно и что онъ самъ будетъ въ столицѣ врага».

Я этотъ разсказъ слышала въ то время и очень хорошо помню каждое слово; только не помню, какъ звали юродиваго.

Когда Государь Александръ Павловичъ кончилъ жизнь, отецъ мой поѣхалъ въ Петербургъ поздравить Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ.

Императрица Марія Θеодоровна спросила его объ Аракчеевѣ. Отецъ мой сталъ говорить искренно, чтѐ онъ думалъ о немъ. Тогда она сказала: «Ахъ! пожалуйста не говорите объ немъ дурнаго, это былъ другъ императора Александра». Тутъ вошелъ великій князь Николай Павловичъ и увелъ моего отца къ себѣ въ кабинетъ. «Не говори матушкѣ объ Аракчеевѣ,—ты ее разстроишь», сказалъ онъ.—«А вамъ могу я говорить?» «Мнѣ, конечно, ты можешь все говорить».—«Ну, такъ я вамъ скажу, что пока вы здѣсь церемонитесь съ вашимъ братомъ въ томъ, кто долженъ взойти на престолъ, Аракчеевъ занятъ тѣмъ, чтобы разыскивать убійцъ своей любезной. Всѣ тюрьмы Новгородскія полны, и у него множество царскихъ бланковъ, такъ что онъ можетъ ссылать въ Сибирь кого ему угодно».—«Хорошо, что ты мнѣ это сказалъ», отвѣчалъ Великій Князь; «я самъ ничего не могу сдѣлать, но сегодня соберу Государственный Совѣтъ, который немедленно пошлетъ курьера взять бланки. Я не могу тотчасъ удалить Аракчеева, такъ какъ онъ былъ друженъ съ моимъ братомъ; но ты можешь всѣмъ сказать, что при мнѣ онъ не будетъ имѣть той силы, которую имѣлъ». Такъ и было исполнено. Чрезъ нѣсколько дней Аракчеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представился императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Послѣ сего она разсказывала батюшкѣ, какъ онъ ее тронулъ, какъ онъ распростерся у ея ногъ. «Ну, что же ты ничего не говоришь, Сергѣй Ильичъ?» спросила она.—«Да вы запретили мнѣ говорить».—«Теперь я требую, чтобы ты сказалъ, чтѐ думаешь», говорила Императрица.—«Я думаю, отвѣчалъ отецъ мой, что Аракчеевъ совсѣмъ не такъ разстроенъ, какъ вы воображаете, и въ доказательство я приведу вамъ то, что послѣ смерти этой скверной женщины, которую онъ любилъ, онъ былъ такъ разстроенъ, что не могъ пріѣхать въ Государственный Совѣтъ шесть недѣль; а теперь пріѣхалъ и занялъ свое мѣсто, чтобъ его не потерять».—«Я вижу, какъ ты его не любишь», сказала Императрица.

Великій князь Николай Павловичъ поручилъ батюшкѣ везти тѣло Александра Павловича изъ Москвы въ Петербургъ. Когда онъ сопровождалъ тѣло, то Аракчеевъ выѣхалъ навстрѣчу изъ Грузина въ траурѣ и просилъ позволенія сѣсть на дроги, въ головахъ у тѣла. Батюшка не рѣшился ему въ этомъ отказать. Впослѣдствіи ямщики спрашивали моего отца: «Видѣлъ ли ты, батюшка, чорта?»—«Нѣтъ, не видалъ и надѣюсь на милость Божію, что никогда не увижу».—«А какъ же онъ сидѣлъ въ головахъ у Царя и мертвому также не давалъ покоя, какъ и живому?»

Послѣ, когда императрица Марія Θеодоровна ѣхала на коронацію въ Москву, Государь поручилъ батюшкѣ сопровождать ее.

Эти двѣ услуги послужили поводомъ для Государя дать моему отцу Андреевскую ленту въ день коронаціи.

Правда, служба его стоила этой награды, но все-таки она была безпримѣрною въ отношеніи къ человѣку, жившему уже на покоѣ.

Въ 1819 году мы ѣздили во вновь купленную деревню, въ Тамбовской губерніи, близь города Шацка, на освященіе храма, построеннаго батюшкой во имя Спаса Нерукотвореннаго. Святилъ храмъ архіерей Іона, бывшій послѣ того экзархомъ въ Грузіи. Онъ пріѣхалъ за сто верстъ изъ Тамбова, съ многочисленною свитой, разумѣется, на нашъ счетъ. Съ нимъ были два архимандрита, ключарь соборный и еще строитель монастыря, кромѣ протодіакона и пѣвчихъ. Всѣмъ были наняты квартиры въ городѣ, гдѣ мы и сами жили въ домѣ купца. Надобно объяснить, что наше село — пригородное, такъ что составляетъ какъ бы улицу города, и самая торговая площать городская намъ принадлежитъ. Это имѣніе мы купили у Разумовскаго, а его отцу оно было пожаловано императрицею Елисаветою Петровною. Имѣніе это называется Черная Слобода, потому что въ немъ всѣ городскія кузницы. Кузнецы эти такіе мастера, что дѣлаютъ экипажи. День освященія былъ самый торжественный. Церковь эта великолѣпная, съ самою лучшею живописью, какую только можно вообразить; а работана она, т. е. живопись, бывшимъ крѣпостнымъ человѣкомъ семейства Мухановыхъ. Онъ имѣлъ великій талантъ, и здѣсь въ Москвѣ есть иконостасъ его работы, которымъ любуются знатоки. Стиль его былъ строгій Итальянскій, но принаровленный къ понятіямъ православнымъ. Архіерей и на другой день еще захотѣлъ служить въ новомъ, какъ онъ говорилъ, соборѣ. Гостей у насъ было до 40 человѣкъ. Преосвященный обѣдалъ у насъ; свитѣ его готовились обѣдъ и ужинъ также у насъ, но относились къ нимъ на квартиры. Я помню, что дядя Николай Ильичъ прислалъ намъ къ этому празднику изъ своей деревни сорокъ стерлядей.

Когда Веймарскій принцъ пріѣхалъ свататься за великую княжну Марію Павловну, онъ былъ неуклюжъ и простъ, такъ что батюшка сказалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «неужели вы отдадите за него нашу Великую Княжну?»—«Конечно, не безъ ея согласія», отвѣчала Императрица. Чрезъ нѣсколько дней батюшка сопровождалъ Императрицу и великую княжну Марію Павловну верхомъ; съ ними ѣхалъ принцъ. Это было въ Павловскомъ. Они остановились у Елисаветинскаго павильона. Императрица, Великая Княжна и принцъ пошли наверхъ, а батюшка остался внизу. Вдругъ, къ его удивленію и скорби, онъ увидѣлъ, что принцъ, сходя съ лѣстницы, цѣловалъ руку Маріи Павловны. Тутъ сердце ему сказало, что судьба милой Великой Княжны рѣшена, а вечеромъ онъ получилъ записку отъ Императрицы, написанную карандашомъ на маленькомъ клочкѣ бумажки: «Благословите насъ, батюшка, мы просватали Великую Княжну за принца Веймарскаго».

Въ послѣдній разъ, когда Великая Княгиня была въ Москвѣ, она сказала, что нарочно ѣздила въ Елисаветинскій павильонъ, чтобы возобновить воспоминаніе этой прогулки съ моимъ отцомъ. Она жила долго съ мужемъ, который былъ добрый человѣкъ, хотя необык-

новенно простъ умомъ. Она же была столько же умна, сколько добра—и добра какъ ея мать. Въ Веймарѣ она, сколько позволяли средства, дѣлала добро, учреждала заведенія; а въ 1813 году заложила всѣ свои бриллiанты, чтобы помогать раненымъ, преимущественно Русскимъ. Ни одинъ Русскій не проѣзжалъ чрезъ Веймаръ, не посѣтивъ ее и не бывъ привѣтствованъ. Когда мы были у Великой Княгини въ 1840 году, можно было только удивляться ея радости и радушію, съ которыми она привѣтстововала моего отца и мать; посылала каждый день свой экипажъ за ними, даже гросъ-герцогъ участвовалъ въ томъ же. Мы пробыли тамъ три дня. Онъ со слезами на глазахъ упрашивалъ, чтобы мы остались еще. Къ несчастію, сдѣлать это было невозможно.

IV.

1825 года, 14 го Декабря, назначена была присяга новому императору Николаю Павловичу. Батюшка поѣхалъ во дворецъ, не зная ничего о происходившемъ. Дворецъ былъ полонъ пріѣхавшихъ къ присягѣ. Отецъ мой подошелъ къ окну комнаты предъ кабинетомъ, гдѣ стоялъ Николай Михайловичъ Карамзинъ, и тутъ увидѣлъ, что Государь стоитъ въ воротахъ и читаетъ манифестъ войску. Онъ спросилъ у Карамзина, что это значитъ. Тотъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Скоро въ эту комнату вошла императрица Марія Ѳеодоровна, держа за руку Наслѣдника престола, нынѣшняго Государя, и въ сопровожденіи императрицы Александры Ѳеодоровны. «Слѣдуй за нами, Сергѣй Ильичъ», сказала она моему отцу.

Здѣсь я должна исправить ошибку, вкравшуюся въ Записки гр. Комаровскаго (напечатанныя въ Р. Архивѣ 1867), который говоритъ, что Карамзинъ былъ въ это время одинъ въ кабинетѣ съ императорскою фамиліей. Я полагаю, что ошибка графа Комаровскаго произошла отъ того, что отецъ мой имѣлъ сходство съ Карамзинымъ въ ростѣ. И онъ, и отецъ мой неоднократно входили въ ту комнату, гдѣ находились обѣ Императрицы съ Государемъ Наслѣдникомъ. Въ кабинетѣ, куда удалилась Императрица съ семействомъ, остались съ ними только мой отецъ и генералъ Мёрдеръ, воспитатель Великаго Князя. Сначала императрица Александра Ѳеодоровна была очень разстроена и очень много плакала. Вдовствующая Императрица утѣшала ее, какъ могла. Время длилось, было уже поздно. Государю Наслѣднику захотѣлось кушать, и Онъ началъ жаловаться на голодъ. Батюшка принесъ Ему съ кухни котлетку, усадилъ Его за столъ, снялъ съ Него гусарскій ментикъ и хотѣлъ взять съ Него саблю, чтобъ Ему было покойнѣе сидѣть; но Онъ ударилъ по эфесу и сказалъ: «Этого Я никому не отдамъ». Между тѣмъ приходили разные вѣстники съ площади. Наконецъ явился посланный отъ Государя объявить императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что, истощивъ всѣ средства кротости и убѣжденія, онъ долженъ будетъ приказать палить изъ пушекъ, но что онъ надѣется, что достаточно будетъ одного или двухъ выстрѣловъ. Это такъ ее поразило, что батюшка думалъ, что съ нею сдѣлается апоплексическій ударъ. Она всплеснула руками и вскричала: «Боже мой, до чего я дожила! Сынъ мой всходитъ съ пушками на престолъ!» Тутъ уже императрица Александра Ѳеодоровна стала за нею ухаживать. Между тѣмъ Наслѣдникъ (Ему было тогда только

семь съ половиною лѣтъ), стоявшій на окнѣ, закричалъ: «Я вижу, папа ѣдетъ!» Вскорѣ прибылъ Государь, и произошла самая трогательная сцена. Всѣ бросились другъ къ другу въ объятія и потомъ пошли въ церковь служить благодарственный молебенъ, который весь простояли на колѣняхъ, въ слезахъ. Послѣ сего уже послѣдовала присяга.

V.

Когда государь Николай Павловичъ пріѣхалъ на коронацію, онъ говорилъ съ батюшкой о печальномъ происшествіи 14 Декабря и о томъ, какъ должно воспитывать дѣтей въ такихъ правилахъ, чтобы не могло чего-либо подобнаго случиться. Батюшка говорилъ: «Позвольте замѣтить вашему величеству, что большая часть молодыхъ людей, замѣшанныхъ въ этой исторіи, ваши воспитанники, а не наши». Такъ онъ оставался всегда вѣренъ своему откровенному характеру. — Еще одна черта или двѣ обрисуютъ его характеръ. Государь въ этомъ разговорѣ упрекалъ моего отца за то, что онъ не принялъ выбора въ губернскіе предводители дворянства, а отговорился довольно преклонными лѣтами: «Если такіе люди, какъ ты», сказалъ Государь, «не будутъ мнѣ помогать, то что я могу сдѣлать одинъ?»

Великая княгиня Елена Павловна, во время пребыванія своего въ Москвѣ, оскорбила моего отца тѣмъ, что не приняла его въ частной аудіенціи, какъ двухъ князей Голицыныхъ (князя Сергѣя Михайловича и князя Дмитрія Владиміровича) и графа Петра Александровича Толстаго, а вышла къ нему въ общую залу и начала говорить съ нимъ пофранцузски, забывши, что онъ не зналъ этого языка. Однакоже, спохватившись, она въ другой разъ пригласила его и меня въ свой кабинетъ и тутъ, съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, сказала моему отцу: «Я теперь много узнала Россію» (она только-что возвратилась изъ путешествія во внутреннія губерніи). «Я знаю», продолжала она, «что̀ такое подвода и постой. Какъ странно, что матушка, жившая болѣе пятидесяти лѣтъ въ Россіи, совсѣмъ ея не знала».—«Это вѣроятно», отвѣчалъ мой отецъ, котораго она кольнула въ самое больное мѣсто, «потому, что тогда не такъ часто разъѣзжали по Россіи и берегли народъ, для котораго эти вояжи всегда обременительны». Мнѣ было очень совѣстно; но батюшка, не дождавшись ея отпуска, откланялся, говоря, что онъ не хочетъ болѣе обременять ее своимъ присутствіемъ, такъ какъ, живя давно вдалекѣ отъ двора, онъ забылъ, какъ должно обращаться съ высокими особами. Она погрозила ему пальцемъ и сказала: «вы меня не любите», и потомъ объявила, что она ѣдетъ на другой день въ 9 часовъ. Несмотря на этотъ намекъ, отецъ не поѣхалъ ее провожать.

Впослѣдствіи она не знала, какъ загладить свою вину, и пригласила моихъ родителей къ себѣ обѣдать къ кабинетъ, гдѣ былъ только ея братъ и даже не служили люди, а входили только по звонку, такъ какъ разговоръ шелъ порусски, то-есть въ самую дружескую короткость.

Разъ, когда Александръ Павловичъ сталъ шутить съ батюшкой въ довольно нескромныхъ словахъ, отецъ мой сказалъ ему: «Это съ ва-

шей стороны тѣмъ хуже, что я не могу требовать отъ васъ удовлетворенія, какъ бы поступилъ съ частнымъ человѣкомъ. Это несообразно съ обычною деликатностію вашего характера». Такъ люди того вѣка, привязанные всѣмъ сердцемъ къ царскому семейству, умѣли совсѣмъ тѣмъ держать себя не подобострастно, но съ достоинствомъ. Отца моего любила царственная семья, можетъ-быть, еще болѣе потому, что уважала его и остерегалась его чѣмъ-нибудь обидѣть, зная между тѣмъ, что онъ душею былъ ей преданъ. Конечно, и тогда было много льстецовъ и людей подобострастныхъ, но всетаки обхожденіе съ царями и ихъ семействомъ было свободнѣе и благороднѣе. Краткое царствованіе Павла Петровича не успѣло испортить духа, влитаго въ націю Екатериною.

Императоръ Александръ Павловичъ ждалъ пріѣзда Прусскаго короля. Ему хотѣлось, чтобы къ пріѣзду, до котораго оставалось не болѣе двухъ недѣль, была приготовлена карета à la Domont, экипажъ, гдѣ правятъ съ коня. Императоръ обратился съ приказаніемъ насчетъ такого экипажа къ моему отцу. Батюшка отвѣчалъ, что въ такой короткій срокъ этого сдѣлать невозможно. Государь тогда сказалъ, что нельзя ли сдѣлать такой экипажъ изъ обыкновенной кареты, отпиливши у нея козлы. Батюшка отвѣчалъ, что и это невозможно. «Ты все говоришь невозможно, но навѣрное моему отцу не посмѣлъ бы сказать». Отецъ мой на это сказалъ: «Развѣ вы желали бы, чтобы васъ обманывали также, какъ и вашего батюшку?»—«А какъ же его обманывали, — разскажи!»—«Однажды императоръ Павелъ Петровичъ», отвѣчалъ мой отецъ, «отдалъ приказаніе, чтобъ его золотая карета на другой день была синею. Въ угожденіе Государю, было рѣшено перекрасить эту карету. Къ счастію, былъ морозъ, и краска держалась; на утро подали эту карету Государю, и онъ остался доволенъ. Но въ теченіе его прогулки солнце пригрѣло краску, она растаяла, и карета сдѣлалась изъ синей полосатою. Государь видѣлъ это, но тѣмъ не менѣе остался доволенъ, что исполнили его приказаніе». Императоръ Александръ Павловичъ, выслушавъ этотъ разсказъ, сказалъ: «Нѣтъ, я не желаю, чтобы меня также обманывали».

У матушки моей былъ танцовальный учитель Делёка́. Разъ онъ пріѣхалъ весь въ грязи и разсказалъ, что онъ встрѣтился съ императоромъ Павломъ Петровичемъ. Такъ какъ было очень грязно, то онъ не сошелъ съ дрожекъ, а только сталъ на подножку. Тогда Государь, прогнѣвавшись, велѣлъ его, одѣтаго въ бѣлыхъ чулкахъ, водить по лужѣ.

Разъ императоръ Александръ Павловичъ шелъ по дворцовому корридору, и лакей, бѣжавшій съ какимъ-то приказаніемъ, наткнувшись толкнулъ его. Государь началъ уже гнѣваться, когда Александръ Львовичъ Нарышкинъ развеселилъ его шуткою, сказавши, что всего досаднѣе, что этотъ человѣкъ испортилъ Русскую пословицу: «у страха глаза велики».

Разъ государь Александръ Павловичъ спросилъ за обѣдомъ: «когда же, Сергѣй Ильичъ, я буду у тебя обѣдать?»—«Когда я не буду жить въ казармахъ» *), отвѣчалъ отецъ.

Съ начала царствованія своего Александръ Павловичъ чрезвычайно любилъ моего отца, ласкалъ его, безпрестанно бралъ его съ собою въ коляску и приказалъ ему пріѣзжать безъ зова обѣдать, когда ему вздумается. Но скоро, благодаря прямому и откровенному своему характеру, отецъ потерялъ этотъ фаворъ, потому что разъ сказалъ не совсѣмъ пріятное слово Царю. Государь смотрѣлъ въ лорнетъ на хорошенькую горничную Императрицы. «Посмотри, какъ она мила», сказалъ онъ отцу.—«Съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ», отвѣчалъ отецъ, «я пересталъ заглядываться на хорошенькихъ». Съ этого дня Государь уже не приглашалъ его въ свою коляску. Тогда отецъ еще не зналъ, что Государь имѣлъ нѣкоторое право поступать иначе.

Еще нѣсколько словъ о моемъ отцѣ. Росту онъ былъ большаго и съ самою пріятною наружностію; имѣлъ глаза каріе, кроткіе и ласковые, характеръ ровный и чрезвычайно привѣтливый, носъ — неправильный, но ротъ очень пріятный, и зубы, пока ихъ не испортили каломелью и разными лѣкарствами,—ровные и бѣлые. Въ семействѣ онъ былъ настоящимъ ангеломъ и другомъ своихъ дѣтей. Онъ былъ очень богомоленъ, но любовь его къ Спасителю была такъ естественна, какъ и всѣ добродѣтели,—какъ будто онъ не могъ быть иначе. Я всегда удивлялась его эстетическому вкусу въ архитектурѣ и живописи; къ музыкѣ онъ не имѣлъ склонности, но очень любилъ садоводство. Вообще онъ имѣлъ въ себѣ что-то такое привлекательное, что съ перваго раза его любили и уважали. Одѣвался онъ всегда очень аккуратно, такъ что племянники совѣстились бывать у него въ сюртукахъ, потому что онъ самъ ходилъ во фракѣ, хотя онъ часто выговаривалъ имъ за это. Послѣдніе годы онъ носилъ сюртукъ, но даже при насъ онъ не любилъ, чтобы мы видѣли его безъ галстука. Вотъ его характеристика. Мнѣ тяжело болѣе распространяться, хотя о немъ трудно было бы наговориться.

Друзей онъ имѣлъ много, да и можно сказать, что все человѣчество было его другомъ; слуги до сихъ поръ не могутъ забыть его ласковаго съ ними обхожденія.

Когда скончалась императрица Марія Ѳеодоровна, мы узнали объ этомъ нечаянно, на станціи, ѣхавши въ Москву изъ Калуги, но скрыли это до Москвы отъ отца. Тяжело было скрывать это отъ него, такъ какъ мы ѣхали въ одной съ нимъ каретѣ, и тяжело было слушать, какъ онъ дѣлалъ планы поѣздки своей въ Кіевъ съ Маріею Ѳеодоровною. Только-что мы пріѣхали въ Москву, при самомъ входѣ въ переднюю комнату, человѣкъ, остававшійся въ Москвѣ, поспѣшилъ объявить ему о случившемся. Это произвело такое сильное дѣйствіе на него, что должно было немедленно пустить ему кровь

---

*) Т. е. въ домѣ конюшеннаго вѣдомства (еще выходившемъ тогда окнами на Невскій Проспектъ). П. Б.

изъ руки, послѣ чего онъ хотѣлъ немедленно ѣхать въ Петербургъ. Къ счастію, мундиръ его былъ въ обозѣ, такъ что онъ нѣсколько отдохнулъ поневолѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вошелъ въ ту залу, гдѣ стояло тѣло Императрицы, всѣ присутствовавшіе были поражены и тронуты его горестію, и всѣ фрейлины стали за нимъ ухаживать. Въ Петербургѣ еще разъ нужно было пустить піявочную кровь. Онъ хотѣлъ непремѣнно дежурить при тѣлѣ первую ночь по пріѣздѣ своемъ и пѣшкомъ шелъ за гробомъ до самой крѣпости. Императрица Александра Ѳеодоровна заботилась о немъ и присылала узнать, сколько лѣтъ моей меньшой сестрѣ, и когда узнала, что она выѣзжаетъ въ свѣтъ, прислала ей свой фрейлинскій шифръ, сказавъ: «чего не успѣла докончить матушка, то слѣдуетъ сдѣлать мнѣ».

VI.

Теперь я возвращусь къ 1809 году, когда батюшка занемогъ своею тяжкою болѣзнію. У него были прекрасные бѣлые зубы; вдругъ, во время стола у Императрицы, онъ почувствовалъ ужасную боль въ зубѣ. Взявъ въ ротъ нѣсколько краснаго вина, онъ утолилъ тѣмъ на минуту боль; но, пріѣхавши домой, сталъ чувствовать тоже. Боль приходила въ одинъ и тотъ же часъ и проходила безъ всякой причины. Теперь, когда медицина сдѣлала столько успѣховъ, тотчасъ узнали бы по этимъ пароксизмамъ перемежающуюся лихорадку; дать бы соотвѣтствующія средства, тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но тогда признавали только одинъ видъ лихорадки и болѣзнь отца приписали такимъ причинамъ, которыя и не могли существовать. Они стали его лѣчить меркуріальными средствами и довели его почти до смерти, такъ что лучшій изъ врачей, Крейтонъ, когда увидѣлъ его въ первый разъ, назначилъ ему только шесть недѣль жизни. Къ несчастію, у него было семь докторовъ: домовый врачъ Кернеръ, Рожерсонъ (докторъ Екатерины II, который, правда, уже не практиковалъ и ѣздилъ только по дружбѣ, хотя и онъ иногда давалъ совѣты), Лейтонъ, привезенный друзьями Саблуковыми, Крейтонъ, присланный императрицею Маріею, Клеменцъ, докторъ конюшенной команды по долгу службы, Тиманъ, привезенный другомъ Витовтовымъ, и наконецъ Симсонъ.

Такъ и выходило по Русской пословицѣ, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Наконецъ, натура взяла свое; сдѣлалась обыкновенная лихорадка, стали давать хину, и батюшка выздоровѣлъ. Но теперь нужно было выгнать изъ организма меркурій; для сего нашли одно средство—Кавказскія воды, и надобно было туда ѣхать. Государь приказалъ батюшкѣ явиться къ нему на прощаніе въ простомъ сюртукѣ, какъ онъ ходилъ дома. Когда его увидѣлъ Вилье, докторъ Государя, то сказалъ: «Какими судьбами вы вырвались изъ рукъ семи докторовъ?»—«Можетъ-быть», отвѣчалъ шуткою батюшка, «отъ того, что тебя не было осьмаго».

Батюшка отправился въ путь въ сопровожденіи Кернера. До Москвы мы ѣхали вмѣстѣ. Мнѣ было тогда 6 лѣтъ. Въ Москвѣ матушка, уже въ тяжеломъ положеніи, осталась для разрѣшенія отъ бремени. По истеченіи шести недѣль по рожденіи моей сестры Екатерины (воспріемницею которой была сама Императрица), матушка отправилась въ дорогу, въ свою Калужскую деревню, гдѣ и дожидалась батюшки.

Онъ былъ уже въ лучшемъ состояніи, но лихорадка по временамъ возвращалась, такъ что на слѣдующее лѣто онъ долженъ былъ опять ѣхать на Кавказъ. Тогда мы отправились уже всею семьею, то-есть матушка, сестра Анна и я, а двѣ младшія остались у дяди Ивана Ильича въ селѣ Успенскомъ. Мы поѣхали съ докторомъ Газомъ, который былъ посланъ изслѣдовать минеральныя воды; съ нимъ былъ еще двоюродный братъ матушки, Ѳеодоръ Александровичъ Ушаковъ, и еще одинъ Рязанскій помѣщикъ, присоединившійся къ намъ въ Рязани. Смѣшно было то, что онъ всегда хотѣлъ ѣхать между экипажами, когда мы приближались къ Кавказу, думая, что такъ онъ лучше спасется отъ нападенія Черкесовъ. Тогда отъ Ставрополя давали путешественникамъ конвой, но для батюшки, по всей Землѣ Донскаго Войска, на всякой станціи былъ назначенъ почетный конвой изъ десяти казаковъ съ офицеромъ. Батюшка обыкновенно дарилъ ихъ деньгами и не бралъ конвоя; но иногда они настоятельно требовали, чтобы позволено было провожать насъ. Я помню одного мальчика, лѣтъ 12-ти, который скакалъ всю станцію вблизи нашихъ колесъ. Батюшка просилъ, чтобъ его отпустили; но ему сказали, что подвигъ молодаго казака будетъ записанъ въ его формулярѣ. Помню еще, какъ мы на баркѣ переѣзжали разлившійся Донъ, какъ казацкіе старшины поднесли батюшкѣ осетра, завернутаго въ богатомъ коврѣ, который, конечно, имъ былъ возвращенъ; какъ батюшка чуть не утонулъ, свѣсившись за бортъ, при чемъ онъ былъ въ большой опасности: казакъ, схватившій его за ногу, едва этимъ способомъ могъ втащить его на барку. Замѣчательно, что однажды Цыганка сказала ему, что если ему посчастливится не утонуть, онъ проживетъ долго. Батюшка кончилъ жизнь на 80 году. Помню еще, какъ мы на горѣ проѣхали сквозь облако; какъ первый разъ увидѣли саранчу и какъ намъ подали въ карету пойманное насѣкомое съ странными крылышками.

Такъ запечатлѣваются въ этомъ возрастѣ отдѣльныя картины, а связь пропадаетъ. Мы ѣхали по Землѣ Донскихъ казаковъ 200 верстъ въ день: такъ гладка была дорога. Но изъ Москвы мы ѣхали до Кавказа три недѣли, потому что на ночь всегда останавливались, какъ бы плоха ни была станція. Впрочемъ нужно признаться, что ночлеги были вообще очень скверные: въ одной комнатѣ съ нами бывали и телята. Намъ строго было запрещено жаловаться или показывать брезгливость. По возможности, насъ вездѣ покоили по приказанію самого Государя, разосланному чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ всѣмъ губернаторамъ. На Кавказѣ не было еще ничего устроено. Въ четырехъ верстахъ отъ водъ было небольшое поселеніе и домъ коменданта. Всѣ пріѣзжающіе помѣщались въ Калмыцкихъ кибиткахъ, привозимыхъ на верблюдахъ. У насъ были двѣ Калмыцкія юрты, въ которыхъ устроены ванны пониже источника, такъ что въ нихъ было на 2 градуса меньше тепла. Тогда еще былъ одинъ источникъ сѣрныхъ водъ изъ горы Мичуги. При насъ былъ открытъ еще одинъ источникъ, который былъ названъ Елисаветинскимъ. Городъ Георгіевскъ былъ тогда губернскимъ городомъ и отстоялъ отъ водъ на 40 верстъ; туда надо было посылать за лѣкарствами и за лимонами, но съ нами была небольшая аптечка и всякія вина. Трудно было тогда ѣхать на Кавказъ: надобно было везти съ собою все необходимое. Тутъ застали мы колонистовъ, вызванныхъ изъ Сарепты, гдѣ имъ наскучила ихъ община.

Кажется, никто кромѣ Славянскихъ народовъ въ общинѣ не уживается, а какъ хороша она у насъ! Истребить ее значило бы въ теперешнемъ порядкѣ правленія—сдѣлать изъ нашихъ крестьянъ хуже Лифляндскихъ поселянъ. Каждое отдѣльное лице было бы задавлено и землевладѣльцемъ, и такъ-называемымъ кулакомъ; а община есть сила, охраняющая право и благосостояніе крестьянъ и обезпечивающая взносы податей. Отнимите ее, и крѣпостное право возвратится, въ худшемъ видѣ, нежели прежде, потому что порвана будетъ вѣковая связь между помѣщикомъ и крестьянами; онъ станетъ для нихъ чужой, не обязанный пещись объ ихъ благосостояніи, а только наблюдающій свои интересы. Люди вездѣ одинаковы, и если Русская натура помягче Нѣмецкой, все-таки будетъ больше корыстолюбивыхъ, чѣмъ добрыхъ. Конечно, хозяйство можетъ быть лучше у отдѣльнаго поселянина, чѣмъ у общинника, но только въ томъ случаѣ, когда постановленія государства свободны, когда вездѣ царствуетъ безпрепятственно законъ, а у насъ еще только начинаютъ привыкать къ легальности, и при малѣйшемъ послабленіи надзора проявляется произволъ въ самомъ дикомъ видѣ. Нравы не измѣняются также скоро, какъ законы.

Но для чего я такъ далеко отвлеклась отъ предмета? Мнѣ нужно было высказать нѣсколько мучительныхъ для меня мыслей. Живя часто въ деревнѣ, я хорошо знаю бытъ крестьянъ и знаю, что тѣ, которые поумнѣе, понимаютъ это дѣло также, какъ и я; но конечно жалуются и на общину, какъ жаловались на помѣщиковъ, какъ будутъ всегда жаловаться, пока свѣтъ стоитъ, на все,—таковъ уже человѣкъ. Возвратимся къ колонистамъ.

Колонистовъ этихъ вызвали изъ Сарепты, но еще не отвели имъ земли, и они, бѣдные, не зная, куда приклонить свои головы, пристали съ просьбами къ отцу, который взялся быть ихъ ходатаемъ. И точно, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ настоятельно просилъ бывшаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева объ окончательномъ поселеніи колонистовъ. Я буду говорить объ нихъ впослѣдствіи

Въ первое мое посѣщеніе Кавказа я была еще слишкомъ мала; мнѣ было тогда только семь лѣтъ, и впечатлѣнія отъ величаваго вида горъ слабо остались въ памяти. Потомъ, одиннадцати лѣтъ, я была опять тамъ, и тогда энтузіазмъ выражался въ нескладныхъ моихъ писаніяхъ. Изъ перваго вояжа помню еще посѣщеніе нами жилищъ Шотландскихъ миссіонеровъ, которымъ, по космополитическому расположенію, государь Александръ Павловичъ дозволилъ проповѣдывать Евангеліе на Кавказѣ. Помню, какъ меня занималъ станокъ, гдѣ печатали при насъ Библію на туземномъ нарѣчіи. Нельзя сказать, чтобы проповѣдь была успѣшна; напротивъ того, миссіонеры жаловались, что мальчики, обучавшіеся у нихъ, всегда кончали тѣмъ, что обкрадывали ихъ и уходили восвояси. Однажды при такомъ разсказѣ стоялъ одинъ изъ учениковъ. Батюшка, обратясь къ нему, сказалъ: «вѣрно и ты также поступишь?» Обиженный этимъ, мальчикъ заплакалъ. Можетъ-быть, въ этомъ были зачатки добра. Я помню, какъ разъ я испугалась, когда, сидя за фортепіанами, вдругъ увидала себя окруженною Черкесами, вооруженными съ головы до ногъ. Они пріѣхали насъ посѣтить; я была одна въ комнатѣ. Они осматривали инструментъ снаружи и внутри. Пришла матушка и проиграла имъ вальсъ. Они были въ восхищеніи и сказали: «малень-

кая твоя дѣвка хорошо играетъ, а большая дѣвка лучше». Кажется, это принадлежитъ къ воспоминаніямъ изъ другой поѣздки, — семи лѣтъ я еще не училась музыкѣ. Такъ путаются воспоминанія двухъ вояжей. Отъ горячихъ ваннъ тогда (не знаю, какъ теперь) ѣздили пользоваться для подкрѣпленія силъ въ Кисловодскъ и пили воды изъ источника Нарзана. Вездѣ была опасность отъ нападенія Черкесовъ. По всѣмъ городамъ стояли пикеты.

Теперь буду говорить о второмъ нашемъ путешествіи въ 1814 году. Вотъ сколько было насъ въ этомъ поѣздѣ: родители наши и всѣ мы, Пелагея Алексѣевна Путинцева, другъ нашего семейства, жившая съ матушкой еще до ея замужства; дѣвица Трескина, взятая изъ института; гувернантка, Нѣмка-няня, докторъ Мухау, весьма посредственный врачъ съ забавными дистракціями. Мы ѣхали съ меньшими почестями и удобствами: блестящая эпоха жизни батюшки при Дворѣ начала блѣднѣть, хотя онъ продолжалъ еще пользоваться добрымъ расположеніемъ царственнаго дома. Въ Землѣ Донскихъ казаковъ не было уже Платова, который носилъ насъ на рукахъ. Онъ выслалъ полотняный домикъ на станцію Гнилой-Ягарлыкъ, потому что тамъ не было другаго жилища, кромѣ землянокъ. При немъ насъ сопровождалъ офицеръ до самой границы Войска Донскаго; онъ везъ фрукты, которыми подчивалъ насъ на всякой станціи. Но за то дорога была намъ знакомѣе, и мы знали, что̀ насъ ожидало. На Кавказѣ все было мало устроено, но колонистовъ мы нашли уже поселенными; они приносили краю большую пользу, снабжая жителей бѣлымъ хлѣбомъ и овощами. Мы остановились въ домѣ коменданта Веревкина, который уступилъ намъ не только домъ, но и садъ—единственное убѣжище, гдѣ было нѣсколько зелени и овощей; кругомъ все сгорѣло отъ сильныхъ жаровъ: шесть недѣль не было ни капли дождя. Теперь уже я могла восхищаться природою. Какъ часто, при захожденіи солнца, мы любовались цѣпью Армянскихъ горъ съ вѣчноснѣговыми вершинами и между ними Эльборусомъ! Онъ виднѣется издали съ раздвоенною вершиною, на которой розовымъ, пурпуровымъ цвѣтомъ отражаются лучи солнца. Смотрѣли съ благоговѣйнымъ восторгомъ на гору Бештау, особенно когда она опоясывалась тучами, изъ которыхъ блистала молнія, слышался громъ, а вершина оставалась спокойною. Гора эта по отлогости имѣетъ семь верстъ вышины. Нѣкоторые путешественники, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ верхомъ, взбирались на самую вершину, на которой видѣли много змѣй. Между этою горой и горою Мичугою, изъ которой вытекаетъ цѣлебный источникъ, образовался провалъ. Мы часто подходили къ нему и бросали камни, при чемъ никогда не слыхали, какъ они падали. Послѣ открыли внизу озеро съ голубою, прозрачною и тоже цѣлебною водою и прорыли къ нему тоннель. Видъ разнообразился Калмыцкими кибитками, Черкесскими арбами, пасущимися верблюдами и ста̀дами буйволовъ. Между Черкесами мы нашли своего кунака. Кунакъ означаетъ другъ; онъ рѣшится умереть за своихъ друзей, если нужно; подъ его кровомъ друзья всегда находятъ безопасное убѣжище. Мы посѣтили, по просьбѣ жителей, ближайшій аулъ мирныхъ Черкесовъ; впрочемъ это не Черкесы, а просто Татары,—Черкесы живутъ гораздо дальше въ горахъ. Ѣхавши къ нимъ, мы запаслись кренделями и лакомствами; насъ провели въ обиталище княгини. Это длинная ма-

занка съ малыми окнами. Княгиня сидѣла на возвышенномъ мѣстѣ, а придворныя около нея на полу, всѣ въ однѣхъ рубашкахъ, съ отвратительными физіономіями и формами. До замужества дѣвицъ зашиваютъ въ что-то въ родѣ кожаннаго корсета, и онѣ въ такомъ видѣ остаются до тѣхъ поръ, пока мужъ не разрѣжетъ кожаннаго ремня, которымъ стянутъ корсетъ. Формы тѣла, долго сжатыя, расползаются до безобразія. Мы не успѣли развязать нашъ узелъ, какъ онѣ накинулись на насъ, вырвали изъ рукъ привезенные гостинцы и тотчасъ растерзали ихъ. А княгиня, одѣтая въ парчевое платье, сидѣла неподвижно, какъ кукла, на своемъ возвышеніи. Ей подарили мы шелковый платокъ. Въ жилище княгини мущины не впускаются. Потомъ пошли мы къ другой княгинѣ, премилой и прелюбезной, и сожалѣли, что не запаслись другими гостинцами, такъ какъ не ожидали видѣть двухъ княгинь въ одномъ аулѣ.

Черкесы занимали насъ танцами своихъ дѣвицъ, которыя, зашитыя въ корсеты, толкались на одномъ мѣстѣ, а мущины, съ прелестными маленькими ножками, обутыми въ кожанные башмачки безъ швовъ, выдѣлывали трудныя па́. Всѣ они просили насъ переночевать у нихъ, обѣщая заколоть для ужина лучшаго барана, но мы не согласились остаться въ ихъ неприглядныхъ жилищахъ. Они провожали насъ изъ своего аула верхами и джигитовали для нашего удовольствія. Были мы и у колонистовъ, нашихъ давнишнихъ друзей. Они развели садики и улья пчелъ, подчивали насъ медомъ и были вообще довольны нашимъ посѣщеніемъ.

Наконецъ пришло время ѣхать въ Кисловодскъ. Тамъ мы остановились въ домѣ коменданта маленькой крѣпостцы, единственномъ убѣжищѣ съ крышкою. Тамъ была только одна комната съ поломъ, а прочія набиты землею. Всѣ другіе путешественники жили въ Калмыцкихъ кибиткахъ. Разъ батюшка, не дождавшись насъ, пошелъ на источникъ. Былъ небольшой дождь, и онъ промочилъ себѣ ноги и захватилъ Кавказскую лихорадку. Болѣзнь была ужасная. Приходило по три пароксизма въ день. Потомъ съ нимъ произошелъ летаргическій сонъ на нѣсколько дней. Наконецъ, по милости Божіей, болѣзнь начала уступать. Но сезонъ кончился, и путешественники и маркитанты стали разъѣзжаться. Комендантъ съ войскомъ также хотѣлъ удалиться и захватить съ собою походную церковь. Это очень разстроило моего отца, и онъ, призвавъ коменданта, сказалъ ему, что если тутъ есть полковая церковь, то только потому, что онъ выпросилъ ее у Государя. Комендантъ остался, и палатки съ церковію были разбиты подъ окнами спальни. Между тѣмъ едва начинавшему выздоравливать больному захотѣлось кушать дичь. Но гдѣ взять ее? Придумали готовить воробьевъ, обѣщали платить по 5 копѣекъ за воробья. Ихъ стали носить мѣшками, и должно было убавить цѣну. Въ одно утро комендантъ прислалъ объявить, что въ восьми верстахъ отъ Кисловодска, въ Моздокѣ, открылась чума. Не столько испугала насъ сама болѣзнь, сколько мысль, что придется шесть недѣль жить подъ карантиномъ, если успѣютъ сдѣлать распоряженіе; потому что въ карантинѣ тогда, кромѣ землянокъ, не могло быть другаго помѣщенія. Итакъ, надо было ѣхать немедленно. Между Кисловодскомъ и теплыми водами есть одно мѣсто очень опасное. Съ одной стороны крутая гора, а съ другой — бездонная пропасть. Дорога идетъ между горой и пропастью. Путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Батюшка лежалъ

въ экипажѣ и не могъ шевельнуться. Къ счастію, съ нами былъ довольно многочисленный казацкій конвой. Казаки привязали веревки къ колесамъ и все время держали экипажъ. Переѣздъ этотъ былъ счастливѣе, нежели мы думали. Батюшка нѣсколько оправился, и мы, отдохнувъ немного, отправились въ дальнѣйшій путь. Въ карантинѣ насъ продержали только сутки, вмѣсто четырехъ. Несмотря на это, въ землянкѣ у батюшки появился страшный пароксизмъ прежней лихорадки. Онъ написалъ полковнику Абрамову въ Москву, завѣдывавшему его дѣлами, чтобъ онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Новочеркаскъ, потому что, чувствуя себя слабымъ, онъ даже и не надѣялся доѣхать до Новочеркаска и хотѣлъ поручить ему свое семейство. Но съ продолженіемъ путешествія его здоровье на́чало поправляться. Сначала онъ думалъ зимовать въ Воронежѣ, но потомъ, чувствуя себя крѣпче, доѣхалъ съ нами до Тулы, далѣе до Москвы и наконецъ пріѣхалъ совсѣмъ благополучно въ Петербургъ.

Родословная Мухановыхъ.

(Изъ приготовляемой къ изданію третьей части „Русской Родословной Книги“).

I.

1. Иванъ Мухановъ, † убитъ въ 1597 г. . . . .

II.

2. Степанъ Ивановичъ, р. около 1580, взятъ въ плѣнъ Ногаями въ 1628. Ж. Меланія N. N., † въ 1658 1

III.

3. Алферій Степановичъ † убитъ въ исходѣ 1678. 2

IV.

4. Давыдъ Алферьевичъ 3
5. Калинъ Алферьевичъ † убитъ 1689.. 3
6. Алексѣй Алферьевичъ. 3
7. Никита Алферьевичъ. Ж. Лукерія N. N. 3
8. Иванъ Алферьевичъ большой. Ж. Агаѳія Ѳеодоровна N. N . . . 3
9. Иванъ Алферьевичъ меньшой 3

V.

10. Степанъ Давыдовичъ 4
11. Леонтій Калиновичъ 5
12. Ипатъ Калиновичъ, флота капитанъ-командоръ, р. 31 Марта 1677 † 22 Мая 1729. Первая его супруга Ирина Васил. Нестерова † 1713 (въ 1-мъ бракѣ была за стольникомъ Никитою Алексѣев. Полянскимъ † 1708). Вторая супруга Ипата Калиновича съ 1714 княжна Марія Ив. Шаховская, р. 1 Апр. 1698 † 6 Апр. 1727. . . . 5
13. Михаилъ Калиновичъ. 5
14. Василій Никитичъ, капитанъ † 1747, бездѣтенъ. Ж. Матрена Гавр. Ларіонова (въ 1-мъ бр. была за Сумароковымъ) 7
    Наталія Никитична 7
15. Филиппъ Ивановичъ 8
    Татьяна Ивановна. 8
16. Осипъ Ивановичъ. 9

VI.

17. Игнатій Степановичъ. 10
18. Александръ Леонтьевичъ 11

IX.

---

*) Она приняла къ себѣ и воспитала дѣвушку Вѣру Ѳедоровну, которая была первою супругою д. с. с. Антона Александровича Скалона.

*

Не вошли въ эту роспись:

1. *Алексѣй Ивановичъ*, дворянинъ Московскій (1692).
2. *Никифоръ Ильичъ*, дворянинъ Московскій (1692).
3. *Яковъ Мухановъ*, поруч. лейбъ-кампаніи, увол. въ отст. 21 Марта 1762.
4. *Мухановъ*, бригадиръ, правившій должность оберъ-прокурора Сената (1794), оберъ-прокуроръ (1795—1797).
5. *Мухановъ*, Казанскій губернаторъ, отрѣшенный отъ должности съ преданіемъ суду (П. С. З. XXVI, стр. 704).
6. *Евграфъ Терентьевичъ*, секундъ-маіоръ, предвод. дворянства въ Волчанскѣ (1790).
7. *Николай Терентьевичъ*, ген.-маіоръ, шефъ Московскаго мушкатерскаго полка; исключенъ изъ списковъ 20 Ноября 1808, какъ умершій отъ болѣзни.
8. Два *Муханова*, участвовавшіе въ кампаніи Суворова въ Италіи, оба какъ прапорщики мушкатерскаго Милорадовича (Апшеронскаго) полка: старшій убитъ при Нови 4 Августа 1799, а младшій безвѣстно пропалъ при Требіи 8 Іюня 1799.
9. *Василій Сергѣевичъ*, полковникъ. Ж. княжна Софія Васильевна Голицына, † 1844 (*Долгор.* I, стр. 303, дочь № 163).
10. *Павелъ Николаевичъ*, штаб. ротм., помощникъ исправника въ Бѣлгородѣ (1871—1872).
11. *Александръ Осиповичъ*, непремѣнный засѣдатель Бѣжецкаго уѣзднаго полицейскаго управленія (1871—1872).

Изъ воспоминаній принца Евгенія Виртембергскаго [1]).

Поѣздка въ Петербургъ въ 1825 году.

Тётушка моя, императрица Марія Ѳеодоровна, принимая живое участіе въ постигшемъ меня несчастіи [2]), настоятельно приглашала меня пріѣхать въ Петербургъ, чтобы развлечься и разсѣяться. Со стороны императора Александра послѣдовали также самыя лестныя увѣренія; Императрица сообщила мнѣ о нихъ и тѣмъ ускорила мой отъѣздъ. Но, видно, справедливо замѣчаютъ, что самыя пустяшныя мелочи сопровождаются нерѣдко важнѣйшими послѣдствіями. Въ Августѣ 1825 г. я натрудилъ себѣ ногу на охотѣ. Боль была сначала ничтожная, но потомъ усилилась до такой степени, что я нѣсколько недѣль пролежалъ въ постелѣ; а между тѣмъ срокъ отъѣзда моего приближался, мои домашніе заботливо ухаживали за мною, а матушка ни за что не хотѣла отпускать меня. Но я не послушался и съ перваго же дорожнаго ночлега долженъ былъ возвратиться назадъ: до такой степени у меня распухла нога. Лишь 19 Ноября получилъ я возможность (хотя боль въ ногѣ еще не совсѣмъ прошла), отправиться снова въ путь. Меня сопровождалъ полковникъ Молоствовъ [3]).

Въ Варшавѣ великій князь Константинъ Павловичъ, по обычаю своему, воевалъ съ призраками. Онъ насказалъ мнѣ ужасовъ о мятежномъ настроеніи Русскихъ войскъ и въ особенности гвардіи. Une fusée, jetée dans le régiment de Préobragensky, et tout est en flammes [4]), были подлинныя его слова.

— Своихъ я держу крѣпко (замѣтилъ онъ при этомъ); поэтому въ нихъ я увѣренъ.

Подозрительность Великаго Князя могла основываться на возстаніи Семеновскаго полка 1820 года. Полкъ этотъ былъ раскасированъ и набранъ вновь. За этимъ событіемъ послѣдовали и другіе менѣе

---

[1]) См. выше стр. 43.

[2]) Въ 1825 году скончалась первая супруга принца Евгенія Виртембергскаго, урожденная принцесса Вальдекская.

[3]) Впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебнаго округа. Онъ сохранилъ до конца пріязнь принца Виртембергскаго и скончался у него въ Силезіи.

[4]) Стоитъ кинуть брандеръ въ Преображенскій полкъ, и все воспламенится.

важные случаи въ арміи. Я давалъ нѣкоторую вѣру заявленіямъ Великаго Князя, принимая въ соображеніе перемѣну, которая произошла въ образѣ мыслей императора Александра, ненавистное учрежденіе военныхъ поселеній, возраставшее со времени Испанской революціи недовѣріе Государя къ войскамъ и принятыя вслѣдствіе того строгія взыскательныя мѣры.

Русскіе того времени имѣли основательную причину жаловаться на стѣсненія всякаго рода, которыя легче чувствуются, нежели устраняются. Но независимо отъ того, въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, были безпокойные люди, желавшіе воспользоваться смутою для собственныхъ честолюбивыхъ цѣлей; мнѣ казалось возможнымъ, что войнолюбивая и вообще недовольная армія легко можетъ протянуть руку подобнымъ людямъ, и я вторилъ отзывамъ Великаго Князя, забывая о непоколебимой вѣрности Русскаго солдата, который да проститъ мнѣ мое тогдашнее сомнѣніе, объясняемое долговременнымъ моимъ отсутствіемъ изъ Россіи [4]).

Великій Князь поручалъ мнѣ поговорить объ этомъ предметѣ съ Государемъ, и чтобы я непремѣнно прибавилъ, что въ Полякахъ своихъ онъ вполнѣ увѣренъ. Судьба не дала мнѣ случая исполнить это порученіе, и я бы не могъ его исполнить вполнѣ добросовѣстно, ибо мнѣ отчасти было извѣстно заблужденіе Великаго Князя относительно Поляковъ.

Мы тащились медленно, въ самое дурное время года, и Молоствовъ имѣлъ полную возможность изливать передо мною чувство негодованія, которымъ онъ исполнился въ Варшавѣ. Желчь его была особенно растревожена тѣмъ, что̀ онъ слышалъ о военныхъ поселеніяхъ, о которыхъ онъ, какъ и всѣ Русскіе, говорилъ съ проклятіемъ на устахъ. Я старался умѣрить его злобу, поставляя ему на видъ, что Государь этимъ учрежденіемъ желалъ облегчить тяготу рекрутской повинности. По правдѣ же сказать, трудно въ нынѣшнее просвѣщенное время защищать и хвалить это насильственное подчиненіе мирнаго крестьянскаго быта пожизненной солдатчинѣ со всѣми ея лишеніями и суровостью. Благодаря чудовищному предразсудку, обыкновенно мирятся съ этими темными сторонами военнаго быта, какъ съ необходимымъ зломъ; но и въ большинствѣ высшія власти почти во всѣхъ государствахъ стараются ослабить это зло болѣе человѣколюбивымъ обращеніемъ; въ Россіи же вся эта часть остается еще въ первоначальномъ, ужасномъ видѣ, и мѣры богопротивной жестокости лицемѣрно оправдываются яко бы исполненіемъ долга и вѣрностью насильственной присягѣ [5]). Но какъ же быть государю, который со-

---

[4]) Принцъ Евгеній, герой 1812—1814 годовъ и потомъ командиръ перваго армейскаго корпуса, въ 1821 году отъѣхалъ въ чужіе края, но продолжалъ числиться генераломъ-адъютантомъ Александра Павловича.

[5]) Писано гораздо раньше нынѣшняго благословеннаго царствованія, которымъ человѣколюбіе введено и въ суровую область военнаго быта. Принцъ Евгеній († 1857) не дожилъ до этого великаго преобразованія въ Русскихъ войскахъ.

знаётъ зло, а между тѣмъ не можетъ разомъ его уничтожить, поставленный политическими условіями въ необходимость держать большое войско и обязанный щадить многіе частные интересы. Такой государь, подобно Александру, постарается разложить бремя на бо̀льшее число плечъ, дабы каждому плечу было полегче.

Молоствовъ никакъ не хотѣлъ согласиться съ моими доводами. Онъ не могъ отрицать, что рекрутчина и соединенная съ нею двадцатипятилѣтняя обязательная служба представляютъ собою великое зло; но по словамъ его Россія, въ теченіи ста лѣтъ, успѣла привыкнуть къ этому злу, въ солдаты большею частью отдаются люди, которые по разнымъ причинамъ ненужны землѣ или даже въ тягость ей, и потому судьба ихъ не такъ ужасна, какъ я изображалъ ее. Такого рода люди (говорилъ Молоствовъ), облекаясь солдатскою шинелью и вступая въ совершенно новую для нихъ сферу жизни, скоро привыкаютъ къ ней; полкъ становится для нихъ второю родиною и, благодаря навыку къ рабству, они выносятъ тяготу военнаго быта съ тою же легкостью, съ какою суетная свѣтская молодежь ежедневно лишаетъ себя разныхъ удобствъ, раболѣпно подчиняясь предписаніямъ господствующей моды. Между тѣмъ надо знать всю обстановку военныхъ поселеній, чтобы придти въ ужасъ отъ тамошнихъ жестокостей: цѣлыя сотни мужиковъ прогоняются сквозь строй и засѣкаются на смерть, такъ что человѣколюбивому нѣкогда Александру нечего удивляться, коль скоро подданные произносятъ его имя съ наболѣвшею горечью.

Я конечно не могъ защищать образъ дѣйствій Государя и происшедшую за послѣдніе годы перемѣну въ его умонастроеніи. На мой взглядъ, фанатики-мечтатели, воображавшіе дѣлать угодное Спасителю пролитіемъ крови людей, которые разно съ ними вѣровали въ Него, принадлежатъ къ тому же разряду извергов, которые изъ-за политическаго разномыслія казнили гильотиною своихъ собратій. И тѣ и другіе заслужили себѣ проклятіе потомства. Но несвободны отъ упрека и люди, которые, будучи одушевлены въ сущности благими побужденіями, не устояли противъ соблазна безграничнаго произвола.

Такъ разсуждали мы утромъ 19 Ноября 1825 года. Солнце подымалось, окрашивая небо кровавымъ цвѣтомъ. Мнѣ казалось, что это зрѣлище возбудительно дѣйствовало на моего спутника, который изливалъ передо мною свою переполненную страстію душу. Особенно нападалъ онъ на Константина Павловича. Молоствовъ вовсе не принадлежалъ къ людямъ, увлекающимся побочными соображеніями. Онъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы дѣйствовать вопреки своего долга и совѣсти. Я слушалъ его, и невольно овладѣвалъ мною страхъ при мысли о томъ, что̀ если опасности, которыми пугалъ себя Государь и о которыхъ твердилъ мнѣ Великій Князь въ Варшавѣ, принадлежатъ къ дѣйствительности, а не изобрѣтены только подозрительнымъ воображеніемъ.

Ночью 23 Ноября прибыли мы въ Петербургъ и остановились въ гостинницѣ, такъ какъ во дворецъ было въѣзжать уже поздно. Вскорѣ ко мнѣ явился камерлакей съ приглашеніемъ отъ тётушки явить-

ся къ ней на слѣдующее утро. Этотъ дворцовый служитель довольно спокойно сообщилъ мнѣ, что изъ Таганрога получено извѣстіе о легкомъ нездоровьи Государя.

На другой день рано утромъ я поѣхалъ къ Императрицѣ. Я ждалъ трогательной сцены и скорбныхъ изъявленій по поводу понесенной мною страшной утраты; но тётушка лишь слегка коснулась моего горя, не будучи въ состояніи преодолѣвать въ себѣ ощущенія, относившіяся къ тогдашней минутѣ. Она заботливо сказала: «Мнѣ кажется, что обстоятельства важнѣе, нежели думаютъ. Не будь опасности, Вилье не сталъ бы писать: «Мы питаемъ наилучшія надежды». Мнѣ извѣстно, что Государь никогда не бывалъ боленъ опасно».

Тутъ я узналъ, что въ Крыму онъ простудился и схватилъ лихорадку.

Другія лица, которыхъ посѣтилъ я, и именно великій князь Николай Павловичъ, выражались гораздо менѣе тревожно и, судя по официальнымъ извѣстіямъ, я считалъ опасенія тётушки преувеличенными.

Спокойствіе въ отзывахъ о болѣзни Государя проистекало вовсе не изъ недостатка участія. Вообще порицали новую его систему управленія, но въ большинствѣ не умалялась личная къ нему приверженность. Передавались разсказы о человѣколюбіи и возвышенныхъ чувствахъ, которыя проявилъ онъ по случаю большаго наводненія 1824 года. Своими дѣйствіями во время этого бѣдствія онъ опять заставилъ всѣхъ полюбить себя.

Событія быстро слѣдовали одно за другимъ, мѣшая отмѣчать въ памяти числовыя данныя; но кажется мнѣ, что на третій день послѣ моего пріѣзда прискакалъ новый курьеръ изъ Таганрога съ извѣстіемъ, что болѣзнь Государя значительно ухудшилась. Лихорадка въ тамошнихъ мѣстахъ и въ дурное время года не могла быть болѣзнью легкою. Привезенныя изъ Таганрога донесенія врачей и письма императрицы Елисаветы содержаніемъ своимъ усилили общую заботу. Я былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго зрѣлища: народъ отовсюду повалилъ въ церкви молиться о здоровьи Государя. Всѣ мысли сосредоточились на одномъ предметѣ, и въ общемъ напряженіи умовъ пропадало всякое личное соображеніе. На Императрицу было тяжело смотрѣть. Постигая все значеніе предстоявшей опасности, она усиливалась сохранять свое обычное достоинство и величіе, но изнемогала подъ бременемъ ощущеній.

Великій князь Николай, сначала повидимому относившійся легко къ приходившимъ извѣстіямъ, теперь, при мысли о возможной кончинѣ Государя, не въ силахъ былъ воздерживаться отъ слезъ. Все кругомъ плакало. Рѣдко случалось мнѣ быть свидѣтелемъ такой тревоги и самому столь живо ощущать ее. Къ моимъ тогдашнимъ чувствамъ примѣшивалось столько яркихъ воспоминаній [6])!

---

[6]) Отношенія принца Евгенія къ императору Александру Павловичу отличались неопредѣлительностью. По отзывамъ и намекамъ принца, встрѣчающимся въ его Воспоминаніяхъ, должно заключать, что Государь имѣлъ какіе-

На слѣдующій день пришли извѣстія нѣсколько успокоительныя. Писали, что Государь былъ очень нездоровъ, но что въ болѣзни наступилъ благопріятный переломъ. Судя по его крѣпкому тѣлосложенію, позволительно было предаваться надеждѣ; въ этомъ смыслѣ писала и императрица Елисавета. По церквамъ пѣли благодарственные молебны, радостью наполнились сердца, и все пришло въ обычный порядокъ.

27 Ноября (9 Декабря), если память мнѣ не измѣняетъ, было опять молебствіе въ церкви зимняго дворца. Императрица-мать, великій князь Николай, его супруга и я стояли одни въ особомъ помѣщеніи, отдѣленномъ отъ остальнаго пространства церкви [7]). Императрица и Великая Княгиня стояли лицами къ алтарю, Великій Князь прислонился спиною къ стеклянной входной двери, я стоялъ противъ него и сквозь дверь глядѣлъ въ коридоръ, которымъ церковь соединяется съ дворцовыми покоями.

Молебенъ кончался, когда я увидѣлъ въ коридорѣ военнаго губернатора гр. Милорадовича, блѣднаго и смущеннаго. Онъ кивалъ мнѣ головою. Я тотчасъ вынулъ носовой платокъ изъ кармана, сдѣлалъ видъ, будто у меня потекла кровь изъ носу и, направляясь къ выходу, тихонько тронулъ Великаго Князя. Онъ быстро повернулся, замѣтилъ графа Милорадовича, опрометью выбѣжалъ изъ церкви и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ [8]).

Чувствуя боль въ ногѣ, я не могъ поспѣть за ними, но когда я дошелъ до третьей комнаты, Великій Князь встрѣтилъ меня восклицаніемъ: Tout est perdu! (все погибло). Онъ плакалъ, держа въ рукѣ письмо. Съ нимъ были гр. Милорадовичъ, генералъ Шульгинъ и фельдъегерь, привезшій извѣстіе о кончинѣ Государя, послѣдовавшей 19 Ноября въ Таганрогѣ. Пораженный скорбью Великій Князь сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ и заклиналъ, чтобъ я взялся передать ужасное извѣстіе тётушкѣ; но я чувствовалъ себя не въ состояніи исполнить это порученіе. Когда я добрался назадъ въ ризницу, въ ней было уже множество людей. Императрица стояла на колѣняхъ и судорожно ломала себѣ руки. Опередившій меня Великій Князь бросился къ ногамъ ея. Она обняла его, и тутъ только потоки слезъ хлынули изъ глазъ ея и облегчили ей сердце.

Всѣ присутствующіе были внѣ себя. Выраженіе ужаса было написано на лицахъ. Дверь въ ризницѣ раскрыли, можно сказать, силою, и императорская моленная переполнилась. Къ Императрицѣ приблизился священникъ и далъ ей поцаловать крестъ. Съ обѣихъ сторонъ

то особенные, личные поводы оставлять въ тѣни его воинскія заслуги, хотя выражалъ ему словесно свою признательность. Не имѣло ли тутъ вѣсу предпочтеніе, которое оказывалъ принцу фельдмаршалъ князь Кутузовъ?

[7]) Это ризница большой церкви Зимняго дворца, соединенная дверью съ алтаремъ съ сѣверной, лѣвой стороны. Изъ нея можно слышать богослуженіе, не показываясь находящимся въ церкви.

[8]) Въ книгѣ барона Корфа излагается, что Великій Князь вышелъ изъ ризницы по знаку, который ему далъ камердинеръ Гриммъ.

цаловали у нея руки и орошали ихъ слезами. Картина была потрясающая. Я самъ находился подъ впечатлѣніемъ ужаса и скорби.

Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ я помогъ тётушкѣ подняться на ноги. Она оперлась на меня, какъ вдругъ Великій Князь повлекъ меня отъ нея прочь, сказавъ: Allons prêter serment (Пойдемъ присягать). Онъ взялъ меня за руку и длиннымъ рядомъ комнатъ привелъ на противоположный конецъ зданія, въ другую дворцовую церковь [9]).

Священникъ прочелъ что-то, и Великій Князь занесъ свое имя въ книгу, гдѣ написана была присяга императору Константину Первому. Я подписался вслѣдъ за Великимъ Княземъ, потомъ стали подходить и подписываться всѣ, кто былъ въ церкви.

До сихъ поръ я сообщалъ что̀ самъ видѣлъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется для полноты разсказа передавать и то, что̀ мною слышано отъ другихъ, и такимъ образомъ я уже не могу поручиться за строгую точность передаваемаго.

Въ то время затруднительность положенія была еще совершенно мнѣ неизвѣстна. Я подозрѣвалъ въ Константинѣ Павловичѣ нежеланіе царствовать, но объ его отреченіи я ничего не вѣдалъ. Въ тотъ же день узналъ я, не отъ тётушки и не отъ Великаго Князя, а отъ нѣкоторыхъ сановниковъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ недовольны поспѣшностью присяги, и что члены онаго заявили Николаю Павловичу о существованіи акта, коимъ великій князь Константинъ отрекается отъ наслѣдія[10]); что кромѣ того есть манифестъ покой-

---

[9]) Этотъ рѣшительный шагъ Николая Павловича, какъ извѣстно, повлекъ за собою всѣ остальныя событія тѣхъ необыкновенныхъ дней и имѣлъ величайшее значеніе въ Русской исторіи. Не допуская мысли, чтобы престолъ Русскій оставался хотя на нѣсколько часовъ празднымъ, онъ, еще за сутки, говорилъ товарищу своего дѣтства, нынѣ графу В. Ѳ. Адлербергу, что, въ случаѣ кончины Государя, «по первому извѣстію, надобно будетъ тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину» (Корфъ, Восшествіе на престолъ, изд. 3-е, стр. 47). Слѣдовательно, рѣшеніе Великаго Князя было твердо и заранѣе обдумано. Въ волненіи горя, престарѣлая Императрица-мать не успѣла ему передать о существованіи государственныхъ актовъ, которые хранились въ Государственномъ Совѣтѣ за печатью и съ надписью покойнаго Государя: «въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другаго дѣйствія»; а участникъ въ начертаніи этихъ актовъ, князь А. Н. Голицынъ находился въ это время въ Александро - Невской Лаврѣ на молебствіи о здоровьи Александра Павловича и когда пріѣхалъ въ Зимній дворецъ, присяга императору Константину была уже произнесена многими лицами.—Въ изложеніи событія память нѣсколько измѣнила принцу Евгенію: Великій Князь дѣйствительно повелъ его въ малую дворцовую церковь, но узнавъ, что она послѣ передѣлокъ не освящена, возвратился въ большую, гдѣ оставался еще священникъ послѣ молебствія, и тутъ онъ присягнулъ сначала одинъ, а потомъ уже позвалъ къ присягѣ ближайшихъ къ себѣ людей (сл. Сочиненія Жуковскаго, изд. 1868—1869 г. томъ VI, стр. 395).

[10]) О томъ что̀ происходило въ Государственномъ Совѣтѣ 27 Ноября 1825 составилъ особую записку тогдашній государственный секретарь А. Н. Оле-

наго Государя, подписанный 16 Августа 1823 года, и на основаніи Константинова отреченія предоставляющій наслѣдіе великому князю Николаю, и что поэтому принадлежность престола сему послѣднему находится внѣ всякаго сомнѣнія. Великій Князь возражалъ на это, что онъ не приметъ правленія, пока старшій братъ не возобновитъ своего отреченія и въ подтвержденіе словъ своихъ распорядился о немедленномъ продолженіи присяги, которая скоро и была принесена во всѣхъ министерствахъ, войскахъ и другихъ учрежденіяхъ, не смотря на то, что въ Государственномъ Совѣтѣ и, какъ сказывали мнѣ, даже и въ Сенатѣ, было говорено, что Николай Павловичъ, въ качествѣ Великаго Князя, никѣмъ не уполномоченъ къ такому распоряженію. Теченіе дѣлопроизводства по всѣмъ вѣдомствамъ направилось въ Варшаву.

Нѣтъ сомнѣнія, что поспѣшность эта была внушена Великому Князю его благороднымъ сердцемъ. Я самъ въ то время считалъ это распоряженіе вполнѣ естественнымъ и достойнымъ похвалы, такъ какъ можно было предполагать, что въ 1823 году Константинъ Павловичъ подписалъ отреченіе лишь для того, чтобы получить согласіе на свой бракъ. Теперь я конечно не раздѣляю этого предположенія, но оно могло придти на мысль Николаю Павловичу и возвышаетъ нравственную цѣну его тогдашнихъ дѣйствій.

При другихъ обстоятельствахъ, разумѣется, было бы всего лучше немедленно объяснить народу истинное положеніе дѣла и объявить, что бýдетъ установлено временное правительство, покамѣстъ Константинъ Павловичъ не выскажетъ своего рѣшенія. Говорятъ, что такая мѣра и была предложена; но ее отвергли, потому что Николай Павловичъ не желалъ, чтобы законный по его мнѣнію Государь поставленъ былъ въ необходимость считать себя чѣмъ либо ему обязаннымъ, тогда какъ онъ исполнилъ только свой долгъ.

Несомнѣнно, что вся неясность произошла только отъ того, что отреченіе Константина Павловича не было обнародовано при жизни покойнаго Государя. Тогда опасались такимъ оповѣщеніемъ поставить Константина Павловича въ неловкое положеніе передъ народомъ; но въ виду общаго государственнаго блага слѣдовало пожертвовать этимъ соображеніемъ.

Николай Павловичъ, замѣчая, что дворъ склоненъ въ его пользу, тѣмъ настойчивѣе торопилъ присягою Константину тѣхъ лицъ и тѣ учрежденія, которыя еще не приносили оной. Въ моемъ присутствіи доложили ему, что многіе изъ императорской свиты еще не присягали. Я состоялъ старшимъ свитскимъ генераломъ, и онъ приказалъ, чтобы генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты явились ко мнѣ и подъ моимъ предводительствомъ, въ полномъ составѣ, присягнули

нинъ. Эта записка, къ сожалѣнію сохранившаяся безъ конца, или можетъ быть и не законченная самимъ авторомъ, напечатана въ 20 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. При чтеніи ея невольно вспоминается восшествіе на престолъ императрицы Екатерины I-й и старинная пословица: «меньшой за большаго хоронится».

императору Константину. Еще недостаточно знакомый со всѣми побочными обстоятельствами, я не находилъ ничего особеннаго въ этой мѣрѣ, но она возбудила неблагопріятное толкованіе. Во первыхъ, многимъ пришлось присягать вторично; потомъ другъ мой и бывшій товарищъ по оружію, князь Трубецкой, старшій генералъ-адъютантъ [11]), разъяснилъ мнѣ, что адъютанты Государя не имѣютъ ничего общаго съ генералами свиты и подчинены единственно начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Я конечно отвѣчалъ, что ничего этого не знаю и исполняю только приказанное мнѣ Великимъ Княземъ.

Это незначительное обстоятельство вѣроятно и дало поводъ къ подозрѣнію, будто я домогаюсь какого-то особеннаго вліянія на будущаго Государя, и коль скоро о томъ довели до свѣдѣнія начальника Главнаго Штаба, генералъ-лейтенанта барона Дибича, находившагося тогда въ Таганрогѣ, то мнѣ стало вполнѣ понятно, какъ этотъ слухъ долженъ былъ озаботить его. Честные люди пропустили его мимо ушей; такъ наприм. генералъ Васильчиковъ, самъ членъ Государственнаго Совѣта, вполнѣ откровенно передавалъ мнѣ подробности о состояніи дѣлъ; но были и злостные клеветники, которые воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы вредить мнѣ. Если и дѣйствительно въ то время питалъ я какія либо честолюбивыя надежды, то достигнуть исполненія ихъ помѣшала бы моя дипломатическая неумѣлость. Ничего подобнаго не было у меня въ мысляхъ; напротивъ, я поѣхалъ въ Петербургъ съ затаеннымъ намѣреніемъ уговорить Императрицу, чтобы она устроила мнѣ полное увольненіе изъ Русской службы. Теперь сталъ я замѣчать нѣкоторыя враждебныя заявленія; мнѣ довелось услышать неблагопріятные отзывы о Великомъ Князѣ и даже о моей тётушкѣ. Во всякомъ случаѣ ихъ обращеніе со мною, ближайшимъ родственникомъ и вѣрнѣйшимъ приверженцемъ, должно было удивлять меня; да и вообще не могъ же я затыкать себѣ уши и не слышать того, что̀ хотя произносилось шепотомъ, однако все-таки было внятно.

Отъ многаго движенія предшествующихъ дней больная нога моя значительно растревожилась. Императрица и Великій Князь навѣщали меня ежедневно, но о событіяхъ хранили самое тщательное молчаніе. Я принималъ также важнѣйшихъ сановниковъ, которые передавали мнѣ городскія новости и разнорѣчивыя ихъ толкованія. Одни считали, что Константинъ одумается и прельстится державною властью; другіе выражали увѣренность, что рѣшеніе его безповоротно и ожидали воцаренія Николая. Немногіе съ таинственною довѣренностью передавали мнѣ, что правленіе можетъ перейти къ Императрицѣ-матери. Меня спрашивали, какъ поступлю я въ такомъ случаѣ, и я съ негодованіемъ отвѣчалъ, что тутъ голосъ мой долженъ оставаться не при чѣмъ. Мнѣ намёкали, что оба сына, въ нерѣшимости своей, предложатъ ей принять бразды правленія.

---

[11]) Князь Василій Сергѣевичъ.

Между тѣмъ курьеры продолжали безпрерывно скакать изъ Петербурга въ Варшаву и обратно. Оттуда пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ и былъ тотчасъ посланъ обратно. Сколько мнѣ извѣстно, на пути своемъ онъ получилъ отъ Константина приказаніе возвратиться въ Петербургъ [12]).

10-го Декабря отреченіе Константина было для меня уже несомнѣнно.

Около этого времени, оправившись въ здоровьи, я началъ снова выходить изъ дому и однажды утромъ встрѣтилъ въ пріемной у Императрицы графа Милорадовича. Онъ шепнулъ мнѣ таинственно: «Боюсь за успѣхъ дѣла, гвардія очень привержена къ Константину».

— О какомъ успѣхѣ говорите вы? возразилъ я удивленно. Я ожидаю естественнаго перехода престолонаслѣдія къ великому князю Николаю, коль скоро Константинъ будетъ настаивать на своемъ отреченіи. Гвардія тутъ не при чемъ.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ графъ, ей бы не слѣдовало тутъ вмѣшиваться, но она испоконъ вѣку привыкла къ тому и сроднилась съ такими понятіями.

Эти достопримѣчательныя слова произнесъ самъ военный губернаторъ Петербурга, а потому они имѣли особое значеніе въ моихъ глазахъ [13]). Я упрашивалъ его сообщить, что̀ имъ замѣчено; но онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то положительнаго приказанія. Я тотчасъ же доложилъ объ немъ тётушкѣ. Она приняла его, а я цѣлые два часа продежурилъ въ ея пріемной. Признаюсь, подобныя отношенія только умножали во мнѣ чувство недовольства, и тутъ-то я окончательно далъ себѣ слово покинуть эту сцену, лишь только послѣдуетъ развязка драмы. Для меня понятнѣе былъ образъ дѣйствій великаго князя Николая: онъ не находился въ такой близости ко мнѣ, какъ Императрица, а потому я имѣлъ менѣе правъ на его довѣріе. Однажды я заговорилъ съ нимъ о престолонаслѣдіи, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «Nous avons prêté serment, nous savons à qui obéir» [14]). На мое возраженіе, что отреченіемъ Константина передается престолъ ему, онъ отвѣчалъ: «J'obéirai à ses ordres et à mon devoir; et à ce qui vous regarde, Eugène, je compterai toujours sur votre amitié.—Disposez de moi dès cette heure comme de votre aide-de-camp [15]), сказалъ я на это. Послѣ этихъ словъ онъ горячо меня обнялъ.

---

[12]) Объ этомъ приказаніи ничего не говорится въ книгѣ барона Корфа. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ утромъ 3-го Декабря, изъ Варшавы, гдѣ старшій братъ объявилъ ему о своемъ отреченіи отъ престола, и уѣхалъ обратно въ Варшаву подъ вечеръ 5-го Декабря; но на пути остановился въ Ненналѣ (въ Дерптскомъ уѣздѣ), гдѣ и дожидался, чѣмъ кончится переписка между его державными братьями, а въ Петербургъ прибылъ утромъ 14-го Декабря, когда воцареніе Николая Павловича было рѣшено.

[13]) Въ книгѣ барона Корфа сказано, что графъ Милорадовичъ успокоивалъ великаго князя Николая Павловича на счетъ совершенной тишины въ городѣ.

[14]) «Мы присягнули, мы знаемъ, кому повиноваться».

[15]) «Я буду повиноваться его приказаніямъ и моему долгу; чтоже касается до васъ, Евгеній, то я всегда стану разсчитывать на вашу дружбу».—«Съ этой минуты располагайте мною, какъ вашимъ адъютантомъ».

Вечеромъ 13 Декабря меня неожиданно потребовала къ себѣ Императрица. Какъ она, такъ и дамы, ее окружавшія, были въ бѣлыхъ платьяхъ, и это одно уже заставляло меня предчувствовать наступленіе важныхъ событій. Она подозвала меня къ себѣ, поцаловала и кротко улыбаясь шепнула:

— Мы невластны передавать чужія тайны! Николай — Императоръ! Въ три часа ночи онъ тебѣ самъ разскажетъ, что̀ у него на душѣ.

Я схватилъ ея руку, горячо прижалъ ее къ губамъ и оросилъ слезами. Всѣ сомнѣнія мои разсѣялись, и образъ ея снова занялъ прежнее свое мѣсто въ моемъ сердцѣ.

Въ назначенный часъ я явился къ новому Императору, и онъ, вкратцѣ описавъ всѣ уже извѣстныя обстоятельства, произнесъ слѣдующія слова, которыя передаю въ точномъ переводѣ:

— Милый Евгеній, покойный Императоръ былъ намъ обоимъ повелитель; мы, подъ его властью, были друзьями и братьями и такими останемся. Для тебя я не Императоръ, не называй меня величествомъ; я требую во всѣхъ случаяхъ полнаго твоего довѣрія и сейчасъ же хочу имъ воспользоваться.

Я отвѣчалъ, «что онъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ вполнѣ расчитывать на мою преданность, но что я умѣю соблюдать и формы».

— Что̀ ты мнѣ теперь посовѣтуешь?

— Не дѣлать никакихъ перемѣнъ по министерствамъ, все оставить въ прежнемъ видѣ.

— Совершенно моя мысль! Вотъ тебѣ рука моя!

Затѣмъ онъ прочелъ мнѣ свой манифестъ гвардіи. Онъ жаловалъ ей старые мундиры Александра. Онъ и слышать не хотѣлъ моихъ словъ о наградахъ и повышеніяхъ. «Это будетъ имѣть видъ, какъ будто-бы я хочу снискивать ихъ расположенія», сказалъ онъ и прибавилъ, что манифестъ уже разосланъ.

Съ разсвѣтомъ вся свита новаго Императора собралась къ нему и, послѣ его краткой, но энергической рѣчи, всѣ поспѣшили въ залы Главнаго Штаба, гдѣ должны были принести присягу генералы и офицеры корпусовъ, не квартирующихъ въ Петербургѣ. Войскамъ же Петербургскимъ велѣно присягать въ своихъ казармахъ.

По окончаніи этой церемоніи, я отправился поздравить обѣихъ Императрицъ, встрѣтилъ у нихъ графа Милорадовича, которому дружески пожалъ руку и, въ ожиданіи молебна, назначеннаго въ часъ по полудни, вернулся въ свою комнату, чтобы написать письмо къ матушкѣ.

Было около половины перваго, когда ко мнѣ вошелъ Молоствовъ, и я съ удивленіемъ спросилъ его: «Какъ! Уже пора?»

При этомъ взоръ мой упалъ на дворцовую площадь, по которой проходили отдѣльныя группы солдатъ со знаменами. Вокругъ нихъ тѣснились несмѣтныя толпы народа, изъ среды котораго вылетали оглушительные крики. Я былъ окончательно пораженъ, увидавъ какого-то штабъ-офицера, который соскочилъ съ саней, снялъ киверъ и показывалъ на головѣ кровавыя раны.

Тутъ Молоствовъ сообщилъ мнѣ, что въ Московскомъ гвардейскомъ полку вспыхнулъ бунтъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ поѣхалъ туда, а самъ Императоръ находится на дворцовой площади среди народа.

Немедленно надѣлъ я парадную форму и сбѣжалъ съ лѣстницы. Дорòгой повстрѣчался мнѣ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, и мы вмѣстѣ протѣснились къ молодому Императору, который, окруженный густой толпой народа, самъ объяснялъ ему въ чемъ дѣло и показывалъ манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ. Хотя эта масса проявляла восторгъ и преданность, тѣмъ не менѣе присутствіе среди нея Императора казалось небезопаснымъ. Я шепнулъ ему на ухо: Sire, daignez ménager votre personne! Mettez-vous à cheval [16])! Трубецкой также сказалъ ему о необходимости быть осторожну. Императоръ тотчасъ приказалъ привести себѣ коня; въ одну минуту онъ былъ поданъ какъ ему, такъ и дежурному генералъ-адъютанту Левашову. Еще не садясь въ сѣдло, Николай Павловичъ пожалъ мнѣ руку, прижалъ къ своей груди и сказалъ: «Береги мнѣ матушку, жену и дѣтей».

— Куда же вы? спросилъ я съ удивленіемъ.

— На Сенатскую площадь лично переговорить съ бунтовщиками. Они тамъ собрались!

— Сохрани Боже! И ужели я допущу васъ одного подвергаться опасности?

— Меня защититъ Богъ!

— Я не могу васъ оставить одного. Не требуйте этого—это было-бы съ моей стороны безчестно. Чтò мнѣ дѣлать во дворцѣ съ женщинами? Была-бы тамъ опасность—другое дѣло; но я вижу, что вы сами ее вызываете, рѣшаясь на отчаянное предпріятіе.

— Ну! вскричалъ Императоръ съ горячностію и нетерпѣніемъ, такъ пріѣзжай ко мнѣ тогда, когда примешь всѣ мѣры къ охраненію дворца.

Это порученіе меня озадачило. Я тотчасъ же пошелъ большими воротами къ караулу Финляндскаго гвардейскаго полка, который находился внутри двора и выступилъ впередъ. Здѣсь я встрѣтилъ полковаго командира, генералъ-маіора Воропанова, который заявилъ мнѣ, что хотя вполнѣ можно полагаться на преданность Императору его подчиненныхъ, тѣмъ не менѣе, по малочисленности своей, они будутъ не въ состояніи оборонять дворецъ. Между тѣмъ подошелъ Петербургскій комендантъ, генералъ Башуцкій и сообщилъ, что сейчасъ подойдетъ въ подкрѣпленіе дворцовому караулу гвардейскій саперный батальонъ, котораго Николай Павловичъ до сего времени былъ шефомъ. Тогда я предложилъ заградить маленькіе подъѣзды, которыхъ такъ много въ зимнемъ дворцѣ и поставить у нихъ наблюдательные посты, крѣпко же занять одни главные ворота. Такъ какъ генералъ Башуцкій былъ коротко знакòмъ съ мѣстностью, то я возложилъ это порученіе на него, и онъ обѣщалъ исполнить его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Принявъ на всякій случай эти мѣры предосторожности, я

---

[16]) «Государь, извольте позаботиться о вашей безопасности. Садитесь на лошадь».

тутъ только рѣшился произнести странный съ моей стороны и даже унизительный для меня вопросъ: «Да чтожъ собственно происходитъ?» Многіе изъ окружавшихъ меня офицеровъ знали столько же, какъ и я; другіе выражались въ общихъ словахъ, что-де въ Московскомъ полку солдаты не вѣрятъ отреченію Константина Павловича и отказываются присягуть Николаю. Генералъ Воропановъ, однакожъ, зналъ больше, чѣмъ его офицеры. Онъ сообщилъ, что большинство людей означеннаго полка, открыто возмутившись, заняли Сенатскую площадь и явно возбуждаютъ народъ противъ Николая. Мнѣ передали также, что въ казармахъ уже ранены генералы Фридрихсъ и Шеншинъ, а на площади военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, раненъ смертельно. «Господи Боже мой!» воскликнулъ я, «Императоръ тамъ, а я еще здѣсь! Гдѣ моя лошадь?» Я попросилъ Молоствова позаботиться, чтобъ мнѣ какъ можно скорѣе привели ее. Въ суматохѣ это не такъ-то легко было сдѣлать, и я успѣлъ еще навѣстить караулы кавалергардскаго и конногвардейскаго полковъ, находившіеся въ верхнихъ покояхъ дворца. Въ передней Императрицы-матери караульнымъ начальникомъ былъ какъ нарочно поручикъ князь Долгорукій, котораго я лично зналъ и который завѣрилъ меня, что ему неизвѣстно что̀ происходитъ, но что онъ ручается за безопасность императорской фамиліи до тѣхъ поръ, пока въ жилахъ его и его кирасировъ будетъ оставаться капля крови.

Затѣмъ я отправился къ Императрицѣ, находившейся вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ и великой княжной Маріей въ комнатѣ у тётушки.

Сія послѣдняя встрѣтила меня вспыльчивымъ упрекомъ: «Что̀ ты здѣсь дѣлаешь? Почему ты не при Императорѣ?»

Я съ трудомъ могъ ее успокоить и объяснить ей, какое на меня возложено порученіе; но потомъ и самъ я прибавилъ тономъ обиженнаго: «Вотъ послѣдствія вашей скрытности по отношенію къ преданному родственнику, на котораго въ настоящую минуту Императоръ и вы всѣ могли-бы болѣе всего положиться, но который самъ бродитъ въ потемкахъ, не знаетъ о чемъ идетъ рѣчь, что̀ ему дѣлать, и готовъ даже думать, что дѣйствуетъ не совсѣмъ добросовѣстно, слѣдуя слѣпо лишь голосу сердца».

Императрица возразила:

— Горсть обманутыхъ людей сомнѣвается въ подлинности манифеста.

— Только-то! замѣтилъ я. Ну, такъ ихъ вразумятъ; но припомните слова графа Милорадовича, павшаго сегодня первой жертвой мятежа! Не вся-ли гвардія заражена мятежнымъ духомъ, и нѣтъ-ли какой-нибудь другой сокровенной причины всему этому?

— Кто смѣетъ думать о чемъ-нибудь подобномъ? вскричала внѣ себя Императрица.

— Вамъ все представляется въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, съ горечью замѣтила молодая Императрица.

И тутъ опять я очутился въ роли неловкаго дипломата.

— Ну, какъ-бы тамъ ни было, отвѣчалъ я, хватаясь за ручку двери, но я поспѣшу къ Императору!

— Благослови тебя Богъ! проговорили мнѣ во слѣдъ.

Я уже рѣшился было отправиться пѣшкомъ, но къ счастію въ это время подоспѣла давно ожидаемая лошадь. Я вскочилъ въ сѣдло и въ нѣсколько минутъ очутился вблизи Императора, стоявшаго между деревянной изгородью, которою было обнесено мѣсто, гдѣ строился Исакіевскій соборъ, и Адмиралтействомъ, т. е. передъ самою Сенатскою площадью, лицомъ къ статуѣ Петра Великаго. Между статуей и зданіемъ Сената стояло фрунтомъ къ Адмиралтейству человѣкъ около 500 солдатъ. Среди нихъ суетливо шныряли какіе-то люди, одни въ военныхъ мундирахъ, другіе въ партикулярномъ платьѣ, но тоже большею частію вооруженные; передъ ними же находилась густая толпа народа изъ всѣхъ сословій, наполнявшая собою всю площадь и ближайшія улицы. Вокругъ Императора находились пѣшкомъ почти весь дипломатическій корпусъ, всѣ его адъютанты и нѣкоторые генералы, не успѣвшіе захватить себѣ лошадей. Верхами были, крокромѣ Императора и генерала Левашова, только лица, бывшія адъютантами Николая Павловича, когда онъ былъ Великимъ Княземъ, и въ томъ числѣ Адлербергъ, Кавелинъ, Делингсгаузенъ и Лазаревъ; они усердно переѣзжали съ мѣста на мѣсто и привозили извѣстія. Изъ войскъ непосредственно позади Императора стоялъ 1-й батальонъ Преображенскаго полка; правѣе, вдоль Адмиралтейства, выстроился развернутымъ фронтомъ, лицомъ къ мятежникамъ, конногвардейскій полкъ, подъ командой генерала Алексѣя Орлова. Кромѣ того въ это самое время приближался уже отъ дворцовой площади генералъ Бенкендорфъ съ кавалергардскимъ полкомъ, а за нимъ слѣдовали конные піонеры подъ командой полковника Заса. Вскорѣ потомъ прибылъ и великій князь Михаилъ Павловичъ во главѣ части Павловскаго и большей части Московскаго полковъ. Сей послѣдній былъ только-что возвращенъ къ долгу, благодаря геройскому мужеству и замѣчательному присутствію духа Великаго Князя [17]).

Въ ту минуту, какъ я подъѣхалъ къ Императору, онъ разговаривалъ съ однимъ офицеромъ конно-егерскаго полка, Якубовичемъ, который, держа руку подъ козырекъ, почтительно отвѣчалъ на вопросы Государя; но тѣмъ не менѣе выраженіе на лицѣ его было таково, что вѣрить ему не хотѣлось. Голова его, подъ шляпой съ перомъ, была повязана надвинутымъ на лобъ платкомъ, чернаго цвѣта, почти такого же какъ цвѣтъ его волосъ; черные усы и бакенбарды еще болѣе омрачали и безъ того мрачныя и энергическія черты его смуглаго лица, а острый проницательный взглядъ заставлялъ предполагать въ немъ страстнаго, мстительнаго человѣка, и я готовъ былъ видѣть въ немъ убійцу. Удаляясь онъ произнесъ слова: «я попытаюсь, но они меня убьютъ за это».

Первыя мои слова: «Sire, point de sang! Je vous en conjure!» [18]) оказались въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что я здѣсь услышалъ, а

---

[17]) Тутъ великій князь Михаилъ Павловичъ, только что пріѣхавшій изъ Лифляндской губерніи, принесъ первую и единственную свою присягу.

[18]) «Государь, безъ кровопролитія! Умоляю васъ»!

именно, съ разсужденіями на счетъ необходимости употребить насильственныя мѣры, къ чему я, однакожъ, не видѣлъ ни средствъ, ни надлежащей рѣшимости. Невольно я протѣснилъ свою лошадь между Императоромъ и однимъ весьма близко стоявшимъ маленькимъ, толстымъ господиномъ, въ фуражкѣ и солдатской шинели съ свѣтло-синими погонами, 6-го егерскаго полка. Я сообщилъ Императору, что онъ покамѣстъ можетъ быть покоенъ на счетъ дворца, но что здѣсь, какъ кажется, опасность еще не миновала.

«Они ничего не хотятъ слушать», возразилъ Государь.

«Почему до сихъ поръ такъ мало войскъ?» спросилъ я. «Гдѣ артиллерія?» Мнѣ отвѣчали, что и въ ней замѣтно безпокойное настроеніе и прибавили шопотомъ: «Ne vous y trompez pas, c'est une conspiration» [19]).

Тутъ только стало мнѣ понятно порученіе Императора касательно дворца. Но зачѣмъ же онъ мнѣ прямо не сказалъ этого? Зачѣмъ скрывать отъ друга то, что̀ давно уже было ему извѣстно о существованіи заговора [20])?

Все еще продолжая соображать и усиливаясь составить себѣ какое нибудь подходящее къ истинѣ понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, я однакоже твердо остановился уже на той мысли, что всякій необдуманный шагъ Императора можетъ подвергнуть опасности его жизнь, отъ сохраненія которой все зависѣло. Я желалъ-бы уговорить его воротиться во дворецъ и предоставить мнѣ дѣйствовать; но я не смѣлъ высказать этого желанія, ибо при извѣстномъ мужествѣ Императора мало было надежды на достиженіе. Покинуть его въ эту минуту было невозможно, ибо я считалъ быструю рѣшимость необходимою и собственно для того, чтобы обезпечить нашъ тылъ, или иначе говоря, дворецъ. Отъ людей, находившихся у зданія Сената, палъ военный генералъ-губернаторъ: это достаточно доказывало ихъ виновность. Въ пѣхотѣ чувствовался недостатокъ, но кавалеріи было довольно. Мнѣ пришло на мысль, что, не смотря на гололедицу, внезапная атака кавалеріи на народную толпу приведетъ въ разстройство стоящихъ за нею мятежниковъ и заставитъ ихъ разсѣяться. Императоръ тотчасъ-же согласился на кавалерійскую атаку, но онъ понялъ ее не въ томъ смыслѣ, какъ я предлагалъ, что̀ и неудивительно, коль скоро всѣ говорили разомъ, а я не пользовался такимъ значеніемъ, чтобъ заслуживать предпочтенія моему мнѣнію.

Прежде всего, по порученію Императора, я отправился къ генералу Бенкендорфу и приказалъ ему отойти въ Галерную улицу, чтобы преградить мятежникамъ отступленіе. Великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ съ приведенной имъ пѣхотой слѣдовать туда же, что̀ онъ и исполнилъ. Я самъ съ 1-й ротой Преображен-

---

[19]) «Не сомнѣвайтесь, это заговоръ».

[20]) О существованіи настоящаго заговора Николай Павловичъ узналъ только 12 Декабря. Въ суматохѣ приготовленій, заботъ и распоряженій, онъ естественно могъ и не найти минуты, чтобъ поговорить объ этомъ съ принцемъ Евгеніемъ.

скаго полка занялъ Невскій [21]) т. е. Исакіевскій мостъ, противъ Васильевскаго острова. По дорогѣ я сообщилъ генералу Орлову о намѣреніи Императора и сказалъ ему, чтобъ онъ готовился къ атакѣ, сигналъ къ которой будетъ поданъ трубою. Находившимся со мною гренадерамъ я напомнилъ о вѣрности, доказанной ими при Кульмѣ и нашелъ ихъ вполнѣ надежными, въ чемъ завѣрилъ меня и храбрый капитанъ ихъ Игнатьевъ [22]). Къ сожалѣнію на эти распоряженія ушло много времени, и притомъ разговоры были слишкомъ громки. Предвидя опасность, народная толпа разбѣжалась, прежде чѣмъ послѣдовалъ сигналъ къ атакѣ, и внезапно опустѣвшая площадь представила глазамъ мятежную колонну, готовую принять бой.

Когда наконецъ сигналъ былъ поданъ, и кавалерійскіе эскадроны со всѣхъ сторонъ понеслись въ атаку, то ихъ встрѣтили изъ колонны мятежниковъ нѣсколькими отдѣльными выстрѣлами, а подъ конецъ даже и залпами. По большей части они были направлены въ воздухъ, но все-таки нѣсколько всадниковъ было убито и ранено. Наиболѣе потерпѣли конные піонеры, состоявшіе до сихъ поръ подъ особеннымъ покровительствомъ Николая Павловича. У конногвардейцевъ, которыхъ Орловъ такъ близко подвелъ къ бунтовщикамъ, что обѣ стороны могли переметнуться между собою нѣсколькими словами, пуля пробила на вылетъ кирасу и грудь одному человѣку, а полковнику Веліо раздробило руку. Когда я съ Преображенскою ротою занялъ свою позицію, то капитанъ Игнатьевъ спросилъ меня, не нужно ли зарядить ружья. Меня удивило, что этого до сихъ поръ не было сдѣлано; но настоящая минута, въ такой близи отъ бунтовщиковъ, казалась мнѣ неудобною. Соображая, какой дать отвѣтъ, я замѣтилъ, что въ то время, какъ мятежная толпа стрѣляла по кавалеріи, нѣкоторые ряды ея повернулись фронтомъ къ намъ и стрѣляли по насъ. На разстояніи какихъ-нибудь 50—60 шаговъ прицѣливаться было нетрудно, напримѣръ хоть бы въ меня въ моей полной парадной формѣ съ орденскою лентою, и залпъ, еслибы они рѣшились угостить имъ насъ, былъ бы смертеленъ; но какъ я не слыхалъ свиста пуль, то и своимъ приказалъ держать ружья у ноги. Напротивъ того, шедшему со стороны Васильевскаго острова съ 2-мя баталіонами Финляндскаго полка генералу Головину я далъ приказаніе, при самомъ вступленіи на мостъ, принять оборонительное положеніе и потомъ присоединиться къ капитану Игнатьеву. Такимъ образомъ на этомъ пунктѣ мы представляли силу внушительную; но я долженъ замѣтить, что генералъ Головинъ и его подчиненные обратились ко мнѣ съ вопросомъ: «Да чтожъ такое происходитъ? Да какого мы ожидаемъ непріятеля?»

---

[21]) Въ книгѣ барона Корфа сказано (стр. 150), что Государь приказалъ принцу Евгенію Виртембергскому поставить Преображенскую роту у Исакіевскаго моста. «Принцъ Евгеній поднялъ свою лошадь на дыбы и, повернувъ ее, сказалъ съ досадою: «Cela ne servira à rien» (пользы никакой не будетъ).

[22]) Нынѣ графъ Павелъ Николаевичъ.—Принцъ былъ однимъ изъ героевъ Кульмскаго боя.

Воротясь къ Императору, я нашелъ, что кавалерія занимала туже самую позицію, какъ и до атаки; но теперь яснѣе замѣчалось хлопотливое перебѣгиваніе подстрекателей среди толпы возмутившихся солдатъ. Личности эти имѣли видъ какихъ-то бандитовъ, а пьяные по большой части солдаты кидали вверхъ свои кивера и кричали «Ура! Константинъ!» Но иной разъ раздавался также крикъ: «Ура! Конституція!»

Такимъ образомъ мало по малу передъ нами все болѣе и болѣе уяснялись настоящія обстоятельства, и мы, истинные приверженцы Императора, пришли всѣ къ убѣжденію, что тутъ дѣйствительно дѣло идетъ о заговорѣ, а не о какомъ-нибудь недоразумѣніи. Послышались предложенія самыхъ строгихъ мѣръ, и я помню, что генералы Васильчиковъ, Левашовъ, князь Трубецкой и многіе другіе были на сторонѣ этихъ мѣръ. Однакожъ средствъ не доставало, войска и артилерія все еще не являлись, а между тѣмъ роты лейбъ-гренадерскаго полка и гардемарины въ безпорядкѣ направлялись мимо насъ. Нѣкоторые офицеры пытались образумить ихъ, но понапрасну. Самъ Императоръ, не взирая на опасность и просьбы приближенныхъ, въѣхалъ въ толпу этихъ большею частью пьяныхъ солдатъ и увѣщевалъ ихъ не принимать участія въ бунтѣ, но они встрѣтили его неприличнымъ кривляньемъ (mit unanständigen Grimassen). Вся эта толпа выстроилась потомъ у зданія Сената на обоихъ флангахъ Московскаго полка. Въ это время послышалось еще нѣсколько выстрѣловъ, и вскорѣ показался тяжело раненный командиръ лейбъ-гренадерскаго полка, полковникъ Стюрлеръ; два офицера его поддерживали. Тутъ вновь возникли опасенія за участь обитателей дворца, и я поспѣшно отправился туда, доложившись Императору. Я узналъ, что небольшой отрядъ лейбъ-гренадеръ пытался ворваться въ средніе ворота. Генералъ Башуцкій, говорятъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу и спросилъ: «Что̀ вамъ угодно?» Не отвѣчая ни слова, мятежники проникли было до половины проходнаго свода, но увидавъ на дворцовомъ дворѣ баталіонъ гвардейскихъ піонеровъ, заблагоразсудили не доводить предпріятія до конца и, повернувъ кругомъ, поспѣшили на Сенатскую площадь.

И такъ во дворцѣ, когда я туда прибылъ, не произошло пока никакого безпорядка. Чтобы увидѣться съ Императрицами, я долженъ былъ пройти мимо всѣхъ карауловъ и всего собранія придворныхъ. Всѣ они ожидали молебна въ залахъ Зимняго дворца, но и самая неизвѣстность ближайшаго будущаго вынуждала ихъ оставаться тутъ и ждать исхода.

Какое противоположное зрѣлище съ тѣмъ, которое за минуту было передъ моими глазами! Какое разнообразіе ощущеній на этихъ лицахъ! Ощущеніе страха было всего ярче, но къ нему примѣшивалось и любопытство. Вальтеръ-Скоту была бы тутъ немалая пожива.

Меня осыпали вопросами, на которые я мимоходомъ давалъ самые краткіе отвѣты. Только при выходѣ изъ залы вниманіе мое слегка остановилось на мрачной и понурой физіономіи графа Аракчеева, сердце и совѣсть котораго подвергались одновременной пыткѣ.

Шталмейстеру Самарину [23]) я съ глазу на глазъ посовѣтовалъ держать на всякій случай на готовѣ кареты императорскаго семейства, а о причинѣ этого немедленно сообщилъ обѣимъ Императрицамъ, которыя, и въ особенности императрица Александра, осыпали меня жестокими упреками. Онѣ сказали мнѣ, «что рѣшились раздѣлить участь Императора». Я удивился и порадовался ихъ мужеству и спокойствію; но мои опасенія и мѣры предосторожности тѣмъ не менѣе казались мнѣ основательными [24]).

Возвратясь къ Императору и вкратцѣ доложивъ ему обо всемъ, что̀ видѣлъ и слышалъ, я почувствовалъ, что мои опасенія относительно злаго духа въ гвардіи разсѣеваются. Во время моего короткаго отсутствія, положеніе дѣлъ на дворцовой и сенатской площадяхъ совершенно измѣнилось. Правда, число бунтовщиковъ возрасло уже до 2000, но всѣ прочія гвардейскія войска пребыли вѣрны долгу и находились на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Дѣло объяснилось весьма просто: имъ не успѣли своевременно сообщить приказъ о выступленіи. Артилерійскіе снаряды, напримѣръ, пришлось доставлять изъ мѣста, находящагося въ пятиверстномъ разстояніи.

Всѣ полки, которые я объѣзжалъ, обращались ко мнѣ съ тѣмъ же самымъ вопросомъ, который былъ мнѣ предложенъ въ Финляндскомъ полку.

Генералъ Бистромъ, начальникъ всей гвардейской пѣхоты, на вопросъ мой: полагается-ли онъ на своихъ подчиненныхъ? отвѣчалъ: «Какъ на самого себя! Но» (прибавилъ онъ съ усмѣшкой), «этимъ еще немного сказано; будь я проклятъ, если знаю, о чемъ идетъ споръ». Графъ Остерманъ только что воротился изъ-за границы и у заставы освѣдомился объ императорѣ Константинѣ. «Подожди, ворона! Хорошо, что попался», сказали ему въ отвѣтъ, и онъ чуть было не былъ арестованъ. Генералъ Толь, начальникъ штаба 1-й арміи, прибывшій изъ Могилева, проѣзжая мимо меня, спросилъ: «правда-ли, что Константина не хотятъ признавать Императоромъ?» Многіе другіе были въ такомъ же невѣдѣніи; мы же, окружавшіе Императора, хотя и слышали о какомъ-то заговорѣ, но насъ приводили въ недоумѣніе безпрерывные на противной сторонѣ возгласы: «да здравствуетъ Константинъ!» что̀ и свидѣтельствовало, что все дѣло въ недоразумѣніи. Однакожъ вновь собравшаяся чернь стала также принимать участіе въ безпорядкѣ. Начальника гвардейскаго корпуса, генерала Воинова, чуть было не стащили съ лошади; мимо адъютантовъ Императора летали камни, въ меня попало нѣсколько комковъ снѣга. Наскакавъ на виновнаго и опрокинувъ его конемъ, я закричалъ: «Ты что дѣлаешь?»—«Сами не знаемъ! Шутимъ-съ мы, баринъ!» [25]), отвѣчалъ опрокинутый, еще не поднявшись съ земли.

---

[23]) Өедору Васильевичу Самарину, отцу извѣстнаго писателя.

[24]) Обѣ Императрицы уже были, по приказанію Государя, предупреждены о возможной опасности черезъ графа В. Ө. Адлерберга, который далъ знать конюшенному вѣдомству и о приготовленіи экипажей.

[25]) Эти слова напечатаны въ Нѣмецкомъ подлинникѣ «Воспоминаній» порусски.

Начинало смеркаться, и возродилось справедливое опасеніе, что ночью явятся новыя затрудненія, если не покончить съ этимъ дѣломъ до ея наступленія. Въ это время прибыли, подъ командой поручика Бакунина, четыре орудія гвардейской артилеріи и расположились на лѣвомъ флангѣ Семеновскаго полка, стоявшаго противъ Адмиралтейства. Между тѣмъ Императоръ объѣзжалъ ряды пѣхоты и, обращаясь къ солдатамъ съ немногими энергическими словами, воспламенялъ ихъ рвеніе. Онъ выказалъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ мужество и присутствіе духа, и тѣмъ изумилъ всѣхъ его окружающихъ, такъ какъ то, что̀ довелось ему до сихъ поръ испытывать въ жизни, еще ни разу не представляло случая проявить такія высокія качества героя и Государя. На похвалы, которыя отовсюду ему расточались, онъ отвѣчалъ прекрасными словами: «Я почерпаю твердость въ чистой совѣсти!»

Неоднократныя обращенія къ мятежникамъ съ требованіемъ разойтись оставались безъ успѣха. По приказанію Императора имъ было объявлено, что они «вынуждаютъ къ принятію крайнихъ мѣръ». Къ нимъ посланъ былъ генералъ Сухозанетъ. Они встрѣтили его единодушнымъ возгла̀сомъ: «да здравствуетъ Константинъ!»—«Такъ узнайте же что̀ такое Николай», отвѣчалъ онъ имъ. И дѣйствительно, Императоръ рѣшился самъ подать сигналъ къ начатію смертоноснаго артилерійскаго грома обычною командою: «Разъ! Два! Пли!»

Дѣйствіе этого вынужденнаго необходимостію кроваваго приказанія было удивительно. Въ одну минуту вся площадь очистилась отъ бунтовщиковъ. Пѣхота и кавалерія бросились въ преслѣдованіе; но нелегко было догнать бѣглецовъ: они небольшими кучками бѣжали частію по замерзшей Невѣ на Васильевскій островъ, частію въ разные дома, гдѣ и барикадировались.

На мѣстѣ осталось много мертвыхъ солдатъ. Въ сосѣднихъ домахъ было тоже много пораненыхъ картечью, и въ томъ числѣ даже женщинъ. Дано было всего четыре выстрѣла, и тѣмъ не менѣе, какъ говорятъ, нѣсколько сотенъ невинныхъ пало жертвою чужаго преступленія.

Все время этихъ послѣднихъ происшествій я находился рядомъ съ Императоромъ по лѣвую его сторону. Я же сопровождалъ его къ малому подъѣзду Зимняго дворца, у котораго онъ слѣзъ съ коня и прошелъ по боковой лѣстницѣ въ покои императрицы Александры Ѳеодоровны. Кромѣ меня его сопровождали генералы Толь, Васильчиковъ, Левашовъ и Нейдгардтъ. На серединѣ лѣстницы онъ остановился, обнялъ меня и объявилъ, что «никогда не забудетъ сегодняшнихъ доказательствъ моей преданности». Потомъ онъ отдалъ приказаніе генералу Васильчикову на нынѣшнюю ночь расположить свою квартиру въ зданіи Сената и принять начальство надъ городомъ по сю сторону Невы. Генералу Бенкендорфу поручено было начальствованіе на другомъ берегу Невы; ко мнѣ же Императоръ обратился буквально съ этими словами: «Et vous, Eugène, vous resterez auprès de moi en qualité de chef d'état-major pour m'aider de vos conseils» [26].

---

[26]) «А вы, Евгеній, оставайтесь при мнѣ въ качествѣ начальника штаба, чтобы помогать мнѣ вашими совѣтами».

Я хорошо замѣтилъ, лишь только Императоръ повернулся къ намъ спиною, впечатлѣніе, произведенное этими словами на присутствующихъ и, помня его вчерашнее обѣщаніе, сказалъ имъ: «Само собой разумѣется, что это только временно, ибо наилучшій начальникъ штаба для Императора тотъ, кто занималъ эту должность при его покойномъ братѣ».

Вскорѣ послѣ того послѣдовалъ молебенъ, и Николай Павловичъ, идя подъ руку съ своей матерью въ церковь, приказалъ мнѣ остаться у двери для пріема поступающихъ донесеній, которыя я послѣ долженъ былъ доложить ему. Тѣмъ временемъ успѣли задержать почти всѣхъ возмутившихся солдатъ и многихъ заговорщиковъ. Солдаты, какъ тотчасъ же обнаружилось, дѣйствовали въ полномъ убѣжденіи, что защищаютъ права Константина. Я былъ немало удивленъ, что въ это самое время одинъ отставной генералъ заблагоразсудилъ шепнуть мнѣ: «Comme toujours, bravant les périls, votre coeur aussi ne s'est pas démenti. Vos mains, monseigneur, ne se sont point souillées du sang russe» [27].

Я сердито взглянулъ на этого господина, ибо въ его словахъ послышалось мнѣ неправое обвиненіе противъ Императора. Впослѣдствіи, однакожъ, часто раздумывая объ этомъ происшествіи, я приходилъ къ заключенію, что лучше было-бы, еслибы принятіемъ болѣе соотвѣтственныхъ мѣръ до совершенія преступленія былъ предупрежденъ его трагическій исходъ.

Что̀ за безпокойная ночь послѣдовала за страшнымъ днемъ!

Дворцовая и Сенатская площади превратились въ бивуаки, на которыхъ расположилось нѣсколько тысячъ вооруженныхъ солдатъ. Среди огней возвышалась величественная статуя великаго виновника Русскаго могущества. Еслибы онъ могъ взглянуть съ того свѣта на событія этого дня, то былъ-бы свидѣтелемъ преступленія, угрожавшаго гибелью его созданію, и полюбовался-бы величіемъ души одного изъ своихъ правнуковъ, геройскому поведенію котораго имперія была обязана спасеніемъ отъ неисчислимыхъ бѣдствій. Таково было убѣжденіе мое и всѣхъ, кто въ этотъ день имѣлъ случай близко видѣть Николая Павловича.

Замѣчательно, что въ первыя минуты, когда, по окончаніи богослуженія, генералитетъ и адъютанты собрались въ пріемныхъ покояхъ Императора, подозрительность изображалась почти на всѣхъ лицахъ. Никто съ достовѣрностію не зналъ, какое развѣтвленіе имѣетъ заговоръ и кто его зачинщики. Даже побудительная причина его еще не была выяснена, а между приводимыми одинъ за другимъ арестантами узнавалось много старыхъ знакомыхъ.

Первымъ былъ приведенъ со связанными сзади руками молодой офицеръ Московскаго гвардейскаго полка, князь Щепинъ-Ростовскій, въ парадномъ мундирѣ, но съ оторванными эполетами. Его мрачная, но рѣшительная физіономія, казалось, изобличала въ немъ закоренѣлаго злодѣя. Его рукою, говорили, ранены генералы Шен-

---

[27]) «Какъ и всегда, вы рветесь на встрѣчу опасностямъ. Сердце ваше тоже не измѣнило себѣ. Руки вашей свѣтлости не обагрены Русскою кровью».

шинъ и Фридрихсъ. Вторымъ былъ нѣкто Горскій, Полякъ въ партикулярномъ платьѣ, съ пистолетами за поясомъ—внѣшность дерзкая, но пошлая [28]).

Затѣмъ ввели поручика лейбъ-гренадерскаго полка Шторха, сына одного изъ бывшихъ наставниковъ Императора. Подобно Цезарю вскричалъ Императоръ: «И ты, сынъ мой!»—«Виноватъ!» было его отвѣтомъ. Повидимому, онъ сдѣлался жертвою недоразумѣнія, а потомъ заговорщики насильственно задерживали его въ средѣ своей. Впослѣдствіи я встрѣтилъ этого офицера въ Турціи при обстоятельствахъ необыкновенныхъ, но дѣлающихъ большую ему честь.

Потомъ былъ приведенъ полковникъ князь Трубецкой, дежурный штабъ-офицеръ 4-го корпуса. На него указывали, какъ на одного изъ главныхъ заговорщиковъ. Дѣло его получало особую важность потому, что онъ былъ задержанъ въ домѣ свояка своего, Австрійскаго посланника барона Лебцельтерна, у котораго онъ нашелъ себѣ убѣжище.

Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими зачинщиками заговора, много арестованныхъ солдатъ почти всю ночь толпились вокругъ допроснаго стола, за которымъ генералъ Левашовъ записывалъ ихъ показанія. Неизмѣнными вопросами его было: «Присягалъ ты?»—Отвѣтъ: «Да!»—Вопросъ: «Кому?» Отвѣтъ: «Императору Константину».

Степень вины вполнѣ уяснялась этимъ единодушнымъ признаніемъ. Но изъ числа этихъ мнимыхъ благодѣтелей государства нѣкоторые кричали: «ура конституція!» Они и не отрицали этого, но когда ихъ спросили, понимаютъ-ли они что̀ это слово означаетъ. «Какъ не понимать!» былъ отвѣтъ: «Да здравствуетъ Ея Величество, супруга императора Константина!»

Въ полночь, по приказанію Императора, я предпринялъ обозрѣніе постовъ на Исакіевской площади и нашелъ тамъ все въ надлежащемъ порядкѣ, вслѣдствіе неутомимой дѣятельности генерала Васильчикова. Когда я воротился во дворецъ, то допросъ все еще продолжался.

За тѣмъ судьба привела меня къ умирающему товарищу по оружію, къ графу Милорадовичу. Я привезъ ему письмо Императора. Образъ этого человѣка въ его предсмертныя минуты всегда будетъ внушать мнѣ грустныя воспоминанія. Онъ оказался столь же достойнымъ удивленія на своемъ смертномъ одрѣ, какъ и на поляхъ битвъ. Теперь Милорадовичъ уже никому не могъ показаться фанфарономъ, какимъ его иногда считали; это былъ герой въ полномъ смыслѣ слова и конечно всегда былъ таковымъ, ибо иначе не могъ-бы такъ умирать. Когда я передалъ ему, со слезами на глазахъ, письмо Государя, онъ сказалъ: «Мнѣ особенно чувствительно получить это письмо изъ вашихъ рукъ; мы съ вами дѣйствовали вмѣстѣ и въ дни великіе и славные!» Я изъявилъ мое сердечное сожалѣніе о положеніи, въ которомъ его нахожу и выразилъ надежду на его выздоровленіе. «Нечего обольщаться», отвѣчалъ онъ. «У меня воспаленіе ки-

---

[28]) Это былъ князь Грабе-Горскій, коего Записки объ этомъ днѣ напечатаны въ изданной нами первой книгѣ сборника: «Девятнадцатый Вѣкъ».

шокъ. Смерть—непріятная необходимость; но знаете-ли что?—я умру, какъ жилъ и прежде всего съ чистою совѣстью».

По прочтеніи письма онъ сказалъ: «Я съ удовольствіемъ пожертвовалъ собою за императора Николая. Меня утѣшаетъ то, что въ меня выстрѣлилъ не старый солдатъ». Тутъ онъ прервалъ разговоръ. «Прощайте, ваша свѣтлость. На мнѣ лежать еще важныя обязанности. До свиданія въ лучшемъ мірѣ!» То были его послѣднія слова. Когда я уходилъ, его меркнувшіе глаза бросили на меня еще послѣдній дружескій взглядъ.

Врачи отказались отъ него. Онъ умеръ, спустя нѣсколько минутъ, но успѣлъ распорядиться сравнительно-небольшимъ своимъ состояніемъ преимущественно въ пользу своихъ вольноотпущенныхъ крестьянъ.

Передъ послѣднимъ издыханіемъ онъ еще разъ сказалъ, что умираетъ не отъ руки солдата, и дѣйствительно въ него стрѣлялъ одинъ изъ заговорщиковъ, по имени Каховскій. Какъ генералъ-губернаторъ, Милорадовичъ былъ въ нѣкоторой степени виновенъ въ глазахъ публики за неоткрытіе заговора; но теперь не найдется человѣка съ высокою душою, кто бы не заплатилъ ему дани сочувствія.

На разсвѣтѣ я повторилъ, по приказанію Императора, обзоръ постовъ на Петербургской сторонѣ и на Васильевскомъ острову и отовсюду привезъ самыя удовлетворительныя извѣстія. Изъ окрестностей Петербурга также подошли войска, и вскорѣ всѣ убѣдились, что въ нихъ господствовалъ наилучшій духъ и что вообще они вовсе не участвовали къ заговорѣ. Въ послѣдующіе дни было арестовано много заговорщиковъ. По большой части это были офицеры, какъ наприм., Пановъ (лейбъ-гренадерскаго полка), князь Оболенскій (адъютантъ генерала Бистрома), два брата Бестужевыхъ, изъ которыхъ одинъ служилъ адъютантомъ у моего дяди Александра; но было много и статскихъ, наприм. поэтъ Рылѣевъ и Каховскій, убійца графа Милорадовича и полковника Стюрлера. Иные изъ нихъ находились 14-го Декабря въ рядахъ вѣрныхъ войскъ и были захвачены по указанію арестованныхъ съ самаго начала. Другихъ привозили изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ и заключали въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ вскорѣ водворилась и Слѣдственная Коммиссія. Вскорѣ волненіе умовъ успокоилось, и обитателямъ дворца, который оберегался въ теченіи нѣсколькихъ недѣль съ особенною строгостью, уже не приходилось проводить безъ сна цѣлыя ночи на пролетъ. Наступилъ обычный старый порядокъ. Я долго еще не покидалъ пріемной Императора и имѣлъ потому возможность хорошо знать обо всемъ происходившемъ. Всего болѣе былъ я пораженъ появленіемъ маленькаго человѣка въ сѣрой шинели, бросившагося мнѣ въ глаза еще на Сенатской площади, который теперь пришелъ сознаться въ намѣреніи убить Императора и былъ имъ прощенъ. Это былъ Булатовъ, штабъ-офицеръ 12-го егерскаго полка. Онъ объяснялъ причину своего раскаянія угрызеніями совѣсти и подтвердилъ это показаніе дѣломъ, такъ какъ умеръ нѣсколько дней спустя отъ нервной горячки.

Въ этомъ случаѣ, также какъ и во время разговора съ Якубовичемъ, судьба явно благопріятствовала Императору. Якубовичъ за-

мышлялъ также убить Государя и завелъ разговоръ съ нимъ только для того, чтобы развѣдать намѣренія правительства. Онъ воротился къ своимъ соумышленникамъ съ убѣжденіемъ, что съ нашей стороны и въ мысляхъ не имѣется никакихъ насильственныхъ мѣръ. Самъ Государь однажды, въ разговорѣ со мной объ этихъ происшествіяхъ, выразился: «Ce qu'il y a d'inconcevable dons tout cela, Eugène, c'est qu'on n'ait pas tiré à la tête à nous deux» [29]). Въ великаго князя Михаила одинъ изъ заговорщиковъ выстрѣлилъ изъ пистолета; но, къ счастію, пистолетъ осѣкся.

Пришли также успокоительныя вѣсти изъ отдаленныхъ мѣстъ, куда проникли вѣтви заговора, погасшаго въ послѣдней безумной попыткѣ подполковника Муравьева-Апостола, которымъ соблазненъ былъ баталіонъ Черниговскаго полка. Муравьевъ-Апостолъ былъ разбитъ и захваченъ генералъ-маіоромъ барономъ Гейсмаромъ.

Легко можно понять, почему заговоръ не имѣлъ успѣха.

1. Хотя и были нѣкоторые поводы къ неудовольствію на императора Александра, но вообще онъ былъ любимъ.

2. Хотя многіе въ Русскомъ государственномъ мірѣ и во внутреннемъ управленіи страною и заслуживали порицанія, но это нисколько не ослабляло приверженности къ царскому дому.

3. Цѣль всего предпріятія была столь постыдна, нелѣпа и безсодержательна, что всякій благомыслящій человѣкъ, способный къ хладнокровному обсужденію дѣла, долженъ былъ съ ужасомъ отъ него отвратиться.

4. Заговорщики въ средѣ своей не имѣли ни одного человѣка, который пользовался бы рѣшительнымъ вліяніемъ на войска и

5. Они не имѣли главы, которому высокое положеніе въ государствѣ (какъ наприм. графъ Паленъ въ качествѣ военнаго губернатора въ 1801 г.) давало-бы право руководить предпріятіемъ, предписывать способы его исполненія и, въ случаѣ надобности, оказывать защиту.

И все-таки мы должны сознаться, что возможность полнаго ниспроверженія существующаго порядка, при данныхъ, совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, зависѣла отъ счастливой случайности. Какъ легко пистолетъ Кюхельберга могъ-бы исполнить свое назначеніе, какъ легко могъ-бы Булатовъ оказаться менѣе чувствительнымъ, и кто-бы тогда изъ насъ всѣхъ съумѣлъ найтись среди хаоса по истинѣ туманныхъ обстоятельствъ, кто-бы могъ немедленно принять надлежащія мѣры для защиты Императорской фамиліи отъ неизвѣстныхъ убійцъ, отъ скрытой враждебной силы?

Началось безконечное производство въ генералъ и флигель-адъютанты, и при этомъ случаѣ я воспользовался правомъ, которое предоставилъ мнѣ Императоръ свободно высказывать ему свое мнѣніе. Дѣло въ томъ, что генералъ Бистромъ, его бывшій командиръ, потому только не былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты, что его

[29]) «Что всего непонятнѣе во всемъ этомъ, Евгеній, такъ это то, почему они въ насъ обоихъ не стрѣляли!»

адъютантъ оказался принадлежащимъ къ числу заговорщиковъ. Я высказался, что это болѣе, чѣмъ несправедливо. Императоръ хотѣлъ наградить его орденомъ Александра Невскаго.

«Нѣтъ!» воскликнулъ я, «онъ не этого заслужилъ. Что̀ вы давали другимъ произвольно, то ему обязаны дать!»

На первомъ послѣ того парадѣ Николай обнялъ меня и сказалъ: «Твои приказанія исполнены».

Пытался я также склонить Императора къ упраздненію военныхъ поселеній. Но онъ былъ того мнѣнія, что это могутъ приписать какой-либо опасливости съ его стороны и потому считалъ этотъ шагъ несвоевременнымъ.

Наконецъ рѣшился я довѣрить моей тетушкѣ сокровеннѣйшія желанія моего сердца и просилъ ее поддержать ихъ какъ-бы ея собственныя. Здѣсь въ первый разъ я былъ въ отношеніи къ ней смѣлъ и неделикатенъ. Я сказалъ:

«Указывая на гробъ Александра, Николай говорилъ заговорщикамъ: вотъ кого вы хотѣли умертвить! Я дѣлаю то, что̀ бы сдѣлалъ онъ: я прощаю васъ! Вы недостойны Россіи! Вы не останетесь въ ея предѣлахъ!»

Императрица хотѣла возражать; но я прервалъ ее и продолжалъ: «Положивъ руку на сердце, сознаемся, что вполнѣ невиноватаго нѣтъ ни одного смертнаго, и Русская имперія небезупречна, въ особенности въ своей исторіи. Лучше миловать, чѣмъ карать, и при всякомъ восшествіи на престолъ милость гораздо благоразумнѣе строгости».

Тетушка поняла меня и обѣщала употребить все возможное для достиженія этой цѣли; но ея старанія или мои ожиданія оказались повидимому безплодны.

*

Изъ лицъ, прибывшихъ въ Россію по случаю восшествія на престолъ Николая Павловича, въ особенности выдавались принцъ Вильгельмъ Прусскій, принцъ Оранскій, наслѣдные герцоги Баденскій и Меклембургскій, эрцъ-герцогъ Фердинандъ, герцогъ Веллингтонъ и князь Вреде.

Сіи послѣдніе служили мнѣ указателями политическаго горизонта.

Эрцъ-герцогъ Фердинандъ Австрійскій, небольшаго роста, худощавый господинъ, не особенно красивый, но умной наружности, съ тонкими и полными достоинства пріемами, тотъ самый, который въ 1805 году пробился отъ Ульма, а въ 1809 былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ и Галиціи, снискалъ себѣ всеобщее расположеніе. Не знаю, ошибаюсь-ли я; но мнѣ казалось, что какъ онъ, такъ и его свита обращались со мною сдержанно и холодно, что̀ я приписывалъ тому, что они ошибочно считали меня однимъ изъ виновниковъ предстоявшей Турецкой войны, которая была неугодна Австріи.

Про Веллингтона Императоръ, говорятъ, выразился, что ему доставитъ большое удовольствіе провести старую лисицу; однакожъ появленіе его произвело на Государя благопріятное впечатлѣніе.

Маленькая, тощая фигурка Веллингтона, въ Русскомъ мундирѣ, его Англійскія странности, коими оскорблялся иногда здѣшній изящный придворный тонъ, противорѣчили тому высокому понятію, которое заранѣе было составлено объ этомъ героѣ, понятію до того высокому, что отъ его перваго появленія засуетился весь городъ. Нельзя было не видѣть въ немъ умнаго, заслуженнаго полководца и государственнаго человѣка. Глухой и съ лицемъ поблекшимъ, онъ, въ глазахъ большинства, казался человѣкомъ отжившимъ или, правильнѣе, пережившимъ свое время; но я утверждалъ, что это мнѣніе ошибочно, и его послѣдующіе твердые, энергическіе поступки, когда онъ былъ президентомъ совѣта Британскаго министерства, доказали, что я правъ.

Мнѣ поручили сопровождать его иногда по дворцу, такъ какъ ему трудно было опознаться въ этомъ лабиринтѣ. Онъ не оказывалъ мнѣ ни вѣжливости, ни расположенія, и я нерѣдко долженъ былъ проглатывать горькія пилюли, замѣчая, что онъ и не подозрѣвалъ о моемъ существованіи, между тѣмъ какъ расхваливалъ многихъ полковниковъ, выведенныхъ въ люди, благодаря моей рекомендаціи.

Напротивъ того старый князь Вреде, не будучи столь великой военною знаменитостью, былъ гораздо любезнѣе и казался тонкимъ, ловкимъ царедворцемъ.

Съ принцемъ Оранскимъ соединяли Императора близкое родство и личная дружба. Этотъ принцъ стяжалъ себѣ военную славу при Катрбра у Бель-Альянса. Кромѣ того его наружность производила благопріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, на меня.

Добродушный и скромный наслѣдный великій герцогъ Баденскій, знакомый мнѣ съ того времени, когда онъ, будучи еще графомъ Гохбергомъ, состоялъ въ свитѣ графа Витгенштейна, нравился всѣмъ привлекательнымъ и любезнымъ обхожденіемъ. Мнѣ было поручено сопутствовать ему иногда въ его прогулкахъ по Петербургу.

Принца Вильгельма Прусскаго, брата Императрицы, я зналъ уже давно и съ самой лучшей стороны. Въ самой ранней молодости, онъ уже сопровождалъ своего отца въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть о тогдашнемъ моемъ новомъ знакомствѣ, именно съ великой княгиней Еленой Павловной, супругой великаго князя Михаила, дочерью моего двоюроднаго брата Павла Виртембергскаго и той самой Шарлотты, съ которой мы въ 1805 году проводили столько веселыхъ часовъ въ Людвигсбургѣ, Штутгардтѣ и Гейдельбергѣ. Великая Княгиня, 19-ти лѣтъ отъ роду, была чрезвычайно красива, умна, какъ ея отецъ, добра и сочувственна, какъ ея мать, и не уступала никакимъ королевамъ въ свѣтѣ въ достоинствѣ, прелести и образованіи. Я часто думалъ про себя: «Богъ былъ слишкомъ щедръ къ ней въ ея положеніи; ей вовсе не понадобится многое, что̀ Онъ ей далъ».

*

Въ Январѣ 1826 года, Дибичъ, за которымъ оставили, не смотря на нѣкоторыя противъ него интриги, прежнюю его должность, возвратился

съ юга Россіи въ Петербургъ, и я сдѣлался цѣлью новыхъ нападокъ, нарушившихъ только-что возстановившееся мое спокойствіе.

Этотъ Дибичъ былъ тотъ самый Иванъ, младшій сынъ моего гувернера, о которомъ я говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ 1801 года. Отецъ вызывалъ его въ Россію, когда онъ былъ еще Прусскимъ кадетомъ; но король отказалъ ему въ увольненіи на томъ основаніи, что юноши, воспитывающіеся на счетъ государства, должны и служить этому государству. Кромѣ того, Дибичъ по своему прилежанію и поведенію принадлежалъ къ числу воспитанниковъ, подававшихъ наилучшія надежды. Король отпустилъ его только во вниманіе къ просьбѣ императора Павла. Шестнадцатилѣтній кадетъ прибылъ въ Петербургъ, когда Государь его покровитель уже умеръ. Дибичъ былъ зачисленъ императоромъ Александромъ, съ чиномъ прапорщика, въ Семеновскій полкъ. Въ этомъ полку онъ сражался при Аустерлицѣ и отличился какъ стрѣлковый офицеръ. Въ 1807 году, во время похода въ Восточную Пруссію, онъ находился, въ чинѣ капитана, въ свитѣ великаго князя Константина и, воротившись обратно въ полкъ, говорятъ, вновь отличился при Фридландѣ. Впослѣдствіи, по собственному его желанію, онъ былъ переведенъ въ Главный Штабъ, и однимъ изъ поводовъ этого перемѣщенія приводилъ онъ то, что, по своему малому росту, при маршировкѣ въ строю, не можетъ поспѣвать за великанами-гренадерами. Въ юности онъ получилъ отличное образованіе, обладалъ большими свѣдѣніями въ механикѣ и качествами своего отца, который, какъ мы уже знаемъ, не смотря на смѣшныя стороны свои, былъ одаренъ острымъ умомъ и необыкновенною способностію къ проискамъ. Молодой Дибичъ имѣлъ впрочемъ передъ отцомъ своимъ преимущество универсальнаго образованія и выказалъ себя въ теченіи кампаніи человѣкомъ предпріимчивымъ, храбрымъ, часто излишне горячимъ, но всегда ревностнымъ къ службѣ. Въ началѣ 1812 года, Дибичъ былъ подполковникомъ въ штабѣ графа Витгенштейна. Многія предпріятія на Двинѣ приписывались его вліянію. Въ чинѣ полковника, онъ командовалъ небольшими отрядцами, получилъ въ концѣ кампаніи чинъ генералъ-маіора и заключилъ извѣстную конвенцію съ Прусскимъ генераломъ Іоркомъ. Подъ Люценомъ онъ составилъ умную и смѣлую диспозицію; только слѣдовало заранѣе предвидѣть, что она будетъ дурно выполнена, а это-то и не вошло въ его разсчетъ. Съ того времени я самъ возымѣлъ объ немъ высокое мнѣніе, котораго крѣпко держался до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ назначенъ генералъ-квартермистромъ при Барклаѣ-де-Толли, когда я по неволѣ долженъ былъ осудить въ немъ явно обнаружившіяся зависть и склонность къ проискамъ. Тѣмъ не менѣе меня до такой степени примирили съ нимъ его дѣйствія при Кульмѣ, гдѣ я поручилъ ему произвести атаку на непріятельскую гвардейскую кавалерію и онъ лично бросился въ самый развалъ боя, что при первомъ свиданіи съ Императоромъ я отзывался о немъ въ наилучшемъ смыслѣ. Александръ никогда не забывалъ этого обстоятельства и сказалъ мнѣ въ

1821 году, когда Дибичъ уже очень возвысился и былъ приглашенъ на Лайбахскія конференціи: «Je connaîs l'estime que vous lui portez; c'est un titre de plus pour lui à mes yeux» [30]). Императрица Марія Θеодоровна въ то время заговаривала, что стòитъ только произнести имена Дибича и Канкрина, чтобы вызвать во мнѣ пріятную улыбку. Въ 1822 году, первый былъ уже начальникомъ Главнаго Штаба Его Величества, а послѣдній министромъ финансовъ. Въ 1823 году, когда я въ послѣдній разъ видѣлся съ Александромъ на смотру войскъ въ Брестъ-Литовскѣ, меня удивило его холодное обращеніе со мною. Многіе уже тогда приписывали это вліянію новаго генералъ-маіора, который будто бы считалъ репутацію, которою я пользовался въ арміи, препятствіемъ къ его собственному повышенію. Дѣйствительно, меня навели на слѣдъ очень грязной интриги; однакожъ я не обратилъ на это вниманія, а наоборотъ, постарался примирить его съ великимъ княземъ Константиномъ, который на него за что-то гнѣвался. Въ началѣ 1825 года, я случайно вовлеченъ былъ съ нимъ въ переписку по военнымъ дѣламъ, изъ которой совершенно естественнымъ путемъ обнаружилось, что онъ былъ въ числѣ виновниковъ постигшей меня въ Августѣ 1813 года непріятности; а вышло такъ, что я въ этой кореспонденціи, самъ того не зная, давалъ на себя оружіе своему противнику. Но и это убѣжденіе не воспрепятствовало мнѣ дѣйствовать добросовѣстно при восшествіи на престолъ Николая. Признаюсь, что причиною такого образа дѣйствій было, можетъ быть, преувеличенное самомнѣніе и ложное убѣжденіе, будто я нахожусь въ такомъ положеніи, которое ставитъ меня выше нападокъ мелкихъ каверзниковъ. Разочарованіе послѣдовало еще до возвращенія Дибича; но тогда, вопервыхъ, было уже поздно измѣнять свой образъ дѣйствій, а вовторыхъ, я принялъ твердое намѣреніе уйти совсѣмъ въ частную жизнь, и увлекаться какою либо еще дѣятельностью значило бы дѣйствовать наперекоръ этому намѣренію. Другой на мѣстѣ Дибича былъ бы мнѣ благодаренъ; но онъ, напротивъ того, такъ испугался еще мысли, будто я могъ бы имѣть вліяніе на новаго Императора, что даже не въ состояніи былъ скрывать этого отъ меня. Какъ обстоятъ дѣла при дворѣ, онъ все это оцѣнилъ сразу, взоромъ знатока, и тѣ самыя обстоятельства, которыя наложили на меня обязанность скромности, побудили его крѣпко схватить въ свои руки добровольно предоставленныя ему бразды и устранить всѣ препятствія. Эта энергія, въ соединеніи съ его несомнѣнною заслугою передъ государствомъ въ томъ, что всѣ мѣры, принятыя незадолго до смерти императора Александра противъ заговорщиковъ 2-й арміи, исходили исключительно отъ него, укрѣпляли всегдашнюю мою увѣренность въ его способностяхъ, не смотря на всѣ коварства его противъ меня лично. Черезъ это мои собственные интересы отодвинулись на задній планъ, и я принужденъ былъ сознаться, что долженъ уступить мѣсто тому, высокія

[30]) «Мнѣ извѣстно уваженіе, которое вы къ нему питаете, и это тѣмъ болѣе возвышаетъ его въ моихъ глазахъ».

способности котораго и знакомство съ служебными мелочами внушаютъ больше довѣрія Императору.

Пусть, однакожъ, читатель не слишкомъ превозноситъ мое самоотверженіе и кротость, ибо мое поведеніе было естественнымъ результатомъ настроенія моего ума. Между тѣмъ какъ я размышлялъ о средствахъ скромно и безъ огласки удалиться въ свое сельское уединеніе, Императоръ внезапно удивилъ меня важнымъ порученіемъ составить, на основаніи разныхъ указаній и предположеній, операціонный планъ для войны противъ Турокъ. Въ особенности удивило меня положительное требованіе Императора держать въ тайнѣ это порученіе отъ Дибича, при чемъ онъ завѣрялъ меня, что если дойдетъ дѣло до войны, то главнѣйшая роль въ ней будетъ принадлежать мнѣ. En tout cas ce sera à vous de porter le coup décisif [31]). Тутъ я опять былъ вынужденъ поступить такъ, какъ повелѣвали мнѣ долгъ и совѣсть, и сталъ заявлять Императору, что полудовѣріе вредно для дѣла и что онъ долженъ вполнѣ довѣрять начальнику своего Главнаго Штаба, чтобы имѣть право расчитывать на его услуги. Но Императоръ рѣшительно настаивалъ на своемъ желаніи; я въ теченіи четырехъ недѣль соблюдалъ строжайшую тайну и, по прошествіи этого срока, представилъ ему свой трудъ.

Какъ же удивился я, когда вскорѣ потомъ по городу разнеслась вѣсть обо всемъ, что̀ Императоръ мнѣ довѣрилъ подъ печатью тайны. Я былъ такъ встревоженъ этимъ, что сейчасъ же принесъ жалобу Императору и этимъ путемъ узналъ, что обстоятельства перемѣнились и прежнія рѣшенія уже не имѣютъ никакого вѣса. Съ своей стороны генералъ Дибичъ встрѣтилъ меня также извѣстіемъ о назначеніи, которое я долженъ былъ получить въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. Оно заключалось въ лестной роли командира резервной арміи, меньше небольшаго корпуса; мнѣ предстояло наблюдать за крѣпостями на Дунаѣ. Vous déblayerez les derrières de l'armée [32]), было подлинное выраженіе Императора.

Тутъ уже не хватило моего терпѣнія, и я высказался въ довольно обидчивомъ тонѣ. Послѣдствіемъ было новое обѣщаніе дать мнѣ первоначальное назначеніе и приказаніе генералу Дибичу и мнѣ взаимно сообщать другъ другу наши воззрѣнія на предметъ. Поэтому начальникъ Главнаго Штаба явился ко мнѣ съ своимъ портфелемъ и выложилъ передо мной якобы еще въ 1821 году представленный имъ императору Александру планъ Турецкой кампаніи, который, однакожъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался во всѣхъ пунктахъ схожимъ съ запискою, которую я подалъ Императору Николаю, и расходился съ нею только въ двухъ статьяхъ [33]), да и тѣ

---

[31]) «Во всякомъ случаѣ вамъ будетъ предоставлено нанести окончательный ударъ».

[32]) «Вы будете очищать отъ непріятеля тылъ арміи».

[33]) Морская экспедиція противъ одной изъ гаваней по ту сторону Балканъ и тѣ пункты перехода черезъ эти горы, которыми самъ Дибичъ воспользовался въ 1829 году.

Дибичъ въ послѣдствіи принужденъ былъ признать существенно необходимыми.

Хотя со стороны Императора я былъ вполнѣ удовлетворенъ, однакожъ до меня все еще доходили извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ генерала Дибича относительно моей особы. Въ доказательство приведу слова Молоствова: «Посмотрите на этого уродливаго гнома», говаривалъ онъ, «на эту толстую, безобразную голову, съ багровымъ лицомъ, выпученными блестящими глазами; каждая черта его обличаетъ характеръ рыси. Подобно тому какъ его короткое, толстое туловище едва держится на кривыхъ ножкахъ ящерицы, неспособныхъ выдерживать его тяжесть, такъ и душа, которую Богъ во гнѣвѣ Своемъ осудилъ пребывать въ этомъ выродкѣ, навѣрное носится съ исполинскими планами, слишкомъ тяжелыми для его плечъ. Но что̀ ему на вѣрняка удается (ибо это лежитъ въ природѣ гномовъ, какъ учитъ насъ басня), такъ это козни и подвохи, которыми домогается онъ вредить честнымъ людямъ. Это настоящій дьяволъ и вдобавокъ вашъ смертельный врагъ; повѣрьте мнѣ и вспомните меня, когда, можетъ быть слишкомъ поздно, въ этомъ убѣдитесь».

Генералъ Вольфъ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и достойныхъ моихъ боевыхъ товарищей, къ несчастію, подкрѣпилъ это мнѣніе фактами: Дибичъ будто бы однажды, въ одномъ многолюдномъ собраніи, позволилъ себѣ громко и публично клеветать на меня и даже позорить меня, но былъ уличенъ во лжи. «Подобныя вещи», прибавилъ Вольфъ, «не забываются; похвала, которую воздало вамъ въ то время одно изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ, въ отвѣтъ на его поношенія, озлобила его противъ васъ больше, чѣмъ могло-бы это сдѣлать самое обидное презрѣніе».

Еслибы я могъ еще сомнѣваться, то меня убѣдили-бы обнаружившіяся вскорѣ его каверзы. Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы помѣшать обѣщанному мнѣ Императоромъ назначенію генераловъ Войнова, Паскевича и Вахтена въ составъ отряда, которымъ я долженъ былъ командовать. Но въ то время расположеніе ко мнѣ Императора еще защищало меня отъ его нападокъ. Мои мелкія неудовольствія отошли совершенно на задній планъ, когда у гроба Александра Николай снова подалъ мнѣ братскую руку. Я сердечно любилъ молодаго Императора, и мое довѣріе къ нему, равно какъ и обожаніе его нравственныхъ качествъ, ежедневно возрастали.

Приближалось время ожидаемаго отвѣта изъ Константинополя на Русскій ультиматумъ. Еслибы онъ оказался отрицательнымъ, то я долженъ былъ тотчасъ же ѣхать къ своему назначенію. Я выпросилъ себѣ кратковременный отпускъ, чтобы заняться устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Незадолго до моего отъѣзда Императоръ предлагалъ мнѣ командованіе 2-ю арміей. Я просилъ его принять въ соображеніе, что мнѣ непріятно было-бы стать во враждебное отношеніе къ моему прежнему командиру, графу Витгенштейну. Это распоряженіе Николая основывалось на предвидѣніи скорой смерти графа Сакена, который въ то время былъ очень боленъ, и въ такомъ случаѣ графъ Витгенштейнъ долженъ былъ замѣнить его въ

командованіи 1-ою арміей. Но мнѣ удалось убѣдить Императора въ необходимости стать ему самому во главѣ войскъ, я же не имѣлъ другаго честолюбія, какъ быть однимъ изъ его адъютантовъ. Еже-ли-бы мнѣ, при теперешнемъ разставаніи съ Государемъ, могло придти на мысль, что генералъ Дибичъ воспользуется моимъ отсутствіемъ для новыхъ интригъ, если-бы я могъ подумать вмѣстѣ съ Вилларомъ: «Sire, je vais combattre vos ennemis, et je vous laisse au milieu des miens» [34]), то подобныя мысли были-бы разсѣяны заявленіемъ Императора: Soyez persuadé que rien ne changera mes intentions. Тогда же генералъ Дибичъ получилъ приказаніе тотчасъ извѣстить меня объ отвѣтѣ, который имѣетъ прибыть изъ Константинополя.

При такихъ обстоятельствахъ совершенно успокоенный, я уѣхалъ въ Маѣ 1826 года въ Карльсруэ. Это было совершенно естественно. Насчетъ мѣропріятій установилось соглашеніе, всѣ предполагаемые участники будущей войны, въ томъ числѣ я, недавно сходились на военный совѣтъ въ покояхъ Императора, и мои собственныя скромныя желанія далеко не равнялись видамъ Императора относительно меня. Что касается Дибича, то, убѣждая Императора принять личное начальство надъ войскомъ, я самъ содѣйствовалъ осуществленію самыхъ смѣлыхъ его ожиданій отъ этой войны: ибо, въ качествѣ начальника Главнаго Штаба, онъ становился тогда наиболѣе вліятельнымъ лицомъ. Этимъ я подчинялъ самого себя Дибичу и, какъ корпусный командиръ, никоимъ образомъ не могъ оттѣснить его на задній планъ. Но мнѣ и въ голову не могло придти, чтобъ онъ уже тогда могъ поставлять своему честолюбію гораздо высшую цѣль. Дибичъ, какъ было упомянуто, выказалъ способности въ должности офицера генеральнаго штаба, онъ оказалъ также нѣсколько важныхъ услугъ, и утверждаютъ, будто въ 1814 году его мнѣніе совпало съ мнѣніемъ императора Александра на счетъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Парижа; но противъ непріятеля онъ не водилъ даже бригады и, какъ одинъ изъ младшихъ генералъ-лейтенантовъ, далеко не могъ равняться со мною ни по опытности, ни по заслугамъ, ни по чину. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже даже многихъ другихъ лицъ, между которыми пришлось бы выбирать Императору, чтобы замѣстить меня.

И однакоже я обманулся! Меня упрекали впослѣдствіи, что я не во̀ время уѣхалъ изъ Петербурга и, дѣйствительно, этотъ упрекъ былъ-бы справедливъ, если бы я лелѣялъ въ душѣ своей честолюбивые планы. Но такъ какъ у меня таковыхъ не было, и я подчинялся только желаніямъ и приказаніямъ Императора, то и этому обвиненію не подлежу...

Россія обязана сама передъ собою, сколько возможно энергичнѣе, возставать противъ мелкихъ интригъ другихъ державъ. Она не нуж-

---

[34]) «Государь! Я отправляюсь сражаться съ вашими врагами и оставляю васъ посреди своихъ».—«Будьте увѣрены, ничто не измѣнитъ моихъ намѣреній».

дается въ завоеваніяхъ на Западѣ, такъ какъ ей нечего бояться Запада; но она нуждается въ Дарданеллахъ, такъ какъ этотъ проливъ стѣсняетъ ея торговлю и ограничиваетъ дѣйствія ея флотовъ.

Въ политикѣ надо твердо знать, чего хотѣть и если не имѣешь подъ собою твердой почвы, то всегда будешь шататься.

О принятіи Портою Русскаго ультиматума узналъ я черезъ газеты тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Силезію, отъ генерала же Дибича я не получалъ никакихъ извѣстій. Я отправился въ Карльсбадъ и возвратился въ Августѣ въ Карльсруэ. Въ Сентябрѣ дошло до меня, чрезъ посредство великаго князя Константина, письмо генерала Дибича, съ извиненіями за его запоздалость. Вскорѣ послѣ того я получилъ извѣстіе, что Императоръ отмѣнилъ свою предполагаемую поѣздку въ Варшаву, гдѣ, на случай, если не состоится война, было условлено мое свиданіе съ Его Величествомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ предоставлялось на волю оставаться въ Германіи, пока обстоятельства не потребуютъ моего возвращенія.

Вскорѣ послѣ коронаціи въ Грузію вторгнулись Персіяне, и при дворѣ возникли жалобы на Ермолова; туда посланъ Паскевичъ, который, какъ младшій офицеръ, долженъ былъ командовать его авангардомъ, а въ сущности ему было поручено наблюденіе за нимъ. Въ тоже время послали въ Тифлисъ и Дибича. Онъ распорядился операціями такъ, что Паскевичъ долженъ былъ съ горстью людей произвести нападеніе, а Ермоловъ оставаться въ резервѣ. Собственно, полагаю я, онъ хотѣлъ устроить западню обоимъ; но это удалось ему только по отношенію къ послѣднему, который, въ негодованіи, потребовалъ отставки и получилъ ее. Предпріимчивый Паскевичъ мгновенно одолѣлъ жалкихъ Персіянъ. Дибичъ самъ положилъ основаніе славѣ своего могущественнаго соперника, тогда какъ въ намѣреніяхъ его было парализовать его. Впрочемъ, событіе это имѣло благопріятное вліяніе и на его собственную карьеру. Онъ произведенъ въ графское достоинство и положительно вошелъ въ милость къ Императору. Еще въ коронацію произведенъ онъ въ генералы отъ инфантеріи.

Паскевичъ и многіе другіе, служившіе подъ начальствомъ Дибича (такъ напр. Константинъ Бенкендорфъ), разсказывали мнѣ, какъ маленькій человѣчекъ старался удалить съ глазъ Государя опаснаго любимца. Но счастливая звѣзда Паскевича и его несомнѣнныя способности, рядъ изумительныхъ побѣдъ его, наконецъ, личное достоинство разрушили всѣ козни и, что̀ дѣлаетъ особую честь герою, онъ шелъ путемъ прямымъ и безъ всякихъ искательствъ возвысился надъ своимъ соперникомъ. Сего же послѣдняго покарала судьба и его собственная совѣсть.

Графъ Остерманъ-Толстой.

(Записано въ Женевѣ въ 1868 году со словъ людей близко знавшихъ графа Остермана-Толстаго).

14 Февраля 1857 года, въ то время какъ на церковной башнѣ Малаго Саконнѐ (Saconnex) колоколъ билъ два часа пополудни, въ ворота скромнаго мѣстнаго кладбища въѣхала траурная колесница съ гробомъ, украшеннымъ двумя лавровыми вѣнками. Гробу предшествовали священникъ Русской церкви съ двумя церковно-служителями; раздавалось тихое надгробное пѣніе, и курился кадильный ѳиміамъ. За гробомъ шли всѣ Русскіе высшаго круга, проживавшіе въ Женевѣ, нѣсколько друзей покойнаго и его семья, а также почти всѣ жители мѣстечка, привлеченные необыкновеннымъ для нихъ зрѣлищемъ. Присутствующіе были проникнуты чувствомъ глубокаго благоговѣнія и какой-то таинственности. Это были похороны одного изъ воинственныхъ людей нашей эпохи, храбраго человѣка, который проливалъ кровь, защищая Отечество и которому пришлось окончить жизнь далеко отъ родины и семейнаго очага.

Александръ Ивановичъ Толстой родился въ Петербургѣ въ 1770 г. Отецъ его Ив. Матв. Толстой, потомокъ древняго Русскаго рода, былъ дворянинъ безъ состоянія, начальствовалъ надъ артилеріею при Екатеринѣ II-й въ войскахъ Суворова и умеръ въ Петербургѣ директоромъ Кадетскаго корпуса. Мать, Аграѳена Ильинична Бибикова, сестра извѣстнаго генерала, древняго Татарскаго происхожденія. Престарѣлый отецъ, при концѣ жизни разбогатѣвшій, былъ человѣкъ суровый, угрюмый, недовольный правительствомъ и вымещавшій часто на семьѣ свою желчь. Онъ разсказывалъ свои подвиги, лишенія и страданія въ кампанію на Дунаѣ, когда 13 лѣтъ отъ роду выпало ему на долю чуть не умирать съ голоду и, сравнивая то время съ настоящимъ, онъ все-таки находилъ послѣднее невыносимымъ. Александру Толстому самому въ молодости довелось пройти черезъ жесткую школу военной жизни и видѣть примѣры ужаснѣйшихъ злополучій, порождаемыхъ войною. Первымъ шагомъ его на этомъ поприщѣ была знаменитая осада Измаила, во время которой погибло до 30.000 Турокъ; тѣла ихъ были брошены въ Дунай, вслѣдствіе чего солдаты не рѣшались, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, ѣсть рыбу ловленную въ Дунаѣ.

Поручикъ Толстой скоро былъ замѣченъ Екатериною и, по заключеніи мира, воротился въ Петербургъ, гдѣ былъ взысканъ милостями Государыни. Онъ былъ произведенъ въ капитаны гвардіи и въ столицѣ сошелся съ двумя братьями родной своей бабки по отцу (Анны Андреевны Толстой), гр. Ѳедоромъ и Иваномъ Андреевичами Остерманами, сыновьями извѣстнаго графа Андрея Остермана, родоначальника этого дома, людьми преклонныхъ лѣтъ безъ потомства.

Передъ смертію они назначили внука сестры своей Александра Толстаго преемникомъ ихъ имени и наслѣдникомъ всего ихъ имущества. Молодой человѣкъ получилъ фамилію Остермана-Толстаго съ графскимъ титуломъ.

Имѣніе Остермановъ состояло изъ трехъ обширныхъ маіоратовъ въ Петербургской, Московской и Могилевской губерніяхъ. Поручикъ, Измаильскій герой, недавно еще такъ мало разсчитывавшій на будущность, благодаря этому богатому наслѣдству и браку съ княжною Голицыной, 27 лѣтъ отъ роду оказался однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Россіи. Судьба ему не съ этой только стороны улыбалась; скоро мы видимъ его однимъ изъ блестящихъ офицеровъ арміи, въ почести у войска и въ милости царской.

Прошли года. Во время Аустерлицкаго сраженія графъ Остерманъ-Толстой командовалъ небольшимъ отрядомъ, занимавшимъ Ніенбургъ на Везерѣ. Въ 1807 году, уже блистательный генералъ, служилъ онъ въ авангардѣ арміи, которая подъ начальствомъ Бенингсена сначала на Наревѣ и подъ Пултускомъ, а потомъ въ Эйлау и Фридландѣ, съ такимъ мужествомъ разбивалась о полчища новаго Кесаря.

Храбрость и необыкновенная вѣрность взгляда графа Александра Остермана-Толстаго были извѣстны въ Русской арміи, и дарованія его оцѣнены военной исторіей. Командуемые имъ полки не дешево платили за свое полное довѣріе къ начальнику и за честь бросаться въ огонь подъ его предводительствомъ: подъ исходъ отчаянной борьбы, выдержанной Россіею противъ великана, такъ самовластно распоряжавшагося судьбами Европы, въ корпусѣ Остермана, въ началѣ кампаніи состоявшемъ изъ 25 т., послѣ сраженій при Смоленскѣ, Бородинѣ и отступленія къ Мало-Ярославцу, насчитывалось съ небольшимъ 20 т. солдатъ способныхъ носить оружіе. Самъ Остерманъ какимъ-то особеннымъ чудомъ вышелъ невредимъ изо всѣхъ опасностей и, вскорѣ послѣ сказанныхъ кровавыхъ битвъ, мы встрѣчаемъ его въ военныхъ совѣтахъ князя Кутузова, приготовившихъ смертельный ударъ могуществу Наполеона.

Мы не имѣемъ намѣренія представить біографію графа Остермана-Толстаго; у насъ для этого недостаетъ матеріяловъ, и мы прямо перейдемъ къ знаменитому кануну Кульмскаго сраженія, въ которомъ онъ блистательно завершилъ рядъ подвиговъ и оставилъ по себѣ неувядаемую славу героя и примѣрнаго полководца. Союзная армія въ разстройствѣ отступала къ тѣмъ самымъ горамъ, черезъ которыя она прорвалась съ самоувѣренностію несомнѣнной побѣды. Будущее рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: если Наполеону удастся настигнуть отступающихъ, не давъ имъ стянуться въ одну массу, погибель ихъ неминуема. Вотъ отъ чего тогда зависѣла судьба современной Европы. Вандамъ шелъ во главѣ сильной арміи, чтобы заградить союзникамъ проходъ черезъ Богемскія горы. Минута была рѣшительная, все бѣжало и спасалось, не помышляя даже о защитѣ.

Графъ Остерманъ-Толстой, едва только поправлявшійся послѣ тяжкой раны, полученной при Бауценѣ, совершенно случайно и безо всякаго постояннаго начальствованія, находился въ императорской главной квартирѣ. Общая опасность становится для него очевидна, и въ головѣ его родится мысль принять командованіе разстроенною арміею въ такую минуту, когда ни зависть, ни старшинство, ни милость царская не стали бы поперечить такому замыслу: положеніе дѣлъ было слишкомъ отчаянное. Преодолѣвъ множество гибельныхъ преградъ и страшное утомленіе войска, графъ Остерманъ съ вѣрностью взгля-

да, прославившею его имя, успѣваетъ рядомъ хитростей, быстрыхъ передвиженій и безпрестанно вступая въ бой, оставить позади себя Дрезденъ и укрѣпиться въ ущельяхъ Богемскихъ горъ. Здѣсь онъ, въ продолженіи цѣлаго дня и цѣлой ночи, подставляя собственную грудь выстрѣламъ, выдерживаетъ натискъ побѣдоноснаго врага. Тщетно Французы яростно возобновляютъ атаки, и тщетно картечь ихъ коситъ ряды Русскихъ войскъ; взятая позиція удерживается твердостію и неустрашимостію Остермана, до той минуты, когда остатки Германской арміи, вновь сомкнувшись, быстрымъ движеніемъ поспѣшили на помощь храбрецамъ и взяли въ плѣнъ Вандама. Таково было значеніе битвы при Кульмѣ, изъ которой Остерманъ вышелъ съ увѣчьемъ, но въ тоже время однимъ изъ главныхъ виновниковъ успѣха. Во время самаго сильнаго огня, у него ядромъ оторвало руку; онъ не хотѣлъ было слѣзать съ лошади, но силы его оставили, и его вынесли съ поля сраженія. Пока ему отнимали руку, онъ велѣлъ бить барабанамъ наступленіе и музыкѣ играть какъ можно громче, чтобы до солдатъ какъ нибудь не долетѣли его стоны.

По заключеніи мира, графъ Остерманъ-Толстой воротился въ Россію и поселился въ Петербургѣ, гдѣ, занимаясь сперва формированіемъ гренадерскаго корпуса, а потомъ гвардейскаго полка, выстроилъ себѣ пышный домъ, въ которомъ и проживалъ до конца царствованія Александра I. Это была для него блестящая эпоха, какъ по той милости, которою онъ пользовался при Государѣ, такъ и по вліятельному и высокому положенію въ обществѣ и при дворѣ. Онъ самъ говорилъ, вспоминая это время, что имъ прожиты были свѣтлые дни.

По смерти государя Александра Павловича, Остерманъ не умѣлъ снискать благорасположенія его преемника, и конечно не безъ нѣкотораго неудовольствія, будучи только 57 лѣтъ отъ роду, рѣшился оставить Россію. Исторія еще не произнесла суда надъ этимъ страннымъ и неожиданнымъ поворотомъ въ его судьбѣ.

Въ царствованіе императора Николая, графъ Остерманъ два раза возвращался, на короткое время, въ Россію. Въ 1831 году онъ отправился изъ Мюнхена въ путешествіе по Востоку, продолжавшееся три года [1]). Онъ взялъ съ собою Фалмерайера, по разсказамъ котораго, при необыкновенной любознательности, обширной учености и начитанности Остермана, онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ причудливыхъ привычекъ. Такимъ образомъ посѣтилъ онъ Грецію, Европейскую и Азіатскую Турцію. Этого именитаго путешественника и богомольца видѣли на водахъ Нила въ нанятой имъ исключительно для себя баркѣ, на которой съ нимъ была библіотека изъ 500 томовъ, бюстъ императора Александра I-го и небольшая молельня, гдѣ передъ иконами день и ночь теплились неугасимыя свѣчи и курился ѳиміамъ, что заставляло поклонниковъ ислама считать его чуть-ли не идолослужителемъ. Нѣкоторые изъ прибрежныхъ жителей указывали на него какъ на Московъ-имама (святаго) и называли его безрукимъ угодникомъ Божіимъ. Іерусалимъ былъ главною цѣлью его путешествія, и здѣсь трогательно было видѣть Бородинскаго и Кульмскаго героя набожно простертаго передъ гробомъ Господнимъ.

Въ Константинополѣ путешественники представлялись султану Махмуду, и къ тому времени относится анекдотъ, записанный со словъ приближенныхъ Остермана. Съ тѣхъ поръ какъ у него была отнята рука, онъ не могъ ходить безъ опоры: такъ сильно можетъ подѣйствовать на общій организмъ ли-

[1]) Въ этомъ путешествіи сопровождалъ его Ѳ. И. Тютчевъ, бабка котораго была племянницею графа Ѳ. А. Остермана. П. Б.

шеніе одного члена, хотя бы и не служащаго непосредственно для передвиженія. Поэтому его никогда не оставляла толстая, тяжелая трость, которой набалдашникъ представлялъ голову скелета очень искусно выточенную. Предавшій смерти Янычаръ полюбопытствовалъ узнать, почему Остерманъ носитъ при себѣ такую мрачную эмблему. Графъ отвѣчалъ ему Латинскимъ изрѣченіемъ: Hodie mihi, cras tibi (Сегодня тебѣ, завтра мнѣ). Прибавьте, просилъ онъ переводчика: хотя много головъ отсѣчено по приказанію султана, но и его собственная голова неминуемо будетъ подобна изображенію на моей трости; и можетъ быть гораздо скорѣе, чѣмъ мы оба думаемъ. Не знаемъ, осмѣлился ли переводчикъ въ точности передать эти слова. Едва ли; но какъ бы то ни было, восточный фатализмъ не былъ непріятно затронутъ прямодушнымъ отвѣтомъ стараго солдата; по крайней мѣрѣ, во все время пребыванія Остермана въ Константинополѣ, онъ, по приказанію султана, былъ окруженъ предупредительностью и самымъ дружелюбнымъ обращеніемъ.

По возвращеніи изъ путешествія по Востоку, графъ Остерманъ-Толстой отправился во Флоренцію, поселился тамъ въ своемъ прекрасномъ дворцѣ и прожилъ тамъ три года. Въ одинъ прекрасный день неожиданно получилъ онъ нижеприводимое письмо. Оно найдено въ его семейныхъ бумагахъ, въ числѣ которыхъ несомнѣнно должно находиться множество драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ. Письмо это доказывало, что и въ отдаленіи онъ не былъ преданъ забвенію, а это не всегда въ жизни бываетъ даже съ самыми замѣчательными людьми.

Вотъ это письмо въ подлинникѣ:

Toepliz, Octobre 1835.

Mon cher comte Ostermann-Tolstoï. L'Empereur mon père avait résolu de consacrer un monument à la mémoire des gardes russes dont l'héroique resistance arrêta la marche du corps d'armée français du général Vandamme, le 29 Août 1813. Il m'a été reservé d'exécuter ce projet de feu mon père, et vous n'apprenderez sûrement pas sans émotion que, le 29 Septembre dernier, l'Empereur, votre auguste Maître, sa majesté le roi de Prusse et moi, nous avons posé la première pierre de ce monument.

Nous avons regretté, dans ce moment solennel, l'absence de celui qui, lors du glorieux combat, commandait les braves troupes russes et dont le nom est désormais inséparable de la journée que nous venons de célebrer. Pour y suppléer en quelque manière, je vous envoie la médaille que j'ai fait frapper pour cette occasion. Vous éprouverez quelque jouissance, en recévant ce souvenir d'une journée si glorieuse pour vous, pour vos braves frères d'armes, pour le Souverain que vous avez servi au prix de votre sang. Je désire que vous le gardiez aussi comme un témoignage des sentiments de haute estime que feu mon père avait pour vous et que je vous conserve également.

Ferdinand, empereur [1]).

Въ 1837 году графъ Остерманъ-Толстой оставилъ Флоренцію и переѣхалъ жить въ Женеву, гдѣ и провелъ въ самомъ глубокомъ уединеніи послѣдніе годы жизни своей.

---

[1]) Теплицъ, Октября 1835. Любезный графъ Остерманъ-Толстой. Императоръ отецъ мой возымѣлъ намѣреніе соорудить памятникъ въ честь Русскихъ гвардейцевъ, геройское сопротивленіе которыхъ, 29 Августа 1813 года, преградило путь корпусу Французскихъ войскъ,

Въ 1857 году, въ началѣ Февраля, онъ очень тяжело заболѣлъ. Надѣялись, что сильное сложеніе его перенесетъ болѣзнь, но скоро оказались признаки угрожающаго свойства. Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ пожелалъ посѣтить больнаго, но онъ уже былъ въ безсознательномъ состояніи и не имѣлъ утѣшенія узнать передъ кончиной о сочувственномъ вниманіи, оказанномъ ему племянникомъ Государя, его благодѣтеля. Скоро послѣ этого онъ скончался на рукахъ дочери и зятя, окруженный внуками. Почившій могъ припомнить стихъ Латинскаго поэта:

Nec mihi mors est posituro morte dolores.

Графъ Остерманъ-Толстой, какъ онъ самъ говорилъ, въ началѣ получилъ очень недостаточное образованіе; но природа его такъ щедро надѣлила, что онъ этотъ недостатокъ скоро восполнилъ живостью ума, тонкою общительностью и пылкимъ воображеніемъ. Жизнеописаніе его принадлежитъ исторіи этого замѣчательнаго человѣка. То, что здѣсь сказано, слышано въ Женевѣ, гдѣ его любили, уважали и гдѣ считаютъ за честь вспоминать, что Женевцы отдали у себя послѣдній долгъ одному изъ знаменитѣйшихъ мужей эпохи Александра Благословеннаго.

Письмо Московскаго митрополита Филарета къ Россійскому посланнику въ Аѳинахъ, А. П. Озерову.

(по случаю полученія Греческаго ордена Спасителя).

Милостивый государь,
Александръ Петровичъ!

И званіе, которому принадлежу, не поощряетъ меня радоваться почести, и мое время внушаетъ мнѣ заботу о томъ, чтобы съ миромъ оставить все, что вскорѣ оставить должно; однако съ пріятнымъ чувствомъ благодарности встрѣтилъ я вашъ добрый привѣтъ, по случаю благоволенія ко мнѣ его величества царя Греціи.

Наслѣдственное духовное родство нашей церкви и народности съ Греческою дѣлаетъ для меня занимательною мысль, что нѣкоторымъ образомъ принадлежу и къ Греціи.

находившемуся подъ начальствомъ генерала Вандама. Мнѣ досталось исполнить эту мысль покойнаго моего отца, и конечно для васъ будетъ трогательно узнать, что 29 числа минувшаго Сентября, Императоръ, вашъ августѣйшій Монархъ, его величество король Прусскій и я, положили первый камень для этого памятника.

Въ сію торжественную минуту сожалѣли мы, что съ нами нѣтъ того, кто, во время славнаго боя, начальствовалъ надъ храбрыми Русскими войсками и коего имя остается нераздѣльно съ днемъ, память котораго мы чествовали. Въ нѣкое возмѣщеніе сему, препровождаю къ вамъ медаль, выбитую по моему приказанію ради этого случая. Глядя на нее, вамъ пріятно будетъ вспомнить о событіи, столь славномъ для васъ, для вашихъ храбрыхъ товарищей по оружію и для Государя, которому вы служили, проливая кровь свою. Мнѣ желательно, чтобы медаль эта свидѣтельствовала вамъ также о глубокомъ уваженіи, которое питалъ къ вамъ покойный мой отецъ и которое равнымъ образомъ остается и во мнѣ.

Фердинандъ императоръ.

Благодать Божія сохраняетъ Греческую и Россійскую церковь въ единствѣ Православія и союза іерархическаго. Прекрасно разсудила церковь Греческаго королевства, когда, устрояя свою самостоятельность, нашла не только должнымъ сдѣлать сіе съ благословеніемъ вселенскаго патріарха, но также приличнымъ и съ согласіемъ Россійской церкви. Но это былъ рѣдкій случай сношеній. Вообще же молчаніе между церквами такъ сдѣлалось обыкновеннымъ, что трудно рѣшиться сказать слово.

Въ сіи послѣдніе годы съ скорбію взираетъ Россійская церковь на затрудненія великой церкви Константинопольской. Открылось было отношеніе къ Россійскому Святѣйшему Синоду со стороны митрополитовъ - геронтовъ; но неудобно было взяться за сію нить сношеній, потому что это было одностороннее представленіе жалобы на вселенскаго патріарха; ясная же обязанность Святѣйшаго Синода была сохранять себя въ мирѣ съ его святѣйшествомъ.

До крайности неправильно церковное или, лучше сказать, противу-церковное движеніе Болгаръ, и чрезмѣрны требованія ихъ; но былъ бы не безполезенъ (если бы могъ быть данъ и принятъ) благовременный совѣтъ, чтобы въ самомъ началѣ утишить движеніе нѣкоторыми удовлетвореніями благословныхъ требованій, напримѣръ понятнаго богослуженія и Болгарскихъ училищъ. Святѣйшій патріархъ, наконецъ, увидѣлъ нужду сдѣлать и сдѣлалъ уступки; но не достигъ цѣли, потому что уже поздно. Ранняя уступка начинавшемуся движенію была бы принята какъ снисхожденіе и могла имѣть успѣхъ; поздняя, очевидно невольная, уступка усилившемуся движенію естественно принимается за признакъ слабости и не укрощаетъ, если не поощряетъ, непокорныхъ. Святѣйшій Синодъ Россійскій только однажды, отвѣчая на грамоту нынѣшняго вселенскаго патріарха при вступленіи его на патріаршій престолъ, имѣлъ случай намекнуть ему о снисхожденіи къ Болгарамъ, но не могъ сказать болѣе. Непризванный миротворецъ долженъ остерегаться, чтобы вмѣсто умиротворенія другихъ не вредить своему миру.

Господь даетъ еще знаменія Своего храненія церкви Константинопольской. Простый, обманутый Іосифъ обманулъ непогрѣшительность папы. Папа, рукополагая Іосифа въ свои викаріи для Болгарской уніи, не догадался, что у него подъ рукою только призракъ. Однако западная пропаганда не унываетъ. Господь да вразумитъ и укрѣпитъ и умиротворитъ православныхъ!

Но мысль и слово мое увлечены. Остановимся въ искреннемъ желаніи, чтобы соединеніе святыхъ православныхъ Божіихъ церквей благодатію Божіею сохраняемо было въ совершенствѣ и чтобы общеніе ихъ было дѣятельно ко взаимному утѣшенію и укрѣпленію.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Филаретъ митрополитъ Московскій.

27 Сентября 1861 г.

Его превосходительству г. чрезвычайному посланнику и полномочному министру въ Аѳинахъ, въ званіи камергера, дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Петровичу Озерову.

Россія и Сербія въ концѣ Николаевскаго царствованія.

ПИСЬМО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Парижъ, 12 Мая 1853.

Ваше письмо, полное негодованія на насъ, но весьма справедливаго, и дышущее братской любовію, до того меня тронуло, что я нѣсколько времени не могъ рѣшиться его перечитать еще разъ. Нынче прочиталъ снова и отъ души благодарю. Да, повѣрьте, мы всегда умѣемъ быть благодарны за искренность Русскихъ на счетъ Сербіи.

Сколь было-бъ счастливѣе для насъ, если-бъ съ самаго начала нашлися люди, которые умѣли бы увѣрить наше правительство въ искренности доброжелательства Россіи къ намъ; а съ другой стороны увѣрить Россію въ нашей братской любви и нелицемѣрной преданности! Тогда подобныя нынѣшнимъ непріятныя сношенія никогда-бъ не могли быть межъ нами. Гарашанинъ, какъ вы знаете, по настоятельному требованію Туманскаго [1], долженъ былъ подать въ отставку и теперь удаленъ отъ всякой должности. Признаюсь вамъ искренно, что это требованіе произвело всеобщее негодованіе. Больно было всѣмъ и каждому, что Русскіе, которыхъ мы считаемъ истинными братьями, терпѣть не могутъ и выгоняютъ именно тѣхъ чиновниковъ нашихъ, которые всѣхъ нужнѣе и полезнѣе въ настоящее время своему народу. Мы бы никакъ не сердились, если-бъ могли быть увѣрены, что требованія, даже и рѣзкія, были для нашей пользы. Если-бъ, напримѣръ Россія поступила съ Вучичемъ (нашимъ Лафайетомъ) какъ съ Гарашаниномъ, не только-бъ мы не сердились, но даже благодарили бы всѣ за благое дѣло; но къ несчастію этотъ вредный человѣкъ не только не преслѣдуемъ съ вашей стороны, а всегда ласкаемъ и подъ покровительствомъ вашего консула. Нападать же на Гарашанина и погубить его, особенно въ нынѣшнее трудное и смутное время, значитъ за живо задѣть Сербовъ и (правду сказать) принудить ихъ искать противъ собственной воли и склонности сочувствія въ другихъ правительствахъ. Скажите-же, мы ли виноваты, что вы сами принуждаете насъ отъ васъ удаляться и противъ воли, противъ желанія своего, искать союза съ тѣми, которыхъ ненавидимъ? Необходимость не есть добрая воля. Съ этимъ Западомъ, которымъ насъ часто несправедливо упрекаютъ, мы не имѣемъ ничего общаго, ничего роднаго ни по духу, ни по сердцу. Мы ни въ чемъ не сочувствуемъ съ западными народами, а напротивъ во всемъ различаемся: и по происхожденію, и по характеру, и по языку, по

[1]) Ѳедора Антоновича, Русскаго консула въ Бѣлградѣ (нѣкогда литератора и сочинителя извѣстнаго стихотворенія: «Вчера я растворилъ темницу»). П. Б.

нравамъ, по обычаямъ и по вѣрѣ, да и по самому направленію сильно различаемся; а съ вами, напротивъ, у насъ сродство во всемъ, и желаніемъ желаемъ сблизиться съ вами, какъ съ центромъ Славянства, съ священной скиніей Православія и съ источникомъ истиннаго для насъ просвѣщенія. Можетъ быть, политическія выгоды кое въ чемъ отдѣляютъ насъ отъ вашихъ, и принадлежать Россіи какъ провинція мы не хотимъ; но если вы не домогаетесь этого, стоитъ лишь одинъ разъ откровенно сказать, что не имѣете намѣренія завладѣть нашимъ краемъ, и такая братская откровенность положила бы навсегда конецъ нашей недовѣрчивости.

Мы не можемъ, кромѣ васъ, ни къ какому народу имѣть ни довѣренности, ни прямой любви. Съ кѣмъ имѣть искренній союзъ? Не съ Турками, на которыхъ каждый Сербъ смотритъ какъ на заклятаго врага, день и ночь думая лишь о мщеніи за Косово поле, Лазаря и Обилича. Не съ Нѣмцами, которые искони враги всего Славянства; не съ Французами, этимъ падшимъ народомъ, для котораго нѣтъ ничего святаго: ни закона, который они топчатъ ногами, ни престола царскаго, который они въ изступленіи своемъ облили кровью, ни самой религіи, этого священнѣйшаго дара небесъ, врученнаго человѣку въ утѣшеніе печалей его на трудномъ пути земномъ и въ залогъ спасенія въ будущей жизни; а своей цивилизаціей не только другіе народы развращаютъ, но и самихъ себя. Наконецъ, не можемъ имѣть союза искреннаго и съ Англичанами, погруженными въ матеріальный эгоизмъ, которыхъ вы справедливо называете вампиромъ. При такихъ моральныхъ отношеніяхъ Сербовъ къ другимъ народамъ, спрашиваю: имѣла-ли Россія право подозрѣвать насъ въ сближеніи съ Западомъ и лишить наше правительство своей довѣренности, сомнѣваться въ его привязанности къ Россіи и перемѣнить прежнія сношенія, полныя братской любви, безкорыстія и откровенности? Если бъ Русскіе насъ лучше знали, они бъ никогда не сомнѣвались въ нашей приверженности; но къ несчастію и до сихъ поръ мы мало другъ друга знаемъ, мы еще чуждаемся другъ друга и другъ другу не довѣряемъ. Пора бы, наконецъ, узнать другъ друга лучше и бросить эту гнусную недовѣрчивость съ обѣихъ сторонъ. Вся бѣда въ томъ, что мы узнаёмъ одни другихъ не непосредственно, а черезъ иностранцевъ. Мы знаемъ о васъ то, что̀ Нѣмцы и Французы о васъ пишутъ, а они вамъ враги и всегда дурное находятъ даже и въ томъ, что̀ заслуживаетъ похвалу. Но пора приходитъ не вѣрить имъ, ибо есть такіе Сербы очевидцы, которые лучше знаютъ братьевъ Русскихъ, нежели наши непріятели. Вы насъ знаете или отъ тѣхъ же Нѣмцевъ и Французовъ, которые насъ представляютъ тѣмъ, чѣмъ бы имъ хотѣлось насъ сдѣлать (революціонерами), или отъ вашихъ консуловъ, которые къ несчастію не стараются хорошо узнать Сербовъ, а только по личнымъ своимъ отношеніямъ съ тѣми или другими лицами въ Бѣлградѣ даютъ весьма неблагопріятныя о насъ извѣстія. Или судите насъ, наконецъ, по какимъ нибудь фантастическимъ сочиненіямъ, какъ та брошюрка, которую я вамъ послалъ и въ которой не общее мнѣніе Сербовъ показано, а однѣ только фантазіи сочинителей [1]).

Я ее именно потому вамъ послалъ, что хотѣлъ съ вами пожалѣть горько о неумѣстности такой выходки и ослѣпленіи авторовъ на

[1]) Les Slaves du Midi, par Grouitch et Jankovitch.

счетъ истинной пользы Сербіи. Я имъ точно тоже говорилъ, когда прочелъ ихъ книгу и тоже писалъ въ Бѣлградъ, гдѣ общее мнѣніе Сербовъ совершенно согласно съ вашимъ. Авторы возбудили общее негодованіе; правительство, на счетъ котораго учились, отняло у нихъ пособіе для ученія и потребовало назадъ изъ Парижа, а книгу, какъ вредную, запретило въ Сербіи. Вотъ доказательство, какъ правительство Сербское не поощряетъ западнаго направленія мыслей, и какъ мало оно сочувствуетъ ему. Еслибъ ваше правительство знало, какъ мыслитъ Гарашанинъ на этотъ счетъ, вы бы не думали такъ дурно о немъ и ему бы не приписывали революціонныя мысли, недостойныя и обидныя для Гарашанина. Я самъ видѣлъ письмо его по случаю этой книги и его мнѣніе, когда еще онъ былъ министромъ. Ваша критика въ сравненіи съ критикой Гарашанина еще очень снисходительна. Онъ безпощадно осуждаетъ несбыточныя бредни авторовъ и называетъ ихъ врагами Сербіи и измѣнниками отечеству.

Я былъ глубоко тронутъ вашими словами о прямодушіи Россіи и ея искренности въ отношеніи къ Сербіи, и о томъ, что Русскіе всегда вѣрою и правою поддерживали то, на что единожды согласились. Эти слова справедливы и дороги для насъ; но къ несчастію поступки вашихъ консуловъ въ Бѣлградѣ не всегда убѣждаютъ въ такомъ расположеніи правительства Русскаго, и кажется, что они имѣютъ инструкціи совершенно противныя, или во зло употребляютъ довѣренность правительства. Короче, ваши консулы часто такъ себя ведутъ, что нельзя не думать, что они желаютъ произвести бунтъ въ Сербіи и покровительствуютъ всѣмъ революціонерамъ, а если ваше правительство, которое всюду поддерживаетъ порядокъ законный, желаетъ и намъ, Сербамъ, добра, то не должно-ли оно помогать намъ отдѣлаться отъ вредныхъ людей? А ваши консулы ихъ защищаютъ, какъ напримѣръ Вучича. Этотъ Вучичъ признанъ всѣми за врага не только нынѣшнему правительству, но всякому порядку и всему полезному для земли нашей; а онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ вашихъ консуловъ! Доказано, что Вучичъ замышляетъ бунтъ, а вашъ консулъ не позволяетъ его даже подъ судъ отдать. Не похоже ли это на то, что наше правительство желаетъ миръ и законный порядокъ сохранить, а консулъ вашъ желаетъ бунта? Вучичъ прямой демагогъ, человѣкъ весьма честолюбивый, безъ искренняго патріотизма и у котораго одна страсть дѣлать бунты, свергать князей, перемѣнять правительства; словомъ, онъ человѣкъ, для котораго безпорядокъ и смуты настоящій его элементъ. Сербія испытала всѣ бѣдствія внутреннихъ раздоровъ, она хочетъ жить спокойно; ибо миръ ей нуженъ, чтобъ укрѣпиться и идти впередъ въ развитіи своемъ, и никакой истинный Сербъ-патріотъ не желаетъ никакой перемѣны въ правительствѣ и смотритъ на всякаго человѣка, который бы старался произвести бунтъ, какъ на личнаго непріятеля. Секретарь консульства П*** есть тоже для насъ человѣкъ вредный, ибо составилъ какую-то оппозицію противъ князя и самъ начальникъ этой оппозиціи и мелкихъ интригъ.

Вы знаете, что я давно выѣхалъ изъ Сербіи и не могъ быть вмѣшанъ ни въ какія интриги; но все, что пишу къ вамъ, почерпнуто изъ источниковъ вѣрныхъ. Вы знаете, что я не вѣтренъ и не горячусь по пустому, а имѣю средства хорошо знать наши дѣла. Узнайте насъ лишь хорошо, братья Русскіе! Узнайте нашъ характеръ и

наше стремленіе, и, право мы всегда будемъ въ мирѣ и любви съ вами. Мы люди, которые только не позволяемъ, чтобъ на насъ верхомъ садились, а дружбою и ласковымъ обращеніемъ всегда можно вести насъ куда захочешь. Вы старшіе въ родѣ въ отношеніи ко всѣмъ Славянамъ; мы добровольно и охотно, какъ младшіе братья, будемъ слѣдовать вашимъ совѣтамъ; только докажите намъ искренность и дайте слово, что по прежнему будете безкорыстны съ нами и не хотите завоевать насъ и сдѣлать своею провинціею. Много на Западѣ говорятъ о томъ, какъ одна или нѣсколько державъ югославянскихъ могутъ быть опорою Запада противъ Россіи; но этимъ господамъ еще не приходило въ голову, что такая или такія державы могутъ и должны бы быть естественною сильною опорою Россіи противъ духа Запада, авангардомъ Россіи противъ западнаго всѣмъ намъ враждебнаго элемента. Къ несчастію, кажется, и въ Россіи никому это не приходитъ на умъ. Въ искренности и безкорыстіи Государя я самъ ни мало не сомнѣваюсь; но я одинъ не составляю всего сербства [2]); а нужно-бы и всѣхъ въ томъ увѣрить. Не только наше княжество Сербское, но и все сербство знаетъ, какими безпредѣльными благодѣяніями осыпала насъ Россія и что мы одолжены вашимъ Государямъ за все, чѣмъ нынѣ пользуемся. Еслибъ мы могли быть неблагодарными, вы имѣли бъ право укорять насъ; но можетъ-ли Сербъ не любить братьевъ Русскихъ, когда еще въ колыбели онъ слышалъ отъ матери разсказы о томъ, какіе у него братья Русскіе, какой у нихъ царь могучій и добрый, и какъ они намъ помогли освободиться отъ Турка? Право, съ Сербами легко ужиться,—нужно только хорошо знать нашъ характеръ, ибо мы черезъ чуръ горячи и иногда своенравны. Пришлите намъ консула, который бы любилъ насъ Русскимъ сердцемъ и принималъ бы въ насъ искреннее участіе, и вы увидите, будетъ-ли между вами и нами согласіе и любовь, и тогда докажемъ мы Европѣ, что значитъ 80 милліоновъ Славянъ! Что касается до Черной Горы, мы всѣ отъ души рады, что она спасена отъ меча невѣрныхъ и что Россія ходатайствуетъ, какъ говорятъ, о признаніи ея независимости. Надо и Нѣмцевъ похвалить, что они помогли Христіанамъ, хотя они умѣли свои собственныя выгоды и изъ того извлечь и хотя я увѣренъ, что не обратили бы вниманія на требованія Австріи, еслибъ султану не видѣлся за плечами Франца Іосифа царь Николай; но все-таки во сто разъ было бы лучше и счастливѣе, еслибъ Русскіе, а не Нѣмцы все сдѣлали! Боюсь я вліянія Австрійцевъ въ Босніи несчастной и Герцеговинѣ: они совратятъ несчастныхъ въ католицизмъ, какъ древле Турки совратили ихъ вельможъ въ магометанство. «Мечь и лесть, обманъ и пламя ихъ похители у насъ» [3]). Мы не имѣемъ средства бороться съ силами пропаганды, но Самъ Богъ назначилъ Россіи въ братскую и христіанскую обязанность защитить насъ отъ вліянія Нѣмцевъ и католиковъ. Вы глава всего Славянства; теперь, въ критическое время, не давайте гибнуть Православію! Повѣрьте, что пишу вамъ есть общее мнѣніе и чувство всѣхъ Сербовъ, всѣхъ южныхъ Славянъ.

(Сообщено **А. П. Озеровымъ**).

---

[2]) Т. е. всѣ Сербы, Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Старой Сербіи и части Албаніи. [3]) Изъ стихотворенія Хомякова «Кіевъ». П. Б.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Это было въ Маѣ 1870 года, въ ясную весеннюю погоду. Направляясь изъ Кракова въ Познань, раннимъ утромъ я переѣхалъ Австрійскую границу и очутился въ Прусской Силезіи. Переѣздъ этотъ былъ мнѣ особенно памятенъ по слѣдующему обстоятельству. Я находился тогда подъ впечатлѣніемъ всего Польскаго, преимущественно Польскаго языка, а также подъ впечатлѣніемъ тѣхъ сѣтованій, которыя слышалъ въ небольшомъ кружкѣ Русскихъ дѣятелей, продолжавшихъ бороться съ ополяченьемъ Галицкой Руси. Австрійская внутренняя политика, вѣчно лавирующая между своими народностями, вступила на ту пору въ періодъ самыхъ любезныхъ отношеній къ Полякамъ, и отдала въ ихъ руки почти все управленіе края. Поляки, конечно, высоко подняли голову и принялись за обычную свою пропаганду возстановленія Рѣчи Посполитой. Бѣднымъ Русскимъ, разумѣется, приходилось плохо. Мнѣ случилось даже отъ самихъ Галицкихъ Нѣмцевъ слышать жалобы на высокомѣрное съ ними обращеніе мѣстныхъ чиновниковъ изъ Поляковъ.

Еще полчаса назадъ въ ушахъ у меня звучала Польская носовая рѣчь, и между прочимъ слышались наивныя восклицанія какой-то дамы изъ Кіевской губерніи. Эта дама выражала восторгъ по поводу того, что она свободно можетъ теперь наслаждаться звуками своего роднаго языка, который по ея словамъ подвергался несносному гоненію на ея родинѣ. Но съ перемѣной вагоновъ на границѣ перемѣнилась и публика. Кругомъ по большей части серьезныя лица, съ неизбѣжными сигарами въ зубахъ; изрѣдка пассажиры перекидывались Нѣмецкими фразами. Уже ни единаго Польскаго звука, хотя мы ѣхали по Силезіи, т. е. по землѣ, двѣ трети населенія которой сохраняютъ еще свою народность (если вѣрить показаніямъ Поляковъ).

Ближайшимъ моимъ сосѣдомъ былъ пожилой господинъ, который своею живостію и разговорчивостію замѣтно выдѣлялся изъ окружающей публики; но на вопросы и замѣчанія свои онъ получалъ короткіе, отрывистые отвѣты. Заговоривъ о чемъ-то со мною, онъ видимо оживился, когда узналъ, что я не Нѣмецъ, а Русскій. Самъ онъ оказался единственнымъ Полякомъ въ нашемъ вагонѣ. Онъ тотчасъ съ удовольствіемъ перешелъ на родную рѣчь; я же, проведя нѣсколько недѣль въ Варшавѣ, Львовѣ и Краковѣ, могъ отъ литературнаго Польскаго языка сдѣлать переходъ и къ разговорному. Словоохотливый старикъ не замедлилъ сообщить мнѣ, что онъ родомъ изъ нашего Привислянскаго края, гдѣ у него было помѣстье. Послѣ мятежа онъ

поспѣшилъ продать это помѣстье и купить имѣніе въ Австріи, около Кракова, гдѣ и поселился. «Я хотя и съ убыткомъ продалъ прежнее имѣніе, замѣтилъ онъ; но по крайней мѣрѣ теперь я спокойно владѣю тѣмъ, что̀ мнѣ принадлежитъ».

При всемъ своемъ хозяйственномъ направленіи, сосѣдъ мой очевидно принадлежалъ къ Польскимъ патріотамъ и не скрывалъ своей антипатіи къ Нѣмцамъ. Эта антипатія однако не мѣшала ему воспитывать своего старшаго сына не въ Краковѣ, а въ Оппельнѣ (какъ называется понѣмецки Ополе, главный городъ Верхней Силезіи). Старикъ слѣдовательно былъ человѣкъ практичный и понималъ превосходство Прусскихъ гимназій передъ Австрійскими. Впрочемъ, по его замѣчанію, Ополе вѣдь собственно Польскій городъ. Сынъ его въ это самое время оканчивалъ гимназическій курсъ, и старикъ именно ѣхалъ за нимъ въ Ополе.

Между тѣмъ поѣздъ подвигался довольно медленно по причинѣ слишкомъ короткихъ станцій и безпрерывныхъ остановокъ. Сіи послѣднія производились потому, что нельзя было миновать многочисленные промышленные пункты, мимо которыхъ пролегалъ желѣзный путь. Мы проѣзжали по весьма замѣчательной мѣстности. Почва Верхней Силезіи славится изобиліемъ каменнаго угля и разныхъ металлическихъ рудъ, особенно желѣзныхъ. Разработка этихъ естественныхъ богатствъ идетъ чрезвычайно дѣятельно. По обѣимъ сторонамъ дороги разсѣяны дымящіеся фабрики, заводы и плавильные горны. Дымъ отъ каменнаго угля застилалъ собою солнечный свѣтъ, и ясный день превратился въ сѣрый. Повсюду виднѣлся рабочій людъ въ синихъ и темныхъ блузахъ. Большая часть пассажировъ на каждой станціи подкрѣпляла себя неизбѣжною кружкою пива. Вотъ напитокъ (думалъ я), по истинѣ благодѣтельный для Нѣмецкой націи! Онъ представляетъ одно изъ ея важныхъ преимуществъ передъ другими народами, въ особенности передъ Русскимъ простонародьемъ. Между тѣмъ какъ нашъ народный напитокъ часто омрачаетъ разсудокъ Русскаго человѣка, заставляетъ его пропивать послѣднее достояніе и ослабляетъ его рабочую способность, Нѣмецъ въ своемъ питательномъ напиткѣ почерпаетъ новую бодрость и новыя силы къ работѣ. По своему качеству пиво веселитъ его, а не одуряетъ; а по дешевизнѣ оно не угрожаетъ ему разореніемъ, не смотря на огромное потребленіе.

Но вотъ мы наконецъ пріѣхали въ Ополе. Едва поѣздъ остановился, и мой сосѣдъ вышелъ изъ вагона, какъ его встрѣтилъ молодой человѣкъ словами: Du Kommst, lieber Vater!

Старикъ весело обнялъ сына и, повидимому, не замѣтилъ, что привѣтствіе было произнесено не на родномъ языкѣ.

На этомъ и остановились мои воспоминанія. По возвращеніи домой я вздумалъ записать впечатлѣнія поѣздки; но послѣ приведеннаго начала что-то отвлекло меня отъ нихъ. Въ настоящее время подробности уже трудно возстановить съ памяти. Я именно полагалъ свои воспоминанія сосредоточить на впечатлѣніяхъ поѣздки по Прусской части бывшихъ Польскихъ земель, потому что меня особенно занимала та машинообразная система, посредствомъ которой эта часть

подвергается постепенному, неотразимому онѣмеченію. Очевидно тутъ нѣтъ мѣста никакимъ колебательнымъ движеніямъ со стороны Нѣмецкаго правительства и Нѣмецкаго общества. То и другое дѣйствуютъ за одно безъ дальнѣйшихъ разсужденій, послабленій, уступокъ и т. п. Политическая зрѣлость достигла той степени, на которой ясно сознанныя цѣли и средства вѣрнымъ и твердымъ шагомъ ведутъ къ конечнымъ результатамъ. Замѣчательна въ особенности Нѣмецкая исключительность въ отношеніи къ языку. Помнится, въ сумерки того же дня поѣздъ проѣзжалъ по Познанской провинціи, гдѣ-то около Русской границы. Тутъ въ одинъ со мною вагонъ помѣстилась Польская дама изъ Калиша, которая отправлялась къ роднымъ въ Познань. У этой дамы вышло какое-то недоразумѣніе относительно билета; на бѣду она не говорила по-нѣмецки, а кондукторъ не понималъ ея Польскихъ объясненій. Мало того, въ цѣломъ вагонѣ никто не отозвался по-польски и не помогъ ей выдти изъ затрудненія, такъ что нижеподписавшемуся пришлось пустить въ ходъ свой небольшой запасъ Польскаго разговорнаго языка. Какой контрастъ съ восторгомъ Кіевской дамы, которую я встрѣтилъ поутру!

Познань съ ея прекрасною крѣпостью, въ которой порядокъ и чистота соблюдаются до мелкихъ подробностей, произвела на меня впечатлѣніе Нѣмецкаго города. Польское населеніе, хотя и представляетъ еще значительную цифру, но говоритъ на родномъ языкѣ по преимуществу въ своей семьѣ; а на улицѣ, въ канцеляріяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ слышится языкъ Нѣмецкій [1]). Помню, что на другой день моего пріѣзда въ городѣ происходилъ парадъ и смотръ войскамъ. И вообще, проѣзжая по Прусскимъ землямъ, я видѣлъ въ разныхъ пунктахъ какое-то движеніе войскъ; мнѣ сказали, что происходилъ обычный сборъ, не помню какого призыва. Однако по дорогѣ въ Россію, когда поѣздъ двигался по Западно-Прусской (бывшей Польской) провинціи, сосѣдъ мой Нѣмецъ былъ на столько откровененъ, что высказалъ ожиданіе большихъ событій: «въ воздухѣ пахнетъ войною, замѣтилъ онъ; но съ кѣмъ именно будетъ война, съ Франціей или съ Россіей, я не знаю». Помню, около вечера мы ѣхали по зеленой низменной равнинѣ, и тотъ же сосѣдъ указалъ мнѣ вдали мѣстность, гдѣ находится Варцинъ, извѣстное помѣстье Бисмарка.

Дѣйствительно, не прошло послѣ того и полутора мѣсяцевъ, какъ разразилась страшная борьба Германіи съ Наполеоновой Франціей.

Д. Иловайскій.

---

[1]) Пользуюсь случаемъ съ благодарностью вспомнить о радушномъ пріемѣ, который я нашелъ въ Познанскомъ Обществѣ Любителей Наукъ (Towarzystwo Przyjaciol Nauk), именно у секретаря его г. Фельдмановскаго. Онъ сообщилъ мнѣ и всѣ изданія своего Общества.

Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

Одинъ изъ достопамятныхъ дѣятелей Николаевскаго царствованія, графъ В. А. Перовскій по воспитанію и образованію своему принадлежалъ къ Александровскому времени. Это былъ человѣкъ высокихъ идеаловъ, сильныхъ страстей и великодушныхъ побужденій; но вмѣстѣ съ общими свойствами лучшихъ Александровскихъ людей было въ немъ много своеобразнаго и ему только принадлежавшаго: при необыкновенныхъ дарованіяхъ, при художественномъ складѣ сильнаго ума, графъ Перовскій отличался цѣльнымъ, самостоятельнымъ характеромъ, какихъ мало, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ собою людей прошлаго столѣтія. Его біографія должна быть предметомъ общепоучительнаго историческаго сочиненія. Но покамѣстъ, мы можемъ сообщить читателямъ Русскаго Архива лишь немногія свѣдѣнія объ его жизни.

Графъ Перовскій родился около 1795 г. (9 Февр.). Онъ получилъ воспитаніе въ Москвѣ, въ Муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Квартирмейстерскимъ прапорщикомъ при казацкихъ полкахъ, въ аріергардѣ второй Багратіоновской арміи, участвовалъ онъ въ Бородинскомъ бою. Французы задержали его 2 Сентября 1812 года на выѣздѣ изъ Москвы. Его записка о бѣдствіяхъ, которыя пришлось ему вынести, напечатана въ Р. Архивѣ 1865 года. Онъ видѣлъ страшный пожаръ Москвы и потомъ заточенъ былъ въ церкви Спаса на Бору. 17 Сентября его повели во Францію; въ Февралѣ 1814 года онъ очутился въ Орлеанѣ и бѣжалъ изъ плѣна (вмѣстѣ съ товарищемъ заключенія Петромъ Николаевичемъ Семеновымъ). Такимъ образомъ будущій государственный дѣятель прошелъ необыкновенную школу всяческихъ лишеній. По возвращеніи въ Россію, Перовскій причислился къ лейбъ-егерскому полку и, будучи въ тоже время офицеромъ Генеральнаго Штаба, состоялъ адъютантомъ при графѣ П. В. Кутузовѣ, вмѣстѣ съ которымъ сопровождалъ великаго князя Николая Павловича въ его образовательныхъ путешествіяхъ по Россіи и Европѣ. Тутъ началось сближеніе Перовскаго съ будущимъ Государемъ. Перовскій имѣлъ помѣщеніе въ Аничковскомъ дворцѣ. Въ началѣ 1818 года, онъ назначенъ директоромъ канцеляріи генералъ-инспектора инженеровъ, т. е. Николая Павловича и переѣхалъ жить въ Инженерный или Михайловскій замокъ (гдѣ занялъ бывшіе покои княгини А. П. Гагариной, на углу Садовой и Царицына луга). Около этого же времени, при дворѣ молодаго великаго князя появляется Жуковскій, пріятельски знакомый еще по Москвѣ съ старшимъ братомъ Перовскаго, Алексѣемъ Алексѣевичемъ (извѣстнымъ подъ псевдо-

нимомъ Погорѣльскаго). Тѣсная дружба соединила навсегда Жуковскаго и В. А. Перовскаго. Заболѣвъ въ 1822 году, Перовскій долго лѣчился въ Италіи, вернулся въ 1824 году и, будучи адъютантомъ Николая Павловича, исполнялъ его порученія во время междуцарствія и въ день 14 Декабря. Въ это роковое время онъ является однимъ изъ преданнѣйшихъ новому Государю лицъ. Извѣстно (по книгѣ барона Корфа), что была минута, когда народная толпа на Исакіевской площади, подучаемая мятежниками, вела себя неспокойно. За одно съ нѣкоторыми другими лицами, окружавшими Государя, Перовскій былъ предметомъ дерзкихъ выходокъ: ему нанесли ударъ въ спину полѣномъ. Въ 1828 г. Государь послалъ его изслѣдовать безпорядки въ Черноморіи; тутъ ему пришлось участвовать во взятіи Анапы, которую князь Меншиковъ громилъ со стороны моря. Затѣмъ Перовскій отправился къ Государю подъ Варну, гдѣ былъ раненъ въ лѣвую сторону груди, такъ что ему вырѣзывали пулю. Только что вылѣчившись, уѣхалъ онъ въ Италію къ умирающей племянницѣ Жуковскаго, А. А. Воейковой, съ которою соединяла его возвышенная дружба. Около 1830 г. Перовскій поступилъ въ директоры канцеляріи начальника Морскаго Штаба, т. е. князя Меншикова. Года черезъ три потомъ послѣдовало его назначеніе Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ на мѣсто графа Сухтелена. Тамошнему краю посвящена большая часть его дѣятельной службы. Послѣ Хивинскаго похода (1839), онъ на нѣкоторое время оставлялъ это губернаторство и, назначенный туда вторично, предпринялъ новый степной Ахмечетскій походъ, памятникомъ котораго остался такъ называемый фортъ Перовскій. Походъ этотъ продолжался съ Мая по Сентябрь 1853 года. Перовскій проложилъ для Россіи пути въ Среднюю Азію. Въ нынѣшнее царствованіе Перовскій пожалованъ въ графы. Тяжкая болѣзнь заставила его покинуть службу. Онъ скончался въ Крыму, въ Алупкѣ, 8 Декабря 1857 года и похороненъ въ приморской скалѣ Георгіевскаго монастыря.

Нѣкоторое понятіе объ его личныхъ качествахъ могутъ дать нижеслѣдующія посланіе къ нему въ стихахъ и письмо Жуковскаго, относящіяся къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ въ жизни Перовскаго, и собственное письмо его къ Ю. Ѳ. Самарину. *П. Б.*

I.

ПОСЛАНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ В. А. ПЕРОВСКОМУ.

(Писано послѣ 1818 года).

Товарищъ, вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сказался!
Къ любви душа была близка;
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала,
Опять о счастьи мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины!...

*
* *

Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой стороны,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ игравшимъ въ колыбели
Въ виду родительскихъ гробовъ.
Онъ небо узнаётъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой
Неизъяснимымъ упованьемъ,
Прискорбно-сладкимъ ожиданьемъ,
Невыразимою тоской.
Живымъ утраченное мнится,
Онъ снова гость минувшихъ дней,
И снова жизнь къ нему тѣснится
Всей милой прелестью своей....

*
* *

Таковъ былъ я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня незапно навѣстило,
Меня незапноуманило
На первобытный жизни лугъ:
Любовь мелькнула предо мною.
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,
И подъ рукой нетерпѣливой *)
Бывалый звукъ раздался въ ней!
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся какъ поэтъ!....

*
* *

Но удались, мой посѣтитель:
Не у меня тебѣ гостить!
Не мнѣ о жизни возвѣстить
Тебѣ, святой благовѣститель!

---

*) Вспомнимъ въ Посланіи А. С. Пушкина къ Жуковскому:
Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой....

Товарищъ, мной ты не забытъ;
Любовь друзей не раздружитъ.
Симъ несозрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу-ль передъ тобой?
Сравню-ль его съ твоимъ страданьемъ?

*
* *

Я вижу, молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираетъ,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ.
Давно веселости ужъ нѣтъ!
Гдѣ остроты пріятной живость,
Съ которой ты являлся въ свѣтъ?
Товарищъ грустный—молчаливость
Повсюду слѣдомъ за тобой.
Ты, молча, радостныхъ дичишься
И, къ жизни холоденъ, дружишься
Съ одной убійственной тоской,
Владѣльцемъ сердца одинокимъ....

*
* *

Мой другъ, съ участіемъ глубокимъ
Я часто на лицѣ твоемъ
Ловлю души твоей движенья:
Болѣзнь любви безъ утоленья
Изображается на немъ.
Сіе смятеніе во взорѣ,
Склоненномъ робко передъ *ней*;
Несвязность смутная рѣчей,
Въ желанномъ сердцу разговорѣ
Перерывающійся гласъ;
Къ тому что̀ окружаетъ насъ
Задумчивое невниманье;
Присутствія очарованье
И неприсутствія тоска;
И трепетъ, признакъ страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый гласъ издалека;
И это *все* что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно!

*
* *

На то мой жребій далъ мнѣ право!....
Но то, въ чемъ слабость бытія,
Должно-ли быть ему отравой?
Нѣтъ, милый, ободрись! Она

Столь восхитительна не даромъ:
Души глубокой чистымъ жаромъ
Сія краса оживлена.
Сей ясный взоръ—онъ не обманчивъ!
Не прелестью ума одной,
Онъ чувства прелестью приманчивъ.
Подъ сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло-сладостное слито
Съ сей оживленной красотой.
Въ ней что-то искреннее дышетъ,
И въ миломъ голосѣ *ея*
Довѣрчиво душа твоя
Какой-то звукъ знакомый слышитъ,
Всему, въ ней лучшему, родной,
Въ нее участіе ліющій
И безъ усилія дающій
Ей убѣжденье и покой.

*
* *

О ввѣрься жъ, другъ, *душѣ* прекрасной.
Уже-ль природою напрасно
Ей столько милаго дано?
Люби—любовь и жизнь одно!
Предайся *ей*, забывъ сомнѣнье
И жребій жизни соверши:
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души!

23-го Іюля.

II.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФУ В. А. ПЕРОВСКОМУ, ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ ВЪ РОССІЮ.

Мой милый Перовскій! Все что̀ гр. Т. разсказывала о послѣднемъ времени твоей жизни, наполнило благоговѣніемъ мое сердце. Нѣсколько мгновеній перемѣнили направленіе твоей жизни. Понимаю вполнѣ что̀ съ тобою было, и если бы можно было въ подобныхъ случаяхъ завидовать, сказалъ бы, что я тебѣ завидую. Кто провелъ нѣсколько ночей какъ ты, въ чтеніи Евангелія, передъ само̀ю присутствующею смертью, въ переборѣ прошедшаго, и кто дружился такъ какъ ты въ эти минуты со смертію, тотъ получилъ самое желанное, то что̀ мы никакими усиліями воли своей получить не можемъ,—получилъ *опытъ сердца*. Вѣра не иное что̀ какъ опытъ надъ нашимъ собственнымъ сердцемъ. Съ тобою случилось великое, которое дается немногимъ и, судя по словамъ ***, я нахожу, что ты, своимъ здравымъ умомъ, выбралъ именно тотъ путь, по которому ты наилучшимъ, наиболѣе свойственнымъ тебѣ образомъ, дойдешь къ той цѣли, которая такъ чудно была тебѣ указана самою смертью,

которая въ этомъ случаѣ была только временный посланникъ-изъяснитель Божіей воли. Это возвращеніе въ Оренбургъ, на прежній театръ дѣйствія, съ новымъ чувствомъ, съ новымъ взглядомъ свыше на земное, съ новыми понятіями о жизни, взятыми въ изустномъ наставленіи *смерти*, это смиреніе христіанйна и стремленіе исполнять волю Спасителя тамъ, гдѣ прежде дѣйствовало одно житейское честолюбіе—лучшей дороги ты выбрать не могъ для произведенія въ дѣйствіе того, что̀ тебѣ сказали тѣ святыя почи ожиданія смерти, въ которыхъ изъ Своего Евангелія говорилъ тебѣ твой Спаситель. Ты человѣкъ практическій; для размышленія тебѣ довольно одного Евангелія и, можетъ быть, еще немногихъ книгъ. Возьми съ собою своего Спасителя въ земную дѣятельность; пусть будетъ Онъ съ тобою на Оренбургскомъ губернаторствѣ. Будь вездѣ и во всемъ Онъ съ тобою: изъ этого выдетъ наконецъ миръ сердца, и въ свое время возобновятся для тебя тѣ святыя ночи, которыя такъ благостно были Самимъ Богомъ тебѣ ниспосланы, но въ которыя уже смерть тебя не обманетъ, а возметъ на свои руки, къ утѣшенію всѣхъ, кто пойметъ подобное таинство.

Я ѣду скоро, то есть черезъ недѣлю, въ Россію. Пишу къ тебѣ съ закрытыми глазами, которые у меня разболѣлись. Въ Отечествѣ, можетъ быть увидимся, хотя трудно мнѣ сообразиться, чтобы ты могъ оставить то мѣсто, которое теперь самъ себѣ выбралъ, и нельзя желать, чтобы ты его оставилъ. Наша жизнь давно развела насъ. Теперь, на старости, разными путями попали мы на одну дорогу. Заведемъ въ Россіи переписку, разъ въ мѣсяцъ, страницу или двѣ; кажется, дѣло сбыточное! Правда? А увидишь, что не сбудется! Прощай!

Жуковскій.

P. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ въ дополненіе сказанному. Ты не созданъ для контемплятивной жизни, хотя все подобное весьма доступно уму твоему. Если ты, вслѣдствіе того что̀ было съ тобою, захочешь насильственно предаться внутренней жизни, ты только надорвешь душу и ни къ чему не достигнешь. Твоя душа созрѣла на боевомъ полѣ жизни. Туда перенеси и внутреннюю жизнь ея. Какъ возвысится теперь все то, что̀ прежде дѣлалось въ смыслѣ одного долга и что̀ теперь будетъ дѣлаться въ смыслѣ того же долга, но уже не сухаго, земнаго, а превращеннаго въ смиренную покорность Спасителю! Къ этому можно присоединить правило St. François de Sales: Sentez, mais ne consentez pas *). Мало ли что осаждаетъ нашу душу! Мы не можемъ не чувствовать того, что̀ само собою входитъ въ наше сердце; но мы всегда можемъ съ нимъ не соглашаться. Въ такомъ случаѣ всякое дурное чувство становится намъ чуждымъ, становится только испытаніемъ души, полезнымъ ей какъ гимнастика тѣлу.

Не вздумай, чтобы я принималъ роль твоего наставника. Хорошъ гусь! Нѣтъ, а говорить о такомъ предметѣ именно съ тобой будетъ мнѣ къ добру: самого себя лучше узнаешь; а знать самого себя значитъ бить себя по щекамъ ежеминутно.

Баденъ
Іюль 1851.

---

*) Чувствуйте, но не увлекайтесь чувствомъ.

III.

Письмо В. А. Перовскаго къ Ю. Ѳ. Самарину.

29 Марта 1849.

Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie. Afin que vous ne soyez pas choqué de la familiarité de la mienne, je dois vous expliquer par écrit ce que je vous aurais dit de vive voix, si vous m'aviez trouvé le jour où vous m'avez fait l'amitié de venir me voir *). Je vous aurais dit que pour moi, sans que vous vous en soyez douté, vous n'avez jamais été que Юша, l'enfant de parents que je connais et que j'aime depuis trente ans, et qui, j'en étais sûr, ont gardé de moi un souvenir amical. Vous ne m'avez jamais été чужой; j'ai souvent pensé à vous, et c'est avec intérêt et plaisir que j'apprenais d'abord la manière distinguée avec laquelle vous aviez achevé vos études, et plus tard, l'usage que vous faisiez des connaissances acquises, ainsi que vos efforts pour en acquérir de nouvelles. Ajoutez à cela, qu'à votre réussite (toujours sans que vous vous en doutiez le moins du monde) j'attachais une espèce d'amour-propre: comme enfant vous m'étiez sympathique, et alors déjà moi, partisan de Lavater, je m'étais promis pour vous tout le bon que vous avez tenu depuis. Après cela vous comprendrez, cher ami, что меня благодарить не за что; съ моей стороны ларчикъ просто открывался. J'espère que votre modestie n'ira pas jusqu'à la désobligeance; vous ne supposerez pas que je vous flatte. Malgré mon incapacité à faire des phrases, j'en aurais trouvé de mieux tournées. Vous m'avez donné trente ans pour les préparer. Adieu, mon cher Georges; veuillez me mettre aux pieds de madame votre mère et en même temps dire à votre père que mon amitié une fois donnée, je n'y fais plus de soustraction; votre lettre me confirme dans la persuasion que de sa part il en est de même.

Votre dévoué B. Peroffsky.

Переводъ. 27 Марта 1849. Я получилъ письмо ваше и благодарю васъ за него. Чтобы не удивила васъ фамиліарность нижеслѣдующихъ строкъ, нужно мнѣ объяснить вамъ письменно то, что̀ я передалъ бы вамъ словесно, если бы вы застали меня дома въ тотъ день, когда оказали мнѣ дружбу навѣстивъ меня. Я сказалъ бы вамъ, что безъ вашего вѣдома вы для меня всегда были Юшею, сыномъ людей, которыхъ я знаю и люблю уже тридцать лѣтъ, и которые, я былъ увѣренъ, сохранили обо мнѣ дружеское воспоминаніе. Вы никогда не были мнѣ чужой. Я часто думалъ о васъ, съ участіемъ и удовольствіемъ узнавалъ сначала о томъ, какъ отлично кончили вы ученіе, потомъ, какое употребленіе сдѣлали вы изъ пріобрѣтенныхъ познаній и какъ

*) В. А. Перовскій выразилъ самое искреннее участіе Самарину во время заключенія его въ Петропавловской крѣпости (по поводу Рижскихъ писемъ). Самаринъ, узнавъ объ этомъ, немедленно по освобожденіи, поѣхалъ къ Перовскому, но не засталъ его дома и написалъ ему письмо, въ отвѣтъ на которое и получилъ вышенапечатанное.

стараетесь пріобрѣсти новыя. Прибавьте къ этому, что (опять таки безъ малѣйшаго вашего вѣдома) слухъ о вашихъ успѣхахъ нѣкоторымъ образомъ льстилъ моему самолюбію: я питалъ къ вамъ сочувствіе, когда вы были еще ребенкомъ и, будучи приверженцемъ Лафатера, я тогда уже ласкалъ себя мыслію о всемъ добромъ, что потомъ сдѣлалось вашимъ достояніемъ. Послѣ этого, любезный другъ, вы поймете, что меня благодарить не за что; съ моей стороны ларчикъ просто открывался. Надѣюсь, что скромность ваша не доведетъ васъ до неучтивости: вы не подумаете, что я вамъ льщу. Не смотря на то, что я неспособенъ говорить то чего не думаю, я все таки съумѣлъ бы лучше придумать фразы: вы мнѣ дали тридцать лѣтъ сроку, чтобы приготовить ихъ. Прощайте, мой любезный Юрій. Передайте мое почтеніе вашей матушкѣ и скажите отцу вашему, что разъ я съ кѣмъ подружился, то сохраняю дружбу безповоротно. Письмо ваше меня удостовѣряетъ, что и съ его стороны тоже самое.

Преданный вамъ **Перовскій.**

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

На оберткѣ первой тетради Русскаго Архива вмѣсто: «княгинею Е. Э. Бѣлосельскою-Бѣлозерскою» слѣдуетъ: «княгинею Е. Э. Трубецкою, урожденною Бѣлосельскою-Бѣлозерскою».

Къ стр. 159-й. Домомъ, нынѣ принадлежащимъ К. Т. Солдатенкову (на Мясницкой), владѣла не «пріятельница (какъ сказано) графа Ѳ. Г. Орлова, а Екатерина Александровна Ярославова, рожд. Павлова, родная сестра княгини М. А. Львовой (у Долгор. ч. I, стр. 188. № 121). Мужъ Екатерины Александровны былъ Тихонъ Александровичъ Ярославовъ, вступившій въ службу въ 1761., бригадиръ (1 Янв. 1786), поручикъ правителя Саратовскаго намѣстничества (какъ показано въ мѣсяцесловѣ на 1789 годъ), и умершій въ чинѣ д. с. с. до 1807 года. Покойница была женщина набожная, добродѣтельная, дѣлала много добра и своимъ и чужимъ.

На стр. 327-й при имени В. А. Муханова (№ 37-й) слѣдуетъ добавить: «умеръ 27 Ноября 1876».

На стр. 329-й при имени Николая Сергѣевича Муханова, вмѣсто 1852 года надо поставить годомъ его кончины 1862.

Первый стихъ въ вышенапечатанномъ Посланіи С. Т. Аксакова къ А. Н. Казначееву, долженъ читаться такъ:

«Ахъ сколь ошиблись мы съ тобой, любезный другъ!»

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ ШКОЛА

въ 1878 г. (годъ десятый).

Журналъ одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1878 г. ежемѣсячными книжками, отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ убористаго шрифта, при ближайшемъ и постоянномъ сотрудничествѣ *В. А. Евтушевскаго* и *А. П. Пятковскаго*, по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какъ издавалась она въ теченіи 9 лѣтъ. Журналъ занимается спеціально разработкою вопросовъ, относящихся къ народной школѣ, а равно и къ начальному обученію и воспитанію вообще. Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ журналѣ многихъ другихъ литераторовъ и педагоговъ, а также и земскихъ дѣятелей, практически знакомыхъ съ условіями и потребностями народного образованія.

Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями (куда входятъ политическія извѣстія для народныхъ учителей, чтенія для народа и пр.), четыре рубля пятьдесятъ коп., съ пересылкою и доставкою. Подписка принимается: для иногородныхъ *исключительно* въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, 6 линія, № 25; для городскихъ же подписчиковъ, сверхъ означеннаго адреса, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Содержаніе перваго (январскаго) нумера «Народной школы» за 1878 г. слѣдующее:

1) Нашимъ читателямъ, отъ редакціи. 2) Законодательство и Высочайшіе рескрипты. 3) Вліяніе антигигіенической школьной обстановки на здоровье дѣтей, статья *И. Фленко.* 4) Къ вопросу объ обязательности первоначальнаго обученія (сводъ мнѣній народныхъ учителей). 5) Инородческія школы въ Россіи, *Н. Домоховскаго.* 6) Библіографія (разборъ двухъ книгъ) *В. Ф. Б.* 7) Новости и смѣсь (педагогическая хроника и разныя извѣстія). 8) Политическія извѣстія для народныхъ учителей (Взятіе Плевны и пр.). Къ книжкѣ приложенъ портретъ покойнаго редактора—издателя «Народной школы», Ѳ. Н. Мѣдникова.

Редакторы—издатели: *В. Евтушевскій. А. Пятковскій.*

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОНОГРАФІИ и КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

„ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ".

въ двухъ томахъ.

Второй томъ посвященъ весь исторіи русской журналистики (1703—1838 г.).

Благопріятные отзывы: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Пб.» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», и «Педагогическомъ Музеѣ». Цѣна за два тома, объемомъ ококо 50 печат. листовъ. 3 р. 50 коп., вѣс. 4 ф. Книга рекомендована для гимназическихъ библіотекъ особымъ циркуляромъ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа. Складъ по Банковской линіи, № 25.

Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изданіе 3-е, подъ редакціей **А. П. Пятковскаго**, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Одобрено: учен. комитетомъ мин. нар. пр., учебн. комитетомъ IV-го отд. собств. Е. И. В. канцеляріи и главн. управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ И. И. Глазунова, по Бол. Садовой. Цѣна 1 р. 25 коп., вѣс. 1 ф. Осталось незначительное число экземпляровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: *Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ шестнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878. 4.

СОДЕРЖАНІЕ

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной
1878.

Письма Екатерины Второй къ ея сватьѣ Гессенъ-Дармштадской ландграфинѣ Каролинѣ.

Заимствуемъ эти письма изъ перваго тома книги, вышедшей въ 1877 г. въ Вѣнѣ: Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen, herausgegeben von Dr. Ph. A. F. Walther, Director der Hofbibliothek und der Cabinet-Sammlungen in Darmstadt. 2 Bände. Кромѣ писемъ 3, 4, 6, 9 и 12-го, на которыхъ только подпись Государыни, остальныя писаны своеручно. Письмо третье уже было напечатано барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ въ превосходномъ по его точности трудѣ его: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II-й» (Русскій Вѣстникъ 1870 и 1871 годовъ). Во второй части этого труда подробно изложена первая свадьба великаго князя Павла Петровича, къ которой относятся нижеслѣдующія письма Екатерины. Читатели Русскаго Архива уже нѣсколько знакомы съ книгою, изъ которой извлечены эти письма (см. выше, стр. 192).

Ландграфиня Гессенъ - Дармштадская Каролина (1721 † 1774) — родная прабабка императрицы Александры Ѳеодоровны, отецъ которой, король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III-й, по матери своей, Луизѣ Гессенъ-Дармштадской, былъ внукомъ ландграфини. Супругъ сей послѣдней, ландграфъ Людвигъ IX-й, — родной прадѣдъ Государыни Императрицы Маріи Александровны. Ландграфиня Каролина, по уму и образованію, была одною изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ въ Германіи. Сосѣдство съ Франціею и поѣздки въ Парижъ ввели ее въ сношенія съ представителями тогдашняго просвѣщенія. Въ ней соединялась Нѣмецкая основательность съ Французскимъ оживленіемъ. О нравственныхъ ея качествахъ свидѣтельствуютъ отлично воспитанныя пять дочерей, изъ коихъ старшую выдала она за ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, другую за герцога Саксенъ-Веймарскаго (это теща великой княгини Марьи Павловны), а послѣдняя дочь вышла за мужъ уже послѣ ея кончины за маркграфа Баденскаго и была матерью нашей императрицы Елисаветы Алексѣевны. Екатерина II-я была разборчива въ людяхъ. Она знала, съ кѣмъ ей вступить въ родство, и напрасно думать, что первая свадьба ея сына была только дѣломъ Фридриха Великаго, хотя, конечно, она сулила ему выгоды, такъ какъ его племянникъ и наслѣдникъ былъ женатъ на родной сестрѣ нашей Натальи Алексѣевны и хотя самъ онъ сознается въ Запискахъ своихъ, что съ его стороны дѣло это не обошлось безъ происковъ и каверзъ (menées et intrigues). Екатерина писала въ Москву князю Волконскому про ландграфиню Каролину, что она «человѣкъ души твердой и rien moins qu'une commère», т. е. вовсе не сплетница (XVIII-й Вѣкъ I, 96). Екатерина-мать и Екате-

рина-государыня была одинаково затронута супружествомъ Павла Петровича. Чтобы лучше понимать тогдашнія отношенія, слѣдуетъ припомнить, что именно въ это время состоялся раздѣлъ Польши, а въ самый день бракосочетанія великаго князя пронеслась вѣсть о появленіи Пугачева. Какъ поведетъ себя, какъ будетъ обставленъ и подъ какими вліяніями очутится совершеннолѣтній и уже женатый правнукъ Петра Великаго, было на ту пору дѣломъ величайшей важности. П. Б.

1.

St. Pétersbourg, 24 Janvier 1773.

Madame ma cousine. C'est avec bien du plaisir que j'ai vue par la lettre de votre altesse du 15 Janvier que l'envoi de mon portrait que vous avez désiré, madame, vous ait causé du contentement. Je passe sur tout ce que vous voulez bien me dire de flatteur en cette occasion; mais si ce portrait est ressemblant, il exprimera à votre altesse les sentiments d'estime que j'ai conçue pour elle, et il lui dira le désir que j'ai de faire sa connaissance. C'est avec satisfaction que je vois ce temps agréable pour moi s'approcher. Soyez assuré, madame, que ce me sera une occupation bien douce que celle de vous témoigner la sincérité des sentiments avec lesquels je suis, madame ma cousine, de votre altesse la bonne cousine et amie Catérine.

Переводъ. С.-Петербургъ, 24-го Января 1773 года. Государыня-сестрица. Изъ письма вашей свѣтлости отъ 15-го Января я съ большимъ удовольствіемъ увидѣла, что вы остались довольны присылкою моего портрета, который вы желали имѣть. Не упоминаю обо всемъ, что̀ вамъ угодно было при этомъ случаѣ сказать мнѣ лестнаго. Если въ этомъ портретѣ есть сходство, то онъ выразитъ вашей свѣтлости чувства уваженія, которыя я возымѣла къ вамъ, и выкажетъ мое желаніе съ вами познакомиться. Я съ удовольствіемъ вижу приближеніе этого пріятнаго для меня времени. Увѣряю васъ, что для меня будетъ по истинѣ сладостнымъ стараться доказать вамъ искренность чувствъ, съ которыми я пребуду, государыня-сестрица, вашей свѣтлости добрая сестра и другъ Екатерина.

2.

Czarskoe Sélo, 28 Avril 1773.

Madame ma cousine. Dès que la saison l'a permis, je n'ai rien de plus pressé que d'expédier mes vaisseaux à Lubeck. Ils y ont mené par le général-major Rehbinder qui a ordre de ma part non seulement d'envoyer cette lettre à votre altesse pour l'informer de leur arrivée dans ce port, mais aussi que je l'ai nommé pour vous accompagner, madame, si vous le lui permettez, jusque dans mes états. Venez, madame, venez, je vous attends avec impatience; soyez assurée du vif désir que j'ai de vous voir avec les trois princesses vos filles dans ma cour dont vous allez faire les délices. Je me fais une fête de vous y

recevoir, de faire votre connaissance et de vous donner des marques de mon empressement à vous témoigner l'estime et l'amitié, avec laquelle je suis, madame ma cousine, de votre altesse la bonne cousine Catérine.

Переводъ. Царское Село, 28-го Апрѣля 1773 года. Государыня-сестрица. Какъ только время года позволило, я поспѣшила послать мои корабли въ Любекъ. Ихъ повелъ туда генералъ-маіоръ Ребиндеръ, который получилъ отъ меня приказаніе не только доставить вашей свѣтлости это письмо, но и увѣдомить васъ о прибытіи ихъ въ эту гавань и о томъ, что я его назначила сопровождать васъ, если вы позволите, до моихъ владѣній. Пріѣзжайте, пріѣзжайте, я ожидаю васъ нетерпѣливо. Будьте увѣрены въ моемъ горячемъ желаніи видѣть васъ вмѣстѣ съ тремя принцессами вашими дочерьми, при моемъ дворѣ, котораго вы сдѣлаетесь украшеніемъ. Для меня будетъ праздникомъ принять васъ у себя, познакомиться съ вами и доставить вамъ доказательства моей готовности изъявить вамъ мое уваженіе и дружбу, съ которыми пребуду, любезная сестра, вашей свѣтлости добрая сестра Екатерина.

3.

Czarskoe Sélo, 21 Mai 1773.

Madame ma cousine. J'ai été extrêmement sensible à tout ce que votre altesse a bien voulu me dire d'obligeant dans la lettre, datée de Potsdam du 14 Mai, par laquelle elle m'annonce son heureuse arrivée dans cette ville. Mes yeux sont tournés vers la mer; je prie Dieu qu'il bénisse votre trajet et que ce trajet ne nuisse point à votre santé et à celle des princesses vos filles. Rien, assurément, ne saurait m'être et plus flatteur et plus agréable que la confiance que vous me témoignez, madame. Dès à présent, je prie votre altesse d'être assurée qu'elle trouvera en moi le vif désir de cultiver cette confiance, de l'augmenter et de lui témoigner, en toute occasion, les dispositions où je me trouve de lui donner des preuves de mon estime et de mon amitié. Mon chambellan, le baron Czerkassof, qui aura l'honneur de vous remettre, madame, cette lettre, a l'ordre se ma part de l'en assurer. Je vous prie d'ajouter entièrement foi à ce qu'il vous dira; je l'ai choisi entre bien d'autres aspirants comme un homme sûr, qui m'est connu depuis longtemps par son attachement pour ma personne, par son coeur droit et son esprit dégagé des préjugés. Il ne fera que répéter à votre altesse les sentiments que j'ai tant d'envie de lui montrer et avec lesquels je suis etc.

Переводъ. Царское Село, 21-го Мая 1773 года. Государыня-сестрица. Я чрезвычайно признательна вамъ за все то, что́ вашей свѣтлости угодно было такъ обязательно высказать въ письмѣ изъ Потсдама отъ 14-го Мая, въ которомъ вы увѣдомляете меня о вашемъ благополучномъ прибытіи въ этотъ городъ. Мои взоры обращены къ морю. Я прошу Бога, чтобъ Онъ благословилъ вашъ путь и чтобы путь этотъ не причинилъ вреда какъ вашему, такъ и принцессъ дочерей вашихъ здоровью. Ничто, конечно, не можетъ быть

для меня пріятнѣе и лестнѣе той довѣренности, которую вы мнѣ оказываете. Съ сего времени я прошу вашу свѣтлость быть увѣренною, что вы найдете во мнѣ горячее желаніе поддержать и удвоить эту довѣренность, а также выразить вамъ при всякомъ случаѣ, что я готова доказать вамъ мое уваженіе и дружбу. Мой камергеръ баронъ Черкасовъ, который будетъ имѣть честь вручить вамъ это письмо, получилъ отъ меня приказаніе засвидѣтельствовать это. Прошу васъ вѣрить вполнѣ тому, что́ онъ скажетъ. Изъ многихъ желавшихъ я выбрала его, какъ человѣка надежнаго и давно мнѣ извѣстнаго по своей преданности къ моей особѣ, по прямотѣ сердца и по уму свободному отъ предразсудковъ. Ему остается только повторить вашей свѣтлости тѣ чувства, которыя я такъ желаю вамъ заявить и съ которыми я остаюсь и пр.

4.

Czarskoe Sélo, 9 Juin 1773.

Madame ma cousine. J'ai vu avec la plus grande satisfaction, par la lettre que votre altesse a bien voulu m'écrire le 6 (17) Juin, qu'elle est heureusement arrivé au port de Revel. Je ne saurai vous dépeindre, madame, les inquiétudes que j'ai ressentie lorsque le vent vous était contraire, ou qu'il me paraissait trop fort. Dieu merci que toutes ces difficultés sont surmontées. Je souhaite d'entendre que votre santé et celle des princesses vos filles n'en ait point souffert. Le capitaine Krouse et le général Rehbinder ont rempli leurs devoirs dès que vous êtes contente d'eux, madame. C'est avec impatience que j'attends le moment où j'aurai le plaisir et l'agrément de vous voir et de faire votre connaissance et celle de vos aimables princesses. C'est alors, madame, que je pourrai satisfaire mon coeur en témoignant à votre altesse toute l'étendue de l'estime et d'amitié, avec lesquels je suis etc.

Переводъ. Царское Село, 9-го Іюня 1773 года. Государыня-сестрица. Къ величайшему моему удовольствію я узнала изъ письма, которое вашей свѣтлости угодно было написать ко мнѣ изъ Потсдама отъ 6-го (17-го) Іюня, что вы благополучно прибыли въ Ревель. Не могу вамъ описать безпокойство, которое я испытывала въ то время, когда дулъ или неблагопріятный вамъ или, какъ мнѣ казалось, слишкомъ сильный вѣтеръ. Благодаря Бога, всѣ эти затрудненія миновались. Мнѣ хотѣлось бы услышать, что здоровье ваше и принцессъ дочерей вашихъ отъ этого нисколько не потерпѣло. Капитанъ Крузе и генералъ Ребиндеръ хорошо исполнили свои обязанности, коль скоро вы остались ими довольны. Ожидаю съ нетерпѣніемъ минуты, когда буду имѣть удовольствіе и радость видѣть васъ и познакомиться съ вами и принцессами дочерьми вашими. Тогда только мнѣ возможно будетъ удовлетворить желанію моего сердца и выразить вамъ все уваженіе и дружбу, съ которыми я остаюсь и пр.

Умнѣйшая женщина привезла въ Россію трехъ дочерей на выборъ наслѣднику Русскаго престола. Екатерина отлично приняла ихъ. Вторая принцесса Вильгельмина (1755 † 1776), была немедленно выбрана, несмотря на то, что Екатерина, знакомясь съ нею по описанію своего повѣреннаго барона Ассебурга, уже подозрѣвала ее въ честолюбіи: противъ того мѣста въ донесеніи барона Ассебурга, гдѣ онъ говоритъ, что принцесса не любитъ тан-

цевъ, игоръ и общества подругъ, Екатерина замѣтила: „Я увѣрена, что эта всѣхъ честолюбивѣе. Кто ни въ чемъ не принимаетъ участія и ничѣмъ не забавляется, тотъ снѣдаемъ честолюбіемъ. Это неопровержимая истина“. Какія потомъ возникли отношенія между державною свекровью и невѣсткою, свидѣтельствуетъ Англійскій посланникъ Гуннингъ въ депешѣ своему правительству, отъ 18 Апрѣля ст. ст. 1774 года: „Императрица недавно высказала, что она обязана великой княгинѣ за то, что ей возвращенъ ея сынъ. Она никогда не пропускаетъ случая приласкать эту принцессу, которая, обладая даже меньшимъ умомъ, чѣмъ великій князь, пріобрѣла однако надъ нимъ сильное вліяніе и, кажется, до сихъ поръ весьма успѣшно исполняетъ наставленія, несомнѣнно данныя ей ея матерью“ (Сборн. Истор. Общ. XIX, 410). Въ теченіи трехлѣтняго великокняжества Натальи Алексѣевны произошелъ первый раздѣлъ Польши, разыгралась и была усмирена Пугачевщина, заключенъ славный миръ съ Турками и возобладалъ князь Потемкинъ. П. Б.

5.

(Безъ числа и мѣста).

Le comte Solms, madame, m'avait prié à Péterhoff au nom du roi de Prusse de lui envoyer les plans de Czarskoe Sélo. On vient dans ce moment de m'apporter ces plans tout achevés. Je ne sais, madame, si j'ose vous prier de les emporter avec vous. Si vous les trouvez trop volumineux, renvoyez-les moi, sans autres formes ni façon; mais, si vous les prenez avec vous, je vous prie, madame, de les remettre au roi de ma part. Ils ne sauraient être présentés à sa majesté sous de meilleures auspices et ils lui plairont mieux les recevant de vous, madame, qu'il aime et chérit, en quoi je le seconde bien sincérement.

Переводъ. (Безъ числа и мѣста). Графъ Сольмсъ, въ Петергофѣ, просилъ меня именемъ короля Прусскаго прислать ему планы Царскаго Села. Сію минуту мнѣ принесли эти планы совсѣмъ оконченные. Не знаю, ваша свѣтлость, могу ли я позволить себѣ обратиться къ вамъ съ просьбою взять ихъ съ собою. Если вы ихъ найдете слишкомъ объемистыми, то возвратите мнѣ безо всякихъ церемоній; если же возьмете ихъ съ собою, то я попрошу вашу свѣтлость передать ихъ отъ меня королю. Нельзя выбрать для этой передачи болѣе удобнаго случая, и они тѣмъ болѣе ему понравятся, что онъ получитъ ихъ отъ васъ: онъ васъ нѣжно любитъ и уважаетъ, въ чемъ я искреннѣйше ему сочувствую.

Ландграфиня уѣхала изъ Петербурга 15 Октября 1773 г., получивъ кромѣ подарковъ 100 т. и 20 т. р. на дорогу, а каждая изъ дочерей по 50 т. р.

6.

(Безъ мѣста) 16 Octobre 1773.

Madame ma cousine. J'ai voulu laisser passer la triste journée d'hier avant que de répondre à la lettre que m-r de Ratzamhausen m'a remis de la part de votre altesse. Je commencerai par vous parler de votre fille. Dès que j'ai su que vous étiez partie, je m'en allais chez elle. Je la trouvais qui se peignait. Elle était fort triste, mais elle ne pleurait pas. Il semble qu'elle souffre intérieurement. J'aimerais mieux qu'elle eût pleuré, car cela soulage. J'ai tâché de la dissiper autant que j'ai pu pendant la journée. Sa sante est bonne. On voulait jouer

une tragédie; mais, comme nous avions tout besoin d'être égayé, j'ai ordonné qu'on nous donna une comédie. Nous avions dîné ensemble et comme la comédie finit à 7 heures hier, nous avons fait un berlan ensemble, et le prince Bélosselsky nous a encore servi de ressource tout comme avant-hier. Il faut avouer que sans lui nous n'aurions guére ri à notre partie de whist, madame, ce soir-là. Extrêmement sensible à tout ce que vous me dites dans votre lettre et à l'amitié et l'attachement que vous me marquez et me promettez. Soyez assurée de la réciprocité de ce que je sens, madame; mais permettez aussi que je ne vous dise que cela et que je n'entre dans aucun détail là-dessus, crainte de nous déchirer le coeur à toutes les deux. Il me semble que nous avons fait de part et d'autre nos preuves de sensibilité et que nous nous connaissons assez pour nous en croire sur ce point-là comme sur bien d'autres. La grande-duchesse m'a envoyée, pendant la journée, les papiers du landgrave de Hombourg. Vous mė pardonnerez, madame, de ne les avoir pas lus encore, de même que toutes les autres lettres que votre altesse m'a fait remettre hier: j'étais trop remplie le vous, madame, et de mes vifs regrets sur votre départ pour pouvoir m'occuper et pour avoir de l'attention pour autre chose. Je n'ai lu que la liste que votre altesse avait ajoutée à sa lettre. Tous les points en seront remplis. Puissé-je par là vous donner une faible marque du désir que j'ai de vous marquer, en toute occasion, la plenitude de l'amitié que vous m'avez inspirée et qui est jointe à l'estime et à la haute considération avec laquelle je necesserai d'être la bonne cousine et sincère amie Catérine.

J'espère, madame, que l'incluse vous fera plaisir. Je vous prie, madame, de faire mille amitié de ma part aux princesses et de saluer les dames et cavaliers de votre suite. La belle de mr. de Schrautenbach, désespérée de son départ, apparémment, n'a pas parue au spectacle d'hier. Je crains que, s'il ne l'a pas enlevée, chose dont je ne suis pas encore bien sûre, elle se jette à corps perdu daus uncouvent; la voilà déjà en retraite.

Переводъ. (Безъ мѣста) 16-го Октября 1773 года. Государыня-сестрица. Я хотѣла пропустить печальный вчерашній день, прежде чѣмъ отвѣчать на письмо, доставленное мнѣ г. Рацамгаузеномъ отъ вашей свѣтлости. Начну письмо мое съ вашей дочери. Какъ только я узнала, что вы уѣхали, я отправилась къ ней и застала ее за прической. Она была печальна, но не плакала. Кажется, она страдаетъ про себя. Лучше было бы, еслибъ она плакала, потому что это облегчаетъ. Я старалась въ продолженіи дня, сколько могла, разсѣять ее. Здоровье ея хорошо. Хотѣли играть трагедію, но такъ какъ всѣмъ намъ нужно было нѣсколько развеселиться, то я приказала представить комедію. Мы пообѣдали вмѣстѣ, представленіе кончилось въ 7 часовъ, и потому мы съиграли партію въ берланъ. Князь Бѣлосельскій всѣхъ насъ забавлялъ, какъ и третьяго дня. Нужно признаться, что, не будь его въ этотъ вечеръ, мы немного смѣялись бы за нашей партіей виста. Я край-

не тронута всѣмъ, что̀ ваша свѣтлость говорите мнѣ въ вашемъ письмѣ, вашей дружбой и привязанностью, которыя вы мнѣ выказываете и обѣщаете. Будьте увѣрены, ваша свѣтлость, въ моей взаимности; но позвольте также ограничиться этими словами и не входить въ подробности объ этомъ предметѣ, изъ опасенія, чтобы у обѣихъ насъ не кольнуло въ сердцѣ. Мнѣ кажется, мы обѣ представили ручательства нашихъ чувствъ и познакомились достаточно, чтобы вѣрить другъ другу какъ въ этомъ, такъ и во многомъ другомъ. Великая княгиня прислала мнѣ въ теченіи дня бумаги ландграфа Гомбургскаго. Вы простите меня, ваша свѣтлость, что я еще не прочла ихъ, также какъ и другія письма, которыя, по вашему приказанію, переданы мнѣ вчера: я была слишкомъ переполнена мыслью объ васъ и живѣйшей горестью о вашемъ отъѣздѣ, чтобъ заниматься чѣмъ нибудь и обращать вниманіе на что нибудь другое. Я прочла только списокъ, который вы приложили къ вашему письму. Все будетъ пунктуально исполнено. Я бы желала дать хотя слабое выраженіе моего старанія оказывать вамъ, во всѣхъ обстоятельствахъ, ту полную дружбу, которую вы мнѣ внушили и которая соединяется съ уваженіемъ и глубокимъ почтеніемъ, съ которымъ я остаюсь доброй сестрой и искреннимъ другомъ. Екатерина.

Я надѣюсь, ваша свѣтлость, что приложеніе къ этому письму доставитъ вамъ удовольствіе. Прошу вашу свѣтлость передать отъ меня тысячу привѣтствій принцессамъ и поклонъ дамамъ и кавалерамъ вашей свиты. Дама сердца г-на Штраутенбаха, пришедши повидимому въ отчаяніе отъ его отъѣзда, не показывалась во вчерашнемъ спектаклѣ. Я боюсь, что если онъ ея не увезетъ (въ чемъ я еще не совсѣмъ увѣрена), то она съ отчаянія бросится въ монастырь; она уже и теперь пребываетъ въ уединеніи.

7.

Czarskoe Sélo, 10 Novembre 1773.

Madame ma cousine. Je commence ma lettre par féliciter votre altesse de tout mon coeur de l'heureux accouchement de madame la princesse de Prusse. Je suis fort aise que ce soit un prince. Vous connaissez, madame, mon goût décidé pour les garçons. Je vous prie de faire mille amitié de ma part à madame votre fille. Après ce début qui satisfait mon coeur, je dois dire à votre altesse, que le baron Czerkassof, qui ne se hâte jamais que lentement, n'a remis la lettre qu'elle m'à bien voulu écrire de Riga, que quinze jours après que vous avez quitté mes états; elle ne m'en a été pas moins chère. J'y ai vue avec plaisir que vous étiez contente de lui, madame, et que les mauvais chemins et les incommodités de la route n'avaient point altéré votre santé, ni changé votre façon de penser à mon égard. Je vois d'un bout à l'autre de cette lettre retracée tous les sentimens d'amitié que votre altesse n'a cessé de me marquer pendant son séjour à ma cour. Je vous promets bien sincerement, madame, le plus parfait retour. Nous nous entretenons journellement de votre altesse, de l'agrément et de la sûrete de sa société. Elle a emporté l'estime générale, et chacun vous respecte comme vous le méritez. Votre fille se porte bien. Elle est

toujours douce et aimable, comme vous la connaissez. Son mari l'adore; il ne fait que la louer et recommander; je l'écoute et j'étouffe de rire quelquefois, parce qu'elle n'a pas besoin de recommandation. Sa recommandation est dans mon coeur; je l'aime, elle mérite de l'être, et j'en suis extrêmement contente. Aussi faudrait-il vouloir chercher prise furieusement et être plus qu' une commère pour n être pas aussi satisfaite de cette princesse que je le suis et que je vous dis, madame, parce que cela est vrai? Je l'ai prié de s'appliquer à la langue russe; elle me l'a promis. Enfin notre ménage va joliment. Nos enfants paraissent enchanté d'être venu hier à la campagne avec moi. Le prince votre fils y est aussi. Tous les jeunes gens me font faire le soir diable à quatre, ou si vous voulez, c'est moi qui leur fais cette douce violence. Je suis bien aise, madame, d'être encore de votre avis sur le compte de la Julie Mengden; j'ai toujours dit que cela n'était pas une fille tout à fait ordinaire. La belle de m-r de Strautenbach est enlaidie depuis son départ; peut-être les excursions, faites par lui en Livonie, sont-elles parvenues jusqu'à la region élevée que la belle habite et lui ont-elles donné du chagrin. Je vous suis bien redevable, madame, pour ce que vous me dites au sujet de mon vieil ami le général Brown, qui m'est bien attaché de coeur. Le témoignage, que notre altesse a la bonté de donner à la province, restera dans mon souvenir, et surtout m'en reviendrai-je lorsqu'ils seront rétifs vis-à-vis de moi mal à propos, car voilà comme sont les hommes. Ce n'est pas toujours la raison qui les gouverne. A la première distribution de l'ordre de Saint-Alexandre, vos protégés, madame, seront du nombre. Je n'ai qu'une seule réflexion à faire sur le mémoire des conseillers du landgrave de Hombourg, qui est que la Courlande est un duché indépendant et fief de la Pologne. J'ai appuyé la famille de Biron et n'ai aucune raison de l'abandonner. Mille amitié, madame, de ma part aux princesses. Je salue votre suite et vous prie d'être assurée que je suis etc.

Переводъ. Царское Село, 10-го Ноября 1773. Государыня сестрица. Начну мое письмо сердечнымъ поздравленіемъ по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени ея высочества принцессы Прусской. Радуюсь, что родился принцъ. Вы знаете, что я отдаю рѣшительное предпочтеніе мальчикамъ. Прошу васъ передать отъ меня тысячу привѣтствій вашей любезной дочери. Послѣ этого вступленія, которое удовлетворяетъ потребности моего сердца, я должна сказать вашей свѣтлости, что бар. Черкасовъ, всегда такъ медленно поспѣшающій, передалъ мнѣ письмо, которое вамъ угодно было написать мнѣ изъ Риги, лишь черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ вы оставили мои владѣнія, и что отъ того оно для меня не менѣе дорого. Изъ него я съ удовольствіемъ увидѣла, что вы остались довольны барономъ, и что дурныя дороги и прочія неудобства пути не разстроили вашего здоровья и не измѣнили вашего расположенія ко мнѣ. Я вижу, что ваше письмо съ начала до конца проникнуто чувствами дружбы, которыя ваша свѣтлость не переставали выказывать мнѣ въ продолженіи вашего пребыванія при моемъ дворѣ. Я искренно обѣщаю вамъ пол-

ную взаимность. Мы ежедневно бесѣдуемъ о вашей свѣтлости, о пріятности и довѣріи, которое внушаетъ ваше общество. Вы унесли съ собой общее уваженіе, и каждый почитаетъ васъ, какъ вы того достойны. Ваша дочь здорова. Она всегда тиха и любезна, какою вы ее знаете. Мужъ ее обожаетъ. Онъ только и дѣлаетъ, что ее хвалитъ и всѣмъ рекомендуетъ; я слушаю его и задыхаюсь иногда отъ смѣха, потому что она не нуждается въ рекомендаціи. Ея рекомендація въ моемъ сердцѣ; я люблю ее, она этого заслуживаетъ, и я чрезвычайно этимъ довольна. Нужно быть ужасно придирчивой и хуже какой нибудь кумушки, чтобъ не оставаться довольной этой принцессой, какъ я ею довольна, что̀ и заявляю вамъ, потому что это справедливо. Я просила ее заняться Русскимъ языкомъ; она мнѣ обѣщала. Вообще наша семейная жизнь идетъ очень хорошо. Наши дѣти, кажется, въ восторгѣ отъ своего вчерашняго переѣзда со мною въ деревню; молодежъ по вечерамъ рѣзвится; если угодно, я понуждаю ее къ этому для ея же удовольствія. Весьма охотно раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ Юліи Менгденъ; я всегда говорила, что эта дѣвица выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Красавица г-на Штраутенбаха подурнѣла послѣ его отъѣзда; можетъ быть, слухъ о его экскурсіяхъ въ Ливонію достигъ до высотъ, гдѣ она обитаетъ и причинилъ ей горе. Я вамъ очень благодарна за то, что вы мнѣ сообщаете о старомъ моемъ другѣ генералѣ Броунѣ; онъ ко мнѣ сердечно привязанъ. Вашъ добрый отзывъ въ пользу тѣхъ мѣстъ останется въ моей памяти, и особенно я вспомню о немъ, когда тамошніе жители провинятся предо мною; потому что вѣдь таковы люди: ими не всегда руководитъ разсудокъ. При первой же раздачѣ ордена Св. Александра я буду имѣть въ виду тѣхъ, кому вы покровительствуете. По поводу бумагъ отъ совѣтниковъ ландграфа Гомбургскаго я могу сдѣлать только одно замѣчаніе, которое состоитъ въ томъ, что Курляндія самостоятельное герцогство и есть ленъ Польши. Я поддержала фамилію Бироновъ и не имѣю никакой причины покидать ее. Тысячу привѣтствій отъ меня принцессамъ. Мой поклонъ вашей свитѣ и прошу васъ вѣрить, что я остаюсь и пр.

8.

St.-Pétersbourg, 7 Décembre 1773.

Madame ma cousine. La nouvelle de l'arrivée de votre altesse à Potsdam m'aurait fait plaisir, si elle n'avait été accompagnée du gros rhume que vous avez gagné au chemin. Je vous avoue, madame, qu'ayant apprise de vos enfants que plusieurs jours de poste de suite ils ont reçu des lettres de v. altesse non pas écrites de sa main, mais des princesses et des dames de sa suite qui disent que vous gardez la chambre, j'en ai eu beaucoup d'inquiétude que j'ai cependant, par prudence, cachée à la grande-duchesse; mais, comme toutes les autres lettres de Berlin paraissent tranquilles sur l'état de votre santé, cela a remis de la sécurité dans mon esprit. Je ne puis que me réjouir avec votre altesse de ce que vous avez vaincu la plus grande partie des fatigues du voyage; car l'amitié vive que vous m'avez inspirée, madame, me fait partager tout ce qui vous peut arriver. Vous la nourrissez bien cette amitié en me donnant tant de marques sincères de la votre. Votre altesse connaît ma sensibilité, qu'elle juge

par là de ma gratitude. Le bon accueil que le roi de Prusse a fait à mes plans, je l'attribue à la joie qu'il aura eu de l'arrivée de sa bonne amie qui les lui présentait. J'ai vu avec plaisir, par la lettre de votre altesse, que la santé de madame votre fille se rétablissait; j'ai reçu les réponses à mes deux lettres. Je vous prie, madame, de lui faire bien de l'amitié de ma part, de même qu'aux princesses que j'embrasse en pensée. La princesse Louise a trouvé une embuscade sur son chemin à Leipsic, à ce qu'on me mande. Je vous prie de lui demander de ma part, comment elle s'en est tiré. Il me semble d'ici de la voir dans cette occasion aussi grave que si elle mangeait du raisin à l'Hermitage. La grande-duchesse se porte bien. Nous nous aimons de plus en plus, et nous nous accomodons fort bien ensemble. Son humeur me plaît et me convient. Nous sommes convenues qu'après le nouvel an elle commencera à parler le russe. Rien ne saurait être plus satisfaisant pour moi que ce que vous me dites, madame, que je vous ai fait connaître le bonheur, que je vous ai fait passer des jours heureux. Personne, assurément, ne méritait plus de l'être que vous. C'est avec l'amitié la plus vraie que je suis etc.

Переводъ. С.-Петерб. 7 Ноября 1773. Государыня-сестрица. Извѣстіе о вашемъ прибытіи въ Потсдамъ очень бы меня порадовало, еслибъ дорога не причинила вамъ сильной простуды. Признаюсь, что я очень безпокоилась, когда узнала отъ вашихъ дѣтей, что нѣсколько почтовыхъ дней сряду они получали письма отъ вашей свѣтлости, писанныя не вашею рукою, а принцессами или дамами вашей свиты. Въ этихъ письмахъ онѣ увѣдомляютъ, что вы не выходите изъ комнаты. Я изъ предосторожности скрыла мою тревогу отъ великой княгини; но такъ какъ всѣ другія письма изъ Берлина казались болѣе успокоительными касательно вашего здоровья, то и ко мнѣ возвратилось прежнее спокойствіе. Я могу лишь радоваться вмѣстѣ съ вашей свѣтлостью, что вы преодолѣли бо̀льшую часть дорожныхъ неудобствъ, потому что живѣйшая дружба, которую вы мнѣ внушили, заставляетъ меня дѣлить съ вами все, что̀ бы съ вами ни случилось. Вы какъ нельзя лучше поддерживаете эту дружбу, давая мнѣ искреннее доказательство вашей. Вашей свѣтлости хорошо извѣстна моя чувствительность, по ней вы разсудите о моей благодарности. Одобреніе, сдѣланное королемъ Прусскимъ моимъ планамъ, я приписываю радости, доставленной ему пріѣздомъ его добраго друга, который ему передалъ ихъ. Я съ удовольствіемъ увидѣла изъ письма вашей свѣтлости, что здоровье вашей дочери поправилось. Я получила отвѣты на оба мои письма. Прошу вашу свѣтлость передать ей мои привѣтствія, равно и принцессамъ, которыхъ я мысленно обнимаю. Принцесса Луиза встрѣтила засаду на пути въ Лейпцигъ, если заключать по тому, какъ мнѣ пишутъ. Прошу васъ спросить ее отъ меня, какъ она изъ нея освободилась. Мнѣ кажется, что я ее вижу отсюда, такой же серьезной въ этомъ случаѣ, какъ въ то время, когда она кушала виноградъ въ Эрмитажѣ. Великая княгиня здорова. Мы все болѣе и болѣе другъ друга любимъ и хорошо уживаемся. Ея характеръ мнѣ нравится и подходитъ къ моему. Мы условились, что послѣ новаго года она начнетъ говорить порусски. Ничто не можетъ доставить мнѣ больше удовольствія, какъ

ваши слова, что черезъ меня вы узнали счастіе и что я доставила вамъ благополучные дни. Никто, конечно, не заслуживаетъ этого болѣе васъ. Съ чувствами самой истинной дружбы остаюсь и пр.

9.

St.-Pétersbourg, 9 Décembre 1773.

Madame ma cousine. Je me suis fait un plaisir de répondre aux désirs de votre altesse sérenissime en nommant chevaliers de mon ordre de St. Alexandre-Newsky le prince de Hohenlohe-Langenbourg et les comtes de Reuss et d'Erpach. Dans l'intention de ne point leur laisser ignorer que c'est à votre altesse sérenissime qu'ils sont redevables de cette distinction, c'est en ses mains que je fais parvenir les marques de l'ordre et mes lettres de notification pour ces nouveaux chevaliers. Le la prie de les envoyer à chacun d'eux là où il se trouve. Cette nomination se rapporte toute à elle, et je serai charmée si elle y trouve un témoignage de ma tendre amitié et de la parfaite considération etc.

Переводъ. Спб. 9 Декабря 1773. Государыня-сестрица. Для меня было удовольствіемъ исполнить желаніе вашей свѣтлости и пожаловать кавалерами моего ордена св. Александра Невскаго князя Гогенлоэ-Лангенбургскаго, а также графовъ Рейса и Эрпаха. Имѣя намѣреніе не оставлять ихъ въ неизвѣстности, что этимъ повышеніемъ они обязаны вашей свѣтлости, я препровождаю къ вамъ ордена и грамоты для кавалеровъ; прошу васъ переслать ихъ каждому изъ нихъ туда, гдѣ они находятся. Это назначеніе относится прямо къ вамъ, и я буду какъ нельзя болѣе довольна, если вы въ этомъ усмотрите доказательство моей нѣжной дружбы и совершеннаго почтенія, и пр.

10.

2 Janvier 1774.

Madame ma cousine. Malgré vos deux lettres de Potsdam, l'une du 9, l'autre du 10 de Décembre, malgré votre départ de ce lieu, et même malgré ce que le roi de Prusse me dit dans une de ses lettres sur l'état de votre santé, qui devrait me rassurer, je vous avoue que j'ai eu les plus vives inquiétudes. La lettre de m-me Bouchwald à Grimm, écrite après le passage de votre altesse par Gotha, m'a cependant un peu calmé. J'attends avec impatience les nouvelles de votre arrivée à Darmstadt. La grande-duchesse commence à être sujette à la médisance des courtisans. La semaine passée elle a eu les maux de coeur qui ont donné lieu à des propos dont on n'est pas bien revenu encore, mais sur lesquels, cependant, il n'y a point de preuves réelles jusqu'ici; mais, en attendant, monseigneur son époux prend garde à elle, comme à la prunelle de ses yeux: il ne faut point qu'elle danse, et le moindre indice paraît preuve convaincante. Je ne manquerai pas, madame, d'écrire le bref ostensible dont vous me parlez dans la lettre que j'ai reçue des mains de la grande-duchesse. J'ai bien reconnu l'amitié que le prince Henri ne cesse de me témoi-

gner dans la conduite qu'il a tenu lors du séjour de votre altesse à Berlin. J'étais là entre les mains de mes meilleurs amis et de personnes qui me sont bien chères. Savez-vous bien, madame, que mon amour-propre est plus flatté et plus fier d'avoir de tels amis, que de toutes les victoires remportées par mes généraux et auxquelles leurs valeurs et celle de mes troupes seules ont eu part? Le comte Görtz est arrivé ici, et j'espère qu'il retournera content de l'accueil qu'on lui à fait. Il a été invité, le jour passé, à une fête charmante que le prince Orloff nous a donné; de tous les étrangers il était le seul qui y assista. A propos de ce prince, je vous dirai, madame, qu'il est un de plus sincères admirateurs de la conduite de madame votre fille, et qu'il est extrêmement reconnaissant de la manière dont elle le traite. Or, cet homme-là n'est ni faux, ni flatteur. Je suis bien aise que Grimm soit content de moi; il vient de temps en temps jaser avec moi le soir, depuis 8 heures jusqu'à 10. On ne saurait être pas sensible que je le suis de l'intérêt que le roi de Prusse a paru prendre à ce qui me regarde. La nouvelle que sa majesté vous a donnée de la défaite d'un gros corps de l'armée turque, de la prise de deux pachas possesseurs à eux deux de cinq queues, avec canon et bagage, est très-vraie; mais la prise de Warna et de Silistrie était des bruits prématurés: c'est une partie remise par le maréchal Romanzof à un autre temps. Il a mis son armée en quartier d'hiver, parce que, dit-il, en hiver il fait froid, à quoi j'ajoute, moi: et en été trop chaud. Vous vous souviendrez, madame, peut-être, encore de certain dîner de Péterhof, où les propos de votre voisine vous firent rire un tantinet.

Madame la princesse de Prusse me témoigna tant de politesse et d'amitié que je ne sais comment m'acquitter vis-à-vis d'elle. Je vous prie, madame, de le lui dire et d'ambrasser les princesses vos filles de ma part. La réquisition de votre altesse au sujet de m-r Hoven parviendra au comte Panin, dès qu'un gros rhume qu'il a acquis, malgré la chaleur de ses chambres et le nombre de vêtements dont il s'enveloppe, l'aura quitté. Je verrai si la politique sera d'humeur à lâcher prise; si non, nous aviserons d'autres façons. Je trouve le livre „Von der Rechtgläubigkeit der heiliger griechischen Kirche“ eine unvergleichliche Sache in jetzigen schweren Zeiten und Umständen. Ce sera le premier livre du monde, qui aura servi de parure et de bouclier, et il pourra le disputer pour son double usage à la plus belle chiffonnière française, tables dont l'utilité, selon les marchands qui les vendent, est si multipliée. Je finis par où les autres commencent: je vous souhaite, madame, une bonne et heureuse année, accompagnée de tout le contentement que vous méritez. Je suis etc.

Переводъ. 2-го Января 1774. Государыня-сестрица. Несмотря на два ваши письма изъ Потсдама (одно отъ 9 го, другое отъ 10-го Декабря), несмотря на вашъ отъѣздъ оттуда и даже на успокоительное извѣстіе въ письмѣ ко мнѣ короля

Прусскаго, признаюсь вамъ, я очень тревожилась о вашемъ здоровьѣ; но письмо г-жи Бухвальдъ Гримму, писанное послѣ проѣзда вашей свѣтлости черезъ Готу, успокоило меня немного. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій о вашемъ прибытіи въ Дармштадъ. Великая княгиня начинаетъ подвергаться злословію придворныхъ. На прошлой недѣлѣ она чувствовала тошноту, чтò подало поводъ къ предположеніямъ, въ которыхъ еще не разувѣрились вполнѣ, но для которыхъ еще нѣтъ дѣйствительныхъ доказательствъ. Въ ожиданіи этого его высочество ея супругъ бережетъ ее какъ зеницу ока; онъ не позволяетъ ей танцовать, и малѣйшій признакъ кажется ему убѣдительнымъ доказательствомъ. Я не преминy, ваша свѣтлость, написать бумагу для предъявленія, о которой вы говорите мнѣ въ письмѣ, полученномъ мною изъ рукъ великой княгини. Я усмотрѣла дружбу, которую принцъ Генрихъ не перестаетъ выказывать мнѣ, въ его дѣйствіяхъ во время пребыванія вашей свѣтлости въ Берлинѣ. Я была тамъ, въ объятіяхъ моихъ лучшихъ друзей и людей, которые мнѣ очень дороги. Знаете ли, ваша свѣтлость, мое самолюбіе болѣе польщено, и я болѣе горжусь тѣмъ, что имѣю такихъ друзей, чѣмъ всѣми побѣдами, которыя одержаны моими генералами и въ которыхъ принимали участіе только ихъ доблести, да доблесть моихъ войскъ. Графъ Герцъ пріѣхалъ сюда, и я надѣюсь, что онъ возвратится довольный пріемомъ, который ему сдѣлали. Онъ былъ приглашенъ вчера на прелестный праздникъ, устроенный для насъ кн. Орловымъ. Онъ былъ на немъ одинъ только изъ иностранцевъ. Кстати объ этомъ князѣ, я вамъ скажу, что это одинъ изъ самыхъ искреннихъ почитателей образа дѣйствій вашей дочери и что онъ чрезвычайно благодаренъ за ея обращеніе съ нимъ. Вообще это человѣкъ нефальшивый и не льстецъ. Я очень рада, что Гриммъ доволенъ мною; онъ приходитъ иногда поболтать со мной по вечерамъ отъ 8 часовъ до 10. Я, какъ нельзя болѣе, тронута участіемъ, которое король Прусскій повидимому принимаетъ въ томъ, чтò меня касается. Новость, которую его величество сообщилъ вамъ о пораженіи большаго корпуса Турецкой арміи, о взятіи въ плѣнъ двухъ пашей, которые вдвоемъ имѣютъ цѣлыхъ пять хвостовъ, съ пушками и обозомъ, вполнѣ вѣрна; но взятіе Варны и Силистріи было изъ числа преждевременныхъ слуховъ. Это предпріятіе отложено фельдмаршаломъ Румянцовымъ до другаго времени. Онъ расположилъ свою армію на зимнія квартиры, потому что, какъ онъ говоритъ, зимой холодно, къ чему я отъ себя прибавляю: а лѣтомъ слишкомъ жарко. Вы, можетъ быть, вспомните объ одномъ обѣдѣ въ Петергофѣ, на которомъ разговоръ вашей сосѣдки заставлялъ васъ нѣсколько посмѣяться. Ея высочество принцесса Прусская оказала мнѣ такое вниманіе и дружбу, что я не знаю, чѣмъ я могу съ ней расплатиться. Я прошу вашу свѣтлость сказать ей это и обнять отъ меня ихъ свѣтлости вашихъ дочерей. Свѣдѣнія, которыя вы желаете имѣть о г-нѣ Говенѣ, будутъ переданы графу Панину, какъ только онъ вылечится отъ сильнаго насморка, который онъ захватилъ, не смотря на свои теплыя комнаты и множество одеждъ, въ которыя онъ облекается. Посмотримъ, будетъ ли склонна политика прекратить споры; если нѣтъ, мы попробуемъ другіе способы. Я нашла, что книга о православіи святой Греческой церкви есть несравненная вещь въ настоящемъ трудномъ времени и обстоятельствахъ. Это будетъ первая книга въ свѣтѣ, которая послужитъ украшеніемъ и щитомъ, и своимъ двойнымъ употребленіемъ она можетъ соперничать съ самой лучшей Французской шифоньеркой, мебелью, которой полезность, если вѣрить купцамъ

ее продающимъ, такъ разнообразна. Я кончаю тѣмъ, съ чего другіе начинаютъ: желаю вашей свѣтлости хорошаго и счастливаго года, полнаго благополучія, котораго вы достойны. Остаюсь и пр.

11.

19 Janvier 1774.

Madame ma cousine. Votre lettre, datée de Pirmesens, du 5 Janvier n. st., m'a causée beaucoup de satisfaction, parce que j'y vois avec plaisir, que vous êtes parfaitement tranquille et contente. Je souhaite, de tout mon coeur, que cet heureux aspect continue. Madame votre fille se porte bien; nous irons la semaine qui vient à la campagne. Si vous nous aimez, madame, nous vous rendons bien la pareille, car il n'y a pas de jours où nous ne nous entretenions de votre altesse. Le prince votre fils partira dans quelques semaines pour l'armée. Ce prince gagne à être connu; je lui ai dit que j'étois chargé de la part de madame sa mère de le gronder et que strictement je m'en acquitterois, si l'occasion s'en présentoit; il m'en a remercié, et je dis à cela: je reconnois bien ma bonne amie, madame la landgrave, à cette éducation-là. Je me réjouis avec vous, madame, de la bonne santé de madame votre mère; je vous prie de lui faire mes compliments de même qu'aux princesses vos filles que toutes les gazettes marient; mais, comme vous ne m'en dites rien, je m'en tiens à ce que j'en sais. C'est avec l'amitié et l'estime la plus sincère que je suis etc.

Переводъ. 19 Января 1774. Государыня-сестрица. Письмо ваше изъ Пирмезенса [1]), отъ 5 Января новаго стиля, очень было мнѣ пріятно: я съ удовольствіемъ вижу изъ него, что вы совершенно покойны и довольны. Желаю отъ всего сердца, чтобы такъ благополучно было и впередъ. Дочь ваша здорова. На слѣдующей недѣлѣ мы отправимся въ деревню. Если вы насъ любите, то и мы васъ также; потому что не проходитъ дня, чтобы мы не вспоминали про вашу свѣтлость. Принцъ, сынъ вашъ [2]), черезъ нѣсколько недѣль ѣдетъ въ армію. Этого принца цѣнишь тѣмъ выше, чѣмъ больше его узнаёшь. Я ему сказала, что его матушка поручила мнѣ его пожурить, и что я непремѣнно бы исполнила порученіе, еслибы случай представился. Онъ благодарилъ меня за это, и я сказала, что по воспитанію его узнаю моего добраго друга ландграфиню. Радуюсь съ вами здоровью вашей матушки и прошу васъ поклониться ей отъ меня, равно какъ и принцессамъ, вашимъ дочерямъ, которыя просватаны во всѣхъ газетахъ; но я еще ничего о томъ не знаю, такъ какъ вы меня не увѣдомляете. Съ дружбою и самымъ искреннимъ почтеніемъ остаюсь и пр.

---

1) Мѣсто жительства и солдатскихъ упражненій ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго.

2) Будущій Людвигъ X-й, въ то время поступившій въ Русскую службу и участвовавшій въ Турецкомъ походѣ 1774 г.; его привозилъ въ Россію гувернеръ его баронъ Гриммъ. Онъ былъ женихомъ принцессы Виртембергской, но весною 1776 года долженъ былъ отказаться отъ нея въ пользу своего зятя великаго князя Павла Петровича.

12.

5 Mars 1774.

Madame ma cousine. C'est avec un coeur rempli d'amertume que j'ai apprise par madame votre fille l'état de votre santé et, au nom de Dieu, ma chère landgrave, pour l'amour de madame votre mère, de vos enfants et de la tendre amitié que j'ai pour vous, daignez avoir recours aux soins et aux remèdes que les plus habiles médecins pourront vous prescrire. Je n'ai pu m'empêcher, ayant appris l'état où vous vous trouvez, de vous expédier cette estafette avec ma très-instante prière de ne point refuser les secours de l'art. C'est le coeur qui parle; le vôtre est trop bon, pour ne pas vous prêter à nos désirs. Vos jours nous sont aussi précieux que chers.

J'envoie à votre altesse les lettres de nos enfants qui joignent leurs prières aux miennes. Dès que le brevet du landgrave sera achevé, je vous l'enverrai, madame, par une seconde estafette. J'ai signé l'ordre Lundi passé, mais les formalités de chancellerie ne sont pas achevées. Je prie Dieu, madame, pour votre santé, et je suis avec la plus parfaite amitié et l'estime la plus distinguée etc.

Переводъ. 5 Марта 1774. Государыня-сестрица. Сердце мое наполнилось горечью, когда я узнала отъ вашей дочери о вашемъ здоровьи. Именемъ Божіимъ, любезная моя ландграфиня, любовью вашей матушки и вашихъ дѣтей и моею нѣжною дружбою умоляю васъ прибѣгнуть къ совѣтамъ и пособіямъ, которые преподадутъ вамъ самые искусные врачи. Получивъ извѣстіе о состояніи, въ которомъ вы находитесь, я не могла удержаться, чтобы не послать къ вамъ этой эстафеты съ настоятельнѣйшею моею просьбою не отвергать врачебнаго искусства. Говорю отъ сердца. Ваше сердце слишкомъ благожелательно, чтобы не удовлетворить нашему желанію. Жизнь ваша для насъ драгоцѣнна. Посылаю вашей свѣтлости письма отъ нашихъ дѣтей, которыя присоединяютъ свои просьбы къ моимъ. Какъ скоро грамота ландграфа будетъ готова, я пришлю ее къ вамъ съ другою эстафетою. Въ прошлый Понедѣльникъ я подписала указъ, но канцелярскія обрядности еще не кончены. Молю Бога о вашемъ здоровьи и остаюсь съ совершеннѣйшею дружбою и отличнѣйшимъ уваженіемъ и пр.

*

Ландграфиня скончалась 19 (30) Марта 1774 года. Дочь ея, наша Наталья Алексѣевна, пережила ее съ небольшимъ два года и, умирая въ родахъ, призналась Екатеринѣ, что въ дѣтствѣ еще, на 11-мъ или 12-мъ году жизни, къ ней призывали хирурга, который исправлялъ у нея позвоночный столбъ. У нея было искривленіе спинныхъ позвонковъ ниже поясницы (Denkwürdigkeiten des Freiherrn von der Asseburg, Berlin 1842, стр. 270). Физическій недостатокъ былъ утаенъ. Екатерина подробно разсказала кончину своей невѣстки въ письмѣ къ Московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому (XVIII Вѣкъ I, 142). П. Б.

Проэктъ о усиленіи Россійской съ Верхнею Азіею торговли чрезъ Хиву и Бухарію.

Писанъ, въ царствованіе Александра Павловича, Григоріемъ Степановичемъ Винскимъ [1]), а посланъ къ г. министру отъ Павла Елисѣевича Велички, начальника Оренбургскаго Таможеннаго Округа.

Во исполненіе вашего высокопревосходительства предписанія, касательно отношенія вашего г-ну Оренбургскому военному губернатору отъ 4 Декабря прошлаго 1818 года о мѣрахъ къ охраненію каравановъ и вообще о торговлѣ нашей, при тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи предположеній, въ ономъ помѣщенныхъ, какъ и важности прочнаго и на будущее время твердаго постановленія Россійскія съ Верхнею Азіею чрезъ Хиву и Бухарію торговли,— обязанностію моею поставляю донести. Я употребилъ много, въ долголѣтнее мое въ семъ краѣ служеніе, стараній и трудовъ развѣдывать чрезъ торгующихъ Россіянъ, Азіятцевъ и чрезъ посылаемыхъ нарочныхъ, обо всѣхъ обстоятельствахъ, съ самаго начатія нашего съ Азіятцами торговли, постоянно препятствующихъ распространенію и усиленію оныя. Для пресѣченія сихъ злочиній, сколько ни приложено было со стороны правительства нашего попеченій и издержекъ и сколько ни извѣстна мнѣ важность предположеній, въ отношеніи вашего высокопревосходительства находящихся; но, соображая все съ происшествіями, въ глазахъ моихъ совершившимися, я смѣю сказать откровенно, что предпріятія сіи, по строгомъ разсмотрѣніи, обнаруживаются недостаточными и едва когда-либо могущими своея меты достигнуть. Сіе мое, можетъ быть, дерзновенное сужденіе препровождая, по волѣ вашей, на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства, всенижайше прошу о милостивомъ снисхожденіи, цѣня болѣе мою къ пользамъ отечественнымъ ревность, нежели мое знаніе.

Гг. Тевкелевъ, Рычковъ и Волковъ, предлагая по усердію своему, о построеніи на устьѣ Эмбы-рѣки крѣпости, кажется, не знали, по отдаленному тогдашнему времени, ни точно назначаемаго ими мѣстоположенія, ни внутренности степей, населяемыхъ Киргизцами, ни народовъ, начинавшихъ тогда только съ Россіею сообщеніе чрезъ торговлю, ниже самаго ходу оныя.

Въ новѣйшія времена, его сіятельство графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, при своемъ министерствѣ, хотя вѣрнѣйшими пріемами

---

[1]) Авторомъ Записокъ, появившихся въ Русскомъ Архивѣ 1877 г. Проэктъ этотъ печатается здѣсь съ рукописи, которую сообщилъ г-нъ Н. Петровскій. П. Б.

пекся о приведеніи въ исполненіе давнихъ предположеній для построенія на устьѣ Эмбы и на углѣ [1]) Тюкъ-Караганскомъ укрѣпленій, особенно о утвержденіи на Мангишлакѣ складки товаровъ; но сіи патріотическія старанія, подкрѣпляемыя донесеніями и обнадеживаніями г. Фелькерзама, хотя и во исполненіе были бы произведены, но истинной своей меты, т. е. обезпеченія купеческихъ каравановъ отъ грабежей въ степяхъ, никакъ бы не достигли. Поелику многочисленнѣйшіе съ важнѣйшими товарами караваны изъ Бухаріи и Хивы обыкновенно выходятъ на Оренбургъ, Орскую крѣпость и Троицкъ, то одна отдаленность сихъ путей отъ укрѣпленій на берегахъ моря Каспійскаго преднамѣреваемое охраненіе дѣлала бы невозможнымъ. Заведеніе при рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, при урочищѣ Учургинскѣ, значительнаго поста и проведеніе отъ онаго до границъ нашихъ военнаго кордона можно полагать одною изъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ для охраненія отъ грабежей каравановъ и для нѣкотораго усмиренія Киргизцовъ.

Но сіе предположеніе, потребовавъ неминуемо посылки въ степь важнаго воинскаго ополченія и потому сопряжено будучи съ немалыми усиліями и пожертвованіями со стороны правительства, обращаетъ меня невольно къ предпріятію, которое, въ неотдаленномъ времени, отъ бывшаго здѣсь военнымъ губернаторомъ князя Григорія Семеновича Волконскаго Государю Императору было представлено и высочайшей его императорскаго величества удостоено конфирмаціи. Я подъ симъ разумѣю военную экспедицію, въ степь назначенную, движеніями которыя съ четырехъ пунктовъ чрезъ степь къ Хивѣ правительство наше намѣревалось истребить грабителей каравановъ; воровъ, чинившихъ побѣги въ наши границы, унять; потери, понесенныя нашимъ купечествомъ отъ грабежей, вознаградить; враждующихъ Киргизцовъ намъ и между собою усмирить; благонамѣренныхъ успокоить; словомъ, окончательно устроить сіи народы, имѣя всегда въ виду распространеніе и усиленіе нашей торговли, положа всему основаніемъ и утвержденіемъ занятіе Хивы.

Не только участвовавши въ составленіи для сказанной экспедиціи плана, но, могу смѣло сказать, подавши г. губернатору объ ней первыя мысли, я обязанностію моею поставляю довесть къ свѣдѣнію вашего высокопревосходительства оный со всѣми подробностями въ прилагаемой у сего копіи [2]). Вы изъ изложеній, въ семъ донесеніи написанныхъ, изволите усмотрѣть истинныя причины, препятствующія распространенію и усиленію нашея отечественныя съ Азіею торговли, какъ и вѣроломные пріемы Азіятцевъ, особенно Хивинцовъ, во обращеніи въ свои выгоды неудачъ и несчастій нашихъ купцовъ, при тщательнѣйшемъ разбирательствѣ которыхъ само собою почти обнаруживается, что сказанная экспедиція есть единственная вѣрная мѣра для достиженія благонамѣренныхъ Россійскаго правительства предпріятій [3]).

---

[1]) Т. е. на мысѣ, выдающемся въ Каспійское море.

[2]) Копіи этой у насъ не имѣется.

[3]) И такъ Винскому принадлежитъ первоначальная мысль, выразившаяся при Николаѣ Павловичѣ Хивинскимъ походомъ Перовскаго и увѣнчанная въ наши дни великими успѣхами въ Средней Азіи. Несчастный Винскій не дожилъ до исполненія этой мысли. Графъ Ростопчинъ, при императорѣ Павлѣ, шелъ еще далѣе и борьбу съ Англіею предполагалъ вести изъ Средней Азіи, походомъ въ ея Индійскія владѣнія. П. Б.

Твердо придерживаясь вышесказаннаго, смѣю присовокупить, что обстоятельства, вынуждавшія тогда сію экспедицію, суть и нынѣ тѣже; то есть Киргизцы не перестаютъ своевольничать, непокорствовать и грабить. Караваны, избравъ по причинѣ грабежей дальную окольную дорогу на Троицкъ, и теперь по оной же выходятъ къ нашимъ границамъ, а Оренбургская прямая и по сіе время остается, по опасности, праздною, и излишнія Азіятцевъ, за дальній обходъ, издержки падаютъ на нашъ же счетъ. Хивинцы, продолжая пронырствовать, не унимаются во вредъ намъ обогащаться; и несчастные наши плѣнники, воздѣлывая ихъ нивы, угобжая ихъ потомъ своимъ и слезами, принуждаются доставлять имъ за ничто всѣ сладости жизни. Смутныя для любезнаго Отечества нашего времена, остановивъ выполненіе сего важнаго предпріятія, по перемѣнѣ ли здѣшняго начальства, можетъ быть по инымъ винамъ, оставаясь въ бездѣйствіи, заставляютъ страшиться, дабы съ продолженіемъ времени не сдѣлалося оно совершенно гибельнымъ. При возстановленіи нынѣ повсюду спокойствія и благоденствія, въ продолженіи коихъ нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ сомнѣваться, возбуждается во мнѣ рвеніе обратить вашего высокопревосходительства вниманіе къ сему предпріятію, какъ къ единственному средству возстановить, усилить и навсегда утвердить нашу отечественную съ Верхнею Азіею торговлю. Вы, будучи истинный попечитель и покровитель торговли, исходатайствовавъ Государя Императора о семъ благоволеніе, удовлетворите всѣхъ истинныхъ сыновъ Отечества и самихъ благонамѣренныхъ Азіятцевъ всегдашнимъ желаніямъ.

Принявъ имянованную экспедицію единственною и вѣрнѣйшею мѣрою для достиженія сугубой правительства цѣли, то есть: образовать Киргизцовъ мирными и полезными подданными и торговлѣ нашей доставить желаемое распространеніе и усиленіе, ежели бы произведеніе ея въ дѣйствіе было положительно опредѣленнымъ: тогда всѣ другія разъисканія, сужденія и мнѣнія могли бы почесться излишними. Но неувѣренность, хотя не въ полномъ производствѣ, по крайней мѣрѣ въ отдаленіи временно онаго, заставляетъ меня представить на благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства мнѣніе мое о частныхъ въ степь военныхъ поискахъ. По обстоятельнѣйшемъ наблюденіи дѣяній сихъ отправленій, при тщательнѣйшемъ развѣдываніи ожидаемыхъ отъ оныхъ выгодъ, всегда обнаруживалося, что посыланные отряды никогда почти не достигали виновныхъ хищниковъ; нападали, ограбляли, даже истребляли совершенно безвинныхъ и, насыщая часто одну алчность, никогда не вознаграждали истинно потерпѣвшихъ убытки, усиливая между тѣмъ въ семъ грубомъ народѣ обидное для насъ мнѣніе, что всѣ сіи поиски, вмѣсто на правосудіи основанныхъ экспедицій, суть нарядные грабежи, отдаляющіе отъ насъ самыхъ благонамѣреннѣйшихъ степныхъ жителей. Зло сіе, толикократно распространявши страхъ и отчаяніе въ степяхъ ближайшихъ къ Оренбургу, по навѣдываніямъ моимъ, при объѣздѣ въ прошломъ году линіи, тотъ же причиняетъ вредъ и недовѣрчивость между жителями, прилежащими къ границамъ Сибирскимъ. По сему я считаю первѣйшею необходимостію: всѣ, военными командами, въ степь поиски, подъ какими бы они ни назначались названіями, отмѣнить и единожды на всегда, какъ здѣсь, такъ и по Сибирской линіи, запретить. Въ случаяхъ же вторженія Киргизцовъ въ наши

границы и произведенія ими хищеній, предписать: выполнять повсюду правила, утвержденныя Государемъ Императоромъ.

Да позволено будетъ мнѣ прибавить, что занятіе Хивы должно быть не временное, но чрезъ присоединеніе ея навсегда къ областямъ Россіи, вѣчное, чего требуютъ истинныя выгоды, ожидаемыя отъ сего предпріятія. Сей постъ, учрежденный за степями, населяемыми Киргизцами, находясь въ ихъ тылу и военными форпостами и кордонами къ границамъ пресѣкая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ жилища, приведетъ сихъ своевольниковъ въ спасительную необходимость быть мирными, покорными, заниматься единственно своимъ хозяйствомъ, а со временемъ преобразитъ ихъ въ полезныхъ подданныхъ. Съ другой стороны, воздвигнувши, такъ сказать, у воротъ Бухаріи и въ виду Верхней Азіи, твердый (по значительнымъ военнымъ силамъ, по важному населенію природными Россіянами) оплотъ, содержа сіи народы въ почтительномъ уваженіи благодѣтельныхъ Россійскаго правительства мѣръ, обнародованный вольною для всѣхъ торгующихъ складкою товаровъ, какъ въ порто-франко, возродитъ во всѣхъ купечествующихъ Азіятцахъ рвеніе участвовать въ нашей торговлѣ. Сами Хивинцы, обнадеженные въ полномъ и твердомъ владѣніи своими собственностями, покровительствуемые въ свободномъ отправленіи своей вѣры, нимало не стѣсняемые въ нравахъ и обычаяхъ, скоро мнимое покореніе свое сочтутъ истиннымъ для себя благодѣяніемъ и, предавшись безбоязненно своимъ занятіямъ, промышленности, торговлѣ, почувствуютъ въ полной мѣрѣ свое благоденствіе. Несчастные наши соотчичи, обремененные отъ давнихъ временъ оковами невольничества, освободясь отъ жестокаго господствованія, по сродненію своему съ тамошнимъ климатомъ, по навычкѣ воздѣлывать тамошнія пашни, могутъ тамъ быть первыми нашими поселенцами, которые, получивъ въ собственность землю, въ первое же лѣто снабдятъ занятыхъ единственно службою хлѣбомъ и всѣми отъ земли плодами.

Таже Хива, образованная и устроенная твердымъ заведеніемъ поселенія, о коемъ распространяться было бы для меня напраснымъ усиліемъ, Хива, заключу, на будущія времена Россійскій въ Великой Татаріи Гибралтаръ, послужитъ для торгующихъ всѣхъ земель мирною пристанью, къ коей поспѣшитъ всякъ, во увѣренности найти тутъ: упокоеніе, пособіе и обнадеженный путь къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Для нашего же купечества да содѣлается она вратами, имѣющими со временемъ богатые Индѣйскіе товары препровождать въ нѣдры нашего любезнаго Отечества.

Профессоръ Эверсъ

по Запискамъ Н. В. Баталина.

Имя профессора Густава Эверса, какъ уважаемаго труженика науки, которому Русская исторія обязана цѣнными критическими изслѣдованіями древнѣйшаго ея періода, пользуется и понынѣ заслуженною извѣстностію въ ученомъ мірѣ [1]; но о самой личности его, какъ человѣка и какъ должностнаго дѣятеля Русской службы, кажется, не встрѣчалось въ нашей печати до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній.

Нѣкоторое понятіе объ этой, во всякомъ случаѣ замѣчательной, личности отчасти можетъ дать предлагаемый здѣсь небольшой отрывокъ изъ собственноручныхъ Записокъ забытаго теперь литератора двадцатыхъ годовъ, Н. В. Баталина, о которомъ, кстати, приведемъ тутъ-же кое-какія свои воспоминанія.

Николай Васильевичъ Баталинъ, сынъ небогатаго дворянина, родился въ Москвѣ, въ 1803 году и получилъ образованіе въ тамошнемъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по словесному факультету, въ 1821 году. Послѣ выпуска, онъ, въ качествѣ бывшаго казеннокоштнаго студента, былъ назначенъ на службу учителемъ въ Эстляндію и довольно долго состоялъ на этой должности въ разныхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Дерптскаго учебнаго округа. Впослѣдствіи Баталинъ продолжалъ свою педагогическую дѣятельность въ другихъ губерніяхъ; но въ 1842 г., испытавъ непріятныя столкновенія по службѣ изъ-за какихъ-то «пререканій» съ своимъ начальствомъ, былъ уволенъ отъ должности и подвергся административной высылкѣ въ Воронежъ, съ отдачею подъ надзоръ мѣстныхъ губернскихъ властей. Тамъ онъ жилъ до 1857 года, получивъ незадолго передъ тѣмъ разрѣшеніе возвратиться на родину, въ Москву, гдѣ и умеръ, сколько намъ извѣстно, въ концѣ минувшаго десятилѣтія.

Н. В. Баталинъ, въ молодости, съ любовію занимался литературой и печаталъ въ разныхъ тогдашнихъ журналахъ свои стихотворенія и статьи въ прозѣ, большею частію анонимно. Единственный, отдѣльно-изданный его трудъ есть переводъ (съ Нѣмецкаго подлинника) философскаго романа Виланда

---

1) Эверсъ (Іоганъ Филиппъ Густавъ), род. 4 Іюля 1781 г., въ Гёттингенѣ; съ 1810 г. поступилъ на Русскую службу профессоромъ исторіи и географіи Россіи, въ Дерптскій университетъ, гдѣ потомъ былъ ректоромъ. Умеръ 8 Ноября 1830 г. — Его ученыя работы: „Krit. Vorarbeitungen zur Geschichte der Russen“;—„Vom Ursprung des Russ. Staats“;—„Geschichte der Russen“ и др.—Въ Русскомъ переводѣ изданы: „Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи“. Перев. съ Нѣм., 2 т., М. 1826;—„Древнѣйшее Русское право въ историческомъ его развитіи“. Перев. съ Нѣм. Ив Платонова, Спб. 1835.

«Абдеритяне», съ именемъ переводчика, напечатанный въ Москвѣ, 2 ч., 1832—1840, въ 8° [2]).

Въ послѣдніе годы пребыванія въ Воронежѣ этого инвалида Русской литературы, пишущій эти строки былъ знакомъ съ нимъ лично и, пользуясь добрымъ его расположеніемъ, получилъ на память отъ него нѣкоторые отрывки собственноручныхъ Записокъ, изъ коихъ, къ сожалѣнію, уцѣлѣлъ только приводимый здѣсь далѣе [3]). Между тѣмъ старикъ Баталинъ, бывшій когда-то въ сношеніяхъ со многими извѣстными писателями и учеными своего времени, обладалъ замѣчательнымъ собраніемъ любопытныхъ писемъ и другихъ бумагъ, по всей вѣроятности, давно исчезнувшихъ безъ слѣда. Мы помнимъ, напримѣръ, у него цѣлыя тетради замѣтокъ о Московскомъ театрѣ, объ издателѣ «Вѣстника Европы» М. Т. Каченовскомъ, о профессорахъ Мерзляковѣ и Перевощиковѣ, объ авторѣ «Дома Сумасшедшихъ» А. Ѳ. Воейковѣ, съ которымъ Баталинъ находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ (не смотря на разницу лѣтъ) и велъ продолжительную переписку, сблизившись съ нимъ еще въ Дерптѣ, когда тотъ былъ тамъ профессоромъ Русской словесности, а потомъ сотрудничая въ его журналахъ: «Новости литературы» (1822—1825) и «Славянинъ» (1827—1830). — Изъ особенно-достойныхъ вниманія архивныхъ матеріаловъ видѣли мы у Баталина нѣсколько подлинныхъ писемъ Сперанскаго къ Карамзину и Магницкому, копіи съ ненапечатанныхъ нигдѣ стихотвореній Батюшкова и много другихъ интересныхъ бумагъ. Къ сожалѣнію, ихъ владѣлецъ, смущаемый своимъ опальнымъ положеніемъ, не рѣшался никому давать списывать съ нихъ копіи, и такимъ образомъ бумаги эти остались въ безвѣстности, вѣроятно, навсегда.

Д. Рябининъ.

СВИДАНІЕ СЪ ЭВЕРСОМЪ.

Изъ Записокъ Н. В. Баталина.

Въ 1822 г. я находился въ Балтійскомъ Портѣ на должности учителя уѣзднаго училища, преподавая тамъ Русскій языкъ. Лѣтомъ того-же года пріѣзжаетъ осматривать наше училище ректоръ Дерптскаго университета, д. ст. сов. Густавъ Эверсъ. Желая ближе видѣть знаменитаго ученаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поблагодарить его за снисходительное вниманіе къ нѣкоторымъ моимъ просьбамъ, съ коими случалось уже мнѣ обращаться къ нему письменно, не взи-

---

[2]) Существуетъ еще другой старинный переводъ того-же сочиненія, подъ заглавіемъ: „Исторія Абдеритовъ", перев. М. Г. Гавриловъ, 5 ч., М. 1793—1795, 12°.

[3]) Утерялись изъ нихъ самые интересные, именно: разсказы о подробностяхъ пребыванія императора Александра I въ Ревелѣ, въ 1825 г., и о посѣщеніи имъ тамошняго Сухопутнаго Госпиталя, а также о личной подачѣ самимъ Баталинымъ всеподданнѣйшей просьбы императору Николаю Павловичу. Послѣдняя рукопись была особенно занимательна, и вотъ остовъ изложеннаго въ ней разсказа. По исключительнымъ обстоятельствамъ, проситель рѣшился подать свою челобитную самому Государю, на одной станціи, при проѣздѣ Его Величества. Государь, не принимая еще прошенія отъ подателя, упавшаго передъ нимъ на колѣни, строго замѣтилъ: „Здѣсь не мѣсто"! — „Для Господа Бога и для Самодержца Всероссійскаго вездѣ мѣсто!" отвѣчалъ со слезами проситель. Видимо тронутый, Государь милостиво улыбнулся, принялъ бумагу и передалъ ее бывшему при немъ гр. Бенкендорфу.

рая на слишкомъ недавнюю службу мою, я счелъ долгомъ явиться къ ректору, особо отъ общаго ему представленія всѣхъ преподавателей.

Празнаюсь, я шелъ къ нему не совсѣмъ съ спокойнымъ духомъ. По службѣ возникали у меня неблагопріятныя отношенія съ ближайшимъ моимъ начальникомъ, директоромъ Эстляндскихъ училищъ, барономъ Ф. Штакельбергомъ, отъявленнымъ піэтистомъ, который за что-то не взлюбилъ меня почти съ перваго взгляда,—кажется заподозривъ во мнѣ наклонность къ вольномыслію. А подобное предубѣжденіе могло имѣть для меня, новичка, роковыя послѣдствія; ибо въ то время по нашему вѣдомству, вообще, господствовала инквизиціонная система Магницкихъ и Руничей.. . Правда, ректоръ Эверсъ приверженцемъ ея не считался во мнѣніи общемъ и слылъ человѣкомъ безпристрастнымъ, умѣреннымъ и негордымъ; но такая репутація (думалъ я) легко составилась Нѣмцу между Нѣмцами, а относительно Русскихъ, она, быть-можетъ, и не совсѣмъ оправдывается въ немъ. Положимъ, что, даже и въ кратковременное отправленіе службы моей, не могъ я сѣтовать на невнимательность ректора къ письменнымъ отъ меня просьбамъ по нѣкоторымъ предметамъ; но, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство, хотя и ободрительное для меня, еще не проясняло служебнаго моего положенія, надъ которымъ висѣла туча начальнической непріязни, и я понималъ, что многое зависѣло отъ предстоявшаго свиданія съ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ въ нашемъ учебномъ округѣ, какъ ректоръ Эверсъ.

Какъ скоро доложили ему обо мнѣ, то онъ вышелъ тотчасъ-же въ пріемную, встрѣтилъ меня любезною улыбкой, и когда я отрекомендовался ему (понѣмецки), онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и посадилъ тамъ подлѣ себя,—честь, какою въ мое время рѣдкіе изъ начальствующихъ лицъ удостоивали не только подчиненныхъ своихъ, но и просто младшихъ по чину или званію.—«Такъ это вы, господинъ учитель Русскаго языка», началъ ректоръ, смотря на меня съ видомъ удивленія, — «сколько-же вамъ лѣтъ отъ-роду?» — «Девятнадцать».—«Давно-ли служите?»—«Пять мѣсяцевъ».—«Какъ-же вы, однако, молоды!» Одобренный его ласковымъ тономъ, я осмѣлился спросить: «А развѣ это порокъ, ваше пре—во?»—«Точно, если вамъ угодно это знать», отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой, «такъ я нахожу, что молодость есть невинный порокъ, именно въ учителѣ».—«Ваше пр—сво, позволите-ли мнѣ съ вами говорить откровенно?»—«Я этого непремѣнно отъ васъ требую».—«Въ молодости моей вѣдь я не виноватъ, а быть здѣсь учителемъ самъ я никогда не желалъ; но меня, какъ казеннокоштнаго студента, Московскій университетъ послалъ сюда, по требованію его сіятельства графа Карла Андреевича» [4]).—«Слѣдовательно, вы жалѣете объ этомъ назначеніи?»—«Да, ваше пр—во, не желалось-бы мнѣ быть учителемъ!»—«А ежели, со временемъ, увидя ваше усердіе, правительство откроетъ вамъ лучшую дорогу?»—«Ваше пр—во! Скорѣе днемъ звѣзды на небѣ проглянутъ, чѣмъ это случится!»—«Почему-же вы такъ думаете?»—

---

[4]) Графъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь) *Ливенъ*, тогдашній попечитель Дерптскаго учебнаго округа, а съ 1828 по 1833 г. министръ народнаго просвѣщенія. Умеръ 31-го Декабря 1844-го года, 78-ми лѣтъ отъ рожденія, въ чинѣ генерала отъ-инфантеріи и въ званіи члена Государственнаго Совѣта.

«А потому, что у меня нѣтъ покровителей изъ сильныхъ міра сего, а разсчитывать на свои личныя заслуги или способности,—я не полагаю себя въ правѣ. Осмѣлюсь-ли признаться, что удовольствія, какія можно найти въ жизни, сильно привлекаютъ меня, и я желалъ-бы быть независимымъ»....—«При вашемъ-то, вѣроятно, вовсе не обезпеченномъ состояніи и неполной зрѣлости лѣтъ?» (быстро прервалъ меня мой собесѣдникъ). «А гдѣ-же хотѣли бы вы находиться и чѣмъ заниматься? Вѣдь какой-нибудь полезный родъ дѣятельности для себя необходимо-же избрать небогатому дворянину, а тѣмъ болѣе получившему хорошее образованіе. Не гонять-же вамъ собакъ, по примѣру многихъ баричей! Вы должны понимать, что вести жизнь праздную и пустую—предосудительно и постыдно, особенно когда въ самомъ-себѣ имѣешь внутреннія силы исполнять долгъ человѣка и гражданина.... Впрочемъ, это ваше дѣло, и если вамъ не угодно быть учителемъ, то я постараюсь избавить васъ отъ этой обязанности».—«Извините, в. п., но мнѣ кажется, что при всей власти вашей, этого вы сдѣлать не можете».—«Отчего-же такъ?»—«Я, какъ бывшій казенный студентъ, обязанъ прослужить шесть лѣтъ учителемъ».—«Ха, ха, ха!» расхотался Эверсъ,—«да развѣ шесть лѣтъ большое дѣло! Ужъ если вамъ непремѣнно нужно освободиться отъ этой обязательной службы, такъ я найду средство избавить васъ отъ нея ранѣе срока. Подайте, напримѣръ, отъ себя рапортъ, что вы одержимы неизлечимою иппохондріей, и дѣло будетъ въ шляпѣ: черезъ два мѣсяца вы станете свободны».—«Ваше пр—во, не изволите-ли шутить? Не прогнѣвайтесь, если я откровенно скажу, что начинать мою молодую жизнь съ нарушенія служебной присяги, обманувъ правительство, — не дозволитъ мнѣ совѣсть ни за какія блага».—«То-то и есть! Вотъ именно отвѣтъ, который я предвидѣлъ и былъ увѣренъ, что онъ послѣдуетъ за моими словами. Во всякомъ случаѣ, онъ дѣлаетъ честь и совѣстливости, и прямотѣ вашей. Дѣйствительно, честный человѣкъ не долженъ опрометчиво совлекаться съ дороги, на которую онъ поставленъ гражданскимъ долгомъ своимъ, хотя-бы и представлялась возможность ее обойти. Исключенія дозволительны, впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ душѣ самого исполнителя существуетъ правильное сознаніе собственной неспособности къ возложенному на него служенію, чего подумать о васъ я еще не имѣю повода, такъ какъ вы сказывали мнѣ только о вашемъ желаніи быть независимымъ въ употребленіи своего времени. Должно замѣтить, что подобное стремленіе ощущается иногда едва-ли не въ каждомъ юношѣ вашихъ лѣтъ,—и какъ-бы физіологически; но совершенно подчиниться такому побужденію воспрепятствуетъ вамъ разумъ. Что-же касается понятія о независимости личной, то, въ сущности своей, оно крайне многосложно.... Ею обладать вполнѣ возможно лишь внѣ предѣловъ жизни благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ».

Мнѣ оставалось безмолвствовать на столь внушительное разсужденіе, хотя и хотѣлось нѣчто возразить. Послѣ непродолжительнаго молчанія, Эверсъ снова заговорилъ, съ улыбкою радушія:—«Скажите, гдѣ вы научились такъ отлично говорить понѣмецки»?—«Здѣсь, въ Эстляндіи», отвѣчалъ я.—«Какъ? Въ пять-то мѣсяцевъ?»—«Я долженъ пояснить вашему пр—ву, что книжный Нѣмецкій языкъ изучилъ я основательнымъ образомъ въ Москвѣ и еще, будучи 16-ти лѣтъ отъ-роду, читалъ въ подлинникѣ Шиллера и Гете, понимая ихъ

какъ своихъ отечественныхъ авторовъ».—«Вотъ какъ! Что-же вамъ особенно нравится у Шиллера?»—«Die Ideale».—«Прощаніе съ молодостью?!!.. Чудны молодые люди! Вы спѣшите распроститься съ тѣмъ, съ чѣмъ только-что встрѣтились; едва начинаете жить, а, кажется, готовитесь уже состарѣться. Эхъ, милостивый государь! Не для чего вамъ накликать на себя старость прежде времени; она и безъ того не заставитъ себя долго ждать. Вотъ вамъ мой благой совѣтъ: пользуйтесь своею молодостью, но только не злоупотребляйте ею, не расточайте ее безразсудно.... въ особенности на чувственныя удовольствія, а иначе вы и на тридцатомъ году жизни будете старикомъ. Вы-же, сколько могу замѣтить, чрезъ мѣру впечатлительны. Поглядите-ка сами на себя: отъ каждаго слова, которое затрогиваетъ ваши чувства, вы вспыхиваете какъ бумажка отъ огня».—«Господинъ ректоръ, если на лицѣ моемъ видимо внутреннее волненіе, то оно имѣетъ причину въ томъ восторженномъ состояніи духа, которое такъ естественно при собесѣдованіи съ знаменитымъ ученымъ писателемъ»...—(Эти слова, въ самомъ дѣлѣ исторгнувшіяся изъ глубины души, я проговорилъ запинаясь и совсѣмъ смѣшавшись въ концѣ фразы, подобно тому, какъ бываетъ при объясненіяхъ съ любимой женщиною).—«Э, да вы, молодой человѣкъ, и польстить не прочь!» сказалъ Эверсъ, засмѣявшись,—«но за это вы сами-же себя сконфузили: посмотритесь-ка въ зеркало!»

Проклятое зеркало было какъ-разъ напротивъ меня; я невольно взглянулъ въ него и ужаснулся, увидя, что моя рожа раскраснѣлась какъ клюква, и еще болѣе вспыхнулъ.—«Да ничего, ничего, господинъ Баталинъ!» продолжалъ подсмѣиваться ректоръ, «съ лѣтами все пройдетъ».—«По поводу этого изреченія»—внезапно вздумалось мнѣ сказать—«позвольте мнѣ посвятить вамъ стихи, которые я намѣреваюсь сочинить подъ этимъ самымъ заглавіемъ, т. е. *Съ лѣтами все пройдетъ*, и прислать ихъ къ вамъ въ Дерптъ». Увы! Отвѣтъ на это вдохновенное предложеніе обдалъ меня холодною водицей. «Извините меня, пожалуста», отозвался мой собесѣдникъ, поморщившись, «позвольте и мнѣ быть тоже откровеннымъ: до стиховъ я небольшой охотникъ и не знатокъ въ нихъ» (а вѣдь Шиллера-то, небось, знаешь! воскликнулъ я *про себя*, съ отчаяніемъ),—«да признаться, и не весьма жалую господъ стиходѣевъ. Не во гнѣвъ будь вамъ сказано, это самый пустой и причудливый народъ! Разстройство воображенія, безсонная метроманія, отвращеніе отъ всякаго дѣльнаго занятія: вотъ и все, что ихъ отличаетъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Да, для меня честный поденьщикъ гораздо почтеннѣе и полезнѣе, нежели праздный стихоплетъ. Притомъ-же, и должность ваша несовмѣстима съ этимъ *лирозвучіемъ*. Не мечтаете-ли попасть въ число поэтовъ великихъ, въ число Шиллеровъ, Державиныхъ?» — «А если-бы мнѣ удалось?» —

— По истинѣ сказать, это весьма сомнительно, ибо великіе поэты появляются нечасто; но вы, при безполезныхъ попыткахъ на этомъ скользкомъ поприщѣ, только и пріобрѣтете, что навыкъ строчить посредственные стишки; а такое пріобрѣтеніе, право, недрагоцѣнно ни для васъ лично, ни для Отечества, ожидающаго отъ образованныхъ молодыхъ людей существенной пользы. Кажется, положеніе ваше не таково, чтобы для васъ ничего не значило тратить время понапрасну. Ужъ не надѣетесь-ли вы слишкомъ на вашего чиновнаго и богатаго родственника—генералъ-штабъ-доктора арміи (*Баталина-же*), который чуть-

ли не доводится вамъ роднымъ дядей? Но не надѣйтесь на сыны человѣческіе: въ нихъ нѣтъ спасенія».—«На дядю не имѣю никакихъ разсчетовъ (возразилъ я), но на людей вообще—какъ не надѣяться? И на кого-же болѣе? Вѣдь люди живутъ людьми!»—«Забыли вы развѣ, что есть Нѣкто выше и мудрѣе всѣхъ насъ: отъ Него ищите, и Онъ не подастъ вамъ камня вмѣсто хлѣба».—«Читалъ я много объ этомъ, ваше пр—во, читалъ и знаю.... да что-то плохо вѣрится, видя вездѣ противное тому»... [5]).—«Неправда, сударь», перебилъ меня съ жаромъ Эверсъ, «неправда! Вы еще не прозрѣли высокихъ истинъ евангельскаго ученія. Изъ вашихъ словъ открывается, что вы ослѣплены матеріализмомъ, а потому въ одной лишь этой жизни и видите все. Заблуждаетесь, молодой человѣкъ, жалко заблуждаетесь! Когда-нибудь вспомните вы мое слово, да вспомните также и мнимаго врага своего, барона Ф. Штакельберга, этого истиннаго христіанина, котораго вы, въ письмѣ къ вашему Гапсальскому товарищу, пожаловали титуломъ ханжи и фарисея-лицемѣра!»...

Услышавъ эти укоризненныя слова, совершенно мною неожиданныя, я остолбѣнѣлъ отъ изумленія. Дѣйствительно, я писалъ по почтѣ къ одному изъ моихъ сослуживцевъ, бывшему университетскому товарищу, и въ письмѣ своемъ высказался слишкомъ нескромно о многомъ, а между-прочимъ и на счетъ именитой особы директора Эстляндскихъ училищъ, который мнѣ столько-же не нравился, сколько (повидимому) и я ему. Но какъ-же Эверсъ могъ узнать объ этомъ письмѣ? Что корреспондентъ мой исправно получилъ оное, о томъ мнѣ было извѣстно изъ его отвѣта; а выдать меня, своего стараго товарища и собрата, онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ способенъ. Стало-быть, мое злополучное посланіе было прочитано кѣмъ-то, прежде чѣмъ дошло по адресу; стало-быть, за мною слѣдили?!... Но что-же это значитъ?

— Какимъ образомъ ваше пр—ство изволили освѣдомиться о подобномъ отзывѣ съ моей стороны?» рѣшился я спросить, въ крайнемъ замѣшательствѣ.—«Вы слишкомъ неопытны и неосторожны», отвѣчалъ уклончиво Эверсъ, но весьма серьезнымъ тономъ. «У васъ, у Русскихъ, есть преназидательная *историческая* поговорка: *бумажки клочекъ далеко за собою волочетъ»* (это произнесено было порусски,—разумѣется, ломанымъ языкомъ), «а сказаннаго слова назадъ не воротишь. Я считаю себя обязаннымъ предостеречь васъ и обратить вниманіе ваше на практическія эти истины, а въ добавокъ къ нимъ, еще и на слѣдующій доброжелательный совѣтъ: не торопиться судить людей на-угадъ, не узнавъ ихъ короче, а тѣмъ болѣе людей, отъ которыхъ вы зависите, а еще тѣмъ болѣе—*письменно*!... Вы сегодня понаслушались отъ меня довольно много морали, но эта въ особенности можетъ вамъ оказать пользу, если вы удержите ее въ вашей памяти.... Впрочемъ, сама жизнь не допуститъ васъ забыть ее».—«Въ бесѣдѣ съ вами, мой глубоко-уважаемый начальникъ, я пріобрѣ-

[5]) Въ этой легкомысленной выходкѣ молодаго Баталина проглянуло направленіе, которое осталось въ немъ и до старости: по образу мыслей, онъ принадлежалъ къ числу «Вольтеріанцевъ», какихъ было у насъ немало въ его время. Впослѣдствіи, это-то направленіе ославило его на службѣ *завзятымъ* вольнодумцемъ и отозвалось ему горькими испытаніями, отравившими большую часть его жизни.

таю опытность столѣтняго старца», проговорилъ я, вставая съ мѣста и почтительно кланяясь.—«Прощайте, г. Баталинъ», отвѣчалъ онъ, протягивая руку, «и, на прощанье, еще позвольте напутствовать васъ послѣднимъ указаніемъ. Вамъ, столь юному кандидату на столѣтнюю опытность, предлежитъ добывать ее на службѣ въ краѣ, имѣющемъ свои особенности и большія различія противу прочихъ областей и провинцій Россіи. Относитесь-же къ мѣстнымъ особенностямъ и различіямъ, даже и въ мелочныхъ проявленіяхъ ихъ, какъ свойственно человѣку просвѣщенному: безъ нетерпимости и предубѣжденія... Тогда лишь успѣете вы принести и пользу возложенному на васъ дѣлу, и предохранить самого себя отъ горестныхъ столкновеній. Знаніе Нѣмецкаго языка, которымъ вы хорошо владѣете, пригодится вамъ здѣсь на каждомъ шагу и отвратитъ для васъ немало недоразумѣній, трудностей и препонъ въ вашей, несовсѣмъ-то легкой, службѣ,—да и въ частной жизни. Съ моей-же стороны вы встрѣтите искреннюю готовность быть полезнымъ вамъ содѣятелемъ, въ чемъ могу. Не стѣсняйтесь адресоваться прямо и непосредственно ко мнѣ, когда будетъ въ томъ нужда; но только прошу писать не *оффиціально*, а *конфиденціально*».

Наше свиданіе (при которомъ во все время разговоръ происходилъ понѣмецки), тѣмъ и заключилось. Впечатлѣніе, какое я вынесъ изъ него, утвердило меня въ мысли, что Эверсъ столь-же непапрасно слылъ добрымъ и привлекательнымъ человѣкомъ, какъ недаромъ славился знаменитымъ ученымъ. Во всѣхъ его пріемахъ обращенія, въ каждомъ его словѣ выражалось такъ много непритворнаго добросердечія и ласковости, что въ его устахъ всѣ наставительныя рѣчи, которыя мнѣ пришлось выслушать, вовсе не отзывались безжизненною, сухою моралью. Физіономія его имѣла выраженіе важное и спокойное, но безъ всякаго оттѣнка напыщеннаго педантизма или высокомѣрія, что̀ такъ часто замѣчаешь у дюжинныхъ Нѣмецкихъ гелертеровъ, или у многихъ особъ Русской крови, превознесенныхъ судьбою надъ прочими смертными. И мое впечатлѣніе не обмануло меня: Эверсъ не на однихъ лишь словахъ доказалъ свое участіе ко мнѣ,—маленькому Русскому чиновнику, почти еще мальчишкѣ, попавшему прямо съ школьной скамьи въ совершенно чуждое общество Нѣмцевъ, сосредоточившееся въ своей племенной и провинціальной *отдѣльности* и относившееся неслишкомъ дружелюбно къ нашей братіи, Московскимъ педагогамъ, присланнымъ для обученія бюргерскихъ отроковъ варварскому Русскому языку [6]). Немудрено даже, что и благосклоннымъ вниманіемъ Эверса, прежде всего, я обязанъ былъ своему умѣнью бойко объясняться понѣмецки: это обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ, частенько выручало меня на скользкой и, можно сказать, *щекотливой* службѣ въ Остзейскомъ краѣ. Но какъ-бы то ни было, а почтенный ректоръ Дерптскаго университета сдержалъ свое обѣщаніе быть мнѣ полезнымъ и дѣйствительно заботился улучшить мое служебное положеніе. Спустя годъ послѣ нашей встрѣчи, я получилъ отъ него приглашеніе въ Тукумское училище и перешелъ туда, а на другой

---

[6]) Нельзя не пожалѣть, что авторъ этихъ «Записокъ» не говоритъ ни слова о результатахъ преподаванія и о самой обстановкѣ дѣла въ тогдашнее время.

затѣмъ годъ—въ Ревельское уѣздное, на двойной окладъ содержанія. Но и впослѣдствіи Эверсъ не оставлялъ меня своимъ покровительствомъ: оно неоднократно служило мнѣ оплотомъ и защитой отъ разныхъ непріятностей и козней, коихъ избѣгать я не могъ и не умѣлъ, по своей неопытности и пылкости характера. Когда моего добраго покровителя не стало, я не даромъ пролилъ о немъ горячую слезу: эта потеря скоро отразилась на моей судьбѣ... И нынѣ, уже подъ старость лѣтъ, признательное и вѣчно-отрадное воспоминаніе о свѣтлой личности этого благороднаго человѣка принадлежитъ къ лучшимъ изъ моей былой жизни.

Г. Воронежъ.
1856.

Воспоминанія доктора Зейдлица

о Турецкомъ походѣ 1829 года.

Въ письмахъ къ друзьямъ *).

I.

Отъ Петербурга до Шумлы.

Константинополь, 22-го Декабря 1829 г.

Я прибылъ сюда съ нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ, графомъ Орловымъ, въ качествѣ врача при посольствѣ и, по всей вѣроятности, этому обстоятельству обязанъ тѣмъ, что еще живъ и могу хотя въ короткихъ словахъ описать свое путешествіе изъ Петербурга въ Кишиневъ, изъ Кишинева въ Адріанополь и наконецъ странствованіе изъ Адріанополя въ Византію.

30 Мая 1829 г. пустился я въ путь вмѣстѣ съ молодымъ докторомъ Фогелемъ, который бросилъ свою деревенскую практику въ окрестностяхъ Везенберга, чтобъ попытать счастія въ Турецкой войнѣ. Я радовался, что привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, не смотря на противодѣйствіе всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей. Моимъ давнишнимъ желаніемъ было, по окончаніи путешествія съ ученою цѣлію по Франціи, Италіи и Швейцаріи, снова поступить на службу, и покамѣстъ мнѣ еще не приходилось раскаяться въ этомъ рѣшеніи. Какъ Русскій подданный, я иначе и не могъ поступить, и требованіе моей совѣсти удовлетворено. На второй день нашего путешествія (въ тотъ самый день, когда Дибичъ разбилъ Решидъ-пашу при Кулевчѣ и отрѣзалъ его отъ Шумлы) остановились мы обѣдать въ корчмѣ въ 83 верстахъ за Порховомъ. Подали намъ вареную рыбу, сильно отзывавшуюся плесенью, и кислаго молока. Въ настоящее время, когда я постоянно страдаю перемежающейся лихарадкой, одна мысль о подобномъ обѣдѣ возбуждаетъ во мнѣ дрожь; но тогда все обошлось благополучно. На другой день къ вечеру остановились мы за

---

*) Извлечено и переведено съ Нѣмецкаго. Подлинникъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ «Дерптскому Городскому Листку» 1877 г. Достоуважаемый авторъ этихъ воспоминаній, Карлъ Карловичъ Зейдлицъ, пользующійся славою въ медицинѣ, извѣстенъ и въ Русской печати статьями своими о жизни В. А. Жуковскаго, которому былъ онъ другомъ (въ Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія), писанными порусски и появившимися потомъ отдѣльною книжкою, но уже на Нѣмецкомъ языкѣ (1872). П. Б.

60 верстъ отъ Великихъ Лукъ. Скучная, однообразная мѣстность производила на душу безотрадное впечатлѣніе; точно дорога эта вела куда-то, откуда нѣтъ возврата. Но я долженъ сказать, что предчувствія иногда бываютъ обманчивы. Особенно въ минуты душевнаго возбужденія, какъ это было со мною въ Іюнѣ 1829 г., не слѣдовало прислушиваться къ внутреннему голосу и довѣрять ему. Я съ восторгомъ ѣхалъ на войну, а между тѣмъ изъ зачумленнаго военнаго края доходили самыя противорѣчивыя извѣстія. Но, пріѣхавши туда, посреди опасностей, я забылъ свой страхъ, какъ это всегда бываетъ. Что же касается до энтузіазма, то ему пришлось быстро остынуть при видѣ постыднаго равнодушія въ большинствѣ дѣятелей: ихъ холодность къ побѣдамъ и къ славѣ подѣйствовала на меня, какъ будто на меня кто вылилъ цѣлый ушатъ воды. Только теперь, въ Константинополѣ, я снова начинаю согрѣваться....

Попутчикъ мой Фогель (страдавшій параличемъ верхнихъ вѣкъ) оказался человѣкомъ догадливымъ: на станціи Серпугѣ онъ сказалъ смотрителю, что ему кланяется владѣлецъ Суража, баронъ Розенъ. Не знаю, сказалъ ли онъ правду, или выдумалъ нарочно, но только вслѣдствіе этого намъ подали отличнаго кофею со сливками и такого мягкаго печенья, какого я съ тѣхъ поръ нигдѣ и ни за какія деньги достать не могъ. Покуда мы завтракали, смотритель разсказывалъ разные случаи изъ своей служебной дѣятельности, жаловался на курьеровъ, которые загнали у него пропасть лошадей, на дороговизну сѣна и т. д.

Послѣ обѣда пріѣхали мы въ Суражъ на Двинѣ. Отсюда начинается Жидовское царство. Евреевъ я встрѣчалъ вездѣ въ Европѣ, теперь вижу ихъ и въ Константинополѣ, и всюду они являются тѣми же паразитами, живущими обманомъ и мошенничествомъ, пьющими чужіе соки. Конечно, бываютъ исключенія; но какъ ихъ мало! Здѣсь въ Константинополѣ они не зовутся ни гяурами (собаками), ни эскири (рабами), ни райя (подданными); имъ присвоено названіе мусафировъ (гостей), потому что, когда ихъ изгнали изъ Испаніи, они просили позволенія поселиться тутъ. Турки съ ними обращаются гораздо лучше, чѣмъ съ христіанами, и они безъ всякихъ стѣсненій занимаются ремеслами и торговлей. Живутъ они въ предмѣстьи за Св. Димитріемъ, на сѣверовосточной сторонѣ гавани. Тутъ же находится ихъ кладбище. Образъ жизни у нихъ также грязенъ, какъ вездѣ и всегда. Они носятъ, какъ и Турки, широкіе шаровары, башмаки или туфли, полукафтанье и большой голубой плащъ. На гладко-обритую голову Еврей надѣваетъ чалму изъ черносиняго войлока; но чалма обвита не шалью, а бумажной матеріей. Носятъ они ее торчкомъ на самой макушкѣ. Между Греками и Евреями сильная вражда, проявляющаяся при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда Турки повѣсили патріарха Григорія, Евреи испросили себѣ позволеніе протащить на веревкѣ трупъ его по всѣмъ улицамъ, и затѣмъ бросили его въ море. Здѣшніе Греки утверждаютъ, что на Пасхѣ Евреи крадутъ христіанскихъ младенцевъ и потомъ закалываютъ вмѣсто пасхальнаго агнца. Одинъ Еврей, перешедшій въ христіанскую вѣру, написалъ на Молдаванскомъ языкѣ книгу подъ заглавіевъ: «Опроверженіе Іудейской вѣры». Евреи заплатили господарю значительную сумму денегъ, чтобы онъ запретилъ эту книгу. Черезъ пятнадцать лѣтъ (1818) въ Яссахъ появился переводъ этой книги на Новогре-

ческомъ языкѣ, и въ первой главѣ говорится именно о томъ, за чѣмъ Евреямъ нужна кровь похищенныхъ дѣтей [1]).

Въ Витебскѣ пришлось остановиться на одинъ день. Насъ порядкомъ растрясло, такъ что мы не прочь были и отдохнуть; но главная причина была та, что я обѣщалъ полковнику Окуневу, у котораго болѣли глаза, ѣхать вмѣстѣ въ Главную Квартиру. Потомъ мы съ нимъ разъѣхались.

Дорога въ Могилевъ очень красива. Она обсажена въ два ряда липами [2]). Вокругъ болотистая почва поросла густою травою. Въ 6 часовъ утра пріѣхали мы въ Могилевъ. Отъ быстрой ѣзды передняя ось у нашей кибитки безпрестанно загоралась, и мы велѣли обить ее листовымъ желѣзомъ, что̀ насъ задержало на нѣсколько часовъ. Могилевъ красиво расположенъ на Днѣпрѣ; онъ лучше обстроенъ и обширнѣе Витебска; въ городѣ много большихъ площадей. Русскіе здѣсь въ гостяхъ: хозяйничаютъ Евреи. Только аптеки и кондитерскія принадлежатъ Нѣмцамъ. Я купилъ шеколаду у какого-то Швейцарца изъ Граубиндена. Исторія покажетъ, какую важную роль суждено было играть этому шеколаду при переходѣ черезъ Балканы. Вечеромъ судьба намъ послала порядочную, опрятную Еврейку, которая угостила насъ превкуснымъ чаемъ. Это было въ Старомъ Быховѣ. Владѣлецъ городка, графъ или князь Сапѣга, имѣетъ похвальный обычай высылать вонъ всякаго Еврея, если онъ оказывается нечистоплотнымъ, развратнымъ или мошенникомъ. Вслѣдствіе этого Быховъ имѣетъ чистенькій, привлекательный видъ, а жители-Евреи смотрятъ порядочными людьми. Вокругъ красивая мѣстность, но земля плохо, къ сожалѣнію, обработывается. Происходитъ это, по моему мнѣнію, единственно отъ того, что паразиты - Евреи неспособны ни къ земледѣлію, ни къ огородничеству, а занимаются только лихоимствомъ. Въ самомъ дѣлѣ что̀ производитъ этотъ народъ? Обработкой какихъ естественныхъ произведеній занимается онъ? Давно бы пора вырѣзать этотъ ракъ, истощающій нашъ государственный организмъ.

Станціонные смотрители здѣсь тоже Евреи; въ Шловинѣ мы должны были заплатить одному изъ нихъ за стаканъ кофею 1 р. 20 к. Здѣсь съѣхались мы съ курьеромъ, который везъ въ Петербургъ извѣстіе о побѣдѣ при Кулевчѣ. Я очень обрадовался этой вѣсти и пожалѣлъ, что не удалось принять участіе въ сраженіи, рѣшившемъ всю войну.

Мы вообще спѣшили доѣхать скорѣе до Главной Квартиры, такъ какъ боялись, что войско уже будетъ подъ Константинополемъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ своего назначенія. Но въ Мормолѣ смотритель вдругъ вздумалъ не давать намъ лошадей. Мы подняли шумъ. Фогель, хоть и страдалъ глазами, но такъ грозно посмотрѣлъ на него, что тотъ сразу послушался. Черезъ Березину пришлось переѣз-

---

[1]) Замѣчательно, что этоже сказаніе составляетъ предметъ особой должностной записки, представленной министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому однимъ значительнымъ чиновникомъ. Впрочемъ чиновникъ этотъ былъ гомеопатомъ, послѣдователемъ Сведенборга и наконецъ спиритомъ.

[2]) Насаженными по распоряженію Бѣлорусскаго намѣстника графа З. Г. Чернышева; впослѣдствіи деревьями украсились большія дороги въ остальной Россіи, и уже только въ наши дни большинство этихъ деревьевъ порублено, къ сраму тѣхъ, кому это вѣдать надлежало. П. Б.

жать на паромѣ, и лишь черезъ полчаса перевощики на противоположномъ берегу вняли нашимъ крикамъ. Рѣка красиво извивается между берегами, поросшими орѣшникомъ и березнякомъ; но почва по ту сторону песчаная и болотистая. Крестьяне бѣдны, земледѣліе въ упадкѣ. Лѣсу здѣсь въ изобиліи, но крестьянамъ отъ того не легче. На станціи, гдѣ множество мухъ и смотритель Полякъ, подали намъ отличнаго чаю. Тутъ я увидалъ производство колесныхъ ободьевъ. Дерево подвергаютъ въ продолженіи 24-хъ часовъ вліянію сильнаго жара и затѣмъ сгибаютъ въ обручъ. О прочности этихъ ободьевъ могутъ засвидѣтельствовать колеса нашей повозки: они выдержатъ навѣрное еще два похода. Утромъ 7-го Іюня пріѣхали мы въ Мозырь на Припети. Судя по мѣстоположенію города при судоходной рѣкѣ, въ немъ должна бы развиться торговля; но почва вплоть до Овруча песчана и болотиста. Въ Мозырѣ нельзя было достать ни чаю, ни сахару; за кофей съ насъ взяли 3 р. 80 к. Всѣ слѣдующія станціи были въ такомъ же родѣ: нельзя было достать ничего съѣстнаго, даже переночевать было негдѣ. Исключеніе составляла станція Скородынка. Много еще нужно времени, чтобъ народонаселеніе и промышленность возросли въ этомъ краѣ до той степени, которая желательна и возможна, при естественныхъ условіяхъ, не представляющихъ никакихъ препятствій къ развитію.

На утро 10 Іюня выѣхали изъ Житомира, переѣхали черезъ рѣку Тетеревъ и очутились въ черноземной полосѣ, среди богатой растительности. Отъ наступившихъ дождей дорога сильно испортилась. Вплоть до самаго Бердичева (городъ принадлежитъ князю Радзивилу, имѣетъ 10,000 жителей, изъ которыхъ 9,500 Евреи) ѣхали мы прекраснѣйшимъ дубовымъ лѣсомъ; такого лѣса я нигдѣ и никогда не встрѣчалъ. Изъ-подъ черноземной почвы виднѣлись глыбы гранита и гнейса. На слѣдующій день мы переправились черезъ Бугъ. Народъ здѣсь рослый и сильный, съ пріятными чертами въ лицахъ, но въ выраженіи есть что-то Татарское. Къ вечеру пріѣхали мы въ Тульчинъ и остановились у своихъ собратовъ, доктора Германа и доктора Садлера, завѣдывавшаго тамошней гомеопатической больницей.

Гомеопатическій способъ лѣченія, какъ и слѣдовало ожидать, пришелся по вкусу многимъ знатнымъ лицамъ въ Петербургѣ. Въ немъ они увидѣли спасеніе отъ всѣхъ болѣзней. Слухи объ этомъ дошли до Государя, и тогда было рѣшено испробовать его въ большихъ размѣрахъ. Дѣло поручили доктору Герману, ученику Ганемана; условіе было заключено на три года, и жалованья назначено 12,000 р. въ годъ. Германъ долженъ былъ пробовать новое лѣченіе на гвардейцахъ, стоявшихъ тогда въ Тульчинѣ. Въ помощники Германъ выбралъ себѣ доктора Садлера [3]) и получилъ въ свое полное и безотчетное распоряженіе цѣлое отдѣленіе госпиталя. Когда я былъ у него въ Тульчинѣ, онъ однако жаловался, что ему мѣшаютъ и что нѣтъ возможности держать солдатъ на необходимой для успѣха лѣченія діэтѣ и т. п. Я, конечно, заключилъ изъ его словъ, что лѣченіе не давало ожидаемыхъ плодовъ. И дѣйствительно, какъ видно изъ должностнаго отчета, при сравненіи гомеопатическаго отдѣленія съ прочими отдѣленіями госпиталя, способъ лѣченія доктора Германа оказался

---

[3]) Садлеръ былъ потомъ главнымъ врачемъ при дворцовомъ гошпиталѣ въ Петербургѣ.

нисколько не лучше другихъ. Онъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшіе опыты и уѣхалъ въ Петербургъ [4]); въ Сентябрѣ и Садлеръ явился къ намъ въ Адріанополь.

11-го Іюня утромъ выѣхали мы изъ Тульчина. Неровная почва покрыта толстымъ слоемъ чернозема, который послѣ каждаго дождя превращается въ густую черную грязь; но на этотъ разъ дорога представляла собою сухой, жесткій помостъ. Въ низкихъ мѣстахъ, вслѣдствіе гнилыхъ испареній, постоянно поднимающихся изъ земли, круглый годъ свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки.

Прогоны и паспорты имѣли мы только до Балты, такъ что отсюда пришлось добираться собственными средствами до Главной Квартиры, куда мы обязаны были явиться къ доктору Генеральнаго Штаба Витту. Въ Балтѣ лошадей не оказалось. Мы ночевали въ плохомъ шинкѣ у какого-то Шведа. Фогель легъ въ кибиткѣ, а я помѣстился рядомъ съ питейной комнатой. Тутъ я увидалъ въ первый разъ Турецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Варною. Они преисправно тянули водку и вино и, казалось, не жаловались на неволю. Около Балты много высокихъ кургановъ: въ старину здѣсь часто дрались Русскіе, Поляки и Татары. Густой слой чернозема покрываетъ не только корытообразныя ложбины, но и возвышенности; деревьевъ не видно совсѣмъ, всюду кругомъ зеленая степь. Верстъ 15-ть къ Югу отъ Балты начинается высокая равнина, составляющая водораздѣлъ между Бугомъ и Днѣстромъ; 25 верстъ отъ этого мѣста подъ черноземомъ лежитъ слой раковиннаго известняка, который переходитъ въ песчаникъ. Вплоть до Ягорлица подпочва состоитъ попеременно то изъ того, то изъ другаго. За двѣ версты отъ этой станціи находится обширный высохшій водоемъ, въ южной части котораго есть прорывъ. Далѣе почва понижается къ Днѣстру, на правомъ берегу котораго лежатъ Дубоссары. Намъ пришлось таки подождать, покуда привели лошадей изъ Дубоссаръ. Мы были на границѣ зачумленнаго края; пограничнo съ Бессарабіей шла наша карантинная линія. 12 Іюня вечеромъ пріѣхали мы въ Кишиневъ, сдѣлавъ благополучно 1729 верстъ въ 13 дней. За ночлегъ въ грязной и тѣсной каморкѣ, въ которой не было даже кровати, а стояли только два сломанныхъ стула и такой же столъ, съ насъ взяли пять р. Въ этомъ городѣ мы могли наконецъ пообѣдать какъ подобаетъ человѣческимъ существамъ, поторопились запастись поскорѣе кофеемъ, чаемъ, сахаромъ, отличнымъ хлѣбомъ и плодами и выѣхали на слѣдующее утро. Благодаря нашимъ военнымъ мундирамъ, мы, не имѣя паспортовъ, безпрепятственно проѣхали степью 8 станцій, т. е. 172 версты, и наконецъ достигли Прута. Дорóга то поднималась въ гору, то снова опускалась. Сёла попадались верстъ черезъ 20 или 25; они же служили почтовыми станціями. На второй станціи послѣ Кишинева, Гура-гальбинѣ, большая часть жителей страдала лихорадкой; особенно плохо приходилось Русскимъ. Мѣстность представляла плохую черноземную равнину. Большое село, принадлежащее камергеру Бальшу, замѣчательно своими широкими, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ улицами. Вечеромъ мы напились чаю въ мѣстечкѣ Могилъ-Леовѣ и выѣхали ночью, хотя намъ не совѣтовали этого дѣлать, потому что ночью легче всего схватить

---

[4]) Здѣсь онъ продолжалъ лѣчить гомеопатіей въ большомъ Военномъ Госпиталѣ, съ тѣмъ же успѣхомъ, чтò и въ Тульчинѣ.

лихорадку. Дѣйствительно, болотистая почва, по которой шла дорога, должна быть мѣсторожденіемъ лихорадокъ. Всю ночь мы слышали неумолкаемое кваканье лягушекъ и стонъ жабъ; въ воздухѣ стоялъ ѣдкій запахъ, точно отъ гнилыхъ устрицъ.

Въ Формозѣ куда мы пріѣхали 14-го Іюня рано утромъ, насъ встрѣтили извѣстіемъ, что въ селѣ чума. Въ 12 ч. мы были на берегу Прута у карантина, въ которомъ уже было двѣнадцать человѣкъ больныхъ чумою. Почтовыя лошади, на которыхъ мы пріѣхали, были отправлены обратно въ Водолуису, а нашу кибитку протащили люди съ того берега черезъ длинный мостъ. Точно подъемная дверь захлопнулась за мною. Мы были отдѣлены отъ всего остальнаго міра; вернуться туда можно было только послѣ 40 дневнаго задержанія.

Прутъ течетъ по обширной, плоской равнинѣ, поросшей камышемъ. На Бессарабской сторонѣ виднѣлись виноградники, каштановыя деревья, огороды, на Молдавской же ничего кромѣ болотъ: растительности никакой. Въ Молдавіи началось наше мученье съ лошадьми. Упряжка тамъ совершенно первобытная. Лошадей привязываютъ ремнями и веревками къ экипажу, а оглобли связываютъ, такъ что онѣ образуютъ родъ дышла; впрягаютъ пару лошадей въ дышло и трехъ лошадей спереди; двое Молдаванъ садятся верхомъ на этихъ лошадей, чтобы править ими. На одной станціи намъ впрягли даже шесть лошадей, но онѣ такъ бѣшено поскакали всѣ вразъ и такъ запутались въ веревкахъ, что мы попросили, чтобъ намъ дали только четырехъ, съ тѣмъ что платить мы будемъ все-таки за шесть. На спускахъ было жалко смотрѣть, какъ несчастныя лошади усиливались сдержать экипажъ. Разстояніе между станціями очень небольшое, верстъ 12—16, ѣзды часа три-четыре. Платы за каждую лошадь полагается 10 к. за часъ. До Галаца мы ѣхали 32 версты восемь часовъ. Городъ стоитъ при впаденіи Прута въ Дунай. Вдоль праваго берега Прута возвышается множество холмовъ, кургановъ, которые, говорятъ, насыпаны руками человѣческими; но я скорѣе думаю, что они образовались съ теченіемъ времени изъ щебня, нанесеннаго сюда горными потоками съ Карпатовъ и измельченнаго дѣйствіемъ воды. Въ углу, образуемомъ обѣими рѣками, лежитъ большое озеро—Братишъ. Нѣсколько верстъ къ Югу отъ Галаца впадаетъ въ Дунай рѣка Серетъ. Въ Галацѣ передъ каждымъ домомъ дымится зажженная куча навоза въ предупрежденіе заразы. На станціи мы не выходили изъ повозки, но пили чай и спали въ ней же. Утромъ я отправился въ госпиталь къ главному доктору, узнать отъ него, гдѣ Главная Квартира. Онъ просилъ меня зайти въ канцелярію и обѣщалъ сообщить требуемыя свѣдѣнія. Но я уже прежде слышалъ, что слѣдуетъ опасаться подобныхъ приглашеній, такъ какъ главные доктора безъ всякихъ разговоровъ оставляютъ у себя на службѣ докторовъ, ѣдущихъ изъ Петербурга въ армію. Подобная перспектива мнѣ нимало не улыбалась, такъ какъ я пошелъ служить совсѣмъ не для того, чтобъ попасть въ какомъ нибудь отдаленномъ лазаретѣ подъ начальство какого нибудь Ивана Петровича. Я поспѣшилъ обратно на станцію, показалъ смотрителю, инвалидному унтеръ-офицеру, свою старую подорожную, и онъ, увидавъ двуглаваго орла, нашелъ, что все въ порядкѣ, и сейчасъ же далъ лошадей. На слѣдующей станціи, передъ тѣмъ, какъ намъ пріѣхать, умерли отъ чумы двое унтеръ-офицеровъ и двое солдатъ. Покуда мою подорожную окуривали надъ тлѣвшей навозной кучей, смотритель, саперный унтеръ-офицеръ, разсказалъ

мнѣ про неудачный штурмъ Браилова въ прошломъ году, и какъ наши храбрые солдаты отличались мужествомъ и послушаніемъ волѣ начальства. Во время приступа началась буря, и вихрь поднялъ такія облака пыли, что батальонъ, который долженъ былъ овладѣть брешью, не нашелъ ея и попалъ на неприступную часть укрѣпленій. Командовавшій офицеръ поспѣшилъ ихъ отвести, но провелъ дальше, чѣмъ слѣдовало. Наконецъ они нашли брешь, ринулись въ нее, а между тѣмъ было приказано всѣмъ отступать. Они объ этомъ не знали и очутились между двухъ огней: въ нихъ попадали и свои, и враги. Особенно восхвалялъ старый солдатъ храбрость своего капитана, котораго онъ называлъ Аугенбергомъ. Можетъ быть, онъ не совсѣмъ точно произносилъ его имя, но не все ли равно? Человѣкъ этотъ оставилъ по себѣ славную память, и довольно. Черезъ три часа мы были въ Браиловѣ, на слѣдующей станціи. Здѣсь я обратился къ коменданту съ просьбою подписать подорожную для дальнѣйшаго пути. Въ госпиталѣ хотѣлъ я справиться, нѣтъ ли между докторами Дерптскихъ товарищей, но не засталъ тамъ ни одного доктора. Мнѣ показали квартиру главнаго доктора Басманова. Такъ какъ у нихъ передъ тѣмъ умеръ одинъ изъ докторовъ, Томасъ, то онъ и рѣшилъ не пускать меня ѣхать дальше. Конечно, онъ не имѣлъ на это ни малѣйшаго права, но гдѣ же я бы нашелъ защиту противъ его самовластія? Я твердо заявилъ ему, что одного его приказанія недостаточно, а пусть онъ пришлетъ мнѣ бумагу и приказъ отъ самого коменданта. Онъ поспѣшилъ къ коменданту, а я бросился на станцію, которую только наканунѣ перевели за двѣ версты отъ города. Покуда Басмановъ отыскивалъ меня на старомъ мѣстѣ, я летѣлъ изъ крѣпости чрезъ проломъ въ стѣнѣ, черезъ рвы, заросшіе крапивой, прямо къ своей повозкѣ, велѣлъ поскорѣе запрягать и былъ таковъ. Такъ я Браилова и не видалъ; видѣлъ только единственные уцѣлѣвшіе четыре Турецкихъ минарета. Въ Бертештѣ мы опять ночевали подъ открытымъ небомъ. Въ Слободзеѣ жители послѣ чумы всѣ выселились вонъ изъ города.

16-го Іюня въ $3^1/_2$ часа пополудни увидали мы изъ Калараша Силистрію. Отъ Браилова до Калараша сдѣлали мы около 112 верстъ въ 28 часовъ. Мы были близко отъ самаго театра войны, а между тѣмъ вокругъ насъ ничто не давало знать объ этой близости. Луга зеленѣли и пестрѣли цвѣтами; ни одного караульнаго на часахъ, и никакихъ смертоносныхъ орудій по дорогѣ. Мы въѣхали въ лагерь у Калараша совершенно свободно. Но Главная Квартира уже была перенесена подъ Шумлу, и надо было ѣхать дальше. Почтмейстеръ никакъ не хотѣлъ давать лошадей, покуда подорожная наша не будетъ засвидѣтельствована комендантомъ и главнымъ докторомъ. Я отослалъ ее къ коменданту, а самъ отправился въ госпиталь посмотрѣть, нѣтъ-ли знакомыхъ между докторами. Тутъ были все молодые хирурги изъ Москвы; они жили по двое въ солдатскихъ палаткахъ. Я опасался, что здѣсь не удастся такъ ловко ускользнуть какъ въ Галацѣ и Браиловѣ, и потому пошелъ самъ къ коменданту спросить, не довольно ли будетъ одной его подписи для полученія почтовыхъ лошадей. Майоръ Вульфъ, Лифляндскій уроженецъ, принялъ меня очень ласково, но все-таки послалъ къ главному доктору, Ремаревскому. Какъ же я обрадовался, когда сей послѣдній сталъ выражать мнѣ сожалѣніе, что не можетъ оставить меня здѣсь въ качествѣ главнаго хирурга, ибо наканунѣ полученъ приказъ объ отправкѣ всѣхъ докторовъ че-

резъ Варну и Горбачебанъ (близъ Гирсова) въ Шумлу. Можете себѣ представить мою радость! Я поспѣшилъ къ Фогелю, ожидавшему меня на станціи, передалъ ему пріятную вѣсть, а смотрителю приказаніе дать намъ лошадей. Мы, конечно, могли бы тутъ отдохнуть, посмотрѣть на Силистрію, возвышавшуюся на противоположномъ берегу Дуная, въ разстояніи какихъ нибудь 12-ти верстъ; но страхъ, какъ бы насъ здѣсь не оставили въ концѣ концовъ, заставилъ торопиться отъѣздомъ. Часа въ 4 началось обстрѣливанье крѣпости; а днемъ, въ сильный жаръ, всѣ отдыхаютъ. Турки изрѣдка отвѣчали; если же съ ихъ стороны раздавалось нѣсколько выстрѣловъ сряду, то всѣ наши батареи принимались громить ихъ въ продолженіи минутъ пяти, такъ что они замолкали и ограничивались салютами черезъ каждыя двѣ-три минуты. Два дня спустя, 19-го Іюня, Силистрія сдалась.

Въ Житомирѣ мы ѣли мясо въ послѣдній разъ; съ тѣхъ же поръ питались кофеемъ, бѣлымъ хлѣбомъ и молокомъ. Поровнявшись съ лавочкой маркитанта, мы, конечно, велѣли остановиться и пообѣдали, за что съ насъ взяли 4 р. 20 к. Мы тутъ убѣдились, что на войнѣ еще не совсѣмъ плохо, коли можно за деньги получить горячій обѣдъ. Объ опасности мы не думали, такъ какъ непріятель былъ далеко; голодная смерть тоже не могла угрожать намъ, въ Калярашѣ лавки тянулись длинными рядами, и въ нихъ было всего въ изобиліи: колбаса, ветчина, сыръ, прогорклое масло, сахаръ, кофей, чай, печенье и т. п. Пообѣдавъ всласть, мы растянулись въ кибиткѣ и отправились по той же самой дорогѣ обратно за 80 или 90 верстъ въ Слободзею и Піопетро, гдѣ близь Гирсова находится переправа черезъ Дунай. 17-го Іюня утромъ пріѣхали мы въ Піопетро. Близъ дороги находились развалины монастыря; они заняли насъ тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мы встрѣчали только плохія избы. Монастырь разрушенъ Турками въ 1809 году, отъ него остались однѣ стѣны. Вмѣсто монаховъ насъ встрѣтила цѣлая стая воронъ; онѣ лакомились трупомъ лошади, и мы имъ помѣшали. У станціоннаго смотрителя въ селѣ едва едва нашлось достаточно воды и дровъ, чтобы согрѣть намъ чайный котелокъ. Судя по этому да по голымъ стѣнамъ его избы, жизнь, которую онъ ведетъ уже нѣсколько лѣтъ, далеко непривлекательна. Я спросилъ, отчего онъ не пользуется прекрасной черноземной землей, не посадитъ вокругъ дома гороху, капусты или картофелю; на это онъ отвѣчалъ, что и радъ бы, да въ селѣ не найдешь никакихъ сѣмянъ. Избы стоятъ въ безпорядкѣ, далеко одна отъ другой, и нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни цвѣточка передъ домомъ. Лѣнивые Молдаване довольствуются тѣмъ, что̀ имъ даютъ козы, овцы и коровы. У нихъ подъ носомъ впадаетъ въ Дунай судоходная рѣка Яломица, плодородная земля покрыта высокой травой, климатъ ровный и теплый въ теченіи круглаго года, а имъ до этого всего и дѣла нѣтъ. Даже траву они не косятъ про запасъ на зиму, отчего и людямъ, и скоту бываетъ иногда плохо.

Переправившись черезъ Яломицу, мы поѣхали гатью, устроенною въ прошломъ году нашими солдатами. Берега̀ рѣки плоски и поросли мелкимъ кустарникомъ; жилья не видно нигдѣ. Дунай здѣсь болѣе версты въ ширину. На берегу столпились, въ ожиданіи парома, большой гуртъ быковъ, рота солдатъ и маркитантскій обозъ. Пришлось ждать болѣе часу. Въ ожиданіи, капитанъ сторожеваго судна попросилъ меня осмотрѣть трупы двоихъ умершихъ и засвидѣтельствовать, что они умерли не отъ чумы. Переправа черезъ рѣку про-

должалась не болѣе получаса, но мы причалили на версту ниже того мѣста, откуда поѣхали. На правомъ берегу Дуная были устроены Русскія стоянки въ видахъ скорѣйшаго сообщенія съ Главной Квартирой. Крестьянамъ ближайшихъ губерній было приказано явиться съ телѣгой и тремя лошадьми, для перевозки всѣхъ, ѣдущихъ по дѣламъ службы. Расположены были эти стоянки по всей Болгаріи, одна отъ другой на разстояніи 25—26 верстъ.

Крестьяне получали 30 р. жалованья въ мѣсяцъ, даровой кормъ для лошадей и кромѣ того за ѣзду на каждую лошадь за версту по 8 к. Я былъ радъ раздѣлаться съ неуклюжей Молдавской упряжкой и снова ѣхать на Русской тройкѣ, но на второй же станціи меня постигло разочарованіе: на спускѣ лошадки наши понесли, повозка опрокинулась, и я, описавши кривую линію, свалился на правую сторону. Фогель же, который изъ предосторожности еще при началѣ горы вышелъ, благополучно спустился къ намъ. Посреди дороги кучей лежали люди, лошади и чемоданы. Это была моя неудача № 1 въ непріятельской землѣ. Мы поднялись на ноги съ помощію Болгарина и шажкомъ доплелись до слѣдующей стоянки, гдѣ провели ночь подъ открытымъ небомъ, покуда чинили нашу повозку.

18-го Іюня пріѣхали мы въ довольно значительный портъ Чернаго моря, Мангалію, сдѣлавъ 45 верстъ по необычайно-плодородной степи, гдѣ не было души человѣческой. Кюстенджи была совершенно разрушена. Отъ Карасу до Кюстенджи ѣхали мы 23 версты вдоль Траянова вала. У сѣверной стѣны находится ровъ; отъ башенъ же не осталось и слѣда: весь матеріялъ употребленъ на новѣйшія постройки. По всей Добруджѣ Русскіе заготовляютъ запасы сѣна на зиму. Черное море своимъ синимъ цвѣтомъ напоминаетъ Генуэзскій заливъ. Въ Кюстенджи была также прежде чума, такъ что наши войска должны были разбить лагерь на самомъ берегу моря. Маркитантъ Еврей взялъ за плохенькій обѣдъ 5 р., ссылаясь на низкій курсъ; по покрайней мѣрѣ, онъ не требовалъ, чтобы его считали патріотомъ и не числится членомъ какого нибудь патріотическаго общества. По дорогѣ изъ Кюстенджи въ Мангалію, въ большомъ, раззоренномъ селѣ Тузлѣ, увидали мы наконецъ четыре дерева, но нигдѣ ни малѣйшихъ признаковъ земледѣлія, или какого нибудь производства: богатые дары природы пропадали втунѣ. На всемъ лежало проклятіе Турецкаго владычества. Въ Мангаліи насъ обкурили, какъ слѣдуетъ, и мы переночевали въ виду Чернаго моря въ «Калантеріи». Мѣстоположеніе города прелестно. Но всѣ жители переѣхали на дачи въ избѣжаніе чумы; въ раззоренныхъ домахъ помѣщались Русскіе На другое утро, по дорогѣ въ Сартикіой, намъ повстрѣчался большой отрядъ плѣнныхъ Турокъ; они были всѣ очень веселы и довольны тѣмъ, что больше не нужно сражаться.

И отъ Сартикіоя остались однѣ развалины. Мы долго ждали лошадей, которыхъ пришлось ловить изъ табуна, а покуда мы собственноручно варили себѣ кофей, казаки дали намъ молока отъ буйволицы; но кофей черезъ то вкуснѣе не сталъ, а напротивъ. Намъ попался хромой офицеръ, которому тоже надоѣла война; съ удовольствіемъ возвращался онъ на родину отдыхать на лаврахъ въ своемъ помѣстьи, гдѣ у него было душъ тридцать крестьянъ, обязанныхъ кормить барина.

Въ Коварнѣ свирѣпствовала чума, и жители всѣ преселились за городъ. Нѣсколько докторовъ уже померло. Городъ разрушенъ вы-

стрѣлами: уцѣлѣли только два минарета. Слѣдующая станція (30 в.) Сатеоль, уже въ Балканскихъ предгоріяхъ; Бальчикъ остался влѣво. Версты за три до станціи, дорога спускается въ ущелье, заросшее дикимъ виноградникомъ, грушевыми, вишневыми и каштановыми деревьями. Мы такъ долго были лишены растительности, что видъ густой зелени привелъ насъ въ восхищеніе. Вдругъ начался ливень; мы думали было найти защиту подъ густыми деревьями, но не прошло и двухъ минутъ, какъ на насъ не осталось сухой нитки; вещи наши въ повозкѣ, книги, инструменты взмокли совершенно. Это была бѣда № 2, а за тѣмъ послѣдовалъ и № 3: лошадей не было ни одной, и смотритель объявилъ, что раньше какъ черезъ два дня ихъ и не будетъ, потому что всѣхъ забираютъ курьеры и фельдъегеря. Шумла и Главная Квартира такъ близко, а добраться туда нѣтъ возможности: мы находились въ пустынной, необитаемой мѣстности, и никакія просьбы и денежные посулы не могли помочь. Самъ смотритель жилъ въ могилѣ какого-то магометанскаго святаго гиганта; лошади стояли въ разрушенной мечети. А тутъ еще подъѣхали два пьяныхъ комисаріатскихъ чиновника, да говорунъ майоръ съ ближайшаго этапа помѣстился тоже въ могилѣ у святаго, такъ что намъ оставалось отодвинуть повозку къ сторонѣ и ночевать въ ней. Не знаю, долго ли бы намъ тутъ пришлось жить и голодать, еслибъ къ счастію ночью не пришли новыя лошади. Покуда прочіе путешественники предавались сну, мы велѣли запрягать и отправились далѣе. Дорога изъ глубокаго пустыннаго ущелья шла густымъ лѣсомъ, постепенно поднимаясь все выше и выше. Какая здѣсь роскошная природа! Что за высокія деревья, перевитыя дикою лозою и хмѣлемъ! Но только одинъ прекрасный колодезь на полпути, да развалины мечети свидѣтельствовали о трудѣ человѣка. Съ вершины горы открывался очаровательный видъ на море; на берегу раскинулось большое Болгарское село. Дальше дорога пошла по плоской возвышенности, между лугами и хлѣбными полями, вплоть до станціи, которая, изъ опасенія чумы, была переведена за 5 верстъ отъ Варны въ редутъ, оставшійся отъ прошлогодней осады. Лошадей и здѣсь не было. Не смотря на палящій зной, я отправился на гору въ городъ черезъ поломанные виноградники, гдѣ еще лежали пушечныя ядра, и изъ подъ земли выглядывали лошадиныя кости. Варна привлекала меня уже потому, что обладаніе укрѣпленнымъ портомъ имѣло большое значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ войны; а кромѣ того меня приманило воинственное оживленіе, которое я думалъ найти въ этомъ городѣ.

Крѣпость Варна расположена полумѣсяцемъ въ обширной морской бухтѣ; на рейдѣ стояло множество купеческихъ и военныхъ кораблей; направо и налѣво отъ города по берегу были расположены лагеремъ наши войска. Бѣлыя палатки посреди зеленѣющихъ полей, красныя плоскія крыши домовъ и сверкающее море представляли собою поразительное сочетаніе цвѣтовъ. Западные ворота были заперты, и мнѣ пришлось обойти кругомъ города къ восточнымъ, гдѣ меня приняли за одного изъ докторовъ при госпиталѣ, и пропустили безъ всякаго замедленія. Я отправился въ госпиталь, но нашелъ только доктора Салмоновича, который одинъ остался въ живыхъ и принужденъ былъ исполнять обязанности и аптекаря. Городъ былъ совсѣмъ пустъ: и жители и войска выведены изъ зараженнаго мѣста; домà и лавки заперты. Я былъ страшно голоденъ; на базарной пло-

щади попался мнѣ на встрѣчу толстый комисаръ; я обратился съ вопросомъ, гдѣ здѣсь можно достать чего нибудь поѣсть. Не говоря ни слова, онъ вынулъ изъ кармана флаконъ съ ароматическимъ уксусомъ, налилъ нѣсколько капель мнѣ на руки и посовѣтовалъ вымыть имъ руки, лицо и голову. Я послѣдовалъ его совѣту, и тогда онъ объяснилъ, что мы можемъ вмѣстѣ идти въ лагерь, гдѣ маркитантъ открылъ лавочку. Пока мы утоляли голодъ, пріѣхалъ докторъ изъ Главной Квартиры и, спросилъ тоже поѣсть. Не дожидаясь распросовъ съ нашей стороны, онъ сообщилъ, откуда и куда ѣдетъ, какъ и зачѣмъ и т. д. Его посылали съ двумя другими докторами въ Варну, Коварну и Зицеболье лечить чумныхъ. По его мнѣнію, нужно только сразу энергично приняться за дѣло, и никакая чертовская чума неопасна. Бѣдный говорунъ! Черезъ недѣлю его уже не было на свѣтѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что въ Варну отправлялся также съ нимъ Дерптскій докторъ Петерсенъ. Тутъ я вмѣшался въ разговоръ и просилъ отвести меня послѣ обѣда къ нему. Петерсенъ оказался добрымъ землякомъ и отличнымъ докторомъ. Поболтали мы съ нимъ часокъ, потолковали о важности порученной имъ задачи, и я, весьма довольный всѣмъ видѣннымъ, отправился черезъ кусты и виноградники прямо на почтовую станцію. Докторъ Фогель добылъ гдѣ-то молока, услужливый казакъ принесъ кипятку, и мы принялись запивать наше горе чаемъ: не было ни малѣйшей надежды добыть здѣсь лошадей. Напрасно просилъ я начальника каравана взять насъ съ собою до Шумлы; онъ или не могъ, или не хотѣлъ. Весь слѣдующій день, 21-го Іюня ст. ст., пробѣгалъ я по лагерю, отыскивая продажныхъ лошадей съ сбруей. Это было сущее мученіе. Жара невыносимая! Наконецъ я таки нашелъ чего искалъ, хотя пришлось заплатить въ тридорога (330 р.) и просилъ Фогеля вечеромъ пріѣхать съ повозкою прямо въ лагерь. Но онъ какимъ-то образомъ попалъ въ траншею, повозка сломалась, и пришлось оставаться. По крайней мѣрѣ мы были спокойны насчетъ дальнѣйшаго путешествія, сдѣлавшись сами себѣ и господа и слуги. Я побывалъ еще разъ у доктора Петерсена, который уже помѣстился въ палаткѣ близъ чумнаго отдѣленія госпиталя. Безпорядокъ тамъ былъ ужасный, и Петерсенъ просто приходилъ въ отчаяніе.

На слѣдующій день, часа въ два, тронулись мы наконецъ въ путь. Фогель, какъ человѣкъ умѣлый и жившій въ деревнѣ, взялъ возжи въ руки. Съ нашей стороны было большой смѣлостью пуститься въ путь по чужой землѣ, гдѣ еще такъ недавно были непріятели, безъ дорогъ, безъ проводника, безъ конвоя. Но нетерпѣніе наше было такъ велико, что мы ни о чемъ другомъ не думали, а положились на свою счастливую звѣзду, въ надеждѣ что она благополучно доведетъ насъ до цѣли нашего странствованія. У меня была Carte de l'empire Ottoman par Lapie (Русской карты въ Петербургѣ не нашлось), и мы, руководясь ею, держали путь на Западъ къ Шумлѣ. Съ той стороны течетъ рѣка, образуетъ большое озеро Леманъ и впадаетъ въ море при Варнѣ. Вдоль этой рѣки мы и ѣхали, по прекрасной мѣстности между холмами; вечеромъ же остановились въ прелестномъ ущельѣ, подъ вѣковымъ серебристымъ тополемъ. Съ обѣихъ сторонъ горы возвышались стѣной, но на Востокѣ виднѣлось озеро Леманъ и море. Съ нами вмѣстѣ остановились отдыхать два Русскихъ извощика, отправлявшихся также въ Главную Квартиру. Фогель отпрягъ лошадей, проводилъ ихъ, и потомъ, привязавъ за длин-

ную веревку, пустилъ на траву. Я же въ это время развелъ огонь, зачерпнулъ воды изъ протекавшаго тутъ же ручья и приготовилъ чай. Срубленный стволъ сосѣдняго тополя-близнеца служилъ намъ и столомъ, и диваномъ. Мы провели тутъ чудный вечеръ! Кажется, и лошади были того же мнѣнія: онѣ весело заржали, когда имъ всыпали овса.

На другой день (23-го Іюня) проснулись мы довольно поздно. Платье на насъ совсѣмъ промокло отъ сильной росы. Чтобы не терять времени, мы отказались отъ кофею, вмѣсто того выпили чистаго Сантуринскаго вина, заложили свою повозку и пустились далѣе, восхищаясь мыслью, что наша зависимость отъ почтмейстеровъ кончилась.

Проѣхавъ съ версту, мы увидали Русскій редутъ подъ небольшой горкой. Мы все продолжали ѣхать вдоль рѣки прямо на Западъ до селенія Девны, отъ котораго не оставалось почти никакихъ слѣдовъ. Холмы, окаймлявшіе долину, становились выше и выше; направо дорога вела въ Козлуджи, налѣво по каменному мѣсту въ Праводы. Мы держали путь черезъ степь все къ WNW, прямо на Шумлу. Часовъ въ 10 повстрѣчался намъ большой караванъ верблюдовъ; ихъ тутъ было до тысячи. Лошади наши испугались и стали. Пришлось ждать, покуда караванъ пройдетъ мимо. Калмыки напѣвали свои хорошо знакомыя мнѣ пѣсни, такъ что мнѣ мерещилось, будто я въ Астрахани. Они только что отвезли транспортъ съ провіантомъ въ Главную Квартиру и теперь шли обратно въ Варну.

До тѣхъ поръ, покуда мы не овладѣли гаванями Кюстенджи, Мангаліей и Варной, приходилось все, что̀ шло изъ Россіи, все до послѣдней тряпки на корпію, перевозить на верблюдахъ. Моремъ же перевозка пошла въ десять разъ быстрѣе. Вообще Турецкій походъ по своимъ неимовѣрнымъ трудностямъ не можетъ идти въ сравненіе съ войнами въ Италіи и въ Германіи. Въ полдень мы остановились у колодца, развели огонь, сварили супу и легли отдохнуть подъ тѣнію повозки; въ 5 часовъ покинули пустыню (которую, впрочемъ, черезъ двѣ недѣли пришлось вновь увидать, когда я ѣхалъ изъ Шумлы черезъ Балканы) и направились къ Іенибазару. Тутъ ужъ росли деревья, и поля засѣяны: Турки, думали, что Русскіе больше не придутъ. Нашимъ жатва пришлась кстати!

Въ Іенибазарѣ былъ устроенъ карантинъ, для того чтобъ чума не распространилась и въ Главной Квартирѣ. На полѣ, передъ селомъ, находилось до 500 повозокъ въ ожиданія осмотра и очищенія. Иныя стояли уже болѣе недѣли (вѣроятно оттого, что не могли уплатить необходимой для ускоренія этого процесса суммы), другія пропускались безъ малѣйшаго замедленія. Мы надѣялись, что насъ не задержатъ; но такъ какъ ужъ было поздно, то мы рѣшились переночевать въ полѣ. Хотя этотъ вечеръ не имѣлъ такого поэтическаго характера, какъ прошлый, но мы были довольны и счастливы; въ головѣ твердилось: «вотъ мы пріѣхали!» Не знаю, можете ли вы себѣ ясно представить, что̀ значитъ отправиться въ путь съ короткимъ напутствіемъ такого рода: «Ну теперь, почтенные господа доктора, изъ Балты поѣзжайте сами, какъ знаете!» И далѣе никакихъ указаній. Еслибъ у насъ самихъ не было такого сильнаго желанія поскорѣе доѣхать до мѣста, гдѣ насъ уже, можетъ быть, давно ожидали, то мы могли бы провести въ дорогѣ мѣсяца три-четыре, какъ это было со многими чиновниками, принужденными сидѣть на станціяхъ. Понятно поэтому, что мы весело чокались стаканами Сантуринскаго и поздравляли другъ друга

съ пріѣздомъ. Конечно нашимъ ушамъ и носамъ еще угрожала нѣкоторая опасность, такъ какъ правовѣрные Турки все еще считали, что съ подобными трофеями легче войти въ рай и спокойно рѣзали ихъ и клали въ карманы, на подобіе того какъ ревнители воскреснаго благочестія прячутъ свой молитвенникъ. Я самъ, своими глазами, видѣлъ одного изъ этихъ господъ, пользующихся любовію и покровительствомъ Англичанъ: онъ попался въ плѣнъ казакамъ, и когда они стали искать зашитыхъ денегъ въ кушакѣ, то нашли вмѣсто того двадцать штукъ носовъ.

Какъ триста лѣтъ тому назадъ, такъ и въ 1829 году, Турки, осажденные въ Силистріи, доставляли себѣ удовольствіе отрубать головы Русскимъ плѣннымъ и перебрасывать ихъ черезъ стѣны къ осаждающимъ. Въ сраженіи при Кулевчѣ, утромъ, Турки напали съ значительными силами на два батальона Русскихъ и оттѣснили ихъ, хотя при этомъ сами попали въ ловушку, покинувъ свои неприступныя позиціи. Но въ этотъ короткій промежутокъ, когда перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ, они успѣли дать волю своей скотской кровожадности, изуродовали мертвыхъ и мучили самымъ ужаснымъ образомъ живыхъ, попавшихся къ нимъ въ руки. Наши войска застали ихъ въ то время, какъ они поджаривали Русскихъ плѣнныхъ [5]). Они были страшно возмущены и рѣшили не давать никому пощады. Офицеры сулили по червонцу за каждаго живаго плѣнника, но солдаты говорили: «Кровь требуетъ крови!» и съ яростью убивали всѣхъ безъ пощады, не внимая никакимъ мольбамъ о помилованіи. Турокъ заносчивъ и жестокъ въ счастіи, но какъ только побѣда не на его сторонѣ, онъ сейчасъ же начинаетъ трусить и подличать; доказательствомъ можетъ служить вся вторая половина нашего похода.

24-го Іюня явились мы въ карантинъ; насъ обкурили, какъ обыкновенно, дымомъ зажженнаго навоза и пропустили дальше. Точно гора свалилась съ плечь! Мы тотчасъ погнали впередъ и черезъ полчаса были уже въ лагерѣ, въ Главной Квартирѣ. Намъ указали госпиталь, помѣщавшійся въ большой палаткѣ; я вошелъ и спросилъ дежурнаго врача. Представьте мое удивленіе: на встрѣчу мнѣ вышли доктора Даль [6]) и Паукеръ. Черезъ минуту подошелъ и Бейерсдорфъ, и вмѣсто привѣтствія началъ жаловаться на войну. Аптекарь Тромпетеръ оказался тоже Ревельцемъ, и мы всѣ тотчасъ же отправились праздновать Ивановъ день въ палатку къ Бейерсдорфу, котораго звали Иваномъ.

II.

Отъ Шумлы до Адріанополя.

Дня два прошло безъ всякаго дѣла; я не зналъ, останусь ли при Главной Квартирѣ. Наконецъ докторъ Генеральнаго Штаба Виттъ назначилъ меня главнымъ докторомъ въ походномъ госпиталѣ на перевязочномъ пунктѣ. Мнѣ дали большую палатку въ госпитальномъ отдѣленіи, и мы, т. е. Даль, Паукеръ и я, размѣстились въ ней очень удобно. Инвалидный солдатъ служилъ мнѣ лакеемъ и кучеромъ.

---

[5]) Не правда-ли, лордъ Беконсфильдъ, было бы утѣшительно, если бы продолжалось въ Европѣ владычество подобныхъ людей? (Примѣчаніе 1877 года).

[6]) Владиміръ Ивановичъ Даль, нашъ извѣстный писатель. П. Б.

Шумла (иначе Шумна) лежитъ на плоской возвышенности, которая тянется верстъ на 12 или 15 и составляетъ часть откоса Балканскихъ горъ, спускающихся въ сѣверовосточномъ направленіи къ Дунайской низменности. Сначала ровная терраса тянется верстъ на 50 или 60 къ Юго-востоку, поворачиваетъ потомъ къ Сѣверо-востоку, повышается и получаетъ названіе Малыхъ Балканъ. Вся эта часть густо поросла лѣсомъ. На сѣверной сторонѣ течетъ рѣка Праводы, а на южной Камчикъ. Первая изъ этихъ рѣкъ впадаетъ въ Варнскую бухту, а вторая на 20 верстъ южнѣе въ Черное море. Судя по всѣмъ признакамъ, правый берегъ Камчика былъ когда-то высокимъ береговымъ валомъ въ то время, когда еще не существовало Дарданеллъ, а въ Черномъ морѣ вода была на 150 футовъ выше.

Войска наши были расположены лагеремъ верстъ на 8 сѣвернѣе Шумлы. Главная Квартира находилась на Силистрійской дорогѣ. Больныхъ было немного; изъ Варны пріѣхало четыре человѣка, повидимому съ признаками чумы; ихъ отдѣлили, и они скоро выздоровѣли. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда была небольшая стычка на лѣвомъ флангѣ; послѣ того къ намъ навезли много раненыхъ Турокъ и казаковъ. Между ними былъ молодой офицеръ, раненный пулею въ животъ. Онъ преслѣдовалъ бѣгущаго Турка и уже выбилъ его пикой изъ сѣдла, какъ тотъ выстрѣлилъ. Пуля попала въ печень, спасти его не было возможности. Онъ зналъ это и ждалъ смерти съ великимъ спокойствіемъ. Къ вечеру его не стало. На другой день пришелъ его дядя гетманъ, и съ нимъ шесть человѣкъ казаковъ. Священникъ прочелъ молитву, и товарищи понесли гробъ при звукахъ военной похоронной музыки. Я въ первый еще разъ видѣлъ похороны на войнѣ. У старика гетмана и у казаковъ виднѣлись слезы на глазахъ; глядя на нихъ, нельзя было не прослезиться.

Въ той же стычкѣ былъ захваченъ въ плѣнъ кофишенкъ великаго визиря, хорошо одѣтый молодой человѣкъ. Онъ участвовалъ въ вылазкѣ охотникомъ и хвалился, что возьметъ трехъ Русскихъ офицеровъ, но вмѣсто того самъ былъ раненъ и приведенъ къ намъ въ лагерь. Большая часть плѣнныхъ были ранены пиками въ спину, но раны были неглубоки, такъ какъ пики нарочно дѣлаются съ тупыми концами. Казаки ими не убиваютъ, а только выбиваютъ изъ сѣдла, а затѣмъ сильнымъ ударомъ по головѣ саблей или нагайкой оглушаютъ противника. Между плѣнными было также нѣсколько Некрасовцевъ, раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій изъ Россіи. Они оказались самыми злѣйшими врагами: не давали пощады никому, постоянно нападали на нашихъ изъ засады и вредили всячески. Плѣнные Турки спокойно покорялись своей судьбѣ, такъ какъ они знали, что обращаться съ ними будутъ почеловѣчески и кормить хорошо. Только одному изъ нихъ вздумалось убѣжать. Онъ неожиданно бросился на конвойнаго солдата, вырвалъ у него саблю, убилъ другаго солдата, ранилъ многихъ и скрылся въ кустахъ. Однако его скоро поймали и на первомъ же привалѣ судили военнымъ судомъ въ присутствіи прочихъ плѣнныхъ, которые, повидимому, упрекали его за его поступокъ. Его присудили къ смертной казни; вырыли яму, поставили его подлѣ нея и затѣмъ по третьей командѣ, раздалось 12 выстрѣловъ, и онъ упалъ въ могилу. И коротко и поучительно!

Зрѣлище другаго рода доставилъ и намъ и Туркамъ Дибичъ, приславъ въ Шумлу часть своихъ войскъ съ трофеями и знатными

плѣнниками, взятыми подъ Силистріей. Тутъ были паши съ женами, дѣтьми, слугами, со всѣмъ имуществомъ, на причудливо разукрашенныхъ Турецкихъ телѣгахъ, и весь этотъ поѣздъ, при звукахъ оглушительной музыки, былъ провезенъ по низменной равнинѣ между Главной Квартирой и Шумлой. Для того чтобъ Турки могли безпрепятственно любоваться этимъ зрѣлищемъ, съ нашей стороны на время прекратили канонаду.

Карантины въ Іенизагрѣ и другихъ мѣстахъ не препятствовали подвозу съѣстныхъ припасовъ, но благодаря имъ цѣны стояли страшныя. Торговцы взяли за правило за каждый рубль, уплаченный ими ради скорѣйшаго пропуска въ карантинѣ, наживать съ потребителей сто на сто; такимъ образомъ въ лагерѣ фунтъ сахару стоилъ 3 р., фунтъ сухарей 80 к., бутылка мадеры 8 р., бутылка Шампанскаго 24 р. и т. д.

Покуда вниманіе Турокъ развлекалось стычками и торжественными процессіями подъ Шумлой, а перебѣжчики передавали имъ тайныя свѣдѣнія, что мы, послѣ взятія Шумлы, двинемся черезъ Балканы, Дибичъ втихомолку перешелъ Камчикъ въ 60 верстахъ на Юго-востокъ отъ Шумлы. Въ тоже время и мы изъ Главной Квартиры должны были соединиться съ нимъ, что̀ оказалось невыполнимымъ по причинѣ непроходимыхъ дорогъ. 4-го Іюля, въ 7 часовъ вечера, двинулись мы изъ-подъ Шумлы, между тѣмъ какъ войска, пришедшія изъ Силистріи, незамѣтно стали на наши мѣста. Больные изъ походнаго госпиталя были отправлены въ Бальчикъ. Поѣздъ нашъ растянулся версты на три; и такъ какъ часто приходилось останавливаться, то госпитальныя повозки, ѣхавшія позади всѣхъ, только къ полуночи добрались до Іенибазара, гдѣ былъ назначенъ отдыхъ. 10 дней тому назадъ я тоже самое пространство проѣхалъ въ полтора часа.—Паукеръ, Даль и я то шли пѣшкомъ, то ѣхали. Ночь была тихая, теплая; молодой мѣсяцъ свѣтилъ намъ по дорогѣ. Въ Іенибазарѣ, покуда мои товарищи разбивали палатку, я пошелъ съ деньщикомъ на поиски за водой. Послѣ долгихъ исканій, въ полумракѣ, нашелъ я фонтанъ, замѣченный мною еще въ первый проѣздъ. Воды въ немъ не оказалось. Мы отправились дальше и наконецъ увидали углубленіе, въ которомъ, по моимъ соображеніямъ, должна была быть вода. Дѣйствительно, тутъ оказался ключъ, и мы наполнили бутылки. За день мы очень устали и теперь жаждали освѣжиться чаемъ. Но напрасно мы надѣялись, что удастся отдохнуть какъ слѣдуетъ: въ три часа приказано было идти дальше. Поднялась суматоха, каждый спѣшилъ перегнать другаго съ своей повозкой. Въ степи, на просторѣ, можно было скакать какъ угодно, и всѣмъ было мѣсто; но тутъ, на мосту произошла такая давка, что весь обозъ остановился. Только въ 10 ч. утра слѣдующаго дня госпиталь достигъ того мѣста, гдѣ 14 дней тому назадъ мы съ Фогелемъ варили супъ на привалѣ. Теперь отдыхъ и бульонъ были еще пріятнѣе. Въ 2 часа снова въ путь. Я вспомнилъ кратчайшую дорогу въ Девну и поѣхалъ впередъ съ Далемъ и Паукеромъ; госпитальныя фуры послѣдовали за нами, и къ 7-ми часамъ мы уже были въ Девнѣ. Мы оставались тамъ цѣлый день въ ожиданіи прихода Главной Квартиры. Въ госпиталѣ въ Девнѣ было 400 больныхъ и только одинъ докторъ. Больные оставались большею частію безъ лекарствъ, но не чувствовали себя отъ этого хуже. Большинство страдало лихорадкой, скорбутомъ, диссентеріей. Для препровожденія

времени мы помогали доктору Бруннеру, купались въ прекрасной горной рѣчкѣ, а вечеромъ взбирались на горы, у подошвы которыхъ расположился нашъ госпиталь и любовались видомъ роскошной долины, гдѣ было все кромѣ людей. Вечеромъ же услыхали мы пушечные выстрѣлы съ Камчика: это Ротъ форсировалъ переправу черезъ рѣку. Мы могли бы быть тамъ, еслибъ не были привязаны къ Главной Квартирѣ. Ночью докторъ Генеральнаго Штаба Виттъ прислалъ аптекаря Арендта съ приказаніемъ явиться къ нему пораньше на слѣдующее утро.

7-го Іюля, въ 5 часовъ, мы уже были у него и получили приказъ въ 2 часа слѣдовать съ госпиталемъ № 2 за Главной Квартирой. Въ Девнѣ было три госпиталя. Въ такой странѣ, какъ Турція, уходъ за ранеными и перевозка ихъ сопряжены съ величайшими затрудненіями. Такіе предметы, которые можно найти всюду въ благоустроенной Европейской странѣ, приходилось таскать съ собою, и тутъ-то являлись неожиданныя и неисчислимыя бѣды. Прекрасные проэкты объ уходѣ за больными и ранеными были составлены въ Петербургѣ, и по нимъ было все изготовлено за 1500 верстъ отъ театра военныхъ дѣйствій; но горе состояло въ томъ, что въ исполненіи не все оказалось примѣнимымъ. Вопервыхъ, потому что оба фактора, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе солдата въ военное время, не имѣли органической связи, а были кое - какъ слѣплены снаружи; вовторыхъ—въ другомъ факторѣ, т. е. докторахъ и фельдшерахъ, чувствовался недостатокъ. Комисаріатскихъ крысъ и интендантскихъ чиновниковъ было больше, чѣмъ нужно. Изъ трехъ сотъ докторовъ, имѣвшихъ ученую степень, двѣсти уже отправились на тотъ свѣтъ, да и оставшіеся сто не долго пережили ихъ. Вновь прибывавшіе доктора принадлежали къ молодому поколѣнію; они умѣли обращаться съ болѣзнію, но не знали, какъ взяться за больныхъ, а главное не умѣли ладить съ вышеупомянутыми крысами.

Для перевозки раненыхъ было привезено изъ Петербурга въ Адріанополь множество закрытыхъ и открытыхъ экипажей безъ рессоръ и очень тяжелыхъ. Намъ пришлось таки съ ними помучиться на тамошнихъ невозможныхъ дорогахъ. Они были нагружены запасными осями, колесами, подковами, овсомъ, постельнымъ бѣльемъ, больничной одеждой и т. п.; къ каждой повозкѣ привѣшивался сзади боченокъ для воды. Для закрытыхъ экипажей, въ которыхъ можно было положить двоихъ больныхъ, требовалось по 4 лошади, кучеръ и форейторъ. Открытые экипажи были въ родѣ деревянныхъ дрогъ, на которыхъ помѣщались человѣкъ восемь-десять здоровыхъ, но помѣстить столько же раненыхъ не представлялось возможности. Сдѣланы были эти экипажи очень просто, но черезъ чуръ тяжело. Каждый походный госпиталь состоялъ изъ 50—80—100 такихъ фуръ; при немъ были: своя аптека, кузница, отъ 40 до 80 палатокъ со всѣми принадлежностями, кромѣ того были рубашки, чулки, халаты, постельное бѣлье, соломенные тюфяки на 200 или 300 человѣкъ, складной столъ для операцій, нѣсколько стульевъ, хирургическіе инструменты, лубки для перевязокъ, халаты, бинты, корпія и т. д. При госпиталѣ были смотритель, комисаръ, докторъ, аптекарь, фельдшеръ. Одного часу было достаточно, чтобъ устроить подобный госпиталь въ случаѣ, если больныхъ скоплялось слишкомъ много въ подвижныхъ госпиталяхъ; потомъ ихъ разсылали въ постоянные госпитали въ ближайшихъ городахъ.

Въ Девнѣ было столько больныхъ, что оказалось необходимымъ устроить два госпиталя, № 1 и № 2. Фуры ихъ были легче и въ большемъ порядкѣ, чѣмъ госпиталь Главной Квартиры; съ ними было удобнѣе переходить Балканы, и потому мнѣ приказали поскорѣе разобрать № 2 и слѣдовать съ нимъ за Главной Квартирой. Мы приготовились къ назначенному времени, но выступленіе было отложено сначала до 12 часа, а потомъ до $3^1/_2$. Весь вагенбургъ оставленъ покамѣстъ въ Девнѣ и долженъ былъ послѣ перебираться за Балканы; тѣмъ не менѣе поѣздъ нашъ оказался страшно длиннымъ и подвигался крайне медленно. Былъ душный, жаркій день; солдаты изнемогали подъ тяжестью амуниціи: кромѣ тяжелаго ружья и сумки съ патронами, они должны были тащить на себѣ ранецъ, мундиръ, толстую шинель, манерку съ водой, провіантъ на 10 дней, т. е. 20 ф. сухарей. Многіе изъ нихъ не въ состояніи были идти и падали; другіе выбрасывали свои сухари, иные просто ложились въ кусты и догоняли насъ уже ночью. Цѣлый день вплоть до вечера всѣ фуры, полковыя и госпитальныя, были наполнены отсталыми. Много солдатъ умерло въ дорогѣ. Дѣла было много, а толку выходило мало. Кто посмотрѣлъ бы на насъ въ дорогѣ въ этотъ день, не могъ бы подумать что это самое войско побѣдоносно дойдетъ до стѣнъ Константинополя.

Проѣхавши верстъ 10 вдоль Лемана, мы впрочемъ остановились отдохнуть подъ орѣшникомъ и пустили лошадей на траву. Поѣздъ подвигался впередъ съ невообразимою медленностью: сдѣлаютъ шаговъ 50 и станутъ, потому что первыя фуры остановились. Такимъ образомъ проѣхали мы 12 в. въ 8 ч., а такъ какъ намъ было неизвѣстно, гдѣ назначена остановка, то мы не могли уѣхать впередъ. Въ полночь мы наполнили у ручья бутылки, поѣли сухарей и сухаго Могилевскаго шеколаду и запили водой. Была чудная лунная ночь, дорога красиво извивалась по долинѣ; мы и рады бы были отдаться поэтическимъ впечатлѣніямъ, но что-то мѣшало. Наконецъ попалась намъ фура съ овсомъ, на которой не пріютилось ни одного отсталаго, и мы улеглись на мѣшкахъ. Утромъ (8-го Іюля) почувствовали мы, что стоимъ на мѣстѣ. Это было въ Гебеджи, за 2 версты отъ того мѣста, гдѣ мы съ Фогелемъ ночевали у срубленнаго серебристаго тополя. Приказано было сдѣлать привалъ. Въ полчаса выросъ цѣлый городъ съ улицами и площадями; только вмѣсто домовъ стояли пушки, пороховые ящики, больничныя фуры. Если остановка продолжительная, то разбиваются палатки, разводятъ огонь и варятъ пищу. Черезъ полчаса послѣ сигнала къ выступленію все исчезаетъ. Около 11-ти часовъ лошади были осѣдланы и заложены, но мы не двинулись, такъ какъ тутъ начинался первый подъемъ Малыхъ Балканъ. За версту впереди насъ, голова колонны попала въ ущелье, черезъ которое съ большимъ трудомъ перетащили орудія и пороховые ящики. Но если остановка въ подобномъ мѣстѣ хоть минуты на двѣ, то послѣдняя фура задерживается на полдня, что и случилось съ походнымъ госпиталемъ. Между тѣмъ подъѣхалъ докторъ Генеральнаго Штаба, и такъ какъ двинуться впередъ не было возможности, то онъ поручилъ мнѣ покамѣстъ съѣздить осмотрѣть на горѣ отдѣленіе госпиталя для чумныхъ больныхъ. Я нашелъ тамъ 49 больныхъ, у большей части были гнойныя паховыя опухоли. Докторъ Денишевскій увѣрялъ, что мышьякъ въ этомъ случаѣ очень полезенъ. Когда я вернулся, поѣздъ подвинулся впередъ шаговъ на двадцать.

Въ арьергардѣ я встрѣтилъ евангелическаго пастора Долля изъ Главной Квартиры. Передъ нимъ стоялъ полный котелокъ супу; конечно я тоже принялъ участіе въ скромной трапезѣ; варево состояло изъ крупы, воды и приправлено было саломъ. Къ 4 часамъ пополудни мы подвинулись едва-едва шаговъ на двѣсти, и къ ночи достигли знаменитаго ущелья. Мѣсто было удобно для ночевки, но такъ какъ проѣзжавшіе мимо курьеры разсказывали, что впереди дорога еще хуже, такъ что артилерійскій паркъ невозможно будетъ провезти, то я и вернулся назадъ къ Витту попросить его, чтобъ онъ позволилъ мнѣ съ двумя товарищами ѣхать впередъ въ Камчикъ, гдѣ, можетъ быть, потребуется наша помощь; при подвижномъ же госпиталѣ могъ остаться докторъ Леони (изъ Мюнхена, впослѣдствіи умершій отъ чумы) съ другими докторами.

Было такъ темно, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было различить; но моя Турецкая лошадка шла ровнымъ шагомъ и привезла меня прямо въ лагерь Главной Квартиры. Здѣсь было такое множество палатокъ, что отыскать главнаго штаба доктора было трудновато. Однако мой пріѣздъ оказался кстати: только что передъ тѣмъ было получено приказаніе прислать нѣсколько докторовъ на правый берегъ Камчика, гдѣ было много раненыхъ. Главный докторъ отправилъ насъ троихъ. Изъ лагеря выбраться опять на дорогу было еще труднѣе, но моя лошадка и тутъ не сплошала. Мы были очень довольны своимъ назначеніемъ и на разсвѣтѣ поѣхали, забравъ съ собою все нужное для перевязокъ и что̀ было съѣстнаго. Повозка наша осталась при госпиталѣ.

Проѣхавши черезъ лощину, гдѣ столпились въ безпорядкѣ лошади, верблюды, повозки и пушки, поднялись мы на гору и въѣхали въ чудесный дубовый лѣсъ. Въ тѣни деревьевъ шли солдаты 7-го корпуса; они были также бодры и веселы, какъ и мы. Дорога то шла лѣсомъ, то поднималась на высоты, откуда открывался видъ на густо-заросшія долины и голубую даль. Небольшіе клочки вспаханной земли указывали на присутствіе человѣка, но вокругъ насъ все было пусто. Часа два спустя, наѣхали мы на казацкій пикетъ у раззореннаго села. Съ горы вдругъ открылось глазамъ нашимъ Черное море, а глубоко внизу въ мрачной долинѣ увидали мы первый Турецкій сельскій дворъ, который показался мнѣ милѣе всякихъ виллъ Италіи, хотя тамъ все полно жизни и движенія, а здѣсь вокругъ была пустыня. Еще нѣсколько верстъ, и мы въѣхали въ село, гдѣ не осталось ни одного жителя. Мы думали, что найдемъ въ садахъ какіе нибудь плоды или овощи, но кромѣ сорной травы въ изобиліи ничего другаго не было. На деревьяхъ висѣли неспѣлые персики, абрикосы; виноградъ тоже еще не вызрѣлъ; пришлось только напиться водицы изъ свѣтлаго ручейка. Мы уже думали отдохнуть тутъ и сварить чего нибудь; но казаки сказали, что до Камчика только двѣ версты. Мы проѣхали незамѣтно 30 верстъ. Скоро открылась поляна въ лѣсу, гдѣ у села Дервишъ-Джавана были устроены для раненыхъ шалаши изъ вѣтокъ. У доктора Шлегеля (впослѣдствіи президента Медико-хирургической Академіи въ Петербургѣ) было пропасть дѣла, и мы стали ему помогать въ перевязкѣ раненыхъ, которыхъ доставляли съ мѣста переправы. Изъ зеленыхъ шалашей образовался цѣлый госпиталь, въ которомъ насчитывалось до 600 больныхъ. Онъ былъ расположенъ въ лѣсу, на лѣвомъ берегу ручья, впадающаго въ Камчикъ, шаговъ на тысячу отъ того мѣста.

Весной и послѣ сильныхъ горныхъ дождей Камчикъ (въ древности Панисъ) наполняется водой и течетъ быстро; теперь это была узкая рѣчка съ желтою, глинистою водою и у Дервишъ Кіойя не глубже 5—6 футовъ. Густой буковый въ перемежку съ дубовымъ лѣсъ покрываетъ съ южной стороны правый берегъ вплоть до крутаго откоса. Здѣсь стояли Турецкія батареи, лѣвый же отлогій берегъ у Дервишъ-Кіойя заросъ низкимъ кустарникомъ. Перейти рѣку въ этомъ мѣстѣ было бы очень удобно, не будь непріятельскихъ батарей. Ниже этого селенія и выше густой лѣсъ покрываетъ также и лѣвый берегъ, который становится крутымъ. Русскимъ все таки удалось, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, поставить на лѣвомъ берегу редутъ, который черезъ полчаса принудилъ замолчать непріятельскія батареи. У насъ при этомъ было раненыхъ 400 человѣкъ, число же убитыхъ мнѣ неизвѣстно. Турки всполошились и побѣжали, точно самъ чортъ за ними гнался. Наши, безъ большихъ потерь, овладѣли батареей, стоявшей на горѣ верстъ за пять оттуда. Турокъ и слѣдъ простылъ.

10-го Іюля пріѣхалъ Виттъ въ Дервишъ-Кіой, для больныхъ пригнали быковъ, и мы, наконецъ, послѣ долгаго поста, поѣли съ наслажденіемъ классическаго бульону и угостили новоприбывшихъ товарищей. Ни вина, ни овощей не было, но вмѣсто того я прочелъ изъ Фауста сцену между Мефистофелемъ и ученикомъ. Должно быть, Дріады и Гамадріады были сильно поражены неслыханными звуками варварскаго языка!

Виттъ приказалъ намъ, по окончаніи работы, ѣхать вслѣдъ за Главной Квартирой. Въ 5 часовъ пополудни отправились мы въ путь, надѣясь скоро догнать ее, такъ какъ мы знали, что остановка на ночь назначена за 20 верстъ дальше. Но дороги попортились отъ дождя, и намъ пришлось поневолѣ сѣсть въ повозку. Опять поѣхали мы одни, безъ провожатаго и конвоя, черезъ лѣсъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ дороги лежали убитые. Проѣхавъ 12 верстъ, къ ночи мы остановились въ селѣ, въ которомъ стоялъ казацкій пикетъ. Жители всѣ выѣхали. На другой день дорога шла по горамъ и долинамъ, черезъ дубовые лѣса, мимо фруктовыхъ деревьевъ и высоко вьющихся виноградныхъ лозъ. Налѣво мелькало по временамъ Черное море и, наконецъ, передъ нами открылась долина съ зелеными шалашами, гдѣ наканунѣ ночевала Главная Квартира. Мы сѣли обѣдать подъ грушевымъ деревомъ. На нижнихъ его вѣткахъ уже не было ни одной груши; но мой Дмитрій влѣзъ на верхушку и безъ жалости обломалъ нѣсколько вѣтокъ, покрытыхъ плодами. Мы обрадовались и неспѣлымъ грушамъ. Далѣе дорога все шла въ гору черезъ лѣсъ; иногда попадались пашни и поля, засѣянныя пшеницей. Часа черезъ четыре доѣхали мы до слѣдующей лагерной стоянки и расположились тутъ ночевать. Мы застали нѣсколько человѣкъ казаковъ и отсталыхъ мародёровъ, которые поймали гдѣ-то быка и тутъ же убили его. День закончился чаемъ и чтеніемъ Гете. Это происходило на вершинѣ одного изъ Балканскихъ отроговъ. Ночью было очень холодно, и мы поспѣшили рано утромъ уѣхать. Крутой спускъ тянулся на 4 версты и оканчивался обширной долиной, по которой казацкій полкъ преслѣдовалъ 5,000-й Турецкій отрядъ. Здѣсь, на лѣвомъ берегу ручья, увидали мы первое Болгарское село. Женщины замѣчательно красивы: темнокаштановые волосы, огненные черные глаза и благородныя очертанія носа свидѣтельствуютъ

объ ихъ Римскомъ происхожденіи. Онѣ ласково кланялись намъ, крестились и приговаривали: «добръ! добръ!» Казалось, онѣ этимъ хотѣли выразить свое довѣріе. Одинъ Болгаринъ даже подалъ мнѣ кусокъ жаренаго мяса со словами: «Руссъ добръ! Добръ Руссъ!» Когда Турки принуждены бывали бѣжать изъ какой нибудь деревни, они угоняли съ собой всѣхъ жителей, которые теперь сотнями возвращались на арбахъ, запряженныхъ волами, въ свои покинутыя жилища. Долина разстилалась до самаго Чернаго моря. Передъ нами былъ заливъ Мисиврія, въ которой флотъ нашъ стоялъ на якорѣ. За день передъ тѣмъ городъ сдался генералу Крейцу. Въ 8 верстахъ отъ Мисивріи нагнали мы Главную Квартиру и весь слѣдующій день, 12-го Іюля, отдыхали.

Таковъ былъ знаменитый переходъ черезъ Балканы, за который Дибичъ по справедливости получилъ названіе Забалканскаго. Онъ представлялъ затрудненія для артилерійскаго парка и тяжелыхъ фуръ; но другая дорога, лежавшая западнѣе, была бы еще труднѣе, такъ какъ шла черезъ горы и ущелья на вышинѣ 5000 ф. надъ уровнемъ моря. Мы-медики втроемъ проѣхали со всѣми перерывами эту дорогу въ 110 верстъ отъ Шумлы до Мисивріи въ 8 дней. Поѣздка напоминала путешествіе по Швейцаріи, съ тою разницею, что вмѣсто гостинницъ мы ночевали въ палаткахъ, а по дорогѣ попадались вмѣсто туристовъ только мертвыя тѣла. Но Балканы въ восточной части далеко не такъ величественны, какъ Альпы въ Швейцаріи. Имъ недостаетъ свѣтлыхъ озеръ, горныхъ потоковъ, снѣговыхъ вершинъ и, главное, человѣческихъ существъ, селъ и городовъ. За то Балканы покрыты чудесными лѣсами: такихъ дубовъ и буковъ я нигдѣ не встрѣчалъ въ Швейцаріи.

Послѣ обѣда я опять вернулся въ городъ къ генералу Крейцу, который наканунѣ упалъ съ лошади. Мисиврія расположена на косѣ, выдающейся на полверсты въ море и соединенной съ твердой землей узкимъ, низменнымъ перешейкомъ. По обѣимъ сторонамъ—бухты, представляющія удобныя якорныя стоянки для кораблей. Въ сѣверной, которая лучше другой, стояли наши корабли, прибывшіе изъ Одессы; флотъ же стоялъ на рейдѣ. Къ югу виднѣлся большой заливъ Бургасъ, и по берегамъ его Ахіолы, Бургасъ, Зицболье и много другихъ селъ. Видъ берега съ его выступами напоминалъ мнѣ Италію, гдѣ также предгорія спускаются прямо въ море. Но Мисиврія очень некрасивый городокъ, безъ зелени, и вокругъ ничего кромѣ наноснаго песку. 4000 ч. гарнизона черезъ полчаса сложили оружіе, но кавалерія, человѣкъ 500, спаслась бѣгствомъ. Плѣнные, какъ терпѣливое стадо овецъ, стояли на берегу; имъ позволили продавать свое имущество. Даль пріобрѣлъ хорошую лошадь съ сѣдломъ и сбруей за два червонца. Къ нашему злополучію, въ городѣ не нашлось ни сахару, ни вина, ни хлѣба, именно въ чемъ мы больше всего нуждались.

На другой день, 13-го Іюля, въ 4 часа пополудни, поднялся весь лагерь, и мы съ нимъ. Гусары затянули веселую пѣсню. Виттъ и я ѣхали рядомъ; наши вьючныя лошади слѣдовали за нами. Всѣ подвигались быстро и весело, совсѣмъ не такъ, какъ на переходѣ черезъ Балканы. У деревни Аллакаріи подъѣхали мы къ Бургасскому заливу, мимо хутора Юсуфа-паши. Вправо земля, слегка поднимаясь, образовала водораздѣлъ между рѣками Чумусомъ на Сѣверѣ и Айдосомъ на Югѣ. Мы повернули на Западъ, прямо къ Айдосу. Во-

кругъ желтѣли поля съ зрѣлой пшеницей, но не видно было ни жилищъ, ни деревьевъ, ни воды, ни людей. На Востокѣ виднѣлись Ахіолы, расположенные какъ и Мисиврія, на косѣ; къ Югу Бургасъ, взятый нами наканунѣ. Между деньщиками отличался особенно слуга Даля Алеша своею глупостью. Мы часто смѣялись надъ нимъ, но въ этотъ вечеръ онъ съигралъ съ Паукеромъ и со мной жестокую шутку. Мы отстали отъ другихъ. На дорогѣ лежалъ больной Турокъ, котораго нельзя было оставить безъ помощи. Въ это время къ намъ подошелъ Алёша. На вопросъ о лошадяхъ, везшихъ багажъ, онъ отвѣчалъ намъ, что «Господь знаетъ чего онѣ не двигаются съ мѣста!» Мы съ Паукеромъ повернули назадъ; ѣхали, ѣхали, между тѣмъ уже стемнѣло, нѣтъ ни людей, ни лошадей! Потерявъ надежду отыскать ихъ, мы отправились въ лагерь и пріѣхали къ 11-ти часамъ. Послѣ долгихъ распросовъ, наконецъ, мы нашли палатку Даля и тутъ же Алёшу, который ухмылялся. Оказалось, что онъ пошутилъ! На его горе, тогда было въ модѣ носить всегда казацкую нагайку. У насъ тоже были нагайки....

На слѣдующій день, 14-го Іюля, поднялись мы рано утромъ и поѣхали вмѣстѣ съ пасторомъ Генеральнаго Штаба, который по случаю воскреснаго веселаго дня щедро угощалъ насъ цитатами изъ Библіи въ отместку, можетъ быть, за изреченія Мефистофеля изъ Гете. Въ Греческомъ селеніи Румиликіойѣ, жители приняли насъ какъ друзей. Стоявшая у фонтана дѣвушка напоила насъ свѣжею водою изъ кувшина античной формы и ласково кивнула головой въ отвѣтъ на наше благодарственное привѣтствіе. У дверей, на изгородяхъ, стояли жители и смотрѣли, покуда мы проходили: такого зрѣлища здѣсь не бывало въ продолженіе многихъ столѣтій. По сжатымъ пшеничнымъ полямъ шли мы еще версты двѣ и вдругъ очутились передъ узкой глубокой лощиной, отдѣлявшей высокую равнину, по которой мы ѣхали отъ рѣчной долины Айдоса. Съ трудомъ и большою потерею времени перевезли мы тяжелыя фуры; кавалерія перебралась довольно скоро. Тутъ передъ нами разстилалась равнина, простирающаяся съ небольшими перерывами вплоть до самой Византіи. За 10 верстъ впереди насъ лежалъ Айдосъ; его семь бѣлыхъ мечетей привѣтливо бѣлѣли на темной зелени каштановыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Передъ городомъ стоялъ лагеремъ корпусъ Рота, въ Румиликіойѣ— корпусъ Ридигера. Наканунѣ четыре полка изъ корпуса Рота взяли городъ штурмомъ. 10,000 Турокъ бѣжали при первомъ же натискѣ уланъ; часть ихъ погибла въ болотѣ, большая же часть спаслась бѣгствомъ въ Карнабатъ, который въ тотъ же день былъ взятъ казаками. Благодаря этимъ ежедневнымъ побѣдамъ, духъ войска такъ поднялся, а Турки напротивъ такъ начали трусить, что война стала скорѣе похожа на человѣческую травлю. Въ Айдосѣ не осталось ни одного Турка: всѣ убѣжали вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Оставшіеся Болгары употребляли крестъ какъ свидѣтельство благонадежности, и съ ними обращались хорошо. Въ часъ дня въѣхали мы въ городъ и принялись разыскивать себѣ помѣщеніе. Кто вошелъ изъ первыхъ, тѣмъ достались лучшіе дома. Послѣ долгихъ поисковъ намъ удалось найти два дома для доктора Генеральнаго Штаба и для себя. Мы тотчасъ же овладѣли ими. Съ приближеніемъ Русскихъ, Турки начали было жечь и грабить, разбивали бочки съ виномъ, разоряли улья, выпускали шерсть изъ матрацовъ, въ надеждѣ поживиться спрятанными сокровищами. Посреди этого хаоса и ужасовъ разрушенія иног-

да попадались мертвыя тѣла Турокъ. Намъ достался домикъ, гдѣ, судя по разломаннымъ, валявшимся станкамъ, жилъ ткачъ. Наконецъ, подошли наши люди, и мы устроились по домашнему. Въ саду росли Турецкіе бобы, что̀ было очень пріятно послѣ пересохшихъ сухарей. На дворѣ попалась забытая курица! Мы вычистили одну комнату и легли отдыхать послѣ обѣда; оно было необходимо послѣ сегодняшняго труднаго перехода въ сильнѣйшій жаръ. Въ сосѣднемъ домѣ помѣстился Бейерсдорфъ съ своей аптекой. Люди наши отправились на добычу и нанесли всякой всячины: соли, веревокъ, дегтю, молотковъ и т. п. Они были очень довольны, что пріобрѣли даромъ такое множество вещей, хотя съ собой ихъ и нельзя было унести.

На другое утро мы нашли, совершенно въ сторонѣ, просторный домъ съ прекраснымъ балкономъ, садомъ и фонтаномъ. Мы сейчасъ же перешли туда. Для своихъ больныхъ тоже намъ удалось найти удобныя помѣщенія. Дибичъ жилъ въ домѣ великаго визиря, Ротъ въ домѣ паши.

Айдосъ расположенъ по отлогому склону восточнаго отрога Большихъ Балканъ. Тотчасъ же за городомъ къ Сѣверу стѣной поднимаются крутые, голые, сѣрые утесы, которые при утреннемъ солнцѣ красиво оттѣняютъ низкія плоскія красныя крыши и бѣлые минареты мечетей на темной зелени деревьевъ. Для оживленія картины недоставало только моря или рѣки. Въ городѣ много колодцевъ и фонтановъ; вода проведена, вѣроятно, съ плоской возвышенности. Оттуда открывается величественный видъ на городъ, на нашъ лагерь и на обширную равнину, по которой далеко-далеко вьется дорога въ Адріанополь. Въ городѣ узкія, кривыя улицы, по обѣимъ сторонамъ тропинки для пѣшеходовъ; на нѣкоторыхъ, болѣе широкихъ улицахъ есть также тропинки для верховыхъ. Кромѣ домовъ великаго визиря и паши, окна нигдѣ не выходятъ на улицу. На базарной площади множество досчатыхъ лавочекъ, и между ними узкіе проходы. Тутъ же стоитъ главная мечеть съ прекраснымъ колодцемъ при входѣ во дворъ. Между мраморными плитами могилъ пестрѣютъ яркія мальвы. У дверей мечети стоитъ Русская стража. Не смотря на долголѣтнее подчиненіе чужеземному владычеству, въ обращеніи Болгаръ не видно привычки къ раболѣпству. Въ первые дни послѣ нашего вступленія въ Айдосъ, они намъ низко кланялись, снимали шапки (въ противность обычаю, такъ какъ они должны кланяться приложивъ руку къ груди), но вскорѣ ободрились и не пугались суроваго обращенія солдатъ, однимъ словомъ скоро вошли въ обычную колею. Особенно торговки, тотчасъ же принявшіяся за свои дѣла, отличались развязностью и смѣлостью. Въ первый разъ видѣлъ я нашихъ солдатъ въ покоренномъ городѣ, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ сильна въ нихъ подчиненность. Если иногда они хотѣли обидѣть какого нибудь Болгарина, то ему только стоило пригрозить: «капитану скажу», и его тотчасъ оставляли въ покоѣ.

Скоро изъ Бургаса наѣхали маркитанты съ Французскими винами, сахаромъ, чаемъ, сукнами, платками и т. п. Нашелся даже Турокъ, открывшій свою кофейню. Греческіе священники вернулись назадъ, и скоро городъ будетъ оживленъ по прежнему. Турецкіе бобы, огурцы, лукъ, груши и сливы, все очень дешево. Тутовыя ягоды, хорошій, крупный сортъ, только теперь поспѣваютъ (въ Астрахани онѣ созрѣваютъ въ Апрѣлѣ и Маѣ). Арбузовъ и дынь еще не видно, тогда какъ тамъ, помню, я покупалъ ихъ въ началѣ Іюля. Жаръ уже де-

сять дней стоитъ невыносимый, ночи сухія и теплыя. 25-го Іюля была сильная гроза, первая, которую мы испытали на южной сторонѣ Балканъ, и въ воздухѣ посвѣжѣло.

Въ Айдосѣ мы прожили двѣ недѣли. Въ хорошо устроенномъ госпиталѣ сразу оказалось 250 больныхъ, и число ихъ умножалось съ каждымъ днемъ. Перемежающіяся лихорадки скоро уступали дѣйствію хинины; воспаленій не было, но приливы крови къ головѣ и разстройство желудка попадались довольно часто. У 50 человѣкъ, получившихъ раны при взятіи Айдоса, былъ тетанусъ.

Въ сравненіи съ лишеніями, испытанными нами на походѣ изъ Шумлы въ Айдосъ, мы теперь сибаритствовали въ нашемъ Болгарскомъ домѣ. Къ намъ переѣхалъ пасторъ Долль, которому гораздо больше понравилось у насъ, чѣмъ у своихъ единовѣрцевъ въ городѣ, хотя онъ часто грозилъ намъ пальцемъ, когда мы пѣли студенческія пѣсни: такихъ онъ еще никогда не слыхалъ. Въ виноградникахъ мы собирали неспѣлыя шишки кукурузы, мелкіе арбузы, дыни и ѣли ихъ въ видѣ овощей, или варили кислый супъ изъ неспѣлаго винограда и тутовыхъ ягодъ; дессертомъ у насъ были отличный медъ, рисъ, изюмъ. Комендантъ, котораго я лѣчилъ, прислалъ мнѣ два свѣжихъ хлѣба; они показались намъ сущей амврозіей! Короче сказать, мелочи эти доставляли намъ всякій день новое удовольствіе. Поэтому вы можете себѣ составить понятіе о нашей жизни и о странѣ, гдѣ мы находились. Къ полнотѣ счастія, въ Айдосѣ не было чумы. Солдатамъ и въ особенности нашимъ деньщикамъ, приходилось чистить грязные Турецкіе дома, трогать руками старую домашнюю утварь, лохмотья, выбрасывать цѣлыя кучи вонючей шерсти изъ тюфяковъ и подушекъ, валявшихся по комнатамъ; на улицахъ лежали трупы, которые заражали воздухъ; ихъ нужно было тоже убрать. Будь только малѣйшее расположеніе къ зараженію, намъ бы не избѣжать его. На площади разбили палатки на 200 больныхъ; въ просторныхъ прохладныхъ магазинахъ тоже устроили 250 кроватей со всѣми принадлежностями; тутъ же помѣщались кухня, аптека и прислуга. Къ сожалѣнію Даль крѣпко захворалъ (Hemitritäus) вскорѣ по пріѣздѣ; но тутъ подъѣхали доктора изъ Вильны и Берлина. Въ тоже время подошли резервы и госпитальныя фуры изъ Девны. Пришла вѣсть о взятіи Эрзерума и возбудила въ насъ нетерпѣливое желаніе идти дальше.

Наконецъ, 28-го Іюля 1829 года, въ 4 часа пополудни, Главная Квартира выступила въ Сливну, гдѣ укрѣпились Турки. Мы готовились дней черезъ 6—7 увидать Византію, услыхать колокольный звонъ на Софіи. Солдаты горѣли мужествомъ, Турки были въ неописанномъ страхѣ. Я поручилъ госпиталь доктору Леони, самъ же принялъ на время дороги госпиталь № 1. Даль выздоровѣлъ, но Паукеръ захворалъ и ѣхалъ въ больничной фурѣ. Въ Карнабатъ, 23 версты, пріѣхали мы въ 10 ч. вечера, въ свѣтлую лунную ночь. Весь слѣдующій день ѣхали низомъ, все на Западъ вдоль Айдосской горной терассы. Я ѣхалъ верхомъ впередъ и на горѣ остановился взглянуть на нашъ поѣздъ; онъ растянулся по крайней мѣрѣ на 4 версты, что возможно только на войнѣ съ Турціей, потому что вокругъ насъ все было тихо. Когда госпиталь поровнялся съ горой, я присоединился къ нему, и скоро всѣ остановились обѣдать. На трудныхъ мѣстахъ поѣздъ двигался такъ медленно, что мы съ госпиталемъ только къ полуночи добрались до мѣста ночлега.

Погода была холодная и вѣтряная; но такъ какъ мы разсчитывали на другой день рано утромъ отправиться дальше, то и не поставили себѣ палатокъ. Вмѣсто того, пришлось простоять тутъ цѣлый день, потому что Дибичъ хотѣлъ дать Туркамъ время сосредоточить силы въ Сливнѣ, чтобы потомъ, какъ мухъ, уничтожить всѣхъ однимъ ударомъ. 31-го Іюля утромъ поднялись мы съ мѣста вслѣдъ за 6-мъ корпусомъ. Ожидали сраженія подъ Сливной; мы были готовы. За 8 верстъ отъ города былъ данъ небольшой роздыхъ. Паукеръ лежалъ больной въ повозкѣ, а Даль и я присоединились къ Генеральному Штабу и все время сраженія пробыли въ свитѣ Дибича. Дѣло продолжалось не болѣе получаса. 20,000 Турокъ бѣжали въ смятеніи; наши егеря проникли въ городъ, и мы могли видѣть, какъ спасавшійся непріятель длинными извилистыми линіями взбирался на горы по ту сторону Сливны. Къ 3-мъ часамъ пополудни все было кончено, и тутъ начиналась наша работа. Госпиталь помѣщался на южной сторонѣ города. Докторъ Паукеръ выползъ изъ своей фуры; тутъ же былъ и докторъ Шлегель. Съ нашей стороны было мало раненыхъ, Турокъ же гораздо больше. Одному Турецкому офицеру, молодому человѣку, оторвало ядромъ обѣ ноги; передъ смертью онъ подарилъ мнѣ свой Турецкій молитвенникъ и цинковое кольцо съ печатью. Я ихъ берегу.

Сливна (Селимно), гдѣ, говорятъ, выдѣлывается лучшее розовое масло, лежитъ въ ущельи у подошвы Балканъ, склоны которыхъ здѣсь покрыты лѣсами, фруктовыми садами и виноградниками. Ущелье расходится къ Югу, и при самомъ началѣ его растетъ прекрасная платановая роща. Посреди небольшаго, но чистенькаго, хорошенькаго городочка протекаетъ ручей. Пожаръ истребилъ много домовъ. Вечеромъ же всѣ жители, христіане, и во главѣ ихъ священники, явились въ Главную Квартиру. Слухи, доходившіе изъ покоренныхъ городовъ, внушали довѣріе къ Русскимъ. Трофеи заключались лишь въ 8 пушкахъ, нѣсколькихъ знаменахъ и плѣнныхъ. Много шуму изъ пустяковъ. На слѣдующій день, 1-го Августа, хотѣлъ я отправиться къ своимъ больнымъ, но уже не въ состояніи былъ этого сдѣлать. Еще наканунѣ вечеромъ у меня съ головною болью обнаружилась лихорадка. Даль отправилъ меня въ лазаретную фуру къ Паукеру, гдѣ я и пролежалъ безъ памяти семь дней. Ужаснѣйшая головная боль и бредъ не прекращались ни днемъ, ни ночью. Только помню, что я тотчасъ же велѣлъ себѣ приставить 12 піявокъ къ вискамъ и что потомъ у меня всякій день сильно шла кровь носомъ. Помнится мнѣ также, въ рѣдкія минуты сознанія, что я сосалъ кусокъ каменной соли, который старательно берегъ подъ подушкой, а жажду утолялъ съ помощію камышевой палочки изъ сосуда съ водой поставленнаго между мной и Паукеромъ. На 7-й день у меня сдѣлалась сильная испарина, а на 8-й стали мнѣ давать по 2 грана хинины. Сознаніе скоро вернулось, и черезъ три дня я уже сидѣлъ у дверецъ нашего экипажа и пилъ черный кофей. Мой деньщикъ и деньщикъ Даля, захворавшіе въ одно время со мною, оба умерли. Вслѣдствіе убійственнаго жара, въ короткій переходъ отъ Сливны до Адріанополя, погибло множество людей. Даже лошади не выдерживали и падали. Моя лошадь пропала съ сѣдломъ и сбруей.

То были самые тяжкіе дни мои во все время похода; но съ прибытіемъ въ Адріанополь, я почувствовалъ себя достаточно крѣпкимъ, чтобы снова приняться за дѣло.

(Окончаніе будетъ).

Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ [1]).

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria [2]).
Dante.

Высшее общество. Служебныя отношенія. Музыка.

I.

По поводу важнаго и долгаго тяжебнаго дѣла въ Сенатѣ, я вынужденъ былъ весною 1833 г. отправиться въ Петербургъ. Два дня и двѣ ночи ѣхалъ я изъ Риги въ дилижансѣ и наконецъ, утромъ на третій день, достигъ 60° сѣверной широты и остановился противъ Семеновскаго моста, у конторы дилижансовъ. Уже и тогда славилась «гостинница Демута», пріобрѣтшая въ настоящее время историческую извѣстность. Мнѣ шелъ 24 годъ. Парижъ и Лондонъ были мнѣ коротко знакомы; съ понятіемъ о большихъ городахъ я вполнѣ освоился; но кромѣ нѣкоторыхъ родственниковъ, принадлежавшихъ къ чиновничьему міру, я былъ человѣкъ чужой въ Петербургѣ, гдѣ судьба опредѣлила мнѣ узнать все и всѣхъ и застрять на долгое время. Въ своей родной Ригѣ я числился адвокатомъ. Дядя мой, генералъ-лейтенантъ Бартоломей, принадлежавшій къ дворянскому роду Лифляндскаго острова Эзеля, женился въ Петербургѣ на графинѣ Девьеръ [3]) и затѣмъ исчезъ для насъ въ высшемъ воинскомъ кругу. Онъ былъ человѣкъ сердечный и во времена молодости искреннѣйшій другъ моего отца. Отецъ Бартоломея находился въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ дѣдомъ по отцу, что они помѣнялись между собой старшими сыновьями, такъ что мой отецъ воспитывался въ Аренсбургѣ, а Бартоломей у насъ въ Ригѣ. Рѣдкій случай, характеризующій семейныя отношенія стараго времени.

Мнѣ велѣно было явиться къ дядиной тещѣ. Старая графиня [4]) жила у Конюшеннаго моста на Мойкѣ, въ тѣсной, но уютной обста-

---

[1]) Извлечено изъ С.-Петербургской Нѣмецкой газеты (S.-Petersburger Zeitung) нынѣшняго года. Сочинитель этихъ любопытныхъ Записокъ не означаетъ своего имени. П. Б.

[2]) Нѣтъ больше горя, какъ въ бѣдствіи вспоминать о счастливомъ прошломъ.

[3]) На графинѣ Александрѣ Николаевнѣ. *П. Б.*

[4]) Графиня Марья Михайловна Девьеръ, урожд. Сабурова. *П. Б.*

новкѣ. Я очутился передъ маленькой, дородной женщиной, съ головою, глубоко ушедшею въ плечи, съ сѣрыми проницательными глазами и рябоватымъ лицомъ. Графиня была урожденная Сабурова, а Сабуровы принадлежатъ къ древнѣйшимъ боярскимъ родамъ. Она во всѣхъ отношеніяхъ была представительницей прошлаго столѣтія, объяснялась только порусски и придерживалась стараго патріархальнаго обычая говорить всѣмъ, старому и молодому, знатному и незнатному, ты. Нѣкогда она была богата и жила открыто. Теперь посвятила она всю себя моему двоюродному брату Ивану Бартоломею, который только-что былъ выпущенъ изъ юнкерскаго училища гвардейскимъ офицеромъ и жилъ у нея въ домѣ. «Мой Жанъ ученый», сказала она, «и ведетъ разговоры все объ ученыхъ предметахъ. Согласенъ ты жить у насъ, въ одной съ нимъ комнатѣ?» Я принялъ предложеніе съ радостію.

Жанъ, хотя и прошелъ только курсъ юнкерскаго училища, былъ дѣйствительно въ своемъ родѣ ученый. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые полагаютъ, что на все достаточно одного только здраваго человѣческаго смысла, этого знаменитаго здраваго смысла, на который всѣ ссылаются, но который встрѣчается такъ рѣдко. Онъ былъ нумизматъ по природѣ. Самъ собою выучился онъ Персидскому языку. Сассаниды были его спеціальностію. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ за своими монетами. Извѣстный нумизматъ, академикъ Дорнъ, посѣщалъ его и совѣтовался съ нимъ при покупкѣ монетъ. Когда Жанъ бралъ въ руки монету, взоръ его, такъ сказать, насквозь проницалъ ее, и часто говаривалъ онъ къ удивленію великаго Нѣмецкаго ученаго: «эта монета настоящая, а эта извѣстная Парижская поддѣлка», и представлялъ доказательства своему мнѣнію. Также и полатыни онъ выучился самъ собою, практически, по Римскимъ монетамъ, а не по Брёдеру и Шаллеру. Все въ немъ было дѣльно и основательно. Если я предлагалъ помочь ему въ разборѣ какой нибудь надписи на монетѣ, онъ отвѣчалъ: «Не надо, не надо! Дня въ два я самъ добьюсь; лишь то остается въ памяти, до чего самъ дойдешь!» Латинскимъ языкомъ занимался онъ только для разнообразія, слѣдуя пословицѣ: Varietas delectat [5]). Онъ любилъ Римскія изреченія. Восточными языками онъ обладалъ какъ роднымъ. Онъ говорилъ какимъ-то особенно-изящнымъ Русскимъ языкомъ, не такимъ какъ другіе, и превосходно пофранцузски. Относительно произношенія, онъ былъ педантъ и въ спорахъ объ этомъ предметѣ всегда оставался правъ. Писать на иностранныхъ языкахъ онъ терпѣть не могъ, а также не любилъ Нѣмецкаго языка, который зналъ очень мало — явленіе очень часто встрѣчающееся въ дѣтяхъ, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Онъ былъ ультра-аристократъ и обладалъ свѣдѣніями по части геральдики. Гербъ его отца былъ прекрасенъ: Пегасъ съ надписью: «per aspera ad astra» [6]). Свои нумизматическія изслѣдованія онъ представилъ Академіи на сухомъ Французскомъ языкѣ; онѣ были опубликованы въ Бюллетенѣ и оцѣнены по достоинству знатоками.

Мы спали на диванахъ, предъ которыми стояло по рабочему столику. Говорили мы пофранцузски, и ему нравился мой нѣсколько-изысканный Парижскій выговоръ; но малѣйшій неправильный акцентъ

---

[5]) «Разнообразіе пріятно».

[6]) «Труднымъ путемъ къ небесамъ».

въ произношеніи приводилъ его въ священное негодованіе. Это было для меня очень полезно. «Что за толстая книга?» спросилъ онъ меня въ первое утро. «Corpus juris и вдобавокъ изданіе Эльзевира».—«Я люблю толстыя книги; вотъ и моя толстая книга!» Это былъ Керъ-Портеръ, сборникъ великолѣпныхъ гравюръ на мѣди, изображавшихъ развалины Персеполя—огромный фоліантъ въ полиняломъ красномъ сафьянѣ съ золотымъ гербомъ. «Это рѣдкость; гдѣ вы ее достали?» «Гдѣ я достаю и свои монеты—на толкучкѣ. Надобно только не щадить труда, надо все изслѣдовать: погреба, подвалы. Видишь ли, когда умираетъ какой нибудь знатный вельможа, державшій только ради моды библіотеку или какую нибудь колекцію, то лакейство крадетъ изъ всего этого, что только можно, и продаетъ за безцѣнокъ стоившее большихъ денегъ. Все это попадаетъ на толкучку. Я туда дѣлаю еженедѣльный набѣгъ. Толкучка неистощима, потому что воровство никогда не прекращается». И дѣйствительно, десять лѣтъ спустя, одинъ молодой гвардейскій офицеръ, любитель картинъ, купилъ на толкучкѣ большую на двое распиленную картину Гольбейна, возстановилъ ее и отказался продать за 40,000 франковъ Людовику Филипу, который именно въ то время собиралъ произведенія Гольбейна и посылалъ нарочнаго удостовѣриться въ ея подлинности. Она представляла Поклоненіе Волхвовъ, сопровождаемыхъ многочисленной свитой; фигуры въ $^1/_4$ натуральной величины. Весь Петербургъ бросился смотрѣть картину. Имя счастливца Ладевицкій; въ большомъ свѣтѣ, гдѣ мы съ нимъ еще встрѣтимся, его называли «le petit guerrier» [7]). Черезъ эту картину онъ попалъ ко двору великой княгини Елены Павловны.

Касательно обмѣна мыслей, Бартоломей былъ мнѣ другомъ; но въ сущности мы составляли положительную противоположность между собою. Въ музыкѣ и поэзіи онъ ничего не смыслилъ, не интересовался даже Бальзакомъ, бывшимъ тогда въ такой модѣ, что можно было даже, вмѣсто: «Comment vous portez-vous?» спросить: «Avez-vous lu l'Histoire des treize?» [8]) Бартоломей говаривалъ: «Какъ получу наслѣдство послѣ матушки, сейчасъ же выхожу въ отставку, переодѣваюсь Персидскимъ нищимъ и пѣшкомъ пойду чрезъ Ташкентъ и Персію въ Индію. Вотъ тамъ-то можно находить древнія монеты!» Когда ему доводилось идти въ караулъ, онъ клалъ въ карманъ свертокъ съ Сассанидами и, приговаривая: «вотъ мой Бальзакъ», отправлялся на свою 24 часовую службу. Онъ былъ мелоченъ по службѣ, но очень любимъ товарищами и умѣлъ сдѣлать такъ, что они рѣдко его посѣщали, чтобы не отнимать у него времени отъ занятій. Онъ мало спалъ и почти ничего не ѣлъ, но весь день на пролетъ пилъ чай и курилъ. По ночамъ онъ рисовалъ на память развалины Персеполя и исправлялъ себя потомъ по Керъ-Портеру. Онъ не посѣщалъ ни общества, ни театровъ.

Въ первый же день моего новоселья, около 4 часовъ, поднялся страшный шумъ на дворѣ дома, куда выходили наши окна. Громадное зданіе на четырехъ колесахъ, съ исполинскими гербами на дверцахъ, въ четыре лошади, съ форейторомъ, кучеромъ и лакеемъ въ ливреѣ, съ громомъ выкатилось изъ воротъ. «Grand'maman отправ-

---

[7]) «Маленькій воинъ».

[8]) Какъ поживаете? Читали-ли вы «Исторію тринадцати»?

ляется въ зимній дворецъ», объяснилъ мнѣ Жанъ: «она круглый годъ ежедневно ѣздитъ къ министру двора (князю Волконскому) обѣдать; къ 11 часамъ вечера за нею пріѣзжаетъ карета. Дождитесь бабушки; она это любитъ, она вамъ разскажетъ что̀ тамъ было и кто тамъ былъ. Но при этомъ вы должны только слушать, ничего не говорить и ни о чемъ не распрашивать; она стараго поколѣнія и стараго времени, когда молодые люди не смѣли разѣвать ротъ, а для нея и министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, молодой человѣкъ. Сего послѣдняго вы увидите у насъ; онъ человѣкъ очень свѣдущій и въ милости у князя». Бартоломей отправился въ караулъ, я остался одинъ. «Пора-бы пообѣдать», подумалъ я, и скромно освѣдомился на счетъ обѣда у горничныхъ, старшая изъ которыхъ дежурила по ночамъ у графини, когда та страдала безсонницей. Отвѣтъ былъ: «У насъ на кухнѣ никогда не разводятъ огня, ставятъ только самоваръ; мы никогда не обѣдаемъ, мы покупаемъ себѣ поѣсть въ лавкѣ; молодой баринъ тоже посылаетъ за обѣдомъ—ему все равно».

Графиня возвращалась ровно въ 11 часовъ. Лакей несъ за нею свертокъ съ придворными конфетами, которыя она акуратно каждый разъ брала отъ десерта и которыя на другое утро подавались къ чаю. Этими отличными конфетами можно было заморить червячка до обѣда.

Настала для меня своеобразная, тихая-тихая жизнь. По вечерамъ можно было чуять вѣяніе вѣчности! Я чувствовалъ себя какъ-бы въ птичьемъ гнѣздѣ, въ самой трущобѣ лѣса, называемаго Петербургомъ, но безъ корма.

«Пора тебѣ представляться!» сказала добродушная старушка. «Я говорила о тебѣ съ Грегуаромъ». Грегуаръ былъ сынъ министра двора, только что возвратившійся лауреатомъ изъ Парижскаго университета, отличный баритонъ и человѣкъ въ высшей степени любезный. Впослѣдствіи онъ былъ очень любимъ, въ должности попечителя Петербургскаго университета. Съ нимъ я тотчасъ же сошелся: это былъ человѣкъ по мнѣ. Онъ явился ко мнѣ самъ, совершенно попарижски и объявилъ мнѣ напрямикъ: «Я введу васъ только въ два дома, гдѣ я свой человѣкъ и гдѣ вы можете быть увѣрены въ отличномъ пріемѣ: къ князю Одоевскому, писателю, и къ почтдиректору Булгакову. У Одоевскаго вы найдете литераторовъ изъ высшаго круга и также Блудова; съ нимъ не мѣшаетъ познакомиться. У Булгакова вы встрѣтите министровъ и дипломатовъ; даже отецъ мой, который ни у кого не бываетъ, посѣщаетъ его. Вы вѣроятно уже слышали отъ вашихъ близкихъ, что отецъ мой неразлученъ съ Государемъ; ему я не смѣю никого представлять».

Григорій Волконскій [9]) занималъ маленькій антресоль въ коридорѣ Зимняго дворца, ведущемъ въ помѣщеніе гофмейстера, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Государемъ. Въ этомъ антресолѣ мы много занимались музыкой. Извѣстная витая лѣстница, со стороны Невской набережной, на пути въ фельдмаршальскую залу, вела также и къ министру двора, который занималъ всего три комнаты, но въ какомъ сосѣдствѣ! Наканунѣ новаго года, въ тѣ времена, каждый имѣлъ

---

[9]) Князь Григорій Петровичъ Волконскій, въ должности гофмейстера, женатъ былъ на дочери шефа жандармовъ графинѣ Маріи Александровнѣ Бенкендорфъ. *П. Б.*

право являться безъ билета въ Зимній дворецъ на маскерадъ, состоявшій въ томъ, что весь дворъ, одѣтый въ домино, совершалъ процессію чрезъ всѣ покои дворца. Дворъ ужиналъ въ театрѣ Эрмитажа. Народу во дворцѣ собиралось нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ немало бараньихъ тулуповъ. Всѣ залы, всѣ комнаты были биткомъ набиты людьми изъ всѣхъ сословій. И надъ всей этой массой высилась высокая фигура императора Николая, въ треугольной шляпѣ съ развѣвающимися перьями.

Князь Григорій Волконскій былъ такъ добръ, что взялся показать мнѣ этотъ ужинъ. Сдѣлать это могъ только онъ, да и то директоръ Эрмитажа Лабанскій чуть не преградилъ намъ доступа. Освѣщеніе театра было по истинѣ волшебное. Отъ этого народнаго праздника, не имѣвшаго ничего себѣ подобнаго при другихъ Европейскихъ дворахъ, до такой степени портилась мебель, подымалась такая пыль по всему необъятному зданію, что онъ былъ отмѣненъ съ 1 Января 1835 года. Разскажу замѣчательный случай, связанный съ воспоминаніемъ объ этомъ праздникѣ. При Александрѣ I-мъ вошло въ обычай спрашивать у перваго, кто входилъ во дворецъ, и у послѣдняго, кто его покидалъ, имена ихъ и на другое утро докладывать о нихъ Государю. Одинъ начальникъ отдѣленія Военнаго Министерства, состоявшаго подъ управленіемъ всемогущаго Аракчеева, никогда еще не бывалъ ни въ маскарадѣ, ни въ театрѣ; всю жизнь онъ ложился въ 10 часовъ вечера и вставалъ съ солнцемъ. Сестра его жены пріѣзжаетъ изъ провинціи, и обѣ дамы рѣшаютъ, что старикъ долженъ ѣхать съ ними въ маскарадъ. На свое несчастіе онъ соглашается. Онъ не зналъ, что̀ такое выходить изъ дому, или возвращаться въ 11 часовъ. Въ огромномъ нижнемъ этажѣ дворца, въ нѣкоторыхъ проходныхъ комнатахъ есть маленькіе, неосвѣщенные кабинетцы, снабженные креслами. Этотъ господинъ юркнулъ въ одинъ изъ такихъ закоулковъ, сказавъ своимъ дамамъ, чтобъ онѣ слѣдовали за толпой, совершили бы своей маскарадный обходъ и потомъ пришли за нимъ. Но этого имъ не удалось исполнить: кабинетцевъ множество, занавѣски ихъ опущены, давка страшная. Дамы въ отчаяніи отправляются домой, старика же утромъ будятъ полотеры. Онъ ушелъ послѣднимъ, но и прибылъ первымъ, въ надеждѣ поскорѣе отдѣлаться. Проходитъ годъ. Аракчеевъ дѣлаетъ представленіе къ наградамъ. Его лучшій работникъ, нашъ начальникъ отдѣленія, тоже не забытъ. Представленіе Государь утверждаетъ, вычеркивая одного начальника отдѣленія. Аракчеевъ рѣшается замолвить за него слово, но Государь прерываетъ его: «Вы ничего не знаете; этотъ чиновникъ посѣщаетъ всѣ маскарады; онъ первый появляется и послѣдній уѣзжаетъ — это ужъ не работникъ!» Никакіе доводы не подѣйствовали: старику пришлось выйти въ отставку. Онъ только и покидалъ свою квартиру, чтобы идти въ канцелярію, гдѣ и былъ первымъ и послѣднимъ. Такъ разсказывалъ мнѣ этотъ анекдотъ оберъ-шенкъ графъ Вьельгорскій и при этомъ прибавилъ: «Я тебѣ вотъ что скажу: ты, мнѣ кажешься именно такимъ человѣкомъ, что̀ способенъ какъ разъ попасть въ бѣду». Графъ, по Русскому обычаю, говорилъ мнѣ ты, изъ снисходительной дружбы.

II.

Въ 1833 г. князь Владиміръ Одоевскій, уже извѣстный писатель, принималъ у себя каждую субботу послѣ театра. Придти къ нему

прежде 11 часовъ было рано. Онъ занималъ въ Машковомъ переулкѣ (на углу Большой Миліонной) скромный флигилекъ; но тѣмъ не менѣе у него все было на большую ногу, все внушительно. Общество проводило вечеръ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ и только къ концу переходило въ верхній этажъ, въ львиную пещеру, то есть въ пространную библіотеку князя. Княгиня, величественно возсѣдая передъ большимъ серебрянымъ самоваромъ, сама разливала чай, тогда какъ въ другихъ домахъ его разносили лакеи совсѣмъ уже готовый. Ее называли la belle Créole [10]), такъ какъ она цвѣтомъ лица похожа была на Креолку и нѣкогда славилась красотою. Она была сестра сенатора Ланскаго, бывшаго впослѣдствіи министромъ. У Одоевскаго часто бывали Пушкинъ, Жуковскій, поэтъ князь Вяземскій, драматургъ князь Шаховской, въ насмѣшку называвшійся le père de la comédie [11]), далѣе Замятинъ (будущій министръ юстиціи), Блудовъ, молодые члены Французскаго посольства. Изъ дамъ особенно обращали на себя вниманіе красавица Замятина, графиня Лаваль старая и страшно безобразная, и нетерпящая свѣта княгиня Голицына, Princesse Nocturne [12]), какъ ее называли, потому что она обращала ночь въ день и вставала не раньше полуночи. Она носила всегда платья рѣзкихъ цвѣтовъ, слыла ученою и, говорятъ, вела переписку съ Парижскими академиками по математическимъ вопросамъ. Мнѣ она казалась просто скучнымъ синимъ чулкомъ. Во время пребыванія Бальзака въ Петербургѣ въ 1845 году, она, не будучи съ нимъ знакома, послала за нимъ въ полночь карету съ приглашеніемъ къ себѣ. Я случайно находился въ то время у Бальзака, который очень этимъ оскорбился, и я всѣми силами старался успокоить его, поставляя ему на видъ всѣ странности старухи. Бальзакъ написалъ ей: «У насъ, милостивая государыня, посылаютъ только за врачами, да и то за тѣми, съ которыми знакомы. Я не врачъ». Подпись, и ничего болѣе. Въ негодованіи Бальзакъ ударялъ кулакомъ по столу и восклицалъ: «чего мнѣ послѣ этого ждать впереди!»

У князя Одоевскаго я встрѣтился съ землякомъ фонъ-Вегезакомъ, Рижскимъ уроженцемъ, котораго за его наружность называли барономъ. Онъ служилъ подъ начальствомъ Лаваля въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и впослѣдствіи былъ министромъ - резидентомъ въ Ганзейскихъ городахъ. Тутъ можно было встрѣтить также Дантеса, красиваго кавалергардскаго офицера, отъ руки котораго впослѣдствіи палъ Пушкинъ. Гордый своими успѣхами между дамами, онъ былъ воплощенная спѣсь. Гораздо скромнѣе и проще держалъ себя молодой Римлянинъ, другъ Григорія Волконскаго, учитель пѣнія, Чіабатта, ослѣпительной красоты Антиноева голова. Онъ женился на богачкѣ и потерялся для насъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи. По красотѣ Дантесъ не могъ идти въ сравненіе съ Чіабаттой, но онъ носилъ мундиръ, а мундиръ надо всѣмъ бралъ тогда верхъ!

Однажды вечеромъ, въ Ноябрѣ 1833 г., я пришелъ къ Одоевскому слишкомъ рано. Княгиня была одна и величественно возсѣдала передъ своимъ самоваромъ; разговоръ не клеился. Въ этомъ домѣ человѣчество подраздѣлялось на князя, княгиню, княжну и за тѣмъ

---

[10]) Прекрасная Креолка.

[11]) Отецъ комедіи.

[12]) Ночная Княгиня.

уже остальное человѣчество. Вдругъ—никогда этого не забуду—входитъ дама, стройная какъ пальма, въ платьѣ изъ чернаго атласа, доходящемъ до горла (въ то время былъ придворный трауръ). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывалъ—incessu dea patebat! [13]) Благородныя, античныя черты ея лица напоминали мнѣ Евтерпу Луврскаго Музея, съ которой я хорошо былъ знакомъ. Князь Григорій, подошедъ ко мнѣ, шепнулъ на ухо: «не годится слишкомъ на нее засматриваться». Въ этомъ домѣ не существовало общаго всѣмъ другимъ домамъ и всегда тягостнаго обычая представлять гостей другъ другу. Разъ введенный сюда считался какъ-бы знакомымъ со всѣми и такъ и держалъ себя. Это весьма удобно. Уходятъ, не прощаясь, и входятъ съ легкимъ поклономъ, какъ будто видѣлись 10 минутъ тому назадъ. Мнѣ захотѣлось посидѣть по крайней мѣрѣ около Пушкина. Я собрался съ духомъ и сѣлъ около него. Къ моему удивленію, онъ заговорилъ со мной очень ласково: должно быть былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Гофмана фантастическія сказки въ это самое время были переведены въ Парижѣ на Французскій языкъ и, благодаря этому обстоятельству, сдѣлались извѣстны въ Петербургѣ. Тутъ во всемъ главную роль игралъ—Парижъ. Пушкинъ только и говорилъ что̀ про Гофмана; не даромъ же онъ и написалъ Пиковую Даму въ подражаніе Гофману, но въ болѣе изящномъ вкусѣ.

Гофмана я зналъ наизустъ; вѣдь мы въ Ригѣ, въ счастливые юношескіе годы, почти молились на него. Нашъ разговоръ былъ оживленъ и продолжался долго; я былъ въ ударѣ и чувствовалъ, что говорилъ какъ книга. «Одоевскій пишетъ тоже фантастическія пьэсы», сказалъ Пушкинъ съ неподражаемымъ сарказмомъ въ тонѣ. Я возразилъ совершенно невинно: Sa pensée malheureusement n'a pas de sexe [14]), и Пушкинъ неожиданно показалъ мнѣ весь рядъ своихъ прекрасныхъ зубовъ: такова была его манера улыбаться. «Что такое вы сказали?» спросилъ меня князь Григорій, «чему онъ засмѣялся?» Слова, сказанныя мною, впослѣдствіи распространились въ публикѣ; я долженъ былъ-бы сказать себѣ: si tacuisses, philosophus mansisses [15]); но я былъ молодъ.

На верху въ библіотекѣ у Одоевскаго сидѣлъ худощавый господинъ, въ черномъ фракѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, со звѣздою на каждой сторонѣ груди. Я слышалъ отъ Бартоломея, что настоящая сторона для звѣзды лѣвая, хотя-бы ихъ имѣлось и двѣ. Черный господинъ напомнилъ мнѣ Магнетизёра въ Гофманѣ. Онъ разсуждалъ о полемикѣ между Савиньи и Гансомъ по вопросу о possesio [16]), сдѣлавшейся извѣстною благодаря только что прибывшей изъ Парижа книгѣ Лерминье: Introduction à l'histoire de droit [17]), поверхностной, но написанной увлекательнымъ слогомъ. И все же опять Парижъ! Черный господинъ продолжалъ ораторствовать. Пушкинъ бросалъ на него нетерпѣливые взгляды: ему очевидно все это страшно надоѣло. Я испросилъ себѣ слова, только потому (какъ я скромно прибавилъ)

---

[13]) Когда она появлялась, то казалось, что видишь богиню.

[14]) Къ несчастію, мысль его не имѣетъ пола.

[15]) Если бы смолчалъ, остался бы философомъ.

[16]) Владѣніе.

[17]) Введеніе въ исторію права.

что слушалъ въ Берлинѣ лекціи Савиньи и Ганса. Я попалъ въ свою сферу и изложилъ дѣло ясно и общедоступно, что̀ не составляетъ большой заслуги для студента Дерптскаго университета. Черный господинъ поднялся съ мѣста и прямо подошелъ ко мнѣ. «Я принимаю по Четвергамъ», сказалъ онъ, «и буду очень радъ видѣть васъ у себя. Я Дегай». Это приглашеніе имѣло для меня важныя послѣдствія. До сихъ поръ тяжба моя заставляла меня не разъ понапрасну стучаться у дверей его; онъ оставался для меня невидимкой, онъ, директоръ Министерства Юстиціи. Дегай тотчасъ же опредѣлилъ меня на службу, что̀ было моимъ самымъ горячимъ желаніемъ, ибо Петербургъ мнѣ полюбился.

Ваканціи никакой не было, и въ строгомъ смыслѣ слова нельзя сказать, чтобъ я былъ опредѣленъ къ должности. Мнѣ только поставили стулъ у стола регистратуры. Дегай занималъ меня переводами на Русскій языкъ. Первою работою, которую онъ мнѣ задалъ, былъ переводъ послѣдней главы Пандектовъ. Поводомъ къ тому послужило то, что я неосторожно упомянулъ въ его присутствіи объ надписи de regulis juris. Напрасно я, бѣдный, отказывался и увѣрялъ, что эту главу, именно эту главу, можно понимать тогда только, когда вполнѣ овладѣешь всей исполинской системой. Дегай никогда не отступался отъ своихъ приказаній; трудъ былъ исполненъ и оказался все-таки вполнѣ безполезнымъ, какъ и многое другое въ послѣдствіи. Дегай жилъ въ зданіи Министерства, обѣдалъ въ два часа одинъ и очень торопливо, чтобы успѣть еще поработать до театра. Почти каждый день ко мнѣ являлся лакей и звалъ меня къ столу. Тутъ мнѣ предстояло отвѣчать на множество разнообразнѣйшихъ вопросовъ и въ добавокъ ѣсть изъ почтительности. Въ Департаментѣ на это смотрѣли, какъ на начальническое покровительство, и это, въ соединеніи съ моей Нѣмецкой фамиліей, дѣлало меня окончательно ненавистнымъ. Какъ мнѣ было быть? Жаловаться ему я не могъ. Позднѣе, когда, вслѣдствіе открывшейся ваканціи, я поступилъ въ отдѣленіе, столоначальникъ Оппель, Русскій Нѣмецъ, ни слова не говорившій понѣмецки, придирался ко мнѣ при всякомъ случаѣ и заставлялъ переписывать свои доклады, что̀ мнѣ очень пріятно было; ибо самъ я тогда еще не могъ ихъ составлять. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, директоръ сказалъ мнѣ: «Министръ (Дашковъ) благодаритъ васъ; онъ сказалъ мнѣ, что всѣ доклады писаны одной рукою, и ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ошибки, тогда какъ въ другихъ отдѣленіяхъ ошибки встрѣчаются то и дѣло».

Пріѣхалъ отецъ Бартоломея, и я долженъ былъ покинуть старую графиню. Я поселился въ домѣ архитектора Висконти, ведшаго свой родъ отъ знаменитыхъ Миланскихъ Висконти. Графъ Литта называлъ его кузеномъ и имѣлъ съ нимъ одинъ и тотъ же гербъ. Домъ Висконти находился близь Школы Правовѣдѣнія, и я занялъ въ немъ угловое помѣщеніе, которое прозвалъ полигономъ. Я простудился и нѣсколько дней не могъ ходить въ Министерство. Въ одно прекрасное утро у моей постели очутился директоръ со связкою документовъ подъ мышкою, которую онъ мнѣ и подалъ. «Это васъ вылѣчитъ», сказалъ онъ. «Мы получили изъ Общаго Собранія Сената очень важное дѣло. Министръ долженъ подать свое мнѣніе. Дѣло поступило изъ Бессарабіи и должно быть рѣшено по дѣйствующему тамъ Областному Уставу. Это немножко пахнетъ Римскимъ правомъ. Я рекомендовалъ министру для этой работы васъ, но она должна быть

окончена въ два дня. Вотъ вамъ случай отличиться. По этому дѣлу идутъ сильные происки, и надобно все держать въ тайнѣ». Подобный случай не представляется два раза. Дѣло состояло въ спорѣ объ наслѣдствѣ и подходило подъ 116 новеллу Юстиніанова Кодекса, но было очень запутано. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе его не представляло затрудненій для юриста, ознакомившагося съ Римскимъ правомъ въ Дерптскомъ университетѣ. Я изложилъ свое мнѣніе въ краткихъ словахъ, но тѣмъ не менѣе исчерпалъ всю суть, и на слѣдующій день былъ позванъ къ министру. Онъ никогда не ѣздилъ въ Сенатъ, въ Государственный Совѣтъ рѣдко, у себя въ Министерствѣ мы его никогда не видывали. Невидимка былъ видимъ только для директора и вице-директора Веймарна. Онъ былъ слабаго здоровья, но работалъ неутомимо и самъ прочитывалъ каждую строку, что̀ много значитъ. Это доказывалось тѣмъ, что мы находили въ бумагахъ сдѣланныя его рукою поправки самыхъ ничтожныхъ описокъ. Ясность мысли его вошла въ пословицу; онъ былъ практическій геній. Дашковъ, для насъ существо высшаго разряда, сказалъ мнѣ коротко: «Работа хороша; лѣтъ черезъ десять вы оберъ-прокуроръ».

Дегай поступалъ со мной добросовѣстно. Онъ освободилъ меня отъ дежурства въ Департаментѣ, гдѣ по ночамъ приходилось спать на столѣ, и зачислилъ въ число дежурящихъ у министра, которые должны были находиться до полудня въ комнатѣ, сосѣдней съ его кабинетомъ. По его звонку надо было входить къ нему, а также принимать знатныхъ посѣтителей и докладывать о нихъ. Онъ звонилъ рѣдко, и знатныхъ посѣтителей было мало, потому что онъ ихъ не принималъ. Дѣлать, стало быть, было нечего, и можно было, запасшись книгою, спокойно предаваться этому пріятному развлеченію. Но однажды раздался такой трезвонъ, что у меня книга выпала изъ рукъ. Дашковъ былъ очень взволнованъ. «Тамъ, въ Общемъ Собраніи, они опять не соглашаются; я долженъ защищать свое мнѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ, но потерялъ нить моихъ доказательствъ. Принесите мнѣ копію съ моего предложенія изъ отдѣленія». Но въ отдѣленіи не было копіи; они не догадались снять ее. Велико было отчаяніе чиновниковъ; они ходили какъ приговоренные къ смерти. Дашковъ былъ внѣ себя. «Такъ-то мнѣ служатъ, таковъ-то у насъ порядокъ!» кричалъ онъ и ударилъ чубукомъ, котораго никогда не выпускалъ изъ рукъ, по своей конторкѣ. Я скромно спросилъ, могу-ли сказать нѣсколько словъ. Онъ сдѣлалъ сердитый, но утвердительный знакъ рукой. Я началъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ, но скоро ободрился. «Нѣсколько недѣль тому назадъ», сказалъ я, «былъ я дежурнымъ въ Департаментѣ для запечатанія и отправленія исходящихъ бумагъ. Ваши предложенія Общему Собранію я при этомъ всегда читалъ для собственнаго своего назиданія, а на тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, даже обратилъ особое вниманіе. Я думаю, что могу ваши доказательства воспроизвести почти дословно. Дашковъ (незабвенный человѣкъ, котораго мы всѣ, какъ говорится, обожали) остался очень доволенъ и сказалъ: «Я этого не забуду». Дегай прибавилъ: «Теперь ваша карьера обезпечена». Вышло однакожъ иначе. Сперанскій, герой дня, умеръ, и Государь назначилъ на его мѣсто во 2-е Отдѣленіе Собственной Канцеляріи (въ «Сводъ», какъ тогда выражались) Дашкова. Дашковъ привыкъ къ сотрудничеству Дегая и рѣшительнымъ условіемъ принятія этой должности поставилъ, чтобы при немъ остался Дегай. Условій Николай Павловичъ, какъ из-

вѣстно, не любилъ. Кромѣ того существовало еще затрудненіе, что живъ былъ Балугьянскій, правая рука Сперанскаго, въ должности директора Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. И все-таки Государь согласился. Именнымъ указомъ Дегай былъ произведенъ въ статсъ-секретари и возведенъ въ должность директора Отдѣленія; въ тоже время были переведены туда два ничтожества, именно я и еще писецъ Дегая, который одинъ только могъ безошибочно переписывать его рунообразныя рукописи. Затѣмъ, казалось-бы, служба моя должна была подвигаться впередъ на парахъ; но Дашковъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя отъ маразма, потому что не дѣлалъ никакого движенія и слишкомъ много работалъ. Мѣсто его заступилъ Блудовъ, онъ не былъ расположенъ къ Дегаю и въ теченіе 12-ти лѣтъ не далъ намъ написать ни строчки. Насъ какъ-будто не существовало на свѣтѣ; мы были, по меньщей мѣрѣ, пятымъ колесомъ въ колесницѣ. Когда умеръ Дегай, то и я, такъ сказать, былъ погребенъ вмѣстѣ съ нимъ. Меня отослали въ министерство, откуда я прибылъ, и министръ юстиціи, графъ Панинъ, сунулъ меня въ Главный Архивъ Сената. Тамъ лежалъ я между мертвыми, представляя изъ себя архивную опись. Много лѣтъ спустя, я перемѣстился съ погребальной колесницы въ болѣе веселый экипажъ, но и на немъ далеко не уѣхалъ. «До Полтавы доѣдишь, до Кіева не доѣдишь», говоритъ кучеръ въ «Тарантасѣ» графа Сологуба.

И такъ, косвеннымъ образомъ я обязанъ князю Одоевскому, что поступилъ на службу. Его звали: Montmorancy russe (Русскій Монморанси) по древности его рода. Онъ былъ ученый музыкантъ и въ игрѣ превосходилъ меня значительно. Бахова музыка была ему какъ своя. На Фильдовъ ладъ игралъ онъ превосходно, прямо читая ноты...

III.

Директоръ Почтоваго Департамента, тайный совѣтникъ Константинъ Булгаковъ, жилъ въ бель-этажѣ почтоваго зданія. Это былъ настоящій типъ вельможи. Г-жа Булгакова, урожденная Варламъ, Молдаванка, умная и любезная свѣтская дама, чуждая всякой спѣси, часто говаривала: «Не понимаю, за что моего мужа заставляютъ увязывать почтовые пакеты (ficeler des paquets)». Впрочемъ Государь имѣлъ въ виду назначить Булгакова посланникомъ въ Вѣну на мѣсто Татищева (какъ я узналъ гораздо позднѣе, но изъ вѣрнаго источника). Должность Булгакова доставляла ему ежегоднаго дохода 100.000 рубл. асс., источникомъ котораго была подписка на иностранныя газеты. До самой смерти Булгакова, помѣшавшей ему вступить на предназначаемое ему высокое дипломатическое поприще, этотъ доходъ принадлежалъ директорамъ почтъ, а потомъ перешелъ къ правительству. Булгаковъ принималъ по Понедѣльникамъ и Четвергамъ послѣ театра. Когда меня ввелъ туда Григорій Волконскій, я прежде всего былъ пораженъ блестящимъ освѣщеніемъ; горѣли карселевыя лампы на изящныхъ подставкахъ. Въ первой комнатѣ, избраннѣйшее общество играло на бильярдѣ, во второй въ карты, въ третей г-жа Булгакова наилюбезнѣйшимъ образомъ занимала гостей, разумѣется, предварительно ей представленныхъ. Главными гостями дома были: графъ Нессельроде, графъ Киселевъ, Левашовъ, Михаилъ Вьельгорскій, Воронцовъ-Дашковъ, Литта. Здѣсь можно было встрѣтить также Дмитрія Львовича Нарышкина, оберъ-егермей-

стера, въ короткихъ панталонахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, съ напудренными волосами, съ Андреевской алмазной звѣздой на черномъ фракѣ—живая картина придворнаго человѣка стараго времени! Племянникъ его Кирила Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, былъ, напротивъ того, представителемъ новаго двора.

Нессельроде отличался малымъ ростомъ, но великимъ умомъ. Черты лица его были тонки, носъ съ замѣтнымъ горбомъ, сквозь очки сверкали удивительные глаза. Не будучи ни гордъ, ни слишкомъ простъ въ обращеніи, онъ вообще избѣгалъ всякихъ крайностей. Онъ мало говорилъ, но когда говорилъ, то всегда что-нибудь скажетъ своимъ сдержаннымъ, хриплымъ голосомъ, звукъ котораго нельзя было забыть. Движенія его были быстры и привлекательны. Если онъ переходилъ въ другую комнату, то походка его едва была слышна; неожиданно онъ оказывался уже тамъ и, казалось, скорѣе скользилъ по полу, чѣмъ ходилъ. Его манеры были скорѣе Нѣмецкія, чѣмъ Французскія. Пофранцузски онъ говорилъ безъ афектаціи и безъ особаго ударенія, какъ вообще говорятъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ. О политикѣ онъ поставлялъ себѣ за правило не заикаться. Не будучи знатокомъ въ музыкѣ, онъ ее любилъ. Такъ однажды у графа Вьельгорскаго, своего короткаго друга, послѣ блистательнаго исполненія симфоніи C-moll Бетховена, онъ, вскочивъ со стула, восторженно вскричалъ: «Этотъ финалъ—настоящее «Боже царя храни!» Квартира канцлера въ зданіи Главнаго Штаба была настоящій дипломатическій городокъ, въ которомъ онъ давалъ большіе и малые дипломатическіе обѣды. Иногда давались маленькіе музыкальные вечера, на которыхъ его племянница, прекрасная графиня Марія Нессельроде (впослѣдствіи Калержи, потомъ супруга Варшавскаго Муханова) играла на рояли какъ настоящая виртуозка. Я слишкомъ 20 лѣтъ встрѣчался съ Нессельроде у Вьельгорскаго и наблюдалъ за нимъ съ возрастающимъ интересомъ. Гдѣ-бы онъ ни появлялся, всюду его встрѣчали съ сочувствіемъ и уваженіемъ. Въ немногочисленномъ обществѣ онъ всегда носилъ темный фракъ, съ портретомъ Государя, украшеннымъ алмазами, въ петлицѣ: это высшая награда послѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Нессельроде имѣлъ прекрасный крупный почеркъ. Онъ былъ, конечно, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и дальновидныхъ государственныхъ людей Европы. Онъ былъ противъ политики, которая повлекла за собою Крымскую войну. По окончаніи ея онъ подалъ въ отставку, купилъ себѣ домъ на Литейной и жилъ въ немъ въ полномъ одиночествѣ до самой смерти, послѣдовавшей нѣсколько лѣтъ спустя.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ по своей прекрасной наружности былъ самымъ блестящимъ придворнымъ кавалеромъ того времени. Его называли вѣчнымъ имянинникомъ вслѣдствіе всегдашняго веселаго выраженія его открытаго, привлекательнаго лица. Онъ былъ богатый вельможа и, женившись на Александрѣ Нарышкиной, дочери оберъ-гофмаршала, сталъ жить на очень большую ногу. Онъ имѣлъ внѣшность дипломата и сохранялъ таковую даже играя на бильярдѣ. Онъ былъ посланникомъ въ Туринѣ и участвовалъ въ Веронскомъ конгрессѣ. За экземпляръ моей книги: «Beethoven et ses trois styls» [18]) онъ прислалъ мнѣ 500 рубл. асс. при любезной записочкѣ, намекавшей

[18]) «Бетховенъ и его три стиля».

на наши бильярдныя партіи у Булгакова. Здѣсь я считаю нужнымъ сообщить одну черту его безпримѣрной деликатности. Лѣтомъ 1834 г. я пріѣхалъ въ городъ на почтовыхъ лошадяхъ и, проѣзжая въ 2 часа ночи мимо ресторацiи Леграна (впослѣдствiи Дюсо), ощутилъ звѣрскій аппетитъ. Видя въ окнахъ свѣтъ, я взошелъ и заказалъ себѣ что-то. Нѣкій господинъ, въ одиночку забавлявшійся на бильярдѣ, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ, не сыграю-ли я партію, пока мнѣ готовятъ кушанье. «Почему нѣтъ!» отвѣчалъ я, не зная, что господинъ этотъ игрокъ по ремеслу, игрокъ, стало-быть, самаго худшаго разряда. Сначала онъ маскировалъ свою игру, дѣлалъ грубѣйшія ошибки, но въ концѣ концовъ всегда выигрывалъ. Я проигрывалъ партію за партіей и въ заключеніе вечера остался ему долженъ 200 р. «Завтра я пришлю сюда деньги на имя Леграна», сказалъ я.—«Хорошо», отвѣчалъ онъ, «меня зовутъ Долгушевъ». На другой день я послалъ къ Леграну своего слугу, который принесъ мнѣ подписанную квитанцію и мои деньги обратно. Деньги, по увѣренію Леграна, были уже заплачены и притомъ человѣкомъ, выдававшимъ себя за моего слугу. Я разсказалъ о происшествіи графу Вьельгорскому, который отвѣчалъ: «Не я это сдѣлалъ, да и не могу придумать, кто-бы это могъ быть. Я подумаю». Прошелъ годъ. Однажды Воронцовъ пришелъ къ своему другу, котораго онъ звалъ просто по имени Мишель; я, по обыкновенію, тоже былъ тутъ. «Слушай, Воронцовъ», сказалъ графъ, «я подозрѣваю, что ты это сдѣлалъ». — «Очень просто», отвѣчалъ онъ; «я находился въ сосѣдней комнатѣ, узналъ его по голосу и подумалъ, что онъ, вѣроятно, не при деньгахъ. Что его обманули, это не подлежало сомнѣнію; я оставался до конца игры и потомъ обдѣлалъ все дѣло. Еслибъ онъ пошелъ далѣе, то я вышелъ-бы и запретилъ-бы ему играть».

Въ наше время едва-ли найдется человѣкъ, который захотѣлъ-бы разыграть такимъ образомъ роль судьбы.

Графу Литтѣ было около 70-ти лѣтъ, но въ парикѣ онъ казался не старше 50-ти. Онъ былъ исполинскаго роста и также толстъ, какъ Лаблашъ, но болѣе подвиженъ и съ ногъ до головы вельможа. Онъ носилъ обыкновенно вицмундиръ съ самыми старшими Русскими орденами. Въ день рожденія Булгакова онъ явился въ большой Владимірской лентѣ на бѣломъ жилетѣ, что̀ для меня было очень внушительно: я былъ вѣдь маленькій чиновникъ, видавшій въ департаментѣ только ленточки. Литта имѣлъ обыкновеніе повторять каждое свое слово: bon jour, bon jour, oui, oui, и т. д. голосомъ, звукъ котораго походилъ на звукъ органа, когда прижмешь педаль. Онъ достигъ высшихъ должностей, благодаря только долголѣтней службѣ. Онъ былъ расположенъ ко мнѣ и, встрѣчаясь со мной на дачѣ Булгакова, всегда предлагалъ довезти меня до города. Онъ обыкновенно молчалъ во все время пути. Около 4-хъ часовъ утра намъ почти всегда приходилось проѣзжать по Троицкому мосту. Кому неизвѣстенъ величественный видъ, который представляется съ этого мѣста въ свѣтлую лѣтнюю ночь! Однажды я увлекся красотою зрѣлища и заговорилъ съ восторгомъ. Très-vrai, très-vrai [19]), отвѣчалъ Литта своимъ звучнымъ басомъ. Онъ былъ ревностный посѣтитель театровъ, и надо было видѣть, какъ онъ аплодировалъ и вызывалъ актеровъ. Тутъ онъ былъ снисходителенъ. Стоило только сказать съ нѣкоторою вырази-

[19]) Правда, правда.

тельностію: «вотъ эту, хорошенькую-то надобно-бы вызвать», онъ непремѣнно отвѣчалъ: très-bien, très-bien [20]), и она была вызываема. Въ послѣднее время онъ былъ оберъ-камергеромъ и порусски назывался Юліемъ Помпеевичемъ, соединяя такимъ образомъ въ одномъ своемъ лицѣ Цезаря и Помпея. Онъ былъ вдовецъ и жилъ одинъ, но роскошно, въ домѣ своемъ на Англійской набережной.

Странное явленіе среди этого общества представлялъ Норовъ (Абрамъ Сергѣевичъ). Онъ издалъ «Путешествіе по Сициліи», за которое Смирдинъ заплатилъ ему большія деньги. За проэктируемое путешествіе въ Палестину и Египетъ онъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, заставилъ Смирдина заплатить себѣ впередъ и съ этими деньгами, да съ выручкой отъ продажи своей библіотеки, отправился въ путь. «Завтра отправляюсь я въ Тріестъ и въ Александрію», сказалъ онъ мнѣ. «Вы не можете себѣ представить, какъ пріятно мнѣ, что я сегодня выигралъ у васъ на биліардѣ 200 р.; это такъ кстати, знаете, когда отправляешься въ путь». Путешествіе его появилось дѣйствительно въ свѣтъ. Археологическая часть его, какъ и въ первомъ сочиненіи, была ничто иное, какъ компиляція, и я самъ доставлялъ ему для этого Англійскія сочиненія изъ библіотеки Вьельгорскаго. По возвращеніи своемъ Норовъ служилъ въ Коммиссіи Прошеній подъ начальствомъ Лонгинова и, ко всеобщему изумленію, былъ скоро назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Годы проходили своей однообразной чередой. Въ иностранномъ цензурномъ комитетѣ открывалась ваканція. Комитетъ этотъ принадлежалъ тогда къ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Мои друзья пристали къ Норову, чтобы онъ замолвилъ словечко за меня. Дѣло было облажено, въ высшемъ утвержденіи нельзя было сомнѣваться. Сижу я однажды вечеромъ за чаемъ у графа Сумарокова, моего короткаго пріятеля по музыкальной части. Сумароковъ командовалъ гвардіей и былъ членомъ Государственнаго Совѣта, гдѣ онъ имѣлъ сношенія съ Норовымъ и кромѣ того состоялъ съ нимъ въ родствѣ. Вдругъ является Норовъ и говоритъ мнѣ: «Ахъ, mon cher! Ваше представленіе лежало у меня на столѣ, совсѣмъ готовое, черезъ два дня все должно было кончиться, и вдругъ письмо отъ ***, рекомендующее Тютчева.... Вы понимаете (vous comprenez)».... «Да, мы понимаемъ», прерываетъ графъ Сумароковъ, «мы понимаемъ».

Такъ близко отъ гавани, отъ надёжной анкерной стоянки — и вдругъ опять въ море неизвѣстности! Эта обманутая надежда имѣла на меня самое тяжелое дѣйствіе.

И странное дѣло! Когда я работалъ съ Норовымъ въ библіотекѣ Вьельгорскаго, онъ написалъ въ моей памятной книжкѣ:

Tu proverai come duro cale
So pane altrui, il subir e scender
Per altrui scale [21]).
Данте.

Это отлично примѣнялось ко мнѣ, въ особенности будучи написано еще его рукою.

---

[20]) Очень хорошо, очень хорошо.

[21]) Ты испытаешь, каково ѣсть чужой хлѣбъ и обивать чужіе пороги.

IV.

Графъ Вьельгорскій былъ такъ любимъ членами общества биліардной игры, что лишь только онъ появлялся, его сейчасъ же окружали. Это случалось обыкновенно ночью послѣ часу, такъ какъ онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ Государыни. Въ вицъмундирѣ и бѣломъ галстукѣ (какъ того требовалъ придворный этикетъ) онъ былъ отмѣнно моложавъ; я и теперь, 44 года спустя, не могу понять, какъ это онъ въ то время былъ только камергеромъ и имѣлъ всего одну Анненскую звѣзду. Но какъ шла къ нему звѣзда! Если Нессельроде еще не уходилъ, то онъ отводилъ его въ сторону, вѣроятно, чтобъ передать ему что̀ говорилось при дворѣ. Если онъ приходилъ до начала биліардной пульки, то шелъ въ третью комнату къ фортепьяно и спрашивалъ Булгакова: «Есть что новаго?» (Булгаковъ по своей должности почтдиректора раньше всѣхъ получалъ всякую музыкальную новость, всякій оперный отрывокъ, вышедшій въ Парижѣ или Германіи). Булгаковъ бралъ меня тогда подъ руку и сажалъ за Тишнеровское фортепьяно. «Ну, начинайте же! Прямо безъ приготовленій!» говаривалъ въ такихъ случаяхъ Вьельгорскій. Онъ подпѣвалъ, не имѣя голоса, конечно, но съ необыкновеннымъ вкусомъ. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I-го онъ впалъ въ немилость и удалился на жительство въ свое Курское имѣніе, гдѣ сосѣдомъ его былъ князь Барятинскій, отецъ нынѣшняго фельдмаршала. Тамъ они имѣли (какъ Вьельгорскій часто мнѣ разсказывалъ) залу для кегельной игры, освѣщавшуюся Аргентовскими лампами, и превосходный оркестръ подъ управленіемъ капельмейстера-Нѣмца. Тамъ онъ вникъ въ самую сущность симфоній и нерѣдко самъ управлялъ оркестромъ. Императоръ Николай вызвалъ его къ своей коронаціи въ Москву и оказывалъ ему особое расположеніе. Графъ былъ un foudre de guerre—отчаянная голова. Ставка бильярдной пульки состояла изъ полуимперіала. Графъ носилъ золотыя монеты въ бумажномъ сверткѣ, потому что терпѣть не могъ кошелька. Онъ игралъ лучше всѣхъ и съ юношескимъ жаромъ. Въ молодости случилось ему провести съ отцомъ и братьями два года въ Ригѣ. Собственно они хотѣли ѣхать за границу, но ихъ задержала война. Они посѣщали въ Ригѣ домъ Блаугерда, этотъ Капитолій квартета съ знаменитымъ Фейге въ качествѣ первой скрипки. Лѣто жили они въ Вейдендамѣ. Графъ любилъ вспоминать объ этомъ времени и въ теченіи цѣлой зимы называлъ меня постоянно «Зоммеромъ» [22]). Напрасно Булгаковъ замѣчалъ ему, что моя фамилія совсѣмъ другая. «Онъ пьянистъ, юристъ и Рижскій урожденецъ», говорилъ графъ: «въ Ригѣ я провелъ прекрасное лѣто и по воспоминію называю его такъ. Я былъ хорошо знакомъ съ его семействомъ, танцовалъ со всѣми его теперешними тетушками, а потому и хочу называть его покуда Зоммеромъ». Такова была его манера; онъ всегда былъ немножко школьникъ, но съ какими благородными пріемами!

Бильярдные игроки, съ Булгаковымъ во главѣ, были: графъ Завадовскій (впослѣдствіи сенаторъ), полковникъ Маничаровъ [23]), гене-

---

[22]) «Лѣтомъ«.

[23]) Вѣроятно о немъ упоминается въ Р. Архивѣ 1876, II, 65 и 429. П. Б.

I, 29.

ралъ Хомутовъ, командиръ лейбъ-гусарскаго полка, человѣкъ, для котораго тоже не существовало старости, фонъ - Гроте, впослѣдствіи ландратъ города Риги, одинъ изъ пріятнѣйшихъ и наиболѣе искусныхъ бильярдныхъ игроковъ; баронъ Ренне изъ Курляндіи, баронъ Икскюль, супруга котораго, Молдаванка, была другомъ г-жи Булгаковой, графъ Александръ Менгденъ изъ Лифляндіи, почтовые чиновники Рубецъ и Пфеллеръ, Путята, впослѣдствіи начальникъ кадетскихъ корпусовъ. Въ качествѣ зрителей присоединялись къ нимъ помощникъ почтдиректора Прянишниковъ, по смерти Булгакова заступившій его мѣсто, иногда молодой Вестманъ (почтовый цензоръ) и Цирлейнъ, начальникъ почтовой цензуры, находившейся по дѣламъ политическимъ въ связи съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Бисмаркъ, въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, посѣтилъ Вестмана, но засталъ дома одну только его жену, такъ какъ самъ Вестманъ съ 10 до 6 часовъ просиживалъ въ Министерствѣ. «Къ своему старому товарищу не полѣнюсь зайти и въ другой разъ», сказалъ Бисмаркъ супругѣ Вестмана. Я находился тутъ же и самъ это слышалъ. Для меня было полезно знакомство съ Вестманомъ. Мы были друзья. Онъ заказывалъ мнѣ статьи для газеты «Le Nord», которую онъ собственно и основалъ.

У Булгакова играли не въ очень большую и не въ слишкомъ малую игру, по три партіи, изъ которыхъ только первая была въ 10 рубл. Графъ Завадовскій и фонъ-Гроте были матадорами; Булгаковъ и Вьельгорскій одни могли состязаться съ ними. Маничаровъ былъ другъ дома. Онъ, въ качествѣ инженера путей сообщенія, долго стоялъ въ Ригѣ и любилъ ее и ея обывателей. Я его часто встрѣчалъ въ молодости моей; бывало, иду въ гимназію, а онъ въ это время выходитъ изъ цитадели. Онъ былъ очень старъ и носилъ прозвище «вѣчнаго полковника», потому что ему не везло по чинопроизводству. Бываетъ такое несчастное стеченіе обстоятельствъ! Въ концѣ концовъ, однакожъ, онъ все-таки умеръ генералъ-маіоромъ. Онъ былъ изъ лучшихъ игроковъ, но никогда не выигрывалъ. Булгаковъ не дѣлалъ никакого различія между своими гостями. Только когда являлся министръ двора, князь Волконскій, то онъ встрѣчалъ и провожалъ его съ нѣкоторою торжественностію. Странно было, что не показывался никогда министръ почтъ князь А. Н. Голицынъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ при царскомъ дворѣ, но въ послѣдніе годы жизни онъ вдался въ мистицизмъ и избѣгалъ общества. Знаменитый портретъ его въ натуральную величину, писанный Брюловымъ и теперь находящійся въ Академіи, увѣковѣчиваетъ его. Онъ изображенъ сидящимъ въ креслахъ въ синевато-сѣромъ сюртукѣ, въ орденахъ. Вотъ прекрасная черта его характера. Онъ имѣлъ обыкновеніе рано утромъ выходить на прогулку въ своемъ сѣромъ плащѣ. На дворцовой набережной онъ замѣтилъ какого-то человѣка, который нѣсколько разъ сходилъ по лѣстницѣ къ Невѣ и наконецъ остановился на послѣдней ступенькѣ. Князь обратился къ нему съ вопросомъ что̀ онъ тутъ дѣлаетъ. Когда онъ услышалъ, что человѣкъ этотъ изъ крайней бѣдности думалъ утопиться, онъ принялъ въ немъ участіе и помѣстилъ у себя въ домѣ. Не всякій мистикъ поступаетъ такъ!

Я долженъ упомянуть здѣсь о замѣчательномъ вечерѣ у князя Голицына, женатаго на графинѣ Аделаидѣ Строгановой. Я былъ приглашенъ чрезъ Булгакова. Вечеръ былъ замѣчателенъ, собствен-

но великолѣпіемъ помѣщенія (въ домѣ Строгонова, у Полицейскаго моста). Общество собралось небольшое, но ужинъ въ громадной, двухъ-этажной залѣ, плафонъ которой украшала исполинскихъ размѣровъ картина, писанная Итальянскимъ мастеромъ, былъ великолѣпенъ. Ужинали на ломберныхъ столахъ по четыре человѣка. Я сидѣлъ за однимъ столомъ съ Вьельгорскимъ, Булгаковымъ и Голицинымъ. Графъ вдругъ сказалъ: «Въ этой залѣ слѣдовало бы играть послѣдній актъ Донъ-Жуана!» Дѣйствительно, зала, благодаря темной плафонной живописи погруженная въ полумракъ, который казался еще гуще отъ мерцанія восковыхъ свѣчъ, производила впечатлѣніе чего-то трагическаго. Этого вечера я никогда не забуду. Вьельгорскій выказалъ чрезвычайныя техническія познанія, разсуждая о Моцартѣ, объ этой «bible musicale [24]), какъ его другъ Россини называлъ Донъ-Жуана.

Лѣтомъ у Булгакова въ тѣже дни собиралось тоже общество на принадлежавшей ему большой дачѣ на Аптекарскомъ острову, противъ Каменнаго острова. Въ день его рожденія танцовали, и онъ самъ подавалъ тому примѣръ вальсомъ. Здѣсь я въ первый разъ увидалъ графиню Завадовскую (урожденную Влодекъ), которая слыла за первую красавицу при дворѣ, и дѣйствительно, она представляла собою роскошную фигуру Юноны. Надо было видѣть ее въ вальсѣ съ Булгаковымъ! Онъ былъ красивый мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, всегда въ темно-синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами и съ золотой звѣздой Бѣлаго Орла на груди. Графъ Завадовскій казался мнѣ очень симпатичнымъ человѣкомъ, хотя и записался въ дэнди немножко поздно. Онъ пригласилъ меня навѣщать его по утрамъ; хозяйства онъ не держалъ. Мой графъ (Вьельгорскій) сказалъ мнѣ: «Слушай, не ходи туда! Артистическая душа не можетъ спокойно созерцать такую прекрасную женщину; я испыталъ это на себѣ».

Булгаковъ умеръ отъ воспаленія, весною 1835 года [25]), къ общему сожалѣнію. Весь Петербургъ, можно сказать, провожалъ его останки изъ почтамтской церкви.

Интересно показалось мнѣ то, что̀ въ Петербургѣ продиктовалъ мнѣ его племянникъ Павелъ, относительно количества прислуги въ домѣ его отца. Это можетъ служить достовѣрнымъ документомъ, свидѣтельствующимъ о тогдашнемъ образѣ жизни Русской знати. «Прежде, чѣмъ мой отецъ сдѣлался почтдиректоромъ» (въ Москвѣ), «мы имѣли двухъ офиціантовъ для присмотра за столомъ, одного буфетчика, двухъ лакеевъ для выѣзда, 4 комнатныхъ, главнаго повара, 2 поваренковъ, 2 кучеровъ, 2 форейторовъ, 2 конюховъ. При матушкѣ (урожд. княжнѣ Хованской) состояли: одна ключница, одна старшая и двѣ младшія дѣвушки, двѣ няньки, двѣ прачки, людская кухарка и казачокъ для прислуживанія за утреннимъ чаемъ; итого 26 душъ, на шесть человѣкъ господъ. Если же считать сверхштатныхъ и чернорабочихъ, то наберется свыше сорока».

Каждое 1-е Іюля весь Петербургъ устремлялся въ Петергофъ, большой садъ котораго очаровательно иллюминовали въ честь Императрицы, и весь дворъ длинной вереницей линеекъ совершалъ процессію среди этого моря огней. На одномъ изъ этихъ дивановъ на колесахъ

---

[24]) Музыкальная библія. [25]) К. Я. Булгаковъ (род. 31 Дек. 1782) скончался не весною, а 29 Октября 1835. Почтдиректоромъ былъ онъ въ Спб. съ 1819 г.

я увидѣлъ Пушкина, смотрѣвшаго угрюмо (1834). Онъ только-что получилъ званіе камеръ-юнкера. Кромѣ членовъ двора никто не имѣлъ права на мѣсто въ линейкахъ. Можетъ быть, ему не нравилось это.

Въ Петергофѣ показали мнѣ новый указъ о разрядахъ въ гражданской службѣ, по которому всякій имѣлъ право держать экзаменъ въ университетѣ, хотя-бы онъ въ немъ и не учился. Это имѣло для меня большое значеніе въ виду желанія моего поступить на службу. Я на другой же день вошелъ съ прошеніемъ о допущеніи меня къ экзамену къ ректору Дюгурову, но получилъ отказъ подъ предлогомъ, что для этого надобно уже состоять на службѣ. Правда, что указъ относительно этого пункта былъ неясенъ, но за то было очень ясно, что университетъ опасался лишиться студентовъ. Я вздумалъ явиться замаскированнымъ на первомъ маскерадѣ въ Энгельгардовой залѣ, чтобы заговорить съ министромъ народнаго просвѣщенія. Вся haute volée [26]) посѣщала эти маскарады; Дворянскаго Собранія тогда еще не существовало. Я слѣдилъ за Уваровымъ, пока не увидѣлъ его одного; тогда я подошелъ и заговорилъ пофранцузски. (Я слышалъ, что онъ это любилъ, но лично я съ нимъ не былъ знакомъ). Я произнесъ ему маленькую іереміаду. Онъ милостиво выслушалъ мои жалобы и сказалъ: «Я люблю Дерптскихъ студентовъ; приходите ко мнѣ завтра». Когда я явился, дежурный чиновникъ передалъ мнѣ готовое письмо на имя ректора. Такимъ образомъ дѣло было покончено. Правда, ректоръ сказалъ мнѣ наилюбезнѣйшимъ образомъ: «Вамъ не удастся выдержать экзаменъ»; но на это я отвѣчалъ ему, что мои обстоятельства заставляютъ меня все-таки попытаться. Профессоръ Римскаго права, Шнейдеръ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, когда мы сдѣлались «Римскими друзьями», сказалъ ректору: «Дайте этого господина мнѣ, онъ у меня провалится; я не люблю учениковъ Клоссіуса». Я явился на экзаменъ съ Эльзевировскимъ «Corpus juris» въ рукахъ. «Это къ чему?» рѣзко отнесся ко мнѣ Шнейдеръ; но, какъ серьезный ученый, болѣе филологъ, чѣмъ законовѣдъ Римскаго права, онъ не могъ удержаться, чтобъ не взять у меня книжки и не перелистовать. «Я знаю, чего вы ищете,» сказалъ я ему нѣсколько вызывающимъ тономъ, ибо мнѣ все равно предстояло провалиться. «Вы хотите убѣдиться, дѣйствительно-ли это изданіе принадлежитъ къ рѣдчайшимъ съ намѣренною опечаткою secundus pars, вмѣсто secunda [27])?»—«Гдѣ вы это достали?»спросилъ онъ почти любезно. «Въ нашемъ семействѣ, уже третье поколѣніе юристовъ», отвѣчалъ я; «мой дѣдъ сдѣлалъ эту находку въ Лейпцигѣ. Эльзевиръ можетъ въ настоящую минуту послужить вамъ къ тому, чтобы слѣдить по немъ, когда я буду приводить вамъ на память источники».—«Вотъ какъ! Ну такъ прочтите мнѣ на память 118 новеллу», сказалъ насмѣшливо профессоръ. Я исполнилъ это безъ запинокъ, какъ будто пѣсню спѣлъ. На 2-й главѣ онъ прервалъ меня и просилъ перейти къ послѣдней. Когда и это было исполнено, онъ сказалъ, обращаясь къ прочимъ экзаменаторамъ: «Экзаменъ выдержанъ. Какъ жаль, что наши студенты не находятъ времени на такое же изученіе источниковъ! Но мы съ вами еще немножко позабавимся, милостивый государь; я желалъ-бы видѣть....» Мы забавлялись цѣлыхъ четыре часа. Между прочимъ онъ предложилъ мнѣ вопросъ насчетъ внутренней системы Пандектовъ, которую открылъ Блуме въ Кенигсбергѣ: открытіе, стоющее откры-

---

[26]) Люди высшаго полета. [27]) Второй часть (вмѣсто вторая).

тія Америки. Я былъ въ ударѣ и прочелъ цѣлую лекцію. Экзаменаторъ только улыбался. Послѣдовали быстрые, какъ молнія, вопросы по различнымъ частностямъ и такіе же отвѣты на нихъ—настоящая перестрѣлка. Воротясь вечеромъ домой къ кузёну Бартоломею, я написалъ обо всемъ случившемся въ Дерптъ моему уважаемому учителю Клоссіусу. Онъ выразилъ мнѣ въ отвѣтъ свое удовольствіе и совѣтовалъ продолжать далѣе изученіе источниковъ. По другимъ предметамъ дѣло обошлось нехуже, и мнѣ дали дипломъ «дѣйствительнаго студента». Какое странное названіе!

Когда Дашковъ, къ которому я поступилъ чрезъ посредство Дегая, отослалъ мой дипломъ въ Сенатъ, то сей послѣдній уничтожилъ мой 12 классъ, дарованный мнѣ honoris causa [28]), и едва-ли безъ задней мысли. Еслибы я до экзамена состоялъ на службѣ, то (какъ объяснилъ мнѣ деканъ университета Бутырскій) получилъ-бы дипломъ кандидата и все было-бы въ должномъ порядкѣ. Сенатъ былъ правъ, отмѣняя мой чинъ: въ силу указа мой дипломъ давалъ мнѣ право на службу по первому разряду.

Годъ спустя, я былъ дѣйствителено опредѣленъ на службу. Я выдержалъ экзаменъ на кандидата, на слѣдующій годъ на магистра. Это было дѣло нелегкое: весь Сводъ Законовъ ополчился противъ меня. Господа профессоры-студенты (какъ ихъ называли въ Дерптѣ), изъ которыхъ Сперанскій, слѣдуя совершенно здравой идеѣ, намѣревался образовать разсадникъ профессоровъ, поступили въ университеты, и каждый занялъ каѳедру какого-нибудь спеціальнаго отдѣла Свода. Сколько отдѣловъ, столько экзаменовъ; а экзаменаторы не очень-то долюбливали Дерптскихъ студентовъ. Они были строги, но непридирчивы. На первый разъ я подвергся со стороны благодушнаго барона Врангеля (профессора Русскаго законодательства) не придиркамъ, но, по выраженію студентовъ, пыткѣ. По выдержаніи экзамена на магистра я долженъ быль, въ квартирѣ декана Ивановскаго, въ высшей степени почтеннаго ученаго, отвѣчать на предложенные мнѣ вопросы полатыни (какая радость!), и притомъ на его глазахъ, за тѣмъ же столомъ, за которымъ и онъ работалъ. Я исписалъ нѣсколько листовъ; вопросы были предложены Шнейдеромъ на отличномъ Римскомъ языкѣ (мы у Клоссіуса привыкли дѣлать различіе между Римскимъ и Латинскимъ языками). Я разгорячился и едва могъ положить границы своей плодовитости. Вечеромъ, проѣзжая мимо модной ресторации Кулона (нынѣ гостинница Европа), я почувствовалъ страшный апетитъ. Зала была пуста и освѣщена только вполовину. Какая-то длинная фигура, казалось, спала у маленькаго круглаго столика. Въ восторгѣ отъ своего успѣха, я живо распорядился тремя холодными рябчиками, однимъ глоткомъ осушилъ бутылку шипучки и приказалъ подать еще рябчиковъ. Фигура поднялась, подошла къ моему столу и сказала на чистомъ Французскомъ языкѣ: «Позвольте мнѣ присѣсть къ вамъ; я въ жизнь мою не видалъ, чтобы такъ ѣли. Что̀, здѣсь всѣ такъ ѣдятъ? Я сегодня только изъ Парижа; мое имя Франсуа Сервэ». Я себя не назвалъ: я вѣдь былъ ничто, Сервэ же первый віолончелистъ въ Европѣ. На слѣдующее утро Сервэ приходитъ къ графамъ Вьельгорскимъ и разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ въ своей гостинницѣ господина, который изумительно пожиралъ рябчиковъ. «Мы знаемъ его», отвѣ-

[28]) Ради почета.

чали графы; онъ въ 10 ч. обѣдалъ и потомъ выдержалъ экзаменъ; онъ сейчасъ придетъ, онъ ходитъ къ намъ каждый день». Когда я пришелъ, Сервэ всталъ и произнесъ ко всеобщему смѣху: Première fourchette de l'Europe, je vous salue! [29]). Серве имѣлъ въ своемъ распоряженіи совершенно особый лексиконъ. Онъ говорилъ, на примѣръ: Mon nouveau morçeau soulève le peuple (моя новая пьэса бунтуетъ народъ), или: je vais incendier la ville par mon premier concert (я спалю городъ моимъ первымъ концертомъ). Это былъ Листъ віолончели. Король віолончели, Бернгардъ Ромбергъ говорилъ о немъ: «Вотъ такъ отвага!» Графы заявили, что они въ жизнь свою не слыхивали такого тона, не знали такого смычка. Успѣхъ Сервэ былъ баснословенъ. Графъ сейчасъ же представилъ его Императрицѣ и подарилъ ему для перваго концерта инструментъ, лучшій въ цѣломъ мірѣ. Онъ вѣдь всегда былъ до нельзя щедръ. «Какъ понравился вамъ инструментъ?» спросилъ я Сервэ. — Je suis tombé en arrêt [30]). Это говорится о лягавой собакѣ, когда она, дѣлая стойку надъ дичью, какъ-бы замираетъ въ своей неподвижности.

V.

Лѣтомъ 1834 г. графы Вьельгорскіе наняли на островахъ Кочубееву дачу. (Въ слѣдующіе за тѣмъ годы они постоянно жили при дворѣ: весной въ Царскомъ Селѣ, лѣтомъ въ Петергофѣ, осенью въ Гатчинѣ). Балконъ дачи выходилъ на усаженное березами шоссе, которое вело отъ Каменно-островскаго моста вдоль рѣки къ Елагину. Здѣсь я увидѣлъ картину, выступавшую изъ предѣловъ дѣйствительности и возможную развѣ въ Оберонѣ Виланда. Блудовъ доставилъ намъ оранжированный для фортепьяно отрывокъ изъ оперы «Гугеноты», тогда еще неизвѣстной. Графы созвали комитетъ изъ своихъ музыкальныхъ друзей, чтобъ познакомить ихъ съ этой оперой. Пришелъ и Нессельроде и былъ такъ оживленъ и молодъ, что даже участвовалъ въ хорахъ. Маленькое общество было очень весело; въ средѣ его господствовала совершенная простота. Нессельроде, однакожъ, не остался обѣдать. «Мнѣ надо отправить курьера», сказалъ онъ и исчезъ въ своемъ легкомъ лѣтнемъ пальто и лѣтней Циммермановской шляпѣ, на великолѣпную дачу свою, находившуюся недалеко.. Послѣ обѣда доложили, что двѣ дамы, пріѣхавшія верхами, желаютъ поговорить съ графами. «Знаю», весело сказалъ Вьельгорскій; «онѣ мнѣ обѣщали заѣхать» и взялъ меня съ собою на балконъ. На высокомъ конѣ, который не могъ стоять на мѣстѣ и нетерпѣливо рылъ копытомъ землю, граціозно покачивалась несравненная красавица, жена Пушкина; съ нею были ея сестра и Дантесъ. Графъ сталъ усердно приглашать ихъ войти. «Некогда!» былъ отвѣтъ. Прекрасная женщина хлыстнула по лошади, и маленькая кавалькада галопомъ скрылась за березами аллеи. Это было словно какое-то идеальное видѣніе! Тою же аллеей, зимою 1837 года, Пушкину суждено было отправляться на дуэль съ Дантесомъ.

Поприще Дантеса было блистательно и кратковременно. Онъ и нѣкій маркизъ [31]), оба отставные офицеры Французской службы, при-

---

[29]) «Первая вилка въ Европѣ, привѣтствую васъ!» [30]) «Я сдѣлалъ передъ нимъ стойку». [31]) Даршіакъ, впослѣдствіи секундантъ Дантеса. П. Б.

были въ Петербургѣ безъ всякихъ средствъ и покровительства. Они были знакомы съ однимъ только батальнымъ живописцемъ Ладюрнеромъ, и это знакомство пріобрѣли въ гостинницѣ за общимъ столомъ, чему я самъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ. Тогда Дантесъ велъ еще себя скромно. Ладюрнеръ былъ прекрасный, откровенный и простой, но нѣсколько суровый человѣкъ. Въ то время еще строился Исакіевскій соборъ подъ руководствомъ архитектора Монферрана. Государь приказалъ построить Ладюрнеру, внутри деревянной изгороди, окружавшей соборъ, маленькій домикъ, одна стѣна котораго была вся стеклянная. Тамъ работалъ Ладюрнеръ, и тамъ нерѣдко посѣщалъ его Государь, сидѣлъ съ нимъ, рассматривалъ его работы, заказывалъ ему новыя картины военнаго содержанія, парады, маневры съ портретными фигурами и т. п., и тутъ-то встрѣтилъ онъ однажды Дантеса съ его товарищемъ [23]). Оба вышли въ отставку, потому что не хотѣли служить Людовику Филипу, и это обстоятельство, благодаря тогдашнимъ натянутымъ отношеніямъ къ Франціи, послужило въ пользу обоимъ молодымъ людямъ. Дантесъ былъ красивый молодой человѣкъ, маркизъ маленькаго роста и съ незначительнымъ лицомъ. Государь предложилъ имъ вступить въ Русскую службу. Дантесъ поступилъ на счетъ Императора въ Кавалергардскій полкъ—очень важный шагъ впередъ; маркизъ въ армейскій полкъ, стоявшій въ Ямбургѣ. Вскорѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, Голландскій посланникъ, баронъ Гекеренъ, усыновилъ Дантеса и объявилъ его своимъ наслѣдникомъ. Дантесъ возымѣлъ великій успѣхъ въ обществѣ; дамы вырывали его одна у другой. Въ домѣ Пушкина онъ очутился своимъ человѣкомъ. Гекеренъ былъ человѣкъ злаго нрава; онъ писалъ оскорбительныя, анонимныя письма Пушкину и въ копіяхъ распространялъ ихъ между публикой. Пушкинъ счелъ себя обязаннымъ вызвать Дантеса на дуэль и, какъ извѣстно, былъ имъ убитъ.

Пушкинъ умеръ въ домѣ княгини Волконской, супруги министра двора, находившемся у Конюшеннаго моста. Весь городъ какъ будто одѣлся въ трауръ: перестали посѣщать театры; густыя, безмолвныя толпы простонародья благоговѣйно вступали въ печальный домъ, гдѣ лежало тѣло Пушкина. Величіе смерти отражалось въ умныхъ чертахъ благороднаго поэта. Похороны его были чѣмъ-то въ родѣ народнаго событія. Невскій проспектъ вплоть до Аничкова моста былъ биткомъ набитъ публикой, состоявшей изъ всѣхъ классовъ общества, такъ что едва оставалось мѣсто для проѣзда погребальныхъ дрогъ и безчисленныхъ каретъ, сопровождавшихъ печальный поѣздъ.

Зимою 1834 г. я узналъ, что въ Петербургѣ можно быть министромъ и все-таки не существовать на свѣтѣ. На Большой Морской жилъ министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, принимавшій у себя по Воскресеньямъ. Старый морякъ зналъ только своихъ карточныхъ партнеровъ; жена же его разыгрывала роль любез-

---

[32]) Разсказываютъ, что, зайдя къ Ладюрнеру, Государь увидалъ у него множество карикатурныхъ рисунковъ, изображавшихъ Людовика Филипа. Государь забавлялся ихъ разсматриваніемъ и узналъ отъ Ладюрнера, что они дѣло рукъ нѣкоего молодаго человѣка, пострадавшаго за свою приверженность къ герцогинѣ Беррійской, т. е. Дантеса: онъ сопровождалъ ее за Пиринеи. Государь приказалъ представить Дантеса себѣ, и судьба его обезпечилась.

ной хозяйки. Гости не обращали вниманія на хозяина и только въ первый разъ были ему представляемы. Это была словно голубятня: туда влетали и оттуда вылетали, не зная зачѣмъ. Общество состояло по преимуществу изъ знатныхъ Поляковъ, составъ которыхъ часто мѣнялся. Бывали танцы подъ звуки фортепьяно. Нѣкто Скипоръ, потомокъ древней Польской фамиліи, представлялъ собою типъ механическаго, въ потѣ лица трудящагося танцора. Я какъ теперь вижу вытаращенные глаза Польской княгини, всегда висѣвшей на его рукѣ. Ихъ можно было встрѣтить на всѣхъ публичныхъ балахъ. Длинная фигура Скипора, окруженная его земляками, неизмѣнно торчала на Невскомъ проспектѣ въ часы прогулокъ. Проспектъ въ то время сохранялъ еще свою двойную аллею тщательно подстриженныхъ средней величины липъ, шедшую до самаго Аничкова моста. Она имѣла красивый видъ и осенью, когда спадала листва, представляла прогулку, располагавшую къ мечтательности.

Мѣсто Шишкова заступилъ Уваровъ, и насталъ день послѣ Киммерійской ночи.

VI.

Любопытное лицо былъ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, жившій въ собственномъ домѣ на Малой Морской и не пускавшій къ себѣ никакихъ жильцовъ. Всю зиму на пролетъ у него собиралось по Вторникамъ высшее общество на танцовальные вечера, при чемъ имѣлся маленькій бальный оркестръ. Салтыковъ принадлежалъ къ древнему боярскому роду; жена его была урожденная тоже Салтыкова. Есть также графы, носящіе эту фамилію; но не имѣвшій титула Салтыковъ былъ старшій въ родѣ. Свои Вторники онъ называлъ «Les Mardis européens». Онъ былъ страшный болтунъ, но образованъ и полонъ познаній. Его значительная библіотека заключала въ себѣ величайшія рѣдкости, наприм. Записки ювелировъ братьевъ Бемовъ по поводу ожерелья королевы Маріи Антуанеты, съ раскрашеннымъ рисункомъ ожерелья въ его натуральной величинѣ, съ описаніемъ всѣхъ его большихъ, пріобрѣтшихъ историческую извѣстность алмазовъ. Салтыковъ не позволялъ никому читать даже на переплетахъ заглавіе его книгъ. Если называли при немъ какую нибудь книгу, онъ самъ выносилъ ее и говорилъ: «У меня все есть». Онъ имѣлъ наружность придворнаго, ростъ нѣсколько меньше средняго и широкія плеча. Онъ опускалъ свою выразительную голову такъ низко, что казался горбатымъ, чего однакожъ вовсе не было. Въ этомъ положеніи онъ какъ будто искалъ чего-то на полу. Такіе оригиналы, какъ онъ, въ настоящее время невозможны. Онъ пресерьезно разсказывалъ исторіи, въ которыя самъ не вѣрилъ, и сочинилъ для собственнаго своего обихода Русскую исторію, ссылаясь на которую разсуждалъ объ историческихъ фактахъ такъ, что слушатель недоумѣвалъ, ужели это онъ находится въ знатномъ домѣ, въ собесѣдничествѣ съ умнымъ человѣкомъ, а не съ сумасшедшимъ. Графъ Бенкендорфъ, нанимавшій квартиру близъ Салтыкова (какъ мнѣ неоднократно разсказывалъ сей послѣдній, имѣвшій обыкновеніе повторять себя), сказалъ будто бы ему разъ: «Покуда я живу возлѣ васъ, вы можете быть покойны». Показаться на улицѣ раньше 3 часовъ пополудни Салтыковъ считалъ ниже своего достоинства. Ровно въ 4 часа онъ ежедневно являлся въ книжный магазинъ Белизара (теперь Дюфура), что̀ у Полицейскаго моста и, не снимая

шляпы, осматривалъ всѣ книги, хотя онѣ за одинъ день и не могли перемѣниться; въ теченіе двухъ часовъ, стоя, перелистывалъ онъ ихъ, никому не кланялся, лишь слегка кивнетъ головой на поклонъ знакомаго или протянетъ одинъ палецъ, если знакомый принадлежалъ къ высшему обществу. Затѣмъ онъ отбиралъ себѣ цѣлую груду книгъ и тутъ же платилъ за нихъ наличными. Ровно въ 6 часовъ онъ возвращался пѣшкомъ домой, пробѣгалъ мелкими, звонкими шагами по первой комнатѣ, въ которой былъ уже накрытъ столъ, и входилъ еще со шляпой на головѣ, въ каминную, смежную съ библіотекой. Во второй комнатѣ, очень уютной, съ постоянно-горѣвшимъ мраморнымъ прекраснымъ каминомъ, проводили дообѣденное время его жена, дочери, сыновья и гости. Немногіе приходили безъ приглашенія, боясь злаго хозяйскаго языка и его историческихъ откровеній, а приглашать Салтыковъ не имѣлъ обыкновенія. У перваго окна въ каминной стоялъ, собственно для него одного, столикъ съ микроскопическими сандвичами и цѣлой батареей водокъ на тяжеломъ серебряномъ подносѣ. Онъ выпивалъ одинъ стаканчикъ водки, клалъ себѣ въ ротъ крошечный кусочекъ хлѣба и, все еще со шляпой на головѣ, ни съ кѣмъ не здороваясь, какъ будто былъ одинъ-одинешенекъ въ комнатѣ, проходилъ, сильно стуча Испанской тростью, черезъ библіотеку въ свой кабинетъ. Онъ называлъ его своимъ «инкогнито». Изъ кабинета онъ выходилъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, привѣтствовалъ весь собравшійся кружокъ, подавалъ гостю палецъ, знатнымъ гостямъ отвѣшивалъ сухой поклонъ и говорилъ: «пойдемте къ столу». Въ это мгновеніе сыновья за его спиной нападали на водку. Къ изысканному, богатому столу Салтыкова можно было весь годъ имѣть свободный доступъ; но должно было являться во фракѣ, хотя самъ хозяинъ былъ всегда въ сюртукѣ. За столомъ прислуживало множество лакеевъ въ ливреѣ. Тяжелая столовая посуда и каждая тарелка были украшены гербомъ Салтыкова (рука, занесшая обнаженный мечъ). Салтыковъ за столомъ любилъ разсказывать что-нибудь изъ исторіи, и разсказъ его обыкновенно не имѣлъ конца. Тѣмъ неменѣе онъ казался мнѣ очень интереснымъ человѣкомъ. Въ 1834 году онъ еще продолжалъ разыгрывать роль «крайне-недовольнаго», которая тогда уже была на рѣдкость. Въ дѣтствѣ онъ воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, Александромъ Павловичемъ, забылся однажды противъ своего высокаго товарища и былъ удаленъ изъ дворца. Въ военной службѣ онъ не пошелъ далѣе корнета. Немало удивили меня такія слова изъ его устъ: «Я не могу купить ни дома, ни имѣнія. У насъ нужно имѣть чинъ или титулъ; ну, могу-ли я подписаться: корнетъ Салтыковъ? Я отказался отъ всѣхъ титуловъ.» Ему никогда и не предлагали никакого.

За столомъ я долженъ былъ сидѣть всегда возлѣ него, потому что въ первый разъ такъ случилось. Если кто другой хотѣлъ сѣсть на мое мѣсто, то, кто-бы ни былъ этотъ гость, Салтыковъ, указывая на меня пальцемъ, говорилъ: «это его мѣсто». Передъ приборомъ Салтыкова всегда стояла полбутылка портера Лекока (тогда еще рѣдкая новинка), которою онъ не пользовался и которая однакожъ постоянно торчала передъ нимъ. Однажды я говорю ему: «Quand délivrerez-vous ce petit prisonnier de guerre anglais?» (Когда освободите вы этого маленькаго военно-плѣннаго Англичанина?). Словечко понравилось ему, и съ тѣхъ поръ онъ всегда, тыкая однимъ пальцемъ въ маленькую портерную фляжку, кивалъ головою на меня, и сейчасъ

лакей въ ливреѣ, отличавшійся необыкновенно высокимъ ростомъ, схватывалъ полубутылку и наливалъ мнѣ; самъ же Салтыковъ не попробовалъ изъ нея ни капли. Когда бывалъ Блудовъ, мой высшій начальникъ, то онъ садился по лѣвую сторону госпожи Салтыковой, противъ меня, и ужъ тогда я оставался безмолвенъ, что̀ и было въ порядкѣ вещей.

Благодаря своему вранью или, лучше сказать, бреду, Салтыковъ попалъ однажды по отношенію къ Блудову въ очень неловкое по̀ложеніе. Старый Итальянскій архитекторъ Вендрамини былъ въ теченіи многихъ лѣтъ постояннымъ застольнымъ гостемъ Салтыкова, который увѣрилъ его, что онъ еще мальчикомъ получилъ отъ императора Павла Андреевскую звѣзду, украшенную чрезвычайно большими алмазами, и хранитъ эту драгоцѣнность съ своими табатерками. Простосердечный Итальянецъ вполнѣ повѣрилъ этой исторіи и, конечно, думалъ оказать услугу Салтыкову, обратившись однажды, въ присутствіи Блудова, къ нему съ просьбою: «Ахъ, пожалуйста, покажите намъ прекрасную Андреевскую звѣзду, которую вамъ пожаловалъ императоръ Павелъ. Вы мнѣ уже сколько разъ обѣщали». Я видѣлъ, какъ Блудовъ поднялъ голову; у него у само̀го былъ еще только Александръ Невскій. Салтыковъ какъ будто и не слыхалъ Вендрамини. Но когда старикъ архитекторъ повторилъ просьбу, онъ повернулъ его кругомъ и съ досадою произнесъ: «Ужъ эти мнѣ Итальянцы! Они ничего-таки не понимаютъ въ Русской исторіи!» Однажды за столомъ Салтыковъ разсказывалъ мнѣ: «Видите вы этотъ столбъ на дворѣ, вокругъ котораго гоняютъ лошадей на кордѣ? Когда я покинулъ дворецъ, у меня была лучшая верховая лошадь во всемъ Петербургѣ. Императоръ Александръ прислалъ ко мнѣ своего генералъ-адъютанта, чтобѣ во что бы ни стало купить у меня эту лошадь. Я приказалъ вывести ее изъ конюшни, привязать къ столбу и въ присутствіи посланца застрѣлилъ изъ пистолета». Не всегда однакожъ онъ до такой степени ослаблялъ повода своей фантазіи; иногда разсказъ его былъ очень интересенъ, напримѣръ, о великой Французской революціи, во время которой онъ жилъ съ родителями въ Парижѣ. Онъ утверждалъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ въ Палерояльскомъ саду Камиль Демуленъ вскочилъ на столъ и произнесъ свою знаменитую рѣчь. Конечно, имѣлись основательныя причины не вѣрить и этому разсказу; ибо въ 1789 году онъ былъ еще очень молодъ, и родители его, скрывавшіеся въ Парижѣ, врядъ-ли отпустили-бы юношу въ такое опасное время въ Палерояль.

Онъ прекрасно зналъ Французскую исторію и удовлетворительно исторію Среднихъ вѣковъ. Онъ часто спрашивалъ меня: «Что же Мишель никогда не зайдетъ ко мнѣ? Мы вѣдь были друзьями». Я передалъ это графу Вьельгорскому, и въ одинъ прекрасный лѣтній день мы оба явились къ нему. Я держался позади графа, какъ будто мы только что встрѣтились на лѣстницѣ. Послѣ обѣда мы отправились гулять въ Лѣтній садъ, въ которомъ пробыли до вечера. Графъ завелъ разговоръ о быломъ. Тутъ было съ обѣихъ сторонъ чего послушать, чему поучиться.—«Мишель», сказалъ Салтыковъ на прощаньи слегка растроганнымъ голосомъ, «мое Шампанское было нехорошо, я это чувствовалъ; я не зналъ, что ты будешь. Но если ты опять придешь, я тебя лучше угощу: говори заранѣе. Если хочешь, я за вами самъ заѣду въ каретѣ, гдѣ бы вы ни были».

Салтыковъ любилъ высокопоставленныхъ придворныхъ. Онъ былъ мнѣ очень благодаренъ за мое въ этомъ случаѣ посредничество, но самъ онъ не оказалъ-бы никакой услуги ни мнѣ, ни кому бы то ни было; да никто и не обращался къ нему за этимъ. Успѣшнѣе было-бы пойти стучаться у входа въ гробницы Ѳивскихъ царей.

Самое драгоцѣнное въ домѣ, какъ говорили, была коллекція табатерокъ, хранившаяся въ ящикахъ изъ зеркальнаго стекла и которую Салтыковъ никому не показывалъ. Онъ былъ страшный нюхальщикъ и каждый день употреблялъ новую табатерку, одну другой богаче. Онъ любилъ, чтобъ ихъ замѣчали и съ удовольствіемъ пускался на счетъ ихъ въ объясненія. По большей части то были историческія табатерки, и сіи послѣднія онъ покупалъ во что бы ни стоило, содержа съ этою цѣлію кореспондентовъ въ Парижѣ, гдѣ, какъ кажется, можно достать все, если только съумѣешь поискать. Каждой изъ своихъ трехъ дочерей онъ далъ особое прозвище: Елену Салтыкову называлъ roche-croche, что не имѣетъ никакого значенія, а развѣ только соотвѣтствовало ея дородности; Софія должна была откликаться на имя Тàша, а старшую, вышедшую замужъ въ Швеціи за Моргенштирну, называлъ онъ la baronne, при чемъ обыкновенно пускался въ похвалы Швеціи и Шведамъ. По смерти его домъ и все движимое имущество были проданы. Двухэтажный домъ, съ низенькими, уютными комнатами, былъ вполнѣ барское жилище. Въ немъ вы чувствовали себя, какъ въ укрѣпленномъ, уединенно стоящемъ зàмкѣ богатаго землевладѣльца. Первый затопляемый осенью каминъ меня въ особенности привлекалъ туда. Даже самый входъ въ него, прямо съ тротуара въ нижній этажъ, дышалъ уютностью, благодаря камину, пылавшему между колоннъ этой длинной прихожей. Домъ безслѣдно исчезъ. Теперь на его мѣстѣ стоитъ Grand-Hôtel. Смерть Салтыкова едва-ли удостоилась какого-либо упоминанія въ обществѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ пользовавшемся его гостепріимствомъ. Я сожалѣлъ о немъ, какъ о потерѣ истинно оригинальнаго человѣка. «N'est pas original qui veut, mais qui peut» [33]), возражалъ я всякій разъ, какъ заходилъ разговоръ о Салтыковѣ [34]), «le glorieux», какъ его называли. И въ этомъ мнѣ поддакивалъ генералъ-адъютантъ и знаменитый военный писатель баронъ Жомини, отецъ извѣстнаго въ настоящее время дипломата. Этотъ умный человѣкъ тоже бывалъ иногда у Салтыкова. 1-го Іюля отвезъ онъ меня въ своей каретѣ отъ него въ Петергофъ, гдѣ меня ожидалъ графъ Вьельгорскій. Этимъ онъ мнѣ предоставилъ случай чему-нибудь научиться, котораго я не хотѣлъ упустить. Я просилъ снисходительнаго и ученаго генерала объяснить мнѣ, въ чемъ собственно заключается военное искусство, о которомъ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе. «Очень просто», отвѣчалъ онъ, «оно въ концѣ концовъ (en dernière instance) заключается въ томъ, чтобъ всегда быть двоимъ противъ одного».

---

[33]) Не всякій оригиналенъ, кто хочетъ имъ быть, но кто можетъ.

[34]) Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ (владѣлецъ огромной библіотеки, которая такъ долго продавалась въ Москвѣ у Готье), внукъ Петра Васильевича (старшаго брата Елисаветинскому Сергѣю Васильевичу) и сынъ Василія Петровича отъ брака его съ княжною Евдокіею Михаиловною Бѣлосельскою), род. 1777, ум. 10 Мая 1846. Жена его, Александра Сергѣевна, была тоже изъ рода Салтыковыхъ.

VII.

Салтыковъ не бывалъ ни въ театрахъ, ни въ концертахъ; онъ былъ отшельникъ, эгоистъ, но это не мѣшало ему быть человѣкомъ съ сердцемъ. Когда я имѣлъ несчастіе переломить себѣ ногу и лежалъ въ постелѣ, онъ навѣщалъ меня ежедневно. Для этого ему нужно было только продолжить свою прогулку изъ Малой Морской къ Белизару до Литейной, и притомъ пѣшкомъ; ибо онъ, имѣя возможность держать столько экипажей, сколько пальцевъ на рукѣ, никогда не ѣздилъ. Въ это время онъ опаздывалъ къ обѣду, заставлялъ себя ждать и, выходя изъ своего «инкогнито», печально приговаривалъ: «Онъ умретъ!» Къ моей постелѣ онъ, разумѣется, подходилъ съ шляпою на головѣ и слегка стуча Испанской тростью. Стереотипнымъ вопросомъ его было: «Долго ли придется еще мнѣ васъ навѣщать?» Это была его манера освѣдомляться о моемъ здоровьѣ. Когда я, наконецъ, снова появился у него, онъ сказалъ: «Пойдемте обѣдать», но только немножко раньше срока потыкалъ въ маленькую бутылку съ портеромъ Лекока.

Нѣсколько дней спустя послѣ вечера, проведеннаго въ Лѣтнемъ саду, въ которомъ со временъ императора Павла нога Салтыкова не бывала, встрѣтился я съ графомъ Вьельгорскимъ на Невскомъ. Онъ очень радъ былъ меня увидѣть и кивалъ мнѣ еще издали. Жаркое Іюльское солнце раскаляло пустынную улицу, на которой не видно было ни одного экипажа. «Какъ ты попалъ сюда?» спросилъ графъ.—«Какими судьбами вы-то сюда попали, графъ?» (Мы оба отличались тою особенностію, что никогда не ходили гулять). «Я курилъ въ Михайловскомъ скверѣ», объяснилъ мнѣ графъ, «sicut meus est mos»[33]), и тутъ мнѣ пришло на память, что Алексѣй Салтыковъ, Индѣецъ, два раза оставлялъ у меня свою карточку. Онъ вообразилъ, что застанетъ меня дома лѣтомъ! Ну, мнѣ надо у него побывать, и такъ какъ это недалеко, то я отправлюсь пѣшкомъ. Пойдемъ со мной; ты увидишь экземпляръ, который нечасто попадается. Не говорилъ-ли ты, что тебѣ различныя мѣстности въ Индіи также хорошо знакомы, какъ въ Альпахъ? Не правда-ли?—«Что касается Индѣйскихъ монументовъ, то правда.»—«Ну, такъ идемъ вмѣстѣ. Я ему скажу, что ты былъ въ Индіи; это ему доставитъ удовольствіе. Можетъ быть, вы еще сдѣлаетесь друзьями. Ты можешь отъ него многаго наслышаться и многому научиться?»—«Онъ родственникъ Сергѣю Васильевичу?»—«Нѣтъ, онъ князь Салтыковъ [34]). Онъ каждыя пять лѣтъ пріѣзжаетъ сюда для возобновленія паспорта. Возобновить паспортъ трудно, и для этого-то онъ и былъ у меня—знаешь! Но я, впрочемъ, поговорю объ немъ съ Нессельроде. Англичане въ Индіи заподозрили Салтыкова Русскимъ шпіономъ. Дурачье! Салтыковъ шпіонъ! Ну, да ты его самъ увидишь; онъ насквозь джентельменъ и тебѣ, навѣрное, понравится. Мы его теперь застанемъ дома, потому что раньше вечера онъ не выѣзжаетъ; онъ дичится людей,

---

[33]) По моему обыкновенію.

[34]) Князь Алексѣй Дмитріевичъ Салтыковъ, внукъ Александровскаго воспитателя, род. въ 1806 г. Отрывки изъ его путешествія по Индіи напечатаны въ Москвитянинѣ. П. Б.

ты его увидишь въ Персидскомъ одѣяніи, онъ былъ и въ Персіи и изъ подражательной умѣренности ужинаетъ бараниной съ рисомъ. Онъ по цѣлымъ днямъ занимается живописью. Его домъ словно музей; свои коллекціи онъ держитъ въ Петербургѣ, и управляющій его имѣніями долженъ все выкапывать и выставлять къ его пріѣзду; иначе онъ въ домъ не войдетъ».

Салтыковъ, по прозванію «Индѣецъ», занималъ въ гостинницѣ Демута бель-этажъ, обращенный къ Мойкѣ. Мы входимъ въ залу, увѣшанную до потолка Персидскими коврами, а по угламъ украшенную Индѣйскимъ оружіемъ: длинными копьями, Гиндустанскими саблями, маленькими кривыми Малайскими кинжалами. Посреди большой столъ, на которомъ разложены фоліанты съ гравюрами на мѣди. Между ними я нахожу Даніэля, источникъ всѣхъ моихъ свѣдѣній объ Индіи. Лакея - Англичанина, который хотѣлъ объ насъ доложить, графъ запросто оттолкнулъ въ сторону. Минуты черезъ двѣ изъ боковой комнаты вышелъ князь, въ узкомъ Кашемировомъ сюртукѣ, въ широкихъ красныхъ панталонахъ, въ желтыхъ Турецкихъ башмакахъ, съ заостренными въ видѣ птичьяго клюва носками. Болѣе изящной и аристократической наружности я никогда не видывалъ. Ему было около сорока лѣтъ. Волосы нѣсколько посѣдѣли, поступь мягкая, сохранившая юношескую гибкость, черты худощаваго, продолговатаго лица добродушно меланхолическія. Онъ подошелъ къ графу (посѣщеніе котораго для него, конечно, было очень важно), такъ какъ будто онъ только-что съ нимъ видѣлся. Графъ обнялъ его. Меня, разумѣется, князь осмотрѣлъ съ ногъ до головы. Это было вполнѣ поанглійски. Англійскій элементъ, какъ я впослѣдствіи имѣлъ случай замѣтить, хотя и умѣрённый Русскимъ благодушіемъ, проникалъ его насквозь, не имѣя однакожъ надъ нимъ рѣшительнаго преобладанія.

Итакъ я былъ представленъ, какъ человѣкъ, тоже побывавшій въ Индіи. Салтыковъ принялъ это такъ равнодушно, какъ будто ему говорили о Павловскѣ. «Какимъ путемъ вы туда попали?» спросилъ онъ своимъ чарующимъ голосомъ. Я назвалъ обыкновенный путь изъ Суэца на Бомбей. Онъ отвѣчалъ, что этимъ путемъ ѣздилъ три раза и взялъ карту, нарисованную чернилами и на которой всѣ три его путешествія были обозначены краснымъ, чернымъ и синимъ цвѣтами. Карта была составлена искусно и какъ-бы на память, изображая только самое необходимое. «Прекрасная страна свѣта», сказалъ князь, «это островъ Цейлонъ. Наблюдали-ли вы тамъ солнечныя восхожденія? Что̀ за великолѣпіе цвѣтовъ!» Онъ подвелъ графа къ изданію Даніэля. «Это совершенно вѣрно природѣ, тутъ ничего нѣтъ преувеличеннаго. Тамъ дѣйствительно все такъ горитъ. Я въ отчаяніи, что не могу воспроизвести этого освѣщенія, а Даніэль представляетъ не болѣе, какъ только оттискъ красокъ. Въ сосѣдней комнатѣ я рисую красками; хотите, я покажу вамъ нѣсколько картинъ, изображающихъ пальмовые лѣса. Освѣщеніе зелени еще мнѣ удается, но на передачу огневыхъ тоновъ въ Цейлонѣ искусства моего рѣшительно не хватаетъ. Любите-ли вы руины?» обратился онъ ко мнѣ. «Храмы въ пещерахъ Сольсетты и Эллоры возбудили во мнѣ удивленіе», отвѣчалъ я такъ скромно, какъ только возможно. Салтыковъ перевернулъ листъ. «А! Кайласъ!» вскричалъ я тотчасъ же, «съ огромнымъ слономъ на паперти, у котораго нѣтъ одной ноги». Графъ кивнулъ головой, довольный удачнымъ продолженіемъ нашего

маленькаго обмана. Мы поддерживали такимъ образомъ разговоръ во все время перелистыванія картинъ. Въ заключеніе князь показалъ намъ литографированные въ Парижѣ «Индѣйскіе виды»: фоліантъ на толстой, такъ называемой, слоновой бумагѣ, съ широкими полями, артистически разукрашенными. Эти виды имѣютъ важное значеніе и пережили своего составителя, но въ настоящее время могутъ быть найдены только въ большихъ библіотекахъ. Они обнимаютъ природу, искусство и людей, и сейчасъ видно, что сняты съ натуры. Здѣсь вы видите слона, запряженнаго въ плугъ, между тѣмъ какъ два другіе спокойно ожидаютъ своей очереди подъ навѣсомъ. Тамъ цѣлый строй празднично изукрашенныхъ слоновъ преклоняетъ колѣна передъ раджею; далѣе ночное путешествіе въ паланкинѣ, въ сопровожденіи голыхъ, сухихъ какъ веретено Гиндустанцевъ, съ факелами въ рукахъ. Тамъ сверкаетъ священный прудъ, въ которомъ при лунномъ свѣтѣ приносятся въ жертву алигаторамъ дѣвицы; чудовища, высунувшись изъ воды, ожидаютъ своей прелестной добычи. Въ одномъ углу этой ужасной картины совершенно схоже изображенъ самъ путешественникъ, въ Англійскомъ сюртукѣ, съ тонкимъ Англійскимъ зонтикомъ, вмѣсто тросточки, въ рукѣ. Но самый интересный изъ этихъ видовъ безспорно видъ маленькаго уединеннаго домика въ Гималайскихъ горахъ, настоящей Русской избы, но только менѣе изукрашенной рѣзьбою. «Эти украшенія», пояснялъ князь Салтыковъ, «встрѣчаются на храмахъ въ Голкондѣ, за исключеніемъ Русскаго просверленнаго колеса, похожаго на солнце».—«Не указываетъ-ли это на общее происхожденіе обоихъ народовъ?» вмѣшался графъ. «Не знаю», возразилъ Салтыковъ; «но меня поразило это сходство. Впрочемъ у Риттера все, должно быть, есть; но Риттеръ толстая Нѣмецкая книга, а я питаю отвращеніе къ толстымъ книгамъ».—«Риттерова Азія», замѣтилъ я, «состоитъ изъ 17 толстыхъ томовъ, каждый болѣе чѣмъ въ 1000 печатныхъ страницъ».—«Вотъ оно что!» сказалъ графъ; «но что же говоритъ толстый Риттеръ о связи между Индѣйскими орнаментами и Русскою сельскою архитектурою?» «Объ этомъ онъ не говоритъ ничего, потому что гдѣ-же ему знать Русскую избу, точно также какъ и это пустынное мѣсто въ Гималаѣ, въ которомъ, можетъ быть, и побывать-то удалось только одному князю? Но кто-же живетъ въ этихъ домикахъ?» спросилъ я. «Это ничто иное, какъ скирды», отвѣчалъ князь. «А! какъ въ Швейцаріи, въ Туртманталѣ и Эйнфишталѣ».—«Вы видѣли ихъ?»—«Еще-бы!—«Но не заводите съ нимъ разговора о Швейцаріи», предупредилъ графъ: «его розсказнямъ конца не будетъ».

Въ весьма короткое время у меня съ Салтыковымъ завязались близкія сношенія. Я навѣщалъ его по утрамъ, онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ своемъ изящномъ купѐ по вечерамъ, послѣ 11 часовъ. Прежде всего я долженъ былъ съиграть ему что-нибудь на фортепіано. Однажды, когда я игралъ ему басовое соло въ Allegretto изъ симфоніи Бетховена A-dur, я замѣтилъ, что эта мистическая музыкальная фраза въ низкихъ тонахъ напоминаетъ маршъ слоновъ въ Индѣйскомъ подземельномъ капищѣ. Съ этой минуты онъ возъимѣлъ особое предпочтеніе къ этой пьэсѣ, и я долженъ былъ часто ему играть ее. Хотя онъ имѣлъ обыкновеніе ѣсть только разъ въ день, но по его приглашенію мы часто отправлялись съ нимъ по вечерамъ ужинать. На первый разъ я выбралъ ресторанъ Леграна (нынѣ Дюссо), потому что первая отъ входа комната хорошо провѣтривается, украшена цвѣтами, а

главное, совершенно пуста. Мы бывали тамъ часто и долго бесѣдовали. Салтыковъ приказывалъ приносить себѣ счетъ на слѣдующее утро, ибо не носилъ съ собою портфеля, боясь испортить сюртукъ работы перваго Лондонскаго портнаго. Онъ въ особенности напиралъ на то, что этотъ портной шьетъ только по рекомендаціи какого-нибудь лорда, тогда только онъ сработаетъ на васъ лично. И если кто разъ уже потребовалъ носить такой легкій, какъ перышко, сюртукъ, другаго носить не будетъ. Въ Парижѣ-де не умѣютъ шить платья. На мой вопросъ: что̀ же такой сюртукъ стоитъ? онъ отвѣчалъ спокойно, по своему обыкновенію (такъ какъ вообще его рѣчи никогда не имѣли въ себѣ ничего хвастливаго, а на оборотъ, отличались женственною застѣнчивостію): ten founds, 10 ф. стерлинговъ. Великимъ знакомъ расположенія, которое оказалъ мнѣ Салтыковъ, былъ подарокъ его видовъ, числомъ свыше ста. Онъ былъ на этотъ предметъ скупъ; литографія стоила ему 10,000 франковъ. Онъ мнѣ подарилъ ихъ два экземпляра. Одинъ находится въ Ригѣ въ надежныхъ рукахъ; другой я продалъ за хорошія деньги. Это было съ моей стороны непростительно, но вполнѣ въ порядкѣ вещей.

Мы говорили пофранцузски, но онъ любилъ приплетать Англійскія слова. Кто умѣлъ искусно предложить вопросъ, тому онъ отвѣчалъ охотно, хотя и не любилъ распросовъ. Я наслышался отъ него много интереснаго и долженъ былъ-бы вести журналъ о всѣхъ нелегко доступныхъ данныхъ и цифрахъ относительно народонаселенія, правленія Индѣйскаго и проч. Въ Калькутѣ Салтыковъ проживалъ по мѣсяцамъ у вице-короля. По вечерамъ, когда спадала жара, они выѣзжали на слонахъ прогуливаться по берегу Ганга. Англійскія верховыя лошади были-бы удобнѣе, но это набросило-бы тѣнь на ореолъ, которымъ вице-король считалъ нужнымъ окружать себя. «Однажды за столомъ», разсказывалъ онъ, «замѣтилъ я удивительно прекраснаго мальчика-Гиндуса. Я не спускалъ съ него глазъ, ибо мнѣ очень хотѣлось снять съ него портретъ; но я не зналъ, какъ къ этому приступить, чтобъ не унизиться въ глазахъ Англичанъ, считающихъ туземцевъ за низшую породу людей и очень много придающихъ вѣсу моему общественному положенію и титулу. Въ теченіи обѣда мальчикъ исчезъ. Когда я осмѣлился объ немъ освѣдомиться, то узналъ, что онъ вдругъ умеръ отъ холеры, которая, въ случаѣ если она злокачественна, губитъ людей въ самое короткое время». «А вы сами не боялись»?—«Объ этомъ никто не думаетъ; въ нашемъ кругу не было вовсе такихъ случаевъ, да и не говорятъ объ этомъ. Воздерживаются только отъ плодовъ и пьютъ очень крѣпкій, немножко охлажденный хересъ. Разумѣется, жара страшная. До 6 часовъ вечера нельзя выходить изъ дому. Однажды, въ сильнѣйшую жару, я послалъ съ письмомъ слугу Гиндуса, красиваго молодаго человѣка, а самъ остался у окна. Бѣднякъ едва сдѣлалъ сто шаговъ, какъ свалился съ ногъ. Его поразилъ солнечный ударъ, и онъ умеръ; смерть его лежитъ на моей совѣсти. Онъ умѣлъ говорить поанглійски. Зачѣмъ онъ меня не предупредилъ! Я былъ внѣ себя. Англичанамъ я не могъ повѣдать объ этомъ; имъ мои угрызенія совѣсти показались-бы ребяческими, они не поняли-бы моего горя. Въ самую сильную жару вице-король со всей свитой переселяется въ Симлахъ, на отрогъ Гималая. Деревня эта расположена на значительной высотѣ и пользуется очаровательнымъ климатомъ. Тамъ было хорошо, но дорого: бутылка хересу 2 ф. стерлинговъ. Я весь день ри-

совалъ деревья, исполинскіе кедры; нельзя себѣ представить, какъ толсты, какъ высоки деревья, какъ великолѣпна на нихъ листва! Разъ привыкнешь къ этому ландшафту, къ этому горному воздуху, къ этому отборному обществу и его этикету, то уже во всякомъ другомъ мѣстѣ чувствуешь себя неловко».—«А змѣи, ядовитыя насѣкомыя?»—«Ихъ нечего бояться. У Англичанъ все чисто, змѣи лежатъ въ «excavations» (такъ любилъ онъ называть пещерныя капища), и именно Cobras Cabellas, ужаленіе которой причиняетъ немедленную смерть. Туда входятъ съ факелами, и можно видѣть, какъ ползаютъ эти гады; они избѣгаютъ людей. Я нѣсколько разъ срисовывалъ въ Эллорѣ Тримунтисъ (Индѣйскую Тройцу) и у подножія идола безъ всякаго опасенія наблюдалъ за цѣлыми группами кобрасовъ. Отвратительныя, вздутыя животныя. Опасно въ Джунглесѣ, гдѣ надо путешествовать подъ охраною конвоя, потому что каждую минуту можетъ выскочить королевскій тигръ. Я не видалъ ни одного, потому что не бывалъ на охотахъ за тиграми и вообще не терплю никакихъ охотъ, убійствъ и грубыхъ забавъ».

Салтыковъ, по ходатайству графа, хотя и получилъ паспортъ, но только на два года. Вслѣдствіе этого онъ сталъ чаще пріѣзжать въ Петербургъ, а не въ однѣ только Олимпіады, какъ прежде, и я имѣлъ возможность съ нимъ чаще видѣться. Я никогда не забуду этого джентльмена au naturel [1]). Онъ былъ непонятный оригиналъ. Терпѣть не могъ писать, и наилюбезнѣйшее письменное приглашеніе приводило его въ затрудненіе. Какъ часто я за него писалъ отвѣты туда, гдѣ неизвѣстенъ былъ мой почеркъ, и если подпускалъ «булавку», дѣлавшую невѣроятнымъ повтореніе приглашенія, то это очень его радовало.

«Я никогда не обѣдаю не-дома», говаривалъ онъ обыкновенно, «что̀ они хотятъ меня мучить! Я voyageur, dessinateur [35]), я не гожусь въ эти гостинныя, гдѣ меня спрашиваютъ что̀ такое Индія».

Интересно было мнѣ узнать, какимъ образомъ Салтыковъ получилъ это пристрастіе къ Индіи. «Мы жили», разсказывалъ онъ, «въ родительскомъ домѣ возлѣ дворца принца Ольденбургскаго. Я былъ еще мальчикомъ, когда прибылъ въ Петербургъ Абасъ-Мирза, чтобы принести извиненія по поводу избіенія Русскаго посольства съ его представителемъ, Грибоѣдовымъ (20 Января 1829 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить Императору двухъ слоновъ. Ноги слоновъ были обуты въ высокіе мѣховые сапоги. Съ той минуты, какъ я увидалъ этихъ животныхъ, меня стала преслѣдовать мысль увидѣть ихъ родину». Съ психологической точки зрѣнія это уже само по себѣ замѣчательно. Но что путешественникъ нѣсколько разъ посѣщалъ Индію и жилъ въ ней по нѣскольку лѣтъ, тому есть другая причина. Онъ отыскивалъ идеальное женское личико, которое представляло бы собою нѣжныя, продолговатыя Гиндустанскія черты. Такихъ головокъ онъ нарисовалъ тысячи, и ими переполнены были всѣ его портфели. Замѣшана тутъ была также и обманутая любовь.

По внѣшнимъ манерамъ впослѣдствіи въ Парижѣ напомнилъ мнѣ Салтыкова Шопенъ. Для вящаго сходства Шопену не доставало 20,000 рубл. годоваго дохода, которыхъ Салтыкову, не смотря на всю

---

[35]) Въ натурѣ.

[36]) Путешественникъ - рисовальщикъ.

его экономію, казалось мало, чтобъ не уступать Англичанамъ въ Индіи, въ особенности въ Симлахѣ.

Салтыковъ умеръ въ Парижѣ, гдѣ и братъ его Петръ живалъ по цѣлымъ годамъ, собирая колекцію рыцарскихъ доспѣховъ. Я ему часто предсказывалъ, что онъ закончитъ Парижемъ, чему онъ не хотѣлъ вѣрить, такъ какъ не любилъ Парижа. Тамъ онъ сажалъ огурцы и солилъ ихъ на Русскій манеръ. Онъ жилъ отшельникомъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ только хорошихъ рисовальщиковъ, такъ какъ и самъ былъ не изъ послѣднихъ. Онъ нѣсколько разъ писалъ мнѣ, и я показывалъ его письма графу. «Видишь ли», сказалъ мнѣ графъ, «какъ хорошо, что я тебя тогда встрѣтилъ по дорогѣ къ Салтыкову. Иначе я никогда и не подумалъ-бы представлять ему тебя; это произошло такъ, случайно».

VIII.

Пусть читатель представитъ себѣ положеніе молодаго человѣка, пріѣхавшаго въ Петербургъ вести процессъ въ Сенатѣ противъ человѣка, власть имѣющаго. Таково было именно мое положеніе. Я очутился въ большомъ городѣ безъ средствъ, безъ знакомства и предсталъ передъ Сенатъ, какъ передъ Сфинкса, которому человѣкъ, власть имѣющій, успѣлъ замолвить свое словечко. Не лично меня касался процессъ, но дорогіе сердцу моему родственники почтили меня довѣріемъ, которое я рѣшился оправдать во что ни станетъ. Я уже разсказалъ въ первой главѣ Записокъ, какъ пріютила меня въ своемъ домѣ старая графиня. У нея въ домѣ я, такъ сказать, почувствовалъ уже твердую почву у себя подъ ногами въ городѣ, гдѣ дважды два только случайно составляли четыре, а могли и равняться нулю или составить семь и болѣе. Кузенъ Жанъ, вѣчно возившійся съ своими монетами, не имѣлъ никакого понятія о тяжбахъ и о тѣхъ людяхъ, съ помощію которыхъ единственно я могъ добраться до своихъ судей. Старая графиня знала только свое подраздѣленіе людей на князей и графовъ и единственнымъ результатомъ, выведеннымъ ею изъ опыта ея долгой жизни, было то, что министръ двора, князь Волконскій, есть будто-бы начало и конецъ человѣчества. Она видала его ежедневно, но не смѣла говорить съ нимъ о дѣлахъ. О предстательствѣ за меня у князя, объ испрошеніи его покровительства нечего было и думать. Волконскій не вмѣшивался ни во что, это было всѣмъ извѣстно, и даже въ дѣлахъ, подлежавшихъ личному его вѣдѣнію, онъ обыкновенно говорилъ нѣтъ, почему его и называли, вмѣсто князь Петръ Михайловичъ, le prince de pierre или le prince Non [1]). Въ пятидесятилѣтній юбилей его службы Государь возвелъ его въ фельдмаршалы. Въ домѣ старой графини я узналъ, что есть знатные люди, отъ которыхъ никогда не отстоишь такъ далеко, какъ если живешь съ ними и въ средѣ ихъ общества. На святкахъ 1833 года графинѣ вздумалось сдѣлать Волконскому сюрпризъ, который, однакожъ, скорѣе могъ доставить удовольствіе ей, чѣмъ ему. Въ то время было еще въ обычаѣ, на святкахъ, разгуливаніе ряженныхъ по городу. Старуха нарядила дѣтей своихъ племянницъ, госпожъ фонъ-Эссенъ и фонъ-Ломаннъ. Я долженъ былъ тоже надѣть домино и маску. Подъ предводительствомъ старой барыни мы молчаливою

[37]) Каменный князь или князь Нѣтъ.

процессіей взобрались по узкой, но удобной витой лѣстницѣ Зимняго Дворца, ведшей въ жилище Волконскаго. Когда мы вошли къ нему, онъ приказалъ намъ, дѣтямъ (мнѣ было тогда уже 24 года) чего-то «подать». Онъ милостиво протянулъ мнѣ руку и обмѣнялся со мной парою Французскихъ словъ, черезъ что я много выросъ въ глазахъ старой графини. На масляницѣ князь обыкновенно отдавалъ на одинъ вечеръ свою прекрасную ложу въ Большомъ театрѣ графинѣ и дѣтямъ ея племянницъ, со включеніемъ въ тоже число и меня. Тогда она говорила: «Мы были при дворѣ» и придавала этому чрезвычайную важность. Разъ въ году, лѣтомъ, графиня посѣщала свое имѣньице на 70-й верстѣ по Нарвской дорогѣ, чтобы заняться сельскимъ хозяйствомъ и обезпечить свои доходы. Жанъ, я и старая горничная должны были отправляться съ нею. Въ такомъ случаѣ мы съ грохотомъ выѣзжали въ описанной уже въ первой главѣ громадной старой каретѣ, съ весьма кислыми физіономіями, потому что путешествіе длилось долго, и на половинѣ дороги, въ Кипенѣ, намъ приходилось въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ кормить лошадей у одного Нѣмецкаго колониста. Я въ это время читалъ послѣдній романъ Бальзака; Жанъ, вытащивъ изъ кармана нѣсколько монетъ, разбиралъ ихъ Персидскія надписи съ помощью увеличительнаго стекла, которое всегда имѣлъ при себѣ. На границѣ имѣнія насъ встрѣчалъ староста. Пріѣхавъ въ имѣньице, графиня ревностно принималась за инспекцію хозяйства, заключавшуюся въ томъ, что горничная отпирала старинные шкафы, вынимала оттуда запыленные чашки, тарелки, всякую столовую посуду, повѣряла ее по списку, чистила и вновь запирала. Въ этомъ и состоялъ весь осмотръ, оканчивавшійся маленькой рѣчью, въ которой взывалось къ совѣсти старосты. Тогда старушка, вполнѣ довольная, объявляла намъ: «Теперь поѣдемъ къ сосѣдямъ». Сосѣдями были Эссены, владѣвшіе прекраснымъ имѣніемъ Ивановскимъ, съ настоящимъ дворцомъ, окруженнымъ громадными парками и въ которомъ въ свое время давались великолѣпныя празднества въ честь князя Волконскаго; далѣе графиня Ферморъ, урожденная фонъ-Альбрехтъ, жившая въ своемъ крошечномъ помѣстьѣ. Эта послѣдняя знавала въ Ригѣ моего отца и все наше семейство, что̀ она и заявила наилюбезнѣйшимъ образомъ, лишь только услышала мою фамилію. Это опять возвысило меня въ глазахъ старой графини. Жанъ былъ всегда очень доволенъ, когда дѣло близилось къ возвращенію въ городъ, я же былъ къ этому совершенно равнодушенъ; ибо вопросъ о томъ, для чего я собственно пріѣхалъ въ Петербургъ, становился для меня все болѣе и болѣе неяснымъ. Я толкался къ сенаторамъ, въ рукахъ которыхъ находился мой процессъ, но не былъ ими принимаемъ. Туже участь испыталъ я и у оберъ-прокурора Лобанова-Ростовскаго. Между тѣмъ для меня все зависѣло отъ того, чтобъ видѣться съ этими господами и поговорить съ ними объ отношеніяхъ, о которыхъ они не имѣли понятія, ибо таковыхъ не существовало въ Россіи. Что̀ тутъ можно было сдѣлать посредствомъ письма? Да и вопросъ еще, прочтутъ-ли какъ слѣдуетъ письмо, въ которомъ, однакожъ, было-бы столько существеннаго для чтенія! Руководящей нитью для сужденія сенаторовъ оставалось, стало-быть, все-таки то, что̀ было написано упомянутымъ сильнымъ лицомъ; онъ самъ это говорилъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ моему будущему, равно какъ и настоящему, встрѣтился я въ магазинѣ съ одной Московской

дамой, съ которой познакомился годъ тому назадъ въ Москвѣ и которая, собираясь ѣхать за границу, по пути пріѣхала на короткое время въ Петербургъ. Это была г-жа Сольданъ, урожденная Мерлина, игравшая съ своими тремя прелестными дочерями видную роль въ высшемъ Московскомъ обществѣ. Я былъ радушно принимаемъ въ ея музыкальномъ семействѣ. Съ ней я могъ откровенно поговорить о своихъ заботахъ. «Не можетъ-ли вамъ быть полезнымъ Лобановъ-Ростовскій?» спросила она.—«Онъ-то и есть самоважнѣйшій для меня человѣкъ».—«Это очень кстати; онъ обѣщалъ быть на моемъ маленькомъ прощальномъ вечерѣ; я васъ представлю ему и дамъ вамъ при отъѣздѣ письмо на его имя; тогда вы можете поговорить съ нимъ о дѣлахъ. Это мой старый другъ. Помните, когда вы уѣзжали изъ Москвы въ Константинополь, я дала вамъ письмо къ посланнику Бутеневу—разговоритесь объ немъ съ Лобановымъ; они большіе друзья».

Лобанову было около 50 лѣтъ. Онъ былъ небольшаго роста, сухопаръ и имѣлъ чрезвычайно живыя манеры. Я уже испыталъ, что чѣмъ менѣе ростъ, тѣмъ труднѣе ухватиться за человѣка. Я замѣтилъ, что онъ, не будучи собственно косъ, имѣлъ обыкновеніе перекашивать и носилъ парикъ. Подобные люди всегда держатся оборонительнаго положенія. Онъ говорилъ безпрерывно и притомъ очень хорошо, вполнѣ владѣя даромъ слова и умѣя одинаково хорошо высказывать свой блестящій умъ какъ на Русскомъ, такъ и на Нѣмецкомъ языкахъ. Я отвѣчалъ пространно на его распросы о Бутеневѣ, о посольствѣ, о секретарѣ Волковѣ, объ Устиновѣ (совѣтникѣ посольства)—всё лица, бывшія въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною на берегу Босфора въ Буюкдере, моими ежедневными собесѣдниками. Устиновъ былъ прекрасный віолончелистъ. Съ нимъ и Бутеневымъ(скрипка) я разыгрывалъ Бетховенскія тріо при единственномъ слушателѣ, Австрійскомъ интернунціѣ, какъ тогда называли Австрійскихъ посланниковъ. Въ Константинополь я ѣздилъ не изъ празднаго любопытства, а изъ пламеннаго энтузіазма къ Римскому праву, откровеніе о которомъ я получилъ въ Дерптѣ. Я имѣлъ въ виду отыскивать потерянные источники его въ библіотекѣ Сераля и въ Греческихъ монастыряхъ. На это я получилъ отъ моего великаго учителя Клоссіуса инструкціи и наставленіе, какъ, съ помощію различныхъ тинктуръ, вытравлять съ пергаментовъ ничего нестоющую рукопись какого-нибудь монаха и возстановлять Римскій текстъ, замаранный имъ для того, чтобъ воспользоваться пергаментомъ. Этимъ способомъ Нибуръ въ Веронѣ и Клоссіусъ въ Миланѣ возстановили нѣсколько потерянныхъ юридическихъ текстовъ. Эти открытія и увлекательныя лекціи Клоссіуса очаровали меня. Мнѣ тоже захотѣлось открыть что-нибудь! Необдуманное предпріятіе — ибо на это нужны матерьяльныя средства, которыхъ у меня не было, и долголѣтнія, многотрудныя изысканія. Но самонадѣянность свойственна человѣку въ молодости, и только въ старости онъ познаётъ себя во всей своей наготѣ и убѣждается въ ничтожности своихъ способностей! Однако членъ семейства обязанъ подчиняться требованіямъ его, а не влеченію своего вкуса. По первому зову я возвратился въ Ригу, чтобы посвятить себя Петербургскому процессу, составившему на много лѣтъ задачу моей жизни.

На вечерѣ у г-жи Сольданъ, когда я вскользь сообщилъ Лобанову о моихъ покинутыхъ археологическихъ планахъ, онъ сказалъ мнѣ:

«Ваши кодексы напоминаютъ мнѣ, что я сенатскія бумаги принужденъ читать въ перчаткахъ, ибо иначе онѣ рѣжутъ мнѣ руку». Мы разговаривали цѣлый вечеръ, и я покинулъ общество съ легкимъ сердцемъ въ одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ Майскихъ ночей, которыя приводятъ въ такое изумленіе иностранцевъ и многимъ нравятся больше Итальянскихъ. Письмо г-жи Сольданъ открыло мнѣ доступъ къ Лобанову. Тѣмъ не менѣе задача моя была нелегка; но она удалась наконецъ: я убѣдилъ его въ своемъ правѣ, онъ далъ процессу новое направленіе, и я выплылъ на открытый фарватеръ. Лобановъ всегда сохранялъ обо мнѣ благосклонное воспоминаніе. Когда я въ 40-выхъ годахъ прибылъ по поводу своего процесса въ Москву, онъ былъ предсѣдателемъ Общаго Собранія Московскаго Сената. Онъ объявилъ мнѣ, что вечера проводитъ въ Англійскомъ клубѣ, позволилъ мнѣ навѣщать его тамъ и чрезвычайно любезно записывалъ меня въ книгу гостей. Тамъ мы цѣлые вечера проводили въ бесѣдахъ. Онъ разсказывалъ мнѣ о прошедшемъ higt life [38]) въ Москвѣ. «Этотъ великолѣпный домъ», говорилъ онъ, «что теперь Англійскій клубъ, принадлежалъ графу Разумовскому. Здѣсь давались праздники, о которыхъ теперь и понятія никто не имѣетъ. Сама графиня была первая изъ всѣхъ нашихъ красавицъ. Теперь она давно уже живетъ въ Петербургѣ; она послѣдняя изъ знатныхъ дамъ стараго высшаго свѣта, не правда-ли?»—«Она всегда казалась мнѣ такою; я имѣю честь посѣщать ея рауты. Ея великолѣпное жилище въ домѣ Сумарокова устроилъ для нея самъ Императоръ».—«Кто бываетъ на этихъ раутахъ? Разскажите мнѣ; все, что касается графини, меня интересуетъ».—«Въ первой комнатѣ обыкновенно собирается дипломатическій корпусъ. Императоръ здѣсь около часа времени проводитъ въ разговорахъ то съ тѣмъ, то съ другимъ дипломатомъ. Потомъ онъ переходитъ въ большую гостинную, въ которой графиня собираетъ вокругъ себя пожилыхъ дамъ. Въ третьей комнатѣ играютъ въ карты, но весьма на немногихъ столахъ; въ четвертой предъ обильно снабженнымъ буфетомъ порхаетъ и жужжитъ рой молоденькихъ дамъ. Побывавъ во всѣхъ четырехъ комнатахъ, Императоръ прощается, и графиня провожаетъ его до прихожей». «Это должно быть очень интересно», прервалъ меня Лобановъ.—«Дѣлаются наблюденія; прежде 11-ти никто не приходитъ, и въ 3 часа вечеру уже конецъ».—«А министры бываютъ тамъ?» — «Министровъ Горчакова и Валуева я встрѣчалъ каждый разъ».—«Кого вы больше придерживаетесь? Кто вамъ другъ?»—«Я думаю, Бетховенъ! Въ комнатѣ, гдѣ играютъ въ карты, виситъ картина, изображающая князя Андрея Разумовскаго, нѣкогда бывшаго посланникомъ въ Вѣнѣ. Князь сидитъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣловыми бумагами, на нихъ лежитъ скрипка, а лѣвѣе стоитъ лучшій въ свѣтѣ, самый похожій бюстъ Бетховена. На раутахъ графини я стою, какъ вкопанный, передъ этой картиной. Графиня часто мнѣ говаривала: «Я подарила-бы вамъ эту картину, но это даръ самого Андрея, а онъ братъ моего мужа. Знаетъ-ли Вьельгорскій, что эта статуя самая лучшая, какъ вы говорите? Скажите ему это, тогда онъ навѣрное пріѣдетъ ко мнѣ. Почему онъ ко мнѣ не ѣздитъ? Вѣдь я же бываю на его вечерахъ!»—«Я это устрою».—«Ну, тогда я вамъ подарю копію съ этой картины».

[38]) Высшее общество.

Московская старина.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА ПО МОСКОВСКИМЪ УЛИЦАМЪ *).

IV. УЛИЦА БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА.

Улицы Большая и Малая Дмитровки встарину извѣстны были подъ общимъ названіемъ Дмитровки, которая шла отъ площади Охотнаго ряда и оканчивалась у Новой Слободы. Начинавшаяся отсюда дорога въ городъ Дмитровъ дала названіе этой улицѣ; въ стѣнѣ Бѣлаго города находившіеся ворота носили названіе Дмитровскихъ.

ПРАВАЯ СТОРОНА НЫНѢШНЕЙ БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКИ (ПО НАПРАВЛЕНІЮ ОТЪ КРЕМЛЯ).

1. Въ 1738 г. домъ маіора князя Александра Андреевича Черкасскаго; въ 1782 г. гвардіи капитана Александра Александровича Арсеньева; въ 1793 г. ген.-маіора Льва Денисовича Давыдова; въ 1802 г. полковницы Софьи Александровны Раевской; у нея домъ купленъ Московскимъ публичнымъ театромъ. Нѣкогда было предположеніе разобрать всѣ находившіяся на этомъ мѣстѣ постройки и открыть площадь передъ домомъ Россійскаго Благороднаго Собранія, но кончилось тѣмъ, что это владѣніе уступлено въ 1819 г. ген.-маіору Константину Марковичу Полторацкому. Съ 1838 года оно принадлежитъ почетному гражданину П. А. Бронникову.

2. Въ 1738 г. домъ вдовы флота капитана Василья Васильевича Шереметева Ирины Өедоровны, урожденной княжны Ромодановской; въ 1765 г. дѣвицы Варвары Петровны Шереметевой; въ 1769 г. мужа ея ген.-маіора князя Михаила Михайловича Голицына. Въ 1813 г., составляло владѣніе маіора князя Николая Васильевича Голицына; въ 1835 г., ген.-маіорши Александры Васильевны Киндяковой; въ 1850 г. дочери ея, жены полковника Екатерины Петровны Раевской (супруги извѣстнаго Пушкинскаго «Демона»), въ настоящее время ея зятя, графа Григорія Ивановича Костица.

Переулокъ Спасскій доходитъ до проѣзда возлѣ Большаго театра. Названъ по церкви «Спаса Преображенія, что́ въ Копьѣ», упраздненной въ 1813 году и разобранной въ 1816 году; стояла она между Большимъ театромъ и заборомъ графа Ностица. Назывался этотъ переулокъ и Копьевскимъ; здѣсь, вблизи кузницъ, что́ у Кузнецкаго моста, жили мастера, дѣлавшіе копья.

---

*) См. выше стр. 275.

3. Въ 1763 г. генералъ-аншефъ, князь Иванъ Андреевичъ Прозоровской; въ 1793 г. сынъ его, генералъ-маіоръ, князь Андрей Ивановичъ; въ 1813 г. полковникъ, князь Дмитрій Михайловичъ Щербатовъ; въ 1843 г. дочь его, маіорша княгиня Наталья Дмитріевна Шаховская; нынѣ поч. гражд. Г. Г. Солодовниковъ.

Переулокъ Кузнецкій ведетъ на Петровку; въ здѣшней мѣстности находились, какъ мы сказали уже, кузницы, давшія названіе этому переулку.

4. Въ 1793 г. домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Московскаго вице-губернатора, Николая Ефимовича Мясоѣдова; въ 1808 г. бывшаго Молдавскаго господаря, князя Александра Ивановича Маврокордато; въ 1813 г. бригадира, графа Ѳедора Андреевича Толстаго; съ 1834 г. домъ Театральной школы.

5. Въ 1765 г. камергеръ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, бывшій посланникомъ въ Гамбургѣ и въ Парижѣ, столь извѣстный по Запискамъ Екатерины II-й; въ 1785 г. супруга его, Матрена Павловна, ур. Балкъ; въ 1826 г. жена канцеляриста В. Д. Кузнецова; въ 1851 г. жена надворнаго совѣтника А. А. Никитина, которая продала часть своего владѣнія купцамъ В. И. и М. И. Смолинымъ; въ настоящее время домъ числится за поч. гражд. Г. Г. Голофтѣевымъ.

Переулокъ Салтыковскій названъ по домовладѣльцу С. В. Салтыкову.

6. Въ 1780 г. баронессы Марьи Артемьевны Строгоновой; въ 1793 г. надворнаго совѣтника и Московскаго университета члена, Семена Осиповича Жегулина; въ 1805 г. ген.-лейтенанта, князя Александра Васильевича Урусова; затѣмъ, пасынка его, подполковника Николая Николаевича Муравьева; въ 1816 г. надворнаго совѣтника В. К. Шмитца; впослѣдствіи это владѣніе раздѣлилось, и часть, къ Салтыковскому переулку, принадлежитъ теперь купцу И. А. Живаго.

7. Другая часть этого владѣнія принадлежала въ 1837 г. купцу Т. И. Каменскому, а теперь гофмейстеру Борису Александровичу Нейдгарту.

8. Въ 1775 г. домовладѣлицы княжны Елена и Марѳа Ѳедоровны Мещерскія; въ 1826 г. гвардіи корнетъ князь Василій Юрьевичъ Мещерскій; въ настоящее время купеческой жены К. И. Штюрцваге.

9. Въ 1793 г. домъ секундъ-маіора Дмитрія Ѳедоровича Щукина; въ 1826 г. надворнаго совѣтника Ивана Пушкина; въ 1840 г. священника А. Т. Бѣляева; съ 1852 г. и по настоящее время подпоручика А. С. Ладыженскаго.

Переулокъ Столешниковскій; здѣсь жили мастера, которые ткали столешники, т. е. скатерти; этотъ переулокъ назывался и Вагинскій отъ домовладѣльца (1775), купца Ѳедора Семеновича Вагина.

10. Въ 1793 г. генералъ-аншефъ, президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ; въ 1813 г. гвард. прапорщикъ Николай Кожинъ; нынѣ надворн. совѣтница О. М. Засѣцкая.

11. Въ 1775 г. домъ генер.-поручика, тайнаго совѣтника, Московскаго Университета куратора (съ 1757 г.), Ивана Ивановича Мелиссино; въ 1806 г. супруги его Прасковьи Владиміровны; въ 1824 г. воспитанника ихъ, камергера Алексѣя Михайловича Пушкина; въ 1831 г. супруги его Елены Григорьевны; съ 1835 г. донынѣ Австрійскаго подданнаго и временно Московскаго купца Сантина Петровича Кампіони.

12. Въ 1765 г. секретарь Василій Ивановичъ Богдановъ; въ 1793 г. сынъ его, коллежскій ассесоръ Иванъ Васильевичъ; въ 1806 г. иностранецъ К. С. Зельтманъ; въ 1822 г. купчиха дѣвица Д. М. Артемьева; въ 1846 г. генер.-маіорша Ольга Ивановна Бартоломеусъ; нынѣ купцы М. И. и Н. И. Ляпины.

13. Въ 1761 г. домъ д. ст. сов. князя Григорія Ивановича Шаховскаго; въ 1793 г. сына его, генер.-лейтенанта князя Бориса Григорьевича; въ 1831 г. графини Варвары Петровны Полье (ур. Шаховской); затѣмъ княгини Варвары Васильевны Голицыной; въ 1852 г. надв. совѣтницы Александры Александровны Мельгуновой; въ настоящее время Н. В. Пустошкина.

Переулокъ Богословскій названъ по находящейся здѣсь церкви Спаса Преображенія, съ придѣломъ св. Григорія Богослова. Изъ этого переулка, между владѣніями гг. Пустошкина и Спиридонова, былъ переулокъ, который выходилъ въ Столешниковъ и назывался Трубецкимъ, по домовладѣлицѣ въ 1737 г. княгинѣ Аннѣ Львовнѣ Трубецкой; нынѣ переулокъ уничтоженъ, и земля его прирѣзана къ владѣльческимъ дворамъ.

14. Въ 1793 г. домъ т. совѣтницы, оберъ-камергерши, графини Екатерины Петровны, урожденной княжны Трубецкой; въ 1803 г. т. совѣтницы Елисаветы Петровны Дивовой, урожденной графини Бутурлиной; въ 1818 г. значится домъ казеннымъ, и въ немъ помѣщался одинъ изъ Московскихъ полиціймейстеровъ; въ 1832 г. коллежскаго совѣтника И. Ѳ. Похвиснева; въ 1852 г. поручицы княгини Е. А. Голицыной; нынѣ камеръ-юнкера барона Д. О. Шеппинга.

15. Домъ церкви св. Григорія Богослова, для котораго земля отдѣлена отъ сосѣдняго владѣнія, въ то время, когда оно принадлежало казнѣ.

16. Въ 1775 г. домовладѣлецъ Кіевскаго кирасирскаго полка ротмистръ Иванъ Ѳедоровичъ Талызинъ; въ 1793 г. вдова его, Анна Яковлевна; въ 1818 г. домъ этотъ пріобрѣтенъ для Университетской Типографіи, во владѣніи которой теперь находится.

ЛѢВАЯ СТОРОНА БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКИ ПО НАПРАВЛЕНІЮ ОТЪ КРЕМЛЯ.

17. Въ 1738 г. дѣвицы Прасковья и Настасья Васильевны Волынскія; въ 1745 г. мужъ Настасьи Васильевны ген.-адъютантъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ, герой Семилѣтней войны, покорившій въ 1771 г. Крымскій полуостровъ и въ 1775 г., въ день торжества о мирѣ съ Турціею, награжденный титуломъ Крымскаго (скончался въ 1782 г., въ званіи Московскаго Главнокомандующаго). Затѣмъ домъ этотъ принадлежалъ сыну его, тайному совѣтнику и сенатору, князю Михаилу Васильевичу; въ 1793 г. генералъ-маіору князю Алексѣю Борисовичу Голицыну. Въ домѣ этомъ помѣщалось Россійское Благородное Собраніе, учредителемъ котораго былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, главный попечитель Воспитательныхъ домовъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Соймоновъ. Въ 1793 году Екатерина II, желая изъявить особенное свое благоволеніе къ Московскому Благородному Собранію, повелѣла этотъ домъ числить собственностію Собранія. Въ 1812 г., домъ этотъ сгорѣлъ, и по неимѣнію суммы на отдѣлку, старшины и члены Собранія представили императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ всеподданнѣйшее прошеніе, дабы сдѣлана была изъ Опекунскаго Совѣта ссуда денегъ подъ вышеупомянутый домъ, «въ которомъ собирается дворянство не для однихъ забавъ, но и для избранія между собою

способныхъ на службу земскую и во время войны въ ополченіе, для защиты Отечества воззываемаго». Императору Александру угодно было въ 1814 г. назначить на поправленіе этого дома 150 тысячъ, а въ 1816 г. повелѣно долгъ этотъ исключить изъ счета. Посѣтивъ въ 1809 г. Москву въ первый разъ послѣ своего коронованія, вмѣстѣ съ великою княгинею Екатериною Павловною, Государь выразилъ желаніе быть на балѣ Благороднаго Собранія, который блисталъ великолѣпіемъ и роскошью; въ 1810 г. Его Величество удостоилъ старшинъ Собранія рескриптомъ; въ немъ Государь выразилъ, что принявъ, во время личнаго присутствія своего среди старшинъ, званіе члена Благороднаго Собранія, въ настоящее время онъ съ удовольствіемъ его возобновляетъ. Въ день открытія памятника гражданину Минину и князю Пожарскому, въ Февралѣ 1818 года, императоръ Александръ приказалъ дать въ залѣ Благороднаго Собранія вечеромъ ораторію «Мининъ и Пожарскій, или освобожденіе Москвы», соч. Н. Д. Горчакова, музыка С. Дехтярева. Въ исполненіи ораторіи участвовали оркестръ придворнаго театра, императорская пѣвческая капелла и музыканты всѣхъ полковъ гвардіи, всего до 300 человѣкъ. Сборъ съ посѣтителей, простиравшійся до 20 тысячъ рублей, предоставленъ, по желанію сочинителя, въ пользу инвалидовъ [1]).

Переулокъ Георгіевскій. Разскажемъ здѣсь вкратцѣ исторію Георгіевскаго женскаго монастыря, давшаго названіе этому переулку. Въ 1462 г. стояла церковь Егорій каменный, на Посадѣ, на Дмитровкѣ, за Житною площадкой. Въ 1493 г. храмъ этотъ сгорѣлъ. Построеніе церкви приписываютъ боярину и воеводѣ Георгію (Юрію) Захаровичу Кошкину-Романову, родному дѣду царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Іоанна Грознаго. Возобновленная послѣ пожара церковь была обращена въ монастырь. Въ 1812 году послѣдняя игуменія этого монастыря, Митрополія Венедиктова, остававшаяся въ Москвѣ, при нашествіи Наполеона, была безчеловѣчно мучена врагами, которые допытывались у нея церковныхъ сокровищъ. Тогда всѣ монастырскія зданія сгорѣли, но вскорѣ храмы возобновлены и, въ 1814 году, монастырь обращенъ въ приходъ. Въ немъ было 4 церкви: 1) великомученика Георгія, 2) Казанскія Пресвятыя Богородицы, 3) на вратахъ, Нерукотвореннаго Образа Спасова и 4) святыхъ Захаріи и Елисаветы, построенная «за здравіе императрицы Елисаветы Петровны»; послѣднія двѣ церкви разобраны. Здѣсь погребены знаменитые сотрудники и родственники Петра Великаго: учитель его, дьякъ Челобитнаго Приказа, потомъ графъ и генералъ-президентъ Ближней Канцеляріи, князь-папа, Никита Моисеевичъ Зотовъ; князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, женатый на родной сестрѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны и сынъ его, Иванъ Ѳедоровичъ; государственный вице-канцлеръ и кабинетъ-министръ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, фельдмаршалъ графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ. Кромѣ нихъ, здѣсь похоронены Стрѣшневы, князья Троекуровы, княгиня Коркодинова и, вѣроятно, много другихъ, извѣстія о коихъ исчезли вмѣстѣ съ ихъ надгробными памятниками, которые покрывали погостъ монастырскій. Поводомъ къ уничтоженію нѣкоторыхъ надгробій съ погостовъ церковныхъ, какъ говоритъ г. Розановъ, въ своей Исторіи Московскаго епархіальнаго управленія, послужило слѣдующее обстоятельство: Петру I не нравилось, что въ Москвѣ и въ

[1]) О Россійскомъ Благород. Собраніи въ Москвѣ. Н. Д. Горчакова, Москва, 1843 г.

другихъ городахъ, при церквахъ и монастыряхъ, надгробные камни лежатъ сверхъ земли, такъ что препятствуютъ въ хожденіи при церковныхъ шествіяхъ; да и безобразіемъ онъ считалъ для церкви такіе камни; посему, указомъ 12 Апрѣля 1722 года, приказано: «надгробные камни при церквахъ и монастыряхъ опускать вровень съ землею; надписи на камняхъ дѣлать сверху; которые же камни неудобно такъ размѣстить, употреблять ихъ въ строеніе церковное».

Переулокъ Камергерскій.

18. Въ 1737 г. домовладѣльцы: дѣйств. камергеръ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ и братья его: полковникъ Петръ и маіоръ Николай; въ 1793 г. гвардіи подпоруч. Иванъ Николаевичъ Стрѣшневъ; въ 1815 г. вдова генералъ-аншефа, Елисавета Петровна Глѣбова-Стрѣшнева; мануфактуръ совѣтникъ Г. И. Хлудовъ; нынѣ тайн. совѣтникъ И. П. Шаблыкинъ.

19. Въ 1785 г. домъ ген.-маіора, князя Александра Васильевича Урусова; въ 1805 г. пасынка его, подполковника Николая Николаевича Муравьева; въ 1839 г. ст. сов. Михаила Григорьевича Павлова; въ 1855 г. почет. гражд. Н. А. Рудакова; съ 1865 г. жены почет. гражд. М. К. Цыплаковой, которая, оставивъ часть владѣнія за собой, остальную продала купцу В. Г. Сычеву. Въ этомъ домѣ, когда онъ принадлежалъ Николаю Николаевичу Муравьеву, сынъ его, студентъ Московскаго университета, Михаилъ Николаевичъ (впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и графъ), въ 1810 г., составилъ Московское Общество Математиковъ и былъ его директоромъ, будучи самъ 14 лѣтъ отъ роду. Общество это послужило началомъ учебному заведенію для колонновожатыхъ. Затѣмъ въ этомъ домѣ помѣщались: Англійскій клубъ, пансіонъ профессора М. Г. Павлова, Дворянскій клубъ, Театральная дирекція, лицей Цесаревича Николая, а въ настоящее время онъ занятъ Московскимъ Обществомъ прикащиковъ.

Церковь Воскресенія Христова разобрана въ 1814 году. Надъ этою церковію была устроена верхняя, во имя святыхъ князя Ѳеодора и чадъ его, Давида и Константина, Смоленскихъ и Ярославскихъ чудотворцевъ, прихожаниномъ, княземъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Жировымъ-Засѣкинымъ. Церковь эту продолжалъ имѣть на своемъ иждивеніи и позднѣйшій прихожанинъ, князь Алексѣй Семеновичъ Козловскій. Изъ его дома была перекинута черезъ Космодаміанскій переулокъ арка, и по ней былъ устроенъ переходъ въ верхнюю церковь.

20. Въ 1835 г. домъ священника А. Т. Бѣляева; въ 1839 г. генералъ-маіора Александра Ивановича Бистрома; въ 1870 г. дочери его, жены кол. секр. Н. А. Кислинской; нынѣ поч. гражд. И. Г. Чуксина.

Переулокъ Космодаміанскій.

21. Въ 1785 г. генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Левашевъ; въ 1793 г. сестры его, дѣвицы: Татьяна, Елисавета, Екатерина и Наталья; въ 1809 г. купецъ Семенъ Аникеевичъ Селивановскій; затѣмъ сынъ его, кол. асс. Николай Семеновичъ; потомъ дочь его, ст. сов. Ю. Н. Петрова, нынѣ купецъ М. Я. Бучумовъ.

22. Въ 1793 г. домъ генералъ-аншефа, президента Адмиралтействъ-Коллегіи, графа Ивана Григорьевича Чернышева; въ 1813 г свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына; въ 1834 г. камергера кол. сов. князя

Михаила Николаевича Голицына; въ 1845 г. поч. гражд. В. И. Борисовскаго; нынѣ купцовъ Н. Р. и Д. Р. Востряковыхъ.

Переулокъ Глинищенскій.

23. Въ 1716 г. домъ маіора лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, Семена Андреевича Салтыкова; такъ какъ это владѣніе проходитъ до Тверской, то свѣдѣнія о немъ помѣщены въ описаніи Тверской улицы, подъ № 45.

Переулокъ Козицкій.

24. Владѣніе причта церкви преподобнаго Сергія.

25. Въ 1782 г. домъ прокурора Камеръ-коллегіи Леонтія Ивановича Магницкаго; въ 1793 г. супруги его Екатерины Васильевны; въ 1815 г. вдовы фельдмаршала графа Михаила Ѳедоровича Каменскаго, графини Анны Павловны, урожденной княгини Щербатовой; въ 1842 г. гвардіи подпор. Николая Алексѣевича Загряжскаго; въ настоящее время поч. гражд. М. И. Алексѣева.

V. УЛИЦА МАЛАЯ ДМИТРОВКА.

Эта улица начинается отъ Путинскаго переулка и доходитъ до Новой Слободы.

ПРАВАЯ СТОРОНА МАЛОЙ ДМИТРОВКИ ПО НАПРАВЛЕНІЮ ОТЪ СТРАСТНАГО БУЛЬВАРА.

1. Въ 1775 г. княгиня Анна Михайловна Волконская; въ 1803 г. тит. сов. Павелъ Петровичъ Комендантовъ; въ 1822 г. сынъ его комисіонеръ 12 класса Иванъ Петровичъ; въ 1824 г. чиновница 6 класса, Наталья Александровна Комендантова; въ 1833 г. гвардіи прапор. В. А. Ладыженскій; въ 1843 г. стат. сов. Н. Ѳ. Новиковъ; за тѣмъ полковн. Ф. И. Волоцкій; въ 1852 г. дворянинъ Д. А. Поповъ; нынѣ генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Владиміръ Александровичъ Меншиковъ.

2. Въ 1793 г. домъ бригадира Григорія Дмитріевича Березникова; въ 1803 г. вдовы его, дѣйств. стат. сов. Екатерины Григорьевны; въ 1819 г. гг. Головиныхъ; пробывъ за Головиными нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ настоящее время домъ принадлежитъ Спасо-Влахернскому монастырю.

3. Въ 1765 г. домовладѣлицы Анна и Софія Ивановны Алмазовы; въ 1803 г. бригадиръ Петръ Николаевичъ Алмазовъ; въ 1813 г. секундъ-маіоръ Ѳедоръ Васильевичъ Айгустовъ; пробывъ во владѣніи Айгустовыхъ около 40 лѣтъ, теперь принадлежитъ поч. граж. Е. В. Чижовой.

Переулокъ Успенскій.

4. Въ 1793 г. купецкая дочь Наталья Быкова и подпоручикъ баронъ Германъ фонъ-Салисъ; въ 1803 г. капитанъ Иванъ Александровичъ Уваровъ; съ 1823 г. понынѣ дворяне Шубины.

5. Въ 1785 г. домъ штабъ-лекаря Ѳедора Ивановича Гайена. Въ 1893 г. купцовъ Семена, Алексѣя и Федора Ситниковыхъ; за тѣмъ оба эти владѣнія соединяются и въ 1803 г. принадлежатъ мѣщанкѣ А. Я. Муратовой; въ 1813 г. куп. доч. М. Г. Соловьевой; въ 1839 г. надв. с. Е. И. Баршевой; въ 1871 г. поч. гражд. А. Г. Гладину; теперь почет. гражд. А. А. Алексѣеву.

6. Въ 1781 г. домъ капит.-пор. Дмитрія Васильевича Шетнева; въ 1813 г. жены его, Авдотьи Леонтьевны и полковника Николая Сергѣевича Кулебякина; въ 1817 г. кол. ассес. М. Д. Сафоновой; въ 1842 г. д. с. с.

Ивана Сергѣевича Сафонова; въ 1863 г. поч. гражд. Ѳ. К. Вальца; нынѣ поч. гражданки М. К. Катуаръ.

7. Въ 1793 г. домъ маіорши Ѳедосьи Ивановны Аргамаковой, затѣмъ бригадира Николая Сергѣевича Сафонова; въ 1813 г. 7 класса Александра Николаевича Соймонова; въ 1875 г. жены флигель-адъютанта, полковницы Варвары Ильинишны Горяиновой; нынѣ поч. гражд. А. В. Каншина.

8. Въ 1793 г. домъ поручицы Екатерины Антоновны Паниной; въ 1805 г. купца Н. А. Прибылова; въ 1840 г. с. с. Марьи Петровны Ханыковой; нынѣ д. с. с. Екатерины Константиновны Мамоновой.

9. Въ 1793 г. домъ купца Владиміра Афрамеева; въ 1813 г. кол. сов. Н. И. Иванова; въ 1817 г. комерц. с. Якова Ѳедоровича Блюмера; въ 1852 г. сына его, ротмистра Ѳедора Яковлевича; нынѣ жены тит. сов. М. П. Глѣбовой.

10. Въ 1793 г. домовладѣлецъ купецъ Семенъ Михайловичъ Жуковъ; въ 1824 г. титул. сов. А. Н. Пафнутьевъ; нынѣ П. М. Максимова.

ЛѢВАЯ СТОРОНА МАЛОЙ ДМИТРОВКИ.

11. Въ 1775 году, домъ кол. сов. Якова Алексѣевича Трегубова; въ 1793 г. дочери его, дѣвицы Варвары Яковлевны; въ 1803 г. дочери полковника, дѣвицы Настасьи Васильевны Бибиковой, затѣмъ г-жи Желтухиной; въ 1813 г. камеръ-юнкера Бориса Михайловича Загряжскаго; въ 1817 г. жены его, Настасьи Ивановны; въ 1821 году генералъ-маіорши Анны Владиміровны Бобринской; въ 1853 г. кол. секр. И. С. Шиловскаго; въ 1856 г. сестры его, надвор. сов. А. С. Воейковой; нынѣ губ. секр. Г. А. Ѳедосѣева.

12. Въ 1793 г. домъ д. т. с. Екатерины Михайловны Протасовой; въ 1803 г. тайн. сов. Алексѣя Богдановича Челищева; въ 1813 г. маіора Александра Васильевича Новосильцева; въ 1843 г. гр. Николая Алексѣевича Шереметева; съ 1852 г. надв. сов. С. И. Шиловскаго.

Переулокъ Медвѣжій.

13. Въ 1793 г. домъ купчихи Авдотьи Марковой; въ 1813 году купца Раскольникова, и затѣмъ купца Гаврилы Прохорова; въ 1817 году тит. с. Е. А. Зарина; въ 1837 г. д. с. с. Всеволода Ивановича Козлова; въ 1844 г. ген. маіора Николая Ивановича Сабурова; въ 1869 г. колл. сов. А. А. Малиновскаго; нынѣ жены поручика С. А. Степановой.

14. Въ 1745 г. домовладѣлецъ маіоръ Ѳедоръ Алексѣевичъ Лужинъ; въ 1755 г. сынъ его, поруч. Сергій Ѳедоровичъ; въ 1780 г. вдова его, Анна Семеновна; въ 1813 г. сынъ ихъ, с. с. Ѳедоръ Сергѣевичъ. За тѣмъ это владѣніе дѣлится, и въ 1835 г. одна часть остается за губ. секр. И. В. Повалишинымъ, съ 1874 г. вдовы полковн. Е. С. Ершовой.

15. Другою частью въ 1821 г. владѣютъ дочери князя Ѳедора Васильевича Сибирскаго, княжны Александра и Наталья; въ 1828 г. домъ принадлежитъ гвард. капит. П. И. Яворскому, затѣмъ кол. совѣтницѣ В. А. Клаузенъ; въ 1851 г. надв. сов. А. П. Ефремовой; нынѣ женѣ д. с. с. А. П. Тарасовой.

16. Въ 1780 г. домъ капит. Ивана Васильевича Сурмина, оставался за Сурмиными болѣе 50 лѣтъ, значится въ 1848 году за кол. ассес. А. И. Аксеновой; въ 1864 г. принадлежитъ Е. И. Соколовой; въ 1870 г. Баварскому

подданному Х. Х. Рошъ; въ 1872 г. инжен. тит. сов. П. Б. Черниховскому, нынѣ купчихѣ А. С. Чемякиной.

17. Въ 1780 г. домъ тит. с. Семена Палладіевича Палладіева; въ 1803 г. дѣвицы О. Г. Страховой; въ 1813 г. купца Николая Плотникова; въ 1826 году мѣщанина В. Шераманова; въ 1846 г. купца Т. К. Калинина; въ 1861 г. генер.-маіора Николая Николаевича Сухотина; въ 1864 г. купца Н. М. Соколова; нынѣ жены камеръ-юнкера Е. А. Хотинской.

Переулокъ Дегтярный.

18. Въ 1793 г. домъ надв. сов. Ивана Андреевича Пименова; въ 1803 г. маіора А. И. Кучинскаго; въ 1817 г. купца А. Акимова; въ 1834 г. купца Щеглова; нынѣ поч. гражд. Е. К. Медвѣдникова.

19. Въ 1793 г. домовладѣлица полковница Прасковья Гавриловна Татищева; въ 1808 году купецъ Н. М. Бурцовъ; въ 1813 г. цѣховой Н. Ѳ. Медвѣдевъ; въ 1853 г. д. с. с. Всеволодъ Ивановичъ Козловъ; въ 1865 г. дочь его, жена гвардіи штаб. кап. С. В. Бурцева; нынѣ мѣщанинъ В. К. Любимовъ.

20. Въ 1803 г. домъ генер.-маіора Сергѣя Ивановича Мосолова; въ 1817 г. провинц. секр. П. М. Ратькова; въ 1845 г. надв. сов. П. М. Губина; въ 1863 г. дочери маіора, дѣвицы О. В. Карѣевой; нынѣ д. с. с. Константина Карловича Шильдбаха.

21. Въ 1793 г. домъ дочери канцеляриста Александры Яковлевны Гавриловой; въ 1813 г. тит. сов. Е. Алексѣева. За симъ это владѣніе дѣлится; въ 1834 г. часть его принадлежитъ г. Ратькову, въ 1836 г. купчихѣ Алексѣевой, въ 1847 г. г-ну Губину, въ 1856 г. штаб. кап. С. А. Чихачеву, въ 1863 г. ген.-маіору Павлу Алексѣевичу Ломоносову, нынѣ гг. Сколозубовымъ.

22. Другая часть въ 1834 г. принадлежитъ гвар. кап. Трегубовой; съ 1834 г. гг. Василининымъ.

Переулокъ Пименовскій.

23. Въ 1785 г. домъ д. с. с. Петра Егоровича Высоцкаго; въ 1803 г. лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика Сергія Ивановича Толстова; въ 1813 г. купчихи П. Ѳ. Милютиной; въ 1852 г. полковника Ивана Александровича фонъ-Визина; нынѣ супруги маіора Софьи Никитишны Бибиковой.

24. Въ 1793 г. секретаря Ивана Григорьевича Григорьева; въ 1813 г. ген.-маіор. Елисаветы Сергѣевны Текутьевой. Затѣмъ это владѣніе дѣлится, и съ 1823 г. принадлежитъ одна часть кол. сов. Петру Писемскому и сыну его Павлу Петровичу; а нынѣ поч. гражданкѣ Е. И. Клейнъ.

25. Другая часть, въ 1820 г., принадлежитъ ст. сов. Настасьѣ Ѳедоровнѣ Новиковой; въ 1851 г. тит. сов. Л. И. Щученко; ва 1869 г. женѣ полк. Ю. П. Колзаковой; нынѣ женѣ надв. сов. М. Т. Ролөдеръ.

26. Въ 1785 г. домъ вдовы кол. ассес., княгини Анны Алексѣевны Гундоровой; въ 1813 г. дочери ея, княжны Дарьи Андреевны; въ 1817 г. над. сов. С. Ѳ. Никифорова; въ 1822 г. кол. сов. Е. Г. Болтиной; въ 1836 г. Е. Н. Хитровой; въ 1846 г. отст. ротм. Н. Д. Нарышкина; въ 1848 г. губ. секр. А. Н. Волкова; въ 1861 г. жены маіора, княгини С. Н. Урусовой; въ 1865 г. поч. гражданки М. Ѳ. Пецъ; въ 1869 г. жены генер.-маіора Д. И. Щулепниковой; нынѣ поч. гражд. И. Г. Фирсанова.

27. Въ 1793 г. домъ купца Егора Аѳанасьевича Гнеушева; въ 1793 г. купца Семена Ивановича Жукова; въ 1813 г. куп. А. И. и П. И. Галкиныхъ. Затѣмъ эти оба владѣнія соединяются въ одно и принадлежатъ до 1852 г. купцамъ Галкинымъ; въ 1857 г. кол. ассес. Н. А. Макарову; нынѣ женѣ маіора М. М. Куроѣдовой.

VI. УЛИЦА ПЕТРОВКА.

Улица эта въ старину начиналась почти отъ самой церкви св. Пятницы Параскевы, что въ Охотномъ ряду. Направляясь мимо нынѣшняго Малаго театра, она принимала настоящее положеніе и оканчивалась у Землянаго города, Каретнымъ рядомъ. Площади передъ театромъ еще не было: на ней, какъ увидимъ далѣе, стояли церковь, обывательскіе дома и лавки.

ЛѢВАЯ СТОРОНА ПЕТРОВКИ ПО НАПРАВЛЕНІЮ ОТЪ КРЕМЛЯ.

1. Въ 1716 г. бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ; въ 1737 году внукъ его Алексѣй Ивановичъ, послѣдній князь Троекуровъ; въ 1751 г. дочь его вдова генералъ-маіора графа Владиміра Семеновича Салтыкова, Екатерина Алексѣевна; въ 1775 г. сынъ ихъ ген.-маіоръ, графъ Сергѣй Владиміровичъ Салтыковъ; въ 1793 г. надв. сов. Алексѣй Михайловичъ Юрьевъ; съ 1815 г. и по сіе время Домъ Московскаго Мѣщанскаго Общества. У Салтыкова была домовая церковь Пресвятыя Троицы; на наружной стѣнѣ этого дома и донынѣ находится образъ Живоначальныя Троицы.

2. Домъ дѣвицъ Волынскихъ и затѣмъ князя Василія Михайловича Долгорукаго-Крымскаго (см. Большую Дмитровку домъ 17-й).

Улица Большая Дмитровка.

3. Въ 1738 г. домъ маіора князя Александра Александровича Черкасскаго; въ 1782 г. гв. капитана Александра Александровича Арсеньева; въ 1793 г. г.-маіора Льва Денисовича Давыдова; въ 1802 г. полковн. Софьи Александровны Раевской; у нея купленъ Московскимъ публичнымъ театромъ; въ настоящее время принадлежитъ кол. совѣт. Н. П. Бронникову (см. Большую Дмитровку, домъ 1-й).

4. Въ 1782 г. домъ предсѣдателя Верхняго Надворнаго Суда, князя Ильи Борисовича Туркестанова; въ 1793 г. вдовы его, княгини Марьи Александровны; въ 1802 г. ген. поручика Александра Михайловича Лунина; въ 1806 г. аптекаря Богдана Яковлевича Ауэрбаха. Домъ этотъ отошелъ подъ Театральную площадь.

5. Въ 1765 г. домъ князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго; въ 1776 г. домъ и театръ Англичанина Михаила Егоровича Медокса. Въ 1802 г. владѣнія его, за долги Опекунскому Совѣту, переданы Воспитательному Дому; жилое помѣщеніе Медокса снесено, по приказу полиціи, въ 1791 году, а театръ въ 1806 г. поступилъ подъ начальство главнаго директора театральныхъ зрѣлищъ въ Петербургѣ, д. т. с. и оберъ-камергера, Александра Львовича Нарышкина и въ этомъ же году сгорѣлъ. Долго зданіе Петровскаго публичнаго театра оставалось неотдѣланнымъ; представленія давались на Моховой, въ домѣ В. А. Пашкова, гдѣ нынѣ университетская церковь, и въ построенномъ деревянномъ театрѣ у Арбатскихъ воротъ, на зем-

лѣ князя Хованскаго; когда же этотъ послѣдній въ 1812 г. сгорѣлъ, то давали представленія у Арбатскихъ воротъ, въ домѣ С. С. Апраксина, чтó нынѣ домъ 3-го Александровскаго военнаго училища, а потомъ, какъ увидимъ далѣе, начались представленія въ домѣ Варгина, гдѣ нынѣ Малый театръ. Въ 1821 г., Александръ Павловичъ утвердилъ проэктъ отстройки Петровскаго театра, составленный архитекторомъ Бове. Открытіе послѣдовало 6 Декабря 1825 г. Представленія начались «Прологомъ», сочиненіемъ М. А. Дмитріева, съ музыкою Алябьева и Верстовскаго и балетомъ Сандрильоною.

Въ Мартѣ 1853 г. Петровскій театръ вторично подвергся пламени. Архитектору Кавосу высочайше повелѣно было заняться отстройкою сгорѣвшаго зданія, и открытіе театра послѣдовало 20 Августа 1856 года, Италіянскою оперою Пуритане.

Разскажемъ здѣсь вкратцѣ исторію публичныхъ театровъ въ Москвѣ.

Въ 1701 г., по указу Петра I, подъячій Посольскаго Приказа Сергѣй Ляпуновъ и комедіантъ Иванъ Сплoвскій посланы были въ Данцигъ, для призыву комедіантовъ, оттуда они возвратились въ Москву съ 8 комедіантами, во главѣ которыхъ былъ Яковъ Куништъ. Начали строить на Красной площади комедіальную деревянную храмину, а пока давались представленія въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ генерала Лефорта. Куништу отданы были въ обученіе 12 человѣкъ Русскихъ изъ подъячихъ и посадскихъ людей. Въ 1705 г. мѣсто Куништа заступилъ комедіантъ Отто Форстъ, который съ своею труппою представлялъ Нѣмецкія комедіи и оперы, а Россійскіе актеры играли тѣже комедіи въ переводѣ и нѣкоторыя изъ сочиненныхъ на Русскомъ языкѣ. Въ 1742 г. Елисавета Петровна повелѣла отвести Нѣмецкой труппы комедіанту Зигмунду съ женою его Елисаветою подъ театральное строеніе мѣсто въ Новой Басманной, влѣво отъ Красныхъ воротъ, противъ Куракинской богадѣльни. Зданіе это, подъ названіемъ Деревянной Комедіи, сгорѣло въ 1753 г. Въ 1758 г. содержатель Итальянской компаніи Іоганъ Баптистъ Локателли выстроилъ оперный домъ на Красномъ прудѣ, и въ этомъ же году директоръ Петербургскаго Россійскаго театра, А. П. Сумароковъ, отправилъ изъ Петербурга актеровъ Волкова и Шумскаго въ Москву для устройства театра. Въ 1759 г. Русскіе актеры давали представленія въ Локателіевомъ театрѣ. Въ числѣ оперныхъ пѣвцовъ въ 1761 г. поименованы Итальянцы: Пріоръ съ женою, Спаленци, Мора, Фонетти, Клемента, Тоника, Ферoція и Гиршъ. Въ 1766 г. содержаніе Русскаго театра принялъ на себя полковникъ Николай Сергѣевичъ Титовъ, а содержаніе маскарадныхъ представленій Итальянцы Бельмонти и Чути. Театръ оставался въ распоряженіи Титова до 1769 г., а затѣмъ все перешло къ названнымъ Итальянцамъ; но какъ Локателіевскій театръ казнѣ не принадлежалъ и не могъ быть отданъ Бельмонти и Чути, то полиціею и отведено было имъ мѣсто для постройки театра между Покровскими и Мясницкими воротами, гдѣ была стѣна Бѣлаго города и лѣсной рядъ. Потомъ давали представленія въ домѣ графа Романа Илларіоновича Воронцова, на Знаменкѣ, чтó нынѣ домъ М. С. Бутурлиной. Затѣмъ принялъ театръ иностранецъ Гроти, къ которому вступилъ въ товарищи съ 1776 г. Московскій губернскій прокуроръ, князь Петръ Васильевичъ Урусовъ. Въ этомъ же году Гроти отдѣлился, и князь Урусовъ, уже одинъ, содержалъ въ Москвѣ публичный театръ «съ благопристойными въ удовольствіе публики увеселеніями, а также имѣлъ право давать концерты, воксалы и маскарады». Спус-

тя три мѣсяца, князь Урусовъ принялъ къ себѣ въ товарищи знакомаго уже читателямъ Англичанина Медокса, и они начали строить публичный Петровскій театръ. Въ 1780 г. Медоксъ остался одинъ строителемъ и содержателемъ театра. Дѣла его шли незавидно, обязательствъ съ казною онъ не могъ выполнить и просилъ князя А. А. Прозоровскаго оказать ему возможное содѣйствіе. Вотъ что отвѣчалъ главнокомандующій Медоксу: «Фасадъ вашего театра дуренъ, нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурной пропорціи; онъ представляетъ скорѣе груду кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течь, сквозь худую кровлю; вездѣ вѣтеръ ходитъ, и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и высочайше конфирмованному плану [2]): внизу нѣтъ сводовъ, нѣтъ опредѣленныхъ ходовъ; въ большую залу одинъ входъ и выходъ; въ верхній этажъ ложъ одна деревянная лѣстница; вверху нѣтъ бассейна, отъ чего можетъ быть большая опасность, въ случаѣ пожара. Кругомъ театра, вмѣсто положенной для разъѣзда улицы, деревянное мелочное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма посредственно; декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: въ ней нѣтъ резонанса; зимой ея не топятъ, оттого всѣ сидятъ въ шубахъ; когда топятъ—угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть два или три старыхъ; нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ и знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, что у васъ капельмейстеръ глухой и балетмейстеръ хромой. Изъ школы вашей не вышло ни пѣвца, ни пѣвицы, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ піесъ вы неудачны». Но нельзя не признать, что М. Е. Медоксъ былъ человѣкъ весьма предпріимчивый. Онъ имѣлъ еще въ Рогожской части, въ сосѣдствѣ съ Дурнымъ переулкомъ, воксалъ съ большою залою и регулярнымъ садомъ, при которомъ построено было нѣсколько домиковъ. Въ лѣтнее время здѣсь бывали публичныя собранія: для благородныхъ, два раза въ недѣлю, давали балы и представляли театральныя піесы. Воксалъ этотъ составлялъ собственность Медокса, пріобрѣтенную имъ въ 1783 г. у кол. ассес. Саввы Яковлева. Императрица Марія Өеодоровна, не желая оставить Медокса съ его семействомъ безъ пропитанія, повелѣла ему выдавать 3000 рубл. ежегодно по смерть его.

Кстати сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о другихъ бывшихъ въ Москвѣ, въ прошломъ вѣкѣ, зрѣлищахъ и увеселеніяхъ.

Въ 1756 году въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ генеральши Лицкиной, бывшій придворный волторнистъ Гольдритъ давалъ концерты, за входъ платили 1 рубль. 24 Іюня, въ праздникъ Рождества Предтечи, было гулянье на Трехъ Горахъ и особенно на состоящихъ вблизи славныхъ прудахъ князя Гагарина (нынѣ дача Студенецъ). У праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, 28 Іюля, какъ поутру для богомолія, такъ и послѣ полудня, было, по причинѣ весьма благопріятной погоды, чрезвычайное собраніе народу, и между тѣмъ великое множество въ богатыхъ уборахъ и великолѣпныхъ экипажахъ.

Въ 1757 году Апрѣля 3, между Мясницкими и Покровскими воротами, въ новопостроенномъ комедіальномъ домѣ, что у лѣснаго ряда, вновь прибывшій

---

[2]) Планъ дѣлалъ и театръ строилъ архитекторъ Розбергъ.

Англичанинъ эквилибристъ Михайло Штуардъ показывалъ искусство балансированія; начало въ 5 часовъ. Первое мѣсто 1 рубл., второе 50 к., третье 25 к.

Въ 1758 году Англійской шпрингеръ и позитурной мастеръ Бержъ, съ находящимися при немъ Француженками, показывалъ свое искусство въ домѣ, близъ Покровскихъ воротъ, въ лѣсномъ ряду.

Въ 1759 году оперистъ Локателли давалъ представленія и объявилъ особыми печатными листами. Французскій механикъ Петръ Дюмолинъ, жившій въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ дѣвицы Нагетъ, противъ дома графа Апраксина, показывалъ куріозныя самодѣйствующія машины: маленькая Бернская крестьянка, которая 6 лентъ вдругъ тчетъ такъ, что оныхъ отъ 18 до 20 дюймовъ въ минуту поспѣваетъ, а между тѣмъ играютъ куранты; машина сдѣланная канарейкою, которая такъ натурально поетъ, какъ живая; разныя движущіяся и перемѣняющіяся, весьма курьезныя и чрезвычайныя картины; картина, представляющая ландшафтъ, въ которомъ видны будутъ движущіяся изображенія дорожныхъ людей и воровъ и многіе работные люди, которые упражняются въ разныхъ вещахъ такъ натурально, какъ бы живые; другая картина представляетъ голову движущуюся, которой дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ. Русскій мужикъ, который голову и глаза движетъ такъ совершенно, что можно его почесть живымъ. Движущійся Китаецъ, который такъ хорошо сдѣланъ, что не можно вообразить, чтобъ то была машина; сіи послѣднія двѣ фигуры имѣютъ величину натуральную. Онъ также недавно окончилъ лягушку движущуюся, надъ которою онъ долгое время трудился. Сія лягушка знаетъ время на часахъ и показываетъ оное, плавая въ суднѣ. Сія машина есть самая совершенная, какую только можетъ искусство произвесть».

Іюня 16, въ Пятницу, въ оперномъ Московскомъ театрѣ, представлена была новая опера Графъ Карамели или Ночной барабанъ, начало въ $6^1/_2$ часовъ.

Въ 1761 году Голландскій кунштмастеръ Іозефъ Заргеръ, въ домѣ Грузинскаго царевича, что у Охотнаго ряда, представлялъ на масляницѣ свои куншты. Въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Чоглоковомъ домѣ, представлялъ особливые куншты маленькой человѣкъ 2-хъ футовъ и 5 дюймовъ; тамъ же и Голландскій кунштмейстеръ Заргеръ показывалъ штуки. На Дмитровкѣ, въ домѣ Алексѣя Петровича Трубникова, Итальянскія маріонеты или куклы въ 2 аршина представляли комедію «Храбрая и славная Юдиѳь».

Въ 1762 году близъ Никитскаго монастыря, въ домѣ купца Павла Телепнева, показывали маленькаго безногаго человѣка и его искусство съ разными удивительными штуками.

Въ 1763 году въ домѣ княгини Натальи Александровны Голицыной, на Срѣтенкѣ, въ приходѣ Введенія, бывали вольные маскерады, для удовольствія знатнаго дворянства и прочихъ жителей столицы; безъ маскераднаго платья и подлые [3]) люди впускаемы не были; съѣздъ начинался въ 7 часу вечера, за входъ платили 1 рубль.

Въ 1764 году при Покровскомъ дворцѣ, на катальную гору, для катанія и увеселенія по лѣтнему форсу, а на лѣтнемъ ходу, допускаемо было дворянство каждую недѣлю—въ Воскресенье, Вторникъ и Четвертокъ, а прочіе дни—

---

[3]) Т. е. простой народъ.

купечество. По высочайшему позволенію славный Англійскій берейторъ Батесъ, дошедшій до совершенства, какаго ни въ Англіи и нигдѣ еще никто не видалъ, показывалъ берейторское искусство; мѣсто, на которомъ происходило ристаніе, стояло на Красномъ прудѣ, за Локателіевымъ оперным домомъ; дѣйствіе начиналось въ 5 часу; билеты по 1 рублю можно было брать и заранѣе на Тверской, въ домѣ князя Черкасскаго, у Французскаго трактирщика; собакъ просили не проводить, дабы въ ѣздѣ не сдѣлать помѣшательства.

Противъ двора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, на Тверской, въ приходѣ Преображенія, въ домѣ князя Андрея Михайловича Голицына, у жены Шаберта де Тардія, можно было видѣть привезенную изъ Африки птицу страусъ, которая больше всѣхъ птицъ въ свѣтѣ, чрезвычайно скоро бѣгаетъ, распустя крылья, особливую имѣетъ силу въ когтяхъ, которая на бѣгу можетъ схватить камень и такъ сильно онымъ ударить, какъ-бы изъ пистолета выстрѣлено было; оная жъ птица ѣстъ сталь, желѣзо, разнаго рода деньги и горящіе уголья. За смотрѣніе благородные платили по своему изволенію, а съ купечества брано было по 25 коп.; простому же народу объявлялась цѣна при входѣ.

Въ 1765 году прибылъ великанъ, именемъ Бернардъ Жилли, уроженецъ города Тридента, ростомъ въ три аршина съ половиною, во всемъ съ пропорціональными членами и такой величины, что не найдено еще человѣка, который бы свободно не могъ проходить подъ его руку. Достопамятно, что онъ на десятомъ году не былъ ростомъ больше, какъ прочіе въ его лѣта отроки, а послѣ того началъ столь чрезвычайно рости; да и нынѣ, къ удивленію тѣхъ людей, кои при немъ неотлагательно находятся, все еще росту прибавляется. 21 Апрѣля 1765 года великанъ удостоился счастія представленъ быть и ея императорскому величеству въ Сарскомъ Селѣ. Сей великанъ квартиру свою имѣетъ въ Нѣмецкой Слободѣ, подлѣ Католицкой церкви, въ домѣ Ознобишина, а смотрѣть его можно по утру съ 11 по 2 часъ, а по полудни съ 4 по 9 часъ. Въ томъ же домѣ продается его портретъ, вырѣзанный на мѣди.

Въ Воскресенье, 20 Ноября 1765 г., былъ маскарадъ въ домѣ гр. К. Г. Разумовскаго, гдѣ коннаго полку секундъ-ротмистръ, бар. Александръ Никол. Строгановъ обронилъ съ руки перстень брилліантовый, въ срединѣ большой, осыпной вокругъ полукаратными каменьями, цѣною въ 2500 рублей.

Въ 1766 году, въ домѣ протодіакона Петра Андреева, въ Кремлѣ, близъ Тайницкихъ воротъ, у Малороссіянина Василія Ивановича Репкова, дочь его Александра, 3 лѣтъ отъ роду, играетъ на гусляхъ 12 штукъ сама собою, безъ всякаго притомъ отъ другихъ указыванія. Любопытные платятъ по 25 коп. съ персоны, также могутъ и въ домъ къ себѣ брать за особливую плату. Прибывшій въ Москву съ нѣкоторымъ числомъ большихъ и малыхъ собакъ, пріученныхъ къ разнымъ удивительнымъ дѣйствіямъ, Итальянецъ Іозефъ Юліанъ Швейцеръ, живущій въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ графа Скавронскаго, любопытствующимъ персонамъ повсядневно, кромѣ Воскресенія и Четверга, показывалъ собакъ разныя куріозныя дѣйствія; за смотрѣніе по рублю.

Въ 1767 году на Покровскихъ катальныхъ горахъ были увеселительныя забавы, на круглыхъ и веревочныхъ качеляхъ, каруселяхъ, качальной и сваичной фортуны; при горахъ въ трактирѣ было кушанье, чай, кофе, шоколадъ, Гданская и Французская водки, виноградныя питья, полпива и меды. Господинъ Тезіе, бывшій королевскій Французскій механикъ, изобрѣлъ новую машину, посредствомъ которой онъ показывалъ любопытства достойныя вещи,

которыя зрителей довольно приводятъ въ удивленіе; при чемъ также представлялъ онъ разныя въ Парижѣ и Версаліи, при выздоровленіи Французскаго и при бракосочетаніи Римскаго короля въ Вѣнѣ, бывшія иллюминаціи. Показывалъ онъ и мореплаваніе кораблей, которое потомъ, къ удивленію всѣхъ, превращалось въ прекрасную изъ свѣтлыхъ колеровъ состоящую живопись, а наконецъ въ пріятные сады, плоды, цвѣты и проч. Еще показывалъ онъ корабль, разбившійся, по причинѣ жестокой бури, при островѣ Мартиникѣ, объ скалу, на которую человѣкъ изъ помянутаго корабля былъ выброшенъ и три мѣсяца питался камушками, проглатывая разныя каменья, данныя ему для ѣствы. Механикъ жилъ у Красныхъ воротъ, въ домѣ князя Трубецкаго, у Французскаго трактирщика М. Аттона. Съ каждой персоны брато по 25 коп., а знатнымъ персонамъ ничего не предписывалось, но оставлялось на ихъ щедрость, сколько каждая пожаловать соизволитъ.

Въ 1768 году на угожденіе публики, 29 Апрѣля, представлена была на придворномъ театрѣ, въ другой разъ, трагическая опера въ трехъ актахъ, именуемая Артаксерксъ. Въ оной оперѣ стихотворство Майкова, музыка Керцелія, состоящая изъ пяти огромныхъ хоровъ. Оркестръ составленъ былъ изъ самыхъ лучшихъ здѣшнихъ музыкантовъ и пѣвчихъ. За входъ брато было обыкновенною цѣною, а ежели кто желалъ получить особливую ложу, то благоволилъ бы прислать заблаговременно, дабы неудовольствія изъ того не воспослѣдовало.

Въ 1769 году, въ саду его свѣтлости графа Сиверса, состоящемъ близъ церкви Богоявленія Господня, что въ Ѣхаловѣ, имѣютъ быть увеселенія подъ присмотромъ Жоржа и Куровскаго, на подобіе славныхъ Лондонскихъ, Парижскихъ и Вѣнскихъ садовыхъ гульбищъ.

*

Продолжаемъ перечисленіе домовъ улицы Петровки.

6. Въ 1802 г. домъ купца Андрея Ѳедоровича Мешеховцева; впослѣдствіи присоединяется къ сосѣднему владѣнію С. А. Хомякова.

Въ 1799 г. домъ купца Григорія Аѳанасьевича Рогожина, и въ этомъ же году переходитъ во владѣніе къ гвардіи поручику Степану Александровичу Хомякову (отцу писателя). Въ настоящее время принадлежитъ его племенникамъ губерн. секр. И. В. и С. В. Хомяковымъ.

Переулокъ Кузнецкій.

7. 1785 г. лейбъ-гвардіи прапорщикъ А—ръ А—ровичъ Бахметевъ; въ 1786 г. лейбъ-гвардіи капитанъ А—ръ Никанор. Анненковъ. Затѣмъ это владѣніе дѣлится, и одна часть въ настоящее время принадлежитъ ст. сов. Владиміру и гвардіи полковнику Николаю Сергѣевичамъ Михалковымъ.

8. Другая половина въ 1793 г. значится за сестрою А. Н. Анненкова, с. с. А—рою Никанор. Елагиной; въ 1838 г. домъ этотъ переходитъ къ тит. сов. Н. И. Дорошевичу; въ 1840 г. къ купцамъ Кононовымъ, а теперь принадлежитъ почет. гражд. И. А. Рудакову.

9. Домъ церкви Рождества въ Столешникахъ.

10. Домъ священника этой церкви.

Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы что въ Столешникахъ.

Переулокъ Столешниковскій.

11. Въ 1775 г. прапорщикъ Николай Васильевичъ Плаховъ; въ 1793 г. гвар. кап. Петръ Михайловичъ Власовъ; въ 1814 г. шталмейстеръ, д. камергеръ, князь Василій Петровичъ Голицынъ; въ 1844 г. поручица, княгиня Вѣра Гавриловна Долгорукова; въ 1845 г. кол. ассес. И. А. Рѣшетниковъ; въ 1853 г. сынъ его Рафаилъ Ивановичъ; нынѣ почет. гражд. С. Н. Рожновъ.

12. Въ 1787 г. домъ купца Василія Маркова; въ 1829 г. купц. Болдыревыхъ и Вешняковой; затѣмъ мѣщанки Д. Е. Скорняковой; нынѣ П. Д. Перевощикова.

13. Въ 1765 г. домъ корнета Николая Ѳедоровича Овцына; въ 1814 г. жены его, ротм. Н. Ѳ. Овцыной; въ 1817 г. дѣвицы Е. Н. Овцыной; въ 1838 г. купчихи Овцыной; въ 1848 г. аптекаря И. Б. Ауэрбаха, нынѣ кол. сов. А. Ѳ. Форбрихера.

14. Въ 1793 г. домъ купца Самсона Шемякина; въ 1852 г. купчихи А. А. Прохоровой; нынѣ купца А. Е. Соколова.

15. Въ 1780 г. домъ купца Григорія Александровича Кирьякова; въ 1837 г. премьеръ-маіора Павла Ѳедоровича Коробанова; въ 1859 г. гвар. пор., графини Екатерины Николаевны Татищевой; нынѣ поч. гражд. И. М. Кабанова.

Переулокъ Богословскій.

16. Въ 1793 г. домъ купчихи Авдотьи Поповой; въ 1833 году купца Михаила Павловича Губина, къ владѣнію котораго присоединился и домъ Поповой, а въ 1852 г. принадлежалъ сыну Губина, кол. сов. Павлу Михайловичу; въ 1862 г. маіору Николаю Александровичу Рахманову; нынѣ дочери его, женѣ надв. сов. Екатеринѣ Николаевнѣ Самариной.

17. Подворье Высокопетровскаго монастыря, пожалованное въ 1699 г., по указу царскому.

Мѣстность, гдѣ находилась стѣна Бѣлаго города и въ ней Петровскіе ворота.

Въ 1793 г. домъ купца Кирилы Васильева, въ послѣдствіи отошелъ подъ проѣздъ.

18. Въ 1716 г. загородный домъ бригадира, князя Богдана Ивановича Гагарина; въ 1757 г. племянника его, камергера, князя Сергѣя Васильевича Гагарина; въ 1793 г. сына его, дѣйствительнаго камергера, князя Сергѣя Сергѣевича; въ 1803 г. сыновей его камеръ-юнкера князя Николая и малолѣтнаго князя Сергѣя; князьямъ Гагаринымъ домъ принадлежалъ болѣе ста лѣтъ. Затѣмъ онъ купленъ въ казну, и въ 1833 г. въ немъ помѣщена Екатерининская больница, учрежденная Екатериною II въ 1775 году. Здѣсь имѣлъ свое помѣщеніе, передъ 1812 годомъ, Англійскій клубъ.

Переулокъ Успенскій.

19. Въ 1745 г. домъ капрала Ѳедора Васильевича Зиновьева; въ 1793 г. вдовы его Анны Васильевны; въ 1822 г. крестьянина Василія Терентьева; въ 1851 г. купца А. Е. Егорова; въ 1858 г. отст. маіора И. Г. Фохта; нынѣ почет. гражд. А. Н. Щекиной.

Далѣе слѣдуетъ Каретный, въ старину Телѣжный рядъ, занятый лавками съ экипажами.

31*

ПРАВАЯ СТОРОНА ПЕТРОВКИ ПО НАПРАВЛЕНІЮ ОТЪ КРЕМЛЯ.

Съ 1781 г. Охотный рядъ, съ каменными лавками, въ которыхъ торгуютъ живностью.

Церковь обыденная Нерукотвореннаго Образа Спасова, на Житной площадкѣ, что у Поль, у Охотнаго ряду, что у Мучнаго ряду, съ придѣломъ Св. Анастасіи Узорѣшительницы, по которому она и называлась; стояла между теперешними домами Сенатской типографіи и Бронникова, разобрана въ 1793 году. Затѣмъ шли дома церковнаго причта.

20. Питейный дворъ, что слыветъ Петровское кружало; занималъ онъ довольно большое пространство, а именно: въ длину 40 саж., въ заднемъ концѣ 11, въ переднемъ 13 саженъ [1]). Въ настоящее время строенія этого двора разобраны, и мѣсто отошло подъ Театральную площадь.

21. Въ 1765 г. дворъ сына Санктъ-петербургскаго оберъ-коменданта, генералъ-маіора Александра Николаевича Зиновьева; въ 1781 г. брата его, камеръ-юнкера Василія Николаевича; въ 1819 г. пустопорожняя земля въ двухъ участкахъ, изъ нихъ одинъ отданъ кол. сов. И. Т. Таманскому, а затѣмъ этотъ и слѣдующій участокъ значатся за Серпуховскимъ купеческимъ сыномъ, Васильемъ Васильевичемъ Варгинымъ; на первомъ участкѣ имъ возведено каменное зданіе и въ немъ театръ; съ 1824 г. въ немъ начали давать императорскіе актеры свои представленія, а впослѣдствіи домъ этотъ купленъ у Варгина дирекціею императорскихъ театровъ и названъ Малымъ театромъ.

22. Въ 1785 г. домъ генералъ-маіора и Главнаго Кригсъ-Коммисаріата члена, князя Василія Өедоровича Сибирскаго; въ 1819 г. пустопорожее мѣсто; въ 1826 г. значится оно за вышеупомянутымъ В. В. Варгинымъ; въ 1858 г. домъ Марьи Сергѣевны Эйхлеръ; нынѣ почет. гражд. П. Ө. Купчинскихъ.

23. Проулочная земля къ театру, внизу Софійской улицы; въ 1840 г. отдана дѣйств. стат. сов., князю Михаилу Николаевичу Голицыну, подъ выстройку галлереи съ магазинами; нынѣ принадлежитъ поч. гражд. Голофтѣеву.

Церковь Словущаго Воскресенія, что въ Старыхъ богадѣльняхъ, близъ Кузнецкаго моста, и дома церковнаго причта; церковь упразднена въ 1813 и разобрана въ 1816 году.

24. Въ 1821 г. земля эта продана д. т. с. Дмитрію Павловичу Татищеву, извѣстному дипломату нынѣшняго вѣка. Въ 1852 г. домъ достался племяннику его камергеру Павлу Сергѣевичу Татищеву; въ 1858 г. женѣ чиновн. 9 класса М. С. Эйхлеръ; нынѣ поч. гражд. Г. Г. Солодовникову.

Улица Кузнецкій мостъ, въ старину Кузнецкая; въ настоящемъ наименованіи она сохраняетъ память объ мостѣ, сперва деревянномъ, а съ 1754 г. каменномъ, который перекинутъ былъ чрезъ рѣку Неглинную, а теперь покрытъ мостовою.

---

[1]) См. книга по 2 командѣ прапор. Баженова и поруч. Угрюмова 1738 г. въ Арх. IV Округа Путей Сообщ. въ Москвѣ.

Въ 1785 г. два владѣнія: графа Ивана Иларіоновича Воронцова, въ 1793 г. граф. Ирины Ивановны, урожденной Измайловой, супруги графа Ил. И. Воронцова. Затѣмъ эти владѣнія дѣлятся на нѣсколько частей, а именно:

25. Въ 1814 г. домъ купца С. Столбкова; въ 1852 г. поч. гражд. И. Г. Евдокимова; нынѣ вдовы капитана З. И. Шориной.

26. Въ 1814 г. домъ купца Ф. И. Риса; съ 1833 г. купца Ф. В. Депре.

27. Въ 1814 г. казенный домъ для гражданскихъ губернаторовъ; въ 1845 г. отст. подпор. Н. П. Воейкова; въ 1848 г. А. Н. Старикова; въ 1860 г. почетн. гражд. Н. О. Осипова; нынѣ почет. гражд. И. Г. Фирсанова.

28. Въ 1808 г. домъ Санктпетербургскаго купца Николая Варѳоломеевича Дефаржа; въ томъ же году надв. сов. Марьи Антоновны Раевской. Въ 1841 г. владѣніе это дѣлится на три части: одна часть остается за дочерью М. А. Раевской, дѣвицею Зинаидою Дмитріевной (впослѣдствіи по мужу Кашкаровой), нынѣ домъ принадлежитъ поч. гражд. Е. Д. Матвѣевой.

29. Вторая часть, въ 1841 г., переходитъ къ сыновьямъ М. А. Раевской: полковнику Самсону и гвардіи поручикамъ Дмитрію и Артемію Дмитріевичамъ Раевскимъ, теперь за Московскимъ Городскимъ Кредитнымъ Обществомъ.

30. Третья часть, въ 1841 г., состоитъ во владѣніи дочери М. А. Раевской, дѣвицы Клеопатры Дмитріевны Раевской, а въ настоящее время принадлежитъ женѣ почет. гражд. М. С. Волковой.

31. Въ 1775 г. домовладѣлецъ бригадиръ Петръ Степановичъ Протасовъ; въ 1805 г. гвард. поруч. Николай Петровичъ Титовъ. У Титовыхъ домъ находится около 70 лѣтъ, въ настоящее время принадлежитъ Товариществу Петровскихъ торговыхъ линій.

32. Въ 1793 г. домъ тайнаго сов., князя Алексѣя Ивановича Гагарина; въ 1805 г сына его, д. тайн. сов., князя Ивана Алексѣевича; въ 1814 г. полковн. князя Николая Александровича Касаткина-Ростовскаго; нынѣ жены кол. сов. С. О. Левенсонъ.

Переулокъ Рахмановскій находится между Петровкою и Неглиннымъ проѣздомъ; названъ, какъ увидимъ сейчасъ, по домовладѣльцу. Назывался онъ Глухимъ, такъ какъ упирался въ берегъ рѣки Неглинной и Грязнымъ, по своему топкому грунту; таковымъ онъ былъ почти цѣлую сотню лѣтъ и лишь года два тому назадъ, посредствомъ дренажа, приведенъ въ надлежащую прочность.

33. Въ 1775 г. домъ генер. поруч. Петра Васильевича Хитрова; въ 1805 г. дочери его, дѣвицы Варвары Петровны; въ 1814 г. ген.-маіора Павла Александровича Рахманова, давшаго названіе сосѣднему переулку; въ 1849 г. дѣйст. ст. сов. Аркадія Алексѣевича Альфонскаго; нынѣ кол. секр. Сергѣя Васильевича Пенскаго.

34. Въ 1765 г. домъ поручика, князя Сергѣя Ивановича Одоевскаго; въ 1814 г. губ. секр. Екатерины Дурновой; въ 1826 г. кол. ассес. Г. И. Дурново; въ 1852 г. поруч. А. А. Кондратьевой; въ 1856 г. дѣйст. стат. сов. Александры Петровны Дурново; нынѣ тит. сов. Г. П. Лазарика.

Переулокъ Крапивинскій, начинается отъ улицы Петровки и доходитъ до Петровскаго бульвара; названъ, какъ надобно полагать, отъ бывшихъ здѣсь

пустырей, заросшихъ крапивою; прежде онъ назывался Старый Серебреницкій, по дворамъ жившихъ здѣсь серебрениковъ.

Высокопетровскій мужской монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ, въ нынѣшнемъ видѣ является въ первые годы царствованія Петра I, въ то время когда онъ принялъ подъ сѣнь свою прахъ усопшихъ Нарышкиныхъ, царскихъ сродниковъ.

Мѣсто бывшей стѣны Бѣлаго города.

35. Въ 1826 г. домъ купца Н. А. Иванова; въ 1845 г. мѣщан. Н. А. Ершова; въ 1865 г. гвар. штаб. кап. М. В. Неронова; нынѣ купца А. А. Макарова.

36. Въ 1821 г., домъ мѣщ. А. И. Снопова; въ 1835 г. купца Н. С. Цыганова; въ 1859 г. куп. Н. П. Прокофьева; нынѣ купца Т. С. Борисова.

37. Въ 1793 г. домъ священника Михаила Онуфріева; въ 1837 г. крестьянина М. Иванова; нынѣ мѣщ. И. А. Андреева.

38. Въ 1793 г. купца Степана Лягина; въ 1817 г. полков. А. В. Аргамакова; нынѣ отст. штабсъ-капит. К. П. Засѣцкаго.

Переулокъ Знаменскій названъ по церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, что на Пескахъ, на Трубѣ, въ Колзаковѣ полку.

39. Въ 1716 г. загородной домъ стольника, князя Ивана Ивановича Щербатова; въ 1725 г. сына его, морскаго флота мичмана, князя Алексѣя Ивановича; въ 1785 г. сына послѣдняго, премьеръ-маіора, князя Григорія Алексѣевича; въ 1814 г. тайнаго совѣтника Петра Васильевича Мятлева; въ 1826 г. казармы военно-рабочаго баталіона; въ настоящее время домъ принадлежитъ городу и носитъ названіе Петровскихъ казармъ, въ которыхъ помѣщается жандармскій дивизіонъ.

Переулокъ Средній Спасскій названъ по церкви Спаса Преображенія, что на Пескахъ, къ которой онъ направляется.

40. Въ 1818 г. Полицмейстерскій домъ, купленный у купцовъ Зотовыхъ; нынѣ жены ротмистра П. Н. Нѣмчиновой.

Переулокъ Малый Спасскій.

41. Въ 1785 г. домъ тайнаго совѣтника, сенатора, Александра Андреевича Ржевскаго; съ 1803 г. принадлежитъ поч. гражд. Марковымъ.

Каретный рядъ съ лавками для продажи экипажей.

Въ нашемъ описаніи находятся два загородныхъ дома: одинъ князя Гагарина, другой князя Щербатова. Въ средоточіи столицы было двѣ дачи со всѣми удобствами загородной жизни. Изъ этого мы можемъ заключить, какъ разрослась Москва въ теченіи 160 лѣтъ. Дома вельможъ, для лѣтняго ихъ пребыванія, находились напр. въ Зубовѣ и Бронной, а Дѣвичье поле, въ 1761 г., окружено было дворами князей Хилковыхъ, Черкасскихъ-Егуповыхъ, Голицыныхъ, Трубецкихъ, Тюфякиныхъ, бояръ Татищевыхъ, Нарышкиныхъ, Головиныхъ, Апраксиныхъ, Паниныхъ, Засѣцкихъ, Докторовыхъ [1]). Все это было тогда, когда столица наша, такъ сказать, не переѣзжала еще въ Петербургъ, когда въ городѣ дышали чистымъ воздухомъ въ жилищахъ, окруженныхъ садами. Теперь понятно, отъ чего, сто лѣтъ тому назадъ, не насчитывалось и десяти дачъ въ Сокольникахъ и въ Петровскомъ паркѣ.

Алексѣй Мартыновъ.

---

[1]) Межевая Книга 1761 г. № $\frac{340}{402}$

Родословная Отрепьевыхъ.

Появившаяся въ Русскомъ Вѣстникѣ 1877 года (кн. 10 и 11) любопытная статья П. С. Казанскаго: „Изслѣдованіе о личности перваго Лжедмитрія“, доказывающая, что первый самозванецъ Смутнаго Времени былъ дѣйствительно Отрепьевъ, даетъ поводъ обнародовать любопытную „Родословную Отрепьевыхъ“, найденную нами въ одной изъ рукописей Воскресенскаго монастыря (Родословная Книга, письма XVII столѣтія въ ¼ долю листа).

А. Л.

*

№ по порядку.	*А) Нелидовы.*	№ отцовскій.
1.	Владиславъ съ Нилка Нелидовской, въ православной вѣрѣ Владиміръ Нелидовской. Въ лѣто 6888 (1380), при великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ Московскомъ и Донскомъ, какъ ему были въ помощь Мамаева побоища Литовскіе князи Олгердовичи, изъ воинства князя Дмитрея Олгердовича остался на Москвѣ мужъ знатенъ короны Польскія, имя ему Владиславъ съ Нилка Нелидовскій, и великій князь Дмитрей Ивановичъ далъ ему помѣстья въ Боровскомъ уѣздѣ, въ Суходольскомъ стану, село Никольское съ деревнями, и Владиславъ то село по прозванію своему назвалъ Нилскимъ, и учалъ онъ Владиславъ писатися Нелидовымъ.	
2.	Георгій, по прозванью Юрья	1.
3.	Андрѣй	2.
4.	Данила, бездѣтенъ	2.
5.	Борисъ	3.
6.	Сила, бездѣтенъ	3.
7.	Давидъ	5.
	Въ лѣто 7005 (1497), при великовъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, царя Ивана Васильевича прадѣдѣ, Давидъ Борисовъ сынъ Нелидовъ отъ великаго князя по прилучаю [1]) названъ Отрепьевымъ.	
	А отъ выѣзду по названіе Давидово были въ Нелидовыхъ 116 лѣтъ.	
	Б) Отрепьевы.	
8.	Иванъ	7.
9.	Тимофей, прозвище Фарисей	7.
10.	Ѳедоръ	7.
11.	Игнатій	8.
12.	Иванъ	8.
13.	Матѳей	8.

---

[1]) Т. е. случайно.

Лѣта 7050 (1542) при царѣ Иванѣ Висильевичѣ, Игнатій и Иванъ Ивановы, дѣти, что писалися Отрепьевыми, изъ Боровска переведены въ Угличь, а Матѳей въ Галичь.

14. Андрѣй въ лѣто 7061 (1553) убитъ подъ Казанью . . . . 11.
15. Сурменъ, имя ему Георгій [2]) бездѣтенъ . . . . 12.
Въ лѣто 7117 (1609) въ Литовское разореніе былъ на Устюжнѣ Желѣзополской и городъ Устюжну отъ Литовскихъ людей отсидѣлъ.
16. Шереметъ, имя ему Иванъ . . . . 12.
17. Образецъ, имя ему Климентъ, бездѣтенъ. . . . . . . 12.
А служили они (№ 15, 16, и 17) при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ по Угличу, въ первой статьѣ.
18. Замятня, имя ему Елеазаръ. . . . . 13.
19. Иванъ . . . . 14.
Служилъ въ житьѣ [3]) въ царство царя Ивана Васильевича и въ царство царя Ѳеодора Ивановича и въ царство царя Михаила Ѳедоровича; а при царѣ Василіѣ Ивановичѣ отъ Польскихъ людей прострѣленъ на Ходынкѣ дважды, и за Московское сидѣнье изъ помѣстья ему дано въ вотчину село Новинки съ деревнями въ Углицкомъ уѣздѣ, въ Новосередецкомъ стану.
20. Бориславъ, имя ему Богданъ . . . . 16.
21. Смирной, имя ему Никита, бездѣтенъ . . . . 18.
Посыланъ былъ при царѣ Борисѣ въ Литву на обличеніе Ростриги, а во 116 (1608) онъ же Смирной посыланъ былъ съ полкомъ изъ Дмитрова къ Троицѣ къ боярину князю Григорію Долгорукому, и велѣно быть съ нимъ бояриномъ и воеводою у Троицы.
22. Ѳотпѳей, прозвище Петръ, имя ему Лукьянъ . . . . . 18.
23. Богданъ, имя ему Тихонъ, бездѣтенъ . . . . 18.
24. Ѳедоръ большой служилъ по Московскому списку . . . 19.
25. Ѳедоръ меньшой, убитъ подъ Конотопомъ (1659 г. Іюня 28), служилъ въ житьѣ. . . . . 19.
26. Гришка Отрепьевъ Рострига (Лжедмитрій, царствовалъ на Москвѣ съ 20 Іюня 1605 по 17 Мая 1606 года). При Ростригѣ Отрепьевы: Смирной Никита (№ 21), Сурменъ Ивановъ сынъ (№ 15), Иванъ Ондрѣевъ сынъ (№ 19), Петръ (№ 22) и иные ихъ сродники за обличеніе сосланы были въ разные Сибирскіе города (но потомъ, какъ видно изъ сей же родословной, были возвращены) . . . . 20.
27. Прокопій . . . . 22.
28. Михайла. 22.

---

[2]) Почти до самаго XVIII столѣтія Русскіе люди, всѣхъ сословій безъ исключенія, имѣли свои народныя прозванія, замѣнявшія или лучше сказать покрывавшія имя данное при крещеніи, «прямое, крещеное имя», отъ *порчи*. Такъ наприм., въ Сvнодикѣ Перемышльскаго Лютикова монастыря, ктиторъ его, извѣстный бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ записанъ такъ: «Богданъ, а крещеное имя ему *Іовъ*». *А. Л.* Мы знаемъ изъ семейныхъ преданій и по запискамъ Нащокина, что двойныя имена давались и во второй половинѣ XVIII вѣка. *П. Б.*

[3]) Т. е. въ жильцахъ.

29. Иванъ, отъ Польскихъ и отъ Турскихъ людей на разныхъ боехъ израненъ во многихъ мѣстѣхъ и въ полону былъ дважды, былъ въ полковникахъ, а нынѣ [4]) стольникъ . . . . 24.
30. Филиппъ, убитъ, отъ Польскихъ людей въ приходъ къ Смоленску гетмана Паца. . . . . 24.
31. Симеонъ, стольникъ и полковникъ . . . . . 24.
32. Алексѣй, стряпчій и пожалованъ въ стольники . . . . 24.
33. Василій, служилъ по Московскому списку . . . . . . 25.
34. Иванъ, взятъ въ полонъ въ Крымѣ съ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ. . . . . 27.
35. Тимоѳей } убиты подъ Конотопомъ (въ 1659) . . . . . 28.
36. Богданъ } . . . . 28.
37. Аѳанасій на томъ же бою израненъ . . . . 28.
38. Емельянъ } . . . . 33.
39. Ѳедоръ } служатъ въ житьѣ . . . . 33.
40. Василій } . . . . 33.
41. Семенъ . . . . 35.
42. Василій . . . . 36.
43. Алексѣй . . . . 36.
44. Григорій. 36.
45. Петръ. . . . . 37.

Отъ лѣта 7005 (1497) по 7179 (1671) были въ прозваніи Отрепьевы 174 лѣта.

А во 179 (1671) году блаженныя памяти великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ писаться Ѳедору Иванову сыну Отрепьеву (№ 24 или 25) и сродникамъ его прежнимъ прозваніемъ Нелидовыми, и его великаго государя имянной указъ записанъ въ розрядѣ въ записную книгу.

Сообщилъ архимандритъ Леонидъ.

Ноябрь
1877 года.

---

[4]) Въ концѣ XVII столѣтія.

Письмо И. Ѳ. Крузенштерна къ О. М. Рибасу.

(на случай войны съ Англіею).

Monseigneur!

Quoique je n'aye pas encore l'avantage d'être connu personnellement de votre excellence, je prends la respectueuse liberté de m'adresser à elle. J'ose être persuadé que celui qui par un haut mérite et par un long et glorieux service tant a contribué au salut de la Russie daignera agréer cette lettre avec indulgence, surtout comme elle ne me regarde pas personnellement.

J'ai voué ma vie au service de mon auguste Monarque, trop heureux d'avoir des occasions de montrer un zèle sans bornes pour sa gloire. Voilà, monseigneur, le seul motif de cette lettre. Ayant servi pendant six ans par ordre de sa majesté impériale dans la marine anglaise, ayant passé la première partie de ce temps dans l'Amérique et l'autre dans les Indes Orientales et dans la Chine, j'ai eu l'occasion d'acquérir quelques connaissances du commerce anglais et de leur marine. En cas d'une guerre avec cette nation, il sera de la plus grande importance de nuire autant qu'il est possible à ce commerce qui est la seule source de leurs richesses. C'est sous ce point de vue que je propose à destiner au commemencent du mois de Mai une escadre de deux vaisseaux de ligne et de quelques frégates doublées de cuivre, qui parviendra aux hauteurs des isles Azores autour de l'Ecosse où il n'y a point de croisseurs anglais. C'est là le passage ordinaire des flottes retournantes au mois de Juillet et d'Août des Indes Orientales et Occidentales et de la grande mer du Sud. Je sçais par ma propre expérience que le convoi de ces vaisseaux est toujours faible et ne consiste rarement plus que dans un ou deux vaisseaux de guerre. Il ne faudra pas s'amuser à faire des prises chemin faisant pour n'exciter de l'ombrage; mais à l'arrivée on s'arrêtera seulement à prendre ces grands vaisseaux qui retournant des Indes et de la Chine ont chacun la valeur de $1^1/_2$ ou 2 millions de roubles; car ceux d'une petite importance doivent être coulés à fond. Autour de l'Ecosse il n'y a point d'escadres anglaises, il n'y a rien à craindre de quelques de leurs frégates qui pourraient nous rencontrer; car les soit-disant flying squadrons se reduisent à des frégates stationnées seulemeut aux côtes de l'Irlande et de la France. La prise de quelques vaisseaux de cette importance, qui sera immanquable, dédommagera même de la perte de toute no-

tre petite escadre. En Europe les ports de la France et de l'Espagne, les isles de l'Amérique et Canaries donneront un asyle et tous les besoins possibles à notre escadre. C'est dans ces ports qu'on attendra le temps favorable pour le retour en Russie, et le voyage même nous donnera de nouvelles occasions à faire des prises. Les Anglais auront trop tard connaissance de notre expédition: ou nous serons déjà dans un port ou nous avons changé les parages pour croiser. Mais nos vaisseaux resteront toujours dans les latitutes où nous pourrions rencontrer des vaisseaux ennemis, comme par exemple, pour les vaisseaux qui vont aux Indes Orientales et Occidentales, à l'hauteur de Madère, au vent de Barbade et sur l'Equateur. Les Français ont rarement tenté de telles expéditions, puisque leurs flottes ont été toujours blocquées; mais chacun de leurs essais a été couronné du plus heureux succès, comme par exemple sous le commandement de leurs grands hommes de mer Duguay-Trouin et Thurot. Les Anglais ne supposeront jamais une telle entreprise de notre part, et la sécurité de leur part donne des heureuses espérances pour l'exécution.

Cette entreprise qui comblera de gloire notre flotte, quand même elle n'aura pas autant des succès qu'on pourra s'en attendre, doit être confiée à un homme ferme, resolu et plein de connaissances nautiques. Nous en avons plusieurs dans notre flotte. Je m'estimerais très-heureux de servir sous leurs ordres dans une telle expédition.

Voilà, monseigneur, l'exposé d'un plan dont l'importance et la possibilité m'a donné la hardiesse de la présenter à votre excellence. En le soumettant à votre sage discernement, j'ai encore à supplier que votre excellence veuille bien avoir la grâce de m'accorder le pardon de ma hardiesse.

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments de la plus haute vénération et du plus profond respect,

Monseigneur,

De votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur

Krusenstern.

Capitaine-lieutenant et commandeur du cutter Neptune.

Reval, le 5 Decembre 1801.

Переводъ. Милостивѣйшій государь! Не удостоясь еще лично быть извѣстенъ вашему превосходительству, я принимаю смѣлость почтительнѣйше писать къ вамъ, въ увѣренности, что тотъ, кто высокимъ достоинствомъ, долгою и славною службою такъ много способствовалъ къ благоденствію Россіи, снисходительно отнесется къ этому письму, тѣмъ паче, что оно не касается меня лично. Я посвятилъ жизнь мою службѣ моего августѣйшаго Монарха и слишкомъ счастливъ, что мнѣ представлялись случаи оказать безпредѣльное усердіе къ его славѣ. Вотъ, милостивѣйшій государь, единственный поводъ этого письма. По указу Его Императорскаго Величества проведя шесть лѣтъ въ Англійской морской службѣ и находившись первую половину этого

времени въ Америкѣ, а въ теченіи второй въ Восточной Индіи и въ Китаѣ, я имѣлъ возможность нѣкоторымъ образомъ ознакомиться съ Англійскою торговлею и морскимъ дѣломъ. Въ случаѣ войны съ этимъ народомъ, будетъ чрезвычайно важно вредить всячески этой торговлѣ, единственному источнику его богатства. Въ этихъ видахъ я предлагаю назначить, въ началѣ Мая, эскадру изъ двухъ линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ обшитыхъ мѣдью фрегатовъ, съ тѣмъ чтобы она, обогнувъ Шотландію, отправилась на высоту Азорскихъ островóвъ, гдѣ нѣтъ Англійскихъ крейсеровъ и гдѣ обыкновенно проходятъ суда, возвращающіяся въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ изъ Восточной и Западной Индій и изъ большаго Южнаго моря. Я по собственному опыту знаю, что конвой этихъ кораблей бываетъ всегда слабый и рѣдко состоитъ болѣе чѣмъ изъ одного или двухъ военныхъ кораблей. На пути не слѣдуетъ забавляться захватываньемъ призовъ, чтобы тѣмъ не возбудить подозрѣнія; но по приходѣ ограничиться взятіемъ только этихъ большихъ кораблей, изъ которыхъ каждый, возвращаясь изъ Индіи и изъ Китая, представляетъ собою цѣнность въ $1^1/_2$ или въ 2 милліона рублей; суда же меньшей важности надо просто потоплять. Вокругъ Шотландіи вовсе не имѣется Англійскихъ эскадръ; фрегаты же ихъ, которые могутъ съ нами повстрѣчаться, не должны внушать опасенія, потому что такъ называемые flying squadrons состоятъ исключительно изъ фрегатовъ, расположенныхъ у береговъ Ирландіи и Франціи. Захватъ нѣсколькихъ кораблей такой важности, неминуемо долженствующій произойти, вознаградитъ насъ, если бы даже наша маленькая эскадра погибла. Въ Европѣ порты Франціи и Испаніи, Американскіе и Канарскіе острова будутъ служить мѣстами убѣжища для нашей эскадры и снабдятъ всѣмъ нужнымъ. Въ этихъ портахъ придется ожидать благопріятнаго времени для возвращенія въ Россію, а на пути намъ представятся новые случаи брать призы. Англичане слишкомъ поздно узнаютъ о нашемъ походѣ: мы уже будемъ въ какомъ нибудь портѣ или перемѣнимъ мѣсто и станемъ крейсировать. Но суда наши всегда будутъ находиться на той широтѣ, гдѣ можно встрѣтиться съ непріятельскими кораблями, какъ наприм. на высотѣ Мадеры, по направленію къ Барбаду *) и подъ Экваторомъ, чтобы встрѣтиться съ кораблями, идущими въ Восточную и Западную Индіи. Французы рѣдко отваживались на такіе походы, потому что суда ихъ находились постоянно въ блокадѣ; но ихъ попытки въ этомъ отношеніи всегда увѣнчивались благополучнѣйшимъ успѣхомъ, напр. подъ командою ихъ знаменитыхъ моряковъ Дюге-Труеня и Тюро. Англичанамъ не придетъ въ голову, чтобы мы пошли на такое предпріятіе, и безпечность ихъ подаетъ намъ счастливую надежду на исполненіе. Если даже и не будетъ такого успѣха, какого можно ожидать, во всякомъ случаѣ предпріятіемъ этимъ прославится нашъ флотъ. Оно должно быть ввѣрено человѣку твердому, рѣшительному и исполненному познаній въ морскомъ дѣлѣ. У насъ во флотѣ есть нѣсколько человѣкъ такихъ, и я почту себя счастливымъ служить подъ ихъ начальствомъ въ этомъ походѣ.

Вотъ, милостивѣйшій государь, изложеніе плана, представляемаго мною вашему превосходительству. Важность онаго и возможность исполненія подали мнѣ къ тому поводъ. Повергая его на мудрое ваше разсмотрѣніе, прошу ваше превосходительство милостиво простить мнѣ мою смѣлость. Имѣю честь быть

---

*) Одинъ изъ принадлежащихъ Англіи Антильскихъ острововъ.

съ чувствами величайшаго почитанія и съ глубочайшимъ уваженіемъ, милостивѣйшій государь, вашего превосходительства нижайшій и послушнѣйшій слуга Крузенштернъ, капитанъ-лейтенантъ и командиръ кутера «Нептунъ».

Ревель, 5 Декабря 1800.

Замѣчательное письмо это написано въ то время, когда Россія находилась наканунѣ войны съ Англіею. Сношенія съ нею были прекращены. Уже приготовлялся походъ въ Индію, и съ наступленіемъ весны должны были съ обѣихъ сторонъ начаться непріязненныя дѣйствія. Въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ самымъ дѣятельнымъ лицомъ очутился принятый (съ 30-го Октября 1800 г.) снова на службу и опредѣленный къ исправленію Кронштадскихъ укрѣпленій адмиралъ Рибасъ, искусившійся еще при Екатеринѣ въ отважныхъ и изворотливыхъ предпріятіяхъ. 12 Ноября 1800 г. ему велѣно было „присутствовать въ Адмиралтействъ-коллегіи въ помощь вице-президента (т. е. графа Г. И. Кушелева) при его мѣстѣ“ (см. Военные Приказы 1800 года, стр. 297). Въ это время въ Ревелѣ находился тридцатилѣтній отважный капитанъ-лейтенантъ Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ (1770—1846), впослѣдствіи знаменитый мореплаватель, совершившій кругосвѣтное путешествіе въ 1803—1806 годахъ, и въ царствованіе Николая Павловича (1827—1842) бывшій директоромъ Морскаго Корпуса. Онъ еще въ 1799 году подавалъ проэктъ объ оживленіи торговли съ Русскою Америкою. Узнавъ въ Ревелѣ о назначеніи Рибаса въ Адмиралтействъ-коллегію, Крузенштернъ поспѣшилъ обратиться къ нему съ вышенапечатаннымъ письмомъ; но до него еще не успѣло дойти извѣстіе, что Рибасъ 2-го Декабря 1800 года внезапно скончался. Такимъ образомъ письмо Крузенштерна не могло дойти по назначенію. Любопытно, что этой же мысли держится В. А. Римскій-Корсаковъ (Яхта, Мартъ 1878 года). П. Б.

Письмо Харьковскаго губернатора Норова къ архимандриту Василію Базилевичу.

Получено Августа 10 дня, посему того-жъ Августа и подана требуемая вѣдомость.

Преподобный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой! Его свѣтлость высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій требовать изволитъ обстоятельнаго объ училищѣ Харьковскомъ свѣдѣнія, и коль далеко успѣваютъ ученики въ знаніи Латинскаго языка, съ котораго повелѣнія препровождая при семъ копію, ваше высокопреподобіе покорно прошу доставить ко мнѣ о Харьковскомъ духовномъ училищѣ требуемое свѣдѣніе для отправленія къ его свѣтлости.

Есмь въ протчемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, покорный слуга Дмитрій Норовъ.

Августа 9 дня 1787 года.

*

Ордеръ господину генералъ-поручику, Харьковскаго намѣстничества правителю и кавалеру Норову.

Копія. Полученъ 9-го дня Августа 1787 года.

Предписываю вашему превосходительству доставить ко мнѣ немедленно обстоятельное свѣдѣніе объ училищѣ Харьковскомъ: какія

именно преподаются въ ономъ науки, сколько учащихъ и учащихся и послѣдніе какъ далеко успѣваютъ, особливо-жъ въ знаніи Латинскаго языка; присовокупите къ сему увѣдомленіе о суммѣ на то училище положенной и о содержаніи, какое получаютъ всѣ чины къ оному принадлежащіе.

На подлинномъ подписалъ: Князь Потемкинъ-Таврическій.
Съ подлиннымъ читалъ: Секретарь Василій Антоновичъ.

Іюля 28 дня 1787 года
Кременчугъ.

Примѣчаніе. Письмо и ордеръ извлечены изъ одного рукописнаго сборника XVIII в., переданнаго мною въ настоящее время въ Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи. Архимандритъ, къ коему обращено письмо Норова, долженъ быть ректоръ Харьковскаго Коллегіума Василій Базилевичъ. Намъ неизвѣстно, для чего князю Потемкину понадобились свѣдѣнія о Харьковскомъ училищѣ и особенно объ успѣхахъ учениковъ его въ Латинскомъ языкѣ. О самомъ губернаторѣ Харьковскомъ Норовѣ можно читать, между прочимъ, въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древн. при Моск. Унив., 1876 г. кн. 2-я (стр. 254, 255) во «Всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ и письмахъ графа П. А. Румянцева-Задунайскаго», который отзывается о немъ Государынѣ съ особенною похвалою.

Левъ Мацѣевичъ.

Двѣ Замѣтки В. М. Еропкину.

Въ Р. Архивѣ настоящаго 1878 года помѣщены Воспоминанія В. М. Еропкина. Въ нихъ вкрались двѣ неточности, на которыя я, ради исторической вѣрности, считаю необходимымъ указать.

1.

Въ примѣчаніи на стр. 178, по поводу разсказа о генералѣ Бистромѣ и участіи л. гв. егерскаго полка въ Турецкой войнѣ 1828 года, говорится о потерѣ, понесенной этимъ полкомъ, и ниже слѣдуетъ выноска слѣдующаго содержанія: «благодаря своему полковому командиру, Поляку Залускому». Графъ Залускій полкомъ не командовалъ, и ему только временно былъ порученъ отрядъ, назначенный для рекогносцировки. Главную силу этого отряда составлялъ лейбъ-егерскій полкъ; командиромъ же полка въ то время былъ генералъ Гартингъ, не пожелавшій оставить полкъ, поступившій подъ команду младшаго и павшій въ этой не только неудавшейся, но гибельной рекогносцировкѣ. Несчастное это дѣло происходило недалеко отъ Варны, 10 Сентября 1828 года; измѣна-ли, не пониманіе-ли дѣла, или трусость начальствовавшаго отрядомъ полковника графа Залускаго были причиною гибели большой части полка, объ этомъ говорятъ разно. Впервыя болѣе подробный разсказъ объ

этомъ дѣлѣ мнѣ довелось слышать отъ одного изъ участниковъ битвы, въ то время лейбъ-егерскаго офицера, а въ послѣдствіи Владимірскаго гражданскаго губернатора, покойнаго Е. С. Тилечѣева; печатный же и весьма обстоятельный разсказъ также старѣйшаго изъ лейбъ-егерей, П. А. Степанова, помѣщенъ въ Русской Старинѣ 1876 г. т. XV, стр. 364; разсказъ этотъ озаглавленъ: «Подъ Варною 10 Сентября 1828 г.» И такъ графъ Залускій напрасно сопричисленъ къ доблеспымъ командирамъ храбрыхъ лейбъ-егерей, тогда какъ онъ таковымъ никогда не былъ. Какія комбинаціи послужили къ порученію ему значительнаго отряда, предназначеннаго для рекогносцировки, достовѣрно мнѣ неизвѣстно, равно и отвѣтственность, которую онъ понесъ за гибель ввѣренныхъ ему войскъ. Только въ Р. Архивѣ 1877 (III, 442) встрѣчается краткое извѣстіе о его дальнѣйшей судьбѣ. По разсказу неизвѣстнаго лица, графъ Залускій, во время возстанія 1831 года, былъ однимъ изъ рьяныхъ предводителей Польскихъ легіоновъ, во время же заграничнаго похода нашихъ войскъ въ 1849 году проживалъ въ Галиціи, въ принадлежавшихъ ему замкахъ, откуда былъ взятъ по распоряженію покойнаго фельдмаршала князя Варшавскаго, разжалованъ въ Иванъ-городѣ и выпровоженъ опять за границу. Этимъ прекращаются о немъ всякія свѣдѣнія.

2.

Вторая неточность въ самомъ текстѣ Воспоминаній Е. М. Еропкина. Говоря объ Остроленскомъ боѣ, онъ упоминаетъ объ генералѣ Мартыновѣ, увлекшемъ за собою гренадеръ, по полусгорѣвшему мосту чрезъ Наревъ; вслѣдъ же за фамиліею Мартынова помѣщены въ скобкахъ слова «лишившійся глаза», такъ что выходитъ, какъ будто бы генералъ Мартыновъ получилъ эту тяжелую рану въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ онъ былъ тяжело раненъ съ потерею глаза не при Остроленкѣ, а позднѣе, именно наканунѣ взятія Варшавы, при штурмѣ «Воли». Обстоятельство это подтверждается тѣмъ, что Остроленская битва происходила 14 Мая 1831 года; а храбрый командиръ Астраханскаго и Суворовскаго полковъ, какъ извѣстно, былъ также однимъ изъ героевъ знаменитаго штурма, происходившаго 25 Августа 1831 года. Будучи весьма тяжело раненъ при Остроленкѣ, онъ не могъ бы принять участія въ позднѣйшемъ дѣлѣ. Ссылаюсь на «Исторію Польскаго возстанія Смита» въ перев. Квитницкаго, т. III. стр. 494.

Викторъ Герцыкъ.

Муромъ
12 Марта 1878 г.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 159-й и 380-й. Тихонъ Алексѣевичъ (а не Александровичъ) Ярославовъ вступилъ въ службу въ 1761 году, бригадиръ 1-го Янв. 1786 г., поручикъ правителя Саратовскаго намѣстничества (т.-е. Саратовскій вице-губернаторъ) съ 1788 по 1792 годъ. Въ 1807 году уже значится умершимъ. Супруга его Екатерина Александровна Павлова (родная сестра княгини Марьи Александровны Львовой), р. 10-го Мая 1770 г. † 9-го Апрѣля 1851 г. Единственный ихъ сынъ, ст. сов. Алексѣй Тихоновичъ Ярославовъ р. 12-го Февраля 1796 г. † 21-го Іюля 1856 г.

*

Къ стр. 173-й. Матвѣй Васильевичъ Муромцевъ не былъ намѣстникомъ Тульскимъ, а только правителемъ Тульскаго намѣстничества, что̀ соотвѣтствовало нынѣшней должности гражданскаго губернатора. Намѣстникомъ-же Тульскимъ былъ (въ то время, когда служилъ тамъ М. В. Муромцевъ) М. Н. Кречетниковъ.

*

Къ стр. 254-й. Въ стихахъ С. Т. Аксакова слѣдуетъ вмѣсто: «Но будетъ, отвратимъ свой скорбный взоръ», «Но будетъ, отвратимъ свой оскорбленный взоръ».

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1878 Г.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

*

*

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1878 ГОДА.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

реній Пушкина. Разсказы объ Ярославской старинѣ Л. Н. Трефолева. Записка графа С. Р. Воронцова о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

*

1877 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки Г. С. Винскаго. Взятіе Карса въ 1828 (изъ Записокъ Н. Н. Муравьева). Бумаги контръ-адмирала Истомина. Очерки и воспоминанія князя П. А. Вяземскаго. Старая Записная Книжка. Записки графа А. И. Рибопьера. Цѣна 3 рубля.

1877 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записка графа Гордта о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ. Записки гр. А. И. Рибопьера. Н. И. Второвъ, статьи М. Ө. Де-Пуле. Самаринъ-ополченецъ. А. П. Елагина. Разсказы Толычовой. Цѣна 3 рубля.

*

1877 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Разсказы о Французской революціи князя А. М. Бѣлосельскаго. Записки короля Людовика XVIII-го объ его жизни въ Россіи. Дневникъ гр. А. Г. Бобринскаго. Записки декабриста П. И. Фаленберга. Депеши изъ Парижа кн. А-я Б. Куракина. Разсказы графа М. А. Мамонова. Цѣна 3 руб.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ 1878.

Правительственныя распоряженія. Восточный вопросъ и Задунайская славянщина (Окончаніе) П. Кулиша. Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій. Д. Цвѣтаева. Жизнь Патрика Гордона и его дневникъ А. Г. Брикнера. Русско-византійскіе отрывки. В. Г. Васильевскаго. Наша педагогическая литература. П. Коломбуса. Отчетъ отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ за 1877 годъ. Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани (Окончаніе). О государственныхъ экзаменахъ въ Германіи и Австріи А. И. Георгіевскаго. Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній. Observationes rhetoricae in Demosthenem. Ioannes Luniák. О словѣ Epodus. Э Верта. По поводу мнимаго вліянія размѣра на образованіе формъ Гомеровскаго языка. П. Мейера. Библіографія: Андріанка (Andria) П. Теренція А. (P. Terentii A.). Изъ академическихъ чтеній по каѳедрѣ Латинской словесности. *Д. Подъурскимъ* Р. Фохта.

Приложеніе: Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи Е. Шмида.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки 12 руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 руб. 50 к., съ пересылкой въ другіе города 13 р. 75 к. (въ томъ числѣ 55 к. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1868, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ 6 руб., за отдѣльныя книжки журнала—по 50 к. за книжку.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года изъ двѣнадцати книжекъ какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Адресъ: *Въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній—10 копѣекъ.

(О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива см. на внутренней сторонѣ обертки).

Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.